

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

1

СОЧИНЕНИЯ

А. Н. Островский

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Кострома
Костромаиздат
2018

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СОЧИНЕНИЯ

1843—1854

Кострома
Костромаиздат
2018

УДК 821.161.1»18»
ББК 83.3/2=411.2/5-8 Островский
О-77

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-112-00051, не подлежит продаже

Редакционная коллегия:

**И. А. Овчинина (главный редактор), В. В. Тихомиров (зам. главного редактора),
Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, Л. В. Чернец**

Тексты подготовили и комментарии написали:

**Е. Н. Белякова, А. А. Виноградов, Н. Л. Ермолаева, К. Ю. Зубков,
Н. В. Капустин, Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, И. А. Овчинина,
В. В. Тихомиров, Л. В. Чернец**

Редакторы тома:

Ю. В. Лебедев, И. А. Овчинина, В. В. Тихомиров

Островский, Александр Николаевич.

О-77 Полное собрание сочинений и писем : в 18 т. / А. Н. Островский ;
редкол.: И. А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. — Кострома : Кострома-
издат, 2018.

ISBN 978-5-98295-100-7

Т. 1. Сочинения. 1843—1854. — 2018. — 846 с. : ил.

ISBN 978-5-98295-101-4

В первый том включены сочинения А. Н. Островского 1843—1854 годов, выверенные по сохранившимся рукописным и печатным источникам. Специальный раздел составили редакции и варианты. В комментариях сообщаются сведения об истории создания произведений, приводятся оценки литературной и театральной критики, современной А. Н. Островскому, содержатся данные об особенностях сценической интерпретации пьес, объясняются факты, события, специфические слова и выражения. Творчеству драматурга этого периода посвящена статья Ю. В. Лебедева и И. А. Овчинины.

Издание адресовано научным работникам, деятелям культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А. Н. Островского.

УДК 821.161.1»18»

ББК 83.3/2=411.2/5-8 Островский

На фронтисписе — портрет А. Н. Островского кисти В. Г. Перова (1871)

ISBN 978-5-98295-101-4 (т. 1)
ISBN 978-5-98295-100-7

© Овчинина И. А., составление, статья, комментарий,
2018

© Лебедев Ю. В., составление, статья, 2018

© Тихомиров В. В., составление, комментарии, 2018

© Коллектив авторов, подготовка текстов, комментарии,
2018

© Оформление. ООО «Костромаиздат», 2018

ОТ РЕДАКЦИИ

История публикаций собраний сочинений А. Н. Островского отражает специфику его работы над текстами как драматурга, пишущего прежде всего для сцены, отношение его к издательскому процессу, а также проблемы автора с цензурой. Сам Островский часто признавался в неумении вести издательские дела. Но причина трудностей заключалась не в «неумелости» автора, а в первую очередь в том, что он был больше озабочен хлопотами, связанными с постановкой пьес на сцене, с подбором актёров. Много волнений доставляла ему и театральная цензура, становившаяся частым тормозом на пути от драматургического текста к спектаклю. Печатание же своих сочинений Островский доверял посредникам.

Для драматурга первой «публикацией» его очередной пьесы была премьера спектакля; в журнал, как правило, отправлялась писарская копия произведения. Завершив работу над нею, автор с помощью переписчиков готовил текст в нескольких экземплярах (для цензуры, московского и петербургского театров и для печати). Писари невольно вносили в текст мелкие искажения, которые он не замечал при беглом просмотре копий. Далее совершали новые ошибки типографские наборщики, а Островский, даже читая корректуры, иногда пропускал возникшие искажения и тем самым как бы подтверждал эти изменения. Кроме того, отсылая пьесу в журнал, писатель нередко вовсе не читал её корректуру, доверяя это дело своим петербургским друзьям — С. В. Максимова или И. Ф. Горбунову. Точно так же он устранился от участия в работе над последующими переизданиями своих произведений, передоверяя это приятелям.

Собрания сочинений выходили при жизни драматурга, но бесспорно установлено, что лишь для первого издания (Сочинения А. Островского. Т. 1—2. СПб.: Изд. гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, 1859) Островский специально пересмотрел и исправил тексты ранних пьес (комедию «Свои люди — сочтёмся!») — вопреки своей воле, под давлением цензуры).

Второе издание вышло в свет лишь в 1867—1870 гг., когда Островский заключил договор с петербургским издателем и книгопродавцем Д. Е. Кожанчиковым (Сочинения А. Н. Островского. Т. 1—5. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1867—1870). При этом дополнительный и ещё не распроданный двухтысячный тираж внёс неурядицу в сам порядок второго издания. В 1867 г. вышли 3-й и 4-й тома, как бы в продолжение того, что уже было опубликовано в первом издании. В 1868 г. Кожанчиков, не желая повторять тексты первого издания, опубликовал 1-й и 2-й тома с новым составом. Наконец, в 1870 г. вышел 5-й том. Издание это отличалось нарушением хронологии, а также очевидной неполнотой, ибо произведения, вышедшие в первом издании, во второе не вошли.

В 1872 г., при содействии Н. А. Некрасова, Островский заключил с петербургским издателем и книгопродавцем С. В. Звонарёвым договор на третье издание собрания своих сочинений в 7 томах. Но в 1873 г. Звонарёв отказался от договора с Островским, а Некрасов предложил заключить с ним и А. А. Краевским договор на 8-томное собрание сочинений. Этот договор был заключён 21 декабря 1873 г., и уже в следующем году в типографии А. А. Краевского все восемь томов были выпущены в свет. Дополнительный к этому изданию 9-й том вышел в 1878 г. в издательстве книжного магазина Ф. И. Салаева.

Наконец Островскому удалось заключить договор с петербургским книгоиздателем Н. Г. Мартыновым, который осуществил четвёртое издание (Полное собрание сочинений А. Н. Островского в 8 томах. СПб.: Изд. Н. Г. Мартынова, 1885) и дополнительно выпустил два тома драматических переводов (1886). Здесь впервые был опубликован не искажённый по требованиям цензуры текст комедии «Свои люди — сочтёмся!» — по рукописной копии первой редакции пьесы или по оттиску первой публикации из журнала «Москвитянин».

Во всех этих изданиях Островский активного участия не принимал, ограничиваясь выражением согласия на их выпуск. По просьбе автора редакционной подготовкой занимались С. В. Максимов, И. Ф. Горбунов и другие, которые читали корректуры и вносили порой в текст те или иные мелкие изменения в репликах и ремарках, руководствуясь, по-видимому, театральной практикой и традицией постановки. Эти изменения, авторизация которых сомнительна, дошли до нас в прижизненных изданиях.

После смерти драматурга вышли в свет два издания 10-томного собрания его сочинений (СПб.: Изд. В. Думнова, 1890 и 1896), причём без критической проверки текстов. Фактически они повторяли издание Н. Г. Мартынова.

Важной вехой явилось Полное собрание сочинений А. Н. Островского в 10 томах под редакцией М. И. Писарева (СПб.: Изд. «Просвещение», 1904—1905), дополненное двумя томами драматических сочинений А. Н. Островского, Н. Я. Соловьёва и П. М. Невежина (СПб., 1909). Впервые в печатные тексты Островского редактором был внесён ряд исправлений по рукописям и первым журнальным публикациям. В предисловии к 10-му тому М. И. Писарев указывал, что он предлагает читателям «безусловно верный текст», признанный автором и «уже не подлежащим изменению».

После революции 1917 г. было выпущено четыре многотомных собрания произведений Островского.

В Сочинениях в 11 томах (Пг.; Л., 1919—1926) под редакцией Н. Н. Долгова (тома 1—10), а также Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева (том 11) работа по выверке текстов не проводилась. Второму изданию сочинений Островского предшествовали научные публикации отдельных его произведений, дневников и эпистолярного наследия: Дневники и письма. Театр Островского / под ред. Вл. Филиппова; ст. и коммент. Н. П. Кашина. М.; Л.: Academia, 1937; Сочинения / ред., коммент. и биогр. очерк Н. П. Кашина; вступ. ст. А. Г. Цейтлина. М.: Гослитиздат, 1937; О театре. Записки, речи и письма / общ. ред. и вступ. ст. Г. И. Владыкина; примеч. К. Д. Муратовой. Л.; М.: Искусство, 1941; Записки замоскворецкого жителя. (Черновые тексты). Текстологический коммент. Л. М. Лотман // Труды отдела новой русской литературы. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 123—142.

Достоинством Полного собрания сочинений в 16 томах (М.: Гослитиздат, 1949—1953) является специальная критическая подготовка текстов. В состав его вошло всё известное к тому времени наследие Островского. Кроме пьес, в нём опубликованы прозаические произведения, избранные переводы, статьи, речи о литературе и театре, а также дневники и письма. Собрание сочинений в 10 томах под редакцией А. И. Ревякина, Г. И. Владыкина и В. А. Филиппова (М.: Гослитиздат, 1959—1960) исправило некоторые текстологические промахи предыдущего 16-томного издания, однако эта работа не была проведена в нём систематически и до конца.

Значимым событием стало выпущенное в связи со 150-летием со дня рождения драматурга полное собрание сочинений в 12 томах под общей редакцией Г. И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина, В. И. Маликова, А. Д. Салынского, Е. Г. Холодова (М.: Искусство, 1973—1980). В это издание впервые включены переделки комедий иностранных драматургов («Пока», «Добрый барин» и др.), а также рукопись «Замечательные русские простонародные рассказы...», многочисленные заметки о театре. Кроме того, опубликованы письма Островского к жене (М. В. Островской) и неизвестные ранее письма к Н. А. Некрасову, А. Н. Серову и другим лицам, что составляет примерно пятую часть всего донныне известного эпистолярного наследия писателя. В приложениях к томам приводятся другие редакции и варианты пьес, когда они имеют самостоятельный художественный или историко-литературный интерес (вторые редакции пьес «Воевода», «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», варианты подцензурной редакции комедии «Свои люди — сочтёмся!», первопечатные варианты пьес «Бедная невеста», «Волки и овцы», «Богатые невесты», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Последняя жертва» и др.). В целях установления точного авторского текста специалистами-текстологами были изучены все рукописные и печатные источники. Сличение их позволило выявить значительное число искажений, проникших в публикации сочинений Островского ещё при жизни автора и с тех пор переходивших из издания в издание. При подготовке был учтён опыт предшествующих изданий. В комментариях приводятся сведения по истории текста каждой пьесы, отзывы современной драматургу литературной критики, даётся краткая сценическая история прижизненных постановок пьесы и отзывы театральных рецензентов. Собрание сочинений включает все законченные оригинальные пьесы Островского и пьесы, написанные им в сотрудничестве с Н. Я. Соловьёвым, П. М. Неvejeиным, а также статьи и речи о литературе и театре, очерк «Записки замоскворецкого жителя».

После выхода в свет этого издания был подготовлен в двух книгах 88-й том «Литературного наследства» (А. Н. Островский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1974), в котором в разделе «Неизданная переписка Островского» представлены многочисленные письма драматурга к различным адресатам. В последние годы были опубликованы найденные произведения Островского: оперное либретто «Сват Фадееч» (А. Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. 2.: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. Шуя: ШГПУ, 2008. С. 260—299) и статья «<О танце в Испании>» (Там же. С. 300—306).

Научные коллективы, ранее работавшие над собраниями сочинений Островского, проделали большую работу, заслуживающую уважения, так как благодаря их усилиям современный читатель может познакомиться с основным корпусом произведений драматурга. Однако до настоящего времени нет такого издания, в котором были бы собраны воедино все произведения драматурга, включая переводы и переделки, оперные либретто, статьи, письма. Кроме того, со временем появляется потребность в издании, в котором были бы устранены различные искажения и неточности, — издании, включающем в себя новые, развёрнутые комментарии, написанные с учётом достижений науки об Островском.

В настоящем полном собрании сочинений и писем А. Н. Островского представлены все известные произведения драматурга, все его сохранившиеся письма к разным адресатам.

В основу публикации сочинений положен жанрово-хронологический принцип с отдельными случаями отступления, оговорёнными в комментариях. В четырнадцати томах собраны художественные произведения, статьи, рецензии, речи, путевые заметки, литературные записи, дневники, словарь. Произведения располагаются в хронологическом порядке — по времени написания или, если дата не установлена, по времени первой публикации. Печатаются они, как правило, по последнему авторизованному изданию с учётом тех исправлений, которые были сделаны Островским в рукописных источниках, в авторизованных писарских копиях, а также текстологами, работавшими над созданием других собраний сочинений, в отдельных случаях — по первым публикациям. Редакция сочла необходимым в отдельные тома выделить исторические пьесы, переводы и переделки, пьесы, написанные в соавторстве с другими драматургами, оперные либретто, статьи, выступления, речи, заметки. Произведения, не напечатанные при жизни автора, публикуются в приложениях. В четырёх томах помещены письма.

Впервые в истории изучения произведений Островского для настоящего издания был составлен полный список редакций и вариантов их текстов и дан их свод, что позволило проследить весь процесс создания произведения, от зарождения замысла до завершённого текста, и расширить представления о характере художественного смысла пьесы. Варианты к текстам приводятся по всем сохранившимся автографам и по прижизненным изданиям.

В научных комментариях, имеющих концептуальный характер, отражена история создания этих пьес, особенности драматургической системы Островского в историко-литературном контексте, освещены творческие связи драматурга с периодическими изданиями, проанализированы и систематизированы многочисленные отклики в литературной и театральной критике, в том числе и рецензии на любительские спектакли. В сравнении с предыдущими изданиями, обновлён, расширен и дополнен текстологический, историко-литературный и реальный комментарий. При этом был соблюлён принцип преемственности: учтены и в сжатом виде представлены итоги предшествующего этапа изучения каждого произведения драматурга. В комментарий, который дополнен отсылками к статьям энциклопедии «А. Н. Островский», внесены новые сведения об историко-литературном и историко-культурном контексте произведений Островского, о критических и театрально-критических интерпретациях произведений драматурга.

Коллектив исследователей, работавший над созданием полного собрания сочинений и писем А. Н. Островского, выражает глубокую благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, Российскому фонду фундаментальных исследований, сотрудникам Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки, Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Отдела рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Спецбиблиотеки Государственного академического Малого театра, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива литературы и искусства.

СОЧИНЕНИЯ

(1843—1854)

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

ЛИЦА

АНТИП АНТИПЫЧ ПУЗАТОВ, купец, 35 лет.

МАТРЁНА САВИШНА, жена его, 25 лет.

МАРЬЯ АНТИПОВНА, сестра Пузатова, девица, 19 лет.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА, мать Пузатова, 60 лет.

ПАРАМОН ФЕРАПОНТЫЧ ШИРЯЛОВ, купец, 60 лет.

ДАРЬЯ, горничная Пузатовых.

Комната в доме Пузатова, меблированная без вкуса; над диваном портреты, на потолке райские птицы, на окнах разноцветное драпирование и бутылки с настойкой.

У окна, за пальцами, сидит Марья Антиповна.

Марья Антиповна *(шёёт и поёт вполголоса)*.

Чёрный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил навсегда.

(Задумывается и оставляет работу.) Вот уж и лето проходит, и сентябрь на дворе, а ты сиди в четырёх стенах, как монашенка какая-нибудь, и к окошку не подходи. Куда как антиресно! *(Молчание.)* Что ж, пожалуй, не пускайте! запирайте на замок! тиранствуйте! А мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в монастырь, разоденемся, а сами в Парк отличимся либо в Сокольники. Надо как-нибудь на хитрости подыматься. *(Работает. Молчание.)* Что ж это нынче Василий Гаврилыч ни разу мимо не прошёл?.. *(Смотрит в окно.)* Сестрица! Сестрица! Офицер едет!.. Поскорей, сестрица!.. С белым пером!

Матрёна Савишна *(вбегает)*. Где, Маша, где?

Марья Антиповна. Вот, посмотрите.

Смотрят обе.

Кланяется. Ах какой!

Прячутся за окно.

Матрёна Савишна. Какой хорошенький!

Марья Антиповна. Сестрица, посидимте здесь: может быть, назад поедет.

Матрёна Савишна. И, что ты, Маша! Приучишь его, он и будет каждый день по пяти раз мимо ездить. После с ним и не

развяжешься. Уж я этих военных-то знаю. Вон Анна Марковна приучила гусара: он ездит мимо, а она поглядывает да улыбается. Что ж, сударыня моя он в сени верхом и въехал.

Марья Антиповна. Ах, страм какой!

Матрёна Савишна. То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москве пошла... *(Смотрит в окно.)* Ну, Маша, Дарья идёт. Что-то она скажет?

Марья Антиповна. Ах, сестрица, как бы она маменьке не попалась!

Вбегает Дарья.

Дарья. Ну, матушка Матрёна Савишна, совсем было попалась! Бегу я, сударыня, на лестницу, а Степанида Трофимовна прямёхонько так-таки тут и была. Ну, за шёлком, мол, в лавочку бегала. А то ведь она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Марья Антиповна. Да они-то что ж?

Дарья. Да! Кланяться приказали. Вот, сударыня, прихожу я к ним: Иван Петрович на диване лежит, а Василий Гаврилыч на постели... или, бишь, Василий Гаврилыч на диване. Табаком накурили, сударыня, — не продохнёшь просто.

Матрёна Савишна. Да что говорили-то?

Дарья. А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали, этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы беспрерывно приезжали, хоть и дождик будет, всё бы приезжали.

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!

Матрёна Савишна. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего-с?

Марья Антиповна. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек почитать; дескать, барышня просит.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего?.. Ах, сударыня! Я было и забыла совсем. Иван-то Петрович приказывал: да скажи, говорит, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорит, на вольном воздухе.

Матрёна Савишна. Хорошо, хорошо, привезём!

Дарья *(подходит к Матрёне Савишне и говорит вполголоса)*. Да ещё, Матрёна Савишна, Василий-то Гаврилыч говорит Ивану Петровичу: конечно, говорит, твоё дело другое и, говорит,

Матрёна Савишна женщина замужняя... ну, и всё такое... А Марья-то Антиповна, говорит, девушка... не то чтобы что либо что. А это, говорит, полагать надо, баластво одно. И, говорит, того и гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадут. А выходит, говорит, хлопотать не из чего. Не то что насчёт чего... ну, сами понимаете... А я, говорит, человек бедный... Кабы жениться, я, говорит, не прочь. Да, говорит, не с нашим рылом да в калачный ряд. Это Василий-то Гаврилыч Ивану Петровичу говорит. Твоё, говорит, дело другое. Матрёна Савишна женщина замужняя... с чиновником всё может случиться... зима, говорит... ну, и шуба енотовая. Как ни на есть...

Матрёна Савишна. Ах ты, дура! А ты бы сказала, что, мол...

Дарья *(прислушиваясь)*. Никак, матушка, сам приехал... *(Подходит к окну.)* Так и есть. На крыльцо лезет.

Матрёна Савишна. Ну, так ты уже сбегай, когда будем чай пить.

Дарья. Слушаю-с.

Голос из передней: «Жена! А жена! Матрёна Савишна!»

Матрёна Савишна. Что там?

Антип Антипыч *(входит)*. Здравствуй!.. А ты думала, бог знает что!

Целуются.

Поцалуй ещё... *(Заигрывает.)*

Матрёна Савишна *(жмётся)*. Полно дурачиться-то, Антип Антипыч! Перестань! Э! Как тебе не стыдно!

Антип Антипыч. Да поцалуй!

Матрёна Савишна. Ах, отстань ради бога!

Антип Антипыч. Уважь!

Целуются.

Ай да жена! Вот люблю! Ай да Матрёна Савишна! *(Садится на диван.)* А знаешь ли что, Матрёна Савишна?

Матрёна Савишна. Что ещё?

Антип Антипыч. Хорошо бы теперь чайку выпить-с. *(Смотрит в потолок и отдувается.)*

Матрёна Савишна. Дарья!

Входит Дарья.

Давай самовар, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны.

Дарья уходит. Молчание. Марья Антиповна сидит за пальцами; Матрёна Савишна подле неё. Антип Антипыч смотрит по углам и изредка вздыхает.

Антип Антипыч (*грозно*). Жена! Поди сюда!

Матрёна Савишна. Что ещё?

Антип Антипыч. Поди сюда, говорят тебе! (*Ударяет по столу кулаком.*)

Матрёна Савишна. Да что ты, очумел, что ли?

Антип Антипыч. Что я с тобой исделаю! (*Стучит по столу.*)

Матрёна Савишна. Да что с тобой? (*Робко.*) Антип Антипыч!

Антип Антипыч. А! Испугалась! (*Смеётся.*) Нет, Матрёна Савишна, это я так — шутки шучу. (*Вздыхает.*) Что же чайку-то-с?

Матрёна Савишна. Сейчас! Ах, батюшки, авось, не умрёшь!

Антип Антипыч. Да что ж так-то сидеть! Скука возьмёт.

Входит Степанида Трофимовна. Дарья несёт самовар.

Степанида Трофимовна. Вот пострел! Прости господи! Эка угорелая девка! Ну, что ты бежишь-то сломя голову! Ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил: который ты раз чай-то пить принимаешься! Дома два раза пил да, чай, в городе-то нахлебался! (*Наливает чай.*)

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Что за важность! Не хмельное! Пили-с. Вот с Брюховым ходили, ходил с Саввой Саввичем. Что ж! Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублёв на тысячу оплёл. (*Берёт чашку.*)

Степанида Трофимовна. Уж где тебе, дитятко! Само-го-то, чай, кругом обманывают. За приказчиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Уж какая это, Антипушка, торговля! С утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. Ох! Ничакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов:

сначала молодцов¹ напоишь, в город отпустишь; потом ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро ли ублаготворишь; потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости господи! Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут: встал бы ты в четыре часа, за порядком бы посмотрел, на дворе поглядел бы, и всё такое, и всё как следственно, к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяйшку-то свою поднял бы: вставай, мол, полно нежиться-то! Пора за хозяйство приниматься. Да-таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? Правду говорю, Матрёна Савишна, правду.

Матрёна Савишна. Уж вы теперь начнёте!

Степанида Трофимовна. Ах, мать моя; да ведь мной только дом-то и держится. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня! Нет, погоди, матушка, молода ещё, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуды: встаёшь ты — стыдно сказать, а грех утаить — в одиннадцатом часу; а я-то тебя за самоваром изволь дожидаться... а я, сударыня, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матрёна Савишна, больно барственно! Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя, — всё-таки купчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантилии да билиндрысы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как павлин... фу ты, прочь поди... так и шумит! А уж ты, Матрёна Савишна, как ни крахмался, а всё-таки не барыня... тех же щей, да пожиже влей!

Матрёна Савишна. Что ж, не в платочке же мне ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна. А ты, сударыня, своим званием не гнушайся.

Антип Антипыч. Отчего ж и не рядиться, коли есть во что? Ничего. Можно. Что за важность? Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальяжнее, ей-богу! Ведь те всё мелочь; с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки тово... То есть я... насчёт телесного сложения. Ну, и всё такое!

Матрёна Савишна. Уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Марья Антиповна. Как вам, братец, не стыдно? Всегда конфузите.

¹ Молодцов — приказчиков. — *Примеч. А. Н. Островского.*

Антип Антипыч. Что ж такое? Нешто я что дурное сказал? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да с рук сходит. Я как-то вот при генерале такое словечко ухнул, что самому страшно стало: да что ж делать-то! Не схватишь да опять не спрячешь. А это я супротив той точки речь веду, что понаряднее всё-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а всё-таки... то есть на линии... Что за важность!

Степанида Трофимовна. Знаю, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: эко, дескать, горе моё: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!

Антип Антипыч. Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавца-то этакого! *(Разглаживает усы.)* Ну-ка, Матрёна Савишна, поцалуйте-с!

Матрёна Савишна целует его с притворною нежностью.

Степанида Трофимовна. Эх, дитятко, враг-то силён! Мы с покойником жили не вам чета: гораздо-таки полюбовнее, да всё-таки он меня в страхе держал, царство ему небесное! Как ни любил, как ни голубил, а в спальне, на гвоздике, плётка висела про всякий случай.

Матрёна Савишна. Уж вы меня всегда с мужем расстроиваете: что я вам за злодейка такая!

Степанида Трофимовна. А ты, матушка, молчи лучше!

Матрёна Савишна. Как же! Стану я молчать!.. Дождитесь!.. Я, слава богу, купчиха первой гильдии: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна. Великая важность! — купчиха ты! Видали и почище вас. Я и сама от семи собак отгрызусь...

Матрёна Савишна. А всё-таки молчать не заставите! Не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил.

Степанида Трофимовна. А ты думаешь, мне очень нужно! А бог с вами; живите, как знаете: свой разум есть. А уж к слову придётся, так не утерплю: такой характер. Не переделаться мне для тебя...

Молчание. Все сидят надувшись.

Да вы у меня и Машутку-то вот избаловали совсем.

Антип Антипыч. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду?
Степанида Трофимовна. Давно бы тебе пора хватиться-то: ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Марья Антиповна. Что вы, маменька! Всё «на возрасте да на возрасте!». Мне ведь не бог знает сколько.

Степанида Трофимовна. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла; а тебе ведь — стыдно при людях сказать — двадцать лет.

Антип Антипыч. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна. Ах, братец, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть.

Антип Антипыч. Ну, Перепяткина: чем не жених? (*Смеётся.*)

Марья Антиповна. Да вы, братец, это нарочно мне всё уродов навязываете.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие! (*Смеётся.*) Важные женихи!

Марья Антиповна. Да вы это всё на смех! (*Чуть не плачет.*)

Степанида Трофимовна. Да ты полно зубы-то скалить! Я дело говорю, Антип Антипыч! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любого выбирай: ты у нас ведь не голь саратовская, невеста с приданым. Только за благородного не отдам... ты и не думай, и не воображай себе.

Антип Антипыч. Уж будто, матушка, промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет! Что ж, бывают. (*Смеётся.*)

Степанида Трофимовна. Как, батюшка, не быть: во всяком сословии есть. Да уж всякому своё. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Антип Антипыч. Что же, отчего за благородного не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

Степанида Трофимовна. Эх, голубчик! Хороший-то, который постепеннее, не возьмёт: тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две, либо три; ну, а другие, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством своим похвается: я-де благородный, а вы мужики; а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи! Знаю я их. Вот Лопа-

тиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей. А я ещё тогда самой-то говорила: эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани: вспоманешь ты меня, да поздно будет. Так что ж? Я, говорит, детищу своему не враг; хочу, говорит, как все, к лучшему; всё-таки, говорит, благородный, а не купец; может и дослужиться, и в чины произойти. Да вот теперь, хватъ-похватъ, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный! *(Вздыхает.)* Я и на свадьбе-то была: банкет такой сделали, упаси господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький да гнусенький такой, да фрачишко-то на нём этот натянута короткохвостый, весь как облизанный. Да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит. И на жениха-то не похож; чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает. Только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли!

Смеются все.

Да нечего и говорить: всякий знает. Ну, положим так: не все же пьяницы, попадается и трезвый человек... так он тебя табачищем одним из дома выкурит, либо — грешное дело — по постам скоромное лопают. *(Плюёт.)* Фу ты, мерзость какая, прости господи!.. Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности, и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший!

Антип Антипыч. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я. Уж и любить-то есть что, не то что стракулист чахлый. Так ли, Маша, а?

Марья Антиповна. Да что вы, да я не знаю... *(Потупляет глаза.)*

Антип Антипыч. Пора бы знать! Ну, вот Матрёна Савишна знает. Правду я говорю, Матрёна Савишна, ведь купец лучше, а?

Матрёна Савишна. Уж ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна. Что ж, Маша, известное дело: уж и приласкать есть кого.

Марья Антиповна. Ах, маменька! Да что вы, ей-богу! Я уйду. Пойдёмте, сестрица! *(Убегает, за ней Матрёна Савишна.)*

Антип Антипыч. Так-с. Да уж ведь не отбегаешься.

Степанида Трофимовна. Стыдно стало, Антипушка: дело девичье.

Антип Антипыч. Что ж! И за купца можно. Отчего не отдать? Дело хорошее!

Степанида Трофимовна (*подвигается и говорит вполголоса*). А вот, Антипушка, мне кума Терентьевна сказывала, Парамон Ферапонтыч жениться задумал, невесту ищет. Вот упускать-то, Антипушка, не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек, и вдовый, да денег-то, Антипушка, больно много — куры не клюют. Ну, да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Антип Антипыч. Только, матушка, уж больно плут.

Степанида Трофимовна. Ах, батюшки мои! Да чем же он плут, скажи, пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит, да придёт-то раньше всех; посты держит; Великим постом и чаю не пьёт с сахаром — всё с мёдом либо с изюмом. Так-то, голубчик! Не то что ты. А если и обманет кого, так что за беда! Не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: не обмануть — не продать.

Антип Антипыч. Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдёт. Ничего. Можно. Да уж, матушка, ведь иногда и совесть зазрит. (*Чешет затылок.*) Право слово! И смертный час вспомнишь. (*Молчание.*) Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу. Да ведь я и скажу потом: вот, мол, я тебя так и так, помазал маненько. Вот в прошлом году Савву Саввича при расчёте рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: вот, мол, Савва Саввич, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность!.. Да недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрёна Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счётец и выписал тысячи в две.

Степанида Трофимовна. Что ты говоришь! Какова!

Антип Антипыч. Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! Нет-с, жирно будет. Вот и недодал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как

удовольствия! Ничего, можно-с! ~
Можно, Парамонъ Ферапонтовъ на
счетъ приданого-то, кто кого выка-
жетъ - да по темное-с. Мы тоже с
матушкой-то на свою руку охотки
не повожия. /уходит/

Матрена Савинова /ходитъ раздвигая
дверь, за нею Дарья/

Что цимолъ Антима Антимовъ?

Дарья

Цимолъ-с.

Матрена Савинова

Ну, задралъ теперь! Экое показанье!
теперь пропаваетъ домъ нашъ твой.

Марья Антимовна /ходитъ раздвигая/

Ну, сестрица, погодите; знаете ли ку-
да я отпросилась?

Матрена Савинова

Куда?

Марья Антимовна

Къ тетюшкѣ, Цимолъ Петровичъ.

/хохочутъ и уходят/

Конца

14 февраля
1847г.

А. Островскій

«Семейная картина».
Последняя страница писарской копии
с автографом А. Н. Островского

и путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоед до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? Я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, Христа ради. Вот и взбеленился мой немец. Это, говорит, купцу нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чёрт знает что там в книге-то напишешь — тебе всё и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем! *(Смеются.)* Поди, я говорю, — немного возьмёшь! Поташил в суд. Что ж, матушка! Ведь отпёрся, право, отпёрся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было — беда! Так и таращится: это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал, Карл Иванович, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху. *(Смеются.)* А то всё ему и отдать? Да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломают цену какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмёт. Так я, матушка, вот как. А Ширялов-то — да это словно жид какой: отца родного обманет. Право! Так вот в глаза и смотрит всякому. А ведь святошей прикидывается.

Ширялов входит.

А! Парамон Ферапонтыч! Здравствуйте, почтеннейший!

Ширялов. Здравствуйте, любезные! *(Кланяется.)* Антип Антипыч! Здравствуй, голубчик! *(Целуются.)* Матушка Степанида Трофимовна, здравствуйте. *(Целуются.)*

Антип Антипыч. Садись, Парамон Ферапонтыч!

Степанида Трофимовна. Садитесь, батюшка!

Ширялов *(садится)*. Как, матушка Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна. Плохо, батюшка! Старость приходит. Вас как Бог милует?

Ширялов. Что, матушка Степанида Трофимовна! На прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался; вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик;

коробит, сударыня ты моя, да и на поди. За грехи, матушка, Господь человека наказывает, испытание посылает. А пуще, мать ты моя, по-ясницу схватило.

Степанида Трофимовна. Дело не молодое, батюшка!

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк — нет, сударыня ты моя: отпустит этак немножко, да опять схватит. Даже под сердце подкатило.

Степанида Трофимовна. А, батюшки!

Антип Антипыч. Да ты, Парамон Ферапонтыч, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ширялов. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Степанида Трофимовна! То есть не то чтобы я бросил совсем; а так, погожу, мол, маненько. А зароку не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.

Степанида Трофимовна. Что говорить, батюшка!

Ширялов. А я так, любезные, думаю: простудился, мол, я; как-нибудь на улицу, что ли, раздевшись вышел, либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Степанида Трофимовна. Долго ли до греха, батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамон Ферапонтыч?

Ширялов. Покорно благодарствуйте. *(Кланяется.)* Сейчас пил, матушка, сейчас пил.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, выкушайте, что за счёты!

Антип Антипыч. С нами-то за компанию.

Ширялов. Плошечку пропустить можно-с.

Степанида Трофимовна наливает. Ширялов берёт чашку, пьёт и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средство избрал. Что, думаю себе, михстуры эти! Просто дрянь, даром деньги берут. Да и никогда я, матушка, этими михстурами не лечился; этого греха на душу не брал. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошёл, сударь ты мой, да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, красного перцу стручкового два стручка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпили, а то велел себя вытереть. Да приехавши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так потом и прошло.

Степанида Трофимовна. Что ж, батюшка, бывает. Вот у меня Антипушко всё пунштом лечится.

Антип Антипыч. Это, брат, ото всякой болезни прибежище — запомни ты моё слово.

Ширялов ставит чашку.

Степанида Трофимовна. Выкушайте ещё чашечку!

Ширялов. Нет, увольте. *(Кланяется.)* Много доволен, Степанида Трофимовна, много доволен.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, без церемонии... *(Наливает.)* Как делишки?

Ширялов *(берёт чашку)*. Слава богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу. То есть истинное наказание божеское.

Антип Антипыч. Что, закутил?

Ширялов. Нет, хуже, Антип Антипыч, хуже. Как бы запивал, так бы ещё не велика беда, сударь ты мой: много ли он пропьёт? А то мотает не в свою голову. Вот, матушка Степанида Трофимовна, детки-то нынче!

Степанида Трофимовна. А сам ты, Парамон Ферапонтыч, виноват: избаловали вы мальчишку так, ни за копейку. Вы бы ему с малолетства воли-то не давали, а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался да руку бы набивал, так бы лучше было.

Ширялов. Ах, матушка Степанида Трофимовна! Ведь он у меня один. И то подумаешь: надо малого в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы бывало: играешь до осьмнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неучёного-то дураком зовут. Ишь ты, все умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, ведь у нас состояньице порядочное, Бог благословил. Что хорошего, станут говорить, что от такого, мол, капитала одного сына воспитать не мог? Да и хуже-то других быть не хочется. Послышишь: тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую акедемию. Вот и свезли Сеньку в пиньсион. За год вперёд деньги отдал. А он месяца через три, сударыня ты моя, убёг аттедава. Стали дома учить, учителя нанял дешёвенького. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся... Прогнал

учителя, прогнал, да вот теперь и маюсь с Сенькой-то. То есть Господи! Господи! Что это нынче за люди стали, так, какие-то развращённые!

Антип Антипыч. Выучил на свою голову. *(Смеётся.)*

Ширялов. Да что! Поминутно плачу за него, поминутно: тому сотню, тому две; портному тысячу рублей недавно заплатил. Легко ли дело! Да я в десять лет на тысячу-то рублей не изношу! А у него фрак не фрак, жилет не жилет. То есть истинно по грехам Бог наказывает! *(Почти шёпотом.)* Одних перчаток прошлую зиму на триста рублей забрал — ей-богу, на триста!

Степанида Трофимовна. А! Батюшки!

Антип Антипыч. Вот голова-то!

Ширялов. Да ведь вот что: везде ему верят, — знают, что заплачу. В трактире в каком-то тысячи четыре должен. Тут никакого капитала не хватит... *(Пьёт чай молча.)* Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?

Антип Антипыч. Про что?

Ширялов. Про армянина.

Антип Антипыч. Нет; а что?

Ширялов. Комедия, сударь ты мой! *(Смеётся, подвигается и говорит шёпотом.)* Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продал шёлк; завертелся туды-сюды, вот не плоше Сеньки моего. Стали в городе поговаривать, что, мол, тово. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь: нет, сметили. Вот приезжает наш фабрикант. У него фабрика-то на городу где-то¹. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что ж, сударь ты мой! Всё и спустил без обороту.

Антип Антипыч. Ну, что ж? Как же?

Ширялов. Да двадцать пять копеек! *(Смеётся.)*

Антип Антипыч. Что ты! Вот важно! *(Смеётся.)*

Ширялов. А вот Сенька не таков... нет, сударь ты мой, не таков, не таков... Уж истинно Бог в наказание послал. Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, не стоящими внимания *(ставит чашку на стол)*, внимания не стоящими...

Степанида Трофимовна. Выкушайте ещё.

---

¹ На городе — значит где-нибудь в уездном городе. — Примеч. А. Н. Островского.

Ширялов. Нет, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна. Без церемонии.

Ширялов. Нет, матушка, не могу, право, не могу. *(Кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Ну, как хотите. А можно бы ещё.

Ширялов. Право, не могу. *(Встает и кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Дарья! Убирай чай.

Входит Дарья и убирает чай.

Прощайте, батюшка Парамон Ферапонтыч!

Ширялов. Прощайте, матушка. *(Целуются.)*

Степанида Трофимовна. Заходите почаще, не забывайте.

Ширялов. Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антип Антипыч. Да вы, маменька, велели бы нам водочки, што ли, да закусочки, ну да там мадерцы, што ли. Что ж, брат, выпьем. Что за важность!

Ширялов. Ох, не лишнее ли это будет, Антип Антипыч? Не лишнее ли?

Антип Антипыч. Что за лишнее! Ничего. Что за важность!

Степанида Трофимовна уходит.

Ширялов. Так вот, сударь ты мой, дома не живёт, в городе не бывает. Что ему город. Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мне и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Дай-ка, думаю, покажу разиням-то своим, как торговать-то следует. Что ж, сударь ты мой... *(Подвигается.)*

Приносят вина.

Антип Антипыч. Ну-ка, выпьем, брат!

Пьют.

Ширялов. Завалялась у нас штука материи. Ещё в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за аршин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить?

Как, мол, не быть, сударыня. Достань-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! *(Смеётся.)* Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то её *(смеётся)*, шевелить-то боюсь. Кто её знает, что там в серёдке-то! Может быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. *(Смеётся.)*

Антип Антипыч. Молодец, Парамон Ферাপонтыч! Вот молодец! Ну-ка, брат, выпьем.

Пьют.

Ширялов. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)*, вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, сударь ты мой! Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается. Да что! Прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намени твой сын взял. Я думаю себе, на что ему шаль, ума не приложу. Уж известно, от него не добьёшься; стал сторонкой расспрашивать. Что ж, сударь ты мой! Какая-то там актриса у него.

Антип Антипыч. Что ты!

Ширялов. Вот поди с ним! Уж это, примерно, последний конец, Антип Антипыч! Не зови своим.

Антип Антипыч. Это, Парамон Ферাপонтыч, значит, пора женить, — вот что, брат, малого-то женить пора.

Ширялов. Нет, Антип Антипыч, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, последний конец. Ведь это словно как решето. Вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, мебель всякую, а там лошадей пару, то, другое. Яма бездонная!

Антип Антипыч. Уж известное дело.

Ширялов. А уж человек-то, Антип Антипыч, кругом них как слепой делается. Этот народ, Антип Антипыч, соблаз просто.

Антип Антипыч. Что говорить! Сам не свой человек сделается. Одно, брат, средство: женить поскорей.

Ширялов. Легко сказать, Антип Антипыч, женить; да как ты его женишь-то?

Антип Антипыч. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капиталцем, знаешь ли. Так небось не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ширялов. Да какая за него пойдёт! Какая сумасшедшая пойдёт за него, за такого беспутного!

Антип Антипыч. А что ты думаешь, побрезгают? Нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества; батюшка-покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали: у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины да и пьянствуешь недели две без просыпу. Меня в Преображенском за девку фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матрёну-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ширялов. Да, отец родной, что ты говоришь: женить, да невесту с капиталом. Да, голубчик ты мой, он теперь без денег-то вертится как угорелый; а попадись ему деньги-то, так он такой краньболь сделает — только пшик, да и всё тут, как порох.

Антип Антипыч. В оборот пустит! *(Смеётся.)*

Ширялов. Нет, а уж я думаю, сударь ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: мануфактур-советник и временно московский 1-й гильдии купец Парамон Ферапонтов сын Ширялов.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Можно.

Ширялов. Да уж чтоб ему, беспутному, и после-то меня не доставалось, сам я, Антип Антипыч, жениться задумал.

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Дело хорошее! Отчего ж не жениться.

Ширялов. Ведь, может быть, за наши молитвы, Антип Антипыч, Бог и потомка даст — утешение на старости. Вот тому всё и оставляю. А уж этот мне словно как и неродной, сударь ты мой, и сердце к нему не лежит. Что ж, думаю, оставь ему, пожалуй, да что

проку? Развезёт денежки-то твои кровные по портным да по ахтрисам. Сам посудит!

Антип Антипыч. Что ж, женись, Парамон Ферапонтыч! Что за важность! Ничего. А на примете есть?

Ширялов. То-то и горе, что нет, Антип Антипыч!

Антип Антипыч. Хочешь, посватаю? Ну-ка выпьем сперва.

Пьют.

Ширялов. Да ты вправду?

Антип Антипыч. Вправду. Что ж, отчего не посватать?

Ширялов. Обманешь! *(Смотрит Пузатову в глаза.)*

Антип Антипыч. Вот! Из чего мне обманывать? У меня, брат, не далеко ходить: сестра невеста.

Ширялов. Ой ли! Что ты говоришь?

Антип Антипыч. А ты не знал? Скажи, пожалуйста, какой ты простой!

Ширялов. Ах, голубчик, как не знать! *(Потупляет глаза.)* Да ведь она, чай, не пойдёт за меня.

Антип Антипыч. Вот! Отчего не пойти? Ничего, пойдёт.

Ширялов *(потупляет глаза ещё больше)*. Скажет, стар.

Антип Антипыч. Стар? Что за важность! Ничего! Нет, ничего, пойдёт. Да и матушка тебя любит. Что ж, известное дело, человек хороший, степенный: отчего не пойти?.. Во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю? Не дерёшься?

Ширялов. Вовсе смирный, Антип Антипыч, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ли, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Антип Антипыч. Ведь с женой-покойницей не дрался?

Ширялов. Видит Бог, никогда.

Антип Антипыч. Что ж, отчего за хорошего человека не пойти? Ничего, пойдёт. Присылай сваху... Ну-ка, выпьем на радости.

Пьют.

Ширялов. Да ты просто благодетель мой, Антип Антипыч! А знаешь ли что? Вот мы, брат, здесь пить-то начали, так пойдём ко мне допивать. У меня, брат, просторнее, баб-то нет, да фабричных песенку спеть заставим.

Антип Антипыч. Ходит! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму.

Ширялов уходит.

(Один. Мигает глазом.) Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется! Вишь ты, Сенька виноват. А уж что, брат, толковать: просто на старости блажь пришла. Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с! Только, Парамон Ферапонтыч, насчёт приданого-то, кто кого обманет — дело тёмное-с. Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не положим... *(Уходит.)*

Матрёна Савишна *(входит разряженная; за ней Дарья)*.
Что, ушёл Антип Антипыч?

Дарья. Ушёл-с.

Матрёна Савишна. Ну, загулял теперь! Экое наказание! Теперь пропадёт дня на три.

Марья Антиповна *(входит разодетая)*. Ну, сестрица, поедете. Знаете ли, куда я отпросилась?

Матрёна Савишна. Куда?

Марья Антиповна. В Симонов к вечерни!

Хохочут и уходят.

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

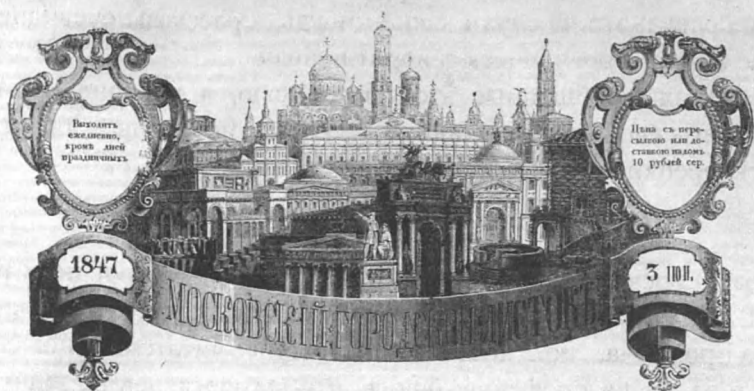
К читателям

Милостивые государи и государыни, спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля 1 дня, я нашёл рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности не известную и никем ещё из путешественников не описанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей её, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — всё это было покрыто мраком неизвестности.

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова учёные ещё спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают своё производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнёзда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в неё птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно — значит впасть в односторонность.

Итак, имя и положение этой стороны были нам известны; всё же остальное, как я сказал, покрыто было непроницаемой завесой. Остановится ли путник на высоте кремлёвской, привлечённый неописанной красотой Москвы — и он глядит на Замоскворечье, как на волшебный мир, населённый сказочными героями тысячи и одной ночи. Таинственность, как туман, расстилалась над Замоскворечьем; сквозь этот туман, правда, доносились до нас кое-какие слухи об этом Замоскворечье, но они так сбивчивы, неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни один ещё благомыслящий человек не мог из них составить себе сколько-нибудь удовлетворительного понятия о Замоскворечье. Эти слухи такого рода, что многие пришли в недоумение, верить им или нет. (Вот здесь-то заслуга

моего открытия.) Например, я недавно слышал, как один почтенный и во всех отношениях заслуживающий уважения человек рассказывал, что за Москвой-рекой есть дом каменный и каменным забором обнесён; только кто в нём живёт, этого никто в мире не знает. А потому, видите ли, не знают, что ворота железные и уж несколько лет заперты; а что люди живут в этом доме, на это есть ясные признаки: и шум слышен, и собаки лают, и по ночам огонь виден. Ещё рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно. «Отчего же страшно?» — спросите вы. «А вот отчего, — скажут вам, — там есть место, называемое Болвановка». — «А почему она Болвановка?» — «Потому, что там стоял татарский бог; по-нашему сказать, идол, а по-татарски — болван». Вот и извольте жить на этом месте! На таких местах хозяева от своих домов отказываются, никто не нанимает, не покупает, да и самим жить жутко. Или вот, не очень давно, один молодой человек уверял, что за Москвой-рекой есть улицы вёрст по двенадцати длины, и это показание одна дама почтенных лет и солидной наружности подтвердила следующими словами: «Что мудрёного, батюшка, я как-то ездила в Царицыно, так проезжала это Замоскворечье — ехали, ехали, и конца ему нет!» Так вот что говорят про Замоскворечье! Но вы, почтенные читатели и читательницы, этим слухам не верьте. Это всё пустяки. Благодаря счастливому стечению обстоятельств мы можем теперь черпать сведения о Замоскворечье из чистого источника. Источник этот — найденная мною рукопись; она носит заглавие: «Записки замоскворецкого жителя». После первых порывов радости и возблагодарив судьбу за эту находку, я стал её рассматривать. И вот что оказалось: рукопись эта писана на серой бумаге в четвёртку, по-русски и кудрявым почерком, имени автора нигде не видно. Подозревать, что это перевод какой-нибудь древней, например греческой, рукописи, было бы с моей стороны очень смело, тем более что я совсем не знаю по-гречески; да и самое содержание показывает, что это, должно быть, оригинальная русская рукопись. Как далеко ни ездил Геродот, а в Замоскворечье всё-таки не был. Впрочем, мы от этого ничего не теряем. Наш неизвестный автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут всё — и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания. Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, описывает, что творится по большим, длинным улицам

ВТОРНИКЪ. № 119.

МОСКВА.

30-го числа прошедшаго Мая ижевна по голудни во 2-мъ часу, Хавовической части, въ двухъ-этажномъ домѣ Московскаго купца Скутоторова, на чердакъ, произошедъ пожаръ, и пламя, отъ суетности стрелной и ветры, ипловено распространилось на соседніе деревянные пять домовъ—ижевно: Ямникова, Овладова, Домны Устиновой, Родионова, Хуриковой и мещанина (имена forgotten) —которые съ названными строениями, не смотря на усиленные дѣйствія пожарныхъ командъ, съжались жареною огню; кругомъ же и находящиеся деревянные дома ямничник Хуриковой всѣ были отогнаны.

Во время пожара вътрѣмъ отнесло горѣвшую головню чрезъ 100 сажень на другую сторону улицы, на крышу дома мещанина Сергеевой, отъ чего загорѣлась крыша тотчасъ была потушена безъ вреда строенію.

По размыслию причины пожара не открыто, и купецъ Скутоторовъ отказался, что не знаетъ, отъ чего могло загорѣться на чердакъ, что жилато теплое строеніе тамъ не было, и что въ означенное время, онъ, побывавши съ своимъ семействомъ, спалъ. Въ упомянутыхъ подожжѣхъ подарныя нѣтъ ни на кого не извѣстно.

Убытка отъ пожара объявлено: Скутоторовъ на 6271 р., Родионова на 836 р., Устинова на 170 р., Родионова на 200 р., Хурикова на 511 р., и Федорова на 1500 р., а всего на 10,145 рублей серебромъ.

ЗАПИСКИ ЗАМОСКОВРЧКАГО ЖИТЕЛЯ.
(дальше читайте Московскій журналъ, появившійся въ № 61 XX М. Г. Л.)
изъ ЧИТАТЕЛЬСКОГО.

Милостивые государи и государыни! съшу попользаться съ вами моимъ открыткѣмъ. 1847 года, апрѣля 1 дня, и на-

писать рхуковисъ. Рхуковисъ эта проназвать связь изъ страну, никому до сего времени въ полнотѣности неказвѣстную и нѣдѣкъ еще изъ путешественниковъ неописанную. До сихъ поръ извѣстно было только положеніе и имя этой страны; что же касается до обитателей ея, т. е. образъ жизни ихъ, языкъ, нравы, обычаи, степень образованности—все это было покрыто мракомъ неизвѣстности.

Страна эта, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, лежитъ прямо противъ Крестна, по ту сторону Москвы-рѣки, отъ чего, вѣроятно, и называется Замоскворѣе. Впрочемъ, о происхожденіи этого слова ученые еще спорятъ. Некоторые производятъ Замоскворѣе отъ скворца; они основываютъ свое производствъ на извѣстной принажности обитателей придаваться къ этой птицѣ. Принажность эта выражается такъ, что для скворца, дѣлаясь особаго рода пѣвца, называютъ скворчинками. Имя вотъ какъ дѣлается; скворчатъ изъ досокъ ящичка, совсемъ закрытой, только съ дырочкой такой пещицы, чтобы могла пролѣзть въ нее птица, потомъ принажусъ къ пещу, и поставлю въ саду, либо въ огородъ. Которые изъ этихъ словопроизводствъ справедливы, утвердительно сказать не могу. Поддаю такъ, что скворчинки и Москворѣе равно могли послужить поводомъ къ наименованію этой страны Замоскворѣчскъ, и принимать что нибудь одно, значить—впасть въ односторонности.

И такъ, имя и положеніе этой страны были намъ извѣстны; все же остальное, какъ я сказалъ, покрыто было непроницаемою завѣсой. Остановился ли тутъ нѣтъ на высотѣ кремлевской, приващенный пописанной красотой Москвы—и онъ глядитъ на Замоскворѣе, какъ на волшебный міръ, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи. Тамъ же-

ленность, какъ туманъ, растелился нагъ; Замоскворѣчскъ; сколько этого тумана, правда, доносилось до насъ кое-какъ: слыши объ этомъ Замоскворѣчскъ, но они такъ сбивчивы, неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни одинъ еще благоразумный человѣкъ не могъ изъ нихъ составить себѣ сколько нибудь удовлетворительнаго понятія о Замоскворѣчскъ. Эти случаи такого рода, что много пришло въ голову, вѣрять или не вѣрять (Вотъ здѣсь-то заслуга моего открытія). Напримѣръ, я недавно слышалъ, какъ описали почтенный и во всемъ отношеніяхъ заслуживающій уваженія человѣкъ, разсказывалъ, что за Москвой-рѣкой есть домы, каменные и каменными заборочъ обнесены; только кто въ нихъ живетъ, этого никто не извѣдываетъ. Антоню, вѣроятно, невольно, такъ загорѣлся и ужъ не-исколько, такъ загорѣлся, что люди живутъ въ этихъ домахъ, на это есть самые пріемы; и шумъ слышны, и собачъ лаютъ, и по ночамъ огонь видны. Еще разсказывали, что тамъ есть такіа мѣста, что и жить страшно. Отъ чего же страшно? спросите вы.—А вотъ отъ чего, скажутъ вамъ: тамъ есть мѣсто, называющееся Болвиникомъ.—А почему она Болвиникомъ?—Потому, что тамъ стоить татарскій богъ; по нашему сказать, идолъ, а по-татарски, болванъ. Вотъ и называте жить на этомъ мѣстѣ! На такихъ мѣстахъ хозяева отъ своихъ домовъ отказываются, никто ни жить не хочетъ, ни посмѣеть. да и самимъ жить жутко. (Нѣ вотъ, не очень давно, одинъ молодой человѣкъ упрямъ, что за Москвой-рѣкой есть улицы, вѣрять по двадцати дѣлины, и это показало одна дома, поспѣлишь дѣль и соседній на-ружность, подтвердила слывущимъ слухамъ: Чѣмъ въдраско, батюшка, а какъ-то зашла въ Черныни, такъ правда-казалъ это Замоскворѣчскъ.—дѣли, какъ

«Записки замоскворецкаго жителя».
Московский городской листок. 1847. 3 июня

и по мелким, частым переулочкам. Вот уж это, почтенные читатели, сущая правда; это не слухи какие-нибудь, а рассказы очевидца. Уж сейчас видно, коли человек говорит правду.

Сведения, сообщённые этой рукописью, я поверил на месте и дополнил своими примечаниями. Из этих источников я составил замоскворецкие очерки, и на первый раз вот вам:

Иван Ерофеич

Иван Ерофеич, приказный, сын бедных, но благородных родителей, живёт на Зацепе, имеет жену и четырёх детей. Наружность Ивана Ерофеича... но... позвольте, почтенные читатели, я боюсь и за себя, и за Ивана Ерофеича; боюсь, что вы, поглядев на лицо и на костюм Ивана Ерофеича, не захотите выслушать моего рассказа, отвернётесь от Ивана Ерофеича и не захотите выслушать его оправдания, как не слушают оправдания вора, пойманного с поличным. Итак, я не покажу вам Ивана Ерофеича. Но Иван Ерофеич просится в свет; у него есть своя гордость — гордость унижения, гордость мученика. Он молит меня неотступно из своего Замоскворечья: покажите, говорит, меня публике; покажите, какой я горький, какой я несчастный! Покажите меня во всём моём безобразии, да скажите им, что я такой же человек, как и они, что у меня сердце доброе, душа тёплая. А гибну я оттого, что не знал я счастья семейной жизни, что не нашёл я за Москвой-рекой женщины, которая бы любила меня так, как я мог любить. Оттого я гибну, что не знал я великого влияния женщины, этой росы небесной. Я бы и сам пошёл в моём рубище по всем дворам, пошёл бы к вельможам и к знатым людям и сказал бы им то же, что вам говорю; да человек-то я маленький, и ходу мне никакого нет.

Бедный Иван Ерофеич! И жаль мне тебя, да делать нечего. И показал бы тебя, да боюсь. Ты не знаешь, какое у нас деликатное общество, и показаться мне с таким приятелем *mauvais genre* будет очень совестно. Оттого совестно, что все — люди как люди, а ты, Иван Ерофеич, такой неопрятный, такой небритый; оттого, что ты, Иван Ерофеич, никогда путём не причешишься, не умоешься, и вицмундир твой всегда чем-нибудь выпачкан. Неужели ты не видишь, Иван Ерофеич, как над тобой смеются замоскворецкие барышни, когда ты проходишь в присутствии? Неужели ты не слышишь, как беспощадно шутят над тобой товарищи? — Нет, ты всё слышишь,

17th

~~1845~~ 1846

[illegible]

Страница авторской рукописи

да ты на всё рукой махнул, ты давно притерпелся ко всему этому. Ах, Иван Ерофеич! Иван Ерофеич! Нехорошо, братец, так запускать себя! Хоть бы ты шинель-то переменял, а то ведь срам сказать, ходишь ты зиму и лето в своей допотопной шинели. Ну, погляди ты на себя хорошенько: бархатный воротник у твоей шинели сложен совершенно как хомут, капюшон у тебя со складками и всегда как-то раздут, так что сверху он шире, чем внизу. А ещё как увидит тебя какой-нибудь юмористический писатель, да опишет тебя всего, и физиономию твою опишет, и вицмундир твой, и походку твою, и табакерку твою опишет, да ещё и нарисуют тебя в твоей шинели в разных положениях, тогда уж вовсе беда — засмеют тебя совсем. Уж я, право, не знаю, что мне с тобой делать. Нет, уж как ты ни проси, а я тебя не покажу. Мне на первых-то порах не хочется, чтоб меня обвинили в незнании приличий. А лучше я выпишу целиком из рукописи, что рассказывал о тебе сослуживец твой, Иван Яковлич, неизвестному автору «Записок о Замоскворечье». И тебе не обидно, и моё дело сторона.

Рассказ Ивана Яковлевича (из найденной рукописи)

...Посмотрели бы вы на Ивана Ерофеича лет десяток тому назад, — начал Иван Яковлич, — такой ли он был, как теперь. Какой был бойкий, с какими способностями! Кажется, как бы дать этому человеку образование порядочное, так быть бы ему обер-прокурором. Один в нём недостаток, характер слабенек очень; вот отчего он и погибает. Батюшка-то его был человек небогатый, поучил его, что называется, на медные деньги да и определил к нам в суд. А определивши-то, сам умер скоропостижно. Поживи его отец ещё лет пять, может быть, и не было бы того, что теперь. А то остался Иван Ерофеич без всякой поддержки; мать старуха была женщина слабая, точно запуганная какая: покойник-то, правду сказать, был крутенок, особенно хмельной. В сыне своём она души не чаяла, звала его Ванечкой, умником. У неё только и слов было, что про Ванечку: «Какой он у меня умник, какой деловой, как меня любит, как покоит». А Ванечка начал пошаливать. Деньжонки-то, что остались после отца, были у него в руках; ну, известно дело, человек молодой, воли-то прежде не имел, где уж ему быть хозяином! Тут он стал носить жилеты модные и галстуки всякие разноцветные, ходил

из суда в трактир завтракать, начал ездить домой на лихих извозчиках. А у нас народ, знаете, какой: те же самые, которые хвалили его в глаза и ходили с ним завтракать на его счёт, соберутся в кучку да и подсмеиваются над ним; жаль, дескать, мало-то, глуп ещё. А особенно один много ему зла сделал. Был у нас чиновник, аристократа из себя корчил; вот он и привязался к Ивану Ерофеичу: глуп ещё, говорит, надо ему свет показать. И показал ему свет. Раз приходит ко мне Пётр Иванович, сосед. — Слышал, говорит, как Иван-то Ерофеич гулять начал? — А что? — я говорю. — Вот недавно, говорит, у цыганок в один вечер рублей триста оставили. — Да от кого же ты слышал? — говорю я ему. — Как от кого? — говорит: — да мой Гриша был с ним. Приехал, говорит, домой-то пьянёхонек. Я было на него, знаешь ли, прикрикнул: как, мол, ты смеешь в таком виде домой являться. — Да что же, говорит, тятенька, ведь я не на свои пил; Иван Ерофеич угощал. И то сказать, человек молодой, отчего не выпить, коли кто попотчует: позови меня, и я бы поехал. Я вижу, дело плохо; рассказал всё матери, чтобы она как-нибудь его останавливала. Уж мне и жаль было старуху-то, да нечего делать. Вот она поплакала, поплакала, да и задумала его женить, авось, дескать, остепенится, и невесту было нашла.

Так вот-с, задумала мать женить Ивана Ерофеича. Да тут опять беда вышла: как-то угораздило его в цыганку влюбиться. А уж этот народ, знаете, какой! Оберут до ниточки. Мы было думали, что тут наш Иван Ерофеич совсем пропадёт; и от службы было отстал. Да, слава богу, недолго у них это продолжалось. А надо правду сказать, такая была хорошенькая, и цыганского-то в ней мало было, такая была беленькая, а глаза чёрные, и ресницы такие длинные. Надей звали-с. Ну, уж до женитьбы ли тут ему было? Так у них это дело с невестой-то и разошлось. Знать, уж судьба такая. А старухе-то больно хотелось его женить. Потом и с цыганкой-то он порасстроился. Он было ей и часики купил золотые, и серёжки, и то, другое; да ведь уж как хотите, а выше лба глаза не бывают. Он бы то подумал: что он такое, так, мальчишка, можно сказать, ничего не значущий; ни орловских, ни подмосковных отчин у него нет; ломбардных билетов тоже не бывало. Так уж где тут! Знаете пословицу: хороши, да не наши. А вот как посватался один секретарь, да купил Наде-то домик тысяч в двадцать пять, так дело-то вышло почище. Тут Иван Ерофеич начал тосковать очень, даже хотел на Кавказ служить

ехать; да мать уговорила. Да он бы и не поехал; это он так, с горя задумал. Словно ребёнок был, ничего в нём постоянного-то не было.

Скоро потом умерла у него и мать. В Замоскворечье говорили, что от огорчения, а по правде сказать, так от старости. Иван Ерофеич остался круглым сиротой. Деньжонок-то, которые ему отец оставил, стало не надолго. Тут он начал трудиться. Стал входить в дело. А способности-то у него на это были. Года три он денно и ночью занимался делом, то в присутствии, то дома. Все эти три года он совершенно отделился ото всех. Бывало, сидит в своей каморке за делом, и ни за что его не выгонишь оттуда. А квартира у него была такая грязная, дрянная. Как-то он, знаете ли, совсем перестал заниматься собой; такой стал неопрятный, только об одном деле и думает. Тут он стал и водочки придерживаться, да ведь и нельзя без этого, сидишь, сидишь над делом-то, голова закружится; надобно чем-нибудь развлечься, а как выпьешь-то, всё как будто повеселее. Ну, да и компания-то такая, всё народ пьющий; соберутся человек пяток, как не выпить лишнего! Через три года его сделали столоначальником; завелись у него лишние деньжонки. Но уж в это время Иван Ерофеич привык к неряшеству, так это в нём и осталось; а лишние деньги-то при первом удобном случае пропивал с товарищами, а иногда и один — и этот грех за ним водился.

В это время с ним случилось одно происшествие. Переезжая с квартиры, из угла в угол, он попал на Зацепу, в дом мещанки Мавры Гурьевны (по простонародному произношению Агуревны) Козырной. Это уж его и доконало совсем. Мавра Агуревна была вдова, и бедовая такая была баба. Ну, да уж я вам расскажу про неё сначала. Мавра Агуревна была сирота купеческого рода и жила за Москвой-рекой на опеке у дяди купца, русака. Дядя её был человек очень богатый, а жил просто, ел деревянной ложкой из деревянной чашки, сам мёл двор и носил ключи на поясе. Было у Мавры Агуревны денег тысяч десять положено на её имя в Опекунский совет, да дядя обещал ещё дать за ней тысячек пять. За этой Маврой Агуревной много народу волочилось, только она никому не поддавалась, а вышла замуж по любви за мещанина Козырного. Этот Козырный имел за Москвой-рекой две табачные лавочки, ходил в синем казакине и плисовых шароварах, играл отлично на торбани и был гуляка страшный. Он несколько раз посягал на приданое Мавры Агуревны, и всегда она ему, как говорится, подавала карету. Мавра Агурев-

на не только не давала ему своих денег, но обирала часто и у него. Особенная способность была у Мавры Агуревны прятать деньги; бывало, Козырной с похмелья перероев все мышки норки в доме и не найдёт ни одного гривенника. Но Козырной не унывал: он имел случай всегда быть пьяным. Оттого имел случай, что любили его купеческие детки да приказчики. Бывало, разгуляются где-нибудь, сердечные, сейчас и шлют за ним, чтобы он им сыграл венгерку на торбане. Так уж тут он чужого вина не жалел. А как это случилось очень часто, так он и спился совсем да, должно быть, от этого и помер. Мавра Агуревна была баба не промах, она, овдовевши-то, устроила свои делишки как нельзя лучше. Приведя всё в наличные деньги, она отдавала их по мелочи, по пятьдесят, по сто, по две-сти рублей, под верные залоги и зажила припеваючи. Домик её был завален и заставлен вещами всякого рода: там были и фортепьяно, и столы, и комоды, на столах часы разных форм; по углам под простынями висели салопы, шинели тёплые и холодные, в шкапах серебро, бельё столовое и, словом, всё, что может в нужде заложить человек. И всё это редко возвращалось хозяевам, а большей частью переходило на толкучий в руки торговков, приятельниц Мавры Агуревны. А сама-то она была белая, да румяная, да такая проворная. Ходила она по-русски, в платочке; бывало, повяжет платочек бантиком, да как-то немножко на сторону, наденет шёлковую шубку да синие чулки со стрелками — загляденье просто! Идёт, бывало, словно лебедь плывёт. Сюда-то и переехал Иван Ерофеич. Мало-помалу Мавра Агуревна прибрала его к рукам. Да это и не мудрено было сделать: она была такая бойкая, а он такой вялый, что без няньки и жить не мог.

Правда в пословице-то говорится, что человек предполагает, а Бог располагает. Бывало, Иван Ерофеич строит воздушные замки: вот и так-то буду жить, и этак-то. Спросишь, бывало, у него, что, мол, ты, Иван Ерофеич, всё за делом сидишь; человек ты не интересан, что, дескать, убивать-то себя понапрасну. — Как! говорит, понапрасну! Ну что, говорит, моя теперь за служба, пропадёшь совсем. А вот, говорит, я узнаю дело хорошенько, так могу занять место повиднее. Потом, говорит, женюсь. Ты знаешь, говорит, что мне нельзя жить без женщины: видишь, какой я неряха, никакого у меня порядку нет. Некому меня ни остановить, ни приласкать. Иногда приходят такие мысли, для чего, мол, я живу на свете-то. А будь

у меня жена-то молодая, стал бы я её любить, лелеять, старался бы ей всякое удовольствие сделать. Да и о себе-то бы лишний раз вспомнил, почаще бы в зеркало взглядывал. Стал бы деньги копить, завели бы знакомство, стали бы ездить с женой в театр, на гулянье. Ах, говорит, Иван Яковлич, как бы полюбила меня порядочная женщина, Бог знает, чего бы я не сделал для неё. А теперь как-то ни на что глядеть не хочется. Сидишь дома в халате да потягиваешь; а ведь этак дальше да дальше, да, пожалуй, и пропадёшь совсем. Хорошо задумывал Иван Ерофеич, да не так бывает у нас за Москвой-рекой. У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдаёт порядочной невесты за младшего помощника столоначальника.

Так вот-с, с одной стороны, жизнь Ивана Ерофеича улучшилась. В комнате его было чисто, манишку всегда носил белую, стол был хороший, мундир вычищен... Да зато с другой стороны, нельзя сказать, чтобы ему было хорошо. Мавра Агуревна так им командовала, что чудо. Бывало, пошлёт его в лавочку за чем-нибудь, а он идёт, не смеет ослушаться. Право, такой вялый стал. А Мавра Агуревна привыкла на чужие вещи смотреть, как на свою собственность, так и обращалась с ним, как будто его заложил ей кто-нибудь. Деньги у него обирала, говоря ему, что это для его же пользы делается, что он пропьёт же их. К товарищам пускала его очень редко, и то на срок, и делала ему страшные выговоры, когда он опаздывал. Водки давала ему известную порцию и больше ни под каким видом. Раза два или три в год позволяла она ему пригласить товарищей, и тогда скрывалась куда-нибудь, либо уходила со двора. Иногда вечером взгрустнётся Ивану Ерофеичу, и он начнёт издали разными намёками объяснять Мавре Агуревне, что такой-то, дескать, чиновник именинник, что он у него давно не был, что истратит он на извозчика не больше полтинника и придёт в своём виде и не позже десятого часу. На это Мавра Агуревна обыкновенно отвечала ему, что если ему делать нечего, так лучше послать за соседкой да поиграть вечер-то в дурачки, чем пьянствовать. Ведь и правду сказать-с: точно лучше в дурачки играть, чем пьянствовать. И с этой стороны Мавра Агуревна была совершенно права перед ним. А всё-таки неприятно. Вы представьте себя на месте Ивана Ерофеича: ведь чиновник-с, до тридцати лет дожил, не мальчик какой-нибудь, и ни в чём не иметь воли! И то, подумаешь, ведь не крепостной какой-нибудь. Да что же

с ним будешь делать, уж такого был слабого характера. Любил, что ли, он её очень или так уж потерялся совсем, право, не знаю. Бывало так, что, выходя из присутствия, позовёшь его обедать в трактир, а он должен отказаться, потому что боится опоздать и чтобы не за- бранила его Мавра Агуревна очень.

Как ни тяжела казалась ему эта неволя, но всё ещё скрепя сердце можно было снести её. Да вот беда: товарищи его начали подсмеиваться над ним. Какой-то досужий чиновник сочинил картинку, в которой представил, как Мавра Агуревна дерёт Ивана Ерофеича за хохол и приговаривает: «Ах ты, соня! А ещё чиновник называешься!», а он, стоя на коленях, говорит: «Виноват! не буду!» Над этой картинкой смеялись все; она переходила в суде из стола в стол и даже удостоилась милостивой улыбки секретаря. Ну, уж это совсем сконфузило Ивана Ерофеича, и такая жизнь ему опротивела, а вырваться как-нибудь из этой беды не было у него сил. Вот он стал задумываться всё дальше да дальше, больше да больше — стал такой грустный. Наконец вот что случилось. Это было летом. В одно утро Мавра Агуревна, поручив Ивана Ерофеича попечениям кухарки, пошла к Троице. Иван Ерофеич стал как-то веселее обыкновенного; он шутил с товарищами, острил, смеялся, чего прежде с ним не было; мы думали, думали, что это сделалось с Иваном Ерофеичем; насилу-то дознались от него, что Мавра Агуревна ушла к Троице. Вот однажды отправился он с нами обедать в Малый московский¹. Тут мы, признаться сказать, выпили как водится. Пошёл у нас крупный разговор, начали смеяться над Иваном Ерофеичем, что он не умеет с бабой справиться, что он башмак и прочее. А уж и он-то был хмелён. — Нет, говорит, господа, не хочу больше жить за Москвой-рекой, нынче же вечером, говорит, перееду; я, говорит, своему слову господин. — Да переезжай, Иван Ерофеич, ко мне, — говорю я ему. — Изволь, брат, говорит, нынче же перееду. Вы ещё, говорит, не знаете, каков я; я себе сказал: «Полно, Ванька, дурачиться, перестань, говорю, ну и полно, и... будет». Ведь в самом деле он сдержал своё слово. Возвратясь домой в вечерни, он отослал куда-то кухарку, уложил на извозчика своё имущество и отправился ко мне. А я тогда жил у Харитонья в Огородниках. Он мне после-то сказывал, что всю дорогу он дрожал, как в лихорадке, что боялся оглянуться на Замоскворечье, словно сделал там какое-нибудь душегубство.

¹ Трактир против присутственных мест. — *Примеч. А. Н. Островского.*

Он поминутно погонял извозчика; ему так и мерещилось, что вот из Замоскворечья долетают до него слова: «Иван Ерофеич! Иван Ерофеич! А куда это ты едешь, любезный?» Наконец кое-как добрался он до моей квартиры. А у меня вечеринка была, то есть не то чтобы бал какой, а так, по случаю пятницы¹. Завтра, дескать, суббота, день неприсутственный, так и можно и тово... Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы, постарше-то, за пуншем сидели. Вдруг входит Иван Ерофеич. — Вот и я здесь, говорит, да так бойко, так весело. Сам себя обманывал. Начались шутки, и Иван Ерофеич не отставал от прочих. А всё-таки можно было заметить, что у него эта весёлость была поддельная и что на сердце у него было очень непокойно. Карты были брошены; началась круговая; забренчала гитара, и Иван Ерофеич первый затянул: «При долинушке стояла». Потом пошла плясовая, и Иван Ерофеич первый и плясать пошёл. Я вам говорю, что сам себя обманывал. Наконец и в самом деле стал он как будто попокойнее сердцем. Вот, думал он: выпью хорошенько, авось пройдёт! Но это средство обмануло его; всё, что он прятал на сердце, полилось во всеуслышание.

— Посудите, люди добрые, посудите, — заговорил он. — Что ж это такое, в самом деле. Я не крепостной какой-нибудь, кажется. Я, говорит, чиновник и, кроме своего начальства, никому не подвластен. Вот и всё тут. Да я и знать никого не хочу! Я благородный человек. Что она мне? Я, говорит, её знать не хочу. Она не жена моя, чтоб надо мной командовать. — Известное дело, не жена, — говорю я ему, — ну и брось ты её, Иван Ерофеич, ну и плюнь на неё; много этой дряни-то. — Нет, ты постой, говорит, Иван Яковлич, ты вот послушай, что я тебе скажу: то есть не жена она мне; ну и положим, что не жена, а, брат, лучше жены. Куда жена! Мать родная того для меня не сделает, что она для меня делала! А как, говорит, я против неё поступил! Ну-ка скажи, говорит, как я против неё поступил! Нешто благородные люди так делают? Ан нет, говорит, не делают! Сапожник какой-нибудь так сделает; подлец какой-нибудь. Вот и выходит, что я, говорит, подлец против неё. Мы начали над ним смеяться, что он баба, что Мавра Агуревна ему напёрстками водку отмеривает. Стали ему говорить, что мы теперь уж его не пустим к Мавре Агуревне, как он ни плачь. Один у нас чуда

---

¹ Пятница очень уважается у чиновников по вышеописанной причине. — *Примеч. А. Н. Островского.*

такой был, начал передразнивать Ивана Ерофеича, развесил губы, заплакал. «Прощай, говорит, Мавра Агуревна! Прощай, голубушка ты моя!» Тут было Иван Ерофеич опять расхорохорился. — Я, говорит, никого не боюсь; я, говорит, сам себе господин. А потом, знаете ли, как-то у него вдруг это делается, и опять за своё. — И не останавливать, говорит, нашего брата нельзя; что ж, говорит, и сопьёшься, и смотаешься, и ни на что не похоже. Вот они, говорит, у Иверских-то ворот стоят, посмотрите на них. Не скоро разберёшь: свинья или человек. А сам, знаете ли, в слёзы. Даже жалко было смотреть на него. Насилу мы его уложили. И во сне-то всё говорил: «Я чиновник, а не крепостной»; а всё больше Мавру Агуревну вспоминал. Так он у меня и остался; и субботу пробыл, и воскресенье. Тосковал было немножко, да уж я всё развлекал его как-нибудь. То в карточки поиграем, то погулять пойдём. В воскресенье-то вечером у нас беда и случилась.

Иван Ерофеич лежал на диване, а я сидел у окошка; вечер такой был чудесный, где-то вдали музыка играла; начал месяц всходить, вот я и засмотрелся. А уж было поздно. Вдруг слышу разговор у будки. А рядом с нами была будка-с. Будочник был хохол, да такой чудака, что у него ни спроси, ничего не знает. Такая уж у него была и поговорка: «А как его знать, чего не знаешь». Право, словно философ какой, стоит на одном, что ничего не знает и знать ему нельзя; а если что и знает, так уж это как-нибудь нечаянно. Бывало, спросишь у него в шутку: да как же ты, братец, пятнадцать лет здесь стоишь, а ничего не знаешь. А он посмотрит на тебя да ещё улыбнётся: экой, дескать, ты, барин, глупый; да как же его знать, чего не знаешь.

Вот я смотрю, что за разговор у будки. Вижу, женщина какая-то спрашивает у будочника: — Где тут живёт Иван Яковлич? — А, дескать, это про меня, — думаю я себе, — послушаю, что дальше будет. У будочника один ответ: — Та бог его знает, как его знать, чего не знаешь. — Чай, ведь видишь, — говорит она ему, — поутру в присутствие ходит. Мундир на нём такой зелёный с светлыми пуговицами. — А как, говорит, его знать; много, говорит, их тут в мундирах ходит. Кто его знает! — Скажи, говорит, кавалер, сделай милость, развяжи ты меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Я вижу, что будочник будет говорить одно и то же, крикнул ей из окошка: — Я, мол, Иван Яковлич, что вам угодно? Не прошло,

сударь ты мой, одной минуты, как она очутилась у нас в комнате. Я глядь, а это Мавра Агуревна. Иван Ерофеич так и обмер: ни жив, ни мёртв, без языка человек совсем. — Так-то ты, — начала она, — за мою хлеб-соль да за доброе сердце со мной поступаешь. Ишь куда тебя нелёгкая-то занесла! С вечерен ищу, с Зацепы шла! И полились у неё слёзы в три ручья. Иван Ерофеич хотел что-то сказать, да язык у него не ворочался. — Скажи, говорит, варвар, ты меня совсем, что ли, покинуть хочешь? Так нет, говорит, не позволю, не дам себя в обиду. Чтоб ты надо мной, над беззащитной вдовой, насмеялся после! Ты думал, говорит, что ты дуру нашёл! Нет, говорит, погоди, не на такую напал. Ты дешёво со мной не разделаешься. А хочешь ты, я, говорит, завтра к вашему енаралу пойду? Что ж вы тут станете делать; уж такая женщина была. Так и увела Ивана Ерофеича на Зацепу. Потом, в наказание за побег, заставила его жениться на ней. Тут уж он совсем потерялся, стал пить запоем, дела запустил. Зато Мавра Агуревна нос подняла. Я, говорит, чиновница. У меня, говорит, муж благородный. Стала ходить в чепчиках; у обедни даёт мужу свой салоп держать; денег Ивану Ерофеичу уж совсем не даёт. Каждое первое число сама ходит в суд и стоит в приёмной, дожидается, чтобы, как получит Иван Ерофеич жалованье, тут же, не выпуская из суда, и отобрать у него. Да, к несчастью, ещё у них детей человека четыре. А Иван Ерофеич уж больно плох стал, крепко стал придерживаться к пенничку. Так вот, батюшка, вам и Иван Ерофеич, тот самый, что ходит по Замоскворечью в такой странной шинели.

Примечание нашедшего рукопись. Таких шинелей осталось три за Москвой-рекой: одна у Ивана Ерофеича, другая у одного купца, который жил до сорока лет порядочно, то есть по обычаю праотцов, а на сорок первом загулял. Обрил бороду, нашёл себе модного в то время платья, между которым и эту шинель, стал ездить в театр и прочее... Потом он опять остепенился, отрастил бороду и уже лет десять живёт опять мирно и чинно; о проступке его давно позабыли бы за Москвой-рекой, если бы не уличала его шинель, которую он носит. Третья шинель у баса каких-то замоскворецких певчих.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЁМСЯ!

Комедия в четырёх действиях

ЛИЦА

САМСОН СИЛЫЧ БОЛЬШОВ, *купец*.
АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА, *его жена*.
ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА (ЛИПОЧКА), *их дочь*.
ЛАЗАРЬ ЕЛИЗАРЫЧ ПОДХАЛЮЗИН, *приказчик*.
УСТИНЬЯ НАУМОВНА, *сваха*.
СЫСОЙ ПСОИЧ РИСПОЛОЖЕНСКИЙ, *стряпчий*.
ФОМИНИШНА, *ключница* } в доме Большова.
ТИШКА, *мальчик*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Липочка (*сидит у окна с книгой*). Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собрание али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостоите счастья, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмёшь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! (*С жаром.*) Оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (*Вздыхает.*) Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они её отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особенно если улан али полковник какой разрисовывает, — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепи-ко он ещё саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и всё, а штатский что? Так, какой-то неодошевлённый! (*Молчание.*) Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сер-

дится, что учитель всё за коленки хватает. Всё это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. (*Задумывается.*) Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. (*Дурно вальсируя.*) Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна (*входя*). Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба Божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна (*преследуя её*). Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз... два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! (*Бежит за ней.*) Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз... два... три...

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Как! Ты ещё пляшешь, да ещё ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придётся! Вот и будет! *(Садится.)* Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не считаешь, так стен-то бы посовестились! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! Какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребёнок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнушь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. А мне есть от вас житьё? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нём легковёрного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковёрного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как ещё вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь

ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Л и п о ч к а. Видимый резон, что не хотите моего счастья. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своём детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и ночью заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Л и п о ч к а. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Л и п о ч к а. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, непременно найдите!.. Вперёд вам говорю, непременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности! Владыко милосердый, не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придётся отца позвать.

Л и п о ч к а. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нём разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты притче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот ещё новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетёте скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Всё я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на неё)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слёзы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неучённую... *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня... серёжки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне серёжки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слёзы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня!

Целуются.

Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слёзки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, ещё не успокоившимся)*. Ах! Кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так всё нет, всё чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнёшь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришёл-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя всё мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди её скорей, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна (*входя*). Уф-фа-фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползёшь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. (*Целуясь*.) Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, всё ли жива, бралиантовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава Создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах всё. (*Целуясь с Липочкой*.) Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Ещё сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьётся, как маятник; всё как словно тебя подмывает али плывёшь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна (*Фоминишне*). Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяйева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна (*сядась*). Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колёсах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селёдкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в своё удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже своё на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печёт; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоём купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а Божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Л и п о ч к а. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слёз не достанет, перцу наемся.

Ф о м и н и ш н а. Никак ты плакать собираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А кто её дразнит? Сама привередничает.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдём тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Л и п о ч к а. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курного, беспрременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. (*Смотрит в зеркало.*) Ах, господи! А сама-то я нынче вся, как венник, растрёпана.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Л и п о ч к а. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живёт. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Л и п о ч к а. Ах, голубушка Устинья Наумовна, зайди уж ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдём, Фоминишна.

Ф о м и н и ш н а. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Можно, бралиянтовая, можно.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а (*наливает*). Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая.
(Пьёт.)

Аграфена Кондратьевна. Ещё поспею!

Устинья Наумовна. Уах! Фу! Где это вы берёте зелье это-кое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. (Пьёт.)

Устинья Наумовна. Вёдрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Вёдрами. Что уж по малости-то, напасёшься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умён как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперёд доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну, а потом привыкнешь, обойдётесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Рисположенский.

Рисположенский (входя). А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу;

так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьёт.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живёте-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житьё! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, значит, тот Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я всё забываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьёт.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенский *(садится)*. Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети ещё малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость всё прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от добрыхотных дателей. День сидит — Бог подаст, другой сидит — Бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Большов.

Большов. А! И ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский (*кланяется*). Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов (*сидясь*). Простудился, должно быть, либо геморой, что ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха-ха-ха! Пора почувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнёшь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха-ха-ха... А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволенья сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил да, хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели

меня суду предать, а тут я и вспомни, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругом сопьётесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришёл. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принёс. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьёт.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдём-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, всё равно что в саду растёт.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своём веку много чернил извёл?

Рисположенский. Хе-хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

1^е янв
Банкрот

№ 3^е

Комиссия в 5 человек

Особый комиссар
в 2^е янв

Имена:

3^е янв

Самсон Сидор, Голубов - купец Самсонов (Самсон)

С. С. и П.

Александр Кондратьевич - купец

Самсонова Самсонов - доб. ит.

26 3 янв

Васи Никол. Рязановский - купец

14^е

Литвиц Карпов - свек.

С. и П.

Мухоморов, Кудряков - купец

3^е

Орловский - купец

С. С. и П.

Миха - купец

Всего 5 человек

Открытие 1^е

Комиссия, принята в состав

Состав 2^е

3^е

Деление 1^е

Миха (куп.) Самсон Сидор

С. и П.

и П.

26 3^е

4^е

С. и П.

Деление, купец. Куп. Самсон Сидор купец.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

Деление. Деление. Деление. Деление. Деление.

«Свои люди — сочтёмся» («Банкрот»).

Первая страница авторской рукописи

Б о л ь ш о в. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и выётесть тут с вашим дьявольским наущением.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, благодетельствован вами, и с ребяташками. А я ещё довольно глуп, чтобы вам советовать: вы своё дело сами лучше всякого знаете.

Б о л ь ш о в. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обошьешь таскавшись-то.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Б о л ь ш о в. Знаю я, что ты любишь, — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьёшься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Б о л ь ш о в. Как не делать, брат, и другие делают. Да ещё как делают-то: без стыда, без совести! На лежащих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разьедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да ещё и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им делается!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, всё это в наших руках.

Б о л ь ш о в. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошёл блудить.

Рисположенский й. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж ещё этого-то не знать! Хе-хе-хе... Да такие ли я дела делал... да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский й. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... *(Пьёт.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский й. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский й. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский й. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдёшь нынче? Нынче всякий норovit, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Рисположенский й. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский й. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский й. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь всё в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский й. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы своё дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьёт.)*

Б о л ь ш о в. Нет ещё. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и всё заплатить... Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Б о л ь ш о в. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Всё-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лёжа на боку, и торговлю всю эту к чёрту. Да вот и Лазарь идёт.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Подхалюзин (входит).

Б о л ь ш о в. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

П о д х а л ю з и н. Слава богу-с, идёт помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Р и с п о л о ж е н с к и й. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Б о л ь ш о в. А идёт, так и пусть идёт. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учёл бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там ещё. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовецывал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

П о д х а л ю з и н. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Б о л ь ш о в. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы всё было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших баробирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Рисположенский смеётся.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тyani да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Всё единственно: ведь портной украдёт же. А? Украдёт ведь?

Рисположенский. Украдёт, Самсон Силыч, бесприменно, мошенник, украдёт; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принёс?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Большов. Дава-ко-сь, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьёт, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казённые и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от губернских правлений, от приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-тко-сь, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять

в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залого надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдём. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот-те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтёмся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счёт норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвёртый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берёт газету)*. Газету-то только пакостят. На всё купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенный. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенный. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенный. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселя-то с иных что возмёшь! Вот у меня есть заваливающих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Всё вексель да вексель! А что такое этот вексель? Так, бумага, да и всё тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да ещё после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезёт ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдёт, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет да и прочь пойдёт. Уж диви бы товару не было, — каким ещё рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везёт. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще чёрт знает чего; а наденешь хомут, да ещё и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочёты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! (*Помолчав.*) Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов (*помолчав*). Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? (*Молчание.*) Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? (*Молчание.*) Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сомневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время; денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождёшься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберёт тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыко на втором пришествии.хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Б о л ь ш о в. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Б о л ь ш о в. Эдак-то лучше! Чёрта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встаёт.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идёт к двери.)*

П о д х а л ю з и н. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т и ш к а *(со щёткой на авансцене)*. Эх, житьё, житьё! Вот чем свет тут ты полы мети! А моё ли дело полы мести! У нас всё не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живёт в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьёшь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других всё-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо ошто, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?..

А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тишка и Подхалюзин (крадётся и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертёнок, что делаешь?

Тишка. Что? Известно что! Пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашёл! Покажу я тебе пыль! Ишь ломается! А вот я тебе заклю подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы ещё за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни ещё!

Тишка. Да, пикни ещё! Я ведь и хозяйину скажу, не что́ возьмёшь!

Подхалюзин. Хозяйину скажу!.. Что мне твой хозяин... Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Практика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошёл.

Тишка. Знаем, что прошёл.

Подхалюзин. Цыц, дьяволёнок! *(Замахивается.)*

Тишка. Накось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чёртова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Подитко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертёнок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Даёт деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженная девка косы не заплетёт. Так начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Подхалюзин (*один*). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чём буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать (*вынимает и считает*), тут, должно быть, попользоваться будет можно. (*Ходит по комнате.*) Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича всё это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идёт. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведёт, а ты свою статью гони. Ещё то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених её теперича не возьмёт, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придётся за купца отдавать! (*Ходит молча.*) А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чём не замечен, к старшим почтителен! Да при всём том, как заложили мне Самсон Силыч дом

и лавки, так и закладной-то можно путнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Всё равно как в четвёртом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своём, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по ним, или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого прыгнуть можно!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришёл!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идёт.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достаёт закуски, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Подхалюзин и Расположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Расположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так всё левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьёт.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Расположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю оттого, что больно народ грабите. За неправду Бог наказывает.

Расположенский. Эх-хе-хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зёрнышку клюём.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам?

Рисположенный. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну ещё нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятшек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенный. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесёшь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьёт.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенный. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенный. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладёт бумажник на стол.)*

Рисположенный. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось, шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенный. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам Бог пошлёт за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенный. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенный. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенный. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенный. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Всё это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведём: много ли вам, Самсон Силыч, обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмёт, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с... за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в акурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошёл по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один-таки и нейдёт на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с этим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчёт несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а насчёт моих-то делов.

Рисположенский. Хе-хе-хе... то есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе-хе-хе...

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдёмте ко мне-с. Тишка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут всё это! Ну, пойдёмте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты ещё мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскорейча, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! (*Пьёт и закусывает.*) Да уж мы лучше её с собой возьмём.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты её нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то её понапрасну. Другие в её пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж её томить-то.

Устинья Наумовна. Сама всё это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — всё человек.

Устинья Наумовна (*сядясь*). Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь; тому невеста понадобилась, той

жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — всё я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж видно устроено, — от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, — ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! Некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чёртом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что нá-поди. Страсти да и только: посуду колотит... «У! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдёшь домой-то, так заверни ко мне, — я тебе окорочек завяжу. *(Идёт на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Устинья Наумова и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь, — приятно удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой, — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить, и не взвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обертем, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам после копоты.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить; ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, сове-стишься, бралиянтовый, ничего, говори, — нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожа-луй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты зна-ешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно гово-рить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они очень влюблены в Алимпияду Самсонову-с. Что, говорит, ни дать, только бы же-ниться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьёт.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радо-стью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживёте, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Сильчу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблён-то так, что и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Сам-сон-то Сильч, ведь он, неровён час, и чепчик помнёт.

Подхалюзин. Ничего не помнёт-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразила, на дню два раза присылает: что жених да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастья-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видавали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкой звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит. А всё это денежки. Вот я, чем хуже её, а за её же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пушу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почём вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да ещё, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдёт, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдёшь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гуляню пройдётесь, — другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальёшь; жёны-то с ревности вам все носы пооборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьём. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе всё отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тишка (*садится к столу и вынимает из кармана деньги*). Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да наемдни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! (*Считает про себя.*)

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там ещё?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, господи?»

А я почём знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался, — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да никак хмельной.

Тишка. Фю! Попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лестнице*). Что, Фоминишна, матушка, куда он идёт-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идёт, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отпирите, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов (*за дверями*). Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идёт в двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна *(возвращаясь)*. Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросёнок совсем из ума выскочил.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться, так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнём сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно всё в расстройство прийти.

Б о л ь ш о в. А тебе что за дело? Не твоё было. Ты старайся только — от меня забыт не будешь.

П о д х а л ю з и н. Не нуждаюсь я ни в чём после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Б о л ь ш о в. А что такое произойти может? Я один в ответе.

П о д х а л ю з и н. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это всё по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это всё больше потому самому, что жаль мне вашего семейства.

Б о л ь ш о в. Полно, так ли?

П о д х а л ю з и н. Позвольте-с: ну, положим, что это всё благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на всё семейство эдакая мораль пойдёт, а ещё, пожалуй, и имение-то всё отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть, и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Б о л ь ш о в. Да об чём же ты плачешь-то?

П о д х а л ю з и н. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Б о л ь ш о в. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божия, против её не пойдёшь.

П о д х а л ю з и н. Это точно, Самсон Силыч! А всё-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что

сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, — и оглобли назад поворотил.

Б о л ь ш о в. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

П о д х а л ю з и н. Я, Самсон Силыч, не выдумал — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Б о л ь ш о в. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, — а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня всё изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег ещё дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нём душа после всего этого?

Б о л ь ш о в. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

П о д х а л ю з и н. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слёз видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Б о л ь ш о в. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, ещё такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

П о д х а л ю з и н. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это всё равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как чёрт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Б о л ь ш о в. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

П о д х а л ю з и н. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Б о л ь ш о в. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблён ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Б о л ь ш о в. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такого не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымыши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужели же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, её не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас как отца родного и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, — а тебе ума-то не занимать стать, этим добром Бог наградил. Так что же, Лазарь, посвятать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по её дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдёт. Моё детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуется? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну её, физиономию! А вот я на тебя всё имение переvedу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Ещё как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с! *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Большов *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зеваёт)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Чёрт знает, и сам не разберёшь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмёт. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так всё прахом и пойдёт. Ох, Господи, Господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестернёй.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полёта помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а всё, как есть, красавица!.. Да приголубь ребёнка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне ещё приглубить-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так, что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж что дочь? Слава богу — обута, одета, накормлена; чего ей ещё хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следует; и чужих призывают, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей ещё? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же её вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свёкором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычая родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания Божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у неё что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, всё-таки, как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видавши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а ещё родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Всё-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаём, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно врага из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слёзы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это так говорится, — к слову пришлось.

Большов. А об чём бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашёл.

Большов. То-то вот сдуру. Слёзы у вас дешёвы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешёвы, батюшка, дешёвы; и сама знаю, что дешёвы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг придет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы — носы повесили?

Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты ещё там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнётся.

Большов. Ха-ха-ха! А ещё сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Упёрся, как лошадь, — ни тпру, ни ну; слова от него не добьёшься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафоре; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумавши, да посоведавшись, а сам только что опояску поддёргивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сентиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как всё это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдём?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдёшь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидишь!

Аграфена Кондратьевна. Что увидеть-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня. (Садится.)

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает её платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твоё дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашёл на тебя эдакой каприз? Разве я хую твоё платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошёл, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело, адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — ещё успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то, — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там ещё жених, — полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там ещё шут придет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что придет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самое дело придет, так уж ты бы путём говорил, а то придет, придет, а бог знает, кто придет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выдти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, — ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погоды.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Лазарь, Рисположенский и Фоминишна (у дверей).

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Рисположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдём все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт родился, и будто бы, золотые мои...

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие Божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чём же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один Создатель только ведаёт, что будет вперёд: то и положили мы ещё при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она о не страмит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всём том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас очень чувствительно, в рассуждении Божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу, — небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастья на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов (*берёт Липочку насильно за руку и Лазаря*). Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я её кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твоё дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядом да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. (*Молчание.*)

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадеб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девуку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своём, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдёмте, а они пусть побаласничают, может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдёмте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? (*Плачет.*)

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, — окромя меня, не найти-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшко?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня Бог вложил такое намерение, по тому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни (плачет) должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Подхалюзин. Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмёт.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмёт. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их очень хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрот-с.

Липочка. Как банкрот? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! (*Вынимает.*)

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведём орловских. (*Молчание.*) Если вы насчёт физиономии сомневаетесь, так это как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем, да бороду обреем либо так подстрижём, по моде-с, это для нас всё одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном Ряду купим-с,

распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Л и п о ч к а. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

П о д х а л ю з и н. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Л и п о ч к а. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

П о д х а л ю з и н. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Л и п о ч к а. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

П о д х а л ю з и н. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком Мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Л и п о ч к а. Дайте подумать.

П о д х а л ю з и н. Да об чём же думать-с?

Л и п о ч к а. Как же можно не думать?

П о д х а л ю з и н. Да вы не думамши.

Л и п о ч к а. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

П о д х а л ю з и н. Что прикажете-с?

Л и п о ч к а. Увезите меня потихоньку.

П о д х а л ю з и н. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Л и п о ч к а. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти, — так уж, пожалуй, и так.

П о д х а л ю з и н. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Л и п о ч к а. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

П о д х а л ю з и н. Что вам угодно-с?

Л и п о ч к а. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житьё здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьёт того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благород-

ного, так я бы и уехала из дому, и забыла бы обо всём этом. А теперь всё опять пойдёт по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдём в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своём веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживём своим домом, так никто нам не указ. А вот вы всё про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так поступать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведём всё по моде, а они — как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встаёт и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идёт навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшко, бегу.

Большов. Ну вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшко, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так, а? Ей-богу! Что ж это

такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Л и п о ч к а. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то, а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Ф о м и н и ш н а. Бегу, бегу, матушка, бегу. (*Входит.*)

Б о л ь ш о в. Пстой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Ф о м и н и ш н а. Сейчас, батюшка, сейчас! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот Бог привёл на старости лет, дожили до радости.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерёт.

Б о л ь ш о в. А вот мы тебе горлышко промочим.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам Бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. (*Пьёт.*) Горько, брали-янтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Б о л ь ш о в. Дай-ко я поздравлю. (*Берёт бокал.*)

Липочка и Лазарь встают.

Живите как знаете — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Своё добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай ещё!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери всё, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтёмся!

Большов. Говорят тебе, бери всё, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то всё отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтёмся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтесь!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросёночек яичко снёс!

Наливает вина и подходит к Расположенскому. Расположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Ещё туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе-хе-хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо.

Б о л ь ш о в. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от неё.

Устинья Наумовна (*ставит вино на стол*). Врёшь, купоросная душа, не уйдёшь! (*Прижимает его в угол и хватает за шиворот.*)

Рисположенский. Караул!

Все хохочут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шёлковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сертуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдёргивает и охорашивает.

Т и ш к а. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

П о д х а л ю з и н. А что, Тишка, похож я на француза? А? Да издали погляди!

Т и ш к а. Две капли воды.

П о д х а л ю з и н. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! (*Ходит по комнате.*) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; ещё как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантилью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедem-с; и в парк поедem-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых, и сбруя накладного серебра — так пушай их смотрят. Тишка! Трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пушай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне всё равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем её ещё чёрт принёс!

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живёте-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (*целуясь*). Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идёт. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али ещё осмотреться не успели? Всё, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Ещё б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, всё об нарядах хлопочете. Много ещё модного-то напраказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шёлковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных, и шёлковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чохле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три

да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там ещё кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдётся на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жиды трепрашельчатое-то: ну, уж видно нечего с тобой делать, помирись и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твоё взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкаф.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот ещё мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем своё обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и даёт ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал!

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, всё-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне всё равно; я вас и знать-то не хочу — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врёшь — не весь: ты мне ещё соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе-хе-хе...

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеёшься-то, что горло-то пialiшь!

Подхалюзин. Ещё рылом не вышли-с в соболих-то салопях ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдаёт Устинье Наумовне.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабёж, а ступайте с богом, вот и всё тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать вёрст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнуся, чем стану глядеть на ваше логовище! Плунуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тётя, легонько: а то мы и за кварталным пошлём.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расслаблю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! (*Уходит.*)

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на неё, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна (*глядит в окно*). Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку нескоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идёт-с!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а всё-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, Бог милостив! Всё перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тятенька-то, — ещё возьмёшь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они восемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придётся и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а ещё, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшко, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем Бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! (*Пьёт.*) Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! (*Пьёт.*) Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшко, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то Господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшко, пуншик налью!

Большов (*пьёт*). Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, извольте говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чём остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а своё же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни то, ведь я тебе всё отдал, всё дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я всё своё состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на неё и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я всё это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен всё отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый чёрт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придётся тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьёт.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто вёрст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это всё равно, что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат.

А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на неё, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаём... А что ему за это было?.. А там присутственные места, уголовная палата... Ведь я злостный — умышленный... ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Всё в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, ещё пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, Бога-то гневить! Что это вы клянёте нас, не разобравши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то Бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя Бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельник-е, а то дня не пройдёт, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах-ах-ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрёшь, не сгниёшь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов (*встаёт*). Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьёт, коли не чисто жнёт. Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят со мной, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдётся!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшко Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пушают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведуясь: а то умрёшь тут, не видавши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживёте по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решётками, сидят там бедные-заклужённые. Не забудьте нас, бедных-заклужённых. (*Уходит с Аграфеной Кондратьевной.*)

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит Тишка.

Поддай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Рисположенский и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенский. Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиков ещё не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшко! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А зачем это вы к нам пожаловали, не слыхатель ли?

Рисположенский. Хе-хе-хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, зачем!

Подхалюзин. А зачем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я всё за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даёте. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зарез, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а ещё хапанцы берёте. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне ещё тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабёж! А вот возьми ещё пять целковых, да и ступай с богом.

Рисположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня некупленный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чём рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то ещё?

Рисположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Рисположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидеть-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой ещё, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей, — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Всё врёт-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подмётки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, всё врёт-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Рисположенский. Что, взял, а! Что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, чёрт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это всё врёт. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робёнка пришлёте — в луковиче не обочтём.

УТРО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Сцены

ЛИЦА

НЕДОПЕКИН СЕМЁН ПАРАМОНЫЧ.

ЛИСАВСКИЙ СИДОР ДМИТРИЧ.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

СМУРОВ, купец, дядя Недопекина.

ВАСЯ, племянник Смурова, двоюродный брат Недопекина.

СИДОРЫЧ, приказчик тётки Недопекина.

ИВАН, лакей.

ГРИШКА, мальчик.

Богато меблированная комната: на задней стене дверь в переднюю, на левой — в кабинет; направо от зрителей турецкий диван и всякого рода мягкая мебель; с левой стороны — письменный стол с богатыми принадлежностями; ближе к зрителям трюмо; окна роскошно драпированы; на стенах эстампы.

I

Иван и Сидорыч сидят на креслах. Гришка стоит.

И в а н. Да посиди, куда ты!

С и д о р ы ч. Пора-с, ещё надо кое-куда пойти.

И в а н. Ещё успеешь. Да тебе на что Семёна-то Парамоныча?

С и д о р ы ч. Да тётенька их завтрашнего числа к себе на вечер просят.

И в а н. Ну, так не поедет, и дожидаться тебе нечего.

С и д о р ы ч. Отчего ж не поедут-с?

И в а н. Нечего ему делать у вас, вот тебе и всё. Ваши-то ведь как есть русаки. Ведь вы по будням-то из одной чашки едите, в восьмом часу спать ложитесь. Только в именины да по праздникам и раскошеливаетесь. А мы, видишь, как живём. Смотри! *(Показывает кругом.)* То-то вот оно и есть! Так-то, братец ты мой! Да теперь будем говорить насчёт компании: какая у вас компания? Ни обращения никакого, ни политики. Нам, брат, у вас нечего делать. Вот он меня за что уважает: потому я все эти порядки знаю. Я, брат, служил всё у хороших людей: у генерала Симевича два года служил, у советника служил. Так уж мне пора знать. Уж он так меня и спрашивает: что, говорит, Иван, это как у генерала? Вот, говорю, так и так; «а это как?» — а это вот так, мол. Хорошо, говорит.

С и д о р ы ч. А скоро они встанут?

И в а н. А ты вот смотри на часы. У нас уж тенп известный. Уж поневолился, да проспит до второго часу. Я ещё такого и не видывал, чтобы кто так моде подражал. Вот теперь встаёт во втором часу; а скажи ему, что господа встают с петухами вместе, ведь и он тоже с петухами станет вставать.

С и д о р ы ч. Тон наблюдают-с.

И в а н. Уж как наблюдает-то, просто смех смотреть на него. Увидит где на гулянье или в театре, как кто одет, как кто ходит, сейчас и перенимает; вот здесь и учится перед зеркалом. Ей-богу! А всё-таки, брат, у нас чего нет, всё это на барскую ногу. Видишь, как мы живём. А вы что! Вам хоть горы золотые давай: уж это всё одно; заведение такое, самое необразованное. А мы, видишь, как живём. Вот, хочешь книжку почитать?

С и д о р ы ч. Коли можно, так дайте какую-нибудь позанятнее.

И в а н. Уж что тут толковать!

С и д о р ы ч. Да не спросили бы неравно.

И в а н. Ах ты, какой человек! Говорят: бери, так бери. Вот тебе. *(Дает книгу.)* У нас, брат, всё есть: всякие книги, журналы, ноты всякие; вот, видишь *(показывает ему)*. Мы, брат, по-барски живём. Вот, хочешь цыгар!

С и д о р ы ч. Пожалуйте парочку.

И в а н. Что парочку? Бери десяток. У нас, брат, хорошие цыгары: пятьдесят рублей сотня.

С и д о р ы ч. Ну, как узнают! Забранятся, пожалуй.

И в а н. Что толковать! Уж ты бери, коли дают. Приходи в другой раз: ещё дам; у нас этого добра не переводится.

С и д о р ы ч. Затем прощайте-с. Неколи мне ждать-то. Я уж завтра зайду-с.

И в а н. А нам, брат, не рука по вашим вечеринкам ездить!

Сидорыч уходит. Гришка за ним. Иван садится на кресло и берёт газету. Гришка возвращается.

А я тебе, Гришка, один раз навсегда говорю: коли хочешь ты быть человеком, ты старших слушай, да не огрызайся, ты со старших пример бери.

Г р и ш к а. Да, со старших! А ты зачем бариновы цыгарки раздаёшь?

И в а н. Не тебя ли ещё спрашивать! А ты платье вычистил?

Гришка. Да когда чистить-то?

Иван. А что ж ты целое утро делал-то?

Гришка. Небось, ничего не делал.

Иван. Ну, смотри!

Гришка. Да что смотреть! Я, небось, ходил. А сам что делал? Всё утро «Пчелу» читал!

Иван. Так вот я и стану тебе платье чистить! *(Передразнивает его.)* «Пчелу» читал! Я, брат, своё дело знаю! *(Звонят.)* Отопри, пошёл! *(Встаёт со стула.)*

II

Лисавский *(входит, свищет)*. Сеничка дома?

Иван. Семён Парамоныч?

Лисавский. Ну да!

Иван. Да вы не очень кричите: почивает-с.

Лисавский. Ну, я подожду. *(Садится на кресло, разбирает книги.)* А где «Библиотека для чтения»?

Иван. А я почём знаю? Чай, сами же взяли.

Лисавский. Что ты врёшь!

Иван. Что мне врать-то? Вы, Сидор Митрич, книжки-то, которые взяли, принесите.

Лисавский. Ну уж это не твоё дело.

Иван. Конечно, не моё. А неравно спросят, я должен отвечать-то.

Лисавский. Дай огню. *(Берёт сигару, а две кладёт в карман.)*

Иван. Гришка, подай огню. Вот вы, Сидор Митрич, всегда у бабина цыгары берёте, а он спрашивает. Отчего, говорит, Иван, скоро цыгары выходят; ты, говорит, смотри, чтоб не таскали.

Лисавский. Пошёл, братец; ты мне надоел уж. Ну, скажи, что я беру.

Иван. То-то скажи! А оно нехорошо; с нашего брата спрашивают. *(Уходит.)*

Лисавский *(молча читает какой-то журнал)*. Что такое? Статья о театре! Посмотрим, посмотрим. *(Читает.)* «Где найдёшь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или Не берись за гуж, если не дюж. Шутка в одном действии, а если бы не дверь на улицу, так была бы не шутка, а серьёзное дело, водевиль Лисавского». *(Читает про себя.)* Нет, это выше сил! Это ни на что не похоже! «Ни малейшего таланта!» Ах он мерзавец! Желал бы я знать, кто это на-

писал? Кто бы? *(Думает.)* Нет, не он: где ему! Разве вот этот? Да уж, кроме его, некому. Он думает, может быть, что я не узнаю. Нет, погоди, голубчик; ведь уж этого не скроешь. Это чёрт знает что такое! «Ни малейшего таланта». Только бы мне узнать, уж я доеду. Да это он; нечего и толковать, по глазам видно, что мерзавец! Однако это неприятно; вдруг тебя ругают публично. И кто! Андронову до сих пор пятнадцать целковых должен; да и у меня, кажется, просил. Да! Просил, просил! Это я помню! *(Смотрит на рукав.)* Ну, одно за другим: там какая-то скотина ругается, тут фрак протёрся! *(С отчаянием махнувши рукой.)* Это со мной только с одним и может случиться. Гонит судьба, преследует. *(Сидит несколько времени задумавшись.)* Кажется, у Сенички лишний есть?.. Иван!

Иван *(входит)*. Что угодно?

Лисавский. Что, Сеничка зелёный фрак не носит?

Иван. Не носит.

Лисавский. Ну, так ты, Ваня, завяжи его в платок.

Иван. Уж это я без приказания не могу-с.

Лисавский. Ну, так прикажут.

Иван. А тогда дело другого рода, хоть два завяжем. А без приказания не могу. Вот вы бекешку-то взяли один раз надеть да и заносили совсем. Этак всякому раздавать, так не напасёшься. Мне что за дело: не моё, а барское. Наше дело, известно, лакейское, а и то совесть знаешь.

Лисавский. Ведь вот, Ваня, ты и обижаешь меня, а я ведь тебя люблю.

Иван. Ваша любовь-то известно какая: из неё шубу не сошьёшь. Вы у барина и то, и сё берёте, а я ещё от вас гривенника не видал. Хоть бы когда в глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хороших людей жил, да этакое обращения не видал. Известно, уж благородного человека сейчас видно.

Лисавский. Да нельзя же мне при людях к тебе на шею кидаться. А наедине я с тобой всегда по-дружески. Ей-богу, Ваня, по-дружески. Да чем мне гордиться-то перед тобой? Чем ты хуже меня? Ты своё дело знаешь, ты честен. Честность ведь, Ваня, великое дело. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готов быть другом, только будь честен.

Иван. Какое же в этом дружество может заключаться? Сказано — лакей. Какая от этого может честность произойти.

Гришка (*входит*). Приехал кто-то.
Иван. Проси.
Лисавский. Разбуди поди.
Иван. Разбуди! Не велит будить-то.
Лисавский. Ну, так я сам пойду. (*Уходит.*)

III

Входят двое молодых людей: 1-й входит в комнату, 2-й остаётся в дверях.

2-й молодой человек. Нет, нет!

1-й молодой человек. Да полно, братец, что за вздор!

2-й молодой человек. Ни за что на свете!

1-й молодой человек. Помилуй, ты его не знаешь: он отличный малый.

2-й молодой человек. Я с ним незнаком. Да и с какой стати я явлюсь к нему вдруг знакомиться. Что он за птица!

1-й молодой человек. Какое тебе дело! В нынешний век на это надо смотреть с философской точки зрения; хорошо кормит, вино хорошее — чего ж тебе ещё! Очень нужно тебе его образование и манеры. Нет, ты останься; посмотри, как он рад будет с тобой познакомиться.

2-й молодой человек. Ведь мы ему делаем честь своим знакомством, а не он нам, значит, неприлично мне к нему являться первому. Он может подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обедать на его счёт.

1-й молодой человек. А тебе-то что за дело, что он подумает!

2-й молодой человек. Не пойду, воля твоя, не пойду.

1-й молодой человек. Ты то возьми: у него денег можно занять.

2-й молодой человек. Да я всё это понимаю! Что ты мне ещё рассказываешь! Да всё-таки как-то тяжело. Ты подумай, какую мы будем роль играть.

1-й молодой человек. Никакой роли! Поедим, выпьем, и всё тут.

2-й молодой человек. Нет. Прощай.

1-й молодой человек. Ну, так ты вот что: отправляйся к Шевалье и жди, а я его привезу туда. Там и познакомись; он нас обедом угостит.

2-й молодой человек. Ну, вот это другое дело, а то всё как-то неловко. Прощай! (*Уходит.*)

Лисавский (*выходя из кабинета*). А! Здравствуйте!

1-й молодой человек. Что он, проснулся?

Лисавский. Одевается.

1-й молодой человек. Послушайте, господин Лисавский, это вы ему писали письмо в стихах к одной особе? Мне его показывали.

Лисавский. Конечно, я, где ж ему-с.

1-й молодой человек. Я так и думал. Очень хорошо написано, очень хорошо.

Лисавский. А вы видели мой водевиль «Один жених за троих, или То же, да не то»?

1-й молодой человек. Нет, не видал. А что же?

Лисавский. Там у меня есть куплетец:

Хоть он в рядах торгует плохо,
А лезет в кресла в первый ряд.

1-й молодой человек. А, понимаю. Очень хорошо написано и, главное дело, очень похоже.

IV

Недопекин входит и махает Лисавскому; тот уходит.

1-й молодой человек. Bonjour, m-g¹ Недопекин!

Недопекин. Извините, я вас заставил дожидаться. Я вчера поздно приехал. А впрочем, я всегда так встаю — в половине первого. (*Вынимает часы.*) Вот, ровно половина первого. Я читаю долго по вечерам.

1-й молодой человек. Вы читаете?

Недопекин. Читаю. Знаете, нельзя-с.

1-й молодой человек. Что же вы читаете?

Недопекин. Журналы, учёные сочинения. Я все почти журналы выписываю.

1-й молодой человек. Русские?

Недопекин. Русские.

1-й молодой человек. Полноте, что вы! (*Смеётся.*) Да что там читать-то? Переводные французские романы?

---

¹ Здравствуйте, господин (фр.).

Недопекин. Да-с, французские романы.

1-й молодой человек. Так уж лучше их в подлиннике прочесть.

Недопекин. Да-с, это несравненно лучше-с.

1-й молодой человек. А вы сами ничего не пишете?

Недопекин. Я думаю что-нибудь написать. Я стихи пишу-с. Я петь хочу учиться; только не знаю, где взять учителя, чтобы самого лучшего. Не знаете ли вы?

1-й молодой человек. Самых лучших нет здесь. А вот если вы хотите, я вас познакомлю с одним литератором — умнейший малый.

Недопекин. Ах, сделайте одолжение!

1-й молодой человек. Вы приходите нынче обедать к Шевалье, я вас отрекомендую.

Недопекин. Непременно буду-с.

1-й молодой человек. Так прощайте, до свидания!

Недопекин. Прощайте-с. Я непременно, непременно буду-с.

V

Лисавский (*из двери*). Что, ушёл?

Недопекин. Ушёл. Послушай, скоро ли ты меня по-французски-то выучишь?

Лисавский. Да зачем тебе так скоро понадобилось?

Недопекин. Как зачем! Читать французские книги. Не русские же читать! Ха-ха-ха! Кто же русские читает! Нет, брат, нас не обманешь.

Ходят обнявшись.

Лисавский. Послушай, Сеничка! А ведь ты хорош, ей-богу, хорош. Ведь ты себе цены не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Ведь это идеал мужчины! Аполлон, Аполлон, просто Аполлон!

Недопекин стоит перед зеркалом и улыбается.

Знаешь ли что, Сеня?

Недопекин. А что?

Лисавский. Ты красавец, решительно красавец; только позволь, друг, тебе правду сказать.

Недопекин. Говори.

Лисавский. Только ты, Сеня, не сердись! Ты одеваться не умеешь. Имей-ка я твоё состояние, так я бы, знаешь ли, как одевался.

Недопекин. А как?

Лисавский. Убил бы всех, да и всё тут. Ну, вот теперь ты порядочно одет, можно сказать, безукоризненно. А иногда надеваешь чёрт знает что! Зелёные фраки носишь, просто гадость!

Недопекин. Да с чего же ты взял? Я уж зелёного давно не ношу.

Лисавский. Как не носишь, да недавно надевал.

Недопекин. Когда надевал? Что ты врёшь-то! Стану я зелёный фрак носить!

Лисавский. Толкуй, толкуй! А зачем же ты его сшил?

Недопекин. Так, сшил, да и всё тут. Что ж не сшить! Денег, что ли, у меня нет?

Лисавский. Счастливцев ты, Сеня: богат, как чёрт!.. хорош!.. Я, брат, всё люблюсь на тебя! Ведь угораздило же тебя таким красавцем родиться! Каково, я думаю, на тебя смотреть женщинам. Ведь это, брат, смерть, ей-богу, смерть! Только ты уж, Сеня, не дурачься: зелёных фраков не носи.

Недопекин. Говорят тебе, не ношу.

Лисавский. Ох, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

Недопекин. Да ей-богу, не надену.

Лисавский. А вот взять его у тебя, так короче дело-то будет.

Недопекин. Да возьми, пожалуйста! Ты думаешь, одеваться не умею. Да я захочу, так у меня завтра сто фраков будет. Я, брат, знаю, как одеваться, ты меня не учи, сделай милость. А то важность мне зелёный фрак! *(Ходит перед зеркалом.)*

Лисавский. Ты, Сеня, не сердись: я любя, ей-богу, любя. Иван!

Входит Иван.

Завяжи в платок зелёный фрак.

Иван уходит.

А что мы, Сеня, с тобой завтракать будем?

Недопекин. Да мне что-то не хочется.

Лисавский. Как это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братец, правильную жизнь. Положи ты себе

за правило: завтракать в час, обедать в четыре. Все порядочные люди так делают.

Недопекин. Разве все в час завтракают!

Лисавский. Да разумеется, что все; а то как же?

Недопекин. Что ж, давай закусим что-нибудь.

Лисавский. Да не что-нибудь, а надобно выбрать полегче, поизящнее. Вот, например: спаржу, из дичи что-нибудь, лафиту хорошего.

Недопекин. Ну, уж это мы с завтрашнего дня заведем, а теперь так что-нибудь; уж один день не в счёт; ведь мне ещё нынче обедать у Шевалье. Иван!

Входит Иван.

Принеси нам позавтракать, да вина дай получше.

Иван уходит.

С каким, братец, я там писателем нынче познакомлюсь, не тебе чета. Вот ты и знай наших!

Лисавский. Сеня, возьми меня!

Недопекин. А тебе что там делать? Это, брат, не твоё общество.

Лисавский. А ты думаешь, твоё? Они же над тобой после смеются, а я бы тебя, по крайней мере, поддерживал.

Недопекин. Толкуй, толкуй!

Иван приносит завтрак. Садятся.

Лисавский. Ведь мне всё равно, как хочешь, так и делай; я тебе по дружбе говорю.

Недопекин (*показывая ему бутылку*). Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоит-то! Ты, я думаю, сроду не пивал. Только этого уж я тебе не дам.

Лисавский. Полно дурачиться-то, наливай!

Недопекин. Нет уж, не дам.

Лисавский. Вот уж не люблю.

Недопекин. Нет, жирно будет вас этаким вином поить. Атан-де-с!

Лисавский. Что ломаешься-то! Ведь ты вкуса не знаешь в этом; тебе бы только ярлык дорогой, а там хоть уксусу налей.

Недопекин. Рассказывай, рассказывай!

Лисавский. Велика важность! Да я и сам не хочу; и просить будешь, так не стану.

Недопекин. Да не беспокойся, я и не дам.

Лисавский. Да я и завтракать не стану. *(Встаёт.)* И чёрт меня дёрнул связываться-то с тобой!

Недопекин. Да ты и не связывайся.

Лисавский. А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и по-русски-то говорить порядочно выучишь, а вы уж и зазнаетесь. Без меня-то ты до сих пор говорил бы: оттедова, откулича, ахтёр.

Недопекин. Ты мне деньги-то отдай, которые брал.

Лисавский *(сядая к столу)*. Нет, ведь вот, Сеня, что душу-то возмущает, — это неблагодарность!

Недопекин. Ну, полно, не сердись. *(Наливает ему.)* Я пошутил.

Лисавский. Нет, ведь, ей-богу, Сеня, обидно!

Недопекин. Что ж, ты принёс стихи?

Лисавский *(отдаёт)*. На, возьми. Только ты, пожалуйста, Сеня, будь осторожен в словах. Я знаю, что это шутка; да всё-таки нехорошо — дурные замашки: между порядочными людьми этого не бывает. Ты знаешь, я щекотливый человек.

Недопекин *(читает)*. Ну уж хорошо, будет толковать-то. Что это, я не разберу.

Лисавский *(берёт у него и читает)*.

Я видел вас, как вы сидели в ложе,
И, боже мой, как были вы похожи
На пери, на Жизель, на этих фей...

Недопекин. Что такое «фей»?

Лисавский. Ах, как ты этого не знаешь! Это такие воздушные существа.

Недопекин. Хорошо, хорошо, читай!

Лисавский *(читает)*.

На пери, на Жизель, на этих фей...
Что грацией и лёгкостью своей
К себе сердца и взоры привлекают...

Недопекин. Ну, остальное я сам разберу.

Лисавский. Кстати, ты нынче будешь в театре?

Недопекин. Как же! Ведь нынче балет. Зайди, возьми мне кресло в первом ряду.

Лисавский. Хорошо. Так ты дай денег. (*Недопекин даёт.*) Ну, прощай!

Недопекин. Прощай!

Лисавский (*возвращаясь*). Так я уж кстати и себе возьму рядом с тобой, а?

Недопекин. Ну, возьми, чёрт с тобой! Иван! Давай одеваться.

Входит Иван с платьем и Гришка. Недопекин надевает пальто, шляпу, берёт палку и начинает ходить перед зеркалом; Гришка смотрит на него.

Гришка. Вон у Яшки-то княжеского штаны-то вот тут с пуговицами.

Недопекин. Иван, какие там ещё пуговики?

Иван. Это так точно; это грума называется.

Недопекин. Ну так ты вели ему сделать.

Иван. Это грума; а то вот вместо кучера во фраке сажают — так это жокей.

Недопекин уходит. Гришка за ним. Иван прибирает со стола, расставляет мебель; потом садится с книгой в кресло. Звонят.

Нет тебе покою ни на минуту! И свой-то с ног собьёт, а тут чужие то и дело шляют.

VI

Смуров (*входит; за ним Вася*). Что, Семён дома?

Иван. Уехали-с.

Смуров. А не знаешь куда?

Иван. Не знаю. Подождите; может, скоро будет.

Смуров. Подождём! Садись, Вася, будем его милости дожидаться.

Иван уходит. Молчание.

Вася. Абрам-то Сидорыч говорит нынче: я, говорит, протестую.

Смуров. Ишь ты, срам какой! А ещё-то много должен, не слышал ты?

Вася. Тысяч на пять серебром наберётся.

Смуров. Все по доверенности матери?

Вася. По доверенности.

Смуров. Платежи-то не скоро?

В а с я. По одному-то на этой неделе надо платить. Дан был Белорыбицыну; а он Семёну Арефьичу передал. Семён-то Арефьич вчера и говорит в трактире: мне, говорит, заплатит, а то я старуху-то и в яму потяну.

С м у р о в. Да и поделом ей, дуре, коли допустила до этого. Хорошо ещё, что я-то хватился, а то он накуралесил бы, что и не расхлебашь. Ишь ты, как разукрасил сдуру-то! Трюмо завёл! *(Смеётся.)* Книжки разные! Покажь-ка, Вася, что там за книжки.

В а с я *(берёт книгу)*. Французская, должно быть, либо немецкая.

С м у р о в. Нешто он по-французски-то знает?

В а с я. Где, дяденька, знать! Так, для близиру лежат.

С м у р о в. Эка дурачина-то! *(Смеётся, потом вздыхает.)* Эх, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! *(Молчание.)* Чей это мальчонка-то у него?

В а с я. Матрёнин внучек, что у тётеньки-то живёт старуха; ещё она сродни тётеньке-то.

С м у р о в. Так, стало быть, он сын Сидорыча-то, что у свата на фабрике?

В а с я. Сын. А сестру его, Дашу, помните, тётенька замуж выдавала за лавочника. Ещё, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

С м у р о в. Помню, помню. Отец-то славный малый, честный, а мальчишку-то как обезобразили. Ведь вот отец-то его ни в чём не замечен, а сынишка-то что делает. Обругать надо человека — этукую штуку надеть. Конечно, он мальчишка, его как хошь тормоши; да за что же обезьяной-то наряжать! Как его зовут-то?

В а с я. Гришуткой.

С м у р о в. Гришутка, а Гришутка!

Г р и ш к а *(входит)*. Чего изволите-с?

С м у р о в. Повернись-ка, повернись! Хорош, брат, нечего сказать!

В а с я. Дяденька! Точно он физик какой галанский. На птицу похож.

С м у р о в. Будешь похож, когда этакий кортекол наденут.

Г р и ш к а. Да нынче так носят.

С м у р о в. Да кто носит-то, глупый! Носят! Мало ли что носят! Всех нищих не перещеголяешь! Ну, за что тебя так обругали! Эх, Гриша, Гриша! Нехорошо, братец. Ты чем здесь занимаешься-то?

Гришк а. Ничем не занимаюсь. На посылках, да пыль сотрёшь, за столом прислужишь.

Смур ов. Балуетесь ты здесь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одели дураком, а ты и рад. А ты полно паясничать-то, ты уж не маленький, пора и об себе подумать. Чего ты здесь дождёшься? Ничего не дождёшься, ни лысого беса. А ты бы просился у бабушки-то, чтоб тебя куда в порядочное место отдали, в лавку, что ли, куда; по крайности со временем человек будешь, а то что народ-то смешить! Я вот бабушке-то поговорю.

Входит Иван.

Что ж, скоро ли будет-то?

Иван. Не знаю; может быть, и вовсе не приедет. Да вот вы напишите, что вам нужно. *(Подает ему бумагу и перо.)*

Смур ов. Напишите! А что я стану писать! Ишь ты, разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дурак ты, я вижу, и с барином-то с твоим; а то ещё «напишите». Очень мне нужно! Поди-ка-сь, господа какие! Пойдём, Вася.

Иван. Что же сказать прикажете, коли Семён Пармоныч спросят?

Смур ов. Скажи ему, что дурак он, вот что!

Вася. Дяденька, он говорит, что он образованный человек.

Смур ов. Как же ему не быть образованным! Из трактиров не выходит, по рощам шампанское пьёт. *(Ивану.)* Так ты слушай! Ты скажи ему, чтоб нынче же к матери приехал, что дяденька, мол, нарочно заезжал. Да ты скажи ему, что я сам старухе-то скажу, чтобы она доверенность-то уничтожила, да в газетах публикуем, что долгов за него не платим, тогда и живи, как он хочет: уж я ему ни слова не скажу. Мы ему хвост-то прижмём.

Уходят.

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Драматический этюд

ЛИЦА

СЕРГЕЙ АНДРЕИЧ РОЗОВЫЙ, *неслужащий помещик лет 27.*

ПАВЕЛ ГАВРИЛЬГЧ ДРУЖНИН, *товарищ Розового по учебному заведению.*

СОФЬЯ АНТОНОВНА, *вдова лет 30.*

МАША, *горничная Софьи Антоновны.*

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет холостого человека.

I

Розовый лежит на диване.

Розовый (*один*). Однако это чёрт знает как глупо! Даже совестно!.. Ведь вот один сидишь, а тебя в краску бросает. А ещё считаешь себя порядочным человеком, про других говоришь: тот не так себя ведёт, другой смешон. А что может быть хуже моего-то поведения? Совершенная гадость! Ну на что это похоже, что не могу я видеть женщины равнодушно: как только подойду, так теряю и рассудок, и всякое соображение, говоришь и делаешь такие вещи, что после как будто тебе всё это во сне снилось. Ну с чего я так разнежился вчера, например. Сначала-то как и путный, заговорил с ней о погоде, о литературе, а там и пошёл, и пошёл: «И какое блаженство быть любимым такой женщиной, как вы, Софья Антоновна! Да я не смею и мечтать о таком счастье...» Положим, что и другие то же говорят, да у них это как-то на шутку похоже; а ведь я чуть не со слезами. Ах ты, гадость какая! Да и Софья-то Антоновна хороша тоже!.. Ей бы посмеяться надо мной — и кончено дело, я бы и не лез больше, а то: «Да вам верить нельзя, да вы все так говорите». А я-то клясться, я-то божиться!.. Фу!.. (*Закрывает лицо руками.*) Для чего это я делал, теперь спрашивается? Жениться на ней мне совсем нет никакой надобности, я могу найти и лучше её, и богаче. А ведь я по своей глупости так повёл дело, что она теперь думает, будто я влюблён без памяти и ей остаётся только осчастливить меня на всю жизнь. Да как ей не думать, когда я сам клянусь ей в этом!.. Ах, дурак, дурак! (*Лежит молча.*) Да вот что гадко-то, что каждая такая глупость меня мучит после, из головы не выходит. Ведь забываешь же иногда вещи

и важнее, а тут вдруг ни с того ни с сего придёт тебе в голову иногда даже во время разговора с кем-нибудь — весь вспыхнешь и сконфузишься чёрт знает чему. Уж я и не знаю, говорить ли мне об этом Дружнину, или нет. Он взбесится на меня, непременно взбесится, изругает, пожалуй!.. А всё-таки надобно с ним посоветоваться, это дело начинает принимать серьёзный характер. Только я думаю не рассказывать ему всех-то глупостей, а так кое-что, слегка, да и попросить у него совета. А то женишься, пожалуй, ей-богу, женишься! Уж у меня сердце чувствует, что женюсь когда-нибудь так совсем на посторонней женщине, вдруг предложу руку, да и кончено дело. *(Задумывается.)* А какая там вчера была девушка!.. Что это за прелесть! Вот красавица-то! Меня так и подмывало поговорить с ней о чём-нибудь, да боялся. Ну, вдруг ни с того ни с сего откроешься ей в любви... Девочка молоденькая!.. Что должна подумать? Либо обидится, либо за дурака сочтёт.

II

Дружнин *(входит)*. Здравствуй, Серёжа!

Розовый. А, здравствуй, Павел!

Дружнин *(садится)*. Ну, что новенького у тебя?

Розовый. Какие же у меня могут быть новости!

Дружнин. Что ты толкуешь: какие новости! Ведь я тебя целую неделю не видал — неужели ты всё дома сидел?

Розовый. Нет, не всё дома, был кое-где.

Дружнин. А где ж бы это, например?

Розовый. В театре был, ещё кое-куда заезжал.

Дружнин. Да куда же? Что это за скрытность в тебе, Серёжа, как это гадко! Право ведь, Серёжа, гадко. Я, кажется, от тебя ничего не скрываю.

Розовый. Никакой тут скрытности нет; да не люблю я толковать о пустяках.

Дружнин. Какие же это пустяки? Ну, какие пустяки! Ты меня выведешь из терпения. Человек у тебя с участием спрашивает, заботится о тебе, а ты говоришь: пустяки.

Розовый. Да ей-богу, Паша, рассказывать нечего; скажи ты что-нибудь.

Дружнин. Что я, забавлять, что ли, тебя пришёл! Да что ты в самом деле? Я отрываюсь от дела, бегу к нему без памяти:

не случилось ли чего? А он и знать не хочет. Нет, уж это ни на что не похоже. Ну, полно, Серёжа, не дурачься, скажи, где был; в среду, я знаю, ты был в театре, а потом?

Розовый. Ну, а потом: в пятницу у Софьи Антоновны, в субботу у Хохловых, вчера опять у Софьи Антоновны, вот тебе и всё.

Дружнин. Постой, постой! У какой Софьи Антоновны? Что это за Софья Антоновна? Я что-то прежде не слыхал об ней.

Розовый. Как, братец, не слыхал, — я, кажется, говорил тебе.

Дружнин. Когда говорил? Ничего ты мне не говорил — ты врешь!.. Нет, брат, это у тебя какие-то новости! И уж наверно глупость какая-нибудь.

Розовый. Да какие же, Паша, глупости? Никаких глупостей нет.

Дружнин. Уж, пожалуйста, не говори, я тебя знаю. Ни слова не скажешь и познакомишься чёрт знает с кем!

Розовый. Да я уж с ней давно знаком.

Дружнин. Вот это мило! Да как же я-то ничего не знаю. Что ты со мной делаешь, скажи ты, сделай милость?

Розовый. Да не стоит знать-то — так, пустое знакомство.

Дружнин. Да всё-таки подло!.. Если она хорошая женщина, ты и меня должен был познакомить с ней.

Розовый. Нет, Паша, не стоит. Я наперёд знаю, что она тебе не понравится.

Дружнин. А ты-то для чего знаком с ней?

Розовый. Да так, нечаянно познакомились.

Дружнин. Что она, вдова?

Розовый. Вдова.

Дружнин. Богата?

Розовый. Нет, нельзя сказать.

Дружнин. Хороша собой, что ли?

Розовый. Ничего особенного; самое обыкновенное лицо.

Дружнин. Ну, уж это значит, что рожа. Коли ты говоришь, что обыкновенное лицо, так уж нечего и толковать.

Розовый. Нет, уж ты, Паша, слишком пересаливаешь! А по правде-то сказать, так в самом деле нет ничего привлекательного.

Дружнин. По крайней мере умная женщина или уж добра очень, что ли?

Розовый. Ну, и этого не скажу. Есть у неё что-то в характере, что мне не нравится.

Дружнин. Что же ты в ней нашёл, теперь спрашивается.

Розовый. Ничего не нашёл. Уж будто непременно нужно искать чего-нибудь. Знаком так же, как и все с ней знакомы, ни больше ни меньше.

Дружнин. Как же, поверю я тебе! То-то и беда моя, что ты никогда не делаешь так, как люди-то делают. Ну, рассказывай теперь мне, как ты с ней познакомился, в каких вы с ней отношениях и так далее...

Розовый. Да зачем, Паша?

Дружнин. Серёжа!.. Ну, сделай милость! Голубчик! Ну, я прошу тебя.

Розовый. Изволь, изволь!.. Познакомился я с ней у Окуневых. Потом, дня через три, встретил её на Кузнецком Мосту: идёт пешком... Посмотрел бы ты, как идёт!.. Прелесть! Походка какая!.. Ах, Паша, как иные женщины ходят.

Дружнин. Ну, так, так, я уж тебя знаю. Продолжай, продолжай!

Розовый. Ну, встретились мы. Она меня звала к себе.

Дружнин. Ты, разумеется, поехал.

Розовый. Известно, поехал. Отчего ж не поехать?

Дружнин. Ну, потом что?

Розовый. Так и познакомились.

Дружнин. Что ж ты у ней делаешь?

Розовый. То же, что и другие... Вот что, Паша, ты меня этиками вопросами только с толку сбиваешь, а я с тобой серьёзно хотел поговорить об этом деле.

Дружнин. Ну, говори, говори! Говори скорей!

Розовый. Только ты меня не перебивай, сделай милость. Ей-богу, ты, Паша, ко мне уж очень строг; я, право, всегда тебя конфужусь.

Дружнин. Ну, хорошо, хорошо! Я слушаю.

Розовый задумывается.

Да говори скорей, не мучь ты меня.

Розовый. Дело, Паша, важнее того, как ты думаешь, Я запутался совершенно и не знаю, как мне быть теперь. Вот видишь ли, был я на этой неделе у Хохловых, там была и она. Я не знаю, братец, что со мной сделалось: я в этот вечер был в особенном расположении

к нежности. Я предложил довезти её домой на моих лошадях. Да ты не сердись, пожалуйста.

Дру ж н и н. Ну-ну...

Р о з о в ы й. Она согласилась. Зашёл к ней, посидел у неё с полчаса, потолковали кой о чём, и пришла же мне в голову мысль целовать у ней ручки.

Дру ж н и н. Обе?

Р о з о в ы й. Обе.

Дру ж н и н. Экий дурак-то, господи!

Р о з о в ы й. Ну, и вчера то же самое. Вчера уж я так разнежился, что, право, Паша...

Дру ж н и н. Ну, что?

Р о з о в ы й. Самому, Паша, совестно!..

Дру ж н и н. Ну, что же ты такую глупую рожу-то сделал? Чему ты смеёшься? Делает глупости, да ещё смеётся. Это просто из рук вон. *(Ходит по комнате.)* Ах, боже мой, боже мой, что он делает! *(Подходит к Розовому.)* Ну, Серёжа, я буду говорить с тобой хладнокровно. Скажи теперь ты мне откровенно, зачем ты целовал у неё руки, зачем? Ну, говори, что же ты молчишь? Ещё мне понятно, что человек с слабым сердцем может поцеловать руку у женщины при случае; ну, чёрт возьми, что за важность! Да зачем ты другую-то целовал?

Р о з о в ы й. Зачем? Сам не знаю зачем!.. Так поцеловал, да и всё тут!

Дру ж н и н. Вот гнусная-то черта в твоём характере. Вот она всегда тебя путает. Это досадно до смерти; ты ведь не дурак по природе, ну, и образованный человек, а что ты делаешь!..

Р о з о в ы й. Ты, Паша, не сердись, сделай милость.

Дру ж н и н. Да как же на тебя не сердиться, когда ты чёрт знает что делаешь. Ах, батюшки мои! Уж ты попадёшься когда-нибудь.

Р о з о в ы й. Да что ж, брат, делать-то, нельзя удержаться.

Дру ж н и н. Не говори мне этого, сделай милость! Нельзя удержаться! Это только ты один не можешь удержаться. Так, каша какая-то, смотреть противно. А отчего? Оттого, что распушен очень характер, до того распушен, что подло, просто подло!..

Р о з о в ы й. Да, да, Паша, скверно, я сам вижу, что скверно. Плохое мне житьё с моим характером. Иногда бывает так неловко, так конфузно, что не знаешь, куда спрятаться от самого себя.

Дру ж н и н. Вот видишь, Серёжа, ведь ты сам это чувствуешь. Что же ты не стараешься, Серёжа, как-нибудь исправиться?

Р о з о в ы й. Как тут исправишься?

Дру ж н и н. Да ты вот что попробуй: ты прикинься разочарованным. Попробуй, Серёжа!

Р о з о в ы й. Да что толку-то.

Дру ж н и н. Да ты попробуй.

Р о з о в ы й. Да уж я пробовал.

Дру ж н и н. Что же?

Р о з о в ы й. Ещё хуже!.. Нет, Паша, для этого нужны люди с сильными характерами. Ах, как гадко! Боже мой, как гадко! Лезешь ко всякому с нежностью, с откровенностью. Над тобой смеются, рассказывают про тебя анекдоты!..

Дру ж н и н. Видишь, Серёжа, видишь!.. Ведь вот ты сам понимаешь.

Р о з о в ы й. Да что же мне делать-то? Уж ведь это у меня с детства. Ты не поверишь, Паша, меня маленького даже секли за это. Да что, это ничего! Кабы ты знал, сколько я перенёс неприятностей за свой характер. Я просто не знаю, что мне делать с собой. Я уеду куда-нибудь... непременно уеду. Поеду к себе в деревню и останусь там на всю жизнь. Ты, Паша, навещай меня, сделай милость.

Дру ж н и н. Полно, полно, Серёжа, что ты!

Р о з о в ы й. Нет, Паша, уеду, непременно уеду.

Дру ж н и н. Что ты дурачишься-то, что ты?

Р о з о в ы й. Да разве ты не видишь, что нельзя мне здесь оставаться?

Дру ж н и н. Да отчего же?

Р о з о в ы й. А характер-то у меня какой...

Дру ж н и н. Что ж такое характер?

Р о з о в ы й. Скверный характер, неприличный. Как же я с таким характером здесь останусь?

Дру ж н и н. Полно, полно, Серёжа! Ты гордись своим характером. Я бы сам желал иметь такое сердце, как ты.

Р о з о в ы й (*жмёт ему руку с чувством*). Паша! Ты мой друг настоящий, единственный, это видно из всего. Вот теперь ты меня хочешь утешить только, а совсем не то говоришь, что чувствуешь.

Дру ж н и н. Ей-богу, Серёжа, что чувствую, ей-богу!

Розовый. Эх, Паша!.. *(Сидит задумавшись.)*

Дружнин. Серёжа, Серёжа! Выслушай ты меня. Ведь если это разбирать строго, с настоящей точки зрения, это нельзя назвать даже недостатком; это, скорей, хорошее качество.

Розовый. Нет, Паша, не говори: это скверная черта. Постоянно доходят до тебя стороной обидные замечания; постоянно краснеешь, конфузишься сам за себя.

Дружнин. Да чего же конфузиться-то!

Розовый. Да как же не конфузиться: принимают тебя за дурака, да не то что за дурака, а гораздо хуже, обиднее.

Дружнин. А тебе что за дело? Всегда найдутся люди, которые сумеют оценить тебя. А что ошибся раза два-три — это не важность. Не уголовное дело, ведь не подлость же какую-нибудь ты сделал.

Розовый. Так ты думаешь, Паша, что это не важность? Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучает до смерти. Мне иногда приходит в голову, что это в самом деле не важность.

Дружнин. Да разумеется!

Розовый. Ей-богу, Паша, мне всегда нужна поддержка. Ведь вот теперь я сам вижу, что это не важность — просто вздор, да и всё тут. Ты меня развеселил, Паша! Поедем сегодня в театр.

Дружнин. Пожалуй, поедem. Что это тебе вдруг пришло в голову?

Розовый. Да так. Поедем, да и всё тут.

Дружнин. Вот ты опять, Серёжа, затеваешь что-то...

Розовый. Ничего не затеваю. Это та же история.

Дружнин. Какая та же?

Розовый. Софья Антоновна звала!

Дружнин. Как звала?

Розовый. Да так, просто: я вчера стал с ней прощаться, а она мне и говорит: приезжайте завтра ко мне в ложу... А из театра к ней на минуту заехать.

Дружнин. Ты и поедешь?

Розовый. Поеду!..

Дружнин. И таки решительно поедешь?

Розовый. Решительно поеду!.. *(Смотрит на часы.)* Да уж и пора.

Дружнин. Серёжа! Я тебя умоляю, не езд.

Розовый. Нельзя, Паша!

Дружнин. Серёжа! Если ты хочешь быть мне другом, так не езд.

Розовый. Нельзя, Паша, ей-богу, нельзя, — я дал честное слово.

Дружнин. Серёжа, не езд!..

Розовый. Говорят тебе, нельзя!

Дружнин. Отчего нельзя? Скажи, что болен.

Розовый. Как же это можно: я нынче обедал с её двоюродным братом.

Дружнин. Да что ты делаешь-то, опомнись!..

Розовый. Да ведь ты сам сказал, что это не важность.

Дружнин. Ишь ты выдумал — не важность! Это-то и важно. Не важность! Да рассуди ты хорошенько. Ты вот запутаешься, женишься... Ведь уж непременно женишься, стоит только женщине тебя в руки взять. Жена у тебя не хороша, по всему видно, кокетка; ещё, может быть, зла. Начнёт кокетничать с другими, тобой явно пренебрегать, капризничать, ты, разумеется, по мягкости своей, не будешь сметь сказать против неё ни одного слова; ты будешь всё переносить на себе, не позволишь даже себе высказаться, ещё сам, пожалуй, влюбишься в кого-нибудь: начнёшь тосковать — запьёшь, застрелишься либо от горя с ума сойдёшь. Вот ведь какая участь ожидает тебя! Отчего-нибудь да умер у неё первый-то муж. Вот какая ужасная перспектива перед тобой. *(Розовый стоит задумавшись.)* Пользуйся своим положением, пока ты ещё совершенно свободен в выборе.

Розовый. Да, я совершенно ещё свободен.

Дружнин. Ты можешь взять молоденькую девушку с неиспорченной душой, с добрым сердцем, которая способна будет оценить твою нежность.

Розовый. Да, да, Паша, молоденькую девушку, именно молоденькую девушку. Ах, как это хорошо взять молоденькую девушку. А какую я, Паша, знаю девочку, лет восемнадцати.

Дружнин. Ну, вот видишь.

Розовый. Красавица!.. Уж какая красавица-то... Только, Паша, этого быть не может!

Дружнин. Чего быть-то не может?

Розовый. Да как же? Эдакая красавица, щёчки так и горят, и вдруг — твоя жена!..

Дружнин. Что ж тут удивительного?

Розовый. Мне всё кажется, что это только в романах бывает; я бы, кажется, сам не посмел посвататься за такую красавицу.

Дружнин. Вот ты дурак-то какой.

Розовый. А ведь иногда, Паша, как раз мечтаешься-то об этом, так, кажется, можно с ума сойти от счастья. Ты представь себе — красавица, и эта красавица — твоя жена!..

Дружнин. Ну, ведь вот ты сам понимаешь.

Розовый. Так не ездить?

Дружнин. Не езд, Серёжа, сделай милость, не езд!

Розовый (*садится на стул со шляпой в руке*). Не поеду! Видишь ли, Паша, какой я послушный... (*Смотрит на часы.*) Пять минут восьмого. Знаешь ли что, Паша, — мы с тобой в кресла поедем, рядом возьмём. Я к ней в антракте зайду на минуточку, да и назад. Коли не веришь, пойдём со мной — ты меня подождёшь в коридоре. По крайней мере мне не так совестно будет; ведь ты знаешь, как я совестлив в этих вещах. А то вдруг обещал, да и не был, на что это похоже.

Дружнин. А из театра поедешь к ней чай пить?

Розовый. Можно и не ездить, — скажу, что нездоровится. А уж коли очень станет приставать, так... так мы поедем вместе. Вот и прекрасная мысль! Прекрасно, прекрасно; как это мне прежде не пришло в голову. Мы поедем вместе: ты меня будешь останавливать; по крайней мере ты всё увидишь своими глазами.

Дружнин. Ну, хорошо, поедем; только ты у меня смотри!..

Розовый. Ах, Паша, как я тебе благодарен! Друг ты мой! Вот друг-то!..

Дружнин. Ты помни, какая тебя ожидает перспектива, если ты женишься на этой женщине.

Розовый. Знаю, знаю... (*Задумывается.*) Перспектива ужасная! (*Идут к дверям.*)

Дружнин. И хорошо ещё, что я поспел вовремя, чтобы спасти тебя из этой пропасти.

Розовый. Спасибо тебе, Паша, спасибо!.. (*Уходят.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гостиная в доме Софьи Антоновны.

I

Из передней входят Софья Антоновна в шляпке и Розовый.

Софья Антоновна. Послушайте, Сергей Андреич, я на вас рассержусь.

Розовый. Да за что же, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Я уж вам сказала, чтобы вы мне не говорили комплиментов.

Розовый. Да ей-богу, Софья Антоновна, это не комплименты. Ей-богу, не комплименты!

Софья Антоновна. Знаю я вас, вам поверь, а после...

Розовый. Мне-то, Софья Антоновна, не поверить? Мне-то не поверить? Господи!

Софья Антоновна. Вам-то я именно и не поверю.

Розовый. Софья Антоновна! Да за что же? Да вы мне прикажите доказать чем-нибудь, коли словам не верите.

Софья Антоновна. Ну, хорошо, хорошо... Кто это с вами приехал?

Розовый. Один мой короткий приятель, Дружнин, отличный человек.

Софья Антоновна. У вас все отличные!

Розовый. Нет, Софья Антоновна, вы уж поверьте мне. Это совсем особенный человек, совсем особенный. Какая душа у этого человека! Необыкновенная! Он давно хотел с вами познакомиться.

Софья Антоновна. А я было думала, что мы с вами проведём вечер вдвоём. Я так расположена была к этому: я даже брату не велела приезжать.

Розовый. Вы, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Сергей Андреич! Вот вы и сами мне не верите, и вам тоже нужны доказательства.

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Нет, Софья Антоновна!.. Так я пойду прогоню его. Он ничего... Он отличный человек.

Софья Антоновна. Что вы, что вы!.. Как это можно!..

Розовый. Ах, как же это?..

Софья Антоновна. Что ж делать-то, — сами виноваты. Розовый. Ах какая досада!

Входит Дружнин.

Розовый. Рекомендую вам, Софья Антоновна, лучшего моего друга.

Софья Антоновна. Очень приятно. Я так много слышала об вас от Сергея Андреича.

Дружнин. Я давно желал-с... и давно просил Сергея Андреича.

Софья Антоновна. Садитесь, господа! Сергей Андреич, займите вашего приятеля, а меня извините; я вас оставлю на минутку. *(Уходит.)*

II

Дружнин *(отводит Розового на авансцену)*. Как ты себя подло вёл, просто смерть. Измучил ты меня.

Розовый. Да чем же, Паша, измучил! Ты ко мне уж очень пристаёшь нынче.

Дружнин. Во-первых: ты сказал, что пойдёшь к ней в ложу на одну минуту, а я тебя в коридоре ждал целый час, ровно час, так что капельдинеров стало совестно. Вот ты всегда своих приятелей в такие положения ставишь. Во-вторых: шепчутся, любезничают... Об чём вы там шептались?

Розовый. Да так, ни о чём, о пустяках!

Дружнин. Так отчего же было таить-то?

Розовый. Да как же, Паша! Ведь легко рассуждать об этом, а был бы ты сам на моём месте... Надобно послушать, Паша, как она говорит. Нет, я давеча ошибался: она умна, очень умна.

Дружнин. Ну, так я и ожидал! Значит, весь наш разговор пошёл на ветер. Да выслушай ты меня, Серёжа, я готов просить тебя со слезами, выслушай ты меня...

Розовый *(смотрит на дверь)*. Говори, Паша, я слушаю.

Дружнин. Да, слушаешь ты.

Розовый. Нет, Паша, право, здесь не место, ей-богу, не место. Мы лучше в другой раз как-нибудь.

Дружнин. Пропащий ты человек!

Входит Маша с чайным прибором.

Розовый. Что, Маша, оделась Софья Антоновна?

Маша. Оделись! Сейчас выйдут. (*Уходит.*)

Дружнин. Прощай, Серёжа.

Розовый. Что ты, что ты? Как это можно. Погоди немножко!

Дружнин. Нет уж, довольно! Помучил ты меня нынешний вечер!

Розовый. Ну, немножко, Паша. Я сам сейчас поеду. (*Вынимает часы.*) Вот через четверть часа.

Дружнин. Изволь, я на четверть часа останусь, только уж ни одной секунды больше, я тебе заранее говорю.

Розовый (*показывает на часы*). Вот как будет половина двенадцатого, так и поедем.

III

Входит Софья Антоновна.

Софья Антоновна. Извините, господа, что я заставила вас дожидаться.

Розовый садится подле неё.

Господин Дружнин! (*К Розовому.*) Как его зовут?

Розовый. Павел Гаврилович.

Софья Антоновна. Павел Гаврилович, садитесь к нам поближе.

Дружнин подвигается.

Как вам показался сегодняшний спектакль?

Дружнин. Не знаю, как вам сказать, я мало смотрел на сцену.

Софья Антоновна. Куда ж вы смотрели?

Дружнин. Я больше смотрел на зрителей.

Софья Антоновна. Да, кажется, смотреть-то было не на что! Народу было немного, хороших лиц я не видала ни одного.

Дружнин. Ах, нет; я совсем не того ищу. Я не большой охотник смотреть на хорошие лица издали.

Софья Антоновна. Так чего же вы ищете? А, я догадываюсь: вы, вероятно, ищете пищи для остроумия?

Дружнин. Да-с! Вы угадали.

Софья Антоновна. Вот как!.. Так вы опасный человек.

Розовый. Не верьте, Софья Антоновна, — он шутит. А ведь первая пьеса прошла очень хорошо.

Дружнин. А ты видел ли её?

Розовый. Конечно, видел. Как прекрасно сыграна была роль племянника! Ты не знаешь, кто играл?

Дружнин. Какого племянника?

Розовый. Ну, что влюблён.

Дружнин. Никакого племянника не было. Что, попался!

Розовый (*сконфузившись*). Так я перемешал, должно быть... Софья Антоновна, что же вы не курите?

Софья Антоновна. Ах, я и забыла совсем! Принесите мои папиросы, они там на столике.

Розовый проворно встаёт и уходит.

IV

Софья Антоновна. Не правда ли, что ваш друг очень любезный человек?

Дружнин. Мне кажется, уж чересчур!

Софья Антоновна. А разве это дурно?

Дружнин. Я, с своей стороны, не нахожу в этом ничего привлекательного. Что за мужчина, который готов растаять от всякой женщины?

Софья Антоновна. Мне кажется, что это всё-таки лучше, чем быть злым человеком!

Дружнин. Едва ли!

Софья Антоновна. Вы думаете? Я не нахожу этого; впрочем, как кому кажется. Вы курите?

Дружнин. Курю.

Софья Антоновна. Курите, сделайте одолжение.

Дружнин закуривает папиросу. Непродолжительное молчание.

Мне очень не нравится в молодых людях, когда они прикидываются разочарованными. Это так нетрудно нынче, да и едва ли они этим что-нибудь выигрывают.

Дружнин. Впрочем, и они имеют успех.

Софья Антоновна. Сомнительно! Ведь много очень и клеветуют на женщин. Женщина, которая понимает своё назначение,

поверьте, не увлечётся искусным разыгрыванием заранее заученной роли. По крайней мере для меня они всегда казались смешны.

Дружнин. Я с вами согласен; но много ли таких женщин?

Софья Антоновна. Поверьте, что женщин, понимающих свои обязанности, гораздо больше, чем мужчин,

Дружнин. В этом позвольте с вами не согласиться.

Софья Антоновна. Очень понятно, вы мужчина... что касается до меня, высшее блаженство для женщины — быть хорошей женой и хорошей матерью. Впрочем, это моё личное мнение, и я его никому не навязываю.

Дружнин. Это очень похвальное убеждение. *(Молчание.)*

Софья Антоновна. Что же он там пропал... Сергей Андреевич, что вы там делаете?

Розовый *(за сценой)*. Да не найду, Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Да направо, на столике.

Розовый *(за сценой)*. На столике нет.

Софья Антоновна *(встаёт и идёт)*. Какой скучный! *(Уходит.)*

V

Дружнин *(один)*. Я её понял... Она просто кокетка, и кокетка страшная. Я удивляюсь, как Сергей не видит этого. Впрочем, где ему! Но при моём содействии мало-помалу и он поймёт это. За работу, Павел Гаврилович, за работу!.. Спасайте вашего друга, пока можно. Уж я, кажется, дал ей почувствовать, что понимаю её. Что же это они там пропали?.. Что такое?.. *(Вскакивает со стула.)* Мой Розовый целует ей ручки?! И как громко!.. Это ужасно!.. Нет, это чёрт знает что такое! С этим человеком нельзя иметь никакого дела. Подлец совершенный!..

Входит Розовый.

Что ты делаешь, скажи, ради бога?

Розовый. Ах, Павел, не говори этого! Я счастлив!..

Дружнин. Ты счастлив?.. Ха-ха-ха. Ты счастлив! Человек стоит на краю бездны и говорит, что я счастлив!

Розовый. Нет, Паша, не говори этого.

Дружнин. Не говори этого? А ты забыл давешний разговор?.. Ты забыл, какая ожидает тебя перспектива?

Розовый. Паша, мы давеча ошиблись с тобой; это чудо, а не женщина! Ты взглядишь, сделай милость; взглядишь!

Дружинин. Да что ты мне рассказываешь, я видел своими глазами, что она кокетка, каких мир не производил!

Розовый. Нет, Паша, сделай милость, не говори ты этого. Ты меня этим обижаешь. Ты взглядишь, взглядишь!..

Дружинин. Не хочу я вглядываться! Стоит вглядываться!

Розовый. Послушай, ты не можешь так говорить. Ты меня обижаешь!

Дружинин. А ты думаешь, мне легко смотреть на твоё отвратительное поведение. Ты мне вот где сел!..

Розовый. Всё-таки, Паша, если ты мне друг, ты должен уважать женщину, которая дорога для меня.

Дружинин. У тебя все дороги; тебе стул наряди в женское платье, ты и тут растаять готов.

Розовый. Ну, Паша, говори, говори, что хочешь, я на тебя не сержусь, я понимаю, что ты всё это из дружбы, из любви ко мне. Я знаю, что ты мне добра желаешь. Я ценю это, Паша, ты мне поверь, что я ценю; только, извини ты меня, ты напрасно горячишься. Теперь уж поздно.

Дружинин. А я хочу, чтоб было не поздно!..

Розовый. Нет, Паша, уж поздно.

Дружинин. Я этого знать не хочу. Я приехал затем, чтоб спасти тебя, и без этого не уеду отсюда. С тобой надо принимать крутые меры. Поедем сейчас домой, поедем, поедем, и не разговаривай!

Розовый. Ты меня не понимаешь, Паша, я уж сделал предложение.

Дружинин. Ты сделал предложение?!. Ты?.. Да как же ты смел?

Розовый. Паша, голубчик, не сердись!

Дружинин. Нет, уж это из рук вон! Как ты смел сделать со мной такую подлость? Уверял меня, что ты гибнешь, просил помощи, я изо всех сил стараюсь; а он где-то за дверью, потихоньку, делает предложение!

Розовый. Паша, я не потихоньку.

Дружинин. Этак ты под видом дружбы завезёшь меня куда-нибудь к шулерам да обыграешь, наверное. От тебя станется. Нет, уж я теперь сам на всякую подлость решусь. Я сейчас пойду к Софье

Антоновне и скажу ей, что у тебя две любовницы, скажу, что ты женат, что у тебя шесть человек детей...

Розовый. Паша, ты этого не сделаешь.

Дружнин. А вот увидишь... Потихоньку, за дверью... Ведь уж видно, что низость, когда человек от людей бежит. Зачем я пойду за дверь, когда я честный человек. Хорошо, дружок, я тебе это припомню.

Розовый. Да ей-богу, Паша, не за дверью... У нас давно об этом был разговор. Я только боялся сказать тебе об этом. Вот как это случилось...

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь? Очень мне нужно знать. Я и знать не хочу. Велика важность, что ты женишься: одним дураком больше и всё тут. *(Молчание.)* Какое мне дело, на ком там кто-нибудь женится! *(Встаёт.)* Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Куда же ты, погоди немножко!

Дружнин. Нет-с! Уж что же мне здесь делать?

Розовый. Паша, если ты меня любишь, так останься.

Дружнин. Вы, я думаю, можете рассудить, что не могу я здесь оставаться.

Розовый. Бог с тобой, Паша! Я не ожидал, чтоб ты меня бросил в такое время.

Дружнин. На что вам приятели, — у вас будет жена, прекрасная женщина. Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Я не могу тебя удерживать, только мне, право, это очень грустно. Прощай!

Дружнин. Прощай!

Розовый. Прощай!

Дружнин *(идёт к двери, останавливается)*. И ты думаешь, что я останусь после этого тебе другом?..

Розовый. Я, ей-богу, не знаю, Паша, как мне быть. Я в самом критическом положении...

Дружнин. Нет, ты рассуди хладнокровно: могу ли я остаться твоим другом?

Розовый. Я, право, Паша, не знаю; я чувствую, что виноват перед тобою.

Дружнин. Что такое виноват! Ты думаешь, что я сержусь на тебя? Совсем нет. Это для меня ничего, что ты виноват, я совсем

не в претензии на тебя. Я тебя даже больше люблю, чем прежде, гораздо больше. Но всё-таки я не могу быть твоим другом, я не могу тебя видеть!

Розовый. Да отчего же, Паша?

Дружинин. Ты, пожалуйста, не думай, что я сержусь на тебя. Давай руку. Вот так! Поцелуемся. (*Целуются.*) Ну, теперь ты веришь, что я не сержусь на тебя?

Розовый. Верю, Паша, верю.

Дружинин. А всё-таки, Серёжа, я не должен тебя видеть. Мне это будет тяжело, очень тяжело, а делать нечего,

Розовый. Извини ты меня, я не понимаю, я точно как в тумане каком.

Дружинин. А! Ты не понимаешь?

Розовый. Не понимаю.

Дружинин. А вот я тебе объясню. Представь ты себя на моём месте: у тебя есть друг, человек с нежным сердцем, он женится, — женится на женщине, которая не может составить его счастье; положение его безвыходно; он тает день за день, помочь ты ему не можешь, он замечает твоё сострадание, и ему становится ещё тяжелее; он начинает задумываться, потом сходит с ума и кончает самоубийством — и ты должен всё это видеть!

Розовый. Полно, Паша, что это за чёрные мысли.

Дружинин. Не говори мне этого. У меня был один приятель в чахотке, каково мне было смотреть на него? Нет, Серёжа, для своего спокойствия я должен отказаться от тебя: знаю, что мне будет тяжело, я, может быть, не перенесу этого...

Розовый. Ты по крайней мере останься хоть на несколько минут, я прошу тебя.

Дружинин. Изволь, это я могу для тебя сделать.

VI

Входит Софья Антоновна, садится к столу.

Софья Антоновна. Господа! Не угодно ли вам ещё чаю?

Дружинин. Нет-с, покорно благодарю.

Розовый (*садится подле Софьи Антоновны*). Какое блаженство, Софья Антоновна, кончить день такой семейной картиной. Вы

не поверите, Софья Антоновна, как это приятно. Душа отдыхает. *(Целует у ней руку.)* Ах, ей-богу, как это приятно!

Софья Антоновна. Кто же вам мешает наслаждаться этим блаженством? Приезжайте ко мне почаще.

Розовый. Я буду, Софья Антоновна, к вам каждый день ездить. Вы мне позволите?

Софья Антоновна. Я вас прошу об этом.

Розовый. Ах, Софья Антоновна!

Дружнин. Сергей Андреич, мне пора!

Софья Антоновна. Куда это вы так торопитесь?

Дружнин. Да уж пора-с. Мне завтра много дела

Софья Антоновна. Уж какие у вас дела, просто вам скучно у меня.

Дружнин. Напротив, мне очень приятно. Только у меня, право, много дела завтра.

Розовый *(целует руку у Софьи Антоновны)*. Уж полно, полно. Я вам после, Софья Антоновна, скажу, отчего он торопится.

Софья Антоновна. Отчего же после, а не теперь?

Розовый. Нет, я вам после скажу.

Софья Антоновна. Нет, теперь.

Дружнин. Уж он вам наскажет.

Розовый. Признаемся, Паша! Софья Антоновна такая женщина, что, верно, нас простит.

Софья Антоновна. О, если за этим дело стало, так, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Розовый. Я знал заранее, Софья Антоновна, что у вас ангельское сердце. *(Целует у ней руку.)* Видишь, Паша, нам бояться нечего, остаётся только чистосердечно покаяться.

Дружнин. Кайся, пожалуйста! Я ни в чём не виноват перед Софьей Антоновной.

Розовый. Как ни в чём не виноват? А какие замыслы-то были у нас с тобой против Софьи Антоновны?

Дружнин. Что ж, мне извинительно, я совсем не знал Софью Антоновну... Да полно, перестань! *(Отходит в другую сторону и рассматривает какую-то картину.)*

Софья Антоновна. Однако это становится очень интересно. Какие же это замыслы были у вас?

Розовый. Мне совестно вспомнить, Софья Антоновна!.. Если б не ваша доброта, я, ей-богу, ни за что бы не признался вам. Мы приехали сегодня к вам с самым низким намерением.

Софья Антоновна. Вот как!

Розовый. Ах, Софья Антоновна, уж лучше поругайте меня, мне, право, не так совестно будет!

Дружнин. Да перестань, сделай одолжение.

Розовый. Да и то перестать надобно. Когда я начинал, я думал, что у меня хватит духу рассказать всё, а теперь вижу, что не могу. Мне просто стыдно! Побраните меня лучше, Софья Антоновна, мне, ей-богу, будет легче.

Софья Антоновна. Бранить я вас не стану и не имею права, а всё-таки странно для меня, что у вас были какие-то намерения против женщины, о которых вам даже сказать совестно.

Розовый. Софья Антоновна, пожалуйста, вы не думайте, чтоб это было что-нибудь важное.

Софья Антоновна. Однако довольно и того, что вам совестно об этом сказать. Можно ли на вас теперь в чём-нибудь понадеяться, когда у вас достало духу сделать какую-то неприятность женщине. И чего же должна я надеяться от вас вперёд?

Розовый. Софья Антоновна, позвольте, я вам расскажу. *(Берёт её за руку.)*

Софья Антоновна *(отнимает руку)*. Сделайте одолжение, не нужно. Вы уж имели довольно времени, чтоб сочинить всё, что вам угодно.

Розовый. Да как же я смею, как я смею это сделать?

Софья Антоновна. Как трудно разобрать мужчину, и сколько должна ошибаться бедная женщина.

Розовый *(тихо)*. Ах, Софья Антоновна, вы не то совсем думаете, я, ей-богу, не виноват.

Софья Антоновна. Подите вы!

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Ей-богу, не я-с! Что же это такое? *(Показывает глазами на Дружнина.)* Это он...

Софья Антоновна. Вот это хорошо! В вас нет даже настолько благородства, чтобы откровенно признаться в своей вине, вы сваливаете её на приятелей.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, это он, ей-богу, он!

Софья Антоновна. И вы думаете, что этим можно оправдаться? Зачем же вы окружаете себя такими людьми?

Розовый. Ах, нет, Софья Антоновна; он, ей-богу, прекрасный человек, ей-богу, он прекрасный.

Софья Антоновна. Хорош, нечего сказать.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, нет, не то, не то! Ах! Я вот выразить не умею, что я чувствую. Ах, Софья Антоновна, это бывает и с хорошими людьми; находит иногда так по глупости. Ах, Паша! Паша!..

Дружнин. Что тебе?

Розовый (*смотрит на него умоляющим взглядом*). Паша! Ведь ты виноват, ведь ты? Признайся, признайся, сделай милость! Скажи всё откровенно.

Дружнин. Изволь, я признаюсь. Вот в чём дело, Софья Антоновна. Надобно вам признаться, что я его очень люблю... Я его очень люблю, Софья Антоновна.

Розовый смотрит на него пристальным взглядом, в котором выражается благодарность.

Я знаю его слабое сердце; мне случалось видеть неприятности, которые он должен был терпеть за этот недостаток. Я недавно узнал, что он познакомился с вами. Извините, почему-то я имел об вас не совсем выгодное мнение; я испугался, чтоб это знакомство не довело его до чего-нибудь серьёзного и приехал к вам с намерением воспрепятствовать вашему сближению.

Софья Антоновна. И только?

Дружнин. Больше ничего.

Софья Антоновна. Скажите, сделайте одолжение, отчего вы составили обо мне такое мнение?

Дружнин. Право, не могу вам сказать отчего!

Софья Антоновна. Вам, может быть, говорили что-нибудь про меня? Мы, право, такие жалкие создания.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, разве мы поверим кому-нибудь?

Софья Антоновна. Про меня может сказать всякий, что ему угодно: за меня заступиться некому.

Розовый. Как некому, Софья Антоновна? За что же вы меня-то обижаете?

М а ш а (*из-за двери*). Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Что тебе?

М а ш а. Пожалуйста сюда.

Софья Антоновна уходит.

VII

Д р у ж н и н. Ну, ты теперь, кажется, достиг своей цели. Я теперь тебя понимаю хорошо. Ты давно уж решился жениться на ней, а меня давеча обманывал, пользуясь моим расположением; разыграл со мной штуку для своей потехи. Она теперь меня ненавидит. И неужели ты думаешь, что после всего этого я могу остаться твоим другом? Нет уж, покорно благодарю.

Р о з о в ы й. Ты сам видел, Паша, в каком я был положении.

Д р у ж н и н. Если тебе нужно было отвязаться от меня, ты бы так и сказал.

Р о з о в ы й. Да нет, Паша, нет, я совсем не думал.

Д р у ж н и н. Думал ты или нет, только ты меня выдал, и выдал, чтоб оправдать себя, из трусости. И это дружба, по-твоему? Это предательство самое низкое.

Р о з о в ы й. Ах, какой у меня характер! Я даже и не помню, как это всё сделалось. Точно я в каком-то тумане, впрочем, я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша.

Д р у ж н и н. Вот это мило. Да не только сердиться, она должна меня ненавидеть. Ты увидишь это сейчас, как только женишься.

Р о з о в ы й. Ты пореже к нам езд.

Д р у ж н и н. Покорно благодарю. Я так и думал. А если она совсем не захочет меня видеть — ты тогда скажешь, не езд к нам совсем? Ты, конечно, уж не захочешь ей противоречить, а если и захочешь, так не посмеешь.

Р о з о в ы й. Ах, Паша, я всё-таки тебя не забуду; я вечно буду помнить о тебе, по гроб. Впрочем, мы можем иногда видаться потихоньку.

Д р у ж н и н. Однако каково мне будет и то, что жена лучшего моего друга считает меня чёрт знает за кого.

Р о з о в ы й. Да, да, мы должны будем расстаться. Только каково это будет мне? Ах, боже мой, что же мне теперь делать? Ей-богу, я готов заплакать.

Дру ж н и н. Ты променяешь друга, верного и испытанного, на жену, которую ещё ты хорошо не знаешь, и, может быть, ждёт тебя ужасная перспектива, и без поддержки. Это в самом деле ужасно. Нет, ты должен меня сейчас же помирить с нею; для своей пользы ты должен меня помирить. Чем я больше думаю об этом, тем яснее вижу необходимость этого. Да ты вот ещё возьми в расчет: тебе нужен будет шафер. Где ты его возьмёшь? Да и притом же я, как первый друг твой, должен быть шафером.

Р о з о в ы й. Да, Паша, да...

Дру ж н и н. А как же я буду шафером, когда она меня видеть не может? Нет, ты даже обязан помирить меня с ней.

Р о з о в ы й. Непременно, Паша, вот как только выйдет.

Дру ж н и н. Ты рассуди хладнокровно: ведь это твой долг, ты во всём виноват, ты и должен это устроить. Мне ведь всё равно, мне, пожалуй, и не нужно; да ведь это всё для тебя делается. Пойми ты, что для тебя.

Р о з о в ы й. Да, Паша, для меня.

Дру ж н и н. Ну, так ты, голубчик, обделаи это дело; теперь вы в таких отношениях, что она, верно, тебе не откажет. Да и поедем, Серёжа, поедем, голубчик, тебе отдохнуть пора. Да закутывайся ты дорогой хорошенько, долго ли простудиться. *(Берёт его за голову.)* Посмотри, какой у тебя жар!

Р о з о в ы й. Да, уж у меня, Паша, голова кругом пошла.

Берут шляпы.

VIII

Со ф ь я А н т о н о в н а *(входит)*. Куда же вы, господа, торопитесь?

Р о з о в ы й. Нам уж пора, Софья Антоновна.

Дру ж н и н. Пора-с. *(Смотрит самым подобострастным взглядом.)*

Р о з о в ы й. И мы устали, да и вы, Софья Антоновна, я думаю, тоже.

Дру ж н и н. Надо же и вам дать покой-с!

Стоят молча. Дружнин толкает Розового локтем.

Р о з о в ы й. Софья Антоновна, вы мне не откажете, если я вас попрошу об одном деле? Для вас это ничего не стоит, а для нас очень важно, очень важно.

Софья Антоновна. Что такое? Просите!

Розовый. Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна. *(Берёт её за руку.)*

Софья Антоновна. Да за что же мне на них сердиться?

Дружнин. Однако я должен быть в ваших глазах ужасным человеком.

Софья Антоновна. Э, полноте: я так к этому привыкла.

Дружнин. Мне хотелось бы, Софья Антоновна, чтоб у вас не осталось ни малейшего неприятного чувства против меня, потому что всё это, Софья Антоновна, произошло от недоразумения.

Софья Антоновна. Я нисколько на вас не сержусь. *(Протягивает ему руку.)*

Дружнин *(целует)*. Ей-богу, Софья Антоновна, от недоразумения!.. Я, Софья Антоновна, его очень люблю. Вы спросите у него.

Софья Антоновна. Я вам верю! Да куда ж вы, господа, торопитесь? А я вам, Сергей Андреич, хотела сделать маленькое поручение.

Розовый. Что прикажете?

Софья Антоновна. Да нужно бы мне купить зеркало к дивану.

Дружнин. Так уж это позвольте мне-с! Где же ему, он и занят, да и толку в этом не знает. Это уж моё дело-с. К которому дивану? К этому-с?

Софья Антоновна. К этому.

Дружнин. Нет ли у вас аршинчика?

Софья Антоновна. Маша! Подай аршин!

Дружнин. Позвольте, я сам сбегаю. *(Уходит.)*

IX

Розовый *(целует руку Софьи Антоновны)*. Ах, Софья Антоновна, иметь такого друга, такую жену! За что, за что судьба так милостива ко мне!

Софья Антоновна *(с заметным кокетством)*. Вы этого стоите, Сергей Андреич! Вы слишком мало себя цените.

Розовый. Не стою, не стою, Софья Антоновна, это вы так только, по своей доброте говорите, что стою. Есть люди, которые всю свою жизнь не могут найти себе ни друга, ни хорошей жены...

Ах, Софья Антоновна, есть бедные люди... Мы часто в счастье забываем про это!

Х

Входят Дружнин с аршином и Маша.

Дружнин *(влезает на диван и меряет стену аршином)*. Нет ли у тебя, милая, снурочка?

Маша. Извольте!

Дружнин *(меряет снурком; завязывает на снурке узел и потом стоит несколько времени задумавшись)*. Аршин девять вершков и три четверти. *(Прячет снурок в карман.)* Готово-с!.. Я к вам завтра утром.

Розовый. Прощайте, Софья Антоновна! *(Целует руку.)*

Дружнин. Прощайте! *(Тожже целует руку.)*

Софья Антоновна. Прощайте, господа. Не забывайте меня.

Дружнин. Как можно, помилуйте! Однако как всё это неожиданно случилось!

Розовый. Да, Паша, совсем неожиданно.

Дружнин. Удивительное дело!.. Прощайте, Софья Антоновна!

Розовый *(целует руку Софьи Антоновны)*. Прощайте, Софья Антоновна! Если вы хотите, чтоб я был совершенно счастлив, не сердитесь на Павла!

Софья Антоновна. Я и не думала сердиться.

Дружнин *(целует у ней руку)*. Прощайте, София Антоновна! Я постараюсь оправдать себя перед вами.

Уходят. Софья Антоновна подходит к дверям.

Дружнин *(из передней)*. Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-с.

Розовый *(тоже из передней)*. Прощайте!

Дружнин *(подходя к двери)*. Прощайте, Софья Антоновна. Так я завтра чем свет-с!

ХІ

Софья Антоновна *(садится на диван)*. Какой смешной этот его приятель *(зевает)*, а должно быть, добрый человек. *(Зевает.)* Чудаки!!.

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

Комедия в пяти действиях

ЛИЦА

АННА ПЕТРОВНА НЕЗАБУДКИНА, вдова небогатого чиновника.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, её дочь.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МЕРИЧ
ИВАН ИВАНОВИЧ МИЛАШИН } молодые люди, знакомые Незабудкиной.

ПЛАТОН МАРКОВИЧ ДОБРОТВОРСКИЙ, старый стряпчий.

МАКСИМ ДОРОФЕЕВИЧ БЕНЕВОЛЕНСКИЙ, чиновник.

АРИНА ЕГОРОВНА ХОРЬКОВА, вдова, мещанка.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧ ХОРЬКОВ, сын её, бывший студент.

КАРПОВНА, сваха (по купечеству) в платочке.

ПАНКРАТЬЕВНА, сваха (по дворянству) в чепчике.

ДАРЬЯ, горничная Незабудкиных.

МАЛЬЧИК ДОБРОТВОРСКОГО.

ДУНЯ } молодые девушки.
ПАША }

ОФИЦИАНТ И РАЗНЫЕ ЛИЦА, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ В ПЯТОМ ДЕЙСТВИИ
СМОТРЕТЬ СВАДЬБУ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет комнату; на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу; с левой стороны окно, у окна пьльцы, далее фортепьяно; с правой стороны диван и большой круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (сидит за пьльцами) и Анна Петровна (на диване).

А н н а П е т р о в н а. Вот тут и живи как хочешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба ещё!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я? Моё дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. *(Молчание.)* Хоть бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и Бога-то благодарить! А то как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

М а р ь я А н д р е е в н а. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

А н н а П е т р о в н а. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Постой, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Всё ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые — умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумую.

Анна Петровна. Да о чём думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа ещё ты, вот что. *(Сидит надувшись. Молчание.)* Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришёл. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. *(Подает.)*

Анна Петровна *(вяжет чулок)*. Нейдёт Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он всё-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто её там разберёт? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай Бог памяти... Вот она! Постой — нашла. Вот, сочти возьми. Давеча считала, считала

на счётах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то всё не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Всё-таки мужчина.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. Барыня, а барыня! От Платона Маркыча мальчик пришёл.

Анна Петровна. Позови его сюда.

Дарья уходит. Входит мальчик.

Мальчик. Платон Маркыч кланяться приказали; прислали газеты вчерашние и записочку-с да приказали о здоровье спросить.

Анна Петровна. Господи! Куды это я очки дела? Поищи, Маша, сделай милость.

Марья Андреевна ищет очки.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у вас с Платоном Маркычем секретов нет.

Анна Петровна. Прочитай, Маша! Какие секреты! Я его об деле просила. Вот женское-то дело: ведь и жаль беспокоить Платона-то Маркыча — старый человек, а делать нечего.

Марья Андреевна (*читает*). «Ваше высокоблагородие, милостивая государыня Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все поручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь прошу вас таковые возлагать на меня. При сём посылаю вам “Ведомости” вчерашнего числа. Насчёт того пункта, о котором вы меня просили, я в названном вами присутственном месте был: холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть один, но я сомневаюсь, чтобы он вам понравился, ибо очень велик ростом, весьма много больше обыкновенного, и рябой...» (*Смотрит с умоляющим видом.*) Маменька!

Анна Петровна. Читай, читай.

Марья Андреевна (*продолжает*). «Но, по справкам моим от секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности

хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием. Дело ваше, по случаю упущений с вашей стороны, приняло дурной оборот; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашёл весьма знающего человека, который может оным делом руководствовать. О прочем буду иметь честь объяснить вам при личном свидании. Остаюсь, всегда готовый к услугам, Платон Добротворский». Что это вы, маменька, делаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственным местам женихов искать! Это уж бог знает что такое!.. И ни слова об этом не скажете; это уж обидно даже. Ах, маменька, что вы со мной делаете! *(Садится к пальцам.)*

Анна Петровна. Никакой тут обиды нет! Ты, Маша, этого не знаешь, это уж моё дело. Я ведь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдёшь. А это уж мой долг тебе жениха найти. *(Мальчику.)* Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава богу, мол, здоровы.

Мальчик. Слушаю-с.

Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна *(одна)*. Вот всякий день этакий разговор! Как это не надоест маменьке, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда деться! *(Шьёт в пальцах.)*

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас!

Марья Андреевна. Что ты всё сердишься?

Дарья. Да как же, барышня, не сердиться-то! Этакой народ, не поверите! Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя,

на красавицу этакую, не посмотреть. Плонула да и пошла. (*Ищет что-то.*) Вот вечно растеряет, а тут ищи. О, чтоб!..

Марья Андреевна. Что ты там ищешь?

Дарья. Да табатерку барыня потеряла... Нашла.

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой.

Дарья. И, матушка, на что мне красота.

Марья Андреевна. А мне на что?

Дарья. Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть; полковник какой-нибудь возьмёт.

Марья Андреевна. Где уж, Даша, влюбиться! Маменька говорит, что замуж пора.

Дарья. Что ж! Отчего ж и замуж нейти?

Марья Андреевна. Так зачем же быть красавицей-то?

Дарья. Как это можно, лучше муж будет любить. Вот соседки две дочери: старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; ещё шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь, говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет. Затолковалась я с вами, барышня; старуха-то, пожалуй, рассердится. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду? Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. (*Задумывается.*) Всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением, потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму. (*Смотрит в окно задумавшись.*) Мерич! Вот прекрасно. Идёт такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чём он думает, уж верно не обо мне. (*Подходит к зеркалу.*) Ах,

какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. На-
добно немного успокоиться — он, пожалуй, заметит. А что ж такое,
мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах,
какие глупости! Что я вру! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Поди попроси Владимира Васильевича в сад пройти!

Дарья. Хорошо, барышня. *(Уходит.)*

Марья Андреевна *(поправляется перед зеркалом)*. Тут по-
минутно разные свахи являются, очень приятно смотреть на них!
Я-то уж пригляделась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ах,
как я рада ему; он так редко у нас бывает...

Дарья *(входит)*. Пожалуйста, барышня, он в саду.

Марья Андреевна уходит.

(Стирая пыль с мебели.) Чтой-то у меня за барышня, право... Дай
ей Бог жениха хорошего! *(Останавливается посредине комнаты
с тряпкой в руке.)* Если это рассудить теперь, как это всё на свете
делается: богат ты, ну и всякий тебя уважает, а беден, так и рыло
воротят. Уж это значит, не человек нужен, а богатство. *(Растопыри-
вает руки.)* Мудрено это всё делается! *(Взглянув в окно.)* О, чтоб вас!
Кого-то принесло. *(Идёт к двери.)*

Карповна входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дарья и Карповна.

Карповна. Даша, здравствуй!

Дарья. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна. Что, душа, — всё хлопоты; нет ли чего новенького
у вас?

Дарья. Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

Карповна *(сядаясь)*. Уж и как, девушка, жарко.

Дарья. Ишь ты, как расползлась, бог с тобой.

Карповна. А что, девка, ведь и то никак я потолстела. Ты что
ж не поправляешься?

Дарья. Ты говоришь: не поправляешься! Да с чего мне поправ-
ляться-то? Другое дело, кабы жила я покойно, а то... ах... *(Подходит
к ней и говорит вполголоса.)* То есть ты, Карповна, не поверишь,

целый-то она день-деньской, как часы заведённые, — и то не так, и другое не по ней — и пошла ворчать, и пошла... Женщина я горячая, ничего на себе не могу перенести, ну и выговоришь; и пошёл дым коромыслом... брань да история. То есть, кажется, кабы только моя не привычка к этому дому, как уж седьмой год живу, так я бы ни одного дня не осталась.

Карповна. Ишь ты, девка! А!... *(Качает головой.)*

Дарья. Женщина же я горячая; закипит это, закипит, и как вдруг туман в глазах, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчас как ничего и не бывало, а она всё ворчит... То есть, кажется, кабы моя не привычка, как я седьмой год живу... Уж так думаю: ну... *(Махнув рукой.)*

Карповна. В людях жить, душа, кому сладко.

Дарья *(подходит к ней ближе и говорит почти шёпотом)*. Намедни говорит: такая ты и этакая! Что, говорит, долго в лавочку ходила! Ты с лавочниками якшаешься! Как, говорю, сударыня! Кто меня застал? Нет, говорю, не извольте... Я, говорю, девушка, как есть... ни в чём... Ах, кажется... уж лучше не говорить... *(Помолчавши.)* Барышню поедом съела! Выходи, говорит, замуж... За кого я, говорит, маменька, пойду? Да ведь и вправду: ну за кого она пойдёт, за какого шута горохового? Уж хоть бы ты, Карповна, ей хорошего жениха нашла.

Карповна. Найдить-то я нашла, да не знаю, как понравится.

Дарья. Я так думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ка, мимо нас какие хорошие ездят. Никак кто-то идёт. *(Идёт к двери.)*

Входит Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Панкратьевна.

Панкратьевна. Что, милушка, дома барыня?

Дарья. Дома.

Панкратьевна. Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла.

Дарья уходит.

(Взглянув на Карповну.) Ба-ба-ба... Залетела ворона в высокие хоромы! Ты как сюда попала?

Карповна. А вот как попала, так и попала. Это что ещё за спрос такой проявляется!

Панкратьевна. Ишь тебя везде носит! Знала бы своё купечество.

Карповна. А ты, небось, с дворянством всё знакома; то-то ты хвосты-то и отпала, по передним-то шлямшись.

Панкратьевна. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу.

Карповна. Ха-ха-ха-ха... Ты, что ль, больно вежлива! Ты вот с дворянами водишься, а ходишь ощипанная да обдёрганная, страм смотреть-то; а я с купечеством, да своим домом живу, не хуже кого другого, и в ламбарте есть. Напялила чепчик-то, так и на-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я, коли захочу, так в пол-аршина взбодрю. *(Смеётся.)* Ещё важней тебя буду!

Панкратьевна. Что с невежей и говорить. Обращения ты никакого не знаешь, как есть дура, невоспитанная!

Карповна. Вот дура, да почище тебя, никто на ногу не наступит. *(Молчание.)*

Панкратьевна. А вот как узнает Мартын Мартьяныч, зачем ты к ним ходишь, так он тебе форс-то собьёт.

Карповна. А зачем я хожу-то? Ну, скажи, зачем?

Панкратьевна. Ну, известно зачем.

Карповна. Как тебе не знать! Врёшь, врёшь ты! Тринадцатый год вдовою, ни в чём не замешана. Ты, видно, с большой головы на здоровую.

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Анна Петровна. Свахи встают и кланяются.

Анна Петровна. Здравствуйте! Ну что? Что? Говорите скорей.

Обе молчат.

Что вы молчите?

Карповна. Пусть она сначала говорит, у неё благородные.

Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна. Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такие кавалеры, что чудо!

Анна Петровна. Какие ж они такие?

Панкратьевна. Служащие, матушка, благородные.

Анна Петровна. Что ж они, с состоянием?

Панкратьевна. Служат, матушка, жалованье получают.

Анна Петровна. Да живут-то они какво?

Панкратьевна. Живут хорошо. Один стихи пишет, другой всё поет целый день. А уж какие учтивые, да какие влюбчивые! Как, говорит, увижу хорошенькую барышню, так бы и женился, ни на что не посмотрел.

Анна Петровна. А чины у них какие?

Панкратьевна. Чины небольшие, из себя-то уж больно красавцы.

Карповна. Голь всё это, как я посмотрю.

Анна Петровна. Ну, а у тебя что, Карповна?

Карповна. Есть-то у меня есть, такой туз — не её женихам чета, да лишнее брёвнышко у нас в горнице.

Анна Петровна. Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Наведайся как-нибудь на днях.

Панкратьевна. Прощайте, Анна Петровна. *(Уходит, свирепо взглянув на Карповну.)*

Анна Петровна. Ах, Карповна, уж кабы ты нам нашла жениха, я бы тебе такое спасибо сказала... Сама ты знаешь, моё дело женское, ничего я не знаю... Как это можно без мужчины!..

Карповна. Так вот, матушка, не было ни гроша, да вдруг алтын. Такой туз, что рукой не достанешь.

Анна Петровна. Кто ж такой? Говори, не мучай.

Карповна. Савва Саввич Белугин.

Анна Петровна. Что ты! Ведь миллионщик!

Карповна. Миллионщик, миллионщик.

Анна Петровна. Как же это он вздумал?

Карповна. Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живёт, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутся да и пьют, кранболь у них там всякий идёт. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытарашит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погода немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!

Анна Петровна *(качая головой)*. А-я-яй, а-я-яй!

Карповна. Ну, сама посуди, отец-то смотрит, смотрит...

Анна Петровна (*заглянув в окно и увидав идущую Хорькову*). Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебе. Сама ты знаешь, моё дело женское... зайди на днях, потолкуем... теперь некогда, — вон Хорькова идёт.

Карповна. Зайду, зайду. (*Кланяется и уходит.*)

Входит Хорькова.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте!

Хорькова. Я ведь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе — дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навесят, ну да уж, думаю, зайду.

Анна Петровна. Извините, матушка, всё дела, ей-богу, некогда, сами посудите, дело моё женское: везде сама должна. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?.. А у меня дочь невеста.

Хорькова. Вот я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и обожаю. Вы представьте, ведь он у меня теперь на линии дворянина. Старостиха наша говорит мне наемдни: у вас такой сын, Арина Егоровна, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слышать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените? А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У неё, представьте, три дочери, и она помногу денег даёт за ними; только девушки, я вам скажу, без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя за твою кротость и образование влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе

найду невесту. Хотя я, говорит, маменька, и образованный человек, но я всегда предпочитаю с вами об деле разговаривать. Всякая, говорю, девушка за тебя пойдёт с радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой. Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: милая маменька, не в богатстве счастье, всё, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, моё есть желание понравиться Марье Андревне.

А н н а П е т р о в н а. Покорно вас благодарю, Арина Егоровна! Мне самой ваш сын очень нравится. Я всё к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете моё душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне её с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

Х о р ь к о в а. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

А н н а П е т р о в н а. Я принуждать Машеньку не могу — это её воля. Вы скажите Михаилу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке — я буду очень рада.

Х о р ь к о в а. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? Всякая девушка с радостью тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадёжить, Анна Петровна.

А н н а П е т р о в н а. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Х о р ь к о в а. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. *(Молчание.)* Какой миленький чепчик на вас; почём вы брали ленточки?

А н н а П е т р о в н а. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

Хорькова. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкроечку вашей визитки, хочется чёрный муаре сделать. Вот, представьте себе, так и сплю и вижу — непременно чёрный муаре.

Анна Петровна. Куда это я её засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком Мосту заказала, понарядней.

Хорькова. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы всё было благородно. Мне Миша всегда говорит: вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования. Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкроечку.

Анна Петровна (*встаёт*). Пойдёмте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

Идут к двери. Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Милашин.

Милашин. Здравствуйте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Здравствуйте, Иван Иванович! Машенька, должно быть, в саду гуляет.

Милашин подходит к окну.

Хорькова (*осматривает Милашина*). Кто это, Анна Петровна?

Анна Петровна. Милашин, Иван Иванович.

Хорькова. Ну, это вашей дочке не жених.

Анна Петровна. Какой жених! (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Милашин (*один у окна*). Что это! Мерич опять здесь! Ну, так и есть. Я этого и ожидал. Чёрт возьми, это досадно! Нет, я этого не позволю. (*Ходит по комнате.*) Сколько времени я все силы употребляю, чтоб ей понравиться, бьюсь, бьюсь — и всё ничего; а тут какой-нибудь... Я решительно не могу видеть, как она с ним

любезничает. Как бы мне его выжить отсюда! Жениться на ней? Так она за меня не пойдёт, потому что мне жить нечем, да и, кажется, она не любит меня. Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан». Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: «Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда». — «Но зачем же навсегда, Иван Иванович?» — «Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер». Взять шляпу и уйти... Ну, что ж потом! А, чёрт возьми! Она ещё, пожалуй, будет рада, что я ушёл, а Мерич и подавно! Так нет же, останусь, назло им; буду ходить каждый день; буду в глаза смеяться над Меричем: уж как-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство решаюсь!.. *(Ходит по комнате.)*

Входят Марья Андреевна и Мерич.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Милашин, Мерич и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Здравствуйте, Иван Иванович! Что, ушли свахи?

Милашин. Кажется, ушли; мне навстречу две попались.

Марья Андреевна. Как это скучно! *(Стоит задумавшись.)* Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте.

Мерич. Смею ли я послушаться, когда вы приказываете. Только я вам повторяю, Марья Андреевна, я вас боюсь.

Марья Андреевна. Полноте шутить-то!

Милашин делает гримасы довольно заметно.

Марья Андреевна *(Милашину)*. Что с вами: вы нынче как будто не в духе?

Милашин. Так-с, у меня что-то голова болит.

Мерич. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андреевна, засвидетельствуйте моё почтение маменьке.

Марья Андреевна. Когда же вы к нам?

Мерич. Завтра, если можно.

Марья Андреевна. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать. Мерич. Непременно. *(Уходит.)*

Марья Андреевна подходит к двери.

Марья Андреевна. Смотрите же, не обманите. Мерич *(за сценой)*. Честное слово!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Что это он с вами говорил в саду, Марья Андреевна?

Марья Андреевна. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

Милашин. Извините, Марья Андреевна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал... Может быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

Марья Андреевна. Может быть.

Милашин *(после непродолжительного молчания)*. Скажите, Марья Андреевна, за что вы меня не любите?

Марья Андреевна. Полноте, что вы! За что мне вас не любить?

Милашин. Конечно, я не так хорош, как Мерич; не бываю в обществе; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень ценят. Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. Это смерть досадно!

Марья Андреевна. Вы очень любезны.

Милашин. Вы меня извините, Марья Андреевна, а я говорю правду; я не виноват, если это вам не нравится... Чем я хуже какого-нибудь Мерича? Если б я захотел, я бы мог во сто раз быть лучше его. Мальчишка! Нигде не учился; выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я по крайней мере в гимназии курс кончил. Как он смеет смеяться надо мной? Ничего не делает, только числится на службе, чтобы первый чин получить. Что у него отец-то богат, так невелика важность!

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек! *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иванович, вы влюблены в меня? *(Милашин в смущении.)* Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня...

М и л а ш и н. Пожалуйста, не жалеите! Что ж делать, насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Д а р ь я (входит с самоваром). Матушка барышня, Платон Маркыч пришёл.

М и л а ш и н. Очень кстати!

М а р ь я А н д р е е в н а. Отчего ж не кстати?

М и л а ш и н. Да так, я его не люблю что-то.

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы, кажется, никого не любите.

Входят Анна Петровна с Добротворским.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Анна Петровна и Добротворский.

Добротворский. Так вот, сударыня, дело-то какого рода.

А н н а П е т р о в н а. Понимаю, понимаю, Платон Маркыч. (Садится к столу и наливает чай.)

Добротворский. Здравствуйте, матушка барышня, что это вы не веселы?

М а р ь я А н д р е е в н а. Да чему же мне радоваться-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Да и то правда. Неурожай нынче, барышня, на женихов-то, неурожай.

А н н а П е т р о в н а. Чаю не угодно ли?

Добротворский. Выпью-с. Не с чего невестам весёлым-то быть. Ну, да уж для вас, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошего — будете благодарить. Я ещё папеньку вашего знал покойного: благодетель для меня был. Так уж не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйста ручку.

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, зачем, Платон Маркыч!

Добротворский. Ничего-с, пожалуйста. (Целует руку.)

А н н а П е т р о в н а. Подвигайтесь, Платон Маркыч, сюда поближе.

Анна Петровна и Добротворский садятся с одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашин — с другой.

Добротворский. Слушаю, сударыня! Народ-то нынче, я говорю, сударыня, поизветреничался, женихов-то трудно искать.

В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик поперется, поступит на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня Анна Петровна, холостых-то что-то мало было и видно, а у нас в суде, так, поверите ли, ни одного холостого чиновника не было. А нынче как живут молодые люди, так только дивиться надо. А уж это непорядок.

Анна Петровна. Какой уж это порядок! Что хорошего! Ох, да никак я вам сахару-то забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна. Положили, маменька.

Добротворский. Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна. Говорю, что хорошего, — нехорошо.

Добротворский. Нет, как можно, что хорошего! В наше-то время совсем не так было. Вот оно и невестам-то веселей было: долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Вот у моей у невестки, сударыня, шесть пальцев было на правой руке, мать-то всё ахала, что, говорит, не возьмут...

Анна Петровна. Скажите!

Добротворский. Хороший человек взял — и ничего. Так я и говорю, сударыня, что невестам-то веселей было, задумываться-то было не о чем.

Марья Андреевна. Да я совсем об этом и не думаю.

Добротворский. Как, чай, не думать, барышня! Не скажете только, а то как не думать! Конечно, дело девичье: этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать, все думают. Так ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна. Так, Платон Маркыч, так, уж что толковать! Не хотите ли ещё чашечку?

Добротворский. Пожалуйста. Вот, матушка барышня, и ваша маменька то же говорит. *(Говорит потихоньку с Анной Петровной.)*

Милашин. Дурак!

Марья Андреевна. За что вы его браните?

Милашин. Он вас совсем не понимает! Он думает, что вы так же о женихах хлопчете, как невестка его, у которой было шесть пальцев.

Марья Андреевна. А пусть его думает, что хочет; он очень добрый человек.

Милашин. Однако что они там шепчут?

Марья Андреевна. Что-нибудь о своих делах.

Добротворский (*вполголоса*). Прекрасный, сударыня, человек, и молодой ещё, очень молодой. Он секретарь.

Анна Петровна. Что?

Добротворский (*громче*). Секретарь, говорю. Чин небольшой — да место хорошее. Всего у него в доме много, лошади свои.

Анна Петровна. Что? Не слышу.

Добротворский. Лошади свои.

Марья Андреевна. Что такое он говорит?

Милашин. Это что-то интересно.

Анна Петровна. Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашёл человека, который хочет взяться за наше дело. Говорит, что очень хороший молодой человек.

Добротворский. Прекрасный, барышня, человек, а уж делец какой — беда!

Анна Петровна. Никак я про вас-то и забыла, Иван Иванович. (*Наливает ему чай.*) А не пьёт он, Платон Маркыч?

Добротворский. Как, чай, не пить, да, должно быть, немного: кабы много пил, так бы слышно было.

Анна Петровна. Вот, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна. Да вы, маменька, опять за свой разговор.

Анна Петровна. Ах, боже мой! Что ж такое за важность! Ты ведь его ещё не видала; посмотришь, может быть, и самой понравится.

Добротворский. Мы, сударыня, с ним к вам приедем.

Анна Петровна. Ах, Платон Маркыч, как я вам благодарна! Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить! Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Так только маешься.

Добротворский. И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязан был... По гроб не забуду. Благодаритель мне был, дай ему, Господи, царство небесное, место покойное. Чем же мне ему заплатить-то? Ну, стар стал, не на всё ума хватает.

Марья Андреевна (*встаёт*). Вы слышали, Иван Иванович?

Милашин (*встаёт*). Слышал. Это ужасно!

Марья Андреевна. Вот это у нас вечно такой разговор.

М и л а ш и н. Я не знаю. Я не могу прийти в себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убивает меня. Я, кажется, этого не перенесу.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Вы всё о себе. Вы обо мне-то подумайте хоть немножко.

М и л а ш и н. Что же об вас-то! Вы посмотрите, может быть, он вам понравится. Вы будете счастливы. Что ж! Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдёмте в сад.

Уходят.

Д о б р о т в о р с к и й. Так мы завтра приедем, сударыня. Об деле потолкуем, да он Марью Андревну посмотрит. Может, она ему и понравится. Вот два дела разом и сделаем.

А н н а   П е т р о в н а. Хорошо бы, Платон Маркыч, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня из головы нейдёт, — ночи ведь не сплю. Ну, как дом-то отнимут, куда я денусь? Да и Машеньку-то уж пора выдавать, право, пора.

Д о б р о т в о р с к и й. Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! *(Перевертывает чашку.)* Прощенья просим.

А н н а   П е т р о в н а. Прощайте, Платон Маркыч; так мы ждать будем.

Д о б р о т в о р с к и й. Хорошо-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет небольшой тенистый сад: направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст. Хорьков сидит на скамейке повесив голову.

СЦЕНА I

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Х о р ь к о в. Ушёл, струсил! Какой я жалкий человек! Однако что я делаю, наконец! За что же я гублю себя? Вот уж три года, как я

кончил курс, и в эти три года я не сделал ровно ничего для себя. Меня обдаёт холодом, когда я вспомню, как я прожил эти три года! Лень, праздность, грязная холостая жизнь — и никаких стремлений выйти из этой жизни, ни капли самолюбия! Для себя я ни на что не решусь, я это знаю. В ней моё единственное спасение, а я не смею сказать ей, что люблю её. Нет, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для неё я бы стал работать, трудиться; она одна только способна привязать меня к жизни. (*Садится.*) Боже мой, как я люблю эту девушку! Как я люблю её!

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хорьков и Хорькова.

Хорькова (сидя на скамейку). Как это тебе, Миша, не стыдно! Зачем ты ушёл? Только что я стала выражать Марье Андревне, как ты их любишь и как ты об них относишься, ты сейчас и бежать... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Хорьков. Ах, маменька! Не говорите, сделайте милость, обо мне с Марьей Андревной! Я сам поговорю. Вы и так про меня всегда бог знает что рассказываете.

Хорькова. Да, дождёшься тебя! Странно это, Миша, ты человек образованный...

Хорьков. Да, маменька, я образован, у меня сердце доброе; кроме этого, я знаю, что со мной она будет счастлива, что только я один могу оценить её, что она погибнет в этом кругу жертвой расчёта или невежества... Но я боюсь, что она мне откажет.

Хорькова. Ах, боже мой! Свет-то не клином сошёлся — найдём другую.

Хорьков. Где я найду другую? Хорошо, что случай свёл меня с Марьей Андревной, я её узнал, полюбил... Да поверьте же вы мне, что я так люблю Марью Андревну, что никого не могу видеть, кроме неё... Я и не думал, что так могу полюбить. Я измучился в последнее время... Вы видите, я плачу... Я не могу жить без неё.

Хорькова. А коли любишь, так откройся — это всегда так делают.

Хорьков. Я поговорю с ней, непременно поговорю: надобно же чем-нибудь кончить... А что, если она мне откажет? Теперь по крайней мере есть надежда, есть мечты, а тогда что?

Хорькова. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты делаешь, как погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имеешь, делом не занимаешься, валяешься дома в халате с трубкой. Вот теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, как другие-то образованные люди живут: барышни за ними сами ухаживают... Вот, кажется, Марья Андреевна сюда идёт.

Хорьков. Маменька! Ради бога, не говорите ни слова!

Хорькова. Сделай милость, не учи! Я хоть женщина и необразованная, а умею себя вести.

Марья Андреевна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Марья Андреевна.

Хорькова (*встаёт*). Погулять вышли?

Марья Андреевна. Да, немножко освежиться. (*К Хорькову.*) Вы что здесь делаете?

Хорьков. Так-с, мечтаю...

Хорькова. Он у меня всё тоскует.

Марья Андреевна. Об чём?

Хорькова. Влюблён, должно быть: я так замечаю по его словам.

Хорьков. Маменька!

Хорькова. Посмотрите, как страдает: право, мне на него даже тяжело смотреть.

Хорьков. Маменька! Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Право, мне не верится. В кого же влюблён Михайло Иваныч?

Хорькова. Уж это извольте спросить сами. Миша! (*Делает ему знак и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Хорьков и Марья Андреевна.

Марья Андреевна (*сидясь подле Хорькова*). Что вы такие скучные? Вы в самом деле влюблены?

Хорьков. Да, я не знаю, что со мной делается.

Марья Андреевна. А я так плачу нынче целое утро.

Хорьков. Об чём же вы плачете?

Марья Андреевна. Маменька всё с женихами пристаёт. Какой-то купец старик, да нынче ещё чиновник приедет. Как вам это покажется?

Хорьков. Это ужасно!

Марья Андреевна. Да и к тому же, Михайло Иванович, — я с вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны с вами. Не правда ли? *(Протягивает ему руку.)*

Хорьков *(берёт её руку)*. Говорите, говорите.

Марья Андреевна. Я сама влюблена немножко.

Хорьков *(встаёт быстро)*. Вы?

Марья Андреевна. Что вы так испугались? Не бойтесь, не в вас.

Хорьков *(садится)*. Нет-с. Я так, извините.

Марья Андреевна. Как вы испугались! А вы думали, что в вас? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. *(Молчание.)* Вот какое моё положение, Михайло Иванович. Что вы мне посоветуете?

Хорьков. Я-с? Я решительно ничего.

Марья Андреевна. Я теперь не могу ни за кого идти... Неделю прежде я бы пошла, если бы нашёлся хороший человек.

Хорьков. Неужели ни за кого?

Марья Андреевна. Решительно ни за кого.

Хорьков. А если б я за вас посватался? *(Принуждённо смеётся.)* Я шутя вас спрашиваю.

Марья Андреевна. И за вас бы не пошла. Я с вами дружна, а любить вас не могу.

Хорьков *(с возрастающим волнением)*. А как бы я любил вас! Как бы я старался угождать вам! С какой бы готовностью исполнял малейшее ваше желание! С какой бы благодарностью я принимал каждую вашу ласку!

Марья Андреевна *(взглянув на него)*. Вы шутите?.. Впрочем, если бы вы посватались, мне всё-таки было бы не так тяжело: я вам могу откровенно сказать, что вас не люблю, и вы не обидитесь, а другие ещё обижаются.

Хорьков. Да, да, конечно. *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Что, каков человек Мерич?

Хорьков. Мерич?

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич.

Хорьков. Не знаю, Марья Андреевна, что вам сказать; право, не знаю.

Марья Андреевна. То есть вы не хотите. Однако прощайте: мне пора к маменьке. *(Уходит.)*

Хорьков. И я, дурак, мечтал о счастье!.. Боже мой, боже мой!.. *(Сидит, закрывши лицо руками.)*

Милашин и Мерич входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хорьков, Милашин и Мерич.

Мерич. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегаёт взад и вперёд с крахмальными юбками.

Милашин. Гостей ждут.

Мерич. Каких же это гостей?

Милашин. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андреевне. Это ужасно досадно!

Мерич. Что же вы не женитесь на Марье Андреевне?

Милашин. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у неё также.

Мерич. А любовь? С милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

Милашин. Может быть! Да-с, может быть! Разве вы что-нибудь заметили?

Мерич. Нет, я нарочно, Иван Иванович; она вас не любит.

Милашин. Почему же вы так думаете?

Мерич. Я не думаю, а наверное знаю. Она мне сама сказывала.

Милашин. Это странно, что Марья Андреевна так говорит. Это обидно даже. Мне, конечно, всё равно: любит ли она меня, или нет, я на это никакого внимания не обращаю. Я сам к ней совершенно равнодушен. Да зачем говорить? Этим она хочет показать, что я за ней ухаживаю. Нет, уж я предоставляю это другим.

Мерич. И прекрасно! И я бы на вашем месте то же сделал. Однако это жалко, если она выйдет замуж: она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. Вам не жаль?

Милашин. Нет, не жаль.

Мерич. Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы её не знали?

Милашин. Нет, не знал.

Мерич. Мы были очень привязаны друг к другу. Вам я могу признаться, Иван Иванович, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вот, посмотрите, какое она мне письмо написала перед свадьбой. *(Вынимает.)* Хотите прочесть?

Милашин. Зачем же я буду читать чужие письма?

Мерич. Как хотите! *(Прячет опять.)* Я надеюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вероятно, в комнатах, — я пойду к ней! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Милашин и Хорьков.

Хорьков. Иван Иванович!

Милашин. А, вы здесь! Я вас и не заметил.

Хорьков. Что, этот Мерич часто здесь бывает?

Милашин. Прежде редко бывал, а теперь опять стал каждый день ходить.

Хорьков. Это дурно.

Милашин. Да вы представьте моё-то положение: каждый день ходит чёрт знает зачем!

Хорьков. Да вам-то что ж?

Милашин. Нет, как хотите, Михайло Иванович, это мне ужасно неприятно.

Хорьков. Тут не об вас толк. Он может иметь очень дурное влияние на Марью Андревну. Я его давно знаю. Он ещё мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. Если вы имеете влияние на Марью Андревну, так вы её предостерегите: мне будет очень жаль, если она поверит этому пустому человеку.

М и л а ш и н. Хорошо, Михайло Иванович. Покорно вас благодарю, что вы мне открыли глаза насчёт этого человека. Я ей непременно скажу.

Х о р ь к о в. Да поверит ли она вам?

М и л а ш и н. Поверит, непременно поверит: она меня очень любит.

Х о р ь к о в. Едва ли, Иван Иванович! Мне кажется, что она вас совсем не любит.

М и л а ш и н. Отчего вы так думаете? Разве я хуже других? Нет, уж извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любят.

Х о р ь к о в. Ну, положим, что так. Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне с ним связываться-то только, а то бы я его сразу выгнал отсюда.

М и л а ш и н. Хотите, я это сделаю? Я буду в глаза смеяться над ним.

Х о р ь к о в. Из этого ничего не выйдет; Марья Андревна на вас рассердится, и только. А впрочем, что нам за дело, пусть их как хотят! *(Молчание.)* Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его дневника да несколько писем, которые он писал нашей соседке, а та отдавала мужу; уж чего там нет!

М и л а ш и н. Одолжите мне этих писем на время.

Х о р ь к о в. На что они вам? Пожалуй, возьмите.

М и л а ш и н. Покорно вас благодарю! *(Берёт его за руку.)* Вы меня очень обязали.

Х о р ь к о в. Да за что вы меня благодарите: я стараюсь об Марье Андревне, а не об вас, потому что очень люблю её и принимаю в ней большое участие.

М и л а ш и н. И я люблю...

Х о р ь к о в. Я верю. Мерич может очень много вреда сделать Марье Андревне. Он человек совершенно без правил.

М и л а ш и н. Да и мне ужасно надоел: старается очернить меня в глазах Марьи Андреевы, мешает мне.

Х о р ь к о в. Пойдёмте домой, Иван Иванович; нам, кажется, нечего здесь делать.

М и л а ш и н. Нет, мне нельзя уйти; мне надобно здесь остаться. Марья Андреева, пожалуй, рассердится, что я ушёл.

Хорьков. Не беспокойтесь, не рассердитесь; ей теперь не до вас: нынче Анна Петровна ждёт какого-то чиновника, которого она хочет просить о своём деле. Что вы будете здесь делать?

Милашин. Пожалуй, пойдёмте.

Уходят. С другой стороны выходят Мерич и Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Мерич. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы? Мне будет скучно одной; посидимте здесь немножко. *(Садятся.)*

Мерич. Я слышал от Милашина, Марья Андревна, что вам сватают какого-то жениха.

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич, поминутно сватают то одного, то другого.

Мерич. И вы пойдёте?

Марья Андреевна. Не знаю; но что же мне делать? Надо же выйти замуж.

Мерич. Ну, я с своей стороны не вижу никакой необходимости; разве вас что-нибудь заставляет?

Марья Андреевна. Много причин. Вы не знаете наших обстоятельств.

Мерич. Но, боже мой, неужели это так необходимо?

Марья Андреевна. Маменька говорит, что необходимо.

Мерич. Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдать одному человеку.

Марья Андреевна. Вы всё шутите!

Мерич. Нет, не шучу. Вы рассудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить своё счастье и счастье других. Какой ещё вы ребёнок!

Марья Андреевна. Да, если б это счастье было возможно для меня! А то мне нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любит, я тоже никого не люблю.

Мерич. Вы никого не любите?

Марья Андреевна. Никого.

Мерич. И вас никто не любит?

Марья Андреевна. Мне кажется.

Мерич. В таком случае, другое дело. Но всё-таки страшно пожертвовать собой расчётам других.

Марья Андреевна. Что ж делать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имея состояние, удовлетворял бы несколько и моим требованиям.

Мерич. Откуда в вас такая положительность, такие практические правила?

Марья Андреевна. Нужда научит.

Мерич. Если вы решились, я не хочу поколебать вашей решимости; она делает вам честь. Но что, если б вы полюбили кого-нибудь, если б вам случилось встретить человека, который вас любит пламенно, со всем пылом юношеской страсти?

Марья Андреевна. Я не знаю, Владимир Васильич, но едва ли это случится когда-нибудь.

Мерич (*меланхолическим тоном*). Теперь, когда уж дело конечно, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, Марья Андреевна, любил страстно; я вас до сих пор люблю так, как никто вас любить не будет.

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете, Владимир Васильич?

Мерич. О нет, нет...

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете?

Мерич. Все клятвы, какие я знаю...

Марья Андреевна. Не нужно, не нужно... Ах, Владимир Васильич! Не обманывайте меня, ради бога! Вам так легко меня обмануть — я сама вас... люблю...

Мерич. Ангел мой! Я не верю своему счастью... Зачем же слёзы! Марья Андреевна! Машенька! Мери! (*Целует руку.*) Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ах как ты хороша в эту минуту! Я бы желал, чтобы теперь весь свет тебя видел с этими слезами на глазах.

Марья Андреевна. Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам.

Мерич. Отчего же дурно? Тебе совестно, что у тебя есть сердце, что ты выше всех этих бесчувственных кукол, которые хвастаются тем, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

Марья Андреевна. Я надеюсь. *(Припадает к нему.)* Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достаточно твёрдости скрыть мою любовь.

Мерич. Да зачем же скрывать её?

Марья Андреевна. Да, теперь уж, конечно, незачем. Напротив, теперь я хотела бы тебе вдруг открыть свою душу, чтобы ты знал, как много я люблю тебя.

Мерич. Зачем? Ты и так для меня дороже всего на свете.

Марья Андреевна. Нет, Владимир, нет, ты так меня не любишь, как я тебя люблю. Ты для меня всё теперь, всё, всё! Ты веришь моим словам?

Мерич. А ты моим веришь?

Марья Андреевна. Не знаю: и хочется верить, и боюсь... С твоей стороны будет безжалостно обмануть меня.

Мерич. К чему эти чёрные мысли! Посмотри, вся природа нам улыбается. *(Сидят несколько времени молча.)*

Марья Андреевна. Ах, боже мой, я и забыла: нынче к нам хотел приехать чиновник какой-то. Маменька там хлопочет, велела мне одеваться хорошенько.

Мерич. Уж не жених ли какой-нибудь?

Марья Андреевна. Не знаю. Ты, впрочем, не беспокойся. Я скажу маменьке, что не нравится... Уж как-нибудь сделаю.

Мерич. И скоро будет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так я пойду, прощай. *(Встают со скамейки.)*

Марья Андреевна. Прощай. Когда же ты придёшь? Приходи завтра поутру; маменьки не будет дома.

Мерич *(целует её)*. Приду, приду. Прощай! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Андреевна *(одна, прислонившись к дереву)*. Он ушёл! Хорошо ли я сделала? Мне и стыдно и весело. Что, если это только шалость с его стороны? Боже мой, как мне совестно за себя! *(Молчание.)* А если он любит в самом деле? Он всегда

такой скучный, печальный. Он говорит, что до сих пор постоянно обманывался в женщинах. Ах, как бы мне хотелось знать, любит ли он меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сделаю!.. Всё, всё, всё!.. (*Стоит, закрывши лицо платком.*)

Входит Дарья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Сбилась с ног нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! Где вы тут?

Марья Андреевна. А! Что?

Дарья. Ищу, матушка, засовалась совсем, как угорелая кошка. Кто-то приехал, маменька вас спрашивает.

Марья Андреевна. Приехал! Ах, боже мой!

Дарья. Пойдёмте, я вам головку причешу, да и платице-то бы другое надели.

Марья Андреевна. Пойдём, пойдём.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Добротворский и Беневоленский входят.

Добротворский. Пожалуйте, Максим Дорофеич, пожалуйста. Признаться сказать, вас не ждали так рано. Поторопились, батюшка, раненько пожаловали. Ну, известно, женское дело. Повремените маленечко.

Беневоленский. Ты говорил, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я ведь разобрчив.

Добротворский. Нет, как же можно, помилуйте, Максим Дорофеич. Такая барышня, что генералу взять не совестно. Я ещё с папенькой ихним был знаком...

Беневоленский. А хорошо ли она образована?

Добротворский. Отлично образована.

Беневоленский. То-то же. Ты ведь знаешь меня, Платон Маркыч, у меня и состояние есть, и место, ну и знакомство. Мне такую невесту нужно, чтобы не стыдно было в люди показать: ну, чтоб и хозяйка в доме была, знаешь, в этаким чепчике, по-нынешнему, чтобы принять кого-нибудь... Ну, чтобы и тон этакий светский. Понял ты меня?

Добротворский. Как не понять! Уж, конечно, что вам за крайность на дурной жениться, сами-то вы ишь какой молодец! Ах, батюшка, голубчик! *(Треплет его по спине и потом кланяется.)*

Беневоленский. Ну, то-то же. Что, манишка у меня тут вот сзади не выбилась?

Добротворский. Нет-с, ничего — в исправности. Причесаться вам разве не угодно ли — вот гребёночка.

Беневоленский *(берёт и причёсывается перед зеркалом.)* Ну, так как же, братец, ты говоришь, хороша барышня-то?

Добротворский. А вот увидите, Максим Дорофеич. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

Беневоленский. Посмотрим, братец, посмотрим. А отдадут за меня, коли мне понравится?

Добротворский. Как, чай, не отдать. Да ведь что ж такое: попытка не шутка, а спрос не беда.

Беневоленский. Хорошо, братец, хорошо. *(Садится.)* Платон Маркыч! Ты не видал у меня дрожки?

Добротворский. Нет, не видал-с.

Беневоленский. А вороную, что на пристяжке ходит, не видал? Вот посмотри! *(Показывает в окно.)* Что, хороша?

Добротворский. Ах, проказник вы, проказник, Максим Дорофеич! Да ведь, чай, некупленная?

Беневоленский. Разумеется.

Добротворский. Ну, так даровому коню в зубы не смотрят.

Молчание.

Беневоленский. Послушай, Платон Маркыч, найди мне где-нибудь органчик небольшой.

Добротворский. Извольте, батюшка! На что вам?

Беневоленский. Канареек учить.

Добротворский. Хорошо, поищу.

Беневоленский. Поищи. *(Вынимает табакерку, нюхает.)*
Хочешь?

Добротворский *(нюхает, потом берёт табакерку и взвешивает то на одной, то на другой руке)*. Вещичка-то хорошая! Где изволили приобрести?

Беневоленский. Так, нечаянно хороший человек набежал. Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующего сената и возвращено для справок...

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Беневоленский. Честь имею представиться. Коллежский секретарь Беневоленский.

Анна Петровна. Очень приятно познакомиться. Милости просим садиться. Служить изволите-с?

Беневоленский. Как же, служу-с с восемьсот тридцать восьмого года. Я вам скажу, я очень доволен своим местом и своим начальством. К службе я человек усердный, с подчинёнными строг.

Анна Петровна. И родство имеее здесь, в Москве?

Беневоленский. Нет, совершенно никого-с.

Анна Петровна. Я думаю, вам *(к Добротворскому)*... как, бишь, Платон Маркыч, я всё забываю?

Добротворский. Максим Дорофеич.

Анна Петровна. Памяти нет совсем, Максим Дорофеич! Вот что ты будешь делать, право. Я думаю, вам, Максим Дорофеич, скучно. Я вот по себе сужу, дело женское, сами знаете... Ещё при покойнике-то было туда-сюда: ну знакомство всё этакое, а теперь просто не знаю, что делать.

Беневоленский. Я с вами, сударыня, согласен.

Анна Петровна. Вот процесс теперь. Как это без мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленский. А позвольте узнать, в чём состоит ваше дело?

Анна Петровна. Я уж и не запомню всего-то, ещё, пожалуй, перевру, а вот уж вам Платон Маркыч расскажет.

Добротворский. Вникните, батюшка, Максим Дорофеич, вникните!

Беневоленский. Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сделать, так сделаем, а если нельзя, так не взыщите — наше дело такое. Конечно, кто Богу не грешен, царю не виноват, но я вам доложу, нынче насчёт этого очень строго.

Добротворский. Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это так точно.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста!

Беневоленский. Нынче уж держи ухо востро. Я вам про себя скажу: в постоянном страхе находишься. Нельзя, чтобы грешков не было; того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы, куда денешься? Ну, хорошо, я холостой человек, а другой женатый...

Анна Петровна. А вы не намерены обзавестись семейством?

Беневоленский. Это вопрос, сударыня, очень важный в жизни, особенно в моей. Я имею состояние, всего у меня много, своих лошадей держу. Кабы посмотрели, какую я квартиру занимаю; вон Платон Маркыч видел. Ты видел, Платон Маркыч, квартиру?

Добротворский. Как же, видел-с; квартира отличная.

Беневоленский. Следовательно, чего же я должен искать, я вас спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максим Дорофеич, я так думаю.

Беневоленский. Я с вами согласен, сударыня. Но, сколько мне известно, всякая жена есть подруга жизни. Я должен преимущественно искать хозяйку. Моё дело приобретать всеми силами, а её дело хозяйничать. У меня порядку нет в доме; ведь, пожалуй, и растащат у холостого человека. Всё может случиться.

Анна Петровна. Что мудрёного, Максим Дорофеич.

Добротворский. Мудрено ли, долго ли до греха. Это точно.

Беневоленский. Я желал бы, чтоб недурна была собой и образованна, чтобы не стыдно было в люди показаться, выехать куда-нибудь. Хотя у нас знакомство и неважное, всё больше мелкие чиновники, но всё-таки, знаете ли, я вам скажу откровенно, приятно иметь красивую и образованную жену. А главное — мне нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо рассуждаете, Максим Дорофеич; но, может быть, вы захотите также большого приданого?

Беневоленский. Я? Нет-с, я не того ищу. Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А есть невесты благородные и образованные, но бедные — и для них-то, я вам без гордости скажу, такой жених, как я, — находка.

Анна Петровна. Я с вами согласна, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Разумеется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получил, сказать вам по простонародному выражению, на медные деньги; но я видел людей, не конфужусь в обществе и могу сказать, что очень развязен даже с дамами. Теперь я вас спрошу, что такое красота в мужчине? Последнее дело.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максим Дорофеич... Так, фантазии.

Беневоленский. Умная девушка не обратит внимания на красоту; для неё довольно, чтобы мужчина был умён, ну там... одет порядочно...

Анна Петровна. Непьющий...

Беневоленский. Конечно... А знаете ли вы, сударыня, я вам осмелюсь сказать, что в мужчине даже и это ничего. Как ты думаешь, Платон Маркыч, об этом?

Добротворский. Ничего, сударыня Анна Петровна, мужчины это не мешает. Был бы добрый человек.

Анна Петровна. Ну, как же, Платон Маркыч? Разве уж изредка, а то как же?

Беневоленский. В женщине это порок, я с вами согласен, а для мужчины даже составляет иногда необходимую потребность. Особенно если деловой человек; должен же он иметь какое-нибудь развлечение. Разумеется, я сам первый осуждаю тех, которые имеют к этому большое пристрастие. *(Молчание.)* Так вот, сударыня, я какое мнение имею насчёт женитьбы. Впрочем, мне ещё торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанию.

Добротворский. Куда вам торопиться, что вам за крайность.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Анна Петровна. Дочь моя, Машенька! Максим Дорофеич Беневоленский.

Беневоленский. Очень приятно познакомиться. (*Подходит к руке, потом садится рядом очень развязно.*) Вы, я слышал, очень любите музыку?

Марья Андреевна. Иногда, от скуки, играю.

Анна Петровна. Неправда, неправда: всё сидит за фортепьянами, никак не отгонишь. Что, бишь, ты, Маша, играешь-то так часто, я всё позабываю?

Марья Андреевна. Право, не знаю — я много играю.

Анна Петровна. Нет, вот это, что ты ещё нынче играла?

Марья Андреевна. Из «Роберта-Дьявола» — Gracé.

Анна Петровна. Да, да. (*Тихо.*) Будь поразвязнее.

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Марья Андреевна (*тихо*). Это ужасно!

Беневоленский. Я сам тоже люблю музыку, но, к несчастью, я не играю ни на одном инструменте, да деловому человеку это и не нужно. Играл прежде на гитаре, да и то бросил — некогда, совершенно некогда.

Марья Андреевна (*про себя*). О господи!

Беневоленский. Вы, может быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читают; ещё в пансионах начинают читать потихоньку от надзирательницы.

Марья Андреевна. Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленский. Я совершенно отстал; прежде читал, а теперь, знаете ли, дела, так решительно ничего не читаю.

Анна Петровна. Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и без того дела много, без этих глупостей.

Беневоленский. Что же нынче пишут, скажите?

Анна Петровна. Бог знает, что пишут, чего никогда не бывает — одни фантазии.

Добротворский. Именно, сударыня, фантазии. Так, мечта.

Беневоленский. Вероятно, больше всё про любовь пишут.

Анна Петровна. Какая любовь! Всё глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли?

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю — я до него совсем не охотник.

Добротворский. Что, сударыня, за чай; не такие мы гости, чтоб чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, так мы с Максимом Дорофеичем по рюмочке бы выпили.

Анна Петровна. Сейчас, батюшка, сейчас. Извините меня, я вас оставляю на минуточку. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, без Анны Петровны.

Беневоленский. Это ты недурно выдумал, Платон Маркыч. (*Вынимает часы. К Марье Андреевне.*) Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж привычку сделал.

Добротворский. Хе-хе-хе! А то что за чай! Что мы, дети, что ль, маленькие!

Беневоленский. Ваша маменька об любви рассуждает, как старый человек; я им не хотел противоречить, потому что понимаю уважение к старшим. А я совсем противоположного мнения об любви; я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда. (*Смотрит на неё нежно.*) Какие вы конфеты любите?

Марья Андреевна. Я никаких не люблю.

Беневоленский. Не может быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтоб я угадал ваш вкус. Позвольте мне привезти вам в следующий раз. Платон Маркыч, какие Марья Андреевна конфеты любят, они не сказывают?

Добротворский. Не знаю-с; надо у маменьки спросить.

Беневоленский. А вот мы спросим.

Марья Андреевна. Пожалуйста, не беспокойтесь; я не хочу никаких конфет.

Беневоленский. Ну, уж как вам угодно, а я всё-таки привезу. Позвольте вас попросить сыграть что-нибудь.

Марья Андреевна. Я, право, ничего не играю.

Беневоленский. Сделайте одолжение, я стану на коленях просить вас.

Марья Андреевна. Ах нет, зачем же! Извольте. *(Садится к фортепьянам, берёт несколько аккордов и начинает играть.)*

Входит Анна Петровна, за ней Дарья вносит закуску, ставит на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Не угодно ли, Максим Дорофеич; пожалуйста, без церемонии.

Беневоленский. Не беспокойтесь.

Добротворский. С вас начинать. *(Наливает.)* Пожалуйста.

Беневоленский. *(Пьёт, потом закусывает и, ещё не прожевавши, подходит к фортепьянам и начинает подпевать. Марья Андреевна оборачивается и взглядывает на него вопросительно.)* Не в тон взял... Сделайте милость, продолжайте.

Анна Петровна. Играй, Машенька.

Добротворский. Марья Андреевна отменно играют.

Беневоленский. Очень проворно. У меня был товарищ, он был регентом в певчих, так он на фортепьянах всё, что вам угодно, самоучкой играл, по слуху; только проворства в пальцах нет; ну, вот что вы хотите, нет проворства.

Добротворский. Не повторить ли, Максим Дорофеич? Как это говорится-то: репетиция...

Беневоленский. Est mater studiorum¹. Да, это правда. Налей.

Добротворский *(наливает)*. Пожалуйста, готово-с.

Беневоленский *(пьёт и закусывает)*. Прекрасный балык.

Анна Петровна. Уж не знаю, Максим Дорофеич, коли не обманул купец, так хорош. Везде всё сама. Дело женское, сами знаете, долго ли обмануть? Без мужчины в этом деле никак нельзя. Как это без мужчины, посудите сами!

¹ Мать учения (лат.).

Добротворский (*отводит к стороне Беневоленского и говорит тихо*). Ну, батюшка, Максим Дорофеич, как вам наша барышня показалась?

Беневоленский. Послушай ты, Платон Маркыч, довольно с тебя этого: я влюблён. Я деловой человек, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотник, но я тебе говорю: я влюблён. Кажется, этого довольно. (*Подходит к Марье Андреевне и опять подпекает.*)

Анна Петровна (*Добротворскому*). Что он вам говорил?

Добротворский. Говорит: влюблён.

Анна Петровна. Что?

Добротворский. Влюблён, говорит.

Анна Петровна. Ну, и слава богу. Потчуйте его, отец мой, хорошенько.

Добротворский. Хорошо, сударыня, хорошо. Максим Дорофеич, винца не угодно ли?

Беневоленский. Налей.

Марья Андреевна (*перестает играть и остаётся на стуле*). Я устала.

Беневоленский. Чувствительно вам благодарен. Вы прекрасно играете, главное, — нигде не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. (*Смотрит на часы.*) Извините меня, Анна Петровна, мне пора, у меня дела много, я ведь человек деловой. Позвольте мне выпить рюмку вина и проститься с вами. (*Подходит к столу и пьёт.*) Ты со мной, что ли, Платон Маркыч?

Добротворский. С вами, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Ну, поедем, я тебя довезу.

Анна Петровна. Да вы бы, Максим Дорофеич, закусили чего-нибудь.

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю. Я выпью ещё рюмку вина и имею честь откланяться. (*Пьёт и раскланивается, подходит к Марье Андреевне и целует руку.*) До приятного свидания! Вы мне, вероятно, позволите ещё раз посетить вас.

Анна Петровна. Сделайте милость, мы очень будем рады.

Беневоленский. А уж конфет привезу, непременно привезу. (*Уходит с Добротворским.*)

Анна Петровна. Какой человек-то, Машенька, чудо просто!

Марья Андреевна. Господи! Что это за мука! (*Убегает.*)

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Куда ты? Постой! Ну, вот теперь поди разговаривай с ней. Эко наказание!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Петровна входит в салоне, с большим ридикулем; за ней Марья Андреевна.

Анна Петровна (*садится на стул подле двери*). Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты всё записала, что купить-то надо?

Марья Андреевна. Всё, маменька.

Анна Петровна. Где, бишь, записочка-то? Постой! Да, в ридикуле. Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Ещё чего не надо ли?

Марья Андреевна. Нет, ничего. Ступайте, маменька, скорей, а то опоздаете.

Анна Петровна. Прощай, бог с тобой! (*Идёт, потом возвращается.*) Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать, особенно из молодёжи: ты теперь невеста, за тебя женихи сватаются. Что хорошего, ещё какой-нибудь разговор пойдёт.

Марья Андреевна. Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорей.

Анна Петровна. Ну, прощай! Я скоро буду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна (*одна*). Насилу-то ушла. А уж я боялась, что Владимир придёт при ней... Знает ли Владимир, с каким нетерпением я жду его?.. (*Садится к столу.*) Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдёт?.. Я измучаюсь от нетерпения... Однако хорошо ли я сделала, что велела ему сегодня прийти?.. Мы будем одни... (*Молчание.*) Если б можно было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша любовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится — мне теперь хорошо: я люблю его, он меня любит, а там будь что будет. Кто-то идёт! Не он ли? (*Бежит к двери.*)

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Вы зачем?

Милашин. Как зачем? Я к вам пришёл.

Марья Андреевна. Маменьки нет дома; она не велела никого принимать без себя.

Милашин. Полноте шутить-то!

Марья Андреевна. Я совсем не шучу! Право, маменька не велела никого пускать.

Милашин. Ну, я вашей маменьки не послушаюсь... Но, может быть, вам самим не угодно, чтобы я здесь оставался?

Марья Андреевна. Ну, а если мне не угодно?

Милашин. В таком случае я уйду.

Марья Андреевна. Ну и прощайте!

Милашин. Прощайте! Однако позвольте мне по крайней мере узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Ну, да так, из капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашин. Как же я смею не исполнить!

Марья Андреевна. Так ступайте!

Милашин. Я пойду, что вы беспокоитесь.

Марья Андреевна. А сами ни с места.

Милашин. Да ведь это странно: вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это ведь досадно!

Марья Андреевна. Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду в свою комнату, а вы сидите здесь одни. *(Молчание.)* Так вы не уйдёте?

Милашин. Уйду-с... Я ведь к вам нынче за делом пришёл.

Марья Андреевна сидит, отвернувшись к окну.

Вы меня не слушаете, а это дело касается вас.

Марья Андреевна. Что ещё такое?

Милашин. Я хотел вам открыть глаза насчёт одного человека.

Марья Андреевна. То есть вы сплетничать пришли. Так это можно сделать в другой раз, когда-нибудь на досуге.

Милашин. Нет, не сплетничать, а я хотел только предостеречь вас.

Марья Андреевна. В другой раз, Иван Иванович, пожалуйста, в другой раз! Ужо приходите.

М и л а ш и н. Да ведь только десять слов, Марья Андревна. Я узнал про одного человека очень хорошие вещи.

М а р ь я   А н д р е е в н а *(в сторону)*. Это наказание! *(Милашину.)* Про кого же?

М и л а ш и н. Про Мерича...

М а р ь я   А н д р е е в н а. Не рассказывайте мне, пожалуйста, я всё знаю. *(В сторону.)* Мерзавец, выдумал что-нибудь про него.

М и л а ш и н. И прекрасно, что вы знаете; мне только этого и хотелось. Каков! Каким прикидывается!

М а р ь я   А н д р е е в н а. Да, да, ужасный человек!

М и л а ш и н. Ничего нет ужасного. Просто смешон! Мальчишка! Над всеми его шутками смеяться нужно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Ну, да, смешон! Иван Иванович, вы меня любите?

М и л а ш и н. Люблю, Марья Андревна, ей-богу, люблю!

М а р ь я   А н д р е е в н а. Сделайте для меня одно одолжение.

М и л а ш и н. Всё, что вам угодно; я для вас готов жизнью пожертвовать.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы всё ни с места.

М и л а ш и н. Сейчас, сейчас! *(Берёт шляпу.)* Прощайте! *(Идёт, потом возвращается.)* Марья Андревна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

М а р ь я   А н д р е е в н а. Иван Иванович, мы поссоримся!

М и л а ш и н. Виноват, виноват! *(Несколько времени стоит.)* Позвольте вашу ручку поцеловать на прощанье.

М а р ь я   А н д р е е в н а. С удовольствием!

М и л а ш и н целует, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

М а р ь я   А н д р е е в н а *(одна)*. Наконец-то ушёл. Бедный Владимир! Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках... Это ужасно! Он, бедный, нигде не находит сочувствия. Оттого, что он выше всех стоит, ему душно в этом обществе, — ему все завидуют. Я так его люблю в эту минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. *(Задумывается.)* Однако что же он нейдёт? *(Садится у окна и смотрит.)* Это, кажется, он!

Брошусь ему на шею прямо, ни об чём не думая! (*Отходит на середину комнаты.*)

Входит Мери ч. Она робко подходит к нему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мери ч.

Марья Андреевна. Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир! Мери ч. Мы одни?

Марья Андреевна. Одни.

Мери ч целует её.

Ах, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнего дня — ты не поверишь. Мне хочется пересказать тебе это поскорей, поскорей — я боюсь забыть.

Мери ч. Что же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна. Ты, может быть, будешь смеяться — смейся, пожалуй. Пойдём сядем к окну, оттуда видно будет, как маменька пойдёт.

Мери ч. А ты меня поцелуешь ещё разик?

Марья Андреевна. Хоть десять раз, только поговорим немножко о моём положении.

Мери ч. Ну, поговорим. Что же ты мне будешь рассказывать?

Марья Андреевна. Я тебе хотела много, много сказать. Вчерашнее наше свидание так было коротко, так много я думала о тебе вчера вечером, ночью, нынче поутру... а теперь я так взволнована: мне кажется, я уж всё позабыла.

Мери ч. Ну и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна. Ах, вообрази, Владимир! Вчера вдруг явился какой-то урод, говорил об музыке, об литературе, хотел мне конфет привезть. Каково было моё положение! Препротивный! Маменька за ним ухаживает... Да ты меня не слушаешь!..

Мери ч. Я гляжу на твои глазки. Какие они у тебя хорошенькие. Так и хочется поцеловать. Я помню другие такие глазки... Она умерла... Бедная женщина! Ну, да что толковать о прошедшем: будем пользоваться настоящим. Ах, Мери, много я пережил... Я боюсь, хватит ли у меня сил, чтоб отвечать твоей детской любви. Если б я встретил тебя, Мери, года два тому назад!..

Марья Андреевна. Да ты выслушай, ради бога.

Мерич. Хорошо, хорошо — слушаю.

Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. Он груб, необразован — просто ужас!

Мерич. Мери! Ведь это скучная материя. Зачем нам на эти пустяки терять драгоценное время?

Марья Андреевна. Да как же мне быть с этим Беневоленским? Я просто его боюсь.

Мерич. Стоит об этом думать! Тебе что за дело до этого Беневоленского?

Марья Андреевна. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

Мерич. Что мне знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтоб ты пошла за Беневоленского.

Марья Андреевна. Но всё-таки я в очень неловком положении. Посоветуй, что мне делать.

Мерич целует её в плечо.

Ах, Владимир, кабы ты знал, как мне тяжело, а ты всё с нежностями!

Мерич. Ах, боже мой, Мери, я люблю тебя! Я рад случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? *(Целует опять в плечо.)*

Марья Андреевна *(уклоняется от него)*. Тебе, кажется, и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в моё положение. Бог с тобой!

Мерич. Ты сердишься... И это любовь!

Марья Андреевна. А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? *(Плачет.)*

Мерич. Вот и слёзы! Раненько! *(Садится на стул.)* Впрочем, я так и думал! Это уж обыкновенная история! Вот любовь-то ваша! Сначала признания, страстность, а потом — либо папенька, либо маменька, или там жених какой-нибудь. *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Владимир! Ты сердишься?

Мерич. Нет, я уж привык к этому. И тебе не жаль меня, Мери? Я уж и так измучен жизнью, а ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

Марья Андреевна. Не сердись, Владимир... Помирися.
(Целует его.) Мало тебе этого?

Мерич. Очень мало.

Марья Андреевна целует его ещё несколько раз.

Смелей, Мери, смелей! Вот теперь я вижу, что ты умная девушка. Ах, Мери, я вспомнил одну женщину: вот это была любовь!

Марья Андреевна. Зачем же ты мне это говоришь? Ты думаешь, мне это приятно слышать?

Мерич. Что ж это? Ревность! Ты разве ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивых женщин.

Марья Андреевна. Нет, это не ревность, а мне обидно, что ты говоришь о других женщинах в то время, когда я к тебе ласкаюсь. Ты и про меня так же станешь рассказывать...

Мерич. За кого же ты меня принимаешь! Нет, Мери, мне уж некого больше любить. Поцелуй меня, Мери!

Марья Андреевна. Довольно, Владимир, довольно. Лучше поговорим о чём-нибудь.

Мерич (*садится рядом с ней и обнимает её*). О чём говорить, о чём говорить?

Марья Андреевна (*проворно взглядывает в окно*). Ах! Маменька!..

Мерич (*вставая со стула*). В самом деле?

Марья Андреевна (*смеётся*). Нет, я нарочно, только чтобы ты сел подальше. В самом деле, Владимир, сядь подальше, да поговорим. Мне так хочется поговорить с тобой.

Мерич (*рассеянно*). В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его почитаем вместе, а теперь, знаешь ли что? Пойдём в сад.

Марья Андреевна. Как можно! Того и гляди, маменька придёт.

Мерич. А скоро она придет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так прощай.

Марья Андреевна. Тебе уж скучно стало, не правда ли? Тебе скучно? Какой ты, Владимир! Кабы ты знал, с каким нетерпением я ждала тебя! Какое мне наслаждение тебя видеть! А ты десяти минут не хочешь посидеть со мной.

Мерич. Я боюсь, что Анна Петровна меня здесь застанет; тебе же будут неприятности.

Марья Андреевна. Ну что ж, она побранит меня, да и всё тут.

Мерич. Ведь и мне тоже достанется. А впрочем, у меня есть дело необходимое: я, пожалуй, минут десять побуду, а больше нельзя. (*Садится подле неё.*) Я готов всю жизнь сидеть с тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна. Ты, кажется, опять близко ко мне.

Мерич. Какие вы все странные: уйди от вас — вы сердитесь; очень близко к вам — вам тоже неприятно. Выбирай из двух: или уйти, или сидеть подле тебя.

Марья Андреевна. Остаюсь, только с уговором: посиди подольше.

Мерич. Изволь, изволь. (*Обнимает её. Сидят несколько времени молча.*) Погоди, мой друг Мери, придёт время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдёшь за меня?

Марья Андреевна. Зачем же ты спрашиваешь?

Мерич. А может быть, тебя не отдадут за меня?

Марья Андреевна. Вот вздор какой!

Мерич. Впрочем, мне надобно устроить кой-какие дела свои — и тогда, Мери, тогда... мы с тобой заживём славно.

Марья Андреевна. Да только сбудется ли это?

Мерич. Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какие обстоятельства... Не отдадут тебя — я увезу.

Марья Андреевна. Маменька идёт!

Мерич. Куда ж мне теперь деться! Ведь я ей навстречу попадусь. Мне бы этого не хотелось.

Марья Андреевна. Ступай через сад.

Мерич. Прощай. (*Целует её.*)

Марья Андреевна. Прощай! Когда же?

Мерич. Скоро, скоро.

Марья Андреевна. Приходи поскорей!

Мерич уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Андреевна (*одна, садится за работу*). Боже мой, как я счастлива! Я не могу опомниться!.. Теперь для меня не страшна

жизнь. Что б ни делалось вокруг меня — у меня есть надежда.
(Сидит задумавшись.)

*Входят Добротворский и Анна Петровна, Дарья снимает с неё
сало́н и уходит.*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Андреевна, Добротворский и Анна Петровна.

Анна Петровна (*садится*). Что же нам теперь делать-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Что делать-то, сударыня — Божья воля! В отчаяние только приходить не надо.

Анна Петровна. Куда я теперь денусь с дочерью-то? Посудите, Платон Маркыч! Что я знаю, что я умею? Уж и до этого-то горя я не знала, что делать, а теперь вовсе дура сделалась. Посоветуйте.

Марья Андреевна. Что такое, маменька, сделалось?

Анна Петровна. А то, что вот мы с тобой нищие теперь. Дело-то наше проиграно, дом-то отнимут, да ещё взыскание положено.

Марья Андреевна. Ах, какое несчастье!

Анна Петровна. Что делать-то, Платон Маркыч? Посоветуйте.

Добротворский. Что я вам могу, сударыня, посоветовать? Ничего не могу. Вот хоть теперича прикажите меня казнить — ничего не выдумаю, состарелся, поглупел. Делец был, Анна Петровна!.. Что ж делать-то?.. Вот уж и оглох совсем...

Анна Петровна. Да вы всё-таки мужчина, а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая, да и памяти совсем нет.

Добротворский. Какой уж я мужчина! Эх, эх! Вот так-то и всегда бывает: не ждали, не чаяли, а тут вдруг этакое несчастье. Ах ты, господи боже мой! (*Качает головой.*)

Анна Петровна. Эко горе-то, Платон Маркыч, мне на старости лет-то! Одна-то одинёшенька, без мужчины... Вон ещё обуза-то: не знаю, как с рук сбить.

Добротворский. Точно, сударыня, точно... Уж что говорить.

Анна Петровна. Да уж горюй не горюй — этим не поможешь.

Добротворский. Не поможешь.

Анна Петровна. Хлопотать надо как-нибудь; говорят, в Сенат надо жалобу подавать.

Добротворский. Надо, сударыня, непременно надо; как же можно не хлопотать...

Анна Петровна. Знакомых-то у меня нет, попросить-то некого.

Добротворский. Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станет! Попросить, так надо денег дать.

Анна Петровна. Поищите, Платон Маркыч, нет ли у вас кого из знакомых, чтобы делами-то занимался.

Добротворский. Да уж, кроме Максима Дорофеича, некого просить.

Анна Петровна. Вот и прекрасно! Он вчера с вами говорил что-нибудь, как от нас-то поехал?

Добротворский. Как же, говорил-с. Он говорит: коли отдадут Марью Андревну, так я хлопотать стану. Это дело ещё можно исправить. Мне, говорит, Марья Андревна очень нравится; мне, говорит, лучше и не надо; узнай, как их расположение, а я, говорит, хоть сейчас готов.

Анна Петровна. Что ж вы до сих пор молчали?

Добротворский. Извините, сударыня, совсем из ума вон, а теперь вот к слову пришлось, и сказал.

Анна Петровна. Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна. Очень рада.

Анна Петровна. Ну, и слава богу, что рада; он предложение делает.

Марья Андреевна. Ни за что на свете!

Анна Петровна. Ты никак с ума сошла, как я погляжу на тебя. Разве ты не видишь, что нам теперь больше делать нечего; не по миру же нам идти.

Марья Андреевна. Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленского, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна. Что ты! Что ты! Ты опомнись — ведь не десятки женихов-то у тебя, выбрать-то не из кого; не сотни тысяч

за тобой, чтоб такими женихами брезгать: такого-то жениха нам с тобою и не дожждаться.

Марья Андреевна. Ради бога, маменька, не говорите мне про Беневоленского.

Анна Петровна. Ты дура совсем, я вижу. Да что с ней толковать, у неё ещё всё ветер в голове; она и сама не знает, что говорит... Неужто её глупости слушать? Скажите, Платон Маркыч, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы он формальное предложение сделал.

Добротворский. Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна (*быстро встаёт со стула*). Что вы делаете! Платон Маркыч, не ходите к Беневоленскому! Он мне не нравится, он мне противен!.. Я не пойду за него ни за какие сокровища!

Анна Петровна. Что вы её слушаете, всё вздор болтает! Я уж и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Делайте, как я вам говорю, что её слушать; она ещё одумается двадцать раз.

Марья Андреевна. Я не стану ничего говорить; делайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленского.

Анна Петровна. Ты не пойдёшь?

Марья Андреевна. Не пойду.

Анна Петровна. А мне кажется, что это только каприз у тебя; только чтоб матери напротив что-нибудь сделать. Тебе меня только расстроить хочется. А ты пожалей меня на старости лет; ты видишь, я и так насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тут этакой удар — последнее состояние отнимают! Вот, говорят, в Сенат надо жалобу подать, а кто напишет-то... Мы, что ли, с тобой? Так мы и аза в глаза не знаем. Коли Максим Дорофеич не возьмётся, так ведь мы нищие будем, понимаешь ли ты это? А что ему за радость братья за дело, коли ты от него свою физиономию-то отворачиваешь. Коли ты об себе-то не хочешь подумать, так ты хоть мать-то пожалей. Куда я денусь на старости лет — я женщина слабая, сырая, уж и теперь насилу ноги таскаю. В кухарки мне, что ли, идти?

Марья Андреевна. Господи! Что ж мне делать!

Анна Петровна. Матери послушайся.

Добротворский. Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

Марья Андреевна. Нет, что хотите со мною делайте, я не могу!

Добротворский. Переломите себя как-нибудь.

Марья Андреевна. Не могу, не могу, не могу!..

Анна Петровна. Оставьте её, Платон Маркыч! Бог с ней!.. Каково мне, Платон Маркыч, это видеть, матери-то, старухе-то! *(Плачет.)* Батюшки! Где платок-то! Так и есть — потеряла в городе, ещё и с деньгами... Одно к одному. А! Да гори всё прахом — ничего мне не нужно, коли уж дочь родная об моём горе и подумать не хочет. Живи как знаешь, бог с тобой! Вот вырастила на свою голову!..

Марья Андреевна. Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете!..

Анна Петровна. А ты слушайся матери! Ты думаешь, мне легко с тобой разговаривать... Иногда что и скажешь... У меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна. Маменька! Он мне очень не нравится. Я всё для вас готова, всё что вам угодно, только не принуждайте меня замуж идти; я не хочу замуж. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста, Платон Маркыч, она совсем сумасшедшая! Ведь ты не понимаешь, что говоришь! Ну, можно ли такую вещь сказать: не пойду замуж! Это всё только фантазии. Очень интересно быть старой девкой! А мне-то, что ж, в богадельню, что ль, идти! Во-первых, ты, коли любишь мать, должна выйти замуж, а во-вторых, потому что так нужно. Что такое незамужняя женщина? Ничего! Что она значит? Уж и вдовье-то дело плохо, а девичье-то уж и совсем нехорошо! Женщина должна жить с мужем, хозяйничать, воспитывать детей, а ты что ж будешь делать-то старой девкой? Чулок вязать! Подумала ли ты об этом?

Марья Андреевна. Нет, маменька, я об этом не думала.

Анна Петровна. Ну, поди сюда, сядь подле меня! Поговорим с тобой хорошенько. Я сердиться не буду.

Марья Андреевна садится подле неё.

Выслушай ты меня хладнокровно. Я ведь знаю, у вас один разговор: по любви выйти замуж. Влюбляются-то, Машенька, только те, которым жениться нельзя, либо рано, потому что ещё в курточках ходят, либо нечем жить с женой; так вот они и влюбляются. Порядочный человек не станет вам в любви открываться да влюбления-то свои высказывать, а просто придёт к матери да скажет: «Мне ваша дочка нравится», да и тебе-то тоже прямо, без разных там фарсов

дурацких: «Сударыня, маменька ваша согласны, вы мне нравитесь, угодно вам меня осчастливить?» И всё это честно и благородно. Вот как это бывает, Машенька. Ты вот с Беневоленским и десяти слов не сказала, а уж и слышать про него не хочешь. А будет ездить, познакомишься, может быть, и увидишь, что хороший человек. Ведь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что от них толку — только слава дурная.

Добротворский. Это правда, сударыня.

Молчание.

Анна Петровна. Машенька, потешь ты меня на старости лет, послушайся матери.

Марья Андреевна (*встаёт*). Маменька! Я не могу теперь идти ни за Беневоленского, ни за кого. Сделайте милость — не принуждайте меня. Я одного у вас прошу: не говорите мне про замужество, подождите немного. Ради бога, дайте мне пожить на свободе.

Анна Петровна. Эка невидаль девичье житьё! Жаль расставаться!

Марья Андреевна. Пусть Беневоленский к нам ездит, я буду с ним ласкова, всё, что вам угодно; только пусть он подождёт... Ну, месяц, один месяц. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его. Согласны?

Анна Петровна (*целует Марью Андреевну*). Ну, что с тобой делать, так и быть. Что, утешилась теперь? Вот ведь ты какая глупая!

Марья Андреевна уходит.

Что делать-то, Платон Маркыч! Скажите Максиму Дорофеичу, что я очень рада, но чтоб он месяц погодил делать предложение... Да и об деле-то попросите.

Добротворский. Очень хорошо-с.

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Хорькова.

Хорькова. Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нечего сказать!

Анна Петровна. Что такое? Что я вам сделала?

Хорькова. Я хоть необразованная женщина, а над собой смеяться не позволю. Вы тогда меня обнадёжили. Я, разумеется, прихожу домой, говорю: Миша, друг мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, друг мой, свои мысли Марье Андревне, — а та ему напрямки отказала! Приходит такой расстроенный. Нет, говорит, мне, маменька, счастья в моей жизни; вы, говорит, меня обманули. Я, говорю, мой друг, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегают, так нечего тебе, говорю, беспокоиться — ты, с твоим образованием, всегда найдёшь себе невесту не хуже Марьи Андревны... А уж я не утерплю, пусть меня ругают, я всё-таки пойду отчитаю Анне Петровне.

Анна Петровна. Что ж делать-то мне? Её воля, я её принуждать не могу.

Хорькова. Это, Анна Петровна, просто насмешка; я так это за насмешку и принимаю.

Анна Петровна. Да помилуйте, матушка, какая же это насмешка?

Хорькова. Насмешка, насмешка! Вам просто хотелось из меня перед сыном дуру сделать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю...

Анна Петровна. Что вы тут понимаете! Нечего вам тут понимать-то.

Хорькова. Ну, уж не говорите, пожалуйста... Знаем мы кой-что. У вас теперь какой-то богатый жених на примете, так вы другими-то и брезгуете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вам советую, а то чтобы разговору какого не было.

Анна Петровна. Какого разговору? Что вы, ссориться, что ли, со мной пришли, Арина Егоровна?

Хорькова. Уж там, матушка, как хотите, принимайте: я сама вами кругом обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану, а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то ж.

Анна Петровна. Язык-то без костей, говорить всё можно, только слушать-то нечего.

Хорькова. Слушай не слушай, как кому угодно, а уж коли говорят, так, значит, что-нибудь есть.

Анна Петровна. Кто говорит и что говорит? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

Хорькова. Не про вас и речь, а про Марью Андревну; а то горда уж очень она у вас, вот теперь гордости-то поубудет. Нам-то отказали, а этот-то ваш богатый жених как бы сам не отказался, коли прослышит что-нибудь.

Анна Петровна. Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто же смеет что-нибудь сказать про мою Машеньку?

Хорькова. Ах, матушка, никому рта не зажмёшь; всякий волен говорить, на то язык дан.

Анна Петровна. Что ж это такое! Вот послушайте, Платон Маркыч, ещё тут сплетни какие-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

Добротворский. На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

Анна Петровна (*Добротворскому*). Да что же можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

Хорькова. Уж известно что! Зачем к вам Мерич каждый день ходит? Ведь соседи видят — скрыть нельзя. И при вас, и без вас бывает. Вы-то, может быть, ещё и сами всего не знаете. Я необразованная женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мне сын говорит, что его ни в один порядочный дом не пускают за его пошлости. Своими глазами видела, как он от вас из саду крадётся, точно вор какой.

Анна Петровна. Что же это, господи! Вот что значит без мужчины-то в доме — всякий и сочиняет, что ему в голову придёт. Вот дело-то женское какое. Пожалейте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня расстраиваете, как вам не грех!

Хорькова. Снявши-то голову, по волосам не плачут. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вот ищите-ка женихов: не всякий-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а уж я теперь своему Мише не позволю. Нет, покорно вас благодарю!

Анна Петровна. Да мы ни в Мише, ни в вас не нуждаемся! Эка важная партия! Невидаль какая! Вам бы только сплетничать!..

Хорькова (*встаёт*). Да уж, матушка, не взыщите; что слышала, того от других не потаю.

Анна Петровна. Где утаить! Ещё своего прибавите. Вы уж обрадовались, что вам случай есть. От вас только этого и ждать можно.

Хорькова. Я сама от вас, кроме обиды да насмешки, ничего не видала. Только вот не могла вытерпеть, чтобы не выговорить вам за Мишу, а то бы и нога моя в вашем доме не была. А Мише я и думать не позволю о вашей дочери: с его умом и образованием мы и почище найдём. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же без Хорьковой.

Анна Петровна. Что ж это такое? Платон Маркыч, посудите вы сами. Опомниться-то ведь я не успела, а то бы уж я напела ей. Ведь теперь, чего доброго, расславит везде... погубит она мою голову! Вот как без мужчины-то, Платон Маркыч! И туды и сюды — всё сама, да ещё и за дочерью смотри; отлучиться из дому нельзя, а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Что ты, оглохла, что ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню.

Дарья. У меня ведь не одно дело-то; сложа руки не сажу. (*Уходит.*)

Анна Петровна. Ох, измаялась я нынче день-то, а тут ещё напасть этакая. И руки и ноги дрожат. Что ж это Маша со мной делает! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платон Маркыч!

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы меня кликали, маменька?

Анна Петровна. Что ты, в гроб, что ли, хочешь меня вогнать прежде времени! Что ты ещё затеяла!..

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Был здесь Мерич без меня? (*Молчание.*) Что ж ты молчишь?

Марья Андреевна. Был ненадолго. Я ему сказала, что вас дома нет, он и ушёл.

Анна Петровна. Не обманывай ты меня; что у тебя с ним за шашни? Говори!

Марья Андреевна. Да какие шашни, кто вам сказал, маменька?

Анна Петровна. Кто сказал? Все говорят. Мне теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчас Хорькова приходила — уж и она знает. Чтоб его у нас и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

Марья Андреевна. Нет, маменька, этого нельзя.

Анна Петровна. Отчего это нельзя? Что с ним церемониться, что ли? Не велик барин! Прогоню, да и всё тут. Тебе надо замуж идти, а с этими-то разговорами не скоро жениха сыщешь. Осрамила ты меня совсем. Или сейчас же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтоб он и глаз к нам не показывал.

Марья Андреевна. Не делайте этого, ради бога. Я вас умоляю, маменька. Как это можно!

Анна Петровна. Так ступай замуж.

Марья Андреевна. Маменька, дайте мне подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругом идёт. Дайте мне подумать.

Анна Петровна. Об чём тут думать! Надо сейчас что-нибудь делать, а то услышит Максим Дорофеич эти сплетни, пожалуй, откажется. Что ты тогда с моей головой сделаешь? Какой тогда срам-то будет! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

Марья Андреевна. Нет, маменька, это выше сил моих!

Анна Петровна. Ну, так живи как знаешь! Мне теперь до тебя и дела нет. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня ни ночи покою себе не имею, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякого, прости господи! Я теперь слова тебе не скажу, повесничай с кем хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сделать; авось, добрые люди найдутся, не оставят старуху. Пойдёмте, Платон Маркыч, ко мне в комнату. *(Встаёт и идёт.)* Видно, уж мне, старухе, век горе мыкать.

Марья Андреевна *(за ней)*. Маменька!..

Анна Петровна. Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видеть не хочу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна (*садится на стул и закрывает лицо платком; Добротворский стоит против неё*). Это мученье!

Добротворский. Что, побранила вас маменька-то! Ну, ничего! Не плачьте, барышня! Помирится как-нибудь.

Марья Андреевна. Ах, Платон Маркыч! Быть может, маменька и права, но она требует от меня невозможного.

Добротворский. Отчего ж, матушка барышня, невозможно? Ей-богу, возможно! Утешьте старуху. Ведь уж лучше Максима Дорофеича жениха не найти вам.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч, вы человек добрый, я с вами буду говорить откровенно. Я люблю другого; он хорош, умён, образован; посудите сами, как же мне променять его на Беневоленского.

Добротворский. Да он молодой человек, барышня?

Марья Андреевна. Очень молодой...

Добротворский. Свистуны ведь они, матушка, никакой основательности нет. Не верьте вы им. Нынче любит, а завтра разлюбит. Им потеха, а бедные девушки плачут.

Марья Андреевна. Я не знаю, разлюбит он меня или нет, только я его люблю.

Добротворский. Матушка барышня, я вас ещё вот какую знал: ребёнок были, несмыслёночек, на руках носил. Ваш папенька покойник мне благодетель, в люди меня вывел, я прежде очень маленький человек был. Как умирал покойник, — ты, говорит, Платон, жену с дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петрович, служить буду, пока сил хватит. Я вас, барышня, больше родной люблю, так горько мне будет, как вертопрах какой-нибудь посмеётся над вами. Плюньте вы на них! А ведь и то сказать, барышня, вы лучше нас знаете, мы люди старые, из ума выжили! Советовать не смею, рассудите сами. Вот на старости лет для вас, сударыня, за сватовство принялся. Нашёл человека, кажется, хорош, а ведь бог его знает, где мне разобрать, посмотрите сами; как бы греха на душу не взять. А всё мой совет — лучше маменьки послушаться, меньше греха будет.

Марья Андреевна. Платон Маркыч, помирите меня с маменькой, она вас любит.

Добротворский. Не беспокойтесь, матушка, помирю, об этом не беспокойтесь.

Марья Андреевна. Подите скажите ей, что я через три дня ей дам ответ. Мне нужно подумать, поговорить с ним, он обещал жениться на мне.

Добротворский. Хорошо, барышня. Сейчас прикажете к маменьке сходить?

Марья Андреевна. Да, пожалуйста, сейчас. Мне всегда тяжело, когда она сердится, за дело ли, не за дело ли.

Добротворский. Как же, матушка, не тяжело — ведь мать. Хорошо-с. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Что мне делать, я решительно не знаю! Я чувствую, что дурно делаю, что ссорюсь с маменькой, но идти за Беневоленского я не могу — я люблю Владимира. Да если б я и решилась пожертвовать собой, я теперь не имею права. За что же я обману бедного Владимира: он так меня любит.

Дарья (*входит*). О! Чтоб вас!.. Вечно всё растеряет! (*Берёт платок Анны Петровны.*)

Марья Андреевна. Даша, что маменька делает?

Дарья. Разговаривает с Платоном Маркычем.

Марья Андреевна. Сердита она?

Дарья. Приступу нет! (*Уходит.*)

Марья Андреевна. Жаль мне маменьку, ей-богу, жаль! Если б я не наделала глупостей, я бы теперь с ней поговорила откровенно, что Беневоленский мне не нравится, а теперь не могу, — теперь мне одно средство: поговорить с Владимиром, потом скажем маменьке — и не об чем думать. Ах, дура, да об чём же я плачу? Человек говорит мне прямо, что он женится на мне, а я плачу да выдумываю разные несчастья. (*Смеётся, потом задумывается.*) А если нет? Если нет? Что ж тогда? Впрочем, какое же я имею право так дурно думать о нём: я его ещё не знаю. Да что это, господа! Что я говорю! Я помешалась совсем. Другая бы на моём месте прыгала

от радости, а мне всякий вздор в голову лезет. Нет, нет, не хочу ни об чём думать! Владимир на мне женится. О, кабы мне его увидеть поскорей!

Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Добротворский. Пожалуйте к маменьке, барышня. Я её уговорил немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станет, поговорить хочет. Пусть, говорит, она увидит, что мать ей зла не желает. Вот сейчас и поговорим все вместе, авось, барышня, как-нибудь и уладим. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (*одна*). Вот уж третий день его нет. Что это значит? Третий день ужасных мучений! Он, должно быть, нездоров! Что, если он и нынче не придёт, я, кажется, сойду с ума. Как незаметно подкралось ко мне это горе. Неделю тому назад я была весела и ни об чём не думала. Я так и жду, что приедет Беневоленский и сделает предложение. Что я буду делать? Маменька так уверена во мне, так меня любит!.. Теперь её спокойствие зависит от меня. Неужели у меня хватит сил противиться ей.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб!.. Вот везде одна, поспевай тут... Что это вы, барышня, какие скучные?

Марья Андреевна. С чего же мне весёлой-то быть. Погадай-ка мне, Даша, на картах.

Дарья. Извольте, барышня, сейчас разложу. (*Раскидывает карты.*)

Марья Андреевна. Что, Даша, выходит что-нибудь? Чай, всё вздор.

Дарья. Нет, матушка, не говорите этого. Вот недавно куме Аксинье гадала: всё винновыи туз выходит. Смотри, говорю, будет тебе горе какое-нибудь. Что ж, барышня, так и есть: шубку новенькую украли, с иголки. (*Разводит руками.*) При своём антиресе от треф!.. В собственном доме... исполнение желания... бубновый король марьяжный...

Марья Андреевна. Кто же это бубновый король?

Дарья. Уж, известно, Владимир Васильевич, кому ж быть!

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это вы, никак гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мне.

Дарья. Извольте, матушка, сейчас.

Анна Петровна. На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь ли, Машенька?

Дарья. Я вас червонной, матушка, положу. Ах, барышня, почта-льон идёт. (*Идёт за письмом.*)

Марья Андреевна. От кого это? Боже мой, как у меня сердце забилось!

Дарья возвращается с письмом.

Анна Петровна. Поищи-ка, Даша, очки. (*Распечатывает письмо.*)

Дарья. Вот они, матушка.

Анна Петровна (*смотрит на подпись*). От Беневоленского.

Марья Андреевна. От Беневоленского? Что ж он пишет?

Анна Петровна (*читает*). «Милостивая государыня, многуважаемая Анна Петровна! Принимая в уважение ваше расположение и радушный приём, оказанные мне в прошедший четверток, я беру на себя смелость предложить свою руку и сердце вашей бесподобнейшей дочке Марье Андревне, коей достоинствами и красотою я

очарован. Причём честь имею присовокупить, что я слышал от Платона Маркыча о вашем деле, в котором, как знающий человек, могу быть ходатаем, конечно, только в том случае, когда вы согласитесь принять моё предложение. Я человек деловой, и мне терять время понапрасну на чужие хлопоты нельзя. Состояние моё вы знаете, и я неусыпно стараюсь о приращении оного, употребляя на это все свои способности; ибо, как вам известно, состояние даёт вес в обществе. Принимая в соображение всё оное, а равно положение, в котором вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего ответа сегодня же или, в крайнем случае, завтра, чтобы не оставаться в неизвестности. Засвидетельствуйте моё нижайшее почтение Марье Андревне и передайте им, что я, как страстный их обожатель, с душевным трепетом ожидаю их ответа. С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею пребыть Максим Беневоленский». Ну, что же, Машенька, надобно писать.

Марья Андреевна *(в волнении)*. Погодите, маменька, погодите...

Анна Петровна. Чего ж годить-то? Маша! Послушай ты меня, ведь уж такой партии нам с тобой не дождаться. Максим Дорофеич человек деликатный, надо же ему что-нибудь написать, чтоб не сомневался по крайней мере.

Марья Андреевна. Погодите, маменька, ради бога, погодите, завтра... завтра...

Анна Петровна. Да отчего ж не теперь?

Марья Андреевна. Теперь я не могу. Я не знаю, что отвечать; я так взволнована... Мне нездоровится что-то, у меня голова болит. Я решительно не могу!..

Анна Петровна. Ну, как хочешь! Завтра так завтра. А я всё-таки пойду подумаю, как написать поскладней. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Марья Андреевна. Даша, ты знаешь, где Владимир Васильич живёт?

Дарья. Знаю, матушка.

Марья Андреевна. Беги к нему, Даша, голубушка, беги поскорей.

Дарья. Что вы, матушка! Ну, как маменька узнает!

Марья Андреевна. Ступай, ничего, ступай. Я как-нибудь скажу маменьке. Только, ради бога, поскорей. Скажи ему, чтоб он сейчас же пришёл сюда, сию минуту.

Дарья. Ну, видно, нечего с вами делать.

Марья Андреевна. Проворней, Даша, проворней!

Дарья уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна (*одна*). Нет, этого не будет! Владимир спасёт меня... Ну, как она его дома не застанет! Ну, а если... нет, этого не может быть, он меня любит. Ну, уж я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую... Мне только страшно чего-то. Ах, кабы она поскорей воротилась. Кто-то идёт, не он ли? Нет, это Милашин.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Скажите, Иван Иванович, не видали ли вы Владимира Васильича?

Милашин. На что он вам?

Марья Андреевна. Ах, боже мой, когда я спрашиваю, значит, что нужно.

Милашин. Кто ж его знает. Помилуйте, разве можно знать, где подобные люди бывают!

Марья Андреевна отворачивается и плачет.

Милашин. Вы думаете, я это говорю из ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мне вас жаль, и больше ничего.

Марья Андреевна. Сделайте милость, не жалейте. Да какое право вы имеете жалеть меня?

Милашин. Как вам угодно! Я из привязанности к вам, к вашей маменьке говорю это. Я опять-таки повторяю, что такого человека, как Мерич, я бы, на месте Анны Петровны, к воротам бы не подпустил. Если Анне Петровне угодно, чтоб он расставлял везде, хватался, что вы влюблены в него, так пускай принимает.

Марья Андреевна. Вы лжёте!

Милашин. Я лгу? Нет, я никогда не лгу-с. Лжёт кто-нибудь другой, только не я.

Марья Андреевна. Зачем вы мне говорите про него: вы знаете, что я не поверю вам. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю! Не смейте при мне говорить про него дурно.

Милашин. Вы его любите? А он вас любит, вы думаете?

Марья Андреевна. Послушайте, я начинаю терять терпение! Или замолчите, или убирайтесь прочь от меня!

Милашин *(садится на другой стороне комнаты; молчание)*. Вы меня обидели, Марья Андреевна, жестоко обидели. Я желал вам добра, я с малолетства с вами знаком, а вы меня от себя гоните. Скажите, пожалуйста, чем я это заслужил? *(Молчание.)* Я только, по правам дружбы, хотел предостеречь вас.

Марья Андреевна. От кого предостеречь? Не нужно мне ваших предостережений.

Милашин. Теперь уж я вижу, что не нужно — вы так ему слепо верите, что никого слушать не хотите. Я и не стану вас разубеждать, а всё-таки это не мешает мне знать про него кой-какие вещи, не очень хорошие.

Марья Андреевна. Вы можете знать и можете говорить кому угодно, а всё-таки вам никто не поверит.

Милашин. Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вот чего я дождался от вас за мою привязанность!

Марья Андреевна. Что ж вы узнали? Говорите.

Милашин. Много узнал, всего не перескажешь.

Марья Андреевна. И есть у вас доказательства?

Милашин. Какие же доказательства? Его поведение и без доказательств ясно.

Марья Андреевна. Ну, а если у вас нет доказательств, так я вам говорю: не верю, не верю, не верю!

Милашин. Может быть, когда-нибудь я и докажу вам мои слова на самом деле, только не будет ли поздно.

Марья Андреевна. Это уж не ваше дело. Когда будете иметь доказательства, тогда и говорите, а до тех пор молчите. *(Молчание.)* Что ж это так долго? *(Смотрит в окно. Молчание.)* Наконец-то!

Милашин. Что такое?

Марья Андреевна. Владимир Васильич. Ну, уж достанется ему от меня.

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Мерич.

Марья Андреевна. Что это вы пропали? Как вам не совестно!

Мерич (*целует руку*). Виноват, Марья Андреевна, виноват! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иван Иванович.

Марья Андреевна. Мне нужно рассказать вам кой-какие новости, не совсем приятные.

Мерич. Неприятные! Это дурно. Вы меня пугаете.

Марья Андреевна. Да, для меня — очень неприятные.

Мерич. А если для вас они неприятны, так уж и для меня также.

Милашин. Отчего же это так? Позвольте вас спросить.

Мерич. По очень простой причине, Иван Иванович: я принимаю очень близко к сердцу всё, что касается до Марьи Андреевны. Теперь вы поняли?

Марья Андреевна. Да, Иван Иванович, это дело касается нас обоих.

Милашин. В таком случае, извините.

Мерич. Что это вы похудели, побледнели, Марья Андреевна?

Марья Андреевна. Я вам говорю, что у меня есть много неприятного; да уж и того довольно: я три дни вас не видала. Чего я не передумала в это время!..

Мерич. Если я был хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя так виноватым, что не смею и оправдываться. Сердце у вас доброе. А я постараюсь загладить свой проступок. Дайте ручку, в знак перемирия. (*Целует у Марьи Андреевны руку.*)

Марья Андреевна. Да, уж, конечно, виноваты. Как это не заглянуть почти неделю! Бог с вами! Я уж к вам посылала Дарью.

Мерич. Она, вероятно, меня не застала дома; мы с ней разошлись.

Милашин (*в сторону*). Это невыносимо!

Мерич. Зачем же вы присылали Дарью ко мне?

Марья Андреевна. За вами. Мне очень нужно с вами переговорить об одном весьма важном деле.

Милашин. Прощайте, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Куда вы?

Милашин. За доказательствами.

Марья Андреевна. Желаю вам успеха.

Милашин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Андреевна и Мери ч.

Марья Андреевна. Владимир, Владимир! Что ты со мной делаешь! Я жду тебя не дождусь!

Мери ч. Что такое, что такое! Об чём ты плачешь?

Марья Андреевна. Владимир, у нас страшное горе: мы проиграли дело... у нас отнимают всё.

Мери ч. Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Что теперь делать? Маменька говорит, что нам будет жить нечем. Единственное средство мне — пожертвовать собой, выйти за Беневоленского. Я не могу опомниться, нынче я должна дать ответ.

Мери ч. Как это скверно!

Марья Андреевна (*обнимает его*). Владимир, спаси меня!

Мери ч (*освобождаясь*). Погоди, погоди. Поговорим хладнокровно.

Марья Андреевна. Как же я могу говорить об этом хладнокровно! Владимир, что мне делать!.. Жизнь и смерть моя от этого зависят. (*Обнимает его.*)

Мери ч. Как ты, Мери, неосторожна! Ну, как кто увидит, что скажут?

Марья Андреевна. Мне теперь уж всё равно, что бы ни говорили.

Мери ч. А я-то чем же виноват! Ведь всё на меня падёт; скажут, что я тут бог знает что. Ты знаешь, у меня и без того какая репутация.

Марья Андреевна. Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

Мери ч. Ты не понимаешь, теперь совсем другое дело; тогда не было твоей маменьки.

Марья Андреевна. Что же мне делать! Я, ей-богу, не знаю. Мери ч. Ах, как это нехорошо, я совсем этого не ожидал.

Марья Андреевна. Владимир! Пока я не видала тебя, я бы пошла за кого угодно маменьке. Я полюбила тебя; ты мне говорил, что меня любишь, — как же мне теперь расстаться с тобой?

Мери ч. Скажи же мне, Мери, сделай милость, чего тебе от меня хочется?

Марья Андреевна. Владимир, опомнись, что ты говоришь! В какое ты меня ставишь положение! Мне стыдно за себя. Я тебе, как другу, рассказываю своё горе, а ты спрашиваешь, чего мне хочется! Что же мне сказать тебе: женись на мне? Пощади меня!

Мери ч. Ах, Мери! Мери! Ты не знаешь, в каких я теперь странных обстоятельствах. *(Ходит по комнате.)* Я решительно теперь ничего не могу придумать... решительно ничего.

Марья Андреевна. Ничего?

Мери ч. Ничего.

Марья Андреевна. О, боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Мери ч. То-то вот всё ещё неопытность! Мне надобно было бежать от тебя. Зачем я тебя встретил! О, судьба, судьба! Мне легче бы было совсем не видеть тебя, нежели смотреть, как ты страдаешь. Впрочем, я не думал, что ты так привяжешься ко мне.

Марья Андреевна. Что же ты думал?

Мери ч. Я думал, что из наших отношений не выйдет ничего серьёзного.

Марья Андреевна. Ты хотел позабавиться от скуки, для развлечения, не правда ли? Не ты ли сам говорил, что играть любовью тебе надоело.

Мери ч. Да разве я не люблю тебя? Разве я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть в мою душу! Но как же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть твёрже, Мери!

Марья Андреевна. Я была тверда, пока ты не обманул меня так жестоко. И тебе не жаль меня? Скажи, ради бога!

Мери ч. Мне очень жаль тебя, Мери, и тем больше жаль, что я не могу никак помочь тебе. Жениться я не могу на тебе, да и отец мой не позволит. Конечно, я бы не посмотрел на него, а обстоятельства, обстоятельства, которые гнетут меня всю жизнь...

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Скажи ты мне, для чего ты меня обманывал, зачем клялся, когда я от тебя этого не требовала?

Мерич. Я люблю тебя, Мери! Я увлёкся, я не сообразил. Я человек очень страстный.

Марья Андреевна. Ты любил? Никогда ты не любил меня. Я одна любила. Теперь мне поведение твоё стало ясно. Хотя уж и поздно, а я узнала тебя. Господи боже мой! И ты смеешь называть это любовью! Хороша любовь! Не только без самопожертвования, даже без увлечения! На нас весь суд, нам не прощают ничего... Я к тебе бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидел бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало, ждёшь тебя не дождёшься; все глаза проглядишь, а ты придёшь, как ни в чём не бывало, только разве обдумаешь дома, что говорить да как бы сделать шаг вперёд.

Мерич. Ты меня обижаешь. Что ж, ты можешь говорить что хочешь, — ты вправе.

Марья Андреевна. Не говори, ради бога! Вспомни о совести хоть теперь-то. Теперь уж тебе нет никакой нужды лгать. Теперь тебе остаётся только хвастаться своими успехами.

Мерич. Послушай, однако за кого ж ты меня считаешь?

Марья Андреевна. За кого нужно.

Мерич. Я, наконец, не могу переносить этого. *(Берёт шляпу.)*

Марья Андреевна. Ты уходишь? Прощай!

Мерич. Не могу же я слушать этого! Ну, я виноват, я сознаюсь, да всё не так же, как ты говоришь. Всё-таки я честный человек. Ведь обстоятельства, Мери, много значат... Где же вам это всё знать — вы женщины.

Марья Андреевна. Верю, верю.

Мерич. Нет, право. Ты не сердись на меня. Я не мог и не могу иначе поступить при всей любви к тебе. Ты что хочешь говори, а я всё-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не веришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное создание!

Марья Андреевна. Перестань, ради бога!

Мерич. При других обстоятельствах я бы отдал всё на свете за счастье обладать тобой.

Марья Андреевна. Перестань же наконец.

Мерич. Но мне не суждено; что ж делать! Нам нужно расстаться.

Марья Андреевна. Прощайте, прощайте!

Мерич целует руку, уходит медленно, потом возвращается.

Мерич. Нет, я решительно не могу уйти без того, чтоб ещё раз не взглянуть на тебя. (*Стоит, сложив руки на груди.*) Ты на меня не сердись?

Марья Андреевна. Не сержусь.

Мерич. Вот и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебе всякого счастья. (*Отходит немного.*) Обо мне забудь! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марья Андреевна (*одна*). И я поверила этому человеку! Как мне стыдно за себя... Он ушёл, и ему ничего! Он даже рад, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чем я виновата! О, господи! Зачем в людях так мало правды! Могла ли я знать, что он меня обманывает! Как мне было знать! Почём мне было знать!.. За что он меня обманул! (*Плачет.*)

Входит Милашин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Вот доказательства, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Теперь уж не нужно.

Милашин. Значит, правду я говорил. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читает*). «Простите моей дерзости, но я не могу более скрывать страсти, которая меня сожигает». Скажите, какие нежности!

Марья Андреевна. Что вы там ещё читаете?

Милашин. Вот, извольте посмотреть. (*Подает ей записки. Марья Андреевна читает про себя.*) Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андреевна.

Марья Андреевна (*рвёт записки и бросает их за окно*). Только этого не доставало! Это ужасно!

Милашин. Вот у меня ещё есть. Не хотите ли?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Да на что мне они? Оставьте меня, ради бога. Вы видите, в каком я положении. (*После непродолжительного молчания.*) Я сейчас видела Владимира Васильича.

Милашин. Что же он?

Марья Андреевна (*плачет*). Ему нет никакого дела до меня. Он говорит, что нужно покориться своей участи.

М и л а ш и н. Мерзавец! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я готов жизнью пожертвовать для вас. Скажите, Марья Андреевна, чем я могу быть для вас полезен, — я на всё готов.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Вы ничего не можете для меня сделать. Дайте мне немного успокоиться. Моё самолюбие оскорблено, мне стыдно за себя. Я не о том плачу, что мне нужно пожертвовать собой — я уж примирилась с этой мыслью, — а об том, что я была игрушкой пустого человека. Чем вы мне можете помочь?

М и л а ш и н. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непременно вызову.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Что вы выдумываете! Зачем вы это делаете, как, по какому праву?

М и л а ш и н. Да, в самом деле, неловко! Я так только спросил у вас, а то, как вам угодно. Мне жизнь не дорога... Я не могу видеть, как вы страдаете! Неужели я решительно ничем не могу вам помочь?

М а р ь я   А н д р е е в н а. Одним только: оставьте меня в покое.

М и л а ш и н. Вы меня гоните! Вы вот как со мной поступаете! Ну, так я вам докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андревна, не Мерич! Я очень хорошо понимаю ваше положение! Выйти за Беневоленского! Какому-нибудь скоту придёт фантазия за вас свататься, а вы должны идти за него! Нет, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете ли что, Марья Андревна? Я человек бедный, я, может быть, сам не знаю, чем содержать себя одного, не только с женой, но я не сделал бы так, как Мерич, не уступил бы вас на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! Я предлагаю вам свою руку, мне хочется доказать вам, что я благородный человек.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Ах, Иван Иванович, не хотелось бы мне вас обидеть, да нечего делать. Не нуждаюсь я ни в вашей помощи, ни в вашем благородстве; не пойду я за вас ни за что на свете.

М и л а ш и н. Да, конечно, я не Беневоленский; он завидный жених.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Беневоленский человек с состоянием, да и маменька хочет, чтоб я за него вышла; вот почему я предпочту Беневоленского.

М и л а ш и н. Не угодно? Как вам угодно! Мне только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича.

Я делаю вам честное предложение, а вы на меня сердитесь; а Мери-ча не гнали прочь, когда он ухаживал за вами.

Марья Андреевна. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имеете уважения ко мне. Нет, надобно это покончить одним разом. Будет плакать. *(Утирает глаза.)* Если б теперь Мери-ч сделал предложение, я б не пошла за него. Я выхожу за Беневоленского — это решено. Незаметно, что я плакала? Мне хочется показать маменьке, что я без всякого усилия решилась выйти замуж. Пусть она будет весела и покойна, я возьму всё на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, в самом деле, незаметно слёз?

Милашин. Почти незаметно.

Марья Андреевна. Ну, и слава богу! Станемте смеяться, станемте разговаривать о чём-нибудь о постороннем. Не были ли вы в театрах как-нибудь на днях?

Милашин. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Ведь я знаю, что у вас на душе.

Марья Андреевна *(топает ногой)*. Я совсем вас не обманываю; мне, право, что-то вдруг весело сделалось. Давайте играть во что-нибудь. Ах, вот карты! Давайте играть в карты.

Милашин. Давайте, пожалуй, если вам угодно. *(Садится к столу.)*

Марья Андреевна. Во что же? В дураки давайте.

Милашин *(сдаёт)*. Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андреевна, вы притворяетесь. Вы не хотите, чтоб я видел ваши слёзы. Зачем же вы от меня-то скрываетесь: я вам не чужой. Это досадно!

Марья Андреевна. Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашин. Вы так горды, что не хотите мне позволить принимать в вас участие. Ведь это заметно, что вы притворяетесь.

Марья Андреевна. Что, остались! *(Смеётся.)*

Милашин. Ну, что ж, остался. *(Мешает карты, сдаёт.)* Ведь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этим унижаете, не считаете ни за что!..

Марья Андреевна. Вы принимаете! Ещё принимаете. Ну, так вы опять остались! *(Хохочет.)*

Милашин. Ведь это невыносимо просто.

Марья Андреевна. Сдавайте, сдавайте. Что же вы!

Милашин сдаёт.

(Марья Андреевна задумывается, закрывает глаза платком и опирается на стол, потом утирает глаза и берёт карты.) Кому ходить, мне?

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это у вас за смех?

Марья Андреевна. Да вот Иван Иванович всё остаётся. Вы совсем не умеете играть. Когда же мы, маменька, напишем ответ Максиму Дорофеичу? *(Продолжает играть в карты.)* Поблагодарите его за предложение и напишите, что я согласна.

Анна Петровна. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебе, утешила ты меня. Вот теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Уж так обрадовала, что и сказать нельзя... Вот, Иван Иванович, у меня дочка... И красавица, и умница. Где тут бумага была? Вот теперь вдруг-то и не придумаешь, что написать. *(Берёт бумагу и пишет.)*

Марья Андреевна и Милашин играют в карты.

Марья Андреевна *(Милашину)*. Хоть бы поскорее это кончилось, моих сил больше не достаёт. *(Встаёт.)* Дайте, я вам помогу. Что вы пишете?

Анна Петровна. А вот: «Милостивый государь, Максим Дорофеич! Благодарю вас за лестное для нас предложение. Машенька согласна и просит вас сегодня на чашку чаю». Хорошо ли так-то? Уж я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна. Нет, прекрасно, прекрасно! Вот и отошлите поскорей.

Анна Петровна. Нет, в самом деле, хорошо? Иван Иванович, хорошо?

Милашин. Очень хорошо.

Анна Петровна. А не надо ли чего прибавить?

Марья Андреевна. Нет, не надо, ничего не надо... довольно и этого. Отошлите поскорей. Дарья, Дарья!

Входит Дарья.

Пошли поскорей кого-нибудь с этим письмом к Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорей. Я не выдержу больше... Иван Иванович, мне дурно!

Милашин подбегает, подаёт ей стул, Марья Андреевна сидит несколько времени в изнеможении, потом заливается слезами.

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Что ты? Что с тобой?

Милашин *(в сторону)*. Что же это такое!

Марья Андреевна. Ничего, это пройдёт. Мне дурно что-то. Не беспокойтесь.

Анна Петровна. Поцелуй меня, Машенька! Умница ты моя...

Марья Андреевна. Что, маменька, хороший он человек?

Анна Петровна. Хороший! Уж я не отдам тебя за дурного.

Марья Андреевна *(в слезах)*. Он меня станет любить? Если он меня будет любить, и я его буду любить.

Анна Петровна. Да о чём же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашин. Неужели это вас удивляет, что Марья Андреевна плачет? Это странно!

Анна Петровна. А что ж тут, батюшка, странного? Она сама объявила желание выйти за Беневоленского, а теперь плачет. Чем же не партия?

Милашин. А что ж особенно завидного в Беневоленском?

Анна Петровна. А то, что ты молод ещё судить-то постарше себя. Он солидный человек, с небольшим в тридцать лет уж состояние имеет, делом занимается, а у вас всё гулимоны да пошлости на уме.

Милашин. Состояние! А где взял он это состояние, спросить надобно. У нас совесть есть, оттого и состояния нет. Состояние нажить немудрено.

Анна Петровна. Да, поди вот, наживи, да тогда уж и разговаривай!

Милашин. Я и теперь могу рассуждать, кто честный человек, а кто нет. Счастье не в богатстве, а в душевном спокойствии. Соеди-

нить свою судьбу с таким человеком, которого того и гляди отдадут под суд...

Анна Петровна. Да, очень нужны мне все эти резоны! Я, батюшка, мать! Так, зря, дела не сделаю. Ещё молод очень учить-то меня! Наживи-ка своих детей, да тогда и выдавай, как знаешь. Учить-то всякий умеет, а попробуй-ка за дело-то взяться, так и нет ничего. Всё одни фантазии дурацкие. Вот тут с вами табатерку потеряла. О! Чтоб вас! Дарья! Дарья!

Дарья (*входит*). Что угодно?

Анна Петровна. Что глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку!

Дарья уходит.

Миlashин. Меня вы можете бранить, сколько вам угодно, а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

Анна Петровна. Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для неё. Чего мне стоило её вырастить-то. Надо мне видеть от неё какое-нибудь утешение. Полно плакать-то!

Марья Андреевна. Разве я вам, маменька, не угождала? Разве вы были недовольны мной когда-нибудь?

Анна Петровна. Что там про старое толковать, я того и знать не хочу. Легко ли дело, нужно мне очень помнить, когда ты мне угодила, когда нет. Вот теперь я вижу твою благодарность. Мать на старости лет ни дня, ни ночи покою не знает, женское дело, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоит, а она плачет да убивается, как будто я ей злодейка какая!

Марья Андреевна. Да ведь я, маменька, согласна.

Анна Петровна. Вижу я, как ты согласна-то.

Входит Дарья.

Что ты ещё?

Дарья. Табатерку извольте.

Анна Петровна. Ишь тебя принесло, нашла время!

Дарья (*идёт*). Ну, раскудахталась.

Анна Петровна. Другая бы радовалась да не знала, как благодарить мать-то за такого жениха, а не то чтоб расстраивать. Моё дело женское, я женщина сырая, а тебе всё ничего. Ты об матери-то и не думаешь, как бы мать порадовать.

Марья Андреевна. Маменька! Ради бога! Что вы говорите! *(Плачет.)* Боже мой, что это такое!

Анна Петровна *(помолчавши и успокоившись)*. Что ж, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась... Да что ж теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мне ведь и самой тебя жаль. Я тебя обидела... Что ж делать, прости. Я ведь женщина, у меня сердце слабое, горячее, раскипится другой раз, и не уймёшь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда что и скажется сгоряча... Обижаться-то на меня за это грех, дело женское.

Марья Андреевна. Я на вас не обижаюсь...

Анна Петровна. Что ж делать, хороша ли, худа ли, всё-таки мать. Выдешь замуж, и такой не будет. Ну, полно же, друг мой. Мне разве весело смотреть на тебя, как ты плачешь. Бог с тобой, что ты это!

Все лица на левой стороне; входит Хорьков и останавливается среди сцены.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Хорьков.

Хорьков. Марья Андреевна! Моя мать вас обидела; я пришёл просить прощения за неё.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна *(тихо)*. Маменька, он, кажется, пьян; молчите, пожалуйста.

Мишин *(Марье Андреевне)*. Он уж четвёртый день пьёт; как ушёл тогда от вас, и запил. Ходит по комнате, плачет и пьёт.

Марья Андреевна. Неужели? Ах, бедный!

Хорьков. Что такое? Слезы! Об чём вы плачете? Я не хотел вас обидеть... Я бы умер для вас, Марья Андреевна. Это мать... Она простая женщина. Я не знал, что она была у вас, не знал... Я б её не пустил к вам... Она простая женщина, не понимает ничего... Где же ей вас понять! Что же делать! Мать... любит... воспитала... Марья Андреевна, простите! *(Становится на колени.)*

Марья Андреевна. Что вы, что вы, Михайло Иваныч! Встаньте! Я ни на вас, ни на вашу маменьку не сержусь; напротив, я вам очень благодарна за ваше расположение.

Хорьков *(встаёт)*. Об чём же вы плачете? Скажите мне, об чём вы плачете? Кто вас обидел?

Анна Петровна. Ах, молодой человек, молодой человек...

Хорьков. Что вы, Анна Петровна!.. Ах, вы не знаете!.. Уж молчите лучше! (*К Марье Андреевне.*) Вас, вероятно, маменька обидела? Не сердитесь на неё... Бог с ними... они не знают... не сердитесь на неё... ведь любят... воспитывали... учили...

Анна Петровна. Пойдём, Машенька, пора одеваться, скоро Максим Дорофеич приедет. (*Милашину тихо.*) Уведите его, Иван Иванович.

Милашин (*берёт шляпу*). Пойдёмте, Михайло Иванович.

Хорьков. Что? Мальчишка!

Милашин. Что же вы бранитесь! Я вас хочу увести отсюда, потому что вы пьяны.

Хорьков стоит задумавшись.

Марья Андреевна (*встаёт*). Перестаньте, Иван Иванович!

Милашин. Что же он бранится! Это досадно.

Хорьков. Да, скверно, скверно! Извините... Куда я годе! Пьяный... в чужом доме...

Марья Андреевна. Ах, как мне его жаль! Как мне его жаль!

Хорьков. Марья Андреевна, не презирайте меня! Я люблю вас... Я не мог перенести вашего отказа. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но что ж делать, я жалкий человек! Я ведь люблю вас, очень люблю!..

Марья Андреевна. Я сама вас люблю, Михайло Иванович. Я очень жалею, что поздно вас узнала. Я выхожу замуж... за Беневоленского. (*Плачет.*)

Хорьков. За Беневоленского!.. Это жертва... да, жертва. Что ж, благородно... благородно... слёзы...

Марья Андреевна (*садится на стул*). Ах, Михайло Иванович, мне тяжело, очень тяжело!

Анна Петровна. Она это для матери делает. Максим Дорофеич — человек хороший, и с состоянием.

Хорьков. Да, с состоянием. Слёзы, слёзы... вечные слёзы... चाहотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. (*Становится на колени, берёт руку Марьи Андреевны и целует.*) Я сам не переживу!

Марья Андреевна в обмороке, все суеются около неё; Хорьков плачет, прислонившись к стене.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет небольшую комнату. Направо от зрителей дверь в залу; ближе к зрителям трюмо; прямо — дверь в переднюю, налево диван, перед диваном круглый стол, далее ещё дверь, в углу простой стол, на котором чашки и бутылки. Дарья устанавливает бутылки на столе, официант устанавливает чашки на поднос, потом берёт поднос и идёт к двери. Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дарья, официант и Добротворский.

Добротворский. Ты что это, любезный, несёшь?

Официант. Чай-с.

Добротворский. А рому-то что ж не захватил?

Официант. Сперва так обнесём-с.

Добротворский. Эх, братец! Не знаешь ты, кого чем потчевать. Ишь, всё деловые люди собрались, со светлыми пуговицами сидят.

Официант. Дарья Семёновна, пожалуйста рому-с.

Дарья. Что там ещё! О! Чтоб вас! Рому, что ль?

Официант. Рому требуют-с. *(Берёт бутылку и ставит на поднос.)*

Добротворский. Дай уж и мне, я тут к сторонке сяду, на просторе пуншику попою. *(Берёт чашку и садится на диван.)*

Официант уходит в дверь направо. Входит женщина в капоте и в платке.

Женщина в капоте. Танцы будут, матушка? Барышня прислала спросить. У нас, матушка, семь барышень. Беспременно, говорит, узнай: коли танцы будут, так и мы придём посмотреть.

Дарья. Будут, будут. О! Чтоб вас тут!

Женщина уходит. Входят несколько лиц и проходят к двери направо; в дверях показывается кучер.

Дарья. Ты зачем?

Кучер. Свадьбу смотреть.

Дарья. О! Мужлан, туда же лезет!

Кучер. А ты что за барыня!

Дарья. Да ты не хайли! Что горло-то распустил?

Кучер. А вы потише, а то неравно испугаюсь.

Дарья. Говорят, пошёл вон!

Кучер. Пойду. *(Уходит.)*

Дарья. О! Чтоб вас, так бы, кажется!.. *(Уходит.)*

Входят разные лица и смотрят в дверь направо. Между ними две женщины, довольно хорошо одетые, девушка, покрытая платочком, и двое молодых людей в синих чуйках.

Первый молодой человек *(девушке, покрытой платком)*. Позвольте узнать, который жених-с?

Девушка. Вот этот.

Первый молодой человек. Так-с. А где невеста-с?

Девушка. Вот она.

Первый молодой человек. Так-с. А вы далеко живёте-с?

Девушка. Не доходя — прошедши.

Первый молодой человек. Я сам оттедова недалечко-с. Позвольте вас проводить.

Девушка. И без вас дорогу знаем.

Второй молодой человек *(первому молодому человеку)*. Что! Налетел с ковшом на брагу! *(Девушке.)* Что вы его слушаете, он у нас уж известный по этим делам. *(К первому.)* Что ты пристаёшь, в самом деле! Тут, брат, тебе нечего взять. Ишь, разлетелся! *(Девушке.)* Он намерен из городу одну в Рогожскую провожал, а там его метлой дворник и пугнул; так взад-вперёд даром пешком и проходил.

Первый молодой человек. Буде врать-то, любезный!

Второй молодой человек. Что врать-то! Не с твоим, брат, рылом! Ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здешние?

Продолжают говорить шёпотом. Из толпы выходят на авансцену две женщины — Дуня и Паша.

Паша. Будто тебе его, Дуня, и не жаль?

Дуня. Ничего-таки не жаль. Что я жила — маялась! Приедет, бывало, пьяный да олаберный — так как обеснующий какой. Я уж давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось, остепенишься немножко. Взял бы, говорю, хорошенькую барышню, так и сам бы, может быть, стал порядочным человеком, а то что так-то мотаешься!

П а ш а. Что ты говоришь!

Д у н я. Да право, так, Паша.

П а ш а. Так это другое дело. Пойдём посмотрим приданое.

Д у н я. Пойдём, Паша.

Уходят в дверь налево. Толпа мало-помалу расходится, остаются несколько старух. Добротворский пьёт пунш. Входят Марья Андреевна и Беневоленский.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Добротворский, Беневоленский и Марья Андреевна.

Беневоленский. Вы, сударыня, только извольте приказывать, а уж я буду всё исполнять в точности.

Марья Андреевна. Вы меня станете слушаться во всём, Максим Дорофеич?

Беневоленский. Честное слово благородного человека.

Марья Андреевна. Я вам откровенно скажу: мне в вашем характере кой-что не нравится; мне бы хотелось, чтобы вы оставили некоторые привычки. С тем и иду за вас. Вы меня слушаетесь?

Беневоленский. Всё, что вам угодно. Из любви к вам я на всё готов. Вам не угодно было, чтоб я водку пил, — я её бросил; вы мне не приказывали табак нюхать — я и не нюхаю. А, Платон Маркыч, ты здесь! Приходи ко мне как-нибудь, я тебе подарю серебряную табакерку.

Добротворский. Покорно благодарю, Максим Дорофеич, зайду как-нибудь.

Беневоленский. Я ваш покорнейший слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцеловать. Вам, может быть, угодно здесь одним остаться?

Марья Андреевна. Да, мне нужно поговорить с Платоном Маркычем.

Беневоленский. Ухожу-с. Видите, как я послушен. *(Подходит к Платону Марковичу.)* Что, ловко я себя держу?

Добротворский *(одобрительно кивая головой)*. Хорошо.

Беневоленский уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна. Глупая я, Платон Маркыч, скажите мне. Так ведь, не правда ли?

Добротворский. Что вы! Кто смеет сказать! Нет, вы у нас умница.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч, что мне в голову пришло. Может быть, вам это смешно покажется. Я думала, думала... да знаете ли, до чего додумалась?

Добротворский смотрит на неё.

Только вы не смейтесь надо мной... Мне показалось, что я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека. Глупо ведь это, Платон Маркыч? Ведь это пустяки, нельзя этого сделать, а? Платон Маркыч, не так ли? Всё это детские мечты?

Добротворский. Звери лютые, и те укрощаются...

Марья Андреевна. Без этой мысли, Платон Маркыч, мне было бы очень тяжело. Только этим я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платон Маркыч,

Добротворский. Знаете ли, барышня, я вам русскую пословицу скажу: что будет, то будет, а что будет, то Бог даст. А другая ещё пословица говорится: суженого конём не объедешь.

Марья Андреевна садится на стул к трюмо и задумывается; входит Дарья и выгоняет со сцены зрителей, которые проходят в заднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Куда зашли! Коли хотите смотреть, так стойте в передней. Да чего и смотреть-то! Эка невидаль какая!

Марья Андреевна. Поправь мне причёску.

Добротворский уходит.

Дарья (*поправляет причёску*). Барышня, Владимир Васильевич здесь в саду.

Марья Андреевна. Ну так что ж?

Дарья. Они просят позволения войти, хотят поговорить с вами.

Марья Андреевна. Это что ещё? Затвори эту дверь. Позови его.

Дарья уходит.

Зачем он? Послушаем, что он скажет. Странно, как скоро я его разлюбила. Мне теперь он представляется совершенно посторонним человеком. Я его жду без всякого волнения. А прежде?

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна *(не оборачиваясь к нему)*. Зачем вы?

Мерич. Поглядеть на вас последний раз. Неужели вы мне в этом откажете!

Марья Андреевна *(поворачиваясь к нему)*. Хороша я?

Мерич. Обворожительна.

Марья Андреевна. Прощайте, мне пора к жениху.

Мерич. Ах, погодите, Марья Андреевна, ради бога. Выслушайте меня. Позвольте мне хоть полюбоваться на вас ещё несколько минут.

Марья Андреевна. Я слушаю. Что вам угодно?

Мерич. Не сердитесь на меня, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Я на вас не сержусь.

Мерич. Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не так поняли. Мне хочется перед вами оправдаться.

Марья Андреевна. В чём вам оправдываться? Я во всем виню себя. Я думала, что вы человек, способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побед. Мы с вами не пара.

Мерич. Вас я любил истинно, Марья Андреевна...

Марья Андреевна. Это неправда, Владимир Васильич. *(Подумав.)* Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чем вы берёте? Все ваши победы, вероятно, то же, что было со мной. Девушка сама бросается к вам, а вы потом хвастаетесь победой. Не так ли? Я бы вас сама разлюбила скоро, как бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданий, раскаяния, стыда, а всё-таки разлюбила бы вас. Мне нужно было, чтоб меня любили! Только этого я хотела.

Мерич. Бесценная женщина!

Марья Андреевна. Вы прежде не хотели меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие интрижки, и всё бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой.

Мерич. Боже мой, как я ошибался! Я не знал вас, Марья Андреевна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведения...

Марья Андреевна. Не знаю, от души вы сознаётесь или нет, но я вам верю, не хочу вас обижать. За себя я на вас не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вам уроком. Расстанемся друзьями. *(Протягивает ему руку.)*

Мерич *(целует её руку)*. Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна. Поздно, Владимир Васильич, поздно... Передо мной новый путь, и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник, но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец — дети, я буду жить для детей. Вы улыбаетесь! Как это честно с вашей стороны! Даже если бы всё, что я вам говорю, были мечты одни, которым никогда не осуществиться, вы всё-таки не должны разочаровывать меня. Мне они нужны, чтобы поддержать меня в моём теперешнем положении... Ах, Владимир Васильич, бог с вами... Ведь мне тяжело... Мне очень тяжело, и никто не хочет знать этого.

Мерич. Я вам желаю всякого счастья. Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно.

Марья Андреевна. Нет, Владимир Васильич, вам не видать моих страданий. Я не доставлю вам удовольствия пожалуй меня. Какие бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу, чего бы мне это ни стоило. За что же мне страдать? Рассудите сами, — ну, рассудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконец, исполняю долг и спасаю мать... Нет, нет, нет!.. Я буду счастлива, буду любима... Не правда ли? Скажите... да, да... Говорите же! Мне так нужно, не противоречьте мне...

Мерич (*подумав*). Да!

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю. Прощайте. (*Уходит.*)

Мерич (*один*). Какая умная девушка! Желал бы я знать, что она обо мне думает. Неужели она меня считает пустым человеком?.. А впрочем, ещё слава богу, что так кончилось: будь она поглупее, так не знал бы, как и развязаться; одним упрёкам не было бы конца, а ещё, пожалуй, женили бы.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мерич и Милашин.

Милашин. И вы здесь!

Мерич. Да, приходил проститься с Мери. Я её любил, Иван Иванович. Я от вас не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ах, как она меня любила! И вы посмотрите на неё теперь: сколько у ней воли, как она твёрдо переносит свои страдания! Только я знаю, как она страдает. Я не говорю про себя — я мужчина. Вы здесь на вечере?

Милашин. Да.

Мерич. Сделайте милость, если заметите, что она будет очень грустить, утешайте её, вы меня этим много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сделать так, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на вас надеюсь, Иван Иванович. Прощайте... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Милашин (*один*). Однако это ужасно! В целый вечер она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться с Меричем. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо моё выражало теперь самую глубокую скорбь. (*Смотрит в зеркало.*) Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. (*Смотрит в зеркало.*) А если она не захочет заметить... Ах, да из чего же я хлопочу?.. Уйти? Она, пожалуй, не заметит моего отсутствия. А, чёрт возьми!.. Нет, останусь. Буду хладнокровным зрителем, буду смотреть холодно. Из чего я в самом деле горячусь! А как

она нынче хороша-то! Как держит себя! Нет, чёрт возьми, это ужасно досадно. И какие скоты все кругом неё! У меня, кажется, нынче разольётся желчь. И этот жених, этот жених! И она ещё к нему ласкается! Нет, она заметит, какими я глазами буду глядеть на него.

Уходит. Разные лица проходят по сцене к двери направо. Беневоленский и Добротворский входят под руку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Беневоленский и Добротворский.

Беневоленский. Благодарен тебе, Платон Маркыч, весьма благодарен. Ты меня много, много обязал. Марья Андревна и умна, и образованна. Именно такую жену мне и нужно.

Добротворский. Хе-хе-хе, любезнейший! Что уж теперь толковать. Поддели молодца! Какова ни есть, уж теперь нечего назад пятиться!.. Шучу, шучу...

Беневоленский. Да-с, я тебе скажу, с этойкой женой не стыдно показаться в общество. *(Останавливается перед зеркалом и гладит подбородок)*. Что ж, нас будет пара, как ты думаешь?

Добротворский. Ах вы, проказник! *(Хохочет)*. Ишь ты, какие штучки выдумывает!

Беневоленский. Чему же ты смеёшься?

Добротворский. Будет вам проказничать-то, уморили со смеху! Поцелуетесь. *(Целуются)*.

Беневоленский *(в сторону)*. Чему он смеётся? *(Добротворскому)*. Послушай, Платон Маркыч, у меня есть к тебе серьёзное дело.

Добротворский. Что прикажете?

Беневоленский *(берёт его под руку)*. Все мы были молоды.

Добротворский кивает головой в знак согласия.

Молодость, как ты знаешь, имеет свои слабости. Ты сам это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебе и не стал говорить.

Добротворский. Все мы грешны, и все мы смертны...

Беневоленский. Это правда, да не об том речь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любил одну девушку...

Добротворский. Гм! Скажите! Хорошенькая была девушка?

Беневоленский. Очень недурна. Ну, конечно, из низкогословия, но очень недурна. Только характер у неё совсем не соответствовал наружности: ревнива...

Добротворский. Вам это кажется удивительно. Эх, молодость! Поживите-ка с наше, так не то увидите. Вот я вам сейчас какую историю расскажу, вот послушайте, не вашей чета, а то что вы мне рассказываете! Это ещё до француза было...

Беневоленский. Ах, какой ты бестолковый, Платон Маркыч! Я боюсь, что она сюда придёт.

Добротворский. Кто?

Беневоленский. Эта девушка-то.

Добротворский. Зачем? Нет, зачем она пойдёт, что вы говорите!

Беневоленский. Пойми ты меня, Платон Маркыч: я тебе говорю, что она ревнива, так я боюсь, чтобы она тут шуму какого не наделала.

Добротворский. Вот что! А!.. Теперь я вас понял.

Беневоленский. Так уж ты распорядись, братец, так, чтобы не пускали никого посторонних.

Добротворский. Что ж вы, отец мой, у меня с Марьей-то Андревной делаете! Вы этак у меня её уморите, сердечную... А уж вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Беневоленский. Что ты, что ты! Я давно оставил. Только всё-таки осторожность не мешает. Понимаешь ты меня?

Добротворский. Хорошо-с, теперь понимаю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Беневоленский *(один)*. В жизни главное дело — ум и предусмотрительность. Что такое я был и что я теперь? Вот она история-то! Бывало, всякому встречному кланяешься, чтоб тебя не прибил как-нибудь, а теперь нас и рукой не достанешь. И капитал есть, и жену красавицу нашёл. Чёрт возьми! *(Пожимает руки, потом дерёт себя за хохол.)* Ах ты, Максимка Беневоленский! А думал ли ты об этом счастье, сидя в школе в затрапезном халате? Ничего, братец! Вот *(стучит себя пальцем по лбу)*, вот чем пробьём себе дорогу. Нужда ум родит, а ум родит деньгу, а с умом да с деньгами всё можно сделать! *(Задумывается.)* Не поучиться ли мне танце-

вать? Поучусь. Или не надо? Нет, что! Деловому человеку неловко. А иногда так тебе и хочется плясать.

Немного подпрыгивает; проходят разные лица из залы; он становится в приличную позу и закладывает руку за жилет. Из двери налево выходят первая и вторая женищины — Паша и Дуня.

Ду н я. Ах, Максим Дорофеич, здравствуйте. Наше вам почтение!

Беневоленский отворачивается в сторону.

Что ж, ты меня не узнал, что ли?

Беневоленский. Ах, это ты, Дуня! Зачем же ты...

Ду н я. Невесту твою посмотреть.

Беневоленский. Да как же это! Ведь я не велел было...

Ду н я. Что это не велел? Ты меня пускать не велел! Ах, бессовестный ты человек! Бесстыжие твои глаза!..

Беневоленский. Нет, я ничего... Я так! Что ж, Дуня, посмотри поди. Там вон невеста, там приданое...

Ду н я. То-то, посмотри! Не глядели б мои глаза-то, кажется, на тебя. Вот, Паша, смотреть посылает, видишь, какой добрый! Сам всё покажет. Что ж, матушка, ведь не чужой. Ах ты, соколик!

Беневоленский. Ты, Дуня, поосторожней — увидит кто-нибудь, нехорошо! *(Становится в позицию.)*

Ду н я. А хочешь, сейчас дебош сделаю?

Беневоленский. Дура, дура! Что ты, что ты!

Ду н я. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не в тебя.

Беневоленский. Нет, Дуня, полно, в самом деле. Коли тебе что нужно, ты лучше ко мне на дом приди.

Ду н я. Не пойду я к тебе, не беспокойся.

Беневоленский. А здесь, Дуня, тебе что ж делать? Посмотри невесту и ступай.

Ду н я. Уж я видела! Хороша ведь, Паша, уж можно сказать, что хороша. *(К Беневоленскому.)* Только сумеешь ли ты с этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого веку даром. Грех тебе будет. Остепенись, да живи хорошенько. Это ведь не со мной: жили, жили, да и был таков. *(Утирает глаза.)*

П а ш а. А ты говорила, что тебе его не жаль.

Ду н я. Ведь я его любила когда-то. Что ж, надо же когда-нибудь расставаться: не век так жить. Ещё хорошо, что женится; авось,

будет жить порядочно. А всё-таки, Паша, ты то возьми, лет пять жили... ведь жалко. Конечно, немного я от него доброго видела... больше слёз... одного сраму что перенесла. Так, ни за что прошла молодость, и помянуть нечем.

П а ш а. Что делать, Дуня.

Д у н я. А ведь бывало, и ему рада-радёшенька, как приедет. Смотри ж, живи хорошенько!

Б е н е в о л е н с к и й. Ну, уж конечно.

Д у н я. То-то же. Эта ведь тебе навек, не то что я. Ну, прощай, не поминай лихом, добром нечем. Что это я, как дура, расплакалась, в самом деле! О! Махнём рукой, Паша, завьём горе верёвочкой!

Б е н е в о л е н с к и й. Прощай, Дуня!

Д у н я. Адье, мусье! Пойдём, Паша.

Уходят.

Б е н е в о л е н с к и й. Сумасшедшая женщина! Ещё хорошо, что так обошлось. Однако я было перетрухнул.

Входит о ф и ц и а н т.

Дай-ка мне, братец, рюмочку хересу. Фу! Как гора с плеч.

Официант подаёт.

Благодарю, любезный. (*Уходит.*)

Появляются на сцене разные лица. Две женщины.

Первая. Вот, говорят: не завидуй! Как тут не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддели, а у меня вот три, да нейдут с рук. Что ты хочешь делай! А ведь, чай, малого-то опутали как-нибудь, а то где б ему жениться, ведь за ней ничего нет.

Вторая. Ну, уж, матушка, нашла кому позавидовать!

Первая. А что?

Вторая. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Две старухи.

Первая старуха. Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

Вторая старуха. Ан нет, полные.

Первая старуха. Где уж полные! У них всего и добра-то кругом пальца обвести.

Вторая старуха. Ты в чужие сундуки-то лазила, что ль?

Первая старуха. Я не лазю; может, кто другой лазит.

Вторая старуха. Тебе только пересуживать, а самоё-то с чем отдавали?

Первая старуха. Да уж почище тебя!

Вторая старуха. А кто по чужим дворам дрова ворует?

Первая старуха. Врёшь, я не ворую.

Вторая старуха. Ан ворует.

Первая старуха. Ах, ты...

Скрываются в толпе. Из двери, направо, выходят Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

Анна Петровна. Ох, захопоталась я нынче совсем, моченьки моей нет. Отдохнуть присесть. *(Садится на диван.)*

Добротворский. Что ж, свои ведь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянет, говорит пословица. Благо всё устроили.

Анна Петровна. Уж как я рада-то, Платон Маркыч, вы себе и представить не можете. Пора уж и мне знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всём должна была себе отказывать. А я ведь как при покойнике-то жила, вы знаете, всем была избалована.

Добротворский. В холе жили и в неженье, Анна Петровна.

Анна Петровна. И я вам скажу, Платон Маркыч, как я свадьбы всегда любила. Меня хлебом не корми, только где бы нибудь на свадьбе пировать. Вот теперь Бог привёл дочку выдавать. Уж не чаяла, как и дожждаться-то такой радости. Во сне сколько раз снилось. То приснится мне, что пляшу я, вот так и пляшу, так и пляшу. Ведь я смолоду-то плясывала. А то вижу я раз, будто пьяна, вот! Так-таки совсем пьяна, и побранилась я с вами на чём свет стоит.

Добротворский. К радости, сударыня.

Анна Петровна. Ну да, слава богу, всё теперь устроилось.

Добротворский. Слава богу, слава богу.

Анна Петровна. Дай-ка нам, Даша, винца какого-нибудь. Мы с Платоном Маркычем выпьем на радости.

Дарья подаёт на подносе бутылку и рюмки и ставит на стол.

Добротворский *(пьёт)*. Честь имею поздравить, Анна Петровна. Дай бог внучат и правнучат дожждаться.

Анна Петровна. Покорно благодарю, Платон Маркыч. Вам, батюшка, мы всем этим обязаны.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы здесь, маменька? Я вас ищу. *(Подходит к матери.)*

Анна Петровна. Что тебе, душенька, что тебе?

Марья Андреевна. Так, маменька, что-то мне очень скучно стало. *(Садится на диван и припадает к матери головой.)*

Добротворский *(берёт бокал)*. Что делать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и нас не забудьте. Хе-хе-хе! Пожалуйте ручку, барышня. *(Целует.)*

Анна Петровна *(нъёт)*. Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихом мать-старуху. Поживёшь, сама узнаешь, что такое дети-то. *(Целует.)* Нравится ли он тебе? Признаться сказать, скоренько дело-то сделали; кто его знает, в него не влезешь.

Марья Андреевна *(в слезах)*. Ничего, маменька, он мне нравится. Вы не смотрите, что я плачу; это так, от волнения. Мне кажется, что я буду счастлива...

Голос из толпы. Другой, матушка, нравный, любит, чтоб ему угождали. Домой-то, известное дело, больше пьяные приезжают, так любят, чтоб сама ухаживала, людей к себе не подпускают.

Марья Андреевна. А если и не буду счастлива, так уж не вы виноваты; вы сделали для меня всё, что могли, что умели. Благодарю вас, маменька, и вас, Платон Маркыч.

Из другой комнаты слышна музыка: Беневоленский выходит, Марья Андреевна идёт к нему навстречу и подаёт руку.

Добротворский *(подаёт руку Анне Петровне)*. А мы с вами, сударыня, польскую пройдемся.

Уходят.

Одна из толпы. Эта, что ль, невеста-то?

Старуха. Эта, матушка, эта.

Женщина. Ишь ты, как плачет, бедная.

Старуха. Да, матушка, бедная: за красоту берёт.

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

Комедия в трёх действиях

ЛИЦА

МАКСИМ ФЕДОТЫЧ РУСАКОВ, *богатый купец.*

АВДОТЯ МАКСИМОВНА, *его дочь.*

АРИНА ФЕДОТОВНА, *его сестра, пожилая девушка.*

СЕЛИВЕРСТ ПОТАПЫЧ МАЛОМАЛЬСКИЙ, *содержатель трактира и гостиницы.*

АННА АНТОНОВНА, *его жена.*

ИВАН ПЕТРОВИЧ БОРОДКИН, *молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок.*

ВИКТОР АРКАДЫЧ ВИХОРЕВ, *отставной кавалерист.*

АНДРЕЙ АНДРЕИЧ БАРАНЧЕВСКИЙ, *чиновник.*

СТЕПАН, *слуга Вихорева.*

ПОЛОВОЙ *в гостинице.*

МАЛЬЧИК И ДЕВУШКА *(без речей).*

Действие происходит в уездном городе Черёмухине.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по двери, в левом углу от зрителей стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. Половой стоит подле него с полотенцем на плече.

Степан. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житьё! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьёшь да в животе бурчит.

Половой. Что ваш барин-то, служащий?

Степан. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

Половой. Что ж так мало-с?

Степан. Гм! Где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд... *(Глокает с трудом.)* Кто я да что я! Да другие провинности, да шалушки водились, так всё к одному пригнали, да и машир на хаус.

Половой. А имение-то есть у вас?

Степан. Было большое село, да от жару в кучу свело. Всё-то разорено, всё-то промотано! То есть, поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню — ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле,

так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слышать девичьего голоса.

Половой. А много ль душ-то?

Степан. У тятеньки-то было полтора ста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый — дворовый. Вот и всё.

Половой. Зачем же ваш барин сюда приехал?

Степан. Жениться хочет, из себя очень красив... Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Иду-с. *(Завёртывает селёдку в бумагу и кладёт в карман. Уходит.)*

Половой стирает со стола полотенцем. Бородкин и Маломальский входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бородкин и Маломальский.

Бородкин. Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

Маломальский. Молодцы! Соберите чайку... поскорей... лучшего... *(Садится за стол.)*

Бородкин. Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

Половой приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

Маломальский. Я, брат, ничего... я выпью.

Бородкин. Мальчик! Паренёк!

Входит мальчик.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтоб отпустил бутылку лисабону лучшего.

Мальчик уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врёт, — не удастся ему замарать меня.

Маломальский. Теперича, если ты ведёшь свои дела правильно и, значит, аккуратно... ну и никто тебя не может замарать.

Бородкин. Я истинно, Селиверст Потапыч, благодарю Бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятеньки остался, я даже мог решиться всего капиталу: всё это я перенёс равнодушно, и когда я пришёл в возраст, как должно, — не токма чтобы я промотал или там как прожил, а сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

Маломальский. Это ты в правиле... действуешь.

Бородкин (*стучит крышкой чайника*). Кипяточку!

Половой подходит и берёт чайник.

Маломальский. Ты... имеешь свою... правилу...

Бородкин. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

Маломальский. Он не должён этого...

Бородкин. Теперича он пускает слух, якобы, то есть я занимаюсь этим малодушеством — пить. Так это он врёт: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша бы я доподлинно пил, всё-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счёт буду пить? А всё это, главная причина — одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на всё это.

Маломальский. Слушай, ты! Оставь втуне... пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге... так ты и должён действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Бородкин. Всё-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу про человека худо? Лучше я должён сказать про человека хорошо.

Маломальский. Это ты правильно говоришь.

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почём он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идёт.

Маломальский. Слушай! Коли ты женишься... кто же может ему поверить... потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор... Никому вреда... окромя себе.

Бородкин. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что всё это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал?

Я об нём и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

Половой *(приносит бутылку)*. Прикажете откупорить?

Бородкин. Откупори да бокальчиков дай.

Половой. Сейчас. *(Откупоривает, подаёт на подносе два бокала и наливает.)*

Бородкин. Пожалуйте-с.

Берут бокалы и пьют.

Как на ваш вкус?

Маломальский. Ничего... живёт... Эй, ты! Прибирай чай.

Бородкин. Я вам это самое по полтинничку поставлю.

Молчание. Пьют.

А я вам вот... перед истинным... то есть не то чтобы пьянство или там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте ещё... выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит, никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не сто́ит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбой, Селиверст Потапыч, заставьте за себя Богу молить. *(Встаёт и кланяется в пояс.)*

Маломальский. Какая же может быть твоя просьба?

Бородкин. Это дело будет касаться Максима Федотыча... Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

Маломальский. То есть насчёт чего же... это... касающее?..

Бородкин. Насчёт Авдотьи Максимовны-с! Есть на то моё желание и маменькино-с.

Маломальский. Это ничего... это можно...

Бородкин. Вы не подумайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги или там на приданое, ничего этого нет; мне что́ приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как собственно я очень влюблён в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать — никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмёшь гитару, собственно как для увеселения себя, — такая найдёт на тебя тоска, что даже до слёз.

Маломальский. Это я могу... орудовать...

Бородкин. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

Маломальский. Это всё в наших руках.

Бородкин. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с — скажите: Иван, сделай то-то, я всей душой-с. Прикажете ещё бутылочку послать?

Маломальский. Что ж... посылай...

Бородкин (*половому*). Пошли мальчика-то, чтоб ещё бутылочку принёс.

Половой. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Входит Русаков. Бородкин быстро встаёт и раскланивается. Маломальский тоже встаёт.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Русаков.

Бородкин (*показывая на диван*). Пожалуйста-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Русаков. Ну, вот, сват, я к тебе пришёл, чем-то ты меня станешь потчевать.

Маломальский. Китайских трав... первых сортов... велим подать.

Русаков. Ну тебя с травами!..

Бородкин. Домашние ваши здоровы ли-с, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Русаков. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Бородкин. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

Русаков. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

Маломальский. Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорей, домашнего... да закусочки... Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришёл.

Половой уходит.

Русаков. Об чём вы тут, дружки, толкуете?

Маломальский. Такое дело примерно... важное, рассудку требует.

Русаков. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше... Хотя ты парень и умный, а старика послушай... старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?

Маломальский. Это ты правильно.

Половой приносит водку и ставит на стол.

Русаков *(пьёт)*. А ты, сват, выпьешь?

Маломальский. Я, сват... я выпью... я нынче загулял. *(Пьёт; делает серьёзную физиономию.)* А у меня есть слово к тебе, сват...

Русаков. Какое же это слово?

Маломальский *(с важною физиономиею показывает на Бородину)*. Теперича этот молодец... гм!.. к примеру... *(мигает глазом)* то есть, примерно, приходит он ко мне... и всё этакое...

Русаков. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

Маломальский. погоди... дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-наперва.

Русаков. Пей, я не хочу.

Маломальский *(пьёт и морищится)*. Только вот приходит он ко мне... видишь... так и так, говорит... что он, примерно сказать тебе, влюблён...

Бородин встает.

Ну, и, значит... он просит меня, чтобы я руководствовал его... этому всему делу.

Русаков. Ну?..

Маломальский. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии... то есть... при всём своём полном капитале... ну, и должён законным браком... Гм... приходит это, примерно, ко мне...

Русаков. Уж слышали.

Маломальский. Я, сват... я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец... *(Подпирает руки в боки и сидит с важной физиономией.)*

Р у с а к о в. У тебя, сват, не разберёшь — так ли ты городишь зря, или ты про дело толкуешь.

М а л о м а л ь с к и й. Про дело, сват.

Р у с а к о в. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

М а л о м а л ь с к и й. Послушай, сват... ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком...

Р у с а к о в. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их жизнь... право, так. Я, значит, должён это дело сделать с разумом, потому мне придётся за неё Богу отвечать.

Б о р о д к и н. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

М а л о м а л ь с к и й. Это он... так точно.

Р у с а к о в. Врёте вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье — глупое... Девку долго ли обмануть!.. Ветрогон какой-нибудь, прости господи, подвернётся, подластится, ну, девка и полюбит; так её и отдавать без толку?.. Нет, это непорядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я люблю. Да, кого я люблю, за того и отдам. Да я год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?.. Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

М а л о м а л ь с к и й. Ты слушай, сват: значит, за кого отец... за того и ступай... потому он лучше... как можно... девке где?.. Дай им волю-то... после и не расчерпаешь, так ли... а?..

Р у с а к о в. Да ты что!.. Всё ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. *(Утирая слёзы.)* Годков тридцать пожил! И за то должён Бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слышали! Она, голубка, бывало, куда придёт, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти её к лютым звёздам, и те её не тронут. Ты на неё посмотри: у неё в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб её-то любил да мог бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкин. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Русаков. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший; лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужотка, да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

Мальчик приносит бутылку вина.

Бородкин. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

Маломальский. Ну, так по рукам... что ль... а?... А вот теперь, сват, давайте... вообще... все выпьем.

Пьют.

Русаков *(встаёт)*. Ну, прощай, сват.

Маломальский. погоди!

Русаков. Некогда! Дома обедать ждут.

Маломальский. Нет, постой... я тебе расскажу историю... Слышь ты... остановились у меня проезжие... только, примерно, напились... и какой же маскарад сделали!

Русаков. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Бородкин. Я вот сбегая в лавку, заверну домой-с, да и к вам-с.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Маломальский один, потом Анна Антоновна.

Маломальский *(допивает, стучит по столу и кричит)*. Эй, молодцы!.. Прибирай всё, слышь ты, прибирай... *(Стучит.)*

Анна Антоновна *(входит)*. Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то?... Мужик, мужик!..

Маломальский. Жена, молчи! Дело сделали... теперь гуляй!..

Анна Антоновна. Стен-то бы ты постыдился, что ты орёшь-то?..

Приходит половой, собирает со стола, уносит поднос и опять возвращается.

Маломальский. Жена! Поди сюда... дело сделали...

Анна Антоновна. Необразованность!

Маломальский. Веди меня... я спать хочу... *(Жена берёт его за руку и ведёт.)* Постой, поцелуй меня!..

Анна Антоновна. Пойдём, пойдём, беспутный.

Уходят. Входят Баранчевский и Вихорев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Половой, Баранчевский и Вихорев.

Вихорев. Вот как это случилось. Я услышал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал... Отрекомендовался ему, познакомился; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней заходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да сё, а тут уж долго ли влюбиться.

Баранчевский. Что толковать!..

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! Мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский *(половому)*. Бутылку шампанского!

Садятся.

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудрёного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтора ста тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ двести, дом отделал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присва-

тался за одну — куш порядочный; влюбилась сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдадут ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкнешь — дура ужаснейшая! Дура á la lettre, mon cher¹, такое несчастье!

Б а р а н ч е в с к и й. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

В и х о р е в. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Б а р а н ч е в с к и й. Ещё бы не помочь!

В и х о р е в. Ведь этот народ не понимает самой простой истины... Что такое деньги?... Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в своё удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества.

Б а р а н ч е в с к и й. Так, так, душа моя, так!

В и х о р е в. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даём, знаешь, некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Б а р а н ч е в с к и й. Никоим образом!

В и х о р е в. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Б а р а н ч е в с к и й. Осуждай, пожалуй!..

В и х о р е в. Теперь ты возьми в расчёт мой меланхолический характер: мне и так всё кажется в чёрном цвете, а во время безденежья... ты себе и вообразить не можешь... При деньгах я совсем другой человек; я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом... Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Серьёзно я говорю, помоги, Баранчевский.

Б а р а н ч е в с к и й. Изволь, изволь!..

В и х о р е в. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Б а р а н ч е в с к и й. Лучший в городе.

В и х о р е в. Ты мне одолжи его к ним съездить.

---

¹ В полном смысле слова, мой милый (фр.).

Баранчевский й. С удовольствием, мой друг!

Встают и ходят по сцене.

Что ж вина не дают?..

Вихорев (*ухватывая его за талию*). Так-то, Андрюша!.. Вот дела-то!.. Привёл Бог свидеться! Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает бутылку.

Без грому, братец, без грому; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

Половой. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

Половой. Со временем бывает-с. С знакомыми сидели; Максим Федотыч был-с, Бородин.

Вихорев. И Максим Федотыч был?

Половой. Был-с. Они дочку просватали-с.

Вихорев. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

Половой. За Бородин-с.

Вихорев. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастье!.. Вот что называется несчастье!.. (*Вскакивает.*) Это, наконец, чёрт знает что такое... Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородин?..

Половой. Здешний купец-с.

Вихорев. Что, он богат, хорош собою, образован?..

Половой. Как есть из русских-с.

Вихорев. Родство, что ли, у него богатое?

Половой. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

Вихорев. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это чёрт знает как досадно.

Половой. Одна необразованность; по необразованию всё делается.

Баранчевский. Ну, из чего ты так горячишься?

Вихорев. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь моё-то положение... (*Ходит по комнате.*) Однако что ж мне теперь делать?

Баранчевский. Вот что делать: поедem ко мне обедать, я тебя с женой познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, ещё это всё вздор.

Вихорев. Ну, так едем. Допивай.

Анна Антоновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Анна Антоновна.

Анна Антоновна. Виктор Аркадьич, Виктор Аркадьич!

Вихорев (*подходя к ней*). Что вам угодно?

Анна Антоновна. Ваш предмет у меня теперь сидит; она собирается домой, так вы погодите, я её здесь проведу.

Вихорев. Благодарю вас.

Анна Антоновна. Амур! (*Уходит.*)

Вихорев (*поправляется перед зеркалом*). Ты поезжай да пришли за мной лошадей; я сейчас приеду. (*Половому.*) А ты пошёл вон.

Баранчевский. Ну, прощай, я тебя жду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вихорев (*один*). Если этот Максим Федотыч не согласится, так я её увезу; нечего и разговаривать!.. Будет, помаялся, надобно чем-нибудь кончить. Что ж, мне в ремесленники, что ли, идти?.. Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого и слушать не хочу.

Входят Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вихорев, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихорев. Какая нечаянность! (*Раскланивается.*)

Авдотья Максимовна кланяется ему.

Анна Антоновна (*тихо, Вихореву*). Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошёл бы кто.

Вихорев. Я должен с вами проститься, Авдотья Максимовна!..

Авдотья Максимовна стоит в недоумении.

Я еду отсюда.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы едете, Виктор Аркадьич?

Вихорев. А зачем мне оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышал, вы выходите замуж.

Авдотья Максимовна. Это неправда, Виктор Аркадьич, это вас обманули — это только хотят нас расстроить. И кому это только нужно!

Вихорев. Помилуйте, нынче утром Максим Федотыч дал слово какому-то Бородину. Согласитесь сами, после этого что же мне здесь делать!

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой! Тятенька мне ничего не говорил об этом. Я не пойду за Бородину, Виктор Аркадьич, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Вихорев. Вам тятенька прикажет идти.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, тятенька меня любит. Я скажу ему, что не люблю Бородину; он насильно не заставит...

Вихорев. А как он этого не послушает, что тогда?

Авдотья Максимовна. Я уж, право, не знаю, что мне и делать с этим делом, такая-то напасть на меня!

Вихорев. Хотите, я научу вас, что делать?

Авдотья Максимовна. Научите.

Вихорев. Уедемте потихоньку да и обвенчаемся.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, нет! Что вы это, ни за что на свете!.. Ни-ни, ни за какие сокровища!..

Вихорев. Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете; по русскому обыкновению, ему в ноги... Ну, старик и того...

Авдотья Максимовна. Да и не говорите!.. Он проклянёт меня!.. Каково мне тогда будет жить на белом свете! До самой смерти у меня будет камень на сердце.

Вихорев. Ну, извините, я другого средства не знаю.

Авдотья Максимовна. Вы лучше вот что сделайте, Виктор Аркадьич: приезжайте к нам нынче вечером да и поговорите с тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будет, да уж переломлю себя.

Вихорев. А ну, как он откажет мне?

Авдотья Максимовна. Что ж делать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тётенька на картах гадала, что-то всё дурно выходило, я уж немало плакала. *(Подносит платок к глазам.)*

Вихорев. Послушайте, коли вы меня так любите, так вы уговорите Максима Федотыча, он вас послушает. Тогда мы оба будем счастливы!

Авдотья Максимовна. Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?..

Вихорев. Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют.

Авдотья Максимовна. Что это вы, Виктор Аркадьич, какие страсти говорите! Нет, не ездите. Приезжайте уж к нам.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна. Прощайте, мне пора.

Вихорев берет её за руку и хочет обнять.

Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

Вихорев *(в сторону)*. Вот нежности! *(Ей.)* Что за стыд, когда любите. *(Целует её.)*

Авдотья Максимовна. Вы будете после смеяться.

Вихорев. За кого же вы меня принимаете? Смею ли я!

Авдотья Максимовна. Нет, мне, право, стыдно. *(Обнимает и целует его сама, закрывает лицо и отходит.)* Прощайте, приезжайте уж.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна подходит к Анне Антоновне и, шепнувши ей что-то, уходит.

Анна Антоновна *(в дверях, грозя пальцем)*. Амур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

В и х о р е в (один). А она даже очень недурна и, как кажется, такая простенькая девушка. А уж как влюблена, ужас! Тысяч сто взять к ней в придачу, да и довольно. Конечно, с такой женой нельзя в столицу показаться, а в уезде ничего, жили бы припеваючи. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Небольшая комната в доме Русакова; на обеих боковых стенах по окну и по двери, на задней стене дверь; два стола, один с правой стороны, другой с левой, почти у самой двери; за столом диван, на окнах цветы, и на одном гитара.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Авдотья Максимовна сидит у окна. Арина Федотовна сидит у окна на диване, шьёт.

Авдотья Максимовна (*смотря в окно, поёт русскую песню, потом обращается к Арине Федотовне*).

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша!
Как ко мне ходить.
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи —
Переулочком.
Ты не голосом кричи,
Ты не голосом кричи —
Соловьём свищи.
Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада-младенька,
Дагадалася.
Со пиру, да со беседы,
Со пиру, да со беседы
Подымалася.
И я батюшке скажу,
Я родимому скажу:
Голова болит.
И я матушке скажу,
Я родимой ли скажу:
Худо можется,
Нездоровится.

Ко милу дружку пойду,
Ко сердечному приду
Здоровёшенька,
Веселёшенька!

Что это со мной, тётенька, за чудо сделалось! Я надивиться не могу, как полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо же было этому делу сделаться!.. Беда да и только...

Арина Федотовна. Никакой тут беды нет, всё так и быть должно!..

Авдотья Максимовна. Как же, тётенька, не беда? Просто моя погибель! Это тятенька давеча, как пришла я от Анны Антоновны, говорил, чтоб я шла за Бородкина. Ни тятеньку мне огорчить не захочется, да и с сердцем-то я не совладаю.

Арина Федотовна. Была оказия идти за Бородкина!

Авдотья Максимовна. Вот нынче хотел Виктор Аркадьич приехать поговорить с тятенькой. Что-то будет?.. Хоть бы уж поскорее он приехал; по крайней мере, я бы уж знала, а то как тень какая хожу, ног под собой не слышу. Только чувствует моё сердце, что ничего из этого хорошего не выйдет. Уж я знаю, что много мне, бедной, тут слёз пролить.

Арина Федотовна. Плачь, пожалуй, коли тебе хочется. А по мне — сказала отцу, что не хочу, мол, за Бородкина идти, да и конец.

Авдотья Максимовна. Нет, тётенька, не могу я этого сделать, не мой это характер. Как я ему скажу? Ему и в голову-то не приходит, чтоб я смела не послушать его. *(Взглянув в окно.)* Ну, идёт. И без него-то уж мне тошнёхонько, не глядели б глаза ни на что! *(Встаёт.)*

Арина Федотовна. Кто идёт?

Авдотья Максимовна. Иван Петрович!.. *(Уходит.)*

Бородкин входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина Федотовна и Бородкин.

Бородкин. Наше вам почтение-с. Как ваше здоровье-с?

Арина Федотовна. Полно ты рядские-то учтивости разводить, слышали мы это.

Бородкин. Как не слышать-с. *(Садится.)*

Арина Федотовна. Ты с чего это вздумал за Дунюшку-то свататься!

Бородкин. Да вам-то какое теперича до этого дело?

Арина Федотовна. Неприятно для меня это видеть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалер? И с бородой, и необразованный?

Бородкин. Опять-таки это не ваше дело. Нешто я за вами...

Арина Федотовна. Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей-то не тебе чета.

Бородкин. А я так думаю, что люди всё одне-с.

Арина Федотовна. Вот то-то и есть, что разница. Есть необразованные, вот как ты, а то есть люди с понятием.

Бородкин. Хоть бы посмотреть когда на таких-то. Что ж вы там замуж не шли?

Арина Федотовна. А оттого, что не хочу, чтоб надо мной мужчина командовал. Все они невежи и очень много об себе думают. Да и опять это не твоё дело.

Бородкин. Нет-с, я так. Жалко только со стороны смотреть, что, при вашем таком образовании, на вас никто не прельщается.

Арина Федотовна. Невежа, смеешь ли ты так с дамой разговаривать?

Бородкин. Да что с вами разговаривать! Разговаривать-то с вами нечего, потому что вы не дело толкуете... всё равно что воду толочь. *(Берёт гитару и настраивает.)* Я буду разговаривать с Максимом Федотычем.

Арина Федотовна. Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будет, потому что лезешь ты, мой друг, сдуру, куда не следует. *(Оставляет шитьё, берёт карты и раскладывает.)*

Бородкин. Хоша бы и так, всё это наше дело-с... Вас не спросим. *(Берёт несколько аккордов и поёт вполголоса русские мотивы.)*

Арина Федотовна. Ну, что ты поёшь?.. Есть ли тут склад какой-нибудь! Как есть деревня!

Бородкин. Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подает ей гитару.)*

Арина Федотовна. Да уж, конечно, не стану ваших мужичьих песен петь. *(Поёт с чувством романс.)*

Бородкин. Это что ж такое-с?

Арина Федотовна. Что? Известно что — романс. *(Задумывается.)* У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик

Вася, это он меня выучил. Только как он пел, это прелести слушать. *(Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.)*

Бородкин. Скоро придёт Максим Федотыч?

Арина Федотовна. Ах, отстань ты от меня, почём я знаю.

Входит Авдотья Максимовна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Авдотья Максимовна.

Бородкин *(быстро вскакивает)*. Наше вам почтение, Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Здравствуйте, Иван Петрович. Здорова ли ваша маменька?

Бородкин. Слава богу, покорно вас благодарю. Ваше как здоровье-с?

Авдотья Максимовна. Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Бородкин. Тятеньку-с.

Авдотья Максимовна. Он скоро придёт, подождите.

Бородкин. Подождём-с. *(Садится на стул.)*

Авдотья Максимовна. А я, тётенька, к вам погадать пришла. Загадайте мне на трефового короля.

Бородкин. Кто же это трефовый король-с?

Арина Федотовна *(раскладывая карты)*. Уж, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у нас и свету, что ты... *(После молчания.)* Вот, Дуня, смотри!.. Он тебя любит. Вот видишь... *(Показывает на карты и шепчет Авдотье Максимовне.)*

Бородкин. Загадайте мне-с.

Арина Федотовна *(гадает)*. Ну, брат, не дожидайся ничего. Слёзы тебе выходят...

Бородкин. Что ж такое-с, плакать-то нам не впервой-с; радости-то мало видали-с!

Авдотья Максимовна. Вы давеча говорили что-нибудь с тятенькой?

Бородкин. Насчёт чего-с?

Авдотья Максимовна. Вы говорили, так сами знаете, насчёт чего.

Бородкин. У нас вообще был разговор, втроём-с — и Селиверст Потапыч тут был-с.

Арина Федотовна. Ты полно сиротой-то прикидываться; мы уж слышали.

Авдотья Максимовна. Как же это вам, Иван Петрович, не совестно: не сказавши мне ни слова, да прямо тятеньке!

Арина Федотовна. Захотела ты от мужика совести!

Бородкин. Да вы что ж такое, в самом деле!.. Всё мужик да мужик!..

Арина Федотовна. Он братцу Лазаря поёт да штуки разные подводит, а тот ему и верит.

Бородкин. Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этикие дела не пойдём-с. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с! Было времячко-с, да, должно быть, прошло-с! Должно быть, лучше нас нашли-с.

Арина Федотовна. Да уж, разумеется, лучше вас. Ишь ты, какой красавец! Думаешь, что уж лучше тебя и на свете нет.

Бородкин. Были и мы хороши-с.

Арина Федотовна. Пойти-ть велеть самоварчик поставить, братец придёт, чтоб готово было. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Авдотья Максимовна и Бородкин.

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам! Вспомните: бывало, осенние тёмные вечера вдвоём просиживали, вот у этого окошечка. Бывало, в сенях встретимся, в сумеречках, так не наговоримся; долго нейду, так, накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Был я и Ванечка, и дружок, а теперь не хорош стал.

Авдотья Максимовна *(оглядывается кругом, тихо)*. Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе всё расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а уж как его полюбила, я и не знаю, как это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой неделе... Сидим это мы с ней, пьём чай, вдруг он входит... как увидала я этакого красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Бородкин. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. Бывало, сидишь в лавке, вёчера-то ждёшь не дождёшься, вся душа изомрёт, и то и другое передумаешь, что тебе сказать-то, а как придёшь, и слова не выговоришь. А скажется слово, так от сердца, что душа чувствует; а у них речи учёные — говорят одно, а думают другое. Видимое дело, что ему твои деньги нужны; нешто б он не нашёл невесту помимо тебя.

Авдотья Максимовна. Нет, Ваня, не говори этого, он меня любит.

Бородкин. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна. Что ж мне делать-то! На грех я его увидала! Так вот с тех пор из ума нейдёт, и во сне всё его вижу. Словно я к нему приворожённая какая. *(Сидит задумавшись.)* И нет мне никакой радости!.. Прежде я веселилась, девка, как птичка порхала, а теперь сижу вот, как к смерти приговорённая, не веселит меня ничто, не глядела б я ни на кого. Уж и что я, бедная, в эти дни слёз пролила!.. Ведь надо ж быть такой беде!..

Бородкин. Ты, может, думаешь, что мне легче тебя!.. Тебе горе, а мне вдвое!

Авдотья Максимовна. Женись, Ваня, на Груше, она мне ровесница и подруга, а уж со мной пусть будет, что Бог даст.

Бородкин. Что мне жениться-то!.. На что?.. Чужой век засдать? Я уж любить её не буду.

Авдотья Максимовна. Вот я тебе, Ваня, всё сказала, что только сердце моё чувствовало... Не захотела я тебя обманывать.

Бородкин. Эх! Загубила ты мою молодость!.. *(Плачет, отворачившись к окну, потом берёт гитару и поёт.)*

— Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная,
Поголивали,
Осенние, тёмные ночи
Просиживали.
Забавные, тайные речи
Говаривали.
— Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
А мне, молодой, замуж
Нейти.

Авдотья Максимовна. Не пой ты, не терзай мою душу!

Бородкин перестаёт играть, она подходит к нему.

Бородкин (*ударяет себя в грудь, обнимает её и крепко целует*). Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин.

Она садится на диван, а он ходит по комнате. Входят Русаков и Арина Федотовна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков (*раздевается, ему помогают дочь и сестра*). Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал... Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Бородкин. Маленько грустнулось что-то.

Русаков. Об чём тебе грустить-то, паренёк, паренёк!.. Что Бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. (*Гладит по голове и целует.*) Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастья на земле, как жить своей семьёй в мире да в благочестии — и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и ещё того хуже бывает. Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житьё. Какие бывают дела, Иванушка! Поживёшь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жёны ли живут с мужьями неладно — всё это дело вражье. Всякий час от него берегись! Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. (*Молчание.*) Одна у меня теперь забота, как бы мне Дунюшку пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитяtko, внучат бы понянчил, коли Бог приведёт... Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдём-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна. Что мне делать, тётенька?

Арина Федотовна. Неужели ж за Бородинку идти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич всё-таки человек... А это что? Мразь какая-то!

Авдотья Максимовна. А знаете, тётенька, я как-то всё боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты всё в этом городишке и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезёт. Я, тётенька, так испугалась, насилу до дому добежала.

Арина Федотовна. Есть чего пугаться, скажите пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, с стариком, сделаю!

Арина Федотовна. Что тятенька-то! Тятенька твой ещё ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдёт! Чтой-то ты, матушка, право, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

Авдотья Максимовна (*смотрит в окно*). Тётенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя!

Арина Федотовна (*подходя к двери*). Братец! Братец! Пожалуйста сюда: к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там ещё? Сейчас». Вихорев входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арина Федотовна и Вихорев.

Вихорев. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

Арина Федотовна. Дома-с, сейчас выйдет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вихорев (*один*). Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Решительно не знаю... ну, да уж пушусь на счастье, куда кривая не вынесет. Мудрён ведь этот народ! Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Ещё обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Русаков и Бородкин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Вихорев, Русаков и Бородкин.

Русаков. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Бородкин. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым. (*Уходит.*)

Вихорев (*подходит к Максиму Федотычу*). Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Русаков. Слава Богу, живём, пока Бог грехам терпит. Просим милости садиться...

Вихорев. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. (*Садится.*)

Русаков. Сестрица, велите нам чайку подать.

Вихорев. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Русаков. Нельзя же, батюшка, без этого.

Вихорев. Впрочем, сколько я заметил, уж таков обычай у русского народа — потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю всё русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие...

Русаков. Не знаю, батюшка, как сказать. Что ж, худого тут нет ничего.

Входит девка с подносом чаю.

Просим покорно.

Берут и пьют молча.

Вихорев. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Русаков. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам ездal.

Вихорев. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечений. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Русаков. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь жить и в уездном городе.

Вихорев. Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Русаков. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

Вихорев. Я понимаю, что вам здесь хорошо: вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком — конечно, привычка много значит; но у вас есть дочь.

Русаков. Так что ж что дочь?

Вихорев. Вы, вероятно, захотите ей дать некоторое образование, показать ей людей... наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдёте?

Русаков. Да что ж, разве здесь звери живут?.. Чай, тоже люди.

Вихорев. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! Что вы говорите!

Русаков. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы я сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

Вихорев. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где они? Покажите мне их! Кто посмеет за неё посвататься из здешних? В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно... Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством... Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор.

Русаков. Благодарим покорно.

Вихорев. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да всё в них нет того, что я вижу в вас, — этой патриархальности... Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец, ваш ум дают мне смелость говорить с вами откровенно... Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Р у с а к о в. Что вам, батюшка, угодно?..

В и х о р е в. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. *(Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.)* Влюблѣн, Максим Федотыч, влюблѣн... в Авдотью Максимовну влюблѣн. Я бы свозил её в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, и чин у меня...

Р у с а к о в. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписанные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

В и х о р е в. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Р у с а к о в. Право, так. А то за что нас любить-то?

В и х о р е в. За добрую душу.

Р у с а к о в. Так ли, полно?

В и х о р е в. Я не понимаю, Максим Федотыч: у нас какой-то странный разговор происходит.

Р у с а к о в. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своим-то найдѣм женихов каких-нибудь дешѣвеньких.

В и х о р е в. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать её за человека благородного, и притом такого, который её любит?

Р у с а к о в. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барыня, посудите, отец: жила здесь в четырёх стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

В и х о р е в. Но, Максим Федотыч, я её люблю.

Р у с а к о в. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

В и х о р е в. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Р у с а к о в. Не поверю я вам.

В и х о р е в. Как не поверите?

Р у с а к о в. Так, не поверю, да и всё тут.

В и х о р е в. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Русаков. Не за что вам её любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни... так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня Бог!..

Вихорев. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Русаков. Нечего нам об этом разговаривать — это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

Вихорев. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас обеспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастья, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали... но таков уж, видно, русский человек — ему только бы поставить на своём; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери...

Русаков. Тьфу ты, прах поberi! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отвращаясь.)* Приедет, незванный, непрошенный, да ещё и наругается над тобой! *(Идёт.)* Провались ты совсем!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Вихорев *(один)*. Вот тебе раз! Ну есть ли какая-нибудь возможность говорить с этим народом. Ломит своё — ни малейшей деликатности!.. Однако это чёрт знает как обидно!

Входит Арина Федотовна; Авдотья Максимовна выглядывает из дверей.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Вихорев, Арина Федотовна и Авдотья Максимовна.

Арина Федотовна. Виктор Аркадьич, как дела?

Вихорев. Помилуйте, с этим мужиком нельзя разговаривать; он чуть меня не прогнал.

Авдотья Максимовна *(выходя)*. Скажите мне, Виктор Аркадьич, правду, как перед Богом: любите вы меня?

Вихорев. Я вас люблю, Авдотья Максимовна, но нас хотят разлучить.

Авдотья Максимовна. Я сейчас сама пойду к тятеньке. Поезжайте вы домой и не беспокойтесь. Он меня любит, он мне не откажет. Только каково мне просить его об этом, кабы вы знали! *(Садится и плачет.)*

Вихорев *(раскланиваясь)*. Как же вы мне дадите знать?

Арина Федотовна. Мы пойдём нынче в церковь.

Вихорев. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

Арина Федотовна. Хорошо.

Вихорев. Прощайте. *(Раскланивается и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и потом Русаков.

Арина Федотовна. Ну, Дунюшка, теперь от тебя самой зависит твоё счастье.

Авдотья Максимовна. Ну уж, тётенька, что будет, то будет. Вот уж правду-то говорят, что любовь-то на свете мука.

Русаков *(входя)*. Что, уехал этот барин-то?

Арина Федотовна. Уехал, братец.

Русаков. Ишь его принесло, нужно очень.

Арина Федотовна. Я не знаю, братец, отчего он вам не понравился.

Русаков. Оттого, что дурак.

Арина Федотовна. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Русаков. А тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

Арина Федотовна. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве всё промежду благородными.

Русаков. Ну и пусть туда едет.

Арина Федотовна. Ах, братец! Он такой образованный, такой политичный кавалер, что и в Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Русаков. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образованна! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала.

Арина Федотовна. Всё-таки, братец...

Русаков. Всё-таки, сестрица, не тебе меня учить... вот что!.. Ты что там надувшись сидишь! Дуня! Никак ты плачешь?.. О чём ты плачешь?..

Авдотья Максимовна. Я так, тятенька.

Русаков. Говори, об чём?

Авдотья Максимовна. Об себе. Об своём горе.

Русаков. Что за горе такое у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна. Тятенька, вы не будете сердиться?

Русаков. Говори! Не сержусь!..

Авдотья Максимовна. Тятенька! Я его люблю!

Русаков. Кого его? Ветрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна. Я без него жить не могу. Умереть мне легче, чем идти за другого.

Русаков. Что ты!.. Что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна. Я уж думала, и дни думала, и ночи напролет думала, не смыкаячи глаз. Без него мне не мил белый свет! Я от тоски да от слёз в гроб сойду!

Арина Федотовна. Братец, пожалейте; у вас ведь одна дочь-то.

Русаков. Ты, сестра, молчи — это не твоё дело. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лет. Выкинь блажь-то из головы. Отец лучше тебя знает, что делает. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Он тебя только обманывает, он выманит деньги-то, а тебя прогонит через неделю. У меня есть для тебя жених: Иван Петрович; уж я ему обещал.

Арина Федотовна. Легко ли!.. Уж вот партия! Променять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна *(заливаясь слезами)*. Не видала б уж я его лучше, чем так мучиться.

Русаков. Да что ж вы, в самом деле, с ума, что ли, сошли! Да как вы смеете со мной так разговаривать? Ты ещё, дура, тут своими разговорами девку с толку сбиваешь, из ума выводешь. От тебя-то вся и беда. Что у тебя вместо головы-то надето? Кабы не твоя болтовня, смела б она так с отцом разговаривать?

Арина Федотовна. Вот, братец, вы всегда...

Русаков. Молчи, пустоголовая!.. Вот тебе, Авдотья, моё последнее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна (*подымаясь со стула*). Тятенька...

Русаков. Не подходи! Я тебя растил, я тебя берёг пуще глазу. Что греха на душу принял... ведь гордость меня одолела с тобой, я не давал никому про своих детей слова выговорить, я думал, что уж лучше тебя и на свете нет. Наказал Бог по грехам! Говорю тебе, Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдёшь, не будет тебе моего благословения. А чтоб я и не слыхал про этого проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до греха! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна (*почти без памяти*). Тётенька! Мне давеча было жаль Ваню, теперь он мне опостылел... опостылел... ах!.. (*падает в обморок.*)

Арина Федотовна. Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!.. Поди погляди, уморил дочь-то, уморил!.. Варвар этакой!.. Тиран!.. Воды подайте! Воды!..

Русаков входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Арина Федотовна, Авдотья Максимовна и Русаков.

Русаков (*вбегая*). Где? Что? Господи! (*Всплеснув руками.*) Побелела как снег, хоть в гроб клади!.. Дунюшка! (*Берёт за руку.*) Дунюшка! (*Смотрит на неё.*) Вот и мать такая же лежала в гробу — вот две капли воды. (*Утирает слёзы.*) Господи! Не попусти! Дуня! (*С ужасом.*) Очнётся ли она, очнётся ль?.. Нет! Ужли ж я её убил?.. (*Стоит подле в оцепенении.*)

Девка приносит воду и уходит.

Арина Федотовна (*брызгает водою на Дуню*). Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вам, братец, так не послушали.

Русаков. Ну, что она?.. Что, Дунюшка?..

Арина Федотовна. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

Авдотья Максимовна (*открывая глаза*). Где тятенька?

Русаков. Здесь, дитятко, здесь. (*Садится подле неё на диване.*)

Авдотья Максимовна (*прилегая к нему на грудь*). Тятенька!..

Русаков. Что, Дунюшка, что?

Авдотья Максимовна. Я люблю его.

Русаков. Ах, Дунюшка, кабы я знал, что он степенный человек да что он тебя любит, я б тебя сейчас за него отдал и разговаривать бы не стал.

Авдотья Максимовна. Он меня любит.

Русаков. Ох, Дунюшка, не верится мне... Ну, да вот мы это узнаем. Дело-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берёт. Коли любит, возьмёт и так.

Авдотья Максимовна. Неужели он меня из-за денег любит?..

Арина Федотовна. Ах, братец, разве это можно вообразить, чтобы в таком мужчине не было никаких чувств; он совсем не такой интересан, как вы думаете.

Русаков. А вот посмотрим, что он скажет.

Арина Федотовна. Ну уж, братец, я вас уверяю, что он человек самый благородный.

Авдотья Максимовна. Тятенька, да разве в богатстве счастье?.. Коли любишь человека, так никаких сокровищ не надо.

Русаков. Это ты, моё дитятко, так рассуждаешь, а у них-то другое на уме; ну, да вот посмотрим.

Авдотья Максимовна (*целует отца*). Тятенька, голубчик, вы меня воскресили, а то уж я, право, думала, что умираю; да я б и умерла с горя, я уж это знаю. Тётенька, ведь мы хотели идти в церковь...

Русаков. Поди, Дунюшка, помолись, а мне нужно по делу сходить. Прощай! (*Целует её и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, без Русакова.

Авдотья Максимовна. Ах, тётенька, я всё ещё не могу оправиться.

Арина Федотовна. Ну, уж теперь не о чем тужить. На нашей улице праздник. Пойдём-ка скорей. Одевайся. То-то он, бедный, обрадуется, как услышит.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Небольшая комната на постоялом дворе. Темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят: Вихорев, Авдотья Максимовна и Степан со свечой.

Авдотья Максимовна садится к столу. Вихорев ходит по комнате.

Степан ставит свечу на стол.

Вихорев. Что это за народ! Ведь я тебе, дураку, приказывал, чтобы лошади были готовы.

Степан. Разве с ними сговоришь? Известное дело — мужики. Говорят: сейчас будет готово.

Вихорев. Ступай, да скажи, чтоб они у меня живей поворачивались, я этого не люблю.

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Куда вы меня завезли?

Вихорев. Мы теперь в Ямской слободе.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы завезли меня сюда?

Вихорев. Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедem к Баранчевскому в деревню, это всего семь вёрст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город. *(Садится подле неё.)*

Авдотья Максимовна. Конечно, Виктор Аркадьич, я люблю вас и готова для вас сделать всё на свете, да зачем же вы меня увезли насильно? Тятенька теперь меня хватится... и беда моя просто... Что он подумает?.. С какими глазами я к нему покажусь?..

Вихорев. Послушай, мой друг! Ты сама мне говорила, что Максим Федотыч согласен; так за что же он будет сердиться? Я тебе скажу откровенно, я тебя увёз потому, что у меня был тут свой расчёт. Я знаю, что старики упрямы; нынче он согласен, а завтра, пожалуй, заупрямится, как лошадь. Ну, что ж хорошего?.. А уж как дело-то сделано, так назад не воротишь.

Авдотья Максимовна. Виктор Аркадьич! Я с вами и в огонь и в воду готова, только пустите меня к тятеньке; я ещё теперя приду вовремя. А вы завтра приезжайте к нам.

В и х о р е в. Ни за что, душа моя! Нет, уж я так глуп не буду; уж я теперь с тобой не расстанусь, благо мне случай помог!

Авдотья Максимовна плачет.

Полно плакать-то, перестань! Так-то ты меня любишь!..

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а. Я вас люблю, видит бог, люблю!.. *(Привстаёт, обнимает и целует его.)* Голубчик, Виктор Аркадьич, что хотите со мной делайте, только пустите к тятеньке.

В и х о р е в. Полно, перестань! Это дело невозможное, об этом и говорить нечего. *(Встаёт и ходит по комнате, Авдотья Максимовна плачет.)* Что ж это лошадей не дают? Это ужасно!.. Ну, об чём ты плачешь, скажи?.. *(Напевает.)*

Ах, об чём ты проливаешь
Слёзы горькие тайком
И укладкой утираешь
Их кисейным рукавом?..

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а. Вам, я вижу, Виктор Аркадьич, ничего меня не жалко.

В и х о р е в. Жалеть-то нечего: всё это вздор и пустяки.

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а. А тятенька-то?..

В и х о р е в. Что ж тятенька! Посердится, да и перестанет, велика важность!.. Ты мне лучше расскажи, как ты его уговорила, вот это интересно знать. Давеча он на меня зарычал, как медведь!

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а. И сама не знаю, как у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю вас, и не помню себя, и не знаю, как выговорила. Потом уж и не слышу, что он говорит; твержу только одно, что умру, что без вас жить не могу.

В и х о р е в. Вот любовь! Вот любовь! Да я тебя расцелую за это. *(Целует её.)*

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а *(тихо)*. Любишь меня?..

В и х о р е в. Люблю, люблю!

А в д о т ь я   М а к с и м о в н а. Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь с тобой! Никого я теперь не боюсь, и никого мне не жалко. Так бы вот улетела с тобой куда-нибудь. *(Обнявши его, смотрит ему в глаза.)* Какой ты хорошенький! Я таких и не видывала... точно нарисованный! *(Говорит с расстановкой.)* Знаешь, что! Давай жить здесь все вместе с тятенькой! Точно бы

жила я, как в раю. А то уедешь далеко... тятеньки нет... скучно будет без него.

Вихорев. Ну, об этом после поговорим. Ты мне Расскажи, как ты тятеньку-то уговорила!

Авдотья Максимовна. Ну, вот слушай: начал он меня бранить, так бранить, так бранить... Я в слёзы... Иди, говорит, за Бородинкина, вот тебе жених; а об том и думать не смей, а то, говорит, я тебя и знать не хочу. У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть... Тут уж я и не помню ничего, как стояла, так и упала.

Вихорев. Вот народ-то! Однако что же это лошадей!.. Степан!

Входит Степан.

Что ж лошади? Осёл!

Степан. Сейчас будут готовы-с: взвзвешивают. *(Уходит).*

Авдотья Максимовна. Как я очнулась — не помню; только вижу, тятенька сидит подле меня, плачет... Ну, говорит, бог с тобой!

Вихорев. Ну, а согласился, так и конец, только и надобно было для нашего благополучия. Погоди, заживём мы с тобой.

Авдотья Максимовна. Он мне ещё одно словечко сказал, да это так, пустяки, не стоит и внимания.

Вихорев. Что же это за словечко?

Авдотья Максимовна. А вот что: говорит, он тебя, Дуня, не любит, он тебя обманывает, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочет, так пусть берёт безо всего. А я думаю: на что деньги? Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье. Ну, конечно, приданое, там, что мне нужно, он даст. А деньги... на что они? Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Вихорев. Да это он врёт, он и денег даст.

Авдотья Максимовна. Ну, нет, не знаю: он у нас что сказал, то и свято. Опять же он на меня теперь в сердцах, что я его не послушала; он ни за что не даст.

Вихорев. Гм! Дело-то скверно!.. *(Берёт себя за голову.)* А-ах!

Авдотья Максимовна. Я, Виктор Аркадьич, так рассудила, что лучше жить в бедности, да с милым человеком, чем в богатстве, да с постылым.

Вихорев. С милым! А как с милым-то жить нечем будет?

Авдотья Максимовна. Да ведь у вас есть деревня своя?

Вихорев. Деревня! Какая деревня!.. Всё это вздор!.. Ты вот что скажи, только говори откровенно: даст он денег или нет?

Авдотья Максимовна. Не даст!..

Вихорев. Так что ж ты со мной делаешь?

Авдотья Максимовна (*нетвёрдым голосом*). Да разве я виновата, Виктор Аркадьич?

Вихорев (*ходя по комнате*). Вам только влюбляться да как бы замуж выйти за благородного, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна. Что вы говорите, Виктор Аркадьич?

Вихорев. Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь да нежности всё на уме!.. Ведь глупость-то какая! Все вы думаете, что вас за красоту берут, так с ума и сходят!

Авдотья Максимовна (*закрывая лицо руками*). Бедная я, горемычная! Для чего это я только на свет рождена!..

Вихорев. Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашёл в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в неё влюблены без памяти.

Степан (*входит*). Лошади готовы-с.

Вихорев. Пошёл вон, дурак!

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Что вы со мной сделали!.. Куда я теперь денусь?.. Как я домой покажусь?..

Вихорев. А мне-то какое дело!.. Зачем ехала?..

Авдотья Максимовна. Ведь вы меня насильно посадили.

Вихорев. Выпроси у отца сто тысяч, так я, пожалуй, женюсь на тебе. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна (*вставая и покрываясь платком*). Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку! (*Подходит к нему*.) Не будет вам счастья, Виктор Аркадьич, за то, что наругались вы над бедной девушкой!.. Вы у меня всю жизнь отняли. Мне теперь легче живой в гроб лечь, чем домой явиться: родной отец от меня отступится; осрамила я его на старости лет; весь город будет на меня пальцами показывать.

Вихорев. Уж это мы слыхали не один раз.

Авдотья Максимовна. Бог вас накажет за это, а я вам зла не желаю. Найдите себе жену богатую, да такую, чтоб любила вас так, как я; живите с ней в радости, а я девушка простая, доживу как-нибудь, скоротаю свой век в четырёх стенах сидя, проклиная свою жизнь. Прощайте! *(Плачет.)* Прощайте... Я к тятеньке пойду!.. *(Быстро уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вихорев, потом Степан.

Вихорев *(один)*. Опять несчастье! Ах, чёрт возьми! Куда я теперь денусь?.. Домотался! Хоть в маркёры ступай! Поеду ещё куда-нибудь... Говорят, в Короваеве есть богатые купцы, и недалёко — всего вёрст пятьдесят... Стёпка!

Степан *(входит)*. Чего изволите-с?..

Вихорев. Вели этих лошадей откладывать, а мне найми других, в Короваев. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Степан *(один)*. Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой сделается, аки лев. Всякую беду всё на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской идти. Дождётся уж он, что я от него убёгом уйду.

СЦЕНА II

Комната второго акта.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Арина Федотовна и Анна Антоновна выходят из боковой двери и подходят к задней.

Анна Антоновна. Скажите пожалуйста! Ах-ах-ах!.. *(Качает головой.)*

Арина Федотовна. Увёз, увёз, матушка! Такой молодец! Подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела.

Анна Антоновна. Уж это по глазам было видно, что парень ловкий.

Арина Федотовна. Какой ещё ловкий-то!.. Одного я боюсь: братец спросит, где Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, мол, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами придут, там как хотят.

Анна Антоновна. Обещал мне материи на платье подарить.

Арина Федотовна. Что ты!

Анна Антоновна. Право.

Арина Федотовна. Видишь ты, какой благородный человек!

Целуются.

Анна Антоновна уходит. Арина Федотовна садится к столу.

Посмотрим, что карты скажут.

Входят Бородкин и Русаков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арина Федотовна, Русаков и Бородкин.

Русаков. Сестрица, а сестрица!

Арина Федотовна (*смешивая карты*). Чего изволите, братец?

Русаков. Да пора бы ужинать, ведь уж время-то поздно.

Арина Федотовна. Сейчас, братец. (*Уходит.*)

Русаков. А ты, Иванушка, поужинай с нами. Мать-то знает, что ты ко мне пошёл?

Бородкин. Знает.

Русаков. Ну так что ж, ну и ничего, беспокоиться не будет. А ты с нами посиди.

Входит девушка и накрывает стол.

Скажи ты мне, Иванушка, отчего это тебя Дуня не любит?

Бородкин. Я, Максим Федотыч, не знаю-с. Я, кажется, готов всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, как угодить. Если не любят всё-таки, не я тому причиной. Может, есть лучше нас, а между прочим, не знаю-с.

Русаков. Ничего, Иванушка, не тужи. Девичье сердце переменчивое: нынче не любит, а завтра полюбит.

Бородкин. Хорошо, кабы так-с.

Арина Федотовна (*входит*). Готово, братец.

Русаков. А Дунюшка где?

Арина Федотовна. Не знаю, братец, ещё не бывала.

Русаков. Как же не знаешь; ведь ты с ней вместе ходила?

Арина Федотовна. Да она хотела к Анне Антоновне зайти; должно быть, там засиделась.

Русаков. Что ж ты её одну бросила? Пошли за ней девку поскорей — это недалёко.

Арина Федотовна. Да она, может быть, братец, там ночевать останется.

Русаков. Это зачем ещё?.. Пошли, я хочу её видеть.

Арина Федотовна. Сейчас, братец! *(Уходит.)*

Русаков. Подождём Дунюшку, посидим, покалякаем о чём-нибудь. *(Молчание.)* Что это, Иванушка, как я погляжу, народ-то всё хуже и хуже делается, и что это будет, уж и не знаю. Возьмём хоть из нашего брата: ну, старики-то ещё туда-сюда, а молодые-то?.. На что это похоже?.. Ни стыда, ни совести; ведь поверить ничего нельзя, а уж уважения и не спрашивай. Нет, мы, бывало, страх имели, старших уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде её не было, так лучше было, право. Проще жили, ну и народ честней был. А то — я, говорит, хочу по моде жить, по-нынешнему, а глядишь, тому не платит, другому не платит.

Бородкин. Всё это, Максим Федотыч, от необузданности, а то и от глупости.

Русаков. Именно от необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо... Охо-хо — палка-то по ним плачет.

Бородкин. Ведь всё себе на погибель, Максим Федотыч.

Русаков. Да ведь другого жалко. Глядишь, мальчонка-то и не дурак, ведь, может, из него бы и путный вышел, кабы в руки-то взять. А то его точно как вихорем каким носит, либо кружится тебе, как турман, ровно как угорелый, что ли, да беспутство, да пьянство. Не глядели б глаза, кажется.

Бородкин. Потому, главная причина, Максим Федотыч, основательности нет... к жизни... Кабы основательность была, ну, другое дело; а то, помилуйте, Максим Федотыч, в голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное...

Входит Маломальский.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, як тебе пришёл... примерно, за делом...

Русаков. Ну, что ж, садись, милости просим.

Маломальский садится. Молчание.

Ну, что же у тебя за дело?

Маломальский. Только, чтоб тово... не вдруг...

Русаков. Да что там такое?

Маломальский. Это, сват, со всяким может... гм... потому захочет что сделать, если, примерно... как ты её удержишь или усмотришь... настоящее я тебе дело говорю...

Русаков. Эх, бестолков ты, сват.

Маломальский *(отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова)*. Поди сюда.

Русаков. Говори вслух, что тебе?..

Маломальский. Примерно, такая штука... секретная...

Русаков. Что там ещё?

Маломальский *(оглядываясь)*. Сват... а где у тебя дочь?

Русаков. Говорят, к вам пошла, к Анне Антоновне.

Маломальский. Говорят! Кто говорит?.. Не верь, врут!.. Врут, сват... Обман, один обман...

Русаков. Поди prospись!.. Ещё у тебя, видно, хмель-то не вышел... пьян ещё...

Маломальский. Нет, не пьян... Видел... своими глазами видел...

Русаков. Да что ты видел-то, говори, злодей!..

Маломальский. Её, сват, видел... её... едут... в коляске...

Русаков. С кем?..

Маломальский. С барином... С моим постояльцем... Да... я не пьяный... я видел...

Бородкин. Кое место-с?

Маломальский. За валом... на мосту...

Русаков *(садится к столу и подпирает голову рукой)*. Господи, поддержи! *(Молчание)*. Сестра!

Арина Федотовна входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вы, братец?

Русаков. Где дочь?

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю...

Русаков. Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю... Может быть, Виктор Аркадьич... Они тут на лошадях подъезжали...

Бородкин. На чьих лошадях — на извозничьих-с?..

Арина Федотовна. Нет, на Баранчевских.

Бородкин. Так далеко не уедут-с. Либо у Баранчевского надо искать, либо по гостиницам-с.

Русаков. Постой ты. Что ж, она с ним села да и поехала?

Арина Федотовна. Нет, братец, он её насильно посадил.

Русаков. Насильно! *(Встаёт.)* Что ж это, отцы мои!.. Увезли девушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, последнюю мою радость. Ведь это разбой!.. Побежимте!..

Бородкин. Я хоть сию минуточку-с.

Маломальский. Поедем... у меня, сват, лошадь здесь...

Русаков *(хватаясь за голову)*. Постойте! Откуда он её увез?

Арина Федотовна. За валом, братец, от мосту.

Русаков. А зачем она там была? Вы ведь в церковь пошли?

Арина Федотовна. Мы, братец, гуляли.

Русаков *(хватая её за руку)*. Врёшь, у вас уговор был! Говори, был уговор? Говори!

Арина Федотовна. Был.

Русаков *(садится со слезами)*. Так зачем же мы поедем? Она своей волей уехала, она своей волей бросила отца на смех людям, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! Не век тебе будут радости. Вспомнишь ты и обо мне. Кто тебя так любить будет, как я тебя любил?.. Поживёшь в чужих людях, узнаешь, что такое отец!.. Диви бы я с ней строг был или жалел для неё что. Я ли её не любил, я ли её не голубил?.. *(Плачет.)*

Бородкин. Полноте, Максим Федотыч, пойдёмте, может, и найдём.

Русаков. Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться, потом легче будет.

Бородкин. Да ведь уж слезами, Максим Федотыч, не поможешь; лучше пойти поискать.

Русаков. Где искать! Зачем искать!

Арина Федотовна. Ах, братец, как вы себя убиваете. Что вы беспокоитесь; они завтра сами придут: обвенчаются и придут.

Русаков *(встаёт)*. Обвенчаются! Так нет, не хочу, не хочу! По-едем, сват! Отниму, коли найду. Запру в светлицу, там и сиди. Пусть лучше умрёт на моих глазах, только не доставайся моему врагу.

Бородкин. Мне тоже прикажете?

Русаков. Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлеб-соль! Спасибо! Лучше б ты у меня с плеч голову сняла, ничём ты это сделала. Твоё дело, порадуйся! Я её в страхе воспитывал да в добродетели, она у меня как голубка была чистая. Ты приехала с заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было что глупости... все речи-то твои были такие вздорные. Ведь тебя нельзя пустить в хорошую семью: ты яд и соблазн! Вон из моего дома, вон! Чтоб нога твоя не была здесь!

Арина Федотовна. Вы всегда, братец, обижаете...

Русаков *(уходя с Маломальским)*. Потаскушка ты этакая!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арина Федотовна и Бородкин.

Арина Федотовна *(садится, плачет, потом поднявши голову)*. Ишь ты, разгулялся! Ругатель, обидчик, мужик необразованный!

Бородкин. А то вас не ругать! Что ж, хвалить, что ли, за этикие дела?

Арина Федотовна. И ты туда ж!.. Ах ты, дрянь бородастая! Молчал бы уж лучше...

Бородкин. Так что ж, небойсь, хорошо сделали!..

Арина Федотовна. Да вот как ни сделали, а тебе не досталось. Теперь ищите с батюшкой-то, а уж дело-то кончено; по крайней мере на своём поставили.

Бородкин. Как бы после не плакать.

Арина Федотовна. Не об тебе ли уж?.. Эко несчастье, скажите! Какого жениха упустили!.. Как не плакать!.. А ты

посмотри-ка, как он завтра с ней прикатит, да взойдёт-то этакой кавалер, так любоваться мило-дорого будет.

Бородкин. Хорошо, кабы вашими устами да мёд пить. Я бы сам вчуже за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Федотовна. Да уж теперь не то что прежде — и посмотреть-то на неё ты должен за счастье считать.

Авдотья Максимовна входит, держась за дверь, и молча садится к столу. Арина Федотовна и Бородкин смотрят на неё в недоумении.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Господи! Измучилась... Ну, слава богу, теперь, по крайней мере, я дома...

Арина Федотовна. Дунечка, что с тобой! Откуда ты?..

Авдотья Максимовна. Где тятенька?

Бородкин. Они пошли-с... гм... недалечко-с... скоро придут...

Авдотья Максимовна. Мне его нужно видеть поскорей... Где он, скажите вы мне!..

Арина Федотовна. Дунечка, беда у нас: ведь он всё узнал. Тебя искать поехал. Селиверст Потапыч ему всё рассказал — он видел, как вы ехали с Виктором Аркадьичем.

Авдотья Максимовна. Тятенька, голубчик! Скоро ли он придёт, скоро ли?.. Я измучаюсь, исстрадается моё сердце до него, вся душа изноет.

Бородкин *(Арине Федотовне)*. Надо вам было говорить!

Авдотья Максимовна. Кто-то стукнул, не тятенька ли?.. *(Встаёт шатаясь.)*

Бородкин *(поддерживая её)*. А хоть бы и он, что ж за беда-с?.. Нешто вы в этом виноваты, коли вас насильно увезли.

Авдотья Максимовна. Только как мне горько, кабы вы знали!.. На кого была надежда, что он со мной сделал!.. Тошнёхонько мне!..

Бородкин. Что же он с вами сделал-с?

Авдотья Максимовна *(с отчаянием)*. Что сделал? Прогнал! Мне, говорит, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что он меня любит.

Бородкин. Значит, Авдотья Максимовна, я так думаю: это дело надо будет бросить-с.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то что скажет? Что люди-то скажут?

Бородкин. Позвольте мне за это дело взяться: я его обделаю как должно.

Авдотья Максимовна. Вы?..

Бородкин. Я-с. Только, Авдотья Максимовна, как собственно теперича этот барин за все свои невежества не сто́ит того, чтобы вы его любили, так уж я буду в надежде-с.

Авдотья Максимовна. Я всё на свете для вас сделаю, только бы тятенька не гневался на меня.

Бородкин. А когда так, не извольте ничего беспокоиться, идите к себе в комнату, а я с тятенькой переговорю. А то расстроите его, да и сами от чувств даже больны можете быть. Что хорошего?..

Авдотья Максимовна. У меня на вас только и надежда!..

Бородкин. Будьте покойны.

Авдотья Максимовна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Бородкин и Арина Федотовна.

Бородкин. Что? Есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше от греха, пока Максим Федотыч не пришёл.

Арина Федотовна. Кто ж это знал, что так случится; я и ума не приложу.

Бородкин. Говорили вам, кажется, так вы сами умнее всех хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажно слёзы прошибло.

Арина Федотовна. Ну, вот поди ж ты, разве можно было ждать от него такого невежества?..

Бородкин. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

Арина Федотовна. Полно храбриться-то!

Бородкин. Что храбриться-то?.. За что погубили девушку? Али вам это ничего?..

Арина Федотовна (*прислушивается*). Братец приехал.
(*Уходит в боковую дверь. Бородин притворяет её.*)

Входит Русаков.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Бородин и Русаков (садится к столу).

Русаков. Нет её. Ну, Иванушка, сирота я теперь. Поди домой. Оставь меня, поди!

Бородин. Куда ж мне торопиться-то, я с вами посижу.

Русаков. Нет её, Иванушка, ну и не надо, один поживу... имение нищим раздам.

Бородин. Да помилуйте, Максим Федотыч, может, ещё всё это благополучно кончится.

Русаков. Я её теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе, живи она как хочет! (*Молчание.*) Я уж не увижу её... Коли кто из вас увидит её, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так бог с ней! Но за поругание моё, моей седой головы, я видеть её не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, её и не было никогда! Имени её никто не смей говорить при мне!..

Авдотья Максимовна входит и останавливается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Авдотья Максимовна.

Русаков. Кто? Кто это?

Авдотья Максимовна. Я, тятенька.

Русаков. Ты? А любовник где?

Авдотья Максимовна. Тятенька!..

Русаков. К нему, к нему, ступай к нему!

Авдотья Максимовна (*твёрдо*). Я не пойду из дому. Прогоните — я умру на пороге.

Русаков (*молча смотрит на неё*). Где же тот-то? Где мой враг-то?..

Авдотья Максимовна. Он меня обманул, он меня не любит — ему только деньги нужны.

Русаков. А! Вот что! Я, кажется, давеча говорил тебе об этом. Да где отцу знать: он на старости лет из ума выжил. Ну, зачем же ты пришла?

Авдотья Максимовна. Куда ж я, тятенька, денусь?

Русаков. Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя. (*Притворно смеётся.*)

Авдотья Максимовна (*падает ему в ноги*). Тятенька! Простите меня!

Русаков. Простите! Нет, ты меня уморила было!.. Ведь мне теперь стыдно людям глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нет, голубушка, я тебя запрю. Поди! (*Отходит.*)

Бородкин. Встаньте, Авдотья Максимовна, Бог милостив! Дело обойдётся как-нибудь.

Поднимает её, она плачет; они отходят в сторону и разговаривают вполголоса. Входит Маломальский.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, а сват, я, примерно, молодца-то остановил...

Русаков. Ах, провались он совсем! Мне-то что за дело?..

Маломальский. Как, сват, нет, ты не то... Он этого не должён... Он, примерно, теперь осрамил девушку... ну и женись... мы заставим.

Русаков. Да мне его и даром-то не надо, не то что насильно заставлять. Осрамил — ну что ж, наш грех!.. Да меня золотом осыпъ, я на него и глядеть-то не хочу, не то чтоб в зятя взять.

Маломальский. Это к тому, что теперича... слух этот пойдёт... так и так... и, примерно, разойдётся по городу: кто её возьмёт?

Русаков. Что ж делать-то, согрешили. На себя пеняй.

Бородкин (*выступая вперёд*). Я возьму-с.

Маломальский. Гм!.. (*Мигает глазом.*) Не бери!

Бородкин. Будет вам врать-то-с. Это наше дело.

Русаков. Нет, Иванушка, погоди, тебе эта невеста не годится, я тебе найду другую.

Бородкин. Мне другой не надобно-с.

Р у с а к о в. Тебе надобно девушку честную, чтоб про неё худой славы не было.

Б о р о д к и н. Что это значит худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, так это для меня всё одно.

Р у с а к о в. Да она тебя не сто́ит. Ей теперь нечего об замужестве думать.

Б о р о д к и н. Вы давеча сами обещали. Я вот от своего слова не пачусь, а вы пятитесь. А уж это непорядок, Максим Федотыч!.. Положим, хоша она ваша дочь, а за что ж её обижать. Авдотья Максимовна и так обижена кругом, должён кто-нибудь за неё заступиться. Её ж обидели, да её же и бранить. По крайней мере она у нас будет ласку видеть от меня и от маменьки. Что ж такое, со всяким грех бывает. Не нам судить!

Р у с а к о в. Да ты что шумишь-то?

Б о р о д к и н. Да мне что шуметь-то?.. Вы мне обещали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

Р у с а к о в (*подумавши*). Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Б о р о д к и н (*подходя к Авдотье Максимовне*). Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-с. Теперь вас никто обидеть не смеет-с. Никому не позволю... самому Максиму Федотычу, провалиться на этом месте!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! Любите хоть вы меня, меня никто не любит. Весь свет на меня!

Б о р о д к и н. Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мне какое-нибудь чувство; я ведь не зверь, и во мне есть искра Божья!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! Я за вас буду вечно Богу молить, вы заступились за бедную девушку. Уж коли тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то?.. Этакую муку терпеть!.. Меня б на неделю не стало!.. Кабы кто видел мою душу!.. Каково мне теперь!.. Я честная девушка, Иван Петрович, — я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке.

Р у с а к о в (*поражѣнный*). Эх-ма, сват, состарелся я, а всё ещё глуп. За что я её обидел? Во гневе скажешь слово, а его уж не воротишь. Слово-то, как стрела. Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом! Так ли, сват?.. А это грех... Дунюшка, словечко-то у меня давеча в сердцах вырвалось, маленько оно обидно, так ты его к сердцу не принимай. Самому было горько, ну и сказал лишнее.

Авдотья Максимовна. Тятенька! Простите меня.

Русаков. Бог тебя простит, ты меня-то прости! (*Целует её.*)
Нет, Иванушка, я тебе её не отдам!..

Бородкин. Как же это, Максим Федотыч? Это на что ж похоже-с?

Русаков. Коли хочешь её взять, так переезжай сюда, и с матерью, и будем жить вместе.

Бородкин. Это-то всё одно-с, а то было уж я перепужался.

Русаков. Сестра, поди сюда!

Входит Арина Федотовна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вам угодно, братец?

Русаков. Ну, прости меня!.. Теперь, на радости, не ссорятся.

Арина Федотовна. И, братец, что это вы!.. Да смею ли я обижаться?..

Маломальский. А я... всё-таки... примерно...его не отпущу...

Русаков. Кого его?..

Маломальский. Барина... То есть ни копейки, примерно, за постой...

Русаков. Ну, уж я за него заплачу, только чтоб он убирался поскорей.

Маломальский. А что, сват, угощение будет?

Русаков. Будет, как не быть. Мы ещё и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка нам что-нибудь, поздравить жениха с невестой.

Арина Федотовна. Сейчас, братец.

Маломальский. Ну, уж теперь, сват, я загулял... уж теперь вплоть до свадьбы. Там хозяйка как хочет, а я, примерно, гуляю!..

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Комедия в трёх действиях

Посвящено Прову Михайловичу Садовскому

ЛИЦА

ГОРДЕЙ КАРПЫЧ ТОРЦОВ, *богатый купец.*
ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА, *его жена.*
ЛЮБОВЬ ГОРДЕЕВНА, *их дочь.*
ЛЮБИМ КАРПЫЧ ТОРЦОВ, *его брат, промотавшийся.*
АФРИКАН САВИЧ КОРШУНОВ, *фабрикант.*
МИТЯ, *приказчик Торцова.*
ЯША ГУСЛИН, *племянник Торцова.*
ГРИША РАЗЛЮЛЯЕВ, *молодой купчик, сын богатого отца.*
АННА ИВАНОВНА, *молодая вдова.*
МАША, ЛИЗА, *подруги Любви Гордеевны.*
ЕГОРУШКА, *мальчик, дальний родственник Торцова.*
АРИНА, *нянька Любви Гордеевны.*
ГОСТИ, ГОСТЫИ, ПРИСЛУГА, РЯЖЕННЫЕ И ПРОЧИЕ.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая приказчиья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М и т я ходит взад и вперёд по комнате; Е г о р у ш к а сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Е г о р у ш к а (*читает*). «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

М и т я. Что, Егорушка, наши дома?

Е г о р у ш к а (*зажмает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться*). Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. (*Читает.*) «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» (*Зажмает пальцем.*) Только такой сердитый, что беда! Я уж ушёл — всё ругается. (*Читает.*) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду...»

М и т я. На кого же он сердит?

Егор ушка *(опять зажимает)*. На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошёл да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернётся. *(Читает.)* «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

М и т я *(взглянув в окно)*. Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егор ушка *(прячет сказку в карман)*. Побежать наверх. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М и т я *(один)*. Эка тоска, господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырёх стенах!.. Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут ещё... Ах, да ну! Сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. *(Садится к конторке и задумывается, потом запекает.)*

Красоты её не можно описать!..

Чёрны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идёт от обедни, так это... ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! *(Задумывается, потом поёт.)*

Уж и где ж эта родилась красота...

Как же, пойдёт тут работа на ум! Всё бы я думал об ней!.. Душу-то всю истерзал тосковавши. Ах ты, горе-гореваньице!.. *(Закрывает лицо руками и сидит молча.)*

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечером к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенку попоёте.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе всё сидеть одному! Невелико веселье! Зайдёшь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду беспреренно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?..

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости господи!

Митя (*подавая стул*). Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. (*Садится.*) Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!.. Подружились ведь так, что на́ поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор — и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего стóбит. Мне, говорит, здесь не с кем компанию водить, все, говорит, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То всё-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а всё-таки так, что дай бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь всё ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!.. Надень, говорит, чепчик!.. Ведь что выдумает-то!.. Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну, вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось. (*Молчание.*) Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!.. Ну, ещё кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и всё это лестно; а то ведь под

Дружествомъ и мнѣ:

Гурьевъ Корниль Мордѣв — собственн. купецъ Орен.
Немцевъ Евдокимъ — охотникъ. Мнѣ вѣ
Андрѣй Горюховъ — нѣкогда. — купецъ,
Евдокимъ Карповъ Мордѣв — охотникъ, купецъ, собственн.
Африканъ Савель Корниловъ — фабрикантъ, ^{Сибир.}
Мнѣ вѣ — купецъ, купецъ Мордѣв. ^{Сибир.}
Андрѣй Гусевъ — собственн. Мордѣв. Мнѣ вѣ
Григорій Васильевъ — собственн. купецъ, охотникъ,
Анна Ивановна — собственн. купецъ Мнѣ вѣ
Мнѣ вѣ — { купецъ, собственн. Горюховъ.
Евдокимъ — собственн., собственн. собственн.
Арина — собственн. собственн. Мордѣв. Соб.
Гусевъ, собственн., купецъ, собственн.
Дружествѣ собственн. вѣ собственн.
городъ, собственн. купецъ Мордѣв — во
время собственн. —

«Бедность не порок».
Страница автографа

шестьдесят! Миленкий, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русский-то наш обычай испокон веку живёт! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере!

М и т я. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно её пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!.. Ан вот есть!.. А у него всё нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

М и т я. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про своё горе, поплачешь, душу отведёшь, только и всего. *(Встаёт.)* Заходи, Митенька.

М и т я. Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и ещё молодец! Приходи, Яшенька, ужо к нам навверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а ещё, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись. Гуслин садится на кровать и берёт гитару.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митя и Яша Гуслин.

Г у с л и н. Что народу было на катанье!.. И ваши были. Что ж ты не был?

М и т я. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Г у с л и н. Что за тоска? Об чём тебе тужить-то?

М и т я. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, её должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча всё обида да брань, да всё бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдёшь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Г у с л и н. Отчего же не пойдёшь? Вот у Разлюляевых жить хорошо — люди богатые и добрые.

М и т я. Нет, Яша, не рука! Уж буду всё терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Г у с л и н. Отчего же так?

М и т я (*встаёт*). Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня ещё горе, да никто того горя не знает. Никому я про своё горе не сказывал.

Г у с л и н. Скажи мне.

М и т я (*махнув рукою*). Зачем!

Г у с л и н. Да скажи, что за важность!

М и т я. Говори не говори, ведь не поможешь!

Г у с л и н. А почём знать?

М и т я (*подходит к Гуслину*). Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Г у с л и н. Что ты, Митя?! Да как же это?

М и т я. Да вот как-никак, а уж сделалось.

Г у с л и н. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать да и не раживаться.

М и т я. Знавши я всё это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» (*Говорит с сильными-жестами.*) «Полюбил я красну девицу пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Г у с л и н. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберёшь в голову, потом ещё тяжельше будет.

М и т я (декламирует).

Что на свете прежестoko? —
Прежестoka есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? (Останавливается.)

Г у с л и н. Читал, а что?

М и т я. Как он описывал все эти чувства!

Г у с л и н. В точности описывал.

М и т я. Уж именно что в точности. (Ходит по комнате.) Яша!

Г у с л и н. Что?

М и т я. Я сам песню сочинил.

Г у с л и н. Ты?

М и т я. Да.

Г у с л и н. Давай голос подберём, да и будем петь.

М и т я. Хорошо. На вот. (Отдаёт ему бумагу.) А я напишу немного — дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. (Садится и пишет.)

Гуслин берёт гитару и начинает подбирать голос; Разлюляев входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Разлюляев.

Р а з л ю л я е в. Здравствуйте, братцы! (Наигрывает на гармонии и приплясывает.)

Г у с л и н. Эко, дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Р а з л ю л я е в. Известно на что — играть. Вот так... (Играет.)

Г у с л и н. Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Р а з л ю л я е в. Что ж, не брошу разве!.. Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег, что ли, у нас нет? (Бьёт себя по карману.) Звенят! У нас гулять — так гулять! (Бросает гармонию.)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далеко,
А другая близко.

Митя (ударяет Митю по плечу), а Митя! Что ты сидишь?

М и т я. Дело есть. (Продолжает заниматься.)

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух! Ходи!.. *(Поёт: «Одна гора висока» и проч.)* Митя, а Митя! Весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж, у нас денег, что ли, нет? Вот они... А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя. Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин *(Мите)*. Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин *(поёт)*.

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи!
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!..
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не зазноба-девушка —
Горе кудри чешет.

Во всё это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватает. *(Вздыхает.)* Эх, Яша! Сыграй весёлую, полно ка-нител-то эту тянуть — нынче праздник. *(Поёт.)*

Ух! Как гусара не любить!
Это не годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споём.

Разлюляев. Ладно! *(Садятся.)*

Гуслин *(запевает; Митя и Разлюляев подтягивают)*.

Размолودчики вы молоденькие,
Вы дружки мои...

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичьё! *(Мите.)* И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живёшь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперёд. *(Подходит к столу и рассматривает бумаги.)* Что бумаги-то разбросал!..

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч *(берёт книгу Кольцова и тетрадь со стихами)*. А это ещё что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ты, что такое образование!.. А ещё туда же разговаривает! Ты бы вот сергучишко-то новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обрзил прежде; матери-то не бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай, сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пушай же лучше я буду терпеть, да маменька по крайности ни в чём не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собой приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет, образование себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! *(Сквозь зубы и косясь на Митю.)* Дурак! *(Помолчав.)* Ты и не смей показываться в этом сергучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! *(К Разлюляеву.)* А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этаким зипунишке водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый!.. Сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублёв аршин.

Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей-то смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя и взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умён... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещёнными живёте, дураками и умрёте.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч (*строго*). Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно не умеешь! Говорить-то с вами — только слова тратить; всё равно, что стене горох, так и вам, дуракам. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя (*Гуслину*). Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья — запьёшь, право, запьёшь! А ты брось, не думай. (*Запевает.*)

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далеко,
А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими это судьбами?..

Анна Ивановна. А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй — не хочу!..

М и т я. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя подвигает стул и садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит.

А н н а И в а н о в н а. Надоело молча-то сидеть, орехи щёлкать; пойдёмте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Что ты выдумываешь-то? Мы и не воображали сюда идти, это ты выдумала.

А н н а И в а н о в н а. Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Р а з л ю л я е в. Ха-ха-ха!.. Это вы, Анна Ивановна, в точности говорите.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Вот уж никогда!

М а ш а (*Лизе*). Ах, стыд какой!

Л и з а. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

А н н а И в а н о в н а. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, всё знаю.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Девушка девушке рознь.

М а ш а. Ах, стыд какой!

Л и з а. Что вы говорите, это даже для нас очень странно и, можно сказать, конфузно.

Р а з л ю л я е в. Ха-ха-ха!..

А н н а И в а н о в н а. А об чём сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Р а з л ю л я е в. Ха-ха-ха!..

А н н а И в а н о в н а. Ты что рот-то разинул! Не об тебе небось.

Р а з л ю л я е в. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть кто и об нас думает. Мы знаем, что знаем! (*Приплясывает.*)

Как гусара не любить!

Это не годится!

А н н а И в а н о в н а (*подходит к Гуслину*). Что ж ты, бандурист, когда на мне женишься?

Г у с л и н (*играя на гитаре*). А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. (*Кивает ей головой.*) Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь?.. Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи!

Говорят шёпотом.

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придёшь к нам уже вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. *(Становится фертом.)* Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А вы должны сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дождёшься от вас, как же! *(Пляшет.)*

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна *(взглянув на Митю)*. Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша. Конечно.

Анна Ивановна *(подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запекает)*.

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит —
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.

Митя. На чей счёт это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем, на чей.

Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!

Разлюляев *(поёт протяжно)*.

Летал медведь по поднебесью...

Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза. Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь весёлый. *(Поёт.)*

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.

(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овёс —
Больно дорого провоз!

Видите, погода какова!

М а ш а. Это к нам не относится.

Л и з а. Мы мукой не торгуем.

А н н а И в а н о в н а. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку.
Что такое: кругла — да не девка; с хвостом — да немышь?

Р а з л ю л я е в. Это штука мудрёная.

А н н а И в а н о в н а. То-то мудрёная!.. Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдёмте.

Девушки встают и собираются идти.

А н н а И в а н о в н а. Парни, пойдёмте.

Гуслин и Разлюляев собираются.

М и т я. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

А н н а И в а н о в н а *(пока собираются)*.

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашёл к девкам,
Зашёл к красным,
Зашёл к девкам да незванный гость.

Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любви Гордеевны, затворяет дверь и не пускает её.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна *(у двери)*. Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!.. Ах, какие! *(Отходит от двери.)* Баловницы, право!..

Митя *(подавая стул)*. Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, видимши вас у себя.

Любовь Гордеевна *(садится)*. Чему ж тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!.. Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастье-с...

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с! *(Вынимает из кармана бумагу.)* Позвольте мне презентовать вам мой труд... как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна *(стараясь скрыть радость)*. Ещё, может быть, глупость какая-нибудь... не сто́ит читать.

Митя. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал, и притом не учимшись.

Любовь Гордеевна. Прочитай!

Митя. Сейчас-с. *(Садится подле стола и берёт бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.)*

Не цветочек в поле вянет, не былинка —
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастье себе да на большое.
Понапрасну своё сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девицы не быти.

Любовь Гордеевна *(сидит несколько времени задумавшись)*. Дай сюда. *(Берёт бумагу и прячет, потом встаёт.)* Я тебе сама напишу.

М и т я. Вы-с?

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Только стихами я не умею, а так просто.

М и т я. За великое счастье почту для себя ваше такое одолжение-с. *(Дает бумагу и перо.)* Извольте-с.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Жаль только, что скверно пишу-то. *(Пишет; Митя хочет заглянуть.)* Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

М и т я. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Лю б о в ь Гор д е е в н а *(положив перо)*. Пиши, пожалуй... Только пальцы все выпачкала; кабы знала, лучше бы не писала.

М и т я. Пожалуйте-с.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. *(Складывает бумажку и отдаёт ему; он прячет в карман.)*

М и т я. Будет по вашему желанию-с.

Лю б о в ь Гор д е е в н а *(встаёт)*. Придѣшь к нам наверх?

М и т я. Приду-с... сию минуточку-с.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Прощай.

М и т я. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идёт к дверям; из дверей выходит Лю б и м Кар п ы ч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Лю б и м Кар п ы ч.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Ах!

Лю б и м Кар п ы ч *(указывая на Любовь Гордеевну)*. Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять её под сумнение.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Это вы, дяденька!

Лю б и м Кар п ы ч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, небось! Я не доказчик, а кладу всё в ящик, разберу после, на досуге.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

М и т я и Лю б и м Кар п ы ч.

Лю б и м Кар п ы ч. Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

М и т я. Милости просим.

Лю б и м Кар п ы ч (*садится*). Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское — бррр!.. И руки-то озябли, и ноги-то ознобил — бррр!

М и т я. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Лю б и м Кар п ы ч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замёрзну на дворе-то... как собака замёрзну.

М и т я. Как можно, что это вы говорите!..

Лю б и м Кар п ы ч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по тёплым местам; а денег нет — нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!.. Деревню не купишь!.. Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

М и т я. Зачем же вы пьёте, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Лю б и м Кар п ы ч. Зачем я пью?.. От глупости! Да, от своей от глупости. А ты думал, от чего?

М и т я. Так вы лучше перестаньте.

Лю б и м Кар п ы ч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

М и т я. Какая же это линия?

Лю б и м Кар п ы ч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малёхонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышлёночек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да векселями. Ну, уж как он там разделил — не наше дело, Бог ему судья. Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высоко-го тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а ещё свету не видывал, в частном доме не ночевал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька, дайте ещё бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось хоть пруд пруди! По театрам ездил...

М и т я. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Лю б и м Кар п ы ч. Я всё трагедию ходил смотреть: очень любил, только не видал ничего путём и не помню ничего, потому что больше всё пьяный. *(Встаёт.)* «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» *(Садится.)* Таким-то побытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продам платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и всё тут!

М и т я. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Лю б и м Кар п ы ч. Как жил? Не дай бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землёй, ни с боков, ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на божий свет надобно: есть нечего. Идёшь по улице, все на тебя смотрят... Все видели, какие я штуки выделявал, на лихачах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдёрганный, небритый... Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! *(Сидит повеся голову.)* Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дело — совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

М и т я. Последнее дело!

Лю б и м Кар п ы ч. Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, её бросить пора... Да ведь голод-то не тётка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаяешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберёшь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

М и т я. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Лю б и м Кар п ы ч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадёшь на эту зарубку — не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь

впереди. Ну, вот слушай! Простудился я в городе — зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходить, хмелю-то нет в голове, — страх на меня напал, ужась на меня нашла!.. Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить Богу помолиться да идти к брату, пусть возьмёт хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то ещё тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну да, я думаю, бог с ним, у него вот эта кость очень толста. *(Показывает на лоб.)* Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи... *(Дремлет.)* Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

М и т я. Прилягте, Любим Карпыч.

Лю б и м Карпыч *(встаёт)*. Митя, ты мне денег не давай... то есть много не давай, а немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!.. Только я немного... ни-ни!.. Будет дурачиться.

М и т я *(вынимает деньги)*. Вот, извольте, сколько вам нужно.

Лю б и м Карпыч *(берёт)*. Гривенник надо. Тут всё серебро, мне серебра больше не надо. Ты дай мне ещё семитку, вот и будет в настоящий такт.

Митя даёт.

Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! *(Ложится.)* Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство — зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я всё видел, всё... Большую науку произошёл! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается... фу-фу-фу, трр!.. вот как

брат, да как я, скотина... *(Полусонным голосом.)* Митя, я ночевать к тебе приду.

М и т я. Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Лю б и м К а р п ы ч *(засыпая)*. А я с братом смешную штуку сделаю. *(Засыпает.)*

М и т я *(подойдя к двери, вынимает письмо из кармана)*. Что-то тут? Боюсь!.. Руки дрожат!.. Ну, уж что будет, то будет — прочитаю. *(Читает с расстановкой.)* «И я тебя люблю. Любовь Торцова». *(Схватывает себя за голову и убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещённой.

А н н а И в а н о в н а. Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. Не сходить ли за ними?

Лю б о в ь Г о р д е е в н а. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. *(Обнимает её.)* Сходи-ка, Аннушка.

А н н а И в а н о в н а. Что, видно, защемило сердечко-то?

Лю б о в ь Г о р д е е в н а. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!..

А н н а И в а н о в н а. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Лю б о в ь Г о р д е е в н а. Парень-то хороший... Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

А н н а И в а н о в н а. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Лю б о в ь Г о р д е е в н а. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветёт путём — да и поблékнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак кто-то идёт. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он... Потолкуете по душе. (*Уходит.*)

Входит Митя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с, Митя.

Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шёл?

Митя. Меня задержали-с. (*Подходит.*) Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна. Одна. А что?

Митя. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, вправду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение моё в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежён совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна. Нет, Митенька, я тебе вправду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя. Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша тем позвольте вас заверить, что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя. Это не правда-с.

Любовь Гордеевна. Право, мне так сказывали.

Митя. Если б это была правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я

считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Любовь Гордеевна. Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

Митя. Пушай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна. Почём знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! *(Отворачивается.)*

Любовь Гордеевна. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу, Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. *(Берёт его за руку.)*

Митя. Эх, Любовь Гордеевна, не шутики у меня на уме! Не такой я человек.

Любовь Гордеевна. Да не сердись.

Митя. Ты, коли любишь, эти шутики брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! *(Обнимает её.)* Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна *(прижимаясь к нему)*. Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна. А ну как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя. А вот что, Люба: одно слово — надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на всё ваша воля, а нам друг без друга не жить. Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутики с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. *(Прилегает к нему на грудь.)* А ну как тятенька да не захочет нашего счастья, что тогда?

М и т я. Что загадывать вперёд, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Лю б о в ь Г о р д е е в н а. Идёт кто-то!.. Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

М и т я тихо уходит; А р и н а входит со свечой; Любовь Гордеевна идёт к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

А р и н а. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маленька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потёмках-то бродишь! Ишь ты, скромница, Несмеяна-царевна.

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. *(Смотрит по углам.)* И я-то, дура, на кого подумала! *(Зажигает свечи.)* Ведь ишь ты, грех-то какой придёт на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Е г о р у ш к а. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! *(Пляшет.)*

А р и н а. Чему ж ты рад-то, глупый!

Е г о р у ш к а. Ещё б не радоваться, этакое веселье! Ай-ай-ай!..
(Прыгает.)

А р и н а. Ещё, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Е г о р у ш к а. Ай, умру! Батюшки, умру!

А р и н а. Да что ты, пострелёнок?

Е г о р у ш к а. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

А р и н а. А ты сам нарядись.

Е г о р у ш к а. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай-ай-ай!

А р и н а. Да ты беги поскорей за девками-то.

Е г о р у ш к а. В секунт! *(Уходит.)*

Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушкой-ми-то?

Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть попоют с нашими-то, Любушку с гостьями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды... да, известно, дело девичье, всё взаперти да взаперти, свету не видят... Ну, а теперь их праздник... да, уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которым; ну, а молодым-то пряничков, конфеток, там что знаешь... да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю. Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас.

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Всё, всё, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж всё в удовольствие сделаю. *(Уходит.)*

Пелагея Егоровна *(подойдя к двери)*. Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна *(старухам)*. А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле неё; Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наш ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. *(Продолжает.)* Но за что же, маменька, я должна его любить... *(Говорит шёпотом.)*

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит; что делать, характером такой вышел. А я люблю, я весёлая... да... чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели... да, в родню в свою: у нас весь род весёлый... песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница — и попеть, и поплясать — уж меня взять... да... что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, всё новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомняешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берёт гитару.

Разлюляев *(девушкам)*. Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то какво? За что, в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Гуслин *(поёт)*.

За реченькой, за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитеся,
Любите меня.
Пойдёте вы в зелёный сад —
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать —

Сорвите и мне;
Вы станете веночки плестъ —
Сплетите и мне;
Пойдѣте на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришѣл.

Арина (входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками). Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (девушке). Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Пелагея Егоровна (Арине). А вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадерки-то, мадерки-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят — мы старухи, да...

Пьют.

Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вот, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. *(Подходит к Пелагее Егоровне, пьёт и разговаривает потихоньку.)*

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! *(Подходит с Гуслиным и пьёт, потом, ухватив Арину.)* Ну-ка, потрянѣм стариной! *(Поёт.)*

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерѣму, про Фому...

Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев (поёт).

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.

Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!.. Ну-те совсем! *(Уходит.)*

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Весёлая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Весёлая, весёлая.

Разлюляев *(топнув ногой)*. У нас вот как! *(Перестает плясать.)*

Егорушка *(входит)*. Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну, зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
Слава!
Кому спели —
Тому добро.
Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдаёт Любови Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.

Девушки *(запевают)*.

Сидит воробей
На Беле-городе.
Слава!
На Беле-городе,
На высокой стене,
Слава!
Глядит воробей

На чужу сторону,
Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Арина (*входит*). Ряженые пришли; прикажете пустить?
Пелагея Егоровна. Что ж, пусть, пусть попляшут. А вы, девушки, после попоёте.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорошка с патокой.

Старик (*кланяется*). Всей честной беседе поклон.
Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прикажете попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуйте их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. (*Запевает.*)

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткнут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошням
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят —
Во кабаки идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабаки скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(*Отходит в сторону.*)

Егорушка *(пляшет с патокой)*.

Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Зима, зимушка-зима!
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Сидит моя жёнка,
Ровно перепёлка!
Я за то её люблю,
За то почитаю,
Что цопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я гостья. Ишь ты какой молодец!.. А!

Пелагея Егоровна. Что ж, матушка, по детству, как умеет.
Ведь ребёнок ещё. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На тебе пряничка... *(Даёт.)*

Егорушка кланяется и уходит.

Пелагея Егоровна. Да... ребёнок ещё, что с него взять-то!

Вожак водит медведя, коза пляшет.

Старик *(поёт)*.

Как у нас-то козёл
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил —
Деда с бабкой кормил.
Как пошёл наш козёл,
Он во тёмный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Всё козлятинки просил.

В о ж а к (*медведю*). Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Аринушка, попотчуй ряженных-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

В о ж а к. А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ. А как красные девицы, молодые молодницы белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идёт, сгорбимшись, съёжимшись, пришибла её старость, одолела её древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честным господам.

Отходят. Старик играет на гитаре, прочие ряженные пляшут; все на них смотрят; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует; Разлюляев подходит.

Р а з л ю л я е в. Это ты что делаешь?

М и т я. А тебе что за дело?

Р а з л ю л я е в. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

М и т я. Ты у меня пикни только.

Г у с л и н (*наступает на него*). Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда; дело-то ночное, а переулочек-то у вас глухой, — так ты попомни это!

Р а з л ю л я е в. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

М и т я. Увидим.

Р а з л ю л я е в. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!.. А у нас денег много!..

А р и н а. Ведь ишь ты, шум какой!.. Перестаньте вы!.. Никак кто-то стучит...

Все прислушиваются.

Так и есть... стучат.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Отопри поди.

А р и н а (*уходит, потом возвращается*). Сам приехал!

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч (*к ряженым*). Это что за сволочь!.. Вон! (*К жене.*) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо.*) Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе-хе-хе!.. Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками... Да, всё с девушками. Что ж, Святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(*К жене.*) Гони девок-то вон.

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит... Хе-хе-хе!.. Они попоют, а мы послушаем да посмотрим на них, да ещё денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключаай из этого про наше необразование — вот всё жена. Никак не могу вбить ей в голову. (*К жене.*) Сколько раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было во всей форме. Кажется, тебе ни в чём отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов... старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни! Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан Савич, винца с нами, со старухами. (*Наливает мадеры.*)

Пелагея Егоровна (*строго*). Жена! С ума, что ль, ты сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать... полдюжины... да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой эффект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама всё сделаю. *(Встаёт.)*
Аринушка, пойдём. Извините, соседushки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдём. Уж нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи тёмные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!..

Раскланиваются со всеми и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев.

Коршунов. Пойдём к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! *(Подходит к Любови Гордеевне.)* Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить.

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться... хе-хе... до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!.. Хе-хе!..

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно... *(Целуется.)*

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку. *(Подходит к Анне Ивановне.)*

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!..

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность.

Гордей Карпыч *(подходя к Мите)*. Ты зачем? Разве здесь твоё место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

*Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна,
Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.*

Коршунов (*сидясь подле Любови Гордеевны*). Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе-хе-хе, а я вам подарочек принёс.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привёз, хе-хе... (*Отдаёт.*)

Любовь Гордеевна (*смотрит*). Это серьги! Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. (*Берёт и целует.*) Я вас ведь очень люблю, хе-хе-хе, очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что ж мне вас не любить?

Коршунов. За что! Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, весёлый, хе-хе-хе...

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я ещё не стар... (*Смотрит на неё.*) Али старенек? Хе-хе-хе... Ну, что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь деньжонок-то нет, я человек бедный... Так каких-нибудь сот пять тысяч... хе-хе-хе, серебром!.. (*Берёт за руку.*)

Любовь Гордеевна (*вставая*). Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придёт.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.

Любовь Гордеевна (*даёт руку*). Ах, боже мой!

Коршунов. Ручка-то какая! Хе-хе-хе... бархатная! (*Гладит свою рукой и потом надевает бриллиантовый перстень.*)

Любовь Гордеевна (*освобождая руку*). Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось, не разорит.
Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите кому хотите. *(Снимает и отдаёт.)*

Коршунов. Дают, так назад не берут... хе-хе-хе!

Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдём-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почёт люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч *(откупоривает, наликает и подносит)*. Дорогому гостю, Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно.

Коршунов берёт.

Гордей Карпыч *(берёт стакан)*. Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого вина-то... ну да уж выпью стаканчик.

Девушки *(запевают)*.

А кто у нас холост,
Да кто неженатый?
Ах, люленьки, люли,
Да кто неженатый?
Африкан-от холост,
Савич неженатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится,
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов *(сидясь подле Любови Гордеевны)*. Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. *(Девушка подходит, он её треплет по щеке.)* Ишь ты, востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые, на румяна на алые... хе-хе-хе... а у меня денег нет, за мной будет...

хе-хе-хе... Держи фартук. *(Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.)* Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи жене-то, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, — будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна *(встаёт)*. Ах-ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили... Что вы так испугались, я её не съем.

Пелагея Егоровна. Ах-ах, батюшки! *(Хватает дочь.)* Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!.. Перестань!.. Истомил всю душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано — сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. *(Встаёт, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)*

Любовь Гордеевна *(подходит к отцу)*. Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!..

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело — ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело — я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею послушаться. Тятенька! *(Кланяется в ноги.)* Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!..

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. *(Встаёт.)*

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! *(Кланяется и уходит к матери.)*

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадьбишную. Девушки *(поют)*.

Поблёкнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зелёном,

Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечернею зарёй,
А ещё своей горячею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную.
Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!..

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитяtko ты моё!.. Девушки, голубушки, вот какую запоёмте. *(Запевает.)*

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница,
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядячи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешний!

Любовь Гордеевна. В останешний.

*В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят;
Любовь Гордеевна в объятиях матери, подруги окружают её.*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкафами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, всё очень богато и поставлено тесно. Вообще эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто.

Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Арина сидит на стуле у двери в залу;
подле неё несколько девушек и женщин.*

Арина *(указывая в залу)*. Не ждали-то, матушки, не чаяли!
Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку
из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от

подруженек. Не успели и опомниться!.. Уж и что это на белом свете делается! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошёл Гордея Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да и польстись на его богатство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она, моя голубушка, сидит — на свет не глядит. Ох, тошнёхонько мне! На то ль я тебя выходила да выныянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопочках берегла!.. А ещё недавнушко мы с ней так-то вот растолковались. Не отдадим, говорю, тебя, дитятко, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на неё поглядывает да посмеивается — любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну, вот покушали, встают, ступайте за дело. (*Встаёт со стула.*)

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола собирать... да... А я отдохну, посижу — устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!..

Пелагея Егоровна (*садится на диван*). Ох!.. Да самовар-то чтоб туда подали, в девичью, большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли ко мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да... поди, поди... Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты ещё. Да, да, хлопот-то что! Ай-ай-ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове всё не то... И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что... Право... да... (*Садится, задумавшись.*) Какой это жених, какой жених... ах-ах-ах!.. Где тут любви ждать!.. На богатство, что ли, она польстится!.. Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьётся иногда. Ей бы

теперь хоть бедненького, да друга милого... Вот бы и житьё... вот бы и рай...

Анна Ивановна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди разлей гостям-то; ну, да там всё, что нужно, уж сама знаешь! Я-то уж ноги отходила, а тебе что — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. *(Берёт ключи.)*

Пелагея Егоровна. Вон там в шкапу чай-то, в ящичке в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достаёт ящичек. Митя входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя *(сдерживая слёзы)*. Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения и даже чего, может быть, и не стою... как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери... я... вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда Богу молить-с. *(Кланяется в ноги.)*

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за всё-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! *(Встаёт.)*

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. Надолго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя *(переминаясь)*. Да так уж!.. Уж что же... я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь. *(Молчание.)* Так думаю, может, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришёл.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно... Мы тебя не держим, бог с тобой... Прощай...

Митя *(кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается)*. Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься... Что ж, ведь в одном доме жили... Либо жив буду, либо нет...

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна *(покачивая головой)*. «Один ведёт за рученьку, другой за другу, третий стоит, слёзы ронит, любил, да не взял». *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю... Ровно меня громомшибло, в себя не приду.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаёте.

Пелагея Егоровна. Сами... сами... да, сами отдаём. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя. Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, кроме дурного, не слышать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любови Гордеевне за таким человеком, и притом же в отдалённости, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори... и без тебя тошнѣхонько. Глаза-то все проглядела, на неё гляючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на неё про запас. Точно я её хоронить собираюсь.

Митя *(почти плача)*. Так это что ж такое! Нечто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы и не плакала и не убивалась, не надрывалось бы моё сердце на её на слезы.

М и т я. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаёте? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за неё надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, всё знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты ещё меня расстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может, тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что всё равно как матушке своей родной откроюсь. *(Утирает глаза платком.)* Вечор-то, как у вас вечеринка-то была... *(Слёзы мешают говорить.)*

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори...

Митя. Ну, вот и столковались мы с ней в потёмочках, чтобы итти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить *(утирает слёзы)*; а нынче вдруг поутру слышу... опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна. Что ты?!

Митя. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ах ты, сердечный! Экой ты горький паренёк-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна. Вот, Любушка, Митя проститься пришёл: он едет от нас к матушке к своей.

Митя *(кланяется)*. Прощайте, Любовь Гордеевна!.. Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна. Прощай, Митя! *(Кланяется.)*

Пелагея Егоровна. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведёт Бог и свидеться... да... что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет. Митя тоже плачет.

Будет, будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведёте!

Митя. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! (*Подходит к Пелагее Егоровне.*) Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого аль нет?

Пелагея Егоровна. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя. Прикажите говорить, Пелагея Егоровна!

Пелагея Егоровна. Говори.

Митя. Вот моя речь какая: соберите-ка вы её да оденьте потеплее уютко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я её в саночки-самокаточки, да и был таков! Не видать тогда её старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу её к матушке, да и повенчаемся. Эх! Дайте душе простор — разгуляться хочет! По крайности, коли придётся и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало, не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на её житье горемычное, убиваться станете. Спohватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посуди?

Митя. Конечно, без благословения что за житьё! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна, всё равно-с... (*становится на колени*) а Гордей Карпыч, может... и сам по времени как-нибудь...

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла... да... помешалась. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилась... Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордеевна (*подходит к Мите*). Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимает его.*) Не надрывай мою душу! И так моё сердце всё изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалась?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хотя я, может быть, сердце своё надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

М и т я. Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! (*Кланяется Пелагее Егоровне.*) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна. Прощай, голубчик, не осуди нас в чём, грех тебе будет. Дай Бог тебе счастливо... а мы тебя не забудем.

М и т я кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пелагея Егоровна и Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка... ах! А мне и невдомёк, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться... Да что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху, любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!.. Да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна. Ну, маменька, что там и думать, чего нельзя, только себя мучить. (*Сидит молча.*)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна. Войдите, батюшка.

Коршунов (*входя*). А! Вот она, невеста-то моя, куда спряталась... хе... найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна. Изволь, батюшка. *(Уходит.)*

Коршунов *(садится подле Любови Гордеевны)*. Об чём это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вот я и постарше, да не плачу... *(Смотрит на неё проницательно.)* Я ведь знаю, об чём: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя *(берёт руку и целует)*, глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнём хоть с этого. Молодой-то разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить. *(Целует у неё руки.)* А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить... Вот вам раз... А то вот ещё что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, глядишь, и приволокнётся за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдут попреки да ревность... А что такое ревность, а? Хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршунов. А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть, — гораздо побольней будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! *(Смеётся судорожно и с кашлем.)* А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да ещё вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любят, весёлости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома одна, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заломается, заважничает. А старик-то всё подле жены так и будет сидеть; умирать будет — прочь не отойдёт. Да всё бы в глазки глядел, да всё бы ласкал, да ручки бы целовал... *(Целует.)* Вот так.

Любовь Гордеевна. А вас та жена... покойная любила?

Коршунов *(смотрит на неё пристально)*. А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Корш у н о в. Знать хотелось?.. *(Встаёт.)* Нет, не любила, да и я не любил её. Она и не стоила того, чтоб её любить-то. Я её взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство её призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Лю б о в ь Гор д е е в н а. Любви золотом не купишь.

Корш у н о в. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! *(Разгорячаясь, ходит.)* Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой! Я словом да взглядом, пуще чем делом, доеду; я прохожу... отдохну... не дам человеку... я... *(Останавливается и хохочет.)* А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?.. Хе... хе... Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик... А уж вас-то я буду на руках носить *(припевает)*, в люлочке качать, приговаривать... *(Целует у ней руки.)*

Гордей Карпыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Корш у н о в. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать да здесь, значит, с тобой и разопьём. *(Подходит к двери.)* Эй, малой! Дай сюда вина! На серебряном подносе. *(Садится.)* Ну, зятюшка, что скажешь?

Корш у н о в. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Корш у н о в. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки, однако? *(Смотрит на него.)* Можешь ты меня теперь понимать?

Корш у н о в. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи откровенно, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где ж им оценить.

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: всё у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддёвке либо девка, а у меня фицыянт в нитяных перчатках. Этот фицыянт, он учёный, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишнёвки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал!

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капитала, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веи себя аккуратно, а то жених-то, веь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю, что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит о ф и ц и а н т и подаёт вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйста сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйста: история вышла-с. *(Смеётся.)*

Гордей Карпыч. Что там?

Егорушка. Да дяденька Любим Карпыч вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. *(Хохочет.)* Вы, говорит, рады чужой хлеб есть... Я, говорит, тоже хозяин... я говорит... *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Тсс... Снял он мою голову! *(Уходит с Егорушкой.)*

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находит.

Входят: Разлюляев, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна *(в дверях)*. Где братец-то?.. Где Любим Карпыч-то? Что он наделал — беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха... ха... ха!.. Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда.

Садятся на диван. Входит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, боже мой, опять!

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха-ха-ха!..

Любим Карпыч. Гур-гур-гур... буль-буль-буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! *(Протягивает руку Коршунову.)* Наше вам-с!.. Тысячу лет со днём не видались! Как поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч *(загораживая лицо руками)*. Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке сбирал.

Лю б и м   К а р п ы ч. Ты помнишь, как я по копеечке собирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние тёмные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

К о р ш у н о в. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Лю б и м   К а р п ы ч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвёл, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть совестно!

К о р ш у н о в. Ты всё такой же шутник! (*Обращаясь к Любви Гордеевне.*) Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенький.

Лю б и м   К а р п ы ч. Тсс... Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!.. Дешевле не отдам.

К о р ш у н о в (*смеётся*). Уступки не будет?

Лю б и м   К а р п ы ч. Ни копейки!

Р а з л ю л я е в. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Г о р д е й   К а р п ы ч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

К о р ш у н о в. Погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе-хе-хе!..

Лю б и м   К а р п ы ч. Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдаёт, а я сшучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Г о р д е й   К а р п ы ч. Ему тут не место. Ступай вон!

Лю б и м   К а р п ы ч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришёл шутки шутить, паясничать, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришёл вам загадки загадывать. (*Коршунову.*) Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Р а з л ю л я е в. Вот так задача!

К о р ш у н о в. Почём я знаю.

Лю б и м   К а р п ы ч. Для того, чтобы все знали, что он осёл. (*Брату.*) Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаёшь?

Гордей Карпыч. Это не твоё дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Любим Карпыч. А вот тебе ещё вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный — не водись с бесчестным, не трись подле сажи — сам замаешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна *(вскакивает в испуге)*. Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гости и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностью не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдаёт! Ха-ха-ха! *(Хочет трагически.)*

Коршунов *(вскакивает)*. Не верьте ему, он врёт: он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленький, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай!

Гордей Карпыч *(прислуге)*. Уведите его!

Любим Карпыч *(поднимая один палец кверху)*. Сс... Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!.. О люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. *(Обращаясь к толпе.)* Шире дорогу — Любим Торцов идёт! *(Уходит и тотчас возвращается.)* Изверг естества! *(Уходит.)*

Корш у н о в (*принуждённо хохочет*). Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завёл: у тебя пьяные гостей обижают! Хе-хе-хе! Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе-хе-хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да поклоняйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Корш у н о в. Пойдёшь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твоё! Хе-хе-хе!

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

Входит Митя и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Митя.

Митя (*обращаясь к толпе*). Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам!

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да... за Митьку отдам... завтра же! Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырёх каретах поеду.

Корш у н о в. Посмотрим, посмотрим. Придёшь прощенья просить, придёшь! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдёшь кланяться!» Врёт он, не пойду кланяться! Назло ему за Митрия отдам.

Все удивлены.

М и т я (*берёт Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу*). Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, так уж вы благословите нас, как следует — по-родительски, с любовью. Как любим мы друг друга, и даже до этого случая хотели вам повиниться... А уж я вам, вместо сына, то есть завсегда всей душой-с.

Горд е й Карп ы ч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

М и т я. Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу быть им ровней; но, впрочем, судите, как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Горд е й Карп ы ч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

М и т я. Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. (*Отходит.*) Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Люб о в ь Горд е е в н а. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастья, отдайте меня за Митю.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за своё. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе на мытарство, что ли, досталась?

Люб и м Карп ы ч (*из толпы*). Брат, отдай Любушку за Митю.

Горд е й Карп ы ч. Ты опять здесь! Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты ещё с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Гордей Карпыч. Что ж, я изверг, что ли, какой в своём семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей из глупости... Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычат.

Любим Карпыч. Пустите меня! *(Поёт.)* Трум-ту-тум, трум-ту-тум! *(Пляшет.)* Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил — знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придёт, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! *(Становится на колени.)* Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! И моя слеза до неба дойдёт. Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы и человек был. Бедность не порок.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужли в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч *(утирает слезу)*. А вы и в самом деле думали, что нет? *(Поднимает брата.)* Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.)* Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин. Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Гуслин. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

Анна Ивановна. Ну, теперь пойдёт у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Разлюляев *(подходит к Мите и ударяет его по плечу)*. Митя!.. Для приятеля... всё жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. *(Ударяет по руке.)* Одно слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! *(Утирается полой и целует Митю.)* А это он правду говорит: пьянство не порок... то бишь — бедность не порок... Вот всегда проврусь.

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и всё тут! *(К девушкам.)* Ну-ка, девушки, весёленькую... да, весёленькую... Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе...

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс... Слушай команду! *(Запевает; девушки подтягивают.)*

У нас дело-то сделано...
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Народная драма в трёх действиях

ЛИЦА

ИЛЬЯ ИВАНЫЧ, зажиточный купец.

ПЁТР, его сын.

ДАША, жена Петра.

АФИМЬЯ, их тётка.

АГАФОН, мещанин из уездного города.

СТЕПАНИДА, его жена.

ВАСЯ, молодой купеческий сын.

СПИРИДОНОВНА, содержательница постоялого двора.

ГРУША, её дочь.

ЕРЁМКА, кузнец.

ЯКОВ, ямщик.

ИВАН, молодец в доме Петра.

ДЕВУШКИ И ПАРНИ.

Действие происходит в Москве в конце XVIII столетия, на Масленице.

Содержание взято из народных рассказов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет русскую комнату; налево два окна; прямо дверь и направо дверь; по стенам лавки, на левой стороне деревянный стол и скамья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Афимья и Даша.

А ф и м ь я. Чует, чует моё сердце!.. Не добро оно чует!.. Да чему и быть-то хорошему? Ни миру, ни ладу в семье! Знать, уж Бог во-все отступился от нас, глядячи на наше непутное житьё. За грех за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоление. И на чужого-то смотреть на беспутного сердце мрёт, а то, лёгкое ли дело, своё детище!.. Да ещё женатый!.. Хорошо, что мать-то Бог прибрал, а то каково бы ей на это глядеть-то!.. Отцу супротивник, жену замучил!.. В кого такой уродился? Теперь дни прощёные, и чужие мирятся, а у них и встаючи, и лежаючись брань да перекор. Ну, где он теперь шляется? Ждали, ждали обедать, а его и слыхом не слышать!.. Всю Масленицу гуляет, скружился, как угорелый. Отец-то пришёл полюбоваться на ваше житьё: есть на что радоваться! Чем бы погостить, а он домой собрался.

Д а ш а. Не говори, тётушка, уж и так тошно.

А ф и м ь я. Да что не говорить-то! Нешто не правда?

Д а ш а. Что же, тётушка, что же мне делать-то? Завёз он меня на чужую сторону украдучи.

А ф и м ь я. Плоха жена, от которой муж гуляет.

Д а ш а. Измучилась я! Всё сердце он из меня вынул! Отца не слушает, а я что?

А ф и м ь я. А ты жена, не чужая.

Д а ш а. Хуже чужой я ему теперь.

А ф и м ь я. Ты, видно, Даша, уж такая горькая зародилась, да вот и к нам-то несчастье принесла! Точно как по то стало.

Д а ш а. Не я к вам несчастье принесла. Пока любил меня Пётр Ильич, так и жил хорошо, а разлюбил — бог его знает, что с ним случилось, — и стал гулять.

А ф и м ь я. Кабы ты жила с ним, как жене следует жить, другое бы дело; а то где же это видано, — ровно ты, прости господи, как полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нешто жене так подобает?

Д а ш а. Чудное это дело с ним сделалось! Думаю я, не придумаю. *(Плачет.)*

Илья Иванович входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Илья Иванович.

И л ь я. Дарья, не плачь, не гневи Бога! Снявши голову, по волосам не плачут.

Д а ш а. Батюшка, куда ты собрался?

И л ь я. Пойду от вас прочь. Я и смотреть-то на вас не хочу, не стоите вы того. Придёшь к вам на неделю-то, ровно в омут.

Д а ш а. Ты хоть сына-то подожди да поговори ему.

И л ь я. Подожду, поговорю ему в последний раз, крепко поговорю. Ведь гибнет! С экой-то жизнью добра нечего ждать! Такие-то люди близко беды ходят. Хочет — послушает, хочет — нет, а я старый человек, мне покой нужен, пора и свою душу вспомнить. Будет, пожил в миру, всего насмотрелся, только дурного-то больше видел, чем хорошего. С тех пор и свет увидал, как у братца в его келье живу. Вот немножко прошёл по Москве, всего-то от монастыря до вас, а сколько мерзости-то видел! Народ-то словно в аду кипит:

шум, гам, песни бесовские! Вот вчера, говорят, двоих мёртвых на улице подняли да один в прорубе утонул. Христианская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житьё в миру-то нынче? Только соблазн один. Сын вот родной, и тот что делает. Нешто я его так воспитывал-то?

Входит Пётр.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пётр.

Илья. Где погулял, добрый молодец?

Пётр. В Москве места много, есть где погулять, была б охота.

Илья. Досыта ль нагулялся?

Пётр. Погулял-таки. Ты, батюшка, куда собрался?

Илья. Бежать хочу, закрывши глаза.

Пётр. Что ж не погостишь с нами?

Илья. Надоело мне глядеть-то на тебя, живёшь больно нехорошо.

Пётр. За что, батюшка, гневаешься? Чем мы так провинились перед тобой?

Афимья. Чем? Не ты бы говорил, не мы бы слушали, беспутные твои глаза!

Пётр. Не твоего разуму это дело.

Даша. Батюшка серчает, что ты всё гуляешь да со мной дурно живёшь.

Пётр. Ты, что ль, нажаловалась?

Илья. Что жаловаться-то! Разве я сам не вижу, что живёшь не по-людски!

Пётр. Эх, уж, видно, мне и не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено.

Илья. Это что за речи?

Пётр. Загубил я себя с тобой! Связала ты меня по рукам и по ногам.

Даша. Ты мучитель, ты кровопивец!

Илья. Что вы? При мне-то? (*Грозно.*) Молчать! Ты никак умарехнулся! Тебя нешто кто неволил её брать? Сам взял, не спросясь ни у кого, украдучи взял, а теперь она виновата! Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко».

Пётр. Она меня приворожила чем-нибудь... зельем каким ни на есть.

Илья. Не говори, не греси! Что тебя привораживать, коли ты и так ровно чумовой. Своевольщина-то и всё так живёт. Наделают дела, не спросясь у добрых людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потом и плачутся, ропщут на судьбу, грех к греху прибавляют, так и путаются в грехах-то, как в лесу.

Пётр. Да что ж, батюшка, делать-то? Как ещё жить-то?

Илья. Живи по закону, как люди живут.

Пётр. Ну, а я вот загулял... Что ж такое? Нынче дело масленичное. Уж и не погулять? Масленая-то один раз в году бывает. Мне что за дело, как люди живут, я живу, как мне хочется.

Илья. Известно, по своей воле легче жить, ничем по закону; да своя-то воля в пропасть ведёт. Доброму одна дорога, а развращённому десять. Узкий и прискорбный путь вводит в живот, а широкий и пространный вводит в пагубу.

Пётр. Не всё гулять, придёт время, и поправимся, и сами будем других учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, сам был молод.

Илья. Так что ж? Нешто я так жил? Молод, так и распутничать! Не для веселья мы на свете-то живём. Не под старость, а смолоду добрыми-то делами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живёшь, знаешься с людьми нехорошими, жену обижаешь. Что ж у вас дальше-то будет, скажи ты мне?

Пётр. А что будет, то будет. Проживём как-нибудь — своим умом, не чужим.

Илья. Ну, так и живи! А я видеть этого не хочу! И говорить-то мне тяжело. Что говорить? Кому говорить? Кабы разум был, а без разума и ученье не впрок.

Пётр. А нет, так и негде взять. На нет и суда нет.

Илья. А нет, так наберись у добрых людей, да проси Бога, чтоб дал, а то, как червь, погибнешь! (*Встаёт.*) Прощайте! Коли будете жить хорошо, так приду о празднике, а до тех пор и не ходите ко мне, мне и так суета надоела. Помни, Пётр! Перед твоими ногами бездна разверстая. Кто впал в гульбу да в распутство, от того благодать отступает, а враги человеческие возрадуются, что их волю творят, и приступают, поучая на зло, на гнев, на ненависть,

на волхование и на всякие козни. И таковым одна часть со врагом. Выбирай, что лучше: либо жить честно, в любви у отца, с душой своей в мире, с благодатию в доме; либо жить весело, на смех и покор людям, на горе родным, на радость врагу человеков. Прощайте! Пётр, наступают дни великие, страшные, опомнись. Вот тебе мой приказ, родительский приказ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

А ф и м ь я. Ужели так уйдёшь? Нонче дни прощённые, все люди прощаются.

Д а ш а. Батюшка, прости нас.

Кланяется в ноги.

И л ь я. Простите и вы меня.

Д а ш а. Благослови нас.

И л ь я. Вас благословить? Сто́ите ли вы? Нет, вы подождите моего благословения до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Пётр! Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живёшь. Благословенье отца нужно: без благословенья пропадёшь, как пёс. *(Уходит. Все провожают его. Афимья уходит за ним.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Пётр и Даша. Пётр садится к столу и задумывается.

Д а ш а. Слышал, что батюшка-то сказал?

П ё т р. Отстань!

Д а ш а *(подсаживается)*. Послушаешь батюшку, будешь любить меня по-прежнему?

П ё т р. Дарья, отойди.

Д а ш а. Да скажи мне, желанный мой, не утай ты от меня, чем тебе я надоела? Али я не ласкова, что ли, к тебе, Пётр Ильич? Али не услужила чем?

Пётр молчит.

Чем прогневала? Голубчик, Пётр Ильич, скажи!

П ё т р. Отойдёшь ли ты от меня, или нет?

Д а ш а. Живём мы с тобой всего годочек...

П ё т р. Дарья! *(Замахивается.)* Не вводи в грех!

Д а ш а. Убей ты меня лучше! Не хочу я жить без твоей ласки! Сам ведь ты меня приучил. Зачем же ты меня прежде любил да не-

жил, я бы уж не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не нагладишься, а выйдем мы с тобою в праздник на улицу — и сидим целый день обнявшись, за белую руку ты меня держишь, в глаза мне смотришь. Народ-то идёт — на нас радуется. Скоро-то, скоро всё это миновалось! *(Плачет.)*

Пётр. Что миновалось, того не воротишь.

Даша. Да, не воротишь! Да нельзя ж мне и не тужить-то об нём, об том золотом времечке. Петя, может, тебе скучно? Хочешь, я тебе песенку спою, что ты певал холостой?

Молчание.

Пётр. Отстань! Отойди ты, и без тебя тошно.

Даша. Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мне, что тошно-то? Ведь я тебе не чужая.

Пётр. А то тошно, что ты своими слезами из меня всю душу вытянула, да ещё батюшке нажаловалась. Он мне вон каких страстей насулил, поневоле голову повесишь. Что ж ты думаешь, после его брани-то я к тебе ласковей, что ли, буду? Как же, дождайся.

Даша. Уж коли так, отпусти меня к батюшке.

Пётр. Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны.

Даша. Ну, так прощай.

Пётр. Прощай, не поминай лихом, добром нечем.

Даша. Ох, горе моё, горяшко!

Пётр. Горе? Вот где горе! Не зальёшь его, не затушишь!.. Дайте мне вина! Скорей вина! Шевелитесь!..

Входит Афи́мья.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Афи́мья.

Афи́мья. Что тебе?

Пётр. Вина дайте.

Афи́мья. Ты, видно, дитятко, забыл, что отец-то говорил?

Пётр. Кто здесь хозяин? Что я, дома у себя или в гости пришёл? *(Садится.)* Вина! *(Ударяет по столу.)* Да ты подай хорошенького, нынче Масленица.

Афи́мья. Принесу пойду, что воюешь-то! *(Отходит и останавливается.)* Ты на неё-то посмотри! Видишь, плачет, убивается. Заел ты чужой век, заел!

Пётр. Эй, Иван!

Иван входит.

Запречь мне в сани жеребца вороного, дугу писаную... Проворней!

Даша. Посиди дома-то хоть немножко.

Пётр. Нечего мне дома делать, здесь угарно.

Афимья. Какой угар? Что ты выдумал!

Пётр. А я говорю, что угарно, так и будь по-моему!

Афимья. Ты скажи только, скажи, варвар, желаю я знать от тебя, за что ты жену-то замучил!

Даша. Тётушка, замолчи.

Афимья. Возьму да уйду, не стану глядеть на вас, чтобы сердце не надрывалось.

Пётр. Да уйди, тётка, кто тебя держит; авось, ладу больше будет.

Афимья. Ладу, ладу? Врёшь ты, разбойник! От тебя ладу в доме нет.

Пётр. Тётушка, пойдешь ли ты за вином, али нет? А то я сам схожу; смотри, как бы хуже не было.

Афимья. Мне чужого не жаль. Пей, пожалуйста, коли ты ещё не сыт.

Даша. Я пойду схожу.

Афимья. Балуй, ухаживай за ним, а он на тебя и глядеть не хочет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пётр (один).

Пётр. Эх, шибко голова болит! Скружился я совсем! (*Задумывается.*) Аль погулять ещё? Дома-то тоска. Спутал я себя по рукам и по ногам! Кабы не баба у меня эта плакса, погулял бы я, показал бы себя. Что во мне удали, так на десять человек хватит! А и то сказать, велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Уж догуляю Масленую, была не была!

Удалая голова,
Не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай следа,

Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

А как голова-то болит; ровно треснуть хочет. Поеду-ка я к своей кралечке, размычу тоску-горе.

Д а ш а входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Д а ш а и П ё т р.

Д а ш а. Вот, Пётр Ильич, кушай на здоровье.

П ё т р. Не кажись ты мне! Ишь ты, глаза-то скосила!.. Точно яду подаёшь! Пить-то из твоих рук не хочу!

Д а ш а. Пропадай ты совсем, измучил ты меня! (*Ставит вино на стол.*)

И в а н входит.

И в а н. Лошадь готова.

П ё т р (*наливает стакан и пьёт*). Давай. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Д а ш а (одна).

Д а ш а. Что же это за мука-мученская! Батюшка-то с матушкой, чай, думают, дочка-то живёт в богатстве да в радости, а не знают они того, что я с утра до ночи слезами обливаюся. Что ж делать-то? Наша доля терпеть — потерплю; может, он погуляет, погуляет да за ум возьмётся, опять ко мне придёт, голубчик мой. (*Молчит несколько времени.*) Одного только, кажется, не перенесёт душа моя, коли он да променяет меня на кого-нибудь. А ведь от него, пожалуй, станется. Лучше возьми он моё сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чем такое злодейство сделать надо мною.

В а с я входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Д а ш а и В а с я.

В а с я. С широкой Масленицей!

Д а ш а. Здравствуй, Вася. Что ты?

В а с я. Маленько загулял.

Д а ш а. Чтой-то, Вася? С тобой прежде этого не было.

В а с я. С горя, Дарья Агафоновна, с горя, с большой со кручины.
Да ш а. Полно, что у тебя за горе?

В а с я (*садится*). Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль-тоска
несносная!.. погоди, постой, я с горя песенку запою. Можно?

Да ш а. Пой.

В а с я (*поёт*).

Востоскуйся ты, моя сударушка,
По мне возгорюйся.

Да ш а. Вася, а Вася, что у тебя за горе?..

В а с я. Не скажу, вот ни за что не скажу! Хоть сейчас раскажите,
не скажу.

Да ш а. Ну, а не скажешь, так и не надо.

В а с я. И ни... ни... ни за что на свете! (*Поёт.*)

...По мне возгорюйся,
Уж и сам-то ли, я сам
По тебе, сударушка...

Да ш а. Ну, бог с тобой, не говори, я и не спрашиваю.

В а с я. Нельзя, не велено... под страхом не велено... он меня
убьёт.

Да ш а. Кто он-то?

В а с я. Некоторый человек. (*Поёт.*)

...Сам я встосковался.

Да ш а. Вася, а Вася, скажи мне, что я у тебя спрошу.

В а с я. Спрашивай.

Да ш а. Куда Пётр Ильич ездит? Ты с ним ездил вместе.

В а с я. Этого нельзя. (*Поёт.*)

Нападают на меня,
Меня, сиротинушку,
Ох да лихи люди.

Да ш а. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вот вишнёвочки.

В а с я. Нет, боюсь!.. Тятенька — ух!.. и... и не живи на свете!.. Я
и то вот хмельнёнок немножко... так зашёл к вам, авось пройдёт...
а то боюсь... тятеньку до смерти... и... беда!..

Да ш а. Да ты уснёшь у нас, вот и пройдёт... Ничего, выпей.

В а с я. Нешто один стаканчик.

Да ша а *(наливает)*. Выпей, Вася, ничего.

Вася пьёт.

Так ты не скажешь, куда вы ездите-то?

В а с я. Никак невозможно этого сделать: не велел.

Да ша а *(с испугом)*. Как не велел? Да отчего же не велел?

В а с я. Так, не велел, да и всё тут. Убью, говорит, на месте! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Да ша а. Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей ещё, Вася.

В а с я. Нет, покорно благодарствуйте, будет... и то мутит... а я тятеньки боюсь.

Да ша а. Вот, тятенька! Что такое? Нынче Масленица. *(Наливает.)*

В а с я. Ведь этак, пожалуй, напьёшься! *(Пьёт.)*

Да ша а. Ничего. Какой ты, Вася, хороший... тебя, чай, девушки любят... Ишь ты, какой кудрявый! *(Гладит по голове.)* А? Любят девушки? *(Наливает вина.)*

В а с я. Меня девушки очень любят. Да только вот одна, что самая которая раскрасавица, надо мной надсмехалась... Конечно, он старшой... и по торговле, да зачем обижать!..

Да ша а. За что тебя обижать?

В а с я. А он обидел, он шутку сшутил... Да ещё какую шутку! А ещё благо... бла... приятель называется.

Да ша а. Скажи пожалуй!.. Ну, ну...

В а с я. Я всё ходил к ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнает... Куда, говорит, ты ходишь?.. Да нет, он не велел сказывать... ты, говорит, и подумать не смей! А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то, жене...

Да ша а. Васенька, миленькой, а какую я тебе невесту сосватаю. Выпей, Вася.

В а с я. Не пой ты меня, сделай милость, не пой... а то я пьяный всё скажу, а я не должен по-приятельски... и он не велел... Тогда лучше и не живи на свете!

Да ша а. А какую невесту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

В а с я *(пьёт)*. Ну, хорошо, ну, я всё скажу... всё, за то, что он меня обидел... кровно обидел... надсмешку надо мной сделал!.. Только ты ему не сказывай.

Да ша. Не скажу, не скажу.

Ва с я. Вот, говорит, куда ты ходишь? Я говорю: есть девушка, красавица, живёт с матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовут. Возьми, говорит, меня с собой. Взял я его. Вот мы и ходим к ней много раз... много раз... сидим это, растобарываем, пряничков носим... всё как следует. Вот я вижу, начинает он к ней подделываться, холостым сказался...

Да ша (*отодвигается с ужасом*). Ах, батюшки!

Ва с я. Ты, говорит, не смей сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянет, потому — богатый. Потом как-то говорит: ты, говорит, проваливай и не смей сюда ходить, а то, говорит, убью! И, говорит, отцу скажу. Что ж, известно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... пиять меня хочешь... Что же, пияй! Отольются тебе мои слезы... Целую неделю, Дарья Агафоновна, я плакал навзрыд, а вот нынче с горя выпил... не мог я этого прео... переломить в себе!

Да ша. Ох, горюшко!

Ва с я (*плачет*). Я человек, у меня сердце, душа есть... чай, она чувствует... Я ведь не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нет никого...

Да ша (*встаёт*). Тётушка, матушка!

А ф и м ь я входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и А ф и м ь я.

Да ша. Тётушка, поскорей соберите меня... я еду к своим... пешком уйду, бегом убегу!..

А ф и м ь я. Да что ты?

Да ша. Злодей-то мой, тётушка, совсем меня бросил!.. Тётушка, у него есть полюбовница!.. Вот отчего он дома-то не живёт.

А ф и м ь я. Ой! Что ты? Ах, родная!

Да ша. Не он ли мне клялся, всю душу-то проклял, божившись, что одну меня любить будет, а теперь нашёл себе здесь какую-то... (*Подходит к Васе и толкает его.*) Кто она такая, а?

Ва с я молчит.

Спит! Покорей, тётушка, поскорей... Поеду в Рогожскую, найму лошадей. Легче мне не видать его совсем, чем век с ним горе мыкать. Будет, пожил. Прощай, Пётр Ильич!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Изба на постоялом дворе.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Спиридоновна и Яков.

Спиридоновна. Ну, ну, закладывай ступай.

Яков. Что ж, Анна Спиридоновна, я тебе за овёс деньги отдал сполна, значит, как есть.

Спиридоновна. Ну, отдал — и конец.

Яков. Да известно... что ж такое... дело масленичное, можно нашего брата и водочкой похолить.

Спиридоновна. Уж вы, жида, из души вытянете. *(Подносит водку.)*

Яков *(пьёт и утирается)*. Покорнейше благодарим.

Спиридоновна. А в Бунькове Мишке кривому сдай.

Яков. Оно это точно, что ж говорить, Мишка кривой супротив других ловчей будет. Только теперь староста на буньковских ямщиков приказ написал: если будете, примерно, метать промеж себя и тащить, котора половина больше, так и тащите, а им чтобы не галдить, и чтобы супротив говорить не смели.

Входит Груша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Груша.

Груша *(подпрыгивая и похлопывая руками)*. Ух, как перезябла вся, беда!

Спиридоновна. А неволя стоять на морозе-то? Точно тебя из избы-то гонят.

Груша. Да уж больно весело на улице-то: парни гуляют, девки гуляют, песни играют, не ушёл бы от них, кажется. Я погреюсь да опять пойду. Что-то мне сегодня уж больно весело, девке.

Спиридоновна. А то неужто скучать? Об чём это? Живём хорошо, ожидаем лучше. *(Ямщику.)* Ты что здесь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яков *(почёсываясь)*. Да уж больно мне... того... неохота от Масленой уезжать-то.

С п и р и д о н о в н а. Вам бы всё гулять! Ступай! Ступай! *(Толкает его, ямщик уходит.)* Поди вон, попотчуй купцов винцом; сидят там, лошадей дожидаются. Пошути там с ними, побалагурь, наври им короба с три, они ведь охотники.

Г р у ш а. Да, как же, нужно мне к ним идти!.. Пристают да целоваться лезут; смерть не люблю! Мне и от своих парней проходу нет.

С п и р и д о н о в н а. А к тебе нешто пристанет? А я так люблю купцов. Я вот десять лет постоянный двор держу, десять лет как в огне горю, ни одному мужику против меня не потрафить, так уж навидалась я их. Я после покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда ещё мы в Бунькове держали. Бывало, наедут — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцов за их жизнь. Только держи себя в струне: языком, мол, что хошь болтай, рукам воли не давай — вот мой обычай! Этот... как его?.. Пётр Ильич, что ли? Что он больно часто попадался?

Г р у ш а. Ничего, ходит так себе, для времяпровождения. Не гонять же его.

С п и р и д о н о в н а. Зачем гонять, может, и пригодится. Ты его, Груша, блюда, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, мол, вот и всё тут, и хлопотать не об чем, а на бобах-то, мол, нас не проведёшь. А до той поры пушай ходит да гостинцев носит. Что им в зубы-то смотреть!

Г р у ш а. Ишь ты, мать! Как же, охота мне замуж! По тех пор и погулять, пока в девках. Ещё за мужем-то наживуся! Гуляй, девка, гуляй я!

С п и р и д о н о в н а. Не век же тебе в девках-то сидеть, а вышла за человека хорошего да за богатого, и ходи, как пава... Фу ты, ну ты!.. То ль не житьё! Пей, ешь на поданном, ложись на постланном, только врозь ползи. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г р у ш а *(одна)*. За мужем-то жить трудно! Угождай мужу, да ещё какой навернётся... Все они холостые-то хороши!.. Ещё станет помыкать тобой. А девкам нам житьё весёлое, каждый день праздник, гуляй себе — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — песни пой!.. А приглянулся-то кто, разве за нами усмотришь. Хитрей девок народу нет. *(Поёт песню.)*

Спиридоновна и Пётр входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Груша, Спиридоновна и Пётр.

Спиридоновна. Вот я к тебе гостя привела. Садись, Пётр Ильич. Скидай шубу-то.

Пётр. Не надо. Я на минуту к вам, проездом заехал.

Груша. Отчего ж на минуту? Посиди.

Пётр. Нехорошо днём-то: у вас мало ли народу толчётся — увидят.

Груша. А тебе кого бояться-то?

Пётр. Нет, я ужю приеду вечером, в те поры погуляем.

Спиридоновна. Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдёт. А ужю приезжай, милости просим. Выпей-ка винца.

Пётр. Не хочу.

Спиридоновна. Полно ломаться-то. Выпей.

Пётр. Ну, давай. *(Пьёт.)* Спасибо.

Спиридоновна. Вот так-то... на здоровье! Смоталась совсем, и день и ночь пьяна, дым коромыслом; такая уж эта неделя, право. *(Уходит; Груша затворяет за ней дверь)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Груша и Пётр.

Груша. Что ты такой сердитый? На меня, что ль, сердит?

Пётр. Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука!.. Так-то, голубчик мой беленькой. *(Поёт.)*

Как у молодца, у удалого

Печаль-тоска не бывала;

Что сегодняшнюю-то тёмну ночь

Печаль-тоска обуяла.

Пётр. Уж очень я тебя люблю! Надоть так думать, ты меня приворожила чем ни на есть!

Груша. Что ты! Господь с тобой!

Пётр. Возьми ты острый нож, зарежь меня, легче мне будет.

Груша. Да что с тобой сделалось?

Пётр. Несчастный я человек! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругом пошла! Ровно туману кто напустил на меня!

Груша. Да отчего так? Скажи.

Пётр. Говори ты мне прямо, так, чтоб уж я знал: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь — нет? Известно, люблю.

Пётр. Ой ли? Верно твоё слово?

Груша (*обнимая его крепко*). Вот как люблю... вот!

Пётр. Груша, так ты меня так любишь? Ну, пропадай всё на свете! Скажи ты мне теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазом не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такие слова говорят? В какой час скажется. Вот у нас кузнец Ерёмка, всё этак душой-то своей клялся, в трисподнюю себя проклинал... Ну, что ж, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завёл его на сеновал под крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Уж такой-то этот Ерёмка распостылый! Каких бед с ним не было! Два раза из прорубя вытаскивали, а ему всё как с гуся вода.

Пётр. Что мне себя жалеть-то? Уж и так пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, моё солнышко, чего тебе нужно: золота, серебра, каменьев самоцветных — себя заложу, а тебе подарю.

Груша. Ничего мне, голубчик ты мой беленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вот что, парень, люби ты меня, как я тебя люблю.

Пётр. Эх, девка! Что балясы-то точишь! Видишь, я в каком разе! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вот что: ходи почаще, носи пряничков послаще, да ещё ленту поалее, да гляди на меня помилее, да целуй покрепче... ха-ха-ха!.. Да вот ещё я у тебя давно хотела попросить: купи ты мне перстенёчек.

Пётр. Ужо два привезу.

Груша (*поёт*).

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!
Золото твоё колечко
Прижму ко сердечку.

У нас, у всех девушек есть... ну, понимаешь... приятели. Посмотри в праздник, сколь хорошо: на улице сидят все вместе; а ты вот со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенёк покажу, что

есть у меня такой парень, который меня верно любит. Ты приезжай уже пораньше, заложим тройку, насажаем девок, поедem кататься с песнями.

Пётр. Давай руку. (*Берёт руку.*) Значит, конечно! (*Ударяет её по руке. Груша кивает головой.*) Так на кой нам шут девок! Мы двое поедem.

Груша. Что ж не поехать!

Пётр. Поедешь?

Груша. Известно, поеду.

Пётр (*целует Грушу*). Вот это люблю! Это по-нашему. Поди посмотри, нет ли кого в избе либо на дворе.

Груша. Что так скоро? Посиди.

Пётр. Теперь некогда. Ещё вечер-то наш.

Груша. Ну, нельзя, так не надо. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пётр (*один*). Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят?

Груша входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пётр и Груша.

Груша. Ступай, никого там нет, только какая-то старушка приехала, нездешняя.

Пётр. Ну, прощай!

Груша. Прощай, соколик.

Пётр уходит.

Какие мы девки баловницы! Вот приласкай парня, он и не отстанет, и будет подле тебя убиваться. Только чтой-то он иной раз такой хороший, весёлый, а иной раз чудной такой? Что-нибудь у него на душе есть. Может, он что недоброе затевает... так мы с матушкой и двери покажем, у нас недолго! А всё будет жаль. Вот шуткой, шуткой, а ведь как полюбила, ажно сердце ноет, так вот и бьётся, ровно голубь.

Входит Степанида.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Груша и Степанида.

Степанида. А что, девонька, погреться бы у вас тут, у печки, можно?

Груша. Погрейся, тётяшка.

Степанида. А вот одежонку-то тут положу да мешечки-то вот... Изломало всю... да и прозябла немножко; не близко ведь ехать-то, третьи сутки в дороге. А дорога-то, милая, известно, Масленица, не первый путь. Ох, ох, ох. В Москву со стариком, девушка, приехали, дочку навестить, да не знаем, где найти-то. Пообогреемся, ночку переночуем, а завтра пойдём поищем.

Груша. Как же это ты, тётяшка, не знаешь, где дочь найти?..

Степанида. В Москве-то всего впервой, толку-то не скоро найдёшь; опять же время к вечеру.

Груша. Что ж, она у вас здесь замужем?

Степанида (*усаживается у печки*). А вот, девонька, видишь ты, какое дело-то вышло. Город-то наш на проезжей дороге; мешчане мы. Живём-то хоть и бедненько, а домишко-то у нас хоть куда. Вот и останавливаются у нас купцы и баре, случается. Семья-то у нас небольшая была: я с мужем да дочка Дашенька; хозяин-то у меня уж старенек. Останавливался у нас проездом купец молодой, начал он Дашу-то уговаривать да улащать. Нам и невдомёк такое дело. А в прошлом году, около Святков, и сманил её у нас.

Груша. Ишь ты, а!

Степанида. Сманил, сманил. Горя-то, горя-то что было! Ну да уж нечего делать, не воротишь. Только получаем мы от неё письмо из Москвы. Вот оно и теперича со мною... Всё так с собой и ношу. Пишет, просит прощения и благословения от нас нерушимого, и что как приехали они в Москву, он на ней женился, и у него семья и торговля, всё как следует, и что живёт она благополучно и с мужем в любви.

Груша. Видишь ты, счастье какое! За купца за богатого!.. Поди-тка ты!.. Знать, из себя хороша?

Степанида. Уж куда хороша!.. Не знаю, теперь как; может, горе-то её повысушило, а допреж-то этого была такая красавица, полная да белая... Вот хоть с себя пример возьми.

Груша. Ну, что я за красавица, помелом нарисованная.

Степанида. Нет, что ж, ты хорошая девушка, видная, и тебя, гляди, хороший жених возьмёт.

Груша. Да ведь это, тётяшка, какое счастье выдет, не родись пригож, а родись счастлив.

Степанида. Не завидуй, девушка, чужому счастью. Вот мы было и порадовались, что так дал ей Бог. Должно быть, честный человек, хороший, на её долю вышел. Да как и не порадоваться? Своя кровь, своя болезнь. Только после этого письма она нам ничего и не писала, и слуху о ней не имели — жива она или нет. Собирались ехать, да не на кого дом оставить; а вот недавнушко слышали мы от проезжих людей, что муж-то с ней стал дурно жить, загуливать, хмелем зашибаться. Нечего делать, собрались со стариком да и поехали. Ну, там, конечно, родня богатая, ещё как примут: бывает, мать-то и выгонют. Скука-то меня больно обуяла без дочушки-то!.. Все глазыньки выплакала, от питья, от еды отбило... Сама, милая, посуды.

Груша. Известное дело.

Агафон входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Агафон.

Степанида. Что это ты, старина, замешкался?

Агафон (*распоясываясь*). Я всё с лошадкой: отпрёг, поставил на место, сенца дал. Животинку-то жалеть надо; ведь она не скажет. Ну, вот, старуха, Бог дал, и приехали, а ты всё торопилась. Зачем торопиться-то? Тише едешь, дальше будешь.

Степанида. Да уж мне больно доченьку-то увидеть хотелось.

Агафон. Вот и увидишь, коли Бог даст. Всё своим чередом, торопиться-то никогда не надо.

Степанида. Уж я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старые, а то бы так и побежала.

Агафон. Что бежать-то? Ну что бежать-то? Зачем? Баба дура, зачем? А мы смирененько придём, скромненько... всему своё время, свой предел. Достань-ка мне лепёшечку из мешка, пожуём пока.

Степанида (*достаёт*). На тебе помягче, а то не угрызёшь.

Агафон. Ну, хорошо, ладно. Вот это мне по зубам.

Едят молча.

Степанида. Что-то наша Даша делает теперь, поглядела б хоть одним глазком.

Агафон. Что? Известно что — своё дело делает; хозяйство есть, чай, хлопочет; люди богатые, не то что мы.

Степанида. А ведь как, чай, трудно ей, бедной, в чужой-то семье.

Агафон. Не в чужой, а в своей.

Степанида. Да говорят, что муж-то её не любит.

Агафон. Мало что говорят; не всякому слуху верь.

Степанида. А уж как она, бедная, нам рада-то будет.

Агафон. Известно, рада будет. А всё, старуха, чай, маленько зазорно будет на стариков-то своих смотреть. Как ты думаешь, а?

Степанида. Что ж зазорно? Бог ей судья, мы сами не безгрешные.

Агафон. Известно, не безгрешные... А всё как-то того... детищу-то против родителей... как будто не годится.

Степанида. Что ж, Агафон Потапыч, ты ведь в те поры сам первый её простил.

Агафон. Что ж не простить! Я любовь к ней имею, потому одна, а кого любишь, того и простишь. Я и врагу прошу, я никого не сужу. Да разве я один судья-то? А Бог-то? Бог-то простит ли? Может, от того и с мужем-то дурно живёт, что родителей огорчила. Ведь как знать?

Спиридоновна и Даша входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна. Сейчас, матушка, сейчас! Подожди немного, красавица. Лошадок заложут тебе хороших, мигом доvezут. Посиди вот тут, подожди.

Даша (*садится к столу*). Хорошо, я подожду.

Спиридоновна. Что ты, никак плачешь? По родителям, что ли? Аль горе какое есть?

Даша. Нет, так, ничего.

Спиридоновна. Что тосковать-то, нынче Масленица. Гляди-ка, народ-то скружился совсем. Масленица ведь один раз в году

бывает, не уважать-то её нельзя. А уж правду-матку тебе сказать, беда как голова болит.

Агафон. Кому масленица, кому и великий пост. Ох-ох-ох...

Спиридоновна. Вестимо, что так. *(К Груше.)* Сунь-ка, Груша, в печку давешние блины-то, годятся к ужоткому, к ужину.

Груша. Сейчас, матушка. *(Берёт ухват.)*

Спиридоновна. Подальше подвинь, подальше. Да вот это-то... да вот горшечек-то.

Груша сажает в печь блины, закрывает печь, потом стоит, опершись на ухват.

Даша *(говорит нараспев, сквозь слёзы)*.

Полечу я пташечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку.

Степанида. Что это бабочка-то больно тоскует?

Агафон. Знать, нелегко, коли тоскует.

Даша *(продолжает)*.

Сяду я во садике да на яблоньку,
Запою, младёшенька, жалким голосом.

Степанида. Не наша ли горькая с чужой стороны?

Агафон. Что ты, что ты, старуха!

Степанида. Сем-ка я погляжу пойду. *(Подходит к Даше.)*

Даша *(встаёт)*. Матушка, ты ли это?

Степанида. Дочушка!.. Дашенька!

Даша кидается к ней на шею.

Дитятко ты моё родимое, солнышко моё красное, заря ты моя восходя, сокровище ты моё ненаглядное!.. *(Садится.)* Потапыч, поди-ка, свет, сюда.

Агафон *(подходит)*. Что там у вас?

Даша *(встаёт)*. Батюшка! Прости ты непокорную. *(Кланяется.)*

Агафон. Ну, что ты, что ты?.. Ну, бог с тобой, бог с тобой!.. *(Садится.)*

Степанида. Уж и где же я тебя встретила!.. Не ждала-то я, не чаяла...

Даша. Ах, тятенька, в глаза-то тебе глядеть мне совестно!

Агафон. Ну, что про старое толковать!.. Бог с тобой! Кто старое помянет, тому глаз вон. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мне?

Да ша. К вам, тятенька, собралась.

А га фон. Ну, это хорошо, доброе дело, что вспомнила. Что ж, тебя муж-то отпустил?

Да ша. Нет, тятенька.

А га фон. Как же это нет? Как же нет?

Да ша. Да что, тятенька, перед вами мне утаивать не след: жили мы сперва с Петром Ильичом очень хорошо, любил он меня.

Груша вслушивается.

Потом вдруг, ни с того ни с сего, стал загуливать, пить, дома не бывает, со мной только что ссорится...

А га фон. Ну, что ж, ну, что ж?

Да ша. Каждый день брань да ссора. Ну уж, так и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, без воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, променял он меня на какую-то... *(Ложится на шею к Степаниде.)* Легко ли это моему сердцу!

Степанида. Что ты? Дитятко моё, что ты?

Да ша. Нынче, нынче мне Вася сказывал, к нам ходит. *(Махнув рукой.)* Приятель его!.. *(Со слезами.)* Мой-то холостым, видишь ты, прикинулся!.. *(Опять ложится на плечо.)*

Груша *(бросая ухват)*. Ах, матушка! Ах-ах!..

Да ша. Разлучили меня с другом милым, с сердечным моим...

Груша. Ох!.. Сердце моё!

Да ша. Разлучила меня с ним злая разлучница!

Груша. Матушка! Да ведь это я разлучница-то!

Спиридоновна. Что ты плачешь-то? На них, что ли, глядя?

А га фон. Ну, так что ж ты? Ну, что ж ты?

Да ша. К вам, батюшка, собралась ехать, опять жить с вами, с моими родными.

А га фон. Как к нам? Зачем к нам? Нет, поедем, я тебя к мужу свезу.

Да ша. Нет, батюшка, не поеду я к нему.

А га фон. Да ты пойми, глупая, пойми — как я тебя возьму к себе? Ведь он муж твой? *(Встаёт.)* Поедёмте. Что болтать-то пустяки, чего быть не может!.. Собирай, старуха, одежонку, собирай... Как ты от мужа бежишь, глупая!.. Ты думаешь, мне тебя не жаль? Ну, вот все вместе и поплачем о твоём горе — вот и вся наша по-

мощь! Что я могу сделать? Поплакать с тобой — я поплачу. Ведь я отец твой, дитяtko моё, милое моё! *(Плачет и целует её, потом берёт свою одежду и подходит к ней.)* Ты одно пойми, дочка моя милая: Бог соединил, человек не разлучит. Отцы наши так жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умнее их? Поедем к мужу. *(Берёт её за руку и уходит, Степанида за ними.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Груша и Спиридоновна.

Груша *(плача)*. Матушка, да ведь он женатый!

Спиридоновна. Кто он-то?

Груша *(сидясь к столу и закрывая лицо руками)*. Пётр Ильич!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Груша (сидит у стола), Спиридоновна (входит).

Спиридоновна. Что ты сидишь-то тут, бесстыдница! Там соседки пришли, а ты и глаз не кажешь.

Груша. Не пойду я к ним.

Спиридоновна. Вот ещё что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша. Да, хорошо им!.. Им весело.

Спиридоновна. А у тебя, поди-ка, какое горе!.. Плюнуть, да и всё тут. Вот погоди, приди он только, мы его так турнём, что он своих не узнает... Чтобы он мелким бесом не рассыпался да девок не сманивал.

Груша. Что он не идёт-то? Уж мне бы поскорей сердце сорвать! Так бы изругала, так бы изругала! Уж подвернись он только теперь мне!.. Погоди ж ты, постылый ты человек!

Спиридоновна. Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворот от ворот да из головы вон! Неуже-

ли ж ещё думать!.. Поставь-ка орешков на стол да позови девок-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слёзы!..

Груша (*встаёт и ставит на стол закуски*). Вот только с сердцем-то не сообразишь, а то не стоит он того, чтобы об нём плакать-то. Пойду песню запою, со зла, во всё горло, что только духу есть! (*Уходит, слышится заунывная песня.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Спиридоновна, потом Груша и девушки.

Спиридоновна. Молодец у меня Груша! Вся в меня, вот как я была смолоду... Ещё погулять хочется, молода очень. Ну, что ж, пушай погуляет, себя потешит. За этой девкой матери нечего смотреть, мать спи спокойно; её не скоро оплетёшь. Золото, а не девка!

Слышится хоровая песня.

Ну, загуляли мои девушки!.. Эх, не прежние мои года, подурачилась бы с ними.

Входят Груша и девушки.

Ну, что ж замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вам дной сани запречь, кататься поедете.

Некоторые девушки. Благодарим покорно, Анна Спиридоновна! Вот весело!

Спиридоновна уходит.

Груша. Девушки, я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.

Одна девушка. Что так?

Груша. Хочу себя потешить, своему сердцу волю дать. О! Да что тут разговаривать! Давайте винца выпьем, пока матушка не пришла. (*Достаёт из поставца вино.*)

Некоторые девушки. Что ты, что ты!

Груша. Я вперёд дорогу покажу. Ну-ка, впервбй сроду... (*Пьёт.*) Ой, как горько! Как это люди-то пьют! Дайте пряничка. Так уж с горя выпила, обидел меня один человек. Пейте, девушки, не ломайтесь, только поскорее! (*Подносит вино; некоторые пьют; все хохочут.*)

Входит Ерёмка с балалайкой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Ерёмка.

Ерёмка. Наш атлас нейдёт от нас. Все ли вы здесь?

Девушки. Ах-ах! Ерёмка пришёл! Ерёмка пришёл!

Груша. Ты зачем сюда? Непрошенный гость хуже татарина.

Ерёмка. Да ты что? Какие нынче дни-то! Ты вспомни! А ещё хозяйка! Ты меня сперва-наперво винцом попотчуй, а потом я с вами прощаться стану. *(Утирает губы.)*

Девушки. Ишь ты, что выдумал! Как же, дожидайся.

Груша *(поднося вина.)* На, выпей да и убирайся, откуда пришёл.

Ерёмка *(пьёт)*. Нет уж, он, видно, не уйдёт; мне и здесь хорошо.

Груша. Ну, как хочешь, мы тебя к себе не пустим.

Ерёмка. Не пустите? Я ведь колдун: я с вами шутку сшучу, всех назад затылком оборочу.

Девушки смеются.

Груша. Садитесь, девушки.

Девушки садятся вокруг стола.

Тебе и места нет.

Ерёмка. Я и на пол сяду, коли места нет, не велик барин. *(Садится и запекает.)*

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай люли, ай люли!
Я топор в руках держу...

Груша. Что его слушать-то, девушки, запевайте песню.

Девушки *(поют.)*

Исходила младенька все луга и болота,
Все луга и болота, все сенные покосы.
Пристигала младеньку, меня, тёмная ночь.
Мне на ум-то припало про родимого братца.
Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко.
— Дома ль, дома ли братец? Дома ль белой голубчик?
— Дома, дома, сестрица! Дома, бела голубка!
— Ты укрой меня, братец, да от тёмных ночи,
Что от тёмных ночи, да от лютого зверя.

Входит Пётр.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Пётр.

Пётр (*у двери*). Вот я к веселью-то как раз. Мир вам, и я к вам.

Груша. Милости просим! А мы только хотели кошку в лапти обувать да за вами посылать.

Пётр. Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, девушки.

Груша. Здравствуйте и благодарствуйте!

Пётр. Ну, девушки, гуляйте, я вам гостинцу принёс.

Груша. Благодарим покорно, у нас свой есть, нам чужого не надобно.

Ерёмка. Давай мне, коли им не надобно.

Девушки смеются.

Пётр. Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша. Я пьяна! (*Хохочет.*)

Пётр. Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся.

Груша. Как же, дожидайся.

Ерёмка. Купец, ты легонько, сироту не задави.

Все смеются.

Груша. Послушайте, девушки красавицы, я вам притчу скажу. Была некоторая девка. Ну, вот, хорошо. Только девка-то дура. Ходил парень к этой девке, разные речи говорил, только всё обманывал: я, говорит, холостой, богатый, такой-сякой, немазанный. Я тебя люблю, за себя замуж возьму... А выходит на деле-то — он женатый.

Пётр (*строго*). Что ты, шутишь или смеёшься?

Груша. Эх, совесть, совесть!

Пётр. Аль насказал тебе кто? Говори прямо.

Груша. Кто бы ни сказал, да сказал.

Пётр. Это тебя смущают только, обманывают, а ты и рада верить всякому.

Груша (*смеётся*). Ну, хорошо! Обманули, так обманули. Будь ты честный человек, только от нас подальше. Ерёмка, давай сироту споём.

Ерёмка. Давай запевай.

Груша (*поёт*).

Сирота ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, с горя песенку.

Ерёмка.

Хорошо песни петь пообедавши,
Уж и я ль, сирота, да не завтракал,
Я не завтракал, да вечер не ужинал.

Груша.

Расскажи, сирота, хоть нам сказочку.

Ерёмка.

Хорошо говорить, вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выпавшись;
Уж я ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нету хлебушка,
Нету хлебушка, соли, нету кислых щей.

Купец, давай денег на капусту.

Пётр. Пошёл прочь! (*Садится у печи.*) Только б мне добраться, кто это тебе насаждал, уж не увернулся бы у меня, задал бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его.

Груша. Васю мы и в глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли сам виноват.

Пётр (*встаёт*). Нет, это, Груша, не то. Не верь ты никому!.. Всё вороги мои, разлучить нас с тобой хотят, погубить меня хотят! Развяжи ты меня, скажи мне: шутишь, что ли?

Груша. Не кажись ты мне на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу беседу расстроил! Хоть бы Вася пришёл, потешил бы нас. (*К девушкам.*) Вот, девушки, люблю парня: не надсмешник, не обманщик, милый человек, можно ему чести приписать; не то что как есть люди, которые могут завсегда лгать, говорят одно, а на уме другое.

Вася входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Вася.

Пётр. Ты зачем?

Груша (*встаёт и берёт Васю за руку*). А ты из чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, небось.

Вася. Зачем? Тебе что за дело? Взял да и пришёл. Что ж такое? Нынче Масленица, уж и не погулять мне. Ишь ты, какой ловкий!

Груша. Что ж ты, Вася, не целуешься со мной? Целуйся со всеми: нынче дни прощёные.

Вася. Ой, что вы! (*Целуетя со всеми.*) Да ведь вот он тятеньке пожалуется. Что ж хорошего?

Пётр. Что ж вы со мной делаете, окайнные! Али вам погибели моей хочется?

Груша. Ведь ты холостой?

Вася. Известно холостой.

Пётр. Прощай, Груша! Коли со мной что недоброе сделается, на твоей душе грех будет. Я голова отпетая, ты меня знаешь. (*Подходит к двери.*)

Груша. Ты, Вася, женишься на мне?

Вася. Я бы рад радостью, да как тятенька позволит.

Груша. А ты попроси.

Вася. Уж вот как буду просить! В ногах кланяться.

Пётр (*у двери*). Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мне и на глаза не попадайся! Я тебе наперёд говорю. Я теперь в себе не властен.

Вася. Да что ты пристал-то? Я, брат, ничего, право слово, ничего.

Пётр. Уж я знаю что.

Груша. Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (*в дверях*). Ступайте, девушки, кататься, лошади готовы.

Груша. Пойдёмте, девушки; пойдём, Вася.

Пётр (*берёт её за руку*). Груша, поедem со мной.

Груша. Как не ехать!

Пётр. Поедем, говорю я тебе.

Груша. Что ты, разбойничать, что ли?

Пётр. Не пушу я тебя!

Груша. И рад бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадим. (*Тихо.*) Ты думаешь, мне Вася сказал? Жена твоя была здесь. Понял ты теперь? Вот тебе и сказ!

Пётр (*хватает себя за голову*). Жена!

Груша. Запевайте, девушки, песню. (*Обращаясь к Петру.*) Ходите почаще — без вас веселей! (*Обнимая Васю.*) Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой.

Ерёмка. Возьмите меня с собой.

Груша. Пожалуй, и не надо.

Ерёмка. Ну, я не заплачу.

Девушки запевают песню и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пётр и Ерёмка. Пётр подходит к окну. За сценой слышится продолжение песни, смех и звон бубенчиков.

Пётр. Уехали! *(Садится и задумывается.)*

Ерёмка. Купец, а купец! Видно, мы с тобой здесь с тараканами остались.

Пётр *(тихо)*. Жена была здесь? Зачем же она была? Её привёл кто-нибудь... Кто-нибудь да привёл. *(Вскрикивает.)* Что ж это со мной сделали! *(Закрывает лицо руками и опускается на стол.)*

Ерёмка. Купец! Что ж ты приуныл? Хочешь, потешу?

Пётр. Искать меня! Следить! погоди ж ты теперь. А уж коли так, пропадай всё на свете! Покажу ж я себя!.. Уж я теперь наделаю дел!..

Ерёмка. Так уж, видно, тебе судьба.

Пётр. Что?

Ерёмка. Я говорю: уж, видно, так тому делу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебе песню спою?

Пётр *(взглянув на него)*. Песню? Какую песню?

Ерёмка. Вот какую... *(Поёт.)*

Куманёчек, побывай у меня,
Животочек, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебя, кума, собачка лиха!..
Ох, лиха, лиха, лиха, лиха!..
Ха-ха-ха да ха-ха...

Пётр *(приподнимаясь)*. Пошёл прочь, пока жив!..

Ерёмка. Куда мне идти-то? Я здешний; а тебе пора, делать здесь нечего... Было дело, да собака съела.

Пётр. Убью я тебя!..

Ерёмка. Убьёшь, так ответишь... Купец, не плюй в колодец, годится водицы напиться.

Пётр. Да отвяжись ты, дьявол! Что тебе от меня нужно, а? Что ты за человек?

Ерёмка. Из старых нищих молодой обморок.

Пётр смотрит на него.

Купец, я слово знаю.

Пётр. Какое слово?

Ерёмка. А такое слово, что всё будет по-нашему, как нам хочется.

Пётр. Да ты вправду аль шутя?

Ерёмка. Уж за то берусь.

Пётр. Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Ерёмка. Зачем обманывать! Мы скоморохи, люди вежливые — обмануть не обманем, а своего не упустим, мимо рта не пронесём.

Пётр. Бери ты с меня последнюю рубашку, только дело сделай. Вот мне до которых пор приходит. Видишь? *(Показывает на шею.)*

Ерёмка. Зачем рубашку! Сделаем дело — деньги возьмём; а не сделаем — не надо. Вот сперва-наперво, значит, выпить надоть, другой разговор пойдёт. Ты-то, купец, нонче, может быть, пообедал всласть, да и выпил что следует, так тебе можно разговаривать; а у меня натошак в горле пересохло, да и язык-то, признаться тебе сказать, не шевелится.

Пётр *(даёт деньги)*. На, выпей поди.

Ерёмка. Ты только деньги-то дай, а я ещё выпить-то успею, наше от нас не уйдёт. *(Берёт.)* Вот спасибо! Теперь говорить будем. Я вижу, ты, купец, человек хороший, с тобой знакомство водить можно. *(Садится подле него.)*

Пётр. Ну, говори, не томи.

Ерёмка. погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по ветру: тут без ворожбы дело не обойдётся. Есть у меня такой человек, из простых, да ловкий, половчей меня будет.

Пётр. Страшно!

Ерёмка. Страшно, так не ходи.

Пётр. И может он приворожить девку, чтоб любила, чтоб не она надо мной, а я над ней куражился, как душе угодно?

Ерёмка. Может; его приворот на тысячу вёрст действует. Так приворожит, что она из дому убежит да к тебе придёт. Только к нему с пустыми руками не ходи, а надо штоф вина да денег рубль. Да не со всяким он ещё и разговаривать-то станет, а с кем я прикажу.

Пётр. Ну, так поедem.

Ерёмка. Ты не больно торопись, не во всякий час это делается, надобно знать время. Теперь ещё не тот час, а мы прежде пойдём погуляем. У тебя есть деньги?

Пётр. Эх, голова, ты в жизнь такой гульбы не видывал, что от меня увидишь!

Ерёмка. А я тебе такие места покажу, только ух! Дым коромыслом. Только деньги припасай.

Пётр. Деньги с нами.

Ерёмка. Ну и ладно. Пойдём. Вот и я с праздником. *(Поёт.)*

Уж и я ли твоему горю помогу!
Помогу-могу-могу-могу-могу!

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Даша и Афимья со свечкою в руках.

Даша. Тётенька, словно кто-то стучит, не он ли? Посмотри-ка.

Афимья. Как же, он, дожидайся! Уж теперь закатился, так всю ночь прогуляет. *(Заглядывает в дверь.)* Я говорю, что никого нет. Пойдёт он домой, коли ему в людях весело. Не такое чадочко, чтоб ему дома сидеть. *(Ставит свечу на стол.)*

Даша *(сядась к столу)*. Пьёт он мою кровь! Легко ли дело, ночь на дворе, а он шатается.

Афимья. А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то ещё, на грех, придёт хмельной, брань заведёте, что хорошего.

Даша. Нет, уж я подожду, у меня что-то сердце не на месте: не случилось бы с ним чего-нибудь!

Афимья. Известно, гульба до добра не доведёт... Уж не сносить ему своей головы.

Даша. Ах, тётушка, не говори, и так страшно. *(Молчание.)* Поужинать-то приготовить, неровно спросит.

А ф и м ь я. У меня уж готово, только подать. Ещё с каким народом-то водится, кто его знает. Ведь народ-то всякой есть: навяжется какой оборотень, тому научит, что и подумать-то грех, не к ночи будь сказано. *(Зевает.)* Ишь ты, как спать хочется, ровно как перед бедой; говорят, перед бедой-то сон одолевает... Или так уж, старость-то, что ли? Ты бы почитала поученьице какое на сон-то грядущий, я бы послушала.

Д а ш а *(берёт книгу)*. Что бы почитать-то? *(Прислушивается.)*
Тётушка, стучат.

А ф и м ь я. И то стучат. *(Берёт свечу и идёт к двери.)*

Д а ш а *(у двери)*. Что, он?

А ф и м ь я. Ох, нехорош! Поди-ка ты лучше спрячься от греха, нехорош пришёл и на меня-то ровно медведь зарычал.

Д а ш а уходит; П ё т р входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А ф и м ь я и П ё т р.

П ё т р *(сидясь)*. Ужинать!

А ф и м ь я. Сейчас, батюшка, сейчас. *(Ставит на стол ужин.)*

П ё т р. Зажигай огня!

А ф и м ь я. Да где ж теперь? Уж спят все.

П ё т р. Делай, что я приказываю! Разобью всё в прах!.. Щепки целой не оставлю!

А ф и м ь я. Ну уж, не сердись, погоди, принесу. *(Уходит.)*

П ё т р *(пьёт)*. Смеяться надо мной? Нет, шалишь!.. Не позволю! Будет с меня, посмеялись, выгнали, а я здесь дома... Нет, погоди! Я им не дурак достался!.. Весь дом на ноги подниму!

Входит т ё т к а.

Ты мне тётка, а ты меня не трожь, а то... ух!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! *(Пьёт.)* Говори правду: ходила жена со двора? *(Молчание.)* Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

А ф и м ь я. Да вот что, Пётр Ильич, по правде тебе сказать, не то что она со двора ходила, а вовсе было к своим собралась да уехала.

П ё т р. Ну и пропадай она пропадом! Провались она!.. И на дух мне её не нужно...

А ф и м ь я. Да со стариками на дороге встретилась и воротилась.

П ё т р. И не кажись она мне на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мне враг, а не жена! Мне нынче человек сказывал про неё, всё сказывал, он всё знает, он колдун...

А ф и м ь я. Что ты?.. Бог с тобой! С кем ты водишься!.. Что с тобой?

П ё т р. Молчать! Он говорит, не жена она тебе, а змея лютая! Вот и кореньев мне дал... Горюч камень алатырь... Привороты все знает и пускает по ветру... Тётенька!

А ф и м ь я. Что ты? Голубчик!

П ё т р. Страшно мне! Страшно!.. Поди сядь со мной. *(Плачет.)* Обижают меня! Никто меня не любит, извести меня хотят!.. Все на меня, и жена, и все.

А ф и м ь я. Сам всему причиной, не на кого пенять.

П ё т р. Я пьяница, я беспутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мне легче будет. Кто меня пожалеет, а ведь я человек тоже! *(Плачет.)*

А ф и м ь я. Ну, полно, полно.

П ё т р. Не то мне обидно, что меня, молодца, Груша не любит, а то мне обидно — не доставайся она никому!

А ф и м ь я. Про какую там Грушу ты говоришь, беспутный?.. Какая там ещё Груша?

П ё т р. Какая Груша? Вот какая Груша: нет такой красавицы на белом на свете! Я душу свою погубил за неё! Ну, как мне с ней расстаться? Нас разлучить хотят... вот он!

А ф и м ь я. Кто он? Никого тут нет.

П ё т р. Васька!

А ф и м ь я. Поди усни. Ишь, тебе уж мерещится.

П ё т р. Я его убью!.. А жена... она не смей против мужа! Где жена? Поддай сюда жену! Она моя жена, она моя раба!

А ф и м ь я. Её нет; она ушла со своими, с отцом да с матерью.

П ё т р *(встаёт и берёт в руки нож)*. Куда она ушла? Я её найду! Из земли выкопаю, со дна моря достану!

А ф и м ь я. Куда ты пойдёшь ночью? Что за срам! Ступай спать.

П ё т р. Не говори ты мне! Жену поддай!.. Жену поддай, говорю я тебе!

А ф и м ь я. Ну да нет её, так и негде взять!

П ё т р. Я её найду, я её найду.

А ф и м ь я. Что ты ножом-то махаешь, ну тебя! С тобой страсть одна, да и только.

П ё т р. Я её по следу найду!.. Я её по следу найду! Теперь зима, снег, по следу всё видно, месяц светит, всё равно что днем. *(Садится.)* Страшно мне, страшно! Вон метель поднялась... Ух, так и гудёт! Вон завыли... вон, вон собаки завыли. Это они на мою голову воют, моей гибели ждут... Ну что ж, войте! Я проклятый человек!.. Я окаянный человек. *(Встаёт.)*

А ф и м ь я. Ишь ты, ишь ты! Ах, батюшки, как страшно!

П ё т р. Нет, не то, тётушка, всё не то! Всё я не то говорю. Вот что: кабы я не был женат, разве б меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мне помеха, и во всём мне она поперёк... Вот за это я её и убью... за это за самое...

А ф и м ь я. Что мне делать-то с ним, ума не приложу.

В комнате вдруг появляется Е р ё м к а, которого видит только один П ё т р.

П ё т р. А, благоприятель! Что ж ты смотришь-то на меня? Что ж ты так смотришь? Ведь сам научил, как жену извести!

А ф и м ь я. С кем он это говорит-то — никого нету. Наше место свято! Чур меня! Чур меня! Пойти разбудить всех! *(Уходит.)*

П ё т р *(Ерёмке)*. Что ты говоришь, а? Ну да! И я тоже говорю, чужак человек! Вместе пойдём. Поскорей, поскорей! *(Останавливается.)* Ха-ха-ха! Смешной ты человек! Вот он ножик-то! *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А га ф он, Степанида, Даша и Афимья (входят).

А ф и м ь я *(взглянув в дверь)*. Ушёл, ушёл и двери все настежь растворил. Послать людей за ним. *(Уходит.)*

Д а ш а. Вот, матушка, сама ты погляди, как сладко мне жить-то!

С т е п а н и д а. Ах ты, дитятко моё родимое, головка победная!

А г а ф о н. Погоди, дочка, не ропщи. Живёшь замужем-то без году неделя, а уж на жизнь жалуешься.

Д а ш а. Да чего мне ждать и вперёд-то, коли отец от него отступился совсем.

А г а ф о н. Отец отступился, да, может, Бог не отступился. Потерпи.

Да ша. Рада бы я терпеть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, бог с ним, а жить с ним не хочу.

А га ф о н. Всё это не дело, всё это не дело! Ох-ох-ох! Нехорошо! Ты сама права, что ль? Дело сделала, что нас со старухой бросила? Говори, дело сделала? Так это и надо? Так это по закону и следует? Враг вас обуял! Вы точно как не люди! Вот ты и терпи, и терпи! Да наказание-то с кротостью принимай да с благодарностию. А то что это? Что это? Бежать хочет! Какой это порядок? Где это ты видала, чтоб мужья с жёнами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а он в отчаяние придёт — кто тогда виноват будет, кто? Ну, а захворает он, кто за ним уходит? Это ведь первый твой долг. А достигнет его смертный час, захочет он с тобой проститься, а ты по гордости ушла от него...

Да ша *(бросаясь на шею)*. Батюшка!

А га ф о н. Ты подумай, дочка милая, поменяй хорошенько. *(Плача.)* Глупы ведь мы, люди, ох, как глупы!.. Горды мы!

Вася и Афимья входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Вася и Афимья.

В а с я. Боже мой! Что это такое? Что у вас случилось?

А ф и м ь я. А что?

В а с я. Да Пётр Ильич попался мне на Москве-реке, такой страшный, без шапки, бегают с ножом; ведь, того и гляди, в прорубь попадёт.

Да ша. Что же это? Батюшки мои!

В а с я. Вы бы хоть людей послали за ним.

А ф и м ь я. По всем концам разосланы, посылают больше некого.

А га ф о н. Пойдёмте сами, други мои, пойдёмте!

Да ша. Пойдёмте!

Пётр входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Пётр.

Пётр *(озирается)*. Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. Живые вы люди или нет? Скажите мне, ради бога.

Да ша. Что с тобой?

Пётр. Не стою я, окаянный, того, чтобы глядеть-то на вас! Да и не глядел бы, кабы не чужие молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! *(Становится на колена.)*

Агафон *(подымая его)*. Что ты, что ты? Пётр Ильич! Встань, встань!

Пётр. Я ведь грешник, злой грешник!.. Уж я покаюсь перед вами, легче мне будет на душе моей. Вот до чего гульба-то доводит: я ведь хотел жену убить... безвинно убить хотел. Взял я тут, пьяный-то, ножик, да и иду будто за ней. Мерещатся мне разные диковины да люди какие-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: где жена? Они смеются да куда-то показывают. Я всё шёл, шёл... вдруг где-то в колокол... Я только что поднял руку, гляжу — я на самом-то юру Москве-реки стою над прорубем. Вспомнить-то страшно! И теперь мороз по коже подирает! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вот, как на ладонке, передо мной! Натерпелся я страху, да и поделом! Вспомнил я тут и батюшкины слова, что хожу я, злодей, над пропастью. Вот они, правдивые-то слова. Так оно и вышло! Уж не забыть мне этой ночи, кажется, до самого гроба! Батюшка, матушка, поживите у нас!.. Помогите мне, добрые люди, замолить этот грех!.. Да и к батюшке-то сходите, скажите ему... сам-то я не смею идти.

Все. Помоги тебе Бог!

Агафон. Что, дочка, говорил я тебе!

Да ша *(бросаясь к Петру)*. Голубчик, Пётр Ильич!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В приложения включены сочинения, не опубликованные при жизни А. Н. Островского:

«Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»;

цикл <Очерки Замоскворечья>, в который входят очерки «Две биографии», «Замоскворечье в праздник», «Кузьма Самсоныч»;

стихотворения «Снилась мне большая зала...» и «Зачем мне не дан дар поэта...»

Тексты «Сказания о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» и <Очерков Замоскворечья> печатаются по черновому автографу с учётом правил современной орфографии, пунктуации и с исправлениями по смыслу. Стихотворения <З. Ф. К-ъ> («Снилась мне большая зала...») и <Акростих> («Зачем мне не дан дар поэта...») печатаются по тексту журнальной публикации.

Свод редакций и вариантов сочинений А. Н. Островского публикуется впервые. Варианты к текстам приводятся по всем сохранившимся автографам и по прижизненным изданиям. Первоначальная публикация или рукопись, существенно отличающиеся от окончательного текста, воспроизводятся как другие редакции.

Варианты даются в следующем порядке: планы и черновые наброски; ранние редакции; варианты рукописей и авторизованных писарских и театральных копий; варианты цензурных копий; разночтения, то есть неатрибутированные отличия от основного текста. Это позволяет проследить ход работы Островского над произведением.

На протяжении сценической жизни пьесы Островский неоднократно вносил исправления в текст, вызванные, как правило, цензурными и театральными требованиями, а также желанием его усовершенствовать. Поэтому проследить историю исправлений в хронологической последовательности иногда не представляется возможным: в писарские копии вносились новые варианты и многочисленные поправки, производились купюры (разных цветов чернилами и карандашом) как самим автором, так и другими лицами.

По характеру материалов и по их источникам рубрикация даётся при помощи подзаголовков. Например: «Расположение комедии (РГБ)»; «Черновая редакция I действия (РГБ)»; «Варианты чернового автографа (ИРЛИ)».

Рукописные варианты оформляются по принятым в современных научных изданиях правилам. При росписи черновых автографов и в вариантах

сохраняется пунктуация автографа. В прямых скобках приводится зачёркнутое Островским. Например: «Эх, Любовь Гордеевна, [не шутите мной!] Не такой я человек [со мной грех шутить]». Если в вычеркнутом тексте есть отдельные зачёркнутые слова и выражения, они даются в подстрочных примечаниях. Вместо опущенных редактором слов (части текста) применяется тильда (~). Например: «Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна ~ (*Идёт на лестницу.*)» Чтобы передать специфику работы Островского над произведением, ряд последовательных вариантов прозаических текстов приводится в строку. При этом мелкие варианты к крупным вариантам нумеруются и обозначаются курсивными цифрами: 1), 2) и т. д. Например: «М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Нет, это я так — / 1) ничего; 2) Я не знаю, что со мной сделалось. Я спокойна; 3) Я уж решилась на это».

Если варианты совпадают, они приводятся сразу по нескольким источникам, которые указываются в скобках; это помогает выявить и наглядно показать характер исправлений. Например: «*Фразы:* а то мы и за квартальным пошлём. — *нет.* (*Москв., Ценз.*); «*После:* Либо денег, либо в Сибирь. — Лазарь, вспомни: ведь мы вместе деньги-то и товар прятали, ведь нам один конец обоим. (*ЦПК, Ценз.*)».

Для отделения основного текста от вариантов ставится наклонная черта (/). Угловые скобки применяются, когда составителями дополняется слово, не дописанное автором. Знак в форме ромбика (◊) используется для обозначения варианта, в последнем слое рукописи совпадающего с окончательной редакцией текста. Например: «С о ф ь я А н т о н <о в н а>. / 1) Извините, [господа]; 2) [Сергей Андреич]; 3) ◊». Редакторские заголовки, пометы и примечания выделены курсивом, неразобренные слова переданы обозначением: <нрзб.> (с указанием, по возможности, количества неразобренных слов). Вопросительным знаком в угловых скобках сопровождаются слова, чтение которых в автографе вызывает сомнение.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС, ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

В одном из грязных переулков, которых так[ое] мно[жесто]го между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом. Рядом с домом [стоит] будка [на курьих ножках] с белыми колоннами¹. Этот домик, со множеством прочих близ стоящих, принадлежит одной почтенной персоне, которая была [кажется (если не ошибаюсь) в магистрате] чуть ли не у крепостных дел где-то² секретарем, но по причине слабости здоровья и трясения рук вышла в отставку; [вот это-та персона с горя] вот, чтобы иметь всегда хлеб насущный³, и скупил весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдаёт внаймы по уголкам. [Этим-то благоприобретением он только и держится, тем только и питается.⁴ (Извините, заговорился: это такой предмет, что чем больше пишешь, тем больше писать хочется)] Так вот в описанном-то [го<роде>] домике [и на<ходятся>] живут два рода [постоял<ьцев>] жильцов⁵: во-первых, квартальный надзиратель Ерофеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Первую, лучшую половину (два окошка на улицу) занимал квартальный [с супругой]. Его нечего описывать, он не имел ничего особенного⁶, был обыкновенный квартальный надзиратель, форменный⁷ и растолстевший на службе царю и отечеству. Жена его — это дело другого рода, нельзя не описать, [грех смертный] не из дюжинных⁸; она довольно хороша собой, лет с небольшим двадцать, личико беленькое, румяненькое, волосы чёрные, бровки [выводит] колесом, говорят, будто она их подкрашивает⁹, ну да это грех невелик, — и [на фортепиано играет] по-французскому [немножко] знает¹⁰. Она слышит в околоте дамой образованной. С ней, брат, не сговоришь, одним словом ограничит, говорит Ив<ан> Ив<анович> Звер<обоев>, сосед их. И на фортепьяно забавляется, поёт «Безумную» и «Ты не поверишь» без нот и половину романа «Талисман» по нотам; когда её

¹ Слова: с белыми колоннами — вписаны карандашом над строкой.

² Слова: чуть ли не у крепостных дел где-то — вписаны карандашом над строкой.

³ Слова: вот, чтобы иметь всегда хлеб насущный — вписаны карандашом над строкой.

⁴ Далее: [Вот-с они]

⁵ Слово вписано чернилами над строкой.

⁶ Слова: не имел ничего особенного — вписаны чернилами над строкой.

⁷ Слово вписано карандашом над строкой.

⁸ Слова: не из дюжинных — вписаны чернилами над строкой.

⁹ Слова: колесом, говорят, будто она их подкрашивает — вписаны карандашом над строкой.

¹⁰ Слова: по-французскому [немножко] знает — вписаны чернилами над строкой.

просят спеть другую половину, она говорит, что ещё разыгрывает (вот уж года четыре). Она недавно вышла замуж [за Ива<на>] больше из интересу, а говорит, что из любви, но вы не верьте ей. Она немного кокетничает, как говорит Иван Иванович Зв<еробоев>, мигая одним глазом, и особенно не может равнодушно смотреть, когда по переулку едет офицер с чёрным или белым пером. Зовут её Анисьей Павловной.¹

Другую, худшую половину (одно окошко на улицу, и притом верхнее стекло открывается в виде форточки) занимает Ив<ан> Ив<анович> Зв<еробоев>. Он ходит в серых брюках, в белом пикетовом жилете летом, а зимой в форменном и во фраке с светлыми пуговицами. Шляпа у него прежде была горохового цвету, а теперь, говорят, купил чёрную, — всё это может [случит<ься>] быть. Служит он хорошо, забыл только, в каком месте (каж<ется>, в сиротском суде), имеет знак беспорочной службы и уж чуть-чуть не титулярный. От роду ему лет сорок, росту небольшого, немножко рябоват². Лицо цвету светлокоричневого с крас<ными> крап<инками>³, волосы заметно редеют, особенно на висках и на маковке; впрочем, он хочет казаться молодым человеком. Он имеет претензию на ум и с особенною важностью и смелостью повторяет суждения, вычитанные из журналов⁴, об наших [поэтах] писателях⁵. Особенно он [пленён] пленяется Пушкиным, — он купил у Сухаревой башни один том сочинений Пушкина, который и лежит у него всегда на столе. Говорят, будто он и сам [читал] писал стихи, и поэтому приходил к нему А. П. Сл<авин> просить оных для помещения в «Лит<ературный> каб<инет>», но он из скромности не дал, и поэтому публика не знает ничего об этих грехах его. Говорят также, что он жил на Зацепе, на квартире у одной купчихи третьей гильдии⁶, и, чего злые люди не навьдумают, будто бы так⁷, не платя за квартиру. Когда заговорят с ним об этом, то он всегда сморщит лицо своё и с важностью говорит, что точно жил на Зацепе, но, по разным сплетням, а более потому, что там нет хорошего общества, переехал сюда. Итак, это дело тёмное, может быть, последствия откроют.⁸ Теперь приступим к повести.

Была осень. Таинст<венный> полусвет вечера воцарялся над Москвой. Солнце гасло, утопая в розовом море зари. Грустно смотреть, как догорает день осенью. Только одно солнце и живет умирающую природу, и оно

¹ Фраза вписана чернилами над строкой.

² Слова: росту небольшого, немножко рябоват — вписаны карандашом над строкой.

³ Слова: Лицо цвету светло-коричневого с крас<ными> крап<инками> — вписаны карандашом над строкой.

⁴ Слова: вычитанные из журналов — вписаны чернилами над строкой.

⁵ Слово вписано карандашом над строкой.

⁶ Слова: третьей гильдии — вписаны карандашом над строкой.

⁷ Слово вписано чернилами над строкой.

⁸ Фраза вписана чернилами над строкой.

гаснет, как гаснет последний румянец на щеках умирающего. [Грустно смотреть на природу: слезы против воли являются на глазах. А взглянешь на людей — опять рассмеёшься. Ей-богу, рассмеёшься! (Последние лучи солнца играли...)]¹ Как посмотришь на природу во всём её величии] Иван Иванович сидел в своей комнате у окошка и наслаждался картиной вечера. Последние лучи солнца отражались на его стёклах, против него в почти-тельном отдалении сидел пожилой человек в драповом сюртуке, остриженный в скобку. Это был один купец сосед<ний>, котор<ого> мучила жажда просвещ<ения>, и он ходил к Ив<ану> Ив<ановичу> за книжками.

— Ну что, бат<юшка>, читали книжку-то? — сказ<ал> Ив<ан> Ив<анович>.

— Читал, да только не всю.

— А почему же не всю? — спрос<ил> Ив<ан> Ив<анович> с удивлением.

— Да так-с, занятого-то ничего нету-с.

— Ах, что вы говорите, Пушкин был величайший поэт, он, так сказать, облагородил русский стих, он первый [начал писать], так сказать, приучил нас читать² лёгкую поэзию.

— Оно, может быть, что другое и хорошо. А тут такое, что порядочно-му человеку совестно читать-с.

— Да вы что читали-то?

— А вот как какой-то граф к помещице в спальню пришёл. Ей-богу, неблагопристойно-с.

— Это, батюшка, значит, что вы отстали от веку, кот<орый> беспре-ст<анно> подвиг<ается> и быстр<ыми> шагами идёт вперёд.

— Вы это про кого говорить изволите, я что-то не понял-с. А вот послушайте лучше моё глупое слово.

— Что такое вы хотите сказать?

— Да вот в «Библиотеке для чтения», я брал её у приятеля недавно, там под статью «Геморрой» сказано — ст<атья>, деск<ать>, не для дам, ну так и тут бы оговорку сделать — статья, дескать, не для дам, там пускай себе читают, да сочинитель-то по крайности прав, не так ли-с?

— И, да разве вы не видите, что это каламбур. Бар Бар уж такой писа-тель, что вечно каламбуры пишет.

Тут почтеннейший гость раскланялся и ушёл домой. Ив<ан> Ив<ано-вич> принялся в десятый раз с громкими восклицаниями читать «Нулина». Потом поужинал и лёг спать, как и все поряд<очные> чиновники, в дес<я-том> часу³.

¹ Текст: смотреть на природу ~ лучи солнца играли...) — *вписан над строкой.*

² Слова: так сказать, приучил нас читать — *вписаны карандашом над строкой.*

³ Слова: как и все поряд<очные> чиновники, в дес<ятом> часу — *вписаны чернилами над строкой.*

Вы думаете, что и конец; нет, это ещё только начало. Иван Ив<анович> долго лежал, устремивши взоры в потолок, и думал о чём-то, пот<ом> погасил свечку и заверн<улся> в одеяло. Но сколько он ни старался, уснуть никак не мог. Воображение его, настроенное чтением «Нулина», и соседство хор<ошенькой> жены квар<тального>¹ рисовало ему разные курьёзные вещи, и вместе с тем что-то тяжёлое давило ему сердце. Вот он встал [похо<дил>] с постели, высек огню, закурил трубку и сел под окошко.

На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчётам полиции², должен был светить месяц, потому и не зажигали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно. Только один фонарь подле будки изливал тусклое сияние, и лучи его падали прямо на окошко. Ивану Ив<ановичу> [стало] было душно, он опять поход<ил> по комнате, подошёл к окну и открыл форточку, но это не помогало, какое-то неизвестное томление тревожило его душу. Вот он встал на колени на окошко и положил свою голову в форточку, свежий ветер дул ему прямо в лицо, крупные капли дождя падали с крыши прямо ему на нос — это его немного освежило. Он взглянул на будку — хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия [разливалась] отражалась на его лице и во всех движениях.³ Вот подошёл к нему [хожалый] другой будоч<ник> [гораздо подойдя]⁴.

1. Що, Трохеме, а який час?

2. Та вже часов дисять е.

1. Еге, а где ты був?

2. Та с фартальным ходили.

1. А где ж вин дивався?

2. Та где, — у Браилови.

1. Еге — а що там?

2. Та що, яки-то [купцы] немци⁵ гуляют.

1. Еге.

2. И музыка грае и якого-то вальца [пляшут] танцуют⁶.

1. Еге, а горилку пьют? — сказал, делая горлом, как будто что глотает.⁷

2. Та як пьют, без усякой лепорции [и рассуждения].

1. Ну, а вин що?

2. Пив, пив и горилку, и пиво, и усе, та як у пляс пустится, так у во всей офииии беда.

¹ Слова: соседство хор<ошенькой> жены квар<тального> — вписаны чернилами над строкой.

² Слово вписано чернилами над строкой.

³ Фраза вписана чернилами над строкой.

⁴ Слова: гораздо подойдя — вписаны чернилами над строкой.

⁵ Слово вписано чернилами над строкой.

⁶ Слово вписано чернилами над строкой.

⁷ Фраза: сказал, делая горлом, как будто что глотает — вписана карандашом над строкой.

1. Еге.

2. Я ну швыдче от биди втикати.

В голове Ив<ана> Ив<ановича> родилась ужасная¹ мысль. Квартального нет дома, Анисья Павловна одна, подумал Ив<ан> Ив<анович>, и «Гр<аф> Нул<ин>» пришёл ему на память. «Авось», — сказал Ив<ан> Ив<анович> с глубоким вздохом². Тут он³ слез с окна, надел халат и начал ходить по комнате, собираясь с духом⁴; душа его вертелась между страхом и надеждою. Вот он подошёл к двери, взялся за скобку, подумал немного и опять назад. Тут он начал гадать, зажмурил глаза, хоть в комнате было так темно, как в царстве Плутона, повертел пальцем кругом пальца и начал медленно сводить; первый раз сошлись, второй — нет и третий сошлись, в четвёртый — нет.⁵ Потом раза три он подходил к двери, наконец решился. [Растворил] Дверь скрипнула. Анис<ья> Пав<ловна> лежала на постели и читала что-то, вдруг она опуст<ила> книгу и устремила свои огненные взоры на Ив<ана> Ив<ановича>; он сконфуз<ился> решительно.

— Я так-с, я, ей-богу, ничего-с, не нарочно погасил свечку-с, — пробормотал Ив<ан> Ив<анович> и, остановившись у дверей, целомудренно⁶ запах[нул] рук[ами] халат свой кругом шеи.

— Взойдите, Ив<ан> Ив<анович>, — сказала, наивно улыбаясь⁷, Анисья Павловна.

Ив<ан> Ив<анович> нерешит<ельными> шагами подошёл к кровати.

— Как это вам не стыдно, Ив<ан> Ив<анович>, ход<ить> к даме в спальню, — сказ<ала> Ан<исья> Пав<ловна> шутилив<ым> тоном.

Ив<ан> Ив<анович> хотел что-то сказать, но запутался в словах.

— Сядьте, Ив<ан> Ив<анович>, что вы стоите [присядьте].

Ив<ан> Ив<анович> сел на стул подле кровати. Молчание.

— Ах, вы не поверите⁸, как мне бывает⁹ скучно, Ив<ан> Ив<анович>, — сказ<ала> Ан<исья> Пав<ловна>, повысивши голос на два тона и прищуриив глазки. По коже¹⁰ Ив<ана> Ив<ановича> пробежал¹¹ мороз с головы до пяток и обратно.

— Муж редко бывает дома, всё одна да одна, да вот до которой поры нейдёт, ужасная скука.

¹ Слово вписано чернилами над строкой.

² Слова: с глубоким вздохом — вписаны чернилами над строкой.

³ Слова: Тут он — вписаны чернилами над строкой.

⁴ Слова: собираясь с духом — вписаны чернилами над строкой.

⁵ Текст: Тут он начал гадать ~ в четвёртый — нет. — вписан чернилами над строками.

⁶ Слова: и, остановившись у дверей, целомудренно — вписаны чернилами над строкой.

⁷ Слово вписано чернилами над строкой.

⁸ Слова: вы не поверите — вписаны чернилами над строкой.

⁹ Слово вписано чернилами над строкой.

¹⁰ Слова: по коже — вписаны чернилами над строкой.

¹¹ Слово вписано чернилами над строкой.

— Да они, я думаю, и не придут-с [они, кажется, немножко тово-с, загуляли-с], — сказал Ив<ан> Ив<анович> с пленит<ельной> улыб<кой>, потом покраснел и замолчал.

— Ах, Ив<ан> Ив<анович>¹, [как вы не развязны] что это вы так конфузитесь²? — сказала Анисья Павловна тоном откровенности. — Вот я знаю одного студента, такой молодой, с чёр<ными> усиками, тот гораздо развязнее.

— Вы читали «Гр<афа> Нул<ина>»? — сказ<ал> Ив<ан> Ив<анович>, ободряясь.

— Так что же, вы боитесь такой же развязки; может быть, я буду не так строга.³

Но оставим их и посмотрим, что делается на улице.

Женщина немолодых⁴ лет, [в] покрытая⁵ красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

— Служивой!

— Що тобі?

— Не знаешь ли, голубчик⁶, где тут живёт чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечереи ишу, с Зацепы шла.

Буд <о ч н и к>. Та бог его знает, [сказ<ал> Буд<очник>, почёсывая затылок] как его знать, чего не знаешь.

— Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пяточка не пожалею, только бы найти бездельника.

— Та а бог его знает.

— Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

Буд <о ч н и к>. Та как его знать, чего не знаешь.

— В серых штанах ходит.

Буд <о ч н и к>. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

— И в [горохо<вой>] белой пуховой шляпе. Одна в Москве.⁷

Буд <о ч н и к>. Такого видал.

— Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечереи ишу, с Зацепы шла.

Б<удочник>, почёсывая затылок⁸: «Шляпа-то важная».

¹ Слова: Ив<ан> Ив<анович> — вписаны карандашом над строкой.

² Слова: что это вы так конфузитесь — вписаны карандашом над строкой.

³ Текст: Вы читали ~ не так строга. — вписан чернилами над строками.

⁴ Слово вписано чернилами над строкой.

⁵ Слово вписано чернилами над строкой.

⁶ Слово вписано чернилами над строкой.

⁷ Фраза вписана чернилами над строкой.

⁸ Слова: почёсывая затылок — вписаны чернилами над строкой.

<Купчиха> толкает его под бок: «Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла»¹.

Б <у д о ч н и к >. Та що ты дерёшься; не в указные часы шатается по улицам, та ещё и дерётся, та ещё, може, так, потаскуша якая.

— Нет не потаскуша, а [Московское купечество] купчиха московская, мой муж-то две медали имел².

— Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера, — сказал он с пренебрежением, показывая на дом, — ступай соби.

Вдруг сильные удары посыпались в окошко.

— Не муж ли это, посмотрите, Ив<ан> Ив<анович>, — сказ<ала> Ан<исья> Пав<ловна>.

Иван Ив<анович> припод<нял> занав<еску>, взгл<янул> в окно и начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшается, — в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза.

— Что там? — сказ<ала> Ан<исья> Пав<ловна>³.

— Так, ничего, пьяный какой-то [стучится] ломится⁴.

Вот стук начал утихать. Ив<ан> Ив<анович> несколько успокоился. Вдруг дверь растворяется настежь, и моск<овская> куп<чиха> [на⁵ сцену (кухарка дум<ала>, что стуч<ит> кварт<альный> и отперла)] в передней⁶. Ив<ан> Ив<анович> прыгн<ул> туда же, захлопнул за собою дверь и заслонил своей персоной⁷.

— Так-то ты, бездельник, дел<аешь>, так-то ты за мою хлеб-соль да за доброе сердце благодаришь, и глаз не кажешь, и не видать тебя, с вечерен ишу, с Зацепы шла, — и она прослезилась.

Ив<ан> Ив<анович> хот<ел> гов<орить>, но язык прильнул к гортани.

— Так ты меня совсем покинуть хочешь, нет, не позволю, не дам себя в обиду, чтобы ты надо мною, над беззащитной вдовой, насмеялся⁸, до ена-рала пойду.

— Ах, какой вы непостоянный кавалер, Ив<ан> Ив<анович>, — слыш<ался> голос Ан<исьи> Пав<ловны> из другой комнаты⁹.

— Это ещё [кто] там у тебя, пусти меня [туда], варвар, уж и обзавестись успел¹⁰, пусти, я там¹¹ крамболя [сделаю] наделаю.

¹ Слова: измаялась, вся душа изныла — вписаны чернилами над строкой.

² Слова: купчиха московская, мой муж-то две медали имел — вписаны чернилами над строкой.

³ Слова: сказ<ала> Ан<исья> Пав<ловна> — вписаны чернилами над строкой.

⁴ Слово вписано чернилами над строкой.

⁵ Далее вписано над строкой: [кухню]

⁶ Слова: в передней — вписаны чернилами над строкой.

⁷ Слова: захлопнул ~ своей персоной — вписаны чернилами над строкой.

⁸ Слова: не дам ~ насмеялся — вписаны чернилами над строкой.

⁹ Слова: из другой комнаты — вписаны чернилами над строкой.

¹⁰ Слова: варвар, уж и обзавестись успел — вписаны чернилами над строкой.

¹¹ Слово вписано чернилами над строкой.

Ив<ан> Ив<анович> защитил [своей перс<оной>] собою дверь. Ан<исья> Пав<ловна> наход<илась> в осажд<ённом> положении, дама в красн<ом> плат<ке> уже¹ [приготовилась осаждать] начала приступ, как вдруг является кварт<альный> надзиратель, поддерж<иваемый> будочниками. Тут началась ужасная сцена: [Анисья Павловна вскоч<ила> с постели] одна бросилась на кварт<ального> с упрёк<ами> за распутство, другая — на Ив<ана> Ив<ановича> с упрёками за неверность.² Моё перо не в состоянии достойно описать этого.³ Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро [всё объяснилось] всё утихло⁴ и кончилось мировой.

---

¹ Слова: Ан<исья> Пав<ловна> наход<илась> в осажд<ённом> положении, дама в красн<ом> плат<ке> уже — вписаны чернилами над строкой.

² Слова: одна бросилась ~ с упрёками за неверность — написаны на полях.

³ Фраза вписана над строкой.

⁴ Слово вписано чернилами над строкой.

<ОЧЕРКИ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ>

ЗАМОСКОВОРЕЧЬЕ В ПРАЗДНИК

Когда у нас за М<осквой>-р<екой> праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришёл, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон [нигде нет таких больших и [гулких?] звучных колоколов, как у нас за М<осквой>-рекой] во всём Замоскворечье¹. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замосквор<ечью> пахнет пирогами².

Но я, благодаря удобному случаю, опишу праздничный день с начала до конца по порядку. У нас [праздничный день начинается] праздник начинается с четырёх часов утра: в четыре часа все порядочные люди, состав от сна, идут к обедне. Посетители ранних обеден здесь резко отличаются от посетителей поздних. Первые большею частью солидные люди: купцы, пожилые чиновники, старухи-купчихи и простой народ. Вообще все старшие в семействе ходят к ранней обедне. И здесь вы не увидите ни разноцветных нарядов, ни карикатурного подражания высшему обществу, а напротив того — истинная и смиренная набожность равняет все звания и даже физиономии. Тут нет для почётных лиц почётных мест, где кто стал, там и молится. Вот пришёл купец, миллионщик, лицо почётное, [которому все в пояс кланяются, он идёт тихо, становится в уголок и молится, и вот входит его последний работник] помолился, ему все кланяются, и вот входит его последний работник, которому задний двор всегдашнее пребывание, — пришёл, поклонился три раза, встряхнул кудри и стал кланяться на все стороны, и ему все кланяются. И как торжественно [и плодотворно в этой тишине в ранний час утра³] в тишине и полусвете ранней обедни текут от алтаря громкие возгласы вечной истины. [Как плодотворна молитва в ранний час утра, возделанная душа приносит плод.]

Но вот отходит обедня, народ выходит из церкви, начинаются поздравления, [толки о том и сём] собираются в кучки⁴, толки о том о сём, и житейская суeta начинается. От обедни все идут домой чай пить, и пьют часов до девяти. Потом купцы едут в город тоже чай пить, а чиновники [едут] идут⁵ в суды приводить в порядок сработанное в неделю. Дельная часть Замоскворечья отправилась в город: Зам<оскворечье> принимает другой вид. Начинаются приготовления к поздней обедне: франты идут в цирюльни

¹ Слова: во всём Замоскворечье — вписаны над строкой.

² Здесь надобно заметить, что нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за М<осквой>-р<екой>, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запаха которых распространяется по целому кварталу. С этой стороны похожа на Замоскворечье только Таганка. — Примеч. А. Н. Островского.

³ Слова: в ранний час утра — вписаны на полях.

⁴ Слова: собираются в кучки — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

завиваться или мучаются перед зеркалом, повязывая галстук; дамы рядятся. Что это у нас за франты за М<осквой>-р<екой>, как одеваются; вот уж можно сказать, что со вкусом. У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мод<а> — пост<оянный>, неистощимый предмет насмешек¹, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде. Не только у нас за М<осквой>-р<екой>, да и в остальной-то части Москвы не все² [то есть очень немногие] понимают, что мода есть тот же прогресс, хотя чисто фактический, бессознательный, а всё-таки прогресс. А попробуйте убедить в этом, так вас сочтут за вольнодумца и безбожника. [А у нас] За М<осквой>-р<екой> понятия о моде совершенно враждебные. У нас говорят: «С чего это вы взяли, чтобы я стал себя уродовать, — талия чёрт знает где; что я за [дурак] паяц³, чтобы стал подражать моде. Надо [одеваться к лицу] уметь⁴ одеться к лицу, что кому пристало». И одеваются к лицу. В костюмы своего изобретения. Напр<имер>, зелёный плащ и белая фуражка без козырька или узенький фрак, до бесконечности широкие шаровары и соломенная шляпа. [Женщины (большая часть)⁵ в этом отношении решительно умнее мужчин, они слепо веруют моде и решительно идут вперёд.] И с какой торжественной улыбкой, с каким гордым взглядом ходит по Замоск<воречью> человек, одетый к лицу; тогда как в душе человека, который надевает модный фрак или сюртук, совершается драма; он раз пять подходит к зеркалу поглядеть, не смешон ли он; если идёт куда, то крадётся сторонкой, точно контрабандист; а взгляните на него попристальней, так он переконфузится до смерти. Но об моде когда-нибудь в другой раз, а теперь о празднике. Но виноват, позвольте, надобно что-нибудь сказать [о дамах] о дамских нарядах⁶. Вы увидите часто купца в костюме времён Грозного и рядом с ним супругу его, одетую по последней парижской картинке. Впрочем, этого нельзя сказать обо всех, и есть великолепные исключения. Некоторые дамы [к обыкновенным костюмам велят прибавить что-нибудь своего изобретения, чтобы было...] имеют обыкновение изменять модным⁷ костюмам, прибавляя что-нибудь своего изобретения. Это обыкновенно так делается: приезжают в магазин, выбирают себе [чепчик или мантилью, и велят при себе прибавить что-нибудь — цветочков или ленточек, чтобы было понаряднее (как они говорят)] шляпку, [или] чепчик или мантилью, по несколько раз примеривают, разглядывают со

¹ Слова: Мод<а> — пост<оянный>, неистощимый предмет насмешек — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: большая часть — вписаны над строкой.

⁶ Слова: о дамских нарядах — вписаны над строкой.

⁷ Слова: имеют обыкновение изменять модным — вписаны над строкой.

всех сторон и говорят, что это очень просто¹, и велят при себе прибавить что-нибудь — цветочков или ленточек, чтобы было понаряднее. А понаряднее значит у нас поразноцветнее. Нелишним считаю сказать, что [иные] некоторые дамы имеют [особую привязанность] к иным цветам особую привязанность, одна любит три цвета, другая четыре; и что бы они ни надели, все любимые цвета непременно присутствуют на их костюме. Барышни относительно цветов разделяются на две половины: одни любят голубой цвет, а другие розовый. Молодые люди также не совсем равнодушны к голубому цвету, и на редком вы не встретите что-нибудь голубенькое. Причины этому, я полагаю, следующие: первая, голубой цвет — цвет небесный, а душа в невинном состоянии находится с лазурью небесной в дружественном отношении; вторая, голубой цвет значит верность. Впрочем, я это только полагаю, а наверное сказать не смею. Так вот-с, начинаются поздние обедни — там вы увидите и франта, одетого к лицу, и купчиху mille colorum. Обедни продолжаются часу до двенадцатого. Потом все идут обедать: к этому времени чиновники и купцы возвращаются из города. С первого часа по четвёртый улицы [Замоскворечья] пустеют, и тишина водворяется; в это время² все обедают и потом отдыхают до вечереи, то есть до четырёх часов. В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров; Замоскворечье просыпается и потягивается. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины. [Идите] Идя по улице в этот час дня, вы можете любоваться этими картинами направо и налево. Вот направо, у широко распахнутого окна, купец, с окладистой бородой³, в красной рубашке для лёгкости, с невозмутимым хладнокровием уничтожает кипящую влагу, изредка поглаживая [бороду] свой корпус в разных направлениях — это значит по душе пошло, то есть по всем жилкам. А вот налево чиновник, полузакрытый ерantly, в татарском халате, с трубкой Жукова табаку, то хлебнёт чаю, то затянется и пустит дым колечками. Потом [самовары] и чай убирают, а пившие оный остаются у окон прохладиться и подышать свежим воздухом. Чиновник за ерantly берёт гитару и запекает: «Кто мог любить так страстно», а купец в красной рубашке берёт в руки камень либо гирию фунтов двенадцати. Что вы испугались? Как же <е> не испугаться: да зачем же у него камень-то в руках, — ведь это шуточки плохие. Нет, ничего, не беспокойтесь! Он гражданин мирный⁴. Вот посмотрите: подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощёлкивает, то по одному, то вдруг по два да по три, — пощёлкивает себе, да и знать никого не хочет. Нет, вы, пожалуйста,

¹ Слова: по несколько раз примеривают ~ это очень просто — *вписаны над строкой.*

² Слова: в это время — *вписаны над строкой.*

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: он гражданин мирный — *вписаны над строкой.*

не беспокойтесь. После вечерен люди богатые (то есть имеющие своих лошадей)¹ едут на гулянье в Парк или Сокольники, а не имеющие своих лошадей целыми семействами отправляются куда-нибудь пешком; прежде ходили в Нескучное, а теперь на Даниловское кладбище. А если праздник зимой, так проводят время в семействе. Общества совершенно нет, в театр не ездят. Разве только на Святках да на Масленице, и тогда берут ложу и приглашают с собой всех родных и знакомых. Смотреть ездят «Русалку», «Пилюли», «Аскольдову могилу» и прочее. Вот что ещё замечательно: что водевиль, дающийся после пьесы, считается продолжением её. Ложатся спать в девятом часу, и в девять часов всё Замоскв<оречье> спит. По улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите².

ДВЕ БИОГРАФИИ

Два раза в день по Москворецкому мосту проходит чиновник: в девятом часу утра и в третьем часу дня. Я его видал часто, и если вы хотите его видеть, ступайте в эти часы на Москворец<кий> мост и непременно увидите. Но если вы его увидите, не трудитесь разгадывать жизнь его и душу по физиономии; как бы вы ни были искусны в физиономике, вы ничего не разгадаете.

Поутру он идёт в присутствие с угрюмым видом; не хочется ли ему идти в должность, работал ли он всю ночь, или у него болит голова с похмелья, — вы этого никак не разберёте. Возвращается домой с весёлой улыбкой, и вы опять не разберёте, отчего он улыбается, — взял ли он взятку или мысленно обедает. Нет, вы не трудитесь, а вот лучше я вам расскажу его [жизнь] биографию, которую слышал от него самого.

На Зацепе, недалеко от церкви Флора и Лавра, [на широкой немощёной] стоял небольшой серенький домик; пять окошек смиренно смотрели на широкую немощёную улицу, которая неизвестно почему наз<ывалась> Дворянской³. В этом доме жил поседевший на служ<бе> чиновник Зверобоев⁴ с женой и их семейство: Максимка, Домна (и нянька, и кухарка) и маленький сын Яша. Этот-то Яша и есть герой нашего рассказа. Первое счастливое и ничем не возмутимое время детства провёл он на этой Дворянской улице в играх с [товарищами] соседними ребятишками⁵. То пускали змей, то играли в бабки, а если была погода мокрая, отчего обыкновенно вся Дворянская улица превращалась в одну лужу, они делали из бумаги лодочки и пускали их по воде; зимой снежки и горы⁶.

¹ Слова, заключённые Островским в скобки, вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: которая неизвестно почему наз<ывалась> Дворянской — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: соседними ребятишками — вписаны над строкой.

⁶ Слова: зимой снежки и горы — вписаны над строкой.

Но недолго он пользовался этой свободой. Однажды¹ отец его, воротясь из присутствия, подозвал его к себе и решительным голосом [объявил] сказал² ему: «Полно тебе по улице-то шляться, баклуши-то бить — пора за дело приниматься» — и с этим словом вынул из кармана книжку, которую он купил мимоходом³ [на Москв<орецком> мосту это] [у носящего]⁴ у Ифимивского сада. Вот тебе, Яшка⁵, азбука. [В воскресенье сходили на обед] За обедом толковали о том, когда начать ученье, выбирали лёгкий день и положили отслужить в воскресенье молебен и начать азы. К тому же времени⁶ Максимке [мальчишке] велено было выточить из лучинки указку. Максимка учился в приход<ском> училище и был художник на эти вещи. Все эти приготовления до крайности пугали Яшу, и он дожидался воскресенья, как смертной казни.

Вот пришло воскр<есенье>, [ученье началось] после молебна начался торж<ественно> первый урок. Посадили Яшу за стол, дали ему в руки указку. О<тец> сел подле него, подле стола стояла мать, несколько расстроенная, из-за двери выглядывали Домна и Максимка⁷. Предварительно, в виде введения, отец сказал Яшке: «Если ты эту азбуку изорвёшь, так я тебя для первого раза выпорю; за неё, дурак, деньги плочены».

Первый урок прошёл для нашего героя довольно счастливо, зато последующие обходились ему не так дёшево. Причина этому была та, что учил Яшу сам отец, и время уроков было после обеда (поутру Зв<еробоев> был в должности, а вечером занимался работой дома). Ив<ан> Ив<анович> возвращался из присутст<вия> обыкновенно усталый и голодный и, нимало не медля, выпивал водочки и потом⁸ с необыкновенным аппетитом принимался обедать. За обедом он выпивал довольно водочки, и после обеда ему необходимо было соснуть немножко, а тут Яшка подвёртывался с азбукой, ну за это и платился он, вымещалось на нём всё — и усталость, и дремота, и выпитая водка.

Упал духом наш Яша. Поутру другие мальчики играют на улице, а его мать посадит за книгу, а сама уйдёт хозяйством заниматься. Учись не учись, а с места встать не смей. Твердит Яша азы да поглядывает в окошечко. Опротивела ему наука пуще бог знает чего.⁹

Наконец Яша выучил азбуку всю от доски до доски. [Да я и забыл вам сказать, что эту азбуку. Эта азбука была обыкновенная] А эта азбука была

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: у носящего — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слова: к тому же времени — вписаны над строкой.

⁷ Текст: Посадили Яшу за стол ~ выглядывали Домна и Максимка. — вписан на полях.

⁸ Слова: выпивал водочки и потом — вписаны над строкой.

⁹ Текст: Упал духом наш Яша ~ пуще бог знает чего. — вписан на полях.

следующего содержания: сначала буквы и склады, потом необходимые для жизни правила, как-то: будь благочестив, уповай на Бога и проч^{<ее>}, после этого четыре стихии, семь смертных грехов и в заключение — помни последняя твоя: смерть, суд и геенну огненную. Эта азбука за М^{<о-сквой>-р^{<екой>}} в большом употреблении. И Яша выучил эту азбуку изнусту по порядку и в разбивку.

Требовалось дальнейшее усовершенствование. А средств к этому не предвиделось. Отец не знал, чему учить его после азбуки, да уж ему и надоело, правду сказать. Отдохнул было наш Яша немножко. Но вдруг, на беду его, судьба загнала к ним в дом семинариста, дальнего родственника отца его. Х. Х. Расположенский, окончив курс, пришёл к ним погостить до приискания места¹. Семинариста приняли с распростёртыми объятиями.

— Вот, батюшко, поучи у меня дурака-то, — сказал У. У.

Привели Яшу.

— Ну, теперь, Яшка, держи ухо востро. Я, брат, тебе заранее говорю: ты уж лучше учись охотой, а то ведь и заставлю учиться, я, брат, сам был [баловник] лентяй² большой; меня колотили, колотили да так и отступились, а уж от тебя-то я не отступлюсь, ты будешь лениться, а я тебя сечь. От нас прежде ученья-то не спрашивали, так меня, брат, посекали, посекали да махнули рукой, а теперь, брат, от вас³ науки спрашивают, так я тебя хоть по два раза в день буду сечь, а уж выучу.

— Хотя корни учения горьки, но плоды оного сладки, — сказал семинарист.

Яша заплакал. О^{<тец>}:

— Что ты, дурак, плачешь, будешь хорошо учиться, так кол^{<лежским>} ас^{<ессором>} [будешь] сделают⁴.

Началось новое ученье; Яша с испугу учился очень хорошо; он имел от природы большое дарование, а именно смекательность, но он был боек и проворен в ответах, а это ужасно беспокоило семинариста, ему казалось это каким-то⁵ пороком, который хуже лени; в голове его наука и трепет были понятия неразрывные. Думал, думал сем^{<инарист>}, отчего это ребёнок отвечает весело и быстро на вопросы его, а не сложа на груди руки и с подобающим смирением; это очень беспокоило его. Наконец сем^{<инарист>} вспомнил, что по неопытности своей во учительском ремесле он пропустил один очень важный предмет в образовании. Он ударил себя рукой по лбу и пошёл к отцу Яши. Тот лежал на диване; семинарист, ходя по комнате из угла в угол и заложивши руки назад, начал приступ к своей

¹ Фраза вписана над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: от вас — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

речи (он ничего не начинал без приступа). После приступа, в котором главной темой было то, что хотя корни учения горьки, но плоды одного сладки, семинарист высказал свою мысль, что Яшу не худо сечь по субботам, собственно, для того чтобы Яша боялся и понимал, что наука есть дело важное, а не забава. Отец сказал:

— Мне какое дело, как хотите, так и делайте, вы лучше знаете.

И начали Яшу сечь по субб<отам>. Для сем<инариста> было очень весело разыгрывать роль учителя, когда он сам был до двадцати пяти лет подбострастным учеником, а для Максимки, которого самого секли в пр<иходском> училище каждую суб<боту>, приятно было исправлять должность екзакутора. Каково-то было Яше. Заступилась было за него мать; но её легко было убедить, что [своего] если и бьют её Яшу, то это¹ делается для его же счастья, что корни учения горьки, а плоды одного сладки, что за битого двух небитых дают, и она, скрепя своё материнское сердце, позволила учить Яшу грамматике той же мучительной методой, какой медведей плясать учат. Восстала было нянька Яши, Домна, но и ту скоро убедил Максимка тем, что и генеральских детей секут, когда учат. Бедный Яша только и вздохнёт, бывало, когда вырвется в воскресенье погулять на улицу. Да и тут наука ревнивым оком следила за его весельем. Заиграется ли он очень, тут заворчит на него нянька: «Хоть бы тебя за книгу пригодили хорошенько».

Можете себе представить, как опротивела ему наука, которая только что ещё начиналась для него. К счастью его, семинарист нашёл себе место и поступил куда-то в дьяконы, а его отдали в учебное заведение. Здесь бы следовало описать это заведение, но так как оно было не за М<осквой>-р<екой>, то и не подлежит нашему рассказу, и скажем об нём столько, сколько оно имело влияния на Яшу. Здесь предстали ему науки в той дикой педантической [виде] методе², которая [отталкивает молодое сердце] пугает³ [мол<одой>] свежий ум⁴, [Здесь предстали]⁵ в том мёртвом и холодном образе⁶, который отталкивает молодое сердце, открытое для всего живого. [Сердце] Душа⁷ юношеская открыта, как благоухающая чашечка цветка, она ждёт, она жаждет оплодотворения, а кругом её сухая атмосфера капризной, бестолковой схоластики; душа, как цветок, ждёт [росы] влаги⁸ небесной, чтобы жить и благоухать, а схоластик норовит оторвать её от питающего стебля и высушить искусственно между листьями фолианта. [Посудите сами...]

¹ Слова: если и бьют её Яшу, то это — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: свежий ум — вписаны над строкой.

⁵ Слова: Здесь предстали — вписаны над строкой.

⁶ Слова: в том мёртвом и холодном образе — вписаны над строкой.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ Слово вписано над строкой.

В юношеские годы впечатления очень сильны и часто на всю жизнь оставляют следы на душе, а как болезненно и тяжело впечатление науки. После неприятной встречи с наукою в молодости человек едва ли захочет встретиться с ней в другой раз. Обыкновенно бойкие дети более всего привязываются к математике, это говорит не столько в пользу мат<ематики>, сколько в пользу её преподавания, потому что сущность мат<ематики> допускает менее схоластики и наука сама себе и форма и содержание. И Яша пристрастился к математике. Но у них в заведении был странный спор между словесностью и мате<матикой>; учитель словесности с учителем математики были враги и наперерыв старались доказывать: один — вред мат<ематики>, а другой — вред словесности. Ученики также разделялись на две партии. Для тех, которые были потупее и поприлежнее, легче было учить наизусть риторiku, чем алгебру, а для тех, которые были подаровитее и поленивее, легче было смекнуть умом, чем учить наизусть то, чего никаким умом не смекнёшь и не оправдаешь¹. У одних девизом был Кошанский и риторика, а у других — Франкёр и алгебра. Одни преследовали других беспрестанно. И даже сочинены были стихи на этот случай, в которых описан спор поэта с математиком. Эти стихи оканчивались так:

Схватил сын Феба за пучок
Глупца, количеством венчана
И, дав ему один толчок,
Поверг на землю бездыханна, —

чем и доказывалось окончательно преимущество словесности.

Был ещё в заведении спор между старыми языками и новыми. Учителя старых языков, посевшие над грамматиками и хрестоматиями, косо смотрели на молодых иностранцев; а немцы и французики, не знавшие ничего, кроме своего языка, говорили, что и не надобно [знать] ничему учиться, стоит только выучиться по-фр<анцузски> или по-нем<ецки>, что для жизни нынче ничего не спр<ашивают>, ни лат<инского> и греч<еского>, а знай по-фр<анцузски>, так будешь принят в лучшие дома в Москве. Ко всему этому начальник заведения был человек жестокий и подозрительный. Чудный был у него характер, на всякого мальчика он смотрел подозрительно. Бойкие и шалуны меньше занимали его, и он был с ними гораздо ласковее, напротив, тихие и робкие, особенно из первых учеников, очень беспокоили его, он следил за каждым их шагом, за каждым движением. И как он был рад, когда поймает, бывало, их в какой-нибудь шалости.

Вот кончено ученье — лучшая половина жизни прошла в приготовлении человека для службы и общества. Как же его приготовили? А вот как: врождённые инстинкты или не развиты, или убиты в зародыше. Эстетическое чувство, способность мыслить, воля... что ж осталось в Яше для

¹ Фраза вписана на на полях.

службы и общества? Осталась одна русская сметка. Но этой сметки мало для жизни. С этой сметкой он иногда быстро смекнёт, быстрее других¹, в каком-нибудь юридическом случае, кто прав, кто виноват, но [с этой же] [не имея]² он никогда не постигнет сущность этой науки, никогда не найдёт той точки, с <которой> может окинуть весь горизонт науки со всеми его частностями и случайностями. С этой сметкой он выгодно купит несколько сажен дров, но никогда не устроит порядочно своего хозяйства. Одним словом, с этой сметкой человек действует и в семействе, и в общ<естве>, и в службе как партизан.

И вот наш Яша, кончивши ученье нравственным калекой, с умом, устроенным наподобие иррегулярной конницы, вступает в свет. Теперь он захотел в<о>спользоваться свободой и целый год провёл отдыхая, т<о> е<сть> ничего не делая. [В этот год] Ходил по Москве, по гуляньям, осматривал достопамятности, сходил к Троице, в Косино, в Новый Ерусалим, одним словом, вёл жизнь совершенно рассеянную; он так был рад своей свободе, что забыл вместе с науками и всё своё детство — ему казалось, что он только [недавно родился] теперь начал существовать, а всё прошедшее казалось ему каким-то неясным. Наконец и это счастливое время прошло, надобно было поступать на службу; отец определил его куда-то, где у него был знакомый секретарь, но, исполнивши этот долг, умер скоропостижно.

Яша остался в доме хозяином, мать-то старуха едва ноги таскала [ноги]. Наследство у них осталось [небольшое] порядочное: домик³ на Зацепе да деньжонок 1000 или [2] 4; а Яша, кроме жалованья 60 руб<лей> в год, приобрести ничего не мог: надобно было жить по<скромнее>. [Продали] Дом-то они продали, а сами переехали на квартиру неподалёку. [Мать-то считала⁴ Яшу необыкновенным умником и хозяином и не требовала от него отчёта. Не имея до сих пор своей воли и не зная цены деньгам, Яша начал тратить⁵ их без расчёту] Тут он стал носить [разноцветные] жилеты эдакие и галстуки всякие разноцветные, ходил из присутствия завтракать в трактир, [ездил домой] начал домой ездить на лихих извозчиках. [Вскоре сделался предметом сплетней замоскворецких и зависти своих сослуживцев.] А у нас народ, знаете, какой: те же самые, которые льстили ему да хвалили его [сюртуки и жилетки] и ходили с ним завтракать на его счёт, [возвратясь домой, рассказывали с сожалением, что кутит малой напропалую, что скоро всё прогуляет] начали над ним подсмеиваться: жаль, говорят, малова-то, глуп ещё. А остановить некому. Вот и пошёл разговор по Замоскворечью: [целый месяц] только и [говорили] слов, что про Яшу.

¹ Слова: быстрее других — вписаны над строкой.

² Слова: не имея — вписаны над строкой.

³ Было: дом

⁴ Далее: [своего Пашечку]

⁵ Было: трати[л]

Сойдутся ли [почтенные люди] Пётр Ив<анович> с Ив<аном> Петр<овичем>, сейчас разговор:

— Слышали, [Ив<ан>] Пётр Ив<анович>, как Зверобоев-то кутит?

— Как же, Ив<ан> Петр<ович>, не слышать! Запивает, говорят.

— Какое запивает! [Вчера] Вот недавно у цыганок руб<лей> 300 в один вечер про[финтил]гулял.

— Неужели! Да от кого же вы это, Ив<ан> Петр<ович>, слышали?

— От кого! Мой сын Гриша был с ним. Приехал домой-то пьянёхонек. Я было на него, знаете ли, и прикрикнул: как, мол, ты смеешь в таком виде домой являться? — Да что же, говорит, тятенька, ведь я не на свои пил; Зверобоев угощал. И то сказать, человек молодой, отчего не выпить, коли кто сдуру-то попотчует.

— Ну всё бы, Ив<ан> Пет<рович>, как бы нибудь этак, остановить что ли, или так как-нибудь, иносказательно т<о> е<сть>.

— Кому это останавливать-то, Грише-то, что ли? Да что он ему, отец или опекун какой [достался]? Сам виноват, коли жить не умеет, ведь его к цыганкам-то не за ворот тащат. А позовёт, так отчего ж не ехать, и я бы поехал.

[Сойдутся ли дамы — опять о Яше.

— Слышали, Мар<ья> Тих<оновна>, Зверобоев-то себе новый фрак шьёт.

— Да ведь у него и так два.

— Нет, три-с, — перебила девочка лет 15-ти, которая вот уж года два сидела в гостиной за пальцами и, казалось, не обращала внимания ни на что окружающее, но которая знала все новости Зам<оскворечья>¹ не хуже своих пальцев и пальцев. — Один голубой, другой зелёный с бархатным ворот<ником>, а третий чёрный.

— Так теперь, мат<ушка> Марья Тихоновна, он четвёртый шьёт — каков?

— Да² вы это, Мат<рёна> Пет<ровна>, это наверное знаете?

— Ещё бы не наверное! Я, кажется, никогда не лгу, сами знаете. У моей³ няньки есть племянница, живёт на Яким<анке>⁴, а напротив-то их порт<ной>, которому Звероб<оев> платье заказывает.

— Скажите пожалуйста!

Сойдутся ли старухи на улице, какая-нибудь экономка с богаделенкой, и у тех всё про то же.

— Слышала, Терентьевна, как Зверобойхин-то сынок замотался сердешный?

¹ Далее: [как свои пальцы]

² Далее: [от кого же]

³ Далее: [мат<ушки>]

⁴ Далее: [у...]

— Как же, мат<ушка>,¹ иду я третвась по Пятницкой, а он прогуливаться изволит, разодед, сударыня ты моя, расфранчён, как куда тебе. Так вальцырует²! Так вальцырует!³

Бедный Яша! Он думал, что теперь только начал жить, что прежде он не знал, что такое жизнь! Тут появилась у него фраза, что человек должен жить в своё удовольствие. Остановить его было некому, мать его была стара, и притом вся её деятельность ограничивалась хозяйством. Её дело было сходить на рынок,⁴ купить провизии, приготовить обед, посмотреть за чистотой, а в промежуток вязать чулок. А во всём прочем она считала Яшу умнее себя.]

Скоро, впрочем, умерла [и она] у него и мать. В Замоскворечье говорили, что от огорченья, а по правде-то сказать, так от старости. Яша остался совершенно один. [Небольшого состояния, оставленного отцом...] Деньжонки-то, которые ему отец оставил, стало не надолго. [Яша почувствовал, что надобно трудиться и стал...] Тут он начал трудиться. [Началась для него новая эпоха. Эпоха труда и нищеты...] Стал входить в дела. А способности-то у него на это были. Года три [провёл] он [постоянно] денно и нощно занимался делом, то в присутствии, то [в грязной комнате] дома. В эти три года он совершенно отдалился [от общества] ото всех [и дни его протекали следующим образом. Поутру, с 5 часов он занимался делом до 8 часов, потом пил чай и шёл в должность, там работал до 2-х часов, потом шёл домой, выпивал водочки, обедал и ложился спать до 5 часов. Потом пил чай и садился за дело. Часов до 9-ти работал, потом выпивал водочки, ужинал и ложился спать]. Бывало, сидит в своей каморке за делом, и ни за что его не вытащишь оттуда. А квартира у него была такая грязная, дрянная. Как-то он, знаете ли, совсем перестал заниматься собой; такой стал неопрятный, только об одном деле и думал. Тут он стал и водочки придерживаться, да ведь и нельзя без этого; сидишь, сидишь над делом-то, голова закружится, а как выпьешь, то всё как будто веселее. Ну да и компания-то такая, всё народ пьющий; соберутся человек пяток, как не выпить лишнего! Через три года его сделали столоначальником; [Тут] он было немножко поправился, завелись у него лишние деньжонки. Но он, привыкши к неряшеству, не улучшил своего быта, а лишние деньжонки-то при первом удобном случае пропивал с товарищами, а иногда один — и тот грех бывал.

В это время с ним и случилось одно [совершенно непредвиденное обстоятельство] происшествие. Переезжая с квартиры на квартиру, из угла в угол, он попал на Зацепу, в дом [одной] мещанки Мавры Гурьевны

¹ Далее: [сво]

² Вальцырует на их языке значит важничает. — Примеч. А. Н. Островского.

³ Далее: [что на поди!] [Мать Мать Мать]

⁴ Далее: [поутру]

(по простонародному прозвищу Огуревны) Козырной. За этой Маврой Агуревной много народу волочилось¹. Это [и решило его участь] уж его и доконало-с. [Супруг] Муж этой Мавры Агуревны имел за Мокской-рекой две табачные лавочки, ходил в синем казакине и плисовых шароварах и играл отлично на торбане. [Он погиб преждевременно жертвою страсти к крепким напиткам и оставил супруге своей цветущей красотою и молодостью порядочный капиталец.] Он недолго пожил с женой-с. Гуляка был страшный, только он был себе на уме: на свои деньги не пил. А любили его очень купеческие дети да приказчики. Бывало, загуляются где-нибудь сейчас и шлют за ним, чтобы он им венгерку сыграл на торбане. Так уж тут он чужого вина не жалел. А как это случалось очень часто, так он и спился совсем, да, должно быть, от этого и умер. А по смерти-то его остался порядочный капиталец. Мавра Агуревна была баба не промах, она [по смерти мужа], овдовевши-то, устроила свои делишки как нельзя лучше. Приведа [всё оставшееся после мужа] всё в наличные деньги, она отдавала их по мелочи, по 50, по 100, по 200 рублей, под верные залоги и тем обеспечила своё существование. Домишко её был завален и заставлен вещами всякого рода: там были и фортепьяно, и столы, и комоды, на столах несколько часов разных форм; по углам под простынями висели салопы, шинели [летние и зимние] тёплые и холодные, в шкафах серебро, бельё столовое [и] — словом, всё, что может в нужде заложить человек. И всё это редко возвращалось хозяевам, а большей частью переходило на толкучий в руки торговков, приятельниц Мавры Агуревны. А сама-то она была белая, да румяная, да такая проворная. Ходила она по-русски, в платочке; бывало, повяжет платочек с бантиком, да как-то немножко на сторону, наденет шёлковую шубку да синие чулки со стрелками — загляденье просто! Сюда-то переехал наш Яша. Мало-помалу Мавра Агуревна с помощью красоты своей и ловкости прибрала к рукам Якова Семёновича [и привыкши смотреть на чужие вещи как на свою собственность², обращалась с ним, как будто его заложил ей кто-нибудь]³. Да это и не трудно было сделать: [не имея решительно воли, не зная решительно практической стороны жизни, он непременно должен] он уж был такой человек, что непременно должен был подпасть под власть женщины.

Примечание сочинителя.⁴ [И теперь начинается для него новая эпоха — жизнь под влиянием женщины. Но скажут: влияние женщины необходимо и благотворно для мужчины в известный период, оно удерживает душу, смягчит сердце, мирит человека с жизнью и с природой... Да, есть минута в жизни мужчины, когда все хорошие и дурные страсти и движения

¹ Фраза вписана над строкой.

² Далее: [смотрела и на Якова Семёновича]

³ Квадратные скобки поставлены А. Н. Островским.

⁴ Фраза вписана на полях.

душевные¹ созреют до последней степени напряжения и готовы разразиться чудовищным диссонансом, и тогда нужна женщина, чтобы привести их в созвучие. Есть минута в жизни, когда мужчина, как русский богатырь, стоит на распутье, перед ним много дорог, да по одной пойдёшь — будешь бит, по другой пойдёшь — будешь голоден. Тогда нужна женщина, чтобы показать тот путь, по которому ступай смело, по которому проедешь долго-долго до самой смерти и не будешь ни бит, ни голоден. Ведь оно, если правду сказать-с, так и нельзя человеку без женщины. Особенно нашему брату чиновнику. Женщина в доме важное дело, всё как-то человек больше о себе помнит. По-моему, молодому человеку деловому непременно нужно жениться. Знаете ли, заботы семейные, всегда женщина подле тебя — это как-то предохраняет человека и делается он мягче и добрее...² и начнёт толстеть Русс<кий> чел<овек>. Отчего это тол<стеет> Русс<кий> челов<ек>...³

[И всё это правда.] Уж вы мне поверьте, я это по опыту знаю. Я видел и женатых, и холостых; женатый человек не в пример лучше. И всё это правда-с. Да не так бывает у нас за Москвой-рекой. У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдаёт порядочную невесту за младшего помощника столоначальника, потому что не знают жизни и не умеют жить порядочно. А не знают жизни потому, что молодость проведена в ученье, которое ни к чему не ведёт и которому нет приложения в их жизни. Впрочем, виновато не ученье, которое никак не прикладывается к жизни, а виноват образ жизни, к которому никакой науки приложить нельзя⁴. [И] Вот чиновник и живёт холостой: служит, трудится, [и] вот, наконец, зашибёт копечку либо местечко достанет порядочное, тут бы и жениться, кажется, да вот беда: в это время чиновник либо сделается плут страшный, либо истаскается чиновник и сопьётся с кругу. Тут опять хорошую невесту не отдадут за него. И женятся они на ком ни попало, а большей частью, [подпадают под власть мещанок. Так вот и ходят у них по оброку] так вот, как бы сказать-с, попадётся под власть какой-нибудь мещанки, да и ходит у ней по оброку. Я говорю — большей частью, и говорю утвердительно. Вы, может быть, подумаете, что это так, случайность, что, дескать, со всяким может случиться, что на грех мастера нет. Нет, это [падение чиновников] не случайность-с, это рок, [это] судьба какая-то тяготе[ющая] над нами. Недостаток образования, [недостаток общества] [разъединение от женщин в молодости] незнание приличий, [частое трактиров посещение] трактирная жизнь, привязанность к халату

¹ Далее: [достигнут]

² Далее: [нет, когда нужно есть, когда не надобно истаскается бед<ный> чин<овник>]... [сыт, доволен. Вот дураку счастье, говорят завистники]

³ Текст: Ведь оно если правду сказать-с ~ Русс<кий> челов<ек>... — *вписан на полях.*

⁴ Фраза вписана на полях.

и холостым сборищам, а притом частое и чрезмерное употребление одуряющих напитков делают то, что и [им] нам самим как-то неловко в присутствии порядочной женщины, да и женщина-то порядочная от нас отворачивается. Впрочем, чтоб [не обиделись] не совсем обидеть чиновник[а]ов, надобно сказать, что есть много и таких, которые, женившись в молодости, до глубокой старости честно и довольствуясь немногим [идут мирным путём семейной жизни] ведут жизнь семейную. Есть [много] также и [таких] такие, которые, выслуживши хорошее и видное место, [женятся] [на] берут умных и образованных жён, воспитывают прилично детей... Да такие как-то торопятся поскорей выбраться из Замоскворечья [и Замоскворечье остаётся верно самому себе].

[Обратимся к герою.] Так вот-с, с одной стороны, жизнь его улучшилась. В комнате его было чисто, манишку всегда носил белую, стол был хороший, [платье] мун<дир> вычищен...

Да зато, с другой стороны, [стороны нравственной, он потерял много, а именно свободу] нельзя сказать, чтобы ему было хорошо. М<авра> А<гуревна> так им командовала, что чудо. Бывало, пошлёт его в лавочку [либо] за чем-нибудь, а он и идёт, не смеет ослушаться. Право, такой вялый стал. А М<ав>ра Аг<уревна> привыкла на чужие вещи смотреть, как на свою собственность, так и обращалась с ним, как будто его заложил ей кто-нибудь. [М<авра> А<гуревна>] Деньги у него о<т>бирала, говоря ему, что это для его же пользы делается, что он пропёт же их. И точно, [он бы их] ведь бы пропил-с. К товарищам пускала его очень редко, и то на известный срок, и делала ему страшные выговоры, когда он опаздывал. Водки давалась ему известная порция и больше ни под каким видом, разве в праздник. Раза два или три в год позволяла она ему приглашать товарищей, и тогда скрывалась куда-нибудь либо уходила [к] со двора. А на другое утро [всегда] после лёгкого выговора давала и опохмелиться Я<кову> С<емёновичу>.

Иногда вечером взгрустнётся Я<кову> С<емёновичу>, как начнёт издали разными намёками объяснять М<авре> А<гуревне>, что такой-то, дескать, чин<овник> именинник, что он у него давно не был, что истратит он на извозчика не больше полтинника и придёт в своём виде и не позже 10-го часу. На это М<авра> А<гуревна> обыкновенно отвечала ему, что если ему делать нечего, так лучше послать за соседкой да поиграть вечер-то в дурачки, чем пьянствовать [<1 нрзб.>]. Ведь и правду сказать-с: точно лучше в дурачки играть, чем пьянствовать. И с этой стороны М<авра> А<гуревна> была совершенно права перед ним. Ну а всё-таки ведь неприятно-с. [Ну] Вы представьте себя на месте Ив<ана> Ер<офеича>¹: ведь чиновник-с, до тридцати лет дожил, не мальчик какой-нибудь, и ни в чём не иметь воли! И то, подумаешь, ведь не крепостной какой-нибудь.

¹ Вероятно, позднейшая вставка с заменой имени Яков Семёнович на Иван Ерофеич.

Да что же с ним будешь делать, уж [такого был слабого характера: любил что ли он её очень, или так уж потерялся] совсем, право, не знаю. Бывало так, что, выходя из присутствия, [сослуживцы позовут Я<кова> С<емёновича>] позовёшь его обедать в трактир, разумеется, на счёт просителя, [и Я<ков> С<емёнович>] он должен [был] отказаться от такого предложения, единственно боясь опоздать и страшась [неотразимого] гнева М<авры> А<гуревны>.

Как ни тяжела [стала] [была] казалась ему эта неволя, но всё бы ещё скрепя сердце можно было снести её. Да вот беда: приятели его начали подсмеиваться над ним. Ведь уж вы этот народ знаете, нечего рассказывать. Какой-то досужий чиновник сочинил [карикатуру] картинку, в которой живо [изображалось] представил, как М<авра> А<гуревна> дерёт Я<кова> С<емёновича> за хохол, а он стоит на коленках, говорит: «Виноват! Не буду!» Над этой картинкой смеялись все [даже и те, которые сами несли подобное иго]; она переходила в суде из стола в стол и даже удостоилась милостивой улыбки секретаря. Ну уж это совсем сконфузило Я<кова> С<емёновича>, и такая жизнь ему опротивела. Вот он стал задумываться [и нако<нец>] [в уме его зрела преступная мысль, и он, наконец, решился уехать потихоньку от М<авры> А<гуревны>.¹ Это вот как было: М<авра> А<гуревна> ушла к Троице, и Я<ков> С<емёнович>, отославши куда-то кухарку, уложил на извозчика своё имущество и поехал на Таганку, где он заранее приискал] всё дальше да дальше, больше да больше — стал такой грустный. Наконец вот что случилось-с. Это было летом. В одно [прекрасное летнее] утро М<авра> А<гуревна>, поручив Я<кова> С<емёновича> попечениям кухарки, отправилась к Троице. Я<ков> С<емёнович> в этот день, почуя свободу, был веселее обыкновенного; он шутил с товарищами, острил, смеялся, чего прежде с ним не было, и даже отправился с нами обедать в Малый московский². Тут [они] мы, признаться сказать, выпили как водится. Пошёл крупный разговор, начали смеяться над Я<ковым> С<емёновичем>, начали укорять его. Посыпались на него обидные слова, что он, дескать, тюфяк, войлок, не умеет с бабой справиться, что он башмак и прочее>.

— Нет, господа, — ска<зал> Я<ков> С<емёнович>, — не хочу больше жить за Москвой-рекой, нынче же вечером перееду. Уж коли сказал, что перееду, — так перееду.

Я, говорит, своему слову господин.

— Переезжай, брат, ко мне, — сказал один чиновник, известнейший гуляка, для шутки.

— Изволь, — говорит, — брат, перееду, нынче же перееду [загов<орил> опять Я<ков> С<емёнович>]. Вы ещё не знаете, каков я; вы ещё не знаете,

¹ Далее: [Но не беспокойтесь, Замоскворечье не так легко выдаёт свои жертвы]

² Трактир [у] против присут<ственных> мест. — Примеч. А. Н. Островского.

каков Яков Семёнович. Я себе сказал: «Полно, Яшка, дурачиться, перестань, говорю, ну и полно... ну... и будет».

И в самом деле он сдержал своё слово. Возвратясь домой в вечерни, он отослал куда-то кухарку, уложил на извозчика своё имущество и отправился [к Харитонью в Огородники] к приятелю своему Антону Савичу Лихошорстному. Но недолго он сохранил твёрдость характера. Как только переехал он Москворецкий мост, совесть стала его мучить, он боялся оглянуться на Замоскворечье, ему казалось, что он совершил там какое-нибудь страшное преступление. [Измученный различными противоположными ощущениями, добрался он до квартиры приятеля своего] Он торопит извозчика; ему мерещится погоня, вот кажется, до ушей его долетают слова: «Я<ков> Семёнович», «Я<ков> Семёнович», а куда это ты едешь, любезный?» И холодный пот выступает на лбу его. Ан<тон> Сав<ич>, видя его печального, захотел его утешить. Послали за водочкой, выпили; но это ещё больше взволновало Як<ова> Семёновича, и все чувства, волновавшие его душу, [вы] полились [с языка] во всеуслышание.

— Ан<тон> Сав<ич>, — заговорил он, — видишь ты, братец, какой я человек: сказал, что перееду я из Замоскворечья, вот и переехал. Что ж такое, в самом деле! А! Ведь я не крепостной какой-нибудь. Я чиновник, кроме своего начальства, я никому не подвластен! Вот и всё тут, и [я] никого знать не хочу. Что она мне? Я её знать не хочу. Ведь она не жена моя, чтоб надо мной командовать. Не жена, вот и всё тут. Ан<тон> Сав<ич>, послушай, что я тебе скажу, т<о> е<сть> не жена она мне, братец ты мой, а лучше жены [словно]. Ей-богу, лучше! И мать родная того для меня не сделает [что она для меня делала].

[Из] Наконец, весь измученный, добрался он до квартиры Ан<тона> Савича. А у Ан<тона> Сав<ича> вечеринка была, т<о> е<сть> не то чтобы бал какой, а так, по случаю пятницы¹. Завтра, дескать, суббота, день неприсутственный, так и можно и того... т<о> е<сть> ничтоже сумняся. Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы-то, постарше, собравшись вокруг стола, [с любовью и нетерпением глядели на хозяина, который готовил какой-то нектар из тёплого пива с лимоном и подожжённой хлебной коркой] пуншик употребляли. Вдруг входит Як<ов> Семёнович [бледный и трепещущий]. — «Вот и я здесь», — воскликнул он весело [скрывая своё волнение]. Сам себя обманывал. Начались шутки, остроты, и Як<ов> Семёнович не отставал от прочих, [хотя] а всё-таки можно было заметить, что у него эта весёлость была [у него] поддельная и что на сердце у него было очень непокойно. Карты были брошены; началась круговая; забренчала гитара, и Як<ов> Семёнович первый затянул: «При долинушке стояла». Потом пошла плясовая, и Як<ов> Семёнович

¹ Пятница очень уважается у чинов<ников> по вышеописанной причине. — *Примеч. А. Н. Островского.*

первый и плясать пошёл. Скрытный был человек Я<ков> С<емёнович>. [Он] Наконец и в самом деле стал он как будто попокойнее сердцем. Вот, [говорил] думал он, выпью хорошенько, авось пройдёт. Но это средство имело на него действие совершенно неожиданное; все чувства, которые он [так искусно] прятал [в глубине души], взбунтовались и полились во всеуслышание.

— Посудите, люди добрые, посудите, — заговорил он. — Что ж это такое, в самом деле. Я не крепостной какой-нибудь, кажется. Я чиновник и, кроме своего начальства, никому не подвластен. Вот и всё тут... Да я и знать никого не хочу! Я благородный человек... Что она мне? Я её знать не хочу!.. Она не жена моя, чтоб надо мной командовать.

— Известное дело, не жена, — заговорил Ан<тон> Сав<ич>. — Ну и брось ты её, ну и плюнь на неё; много этой дряни-то.

— Нет, ты постой, Ан<тон> Сав<ич>, ты вот послушай, что я тебе скажу: т<о> е<сть> не жена она мне; ну, не жена, и положим так, что не жена, а, брат, лучше жены. Куда жена! Мать родная того для меня не сделает, что она для меня делала! А как я против неё поступил! а? Ну-ка, скажи, как я против неё поступил! Нешто благородные люди так делают! а? Скажи-ка ты мне: благородные люди так делают? Ан, нет, не делают. Сапожник какой-нибудь так сделает; подлец какой-нибудь... Вот и выходит, что я подлец против неё... Вот оно что.

[Тут] Мы над ним начали смеяться, что он баба, что она ему напёрстками водку отмеривает. Тут он опять было расхорохорился. Что я, говорит, никого знать не хочу; я, говорит, сам себе господин. А потом опять, знаете ли, как-то у него вдруг это делается, и опять за своё. [Что же] И не останавливать, говорит, нашего брата нельзя; что ж, говорит, и сопьёшься [чиновник], и смотаешься, и ни на что не похоже. А сам, знаете ли, в слёзы. Что ж, говорит, разве лучше в мундире-то по улицам валяться. Да так и заплакал. Право, жалость было смотреть на него. Насилу мы его уложили. И во сне-то всё говорил: «Я чиновник, а не крепостной»; а всё больше М<авру> А<гуревну> вспоминал.

КУЗЬМА САМСОНЫЧ (ИЗ НАЙДЕННОЙ РУКОПИСИ)

Рождение Кузьмы Самсоныча было обильно благими предзнаменованиями. Он родился в среду на Масленице, в ту самую минуту, как первый блин, ворча и подпрыгивая [вылезал из печи] на раскалённой сковородке, вылезал из печи. По этому случаю отец К<узьмы> С<амсоныча> сказал новорождённому такое приветствие: «Будешь ты и толст и богат, да и жить будешь весело, коли утोरаздило тебя родиться на Масленице». В ночь накануне этого дня бабушка Кузьмы С<амсоныча> видела сон, будто она во пиру была и захмелела очень. И в ту же ночь у кухарки квашня ушла. Всё

это, по решению семейного совета, предвещало новорождённому изобилие благ земных. И точно, предзнаменования не обманули. Кузя, как русский богатырь, рос и толстел не по дням, а по часам, на радость родителей и удивление Замоскворечья.

Здесь я не лишним считаю сказать нечто о виновниках бытия К<узьмы> С<амсоныча>. Отец его, Самсон Савич, богатый купец, был в большом почёте и уважении за Моск<вой>-рекой. Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич, по замоскворецким преданиям, был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик, растолстел, выстроил каменные хоромы, расписал их удивительнейшим образом, ездит на орловских жеребцах и — словом, катается как сыр в масле. Маменька К<узьмы> Сам<соныча>, т. е. супруга Сам<сона> Сав<ича>, по имени Акулина, по отчеству Климовна¹, была взята из-за ткацкого станка из Покровского или Преображенского, уж не помню. В девстве своём она отличалась необыкновенно сильным и звонким голосом и изумительной плотностью тела, чем и прельстила Сам<сона> Сав<ича>. Бывало, как выйдет она в праздник в хоровод, только и слышно кругом неё: «Господи! Да что ж это за девка здоровенная, словно она на наковальне молотками сколочена». Теперь уж немного таких [людей] женщин² осталось, как Ак<улина> Клим<овна>.

Кузьма Сам<соныч> был единственный сын у своих родителей, [были дети и прежде его, да те умирали] и потому он безраздельно пользовался всеми плодами родительской нежности. Не было на свете таких булок и ватрушек, которыми бы не питали его. Вот уж можно сказать, что для своего Кузиньки они ничего не жалели. И вырос Кузя среди пирожного и творожного, как телец упитанный. Физическое воспитание было конечно, надобно было подумать о нравственном. И думали-думали долго, года два, наконец [и] положили [отдать] поручить воспитание его дьячку того прихода, в котором жили. Этот дьячок [был человек пожилой, солидный, ходил с косой, носил длиннополый сюртук, шляпу с широкими полями и толстую суковатую палку] занимался за М<осквой>-р<екой> первоначальным образованием юношества; он был³ человек пожилой, солидный, ходил с косой, в длиннополом сюртуке и в шляпе с широкими полями, в руках носил⁴ толстую суковатую палку. А чтобы наука пошла впрок малолетнему, присудили на семейном совете отслужить в день Пророка Наума⁵

¹ Слова: по имени Акулина, по отчеству Климовна — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: занимался за М<осквой>-р<екой> первоначальным образованием юношества; он был — вписаны над строкой.

⁴ Слова: в руках носил — вписаны над строкой.

⁵ 1-го Декабря. Наше простонародие, осмысля по-своему имя Пророка (наводит на ум), с этого дня начинает ученье малых ребят. — Примеч. А. Н. Островского.

молебен и с того же дня начать [ученье] азы. К тому же времени Максимке велено было выточить из лучины указку, а он был художник на эти вещи¹. Максимка был сирота, дальний родственник Тупорыловых, и жил у них для посылок и для разного домашнего обиходу. С самых ранних лет представленный себе самому и судьбе, Максимка рос [в чужом доме] в чужой семье. Не было человека в доме, от хозяина до последней кухарки, который не щёлкнул бы Максимку хоть один раз в день под предлогом нравоучения; дескать, для твоей же, дурак, пользы, после сам благодарить будешь, что тебя, дурака², уму-разуму учили³. Хозяин, имея в виду сделать из [него] Максимки для себя конторщика, отдал его сначала [в приходское, а потом в уездное училище] в приходское училище⁴, а потом в уездное. И умудрил же Бог этого Максимку. В уездном училище он был первым учеником; первым шалуном был между товарищами, т<о> е<сть> во всяком деле коноводом и зачинщиком⁵; знал все породы голубей, никто лучше его не умел пустить змея с трещоткой. Деятельность его была изумительна, он не знал ни минуты покоя: то в училище, то в город, то на соседний пустырь в бабки поиграть с приятелями, то на Моск<ву>-реку рыбу ловить, то где-нибудь свадьбу смотреть, а то где-нибудь случится за М<осквой>-р<екой> храмовый праздник, так ему нужно поспеть и ко всенощной, и к обедне, потому что [все мальчик<и>] ни один приход не обходится без мальчиков, которые добровольно прислуживают при богослужении, а ему все эти маль<чики> за М<осквой>-р<екой>⁶ были короткие приятели. И нельзя ж ему было не побывать у них на празднике и не пособить им.⁷ [В праздник] В своём [церкви] приходе⁸ он с приличной важностью ходит с кружкой по церкви за старостой, то раздувает кадило, то вдруг⁹ бросится на колокольню перезваниваться, и всё это живо и аккуратно¹⁰. Подойдут ли [Святки] зимние праздники, Рождество например, опять для него работа. Сначала <[возьмёт]> себе в адъютанты двух или трёх мальчиков и пойдёт по знакомым купцам Христа славить. Взойдут в дом, прямо к образам, запоют «Христос рождается», а потом станет рацею сказывать. Какие рацеи сказывал! Как говорил! С чувством, с декламацией! Потом на Святках наряжаться станет то медведем, то гусем, а то [привя...] заломит шапку на сторону, принесит кузовок и [пойдёт с патокой] запоёт:

¹ Слова: он был художник на эти вещи — вписаны на полях.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: под предлогом ~ уму-разуму учили — вписаны на полях.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Фраза вписана под строкой.

⁶ Слова: за М<осквой>-р<екой> — вписаны над строкой.

⁷ Текст: то на Моск<ву>-реку рыбу ловить ~ не пособить им. — вписан на полях.

⁸ Слова: в своём [церкви] приходе — вписаны над строкой.

⁹ Слово вписано над строкой.

¹⁰ Слова: и всё это живо и аккуратно — вписаны на полях.

Ах, патока, патока!
Пареная патока!
Пришёл дядюшка Ераст,
Он плясать очень горазд! —

и проч^{<очее>}.

Либо оденется степным мужиком, сделает из лычек себе бороду¹, подпоясается глупо-преглупо, приложит руку к щеке² и затынет, ломая язык, на степной манер:

Сидит моя жёнка,
Ровно перепёлка.
Я за то её люблю,
За то почитаю,
Што цопорно ходит,
Хорошо гуляет.

Либо:

[Зима, зимушка, зима,
Стюдяна больно была, —

и проч^{<ее>}.]

А как плясал! Все русские пляски знал. Все песни, все поговорки и пословицы. На всякий спрос у него был бойкий ответ. «Максимка за словом в карман не полезет», — говорили в доме. Он был наделён от природы здоровьем сверхъестественным: перемены температуры не имели на него никакого влияния. Он это доказывал самым ощутительным образом: напр^{<и-мер>}, в трескучие морозы выскакивал из горячей бани и валялся в снегу. Падал и с качелей, и с яблонь, и с голубятни, и с колокольни, и оставался невредим.³ И никого он в доме не боялся, и ничем его нельзя было удивить. Он каким-то чутьём понимал самые тонкие отношения между лицами того семейства, в котором жил; он очень хорошо [видел] подмечал слабости окружающих его лиц и умел ими пользоваться. Он знал, чем пугнуть приказчика, что припомнить ключнице; знал, чем [подъехать] подслужиться⁴ хозяйке и какую сплетню рассказать бабушке К^{<узьмы>} Сам^{<соныча>}. Одним словом, этот Максимка был сорвиголова.

Наконец день пророка Наума приближался, азбука была куплена; Максимка выточил указку; всё было готово, оставалось приступить к науке. [Для первого урока дьячок был приглашён на дом, а для последующих Кузя должен был ходить к дьячку в сопровождении Мак^{<симки>}. Какая трогательная картина: помолившись Богу, посадили Кузиньку за стол, над-

¹ Слова: сделает из лычек себе бороду — вписаны над строкой.

² Слова: приложит руку к щеке — вписаны над строкой.

³ Текст: Все песни, все поговорки ~ оставался невредим. — вписан на полях.

⁴ Слово вписано над строкой.

винувши на нос очки, которых каждое стекло было немного меньше каретного колеса, поместился подле него дьячок] Для первого урока дьячок был приглашён на дом. Тут составила трогательная картина: помолившись Богу, усадили Кузиньку за стол и дали в руки указку¹, причём Кузя так горько и жалостно плакал, что возбудил сострадание во всех окружающих; посадивши верхом² на нос очки, которых каждое стекло было немного меньше каретного колеса, поместился подле Кузи³ дьячок, кругом стола [обстали] обступили мать, бабушка и Максимка, из дверей выглядывали домочадцы. Так началось ученье Кузиньки. Продолжалось оно не так торжественно. Каждое утро Кузя, надев сумку, наполненную⁴ книгами и булками, ходил к дьячку в сопровождении Максимки⁵. Так ходил он [к дьячку] ровно два года; а через два года кончил курс ученья, преподаваемого дьячком, то есть выучил азбуку, что называется от доски до доски⁶, потом прочёл часослов, а наконец псалтырь; тем дело и кончилось. Азбука, которую К<узя> выучил наизусть и с которой замоскворецкое юношество обыкновенно начинает своё образование, книга очень замечательная [и потому я вам и нелишним] и за М<осквой>-р<екой> в большом почёте⁷; потому я нелишним считаю рассказать её содержание. Сначала в этой азбуке буквы разных форм и размеров, потом всевозможные склады, потом целые слова; далее необходимые для жизни правила, как то: будь благочестив, уповай на Бога, люби его всем сердцем; далее четыре стихии, пять чувств и наконец: «Помни последняя твоя — смерть, суд и геенну огненную». По окончании этого курса образования⁸ родители стали заботиться о дальнейшем образовании Кузиньки. И для этого нашёлся человек.

По замоскворецким улицам [часто ходил] [проходил]⁹ ходил молодой человек. Ходил он степенно, мерным шагом, повеся голову и нахмутив брови, отчего лицо его принимало какое-то грозно-задумчивое выражение. [Замоскворецкие барышни, поглядывая] Его звали за М<осквой>-р<екой> учёным. [К этому] [И] Он и точно занимался уроками; но в учёности его ещё более убеждала его физиономия и [костюм] одежда¹⁰. Он ходил в очках, носил длинные волосы, только очень странно их причёсывал, напوماдивши чем-то [волосы], он устраивал их на каждом виске в виде локона, а на лбу делал хохол, или а ля кок, как говорят у нас за М<осквой>-р<екой>.

¹ Слова: дали в руки указку — вписаны над строкой.

² Слова: посадивши верхом — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: в сопровождении Максимки — вписаны над строкой.

⁶ Слова: что называется — вписаны над строкой.

⁷ Слова: и за М<осквой>-р<екой> в большом почёте — вписаны над строкой.

⁸ Слово вписано на полях.

⁹ Слово вписано над строкой.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

Причёску эту вы можете видеть почти у каждой цирюльни на вывеске, [или] а также на модных картинках журналов двадцатых годов. Сверх партикулярного платья этот учёный носил гимназическую шинель, воротник которой отворачивал наподобие штатской. [С виду ему было] Звали его [Евгений Львович Миловидов] Пётр Иванович Смирнов¹. Сделался он замоскворецким учёным следующим образом: смолоду он был отдан² родителями в гимназию, но, дошедши в восемь лет только до [третьего] пятого³ класса, он был исключён за неспособность. [Какая-то странная была в нём двойственность: дома он был не тот человек, что в гимназии, и в гимназии не тот, что дома.] Станный был человек этот Пётр Иванович; поглядеть на него⁴, так [человек] малый хоть куда: и видный, и, как кажется, неглупый, а придёт в гимназию, так никуда не годится, просто дрянь. Посмотрите на него, когда он дома: [и] вы увидите мужчину лет двадцати, который сидит, задумавшись, над тетрадью, в этой тетради собрано множество различного рода стихотворений, от од Ломоносова до водеvilных куплетов; [он] вдруг он начинает их читать с жаром и трагической декламацией либо сам принимается писать стихи или повесть и напишет нисколько не хуже [автора] известного нашего автора... однако и не лучше. Зато посмотрите на него в гимназии: он сидит на последней лавке в самом углу подле печки⁵, устроив лицо и всю фигуру свою самым робким и бессмысленным образом. Он никак не может совладать ни с алгеброй, [ни с правописанием и с французским], ни с нем⁶ языком ни с логикой⁶, ни с правописанием, ни с новыми⁷ языками, тогда как какой-нибудь двенадцатилетний мальчишка, который играет дома в бабки или ездит верхом на палочке, постигает одним взглядом, без всякого труда⁸, и алгебру, и все премудрости гимназические, и учится бойко, как будто шутя — на удивление учителей и всего начальства. Это какая-то штука, которой я вам объяснить не умею. А есть такие люди, ей-богу, есть⁹. В [шесть] восемь¹⁰ лет [Миловидов] Смирнов¹¹ не выучился ничему в гимназии, кроме греческих спряжений, которые он знал в совершенстве. На [седьмой] девятый¹² год его исключили, тут-то он

¹ Слова: Пётр Иванович Смирнов — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: странный был человек этот Пётр Иванович; поглядеть на него — вписаны над строкой.

⁵ Слова: подле печки — вписаны над строкой.

⁶ Слова: ни с логикой — вписаны над строкой.

⁷ Слова: ни с новыми — вписаны над строкой.

⁸ Слова: без всякого труда — вписаны над строкой.

⁹ Текст: Это какая-то штука ~ ей-богу, есть — вписан на полях.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Слово вписано над строкой.

¹² Слово вписано над строкой.

и сделался учёным. Он думал так: «Если я в [шесть] восемь¹ лет не выучился сам² учиться, так нагляделся, по крайней мере, как других учат». И стал он учить ребят за М<осквой>-р<екой>; это ему посчастливилось, уроков у него было много, и прослыл он учёным, иначе его и не звали за М<осквой>-р<екой>. Репутация его была составлена. Только барышни замоскворецкие подсмеивались над ним из-за коленкорových занавесочек, когда он, наморщив брови, с учительской важностью проходил по улице. Эти барышни распустили про него молву, будто он доискивается, на чём свет стоит. Такие проказницы! А уж какие насмешницы, не приведи господи!³

Для дальнейшего образования Кузиньки пригласили [Миловидова] Смирнова⁴. Он обязался его учить свящ<енной> истории, первым правилам арифметики и русской грамматике и взял за это рубль асс<игнациями> за урок. С приличной важностью принялся наш учёный за своё дело; он перенял все приёмы у своих учителей, чем много выигрывал в купеческих домах. [Особенно он] Он очень⁵ любил давать уроки при большом обществе, особенно когда соберутся пожилые женщины. С таинственной важностью рассказывал он тут, каким трудным наукам их учили в гимназии и какие большие уроки задавали. Купчихи только ахали: Господи, дескать, каких-каких наук нет на свете. И выучил Кузю учитель св<ященной> истории и арифметике, а грамматике по непредвиденным обстоятельствам не успел. (Об этом наш Кузя, когда собирался писать драму, очень жалел, да уж было поздно.) Обстоятельство, которое помешало Кузе выучиться грамматике, было следующего рода. Маменька Кузи после обеда имела обыкновение наливать из стоящей на окне бутылки в чайник какой-то влаги; а из чайника наливала она в чашку и, присутствуя при уроке Кузи, очень часто к ней прикладывалась. Учитель, как человек любознательный, пожелал испробовать этот напиток, Акулина Климовна охотно позволила. Учёный попробовал, и напиток этот ему очень понравился. Уроки пошли веселее и занимательнее. Только вот странная вещь: к концу каждого урока между учителем и Акулиной Климовной начиналось какое-то очень фамильярное обращение. Это в доме заметили, и кончилось тем, что учёного прогнали, а Кузя остался без грамматики. Тут Кузя узнал свободу. «Будет учиться, — сказал Самсон Савич, — ну его к лешему, это ученье, давай, Кузя, в город ездить, пора привыкать». И начал возить с собой по утрам⁶ Кузю в город, а по вечерам Кузя, под руководством Максимки, испытывал всю прелесть путешествия по заборам и крышам.

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Текст: Репутация его была составлена ~ не приведи господи! — вписан на полях.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слова: по утрам — вписаны над строкой.

Теперь поговорим о Кузе, потому что теперь только начал развиваться его природный характер. Время ученья в истории его жизни было каким-то эпизодом, который никак не вяжется с целым. Кузя был очень бойкий мальчик и очень красивой наружности. У него были тёмно-русые волосы, карие глаза, только нос немножко портил: будь этот нос подлиннее, был бы совсем другой вид; вообще физиономия его была как будто не кончена. Таков был и характер Кузи, энергический, когда он затевал что-нибудь, и слабый в исполнении, любознательный, но боящийся труда, сопряжённого с наукой. С таким характером Кузя, естественно, должен был находиться под влиянием двух сил: одна сила внутренняя, движущая вперёд, другая сила внешняя, замоскворецкая, сила косности, онемелости, так сказать, стреноживающая человека. Я не без основания назвал эту силу замоскворецкой: там, за М<осквой>-р<екой>, её царство, там её трон. Она-то загоняет человека в каменный дом и запирает за ним железные ворота; она одевает человека ваточным халатом, она ставит от злого духа крест на воротах, а от злых людей пускает собак по двору. Она расставляет бутылки по окнам, закупает годовые пропорции рыбы, мёду, капусты и солит впрок солонину. Она утучняет человека и заботливой рукой отгоняет ото лба его всякую тревожную мысль, так точно, как мать отгоняет мух от заснувшего ребёнка. Она обманщица, она всегда прикидывается «семейным счастьем», и неопытный человек не скоро узнает её и, пожалуй¹, позавидует ей. Она изменница: она холит, холит человека, да вдруг так пристукнет, что тот и перекреститься не успеет. Ещё была одна черта в характере Кузи — это стремление к самоулучшению; но в этом стремлении ему не на что было опереться. Мы видели, как он был образован, а с таким образованием часто кажется лучшим то, что только ново, а совсем не хорошо. При таких обстоятельствах Кузя всегда находился под чужим влиянием; он не надеялся на себя и искал руководителя. Иногда он попадал удачно на человека, а иногда ошибался. Хотя какой-то инстинкт вёл его всегда прогрессивно от одного влияния к другому, лучшему, но выбраться из-под этой опеки он никогда не мог. Много было преград ему на пути к улучшению себя, к очеловечению: и лень, и необразованность, и Замоскв<оречье> с своей притягательной силой. Как он боролся с своими врагами и кто победил, мы увидим из его жизни.

Когда прогнали учителя, Кузе было четырнадцать лет, а Максимке лет пятнадцать. С этого дня Кузя совершенно подчинился Максимке. Максимка посвятил Кузю во все свои таинства, ввёл его в своё общество. [Сначала] Кузя со всем ребяческим восторгом бросился вслед за Максимкой во все шалости. Они вдвоём выделявали такие проказы, что удивляли весь околоток. Они изобрели машину доставать из чужого сада яблоки. Ловили чужих голубей, а чтобы приучить их к себе, подстригали им крылья.

---

¹ В автографе описка: пожалуйет.

Пока отрастали у бедного¹ голубя крылья, он привыкал к своему новому жилищу и уж после не расставался с ним. Они ставили для птиц западни и скворечники. Но Кузя как-то не удовлетворялся этим, ему хотелось завести у себя все эти затеи в большем размере. Они составляли с Максимкой разные планы и проекты, что и как завести у себя. Но для осуществления этих планов требовались деньги, а их ни у Кузи, ни у Максимки не было. Впрочем, и это препятствие скоро устранилось. Однажды Максимка притащил под полой пару козырных и докладывал Кузе, что за голубей просят целковый, что это очень дешево и упускать случая не надобно. Кузя отвечал, что у него нет ни копейки. Тут Максимка отвёл его в сторону и шептал ему что-то на ухо. После этого Кузя куда-то сбегал, и голуби были куплены. Потом недели через две из этой пары расплодилось у них пар до ста; как они расплодились, знал<и> только Кузя да Максимка. С этих пор [какая бы ни была затея и чего бы она ни стоила, в действительность] они нашли средство приводить все свои затеи, чего бы они ни стоили, в действительность. Целое лето провели они в таких невинных удовольствиях и достигли совершенства: турманы их [и] одноплёкие взлетали выше всех голубей замоскворецких и едва заметными серебряными точками чертили круги на голубом небе. Покажется ли на горизонте громовая туча и поплывёт на Замоскворечье, из рук Кузи вырывается бумажный змей, взвивается высоко-высоко, уставляет на тучу² свои нарисованные глаза и, извивая кольцами хвост свой, страшно ворчит на [тучу] её, как будто он хочет испугать [её] тучу и заставить её³ воротиться назад.⁴

Так прошло лето, и Кузе стали надоедать эти невинные забавы первых лет. Наступила скучная осень, и летние удовольствия сменились [однообразною] однообразием купеческой жизни. Поутру Кузя [ездил] с отцом ездили⁵ в город и бывали там до вечере; потом приезжали домой, пили чай часов до шести, а в восемь часов ужинали туго-натуго и ложились спать. Между чаем и ужином папенька и маменька Кузи молча сидели по углам и вздыхали о своих прегрешениях — другого занятия у них не было. А как Кузе вздыхать ещё было не о чем, то он и скучал невыносимо. Между тем во флигеле, где жили приказчики, время шло гораздо веселее. Кузя недолго думал, он решился пристать к их обществу. Приказчики Тупорылова были народ весёлый, они умели разнообразить время. Один из них был мастер играть на гитаре, другой — петь цыганские песни, третий был очень искусен доставать где-то мадеру, а Максимка плясал за всех. Как только погасали огни в хозяйском доме, так у приказчиков начинался пир

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: на тучу — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Текст: Целое лето провели они ~ воротиться назад. — вписан на полях.

⁵ Слово вписано над строкой.

горой. Кузя в скором времени сделался душой этого общества: он очень ловко пел «За Уралом за рекой», а венгерку танцевал в совершенстве. Был ещё у Тупорылова приказчик, который смотрел на все эти потехи очень равнодушно и большею частью засыпал, как только они начинались. Он был пожилой человек, довольно полный, с порядочной¹ лысинкой, одевался прилично и скромно и смотрел очень солидно. Его очень уважали в доме, и хозяин имел к нему полное доверие. Купцы² в городе все были о нём хорошего мнения и [называли его человеком дельным] ставили его в пример [приказ<чикам>] своим детям и приказчикам. Звали его Тихоном Иванычем. Много маменек [и папенок] с нежностью посматривали на [Ив<аныча>] Тих<она> Ив<аныча> как на жениха, лучше которого, по их понятиям, нельзя было и выдумать. «Это ли не жених, — говорили они, — и смиренный, и непьющий, и ничего такого не слышно». Только маменьки замоскворецкие ошибались немножко, они не знали за Тих<оном> Ив<анычем> одного художества; да и знать было трудно, он так умел это скрывать ото всех. Под покровом ночи, когда спит Замосквор<ечье>, пронёсился он на лихом извозчике в цыганский табор и обратно. Знали это только верный его извозчик да [некоторые] те³ из приказчиков Тупорылова, которых он иногда брал с собой. Расчётливый и деловой Тих<он> Ив<аныч> во время этих секретных отлучек не жалел денег. Как только он появлялся к цыганам, старые и молодые цыганки встречали его с восторгом и криком: «А, батюшка, а, Тих<он> Ив<аныч>, от тебя только и нажить», — полдюжины шампанского на стол, и начиналось разливанное море.

Кузя обратился к Тихону Иванычу с просьбой показать ему в натуре то, что до сих пор он видел в приказчицком флигеле только в копии. «Коли есть деньги, — сказал Тих<он> Ива<аныч>, — так поедем хоть нынче, только смотри никому не сказывай». — «[И что вы это] Что вы это, Тих<он> Ив<аныч>, как можно, да вот дай Бог провалиться на этом месте, дай Бог с места не сойти, если я кому скажу», — [проговорил] говорил Кузя, прыгая от радости⁴, и отправился с Максимкой свидетельствовать свою кассу. [С той поры, как купил Кузя первую пару голубей] Кузя с той поры, как купил первую пару голубей, завёл у себя сохранную казну. На чердаке, подле трубы, вырыл он ямку и прятал туда деньги, которые неосторожно попадались ему под руки: тут были и ассигнации, и монеты всякого рода. По освидетельствованию донесли Тихону Иванычу, что денег вот столько-то, а коли, мол, мало, так можно ещё достать. «Достаточно, — сказал Т<ихон> Ив<аныч>, — раза на три хватит». И с этого дня Кузя начал с Тих<оном> Ив<анычем> [ездить] посещать тихие места по

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: прыгая от радости — вписаны на полях.

ночам. Они забирались куда-нибудь подальше, где бы глаз человеческий не мог их видеть, н<а>пр<имер> в Перово, на Конную, в Грузины, одним словом, в тишину, как они говорили. В эту зиму Кузя объездил все [эти] места, знакомые Т<ихону> Ив<анычу>¹. Летом разъезжали они по рощам, и Кузя узнал [все...] все притоны, все углы, куда забивается разгульная русская [душа] молодость от надзору родителей. [Наконец] Много в это время из ящиков и сундуков Самсона Савича перешло денег сначала на чердак, а потом к торбанистам и цыганкам и всякого рода досужим людям. Наконец это стало надоедать Кузе. [Он чувствовал] Кузя с самого начала чувствовал, что есть удовольствия чище этого, и стал искать их.

В это время судьба свела его с одним молодым купцом, с Савой Титычем Агурешниковым². Что это за лицо! Боже мой! [Мольеров мещанин перед ним миниатюра] О, Сава Титыч, где я возьму краски, чтобы нарисовать тебя! Вы С<аву> Т<итыча> наверно видали: он бывает во всех публичных местах. Издали он очень похож на льва, а рассмотрите поближе, так увидите, что это за зверь.

С<ава> Т<итыч> — сын бог<атого> русс<кого> куп<ца> и воспитан точно так же, [если не хуже] как Куз<ьма> Сам<соныч>, если не хуже. Разница между ними только в том, что С<ава> Т<итыч> во время неопытной юности попал в руки одному актёру, который за неисчислимое количество бутылок шампанского³ образовал его по-своему, то есть одел его во фрак, отучил от тривиальных привычек и слов, вроде следующих: оттелева, отселева, актёр, каплимент, эвоя, эвтот, намнясь и прочее. Образованный таким образом, С<ава> Т<итыч> стал с презрением смотреть на своих собратьев. Но вот что беда: после такого образования он сделался [совершенно безличен] совершенно формой без содержания.

И сделалась моя Матрёна
Ни пава, ни ворона, —

как говорит Крылов.⁴ Он отверг всё старое⁵, всё наследство предков — и умственное, и нравственное [он отверг], а из нового-то взял только один фрак. [Одним словом, С<ава> Т<итыч> стал нуль во фраке] И стал С<ава> Т<итыч> ничем, так, нуль во фраке.⁶ Дома, в семействе, ему нечего делать, там оскорбляют его и кучерской костюм отца, и простонародные ласки матери, и запах щей, и всё. Общество своё он считает необразованным.

¹ Слова: знакомые Т<ихону> Ив<анычу> — вписаны над строкой.

² Слова: с Савой Титычем Агурешниковым — вписаны на полях.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Текст: И сделалась моя Матрёна ~ говорит Крылов. — вписан на полях.

⁵ Слова: Он отверг всё старое — вписаны над строкой.

⁶ Текст: Одним словом, С<ава> Т<итыч> ~ нуль во фраке. — вписан на полях.

[Он бы пошёл в театр, да искусство на него не действует, а если действует, то усыпительно.¹ Он бы занялся литературой, хоть для виду, да из толстой книги журнала, которую подаёт ему мальчишка в кофейной, не понимает ни одной фразы. В обществе людей образованных ему также неловко и дико, как во французском театре. Кажется, надо бы с тоски пропасть, но вы за него не бойтесь, у него есть работа.]

Да и что ему делать дома, он человек светский и без общества жить не может. Он почти каждый день бывает в театре, он занимается литературой, он трётся кругом образованных людей, бывает во всех собраниях и на всех публичных балах². Хотя [в театре] драматическое искусство на него не действует, [по русской пословице, как стене горох] а если действует — так усыпительно³; хотя из толстой книги журнала, которую подаёт ему мальчик в кофейной, он не понимает ни одной фразы; хотя в образованном обществе ему так же неловко и дико, как во французском театре, — да ему что за дело, он [едет] бывает в обществе затем только⁴, чтобы людей посмотреть да себя показать. Может [вы скажете] быть⁵, вы скажете, что, живя таким образом, без всякого дела, не думая и не чувствуя, [можно с тоски пропасть] пропадёшь с тоски. Не бойтесь за [него] С<аву> Т<итыча>, у него есть работа. Единственный труд и забота его состоят в том, чтобы смотреть на людей, по его мнению, достойных подражания, да потрафлять у себя точь-в-точь, как у них. Моделью ему служат в иных случаях аристократия, а иногда французские актёры и приказчики модных магазинов. Он неутомимо преследует таких людей, подглядывает, как шпион, что они делают в такой-то час дня, что едят⁶, как одеваются, как говорят, какие принимают позы, какое вино пьют и какие курят сигары; всё это он перенимает и воспроизводит довольно карикатурно. Все чувства у него превратились в одно зрение. Свой собственный ум и вкус, как предметы необразованные, С<ава> Т<итыч> старался заморить поскорее, он давно перестал им верить и [гонит] изгнал⁷ из головы своей вместе с суеверными рассказами бабушки. Никакого следа развития, никаких признаков собственной мысли не рассмотрите вы у С<авы> Т<итыча> в самый сильный микроскоп. Отсутствие внутренней жизни и совершенная безличность — вот отличительные черты С<авы> Т<итыча>. Он как будто не живой человек, а модная картинка, бежавшая из последней книжки парижского⁸ журнала. Так вот каков С<ава> Т<итыч>, ни больше ни

¹ Далее вписано на полях: [Это чудное дело. Прежде, когда он был необразован, он очень любил театр и смеялся над водевильными куплетами до упаду. А теперь он знает, что это только представление, а больше ничего]

² Слова: бывает во всех собраниях и на всех публичных балах — вписаны на полях.

³ Слова: а если действует — так усыпительно — вписаны над строкой.

⁴ Слова: бывает в обществе затем только — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ Слово вписано над строкой.

меньше, а посмотрите, как он горд: он считает себя представителем молодого купеческого поколения. И, к несчастью, это почти правда: «Bourgeois gentilhomme» Мольера у нас современная пьеса. Только мольеров мещанин перед нашими очень¹ миниатюрен; русский человек меры не знает.

Как только попал Кузя в руки к Саве Титычу, так началась переделка. Густые шелковистые волосы Кузи, которыми он так ловко потряхивал, пали под ножницами Дени; вместо длинного сюртука Винтерфельд сшил такой фрак, каких и в самом Париже немного. В этом костюме Кузя был очень неловок, он не знал, куда деть руки, как держать голову, все движения его были как-то судорожны. Он чрезвычайно конфузился, а если случилось ему взглянуть в зеркало, то он опускал голову с видом совершенно-го отчаяния. Варвары, дескать, варвары, что вы со мной сделали! Погубили малова ни за что ни про что². Но С<ава> Титыч скоро вывел его из этого отчаянного положения, он выучил его, как держать себя: грудь вперед, голову вверх, руки по швам. Так разгуливали они по Сокольникам и по Парку, выступая, как гуси, и поводя глазами, как восковые фигуры с механикой. С наступлением зимы С<ава> Т<итыч> стал возить Кузю в театр и в собрания. В театр Кузя ездил с охотой, эта забава ему очень нравилась, и он всегда сетовал на С<аву> Т<итыча> за то, что тот, одевшись совсем и надевши даже белые перчатки, дожидался [девяти часов] девятого часу, чтобы приехать в половине спектакля, и за то, что С<ава> Т<итыч> уезжал всегда в начале последнего акта. Иначе С<ава> Т<итыч> не делал единственно потому, что хотел казаться львом. С<аву> Т<итыча> очень беспокоили внезапные восторги, которые находили на Кузю во время спектакля. Он долго и со тщанием поучал Кузю, что восхищаются только в райке и что в первый ряд кресел ездят совсем не за этим, а затем, чтобы видели, что ты сидишь в первом ряду, и сидишь чинно и ничему не удивляешься; да и удивляться-то нечему, потому что это только так — «представление» и больше ничего. Но как ни бился С<ава> Т<итыч>, а не мог Кузю отучить от дурной привычки восхищаться. В собрании С<ава> Т<итыч> с Кузей расхаживали таким же гусиным шагом, как и на гуляньях, [с С<авой> Т<итычем> всегда бывало] молча и не обращая ни на что внимания, и путешествовали так до первой встречи с каким-нибудь любителем шампанского из артистов. Тут они садились, выпивали бутылку шампанского и опять отправлялись показывать себя до новой встречи. Так они проводили вечера, а день в кофейной, где собиралось своего рода общество. Общество это делилось на две половины: одна половина постоянно говорила и сыпала остротами, а другая половина слушала и смеялась. Замечательно ещё то, что в эту кофейную постоянно ходили одни и те же люди, остроты были постоянно одни и те же, и им постоянно смеялись. Года два Кузя пробыл под

¹ Слово вписано над строкой.

² В автографе: ни зашто ни прошто

опекой С<авы> Т<итыча>; [Наконец стал задумываться] в эти два года он очень переменялся как внутренним, так и внешним образом: на румянном и беззаботном лице его стали показываться признаки раздумья. Он стал [вспоминать своё детство] чувствовать всю пустоту¹ той жизни, в которую увлек его С<ава> Т<итыч>; он лучше С<авы> Т<итыча> понимал людей и скоро заметил, что порядочные люди или смеются над ними, или жалеют их. С<ава> Т<итыч> был счастливый человек и не замечал, что был смешон до крайности, а Кузя был не таков, он это очень хорошо чувствовал. Положение его стало невыносимо, а выходу из него не было. С одной стороны, было перед ним образованное общество, он чувствовал, что связь, соединяющая это общество, прекрасна, что ему, человеку независимому и у которого впереди огромный капитал, был бы рай в этом обществе; но между ним и этим обществом была бездна. С другой стороны, перед ним было общество его собратьев, подкрашенное воспоминаниями детства; но между ним и этим обществом был фрак. А надевши фрак, трудно переменить его на кафтан.

Из этого положения вывело его новое знакомство. [Случайно встретился он с... и сошёлся с ним коротко] Жил за М<осквой>-р<екой> один молодой человек; он кончил курс в университете и жил учителем в одном богатом доме. Чуден казался этот человек среди Замоскворечья, чудачком и прозывался². За Моск<вой>-рекой не живут своим умом, там на всё есть правило и обычай, и каждый человек соображает свои действия с действиями других. К уму Замоскворечье очень мало имеет доверия, а чтит предания и уповает на обряды и формы. На науку там тоже смотрят с своей точки зрения, там [уважают только] науку понимают как специальное изучение чего-нибудь с практической целью. Научиться медицине — наука; научиться сапоги шить — тоже наука, а разница между ними только³ та, что [медицина наука] одно занятие благородное, а другое нет. Науку как науку, без видимой цели, они не понимают. И потому если вы встретите учёного, который станет вам доказывать материальную пользу своего предмета или станет хвалить свой предмет, понося прочие, так знайте, что этот учёный или родился за М<осквой>-р<екой>, или жил там довольно долго. Если вы встретите студента, который рассуждает так: «Всё наука да наука, нужна нам очень в жизни эта наука; нам бы только как-нибудь четыре года промаяться да чин получить — вот и вся наука», — так знайте, что это студент замоскворецкий, а если он приезжий, так, верно, [остановился] квартирует⁴ за М<осквой>-р<екой>. Итак, за обилием преданий и обыча-

¹ Слова: чувствовать всю пустоту — вписаны над строкой.

² Слова: чудачком и прозывался — вписаны на полях.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

ев, ум был для Замоскворечья вещь не только¹ не нужная, но иногда и опасная, а наука — вроде крепостного человека, [которого барин отпускает по оброку] который платит барину оброк. От этого-то и чуден казался для Зам<оскворечья> Х. Х., которому наука взошла в кровь, который, кроме ума, не признавал над собой владыки. Он не имел никакого сообщения с Замоск<воречьем> и никакого знакомства, он² заключился в маленькой комнатке, обложил себя книгами и жил в мире мечтательном, любимым автором его был Жорж Санд. Он читал его и перечитывал и, бродя без цели по улицам Зам<оскворечья>, мечтал о героях [его] и героинях его романов. Он заглядывал в окна, думая встретить <...>³. Он не знал Зам<оскворечья>, и ему позволительно было так думать. А Зам<оскворечье> знало его и думало о нём по-своему. Зам<оскворецкие> Лелии жалели его, как человека погибшего, или презирали его, как басурмана, который не ходит в баню по субб<отам> и по постам ест скоромное.

Прим<ечание> нашед<шего> рукопись. Эту безмятежную и однообразную⁴ тишину, в которой пребывает Кузьма Самсоныч⁵, нарушает изредка только старинный знакомый его, а именно Макс<им> Ферап<онтыч> (бывший Мак<сим>ка). Это лицо автор зам<оскворецких> зап<исок> упустил из виду; но я случайно попал на след и скоро отыскал Мак<сим>ку. Вот вкратце его история: Мак<сим>ка из мальчишек сделался приказчиком Тупор<ылова>, бойкостью и аккуратностью⁶ взошёл в доверенность и за старостию лет Тупорылова управ<лял> почти всей его торговлей, потом, как говорит один мой знакомый купец, дерзнул против хозяина тысяч сто⁷ и пожелал быть сам хозяином. Теперь он подрядчик, берётся за всевозможные дела и всюду дорогу знает. Товарищи его не любят за то, что он очень сбивает цену. Приезжает он иногда к Кузе затем, чтобы перехватить деньжонок на какую-нибудь аферу. За такое одолжение он [дает] делает могарычи, то есть великолепнейшие обеды и пиры, большею частью⁸ где-нибудь за городом, и тут [окруженный деловыми] с компанией гуляют напропалую. Компанию эту составляют всё деловые люди.⁹

¹ Слова: не только — вписаны над строкой.

² В автографе описка: она

³ В автографе пропущено место для вставки.

⁴ Слова: и однообразную — вписаны над строкой.

⁵ В автографе, очевидно, описка: Савич

⁶ Слова: бойкостью и аккуратностью — вписаны над строкой.

⁷ Л. М. Лотман предполагает, что в автографе описка и следует читать: тысяч на десять. — См.: Лотман Л. М. «Записки Замоскворецкого жителя» А. Н. Островского: (История и эволюция замысла) // Труды отдела новой русской литературы. С. 142.

⁸ Слова: большею частью — вписаны над строкой.

⁹ Текст: Прим<ечание> нашед<шего> рукопись ~ все деловые люди. — вписан на л. 25, 25 об.

<ЗАМОСКОВОРЕЧЬЕ В ПРАЗДНИК>

[1]

[Замоскворечье в праздник]

[1]

[Праздничное утро]

Между праздником за М<осквой>-р<екой> и про<чими частями Москвы>. Есть некоторые [яркие] резкие черты, которыми Зам<оскворечье> в праздничный день [резко] ярко отличается от прочих частей Москвы. Возьмем, например, воскресенье. По ту сторону М<осквы>-р<еки> та же суэта, та же деятельность, как и в будни: а у нас не то; у нас сейчас видно, коли праздник...

Воскресенье

У нас за Москвой-рекой воскресный день резко отличается от прочих дней недели.

<ВВЕДЕНИЕ>

[Введение]

— Полноте, что вы говорите; я очень хорошо знаю, что за Москвой-рекой есть улица 12 верст длины, и на ней только 2 дома; и то по концам, да будка по середине.

— Не может быть!

— Что мудреного, батюшко, — заговорила одна почтенная дама. — Я как-то была за Москвой-рекой — проездом в Царицыно ездили — ехали, ехали, и конца ему нет.

— А вот, Марья Антиповна, за Москвой-рекой есть дом — только это, господа, истинная правда, не грех побожиться — так вот, сударыня моя, дом каменный, каменным забором обнесен, только кто в этом доме живет, этого никто в мире не знает.

— Да как же это, батюшко?

— А вот видели, как ворота железные и уж несколько лет заперты, [только] и никто¹ оттуда не выходит; а [мы] люди² живут там, и шум слышно, и собаки лают, и по ночам огонь видно.

— А я слышал, господа, правда ли, нет ли, что там есть дом такой, что и хозяин от него отступается, даром отдает, да и то никто не берет.

— Отчего ж не взять, коли даром дают?

¹ Слова: и никто — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

— Пойдите, возьмите. Нет, были и попрытче вас, да и то отступились.

— Да отчего же?

— А оттого: переедут жильцы, день поживут, кажется ничего, все хорошо, а ночку ночуют, так нет, говорят, наше почтение, ни за какие благополучия не останемся. Вот оно что.

— Что ж, холодно, что ли?

— Поживите, так будет жарко.

— И, батюшко, будто не понимаете, место нехорошо.

— Да какие там есть места, М<арья>А<нтиповна>, просто Боже упаси. Вот, напр<имер>, Болвановка. А отчего она Болвановка? Оттого, что там стоял татарский бог, по-нашему сказать, идол, а по-татарски — болван. Вот, извольте жить на этом месте; поневоле от дому¹ отступишься.

— Да и что там за народ живет?

— Как что за народ? Да там 100 тысяч жителей.

— Каких 100 тысяч, гораздо меньше. Да и как там жить, когда в половодье половину Замоскворечья водой заливают. Да и климат там, должно быть, холоднее здешнего.

Такие или почти такие неясные слухи носят об этой части города. В какой-то туманной дали представляется это мирное Замоскворечье.

ОЧЕРКИ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

[Замоскворечье, Замоскворечье! Что ты? Что таится под твоей скромной тихой наружностью? Жизнь ли патриархальная самодовольная или бедность горькая, вопиющая? Как живет здесь человек, удаленный от столичного шума и движения, как мирный гражданин, дышащий счастьем семейной жизни в блаженном согласии с супругою, в трогательной дружбе с соседями, или черствеет душа его в будничных мелочах жизни.]

Так спросит себя человек, взглянувши на тебя издали, хоть из Кремля... чел<овек>, которы<й>... не наблюдал тебя.

Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провел несколько лет жизни в лоне твоём, имею за М<осквой>-р<екой> друзей и приятелей и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздник и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и дется по твоим широким улицам и мелким частым переулочкам.

ТЕТРАДЬ 1-ая

1-е. Прелюдия.

2-е. Праздник.

[Наконец я переехал из-за М<осквы>-р<еки> — как я рад, весел, — дышу свободнее. Как я рад, что переехал из-за Мос<квы>-реки]

¹ Слова: от дому — вписаны над строкой.

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

[Предисловие] Из записок молодого человека, переехавшего из Замоскворечья

Для первого знакомства, читатели, я поведу вас в мирный тихий уголок Москвы, т. е. не то чтобы уголок, а порядочный угол, называемый Замоскворечьем. Недавно [попались в руки записки молодого человека] мне попала в руки тетрадь одного¹ молодого человека, переехавшего из Замоскворечья, [Но позвольте мне сделать одно замечание] и я предлагаю ее на ваше благосклонное внимание.

Но позвольте мне сделать одно маленькое² замечание, так, совершенные пустяки³. [Я никак не смею усомниться в том] Вы, вероятно, знаете, что [такое] называется⁴ Замоскворечьем, и где оно. Но все-таки не мешает (так, знаете ли, для верности)⁵ сказать, что Замоскворечье лежит от нас, т<о> е<сть> от Кремля по ту сторону М<осквы>-р<еки>, отчего, вероятно, и называется Замоскворечьем. Впрочем, можно, следуя методу наш<их> филологов⁶, Замосквор<ечье> производить и от другого корня. Разделим Замоскворечье так: Замо-скворечье. Теперь ясно, что Замоск<воречье> можно произвести от скворца, да и не только произвести, можно и доказать, что это словопроиз<водство> очень основательно. Слушайте! За Моск<вой>-рек<ой> существует большая привязанность к скворцам, и там делают для них особенного рода гнезда, называемые скворечниками. А вот как их делают: возьмут несколько дощечек и сколотят из них ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть птица, потом привяжут к шесту и поставят во саду либо в огороде. Но оставимте филологию на этой стороне и пойдемте за Москву-реку.

---

¹ Слова: тетрадь одного — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: так, совершенные пустяки — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: так, знаете ли, для верности — вписаны над строкой.

⁶ Слова: следуя методу наш<их> филологов — вписаны над строкой.

<З. Ф. К-ъ>
(«Снилась мне большая зала...»)

Снилась мне большая зала,
Светом облита,
И толпа под звуки бала
Пол паркетный колебала,
Пляской занята.
У дверей — официанты
И хозяин сам.
И гуляют гордо франты,
И сверкают бриллианты
И глаза у дам.
Воздух ароматно-душен,
Лёгким тяжело.
К атмосфере равнодушен,
Женский пол совсем воздушен
И одет голо...
И отважно и небрежно
Юноши глядят.
И за дочками прилежно,
Проницательно и нежно
Маменьки глядят.
Всюду блеск, кенкеты, свечи,
Шумный разговор,
Полувзгляды, полуречи,
Беломраморные плечи
И бряцанье шпор.
Вальс в купчихах неуместно
Будит жар в крови,
Душно, весело и тесно,
Кавалеры повсеместно
Ищут визави.
Вот меж всех красавиц бала
Краше всех одна.
Вижу я, что погибало
От неё сердец немало,
Но грустна она.
Для неё толпа пирует
И сияет бал, —
А она negliжирует,

Что её ангажирует
Чуть не генерал.
Гений дум её объемлет,
И молчат уста.
И она так сладко дремлет,
И душой послушной внемлет,
Что поёт мечта.
Как всё пусто! То ли дело, —
Как в ночной тиши
Милый друг с улыбкой смелой
Скажет в зале опустелой
Слово от души.
Снятся ей другие речи...
Двор покрыла мгла...
И, накинув шаль на плечи,
Для давно желанной встречи
В сад пошла она.

<АКРОСТИХ>

(«Зачем мне не дан дар поэта...»)

Зачем мне не дан дар поэта,
Его и краски, и мечты?
Нашлась нужда теперь на это.
Аврору, майские цветы
И все на свете красоты
Давно бы описал я смело,
А вас писать — другое дело.

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

Первоначальная редакция (ЧА)

ИСКОВОЕ ПРОШЕНИЕ

Комедия

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Куп<ец> Пузатов <Антип Антипович>.

Жена <его> 30 <лет>, Матр<ёна> Савиш<на>.

Сестра мужа <Пузатова> 20 <лет> Мар<ья> [Савиш<на>] Ант<и-повна>.

Мать Пузатова.

Сосед, куп<ец> Ширялов, Пар<амон> Пар<амовович>.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В доме Пузатова.

Матр<ёна> Сав<ишна> и Мар<ья> [Сав<ишна>] Ан-тип<овна> сидят у окна и смотрят.

Мар<ья Антиповна>. Что это Дарья нейдёт так долго. — Ах, какая скучная¹.

Мат<рёна Савишна>. Да ты видела.

Мар<ья Антиповна>. Видела. Сейчас прошли.

Мат<рёна Савишна>. А куда прошли?

Мар<ья Антиповна>. Сначала вот так прошли, а потом назад, а потом опять назад, да на углу-то за лавочкой у будки и остановились. Я сейчас же Дарью и послала, да вот и нейдёт.

Матр<ёна Савишна>. Что ж это она в самом деле так долго. А в чем они?

Мар<ья Антиповна>. Да уж я, сестрица, не ошибусь. [Михайло Ник<олаевич?>] Чижилов в сером пальте, а на Зябликове чёрный альмавив и соломенная шляпа. Что, сестрица?

Матр<ёна Савишна>. Это они.

Мар<ья Антиповна>. Ах! Что ж это Дарья-то.

Вбегает Дарья.

¹ Слово вписано чернилами.

Дарья. Ну мат<ушка> барыня, совсем было самой попалась.

Мар<ья Антиповна>. Как же это ты?

Дарья. Я бегу назад-то, а Степ<анида> Трофимов<на> стоит у подъезда, что-то дворнику показывает. Ты, говорит, куда это, Дарья, ходила: да ведь, мат<ушка>, — тоже и я девка-то не промах, за шёлком, мол, в лавочку бегала, а сама к вам поскорей. А то, чего доброго, остановит, пожалуй. Скажет, ты за шёлком ходила, а ну покажи. Тогда куды деваться. Она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Мат<рёна Савишна>. Ах Даша, да они-то что ж?

Дарья>. Да. Кланяться приказали (*оглядывается кругом, вынимает из-за пазухи два письма*). Побольше-то вам, а вот поменьше-то вам, барышня. Да ещё приказывали, чтобы непременно, говорит, в пятницу в Останкино приезжали, — этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы непременно приезжали, хоть и дождик будет, всё бы приезжали.

Марья Антиповна>. Что ж, сестрица, поедемте.

Мат<рёна Савишна>. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут в пятницу; а ответ, мол, уж пришлют, слышишь.

Дарья>. Слушаю-с — больше ничего?

Марья Антиповна>. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек — почитать, — бар<ышня> просит.

Дарья>. Слушаю-с — больше ничего?

Мат<рёна Савишна>. Ничего.

Дарья>. Ну, так я побегу (*уходит*).

Распечатывают пис<ьма> и читают.

Мат<рёна Савишна>. Ну-ка, Маша, что они нам пишут.

Марья Антиповна>. Ах, сест<рица>, что этот Зяб<ликов> пишет, бог его знает.

Мат<рёна Савишна>. А что?

Марья Антиповна>. Да вот (*читает*). «Невинный ангел Марья Антиповна. Как часто ночью, когда луна, царица ночи, плавает по горизонту, я мечтаю об вас, обожаемое существо. Когда сердце тоскует и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и как бы в тумане вижу ваш образ». Уж это я и не знаю, что такое. Да и дальше-то. «Ваш образ, как лучезарное светило в эфирном пространстве». Никак не поймёшь. Вот всякий раз так. Может быть, он это на смех подымает.

Мат<рёна Савишна>. Маша, что ты! Это он уж так от сильного чувства.

Марья Антиповна>. А вот и стишки на конце.

Мат<рёна Савишна>. Ну-ка прочти.

Марья Антиповна>. Стонет сизый голубочек...

Мат<рёна Савишна>. Ах, Маша, какие чувствительные! (Чит<ает> про себя).

Мар<ья Антиповна> (смотр<ит> в окно). Сестрица, душечка, что вам пишет Чижииков?

Мат<рёна Савишна> (читает вслух). Друг души моей Матр<ёна> Сав<ишна>, приезжайте в пят<ь> в Останк<ино>. Хотя вы и говорите... (обе выглядывают в окно и кланяются).

Мар<ья Антиповна> (смотрит в окно). Сестрица, сестр<ица>, идут. Сестрица, оглянулся.

Мат<рёна Савишна>. Ты, Маша, не очень высовывайся-то, Лопатиха увидит; старуха-то уж и то замечать начинает. Что тогда, Маша?

Мар<ья Антиповна>. Беда, сестрица.

Мат<рёна Савишна>. Ах, Маша, какая беда-то!

Мар<ья Антиповна>. Ну, сестрица, в переулок поворотили (отходит от окна, вздыхает).

Мат<рёна Савишна>. Ну-ка, Маша, ты побойчее моего читаешь-то. Что это такое, вот не разберу (читает). «Хотя вы и говорите, что муж ваш очень ревнив, но неужели он такой» — такой — вот это какое-то нехорошее слово.

Мар<ья Антиповна>. Что это Атилла — нет Ателла, кажется, или Атилла, уж, право, не знаю, а вот мы, сестр<ица>, в пят<ницу> спросим — что это такое. Ну, а дальше-то, сестрица, — что.

Мат<рёна Савишна> (читает с расстановкой). «Неужели он такой Атилла, что вас не пустит в Останкино. А мне нужно вас видеть непременно, вы знаете моё положение и как мне нужны...» Ну, Маша, уж это наши дела. Поди напиши что-нибудь Зябликову-то, пока А<нтип> А<нтипыч> не приехал, надо уж послать.

<Марья Антиповна> (уходит).

Матр<ёна Савишна> (садится к столу). «Как мне нужны», ну уж это знаю. «Да привезите бут<ылку> мадеры. Зябликов очень любит. Да Зябликов говорит, что он больше не пойдёт со мной. Мне, говорит, надоело таскаться каждый день. Твоё, говорит, другое дело, а я из-за чего хожу, — поглядеть на Мар<ью> Ант<иповну>, говорит, невелика благодать. Хоть, гов<орит>, она и пишет: “Мой ангел — мое блаженство”, — а как сойдёмся — так только у ней и разговору, какие её маменька варенья варила да сколько огурцов посолили. Да, говорит, она, должно быть, вовсе дура. Вы, М<атрёна> С<авишна>, этого письма, пожалуйста, ей не показывай<те>. Мало ли, говорит, что они пишут. — Вон, Мар<ья> Ант<иповна> во всяком письме пишет: твоя по гроб моей жизни, а того гляди, что за какого-нибудь бородача выдет замуж.

Это, говорит, они нашего брата только по губам мажут. Баловство, говорят, одно, а не любовь. А всё оттого, что им делать нечего. Сидят разодевшись с утра до вечера у окошка. Так это, говорит, они от скуки записочками и занимаются. Конечно, твоё дело другое». Вот беда-то! — ну, как в самом деле он не пойдёт больше — что мне тогда с Марьей-то делать — она меня просто съест. Такое наказание — право, навязалась эта девчонка на шею. Хоть бы её поскорей замуж выдать за кого-нибудь (*задумывается и потом пишет*). Скажите Зябликову, чтобы он походил с вами ещё немножко, может быть, мол, за тебя и замуж отдадут — ведь у неё пятьдесят т<ысяч> денег. А коли не пойдёт, так сыщите кого-нибудь другого. А то и мне нельзя будет из дому отлучиться ни на минуту — повидаться с тобой, моё блаженство: она тогда всё перескажет мужу (*пишет тихо и потом запечатывает*).

Мар<ья Антиповна> (*входит, запечатывает*). [Послушайте, сестрица, что я написала Зябликову: пусть лучше стены монастыря...] Сестрица, я написала Зябликову.

Дар<ья> (*вбегает*). Сам приехал. Сам приехал (*берёт у них письма*).

Гол<ос Пузатова>. Жена, а жена, Мат<рёна> Сав<ишна>.

<Пузатов> (*входит*). Жена.

Мат<рёна Савишна>. Что там.

Пуз<атов>. Здравствуй, ха-ха, а ты думала и бог знает что? (*Целуются*.) Поцелуй ещё (*заигрывает*).

Мат<рёна Савишна>. Полно дурачиться-то, перестань, А<нтип> А<нтипыч>. Э, как тебе не стыдно?

Куп<ец> <Пузатов>. Да поцелуй ещё.

Мат<рёна Савишна>. Ах, отстань ради бога.

Куп<ец> <Пузатов>. Уважь (*целуются*). Ай да жена, вот люблю, ай да Мат<рёна> Сав<ишна>. — Знаешь ли что, Мат<рёна> Савиш<на>.

Мат<рёна Савишна>. Что ещё?

Куп<ец> <Пузатов>. Хорошо бы теперь чайку выпить-с (*садится на диван и отдувается*).

Мат<рёна Савишна>. Дарья.

Дар<ья>. Что прикажете?

Мат<рёна Савишна>. Давай самовар да спроси ключи у Степ<аниды> Трофимовны.

Куп<ец> <Пузатов> (*грозно*). Жена, а жена.

Мат<рёна Савишна>. Что ещё?

Шир <Пузатов>. Поди сюда. Говорят тебе — поди сюда.

Мат<рёна Савишна>. Да что ты, очумел, что ли?

Шир <Пузатов>. Что я с тобой исделаю.

Мат<рёна Савишна>. Да что с тобой?

Шир <Пузатов>. А, испугалась, ха. Нет, Матр<ёна> Сав<ишна>, это я так, шутки шучу. Что ж чайку-то-с?

Мат<рёна> Савишна>. Сейчас.

К<упец> сидит, сопит и утир<ается> платк<ом>.

Ст<е панида> Тр<о фимовна> (вход<ит>, и Дарья несёт самовар). Вот пострел, прости госп<оди>. Эка угорелая девка! Ну что ты бежишь-то сломя голову, ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил. Который ты раз чай-то пить принимаешься — дома два раза пил, да, чай, в городе-то нахлебался досыта.

А<нтип> А<нтипович>. Что ж, ничего! Что за важность! Не хмельное! С Брюховым ходили. Ходил с Саввой Сав<вичем>. Что ж. Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче Брюхова-то, мат<ушка>, рубликов на 1000-чку оплёл¹.

Ст<е панида> Тр<о фимовна>. Уж где тебе, дитятко, само-го-то, чай, кругом обманывают! За приказчиками ты не смотришь. Торговлей не занимаешься — уж какая это торговля, — с утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. (Пауза.)² Ох, никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поут<ру> самовар со стола не сходит до одиннадцати часов, — сначала молодцов напоишь — в город отпустишь, потом ты, родимый, подымаешься, — тебя-то скоро ли ублаготворишь, потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости госп<оди>. Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут, — встал бы ты в четыре часа, за хозяйством бы посмотрел, на дворе поглядел бы и всё такое, и всё как слественно: к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то, пора за хозяйство приниматься». Да таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня, правду говорю, Мат<рёна> Сав<ишна>, правду.

Мат<рёна> Савишна>. Уж вы теперь начнёте!

Ст<е панида> Трофимовна>. Ах, мать моя, да ведь мной только дом-то и держится! Вас не учить, так и добра не видать. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня. Встанешь-то ты, стыдно сказать, а грех утаить, в одиннадцатом часу, а я-то тебя за самоваром изволь дожидаться, а я, суд<арыня>, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матр<ёна>

¹ Более ранний вариант этой реплики: Что ж, ничего! Что за важность! Не хмельное! То есть не то, что досыта, а пил, матушка, пил. С Брюховым ходили. Ходил с Саввой Сав<вичем>. Что ж. Ничего. Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче Брюхова-то, мат<ушка>, рубликов на 1000-чку оплёл.

² В первом слое Ча вместо: За приказчиками ты не смотришь. ~ как посмотрю я — У вас только и дело что брюхо наливает. Грешный человек, сама люблю чайку выпить, да уж не по 8 же раз. Уж вы и меня-то с пути сбили.

Сав<ишна>, больно барственно. Уж ты как не финти, а барыней не быть, голубушка ты моя! — Всё-таки купчиха. Это разрядится, мантилии да билиндрысы разные навешает на себя, растопырится — прости господи; распустит хвост-то, как павлин; фу ты, прочь поди, так и шумит. А уж ты, Мат<рёна> Савишна, как ни крахмалься, — а всё-таки не барыня — тех же щей, да пожже влей.

Мат<рёна> Савишна>. Что ж, не в платочке же мне ходить — и то сказать.

Ст<епанида> Троф<имовна>. А ты, сударыня, своим звани-ем не гнушайся!

Куп<ец> Пузатов>. Что ж, отчего не рядиться, коли есть во что? Уж будто только одне ба<рыни> и рядятся. Ничего, можно. Да она у меня как разр<ядится>, так лучше всякой барыни, вальсянее, право. Ведь те, мат<ушка>, все мелочь, ха-ха, сухие да поджарые, взглянуть не на что. А она у меня, нечего греха таить, таки тово; есть-таки кое-что — этак из мягкого, ха-ха-ха.

Мат<рёна> Савишна>. Ну уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Мар<ья> Антиповна>. Как вам, братец, не стыдно так конфуз-ить?

Ст<епанида> Троф<имовна>. Знаю я, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то чай, бедная, думает: «Эко, дескать, горе моё, муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик ка-кой-нибудь, раздушенный да распомаженный».

Куп<ец> Пузатов>. Чтоб она меня, молодца такова, да проме-няла на кого-нибудь, — красавца-та этакого (*разглаж<ивает> усы*). Ну-ка, Мат<рёна> Сав<ишна>, поцелуйте-с.

Мат<рёна> Сав<ишна> целует с притворн<ой> неж<ностью>.

Ст<епанида> Троф<имовна>. Эх, дитятко, враг-то силён. Мы с покойник<ом> жили не вам чета, гораздо-таки-то полюбовнее, да всё-та-ки он меня в страхе держал, царст<во> ему неб<есное>. Как ни любил, как ни голубил, а в спальне на гвоздике плётка висела про всякий случай.

Мат<рёна> Савишна>. Уж вы, маменька, бог знает что выдумываете! Вы доведёте до того, что опять истерика сделается.

Ст<епанида> Троф<имовна>. Ты, матушка, и не говори лучше. А то я и ещё кой-что знаю, мне Лопатиха-то сказывала. Да уж я это к случаю берегу, всё в кучку коплю. Я бы и не сказала, мне, пожалуй, бог с вами, живите, как знаете, свой разум есть. Да вот вы у меня Машутку-то избаловали совсем.

Куп<ец> Пузатов>. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду.

Ст<е п а н и д а > Тр<о ф и м о в н а >. Давно бы тебе пора, сердешный, хватиться, а то ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрастe.

Мар<ь я А н т и п о в н а >. Что вы, маменька, всё на возрасте да на возрасте. Мне не бог знает сколько.

Степ<а н и д а Т р о ф и м о в н а >. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла, а тебе ведь, стыдно при людях сказать, двадцать годов.

Куп<е ц > <П у з а т о в >. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Мар<ь я А н т и п о в н а >. Ах, бр<атец>, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасъ. Такой противный!

Куп<е ц > <П у з а т о в >. Ну, Голопятова.

Мар<ь я А н т и п о в н а >. Да вы, бр<атец>, это нарочно мне всё урод<ов> навязываете.

Куп<е ц > <П у з а т о в >. Что ж, ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие, ха-ха-ха. Важные женихи.

Мар<ь я А н т и п о в н а >. Да это вы всё на смех.

Ст<е п а н и д а Т р о ф и м о в н а >. Да ты полно зубы-то скалить, я дело говорю, что балясничать-то? А ты, сударыня, не бойся! Женихи найдутся, любова выбирай, ты у нас ведь не голь сарат<овская>, невеста с прид<аным>. Только за благородного не отдам, ты и не думай и не воображай себе.

Куп<е ц > <П у з а т о в >. Уж будто, мат<ушка>, промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж. Бывают.

Степ<а н и д а Т р о ф и м о в н а >. Как, бат<юшка>, не быть, во всяком сословии есть. Да уж всякому своё. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Куп<е ц > <П у з а т о в >. Что ж, отчего за благород<ного> не отдать. Ничего. Можно. Что за важность?

Ст<е п а н и д а Т р о ф и м о в н а >. Эх, голуб<чик>, хороший-то, который постепеннее, — не возьмёт, тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две либо три, ну а другие-то прочие, из мелких-то, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством-то своим похвывается; «Я-де благородный, а вы мужики», а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи. Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей, а я ещё тогда самой-то говорила: «Эх, Максим<овна>, не садись, мол, не в свои сани, вспомнишь ты меня — да поздно будет». Так что ж: «Я, — говорит, — детищу своему не враг, хочу, говорит, как всё к лучшему, всё-таки, говорит, благородный, а не купец, может и дослужиться и в чины произойти». Да вот теперь близко локоть-то, да нет, сударь, не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые

пропил, которые в картишки проиграл, сердешный. Я и на свадьбе-то была, банкет такой сделали, упаси господи. Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький, да гнусенький такой, да фрачишко-то на нём этот натянут короткохвостый, весь это как облизанный, да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит, совсем и на жениха-то не похож, чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает, только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли. Да нечего и говорить — всякий знает. Ну, положим, так не все же пьяницы, попадётся и трезвый человек, — так он тебя табачищем одним из дому выкурит либо, грешное дело, по постам скоромное лопает (*плюёт*). Фу ты, мерзость какая, прости господи. Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности-то, то есть и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший.

Ш и р <П у з а т о в>. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я, уж и любить-то есть что, не то что стрекулист какой-нибудь чахлый. Так, что ли, Маша? А...

М <а р ь я А н т и п о в н а>. Да перестаньте.

А <н т и п> А <н т и п о в и ч> <Пузатов>. Мат<рёна> Сав<ишна>, ведь правду я говорю?

М <а т р ё н а> С <а в и ш н а>. Уж ты наладил одно и то же.

Ст <е п а н и д а> Т <р о ф и м о в н а>. Что ж, М<аша>, известное дело, уж и приласкать есть кого.

М <а р ь я> А <н т и п о в н а>. Ах, маменька, да что вы, ей-богу. Я уйду. Пойдёмте, сестрица.

Уходят.

Ст <е п а н и д а> Т <р о ф и м о в н а>. Стыдно стало, дело девичье.

А <н т и п> А <н т и п ы ч>. Что ж! И за купца можно, отчего не отдать, дело хорошее.

Ст <е п а н и д а> Т р <о ф и м о в н а> (*подвигается, вполголоса*). А вот, Ан<типу>шка, мне кума Терентьевна сказывала, Пар<амон> Пар<амоныч> жениться задумал. Вот упускать-то не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенок, и вдовый, — да денег-то, А<нтипушка>, больно много, куры не клюют. Ну да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Куп <е ц> <П у з а т о в>. Только, мат<ушка>, уж больно плут.

Ст <е п а н и д а> Т р о ф и м о в н а>. Ах, батюшки, да чем же он плут, скажи, пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит; да придёт-то раньше всех, перед каждым образом свечку поставит, из церкви пойдёт — всех нищих оделит и посты держит, Великим постом и чаю не пьёт с сахаром — всё с мёдом либо с изюмом. Так-то, голубчик, не то что ты. А если

и обманет кого, так что за беда, не он первый, не он последний, человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо словица-то говорится: не обмануть, не продать.

Куп <е ц> <Пузатов>. Что говорить? Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдёт, да уж, мат<ушка>, ведь не всякого же, иногда и совесть зазрит. Право слово, и смертный час вспомнишь. Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу, да ведь я и скажу потом. Вот, мол, я тебя так и так помазал маненько. Вот в прошлом году Саву Савича при расчёте рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: «Вот, мол, Сав<а> Сав<ич>, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай». Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность. А вот недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Матр<ёна> Сав<ишна> тряпья разного у него из маг<а-зина> забирала, а он мне счётёц и выписал тысячи в две.

<Степанида Трофимовна>. Что ты говоришь! Какова!

Куп <е ц> <Пузатов>. Что ж! Ничего! что за важность! Пусть щеголяет. А вот я думаю, неужели, мол, немцу все деньги отдать — как же, мол, не так, нет-с, жирно будет... ведь вот и не додал ему руб<лей> триста с небольшим, остальные, говорю, мусьё, брат, после. Хорошо, говорит, хорошо, как и путный, да потом, сударыня ты моя, и начал приставать: как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги, — надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец: что ж, говорит, деньги; какие, говорю, деньги, я тебе, брат, отдал давно и отстань ты от меня Христа ради. Вот и взбеленился мой немец: это, говорит, купцу не хорошо, это, говорит, фальшь. У меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чёрт знает что там в книге-то напишешь, тебе всё и плати. Так, говорит, русской купец делает, немец никогда, я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним. Поди, я говорю, немного возьмёшь. Потасил в суд, что ж, мат<ушка>, ведь отпёрся, право, отпёрся, говорю, знать не знаю, я ему заплатил; что ж такое, что за важность? Уж что с этим немцем смеху было, так беда. Вот идет из суда немец-то и говорит: ты, говорит, судей обманул; это, говорит, бесчестно. (Ишь ты, какой ловкий!) Да я, говорю, знаю, я бы тебе и отдал, К<арл> Ив<аныч>, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские так животики надорвали со смеху. Выругал как-то по-своему да с тем и пошел.

Смеются оба.

А то всё ему и отдать, да за что это, нет, уж это опосля честь будет. Они там ломают цену какую хотят, а им и верят сдуру-то. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, мат<ушка>, вот как. А Ширялов-то, да это хуже жиды, отца родного готов надуть, право, так вот в глаза и смотрит; у него уж сердце не на месте, коли он не обманул кого-нибудь. Когда в компании соберёмся где-нибудь, так он то того отведёт к сторонке, то другога,

да на ухо шепчет, да целует, да голубчики, да любезные, так размазывает, как отец и благодетель! а тут-то за карман и держись. Вот у меня теперь за ним зашло тысяч пять, раз десять говорил ему, разочтёмся, Пар<амон> Пар<амоныч>, а он тут тебе и начнёт шутики разные подводить, да на ухо шептать что-нибудь, либо хи-хи-хи, да смехи разные, да вот целует тебя — так и замнёт. Вот коли к празднику не отдаст, судиться стану.

Ст<епанида Трофимовна>. Эх, голубчик, не судись, лучше так как-нибудь помирись.

Входит Ширялов

Куп<ец> Пузатов. А! Пар<амон> Пар<амоныч>, здравствуйте, почтеннейший.

Ширялов. Здрав<ствуйте>, любезные, Ант<ип> Ант<ипыч>, здрав<ствуй>, голубчик. *(Целуются.)* Мат<ушка>, Ст<епанида> Тр<офимовна>, здрав<ствуйте>. *(Целуются.) (Кланяется.)*

Куп<ец> Пузатов. Садись, Пар<амон> Пар<амоныч>.

Ст<епанида Трофимовна>. Садись, батюшка.

Ширялов *(садится)*. Как поживаете, Ст<епанида> Тр<офимовна>?

Ст<епанида Трофимовна>. Плохо, батюшка, старость приходит; вас как бог милует.

Ширялов. Что, мат<ушка> Ст<епанида> Тр<офимовна>, на прошлой неделе притча сделалась — так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, — больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался. Вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик, корбит, сударыня ты моя, да и только. А пуше-то, мать ты моя, поясницу схватило.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Дело немолодое — батюшка.

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк, нет, сударыня ты моя, отпустит этак немножко, да опять схватит, даже под сердце подкатило.

Ст<епанида Трофимовна>. А, батюшки!

Куп<ец> Пузатов. Да ты, Пар<амон> Пар<амоныч>, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ширялов. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Ст<епанида> Тр<офимовна>, то есть не то, чтобы бросил совсем, а так, погожу, мол, маленько. А зарок не давал, нельзя, мат<ушка>, человек слаб.

Ст<епанида Трофимовна>. Что говорить, батюшка.

Ширялов. А я так, любезные, думаю, простудился, мол, я как-нибудь потный на улице, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Долго ли до греха, бат<юшка>, долго ли — чайку не хотите ли, Пар<амон> Пар<амоныч>?

Пар<амон> Пар<амоныч>. Покорно благодарствуйте! Сейчас пил, мат<ушка>, сейчас пил.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Выкушайте, бат<юшка>.

Куп<ец> <Пузатов>. С нами-то за компанию.

Шир<ялов>. Плошечку пропустить можно. Только, мат<ушка>, сахар<у> не клади.

Ст<епанида> Трофимовна> наливает, Шир<ялов> бер<ёт>, пьёт и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я срествие избрал. Что, думаю себе, михстуры эти просто дрянь, даром деньги берут. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошёл, пошёл, сударь ты мой. Да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, краснова перцу стрючкового два стрючка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпил — а то велел себя вытереть в пару, знаешь ли. Да приехавши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так потом и прошло, как рукой сняло.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Вот у меня Ант<ипушка> всё пуншт<иком> лечится.

Ант<ипАнтипыч>. Это, брат, ото всякой болезни прибежище.

Шир<ялов> ст<авит> чашку.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Выкушайте ещё чашечку.

Шир<ялов>. Нет, увольте. Много доволен, Ст<епанида> Тр<офимовна>, много доволен.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. Э, батюшка, без церемонии (*наливает*). Как дела, батюшка?

Шир<ялов> (*берёт чашку*). Слава богу, Ст<епанида> Тр<офимовна>, — одно у меня горе. Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу.

Куп<ец> <Пузатов>. Что, закутил?

Шир<ялов>. Нет, хуже, Ант<ип> Ант<ипыч>, хуже. Кабы запивал, так ещё не велика беда, сударь ты мой. Много ли он пропьёт? А то мотаёт не в свою голову. Вот, мат<ушка> Ст<епанида> Тр<офимовна>, детки-то нынче!

Ст<епанида> Тр<офимовна>. А сам ты, Пар<амон> Пар<амоныч>, виноват, избаловали вы мальчишку-то, так, ни за копейку. Вы бы ему с малолетства воли-то не давали — а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался бы к торговле-то, руку бы набивал, так бы лучше было.

Ш и р <я л о в>. Ах, мат<ушка> Ст<епанида> Тр<офимовна>, ведь он один у нас, один, сударыня, как перст. И то подумаешь: надо малова в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы, бывало, играем до восемнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученова-то дураком зовут. Да и то, Ст<епанида> Тр<офимовна>, ведь у нас состояньице порядочное — Бог благословил; что хорошего, станут говорить, что от этакова, мол, капиталу — одново сына воспитать не может. Да и хуже-то других быть не хочется, послышишь, тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Ком<мерческую> ака<демию>. Вот и свезли Сеньку в пиньсион, за год вперед деньги отдал, а он месяца через три, судар<ыня> ты моя, убёг оттедова. Стали дома учить — учителя нанял, дешевенькова. Учитель-то какой-то оглашенный попался, вовсе непутный, <сударыня> ты моя. Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рошу и закатятся. Прогнал учителя — прогнал. Да вот теперь и маюсь с Сенькой-то.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Выучил на свою голову.

Ш и р <я л о в>. Да что. Поминутно плачу за него, поминутно — тому сто, тому двести, портному тысячу руб<лей> недавно заплатил. Легко ли дело, да я в десять лет на тысячу руб<лей> не изношу, право, не изношу. (Почти шёпотом.) Одних перчаток прошлую зиму на триста руб<лей> забрал, ей-богу, на триста.

Ст<епанида> Тр<офимовна>. А, батюшки.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Ха-ха, вот голова-то.

Ш и р <я л о в>. Да ведь вот что, везде ему верят, знают, что я заплачу. В тракт<ире> в каком-то тысячи четыре должен. Что, Ан<тип> Ан<типыч>, сказывал я тебе или нет?

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Про что?

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Нет! А что?

Ш и р <я л о в>. Комедия, сударь ты мой (смеётся, подвигается и говорит шёпотом). Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армяшка. Продав шёлк — завертелся туды-сюды — вот не плоше Сеньки. Стали в городе поговаривать, что, мол, — таво. А у меня, суд<арь> ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь, нет — сметили. Вот приезжает наш фабрикант. На городу где-то был. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что же, сударь ты мой, — всё и спустил без обороту.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Ну что ж, как же?

Ш и р <я л о в>. Да двадцати пяти копеечек. Хи-хи-хи.

К у п <П у з а т о в>. Что ты, вот важно, ха-ха-ха.

Ш и р <я л о в> (отодвигается). А вот Сенька-то не таков, нет, сударь ты мой, не таков — не таков... Компанию водит бог знает с кем, так,

с людьми, не стоящими внимания, — внимания не стоящими (*ставит чашку на стол*).

Ст<епанида Трофимовна>. Выкушайте ещё.

Шир<ялов>. Нет, мат<ушка>, не могу, увольте, Ст<епанида> Тр<офимовна>.

Ст<епанида Трофимовна>. Без церемонии.

Шир<ялов>. Нет, не могу, право, не могу.

Ст<епанида Трофимовна>. Ну как хотите, а можно бы ещё.

Шир<ялов>. Право не могу — не могу (*встаёт, кланяется*).

Ст<епанида Трофимовна>. Дарья, убирай чай.

Дарья убирает.

Прощайте, бат<юшка> Парамон> Парамоныч>.

Шир<ялов>. Пр<ощайте>, мат<ушка>.

Ст<епанида Трофимовна>. Заходите почаще, не забывайте. (*Целуются.*)

Шир<ялов>. Ваши гости, мат<ушка>, Ст<епанида> Тр<офимовна>, ваши гости. (*Кланяется.*)

Шир<ялов>. Так вот, суд<арь> ты мой, дома не живёт, в городе не бывает — право, не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости покой знать; а расположиться не на кого. Везде — сам. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Что ж, суд<арь> ты мой (*подвигается и шепчет*), так вот, завалылась у нас штука.

Ант<ип> Ант<ипыч>. Говори вслух, никого нет.

Шир<ялов>. Ещё в третьем году цена-то ей была два руб<ли> сорок — за аршин, а в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, суд<арь> ты мой, сижу я в лавке, идут две барыни, должно быть, маменька с дочкой. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить. Как, мол, не быть, сударыня, достань-ка, говорю, Митя... модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю — два пятьдесят себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите р<убль> восемь гривен>, — слышишь, р<убль> восемь гривен>. Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться. Два руб<ли> дают, слышишь, Ант<ип> Ант<ипыч>, два рубли. Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно, извольте всю штуку брать, так уж, так и быть, по два с грив<ной>, говорю, возьму. А я, сударь ты мой, Ант<ип> Ант<ипыч>, боюсь шевелить-то её. (*Смеётся.*) Шевелить-то боюсь. Что ж, мои барыни-то потолковали да и взяли всю штуку. Разини-то мои так и ахнули (*смеётся*).

Куп<ец> Пузатов>. Молодец, Парамон> Парамоныч>, вот молодец.

Ш и р <я л о в>. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой (*вздыхает*), вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, суд<арь> ты мой. Всех-то он там знает, со всеми знаком. Да что — прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что это ему шаль — ума не приложу. Уж известно, от него не добьёшься; стал стороной расспрашивать. Что ж, сударь ты мой, — какая-то там актриса у него.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Что ты?

Ш и р <я л о в>. Вот поди с ним. Уж и то примерно последний конец, Ант<ип> Ант<ипыч>. Уж не зови своим.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Это, Пар<амон> Пар<амоныч>, значит пора женить, вот что, брат, малова.

Ш и р <я л о в> (*с отчаянием*). Нет, Пар<амон> Пар<амоныч>, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, конец просто. Ведь это словно как решето: вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, а там мебель всякую, лошадей пару, то — другое. Яма бездонная.

К у п <е ц> <П у з а т о в>. Уж известное дело.

Ш и р <я л о в>. А уж человек-то, Ан<тип> Ант<ипыч>, кругом них, как слепой сделается. Этот народ, А<нтип> А<нтипыч>, соблазн просто.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОГО АКТА

П у з а <т о в>. Что говорить! Сам не свой человек сделается. Одно, брат П<арамон> П<арамоныч>, средство — женить поскорей.

Ш и р <я л о в>. Легко сказать, А<нтип> А<нтипыч>, женить, да как ты его женишь-то.

П у з а <т о в>. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так небось, не откажется — отчего не жениться, всякому лестно.

Ш и р <я л о в>. Да какая за него пойдёт? Какая сумасшедшая пойдёт за него, за такого беспутного?

П у з а <т о в>. А что ты думаешь, побрезгают — нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой. И пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества, — батюшка покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали. У нас закатился в Марьину либо к цыганкам в Грузины да пьянствуешь недели две без просыпу. Меня в Преображенском за девку, вот ленты ткут, фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матр<ёну>-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ш и р <я л о в>. Да отец родной, что ты говоришь: женить — да невесту с капиталом. Да голуб<чик> ты мой, он теперь и без денег-то вертится как угорелый, а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает, — только пшик, да и всё тут, как порох.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. В оборот пустит.

Ш и р <я л о в>. Нет, а уж я думаю, суд<арь> ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: Купец I гил<ьдии> П<арамон> П<арамоныч> сын Ширылов.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Что ж, ничего, можно.

Ш и р <я л о в>. Да уж, чтоб ему, беспутному, и после-то меня не доставалось, сам я, А<нтип> А<нтипыч>, жениться задумал.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Что ж! Ничего! Дело хорошее, отчего ж не жениться.

Ш и р <я л о в>. Ведь, мож<ет> быть, за наши молитвы, А<нтип> А<нтипыч>, Бог и потомка даст, утешение на старости. Вот тому всё и оставлю. А уж этот мне словно как и неродной, суд<арь> ты мой, и сердце к нему не лежит. А<нтип> А<нтипыч>, что ж! думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку-то, развезёт денежки-то твои кровные по портным да по актрисам. Сам посуди.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Что ж, женись, П<арамон> П<арамоныч>, что за важность, ничего. А на примете есть?

Ш и р <я л о в>. То-то и горе, что нет, А<нтип> А<нтипыч>.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Хочешь, посватаю?

Ш и р <я л о в>. Да ты вправду?

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Вправду.

Ш и р <я л о в>. Обманешь (*смотрит Пуз<атову> в глаза*).

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Вот! из чего мне обманывать-то. У меня, брат, недалеко ходить, сестра невеста.

Ш и р <я л о в>. Что ты говоришь!

Куп <Пу з а т о в>. А ты не знал — скажи пожалуйста, какой ты простой!

Ш и р <я л о в> (*потупляет глаза*). А, голуб<чик>. Как не знать — да ведь она, чай, не пойдёт за меня.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Вот! отчего не пойти — пойдёт.

Ш и р <я л о в>. Скажет: стар.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Стар! Что за важность — ничего. Нет — ничего, пойдёт. Да и матушка тебя любит: что ж, известное дело, человек хороший, степенный, отчего не пойти, во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю, — не дерёшься?

Ш и р <я л о в> (*потупляет глаза ещё больше*). Вовсе смир<ный>, А<н-тип> А<нтипыч>, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ты, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Ведь ты с женой покойницей не дрался?

Ш и р <я л о в>. Видит бог, никогда.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Так отчего за хорошего человека не пойти, ничего, пойдет.

Ш и р <я л о в>. Да ты просто благодетель мой, А<нтип> А<нтипыч>. Эку мне Б<ог> родню посылает, да мне бы и во сне не видеть. Поцел<у-емся>, голубчик. (*Целуются.*) Ну, а как тово, А<нтип> А<нтипыч>, насчёт придачи-то?

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Да на что тебе, П<арамон> П<арамоныч>, у тебя карман-то потолще нашего.

Ш и р <я л о в>. Запираться не стану, таки есть, А<нтип> А<нтипыч>, есть, нажил-таки копейку от трудов праведных. А всё-таки нужно для порядку, голуб<чик>, соб<ственно> для порядку. Уж так водится.

Куп <е ц> <Пу з а т о в>. Что ж, мы, брат, сделаем прид<аное> на славу, не хуже генеральского. Ну, а насчёт денег-то, так у неё есть после бат<юшки>тысчонок пятьдесят, будет с тебя, да разве ещё на радости расчёты с тобой похерим.

Ш и р <я л о в>. Маловато, нет. Несходно, А<нтип> А<нтипыч>. А уж вы положите ещё... Да вот что, А<нтип> А<нтипыч>, заходи ко мне вечером нынче пунштику выпить. Потолкуем мы с тобой, гол<убчик>, хорошенько об этом предмете, поторгуемся.

Пу з <а т о в>. Ладно.

Ш и р <я л о в>. Ну, прощайте, почтеннейший (*целуются*), до свиданья, прощенья просим.

Пу з <а т о в>. Прощайте, П<арамон> П<арамоныч>. (*Уходят.*)

Варианты печатной редакции (МГЛ)

С. 14

³ Слова: баластво одно — выделены курсивом.

С. 15

⁹ исделаю / сделаю

³⁴ Слово: нету — выделено курсивом.

С. 16

⁷ Слово: следственно — выделено курсивом.

¹⁷ Слово: барственно — выделено курсивом.

¹⁸ Слово: финти — выделено курсивом.

²⁰ Слово: билиндрысы — выделено курсивом.

³² Слово: тово — выделено курсивом.

С. 17

¹¹ Слово: фертик — выделено курсивом.

С. 18

¹¹ Слово: ужасть — выделено курсивом.

С. 19

^{6–7} Слова: хватъ-похватъ, ан дыра в горсти — выделены курсивом.

С. 20

²⁷ Слово: маненько — выделено курсивом.

С. 23

²⁷ средство / сретствие

³⁴ Слово: пунштику — выделено курсивом.

С. 24

¹⁰ Слово: поманеньку — выделено курсивом.

³² акедемию / Академию

^{33–34} Слова: убёг аттедова — выделены курсивом.

³⁵ Слово: оглашенный — выделено курсивом.

С. 25

²³ Слово: тово — выделено курсивом

С. 27

³¹ Перед: Нет, Антип Антипыч — (с отчаянием).

С. 28

^{24–25} Слова: в газете опубликовать — выделены курсивом.

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

Варианты чернового автографа (ЧА) и белого автографа (БА)

С. 31

^{3—12} Милостивые государи ~ покрыто мраком неизвестности. / 1) Благо-
склонные читатели и читательницы, спешу поделиться с вами [моим]
открытием, всю важность которого вы сами сейчас оценит[ь]¹ [мо-
жете]. Обратите ваше внимание на этот предмет, — это дело серьез-
ное.² Недавно попались мне в руки записки одного молодого человека
[переехавшего из Замоскворечья], обыкновенного молодого человека,
как и все мы, и замечательного только тем, что он несколько лет жил за
М<осквой>-р<екой>³. Гляжу на тетрадь, и что же! Между записками,
касающимися собственно⁴ до личности этого человека, несколько
статей о самом Замоскворечье, под названием «Очерки Замоскворе-
чья». Я чуть не умер от радости. Да и умер бы непременно, если бы
не лежала на мне обязанность прежде смерти поделиться с вами этой
находкой. Очерки Замоскворечья.⁵ Ну скажите теперь, не редкость ли
это? Да это просто сокровище. Новый мир, доселе неведомый.⁶ Мы
так мало знаем Замоскворечье, как будто оно за тридевять земель от
нас; в некотором царстве и в некотором государстве⁷; и вдруг человек,
знающий его совершенно, живший там несколько лет, рассказывает
нам про Замоскворечье всю подноготную⁸; рассказывает, что творит-
ся там в праздник и в будни, что делается там и по большим широким
улицам, и по мелким частым переулочкам. У нас носятся такие неяс-
ные, сбивчивые слухи о Замоскворечье, что не знаешь, верить ли им
или нет; 2) [*нрзб.*> числа, т. е. 1-го апреля сего года я нашел руко-
пись⁹: Записки замоскворецкого жителя. Гляжу и не верю глазам сво-
им. В тетради, между записками, касающимися собственно до лич-
ности этого человека, есть несколько статей о самом Замоскворечье,
под названием «Очерки Замоскворечья». Я чуть не умер от радости.]
Вот это, почтенные читатели, сущая правда; это не слухи какие-ни-
будь, а рассказы очевидца. Уж сейчас видно, коли человек говорит

¹ Фраза: всю важность которого вы сами сейчас оценит[ь]е — вписана над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

³ Слова: обыкновенного молодого человека ~ жил за М<осквой>-р<екой> — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Текст: Я чуть не умер ~ Очерки Замоскворечья. — вписан между строк.

⁶ Фраза вписана над строкой.

⁷ Слова: в некотором царстве и в некотором государстве — вписаны над строкой.

⁸ Слова: всю подноготную — вписаны над строкой.

⁹ Далее: [заглавие которой]

правду. [Из упомянутой тетради я выбрал несколько¹ очерков и поверил их на месте... и дополнил своими примечаниями... и предлагаю вашему благосклонному вниманию]² (ЧА)

⁶ нашёл рукопись / открыл новую страну (БА)

^{28—29} покрыто было непроницаемой завесой / 1) покрыто непроницаемой завесой; 2) ◇ (БА)

С. 31—32

^{13—1} *Текста*: Страна эта ~ заслуга моего открытия.) — *нет*. (ЧА)

^{37—1} Эти слухи такого рода ~ заслуга моего открытия. / 1) Вот здесь и заслуга моего открытия; 2) ◇ (БА)

С. 32

^{5—7} А потому, видите ли, не знают ~ и по ночам огонь виден. / А потому не знают, что ворота железные и всегда закрыты; а что люди живут там, [и] на это есть ясные признаки³: и шум слышно, и собаки лают, и по ночам огонь видно. (ЧА)

^{9—10} А вот отчего ~ называемое Болвановка. / А вот, скажут вам, отчего: например, Болвановка. (ЧА)

^{12—19} *Текста*: Вот и извольте жить ~ и конца ему нет! — *нет*. (ЧА)

^{16—17} и это показание одна дама почтенных лет / 1) и это одна дама почтенных лет; 2) ◇ (БА)

^{20—21} Так вот что говорят ~ этим слухам не верьте. / Вот какие слухи носят. Но теперь уж нас не обмануть. Вы, почтеннейшие читатели и читательницы, таким слухам не верьте. (ЧА)

^{21—32} *Текста*: Благодаря счастливому ~ русская рукопись. — *нет*. (ЧА)

²⁹ перевод какой-нибудь древней, например греческой, рукописи / какая-нибудь старинная, например греческая, рукопись (БА)

С. 32—33

^{32—1} *Текста*: Как далеко ни ездил Геродот ~ переулочкам. — *нет*. (ЧА, БА)

С. 33

^{1—6} Вот уж это, почтенные читатели, сущая правда ~ и на первый раз вот вам / Я и сам прежде верил; а как прочитал «Очерки Замоскворечья», так увидел, что эти слухи выдумка, так, игра воображения. Вот эти очерки так истинная правда, [картина нарисованная очевидцем] это нам очевидец рассказывает, да и при том же человек верный⁴. Уж сейчас видно, коли человек говорит правду. По содержанию рукопись эта делится на [три] два отдела: [в] один отдел составляют записки,

¹ Далее: [статей]

² *Текст*: [<нрзб.> числа, т. е. 1-го апреля ~ вашему благосклонному вниманию] — *вписан на полях л. 13 об. со знаком вставки*.

³ Слова: на это есть ясные признаки — *вписаны над строкой*.

⁴ Слова: это нам очевидец рассказывает, да и при том же человек верный — *вписаны над строкой*.

касающиеся собственно личности неизвестного автора; другой отдел [наполняют] занимают несколько статей под названием «Очерки Замоскворечья» [а третий... Этот отдел очень важен для нас].¹

Теперь позвольте мне, читатели, сделать одно маленькое замечание, до уяснения предмета касающееся. Вы, вероятно, знаете, что называется Замоскворечьем, и где оно: но все-таки не мешает (так, знаете ли, для верности) сказать, что Замоскворечье лежит от нас, т<о>е<сть> от Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего вероятно и называется Замоскворечьем. Впрочем, если хотите, можно производить Замоскворечье и от другого корня; и это словопроизводство будет² не совсем без основания и едва ли не правильней первого. А именно: можно производить Замоскворечье от скворца. [Вот каким] Вы смеетесь! Но я вам докажу это! Слушайте! За Москвой-рекой существует [особенная] большая³ привязанность к скворцам, и там делают для них особенного рода гнезда, называемые скворечниками. А вот как их делают: [возьмут] сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Но оставим филологию на этой стороне и пойдемте за Москву-реку.

Из тетради, о которой я упоминал выше, я выбрал несколько статей о Замоскворечье, [а также с позволения] которые теперь и предлагаю вашему благосклонному вниманию (ЧА)

С. 34

^{9—10} *Текст:* Иван Ерофеич ~ имеет жену и четырёх детей. — *нет*⁴. (ЧА)

¹⁰ *Фразы:* Наружность Ивана Ерофеича... — *нет*. (ЧА)

^{11—16} *Текст:* но... позвольте ~ Но Иван Ерофеич — *нет*⁵. (ЧА)

^{16—28} *Текст:* просится в свет ~ и ходу мне никакого нет. — *нет*. (ЧА)

²⁹ Бедный Иван Ерофеич! / [Ах, Иван Ер<офеич>!] Бедный⁶ Ив<ан> Ер<офеич>! (ЧА)

^{29—35} И жаль мне тебя ~ всегда чем-нибудь выпачкан. / Страшно мне выпустить тебя на белый свет! [Страшно] Совестно⁷ показать тебя читателям! От [чего] того совестно, что все — люди как люди, а⁸ ты, Ив<ан> Ер<офеич>, такой неопрятный, такой небритый. От [чего] того, что⁹

¹ *Текст:* По содержанию рукопись эта ~ Этот отдел очень важен для нас]. — *вписан на полях л. 13 об. — 14.*

² Слово *вписано над строкой.*

³ Слово *вписано над строкой.*

⁴ *Текст вписан на полях л. 3 об. (БА)*

⁵ *Текст вписан на полях л. 3 об. (БА)*

⁶ Слово *вписано над строкой.*

⁷ Слово *вписано над строкой.*

⁸ *Слова:* того совестно, что все — люди как люди, а — *вписаны над строкой.*

⁹ *Слова:* того, что — *вписаны над строкой.*

ты, Ив<ан> Ер<офеич>, никогда путем не умоешься, [и отчего у тебя шинель такого странного покроя? Именно странная] не причешешься, и вицмундир твой всегда черт знает как выпачкан¹.

[Когда вы взглянете на Ив<ана> Ер<офеича>, прежде всего² вам бросится в глаза шинель его. Странная шинель у Ив<ана> Ер<офеича>: огромный бархатный воротник табачного цвета сложен у³ него⁴ совершенно хомутом; капюшон у⁵ него⁶ со складками и всегда раздут, так что сверху гораздо шире, чем к низу. Таких шинелей осталось за М<осквой>-р<екой> только три: одна у Ив<ана> Ер<офеича>, другая у одного купца, который до 40-ка лет жил порядочно, а на сорок первом загулял. Обрил бороду, нашил модного платья, между которым и эту шинель, стал ездить к цыганам и пр<очее>... Потом он опять остепенился, отрастил бороду и уж лет восемь живет мирно и чинно; но шинель осталась безмолвным упреком его поступка; третья шинель у баса каких-то замоскв<орецких> певчих] (ЧА)

С. 36

⁴⁻⁵ Ну, погляди ты ~ шинели / Бархатный воротник у твоей шинели (ЧА)

⁹ и физиономию твою опишет / и нос твой опишет (ЧА)

¹²⁻¹⁷ Уж я, право, не знаю ~ и моё дело сторона. / Может быть и я смеялся бы над тобой, Ив<ан> Ер<офеич>, если бы [один] [почт<енный> сослуживец твой] Ив<ан> Яков<лич> не рассказал мне историю твоего падения. Ив<ан> Яков<лич> — лицо замечательное: за М<осквой>-р<екой> он все знает и очень занимательно рассказывает. Я ему многим обязан. Вот что рассказал мне Иван Яков<лич> про Ив<ана> Ер<офеича> (ЧА); Вот что рассказывал о тебе сослуживец твой, И<ван> Я<ковлич>, которому я как за этот рассказ, так и многие другие очень благодарен. Следовало бы мне, по примеру прочих, описать наружность И<вана> Е<рофеича>, но, почт<енные> читатели, я боюсь и за себя, и за И<вана> Е<рофеича>. Вот что рассказал мне И<ван> Я<ковлич> про этого несчастного И<вана> Е<рофеича> (БА)

²¹⁻²⁶ Посмотрели бы вы ~ и погибает. / Посмотрели бы вы на Ив<ана> Ер<офеича> лет десяток тому назад, просто был молодец, — начал Ив<ан> Як<овлич>. — Такой бойкий был, с какими способностями! Правду сказать, образования он был недалекого-с. (ЧА)

¹ Слова: не причешешься, и вицмундир твой всегда черт знает как выпачкан — вписаны над строкой.

² Далее: [странная]

³ Далее: [тебя]

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Далее: [тебя]

⁶ Слово вписано над строкой.

^{28—32} Поживи его отец ещё лет пять ~ особенно хмельной. / Ив<ан> Е<рофеич> остался в доме хозяином, мать-то старуха едва ноги таскала. Наследство у них осталось порядочное: домик на Зацепе да деньжонки 1000 или 4; а Ив<ан> Е<рофеич>, кроме жалованья 60 руб<лей> в год, приобрести ничего не мог: надобно было жить по<скромнее>. Дом-то они продали, а сами переехали на квартиру неподалеку (ЧА); 1) И<ван> Е<рофеич> остался в доме хозяином, мать-то старушка едва ноги таскала. Наследство осталось порядочное; 2) ◇ (БА)

С. 36—37

^{32—2} В сыне своём ~ на лихих извозчиках. / Мать-то считала своего Ванечку необыкновенным умником и хозяином и не требовала от него отчета. Не имея до сих пор своей воли и не зная цены деньгам, И<ван> Е<рофеич> начал тратить их без расчета. Тут он стал носить жилеты эдакие и галстуки всякие разноцветные, ходил из присутствия завтракать в трактир, начал домой ездить на лихих извозчиках. (ЧА)

С. 37

^{2—4} хвалили его в глаза ~ жаль, дескать, малова-то, глуп ещё. / льстили ему да хвалили его и ходили с ним завтракать на его счёт, начали над ним подсмеиваться: жаль, говорят, малова-то, глуп ещё. А остановить некому. Вот и пошел разговор по Замоскворечью: только и слов, что про И<вана> Е<рофеича>. (ЧА)

^{5—7} *Текста:* А особенно один много ему зла сделал ~ И показал ему свет. — нет. (ЧА)

^{7—12} Раз приходит ко мне Пётр Иванович, сосед ~ Приехал, говорит, домой-то пьянёхонек. /

Сойдутся ли Петр Ив<анович> с Ив<аном> Петр<овичем>, сейчас разговор:

— Слышали, Петр Ив<анович>, как Зверобоев-то кутит?

— Как же, Ив<ан> Петр<ович>, не слышать! Запивает, говорят.

— Какое запивает! Вот недавно у цыганок руб<лей> 300 в один вечер прогулял.

— Неужели! Да от кого же вы это, Ив<ан> Петр<ович>, слышали?

— От кого! Мой сын Гриша был с ним. Приехал домой-то пьянёхонек. (ЧА)

^{16—19} коли кто попотчует ~ да и задумала его женить / коли кто с дуру-то попотчует.

— Ну все бы, Ив<ан> Пет<рович>, как бынибудь этак, остановить, что ли, или так как-нибудь иносказательно, т<о> е<сть>.

— Кому это останавливать-то, Грише-то, что ли? Да что он ему, отец или опекун какой? Сам виноват, коли жить не умеет, ведь его к цыганкам-то не за ворот тащат. А позовет, так отчего ж не ехать, и я бы поехал.

[что] Вы может быть не поверите, перервал Ив<ан> Яков<лич>, я, признаться сказать, усомнился. Нет, ей-богу-с, своими ушами точно такой разговор слышал.¹

А Иван-то Ер<офеич> такой простой был: бывало у него кто-нибудь попросит денег, а он так, не разбирая, и дает всякому. Вот как пошли сплетни-то по Замоскворечью, стало и до матери доходить. Ну, известно, дело женское, что она знает; она было хотела женить его. (ЧА)

²⁰ После: и невесту было нашла. — Знаешь, Евдокима Семеновича дочь, что вышла за фабриканта, как его... (БА)

^{21—22} Так вот-с, задумала мать ~ в цыганку влюбиться. / Да тут на беду в цыганку влюбился. (ЧА)

^{23—25} Текста: Оберут до ниточки ~ это продолжалось. — нет. (ЧА)

^{26—27} и цыганского-то в ней мало было, такая была беленькая / такая беленькая (ЧА)

²⁹ Фразы: Знать, уж судьба такая. — нет. (ЧА)

³⁰ Потом и с цыганкой-то / Да потом и с цыганкой-то (ЧА)

^{33—35} так, мальчишка, можно сказать ~ билетов тоже не бывало / так, мальчик, можно сказать; ни орловских, ни подмосковных вотчин у него нет; ломбардных билетов также не бывало (ЧА)

³⁶ посватался один секретарь / посватался один обер-секретарь (ЧА)

³⁷ так дело-то вышло почище / так дело вышло почище (ЧА)

С. 38

^{1—2} да мать уговорила ~ постоянного-то не было / да уж мы уговорили. Так он потосковал, потосковал, да и забыл (ЧА)

⁵ круглым сиротой / совершенно один (ЧА)

⁶ Стал входить в дело. / Стал входить в дела. (ЧА)

⁸ Все эти три года / В эти три года (ЧА)

^{12—13} об одном деле и думает / об одном деле и думал (ЧА)

^{14—15} надобно ~ повеселее / а как выпьешь, всё как будто веселее (ЧА)

^{17—21} сделали столоначальником ~ и этот грех за ним водился / сделали столоначальником; он было немножко поправился, завелись у него лишние деньжонки. Но он, привыкши к неряшеству, не улучшил своего быта, а лишние деньжонки-то при первом удобном случае пропивал с товарищами, а иногда и один — и этот грех бывал (ЧА)

^{22—25} Переезжая с квартиры, из угла в угол ~ и доконало совсем. / Переезжая с квартиры на квартиру, из угла в угол, он попал на Зацепу, в дом мещанки Мавры Гурьевны (по простонарод<ному> прозванию Огуревны) Козырной. За этой М<аврой> А<гурьевной> много народу волочилося. Это уж его и доконало-с. (ЧА)

^{25—34} Текста: Мавра Агуревна ~ за мещанина Козырнова. — нет. (ЧА)

¹ Текст: [что] Вы может быть не поверите ~ разговор слышал. — вписан на полях л. 2. (ЧА)

С. 38—39

^{34—7} Этот Козырной ~ разгуляются где-нибудь, сердечные / Муж этой Мавры Агуревны имел за Москвой-рекой две табачные лавочки, ходил в синем казакине и плисовых шароварах и играл отлично на торбане. Он недолго пожил с женой-с. Гуляка был страшный, только он был себе на уме: на свои деньги не пил. А любили его очень купеческие дети да приказчики. Бывало, загуляются где-нибудь (ЧА).

С. 39

^{9—10} да, должно быть, от этого и помер / да, должно быть, от этого и умер. А по смерти-то его остался порядочный капиталец (ЧА)

¹³ и зажила припеваючи / и тем обеспечила свое существование (ЧА)

^{13—14} Домик её был завален / Домишко ее был завален (ЧА)

С. 39—40

^{23—12} Идёт, бывало, словно лебедь плывёт ~ за младшего помощника столоначальника. / Сюда-то переехал наш Ив<ан> Е<рофеич>. Мало-помалу Мавр<а> Аг<уревна>с помощью красоты своей и ловкости прибрала его к рукам. Да это и не трудно было сделать: он уж был такой человек, что непременно должен был подпасть под власть женщины. Уж вы мне поверьте, я это по опыту знаю. Я видел и женатых, и холостых; женатый человек не в пример лучше. И все это правда-с. Да не так бывает у нас за Москвой-рекой. У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдает порядочную невесту за младшего помощника столоначальника, потому что не знают жизни и не умеют жить порядочно. А не знают жизни потому, что молодость проведена в ученье, которое ни к чему не ведет, и которому нет приложения в их жизни. Впрочем, виновато не ученье, которое никак не прикладывается к жизни, а виноват образ жизни, к которому никакой науки приложить нельзя (ЧА).

С. 40

¹² После: за младшего помощника столоначальника. — Вот чиновник и живет холостой: служит, трудится, вот, наконец, зашибет копеечку, либо местечко достанет порядочное, тут бы и жениться, кажется, да вот беда: в это время чиновник либо сделается плут страшный, либо истаскается чиновник и сопьется с кругу. Тут опять хорошую невесту не отдадут за него. И женятся они на ком ни попало, а большей частью, так вот, как бы сказать-с, попадется под власть какой-нибудь мещанки, да и ходит у ней по оброку. Я говорю — большей части — и говорю утвердительно. Вы, может быть, подумаете, что это так, случайность, что, дескать, со всяким может случиться, что на грех мастера нет. Нет, это не случайность-с, это рок, судьба какая-то тяготеет над нами. Недостаток образования, незнание приличий, трактир-

ная жизнь, привязанность к халату и холостым сборищам, а притом частое и чрезмерное употребление одуряющих напитков делают то, что и нам самим как-то неловко в присутствии порядочной женщины, да и женщина-то порядочная от нас отворачивается. Впрочем, чтоб не совсем обидеть чиновников, надобно сказать, что есть много и таких, которые, женившись в молодости, до глубокой старости честно и довольствуясь немногим ведут жизнь семейную. Есть также и такие, которые, выслуживши хорошее и видное место, берут умных и образованных жен, воспитывают прилично детей... Да такие как-то торопятся поскорей выбраться из Замоскворечья. (ЧА, БА)

^{21—22} После: что он пропьёт же их. — И точно, ведь бы пропилил-с. (ЧА)

²⁴ После: и больше ни под каким видом — разве в праздник. (ЧА)

^{25—26} пригласить товарищей ~ либо уходила со двора / приглашать товарищей, и тогда скрывалась куда-нибудь, либо уходила со двора. А на другое утро после легкого выговора давала и опохмелиться И<вану> Е<рофеичу> (ЧА)

³⁵ А всё-таки неприятно. / Ну а все-таки неприятно-с. (ЧА)

С. 41

^{4—5} потому что боится опоздать и чтобы не забранила его Мавра Агуревна очень / единственно боясь опоздать и страшась гнева М<авры> А<гуревны> (ЧА)

^{7—8} Да вот беда ~ начали подсмеиваться над ним. / Да вот беда: приятели его начали подсмеиваться над ним. Ведь уж вы этот народ знаете, нечего рассказывать. (ЧА)

⁹ в которой представил / в которой живо представил (ЧА)

^{10—11} Слов: и приговаривает: «Ах ты, соня! А ещё чиновник называешься!» — нет. (ЧА)

¹⁵ Слов: а вырваться как-нибудь из этой беды не было у него сил — нет. (ЧА)

¹⁹ пошла к Троице ~ стал как-то веселее / отправилась к Троице. Ив<ан> Е<рофеич> в этот день, почуя свободу, был веселее (ЧА)

^{21—23} мы думали, думали ~ Вот однажды / и даже (ЧА)

^{25—28} Пошёл у нас крупный разговор ~ А уж и он-то был хмельён. / Пошел крупный разговор, начали смеяться над Ив<аном> Е<рофеичем>, начали укорять его. Посыпались на него обидные слова, что он, дескать, тюфяк, войлок, что он не умеет с бабой справиться, что он башмак и прочее. — Нет, господа, — ска<зал> Ив<ан> Е<рофеич>, — не хочу больше жить за Москвой-рекой, нынче же вечером перееду. Уж коли сказал, что перееду, — так перееду. Я, говорит, своему слову господин. — Переезжай, брат, ко мне, — сказал я так, для шутки. (ЧА)

³³ Ведь в самом деле / И в самом деле (ЧА)

С. 41—42

^{38—3} какое-нибудь душегубство ~ А куда это ты едешь, любезный? / какое-нибудь страшное преступление. Он торопит извозчика; ему мерещится погоня, вот, кажется, до ушей его долетают слова: «И<ван> Е<рофеич>! И<ван> Е<рофеич>! А куда это ты едешь, любезный?» И холодный пот выступает на лбу его. (ЧА)

С. 42

^{8—11} так и можно и тово ~ да так бойко, так весело... / так и можно и тово... т<о> е<сть> ничтоже сумняся. Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы-то, постарше, собравшись вокруг стола, пуншик употребляли. Вдруг входит Ив<ан> Е<рофеич>. — Вот и я здесь, — воскликнул он весело. (ЧА)

^{11—12} После: Начались шутки, — остроты (ЧА)

^{19—20} обмануло ~ полилось во всеуслышание / имело на него действие совершенно неожиданное; все чувства, которые он прятал, взбунтовались и полились во всеуслышание (ЧА)

²³ Я, говорит, чиновник / Я чиновник (ЧА)

²⁵ Я, говорит, её знать не хочу. / Я её знать не хочу. (ЧА)

³⁰ ну и положим, что не жена / ну и положим так, что не жена (ЧА)

^{31—35} А как, говорит, я против неё поступил ~ подлец против неё. / А как я против нее поступил! а? Ну-ка, скажи, как я против нее поступил! Нешто благородные люди так делают! а? Скажи-ка ты мне: благородные люди так делают? Ан, нет, не делают. Сапожник какой-нибудь так сделает; подлец какой-нибудь... Вот и выходит, что я подлец против нее... Вот оно что. (ЧА)

С. 42—43

^{37—3} Текста: Стали ему говорить ~ голубушка ты моя! — нет. (ЧА)

С. 43

^{3—4} Тут было Иван Ерофеич ~ никого не боюсь / Тут он опять было расхохорился. — Что я, говорит, никого знать не хочу (ЧА)

^{7—9} Текста: Вот они, говорит, у Иверских-то ~ свинья или человек. — нет¹. (ЧА)

^{9—10} Даже жалко было смотреть на него. / Что ж, говорит, разве лучше в мундире-то по улицам валяться. Да так и заплакал. Право, жалость было смотреть на него. (ЧА)

^{17—18} начал месяц всходить / начал месяц выходить (ЧА)

^{23—26} Бывало, спросишь у него в шутку ~ барин, глупый; / Бывало, спросишь у него: да как же ты, братец, 15 лет здесь стоишь и ничего не знаешь? А он посмотрит на тебя, да еще улыбнется, да и опять за свое. (ЧА)

¹ Текст вписан на полях л. 13 об. (БА)

²⁹ Где тут живёт Иван Яковлич? / Не знаешь ли, голубчик, где тут чиновник живет, Ив<ан> Яков<лич> Иванов? (ЧА)

^{31—32} *После:* как его знать, чего не знаешь. —

— Да скажи, пожалуйста, батюшка; уж так и быть, пяточка не пожалею.

— А кто его знае (ЧА)

^{32—34} видишь ~ зелёный с светлыми пуговицами. / видишь, поутру в присутствие ходят, на них мундиры такие зеленые с светлыми пуговицами. (ЧА)

^{34—35} А как, говорит, его знать ~ Кто его знае! / А как его знать! (ЧА)

³⁵ Скажи, говорит, кавалер / Скажи, кавалер (ЧА)

³⁶ *После:* с вечерен ишу, с Зацепы шла. — Тут будоч<ник> почесал затылок и стал смотреть на звезды, а она его стала толкать под бок.

— Да скажи что-нибудь, вся душа изныла.

— Да что ж ты дерешься, не в урочные часы по вулицам шатаешься; да еще дерешься. (ЧА)

³⁷ Я вижу, что будочник будет говорить одно и то же / Я вижу, что тут до драки не далеко (ЧА)

С. 44

¹ *Слов:* сударь ты мой — нет. (ЧА)

^{2—3} *Слов:* ни жив, ни мёртв, без языка человек совсем — нет. (ЧА)

^{5—8} И полились у неё слёзы ~ что ли, покинуть хочешь? / И она проследила. И<ван> Е<рофеич> хотел что-то говорить, да язык у него не ворочался. — [Так ты говорит] Скажи, варвар, меня совсем, что ли, покинуть хочешь? (ЧА)

^{10—11} *Текста:* Ты думал, говорит, что ты дуру нашёл ~ Ты дёшево со мной не разделаешься. — нет. (ЧА)

^{12—13} Что ж вы тут станете делать / Что ж вы тут будете делать (ЧА)

^{16—20} Зато Мавра Агуревна нос подняла ~ и стоит в приёмной, дожидается / [Она] Зато М<авра> А<гуревна> нос подняла. Стала [ходить по 1-м числам получать жалованье за него, стала] ходить в чепчиках, [к обедни. Ходит за него по 1-м числам жал<ование> получать. Ив<ан> Ер<офеич> совс<ем> дух<ом>... стал пить и ходит теперь за М<осквой>-р<екой> в своей стар<ой> шинели. Таких шинелей осталось за М<осквой>-р<екой>]¹ у обедни дает мужу свой салоп держать. Денег Ив<ану> Ер<офеичу> уж совсем не дает. Каждое первое число сама ходит в [прис<утствие>] суд (ЧА)

^{25—33} *Текста:* Примечание нашедшего рукопись ~ каких-то замоскворецких певчих. — нет. (ЧА)

¹ *Текст:* [к обедни. Ходит за него ~ за М<осквой>-р<екой>] — вписан на полях л. 12.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЁМСЯ!

Сцены из комедии «Несостоятельный должник» (Ожидание жениха)¹

Лица:

Самсон Силыч Большов, *купец*.

Аграфена Кондратьевна, *жена*.

Липочка, *дочь их, воспитанная в пансионе*.

ЯВЛЕНИЕ IV

Б о л ь ш о в (*сидит в креслах на авансцене*). Вот и сиди, скламши руки! В город бы поехал, да того и гляди жених наедет! (*Пауза.*) Вот и закусил бы теперь чего-нибудь по малости, да обед испортишь. Вот она, жизнь-то! Истинно сказано: суета сует и всяческая суета. (*Пауза.*) Али чайку, что ли выпить? Чёрт знает, и сам не разберёшь, чего хочется! Вот так-то и всё: жив, жив человек, да вдруг помер — так всё прахом и пойдёт. Ох, ты Господи, Господи! (*Зекает.*)

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная) входят.

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ка, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Что твой розан пионович! (*К ней.*) Ах ты, моя ангелика, царевна! (*К нему.*) Да приголубь ребёнка-то, что как медведь бурчишь.

Б о л ь ш о в. А как мне ещё приголубливать? Ручки, что ли, лизать, в ножки кланяться прикажете? Вот какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да что видал-то? Так что-нибудь. А ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек!

Б о л ь ш о в. Что ж что дочь? Слава Богу — обута, одета, накормлена; чего ей ещё хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена: по христианскому закону всякого накормить следует. И чужих призируют, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Б о л ь ш о в. Знаем, что родная. Что ты мне притчи эти рассказываешь? Не в рамку же её вделать, да молиться после ужина! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшко, отец, так не будь свёкором! Пора, кажется, в чувства прийти. Расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь. Должен бы на пользу

¹ Печатается по тексту: Московский городской листок. 1847. 9 янв. С. 26—27; подпись — А. О. и Д. Г.

посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычая родительского!

Б о л ь ш о в. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Бог создал! Да ведь и она, кажется, создания Божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у неё что-нибудь.

Б о л ь ш о в. А что я за спрос? Как хотите, так и делайте.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. И человек-то придет чужой-посторонний, всё-таки, как хочешь, примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видавши-то его.

Б о л ь ш о в. Сказано, что отстань.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Отец ты эдакой, а ещё родной называешься! *(К ней.)* Ах ты, дитятка моя заброшенная. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка! Ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает её.)*

Л и п о ч к а. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Л и п о ч к а. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте. Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас и расчувствуетесь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Л и п о ч к а. Что ж! надо ведь когда-нибудь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Всё-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаём, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно врага из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. А посудите, люди добрые, каково жить в чужой стороне, чужим куском давишься, кулаком слёзы утираючи! Да, помилуй Бог, неровнюшка выдется, неровен час дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Л и п о ч к а. Вот вы вдруг расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак? Человек образованный.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(плача)*. Да уж это так говорится, — к слову пришлось.

Б о л ь ш о в. А об чём бы ты это разрюмилась? Вот спроси тебя, так сама не знаешь.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Не знаю, батюшко, ох, не знаю: такой стих нашёл.

Б о л ь ш о в. То-то вот сдуру. Слёзы у вас дешёвы.

А графена Кондратьевна. Дёшевы, батюшко, дешёвы; и сама знаю, что дешёвы, да что делать-то?

Л и п о ч к а. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг придет — что хорошего!

А графена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Первоначальное название (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3)

Банкрот

Комедия в пяти действиях

*Черновой набросок монолога Подхалюзина из 3-го явления
II действия (ИРЛИ. Ф. 218)*

П о д х а л < ю з и н > (*садится к столу и разбирает бумаги. После непродолжительного молчания*). [Ведь] Вот оно что значит в чужих-то людях жить, т<о> е<сть> не накажи Господи! Дома не ночуешь, кажется, невелика важность: а тут тебя всякий мальчишка, всякая шельма, так, мразь какая-нибудь и то утыкает этим. Вот оно что. Ведь уж не мальчик, кажется, и водочки выпить иногда желание [придет] найдет. Так и тут гляди да оглядывайся. [(Молчание)]. Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит да дедушка не блажит, а нашему-то брату надо своими трудами до точки доходить.] А от чего? От того, что подначальный человек, — стало быть, есть кому над тобой командовать. [А ведь надо сказать: терпи горе, атаман будешь! Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит да дедушка не блажит, а нашему-то брату надо своими трудами до точки доходить.] Приказчик ты, ну и живи по-приказчичьи. Примерно сказать, попал на эту точку, ну и вертись на этой линии. А то и мы бы сумели по-хозяйскому-то жить, да над другими командовать. Да за малым дело стало, капиталов не хватает. Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит да дедушка не блажит, а нашему-то брату надо своими трудами до точки доходить, надоть какими ни на есть средствами наживать деньги. Вот как бы теперь мне по щучьему велению, да по моему прошению, тысячек 50 где-нибудь Бог сподобит. То есть, кажется, что бы я тут сделал? Прочь поди, да и все тут. Ведь родятся ж такие олухи на свете! С<амсон> С<илич> свою политику ведет, а ты свою статью гони. Черт Ваньку не обманет, Ванька молитву знает.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же и Тишка.

Подхалюзин (*Тишке*). Прибери тут все! Да коли хозяин¹ придет, так ты в те поры прибеги за мной, так скажи, что, мол, сейчас придет. Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Рисп<оложенский> подходит к столу, Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскорейча,² того гляди, сам придет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! (*Пьет и закусывает на ходу.*) Да уж мы лучше ее с собой возьмем (*Уходят.*)]

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Входит Уст<инья> Н<аумовна> и А<графена> К<ондратьевна>.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Тишка и Большов (входит).

Б<ольшов>. Дома Лазарь?

Т<ишка>. Вышел-с. Приказал сказать, что сей час придет.

Б<ольшов>. Ну а как придет, так пошли его сюда (*Тишка уходит на цыпочках; Большов садится и отдувается*).

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Б<ольшов> (*один*). Никак я похудел (*щупает себя*). И то ведь похудел. [Аппетиту нет, ночи не сплю] Фу, ты, пропасть какая. В одну неделю как перевернуло. Да диво ли? Аппетиту нет, ночи не сплю³. Дома тебе⁴ не сидится, а в город поедешь, еще тошней. Так вот тебя и подмывает. Ровно дьявол какой, прости Господи, ходит за тобой, да шепчет тебе в уши всякую.⁵ Сны какие-то все странные снятся. Вот нынче вижу: иду будто

¹ Далее: [спросит]

² Далее: [а то некогда]

³ Текст: В одну неделю как перевернуло ~ ночи не сплю — *вписан над строкой.*

⁴ Слово *вписано над строкой.*

⁵ Фраза *вписана над строкой.*

по Ильинке и попадаетея мне Карапузов, а он мне тысяч 20 сер<ебром> по векселям должен. Я, говорит, тебе, Самсон Силыч, заплатить не могу, а ты, говорит, подожди. Пот<ом>¹ другой, суд<арь> ты мой², должник попадаетея. То же говорит. Я, говорит, тебе, С<амсон> С<илыч>³, заплатить не могу, мне, говорит, самому не платят; потом, суд<арь> ты мой⁴, третий то же самое; потом четвертый; потом это⁵ собралось будто их⁶ человек уж⁷ двадцать, устались они это⁸ на меня, да все в один голос как крикнут: «Мы тебе, Сам<сон> Сил<ыч>, по векселям денег не заплатим». Да тут [же], суд<арь> ты мой⁹, стали на меня пальцами показывать. Варвары, говорю, да где ж мне будет нос-то прятать от кредиторов! А дрожь-то, знаешь ли¹⁰, [а] дрожь-то так и пробирает. Вдруг кто-то хватъ меня за ворот. Пойдем, говорит, в яму, ты, говорит, банкрот. Плевал, плевал, как проснулся; самим бы вам, говорю, на голову [(Молчит. Сидит, повеся голову.)] Банкрут! А что такое это банкрот! Выходит, кому заплатить нечем. А у меня, слава Богу, расплатиться хватит (Молчит. Сидит, повеся голову) [А поторговаться все-таки не мешает] Понимаешь ли ты? Не возьмут по двадцать пять копеек, ну так полтину возьмут; ну а если полтины не возьмут, так за семь-то гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Что ж такое за важность! Не я первый, не я последний! Нешто другие-то не делают? Как бы не так, только успевай оглядываться. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то.¹¹ То-то и есть. Да еще как. Без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему со своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется... Вот оно как, С<ысой> П<соич>, сам ты ведь человек не глупый, можешь рассудить.

С <ы с о й> П <с о и ч>. Что ж, это, С<амсон> С<илыч>, ничего-с! Это все в наших руках!

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: суд<арь> ты мой — вписаны над строкой.

³ Слова: С<амсон> С<илыч> — вписаны над строкой.

⁴ Слова: суд<арь> ты мой — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ Слова: они это — вписаны над строкой.

⁹ Слова: суд<арь> ты мой — вписаны над строкой.

¹⁰ Слова: знаешь ли — вписаны над строкой.

¹¹ Текст: Как не делать ~ как делают-то. — вписан над строкой.

Б <о л ь ш о в>. Я про то и говорю, что в наших руках. Ну вот и теперь к старости подвиг — сыновей у меня нет, надобно как-ниб<удь> покончить. Оно, конечно, разочтись я теперича со всеми по чести, и то у меня капитал большой останется.

С <ы с о й> П <с о и ч>. Как не остаться, еще бы у вас-то, С<амсон> С<илицы>, ли не остаться, у кого ж и остаться, как не у вас.¹

Черновой набросок III акта (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Л. 20, 20 об.)

3-й АКТ

Большов и Лазарь.

Б <о л ь ш о в>. [Ну что, Лаз<арь>, ты хлопчешь все?] Ну что, Лаз<арь>, делишки наши подвигаются? а? Али все на одном месте?

Л <а з а р ь>. Как же это можно-с, чтобы они были на одном месте-с. Вышнырил местечко, куда векселя сбыть-с.² Вчера [нашел одного дурака] один дурак нашелся, дает по 20 копеек за рубль-с; говорит, будь на миллион, [все] и то согласен купить-с.

Б о л ь ш <о в>. Вот уж именно фалелей! Ну да пускай нацепит обузу та³ на шею⁴, сам лезет, никто его не тянет. А денежки-то когда же?

Л <а з а р ь>. Да хоть сейчас-с! Вся [недостача] остановка за векселя-ми-с. Где они у вас-с. А деньги, как прикажете. Хошь, ужотко принесу-с.

Б о л ь ш <о в>. Здесь в бумажнике. Подай-ко чернильницу. Как же писать-то, на кого?

Л <а з а р ь>. Как угодно-с. Это все равно.

Б о л ь ш <о в>. О, ох! Вот они кровные-то труды. Вали в яму, выручай одни проценты! Кто у тебя сторговал-то?

Л <а з а р ь>. Через маклера, какой-то меняло из золотокружного ряду-с. Да коли уж передавать, так пишите один бланк.

Б о л ь ш <о в>. Пожалуй, это все единственно. А ты со мной после рассчитаешься. Так, без обороту.

Л <а з а р ь>. Известное дело-с. Для вас же будет покойнее.

Б о л ь ш <о в>. Хорош покой, почитай даром бросаю (*пишет и пригов<аривает>*). Без оборота на меня, Моск<овского> 1-й гил<ьдии> куп<ца> С<амсона> С<илицы> сына Большова. Все порешил. Прощайте, голубчики. Бери, Лазарь!

¹ Текст: Вот оно как, С<ысой> П<соич> ~ у кого ж и остаться, как не у вас. — *вписан над строкой.*

² Фраза вписана над строкой.

³ Вероятно, описка вместо: обузу-то.

⁴ Слова: Ну да ~ на шею — *вписаны над строкой.*

Л <а з а р ь>. Пожалуйте-с. Сколько их всех-с?

Б о л ь ш <о в>. Три по 15000 сереб<ром>, два по 10 т<ысяч>, а остальных<ые> четыре по полторы тысячи. Вот маленьким-то и срок месяца через три.

Л <а з а р ь> (*берет и счит<ает>*). Что делать-с! Видно уж им так на роду написано.

Б о л ь ш <о в>. Ну, пропад<ут> они и с хозяином! А что перевозишь товар.

Л <а з а р ь>. Почитай, все перевез-с. Немного осталось-с.

Б о л ь ш <о в>. Места надежны ли? Помилуй Бог, дознаются да примутся искать!

Л <а з а р ь>. Нет, уж это опосля честь будет. Днем с огнем не найдут. Да вот, кстати, подпишите уж и продажный счет-с.

Б о л ь ш <о в>. В 30 т<ысяч> сер<ебром>. На кого ж это подработано? Смотри ты!

Л <а з а р ь>. Такой человек, что честнее и желать нельзя. Уж пишите, не сомневайтесь. Мой будет грех.

*Черновой набросок 2—3 явлений IV действия
(ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1)*

Те же и Устинья Наумовна.

<Устинья Наумовна> [Уф! Ух! Насилу вползла, бриллиантовые. Ну] Как живете[-можете], бралиянтовые?

Л а з <а р ь> Е л и з <а р ы ч>. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, [как шестью подпираемся] вашими молитвами.

У с т <и н ь я> Н а у м <о в н а> (*целуются*). Что это ты, как будто похорошела, поприпухла, изумрудная?

О л и м п <и а д а> С а м с <о н о в н а>. Ах, какой вздор ты городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

У с т <и н ь я> Н а у м <о в н а>. Что за вздор, золотая; уж к тому дело и идет. Рада не рада — нечего делать! Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня забыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмтреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете?

Л а з <а р ь>. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

У с т <и н ь я> Н а у м <о в н а>. То-то же! Какую я тебе сударушку подздобила!

Л а з <а р ь> Е л и з <а р ы ч>. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Уст<инья> Наум<овна>. Еще бы не доволен, золотой! [Что] Чего¹ ж тебе еще [не рожна ж в горло] и то сказать! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопчете. Чай много еще модного-то напроказила?

Ол<импиада> Самс<оновна>. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Уст<инья> Наум<овна>. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше-то настряпала — шерстяных или шелковых?

Ол<импиада> Самс<оновна>. [А вот слушай: 1 — бархатное²] Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Уст<инья> Наум<овна>. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

Олимп<иада> Самс<оновна>. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чехле да 3 бархатных — это 4; 2 газовых да креповое, шитое золотом, — это 7; три атласных да три грогеновых — это 13; гроденаплевых да гродафриковых 7 — это 20; 3 марселиновых, 2 муслинделиновых, 2 шинороялевых — много ли это? 3 да 4—7, [7] да 20—27; крепрашелевых 4 — это 31. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук 20; да там блуз да капотов — не то 9, не то 10. Да там еще вот недавно из персидской материи сшила.

Уст<инья> Наум<овна>. Ишь ты, Бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Ол<импиада> Самс<оновна>. Гродафрикового не дам, у самой только 3; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Уст<инья> Наум<овна>. На какого мне жиды трепрашельчатое-то: ну, уж видно нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть!

Олимп<иада> Самс<оновна>. Ну и атласные-то тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Уст<инья> Наум<овна>. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтова! Поди отпирай шкаф.

Олимп<иада> Самс<оновна>. Я сейчас, подожди немножко.

Уст<инья> Наум<овна>. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом-то твоим поговорить надо маненько.

Олимп<иада> Самс<оновна> уходит.

¹ Слово вписано над строкой.

² Далее: [1 — атласное]

Что ж это ты, бралиянтовый, никак [по]забыл [обо мне] совсем свое обещание-то?

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Как можно забыть-с, помним! (*Вынимает бумажник и дает ей депозит.*)

Уст <инья> Наум <овна>. Что ж это такое, [брилиантовой] алмазный?

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Сто целковых-с!

Уст <инья> Наум <овна>. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал!

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Что...о..с?

Уст <инья> Наум <овна>. Ты мне полторы тысячи обещал [коли Олимпиаду Сам<соновну> высватаю].

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Не жирно ли будет! Неравно облопаешься!

Уст <инья> Наум <овна>. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать-с? Диви бы за дело за какое!

У <стинья> Н <аумовна>. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал, коли тому жениху откажу!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

У <стинья> Н <аумовна>.¹ [Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец 2-й гильдии, я сама на 14 классе живу, какая ни на есть, все-таки чиновница. Да ты же еще мне и соболий салоп обещал.]

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

У <стинья> Н <аумовна>. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.²

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Чего-с?..

Уст <инья> Наум <овна>. Соболий салоп! Что ты, оглох, что ли?

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Соболий-с! Хе... хе... хе...

Уст <инья> Наум <овна>. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Лаз <арь> Елиз <арыч>. Еще рылом не вышли-с в соболиях-то салопах ходить!

¹ Текст: Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать-с? ~ У <стинья> Н <аумовна>. — вписан в ЧА, на отдельном листе под знаком вставки. (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Л. 56 об.)

² Текст: Подхалюзин. Да хоть бы генеральша ~ соболий салоп обещал. — вписан в ЧА, на отдельном листе под знаком вставки. (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Л. 56 об.)

Олимп<и>ада> Самс<о>новна> выносит платье, завернутое, и кладет подле Уст<иньи> Наумов<ны>.

Уст<инья> Наум<овна> (*вырывает* из рук с серд<ем>).
Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с Богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты меня [гонишь уж] выгнать хочешь. Хорош молодец, нечего сказать!¹ Да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мешчанская-то кровь!

Лазарь Елизарыч. Так-с! Скажите пожалуйста!

Уст<инья> Наум<овна>. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошаадь наткнуись, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть вздумается, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Лазарь Елизарыч. Да вы, тетенька, легонько: а то мы и за кварталным пошлем.

Уст<инья> Наум<овна>. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете меня знать! Я вас так по Москве-то расслаблю, что стыдно будет глаза показать!.. [Да и] Ах² я[-то], дура, дура, с кем³ связалась! Даме-то с уважением, с чином... Тпфу! Тпфу! (*Уходит.*)

Лазарь Елизарыч. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, Господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, Господи! Вот и смотри на нее! [Штац] Дама какая!

Олимпиада Самсоновна (*глядит в окно*). Охота вам, Лазарь Елизарыч, была с ней связываться!

Лазарь Елизарыч. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна (*глядит в окно*). Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч! Это он, кажется, сюда идет.

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку нескоро выпустят; а [это, должно быть] надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!⁴

¹ Слова: нечего сказать — *вписаны над строкой*. Текст: Подхалюзин. Что за грабеж ~ Хорош молодец, нечего сказать! — *вписан в ЧА, на отдельном листе под знаком вставки*. (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Л. 56 об.)

² Слово *вписано над строкой*.

³ Слова: дура, с кем — *вписаны над строкой*.

⁴ Текст: Олимпиада Самсоновна (*глядит в окно*). ~ Тятенька идет-с! — *вписан в ЧА, на отдельном листе*. (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3. Л. 38 об.)

ЯВЛЕНИЕ 6

[Уст<инья> Наум<овна>. То-то вот, молодо-зелено. Благород<ного> подавай. Уж и тебе-то, чай, Агр<афена> Конд<ратьевна> не легко это.

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Так уж скрепя серд<це> перемогаюсь. Ну, сама ты посуди, что я буду с благород<ным>-то зят<ем> делать! Я и слова-то сказ<ать> с ним не умею, словно в лесу. А уж с купцом — всё не то.

Уст<инья> Наум<овна>. А есть у меня хорош<ий> жен<их> на примете. Уж какой молодец, хоть прямо в гвардию!]

Агр<афена> Конд<ратьевна>. В скобку ходит?

Уст<инья> Наум<овна>. Нет, он хоть и не в скобку, а только из русск<их>, а уж как<ой> умница, просто истук<ан> золотой.

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Так ты давно бы <нрзб.>.

Уст<инья> Наум<овна>. Да вы за него не отдадите теперь. Он пока еще в приказчиках.

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Уж как бы смир<ен> не был, все-таки приказчик, дело подначальное. Знаю я, матушка, это жите-то, сама видела. Ты послушай-ка, что я тебе скажу. В те поры...

Уст<инья> Наум<овна>. Ишь ты, какая оказия! Скажите, пожалуйста!

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Оно, конечно, дело не худое. С<амсон> С<илыч> от него и торговать-то пошел. [Да нынче пора-то уж не та] Ну а как будто под страх<ом> находишься; а нам что за необход<и-мость> за прик<азчика> выд<авать>, сама посуди.

Уст<инья> Наум<овна>. Извест<ное> дело, да чел<овек> уж больно хор<ош>. И из наст<оящих> куп<цов> воз<ьмешь>, да не так<ой> буд<ет>. Конечно, теперь нельзя, а вот погоди, буд<ет> жить на своей воле, так и лошадей заведет.

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Ну тогда другое дело. Да кто же это такой, скажи на милость.

Уст<инья> Наум<овна>. Что рассказ<ывать>-то прежде времени. Сначала с этим-то порешите, а там видно буд<ет>. Мож<ет>е еще и эт<от> годится.

Агр<афена> Конд<ратьевна>. Уж я лучше бы за прик<азчи-ка> выдала, чем за этого.

ЯВЛЕНИЕ 9¹

Большов и Рисположенский.

Большов. Ну, как твое крючк<отворство>? Много чернил потрат<ил>?

Рисп<оложенский>. Матер<иал> не дорог<ой>, С<амсон> С<илич>, хе-хе-хе. Что ж, С<амсон> С<илич>, на дом-то с лавками заклад<ную> али купчую соорудить?

Большов. С чего меньше пошлин, то и варгань. На эт<ой> неделе безотменно надоть укрепить.

Рисп<оложенский>. Известное дело, зачем откладывать.² На чье имя прикажете написать?

Большов. Извест<ное> дело, на Агр<афену> Конд<ратьевну>. Чего ж лучше?

Рисположенский. Незаконно-с, С<амсон> С<илич>! В св<оде> зак<онов> изображено, что прод<ажа> жене или родн<ым> недейст<ви>тельна>. Написать недолго, да чтобы крючков не было после. Ведь нынче знаете, какой народ — рад прицепиться. Надо сделать, как попрочней...

Большов. Как же ты попрочней-то сдел<аешь>? Какую закорючку вклеишь!

Рисположенский. Залож<ить> кому-ниб<удь> постор<онне>му — так и дело с кон<цом> и прид<раться> буд<ет> не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Заложу постор<оннему>-то, так после дом-то и застр<я>нет> у тебя, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж надо найти, С<амсон> С<илич>, такого человека, чтобы совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всяк норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Рисположенский. А я вот как мекаю, С<амсон> С<илич>, хотите вы меня слуш<айте>, хотите — нет. У всяк<ого> свой разум есть. Каков чело<век> у вас прик<азчик>?

Большов. Который? Лазарь, что ли? Подхалюзин?

Рисположенский. Да, Подхалюзин. Это, С<амсон> С<илич>, как вам угод<но>. А мне это так в голову приш<ло>, по моему глупому рассуждению.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; этот малый с понятием.

¹ Соответствует 10 и 11 явл. 1 д. окончательной редакции текста.

² Фраза вписана над строкой.

Рисположенский. Так я, С<амсон> С<илыч>, так и напишу. А вы с ним переговор<ите> об эт<ом>. Прощ<енья> просим (*клан<яется>, под<ходит к столу>*). Я, С<амсон> С<илыч>, рюмочку выпью?

Б о л ь ш о в. Как все сде<лаешь>, С<ысой> П<соич>, аккуратно, такой магарыч поставлю, просто ска<зать>, угоришь.

Рисположенский. Много дов<олен>. Прощ<енья> прос<им>. С<амсон> С<илыч>, до свиданья.

Черновой набросок финальных явлений I действия (РГБ)

ЯВЛ<ЕНИЕ> 10

Б о л ь ш <о в>. Хорошо еще, что есть так<ой> чел<овек>, что распол<агать> можно. Ну а не будь, не мало бы хлопот было.

ЯВЛ<ЕНИЕ> 11

Уст<инья> Наум<овна>.

Черновой набросок 5-го явления II действия (РГБ)

[ДЕЙСТВИЕ III]

Подхалюзин и Рисположенский.

Л а з <а р ь>. Ну [С<ысой> П<соич>, так вы это дело порешили].

Рисп<оложенский>. [Порешили, бат<юшка>, Л<азарь> Е<лизарыч>, порешили. Вот я и купчие¹ принес. А что хлопот, Л<азарь> Е<лизарыч>, было — уж и сказать нельзя] Вот другим хлопотать хорошо, Л<азарь> Е<лизарыч>, есть из чего. А мне-то хлопотать выходит не из чего. Так я, батюшка, Л<азарь> Е<лизарыч>², вот как. Ты, гов<орит>, С<ысой> П<соич>, подожди. Ну, я: хорошо, мол, подожду. А сам завтра приду — опять подожди, а я послезавтра приду, да и начну каждый день ходить, надоем им до смерти, хе-хе³. Отвяжись, дескать, собака, не приставай только. А не сделают, так что ж⁴, я ведь⁵ и генерала на лестнице подожду [пожалуй] и в ножки поклонюсь, пожалуй, хе-хе-хе, от меня станется⁶. Я, Лаз<арь> Елиз<арыч>, рюмочку выпью (*пьет*). А вы как тут Лаз<арь> Елиз<арыч> управляетесь? Чай, бат<юшка>, хлопот-то полон рот.

Л а з <а р ь>. А уж это, С<ысой> Псоич, не касающееся до вас дело-с.

¹ Было: купч[ую]ие

² Слова: Л<азарь> Е<лизарыч> — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: что ж — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слова: пожалуй, хе-хе-хе, от меня станется — вписаны над строкой.

Р и с п <о л о ж е н с к и й >. Это точно, Л<азарь> Е<лизарыч>, не касающееся. Это я так, по глупости, будто для шутки. А сам-то что-с.

Л а з <а р ь>. А сам-то вот загулял-с.

Р и с п <о л о ж е н с к и й >. Скажите.

Л а з <а р ь>. Вот уж третий день колобродит. Сожгу, говорит, все, а кредиторам ни копейки не дам. Так и ждем чудес каких-нибудь.

Р и с п <о л о ж е н с к и й >. А ведь не дай Бог, эдакую слаб<ость>, Л<азарь> Е<лизарыч>, ну как проболтается что-нибудь.

Л а з <а р ь>. Да где ему проболт<аться>, он дома сидит.

Р и с п <о л о ж е н с к и й >. Еще это хорошо, Л<азарь> Е<лизарыч>, еще это милость Божья. А то другой пьяный-то ни за что дома не усидит. И пойдет это [колобродить] кружиться и деньгам-то перевод, да и греха-то что.

С. 70

²¹ *После:* К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! — [Был сейчас Сам<сон> Силыч, забегу, думаю, к Лазарю Елизарычу.]

²⁵⁻²⁶ А выпьешь водочки, словно лучше. (*Пьет.*) / А выпьешь водочки, словно лучше. (*Садится к столу. Пьет.*) *Подхалюзин в продолжение этой сцены ходит по комнате.*¹

³³ *После:* Делишки наши маленькие. — До больших нам доступа нет [на такие дела есть свои дельцы]

Варианты чернового автографа (ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 3)

С. 46

² *После:* Самсон Силыч Большов, купец — 1-й гильдии (богатый).

С. 67

¹⁷ *Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх. / Контора, прилично меблированная.*

¹⁹⁻²⁰ Т и ш к а (*со щёткой на авансцене*) ~ тут ты полы мети! / Т и ш к а (*один. Стоит с половой щеткой на авансцене*). Ах, житье, житье! Вот [чем свет, тут ты] ты тут со щеткой проклажайся,² полы мети!

²² *После:* стало быть при лавке присутствует. — (*Изменяет голос.*) Что вам угодно? Барыня! Что вам угодно? Все в лучшем виде есть! Пожалуйста! Кисей, букмусли!

²³ *Перед:* целый день шаркай — [снуешь день-деньской]

²⁵⁻²⁶ а у нас он ~ проклажается / а у нас [он с кухарками проклажается] дворник на печке с котятками лежит³, а на тебе спросится.

¹ *Ремарка:* Подхалюзин ~ по комнате. — вписана на полях.

² *Слова:* ты тут со щеткой проклажайся — вписаны над строкой.

³ *Слова:* дворник на печке с котятками лежит — вписаны над строкой.

³⁰ *После:* а то вот Фоминашна, а то вот... — (*машет рукой.*)

^{31—34} А уж это чтобы урваться когда из дому ~ и в голове-то, правда, не то! / Чего уж и с приятелями-то ни в пристенок, ни в три листика сразиться неколи (*машет рукой*).¹ Да уж и в голове-то, правда, не то!

С. 68

⁸ Покажу я тебе пыль! / 1) [Вот]; 2) ◇

⁸ *После:* Ишь ломается! — Уж коли ломаться, так ступай на балкон под Новинское!

С. 68—71

^{22—35} *Текста:* Накось, попробуй! ~ Ну, уж коли милость будет, дайте десять. — *нет.*

С. 72

^{2—3} много ли вам, Самсон Силыч, обещали за всю эту механику? /

1) Сам<сон> Сил<ыч> совсем порешились?

Р и с п <о л о ж е н с к и й>. Совсем.

П о д х <а л ю з и н>. Так-с.

2) много ли они вам, Самсон Силыч, обещали за всю эту механику?

¹¹ теперь же-с / теперь же дам-с.

²⁰ *После:* Пора понимать! — [Слава Богу, видали] дела-то.

[П о д х <а л ю з и н>. Ну, а видали, так стало быть и разговаривать нечего. (*Кричит.*) Тишка!

Р и с п <о л о ж е н с к и й>. Вы только дайте мне инструкцию, как действовать, а уж я, батюшко, Лаз<арь> Елиз<арыч>, из вашей воли не выступлю.

П о д х <а л ю з и н>. Это здесь не место-с. А вот мы для этой прокламации пойдемте в² ресторацию. (*Входит Тишка.*)]

^{24—25} да так ни один-таки и нейдёт на эту штуку. Вот она какая статья-то. / да так ни один так и поддается. Вот она штука-то в чем состоит.

^{30—35} То есть насчёт несостоятельности ~ эдак... дом-то... хе-хе-хе... / То есть как не пон<имать>, Л<азарь> Елиз<арыч>, хе-хе. Т<о> е<сть> дом-то [что ли] эдак с лавками, дом-то, хе, хе.

С. 73

³ *После:* Пойдёмте ко мне-с. Тишка! — Уходят.

⁴ Явление шестое / Сцена 2-ая³

^{17—18} *Тишка прибирает кое-что ~ Тишка уходит.* / Фом<инишна> и Уст<инья> Н<аумовна> сходят с лестницы.

²¹ Молодость-то не бездонный горшок / Молодость-то ведь не бездонный горшок

¹ Фраза вписана над строкой.

² Далее: [трактир]

³ Соответствует 6 явл. II д. окончательной редакции после фразы: Да уж мы лучше её с собой возьмём.

С. 74

- ² всё я же / все У<стинья> Н<аумовна> да У<стинья> Н<аумовна>. Новорожденный ли где случится, али кашу для кума сварить — и этим ремеслом не брезгаем
- ^{6—7} где и побольше перевалится / и [четвертно<й>] и побольше перевалится
- ^{12—14} сам-то ~ А уж какой благой-то, Господи! / [у нас] (*вздых<ает>*) сам-то [загулял четвертый день] не едет из городу¹, все под страхом ходим; [Аграфена Кондратьевна как лист дрожит] того и гляди пьяный придет². А уж какой благой-то, Господи! [Что за наказание. Уж]
- ^{20—21} *После*: «У! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!» — [Я тебя нарочно здесь провела, чтоб с ним не встренуться.]
- ^{24—26} Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна ~ (*Идёт на лестницу.*) / Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. (*Идет на лестницу.*) Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, — я тебе окорочек завяжу.
- ^{27—28} *После*: Зайду, серебряная, зайду. (*Подхалюзин входит.*) — Сцена II³
- ²⁹ *После*: явление седьмое — *ремарки*: Устинья Наумовна и Подхалюзин. — нет.

С. 75

- ⁵ что собак / [почти] что собак борзых
- ⁶ Да, есть-таки около того-с. / Да, есть-таки, Устинья Наумовна, около того-с.
- ¹⁰ Так вы его и жените? / Так вы и жените его?
- ^{13—14} А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна / 1) [Только вам] Устинья Наумовна; 2) ◇
- ²⁴ да обзнакомиться / да с С<амсоном> С<иличем> обзнакомиться
- ^{31—32} вы об себе-то подумайте / вы [вот] об себе-то [бы подумали] подумайте

С. 75—76

- ^{37—4} В том-то и сила, что сказать-то нельзя ~ пожалуй, и разболтаете. / В том-то и сила, Устинья Наумовна, что сказать-то нельзя.
- У с т и н ь я   Н а у м о в н а. Отчего ж нельзя? [Вот еще!] Меня, что ль, совестишься, бралиянтовый? Ничего, говори, — нужды нет.
- П о д х а л ю з и н. Тут не об совести дело-с а об том, [что] вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

С. 76

- ^{16—17} Что, говорит ~ не пожалею. / Что, говорит, ни дам, только бы жениться на А<лимпияде> С<амсоновне>; ничего, говорит, не пожалею.

¹ Слова: не едет из городу — вписаны над строкой.

² Слова: того и гляди пьяный придет — вписаны над строкой.

³ Соответствует 7—9 явл. II д. окончательной редакции.

- ^{20—21} по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с / по тому [самому],
что [я сам] и я-то недавно только узнал-с
²⁷ да уж я слово дала / да уж я, яхонтовый, слово дала
¹⁵ *После:* ведь он, неровен час, и чепчик помнёт. — На грех мастера нет.

С. 77

- ^{1—2} А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастья-с. / А вы не
бегайте от своего счастья-с, Устинья Наумовна.
^{6—13} То-то и беда, яхонтовый! ~ из Преображенского взята. / То-то и беда,
яхонтовый, что нынче заведение такое пошло, что всякая тебе ла-
потница в дворянство норовит. Вот хотя бы и Алимпияда-то Самсо-
новна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески,
[а] ведь происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, С<амсон>
С<илич>, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкой
звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Конд-
ратьевна чуть-чуть не паневница — из Преображенского взята. Толь-
ко тем и выскочила, что больно звонок голос был.
^{18—19} пыли в нос пушу / пыли в нос пушу [куры не клюют]
²³ Я его-то уж больно уверила / Я [ему каждый-таки день толкую] его-то
уж больно уверила

С. 78

- ^{2—7} как высватаете ~ да и вам-то не уйти. / как высватаете-то [како-
го-нибудь] значительного человека, а Самсон Силыч ему денег-то
не даст-с? А он после всего этого¹ вступится да скажет: я, дескать,
не купец, что меня можно приданым обманывать! Да [начнет еще об
этом дело в суде], еще, как значительный-то человек, подаст жалобу
в суд, С<амсона> С<илича> [значит] к ответу потребуют, потому что
значительному человеку везде ход-с² [беда тогда совсем]; значит, мы-
то с Самсон Силычем попались, да уж и вам-то не уйти³.
^{10—11} пугать-то меня! Сбил с толку совсем. / пугать-то! Сбил меня с толку
совсем.
¹² возьмите задаточку сто серебра / возьмите задаточку сто целковых
¹⁶ *Перед:* Уж будьте покойны! — Это
²⁴ *После:* Была не была! — [Заварим ерунду, замесим кувыр-коллегию.]
^{25—26} *Перед:* А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте! — Из-
вольте-с.
³² *После:* так я тебе всё отлепартую. —
[Л<а з а р ь> Е<л и з а р ы ч>. Извольте, я вас провожу малень-
ко. (Уходит.)

Тишка сходит с лестницы.

¹ Слова: всего этого — вписаны над строкой.

² Слова: еще, как значительный-то человек ~ везде ход-с — вписаны над строкой.

³ Слова: к ответу потребуют ~ да уж и вам-то не уйти — вписаны над строкой.

Т и ш к а. Лаз<арь> Елиз<арыч>, Лаз<арь> Елиз<арыч>! (*Бегают по комнате.*) Нету. Фю, попались. Ничего, Тишка, не робей.

Ф о м <и н и ш н а >. Тиша, а Тиша, где Елизарыч-то? Господи, что же. Ах, грех какой!

Т и ш к а. Был, да весь вышел!

Ф о м <и н и ш н а >. Да куда-ж он пошел-то?

Т и ш к а. Нечто он у меня спрашивается. Вот кабы спрашивался, я бы знал!

Ф о м <и н и ш н а >. Да что ж это делать-то!

*Лазарь входит. Аграфена Кондратьевна вбе<гает> и за-
твор<яется>.*

С <а м с о н > С <и л ы ч > (*входит пьяный*). Где жена! Нету ее. Покинули меня. Ну и пускай, и не надо. И никого — не надо!]

^{34—36} Тишка! Тишка! ~ прибеги за мной. (*Уходят.*) / Тишка! Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

С. 79

² Т и ш к а (*садится ~ деньги*). / Т и ш к а (*один. Прибир<ает> комна-
ту.*¹ *Садится к столу и вынимает из кармана деньги*).

⁶ После: Эвось, что денег-то! — (*Задумывается.*) Если же в воскресе-
нье купить в Охотном пары три козырных... [то сколько можно
барыша взять с Федьки Горелова! Беда! Что у этого Федьки денег!
Страсть! Должно быть у отца таскает.]

¹³ После: я бы знал. — «Хозяин спрашивает, да никак и сам к вам идет»
(*Тишка вскакивает и становится с подобострастием у двери*).

^{2—14} Текста: (*садится к столу ~ Фоминишна сходит с лестницы.* — нет.

¹⁶ Да ведь Самсон Силыч приехал / Самсон Силыч из городу приехал

²⁰ Ремарки: *Тишка бежит.* — нет.

^{21—22} (*показывается на лестнице*). Что, Фоминишна, матушка / (*с лестни-
цы*). Что, Фом<инишна>

^{23—24} После: Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру — (*запирает*)

^{26—27} Ремарки: *Аграфена Кондратьевна скрывается* — нет.

²⁹ Ремарки: (*за дверями*) — нет.

³¹ Фразы: Ах, я мымра слепая! — нет.

³⁴ Самсон Силыч входит. / Самсон Силыч.

С. 80

⁶ Да ты белены / Да что ты белены

⁷ наказывала / приказывала

⁹ Фоминишна идёт в двери; Подхалюзин и Тишка входят. / Фоминишна
подход<ит>к двери и возвращается.

¹⁰ Ремарки: (*возвращаясь*) — нет.

¹ Фраза вписана над строкой.

¹¹ После: совсем из ума выскочил. — Лазарь входит с Тишкой и стоит.

¹³ Ремарки: Подхалюзин, Большой и Тишка. — нет.

¹⁶ (К Тишке.) Что ты рот-то разинул! / (Молчание.) Что ты рот-то разинул! Чего не видал?

¹⁶ После: Аль тебе дела нет? —

[Б о л ь ш <о в> (пиш<ет>). По сему счету деньги сполна получил Моск<овский> первой г<ильдии> к<упец> С<амсон> С<илич>, сын Б<ольшов>. Возьми, пусть будет по-твоему. Хорош я купец. Товару прод<ал> на 110 т<ысяч>, да векс<елей> на 250 т<ысяч>, а денег ни коп<ейки>.

Л а з <а р ь>. Товар-то, который продали, опять у нас остался. За векселя деньги я вам сей доставлю-с.

Б о л ь <ш о в>. Ну, ну! Я пошутил. Ох, Лаз<арь>, старайся, брат, усердствуй, для тебя ж будет лучше! Кончится благополучно, так, чай, все уж тысячек десяток другой спроворишь!

Л а з <а р ь>. Не нуждаюсь я в них после вашего благодеяния. Потому¹ самому не захочу я себя из этойкой милости марать-с] Вы, С<амсон> С<илич>, напрасно такой сюжет обо мне имеете и совсем не такие предметы у меня на уме-с.

Б о л ь <ш о в>. А какие же у тебя пред<меты> на уме?

Л а з <а р ь>. [Известное дело-с. Заведение у нас этокое было-с превосходное — и все теперь должно в расстройство прийти-с]

²¹ После: Говорил ты с ним? —

П о д х а л ю з и н. Говорил-с.

Б о л ь ш о в. Ну, что же он?

²⁵ один конец / уж один конец

С. 80—81

³²⁻² Текста: Помилуйте, Самсон Силич, заведение было у нас ~ от меня забыт не будешь. — нет.

С. 81

⁵ После: а не то чтобы какой фальш сделать.—

Б <о л ь ш о в>. А ты слушай, Лазарь. Все, что ты видишь — все твое. Дом, лавки, товар, деньги. Только корми меня со старухой — да заплати за меня по сделке, коп<еек> 10, больше не давай, слышишь.

Л <а з а р ь>. Помилуйте, тятенька, свои люди — сочтемся!

Б о л ь ш о в. Ну, ты ступ<ай> теперь к себе. Я ужотко тебя кликну.² Мы над ними шутку подшутим.

⁷⁻⁹ надобно и об ней ~ произойти из всего этого. / [Конечно, у вас] надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь [такие обстоя-

¹ Далее: [что]

² Фраза вписана над строкой.

тельства не благоприят<ные>] мало ли что может произойти из всего этого.

¹⁰ А что такое произойти может? Я один в ответе. / А что такое¹ может [выйти] произойти?² [Ну что, попад<у> в просак. Ведь не одна же О<лимпияда> С<амсоновна> терп<ит>] Да хоть бы и произошло-то что-нибудь.³ [Чем же] Так О<лимпияда> С<амсоновна> твоя тут не виновата.⁴ [Буд<у>] Я-то первый попадусь.

¹¹ Что об вас-то толковать! / Что же об вас-то толковать!

¹² отжили свой век, слава богу / отжили свой век, слава Создателю

¹⁴ то есть ~ чувствам / то есть как это все [теперича] по моим чувствам

¹⁷ что жаль мне вашего семейства / что жаль мне [О<лимпияду> С<амсоновну>] вашего семейства

^{23—27} Как придерутся, да начнут ~ Это что ж будет тогда? (*Плачет.*) / Это я, С<амсон> С<илич>, к примеру говорю-с. [От слова не станется] Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль [будет] пойдет, да еще и имение-то все опишут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные безо всякого пристанища должны будут маяться. Ох, я, С<амсон> С<илич>, не могу удержаться от слезливости. Да это сохрани Господи! Это что ж будет тогда?⁵ (*Хнычет.*)

²⁸ Да об чём ты плачешь-то? / Да об чем [же] ты плачешь-то? Уж словно и на-поди что сделалось.

³¹ горами шатает / горами мотает

^{32—33} Что ж делать-то, братец ~ против её не пойдёшь. / Полно! Не плачь, Л<азарь> Елиз<арыч>. Ты и меня-то смутил. Что ж делать-то, брат⁶, уж, знать, такая воля Божия, против [брат] не пойдёшь.

С. 81—82

^{34—2} А всё-таки, по моему глупому рассуждению ~ и оглобли назад поворотил. / [А мой такой, по моему глупому рассуждению] А все-таки, по моему глупому рассуждению, [С<амсон> С<илич>] пристроить [надобно за хорошего человека] бы поскорей до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда, по крайности, будет она, как за каменной стеной-с. Да главное то, чтобы была душа у человека, С<амсон> С<илич>, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, — присватался, да и назад.

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Фраза вписана над строкой.

⁴ Фраза вписана над строкой.

⁵ Слова: Да это сохрани Господи! Это что ж будет тогда? — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

^{4—10} вы спросите Устинью Наумовну ~ изныло / все так говорят-с. Вот У<стинья> Н<аумовна> придет, мол, она вам скажет. Так вот вы возьмите в рассужденье-с: я посторонний человек, не родной-с, — а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и [сердцем-то измуч<ился>] сердце-то у меня все изныло; [а ему]

^{11—13} да и денег ещё дают-с ~ ну есть ли в нём душа после всего этого? / да и денег еще ему дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нем душа после всего этого? Вот какой народ нынче-с.

¹⁴ Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем! / Ну да и жалеть-то много не об чем. Он мне что-то самому не больно нравился. Так уж, скрепя сердце, отдаю дочь-то, как будто что благород<ный> да крестьяне есть. Ну, а [отказ<ывается>] не хочет, так и не надо, не заплачем!

^{16—19} Я вот ~ не оставляю / Я вот посторонний человек, [да убиваюсь тут как черт какой, как анафема какая. А ведь я, С<амсон> С<илич>, посторонний человек, поймите вы это] да не могу без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силич! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните силой, хоть бейте, а я уж вас [не могу] не оставляю

^{21—23} Да как же ~ ты и не ожидаешь. / [Ну,] Спасибо, спасибо Лаз<арь>, что ты меня старика не оставляешь. Только ведь на тебя и надежды-то. Ведь вот оставь ты меня, так мне и расположиться не на кого.

^{24—28} Да не могу ~ из-за вашего дела-с / [Не могу] Да не могу же я этого сделать, Самсон Силич. Поймите вы это: не такой я совсем человек! Другому, конечно, С<амсон> С<илич>, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за чужого дела-с

³³ Неужто и в свете нет? / Да что она у тебя в зубах завязла, О<лимпияда> С<амсоновна> да О<лимпияда> С<амсоновна>!

³⁴ Чего-с?.. Нет, я ничего-с! / Я, С<амсон> С<илич>, ничего-с!...

^{35—36} Влюблён ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну? / Любишь ты мою дочь, а?

^{3—4} После: Что она, княжна, что ли, какая — что уж и любить-то ее не сметь.

^{5—7} Хотя и не княжна ~ неужели же я этого не чувствую! / Хотя и не княжна-с, да как были вы моим благодетелем и, можно сказать, вместо отца родного... Да нет, Самсон Силич, помилуйте, как же это можно-с, неужто же я этого не чувствую!

¹⁰ Да нет-с, Самсон Силич / Да помилуйте, Самсон Силич

^{22—23} а тебе ума-то не занимать ~ Алимпияду-то Самсоновну, а? / [а тебя этим добром Бог наградил] а тебе ума-то не занимать стать, этим до-

бром тебя Бог наградила. Так что же, Лазарь, посвататься ты хочешь за мою дочь? а?

³² *После:* нешто бы я так с тобой разговаривал? — [Понимаешь ли ты, глупый ты человек, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!] Сыновей у меня нет. А как я тебя люблю — так и можешь ты мне быть вместо родного сына.

³⁵ *После:* Да что я за скотина! — [буду бесчувственная!]

³⁶ Ну, а дочь любишь? / 1) [Спасибо Лазарь, что меня любишь]; 2) ◇

С. 84

¹⁻² так мы тебя поправим / так надо тебе Липу отдать

⁵⁻¹¹ А вот ~ Слушаю, тятенька-с! (*Уходит.*) / А ты ступай-ко теперь в конт<ору>, да никому не ска<зывай>, что тот жен<иться> отказался. Мы над ним шут<ку> подшут<им>, а ужотко я тебя кликну.

¹⁴ *Ремарки:* Декорация первого действия. — нет.

¹⁶⁻¹⁷ *Ремарки:* (*входит ~ по углам и зевает*) — нет.

¹⁹⁻²⁰ *После:* а и так-то сидеть одурь возьмёт. — (*Садится.*)

²⁰⁻²² *Текста:* (*Молчание.*) Вот так-то и всё ~ Ох, Господи, Господи! (*Зевает и — нет.*)

С. 84—87

²⁴⁻²⁵ *Текста:* Аграфена Кондратьевна и Липочка (*разряженная*). ~ Право, уж тошно смотреть, как всё это про — нет.

С. 86

³⁸⁻³⁹ *Ремарки:* Устинья Наумовна отходит с Липочкой ~ рассматривает её платье — нет.

С. 87

²⁷ *После:* Мы разве хуже его? — Ну не хочет, так наплевать. Мы на шею не навязываемся.

С. 88

¹⁻² Ишь ты, как вырядилась ~ Уж не сама ль смастерила? / (*к Липочке*). Ишь ты, как вырядилась¹, — платьице-то на тебе какое авантажное. [Что] Уж не сама ль [что ль] смастерила?

⁴ *После:* А мадамы-то на что? — Аграфена Кондратьевна. Как же быть-то, поди ты, беда какая.

⁶⁻⁷ что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело / 1) [а коли по чему другому, так] известное дело; 2) ◇

⁸ Никак с ума сошла? / Никак [рех<нулась>] с ума сошла?

⁹ *После:* С чего это ты конфузить вздумала? —

[Ф о м <и н и ш н а >. Полно тебе, Устинья Наумовна, дразнить-то вот охота. Да и тебе-то.

Устинья Наумовна. Полно, полно. Что ты так разъерепенилась?]

¹ Слова: ты, как вырядилась — вписаны над строкой.

¹⁸ *После:* Я ведь знаю, что говорю! — Вот садись-ко да побеседуем.

²² *Ремарки:* Тишка уходит. — нет.

³² Поди, дитятко, поди. / Погоди, дитятко, погоди.

^{34—35} полно дурачиться-то. / 1) [что ты там городишь]; 2) ◇

³⁶ *Перед:* Погоди, Липа, жених придет. — [Говорят тебе, что жених, так уж стало быть я знаю, что говорю.]

С. 89

^{1—8} А вот увидишь, так, может, и узнаешь ~ Вот всегда так. / 1) [А графена Кондратьевна. Коли кто в самом деле придет, так уж ты бы путем говорил, а то придет, придет, а Бог знает, кто придет. Вот всегда так.]; 2) ◇

30—31

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Те же, Лазарь, Рисположенский и Фоминишна
(у дверей) /*

СЦЕНА 3-я¹

Лаз <арь> и Рисп <оложенский> входят.

^{33—34} Олимпиада Самсоновна, здравствуйте! / Здравствуйте, Олимпиада Самсоновна!

³⁶ *После:* Садись и ты, Лазарь! — [Садись и ты, Фоминишна].

Фоминишна. Спасибо, родимый! В кои-то веки привел Господь вместе с хозяином компанствовать!

Самсон. Силыч. Ну, все сели?

Аграфена. Кондратьевна. Что ты там затеваешь?

Самсон. Силыч. А вот увидишь, что.

Аграфена. Кондратьевна. Ну, начинай, Самсон. Силыч.]

С. 90

²⁶ *После:* Что вам, тятенька, угодно? — (Липочка подходит.)

С. 90—91

^{30—2} Ну, Липа, давай руку! ~ Как же не бывать /

1) Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Большов берет ее насильно за руку и Лазаря.

Подхалюзин. Видно, тятенька, не бывать-с по вашему желанию!

Большов. Как же не бывать.

2) ◇

¹ Соответствует 4—8 явл. III д. окончательной редакции.

С. 91

²⁰ а такой скверности не видывала / а такого похабства не видывала

²⁵ я и знать никого не хочу / 1) [захочу и его купцом сделаю, и капитал дам, и опять-таки никто мне не указ]; 2) ◇

^{28—29} *Перед:* А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг — [А, изв<и-ните>, это]

^{29—30} *После:* Это не нами заведено, не нами и кончится. — (*Встают.*)

А гр <а ф е н а> К <о н д р а т ь е в н а> (к Л<ипочке>). [Уж ты не спорь с ним, Липочка, ну там после, что Бог даст. Авось как-нибудь и так обойдется] Не перечь ему.

Л а з <а р ь >.

³¹ *Ремарки:* *Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны. — нет.*

С. 92

²² Только я вам вот что доложу-с... / Только я вам вот что скажу-с...

^{23—24} Как бы вы были учтивый кавалер / Как бы вы были [хо<роший>-то] учтивый-то кавалер

С. 93

⁸ у нас законные документы есть! / 1) [не угодно ли посмотреть-с]; 2) ◇

¹⁰ Так вы купили у тятеньки? / (*чит<ает>*). [Тут сказано, что папенька купил у вас, продал вам] Так вы купили у тятеньки?

¹¹ *Реплики:* Купил-с! — *нет.*

¹³ *После:* денег-то побольше — будет.

¹⁵ Что ж ~ делают? / Что же это такое¹ тят<енька> со мной делает?

^{19—20} Только одна слава / Только [что] одна слава

^{22—23} а хуже одной-с купеческой-то / а хуже одной-с хорошей, купеческой-то

^{24—31} А если за меня-то вы ~ это для нас всё одно-с. / [Это видит<е ли> у них не пристойно-с. Опять же-с у благородных-то там разные клобы заведены, да и то, и другое. Муж-то утром на службе, а вечером-то по клуб<ам> шатается, а жена-то должна одна дома сидеть-с, безо всякого удовольствия] А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, — так первое слово²: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в [собрание] гости³ али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении⁴ шляпок-то [тоже] или салопов — не буд<ем> смотреть на раз<ное> двор<янское>⁵ приличие [там что ни говори, это для нас все равно-с ничего-с],

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: так первое слово — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: В рассуждении — вписаны над строкой.

⁵ Слова: раз<ное> двор<янское> — вписаны над строкой.

а наденем какую чудней! Лошад<ей> заведем орловских, [и будете вы жить во всяк<ом> удовольствии. Насчет хозяйственности никто вас не буд<ет> беспокоить, потому самому, что я сам все это дело знаю] Если вы насчет [меня сомневаетесь, т<о> е<сть> насчет моего костюма] и моей физиономии сомневаетесь¹, так это как вам будет угодно-с, мы, пож<алуй>, [бороду обрить-с] и фрак наденем да бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все [равно] одно. [А если насчет того-с, что я на иностр<анных> диалектах говорить не умею, так это нам не для чего-с.]

С. 94

¹ распишем как / [мебель] распишем как

⁴ После: Ну, так мы пукетами пустим. (Молчание.) — [Ах, А<лимпияда> С<амсоновна>, как я рад, А<лимпияда> С<амсоновна>, что дождался такого благополучия.]

^{11—12} окажите эдакое благоволение-с / окажите эдакое [можно сказать] благоволение-с

²² После: Да вы не думали — скажите.

^{26—27} После: когда так тятенька с маменькой согласны? — [Еще, пож<алуй>, полиция вмешается.]

²⁸ Да так делают. / Да так во всех ром<анах> делают.

³¹ Перед: Тятенька-с!.. — Тятенька.

³³ После: Что вам угодно-с? —

Ли п <о ч к а>. Зачем вы тятеньку кличете? Л<азарь> Е<лиза-рыч>, не кличьте его!

Ла з <а р ь>. Отчего же-с, А<лимпияда> С<амсоновна>, не кли-кать?

^{34—35} какое мне житьё здесь! / какое мне житьё с ними!

С. 95

^{3—4} После: Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! — Вы думаете, что я этого не вижу! А я вижу все-с.

^{4—5} После: так перейдём в свой дом-с.— [и вы у меня будете полная хозяйка]

^{5—6} После: Нет, уж теперь кончено-с! — А<лимпияда> С<амсоновна>, неужели вы думаете, что я вас дам в обиду кому-нибудь? Этого никогда не бывать-с [и не будет]!

¹⁶ без всякого удовольствия сидеть / сидеть без всякого удовольствия²

^{16—17} А смею ли я так поступать? / А смею ли я так поступить-с?

²⁵ Слова: Маменька-с!.. — нет.

²⁷ Ремарки: Те же, Большой и Аграфена Кондратьевна. — нет.

¹ Слова: и моей физиономии сомневаетесь — вписаны над строкой.

² Слова: без всякого удовольствия — вписаны над строкой.

^{28—29} (идёт навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия) / 1) (идет навстречу Самсону Силычу). Маменька-с! 2) (идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия). Маменька-с!..

C. 95—96

^{36—1} Ах ты ~ как это дело и рассудить-то. / Ах ты, дитятко мое (цел<ует> Лип<очку>). Да как же это давеча-то так, Липочка, а? Ей-богу! Что ж это такое?¹ Ей-богу! А уж я и не знала, как это дело и рассудить[-то].

C. 96

^{6—7} После: Уж отец тебе худа не пожелает.— [Сядьте-ка рядышком, я погляжу на вас.]

⁹ Ремарки: (Входит.) — нет.

^{10—12} Постой ты, таранта! ~ Подхалюзин и Липочка садятся. / [И то дело, садитесь-ка, мы на вас <посмотрим>] Постой ты, таранта! Вот вы садитесь-ко рядом, — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам, Ф<оминишна>, бутылочку шипучки. (Лип<очка> сад<адится>, жем<анясь>, Л<азарь> тоже <сад>ится.)

¹³ Сейчас, батюшка, сейчас! (Уходит.) / Сейчас, батюшка, сейчас!

¹⁵ Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский. / Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский [и Фом<инишна>]

¹⁷ Вот Бог привёл на старости лет / Вот Бог привел на старости, Устинья Наумовна

^{17—18} После: дожили до радости.— [Посмотри-ка какая у нас парочка-то.

У <с т и н ь я> Н <а у м о в н а>. Да где же это видано, чтобы так поздравляли, надобно шамп<анского>. Ну дай вам Бог жить да молодеть, толстеть да богатеть, бриллиантовые!

А <г р а ф е н а> К <о н д р а т ь е в н а>. Принеси-ка, поди, Фомишна, бут<ылку> шампанского, прежде от<купоренную>.

Фом<инишна> приносит, начин<ает> поздрав<лять>.

У <с т и н ь я> Н <а у м о в н а>. Богатеть горько, серебряные!

Р и с п <о л о ж е н с к и й>. Поздр<авляю>.

Л а з <а р ь> (вст<ает>). Я теперь пойду билеты заказывать.]

²¹ А вот мы тебе горлышко промочим. / А вот мы тебе, певчий соловушко, горлышко промочим.

²³ Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе). / Явл<ается> Тишка с подн<осом> и Фом<инишна>.

^{25—26} Горько, бралиянтовые! / Горько, бралиянтовые! [(Цел<уются> жеманно. Встают и кланяются.)]

²⁷ Ремарки: Липочка и Лазарь целуются — нет.

²⁸ После: Дай-ко я поздравлю — [по-своему]

¹ Слова: так, Липочка ~ Что ж это такое? — вписаны над строкой.

²⁹ После: Липочка и Лазарь встают. — Бер<ёт> бут<ылку>.

³² да из наличного отсчитаем / да из наличного отсчитаем [тысчонок 50]
С. 97

⁵ Ремарки: Тишка наливает. — нет.

^{8—9} Нешто я не чувствую? / Нешто я не знаю, пом<илуйте>, нешто я не чувствую?

^{13—14} Только ты смотри ~ сдуру-то всё отдать. / [То-то же!] Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то теперь все отдать.

¹⁸ После: Ну, поцелуйтесь! — [Ну теперь со мной]

¹⁹ Липочка и Лазарь целуются. / А<графена> К<ондратьевна> подходит и нач<инается> целование.

^{23—28} Уж и где же это видано ~ Рисположенский кланяется и отказывается. / [(Подходит к Рисположенскому)] Уж и где же это видано, Уж и где же это слыхано, Чтобы курочка... (Подходит к Рисположенскому.)

²⁹ Б о л ь ш о в. Выпей, Сысой Псоич, на радости! / 1) [С <а м с о н> С <и л ы ч> (стоит). Что же ты, С<ысой> Пс<оич>, выпей за здор<о-вье> жениха с невестой. Что ж ты стоишь, али не выпьешь за жениха с невестой?]; 2) ◇

С. 98

^{4—10} Неприлично ~ обидеть недолго, а не хорошо. / (пятится). Самсон Силыч! Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал [гов<орить>, что не пью, коли пью?] отказываться? Хе, хе, хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью!¹ А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо [Можете отвечать за это]

¹² Рисположенский бежит от неё. / Рисположенский уходит.

^{13—15} Врёшь, купоросная душа, не уйдёшь! (Прижимает его в угол и хватает за шиворот.) / (Прижимает его в угол и хватает за ворот). Врёшь, [чернильная] купоросная душа, не уйдёшь!

¹⁹ В доме Подхалюзина богато мебелированная гостиная. / 1) В доме Лазаря; 2) В доме Подхалюзина изящно мебелированная гостиная.

²² чепчик последнего фасона / 1) чепчик изящной отделки; 2) и маленький чепчик последнего фасона

^{22—23} Подхалюзин в модном сертуке ~ обдёргивает и охорашивает. / 1) Л<азарь> Елиз<арыч> в модном сертуке охорашивается перед зеркалом; 2) Подхалюзин в модном сертуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает его и охорашивает.

¹ Слова: я от ~ рюмочку выпью — вписаны над строкой.

²⁹ *Ходит по комнате. / Идет по комнате.*

^{29—30} А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? / А вы еще за офицера хотели идтить-с. Чем же мы не молодцы-с?

С. 98—99

^{32—3} *Текста:* Да вы, Лазарь Елизарыч ~ Польку станем танцевать. — *нет.*

С. 99

⁴ *Перед:* Уж вы, Лазарь Елизарыч — *(небрежно).*

¹⁵ *Садится подле Олимпиады Самсоновны. / Садится подле стола.*

¹⁶ *После:* Пушай себе смотрят. — [А вы еще за офицера хотели идтить-с. Чем же мы не молодцы-с? *(Встает и охорашивается.)* Вот сертучок новенький-с. Взяли да и надели!]

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

П о д х а л ю з и н. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших! Польку станем танцевать-с.

[О<л и м п и а д а> С<а м с о н о в н а>. К зиме непременно надобно еще одно бархатное платье шить.

Л а з <а р ь> Е л и з <а р ы ч>. Можно-с! Можно-с!]

²⁶ Ком ву зет жоли. / Ком ву зет шарман.

²⁸ Как вы милы! / Как вы [прекрасны] милы!

^{29—31} *(вскакивает со стула)* ~ Пожалуйте ручку! / *(ходит, разглаживает усы и прищелкивает пальцем).* Вот она у нас жена-то какая-с: на французском диалекте изъясняется-с. Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили-с! Пожалуйте ручку! *(О<лимпияда> С<амсоновна> важно протягивает руку, а сама смотрит в окно.)* [Митька, трубку!]

^{34—35} чёрт принёс! *(Тишка уходит.)* / черт принёс!

С. 103

¹⁸ *Ремарки:* Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна. — *нет.*

^{19—20} *После:* Родные вы мои, голубчики вы мои! — С<амсон> С<илиц> входит, одет дурно, не брит¹, волосы не причесаны.

^{23—24} А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! /

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(смотрит на него пригорюнившись и плачет).* Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! [Извели тебя, изверги! Погубили тебя моего ненаглядного!]

²⁵ *После:* Полно, жена, перестань! — Слезами не поможешь!

²⁷ Не бог знает что случилось. / Не Бог знает что такое сделалось. *(Матр<ена> Сав<ишна>]* Агр<афена> Конд<ратьевна> ст<ойт> подле дивана пригорюнясь.)

¹ Слова: не брит — вписаны над строкой.

^{34—35} *После:* а теперь мальчишки пальцами показывают — А за что! Сам виноват! Заварили кашу, надо расхлебывать.

С. 104

⁵ на сделку согласны. / [говорят!]

^{18—19} *Реплики:* Зазнались больно! А не хотят они восемь копеек в пять лет? — *нет.*

^{20—21} ведь мы сами прежде так предлагали / и то в барышах будешь

²⁵ *После:* чего не угодно ли-с? Маменька! — Маминька-с! [Да]

²⁷ А двадцать пять копеек много-с! / А двадцать пять копеечек, тятенька[-с], много-с!

^{28—29} Сейчас, батюшко, сейчас! (*Уходит.*) / Сейчас, батюшко, сейчас!

^{32—34} по улицам водить ~ не знаешь, куда спрятаться. / [в конкурс] по улицам водить, да еще, того и гляди, в острог переместят¹: рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, в какую дыру спрятаться. Господи, идешь по улице-то, так тебя в пот и бросает.²

³⁵ *Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит. / Приносят водку, закуску и ставят на стол.*

³⁷ Чай, тебя там голодом изморили! / Чай, тебя там изверги-то [сголоду] голодом изморили! (*Лазарь* наливает рюмку и подает на подносе.)

С. 105

³ Пей-ко сам. / Кушай-ка сам.

⁴ За ваше здоровье! (*Пьет.*) / За ваше здоровье! (*выпивает.*)

^{19—21} Да вы извольте рассудить ~ Попотчуйте тятеньку. / Да вы извольте [видеть] рассудить: я вот торговлей завожусь-с, домишко отдал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с, осчастливьте-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку-то.

²³ *После:* Я тебе, батюшко, пуншик налью! — (*С а м <с о н> С и л <ы ч> пьет мадеру, а пот<ом> приним<ается> за пунш, пьет прерывисто и беспр<естанно>.*)

С <а м с о н> С <и л ы ч>. [Дай, Лаз<арь>, дай выпью, брат, выпью. Что-то у меня нынче на сердце тяжело таково. Авось легче будет (*пьет стакан, потом другой*). Словно меня давит что, Лазарь. Словно змея какая за сердце сосет. Ох, детки, как бы вы знали, как тяжело мне старику, становится. 40 лет ни перед кем не гнул голову, а теперь стыдно людям прямо в глаза взглянуть (*пьет еще*)] Ах, детки, как бы вы знали, как тяжело мне старику, становится.

²⁴ *Ремарки:* (*пьёт*) — *нет.*

^{30—31} Что ж, тятенька, нельзя же нам ~ мешчане какие-нибудь. / Что ж, папенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мешчане

¹ Слова: да еще, того и гляди, в острог переместят — вписаны над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

какие-нибудь. (С<амсон> С<илыч> смотрит на них вытараща глаза и продолжает пить.)

³⁷ Что вы! Что вы! Опомнитесь! / [Детушки!] Что вы! Что вы! Опомнитесь! [Что вы, что вы!]

С. 106

³⁻⁷ Да ты вспомни то ~ Видел ли? / 1) Да ты [мне дашь денег, ты мне дашь] вспомни то, ведь я тебе все отдал [вспомни ты это] все дочиста. Вот что [тебе] себе оставил, видишь! (Трясет себя за скюртук.) [Вспомни, Лазарь!] Ведь я тебя мальчишкой в дом взял! [Помнишь!] Я тебя поил, кормил, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? 2) ◇

⁸⁻¹² не ославил на весь город ~ ты бы на неё и глядеть-то не смел. / не ославил тебя на весь город. Нет, [Лазарь] я думал, ну, один Бог без греха. [Я тебя сделал главным приказчиком] И тебе же я все свое состояние отдал, [больше миллиона, Лазарь] да тебе же, Лазарь, я отдал дочь своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и [глядеть не смел] глядеть-то бы не смел. Так-то Лазарь.

А <г р а ф е н а> К <о н д р а т ь е в н а>. Выкушай, батюшка, С<амсон> С<илыч>, чего-нибудь, уж я не знаю, чем тебя и подчивать-то. Не принести ли тебе поросеночка холодненького?

С <а м с о н> С <и л ы ч>. Нет не надо. А вот мадерки дайте, выпью. Что-то у меня на сердце тяжело таково, не полегчает ли? (Лазарь наливает и кланяется; он пьет два стакана один за другим.) Словно меня давит что, словно змея какая сердце сосет.

¹⁷⁻¹⁸ не надо мне ~ что теперь следует / не надо мне [этого]; ты заплати за меня [по 25 коп<еек> за рубль] только, что теперь следует... двести тысяч только. (Молч<ание>.) [Ты то возьми. Да не как свое добро я теперь прошу у тебя, а как милости. Господи, 40 лет я был честным купцом, 40 лет королем ходил по городу, теперь мне совестно на людей смотреть. Мне страшно] Так-то Лазарь [как я теперь пойду] в яму-то идти

¹⁹⁻²⁰ да просят цену, которую совсем несообразную / да просят[—то уж больно несообразно] цену-то [которую...] совсем несообразную

²¹⁻²³ Я из-за каждой вашей копейки ~ когда не хотят уступить ничего? / Я [сам готов вам отдать последнее, что ж] из-за каждой вашей копейки просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить [ни одной копейки] ничего?

²⁸ Да, в яму! В острог его, старого дурака. / Да, в яму его, старого дурака. В острог его. (Пл<ачет>.) А вы вот подумайте, каково мне теперь.

²⁸⁻³² Текста: И за дело! Не гонись за большим ~ за язык вытянут да в острог посадят. — нет.

С. 106—107

^{34—1} А вы подумайте, каково мне теперь ~ А там мимо Иверской / Ведь мне через весь город идти. Что ж мне, зажмуриться, [Лазарь] что ли? [Ведь] Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. [Ты послушай, Лазарь] Вы подумайте только, каково по Ильинке-то пройти. [Ведь] Это [Лазарь] все равно, что грешную душу [злые] дьяволы, прости Господи, по 30 мытарствам [проходят] тащат. А там [Лазарь, мне придется] мимо Иверской [идти]

С. 107

^{3—6} А там присутственные места ~ дайте Христа ради! (*Плачет.*) / А там [за Иверской] присутственные места, [Ух...] Уголовная палата... Ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. (*Плачет.*) Коли так не дадите денег, так дайте Христа ради!

^{7—8} Бог милостив! ~ Поправим как-нибудь. / Бог милостив! как-нибудь сделаемся. Поправим как-нибудь. Еще не Бог знает беда какая.

^{11—12} *После:* Я, так и быть, ещё пять копеечек прибавлю. — Будет с них по 15 копеек.

¹³ *Текста:* Эки года! Есть ли в вас христианство? — *нет.*

^{13—14} Двадцать пять копеек надо, Лазарь! / Двадцать пять надо, Лазарь! Ей-богу, меньше не берут.

^{17—18} (*Опускается головой на стол.*) / (*Плачет.*)

¹⁹ Варвар ты, варвар! / Варвар ты, разбойник!

²⁴ *После:* а вы уж и на-поди. — Рады проклясть в преисподнюю.

²⁷ За то вам, должно быть, и других детей-то Бог не дал. / За то вам Бог, должно быть, и других детей-то не дал.

²⁹ И одну-то тебя Бог в наказание послал. / И одну-то тебя Бог мне в наказание послал.

[Л а з < а р ь > Е л и з < а р ы ч > (*подходя к Агр<афене> Конд<ратьевне>*). Полноте, маменька, видите, тятенька захмелел.

С < а м с о н > С < и л ы ч >. Полно, жена, перестань. Пьян я, точно пьян]

³² а то дня не пройдёт, чтоб / а то ведь у вас дня не пройдет, чтобы

^{33—34} Ишь ты! Ишь ты! ~ проклянута тебя на всех соборах! / Ишь ты! [Бесстыжие твои глаза!] Ишь ты! Как она с матерью-то поговаривает. Да я тебя, шлюху, на всех соборах проклянута.

[Л а з < а р ь >. Полноте, маменька.]

³⁶ Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! / Аграфена Кондратьевна (*с ожесточением*). Да! Вот как!

³⁸ *После:* Олимпиада Самсоновна. Очень нужно! —

[А г р < а ф е н а > К < о н д р а т ь е в н а >. Вот поговори еще — так я тебе всю косу выдеру.

Олим <пиада> Самс <оновна>. Как же, держите карман-то. Позволю я над собой командовать!]

С. 108

¹ Б о л ь ш о в (встаёт). Ну, прощайте, дети. / (В продолжение этой сцены Большой встает и берет шапку.)

Б о л ь ш о в. Ну, прощайте, детки.

²⁻³ Что вы, тятенька, посидите! ~ дело-то кончить! / Что же вы, тятенька, посидите. Надобно же как-нибудь дело-то покончить!

⁴⁻⁶ Да что кончать-то? ~ Прощайте, пора мне! / Да что, Лазарь, кончать-то? Уж [я вижу, брат, что] дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет. [Я один виноват и один отвечать буду. Вот, скажу, я весь тут, что хотите, то и делайте, а денег вам нет ни копейки. Вы меня извините, Лаз<арь> Елиз<арыч>, что я¹ тебя давеча может чем обидел сгоряча-то. Ты ни в чем не виноват. Тебе еще надобно жить на свете, торговать. Ты] А вы, Лаз<арь> Елиз<арыч>, и со всеми так [делай] делайте, как со мной-то [поступил-с] теперича. Нынче [брат] иначе-с и жить нельзя-с. [Много ли нынче наберется народу с доброй совестью. Так тебе в глаза и смотрят, как бы не ограбить тебя дочиста да в одной рубашке по миру пустить. Что, Лазарь,] Разбойники-то, что по лесам грабят, перед [нашими городскими-то разбойниками] вами просто святые люди. Тот и ограбит-то кого, так в чашу да глушь прячется — свету денного боится. А [наши-то на лежаках лесорах езд<ят>] вы четвернею ездите, в трехэтажных домах [жив<ут>] живете. [Он тебя обманет] Вы обманете, да [тебе ж] после и [смеется] смеетесь в глаза. [Они, Лазарь] Безбожники вы², [ты им] и на божбу [не верь] поверить нельзя³. А на божбу поверишь, так [придется тебе] оберут тебя до ниточки⁴ [так] и придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться [отгудова] в Москву-реку. Да и оттедова [Лазарь, тебя кредиторы] за язык вытащат да в острог посадят. [Душегубцы вы, окаянные!] А вот что, Лаз<арь> Елиз<арыч>, вы уж не платите за меня [ни копейки] ничего⁵. Не давайте [им] ни денежки. Пусть что хотят со мной, то и делают. [А уж денег им ни гроша!] Прощайте, Лазарь! Пора мне!

¹⁶ Ну вот, вы теперь будете богаты, заживёте по-барски. / Ну, вот [ты] вы теперь будете богаты, заживете по-барски. [А⁶ я! ну что толковать-то, сама себя раба бьет, коли нечисто жнет. Прощайте!]

¹ Далее: [вас]

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: поверить нельзя — вписаны над строкой.

⁴ Слова: оберут тебя до ниточки — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Далее: [отец]

19—20 (*Уходит с Аграфеной Кондратьевной.*) / (*Уходит.*)

23—24 Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? / Он-то может лучше их разжалобит. А? Аль ехать-с?

27—31 Тишка! (*Входит Тишка.*) ~ должно быть, в те поры / [Я старинский сертучок-с надену, а то, подумают, богат, должно быть] Тишка! (*Входит Тишка.*) Подай старый сертук, которого хуже нет. А то подумают-с: богат, должно быть-с. С ними в те поры.

C. 109

⁶ *Ремарки:* Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсонов-ной — нет.

¹⁸ А уж отдали бы зараз / А уж вы отдали бы зараз

^{25—26} Как пора честь знать? ~ тысячи полторы должны. / (*вск<рикувая>*). Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны, Л<а-зарь> Е<лизарыч>.

²⁸ А за что — за мошенничество! / А за что должны — за мошенничество!

³¹ *После:* За труды — [Хороши труды. Экой труженик!]

³⁴ Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите. / Чего-с? [Нет!] Документ! Нет, уж это придите после.

C. 110

⁵ *Ремарки:* Тишка входит. — нет.

⁶ *После:* А что ж ты со мной сделаешь? — Тишка <входит> со стар<ым> сюртук<ом>.

⁷ *Перед:* Язык-то у меня не купленный. — Что сделаю?

¹¹ Об чём рассказывать-то, купоросная душа! / Об чем рассказывать-то!

²¹ я на тебя суда не найду? / 1) [некуда на тебя просить?]; 2) ◇

^{24—25} Не поверит? Ну, пускай обижают! / [Не поверит?] Ну, пускай не верют. [Я свое знаю] Пускай обижают!

²⁹ Пстой, пстой! / Пстой!

³¹ *После:* Самый пустой человек-с! — [Довер<ять нельзя>]

^{33—34} И меня грабит ~ четверо детей, сапоги худые! / Меня [тоже] грабит. Жена, четверо детей, вот сапоги худые!

C. 111

¹ Ах! Ну что ты / Ну что ты

² Нет, ты погоди! / 1) [Вам скоро обанкрутится. Да уж тогда, дружок]; 2) ◇

¹⁰ Какой горячий-с! / (*смотрит вслед*). Какой горячий-с!

^{12—13} открываем / 1) [заводим]; 2) ◇

С. 46

¹¹ Действие первое / Д<ействие> II

С. 46—51

^{12—29} *Текста:* Гостиная в доме Большова ~ Да кто женщина-то? — *нет*.

С. 51

^{30—31} То-то вот, умна ~ как не Устинье Наумовне. / 1) [Устинья Наумовна пришла]; 2) ◇

С. 52

⁵ *После:* Здравствуй, Устинья Наумовна! — [Что скаж<ешь> хорош<е-го>?]

⁸ Как встала-ночевала / 1) [Дай тебе Бог жить да толстеть, молодеть да богатеть]; 2) ◇

^{10—11} Живу — хлеб жую / Живу [помаленьку] — хлеб жую

^{12—14} Чай, об нарядах всё ~ словно потолстела, изумрудная? / 1) (*Целуясь с Липочкой.*) Вот и до тебя очередь дошла. Что [это ты как будто по-хорошела] изумрудная? 2) ◇

¹⁴ *После:* Чего ж лучше, как не красотой цвести! — Ишь, ты, слов<но> маков цвет.

¹⁸ то колики / то колики [то истерики]

³³ Позвольте, маменька, я поскорей сбегая / Позвольте, позвольте, мам<енька>, я распоряж<усь>

С. 53

⁶ *После:* Те же без Фоминишны. —

Аграфена Кондратьевна. Ну что ж вы, [там с жен<и-хом>-то застряли?] Уст<инья> Наум<овна>, нового нет ли чего? Ишь, у меня девка-то стосковалась.

Л и п о ч к а. Да, голуб<ушка>, Уст<инья> Наум<овна>, скажи-ка что-нибудь хорош<ее>.

У с т <и н ь я > Н а у м <о в н а>. Да что жених-то. Уперся как лошадь — ни тпру, ни ну, слова от него не добьешься путного.

Л и п о ч к а > (*томно*). Да давно ль ты его видала, что он, здоров ли, мой ангел?

У с т <и н ь я > Н а у м <о в н а>. Что ему делается. Вчера [была] утром была. Вышел как есть в одном шлафоре; а уж употчевал — можно чести приписать! И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушай, говорит, Уст<инья> Наум<овна>! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить. А он мне на это [ничего не сказал]: «Вот, гов<орит>, подумавши, да посоватамшись». А сам только что опояску поддегивает. [Я, говорит, как-нибудь на той нед<еле>, либо <1 нрзб.>, либо дам знать]

Л и п о ч к а. Что ж он там спустя рукава-то сентиментальничает! Право, даже тошно смотреть, как все это продолжается. Уж ежели не желает поступить окончательно, так и не для чего было прежде пленять.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. И в самом деле, что он ломается? Мы разве хуже его? Ну не хоч^{ет}, так и не надобно. Мы на-сил^{ьно} не навяз^{ываемся}.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А, лягушка его заклюй, — нешто мы друг^{ого} не найдем? Женихов-то у нас не одна дюжина — любова лови.

Л и п о ч к а. Любова лови — а все нет ничего.

^{11—12} с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые / с вами не скоро сообразишь

С. 53—54

^{12—1} *Текста:* мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот ~ Одно дело тятенька, а другое дело — муж. — *нет*.

С. 54

⁴ *После:* перцу наемся — глаза лук^{ом} натру.

⁶ И тебе как в охоту дразнить / И тебе как в охотку ребенка драз^{нить}

^{7—8} Сама привередничает. / Ну не хочет, так не хочет.¹

^{10—11} найдём тебе и благородного ~ поподжаристей? / найдем и благородного [а ежели и неблагород^{ного}, так все-таки на двор^{янский} манер] Есть у меня теперь человек на примете.²

^{12—28} Ничего и потолще ~ Ох, уж ты мне, егоза! (*Уходят.*) / [Извест^{ное}] Понят^{ное}³ дело, чтобы одет был по-журнальному. (*Подх^{одит} к зерк^{алу}.*)⁴ Ах, Боже! а сама-то я вся, как веник, растрепана. Пойдем, Фоминишна. До сих пор в блузе хожу. Кто ж это так.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А ты поди-ка оденься, а мы потолк^{уем} с мам^{енькой}.

С. 56

^{13—26} *Текста:* Как тебя звать-то, батюшко? ~ Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история... — *нет*.

²⁸ Кушай, батюшко, кушай. / Кушай, батюшко, кушай (*слуш^{ает} с на-пряж^{енным} вним^{анием}*).

^{30—31} Вот уж я, матушка ~ сударыня ты моя, двенадцать дочерей / Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой.⁵ Было у него немало, немного двенадцать дочерей

¹ Фраза вписана на полях.

² Фраза вписана над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Ремарка вписана над строкой.

⁵ Фраза вписана над строкой.

С. 57

⁹ *Те же и Большов. / Большов (весь <2 нрзб.>).*

¹⁰ А! И ты, барин, здесь! / А! и ты здесь!

^{13—14} Что это ты, яхонтовый, похудел словно? / Что это ты, бат<юшка>, похудел словно?

^{17—18} Ну так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было? / Ну, так дальше-то что ж, бат<юшка>?

^{19—20} После, Аграфена Кондратьевна ~ забегу в сумеречки и расскажу. / После, Аграфена Кондратьевна, после¹ доскажу, на свободе как-нибудь.

^{21—22} *Фразы:* Пора очувствоваться. — *нет.*

²³ Ну, уж ты начнёшь! / Уж ты начнешь!

²⁶ вот эту историю-то он тебе лучше расскажет / вот эта ист<ория>-то лучше

^{27—28} Вот и неправда, Самсон Силыч! / Вот и неправда.

³³ там я его оставил / 1) там я его [и забыл]; 2) ◇

С. 58

^{3—4} Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. / Не токмо что с пьющим, и с непьющим случается.

^{14—15} в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. ~ Кушай, батюшко, на здоровье! / в отставку. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он теперь не остав<ляет>. Захожу иногда на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздрав<ляю>. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я рюмочку выпью.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Кушай, батюшко, на здоровье!

Б о л ь ш о в. Да ты пунш<ику> не хочешь ли?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Налейте, коли милость будет.

^{22—23} чай, уж самовар готов ~ кой-что из приданого новенького / кой-что нов<енького> из приданого я тебе покажу

^{24—25} У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая. / У вас, чай, и так вороха наготовлены.

²⁶ *Фразы:* Что делать-то! — *нет.*

^{28—29} Что говорить, жемчужная! Свой магазин, всё равно / Что говорить! Свой магазин, все едино

С. 65—67

^{9—14} *Текста:* Явление двенадцатое. *Большов и Подхалюзин.* ~ должен я чувствовать. — *нет.*

С. 67

¹⁶ Действие второе / Действие I

¹ Слово вписано над строкой.

¹⁷ *Ремарки: Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх. — нет.*

¹⁹ *Тишка (со щёткой на авансцене). / Тишка стоит со щёткой на авансцене.*

Т и ш к а (один).

С. 68

⁸ *После: Ишь, ломается! — Уж коли ломаться, так ступай на балкон под Новинское!*

²⁵ *После: Важное кушанье! —*

[Т и ш к а. Нешто не знаю, что сказать! А вот первое дело: дома не ночуешь, скажу.

П о д х <а л ю з и н>. А когда бы это я не ночевал?

Т и ш <к а>. То-то-сь, смотри! А второе дело: помнишь!

П о д х <а л ю з и н>. Ведь вот ты, Тишка, какой! С тобой, с дураком, пива не сварить. Тебя крести, а ты все в воду лезешь.

Т и ш <к а>. Что ж! Известно! Когда невесть за что ругаешься.

П о д х <а л ю з и н>. Как невесть за что: тебе же добра желают.

Т и ш <к а>. Да, знаю я!

П о д х <а л ю з и н>. А вот, Тиша, кабы ты был умной-то, ты бы на досуге-то сбежал пока в погребок.]

^{33—35} *Да, рябиновки ~ уж себе на пряники / (дает ему деньги). Да. Надо Сыся Псоича попотчевать.¹ Вот тебе целковый, купи полштофа, а сдачу себе возьми [на пряники, да поставь...*

Т и ш <к а>. В пустой сундук вон в энтот?]

С. 69—70

^{5—9} *Подхалюзин (один). Вот беда-то! ~ спрыгнуть можно! /*

1) Л а з а р ь (один). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! [Ну] Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Вот оно дело-то какого роду.² А я-то причём останусь. [Я-то] Мне³ куда де[нусь]ться. В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани.⁴ Вот векселя велел продать (выним<ает> и счит<ает>), тут тысяч десяток, должно быть, попользоваться можно. Еще това<ром> разве как-нибудь. Ведь вот теперь прячем его, так поприжать где-нибудь. (Молчание.) Да [я бы, кажется] [от радости] от эдакого удовольств<вия>⁵ с Ивана Вел<икого> спрыгнуть можно!

2) П о д х а л <ю з и н> (один). Нашвыряется мальчишка-то, золотой будет. (Ходит задумавшись.) Вот оно что значит в чужих-то лю-

¹ Фраза вписана над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Фраза вписана на л. 1 со знаком вставки.

⁵ Слова: от эдакого удовольств<вия> — вписаны над строкой.

дях жить, т<о> е<сть> не накажи Господи! Дома не ночуешь, кажется, невелика важность: а тут тебя всякий мальчишка, всякая шельма, так, мразь какая-нибудь и то утыкает этим. А от чего? От того, что подначальный человек, — стало быть, есть кому над тобой командовать. Приказчик ты, ну и живи, как следует — не вертись! Нешто я не сумел бы, что ли, тону-то задавать, да порядки-то разводить? Хитрость не велика.¹ Да за малым дело стало, капиталов не хватает. Ну и молчишь. Тебя ругают, [а ты] на чем свет стоит, а ты кланяйся, да уважай. (*Молчание.*) Другой хозяин-то дурак эстесственный; так стоит ли внимания все его богатство, чтобы его уважать за это! Как это рассудить надобно? Выходит, что не по уму почет, а по деньгам. Нажил деньги, вот и умен! Да как их наживешь-то? Послышишь: тот богат, другой богат. А как он разбогател-то, спросить у него! Нынче честным-то манером не скоро разбогатеешь! А ухватил кого за ворот, да вытряс мошну-то, так и богат. Вот они как богатеют-то. А ты после ему кланяйся да потрафляй по его. [Теперь хоть бы Сам<сон> Силыч какую политику ведет! Кредиторов грабит, а меня совести учит: ты, Лазарь, живи по чести; против хозяина своего не грешь; ты, говорит, совесть знай! Известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно! Против хорошего человека у всякого совесть есть; а коли он сам другого обманывает, так какая же тут совесть! А известно, С<амсон> С<илыч> это один только отвод делает; ты, дескать, служи мне да усердствуй; а я вот награблю полмиллиона да опосля всего этого тебе спасибо скажу. Так нет, погодите, С<амсон> С<илыч>! Эдак не приходится. Черт Ваньку не обманет, Ванька молитву знает. При всем том, если я в этом деле и попользуюсь чем-нибудь лишним, так, по моему понятию, и греха² в этом нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закону идет. А мне что его жалеть-то? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. С<амсон> С<илыч> купец богатейший, а занимается этим делом, можно сказать, так, для провождения времени. А я человек бедный! (*Ходит.*) То ли бы я еще с ним сделал, да не приходится мне теперича ссориться-то с ним. По тому самому, что не плюй в колодец, годится водицы напиться. Известное дело. Олимп<ияда> Самсоновна барышня, каких в свете нет.]

3) <П о д х а л о з и н >. А то неужто каким-нибудь подъячим наживать давать. Если я попользуюсь чем-нибудь лишним, все для них же, все-таки с добрым намерением. Сделавши все это добрым порядком, как следует, могу тогда сказать: дескать, Сам<сон> Сил<ыч>,

¹ Фраза вписана на полях л. 8.

² Далее начато: [ту]

я для вашего спокойствия [и благоденствия] пота-крови не жалел. И не столько, мол, для вас, сколько для семейства вашего. Конечно, [скажу] мол¹, Олимп<иада> Сам<соновна> барышня образованная-с, да ведь и я, Сам<сон> Сил<ыч>, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу с женой во всяком продовольствии жить. [Да и при всем том, скажу, я в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства. (Молчание.)] Отчего ж и не отдать за меня? Чем я не человек! Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Только что вот разве не дворянин. Разумеется, не задумай Сам<сон> Сил<ыч> эдакое, можно сказать, ухищрение, мне об этом предмете и думать бы нечего, не отдали бы за меня ни за какие благополучия. А как Самсон-то Силыч решился, так уж я дерзнул на такое посягательство в мыслях насчет Олимпиады Сасоновны. Притом, узнавши-то характер Сам<сона> С<илы>ча, каков он есть, — это и очень [может] могло² случиться. У [него] них³ такое заведение: коли [ему] им⁴ что попало в голову, уже ничем не выбьешь оттедова. Вот теперь затеяли дело, уж и не отстанут, уж это значит, кончено. Рано ли, поздно ли, а будет так.⁵ Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них хорошо, или так взойди им в голову — завтра же [скажет] под венец, и баста, и разговаривать не смей. Чтобы я тогда сделал, поди прочь да и только.⁶ Стало быть теперь все в том и состоит, чтобы не выдали как-нибудь Олимпи<аду> С<амсонов>ну замуж до окончания этой процессии. А то останусь я как рак на мели. И Олимпиада-то Сам<сонов>на, можно сказать, красота неописанная, да и дом-то, и лавки-то, все [это пойдет в чужие руки. Не видать мне ничего, как ушей своих] бы это было наше⁷. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно!

4) Л а з а р ь (один). Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Мы, было, уж и эрестрик эдакой написали, что вот такому-то столько, а такому-то столько. Ан вон оно дело-то куда пошло: к одному сунулся, нет, говорит, подай все, к другому — то же, а третий и вовсе заартачился. Ну как-то хозяин теперь вывернется. Теперь не миновать за Сус<оєм> Псоичем посылать. Уж он какой-нибудь тут

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Фраза вписана на полях л. 10.

⁶ Фраза вписана на полях л. 10 об.

⁷ Слова: бы это было наше — вписаны над строкой.

крючок ввернет. Вот ведь они, дела-то какие! а! Ведь, пожалуй, эдак заставят все деньги заплатить. Я-то причем же останусь?¹ Как теперь это дело рассудить надобно? Товаром, что ли? Ведь не миновать теперь несостоятельным объявиться. Так вот товару-то и можно будет поприжать где-нибудь. Насчет векселей я тоже 1000 десят<ков>, должно быть, попользуюсь. Вот они, продать велел (*считает*). Не хватился бы он их теперь. Пожалуй, скажет, мол, не надо. Тогда что! Скажу, продал. Вот и все. А денег достану. Что ж такое. Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам другого обманывает, так какая же тут совесть! [Он] Сам<сон> Сил<ыч> купец богат<ейший>² и теперича все это дело так, для провождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так [что ж за беда] и греха нет³ никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Одно вот только дело маленько того-сь! За сердце забирает. Ведь придет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, каких в свете нет, а этот жених, что теперича просватали, ее не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И теперь ей за благор<одным> не быть, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! (*Молч<а>*.) А что как эдак, понабравши деньжонок-то, да поклониться Сам<сону> Силычу: дескать я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу с женой во всяком⁴ продовольствии жить. Отчего ж и не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да [и з<акладной-то>] при всем том, так⁵ и закладной-то можно пугнуть⁶. Ведь С<амсон> С<илыч> мне заложили дом и лавки-то. А теперича⁷ вот с самой-то той поры, как С<амсон> С<илыч> заложили мне дом, стал я совсем влюбленный. Так вот все и мерещится, что этот

¹ Текст: Ведь, пожалуй ~ причем же останусь? — *вписан над строкой.*

² Фраза *вписана над строкой.*

³ Слова: и греха нет — *вписаны над строкой.*

⁴ Слова: во всяком — *вписаны над строкой.*

⁵ Слово *вписано над строкой.*

⁶ Слово *вписано над строкой.*

⁷ Слова *вписаны над строкой.*

дом мой, что живем мы с А<лимпиадой> С<амсоновой> во всяком продовольствии (*из стар <ого?>*).

С. 70

^{11—17} Подхалюзин и Тишка ~ достаёт закуски, потом уходит /

1) П <о д х а л ю з и н > и Т <и ш к а> (*входит со штофом*).

Т и ш <к а>. У<стинья> Н<аумовна> обещала зайти ужотка, а теперь сюда барин идет.

П о д х <а л ю з и н>. Какой там еще¹ барин?

Т и ш <к а>. [А вот что к Сам<сону> С<или>чу ходит — стракулист.]

П о д х <а л ю з и н>. Так ты поставь водку-то на стол да и закусокки [подай] достань

2) Т и ш <к а>(*входит со штофом*). [И я здесь] Вот он я пришел! [Сыс<ой> П<соич> идет]

П о д х <а л ю з и н>. [Так ты посл<ушай>] Посл<ушай>², Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Т и ш к а. [Здесь!] Да и стракулист идет.

П о д х <а л ю з и н>.³

С. 71

¹⁷ А закладную-то вам выхлопотал. / 1) [Хе-хе-хе. Ведь не знали бы вы, Л<азарь> Е<лизарыч>, что Самсон-то Сил<ыч> затеял, кабы я вам не сказал]; 2) ◇

^{17—19} Ведь уж вам заплачено! ~ об одном и том же не приходится! / [А если этого нам и знать-то ненадобно-с. Выходит, не наше дело-с. Да-с. И толковать-то вам десять раз об одном и том же не приходится] Ведь уж вам заплачено! Чего ж еще надо, какого рожна?

^{20—21} После: Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! — (А я так это по глупости, так... как будто для шутки)⁴.

³⁶ Текста: Десять-с! Так, задаром? ~ в луковице не обочтём. — нет.

Варианты цензурной писарской копии (ЦПК), журнала «Москвитянин» (Москв.), цензурного экземпляра (Ценз.)

С. 48

^{10—11} Фразы: Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! — нет. (Ценз.)

¹² от ваших глупостей! / от ваших [глупостей!] слов! (ЦПК); от ваших слов! (Ценз.)

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Вариант написан на л. 1.

⁴ Скобки поставлены А. Н. Островским.

¹⁶ Слова: на свет родила — *вычеркнуты красным карандашом. (Ценз.)*

²⁰ Родили вы — я была тогда что? / [Родили вы] — я была [тогда что?]¹
(Ценз.)

С. 49

⁶⁻⁷ Фраза: А никто так не заботится о своём детище, как материнская утроба! — *вычеркнута красным карандашом. (Ценз.)*

¹³⁻¹⁴ Фразы: Потерпи малость, уж коли много лет ждала. — *нет. (Ценз.)*

²¹ Слов: беспрерывно сыщите — *нет. (Ценз.)*

²⁶ Фраза: Ах ты, собачий огрызок! — *вычеркнута красным карандашом². (ЦПК)*

³⁰⁻³¹ После: Так что же, я дура, по-твоему, что ли? — [Откуда вселилась в тебя блажь-то этакая?] (ЦПК)

³¹⁻³² Фраза: Тьфу ты, дьявольское наваждение! — *вычеркнута красным карандашом. (Ценз.)*

³⁵⁻³⁶ Ишь ты! Ишь ты! А!.. / Ишь ты! [Ишь ты!] А!.. (ЦПК)

³⁷⁻³⁸ С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу! / [С поросятами тебя, шлюху, вместо родителей-то, посажу!]³ (ЦПК)

С. 50

⁴⁻⁶ Эко семя противное! ~ Мальчишка ты, шельмец / [Эко семя противное!] Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! [Девчонка хабальная!] Мальчишка ты, [шельмец] (ЦПК); Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Мальчишка ты (Ценз.)

⁹ Всё я скверна / Все я [скверна] не хороша (ЦПК); Все я не хороша (Ценз.)

¹⁵ После: потом рыдает. — Ой! Ой! Умру! (ЦПК)

³¹ Ну, Христос с тобой! / Ну, [Христос] Бог с тобой! (ЦПК)

С. 53

²⁶⁻²⁷ Текст: Голый на голом ~ по праздникам не печёт; — *вычеркнут красным карандашом. (Ценз.)*

²⁷⁻²⁸ Слова: а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой. — *вычеркнуты красным карандашом⁴. (ЦПК)*

С. 54

¹⁰⁻¹¹ Фраза: Какого тебе: посолидней али поподжаристей? — *вычеркнута красным карандашом⁵. (ЦПК)*

¹⁴⁻¹⁷ чтобы не курносого ~ как веник, растрёпана / [чтоб не курносого,] беспрерывно, чтоб был бы брюнет; ну понятное дело, чтоб и одет

¹ Провка красным карандашом.

² Фразы нет. (Ценз.)

³ Фразы нет. (Ценз.)

⁴ Слов нет. (Ценз.)

⁵ Фразы нет. (Ценз.)

был по-журнальному. (*Смотрит в зеркало.*) [Ах, Господи! А сама-то я нынче вся, как веник, растрепана!] (*ЦПК*); беспрерывно, чтоб был бы брюнет; ну понятное дело, чтобы и одет был по-журнальному (*Ценз.*)

С. 57

^{25—26} как у него из суда дело пропало / [как он из суда дело украл] что он в суде-то делает (*ЦПК*); что он в суде-то наделал (*Ценз.*)

^{27—28} Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч! / Ничего не наделал. (*Ценз.*)

С. 57—58

^{30—2} А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. ~ оно там и есть. / Пьяный был, дело потерял — вот и все. (*Ценз.*)

С. 58

^{10—19} Ан вот простили. ~ просвирку ему принёс. / [Будет с меня и того, что из службы выгнали. Каково мне теперь с семейством-то маяться] Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, Бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. По грошам-то немного наберешь. А ведь я человек чувствительный, я свою семью люблю. (*ЦПК*); Будет с меня и того, что из службы выгнали. Каково мне теперь с семейством-то маяться. По грошам-то немного наберешь. А ведь я человек чувствительный, я свою семью люблю. (*Ценз.*)

³⁶ После: как ваши делишки. — Что-то вы в последнее время в задумчивость приходиться стали. (*Ценз.*)

С. 60

² Слова: подлый народ такой — *вычеркнуты красным карандашом.* (*Ценз.*)

²² Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон. / Поневоле задумаешься, как дела-то замнутся. Вот теперь приходится много денег платить! И не то, чтоб у меня их не было, а признаться тебе сказать, — не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себе-то, глядишь, ничего не останется. Вот как теперь деньги-то все в руках, так отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому что ты таких денег сроду не видывал. Как вспомню, что отдавать надобно, так вот

за сердце и схватит — инда нездоров сделался. Тыфу вы, окаянные!
(*С волнением в голосе.*) Кажется, вот... ну вот... задушил бы кого-ни-
будь. (Цenz.)

^{30—33} старых сапогов пары три. ~ что им делается! / Вот это-то меня боль-
ше и смущает. (ЦПК, Цenz.)

С. 61

^{2—3} Фразы: Да такие ли я дела делал... — *нет.* (Цenz.)

^{3—4} Текст: да с рук сходило. ~ куда Макар телят не гонял. — *нет.* (Мо-
скв., Цenz.)

^{5—11} Текст: Ой, ли? ~ эту обузу свалить? — *вычеркнут красным каранда-
шом.* (ЦПК)

^{11—24} Текст: Да вот разве на жену? ~ а ты совести захотел. — *вычеркнут
красным карандашом*¹. (ЦПК)

^{37—38} говорили об этом деле или нет? / говорили или нет? (Цenz.)

С. 63

^{15—16} Слов: А? Украдёт ведь? — *нет.* (Цenz.)

^{17—21} Текст: Украдёт, Самсон Силыч ~ это вы правду говорить изволите. —
*вычеркнут красным карандашом*². (ЦПК)

С. 64

^{5—34} Слушай-ко, Лазарь! ~ до завтрашнего числа. / По определению Ком-
мерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков
объявлен несостоятельным должником. Вот и за этим деньги пропа-
ли. (Цenz.)

С. 65

^{13—15} А по векселю-то с иных что возьмёшь! ~ заваливших тысяч на сто /
А по векселю-то с иного что возьмешь, коли с него взять-то нечего!
У меня таких-то векселей тысяч на сто (Цenz.)

^{23—25} Текст: Всё вексель да вексель! ~ после своим добром отвечай. (По-
молчав.) — *нет.* (Цenz.)

^{29—33} Текст: Здешним торговцам лучше не показывай ~ так нет, ничто не
везёт. — *вычеркнут красным карандашом*³. (ЦПК)

С. 66

^{23—27} Текст: Чего ж ждать-то? ~ хлопай глазами-то. — *нет.* (Цenz.)

^{33—34} Фраза: Там после суди владыка на втором пришествии. — *вычеркну-
та красным карандашом.* (Цenz.)

С. 67

^{5—6} Текст: Эдак-то лучше! Чёрта ли там по грошам-то наживать! — *нет.*
(Цenz.)

¹ Текст нет. (Цenz.)

² Текст нет. (Цenz.)

³ Текст нет. (Цenz.)

С. 69

³ *Ремарки (Тишка уходит.) — нет. (Москв.)*

^{6—7} *Фразы: Не миновать теперь несостоятельным объявиться! — нет. (Ценз.)*

^{11—12} *Вот векселя велел продать ~ попользоваться будет можно. / Чем-нибудь попользоваться надо будет. (Ценз.)*

С. 71

⁴ *После: другой говорит — тятенька, дай. — А я к семейству очень чувствительный человек. (Ценз.)*

С. 72

²⁷ *Фразы: Вот народ-то! — нет. (Ценз.)*

³⁰ *несостоятельности / чего же (Ценз.)*

^{32—33} *Несостоятельность там сама по себе, а насчёт моих-то делов. / А насчет того, что тут теперь дело обоюдное выходит. Хозяин сам по себе; а и мне чтоб холтура была. (Ценз.)*

С. 73

^{29—30} *Слов: Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там — нет. (Ценз.)*

С. 74

¹ *Слова: хоть роди, да подай — вычеркнуты красным карандашом. (Ценз.)*

С. 75

¹⁸ *ходите-то / вы ходите-то (ЦПК)*

²⁴ *Фразы: А там обвертим, да и вся недолга. — нет. (Ценз.)*

²⁵ *Слов: Обвертите, попробуйте — нет. (Ценз.)*

С. 76

^{5—6} *Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение. / [Анафема хочу быть, коли скажу]¹ Руку даю на отсечение, коли скажу². (Ценз.)*

³⁰ *Слова: с каким я рылом — вычеркнуты красным карандашом. (Ценз.)*

С. 77

^{2—4} *Текста: чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. — нет. (Ценз.)*

^{6—14} *То-то и беда, яхонтовый! ~ да в купцы вылезли / А нажили капитал (Ценз.)*

С. 78

^{2—3} *Самсон Силыч денег-то не даст? / Самсон Силыч ему денег-то не даст? (ЦПК)*

⁶ *с Самсон Силычем попались / с Самсон Силычем, значит, попались (ЦПК)*

---

¹ *Фраза вычеркнута красным карандашом.*

² *Слова: коли скажу — вписаны красным карандашом.*

¹⁶ Уж будьте покойны! / Это уж будьте покойны! (ЦПК)

²⁹ из живых сошьём / что из живых сошьём (ЦПК)

С. 79

⁶ После: Эвось, что денег-то! — [Если в воскресенье купить в Охотном пары три козырных.] (ЦПК)

⁶ Ремарки: (Считает про себя.) — нет. (ЦПК)

²⁸ поди усни, Христос с тобой! / поди усни, [Христос] Бог с тобой! (Ценз.)

С. 80

⁵ Слово: драчёна — вычеркнуто красным карандашом. (Ценз.)

⁹ Фоминишна идёт в двери / Фоминишна уходит (ЦПК, Ценз.)

^{10–15} Текста: Фоминишна (возвращаясь). Ах, я дура, дура! ~ (Фоминишна уходит.) — нет. (Ценз.)

С. 81

³² Перед: Что ж делать-то — Полно, полно, Лазарь! Ты и меня-то смутил (ЦПК)

С. 82

³³ Фразы: Уж ты, брат, не того ли?.. — нет¹. (Ценз.)

³⁴ Чего-с?.. Нет, я ничего-с!.. / Уж, конечно, другой такой подобной красоты невозможно найти на всем свете. (Ценз.)

³⁵ Фразы: То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. — нет. (Ценз.)

^{35–36} После: Влюблён ты, что ли, в Алимпияду Самсонову? — Так говори прямо. (Ценз.)

С. 83

¹⁰ Фразы: Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с. — нет. (Ценз.)

²³ После: Алимпияду-то Самсонову, а? — Красавицу-то неописанную. (Ценз.)

³³ После: тебя счастливым сделать! — Всю жизнь могу тебе даровать. (Ценз.)

³⁵ Фраза: Да что я за скотина! — вычеркнута красным карандашом². (ЦПК)

С. 84

¹¹ Слушаю, тятенька-с! (Уходит.) / Слушаю, тятенька-с! (Уходят.) (ЦПК, Москв.)

²⁹ Слов: херуимчик ты мой! — нет. (Ценз.)

С. 87

^{38–39} Текста: Устинья Наумовна отходит с Липочкой ~ рассматривает её платье. — нет. (Ценз.)

¹ Фраза вписана серым карандашом. (Ценз.)

² Фразы нет. (Ценз.)

С. 88

^{1—18} *Текст*: Ишь ты, как вырядилась ~ Я ведь знаю, что говорю! — *вычеркнут красным карандашом*¹. (ЦПК)

⁴ *После*: А мадамы-то на что? — Агр<афена> К<ондратьевна>. Как же быть-то, поди ты, беда какая. (ЦПК)

С. 89

^{23—24} Акстись, беспутная! Христос с тобой! / Акстись, беспутная! [Христос] Бог с тобою! (Ценз.)

С. 90

^{23—24} *Слов*: в рассуждении Божеского благословения — *нет*. (Ценз.)

³⁶ *Реплика*: Ф о м и н и ш н а. С нами крестная сила! — *вычеркнута красным карандашом*. (Ценз.)

С. 91

²⁰ а такой скверности не видывала / а такого похабства не видывала (ЦПК)

^{29—30} *После*: Это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встают*.) — Не перечь ему. (ЦПК)

С. 92

^{8—10} что я сейчас сказал. (*Аграфена Кондратьевна уходит*.) / что я сейчас сказал. (Москв.)

С. 93

^{28—29} *Фразы*: Лошадей заведём орловских. — *нет*. (Ценз.)

³⁵ *Фраза*: Анафемой хочу быть, коли лгу. — *вычеркнута красным карандашом*. (Ценз.)

С. 95

^{8—18} *Текста*: Да вы такие робкие ~ всякое удовольствие доставить. — *нет* (Москв., Ценз.)

С. 100

²⁶ *Слов*: комиссару без штанов — *нет*. (Москв., Ценз.)

^{7—12} *Текст*: поприпухла? ~ любви и саночки возить!.. — *вычеркнут красным карандашом*. (Ценз.)

С. 100—101

^{30—7} *Текста*: Сколько ж всего-то-навсего ~ сколько нагородила. — *нет*. (Ценз.)

С. 101

³⁴ *Слов*: курицын сын — *нет*. (Ценз.)

С. 102

²⁰ *После*: выносит платье — *завернутое* (ЦПК)

²³ *Перед*: Что ж это вы в самом деле — (*вырывает из руки с сердцем*). (ЦПК)

---

¹ *Текста нет*. (Ценз.)

^{35—36} *Слов:* а то мы и за квартальным пошлём — *нет.* (Москв., Ценз.)

С. 103

^{6—7} *Фраза:* Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! — *вычеркнута красным карандашом.* (Ценз.)

^{30—31} *Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами. / Что ж такое! [тятенька, сидят и лучше нас с вами]¹ (ЦПК); Что ж такое! (Ценз.)*

³² *Слова:* Сидят-то сидят — *вычеркнуты красным карандашом².* (ЦПК)

С. 106

^{1—2} *Реплики:* Известное дело, тятенька, люди, а не звери же. — *нет.* (Ценз.)

⁵ *подлец ты бесчувственный / бесчувственный человек (Ценз.)*

⁸ *Слов:* как скота какого — *нет.* (Ценз.)

^{25—26} *Слов:* и толковать об этом нечего — *нет.* (Ценз.)

²⁷ *старый чёрт / старый (Ценз.)*

С. 107

^{1—3} *Текст:* А там мимо Иверской ~ А что ему за это было?.. — *вычеркнут красным карандашом.* (Ценз.)

^{3—4} *Слов:* А там присутственные места, уголовная палата... — *нет.* (Ценз.)

¹⁰ *После:* Либо денег, либо в Сибирь. — Лазарь, вспомни: ведь мы вместе деньги-то и товар прятали, ведь нам один конец обоим. (ЦПК, Ценз.)

^{28—38} *Текст:* Знаю я: вас на это станет ~ Очень нужно! — *вычеркнут красным карандашом³.* (ЦПК)

С. 110—111

^{25—14} Я... я вот что сделаю ~ в луковице не обочтём. / Пускай не верят. Я человек маленький, меня обидеть не долго. Тебе Бог за меня заплатит.

Под х а л ю з и н. Разговаривай тут!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты тестя обокрал да и меня грабишь; а у меня жена, четверо детей, сапоги худые...

Т и ш к а. Подметки подкинуть можно.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты что? Ты такой же грабитель!

Т и ш к а. Ничего-с, проехали!

К в а р т а л ь н ы й в х о д и т.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Т е ж е и к в а р т а л ь н ы й.

К в а р т а л ь н ы й. Вы купец Подхалюзин?

П о д х а л ю з и н. Хоша бы и я-с.

¹ *Зачёркнуто красным карандашом.* (ЦПК)

² *Слов нет.* (Ценз.)

³ *Текста нет.* (Ценз.)

К в а р т а л ь н ы й. По предписанию начальства, я должен вас представить к следственному приставу по делу о скрывании имущества несостоятельного купца Большова.

П о д х а л ю з и н. Покорнейше прошу садится! Водочки не угодно ли?

К в а р т а л ь н ы й. Нет, мне некогда. Извольте собираться, нас ждут.

П о д х а л ю з и н. Да ведь, я думаю, можно и подождать-с?

К в а р т а л ь н ы й. Нельзя-с.

П о д х а л ю з и н. А я думаю, что можно-с. Вы, должно быть, еще здесь внове, не все порядки знаете. А вы будьте довольно деликатны!

К в а р т а л ь н ы й. Я действую по приказанию начальства.

П о д х а л ю з и н. Мы обыватели хорошие, вы нами не брезгайте, мы свое дело помним, по силе возможности. Пожалуйте, ваше благо-родие, ко мне в кабинет на пару слов. *(Манит рукой.)*

К в а р т а л ь н ы й. Вы не извольте беспокоиться, это совсем лиш-нее.

П о д х а л ю з и н. А вы отрапортуйте, что в случае моей болезни...

К в а р т а л ь н ы й. В случае болезни есть больница при остроге!

П о д х а л ю з и н. При остроге-с? *(Чешет затылок, потом под-ходит к Рисположенскому.)* Ну, барин, выручай из беды — озолочу!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Не надо мне ничего! Провались ты и с деньгами! Теперь отольются тебе мои слезы; прогуляешься в Си-бирь!

П о д х а л ю з и н. Уж будто и в Сибирь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А ты думал как? Закон-то прямой. Поде-лом вору и мука.

П о д х а л ю з и н *(стоит несколько времени задумавшись)*. А в Сибирь, так в Сибирь! Что ж такое! И в Сибири люди живут. Да ведь и тебе не уйтить! *(Берет шляпу.)* Я готов-с! *(Ценз.)*¹

---

¹ Текст: Я... я вот что сделаю: ~ в луковице не обочтём. — *вписан серым карандашом. (Ценз.)*

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Варианты чернового автографа

С. 127

¹⁻² *После: Неожиданный случай — /*

1) Драматический этюд¹

Дейст<вующие> лица

[Сцена I]

Лица

Сергей Андреевич Розовый, помещик лет 26.

Павел Гаврилыч Дружинин, его приятель, чиновник.

2) Комедия. Содержание. Монолог Розового.

С. 128

⁹ *Ремарки: Кабинет холостого человека. — нет.*

¹¹ *Перед: Розовый лежит на диване. — Кабинет в доме Розового.*

¹³ *После: Ведь вот один сидишь, а тебя в краску бросает. — /*

1) [Можно ли так запутаться. Вчера, например, подошёл к ней так, поговорить о чем-то, а чуть-чуть не сделал предложение.] Отчего [это я] А ещё считаешь себя порядочным человеком... Совершенная гадость!² Ну на что похоже, что я, как только подхожу к женщине, так теряю и рассудок, и всякое соображение, говоришь и делаешь такие вещи, что после как будто тебе все это во сне снилось. [Уж я и не знаю, говорить ли мне о вчерашнем Дружинину или нет. Он взбесится на меня, непременно взбесится, изругает, пожалуй. А все-таки с ним надобно посоветоваться. Это дело начинает принимать серьезный характер.³ Только я думаю не рассказывать ему всех-то глупостей, а так, кое-что; да и попросить у него совета. А то без него мне плохо, уж я чувствую, что женюсь на ком-нибудь, непременно женюсь; вдруг предложу руку какой-нибудь незнакомой женщине, так, черт знает кому, да и кончено дело⁴.] Ну с чего я так разнежился вчера, например! [Да вот что гадко-то, что забыть никак⁵ не могу. Ведь забываешь же иногда вещи и важнее, а тут вдруг ни с того, ни с сего, придет тебе в голову, иногда даже во время разговора с кем-нибудь, весь вспыхнешь и сконфузишься черт знает чему.]

¹ *Вариант вписан на л. 6 со знаком вставки к л. 1.*

² *Слова: А ещё считаешь себя порядочным человеком... Совершенная гадость! — вписаны над строкой со знаком вставки.*

³ *Слова: Это дело начинает принимать серьезный характер — вписаны над строкой со знаком вставки.*

⁴ *Слова: знает кому, да и кончено дело — вписаны и затем зачёркнуты.*

⁵ *Слова: Да вот что гадко-то, что забыть никак — вычеркнуты.*

2) Можно ли так распускаться! Вчера, например, [какову я штуку сделал!] Ах, какой я ребенок! Боже мой! Уж я не знаю, право, говорить ли мне об этом Дружинину или нет. Он взбесится на меня, изругает, пожалуй! Какой этот честнейший человек Дружинин... А все-таки¹ С ним надобно об этом деле хорошенько посоветоваться... [Так вот и лезет в голову вчерашняя глупость.] Только я думаю не рассказывать ему всего-то, а так, слегка кое-что. Ну с чего я так разнежился вчера.² Стараюсь не думать, забыть об этом... ведь бываешь же иногда вещи и важней [этого]... а тут вдруг ни с того ни с сего придет тебе в голову иногда даже во время разговора, весь вспыхнешь и сконфузишься черт знает чему.

[Вход<ит> Челов<ек>] Вход<ит> Д р у ж <и н и н>.

С. 129

¹⁷ Д р у ж и н и н (входит). Здравствуй, Серёжа! / <Дружинин>. Здорово, Сережа!

^{21—23} Что ты толкуешь ~ не всё дома, был кое-где. / Что ж ты делал всю эту неделю, неужели всё дома сидел?

Р о з <о в ы й >. Нет³. Был кое-где.

^{27—35} Право ведь, Серёжа ~ скажи ты что-нибудь. /1) Я, кажется, [имею право знать, где ты бываешь]; 2) от тебя ничего не скрываю.

Р о з <о в ы й >. Никакой скрытности нет. Да не [стоит] люблю я толковать о пустяках.

Д р у ж <и н и н>. Какие же это пустяки? Должно быть, это для меня⁴ не пустяки, когда я с участием у тебя спрашиваю.

Р о з <о в ы й >. [Да я никогда и не скрываю от тебя ничего. Слушай, где я был. Три дня сидел дома, в среду был в театре, в пятницу у⁵ Софьи Антоновны, вчера у⁶ Хохловых] Да ей-Богу, Паша, рассказывать нечего. У тебя нет ли чего нового?⁷

С. 130

^{9—10} Фразы: Ничего ты мне не говорил, ты мне не говорил — ты врешь. — нет.

¹² После: Да какие же, Паша, глупости? — Простое знакомство.

²⁸ После: Нет, нельзя сказать.— [Хороша]

¹ Слова: А всё-таки — вписаны над строкой со знаком вставки.

² Слова: Только я думаю ~ так разнежился вчера — вписаны над строкой со знаком вставки.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слова: это для меня — вписаны над строкой.

⁵ Далее: [X]

⁶ Далее: [Софьи Антоновны]

⁷ Вариант вписан над строкой.

С. 134

^{30—31} А из театра к ней на минуту заехать. / А из театра к ней на минуточку заехать чай пить.¹

С. 135

⁵ Серёжа, не езд! ~ Как же это можно / Сер<ежа>, не езд.

<Р о з о в ы й>. Нельзя.

<Д р у ж и н и н>. Не езд. И т. д. Скажи, что болен.

Р о з <о в ы й>. И этого нельзя

^{22—23} Вот какая ужасная перспектива перед тобой. / (Перспектива).

²⁶ Да, я совершенно ещё свободен. / Да, я совершенно свободен.² Мне всё равно, только бы добрая <?> девушка.³

²⁹ После: оценить твою нежность. — Р о з <о в ы й>. Так не ездить?

С. 136

^{12—13} После: Пять минут восьмого. — (Разгов<аривают> о молод<ой> де-
вушке.)⁴.

С. 148

^{10—18} После: И неужели ты ~ самое низкое. — И неужели ты думаешь...

Р о з <о в ы й>. Как же это быть-то?

Д р у ж <и н и н>. Если тебе нужно было отвязаться от меня, ты бы так и сказал.

Р о з <о в ы й>. Да нет, Паша, нет, я совсем не думал.

Д р у ж <и н и н>. Однако ты теперь должен выбирать.

^{20—35} Впрочем, я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша. ~ что же мне теперь делать? / Впрочем, я не думаю, чтоб она на тебя сердилась.

Д р у ж <и н и н>. Ну а если станет, что тогда.

Р о з <о в ы й>. Ты пореже к нам езд.

Д р у ж <и н и н>. Покорно благодарю. А если она совсем не за-
чет меня видеть, / 1) каково это будет для меня? Жена моего лучшего
друга считает меня чёрт знает за кого; 2) Ты, конечно, не захочешь ей
противоречить, а если и захочешь, так не смеешь. Да, да, мы должны
будем расстаться, только каково это будет мне⁵.

Р о з <о в ы й>. Ах, Боже мой, что же мне теперь делать?

С. 149

¹² После: Непременно, Паша, вот как только выйдет. —

Д р у ж <и н и н>. А потом и поедем <нрзб.> отдохнуть.

Р о з <о в ы й>. Да у меня уж голова кругом пошла (берет шляпу).

¹ Фраза вписана над строкой со знаком вставки.

² Фраза вписана над строкой.

³ Фраза вписана карандашом в правом нижнем углу л. 2 со знаком вставки.

⁴ Ремака вписана с правой стороны л. 2.

⁵ Вариант вписан на л. 4.

^{35—36} для нас очень важно, очень важно / для нас это важно

С. 150

^{2—3} Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна. (*Берёт её за руку.*) / Не сердитесь на Павла.

¹⁵ Фразы: Я, Софья Антоновна, его очень люблю. — *нет.*

¹⁶ Фразы: Я вам верю! — *нет.*

Варианты авторизованной писарской копии

На л. 1 сделана запись:

Островский Александр Николаевич

Неожиданный случай.

1851

С. 128

³ Кабинет холостого человека / Кабинет [Розового] холостого человека¹

^{13—14} После: А ещё считаешь себя порядочным человеком — / 1) других [осуждаешь]; 2) ◇

¹⁶ После: Совершенная гадость! — / 1) Ну на что похоже, [что я] как только подойду [к женщине], так теряю и рассудок, и всякое соображение; 2) ◇

^{19—20} После: Ну с чего я так разнежился вчера, например. — [Молол-молол околесицу-то и домололся-таки]

²² После: как вы, Софья Антоновна! — / 1) Я не смею мечтать о таком счастье; 2) ◇

^{29—30} После: Жениться на ней ~ лучше её и богаче. — / 1) А ведь я так повел дело, что она [считает]; 2) ◇

^{32—33} После: Да как ей не — / 1) [считать]; 2) ◇

С. 129

²⁰ После: Какие же у меня могут быть новости? —

Д р у ж <и н и н >. / 1) Что [же] ты [делал всю эту неделю]; 2) ◇

^{27—28} После: Я, кажется, от тебя ничего не скрываю. — / 1) Никакой скрытности нет; 2) ◇

³¹ После: Какие же это пустяки? — / 1) [Должно быть, это для меня не пустяки, когда я с участием у тебя спрашиваю]; 2) ◇

³⁴ После: Да ей-Богу, Паша, рассказывать нечего — / 1) [Был в] пятницу у Софьи Антоновны, [вчера] в субботу у Хохловых, [вот тебе и все] вчера опять у Соф<ьи> Ант<оновны>, вот тебе и все; 2) [у тебя нет ли чего новенького?

¹ Слова: холостого человека — вписаны над строкой.

Д р у ж и н и н. Мои новости после, ты про себя-то рассказывай]¹;
3) ◇

С. 130

¹² После: Да какие же, Паша, глупости? — / 1) [Простое знакомство];
2) ◇

²⁴ После: Да так, нечаянно познакомились. — Д р у ж и н и н. / 1) Что
она, богата? 2) Богата? 3) ◇²

³⁷ После: Ну, и этого не скажу. Есть у неё — / 1) [какая-то сухость] в ха-
рактере, [которая] мне не нравится; 2) ◇

С. 131

^{34—35} После: Я запутался совершенно, и не знаю, как мне — / 1) [выйти из
этого положения]; 2) ◇

С. 132

⁹ Экой дурак-то, господи! / Экий дурак-то!

^{10—11} После: Вчера уж я так разнежился, что — / 1) [самому совестно]; 2) ◇

^{24—25} После: Вот она всегда тебя — / 1) [искушает]; 2) ◇

²⁵ Это досадно. / Ведь это досадно.

²⁶ После: и образованный человек, а — / 1) [иногда так <расперишь-
ся?>, что смотреть гадко]; 2) ◇

С. 133

³ После: Как тут справишься? — Д р у ж <и н и н>. / 1) Да ты при-
кинься разочарованным [это не очень трудно]; 2) Да ты вот что по-
пробуй³, ты прикинься разочарованным. Попробуй, Сережа!⁴

⁷ После: Да ты попробуй. — Р о з о в ы й. Да я уж [прикидывался] про-
бывал.

^{18—19} После: Кабы ты знал, сколько я перенёс неприятностей за свой харак-
тер — сколько оскорблений, ты бы пожалел меня, а не бранил.

²⁰ непременно уеду. / уеду, непременно уеду.

^{30—31} После: Как же я с таким характером здесь останусь? — Я должен
вечно мучиться, вечно терпеть неприятности, может быть, и ты меня
разлюбишь.

³² После: Полно, полно, Сережа! Ты — / 1) [гордись этим, а не жалея об
этом]; 2) ◇

³⁴ (жмёт ему руку с чувством) — ([подходит к нему и] жмет ему руку
с чувством).

^{35—36} После: Вот теперь ты меня хочешь утешить только — / 1) а совсем
того не говоришь; 2) ◇

¹ Вариант вписан на полях л. 2 об. со знаком вставки.

² Вариант вписан на полях л. 3 об. со знаком вставки.

³ Вписано над строкой.

⁴ Фраза: Попробуй, Сережа! — вписана над строкой.

С. 134

⁵ *После*: это скверная черта — [в моем характере]

⁸ *После*: Да чего же конфузиться-то — / 1) [прекрасного чувства? Тебе стыдно, что ты добрее других. Полно, Сережа, что ты?]

Р о з о в ы й. Ах, Паша, да разве ты не знаешь, что в обществе смотрят только на внешность. Им нет дела, что у тебя на душе, веди себя прилично. А этого-то я и не могу.

Д р у ж и н и н. Полно, полно, Сережа, кто тебя знает, тот не станет делать об тебе никаких обидных заключений.

Р о з о в ы й. Да пока один узнает, десять человек примут]

2) ◇

^{14—15} Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучает до смерти. / Поддерживай меня, Паша, говори мне, что не важность, а то меня мнительность моя замучает до смерти.

¹⁶ *После*: Мне иногда приходит в голову, что это — / 1) [совесть, которая меня мучает, просто нежный стал]; 2) ◇

²⁴ *После*: Вот ты опять, Серёжа — / 1) [начинаешь скрывать от меня]; 2) ◇

^{30—31} приезжайте завтра ~ на минуту заехать /

Д р у ж и н и н. Это как ты ручки-то целовал?

Р о з о в ы й. Ну да! Она мне и говорит: приезжайте завтра ко мне в ложу... А из театра к ней на минуту заехать [чай пить].

С. 135

⁵ *После*: Серёжа, не ездил!.. —

Р о з о в ы й. Нельзя.

Д р у ж и н и н. Не ездил.¹

¹⁵ по всему видно, кокетка / по всему видно, что кокетка

^{19—20} *Слов*: ещё сам, пожалуй, влюбишься в кого-нибудь — нет.

^{24—25} *Перед*: совершенно свободен в выборе — / 1) ты пока еще; 2) ◇

²⁶ *После*: Да, я совершенно — / 1) свободен; 2) ◇

^{28—29} *После*: которая способна будет оценить — / 1) [сердце]; 2) ◇

С. 136

³² *После*: И хорошо ещё, что я поспел вовремя, чтобы спасти — / 1) из этой пропасти; 2) ◇

С. 137

⁴ *После*: Из передней входят Софья Антоновна в шляпке и Розовый. — Софья Антоновна. / 1) Я на вас рассержусь; 2) Послушайте, Сергей [Иваныч] Андреич², я на вас рассержусь.

¹ Вариант вписан на полях л. 9 со знаком вставки.

² Вписано над строкой со знаком вставки.

^{23—24} *После:* Это совсем особенный человек — / 1) [образованный, прекрасной души]; 2) ◇

С. 138

⁸ *После:* Я давно желал-с... и давно просил Сергея Андреича. —

С о ф ь я А н т о н <о в н а>. / 1) Извините, [господа]; 2) [Сергей Андреич]; 3) ◇

С. 139

¹⁵ *После:* Извините, господа / [Садитесь, господа]

¹⁷ *Розовый садится подле неё.* / (*Садится к столу. Розовый садится подле нее.*)

²⁴ Не знаю, как ~ сцену. / 1) Я мало смотрел на сцену; 2) ◇

²⁶ Я больше смотрел / Я смотрел больше

²⁸ *После:* Народу было немного, хорошеньких лиц я не видала ни одного. —

Д р у ж и н и н. [Нет-с, я видел одну очень занимательную историю!]

Р о з о в ы й. [Нет, Паша.] А ведь первая пьеса прошла [кажется] очень хорошо.

С. 141

²⁰ *После:* Она просто кокетка — / 1) [это с первого взгляда заметно]; 2) ◇

²¹ *После:* Сергей не видит этого. Впрочем — / 1) [он сам, кажется, начинает замечать, и]; 2) ◇

^{25—26} Мой Розовый целует ей ручки? / Целуются?!

³² *После:* Ты счастлив?.. Ха-ха-ха — (*трагически смеется*). Ты счастлив!¹

С. 142

¹ ошиблись с тобой / ошибались с тобой

^{3—4} Да что ты ~ не производил! / 1) Кокетка, каких мир не производил; 2) ◇

¹⁹ *После:* только извини ты меня — / 1) [я тебя напрасно потревожил нынче]; 2) ◇

²⁵ Поедем сейчас домой, поедем, поедем, и не разговаривай! / Поедем сейчас домой.

Р о з о в ы й. Ты меня не понимаешь, Паша.

С. 143

⁹ *После:* Я только боялся сказать тебе об этом. — [А покончили нынче в театре.] Вот как это [было] сделалось.

¹² Я и знать не хочу. / (*Говорит про себя вслух*).

---

¹ Слова: Ты счастлив! — вписаны над строкой.

^{12—13} *После:* Велика важность ~ и всё тут. (*Молчание.*) — / 1) Да и что мне за дело; 2) ◇

¹⁴ *После:* Прощайте, Сергей — / [Иванович] Андреич

¹⁸ *После:* Вы, я думаю, можете рассудить, что — / 1) [мне здесь нечего делать]; 2) ◇

С. 144

^{15—16} *После:* Представь ты себя на моём месте: у тебя есть друг — / 1) [обстоятельства его ставят в безвыходное] положение; 2) ◇

²⁴ *После:* Нет, Серёжа, для своего спокойствия — 1) я должен отказаться; 2) ◇

^{27—28} Изволь ~ сделать. / 1) Изволь, я это для тебя сделаю; 2) ◇

С. 145

⁹ Сергей Андреич, мне пора! / Сергей [Иванович] Андреич¹, мне пора!

³⁷ *Перед:* Какие же это замыслы у вас? — / 1) Однако становится это очень интересно; 2) ◇

С. 146

^{19—20} *Перед:* сделать какую-то неприятность женщине — / 1) когда [вы безвинно хотели]; 2) ◇

^{29—30} *После:* Ах, Софья Антоновна ~ я, ей-Богу, не виноват. — [Это он] (*показывает глазами на Дружинина*). Это он.

С о ф <ь я > А н т <о н о в н а>. [Подите вы] Вот это хорошо!²

С. 147

^{11—12} Паша! Ведь ~ ты! / 1) Ведь ты виноват; 2) ◇

¹⁹ *Перед:* Я знаю его слабое сердце. — [И что касается его, интересует и меня]

С. 148

⁶ *Перед:* Ну, ты теперь, кажется, достиг своей цели. — (*Розовому*).

¹² Ты сам ~ положении. / 1) [Как же это быть-то?]; 2) ◇

¹⁶ *Перед:* Думал ты — [Однако ты теперь должен выбирать или жену, или друга]

^{22—23} Вот это мило ~ женишься. / [Ну а если станет сердиться, что тогда?]

^{27—28} *После:* Ты, конечно, уж не захочешь ~ так не посмеешь. — [Каково это будет для меня?]

³⁴ *После:* Да, да, мы должны будем расстаться. — / 1) Только как это будет мне. 2) ◇

С. 149

¹⁰ *После:* А как же я — / 1) [могу быть]; 2) ◇

^{18—22} Ну, так ты, голубчик, обделаи это дело ~ Посмотри, какой у тебя жар! / [А потом и поедем, нужно отдохнуть] Ну так ты обделаи это

¹ Имя вписано над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

дело, [да и] вы теперь в таких отношениях, что она, верно, тебе не откажет.

³³ *Стоят ~ локтем / 1) Стоят молча [и смотр<ят> на Розового]; 2) ◇*

³⁵ *После: Для вас это ничего не стоит, а для нас — / 1) [это важно], очень важно; 2) ◇*

С. 150

¹⁷ *Я вам, Сергей Андреич / А я вам, Сергей [Иванович] Андреич*

^{33—34} *После: Вы этого стоите — Сергей [Иванович] Андреич.*

С. 151

^{8—9} *завязывает на снурке узел и потом стоит несколько времени задумавшись) / завязывает на снурке узел и потом стоит несколько минут задумавшись)*

^{15—16} *Перед: как всё это неожиданно сделалось — / 1) [Думаю]; 2) ◇*

^{20—21} *После: Если вы хотите, чтобы я был совершенно счастлив, не сердитесь на Павла — [(идет к двери)]*

²⁸ *Ремарки: (тоже из передней) — нет.*

³² *(садится на диван) / 1) [(с улыбкой)]; 2) ◇*

³⁴ *После: Чудаки!!.. — [(уходит)]*

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

<Первый план комедии> (РГБ)

1-й Акт.

№ 1. М<арья> А<ндреевна> одна. № 2. пот<ом> с мат<ерью> тут показать необходимость ей выйти замуж, и женихов в перспективе. № 3. М<арья> А<ндреевна> одна зад<умывается> о своем положении. Зорич¹. № 4. Легкая сцена, пот<ом> Милашин. № 5. сцена навязыванья. № 6/7. Общая сцена. — Добротворов насчет жениха и А<нна> Петр<овна> сообщ<ает> о купце.

2-й Акт.

№ 1. Милаш<ин> и Зор<ич> потом М<арья> Анд<реевна>. № 8. кокет<нича> с Милаш<иным> Зор<ич> ревнует. без Милаш<ина> 9. сцена признаний обоюд<ых>. 10. М<арья> А<ндреевна> одна — о счастье. Горич. 11. Мать с жених<ом> и с Добротв<оровым>² пот<ом>. 12. друг<ой> жених³.

3-й Акт.

13. [Мать и М<арья> Анд<реевна> пот<ом> М<арья> А<ндреевна> одна.] М<арья> Анд<реевна> и Милаш<ин> 14. Навязыванье. Пот<ом> совет<ует> выйти замуж, возбужд<ает> подозр<ение> прот<ив> Зор<ича>, чем усилив<ает> любовь⁴. 15). Зорич, сцена ревности очень смешная. — 16. Маша и Зор<ич> смеются над <нрзб.>, дать ответ. 17. Мать и Добротв<оров> и Маша, трогат<ельная> сцена.

4-й Акт.

18) М<арья> А<ндреевна> одна ожид<ает> Зор<ича> 18% сцена с мат<ерью> и потом с Дарьей. письмо. 19). Явл<ается> Милаш<ин>, коротк<ая> но энергическая сцена. 20) Явл<ается> Зорич. главная сцена. 21) Пот<ом> Милаш<ин> с записками. 22. М<арья> Анд<реевна> с мат<ерью> письмо.

5-й Акт.

23) Добротв<оров> с горнич<ной>. 00) разные лица. 24. М<арья> Анд<реевна> с горнич<ной>. 25) Зорич. 26) Зор<ич> и Милаш<ин> 27) Жен<их> и Добротв<оров> — 00) Сцены. М<аша> и Бенев<оленский>. 28) А<нна> П<етровна> и Добротв<оров> и Маш<а>. Конец.

¹ Имя героя менялось: Зорич на Морич и Мерич

² Слова: и с Добротв. — вписаны над строкой.

³ Под строкой: «Пуд С. Бн. Никандр Ильич Головоломов»

⁴ Над строкой: 15 сцен. = 10 листов 5 сцен (?)

<Второй план комедии> (РГБ)

Акт 1-й.

№ 1-й. Хорькова и А<нна> П<етровна> — № 2. М<арья> А<ндреевна> и А<нна> П<етровна> — № 3. М<арья> А<ндреевна> одна. — № 4. М<арья> А<ндреевна> и Зорич. — № 5. М<арья> А<ндреевна> и Милашин. — № 6 — конец.

Акт 2-й.

№ 7-й. М<арья> А<ндреевна> и Хорьков. — № 8. Зор<ич> и Мил<а>шин> — Хор<ьков> и Мил<а>шин> — № 9. М<арья> А<ндреевна> и Зорич. — № 10. М<арья> А<ндреевна> одна. — № 11. Беневоленский.

Акт 3-й.

№ 12-й. М<арья> А<ндреевна> и А<нна> П<етровна> — № 13. Милашин и М<арья> А<ндреевна> — № 14. М<арья> А<ндреевна> и Зорич. — № 15. М<арья> А<ндреевна>, А<нна> П<етровна> и Добр<отворский>. — № 16. А<нна> П<етровна> и Хорькова. — № 17 — М<арья> А<ндреевна>, А<нна> П<етровна> и Добр<отворский>.

Акт 4-й.

№ 18-й. М<аша>¹ одна — пот<ом> с Дарьей — пот<ом> А<нна> П<етровна> — пот<ом> Дарья. — № 19. Милашин и М<арья> А<ндреевна> — № 20. М<арья> А<ндреевна> и Зорич. — № 21. Милаш<ин> и М<арья> А<ндреевна> — № 22. те же и А<нна> П<етровна> — конец. Хорьков.

Акт 5-й.

№ 23-й. Добр<отворский> и разные лица. — № 24. Беневоленский, М<арья> А<ндреевна> и Добр<отворский> — № 25. Зорич и М<арья> А<ндреевна> — № 26. Зорич и Милашин. — № 27. Беневоленский и Добротв<орский> и разные лица. — № 28 — М<арья> А<ндреевна>, А<нна> П<етровна>, Добр<отворский>.

Расположение комедии (РГБ)

Действие 1-е.

Явление 1-е.

М<арья> А<ндреевна> и А<нна> П<етровна>.

(разговор о деле и о женихах (большое письмо от Добротв<орского>).

Явление 2-е.

М<арья> А<ндреевна> (одна)

(пот<ом> Дарья. — разговор<аривают> — М<арья> А<ндреевна> одна, пот<ом> Дарья).

---

¹ Здесь и далее имя героини (Марья Андреевна) зафиксировано также и в других вариантах: Маша и Машенька.

Явление 3-е.

Дарья и свахи.

Явление 4-е.

А<нна> П<етровна> и свахи (большое).

Явление 5-е.

Хорькова и пот<ом> свахи уход<ят>

Явление 6-е.

А<нна> П<етровна>, Хорькова и Милаш<ин>.

Явление 7-е.

Милаш<ин> один.

Явление 8-е.

М<арья> А<ндреевна>, Мерич и Милаш<ин>

Явление 9-е.

М<арья> А<ндреевна> и Милаш<ин>

Явление 10-е.

М<арья> А<ндреевна> — А<нна> П<етровна>, Милаш<ин> и Добр<отворский>.

Действие 2-е.

Сцена 1-я.

Явление 1-е.

Хорьк<ов> один.

Явление 2-е.

Хорьк<ов> и Хорьк<ова>.

Явление 3-е.

Хорьк<ов>, Хорьк<ова> и М<арья> А<ндреевна>

Явление 4-е.

Хорьк<ов> и М<арья> А<ндреевна>

Явление 5-е.

Хорьк<ов>, Милаш<ин> и Мер<ич>.

Явление 6-е.

Хорьк<ов> и Милаш<ин>

Явление 7-е.

М<арья> А<ндреевна> и Мер<ич>.

Явление 8-е.

М<арья> А<ндреевна> одна и Дарья.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ I²

А <нна> П <етровна> [и Арина Егоровна] (*сидят на диване*).

Дарья (*одна, прибирает и взглядывает в окно*). О что б вас! Вот ещё кого-то принесло.

Идет к двери и открывает. Входит.

Хорькова. Что, милая, дома барыня?

Дарья. Дома-с.

А <нна> П <етровна> (*входит*). А, Ар <ина> Ег <оровна>, милости просим. Присяжьте.

Ар <ина> Ег <оровна>. Я ведь, А <нна> П <етровна>, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе — дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

А <нна> П <етровна>. Извините, матушка, всё дела, ей-Богу, некогда, сами посудите, дело моё женское: везде сама должна. Как без мужчины в доме. Никак нельзя.

Ар <ина> Ег <оровна>. Вот я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и уважаю. — Он в университете учился и теперь по линии дворянина.³ [Вы не думайте, А <нна> П <етровна>, чтобы я имела виды какие-нибудь. Я женщина необразованная, простая, но у меня свой ученый человек на линии дворянина... Соседка наша Турадсина<?>] Старостиха наша говорит мне наемдни: «У вас такой сын, А <рина> Е <оровна>, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слышать [не то что другие, говорит, молодые люди]. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нее, представьте, три дочери, и она помногу денег дает за ними; только девушки без всякого образования [но у меня Миша в университете был и теперь дворянин]; хотя я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: — Миша! Не хочешь ли, друг мой,

¹ В соответствии со вторым планом комедии, исключая 6-е (последнее) явление.

² Соответствует 9-му явлению окончательной редакции текста.

³ Текст: Дарья (одна, прибирает и взглядывает в окно) ~ по линии дворянина. — вписан на полях л. 30 со знаком вставки.

жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя за твою кротость и образование влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту. — «Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я завсегда предпочитаю с вами об деле этом разговаривать». — Всякая, говорю, девушка за тебя пойдет с радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой. — Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: «Милая маменька, не в богатстве счастье, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, моё есть желание понравиться Марье Андревне».

А <н н а> П <е т р о в н а>. Покорно вас благодарю, Ар<ина> Ег<оровна>. [Я очень рада] Мне ваш сын очень нравится и я всегда рада его видеть в нашем доме. [Машеньку я принуждать не могу, а как мать с своей стороны ей посоветую] Я сама все к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете моё душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне ее с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

Ар<ина> Ег<оровна>. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Я принуждать Машеньку не могу — это ее воля. [Где уж мне — слаба я мать.] Вы скажите Михаилу Ивановичу, чтобы он постарался понравиться Машеньке — я буду очень рада.

Ар<ина> Ег<оровна>. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? — всякая девушка с радостью тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Ар<ина> Ег<оровна>. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. (Молчание.) Какой миленький чепчик на вас; почему вы брали ленточки?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкроечку вашего чепчика.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: «Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования». Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкроечку.

А <н н а> П <е т р о в н а> (*встает*). Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Марья Андреевна.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Ах, Марья Андреевна! Как ваше здоровье?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. [Покорно благодарю] Слава Богу.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Лучше всего-с. — Мой Миша всегда об вас с отличной точки относится. Какая, говорит, Марья Андреевна умная и образованная барышня, высшего, говорит, круга образования.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Покорно вас благодарю.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. [Прошу вас не оставить его своим расположением] Он мне говорит, что вы завсегда книжками занимаетесь (*показывает на стол*). Это что у вас за книжка?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Стихотворения Лермонтова.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Что же такое тут написано?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Мало ли что, Арина Егоровна, тут много хорошего написано; всего не перескажешь.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Я воображаю, это, должно быть, очень занятно, читать такие книги. — У вас бывает кто-нибудь из молодых людей?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Милашин бывает.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Зачем же он у вас бывает?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Как зачем? Он с нами давно знаком.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Что, он служит где-нибудь?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Не знаю, где-то, — так, незначительное место имеет.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Это вам не жених, Марья Андреевна.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Да я и не думаю о женихах. С чего вы взяли?

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Поверьте, Марья Андревна, есть люди, которые умеют ценить вашу красоту и образование. Прощайте, не оставьте нас своим расположением (*уходит*).¹

ЯВЛЕНИЕ III

М <а р ь я> А <н д р е е в н а> (*одна*). Опять, кажется, сватовство! Господи, как это скучно. [Мне уже надоело отказывать, а маменьке все еще не надоело искать женихов.] Как это маменьке не надоест! [Посмотрим, кто прежде устанет — я отказывать, или она искать.] Мне так опротивело слово жених, что если бы, кажется, самый лучший мужчина посватался, мне и то было бы неприятно. Зато я теперь очень хорошо знаю мужские добродетели: тот, говорят, смирный, тот хороший хозяин; тот далеко пойдет по службе; тот только непьющий. — Что ж! и это не последнее качество. Мне представляется, что есть особенный квартал в Москве, где эти женихи живут, уж совсем готовые со всеми этими добродетелями, в белых жилетах... с глупыми физиономиями... И смешно, и досадно. Иногда даже зло возьмет... Вот назло бы теперь влюбилась в кого-нибудь. Полюбить-то некого. Что ж это за наваждение такое: женихов сватают уродов, полюбить некого. Вот положение!

ЯВЛЕНИЕ [III] IV

Те же и Анна Петровна.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Что, ушла Арина Егоровна?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Ушла. Славная она такая женщина, Машенька.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Хорошая женщина. Что она [с предложением, что ли, приходила] сватать, что ли, кого приходила?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Да. Что ж, Машенька! Мих<айло> Ив<аныч> человек образованный, смирный, любит тебя очень.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Хорошо, хорошо.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Да что хорошо-то?

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Я подумаю.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Да об чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. А что ж за беда-то такая?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Глупа еще ты — вот что.

¹ Текст: Он мне говорит ~ (*уходит*). — вписан на полях л. 31 со знаком вставки.

М<арья> А<ндреевна>. Маменька, я ведь вам сказала, что через год пойду замуж, и вы мне обещали и не напоминать про женихов. Через год мне будет ровно 20 лет, тогда и будем говорить о женихах.

А<нна> П<етровна>. Что ж такое не говорить-то? От слова-то от тебя будет что ли? *(Молчание)*.¹

М<арья> А<ндреевна> и Зорич за сценой.²

[Зор<ич> *(за сценой)*. Ах, извините, я вас не заметил.

М<арья> А<ндреевна>. О чем вы задум<ались>?

Зор<ич>. Так, ни о чем, о суете мирской]

М<арья> А<ндреевна>. Что это вы так давно у нас не были?

Зор<ич>. Все как-то некогда было. А вы всё хорошеете.

М<арья> А<ндреевна>. Полноте шутить-то.

Зор<ич>. [Можно к вам войти?] Можно у вас посидеть полчаса?

[М<арья> А<ндреевна>. Что это за вопрос? Я думаю, что можно. Мы с маменькой всегда рады вас видеть *(отходит от окна, поправляется перед зеркалом, потом садится за пяльцы)*]

Зор<ич> *(входит)* и садится возле нее). Здоровы ли вы, М<арья> А<ндреевна>?

М<арья> А<ндреевна>. Слава Богу.

Зор<ич>. [Слава Богу, лучше всего] Нет, в самом деле, вы похорошели. Какой цвет лица у вас прекрасный. Знаете ли что?

М<арья> А<ндреевна>. Что такое?

Зор<ич>. Вы нынче прекрасно одеты.

М<арья> А<ндреевна>. Покорно вас благодарю.

Зор<ич>. За что же вы меня благодарите. Только я на вашем месте надел бы пунцовый платок: это, конечно, смело; но в том-то и эффект³.

М<арья> А<ндреевна>. Ну, скажите, отчего вы у нас так давно не были-то?

[Зор<ич>. Право некогда было, М<арья> А<ндреевна>, да и нездоровилось все как-то.

М<арья> А<ндреевна>. Это известная отговорка. Просто вам скучно с нами. У вас много развлечений, где же вам вспомнить о нас. Право, у нас так скучно.

Зор<ич>. Впрочем, я и не смел часто бывать у вас,⁴ ведь Бог знает еще, как это вам понравится.

¹ Далее на л. 31 об. текст прерывается.

² Перед: М<арья> А<ндреевна> и Зорич за сценой. — знак, относящийся, очевидно, к номеру явления: № 4.

³ Текст: Знаете ли что? ~ но в том-то и эффект. — вписан на полях л. 45 со знаком вставки.

⁴ Далее: [я не знал, понравится ли это вам]

М<арья> А<ндреевна>. Отчего же? Вы знаете, как мы живем; у нас почти никто не бывает. И мы всегда благодарны тем, кто нас посещает]

Мерич. Сказать вам откровенно?

М<арья> А<ндреевна>. Да, сделайте милость.

Мерич. Я боюсь, что ваша маменька меня прогонит когда-нибудь.

М<арья> А<ндреевна>. Отчего вы так думаете? Полноте.

Мерич. Человека, с такой репутацией, как у меня, старухи не любят.

М<арья> А<ндреевна>. Чем же вы заслужили такую дурную репутацию?

Мерич. Мне трудно будет объяснить вам это. Вы еще ребенок. Как бы вам это сказать. Например: я увез жену у мужа. Все это знают, и я этого не скрываю.

М<арья> А<ндреевна>. Зачем же вы это сделали?

Мерич. Зачем! В том-то и вопрос. Я бы сам дорого дал, если бы мне сказал кто-нибудь, зачем я это сделал. Одно: я ее любил, она меня тоже любила. Мне нужно было, по мнению общества, отказаться от любви, задушить в себе возвышенную и пламенную страсть. Я этого не сделал, я ее увез, М<арья> А<ндреевна>.

М<арья> А<ндреевна>. Что же потом?

Мерич. Потом... ну обыкновенная история... Я слышал, что она несчастна... что ж делать, я не виноват... впрочем, это неинтересно. Пожалуй, если вам угодно, я человек жалкий; но что ж делать? Когда мной овладевает страсть, для меня не существуют ни расчеты, ни светские условия¹.

М<арья> А<ндреевна> (*задумывается*). Вы пишете что-нибудь?

Мерич. Нет, иногда стихи. Но я желал бы написать один эпизод из моей жизни. Это было прошлым летом. Но может быть это будет для вас неинтересно.

М<арья> А<ндреевна>. Ах нет, расскажите, сделайте милость.

Мерич. Это было летом. Она, я вам не назову ее имени, была [с своими родными] с мужем в Сокольниках. Был один из тех восхитительных вечеров, когда луна разливает повсюду свой таинственный свет, а воздух дышит упоением и сладострастьем. Я вошел к ним. Деревья бросали длинные тени, я вошел, окутавшись плащом. Подхожу к террасе; цветы разливают благоухания. Между цветов сидит она, опершись на голую алебастровую руку; луна обливает ее своим светом, она была бледна, слезы дрожали на ее ресницах, одной рукой она судорожно сжимала какое-то письмо. Я долго стоял против нее, сложивши на груди руки! Наконец губы ее пошевелились: «Владимир, вы меня преследовали, я вам не сдавалась, я хотела быть верной своему мужу, своему долгу. Вот письмо, он мне изме-

¹ Текст: Пожалуй, если вам угодно, я человек жалкий ~ для меня не существуют ни расчеты, ни светские условия. — *вписан на полях л. 48 со знаком вставки.*

нил, — я ваша». Я не любил ее, но за то, чтобы видеть еще раз это мраморное чело, эту безвыходную тоску на лице, я бы отдал всю жизнь.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Я читала что-то похожее на это.

М о р <и ч >. Да есть одна французская повесть; но это было и со мной, я вам могу доказать; есть свидетели, которые знают, это было. Но, впрочем, я не знаю, зачем и вспомнил об этом¹. А Милашин часто у вас бывает?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Даже очень.

З о р <и ч >. Он еще не надоел вам?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Нет ничего.

З о р <и ч >. Согласитесь, однако, М <арья> А <ндревна>, что он очень смешон. Знаете ли, мне бы очень хотелось обыграть его в карты.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Зачем?

З о р <и ч >. Чтобы посмотреть, как он станет сердиться, когда будет проигрывать, посмотреть, как станет изменяться его физиономия, одним словом, чтобы насладиться его бешенством.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Как вы злы!

З о р <и ч >. Да я безжалостен к своим жертвам.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Зачем это, Владимир Васильич?

З о р <и ч >. Зачем? Спросите у змеи, зачем она жалит, спросите у льва, зачем он терзает свою жертву. Спрашивать легче, чем отвечать, М <арья> А <ндревна>.²

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Вот вы всегда смеетесь над Милашиным, мне право его жаль.

З о р <и ч >. Как же не смеяться, когда он [как только] меня [здесь увидит] ревнует к вам.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Это от того, что он меня очень любит.

З о р <и ч >. И считает меня опасным соперником вероятно... Надобно его успокоить в этом.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Как же вы его успокоите?

З о р <и ч >. Постараюсь его уверить, что я не имею никаких претензий на вас.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Да вы его в этом никак не уверите.

З о р <и ч >. Отчего же?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Уж он такой человек.

З о р <и ч >. Я буду пореже к вам ходить.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Что вы! Это для чего! Чтобы успокоить Милашина, помилуйте, стоит ли он того.

¹ Текст: Ну скажите, отчего вы у нас так давно не были-то? ~ зачем и вспомнил об этом. — записан на л. 48, 48 об. со знаком вставки к л. 45.

² Текст: Знаете ли, мне бы очень хотелось ~ Спрашивать легче, чем отвечать, М <арья> А <ндревна>. — вписан на полях л. 45 об. со знаком вставки. Там же вписано: [Играть в любовь мне надоело, а серьезной страсти я боюсь]

Зор<ич>. Нет это и для меня для самого нужно; это нужно для моего душевного спокойствия.

М<арья> А<ндреевна>. Полноте шутить!

[Зор<ич>. Вы так легко об этом говорите, как будто и не замечаете, какая опасность угрожает человеку, который часто вас видит.

М<арья> А<ндреевна>. Вы шутите.

Зор<ич>. Нет, не шучу. Вы весьма способны внушить любовь к себе, и поэтому очень опасны для нас. У меня правило: от хорошеньких женщин подальше. Я уж за это поплатился довольно.

М<арья> А<ндреевна>. Отчего же вы избегаете хорошеньких женщин?]

Мер<ич>. Шутить! Хорошо, как бы это были только шутки. М<арья> А<ндреевна>! вы чисты, вы прекрасное создание; на вас жизнь и страсть еще не положили пятна. С моей стороны было бы бесчестно отравлять мир вашей невинной души. Меня считают безнравственным человеком. Я погубил многих женщин. Куда я гожусь с моей больной и мрачной душой.

М<арья> А<ндреевна>. Мужчины, которых я знаю, такие скучные, они всегда заняты мелкими интересами; толкуют только про службу или про дела... Я люблю вас слушать.

Мер<ич>. В моих словах желчь и яд, Марья Андреевна!

М<арья> А<ндреевна>. Что ж, ведь не вы виноваты, виновато общество, которое не поняло вас.

Мер<ич>. Конечно, я прежде был чист, как вы теперь.

М<арья> А<ндреевна>. Так вы к нам станете ездить часто.

Мер<ич>. Вы так легко об этом говорите, как будто и не знаете, какая опасность угрожает человеку, который часто вас видит. Я с вами буду говорить откровенно. Вы весьма способны внушить любовь к себе, поэтому вы и опасны. — У меня правило от хорошеньких женщин подальше. Я уж за это поплатился довольно.

М<арья> А<ндреевна>. Отчего же вы избегаете хорошеньких женщин?¹

Зор<ич>. Да вы рассудите: [женщин хорошеньких очень мало, это редкость; а мужчин, понимающих красоту и способных любить страстно, очень много. Что ж из этого выходит: женщина, окруженная поклонниками, большей частью по неопытности выбирает из них недостойного; а остальные или должны страдать втайне, если умеют скрывать свои страдания, или подвергаться насмешкам любимой особы и окружающей их бессмысленной толпы] влюбившись в женщину пламенно, страстно, а она не только не отвечает тебе, а еще полюбит какого-нибудь мальчишку. Ну

¹ Текст: [Зор<ич>. Вы так легко об этом говорите ~ хорошеньких женщин? — вписан на л. 48 об. со знаком вставки к л. 45 об.

и должен страдать, если умеешь скрывать свою любовь, или подвергаться насмешкам любимой женщины, окружающей ее бессмысленной толпы.¹

М<арья> А<ндреевна>. Ах, Владимир Васильич, женщин нельзя винить в этом, они сами часто ошибаются, и еще дороже вашего платят за свои ошибки.

Зор<и ч>. А зачем же они выбирают именно таких, которые никуда не годятся. Я нарочно замечал: чем лучше женщина, тем скорее она полюбит какого-нибудь красивенького бездушного юношу. А потом пойдут жалобы на всех мужчин вообще.

М<арья> А<ндреевна>. Да это от того, что у нас чрезвычайно мало опытности. Где же женщине понять человека, когда и вы часто ошибаетесь. Вот я вам скажу про себя: я сужу по впечатлению: коли понравился мне человек с первого разу, ну хорош; а не понравился — дурен. А ведь впечатление часто обманывает.

Зор<и ч>. Да и то правда... Так вот отчего, М<арья> А<ндреевна>, я боюсь хороших... вот отчего я и вас боюсь... Ну как полюбишь!

М<арья> А<ндреевна>. А может быть и вас полюбят.

Зор<и ч>. Ах, М<арья> А<ндреевна>, играть любовью мне уж надоело; а [серьезной страсти я и сам боюсь] серьезная страсть, сказать вам по правде, ... это страшно!

М<арья> А<ндреевна>. [Чего же вы боитесь?] Да отчего же страшно?

Зор<и ч>. Гм. Отчего? Страсть! ведь это, М<арья> А<ндреевна>, огонь, который пожирает все на своем пути... Вы знаете Ромео и Юлию? (Марья Андреевна кивает головой.) Вот это любовь!.. Да где же нынче Юлии, согласитесь сами?

М<арья> А<ндреевна>. Да мне кажется, и Ромео найти нелегко.

Зор<и ч>. Конечно, я с вами согласен. Но все-таки, М<арья> А<ндреевна>, есть из нашего брата такие сумасброды (и я знаю, что есть), которые готовы для истинной страсти пожертвовать всем на свете. А женщины! у них по большей части или расчет, или просто кокетство. Я, может быть, пристрастен, вы меня извините. Я вам признаюсь: я без особенного озлобления не могу говорить о женщинах...

М<арья> А<ндреевна>. Так, по-вашему, мужчины лучше умеют любить; ну я не думаю.

Зор<и ч>. Как вам угодно, я спорить не смею. [Конечно, нельзя поверить всякому, кто вас станет уверять в своей любви; но есть известные приметы, по которым всегда можно узнать истинную любовь.]

М<арья> А<ндреевна>. Какие же это приметы?

¹ Текст: влюбиться в женщину пламенно страстно ~ бессмысленной толпы. — вписан на полях л. 46 со знаком вставки.

З о р и ч. Не верьте тому... любовь может глубоко гнездиться в сердце и не выражаться никаким наружным знаком.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Да как же ее узнаешь, если она ничем не выражается?

З о р <и ч>. В том-то и дело. Узнать можно, я вам когда-нибудь скажу, как узнать это.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Отчего же не теперь?

З о р <и ч>. Да на что вам, ведь вы никого не любите.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Все-таки интересно. Какие вы мудреные. По-моему: если полюбишь кого-нибудь, так скрыть этого никак нельзя, а не то чтобы узнавать надо было]

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Ну будет об этом. Вы мне дайте честное слово, что будете к нам ездить.

М е р <и ч>. Я вам говорю, что боюсь вас. А впрочем, знаете ли что, М<арья> А<ндревна>, частые свидания с таким чистым и невинным существом, как вы, благотворно действуют на душу. Я всегда выхожу от вас умиротворенный, не с такой злобой я смотрю на людей и на общество.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Вот видите ли. [Я буду вашим добрым гением, лечить ваши душевные язвы. В<ладимир> В<асильич>, вы так хорошо знаете любовь и людей, скажите, пожалуйста, мы неопытны и часто ошибаемся, как узнать: истинно ли любит мужчина или нет] Я буду вашим добрым гением; ездите к нам почаще. Да скажите, пожалуйста, можно узнать: любит ли мужчина или только притворяется.

М е р <и ч>. Зачем вам, ведь вы никого не любите.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Все-таки интересно. На всякий случай, может быть, полюблю кого-нибудь.

М е р <и ч>. Тогда и спросите, я вам скажу.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Нет, скажите теперь.¹

ЯВЛЕНИЕ <5>²

Те же и М и л а ш и н (входит незамеченный).

З о р <и ч>. Теперь не скажу. Я упрям, М<арья> А<ндревна>. В следующий раз, если угодно.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Ну, в следующий раз.

¹ Текст: Я буду вашим добрым гением; ездите к нам почаще ~ Нет, скажите теперь. — вписан на л. 47 со знаком вставки к л. 46 об.

² Соответствует 12-му явл. окончательной редакции текста.

*Первоначальный текст I-го явления I действия черновой
редакции¹ (РГБ)*

ЯВЛЕНИЕ I

Ма ш е н ь к а (*играет на фортепианах*). Боже мой, какая скука! Не знаю, куда деваться от тоски. Нет², я вижу, что наконец надобно выйти замуж. В странное иногда положение ставит судьба человека. Из чего хлопотал мой отец! Образовали меня, показали мне свет. С пяти лет я привыкла видеть толпу вокруг себя; с пяти лет была свободна. Выучилась разбирать людей, выучилась вести себя. Куда годятся эти качества без состояния! Я помню свои победы, помню, вот я четырнадцати лет... — Да мы тогда были богаты. За одно я только благодарю отца: это за свободное воспитание, вследствие которого я с самой ранней молодости научилась думать сама о себе, сама судить о своих поступках, сама себе давать отчет во всем. Без этого³ я бы не перенесла своего положения. А бедная маменька! она до старости жила, ничего не знала, а теперь должна сама хозяйничать. И считает своим долгом найти мне богатого жениха.

Входит [В. П.] <А н н а П е т р о в н а>.

<А н н а П е т р о в н а>. Вот как бы папенька твой не мотал без памяти, так бы другое дело было. [Жил-то больно не по состоянию, все тянулся за генералами; только ведь и было на уме то, что клубы да обеды, да лошади; ведь он за мной много взял покойник, да все и проел. Да вот и] А то оставил нас почти ни с чем; дела ведь запутаны; тут тяжба еще. А что я! мое дело женское. Да я и не знаю ничего, я сама привыкла за людьми жить. Еще хорошо, что добрые люди принимают участие. Вот Ив<ан> Дм<итрич>, дай ему Бог здоровья. А то что бы мы! Что мы знаем.

Ма ш <е н ь к а >. Что прошло, того не воротишь. Если б, маменька, от меня зависело поправить наши дела, если б представился случай, я бы не задумалась; я давно решилась. Уж разумеется, мне, в моем положении, выбирать женихов нечего. И я готова выйти за сколько-нибудь порядочного человека.

[В. П.] А <н н а П <е т р о в н а>. Да, Маша, да! Что ж делать. Быть может, и хорошего человека Бог даст.⁴

[В. П.] А <н н а П <е т р о в н а>. Чтой-то, ей-Богу, хоть бы [Ив<ан> Дм<итрич>] Пл<атон> М<аркыч> пришел! Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

¹ В соответствии с первым планом комедии.

² На полях л. 32: Для начала. Тысячу раз я давала себе обещание не думать о том, — о прошлом времени, и всё-таки против воли иногда вспомнишь.

³ На полях л. 32 об.: Выбор. Прерывает несколько раз и играет на фортепианах.

⁴ Далее текст на л. 32 об. прерывается и продолжается на л. 28 репликой В. П. (Анны Петровны): Чтой-то, ей-Богу, хоть бы [Ив<ан> Дм<итрич>] Пл<атон> М<аркыч> пришёл!

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Вот, маменька, чулок. *(Подает.)*

А <н н а> П <е т р о в н а> *(вяжет чулок)*. Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Говорите, я и так сочту.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Постой — нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Хоть бы замуж что ль, Маша, выходила поскорей, я бы уж, кажется, не знала как и Бога-то благодарить, а то как это без мужчины в доме. Это никак нельзя.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. А уговор.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Да что ты все с уговором надоела до смерти, уж и поговорить нельзя. Что такое в самом деле?¹

М а ш а. [Чего вы, маминька, не выдумаете?] Разве я виновата, маминька, что мне никто не нравится?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Как это не нравится, я не знаю; это так каприз просто, Маша.

М а ш а. Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и все тут. Да что ж тут мудреного! Кто за меня сватался? Припомните хорошенько! Что это за люди!² [Все какие-то положительные, холодные.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Да где ж тебе горячих-то взять; нынче, матушка, всякий делом занят, горячиться-то некогда. Это вам делать-то нечего — вы сидите да мечтаете, а мущина-то либо каким-нибудь делом занимается, либо на службе, а придет со службы-то, отдохнуть захочет; а вечером-то либо дело есть, либо съездить куда надобно; так уж тут горячность-то ваша на ум не пойдет. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю? Посмотри-ка там на столе. Постой здесь в кармане.³

¹ Текст: А уговор ~ в самом деле? — вписан на полях л. 28 со знаком вставки.

² Текст: Да что ж тут мудрёного! ~ Что это за люди! — вписан сверху со знаком вставки на л. 28 об.

³ Далее: [Полно, Маша ребячиться-то, ведь ты уж не маленькая]

М а ш а. Что ж, маменька, мне за охота выходить за человека, который половину дня на службе, а другую половину спит?

В. П. <А н н а П е т р о в н а>. Ну так сама выбирай, а уж я не знаю, как по тебе угодить. Вот Мартын Иваныч очень хороший человек, а тебе не нравится.

М а ш а. Помилуйте, маменька, это совсем не в моем вкусе...

В. П. <А н н а П е т р о в н а>. Какой же вкус-то у тебя? Я уж и не разберу.

М а ш а. Вот Володя хорош.

В. П. <А н н а П е т р о в н а>. Да ведь Володе-то 15 годов, а тебе 26. Что это ты такое говоришь. Это уж Бог знает что! Не слушал бы]

А <н н а> П <е т р о в н а>. Что ж делать-то, Машенька, что ж делать-то, друг мой, нынче хорошие-то женихи все денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Постой, здесь в кармане. — Ведь уж как бы, кажется, тебя-то не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей.

[М а ш а. А вот, маменька, погодите, граф какой-нибудь влюбится.

В. П. А что ты думаешь? Как бы было у нас состояние, да выезжала бы ты в общество, так посмотри, сколько бы за тобою ухаживали]

М а ш а. Полноте, маменька! В Москве много хорошеньких и без меня.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Какие хорошенькие, Машенька! Где они, хорошенькие-то? *(Входит Дарья.)*

Черновая редакция 4-го явления I действия (РГБ)

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Что, Даша, хороша я?

Д а ш а. Красавица, раскрасавица.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. А что, Даша, давай меняться.

Д а ш а. И, мат<ушка>, на что мне.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. А мне на что?

Д а ш а. Что это вы, барышня, говорите. Посмотрите-ко, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть. Полковник какой-нибудь возьмет. А [мне, матушка, уж на что] я уж изжила свой век.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. И я, Даша, вот уже почти 20 лет прожила, да не видала еще ни одного мужчины, [который бы желал моей любви]¹ которого бы можно полюбить. А теперь нужно выходить замуж; еще Бог знает, за кого выйдешь. Лучше быть хорошей хозяйкой, чем красавицей.

Д а ш а. И, матушка, велики еще ваши года. Посмотрите-ка, какого жениха найдем... *(уходит)*

¹ Н. П. Кашин прочёл эту фразу иначе: «Который бы стоил моей любви» (Кашин. С. 68).

[Т. Петр.] А <нна> Петр<овна>. А, Ив<ан> Дм<итрич>, какими судьбами, батюшко, а я вас, признаться, не ждала нынче. — Подвинь-ко, Маша, стульчик Ив<ану> Дмитр<ичу>; сюда поближе, глух ведь он немножко.

Добр<отворов>. Здрав<ствуйте>, А<нна> Петр<овна>. Покорно благодарю, М<арья> Анд<ревна>. — Покорно благодарствуйте.

А <нна> П<етровна>. Садитесь, И<ван> Д<митрич>, — милости просим.

Добр<отворов>. Что это вы невеселы М<арья> Анд<ревна>?

М<арья> Анд<реевна>. Да чему же мне радоваться-то, И<ван> Д<митрич>?

Добр<отворов>. Да и то правда. Неурожай нынче, М<арья> А<ндревна>, на женихов-то, я говорю, неурожай.

М<арья> Анд<реевна>. Чаю не угодно ли.

Добр<отворов>. Выпью-с. — Не с чего невестам веселым-то быть, народ-то нынче изветренничался, А<нна> Петр<овна>. В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик пооперился, поступил на службу, глядишь — и женится. Тогда и холостых-то что-то мало и видно было; а у нас в Суде, так ни одного холостого чиновника не было. А теперь тот говорит подожду, другой подожду, а уж это не порядок.

А <нна> П<етровна>. Какой уж это порядок! что хорошего!² В наше-то время совсем не так было. Ох, да никак я вам сахару-то положить забыла. Что, Маша, положила я сахару Ив<ану> Дм<итричу>?

Маша. Положили, маменька³.

И<ван> Д<митрич>. Что вы изволите говорить?

А <нна> П<етровна>. Я говорю: в наше-то время совсем не так было, И<ван> Дм<итрич>.

И<ван> Д<митрич>. Совсем не так, А<нна> П<етровна>, совсем не так. Вот оно и невестам-то было веселее. Долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Так вот, я говорю, А<нна> П<етровна>, невестам-то веселей было. Задумываться было не об чем.

Маша. Да я, И<ван> Д<митрич>, совсем и не думаю о женихах.

И<ван> Д<митрич>. Как, чай, не думать. Не скажете только, а то как не думать. Послушайте-ко, А<нна> П<етровна>, что дочка-то ваша говорит: об женихах, говорит, не думаю. Хе, хе, хе. — Мы уж с А<нной>

¹ В автографе: явление 7-е. .

² Фраза вписана со знаком вставки на л. 39 об.

³ Текст: Ох, да никак я вам сахару-то положить забыла ~ Положили, маменька. — вписан на полях л. 39 об. со знаком вставки.

Петр<овной> на своем веку пожили, так знаем это дело. Конечно, девичье дело; этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать; все думают. Так я говорю, А<нна> Петр<овна>?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Так, И<ван> Д<митрич>, так! Не хотите ли еще чашечку.

И <в а н> Д <м и т р и ч>. Пожалуйста. Вон и ваша маменька говорит.

М <а ш а>. Да я, право, И<ван> Д<митрич>, не думаю об этом совсем.

И <в а н> Д <м и т р и ч>. А вот посмотрим, как вы не думаете-то, посмотрим, А<нна> Петр<овна>. — Это вот сейчас видно будет. — Я к вам, А<нна> Петр<овна>, по экстренному делу.

А <н н а> П е т р <о в н а>. По какому это, И<ван> Д<митрич>?

И <в а н> Д <м и т р и ч>. Скажите, М<арья> Анд<ревна>, слава Богу.

М <а р ь я> А н д <р е е в н а>. Что такое?

И <в а н> Д <м и т р и ч>. Жениха нашел, А<нна> Петр<овна>. — Еще какого жениха-то.

А <н н а> П е т р <о в н а>. Ах, Ив<ан> Дм<итрич>. Как я вам благодарна. Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить. [Как нам вас благодарить-то за все ваши одолжения] Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Маешься, маешься день-то деньской. Как это без мужчины в доме. Как нам вас благодарить-то за все ваши одолжения.

Черновая редакция 1—4 явлений I действия (ИРЛИ)

ДЕЙСТВИЕ I

[[Театр представляет комнату, на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу. С левой стороны окно, у окна пюльцы, далее фортепьяно, с правой стороны диван и большой круглый стол]

ЯВЛЕНИЕ 1-е¹

Д а р ь я *(одна, прибирает в комнате, потом взглядывает в окно)*.
О что б вас! Вот еще кого-то принесло

Идет к двери и открывает. Хорькова входит.

Х о р ь к о в а. Что, милая, дома барыня?

Д а р ь я. Дома-с]

А н н а П е т р о в н а и Х о р ь к о в а.

А н н а П е т р о в н а *[(входя)]*. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте!

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Я ведь, А<нна> П<етровна>, на минуточку совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе — дай, думаю,

¹ Соответствует 9-му явлению окончательной редакции текста.

зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Извините, матушка, всу дела, ей-Богу, некогда, сами посудите, дело мое женское: везде сама должна. Как без мужчины в доме. Никак нельзя. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Вот я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и обожаю. — [В университете учился] Вы представьте, ведь он у меня теперь по линии дворянина. Старостиха наша говорит мне намеренно: «У вас такой сын, А <рина> Е <горовна>, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слыхать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нею, представьте, три дочери, и она помногу денег даут за ними; только девушки без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: — Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя за твою кротость и образование влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту. — «Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я всегда предпочитаю с вами об деле этом разговаривать». — Всякая, говорю, девушка за тебя пойдет с радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой. — Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: «Милая маменька, не в богатстве счастье, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, моё есть желание поправиться Марье Андревне».

А <н н а> П <е т р о в н а>. Покорно вас благодарю, А р <ина> Е г <оровна>. Мне самой ваш сын очень нравится [И я всегда рада его видеть в нашем доме] Я [сама] все думала к вам побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете мое душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолodu была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне её с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию,

превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Я принуждать Машеньку не могу — это ее воля. [Где уж мне — слаба я мать] Вы скажите Михаилу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке — я буду очень рада.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? — всякая девушка с радостью тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна. [Он у меня такой вдумчивый]

А <н н а> П <е т р о в н а>. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. *(Молчание.)* Какой миленький чепчик на вас; почему вы брали ленточки?

А <н н а> П <е т р о в н а>. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкрочку вашей визитки, хочется черный муаре сделать.

А <н н а> П <е т р о в н а>. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

А р <и н а> Е г <о р о в н а>. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: «Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования». Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкрочку.

А <н н а> П <е т р о в н а> *(встает)*. Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Те же и М <арья> А <ндреевна>.

Хорькова. Ах, М <арья> А <ндреевна>! Как ваше здоровье?

М <арья> А <ндреевна>. Слава Богу.

Хорькова. Лучше всего-с. Мой Миша всегда об вас с отличной точки относится. Какая, говорит, М <арья> А <ндреевна> умная и образованная барышня, высшего, говорит, круга образования.

М <арья> А <ндреевна>. Покорно вас благодарю.

Хорькова. Он мне говорит, что вы всегда книжками занимаетесь (*показывает на стол*). Это что у вас за книжка?

М<арья> А<ндреевна>. Стихотворения Лермонтова.

Хорькова. Что же такое тут написано?

Марья Андреевна. Мало ли что, Ар<ина> Егор<овна>, тут много хорошего написано — всего не перескажешь.

Хорькова. Я воображаю, это, должно быть, очень занятно — читать такие книги. У вас бывает кто-нибудь из молодых людей?

М<арья> А<ндреевна>. Милашин бывает.

Хорькова. Зачем же он у вас бывает?

М<арья> А<ндреевна>. Как зачем? Он с нами давно знаком.

Хорькова. Что, он служит где-нибудь?

М<арья> А<ндреевна>. Не знаю, где-то, так, незначительное место имеет.

Хорькова. Это вам не жених, М<арья> А<ндреевна>.

М<арья> А<ндреевна>. Да я и не думаю о женихах. С чего вы взяли?

Хорькова. Поверьте, М<арья> А<ндреевна>, есть люди, которые умеют ценить вашу красоту и образование. Прощайте, не оставьте нас своим расположением.

Анна Петровна и Хорькова уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

М<арья> А<ндреевна> (*одна*). Опять, кажется, сватовство! Господи! Как это скучно! Как это маменьке не надоест! [Мне так опротивело слово жених, что если бы, кажется, самый лучший мужчина посватался, мне и то было бы неприятно] Зато я теперь очень хорошо знаю мужские добродетели: тот, говорят, смирный, тот — хороший хозяин, тот — далеко пойдёт по службе, тот — только непьющий. [Что ж, и это не последнее качество. Мне представляется, что есть особенный квартал в Москве, где эти женихи живут уж совсем готовые, со всеми этими добродетелями, в белых жилетках, с глупыми физиономиями] Неужели они думают, что меня могут прельстить все эти качества, если человек мне не нравится. Или я в самом деле разборчива, или уж такое моё счастье, что я ни одного порядочного молодого человека не видала до сих пор, решительно ни одного. Вот положение. Мне кажется, что я могу полюбить, особенно теперь. Говорят, без любви жизнь неполна. Я это теперь очень хорошо чувствую. [И смешно, и досадно. Иногда даже зло возьмёт. Вот назло бы теперь влюбилась в кого-нибудь. Полюбить-то некого. Что ж за наказание такое? Женихов сватают уродов, полюбить некого. Вот положение!]

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Те же и Анна Петровна.

[Марья Андреевна. Что, ушла Арина Егоровна?

Анна Петровна. Ушла. Славная она такая женщина, Машенька.

Марья Андреевна. Хорошая женщина, что она, сватать, что ли кого приходила?

Анна Петровна. Да. Что ж, Машенька! Мих<айло> Ив<аныч> человек образованный, смирный, любит тебя очень.]

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

Марья Андреевна. А что за беда-то такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты — вот что (*сидит надувшись*).

[Марья Андреевна. Маменька, я ведь вам сказала, что через год пойду замуж, и вы мне обещали и не напоминать про женихов. Через год мне будет ровно 20 лет, тогда и будем говорить о женихах.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то? От слова-то у тебя убудет что ли?] (*Молчание.*) Чтой-то ей-Богу, хоть бы Платон Маркыч пришёл! Уж я не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок. Вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. (*Подает.*)

Анна Петровна (*вяжет чулок*). Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Постой — нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. [*Молчание.*] Хоть бы ты замуж, что ль, Маша, выходила поскорей, я бы уж, кажется, не знала, как и Бога-то благодарить; а то как это без мужчины в доме? Это никак нельзя.

Марья Андреевна. А уговор.

Анна Петровна. Да что ты все с уговором — надоела до смерти, уж и поговорить нельзя. Что такое в самом деле?]

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и всё тут. Да что ж тут мудреного, кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи все денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица! Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Постой, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей.

[Марья Андреевна. Полноте, маменька! В Москве много хороших и без меня.

Анна Петровна. Какие хорошенькие, Машенька! Где они, хорошенькие-то? Вот кабы папенька-то твой не лопал без памяти, так бы другое дело было, а то и оставил нас почти ни с чем; дела все запутаны; тут тяжба еще. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то?¹ А что я! Мое дело женское; да я и не знаю ничего. Я сама привыкла за людьми жить. Еще хорошо, что добрые люди принимают участие. Вот Платон Маркыч, дай Бог ему здоровья. А то что бы мы! Что мы знаем?

Марья Андреевна. Что прошло, того не воротишь (*входит Дарья*).]

Черновой набросок 3-го явления² I действия (ИРЛИ)

[Марья Андреевна (*одна*). Маменька говорит, что я хороша. Да что мне толку в красоте. Красота имеет цену, когда полюбишь. Да, тогда приятно быть хорошенькой.³ Я и сама знаю, что хороша. Да что в этом толку! Право, даже досадно, все говорят: барышня какая хорошенькая, а никто не влюбится! Хоть бы посмотреть, как это любят-то! — Ах, ей-Богу, до смерти хочется влюбиться! Не в кого, решительно не в кого. Живем в какой-то глуши, и людей не видать; здесь только Дарье с ее физиономией и жить.]

¹ Фраза вписана над строкой.

² В автографе: Явление [6] 3.

³ Текст: Да что мне ~ хорошенькой. — вписан над строкой.

Черновая редакция 9-го явления¹ I действия (ИРЛИ)

Марья Андреевна и Мери ч (входит).

Марья Андреевна. Что это вы так давно у нас не были?

Мери ч. Всё как-то некогда было. А вы всё хорошеете.

Марья Андреевна. Полноте шутить-то.

Мери ч. Можно у вас посидеть полчаса?

Марья Андреевна. Что за вопрос? Я думаю, что можно. Мы с маменькой всегда рады вас видеть.

Мери ч. Здоровы ли вы, Марья Андреевна?

Марья Андреевна. Слава Богу.

Мери ч. Нет, в самом деле, вы похорошели. Какой цвет лица у вас прекрасный. Знаете ли что?

Марья Андреевна. Что такое?

Мери ч. Вы нынче прекрасно одеты.

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю.

Мери ч. За что же вы меня благодарите. Только я на вашем месте надел бы пунцовую ленточку: это, конечно, смело; но в том-то и эффект.

Марья Андреевна. У вас есть вкус.

Мери ч. Дорого он мне стоит (*вздыхает*).

Марья Андреевна. Вы скажите мне, отчего вы у нас так долго не были-то?

Мери ч. Сказать вам откровенно?

Марья Андреевна. Да, сделайте милость.

Мери ч. Я боюсь, что ваша маменька меня прогонит когда-нибудь.

Марья Андреевна. Отчего вы так думаете? Полноте.

Мери ч. Человека, с такой репутацией, как у меня, старухи не любят.

Марья Андреевна. Чем же вы заслужили такую дурную репутацию?

Мери ч. Мне трудно будет объяснить вам это. Вы еще ребенок. Как бы вам это сказать. Например, я увез жену у мужа. Все это знают, и я этого не скрываю.

Марья Андреевна. Зачем же вы это сделали?

Мери ч. Зачем! В том-то и вопрос. Я бы сам дорого дал, если бы мне сказал кто-нибудь, зачем я это сделал. Одно: я ее любил, она меня тоже любила. Мне нужно было, по мнению общества, отказаться от любви; задушить в себе возвышенную и пламенную страсть. Я этого не сделал, я ее увез, М<арья> А<ндреевна>.

Марья Андреевна. Что же потом?

---

¹ В окончательной редакции этого текста нет.

М е р и ч. Потом... ну обыкновенная история... Я слышал, что она несчастна... Что мне делать — я не виноват... Впрочем, это неинтересно. Пожалуй, если вам угодно, я человек жалкий; но что ж делать! Когда мной овладевает страсть, для меня не существуют ни расчёты, ни светские условия...

М а р ь я А н д р е е в н а (*задумывается*). Вы пишете что-нибудь?

М е р и ч. Нет, иногда стихи. Но я желал бы написать один эпизод из моей жизни. Это было прошлым летом. Но, может быть, это будет для вас неинтересно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах нет, расскажите, сделайте милость.

М е р и ч. Это было летом. Она, я вам не назову ее имени, жила с мужем в Сокольниках. Был один из тех восхитительных вечеров, когда луна разливает повсюду свой таинственный свет, а воздух дышит упоением и сладострастием, я вошёл к ним. Деревья бросали длинные тени, я вошёл, окутанный плащом. Подхожу к террасе; цветы разливают благоухания. Между цветов сидит она, опершись на голую алебастровую руку; луна обливает её своим светом, она была бледна, слёзы дрожали на её ресницах, одной рукой она судорожно сжимала, кажется, письмо. Я долго стоял подле неё, сложивши на груди руки! Наконец губы её пошевелились: «Владимир, вы меня преследовали, я вам не сдавалась, я хотела быть верной своему мужу, своему долгу. Вот письмо, он мне изменил, — я ваша». Я не любил её, но за то, чтобы видеть ещё раз это мраморное чело, эту безысходную тоску на лице, я бы отдал всю жизнь.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я читала что-то похожее на это.

М е р и ч. Да есть одна французская повесть; но это было и со мной, я вам могу доказать; есть свидетели, которые знают: это было. Но впрочем, я не знаю, зачем и вспомнил об этом... Милашин часто у вас бывает?

М а р ь я А н д р е е в н а. Даже очень.

М е р и ч. Он ещё не надоел вам?

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет ничего.

М е р и ч. Согласитесь, однако, Марья Андревна, что он очень смешон. Знаете ли, мне бы очень хотелось обыграть его в карты когда-нибудь.

М а р ь я А н д р е е в н а. Зачем?

М е р и ч. Чтобы посмотреть, как он станет сердиться, когда будет проигрывать, посмотреть, как станет изменяться его физиономия, одним словом, чтобы насладиться его бешенством.

М а р ь я А н д р е е в н а. Как вы злы!

М е р и ч. Да я безжалостен к своим жертвам!

М а р ь я А н д р е е в н а. Зачем это, Владимир Васильич?

М е р и ч. Зачем! Спросите у змеи, зачем она жалит, спросите у льва, зачем он терзает свою жертву. Спрашивать легче, чем отвечать, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Вот вы всегда смеётесь над Милашиным, мне право его жаль.

Мерич. Как же не смеяться, когда он меня ревнует к вам.

Марья Андреевна. Это от того, что он меня очень любит.

Мерич. И считает меня опасным соперником, вероятно... Надобно его успокоить в этом.

Марья Андреевна. Как же вы его успокоите?

Мерич. Постараюсь его уверить, что я не имею никаких претензий на вас.

Марья Андреевна. Да вы его в этом никак не уверите.

Мерич. Отчего?

Марья Андреевна. Уж он такой человек.

Мерич. Я буду пореже к вам ходить.

Марья Андреевна. Что вы! Это для чего? Чтобы успокоить Милашина, помилуйте! Стоит ли он того?

Мерич. Нет это и для меня для самого нужно; это нужно для моего душевного спокойствия.

Марья Андреевна. Полноте шутить!

Мерич. Шутить! Хорошо, как бы это были только шутки. Марья Андреевна! вы чисты, вы прекрасное создание; на вас жизнь и страсть ещё не положили пятна. С моей стороны было бы бесчестно отравлять мир вашей невинной души. Меня считают безнравственным человеком. Я погубил многих женщин. Куда я гожусь с моей больной и мрачной душой.

Марья Андреевна. Мужчины, которых я знаю, какие скучные, они всегда заняты мелкими интересами, толкуют только про службу или про дела... Я люблю вас слушать.

Мерич. В моих словах желчь и яд, Марья Андреевна!

Марья Андреевна. Что ж, ведь не вы виноваты, виновато общество, которое не поняло вас.

Мерич. Конечно, я прежде был чист, как вы теперь.

Марья Андреевна. Так вы к нам станете ездить часто?

Мерич. Вы так легко об этом говорите, как будто и не знаете, какая опасность угрожает человеку, который часто вас видит. Я с вами буду говорить откровенно. Вы весьма способны внушить любовь к себе, поэтому вы и опасны. — У меня правило: от хороших женщин подальше. Я уж за это заплатился довольно.

Марья Андреевна. Отчего же вы избегаете хороших женщин?

Мерич. Да вы рассудите: влюбишься в женщину пламенно страстно, а она не только не отвечает тебе, а ещё полюбит какого-нибудь мальчишку. Ну и должен страдать, если умеешь скрывать свою любовь, или подвергаться насмешкам любимой женщины и окружающей её бессмысленной толпы.

Марья Андреевна. Ах, Владимир Васильич, женщин нельзя винить в этом, они сами часто ошибаются, и ещё дороже вашего платят за свои ошибки.

Мерич. А зачем же они выбирают именно таких, которые никуда не годятся. Я нарочно замечал: чем лучше женщина, тем скорее она полюбит какого-нибудь красивенького бездушного юношу. А потом пойдут жалобы на всех мужчин вообще.

Марья Андреевна. Да это от того, что у нас чрезвычайно мало опытности. Где же женщине понять человека, когда и вы часто ошибаетесь. Вот я вам скажу про себя: я сужу по впечатлению: коли понравился мне человек с первого разу, ну хорош; а не понравился — дурён. А ведь впечатление часто обманывает.

Мерич. Да и то правда... Так вот отчего, Марья Андреевна, я боюсь хороших... вот отчего я и вас боюсь... Ну как полюбишь!

Марья Андреевна. А может быть, и вас полюбит.

Мерич. Ах, Марья Андреевна, играть любовью мне уж надоело; а серьёзная страсть, сказать вам по правде¹ это страшно!

Марья Андреевна. Да отчего же страшно?

Мерич. Гм. Отчего? Страсть! ведь это, Марья Андреевна, огонь, который пожирает всё на своём пути... Вы знаете Ромео и Юлию? Вот это любовь!.. Да где же нынче Юлии, согласитесь сами?

Марья Андреевна. Но мне кажется, что и Ромео найти нелегко.

Мерич. Конечно, я с вами согласен. Но всё-таки! Марья Андреевна, есть из нашего брата такие сумасброды — и я знаю, что есть, — которые готовы для истинной страсти пожертвовать всем на свете. А женщины! у них по большей части или расчёт, или просто кокетство. Я, может быть, пристрастен, вы меня извините. Я вам признаюсь: я без особенного озлобления не могу говорить о женщинах...

Марья Андреевна. Так, по-вашему, мужчины лучше умеют любить; ну я не думаю.

Мерич. Как вам угодно, я спорить не смею.

Марья Андреевна. Не будем об этом. Вы мне дайте честное слово, будете к нам ходить.

Мерич. Я вам говорю, что боюсь вас. А впрочем — знаете ли что, Марья Андреевна? Частые свидания с таким чистым и невинным существом, как вы, благотворно действуют на душу. Я всегда выхожу от вас умиротворённый; не с такой злобой смотрю на людей и на общество.

Марья Андреевна. Вот видите... Я буду вашим добрым гением. Ездите к нам почаще. Да скажите, пожалуйста, можно узнать: любит ли мужчина или только притворяется.

¹ После: сказать вам по правде... — пробел.

М е р и ч. Зачем вам, ведь вы никого не любите.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Всё-таки интересно. На всякий случай; может быть, полюблю кого-нибудь.

М е р и ч. Тогда и спросите — я вам скажу.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Нет, скажите теперь.

ЯВЛЕНИЕ¹

Те же и Милашин (входит незамеченный).

М е р и ч. Теперь не скажу — я упрям, Марья Андревна. В следующий раз, если угодно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Ну, в следующий раз.

М и л а ш и н. Я, может быть, помешал вам.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Нисколько. Каким образом вы могли помешать нам?

М и л а ш и н. Нет, так-с. Иногда ведь придёшь не в час, знаете пословицу: не вовремя гость хуже татарина!

М е р и ч. Как ваше здоровье, Ив<ан> Ив<аныч>?

М и л а ш и н. Я-с? Я, слава Богу, Здоров.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Что с вами? Вы нынче как будто не в духе.

М и л а ш и н. Так-с, у меня что-то голова болит.

М е р и ч. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидетельствуйте моё почтение маменьке.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Когда же вы к нам?

М е р и ч. Завтра, если можно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

М е р и ч. Непременно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. И скажите, что обещали.

М е р и ч. Извольте, если уж вам непременно хочется знать (*раскланивается и уходит*).

Первая черновая редакция 1—3 явлений II действия (РГБ)

Сцена представляет небольшой тенистый сад; направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст. Х о р ь к о в сидит на скамейке, повеся голову.

ЯВЛЕНИЕ I

Х о р ь к о в (*один*). Какой я жалкий человек! Я решительно ничего для себя не хочу сделать. Посмотришь на товарищей, тот служит, тот пишет;

¹ Соответствует 13-му явлению окончательной редакции текста.

а меня не только делом заняться, и обриться-то заставлять надобно. Вот хоть бы теперь: я люблю эту девушку, очень люблю; мало того, я знаю, что со мной она будет счастлива; я знаю, что только она одна может спасти меня от этой моей неразлучной лени, от убийственного бездействия. И что ж! У меня не хватает воли сказать ей, что я ее люблю. Робость ли это, лень ли, уж я не знаю. [Чего бы я не сделал для нее, стал бы и служить, и работать, об себе бы не заботился] (*Молчание.*) Посмотришь, другой мальчик еще, только усы пробиваются, а уж объясняется в любви смело, с сознанием своего достоинства. Положим, что сначала она и отказала бы мне в взаимности; но я мог бы добиться взаимности, потому что со мной здесь некому соперничать. Стоит только М<арье> А<ндревне> узнать меня покороче, так она, конечно, отдаст мне предпочтение перед всеми ее обожателями, — да только этого-то никогда и не будет. Я уж четыре года знаком с ней; а сделал ли я что-нибудь для себя, [сказал ли я хоть десять слов с ней о себе] успела ли она хоть сколько-нибудь заметить мои достоинства? Она меня знает только с двух сторон: что я молчалив, да еще, что плохо одеваюсь; — а и этим не надо пренебрегать, и это для женщины много значит. Пока я сберусь ей высказаться, она влюбится в кого-нибудь или выйдет замуж. Однако нужно же мне переломить себя; вероятно, признание мое выйдет неловко, может быть, смешно; но ведь обладать этой женщиной для меня не только счастье, но и спасение. Боже мой! Как бы я любил ее, с какою бы я любовью стал развивать ее еще ребяческую душу. (*Задумывается.*) Да, мечтать вот я мастер; а делать, так все как-нибудь, да когда-нибудь... Эх, скверно. (*Задумывается.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Хорьков и М<арья> Анд<реевна> (входит).

М<арья> А<ндреевна>. Вы здесь, М<ихайло> Ив<аныч>. Что вы тут одни делаете?

Хорьков. Мечтаю, по обыкновению.

М<арья> А<ндреевна>. А я так просто нынче целый день плачу.

Хорьков. Об чем же это вы плачете?

М<арья> А<ндреевна>. Да маменька все с женихами пристает. Вот нынче какой-то урод придет. Очень весело. Скажите, пожалуйста, как вам это покажется?

Хорьков. Вы меня извините, М<арья> А<ндревна>, я немножко иначе это понимаю. Приходит время, когда начинаешь серьезно думать о жизни.

М<арья> А<ндреевна>. Вы уж не жениться ли хотите? Послушайте, только не сватайтесь за меня, лучше и не трудитесь; я и думать о замужестве не хочу.

Хор ь ко в. Этот вопрос важнее, нежели вы думаете; вы напрасно так легко рассуждаете о нем.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Я и рассуждать совсем не хочу. Я хочу любить, М<ихайло> И<ваныч>.

Хор ь ко в. М<арья> А<ндревна>, да любить-то некого. Вы еще мало знаете людей; порядочного человека вы нескоро разберете, часто он бывает покрыт корой, которая скрывает его достоинства. Вам нравится идеальность; а идеальность большею частию или фальшь, или пустота водевильных героев. — Хорошо, если ваша любовь будет баловство, шалость, как это обыкновенно бывает; а иногда она дурно оканчивается для девушки, бывает причиной страданий. Не дай вам Бог испытать этого.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Вы так говорите потому, что вы холодный человек.

[Хор <ь ко в>. В таком случае извините меня. — Я не знал этого, М<арья> А<ндревна>. Я бы не стал навязываться к вам с своей любовью. Я сделал глупость, конечно, простите меня, М<арья> А<ндревна>]

Хор ь ко в. Я холодный человек.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Так неужели же вы можете полюбить кого-нибудь! Полноте. *(Смеется.)*

Хор ь ко в. М<арья> А<ндревна>, по крайней мере вы не смейтесь надо мной.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Да что же вы говорите, ведь я вас знаю давно.

Хор ь...<ко в>. Вы меня не знаете, М<арья> А<ндревна>. Позвольте мне сказать вам несколько слов.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Говорите.

Хор ь...<ко в>. Но, быть может, я надоел вам; я не смею вас беспокоить... Пойдемте в комнаты к вашей маменьке... *(Встает.)*

М <а р ь я > А <н д р е е в н а> *(встает)*. Пойдемте.

Хор ь...<ко в> *(останавливается)*. Нет, М<арья> А<ндревна>, позвольте... Я решился... Позвольте мне сказать несколько слов вам.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Сядемте.

Хор ь...<ко в>. Выслушайте меня, ради Бога.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Говорите, я вас слушаю.

Хор ь...<ко в>. Покорно вас благодарю. Если вам не понравится мой разговор, я заранее прошу у вас извинения. Но я должен был высказаться. Я так убежден в пользе моих слов для вас, что у меня останется на совести, если я буду молчать.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Что же вы хотите от меня, М<ихайло> Ив<аныч>?

Хор ь...<ко в>. Бросьте мечты, я вас умоляю, поглядите на жизнь серьезно. — Вы можете составить счастье человека, истинное счастье. Я вас

люблю, М<арья> А<ндревна> (*берет ее за руку*), люблю давно. Любовь моя не юношеская страсть, не минутное увлечение. Холостая жизнь мне опротивела. Я чувствую, что день за день я трачу все лучшие свои силы — теряю энергию. Кончится тем, что я обленюсь совсем и не буду ни на что способен.

М<арья> А<ндревна>. Старайтесь хоть как-нибудь выйти из этого положения, займитесь чем-нибудь.

Хорь...<ков>. Для чего? Для кого? Я для себя ни на что не решусь, я начинаю успокаиваться в этой грязной жизни; это-то спокойствие меня и пугает. — А я был бы хорошим мужем, я сделаю все для любимой женщины. — М<арья> А<ндревна>, я вас очень люблю. Я буду очень хорошим мужем... М<арья> А<ндревна>, сделайте доброе дело. Это важное дело, это важное дело.

М<арья> А<ндревна>. Михайло Ив<аныч>, мало ли девушек, кроме меня; вы можете полюбить, жениться... за вас многие пойдут с радостью.

Хорь...<ков>. Отчего же не вы, М<арья> А<ндревна>? Где я найду другую девушку? — Хорошо, что случай меня свел с вами, я вас узнал, полюбил вас... Кого же мне, кроме вас, полюбить! Я не вижу никого, не знаю никого. Да поверьте же вы, наконец, и тому, что я вас столько люблю, что не могу полюбить никого, кроме вас.

М<арья> А<ндревна>. Но я не свободна, М<ихайло> И<ваныч>, я люблю другого.

Хорь...<ков>. Нет, М<арья> А<ндревна>, не обманывайте меня; просто я вам не нравлюсь. Вы еще никого не любите; вы только готовы полюбить. Посмотрите, что из этого может выйти: вы можете ошибиться в человеке, которого полюбите, что большею частью и бывает; а я могу втянуться совсем в мою грязную жизнь! Теперь еще есть время, я смотрю с отвращением на свою жизнь и на свои привычки... Ведь страшно сказать, М<арья> А<ндревна>, от скуки да от лени... все может произойти... я запивать начинаю... мало-помалу привыкнешь... и тогда кончено.

М<арья> А<ндревна>. Мих<айло> Ив<аныч>, мне вас жаль, но я, право, не могу.

Хорь...<ков>. Извините меня, М<арья> А<ндревна>. Я знал заранее, что мое признание будет очень неловко и ни к чему не поведет. Извините меня за мою глупую откровенность.

М<арья> А<ндревна>. Напротив, я вас благодарю за нее. Но мне пора к маменьке. Прощайте, М<ихайло> И<ваныч>. (*Уходит. М<ихайло> Ив<аныч> сидит на скамейке, задумавшись.*)

ЯВЛЕНИЕ III¹

Милашин и Зорич.

[З] Мор<и ч>. [Да, М<арья> А<ндревна> женщина достойная. Я видал, Ив<ан> Ив<аныч>, женщин и знаю их, вы мне поверьте] Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегаёт взад и вперед с крахмальными юбками.

М и л а ш <и н>. Гостей ждут.

З о р <и ч>. Каких же это гостей?

М и л а ш <и н>. Жених приедет, М<арья> А<ндревна> выходит замуж.

З о р <и ч>. Я и не знал. Надобно ее поздравить. Что ж она, по любви выходит?

М и л а ш <и н>. Не знаю. Она, кажется, и не видала еще своего жениха. Вот нынче увидит, может быть, понравится, тогда по любви выйдет.

З о р <и ч>. А ежели не понравится?

М и л а ш <и н>. Да отчего ж не понравится? Говорят, очень хороший человек. Впрочем, М<арья> А<ндревна> не в таких обстоятельствах, чтобы быть разборчивой. Да ведь уж и года. Чего ж ждать-то?

З о р <и ч>. Что же вы не женитесь на М<арье> А<ндревне>?

М и л а ш <и н>. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.

З о р <и ч>. А любовь? С милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

М и л а ш <и н>. Может быть.

З о р <и ч>. [М<арья> А<ндревна> прекрасная девушка, только] Кажется, М<арья> А<ндревна> очень холодна.

М и л а ш <и н>. Почему вы так думаете?

З о р <и ч>. Сколько мне кажется, она никого не любила; а теперь выходит по расчету замуж.

М и л а ш <и н>. Это она знает, любила ли она или нет, а посторонним как знать.

З о р <и ч>. Однако это жалко, что [М<арья> А<ндревна>...] она выходит замуж, она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. — Вам не жаль?

М и л а ш <и н>. Что ж делать.

[З о р <и ч>. Может быть, она еще не обдумала того, что делает.

М и л а ш <и н>. Нет, совершенно обдумала и решилась выйти за первого порядочного человека, который посватается. Она мне об этом говорила.

¹ Текст вычеркнут; частично соответствует 5-му явлению II действия окончательной редакции текста.

З о р <и ч>. Это жалко, жалко]¹ Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы ее не знали?

Те же и М<арья> А<ндреевна> (входит).

М<арья> А<ндреевна>. Здравствуйте, господа! Что вы здесь делаете?² [Маменька занимается хозяйством]

М и л а ш <и н> и З о р <и ч>. Здравствуйте, М<арья> А<ндреевна>.

<М а р ь я А н д р е е в н а>. Здравствуйте, господа. Как это, В<ладимир> В<асильич>, к нам, какими судьбами? Я вас никак не ожидала, я думала, что вам скучно у нас.

З о р <и ч>. Помилуйте, напротив. Я был недалеко и считал за преступление к вам не зайти.

М<арья> А<ндреевна>. Вот Ив<ан> Ив<аныч> так наш неизменный друг. Он нас никогда не забывает. Мы ему многим обязаны (*протягивает ему руку*).

М и л а ш <и н> (*целует*). Я, М<арья> А<ндреевна>, не изменю.

М<арья> А<ндреевна>. Верю, верю (*смотрит нежно*).

З о р <и ч>. Мне остается только завидовать прекрасным качествам Ив<ана> Ив<аныча> и вашему к нему расположению, конечно.

М<арья> А<ндреевна>. Чему же завидовать! Мы старинные друзья с Ив<аном> Ив<анычем>, с молодости еще игравали вместе. Он имеет много права на мою дружбу]

---

¹ Далее на л. 21 со знаком вставки к л. 20 об.: [Недавно тоже вышла замуж одна барышня]

² Эту фразу Н. П. Кашин прочитал иначе: «Что вы задумались?» (Кашин. С. 97).

*Первоначальный текст 1-го явления II действия
первой черновой редакции (РГБ)*

ДЕЙСТВИЕ II

Сцена представляет небольшой сад, довольно тенистый.

ЯВЛЕНИЕ I

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Вы меня звали в сад.

Хор ь к<о в>. Извините меня, М<арья> А<ндревна>. Я сам не знаю, что делаю... Пойдем, пожалуй, в комнаты.

[Хор ь к<о в>. Извините меня, М<арья> А<ндревна>. Я сам не знаю, что делаю. Какого труда мне стоило решиться заговорить с вами] (*возвращаются*). Нет, М<арья> А<ндревна>, я решился, наконец... Позвольте мне несколько минут с вами поговорить... От этого разговора зависит судьба моя.

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Сядемте здесь (*сажаются*).¹

М<арья> А<ндревна> и Хор ь к<о в> (сидят на лавочке).

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Мне вас жаль, М<ихайло> Ив<аныч>, но сами согласитесь, что же мне делать?

Хор ь к<о в>. Вам меня жаль! Покорно вас благодарю. Да, я жалок, М<арья> А<ндревна>. Я могу ведь совсем погибнуть. М<арья> А<ндревна>, я застенчив, я робок; мне бы хотелось высказаться кому-нибудь... Конечно, вам до меня нет дела, но мне кажется, что у вас сердце доброе, очень доброе. Позвольте мне сказать вам несколько слов... Я нынче чувствую какую-то смелость; другой подобной минуты, может быть, не случится никогда.

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Говорите, я вас слушаю.

Хор ь к<о в>. Вы меня слушаете! Боже мой! Как я счастлив! М<арья> А<ндревна>. Я получил хорошее образование, у меня прекрасные способности; я могу и служить, и заниматься наукой. — Но у меня нет цели в жизни, нет энергии. Я ленив... Я служу, я работаю за двоих; но у меня нет честолюбия, и я никогда не выслужусь. Я читаю, постоянно образовываю себя; но я ничего не делаю, оттого, что у меня нет самолюбия. У меня нет знакомства порядочного, и не будет, потому что я очень необщителен. Я хожу на службу, лежу дома на диване, курю трубку — и только. У меня довольно средств, чтобы жить одному — жить так, как я живу. — По рождению я принадлежу к низшему сословию, и у меня нет сил, нет желания вырваться из этого круга. М<арья> А<ндревна>, я могу совсем погрязнуть в этой жизни.

¹ Текст: Вы меня звали в сад ~ сядемте здесь (сажаются). — вписан на полях л. 22 со знаком вставки.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Старайтесь как-нибудь выбиться.

Х о р ь к <о в>. Для чего? Для кого? Мне хорошо, мне покойно. Это-то меня и пугает. Я ведь знаю, что есть сферы, где бы я мог быть на своем месте; да у меня нет сил. — Для себя я ни на что не решусь. Единственное спасение мне жениться. Для жены я бы стал работать, трудиться, я бы ожил. — Я бы переделал себя¹

Вторая черновая редакция 1—3 явлений II действия (ИРЛИ)

ДЕЙСТВИЕ 2-е

Сцена представляет небольшой тенистый сад: направо от зрителей скамейка, зади которой большой куст. Х о р ь к о в сидит на скамейке, повеся голову.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Х о р ь к о в (один). Какой я жалкий человек! Я решительно ничего для себя не хочу сделать. Посмотришь на товарищей, тот служит, тот пишет; а меня не только делом заняться, и бриться-то заставлять надобно. Вот хоть бы теперь: я люблю эту девушку, очень люблю; мало того, я знаю, что со мной она будет счастлива; я знаю, что только она одна может спасти меня от этой моей неразлучной лени, от убийственного бездействия. И что ж! У меня не хватает воли сказать ей, что я ее люблю. Робость ли это, лень ли, уж я не знаю. (Молчание.) Посмотришь, другой мальчик еще, только усы пробиваются, а уж объясняется в любви смело, с сознанием своего достоинства. Положим, что сначала она и отказала бы мне в взаимности; но я мог бы добиться взаимности, потому что со мной здесь некому соперничать. Стоит только Марье Андревне узнать меня покороче, так она, конечно, отдаст мне предпочтение перед всеми ее обожателями, — да только этого никогда не будет. Я уж четыре года знаком с ней; а сделал ли я что-нибудь для себя, успела ли она, хоть сколько-нибудь, заметить мои достоинства. Она меня знает только с двух сторон: что я молчалив, да еще, что плохо одеваюсь; а и этим не надо пренебрегать, и это для женщины много значит. Пока я сберусь ей высказаться, она влюбится в кого-нибудь или выйдет замуж. — Однако нужно же мне переломить себя; вероятно, признание мое выйдет неловко, может быть, смешно; но ведь обладать этой женщиной для меня, не только счастье, но и спасение. Боже мой! Как бы я любил ее, с какою бы я любовью стал развивать ее, еще ребяческую душу. (Задумывается.) Да, мечтать вот я мастер; а делать, так все как-нибудь, да когда-нибудь... Эх, скверно. (Задумывается.)

¹ Текст: Явление I ~ Я бы переделал себя — вычеркнут.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Хорьков и М<арья> Анд<реевна> (входит).

Мар<ья> Анд<реевна>. Вы здесь, М<ихайло> Ив<аныч>. Что вы тут одни делаете?

Хорьк<ов>. Мечтаю, по обыкновению.

Мар<ья> Анд<реевна>. А я так просто нынче целый день плачу.

Хорьк<ов>. Об чем же это вы плачете?

Мар<ья> Анд<реевна>. Да маменька все с женихами пристаёт. Какой-то купец старик, да нынче еще чиновник приедет. Как вам это понравится?

Хорьк<ов>. Вы меня извините, М<арья> А<ндревна>, я немножко иначе это понимаю. Приходит время, когда начинаешь серьезно думать о жизни.

Мар<ья> Анд<реевна>. Вы уж не жениться ли хотите? Послушайте, только не сватайтесь за меня, лучше и не трудитесь, я и думать о замужестве не хочу.

Хорьк<ов>. Этот вопрос важнее, нежели вы думаете; вы напрасно так легко рассуждаете о нем.

Мар<ья> Анд<реевна>. Я и рассуждать совсем не хочу. Я хочу любить, М<ихайло> Ив<аныч>!

Хорьк<ов>. М<арья> А<ндревна>, да любить-то некого. Вы еще мало знаете людей; порядочного человека вы нес скоро разберете, часто он бывает покрыт корой, которая скрывает его достоинства. Вам нравится идеализировать; а идеальность большею частию или фальшь, или пустота водеvilльных героев. — Хорошо, если ваша любовь будет баловство, шалость, как это обыкновенно бывает; а иногда она дурно оканчивается для девушки, бывает причиной страданий. Не дай вам Бог испытать этого.

Мар<ья> Анд<реевна>. Вы так говорите потому, что вы холодный человек.

Хорьк<ов>. Я холодный человек?

Мар<ья> Анд<реевна>. Так неужели же вы можете полюбить кого-нибудь! Полноте. *(Смеется.)*

Хорьк<ов>. Марья Андревна, по крайней мере вы не смейтесь надо мной.

Мар<ья> Анд<реевна>. Да что же вы говорите, ведь я вас знаю давно.

Хорьк<ов>. Вы меня не знаете, М<арья> А<ндревна>. Позвольте мне сказать вам несколько слов.

Мар<ья> Анд<реевна>. Говорите.

Хорьков. Но, быть может, я надоел вам; я не смею вас беспокоить. Пойдемте в комнаты к вашей маменьке. *(Встает.)*

Мар <ъ я> Андр <е е в н а> (встает). Пойдемте.

Хор ь к <о в> (останавливается). Нет, М<арья> А<ндревна>, позвольте... Я решился... Позвольте мне сказать несколько слов вам.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. Сядемте.

Хор ь к <о в>. Выслушайте меня, ради Бога.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. Говорите, я вас слушаю.

Хор ь к <о в>. Покорно вас благодарю. Если вам не понравится мой разговор, я заранее прошу у вас извинения. Но я должен был высказаться. Я так убежден в пользе моих слов для вас, что у меня останется на совести, если я буду молчать.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. Что же вы хотите от меня, М<ихайло> Ив<аныч>?

Хор ь к <о в>. Бросьте мечты, я вас умоляю, поглядите на жизнь серьезно. Вы можете составить счастье человека, истинное счастье. Я вас люблю, М<арья> А<ндревна> (берет ее за руку), люблю давно. Любовь моя не юношеская страсть, не минутное увлечение. Холостая жизнь мне опротивела. Я чувствую, что день за день я трачу все лучшие свои силы — теряю энергию. Кончится тем, что я обленюсь совсем и не буду ни на что способен.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. Старайтесь хоть как-нибудь выйти из этого положения, займитесь чем-нибудь.

Хор ь к <о в>. Для чего? Для кого? Я для себя ни на что не решусь, я начинаю успокаиваться в этой грязной жизни; это-то спокойствие меня и пугает. А я был бы хорошим мужем, я сделаю все для любимой женщины. М<арья> А<ндревна>, я вас очень люблю. Я буду очень хорошим мужем... М<арья> А<ндревна>, сделайте доброе дело. Это важное дело, это великое дело.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. М<ихайло> Ив<аныч>! Мало ли девушек, кроме меня; вы можете полюбить, жениться... за вас многие пойдут с радостью.

Хор ь к <о в>. Отчего же не вы, М<арья> А<ндревна>? Где я найду другую девушку? Хорошо, что случай меня свел с вами, я вас узнал, полюбил вас... Кого же мне, кроме вас, полюбить! Я не вижу никого, не знаю никого. Да поверьте же вы, наконец, и тому, что я вас столько люблю, что не могу полюбить никого, кроме вас.

Мар <ъ я> Андр <е е в н а>. Но я не свободна, М<ихайло> Ив<аныч>, я люблю другого.

Хор ь к <о в>. Нет, М<арья> А<ндревна>, не обманывайте меня; просто я вам не нравлюсь. — Вы еще никого не любите. Вы только готовы полюбить. Посмотрите, что из этого может выйти; вы можете ошибиться в человеке, которого полюбите, что большею частью и бывает; а я могу

втянуться совсем в мою грязную жизнь. Теперь еще есть время, я смотрю с отвращением на свою жизнь и на свои привычки. Ведь страшно сказать, М<арья> А<ндревна>, от скуки да от лени все может произойти... я запивать начинаю... мало-помалу привыкнешь... и тогда кончено.

М а р <ь я > А н д р <е е в н а>. М<ихайло> Ив<аныч>, мне вас жаль, но я, право, не могу.

Х о р ь к <о в>. Извините меня, М<арья> А<ндревна>. Я знал заранее, что мое признание будет очень неловко и ни к чему не приведет. Извините меня за мою глупую откровенность.

М а р <ь я > А н д р <е е в н а>. Напротив, я вас благодарю за нее. Но мне пора к маменьке. Прощайте, М<ихайло> Ив<аныч>. (*Уходит. Михайло Иванов сидит на скамейке, задумавшись.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е¹

Милашин и Мерич.

М е р и ч. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегаёт взад и вперед с крахмальными юбками.

М и л а ш и н. Гостей ждут.

М е р и ч. Каких же это гостей?

М и л а ш и н. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андревне.

[М е р и ч. Я и не знал, надобно ее поздравить. Что же, она по любви выходит?]

М и л а ш и н. Не знаю, она, кажется, и не видала своего жениха. Вот нынче увидит, может быть, понравится. Тогда по любви выйдет.

М е р и ч. А если не понравится?

М и л а ш и н. Да отчего не понравится. Говорят, очень хороший человек. Впрочем, Марья Андревна не в таких обстоятельствах, чтобы быть разборчивой. Да ведь уж и года. Чего же ждать-то?]

М е р и ч. Что же вы не женитесь на М<арье> А<ндревне>?

М и л а ш <и н>. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.

М е р и ч. А любовь? С милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

М и л а ш <и н>. Может быть².

¹ Соответствует 5-му явлению окончательной редакции текста.

² Далее соответствует тексту 5-го явления окончательной редакции текста.

Черновая редакция монолога Хорькова (1-е явление II действия)
(ИРЛИ)

Хорьков *[(садится на скамейку)]*. Ушел, струсил... Какой я жалкий человек. [Я думал, лучше объясниться с ней на письме, на словах я никогда не решусь] Боже мой, как я люблю эту девушку. Как я люблю ее, я решительно не могу жить без нее¹. Мало того, я знаю, что со мной она будет счастлива; и у меня не хватает воли сказать ей, что я люблю ее! [Между тем] А ведь² мой долг вырвать ее из этого круга, беречь ее от дурных влияний. Кроме меня подле нее нет никого... Да и для себя-то я должен же наконец что-нибудь сделать! В ней же мое и счастье, и единственное спасение. Мне страшно посмотреть на себя! Что я делаю? Трачу лучшие силы, теряю энергию в праздности, в грешной жизни. И ни цели впереди³, ни стремлений выйти из этого круга. Только изредка мечтаю о труде, о возможности успехов в обществе, об улучшении своего быта, и только мечтаю, и ни шагу для исполнения. Для нее одной я бы все сделал, я бы был порядочным человеком. Неужели же для меня нет выхода! Неужели в самом деле нет *(берет себя за голову)*. Это нехорошо...

Черновой набросок 4-го явления III действия (ИРЛИ)

[Мар <ъ я> Андреевна] *(одна, потом Дарья)* Всем кругом меня весело! Все чему-то радуются! Хоть бы кто-нибудь подумал. А впрочем, есть своего рода увлечение в исполнении долга. Мне даже как-то приятно думать, как я буду преобразовывать этого человека. Неужели мои мечты не осуществляются. Это страшно]

<Марья Андреевна>. Всем вокруг меня весело. Сколько [народу] народа. Толпятся смотреть. Видит ли кто-нибудь из них, что делается в моей душе? Им до [этого] меня дела нет, им весело. — Как тяжело это одиночество среди многолюдной толпы.⁴

Те же и Дарья.

Дарья *(входит и выгоняет со сцены зрителей, которые проходят в заднюю дверь)*.

¹ Фраза вписана на полях л. 21. со знаком вставки.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Текст вписан на полях л. 77.

С. 153

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

Комедия в пяти действиях /

Бедная невеста¹

Повесть любви порочной женщины. (Свистуны, матушка, деньги по...<нрзб.>) Женщ<ина>, кот<орая> хочет жить по душе, окружена раз<ными> эгоизмами².

С. 157

^{3—6} *Фразы:* Дело ваше, по случаю ~ оным делом руководствовать. — *нет.*

^{19—25} Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу. ~ (*Шьёт в пальцах.*) / Что ж, Машенька, поискать не мешает, мой друг; может, тебе и понравится. Пойду я посмотрю там, а то Дарья такая бестолковая /

1) М а ш е н ь к а (*одна*). Маменька говорит, что я хороша, я и сама знаю, что я хороша; да что же мне теперь в этом толку, хорошо тогда с красотой, когда много поклонников, когда из толпы сердце выберет человека, и знаешь, что можешь осчастливить его своей любовью. Осчастливить... Когда сама гораздо счастливее того, кого осчастливишь.

2) Явление III

<М а р ь я А н д р е е в н а (*одна*)>. Маменька говорит, что я хороша. Ох, я и сама знаю, что я хороша, да что мне в этом толку. Красота нужна для женщины, когда любишь кого-нибудь. О, я понимаю, тогда красота действительное счастье. Женщине не нужно награды за ее любовь; для нее любить уж счастье; а мужчине за его любовь нужна, пожалуй, награда. — Напрасно их называют за это эгоистами. Нет, это совсем не тяжело для женщины, это так отрадно, это так по-женски.³ Полюбить человека, видеть, что в тебе все его блаженство, все его счастье, знать, что можешь осчастливить своей красотой. Все это так приятно для женщины, что едва ли для нее в этом не больше счастья, чем для мужчины.⁴ Вот по моему мнению истинное употребление красоты, всякое другое недостойно. Да уж бывают ли такие случаи, мне что-то не верится;

¹ На л. 1 прочитываются цифры, расположенные напротив записанных в столбик дней недели. По мнению Н. П. Кашина, они могут обозначать номера «тех сцен, которые были написаны или должны быть написаны в эти дни» (Кашин. С. 49).

² Заметки на полях.

³ Текст: Женщине не нужно награды ~ это так по-женски. — вписан на полях л. 6 об. со знаком вставки.

⁴ Фраза вписана на полях л. 6 об. со знаком вставки.

хоть помечтаешь, и того довольно. Но что красота! Без нее было бы легче. Особенно в моем положении. Мне даже неприятно, когда меня называют хорошенькой. Зачем, для кого мне быть хорошенькой. [Почти до 20 лет я не видала ни одного мужчины, который бы хоть сколько-нибудь остановил мое внимание; теперь мне надо бы выйти замуж за человека вероятно делового, которому нужна хозяйка. Мне всегда неприятно, когда меня называют хорошенькой.] Красота [меня тяготит] тяжела мне, как незаплаченный долг.

²⁶ *Ремарки: Дарья входит. — нет.*

С. 158

¹⁸ *После:* лучше муж будет любить. — М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа? Вот в чем вопрос! Мало ли я видала женихов — все препротивные; для них не стоит и быть хорошенькой.¹

²⁵ *После:* Явление пятое — / 1) М <а р ь я> А <н д р е е в н а> (одна). Сколько я не знаю молодых людей, Мерич решительно лучше всех. Милашин просто противен, Михайло Иванович серьезен очень. — Мерич хорош, только какой-то странный. — Мне одно время казалось, что я его люблю; только он мало обращал на меня внимания. Он должно быть разочарован (*смотрит в окно*).

2) М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. [А впрочем, есть своего рода увлечение в исполнении долга. Теперь мне еще пока легко. Стоит только забыть о том, что прожила двадцать лет даром, что я хороша, что я могу любить, и кончено дело... Я еще пока свободна. В самом деле, мне до сих пор никто не нравился, разве Зорич и то так немножко. Он не дурен собой, кажется с добрым сердцем... А впрочем, я так мало его знаю. Он что-то очень давно у нас не был. — Мне одно время казалось, что я его люблю; даже я ему и теперь была бы рада. — Он как-то мало всегда обращал на меня внимания. Видно, что он человек светский, который перенес много разочарований. Они всегда так и жалуются, что женщины неприступны и не позволяют к себе подойти близко², а если полюбишь, так говорят, что они столько испытали, столько перечувствовали, что любить не могут] (*Смотр<ит> в окно.*) Вот легок на помине. Это кажется он! Он, он. Вот прекрасно. — Идет такой печальный, задумавшись. — Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. Он должно быть к нам идет (*подходит к зеркалу*). Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться, он, пожалуй, заметит³ (*берет работу*). А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтобы он заметил,

¹ Реплика вписана со знаком вставки на л. 38.

² Далее: [или]

³ Слова: он, пожалуй, заметит — вписаны над строкой.

что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру. [*Смотр<ит> в окно. Влад<имир> Васил<ьич>, о чем вы задумались?*]¹

3) ◇

С. 166

³⁰ После: Милашин (*один у окна*). Что это! — / 1) [Она с Меричем]; 2) ◇

С. 168

^{14—15} Милашин (*после непродолжительного молчания*). Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите? /

М и л а ш <и н >. Впрочем, мне, М<арья> А<ндревна>, любопытство простительно, я думал, что вы, зная мое расположение к вам и привязанность, от меня ничего не станете скрывать. Да и что ж такое у вас могло быть с Зор<ичем>, чтобы вы уж мне-то не сказали.

М <а р ь я > А н д р <е е в н а >. Вы уж очень много берете на себя. С чего вы взяли, что я должна быть с вами откровенна.

М и л а ш <и н >. Да в самом деле, что я для вас такое? Сколько времени я все силы употребляю, чтобы заслужить хоть сколько-нибудь вашу благосклонность... [Бьюсь, бьюсь, все ничего... Скажите,] за что вы меня не любите?

^{18—19} не бываю в обществе, не говорю по-французски / не бываю в высшем обществе, не говорю по-французски

С. 168—169

^{26—9} Мальчишка! Нигде не учился ~ *Входят Анна Петровна с Добротворским.* / Только я подлых происков не употребляю. [Я образованный человек, я был в университете]

М <а р ь я > А <н д р е е в н а >. Что же вам хочется, я все не понимаю.

М и л а ш <и н >. Да, это очень трудно понять! Человека унижают, не считают ни за что [судят только по наружности, не хотят обратить внимания на душевные качества]. Для них главное дело — наружность! Вот что обидно, М<арья> А<ндревна>. Вы не думайте, что я завидую таким людям как [З] Морич, завидовал их успехам; они не стоят этого. Я слишком горд, чтобы им завидовать, много будет чести для них. Хорош[о]и [общество] люди, котор[ое]ые восхищаются такими господами².

М <а р ь я > А <н д р е е в н а >. Я с вами согласна. Значит, и говорить не об чем.

М и л а ш <и н >. Конечно, М<арья> [А<ндревна>], но вы [мне кажется, не совсем равнодушны к Зоричу] Зачем вы принимаете Зорича?³

¹ Далее на л. 52, заметка: см. № 4-й.

² Слово вписано над строкой.

³ Фраза вписана над строкой.

М<арья> А<ндреевна>. Вот это мило, да отчего мне его не принимать. [Да притом он у нас так редко бывает] Напротив, мы ему очень благодарны. Мы сами никуда не ездим. [Скука страшная] Умрешь от скуки.

[Милаш<ин>. Да помилуйте, он пустой человек.]

Милаш<ин>. По крайней мере, будьте с ним похолодней.

М<арья> А<ндреевна>. Зачем?

Милаш<ин>. Он [так] увидит, что нечего взять и¹ перестанет ездить.

М<арья> А<ндреевна>. Что он вам мешает?

Милаш<ин>. Да помилуйте, самый пустой человек. (*Молчание.*)

М<арья> А<ндреевна>. Послушайте, И<ван> И<ваныч>, вы влюблены в меня? (*Милаш<ин> в смущении.*) Бедный, мне вас жаль! [Но что же делать] (*С едва заметной улыбкой.*) Извините вы меня.²

Милаш<ин>. Пожалуйста, не жалеите! [Что ж делать, насильно мил не будешь]³ Но я имею довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

М<арья> А<ндреевна>. И слава Богу.

Милаш<ин>. Осчастливьте [того, кто]⁴ достойнее меня. Есть много очень хороших молодых людей, которые умеют одеваться к лицу, говорить комплименты. (*Принужденно смеется.*)⁵

М<арья> А<ндреевна>. Это скучно наконец!

Милаш<ин>. Вам скучно, да. А каково мне?

М<арья> А<ндреевна>. Да мне-то что ж за дело: все-таки вы должны быть учтивее по крайней мере. (*Отворачивается. Молчание.*)⁶

Милаш<ин>. М<арья> А<ндреевна>! Вы на меня сердитесь?

М<арья> А<ндреевна>. Да как же на вас не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милаш<ин>. Ну простите меня, ради Бога, простите. Дайте ручку (*берет за руку, целует и держит в руках*). М<арья> А<ндреевна>, будемте друзьями.

М<арья> А<ндреевна>. Извольте, только с уговором, чтобы вперед вы меня не мучили своей ревностью⁷.

¹ Эта часть реплики вписана над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

³ Вариант вписан над строкой.

⁴ Вариант вписан над строкой.

⁵ Ремарка вписана над строкой.

⁶ Текст: Вам скучно, да ~ (*Отворачивается. Молчание.*) — вписан на полях л. 5 об. со знаком вставки.

⁷ Слово вписано над строкой.

М и л а ш <и н>. Не буду, М<арья> А<ндревна>, не буду! Вы простите меня, я иногда очень глуп бываю. Ах, М<арья> А<ндревна>, кабы вы знали.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Что?

М и л а ш <и н>. Как мне скучно.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Что ж это с вами.

М и л а ш <и н>. Тоска, ужасная тоска... (Молч<ание>.)

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Хотите, я сыграю вам что-нибудь на фортепианах.

М и л а ш <и н>. Ах, М<арья> А<ндревна>, не нужно. Если вы это для меня хотите¹, так не беспокойтесь². Я не стою. Ей-Богу, не стою. Что вы так³ смотрите на меня. [Я, М<арья> А<ндревна>] Нет, поверьте мне, я чувствую, что я не стою.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Я буду играть для себя.

М и л а ш <и н>. А если для себя, так играйте, ради Бога, играйте. Я очень рад⁴. (Судорож<но> под<вигает? > стул.)⁵

Входит Д а р ь я с самоваром.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Да [кажется] играть-то некогда, вон, кажется, чай несут.

Д а р ь я. Матушка, барышня, [Иван Д<митрич>] Платон Маркыч пришел.

М и л а ш <и н>. Очень кстати.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Отчего же не кстати?

М и л а ш <и н> (сладо<им> голосом). Я надеялся провести этот вечер с вами, в приятных разговорах наедине.

Т е ж е и А<нна> П<етровна> с Д о б р о т в о р о в ы м>.

С. 171

^{12—16} Послушай-ка, Машенька ~ а уж делец какой — беда! /

Послушай-ко, Машенька, [Ив<ан> Дм<итрич>] Пл<атон> Марк<ыч>-то какой проказник. Давеча писал, что женихов нет, а сам посмотри-ко какого нашел.

[Д о б р о т в о р о в>. Это я пошутил, М<арья> А<ндревна>, хотел вам сюрприз сделать.]

А <н н а> П <е т р о в н а>. [Ив<ан> Дм<итрич>] говорит, что очень хороший молодой человек.

Д о б р о т в о р о в>. Прекрасный, барышня, человек; и красивый такой из себя, румяный.

¹ Фраза вписана над строкой.

² Далее: [для меня]

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Далее: [право]

⁵ Рemarka вписана над строкой.

^{12—25} Добротворский. Так мы завтра ~ Хорошо-с. Уходят. /

А <нна> П<етровна>. Этот мой знакомый купец, как его, ах Господи! Вот памяти-то нет, Машенька знает фамилию-то. Как же это я так забыла. — Ну, после вспомню. Говорил мне вчера, что Белугин Пуд Савич.

Добр<отвор>. Солона еще, матушка, теперь привозу нет.

А <нна> П<етровна> (*громко*). Пуд Савич Белугин, купец.

Добр<отвор>. Ну знаю, знаю; как же не знать. Еще и живет-то далеко от меня.

А <нна> П<етровна>. Дети у него непокорные, так он лишил их наследства, а теперь жениться хочет. Мне, говорит, нужно бедную невесту, только хорошего поведения.

Добр<отвор>. Скажите, пожалуйста, это хорошо.

А <нна> П<етровна>. Так вот хотел заехать познакомиться.

Добр<отворский>. Так вот и чего ж лучше — он ведь, матушка, очень богат, одних лавок что. Давай Бог (*встает*). Так мы завтра приедем, А<нна> П<етровна>, а там посмотр<им> их; понравится, чем больше женихов, тем лучше.

А <нна> П<етровна>. Милости просим.

Добр<отвор>. Прощайте. (*Уходит.*)

С. 177

³³ После: от барышень получает — Отец его очень строгий и умный человек, он никуда не пускает, так он в утешение себе пишет дневник и потом читает барышням. В этом дневнике такие вещи, что во французских романах нет — и, конечно, все это выдуманное.

С. 178

^{18—23} А впрочем, что нам за дело ~ Пожалуй, возьмите. / А надобно вот что сделать; мне случайно попала тетрадка из дневника Мерича, передайте её М<арья> А<ндревне> С такими людьми все средства позволены.

³¹ После: Он человек совершенно без правил — бессовестный и проповедует девушкам безнравственные начала.

С. 179—180

^{7—28} Марья Андреевна и Мерич ~ Мерич. Все клятвы, какие я знаю... /

Марья Андреевна и Зорич

Мор<и ч> [(*входит*)]. Прощайте, М<арья> А<ндревна>.

М<арья> А н д <реевна>. Куда же вы, посидимте здесь немножко¹, мне будет скучно одной. [Ах, Вл<адимир> В<асилич>! Как мне скучно, вы не поверите]

¹ Слово вписано над строкой.

Мор<и ч> (*садятся*). Я слышал от Милашина, [вы]что вы¹, М<арья> А<ндревна>, выходите замуж.

М<арья> А<ндревна>. Да, Влад<имир> Вас<ильич>, маменька нашла какого-то жениха.

Мор<и ч>. [Что же] Ну я, с своей стороны, не вижу никакой необходимости, разве² вас кто-нибудь³ заставляет?

М<арья> А<ндревна>. Много причин, [Влад<имир> Вас<ильич>] вы не знаете наших обстоятельств.

Мор<и ч>. Но, Боже мой, неужели это так необходимо?

М<арья> А<ндревна>. Необходимо, Вл<адимир> В<асильич>, необходимо. Что ж делать.

Мор<и ч>. Это ужасно. Пожертвовать собой! Что вы делаете, М<арья> А<ндревна> [Что вы делаете?] Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку. Да и что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни.⁴

[М<арья> А<ндревна>. / 1) Да что же делать-то? 2) Я должна это сделать для маменьки.

Мор<и ч>. Вы плачете, М<арья> А<ндревна>! Перестаньте! Боже мой! что они с вами делают! Этого не должно быть! Этого не будет! Нет, это выше сил (*берет ее за руку*). Успокойтесь, М<арья> А<ндревна>.

М<арья> А<ндревна>. Нет, это я так — / 1) ничего; 2) Я не знаю, что со мной случилось. Я спокойна; 3) Я уж решилась на это.

Зор<и ч>. Вы решились? М<арья> А<ндревна>, вы себя обманываете.

М<арья> А<ндревна>. Нет, не обманываю, я уж обдумала все. — Мне нечего ожидать, нечего жалеть.

Зор<и ч>. Вам нечего ждать, нечего жалеть? Боже мой, что вы говорите!

М<арья> А<ндревна>. Все это правда, В<ладимир> В<асильич>.

Зор<и ч>. Нет, это не правда, это не правда. Вы не должны жертвовать собой! Не должны] Ну, в деле сердца я бы не послушалась маменьки! Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой вы еще ребенок.

¹ Слова: что вы — вписаны над строкой.

² Эта часть реплики над строкой.

³ Слово вписано под строкой.

⁴ Текст: [Что вы делаете ~ такой жизни. — вписан на полях л. 7.

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Да если б это счастье было возможно для меня, а то мне нечего жалеть, нечего ждать. Меня никто не любит, я тоже никого не люблю.

[З о р <и ч>. Вы решились?

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Решилась.]

М о р <и ч>. М<арья> Андревна! / Поговорим об этом деле хладнокровно. Если вы решились,¹ я не хочу поколебать вашей решимости, она делает вам честь; но что если б вам случилось встретить человека, который вас любит, страстно, бесконечно, со всем пылом юношеской страсти.

[М<а р ь я> А<н д р е е в н а>(смотрит ему в глаза). Я вам говорю, что мне было бы жаль его.

З о р <и ч>.] (М<арья> А<ндревна> молча смотрит на него.)² Если бы сами полюбили кого-нибудь [?] теперь или после свадьбы.

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Я не знаю, Вл<адимир> В<асильич>, но едва ли это случится когда-нибудь. [Это было бы несчастье. А у меня горя и без того довольно!]

М о р <и ч>. Теперь, когда уже дело совсем кончено [ваше решение так твердо, вы мне позволите сказать несколько слов откровенно]

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Говорите, прошу вас. (Смотрит ему в глаза.)

М о р <и ч>. Когда вы согласились пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, М<арья> А<ндревна>, любил страстно³, я вас до сих пор люблю, так, как никто вас любить не будет.

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Вы меня не обманываете, Вл<адимир> В<асильич>?

М о р <и ч>. [Могу ли я] О! Нет, нет...

М<а р ь я> А<н д р е е в н а>. Вы меня не обманываете?

М о р <и ч>. [(встает) М<арья> А<ндревна>, я готов всем святым для меня] Все клятвы, какие я знаю...

С. 180

^{36—37} Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам. / Я, кажется, дурно поступила, что призналась вам.

С. 182

^{26—27} Ты говорил~ ведь разборчив / Да стоит ли смотреть-то твою невесту? а! Ты, может быть, так, дрянь какую-нибудь мне сватаешь, не подумавши об этом деле, какую невесту мне нужно. Понапрасну меня от

¹ Слова: Поговорим ~ решились — вписаны над строкой.

² Ремарка вписана со знаком вставки.

³ Слова: любил страстно — вписаны над строкой.

дела отрываешь; я ведь человек деловой. — Смотри, братец. Мне хорошую невесту нужно, я разборчив.

С. 183

¹⁸ *После:* Посмотрим, братец, посмотрим. — (*садится*). Ты, И<ван> Д<митрич>, не видал у меня дрожки новые?

Д о б р < о т в о р с к и й >. Нет, не видал-с.

С. 184

^{18—19} служу-с с восемьсот тридцать восьмого года / служу-с с 848 года, [с 48 по 50 исправлял должность секретаря, а теперь утвержден в этой должности]

С. 186

^{3—11} Б е н е в о л е н с к и й. Я? Нет-с, я не того ищу ~ на медные деньги /

Б е н е в < о л е н с к и й >. [Совсем нет, сударыня. Невеста с большим приданым не пойдет за меня по незначительности моего чина и места, да мне и не нужно, я сам имею состояние.] Я? Нет, нет. Я ничего не ищу. [А] Есть невесты благородного происхождения и образования, но бедные [таких невест в Москве очень много] — и для них-то, я вам не без гордости скажу, такой жених, как я, находка.

А < н н а > П < е т р о в н а >. [Это] Я с вами согласна, М < аксим > Д < о р о ф е и ч >.

Б е н е в < о л е н с к и й >. Разумеется, я красотой не могу похвастаться; [но что такое красота?] образование я тоже получил, сказать вам по простому народному выражению, на медные деньги

С. 187

^{27—28} Играл прежде на гитаре ~ совершенно некогда. / [У меня есть органчик, я обыкновенно, приехавши домой из присутствия, играю на нем — канареек петь учу. — Все-таки развлечение холостому человеку.]

³⁵ *После:* ничего не читаю. — [Да и для чего читать, что приобретешь. Я решительно не вижу никакой пользы. Да и что пишут нынче]

С. 188

^{6—7} Всё глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли? / Все глупости, никогда этого не бывает.

Б е н е в < о л е н с к и й >. Ну нельзя сказать, что никогда не бывает. Нет, я вам скажу, бывает, только уж очень редко. Я знаю, как сочиняют, нас самих прежде учили сочинять. Сочинители пишут не то, что бывает, а то, что может быть, и если бывает, так уж очень редко. (*К М < а р ь е > А < н д р е е в н е >.*) Что, Марлинский еще пишет?

М < а р ь я > А < н д р е е в н а >. Он давно умер.

Б е н е в < о л е н с к и й >. Вот у этого было что-то этакое.

А < н н а > П < е т р о в н а >. Чайку, М < аксим > Д < о р о ф е и ч >, не угодно ли?

С. 191

^{8—9} Не забыть бы чего / Не позабыть бы чего.

^{19—21} особенно из молодёжи ~ Хорошо, маменька, хорошо. / исключая Ми-
лашина, а особенно чтоб не пускала Мерича. Да по мне, Машенька,
так ему бы и совсем отказать, что он шляется то и дело, ты теперь
невеста, за тебя женихи сватаются. Что хорошего. Еще какой-нибудь
разговор пойдет.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Хорошо, маменька, мы об этом по-
говорим после.

^{26—33} Знает ли Владимир ~ будь что будет. / С чего это ей в голову при-
шло не принимать Владимира, ну как она в самом деле эту штуку
сделает; где мы тогда с ним видаться будем. Я этого себе без ужаса
представить не могу. Ох, кажется, не дело я затеяла; у меня что-то
сердце очень не покойно. А быть может, это от ожидания: мне что-то
и страшно и необыкновенно весело. Хорошо ли я сделала, что велела
ему сегодня прийти?.. Мы будем одни... (*Молчание.*) Если б можно
было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша лю-
бовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится — мне теперь
хорошо; только бы женихи не надоедали. Да пускай и женихи сва-
таются — я не пойду ни за кого. — Мне выйти замуж, когда жизнь
улыбается мне. Нет, ни за что, ни за что. Я и думать об этом не хочу.
Я люблю Владимира, люблю, а там будь, что будет.

С. 192

²⁷ После: Я ведь к вам нынче за делом пришёл. — За важным делом.

²⁹ После: Вы меня не слушаете, а это дело касается вас. — (*Громко.*)
Касается вашей репутации.

^{34—35} а я хотел только предостеречь вас / а я желал только предостеречь вас

С. 193

⁵ После: Про Мерича... — Хорош человек, нечего сказать (*принужден-
но смеется*).

⁹ После: Каким прикидывается! — Какие роли разыгрывает.

^{13—28} Иван Иванович, вы меня любите? ~ Милашин целует, потом уходит. /

М и л а ш <и н>. Вы меня извините; а ведь я думал, что вы его
любите.

М <а р ь я> А <н д р е в н а>. Кого? Мерича-то? (*Хохочет.*) Сто-
ит ли он того, чтоб я его любила. Я люблю одного человека; только
я хочу его испытать.

М и л а ш <и н>. Смотрите, М<арья> А<ндревна>, не ошибитесь.

М <а р ь я> А <н д р е в н а> Для того-то я и хочу прежде испы-
тать, чтобы не ошибиться.

М и л а ш <и н>. М<арья> А<ндревна>, вы лучше мне скажите, кого вы любите; а уж я вас не обману, я вам скажу прямо, стоит целовек вашей любви или нет.

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. Вам-то именно я и не скажу.

М и л а ш <и н>. Отчего же, М<арья> А<ндревна>?

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. Есть на это причины.

М и л а ш <и н>. Знаю я этого человека или нет?

М <а р ь я > А <н д р е в н а> (*смеется*). Мне кажется, вы должны его очень хорошо знать.

М и л а ш <и н> (*подумавши*). М<арья> А<ндревна>, я вас люблю, ей-Богу очень люблю. Вы только мне все не верите, а ей-Богу люблю.

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. Кто вам сказал, что я не верю! Я вам верю.

М и л а ш <и н>. Вы мне верите. (*Берет руку, целует, и, не выпуская из рук, смотрит на М<арью> А<ндревну>*) М<арья> А<ндревна>, я для вас готов все на свете сделать, ну заставьте меня, что вам угодно.

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. Да хороши вы, нечего сказать! Вы все для меня готовы сделать! Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

М и л а ш <и н>. Сейчас, сейчас! (*Берет шляпу*). Прощайте! (*Идет, потом возвращается*). М<арья> А<ндревна>! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. Иван Иванович, мы поссоримся!

М и л а ш <и н>. Виноват, виноват! (*Несколько времени стоит*). Позвольте вашу ручку поцеловать на прощание.

М <а р ь я > А <н д р е в н а>. С удовольствием!

М и л а ш <и н> (*целует, потом идет к двери и останавливается*). М<арья> А<ндревна>, я, кажется, догадываюсь, кого вы любите, только не смею надеяться. Скажите: да или нет. Нет, лучше не говорите ничего. Я и слушать не стану. Прощайте. (*Убегает*.)

^{31—32} *После: рассуждать об его поступках... — За него некому заступиться!*
С. 193—194

^{35—3} (*Задумывается*.) Однако что же ~ *Входит Мерич. Она робко подходит к нему. /* Знает ли он, что я так его люблю; мне робость и стыдливость не позволяет ему высказаться; а он столько раз был обманут женщинами, что перестал им верить. — Нет, только он приедет, я дам волю своему сердцу; пусть хоть несколько минут я поживу полной жизнью, как мне хочется (*задумывается*). Однако что же он нейдет?

(Садится у окна и смотрит.) Это, кажется, он! Брошусь ему на шею прямо, ни об чем не думая! (Отходит на середину комнаты.)

Входит Зорич, она робко подходит к нему.

С. 194

⁶⁻⁹ Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир! ~ Мерич целует её. / [Ну слава Богу, наконец-то он ушел.] Как я рада, как я ждала тебя, Владимир [Зор<и>ч]. Меня задержал мой друг.

М<арья> А<ндреевна>. Тебя все задерживают.

Зор<и>ч. Ах, Маша, да неужели ты думаешь, что я не поторопился бы к тебе, если б можно было. Неужели ты думаешь, что я променяю на что-нибудь удовольствие видеть тебя, расцеловать тебя (целует ее несколько раз).

М<арья> А<ндреевна>. Будет, Влад<имир>, будет, погоди, мне так много нужно сказать тебе]

Морич. Мы одни?

М<арья> А<ндреевна>. Одни. (Морич целует ее.)¹

¹¹⁻¹² Мне хочется ~ боюсь забыть. — / 1) Мне [хотелось] пересказать тебе это поскорей, поскорей. [А Милашин мешал]; 2) ◇

¹⁵ После: смейся, пожалуйста / [а мне не до смеха]

¹⁷ После: А ты меня поцелуешь ещё разик? —

М<арья> А<ндреевна>. Хоть десять раз, только [дай же мне рассказать тебе]

³¹ Так и хочется поцеловать. / Так и хочется расцеловать.

С. 194

³¹⁻³⁵ Текст: Я помню другие такие глазки ~ года два тому назад! — вписан на полях.

С. 195

⁵ Перед: Мери, ведь это скучная материя. — [Машенька]

⁷⁻²⁶ Да как же мне быть с этим Беневоленским? ~ Бог с тобой. / [Да как же мне быть-то, Владимир?]

Морич. Стоит об этом думать! [Отказать ему, да и все тут] Тебе что за дело до Беневоленского?

М<арья> А<ндреевна>. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

[Морич. Что маменька! Что мне маменька — ты мне скажи!]

М<арья> А<ндреевна>. 1) [Я ей-Богу, не знаю, как быть. Посоветуй мне, что делать, я совершенно растерялась]; 2) [Плачет.]

¹ Текст: Меня задержал мой друг ~ (Морич целует её.) — вписан на полях л. 8 со знаком вставки.

З о р <и ч>. Вот и слезы. Раненько!]

М о р и ч. Ах, Боже мой, [Машенька] Мери¹, я люблю тебя! Я рад случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? (*Целует опять в плечо.*)

М <а р ь я > А <н д р е е в н а> (*уклоняется от него*). [Значит], тебе и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в мое положение.

³³ *После:* жених какой-нибудь. (*Молчание.*) — Как я еще глуп, я позволил себе еще раз обмануться. Я думал, что вот награда за все мои разочарования, за все мои страдания — и что же? [(М<арья> А<ндреевна> *смотрит на него*). Ах, бедное мое сердце, нет тебе покою.]

^{36—37} Я уж и так измучен жизнью ~ удовольствия. / [Я пришел к тебе за удовольствием чистым; а ты отравила его мелочными расчетами. Я позабыл весь мир, сердце мое было покойно, а теперь в нем <нрзб.> желчь и злоба против людей, против света]² Я думал, что ты прольешь мне каплю бальзама в эту больную душу; что ты помиришь меня с жизнью, ты одна только в состоянии это сделать. А ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

С. 197—198

^{35—2} Боже мой, как я счастлива! ~ (*Сидит задумавшись.*) / Отчего это мне так тяжело и неловко. Мне, кажется, очень совестно будет взглянуть на маменьку. — Или я еще ребенок, или я в самом деле дурно делаю. Уж не бросить ли мне дело! Я совсем растерялась. Как бы я хотела с кем-нибудь посоветоваться. Вот когда я чувствую необходимость в опытном друге.³ Я и люблю Владимира — и боюсь его. Ах, если б Мих<айло> Ив<аныч> пришел, я бы поговорила с ним, он мне, кажется, истинно добра желает.

С. 199

^{15—17} *Слов:* Он говорит ~ ещё можно исправить. — *нет.*

С. 208

^{17—18} *После:* идти за Беневоленского я не могу. — Мое давишнее поведение с Владимиром скверно, я стою за это наказания. Я только теперь это почувствовала. Должно быть, я сделала дурно, если совесть меня упрекает. По крайней мере я не должна была ссориться с маменькой. — Я бы могла еще противоречить ей, если бы я сама была права; а теперь я уж виновата. Но все-таки за Беневоленского идти я не могу, решительно не могу.

¹ Слово вписано над строкой.

² Вариант вписан на полях л. 8 об. со знаком вставки.

³ Фраза вписана на полях л. 54 об. со знаком вставки.

^{30—34} Поговорить ~ Что ж тогда? / объясниться с Владимиром, узнать, какие у него намерения. Если он хочет жениться на мне, тогда скажем маминьке, и не об чем думать. А если нет? Если нет? Что тогда?

С. 211

^{3—5} *Слов:* конечно, только в том случае ~ на чужие хлопоты нельзя — *нет*.

³ *После:* быть ходатаем — [Чин хотя я имею незначительный, но в непродолжительном времени надеюсь дослужиться до титулярного советника]

^{10—11} *После:* чтобы не оставаться в неизвестности — [и в случае с вашей стороны отказа искать другую невесту; ибо я убежден, что мне, при настоящих обстоятельствах, должно жениться непременно.]

С. 212

^{9—10} *После:* Владимир спасет меня... — [Как минуты ожидания покажутся мне годом, вечностью]¹ Ну как она его дома не застанет!

¹³ *После:* Ах, кабы она поскорее воротилась. — Эти минуты ожидания покажутся мне вечностью. Кто-то идет, не он ли?

^{25—26} *Марья Андреевна отворачивается и плачет.* ~ говорю из ревности. /
М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Так вы [так] и говорите, что не знаете. (*Отворачивается.*)

М и л а ш <и н> [*(после непродолжительного молчания)*] Вы меня обманули, М<арья> А<ндревна>, Бог с вами. Вы меня выгнали для того, чтобы остаться с Меричем наедине. Вы из меня дурака сделали. Нет, я так играть с собой не позволю. Я дивлюсь, как это ваша маменька не перестанет принимать [Зо] Мерича. С такими людьми нечего церемониться. Я б на ее месте его близко к дому не пустил.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Продолжайте, продолжайте.

М и л а ш <и н>. Вы думаете, что я это говорю из ревности.

С. 213

³⁶ *После:* Что ж это так долго? — М и л а ш <и н>. М<арья> А<ндревна>, у нас один чиновник получил наследство тысяч 200. Вот дураку счастье, ужасно досадно. Теперь будет нос подымать, нас и знать не захочет. А как, я думаю, подличал, унижался перед дядей-то, чтобы тот ему оставил что-нибудь. Я говорил ему давеча: я думаю, вам низко теперь будет служить с нами. Еще дурак приглашает обедать; пускай другие идут, а я уж слуга покорный; очень приятно смотреть, как он будет важничать, что у него денег много.²

С. 215

^{10—27} Владимир, Владимир! Что ты со мной делаешь! ~ Как ты, Мери, неосторожна! / Владимир! Что ты делаешь со мной! Я жду тебя [целый день!] не дождусь.

¹ *Далее начато:* [Либо]

² *Далее на л. 15 об. текст обрывается.*

М о р <и ч>. Что такое! [Ты вся в слезах] Что такое. Отчего ты плачешь?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Влад<имир>, у нас огромное горе. Мы проиграли [тяжбу] дело. [У маменьки большое взыскание] у нас отнимают все.

М о р <и ч>. Ах, Боже мой!

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. [Ей нечем заплатить.] Что теперь делать! Маменька говорит, что нам будет жить нечем. Единственное средство мне пожертвовать собой, выйти замуж за [кого-нибудь из этих женихов] Беневоленского. Я не могу опомниться, нынче я должна дать ответ.

М о р <и ч>. Как это скверно!

М <а р ь я > А <н д р е е в н а> [(кидается ему на шею)] (обнимает его). Влад<имир>, спаси меня.

М о р <и ч> (освобождаясь). Погоди, погоди, поговорим хладнокровно.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Как же я могу говорить об этом хладнокровно! [Жизнь и смерть от этого зависит] Влад<имир>, что мне делать. Жизнь и смерть моя от этого зависят.

М о р <и ч>. Как ты, [Маша] Мери, неосторожна!

С. 216

^{2—19} Ах, как это нехорошо ~ О, судьба, судьба! / [Да ведь и я теперь не знаю.] Ах, как это нехорошо, я совсем этого не ожидал.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Влад<имир>, пока я не видала тебя, я бы пошла за кого [будет] уютно маменьке. Я полюбила тебя, ты мне говорил, что меня любишь. У меня теперь неостанет сил решиться расстаться с тобой.

М о р <и ч>. Скажи же мне, Мери, чего тебе от меня хочется?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Влад<имир>, опомнись, что ты говоришь! В какое ты меня ставишь положение! Мне стыдно за себя. Я тебе, как другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мне хочется! Что же мне сказать тебе: женись на мне? Пощади меня!

М о р <и ч>. Соображая все это, я теперь вижу, что я для тебя ничего не могу сделать.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Ничего?

М о р <и ч>. Ничего.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. О, Боже мой! (Закрывает лицо руками.)

М о р <и ч>. То-то вот [необдуманность-то. Что ты делаешь с собой, со мной. Я никак не предполагал, что это дело так далеко пойдет. Я не ждал ничего драматического.] все еще неопытность. Мне надобно было бежать от тебя! Зачем я тебя встретил!

С. 216—217

^{29—2} О, кабы ты могла ~ я человек очень страстный. / 1) [Да что ж делать, коли такие обстоятельства. Для меня для самого тяжело. Как же быть-то. Надобно покориться своей участи; надо быть тверже, Машенька]

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. И тебе не жаль меня, скажи, ради Бога!

М о р <и ч>. [Мне очень жаль! Ты меня считаешь каким-то бесчувственным человеком. Я очень хорошо понимаю твое положение; да что ж делать, не могу никак помочь. Жениться я не могу на тебе; да и мать моя не позволит. Конечно бы, я не посмотрел на нее, да обстоятельства теперь не позволяют]

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Ах, Боже мой! Скажи ты мне, для чего ты меня обманывал, зачем клялся, когда я от тебя этого не требовала?

М о р <и ч>. [Я любил тебя, я люблю тебя (в самом) и теперь даже в этом готов поклясться] Я люблю тебя, Мери, и даже теперь готов тебе поклясться в этом. Я человек очень страстный.

2) ◇

С. 218

^{1—6} Нет, я решительно не могу ~ Обо мне забудь! (*Уходит.*) / [чтобы ты меня не простила, это ужасно] чтоб еще раз не взглянуть на тебя (*стоит, сложив руки на груди*). Прости меня, Мери, что я нарушил мир невинной души твоей.

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. Я прощаю. Бог с тобой.

М о р <и ч>. И не сердись?

М <а р ь я > А <н д р е е в н а>. И не сержусь.

М о р <и ч>. Вот и прекрасно. Значит, я могу быть покоен. Прощай, [Машенька] Мери, прощай! желаю тебе всякого счастья. Обо мне забудь! [Я постараюсь забыть тебя.] (*Уходит.*)

^{10—13} А я, я? ~ За что он меня обманул! (*Плачет.*) / [А я, ах... Боже мой, кого я полюбила. Как мне стыдно за себя] А я, я тоже, кажется, рада — и, вместе с тем, мне невыносимо тяжело. Я как будто просыпаюсь от долгого и тяжелого сна... Как я мало думала о себе! Теперь только я вижу, что Мих<айло> Ив<аныч> говорил правду. [Обаяние проходит, и я остаюсь лицом к лицу с жизнью. Я как будто просыпаюсь от сна] Жизни впереди много, и я для нее ничего не сделала. [Вот когда я вижу всю пустоту и пошлость своего прошедшего] Мое прошедшее мне представляется мало-помалу пустым и пошлым. Как бы я желала утвердиться в этой мысли. Да, жизнь не шутка. [Я должна была выбрать человека, с которым мне нужно связать свою жизнь или положиться в этом на людей, которые опытнее меня]¹ Я не должна

¹ Вариант вписан на полях л. 9 об. со знаком вставки.

была ребячиться, не должна была мечтать об любви и об удовольствии быть любимой в таких обстоятельствах, когда участь всей моей жизни и спокойствие моей матери зависят единственно от моего замужества. — Мне нужно было сообразить все это, нужно было искать человека, с которым бы я смело могла связать свою судьбу. У меня было на это время, были средства, и я ничего не сделала.¹ Был человек подле меня, с которым я могла быть счастлива и которого могла осчастливить, и я променяла его прочную привязанность на пошлые фразы. А впрочем, так ли я виновата? Зачем в людях так мало правды. Зачем они обманывают так смело; а правду говорят так робко и неловко. За что он меня обманул! За что я теперь страдаю!

С. 235

⁵ *Паша и Дуня. / 1-я и 2-я женщины.*

С. 229

^{26—30} Д а р ь я. О, чтоб вас! Куда зашли! ~ Д а р ь я (*поправляет причёску*). / [*М<арья> А<ндреевна> стоит у зеркала и поправляется*] Д а р ь я [*(входит)*] (*поправляет ей причёску*).

³³ *После:* Они просят позволения войти, хотят поговорить с вами. — Мне, говорит, хочется еще раз на нее взглянуть.

М < а р ь я > А < н д р е е в н а >. Это что еще. [*Позови его*] Затвори эту дверь, позови его.

С. 230

^{4—6} *Текста:* Зачем он? ~ А прежде? — *нет.*

^{10—14} М а р ь я А н д р е е в н а (*не оборачиваясь к нему*). Зачем вы? ~ Обворожительна. /

М < а р ь я > А < н д р е е в н а >. Вы зачем?

М о р < и ч >. [*Мне показалось, М<арья> А<ндреевна>, что в последний раз, когда мы расстались, у вас осталось неудовольствие против меня. Мне хочется, чтобы вы меня совершенно простили*] Поглядеть на вас в последний раз. Неужели вы мне в этом откажете!

М < а р ь я > А < н д р е е в н а > (*поворачиваясь к нему*). Хороша я?

М о р < и ч >. Обворожительна.

^{28—31} М е р и ч. Вас я любил истинно ~ Чем вы берёте? /

З о р < и ч >. [*Может быть, с другими так, но*] Вас я любил истинно, М<арья> А<ндреевна>.

М < а р ь я > А < н д р е е в н а >. Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чем вы берете? [*Для женщины нужна страсть, только... <нрзб.>*]

^{35—36} *После:* Только этого я хотела. — [*Ах, Влад<имир> Вас<ильич>, вот я с вами разговариваю хладнокровно, а мне очень тяжело*]

¹ Фраза вписана на полях л. 9 об. со знаком вставки.

С. 231

⁹ После: Я теперь вижу всю пошлость своего поведения... —

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. / 1) [Извините меня, я не хотела вас обидеть. Ох, мне теперь не до этого]; 2) ◇

М о р <и ч> (*цел<ует> ее руку*). [Машенька] Мери, я люблю тебя.

²⁹ После: Я вам желаю — / 1) [всевозможного] счастья... 2) ◇

^{31—32} Нет, Владимир Васильич, вам не видать моих страданий. / Я горда, Вл<адимир> В<асильич>, и не покажу вам своих страданий.

С. 232

^{4—8} М о р и ч (*один*). ~ женили бы. /

М о р <и ч> (*один*). / 1) [Кажется, я не уронил себя. Впрочем, у меня совесть покойна: она меня простила.]¹ еще слава Богу, что так кончилось. [Она умная девушка, это видно по всему], будь она поглупее, так не знал бы, как и развязаться, одним упрекам не было бы конца. А еще, пожалуй, женили бы. [Нет, дам себе зарок не связываться с девушками]; 2) ◇

С. 238

^{18—31} М а р ь я А н д р е е в н а (*в слезах*). Ничего, маменька ~ польскую пройдемся. Уходят. / 1) Мне кажется, маменька, что я буду счастлива, а если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Но во всяком случае, если я буду несчастлива, я никому не пожалуюсь, этого никто не узнает, никто не посмеет упрекнуть вас, и я не упрекну. Благодарю вас и вас также, [Ив<ан> Дм<итрич>] Пл<атон> Мар<кыч>; 2) Ничего, маменька, он мне нравится. Мне кажется, что я буду счастлива, а если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Никто не посмеет упрекнуть вас. Вы все для меня сделали, что могли; остальное уж мое дело. Благодарю вас и вас также, Пл<атон> Мар<кыч>. (*Целует мать*.)

Варианты чернового автографа (ИРЛИ)

С. 156

^{30—31} (*Смотрит с умоляющим видом.*) / (*Смотрит с умоляющим видом на А<нну> П<етровну>.*) Маменька!²

А н н а П е т р о в н а. Читай, читай.³

С. 157

⁷ После: О прочем буду иметь честь объяснить вам при — / 1) свидании; 2) ◇

¹⁸ После: Мальчик. Слушаю-с. — [*Уходит.*]

¹ Далее начато: [Ну]

² Слово вписано над строкой.

³ Реплика вписана на полях л. 30.

[Анна Петровна. Что ж, Машенька, поискать не мешает, мой друг; может, тебе кто и понравится. Пойду я посмотрю там; а то эта Дарья такая бестолковая! (*Уходит.*)]

Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу.¹

С. 158

¹⁷ После: Так зачем же быть красавицей-то? — Лучше быть хозяйкой хорошей.

²⁵ После: Явление пятое /

1) Марья Андреевна (*одна*). Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вот в чем дело. [Мало ли я видела женихов² один другого хуже и все с претензиями³. Для них не стоит быть хорошенькой! Сколько я не знаю молодых людей, Мерич решительно лучше всех. Милашин просто противен, Михайло Иванович серьезен очень. — Мерич хорош, только почти никогда у нас не бывает⁴, какой-то странный. Мне одно время казалось, что я его люблю. Только он мало обращал на меня внимание, он, должно быть, очень разочарован. (*Смотрит в окно.*) Вот легок на помине. Это, кажется, он! Он, он. Вот прекрасно. Идет такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. (*Подходит к зеркалу.*) Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться — он, пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру! Дарья! Дарья!]

2) Марья Андреевна. Легко сказать: выходи замуж. Да за кого? Выйти замуж за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. (*Задумывается.*) Мало ли я видела женихов; один другого хуже и все с претензиями. Кабы я была богата, так бы они на меня и глядеть не смели, а теперь всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением, потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму, другой прикинется влюбленным, лезет с нежностями, это еще хуже. Я столько видела оскорбительного от женихов, что поневоле получила отвращение. Я теперь, кажется, всякому готова отказать... право... (*смеется*) исключая разве только Мерича, конечно, если он догадается посвататься (*смотрит в окно*). Вот легок на помине. Это кажется он! Он, он. Вот прекрасно. Идет

¹ Вариант вписан на полях л. 30 об. со знаком вставки.

² Далее: [все препротивные]

³ Слова: один ~ с претензиями — вписаны над строкой.

⁴ Слова: почти ~ не бывает — вписаны над строкой.

такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. (*Подходит к зеркалу.*) Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться — он, пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру!¹

3) <Марья Андреевна> Муж будет любить! Да я-то буду ли мужа любить! Вот в чем дело. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду? Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. Мало ли я видела женихов; один другого хуже и все с претензиями. Кабы я была богата, так бы они на меня и глядеть не смели. А теперь²

4) ◊

С. 159

¹⁰ а ему, я думаю, очень дико покажется. / а ему-то, я думаю, очень дико покажется.

^{10—11} *Фразы:* Ах, как я рада ему; он так редко у нас бывает... — *нет.*

¹³ *После:* Марья Андреевна уходит. / Явление 5-е. Дарья (*одна, прибирает кой-что*).

¹⁹ *После:* Мудрено это всё делается — красавица эта барышня, а никто в нее не влюбится.

¹⁹ *Ремарки:* (*Взглянув в окно.*) — *нет.*

²⁵ Дарья. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала? / Здравствуй[те, Варв. Полик] Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна. [Уж и как, девушка, жарко]

³⁴ *После:* а то... ах... —

<Карповна>. [Что, сама-то, дома, что ли?]

Дарья. [Где же ей быть-то?] (*подходит к ней и говорит вполголоса*) [Уж и житья мне нет]

С. 161

³ *После:* ну и выговоришь; и — [пошла]

^{15—16} *После:* Что, говорит, долго в лавочку ходила! — Ты, [говорит], с лавочниками якшаешься.

¹⁹ *После:* Выходи, говорит, замуж. — [А за кого она, матушка, пойдет, за кого?]

С. 162

⁵ *После:* А ты, небось, с дворянством всё знакома — [смотрите, пожалуйста, барыня какая]

¹ Вариант записан на полях л. 31 об.

² Вариант вписан на л. 18 с пометкой: Монолог М<арьи> А<ндреевны> на обороте 7 листа.

^{11—12} *После:* Напаялила чепчик-то ~ рукой не достанешь!.. — / 1) Коли захо-
чу, так в пол-аршина взбодрю; 2) ◇

^{18—19} *После:* А вот как узнает Мартын Мартяныч, зачем ты к ним ходишь,
так он тебе — / 1) [спеси по] собьет; 2) ◇

²¹ Ну, известно зачем. / Уж известно зачем.

^{23—24} *После:* Ты, видно, с больной головы на здоровую. — 1) Тебе так вот
барин [бока помнет]; 2) Тебя так вот барин собирается причесать
по-своему.

Полик <арповна>. Какой барин?

Карп <овна>. Как он, тютюлярный, что ли? Толстый такой! Он
тебя так турнет, что у тебя в калитке хвост зашипит.

Полик <арповна>. Дура, дура, невежа, невежа!

²⁶ *После:* Явление восьмое¹ — А <нна> Петр <овна> (*входит,
свахи встают и молчат*).

С. 167—168

^{24—16} Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте. ~ Полноте,
что вы! / Ходите к нам, Владимир Васильич, почаще, пожалуйста.

Мерич. Вы так легко об этом говорите, как будто не знаете, ка-
кая опасность угрожает человеку, который часто вас видит.

Марья Андреевна. Полноте шутить-то.

Мерич. Нет, кроме шуток, я боюсь вас. Да ведь я вам надоем,
Марья Андреевна, я человек злой, разочарованный, желчный. Только
вы немного мирите меня с людьми.

Марья Андреевна. Ну вот видите ли, так вы и должны
к нам ездить почаще.

Мерич. А ваша маменька меня не прогонит?

Марья Андреевна. Полноте! Что это вы выдумываете!
с чего это вам в голову пришло?

Мерич. Я имел несчастье заслужить дурную репутацию, ну
а старухи таких людей не очень любят.

Марья Андреевна. Вы все выдумываете на себя. Чем же вы
заслужили дурную репутацию?

Мерич. Про меня говорят, что я коварный оболъститель, что
я расстраиваю семейное счастье, увез жену от мужа.

Марья Андреевна. А вам-то что за дело, пусть говорят.
Ведь это все вздор, конечно.

Мерич. Да, почти

Милашин делает гримасы довольно заметно.

Марья Андреевна (*Милашину*). Что с вами, вы нынче как
будто не в духе.

¹ Действие I.

М и л а ш и н. Так-с, у меня что-то голова болит.

М е р и ч. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидетельствуйте мое почтение маменьке.

М а р ь я А н д р е е в н а. Когда же вы к нам?

М е р и ч. Завтра, если можно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

М е р и ч. Непременно.

М а р ь я А н д р е е в н а. И скажите, что обещали.

М е р и ч *(за сценой)*. Честное слово.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Марья Андреевна и Милашин.

М и л а ш и н. Что [он вам хочет сказать]

М а р ь я А н д р е е в н а. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

М и л а ш и н. Извините, Марья Андревна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал. [Может быть, это что-нибудь серьезное, чего сказать нельзя]

М а р ь я А н д р е е в н а. Может быть.

М и л а ш и н. [Впрочем, мне, Марья Андреевна, любопытство простительно; я думал, что вы, зная мое расположение к вам и привязанность, от меня ничего не станете скрывать. Да и что ж такое у вас могло бы быть с Меричем, чего бы вы уж мне-то не сказали.

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы очень много берете на себя. С чего вы взяли, что я должна быть с вами откровенна?

М и л а ш и н *(после непродолжительного молчания)*. Да в самом деле, что я для вас такое? Сколько времени я все силы употребляю, чтобы заслужить хоть сколько-нибудь вашу благосклонность... Бьюсь, бьюсь — и все ничего] Скажите, Марья Андреевна, за что вы меня не любите?

М а р ь я А н д р е е в н а. Полноте, что вы [говорите]!

С. 168—169

^{24—7} Чем я хуже какого-нибудь Мерича? ~ Да так, я его не люблю что-то. / Чем я хуже любого Мерича? Если б я захотел, я бы мог быть во сто раз лучше его. Только я подлых происков не употребляю. Да и с чего он взял смеяться надо мной, как он смеет. Нет, я это так не оставляю.

М а р ь я А н д р е е в н а. Что же вам хочется, я все не понимаю.

М и л а ш и н. Да это очень трудно понять! Человека унижают, не считают ни за что. Для них главное дело наружность! Вот что обидно, Марья Андревна! Вы не думайте, чтобы я завидовал таким людям, как Мерич; они не стоят этого. Я слишком горд, чтобы им завидовать.

Много будет чести для них. Хороши люди, которые восхищаются такими господами!

Марья Андреевна. Я с вами согласна. Значит, и говорить не об чем.

Милашин. Конечно, Марья Андреевна, но вы... зачем вы принимаете Мерича?

Марья Андреевна. Вот это мило, да отчего же мне его не принимать? Напротив, мы ему очень благодарны. Мы сами никуда не ходим. Умрем со скуки.

Милашин. По крайней мере будьте с ним похолодней.

Марья Андреевна. Зачем?

Милашин. Он увидит, что нечего взять и перестанет ходить.

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек! *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иванович, вы влюблены в меня? *(Милашин в смущении.)* Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня...

Милашин. Пожалуйста, не жалейте! Что ж делать, насильно мил не будешь. Но я имею довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

Марья Андреевна. И слава Богу.

Милаш <ин>. Осчастливьте того, кто достойнее меня. Есть много очень хороших молодых людей, которые умеют одеваться к лицу, говорить комплименты. *(Принужденно смеется.)* [Вот много хороших молодых людей]

Марья Андреевна. Это скучно, наконец!

Милашин. Вам скучно, [а мне какво] да. А какво мне?¹

Марья Андреевна. Да мне-то что ж за дело: все-таки вы должны быть учтивее по крайней мере. *(Отворачивается. Молчание.)*

Милашин. Марья Андреевна! Вы на меня сердитесь?

Марья Андреевна. Да как же на вас не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милашин. Ну простите меня, ради Бога, простите. Дайте ручку *(берет за руку, целует и держит в руках)*. Марья Андреевна, будьте друзьями.

Марья Андреевна. Извольте, только с уговором, чтобы вперед вы меня не мучили своей ревностью.

---

¹ Фраза вписана над строкой.

М и л а ш и н. Не буду, Марья Андревна, не буду! Вы простите меня, я иногда очень глуп бываю. Ах, Марья Андревна, кабы вы знали.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Что?

М и л а ш и н. Как мне скучно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Что ж это с вами.

М и л а ш и н. Тоска, ужасная тоска...

Молчание. Марья Андревна смотрит в окно.

Марья Андреевна, у нас один чиновник полиции получил наследство тысяч двести. Вот дураку счастье, ужасно досадно.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Отчего же вам досадно?

М и л а ш и н. Да как же не досадно, теперь будет нос подымать, нас и знать не захочет. А как, я думаю, подличал, унижался перед дядей-то, чтобы ему что-нибудь оставил.

М а р ь я   А н д р е е в н а. А может быть, не подличал.

М и л а ш и н. Как чай не подличал! Я говорил ему давеча: я думаю, вам теперь низко будет служить с нами.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Зачем же вы говорили это?

М и л а ш и н. Да как же, ведь досадно до смерти. Еще дурак приглашает обедать; пускай другие идут, а я уж слуга покорный. Очень приятно смотреть, как он будет важничать, что у него денег много¹.

[М а р ь я   А н д р е е в н а. Хотите, я сыграю вам что-нибудь.

М и л а ш и н. Ах, Марья Андревна, не нужно, если вы это для меня хотите, так не беспокойтесь. Я не стою, ей-Богу, не стою. Что вы так смотрите на меня? Нет, поверьте, я чувствую, что не стою.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Я буду играть для себя.

М и л а ш и н. А если для себя, так играйте, ради Бога, играйте. Я очень рад.

Судорожно подает стул. Входит Д а р ь я с самоваром.

М а р ь я   А н д р е е в н а. Да играть некогда, вон, кажется, чай несут.]

Д а р ь я. Матушка, барышня, Платон Маркыч приехал.

М и л а ш и н. Очень кстати!

М а р ь я   А н д р е е в н а. Отчего ж не кстати?

М и л а ш и н. [Я надеялся провести нынче вечер с вами. В приятных разговорах — наедине]

С. 169

¹³ После: Понимаю, понимаю — [Давеча-то как-то в толк не взяла]

¹ Текст: Марья Андреевна, у нас один чиновник ~ денег много. — *втисан на полях л. 39.*

С. 171

⁷ *После:* Всего у него в доме много, лошади свои. — [Видишь, говорит, как я живу, чего у меня в доме нет. И лошади, говорит, свои; говорит, только хозяйки нет.]

⁸ *После:* Что? Не слышу. — Д о б р о т в о р < с к и й >. Лошади, [говорит] свои, [мне, говорит, только хозяйку теперь нужно. Я, говорит, живу богатой рукой. Что ж, говорю, Максим Дорофейч, и хозяйку найдете.]

¹² *После:* Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч — [давеча писал, что никого нет, а сам, посмотри-ка, какого нашел]

³⁰ *После:* Так только маешься. — Как это без мужчины!

С. 172

^{7—8} *После:* Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы. —

М < а р ь я > А < н д р е в н а >. На что мне ваша жизнь! Мне только тошно, что ко мне пристают с женихами!

М и л а ш < и н >. Конечно, Марья Андревна, для меня бы легче было видеть вас в несчастном супружестве, чем видеть вас счастливой с другим, но я не эгоист.

М < а р ь я > А < н д р е в н а >. Ах, Боже мой, да зачем мне все это знать! Вы опять за свое!

М и л а ш < и н >. Прощайте, Марья Андревна, и быть может, навсегда.

С. 176

¹¹ Явление пятое / Явление 3-е¹

¹⁹ *После:* Да его, кажется, пророчат в женихи Марье Андревне. —

[М е р и ч. Я и не знал, надобно ее поздравить. Что же, она по любви выходит?]

М и л а ш и н. Не знаю, она, кажется, и не видала своего жениха. Вот нынче увидит, может быть, понравится. Тогда по любви выйдет.

М е р и ч. А если не понравится?

М и л а ш и н. Да отчего не понравится. Говорят, очень хороший человек. Впрочем, Марья Андревна не в таких обстоятельствах, чтобы быть разборчивой. Да ведь уж и года. Чего же ждать-то?]

С. 177

¹⁷ Явление шестое / Явление 4-е

^{31—33} *После:* Он ещё мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. — Отец его очень строгий и умный человек, он его никуда не пускает, так он в утешение себе пишет дневник и потом читает барышням. В этом

¹ II действие.

дневнике такие вещи, что [во французских романах нет] страшно сказать¹, и конечно все это выдуманное.

С. 178

^{11—12} *После*: Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. — Надобно ей показать Мерича с смешной стороны, тогда он ей будет не опасен.

^{17—18} *После*: Марья Андревна на вас рассердится, и только. — [А надобно вот что сделать. Мне]

^{19—20} *После*: Мне случайно попала тетрадка из — / 1) дневника [Мерича] [Передайте ее Мар<ья> Андр<евне>. С такими людьми все средства позволительны]; 2) ◇

³¹ *После*: Он человек совершенно без правил — бессовестный и проповедует девушкам безнравственные начала.

С. 179

^{1—2} *После*: Не беспокойтесь, не рассердится; ей теперь не до вас: нынче — А<нна> П<етровна> / 1) ждут; 2) ждет какого-то [человека, которого ей сватают, что же вы будете тут] чиновника, которого она хочет просить о своем деле [и, как я слышал, ей очень хочется, чтобы Марья Андреевна ему понравилась²] Что же вы будете тут делать?

^{11—17} что вам сватают какого-то жениха ~ Надо же выйти замуж. / 1) [что вы выходите замуж]; 2) что вам [женихов сватают]³; 3) ◇

М а р <ь я> А н д р <е в н а>. Да, Владимир Васильич, / 1) [маменька нашла какого-то жениха]; 2) ◇

М е р и ч. И вы пойдете?

М а р <ь я> А н д р <е в н а>. Не знаю; но что же мне делать, ведь надобно же выйти замуж.

²⁷ *После*: и на всю жизнь отдаться одному человеку. — / 1) [Да и] что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой вы еще ребенок; 2) ◇

^{34—35} *После*: Меня никто не любит, я тоже никого не люблю. —

[М е р и ч. Мар<ья> Андр<евна>! Поговоримте об этом деле хладнокровно.

М а р <ь я> А н д р <е в н а>. Ах, сделайте одолжение]

С. 180

^{14—16} Но что, если б вы полюбили кого-нибудь ~ юношеской страсти? / но что, если [бы вам случилось встретить человека, который вас истинно любит, страстно, бесконечно, со всем пылом юношеской страсти.

¹ Слова: страшно сказать — вписаны над строкой.

² Вариант вписан над строкой и на полях л. 47.

³ Варианты вписаны над строкой.

(Мар<ья> Андр<еевна> молча смотрит на него.)] Если бы вы сами полюбили кого-нибудь [теперь или после свадьбы?]

^{19—20} Теперь, когда уж дело кончено / Теперь, когда уж дело совсем кончено

^{32—33} После: Зачем же слёзы! Марья Андревна! — 1) Машенька! 2) ◇

С. 181

^{20—21} После: нынче к нам хотел приехать — [один человек, которого сватают мне]

М е р и ч. [Так отказать ему] Уж не жених ли какой-нибудь?

М а р <ь я > А н д р <е в н а >. [Вдруг нельзя, обидишь маменьку] Не знаю.¹ Ты, впрочем, не беспокойся. [Я как-нибудь это после устрою]

С. 182

¹² После: Кто-то приехал. — [должно быть, жених]

¹⁴ После: Пойдёмте, я вам головку причешу, да и платице-то бы — / 1) надели другое; 2) ◇

^{24—25} После: Повремените маленечко. — Б е н е в о л е н с к и й. [Да стоит ли смотреть-то твою невесту? а! Ты, может быть, так, дрянк какую-нибудь мне сватаешь. Понапрасну меня от дела отрываешь. Я ведь человек деловой. — Смотри, братец! Мне хорошую невесту нужно, я разборчив]

С. 183

¹⁵ После: Ну, так как же, братец, ты говоришь — / [хороша невеста-то?] хороша барышня-то, а?²

С. 184

⁷ После: Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца — [Белугина]

²² После: имеете в Москве? — Б е н е в <о л е н с к и й>. / 1) Нет, совершенно никакого-с; 2) ◇

С. 185

² После: уж вам Платон Маркыч расскажет. — Д о б р о т в <о р с к и й >. [Вы, батюшка, Макс<им> Дороф<еич>, вникните в их дельце-то. Добрый был человек покойник, супруг-то Ан<ны> Петр<овны>, и мне благодетель был. Да я что ж, стар; чем могу, служу, а уж за это дело взяться не сумею. Сам прежде служил, все эти дела делал, состарился, из ума выжил]

^{7—8} После: царю не виноват — [Все мы имеем свои слабости.

А н <н а > П е т р <о в н а >. Как не иметь, все имеем.

Б е н е в <о л е н с к и й>. Но] Но³ я вам доложу, нынче насчет этого очень строго.

¹ Фраза вписана над строкой.

² Вариант вписан над строкой со знаком вставки.

³ Слово вписано над строкой.

¹⁴ *После:* того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы — / [и еще никуда не определяют] куда денешься?

^{36—37} *После:* приятно иметь красивую и образованную жену. — / [Но все-таки я вам скажу, что] А главное — мне нужно [жену] хозяйку.

С. 186

³ *После:* Нет-с, я не того ищу — Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А¹ есть невесты / 1) благородного [происхождения]; 2) ◇

С. 187

^{5—6} *После:* Подходит к руке, потом — / 1) садится рядом; 2) ◇

^{21—22} *После:* Ну, люди молодые — / 1) про театр-то позабыли; 2) ◇

С. 188

^{6—7} А н н а П е т р о в н а. Какая любовь! Всё глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли? /

А <н н а> П <е т р о в н а>. Какая любовь? Все глупости, никогда этого не бывает.

[Б е н е в <о л е н с к и й>. Ну нельзя сказать, что никогда не бывает. Я знаю, как сочиняют, нас самих прежде учили сочинять. Сочинители пишут не то, что бывает, а то, что может быть, и если и бывает, так уж очень редко. (К Мар<ье> Андр<еевне>.) Что, Марлинский еще жив?

М а р <ь я> А н д р <е в н а>. Он давно умер.

Б е н е в <о л е н с к и й>. Вот у этого было что-то этакое]

А <н н а> П <е т р о в н а>. Чайку, М<аксим> Д<орофеич>, не угодно ли?

С. 189

^{17—18} *После:* Марья Андреевна оборачивается — / 1) и взглядывает на него; 2) ◇

С. 190

² *После:* Ну, батюшка, Макс<им> Дор<офеич>, как вам наша — / 1) [невеста] барышня² показалась.

¹³ *После:* Ну и слава богу. — / 1) Попотчуйте его, отец мой, хорошенько; 2) ◇

С. 191

¹⁸ *После:* Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать — [исключая Милашина], особенно [Мерича чтобы не пускала. Да по мне, Машенька, так ему бы и совсем отказать, чего он шляется то и дело] из молодежи.³

¹ Слова: Девушку с состоянием ~ положения в свете. А — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Вариант вписан над строкой.

²¹ *После:* Хорошо, маменька — [мы об этом поговорим после]

^{26—33} Знает ли Владимир, с каким ~ а там будь что будет. / [С чего это ей в голову пришло не принимать Владимира! Ну как она в самом деле эту штуку сделает; где мы тогда с ним видаться будем! Я этого себе без ужаса представить не могу. Ох, кажется, не дело я затеяла: у меня что-то сердце очень не спокойно. А быть может, это от ожидания. Мне что-то страшно и необыкновенно весело] Знает ли Владимир, с каким нетерпением я жду его... Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдет. Я измучаюсь от нетерпения...¹ Однако² хорошо ли я сделала, что велела ему сегодня прийти — мы будем одни. (*Молчание.*) Если б можно было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша любовь. А [впрочем], что мне за дело, чем [это]³ кончится — мне теперь хорошо [только бы женихи не надоедали. Да пускай и женихи сватаются, я не пойду ни за кого! Мне выйти замуж, когда жизнь улыбается мне! Нет, ни за что, ни за что... Я и думать об этом не хочу.] Я люблю [Владимира, люблю] его, он меня любит⁴, а там будь что будет.

С. 192

²⁷ *После:* Я ведь к вам нынче за делом пришёл. — [За важным делом]

²⁹ *После:* а это дело касается вас. — [*Громче.*] Касается вашей репутации]

С. 193

⁵ *После:* Про Мерича... — хорош, [человек] нечего сказать (*принужденно смеется*).

^{13—28} Марья Андреевна. Ну да, смешон! Иван Иванович, вы меня любите? ~ *М и л а ш и н целует, потом уходит.* /

Мар <ья> Андр <еевна>. Ну да, смешон.

М и л а ш <и н>. Вы меня извините; а ведь я думал, что вы его любите.

Мар <ья> Андр <еевна>. Кого? Мерича-то? (*Хохочет*). Стоит ли он того, чтобы я его любила! Я люблю одного человека; только я хочу его испытать.

[М и л а ш <и н>. Смотрите, М<арья> Андр<евна>, не ошибитесь.

Мар <ья> Андр <еевна>. Для того я и хочу прежде испытать, чтобы не ошибиться.

¹ Текст: Знает ли Владимир ~ измучилась от нетерпения... — вписан на полях л. 59 со знаком вставки.

² Слово вписано над строкой.

³ Слово сначала вычеркнуто, а затем подчёркнуто и впоследствии вписано в текст на л. 59.

⁴ Слова: его, он меня любит — вписаны над строкой.

М и л а ш <и н>. Мар<ья> Андр<евна>! Вы можете мне сказать, кого вы любите; а уж я вас не обману, я вам скажу прямо, стоит человек вашей любви или нет.

М а р <ь я> А н д р <е е в н а>. Вам-то именно я и не скажу.

М и л а ш <и н>. Отчего же, Мар<ья> Андр<евна>?

М а р <ь я> А н д р <е е в н а>. Есть на это причины]

М и л а ш <и н>. Знаю я этого человека или нет?

М а р <ь я> А н д р <е е в н а> (*смеется*). Мне кажется, вы должны его очень хорошо знать.

М и л а ш <и н> (*подумавши*). М<арья> Андр<евна>. Я вас люблю. Ей-Богу очень люблю.

Вы только мне не верите, а ей-Богу люблю.

М <а р ь я> А <н д р е е в н а>. Кто вам сказал, что я вам не верю.

М и л а ш <и н>. Вы мне верите! (*Берет руку, целует и, не выпуская из рук, смотрит на Марью Андреевну.*) Мар<ья> Андр<евна>! Я для вас готов все на свете сделать, ну заставьте меня, что вам угодно.

М а р <ь я> А н д р <е е в н а>. Да, хороши вы, нечего сказать! Вы все для меня готовы сделать! Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

М и л а ш <и н>. Сейчас, сейчас! (*Берет шляпу*). Прощайте! (*Идет, потом возвращается.*) Марья Андреевна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

М а р <ь я> А н д р <е е в н а>. Ив<ан> Ив<аныч>, мы поссоримся!

М и л а ш <и н>. Виноват, виноват! (*Несколько времени стоит*). Позвольте вашу ручку поцеловать на прощание.

М а р <ь я> А н д р <е е в н а>. С удовольствием!

М и л а ш <и н> (*целует, потом идет к двери и останавливается*). Мар<ья> Андр<евна>, я, кажется, догадываюсь, кого вы любите, только не смею надеяться. Скажите: да или нет. Нет, лучше не говорите ничего. Я и слушать не хочу. Прощайте. (*Убегает.*)

^{31—32} Какой-нибудь Милашин ~ его посупках... / Он в самом деле много терпит понапрасну. Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках... [За него некому заступиться!]

^{34—35} После: Я так его люблю в эту минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. — [Знает ли он, что я так его люблю; мне робость и стыдливость не позволяют ему высказаться; а он столько раз был обманут женщинами, что перестал им верить. Нет, только он придет, я дам волю своему сердцу; пусть хоть несколько минут я поживу полной жизнью, как мне хочется]

С. 194

- ²⁰ *После:* Ну, поговорим. — / 1) Что же ты будешь мне рассказывать?
2) ◇

С. 195

- ³ *Перед:* Приехал этот Беневоленский. — Не успела я еще опомниться от твоего поцелуя (*закрывает глаза руками, Мериц ее целует*).
⁹ *После:* Стоит об этом думать! — [Отказать ему, да и все тут]
¹⁷ *После:* Но всё-таки я в очень — [новом]
¹⁸ *После:* Посоветуй, что мне делать. — [М е р и ц (*целует ее в плечо*). Ничего]
^{32—33} *После:* либо маменька, или там жених какой-нибудь. (*Молчание.*) — [Как я еще глуп, я позволил себе еще раз обмануться. Я думал, что вот награда за все мои разочарования, за все мои страдания. И что же!]
³⁵ *После:* И тебе не жаль меня, Мери? — [Я думал, что ты прольешь хоть каплю бальзаму в эту больную душу, что ты помиришь меня с жизнью; ты одна только в состоянии это сделать.]

С. 196

- ⁴ (*Марья Андреевна целует его ещё несколько раз.*) / (*Мар<ья> Анд-р<еевна> еще целует его.*)
⁶ *После:* Ах, Мери, я вспомнил одну — [девушку; она, бывало, одевалась в мужское платье, чтобы только ко мне пройти]
⁶ *После:* вот это — / 1) любовь; 2) была любовь. [Как теперь помню — это было летом в лунную ночь]
^{14—15} *После:* Нет, Мери, мне уж некого больше любить. — [Я прожил свою душу]

С. 197

- ¹⁵ Погоди, мой друг Мери / Когда-то, мой друг
³⁵ *После:* Марья Андреевна (*одна, садится за работу*). — [Отчего это мне так тяжело и неловко. Мне кажется очень совестно будет взглянуть на маменьку. Или я еще ребенок, или я в самом деле дурно делаю. Уж не бросить ли мне это дело! Я совсем растерялась. Как бы я хотела с кем-нибудь посоветоваться. Вот когда я чувствую необходимость в опытном друге. Я и люблю Владимира, и боюсь его... Ах, если б Михайло Иван<ыч> пришел, я бы поговорила с ним, он мне кажется истинно добра желает]

С. 198

- ⁶ *Марья Андреевна, Добротворский и Анна Петровна.* / *Мар<ья> Анд-р<еевна> (сидит задумавшись), Добротвор<ский> и Анна Петр<ов-на>, (входят) Дарья (снимает салон и уходит).*
¹¹ *После:* Куда я теперь — / 1) денусь-то; 2) ◇

С. 199

^{13—14} *После*: Он вчера с вами говорил что-нибудь, — / 1) как от нас поехал? 2) ◇

¹⁸ *Перед*: узнай, как их расположение — *начато*: [ты, говорит]

С. 200

¹¹ (*быстро встаёт со стула*) / (*вскакивает со стула*)

¹² *После*: Платон Маркыч! Не ходите к Беневоленскому — / 1) [а если пойдете, так скажите, что] он мне не нравится, [что] он мне противен, [что] я не пойду за него ни за какие сокровища; 2) ◇

С. 208

⁵ *После*: Подите, скажите ей, — / 1) [что я почти решилась] что я через три дня ей дам ответ. Мне нужно подумать, поговорить [с одним человеком]; 2) ◇

^{8—9} Хорошо, барышня. Сейчас прикажете к маменьке сходить? / Сейчас, [барышня] хорошо, барышня¹, прикажете к маменьке² сходить?

^{17—18} *После*: но идти за Беневоленского я не могу. — [Мое давешнее поведение с Владимиром скверно, я стою за это наказания; я только теперь это почувствовала. Должно быть, я сделала дурно, если совесть меня упрекает. По крайней мере я не должна была ссориться с маменькой. Я бы могла еще противоречить ей, если б я сама была права; а теперь я уж виновна. Но все-таки за Беневоленского идти я не могу, решительно не могу; я люблю Владимира]

С. 222

⁷ *Милашин подбегает* / *Ив<ан> Иван<ыч> подбегает*

²⁹ *После*: а у вас всё — / 1) гулянье да пошлости на уме; 2) ◇

С. 224

⁷ *После*: у меня сердце слабое, горячее — 1) расходится; 2) ◇

²⁴ *После*: Ходит по комнате, плачет и пьёт. — М а р <ь я > А н д р <е - е в н а >. [Это я виновата! Ужасно!] Неужели? Ах, бедный!³

^{27—31} Она простая женщина ~ Марья Андревна, простите! / Когда я услышал, что она была у вас, что она вас обидела, мне стало так тяжело, так больно, что я не знал, куда деться... Она простая женщина, не понимает ничего... Где же ей вас понять! [Она этим и меня обидела глубоко] Что же делать! Мать! Любит! Воспитала... Мар<ья> Андр<евна>, простите!

С. 225

¹⁴ М а рья А н д р е е в н а (*встаёт*). Перестаньте, Иван Иваныч! / М а р <ь я > А н д р <е в н а >. Перестаньте, Ив<ан> Иван<ыч>! Что вы говорите!

¹ Слова: хорошо, барышня — вписаны над строкой. Л. 69.

² Слова вписаны над строкой. Л. 69.

³ Вариант вписан на полях л. 72 об. со знаком вставки.

^{16—17} *После:* Пьяный... в чужом доме... — [(Уходит, махнув рукой.)]

Ма р <ь я > А н д р <е е в н а>. Ах, как мне его жаль! Как мне его жаль! [Его бы можно было спасти. Это я виновата.

А н <н а > Пе т р <о в н а>. Пойдем, Машенька, пора одеваться.

Конец IV Действия.]

C. 226

²⁶ *После:* Будут, будут. О! Чтоб вас тут! — / 1) (женщина уходит). [(Входит Кучер.); 2) ◇

C. 227

¹⁵ *После:* Позвольте вас проводить. — [Я] И без вас дорогу знаем.

¹⁸ *После:* Налетел с ковшом на — / 1) бражку; 2) ◇

²⁸ Из толпы ~ и Па ша. / 1) Из толпы на авансцену выходят две женщины; 2) ◇

³⁰ *Перед:* Будто тебе его, Дуня, не жаль? — [1-я] Паша.

³¹ *Перед:* Ничего-таки не жаль. — [2-я] Дуня.

^{34—36} *После:* Взял бы, говорю, хорошенькую барышню, так и сам бы, может быть, стал порядочным человеком, а то что так-то — [шататься]

C. 228

³ *После:* Пойдём посмотрим приданое. — / 1) Пойдем; 2) ◇

¹⁷ С тем и иду за вас / С тем я иду за вас

²¹ *После:* Приходи ко мне как-нибудь — [Плат<он> Маркыч]

^{25—26} *После:* Я ваш покорнейший слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцеловать. — *вписано на полях со знаком вставки:* Ма р <ь я > А н д <р е е в н а> (дает руку). Смотрите же.

³⁰ *После:* Ухожу-с. Видите, как я послушен. — (подх<одит> к Пл<атону> Марк<ычу>) Что, ловко я себя держу?

До б р <о т в о р с к и й> (одобрит<ельно> кив<ает> голов<ой>). Хорошо.

[(Бенев<оленский> уходит)]

Бе н е в <о л е н с к и й>. То-то же! Вот как мы! (Уходит.)¹

C. 229

¹ *После:* Явление третье².

Марья Андреевна и Добротворский. — /

1) [Ма р <ь я > А н д р <е е в н а>. Плат<он> Мар<кыч>, вы его знаете? Можно из него сделать что-нибудь?³ Вы знаете, как мне трудно было решиться идти за него; одна мысль только утешает меня, что я могу его переделать, могу сделать из него порядочного

¹ Текст: (подх<одит> к Пл<атону> Марк<ычу>) ~ Вот как мы! (Уходит.) — вписан на л. 76 об.

² V действие.

³ Далее: [Мне бы хотелось его немножко исправить]

человека. Может это быть или нет, Платон Маркыч, скажите, утешьте меня¹.

Добротворский. Таких, барышня, нет, которых исправить нельзя. А его-то отчего же не исправить, человек он умный, особенно если вы-то за это возьметесь. Помогай вам Бог.

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю, Платон Маркыч, вы меня ободряете. Вы не оставите меня?

Добротворский. Как, матушка барышня, можно? Смею ли я вас оставить? Меня и совесть зазрит. Пожалуйста вашу ручку поцеловать. *(Целует.)*

Марья Андреевна. Помогайте мне, Платон Маркыч, помогайте.

Добротворский. Стар стал, барышня, из ума выжил; что моих сил хватит, буду стараться.

Марья Андреевна садится на стул к трюмо и задумывается.

Вам, барышня, чего не угодно ли?

Марья Андреевна. Позовите ко мне Дарью.

Добротворский. Сейчас, барышня, сейчас. *(Уходит.)*

2) ◇

¹⁶ *После:* Без этой мысли, Платон Маркыч, — я не перенесла бы своего положения. Только этим я теперь и живу. Что если мечты мои не осуществятся? Это ужасно.

²⁰ что будет, то будет, а что будет, то Бог даст. / Брось, не думай. Что будет, то будет, а что будет, то Бог даст.

²⁸ *Перед:* Марья Андреевна. Поправь мне причёску. — [Вы, барышня, меня кликали?]

³³ *После:* Они просят позволения войти, хотят поговорить с вами. — [Мне, говорит, хочется еще раз на нее взглянуть.]

С. 230

⁵⁻⁶ совершенно посторонним человеком. ~ А прежде? / совершенно [как посторонний человек] посторонним человеком. Я его жду безо всякого волнения. А прежде? Да прежде сердце билось у меня, очень билось. [Ах, какие я глупости делаю...]

⁹ *Марья Андреевна и Мерич / Марья Андреевна и Мерич (входит)*

¹⁰ *После:* Марья Андреевна *(не поворачиваясь к нему)*. — / 1) Вы зачем здесь? 2) ◇

¹⁵ Прощайте, мне пора к жениху / *(приседает)*. Прощайте, мне к жениху пора.

¹⁷ *После:* Позвольте мне хоть полюбоваться на вас — [в последний раз] еще несколько минут.

¹ Слова: Вы знаете ~ утешьте меня — вписаны над строкой со знаком вставки.

С. 231

^{18—19} оттого, что подле него ~ не было женщины. / [на него не было¹ благотворного женского влияния. Мой долг улучшить его сердце]² подле него не было порядочного человека, он не испытал благотворного влияния женщины.

^{20—21} *После:* И я чувствую, что во мне есть силы. — Страстность души, которая чуть не погубила меня, [найдет здесь]³ теперь мне нужна, для нее будет если не совсем отрадное, то благородное употребление.

^{29—30} *После:* Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно. — М а р <ь я > А н д р <е е в н а>. / [Я горда, Влад<имир> Васил<ьич>, и не покажу вам своих страданий]

³³ *После:* Какие бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой — / 1) [и], чего бы мне это ни стоило; 2) ◇

³⁵ *После:* За то, что я ошибалась, что меня — / 1) обманывали; 2) ◇

С. 232

^{14—15} *После:* потерять такую женщину. — / 1) Как она меня любила; 2) ◇

¹⁵ *После:* И вы посмотрите — / 1) сколько у ней воли; 2) ◇

²⁰ *После:* если заметите, что она — / 1) очень грустит; 2) ◇

²⁹ *После:* чтобы лицо моё выражало — / 1) самую глубокую скорбь; 2) ◇

³¹ *После:* она заметит — / 1) [в чертах моих] злую иронию; 2) ◇

С. 233

² *После:* И какие скоты все — / 1) вокруг; 2) ◇

³ *После:* И этот жених — / 1) [Нет,] она заметит, какими я глазами буду глядеть на него; 2) ◇

¹⁸ Ах вы, проказник! / Ах вы, проказник, проказник!

С. 234

^{2—3} Только характер ~ ревнива... / Только характер у нее совсем не соответствовал наружности. Насмешлива, ревнива...

¹⁵ *После:* так я боюсь, чтобы она — / 1) [скандалу] какого не наделала; 2) ◇

^{27—28} *После:* ум и предусмотрительность. — / 1) [Другой и с состоянием, и красавец собой, а все-таки ничего не значит. А я вот из ничтожества успел составить себе и капитал, и жену нашел красавицу] (*Дерет себя за хохол.*); 2) ◇

³³ в затрапезном — / 1) [в ранковом⁴] халате; 2) ◇

^{35—36} *После:* а с умом да с деньгами всё можно сделать. — [Можно быть важным барином]

¹ *Далее:* [до сих пор не было]

² *Далее:* Вот мое [служение]

³ *Далее:* теперь [найдет если]

⁴ В утреннем (укр.).

С. 235

³⁰ После: Уж я видела! — / 1) Хороша, Паша; 2) ◇

С. 235—236

^{37—1} После: Ещё хорошо, что женится; авось, будет жить порядочно. —
[Смотри ж ты, живи хорошенько]

С. 236

⁵ После: Что делать, Дуня. — Уж наша участь такая: любил, любил, да и бросил и живи, как знаешь.

⁶ После: А ведь бывало, и ему рада-радешенька, как приедет. — [(Вздыхает.)]

¹⁸ После: Дай-ка мне, братец / Дай-ка мне

¹⁹ Благодарю, любезный / Благодарю, [братец] любезный

^{23—26} Вот ~ ничего нет. / [Эко Анне Петр<овне> счастье привалило. Одна дочь и то какого молодца поддела, а у меня вот три, нейдут с рук, да и только]

²⁴ После: Что ты хочешь, делай! — Я уж Прасковье Пятнице и молебны служила, да ведь нет, как нет¹.

²⁸ Да, говорят, такой сокол, что беда! / Да [так, говорят, крут очень] говорят, такой сокол, что беда!

Семь барышень:

1-я. Что ж это! Сказали, что танцы будут, а танцев совсем и нет.

2-я. Как тебе невеста понравилась?

[3-я] 1-я. Ничего особенного.

2-я. А мне так вовсе не понравилась.

3-я. Сентиментальна очень.

4-я. [Ломается] Должно быть собой очень занята.²

5-я. [Важничает] Такой невинностью прикидывается; а сама, я думаю, рада радеханька. Да ведь уж и года.³

6-я. [Должно быть собой очень занята] Ты бы уж лучше не говорила о годах-то. Небось мы с тобой не моложе.⁴

7-я. Пойдемте домой. (Уходят).

С. 237

¹ После: Я не лازیю; может, кто другой лазит. — 2 с т <а р у х а>. — /

1) Самое с чем отдавали? 2) ◇

^{24—25} После: Уж не чаяла — 1) как дожждаться-то; 2) ◇

С. 238

¹⁹ После: Вы не глядите, что я плачу; это так, от волнения. —

¹ Фраза вписана на полях л. 83 об. со знаком вставки.

² Вписано над строкой.

³ Реплика вписана над строкой.

⁴ Реплика вписана над строкой.

1) (*Прислушивается.*) Погодите, послушаемте, что говорят.

Две свахи в стороне.

П а н к р а т ь е в н а. Ты говоришь, Карповна, что богатый чиновник.

К а р п о в н а. Богатый-то богатый¹. Так с богатством-то надо жить умеючи. Другой нравный, любит, чтоб ему угождали. Иногда и пьяный придет, — другой любит, чтоб жена за ним ухаживала, никого из людей не подпускает. А где ей это знать.

П а н к р а т ь е в н а. Где знать! Ты вот возьми ведь он чиновник. Ну а чиновник уж все не так пышно живет. А жены-то все то платье из магазина, то шляпка из магазина; а нет чтобы хозяйничать да мужу помогать. Все норовят на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Где ж ей это знать, какая она хозяйка.

К а р п о в н а. Где знать!

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, они ошибаются, я это знала и знаю. Я только ненадолго позабыла, что я бедная невеста. Право, мне кажется, что я буду² счастлива, а если нет... если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Никто не посмеет упрекнуть вас. Чем же вы виноваты. Вы все для меня сделали, что могли. Теперь уж я сама попробую, могу ли я что-нибудь для себя сделать (*целует мать*).

О д н а и з т о л п ы. Эта, что ль, невеста-то?

2) ◇

²⁵ *После:* вы сделали для меня всё, что могли, что умели. — Теперь уж я сама попробую, могу ли я что-нибудь для себя сделать. (*Целует мать.*) [Благодарю вас, маменька, и вас, Платон Маркыч]

^{29—30} *Слов:* А мы с вами, сударыня, польскую пройдемся. — *нет.*

Варианты авторизованной писарской копии (ИРЛИ)

С. 153

^{1—2} Бедная невеста. Комедия в пяти действиях /

Бедная невеста³

Комедия в 5 действиях

А. Островский

^{15—16} В списке действующих лиц слов: Дуня, Паша, молодые девушки — *нет.*

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: я буду — вписаны над строкой.

³ Заметка в правом верхнем углу на л. 1а.: Имена действующих лиц набирать египетским шрифтом и без сокращений. Курсив чтобы был один. В корректуре оставлять поля. Первую корректуру я сам буду читать. А. Островский.

С. 155

⁵ Какой же каприз, маменька? / Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и все тут. Да что ж тут мудреного...

С. 156

² Слов: Да уж и в голове-то всё не то — нет.

³⁰ весьма много больше обыкновенного / весьма много более обыкновенного

С. 157

²⁵ Ремарки: (Шьёт в пальцах.) — нет.

³² Бегу из лавочки / Бегу я из лавочки

С. 158

¹⁷ После: Так зачем же быть красавицей-то? — Лучше быть хозяйкой хорошей.

^{27—28} Перед: Маменьке легко говорить: выходи замуж! — Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вот в чем дело.

^{29—30} После: ничего не чувствуешь. — Мало ли я видела женихов; один другого хуже и все с претензиями. Кабы я была богата, так бы они на меня и глядеть не смели. А теперь...

³⁴ (Смотрит в окно задумавшись.) Мерич! / Другой прикинется влюбленным, лезет с нежностями, это еще хуже. Я столько видела оскорбительного от женихов, что поневоле получила отвращение. Я теперь, кажется, всякому готова отказать... право... (смеется) исключая разве только Мерича, конечно, если он догадается посвататься (смотрит в окно). Вот легок на помине. Это кажется он! Он, он.

С. 159

^{10—11} Слов: Ах, как я рада ему; он так редко у нас бывает... — нет.

¹⁴ Ремарки: (Стирая пыль с мебели.) — нет.

¹⁹ (Взглянув в окно.) / красавица эта барышня, а никто в нее не влюбится.

^{31—32} Ты что же не поправляешься? / Ты-то что же не поправляешься?

С. 161

¹⁰ а она всё ворчит... / а она все ворчит, все ворчит...

²⁸ После: Те же и Панкратьевна. —

²⁹ П а н к р а т ь е в н а. / 1) Что, матушка, дома барыня? 2) ◇

С. 162

^{11—12} После: Напаялила чепчик-то ~ рукой не достанешь!.. — / 1) Коли захочу, так в пол-аршина взбодрю; 2) ◇

^{23—24} После: Ты, видно, с большой головы на здоровую. — Тебя так вот барин собирается причесать по-своему.

П а н к р а т ь е в н а. Какой барин?

Карп ов на. Как он, тютюлярный, что ли? Толстый такой! Он тебя так турнет, что у тебя в калитке хвост зашипит.

Панкратьева. Дура, дура, невежа, невежа!

С. 163

¹⁵ После: да лишнее брёвнышко у нас — в [комнате]

С. 164

³ зайди на днях, потолкуем... / зайди как-нибудь на днях, потолкуем.

^{15–16} После: Извините, матушка ~ везде сама должна. — Как без мужчины в доме — никак нельзя.

С. 165

² но я всегда предпочитаю с вами об деле разговаривать / но я всегда предпочитаю с вами об деле этом разговаривать

Варианты первопечатной редакции (Москв.)

С. 154

²⁷ живи как хочешь / живи, как знаешь

³⁸ уж и говорить-то нельзя / уж и поговорить-то нельзя

С. 155

⁵ Какой же каприз, маменька? / Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и все тут. Да что ж тут мудреного.

С. 156

³⁰ весьма много больше / весьма много более

С. 157

¹¹ И ни слова об этом / И ни слова мне об том

С. 158

¹⁷ После: быть красавицей-то? — лучше быть хозяйкой хорошей.

²⁷ Перед: Маменьке легко говорить — Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вот в чем дело.

³⁴ После: дочь за красоту возьму. — Другой прикинется влюбленным, лезет с нежностями, это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительного видела я в последнее время!

С. 161

¹⁰ После: она всё ворчит — все ворчит...

С. 162

⁶ по передним-то шлямшись / по передним-то шляясь

С. 164

³ зайди на днях / зайди как-нибудь на днях

¹⁸ После: дочь невеста — Как без мужчины в доме — никак нельзя.

С. 165

² об деле разговаривать / об этом деле разговаривать

С. 166

³⁴ а тут какой-нибудь / а тут какой-нибудь выскочка

С. 167

⁶⁻⁷ *Перед*: но вы теряете друга — прощайте

²⁶ *После*: я вас боюсь. — Вы в самом деле способны возбудить в человеке серьезную страсть.

С. 168

¹⁸⁻¹⁹ не бываю в обществе / не бываю в высшем обществе

²⁶⁻²⁸ *Текста*: Мальчишка! Нигде не учился ~ курс кончил. — *нет*.

²⁸⁻³⁰ Как он смеет смеяться ~ так невелика важность! / Да и с чего он взял смеяться надо мной! Как он смеет! Нет, я это так не оставляю.

Марья Андреевна. Чего же вам хочется, я все не понимаю.

Милашин. Да, это очень трудно понять! Человека унижают, не считают ни за что. Для них главное дело наружность! Вот что обидно, Марья Андреевна! Вы не думайте, чтоб я завидовал таким людям, как Мерич. Я слишком горд, чтоб им завидовать. Много будет чести для них. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

Марья Андреевна. Я с вами согласна. Значит, и говорить не об чем.

Милашин. Конечно, Марья Андреевна, но вы... не принимайте Мерича, ради Бога, я вас умоляю.

С. 169

² Осчастливьте того, кто достойнее меня! / Но я имею довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

Марья Андреевна. И слава Богу.

Милашин. Осчастливьте того, кто достойнее меня! Есть много очень хороших молодых людей, которые умеют одеваться к лицу, говорить комплименты. (*Принужденно смеется.*)

Марья Андреевна. Это скучно, наконец!

Милашин. Вам скучно? да! А каково мне!

Марья Андреевна. Да мне-то что ж за дело; все-таки вы должны быть учтивы, по крайней мере. (*Отворачивается; молчание.*)

Милашин. Марья Андреевна! Вы на меня сердитесь?

Марья Андреевна. Да как же на вас не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милашин. Ну, простите меня, ради Бога, простите — дайте ручку. (*Берет ее руку и целует; молчание.*) Марья Андреевна, у нас

один чиновник получил наследство — тысяч двести. Вот дураку счастье... ужасно досадно.

Марья Андреевна. Отчего же вам досадно?

Милашин. Да как же не досадно, теперь будет нос подымать, нас и знать не захочет. А как, я думаю, подличал, унижался перед дядей-то, чтобы тот ему что-нибудь оставил.

Марья Андреевна. А может быть, и не подличал.

Милашин. Как, чай, не подличать. Я говорил ему давеча: «Я думаю, вам теперь низко будет служить с нами».

Марья Андреевна. Зачем же вы говорили это?

Милашин. Да как же, ведь досадно до смерти. Еще, дурак, приглашает обедать; пускай другие идут, а я уж слуга покорный. Очень приятно смотреть, как он будет важничать, что у него денег много.

С. 170

⁸ я вам сахару-то забыла / я вам сахару-то положить забыла

С. 171

²⁷ к вам приедем / к вам завтра приедем

³⁰ После: Так только маешься. — Как это без мужчины!

С. 172

⁸ После: чтобы вы были счастливы. —

Марья Андреевна. На что мне ваша жизнь! Мне только тошно, что ко мне пристают с женихами.

Милашин. Конечно, Марья Андреевна, для меня бы легче было видеть вас в несчастном супружестве, чем видеть вас счастливой с другим; но я не эгоист.

Марья Андреевна. Ах, Боже мой, да зачем мне все это знать! Вы опять за свое.

Милашин. Прощайте, Марья Андреевна; быть может, мы больше не увидимся.

С. 173

⁴ После: ни капли самолюбия! — Я уж начинаю успокаиваться в бездействии. (Встает.)

⁴⁻⁶ Текста: Для себя я ~ что люблю её. — нет.

⁶ После: Нет, надобно кончить! — Надобно сказать ей, что я ее люблю!

⁷ После: не сжалится надо мной? — Я слабый, жалкий человек; она увидит, что для меня в ней одной только спасение.

С. 174

³ После: а тогда что? — я не перенесу.

²⁴ После: Хорьков. Маменька! —

Марья Андреевна. Вы влюблены? Я считала вас холодным человеком.

Хорьков. Я холодный человек?

Марья Андреевна. Так неужели вы можете полюбить кого-нибудь? Полноте. *(Смеется.)*

С. 176

^{19—20} *После:* Это ужасно досадно! — Приедет — станет важничать, ломаться.

С. 178

¹² *После:* мы из ревности хлопочем. — Надобно ей показать Мерича с смешной стороны, тогда он ей будет не опасен.

³¹ *После:* Он человек совершенно без правил — бессовестный, и проповедует девушкам безнравственные начала.

С. 179

^{16—17} Надо же выйти замуж. / Ведь надо же выйти замуж.

С. 180

^{19—20} дело кончено / дело совсем кончено

С. 182

³ я его очень люблю / я его люблю, очень люблю

С. 191

²⁷ *(Садится к столу.)* / *(Садится к окну.)*

С. 195

³ *Перед:* Приехал этот Беневоленский. — Не успела еще я опомниться от твоего поцелуя *(закрывает глаза руками, Мерич ее целует).*

^{15—16} чтоб ты пошла за Беневоленского / чтоб ты, из угождения маменьке, пошла за Беневоленского

С. 197

⁸ опять близко ко мне / опять уж очень близко ко мне

С. 209

¹⁸ *После:* сойду с ума. — Я не могу больше переносить моего положения.

^{22—23} Теперь её спокойствие ~ хватит сил противиться ей. / Теперь, когда спокойствие ее старости зависит от меня, неужели я найду в себе силы противиться ей.

^{29—30} Погадай-ка мне, Даша, на картах. / Погадай-ка мне, Даша, я уж теперь начала картам верить.

С. 211

¹⁸ Маша! Послушай. / Маша! Маша! Послушай.

С. 212

¹³ *После:* поскорей воротилась. — Эти минуты ожидания покажутся мне вечностью...

²⁵ *Марья Андреевна отворачивается и плачет. /*

Марья Андреевна. Так вы и говорите, что не знаете *(отворачивается).*

М и л а ш и н. Вы меня обманули, Марья Андревна, Бог с вами. Вы меня выгнали для того, чтоб остаться с Меричем наедине. Вы из меня дурака сделали. Нет, я так играть собой не позволю. *(Молчание.)* Я дивлюсь, как это ваша маменька не перестанет принимать Мерича. С такими людьми нечего церемониться. Я б на ее месте его близко к дому не пустил.

М а р ь я А н д р е е в н а. Продолжайте, продолжайте!

С. 213

²³ *После:* подлец, что ли, по-вашему? — Вы меня не только не любите, но еще считаете каким-то низким человеком.

³⁵ *После:* а до тех пор молчите. *(Молчание.)* —

М и л а ш и н. Вот я всегда попадусь! А за что? За то, что люблю вас. Вы сердитесь на меня, Марья Андревна?

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, мне не до вас.

М и л а ш и н. Значит, мир! Дайте ручку поцеловать. *(Марья Андреевна протягивает молча.)*

М а р ь я А н д р е е в н а. Что ж это так долго?

С. 216

⁵ как же мне теперь расстаться с тобой? / У меня теперь недостает сил решиться расстаться с тобой.

С. 217

³⁰ *После:* невинное создание! — Ах, как ты хороша с твоим страдальческим лицом, с слезами на глазах.

С. 218

²⁻³ Ты на меня не сердишься? / Прости меня, Мери, что я нарушил мир невинной души твоей.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я прощаю. Бог с тобой.

М е р и ч. И не сердишься?

⁴ Не сержусь / И не сержусь

С. 219

²⁹ *Перед:* Ах, Иван Иванович — Только этого не доставало! *(После молчания.)*

С. 222

² Отошлите поскорей. / Пошлите поскорей.

С. 224

²⁴ Ходит по комнате, плачет и пьет. / Ходит дома по комнате, плачет и пьет.

С. 225

¹⁴ *После:* Перестаньте, Иван Иванович! — Что вы говорите!

С. 229

¹⁶⁻¹⁷ мне было бы очень тяжело / я не перенесла бы своего положения

¹⁷ *После:* Только этим я теперь и живу. — Что, если мечты мои не осуществятся. Это ужасно!

^{17—18} *Фразы:* Поддерживайте меня, Платон Маркыч. — *нет.*

С. 230

⁶ *После:* А прежде? — Да, прежде сердце билось у меня, очень билось.

¹⁵ *Перед:* Прощайте, мне пора — *(Приседает.)*

С. 231

^{20—21} *После:* И я чувствую, что во мне есть силы. — Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мне нужна, для нее будет благодарное употребление.

С. 236

²⁸ *После:* такой сокол, что беда! —

С е м ь б а р ы ш е н ь.

П е р в а я. Что ж это! Сказали, что танцы будут, а танцев совсем и нет.

В т о р а я. Как тебе невеста понравилась?

П е р в а я. Ничего нет особенного.

В т о р а я. А мне так вовсе не понравилась.

Т р е т ь я. Сентиментальна очень.

Ч е т в е р т а я. Должно быть, собой очень занята.

П я т а я. Такой невинностью прикидывается, а сама, думаю, раде-хонька... Да ведь уж и года.

Ш е с т а я. Ты бы уж лучше не говорила о годах-то. Небось мы с тобой моложе.

С е д ь м а я. Пойдемте домой.

Уходят. Музыканты проходят по сцене, барышни возвращаются и стоят около двери.

С. 238

^{19—26} Мне кажется ~ и вас, Платон Маркыч. / *(Прислушивается.)* Погодите; послушаем, что говорят.

Две свахи в стороне.

П а н к р а т ь е в н а. Ты говоришь, Карповна, что богатый человек.

К а р п о в н а. Богатый-то богатый, так с богатым-то надо жить умеючи. Другой, нравный, любит, чтоб жена за ним ухаживала, никого из людей не подпускает. А где ей это знать.

П а н к р а т ь е в н а. Где знать! Ты вот возьми, ведь он чиновник. Ну, а чиновник уже все не так пышно живет. А жены-то все то платье из магазина, то шляпка из магазина, а нет, чтобы хозяйничать да мужу помогать. Все норовят на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Где ж ей-то знать, какая она хозяйка!

К а р п о в н а. Где знать!

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, они ошибаются, я это знала и знаю, я только ненадолго позабыла, что я бедная невеста. Право, мне кажется, что я буду счастлива, а если нет... если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Никто не посмеет упрекнуть вас. Чем же вы виноваты. Вы все для меня сделали, что могли. Теперь уж я сама попробую что-нибудь для себя сделать. (*Целует мать.*) Я не знаю, как он меня, а я его уж теперь люблю.

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

Варианты чернового автографа

С. 241

²⁵ Я, брат, ничего... я выпью. / Что ж... ничего, можно.

С. 242

⁶ После: имею, может быть, вдвое-с — противу того

¹² Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает? / Опять, Ив<ан> Ив<аныч>, какое он может право иметь так обижать меня?

С. 243

¹⁰ Слов: Эй ты! Прибери чай. — нет.

^{26—27} Фразы: Есть на то моё желание и маменькино-с. — нет.

С. 244

⁴ Слов: хотя бы даже безо всякого награждения — нет.

^{7—9} Слов: а уж я вам по гроб жизни ~ я всей душой-с. — нет.

^{34—35} После: сват, мол, пришёл. — Молчание. *Половой принос<ит> водку и зак<усывают>. Русак <о в> пьёт.*

С. 245

^{1—8} Текста: Об чём вы тут, дружки, толкуете? ~ Это ты правильно. — нет.

⁹ Ремарки: *Половой приносит водку и ставит на стол.* — нет.

¹⁶ Слов: и всё этакое... — нет.

¹⁷ Фразы: Да ты полно ломаться-то!.. — нет.

С. 246—247

^{1—19} Текста: У тебя, сват, не разберёшь ~ Уходят. — нет.

С. 248—250

^{3—8} Вот как это случилось ~ терпеть не могу. /

Половой и Баранчевский (*входит*). У вас [Ганц] Ф. Ф. Вольфов остановился.

Пол<овой>. У нас.

Бар<анчевский>. Где же он?

Пол<овой>. Да вот они сами идут-с.

Баранч<евский>. Федя, здравствуй! (*Целуются.*) Только что, брат, услышал сейчас же к тебе. Давно ли? Какими судьбами, а главное зачем?

В<ольфов>. Ну об этом после. Ты как поживаешь?

Баранч<евский>. Ну какая жизнь у нас в глуши; а ничего, братец, живу, обабился, домком обзавелся.

В<ольфов>. Человек, трубок; так ты [сделался семьянином] женился.

Б а р а н ч <евский>. Заезжай нынче ко мне, поужинаем. У меня, брат, жена, хоть и простая женщина, а знаешь, этакая русская, хлебосольная.

В<о л ь ф о в>. Вот как! На ком же ты женился.

Г а н г¹. На дочери купца здешнего. Ну, знаешь, приехал я гол как сокол, приволокнулся вот за теперешней за моей женой, она влюбилась, как кошка, посватался, сначала не отдавали, она в слезы, умру, говорит; ну и отдали. Дом взял каменный да деньжонок, имение купил в здешнем уезде душ 200 и недалеко отсюда, всего верст 7.

В<о л ь ф о в>. Славно, брат Алеша, да ты молодец; ну, брат, честь имею поздравить.

Б а р <а н ч е в с к и й>. Что ж, братец! По крайней мере, я им покажу здесь, как жить. Посмотри, как дом отделал, первый дом в городе, мебель какая — петербургская. А уж кабинет у меня мое вам почтение. У меня ведь всегда вкусу было бездна — только денег не было. Ну и жена, что ж по здешнему городу сойдет — толстеть стала очень.

В<о л ь ф о в>. Что за важность. Стоит об этом разговаривать.

Б а р <а н ч е в с к и й>. Ну, а ты как.

В<о л ь ф о в>. [Я поступил² на службу в вашу губернию.] Я, брат, в отставке.

Б а р <а н ч е в с к и й>. Как в отставке?

Г<а н ц>. Так, неприятность случилась тут одна.

Б а р <а н ч е в с к и й>. А, понимаю. Т<о> е<сть> тебя попросили выйти. А здесь зачем?

В<о л ь ф о в>. У меня здесь есть именишко. [Послушай, Алеша, я с тобой буду говорить откровенно.] Приехал, вижу расстроено ужасно, жить совершенно нечем.

Б а р <а н ч е в с к и й>. Что же ты намерен предпринять?

В<о л ь ф о в>. [Я тоже гол, как сокол, и так же, как ты] хочу жениться. Я уже было присватался к одной в [Калин<ове?> губернском городе] Москве, влюбилась тоже ужас что такое, просто средств нет никаких, какие письма писала. Я одно вожу с собой для оригинальности. Посмотри! (*Читает.* <нрзб.>) Ну да это ничего. Только не отдают ни за какие благополучия. — Я было так и сяк, увезти хотел, да с ней не столкнешь — дура ужаснейшая! Дура — а ля леттре, мон шер — такое несчастье. Потом я, братец, услышал, что у вас в Черемухине есть богатые купцы, а именно Русаков, а у него дочка, и вот, мон шер, в одно прекрасное утро я беру почтовых — и вот покорнейший слуга. Познакомился с отцом, с ней завел интрижку.

¹ Вероятно, описка вместо: Ганц.

² Далее: [переведен]

Бар <анчевский>. Как же ты с ней познакомился?
 В<ольфов>. Через здешнюю хозяйку, она сюда заходит иногда.
 Бар <анчевский>. Ну, что же?
 В<ольфов>. Разумеется, влюблена.
 Бар <анчевский>. Вот как!
 В<ольфов>. Послушай, у тебя есть экипаж хороший?
 Бар <анчевский>. Лучший в городе.
 В<ольфов>. Ты мне его одолжи. Я к ним съезжу, надобно им,
 т<он>с<е>, тону задать.
 Бар <анчевский>. С удовольствием.
 В<ольфов>. Выпьем бутылочку!
 Бар <анчевский>. Нет уж позволь я тебя попотчую.
 В<ольфов>. Человек (*входит половой*).
 Пол <овой>. Что прикажете?
 Бар <анчевский>. Бутылку шампанского (*встают и ходят по сцене*).
 В<ольфов> (*подходя и ухватывая его за талию*). Так-то, Алеша! Привел Бог увидеться. Однако ты потолстел.
 Бар <анчевский>. Отъелся на вольном хлебе.
Половой приносит бутылку в одной руке и два стакана на подносе в другой. Ставит стаканы на стол и начинает откупоривать бутылку.

С. 250

¹⁴ Со временем бывает-с. / Временами бывает-с.

^{32—33} не стану же я тебя обманывать / Она не пойдет ни за что

³⁴ *После:* Заедешь в такую глушь!.. — Тут у вас может быть в самом деле такой обычай.

С. 251

⁸ объяснись с ним поумнее / объяснись с ним, сделай предложение

²¹ *После:* Ну, прощай, я тебя жду.— (*Ударяет его рукой по плечу.*)

^{23—27} Если этот ~ не хочу. /

Г <а н ц> (*один*). Если мне это не удастся, я решительно сяду, как рак на мели. Жить порядочно хоть в губернском городе, хоть в уезде, все надобно иметь что-нибудь, да я без состояния решительно и жить не могу. Что ж делать? Другие могут, живут решительно без всякого состояния, а я не могу, не моя вина, такой у меня характер; я при деньгах совсем другой человек. По мне умный человек [непременно должен] все средства должен употреблять, чтоб [нажить] иметь такое состояние. Там говори себе кто хочешь, что надобно работать, трудиться. Все это вздор, одни рассказы. Что ж мне в ремесленники что ли итти! Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого слушать не хочу.

С. 253

²¹ *После:* Прощайте, мне пора. — Я вас поцелую на прощанье, вы мне это позволите.

С. 254

²⁻⁴ и, как кажется ~ довольно. / А она даже очень недурна, да мякенькая такая! Да еще деньги-то. Ах, кабы это дело устроилось!

⁸⁻¹⁰ *Небольшая комната ~ гитара. / В доме у Русакова, небольшая гостиная.*

С. 256

¹⁷⁻¹⁸ Нет-с, я так ~ не прельщается. / Вот что-с? А что же здесь на вас никто не прельщается?

²⁸⁻²⁹ Хоша бы и так ~ не спросим. / Это опять-таки наше дело

³⁵ *После:* Поёт с чувством романс — *пометка:* Черный ворон.

³⁷⁻³⁸ Что? Известно что ~ (*Задумывается.*) / Романс (*задумывается*). У меня, Ваня, как я жила в Москве, был предмет, вот бы ты послушал, как он поет его. Бывало закинет голову назад. Если бы не ваша любовь, Арина Федотовна, я бы, говорит, лишил себя жизни самым мучительным образом, вы, говорит, одна моя отрада в жизни; да и за-поет: черный ворон, что ты вьешься.

Б о р о д к и н. Что же он жив-с?

А р <и н а> Ф е д <о т о в н а>. В эристратуре служит.

С. 258—259

²⁹⁻²⁰ Да ты, Ваня, не сердись ~ Женись, Ваня, на Груше /

А в <д о т ь я> М а к <с и м о в н а>. Ваня [голубчик], не сердись. Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. [Хочет меня с собой в Москву взять.] Любила я тебя, ты сам знаешь.¹ [Увидала я его у Ж...² на той неделе, сначала-то я его стыдилась, а он такой ласковый, такие речи говорит, так у меня сердце и оборвалось. Так с тех пор с ума нейдет и во сне-то все его вижу.

Б о р о д к <и н>. Не найдет он себе в Москве-то невесту? Видимое дело, что ему твои деньги нужны, а не ты.

А в <д о т ь я> М а к <с и м о в н а>. Нет, Ваня, он меня любит, как он говорит, послушай.

Б о р о д к <и н>. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю.

А в <д о т ь я> М а к <с и м о в н а>. Что ж мне делать-то, и я его-то люблю и тебя-то мне, Ваня, жаль. Вот без него как словно я тебя люблю по-прежнему, а как его увижу, так не знаю, что со мной делается.] Женись, Ваня, на Груше, на Курочкиной.

¹ Фраза вписана над строкой.

² Возможно, так условно обозначена жена Маломальского.

С. 260

^{16—32} *Текста:* Что есть, детушки ~ вспомнить. — *нет*.

С. 261

^{3—5} Что мне делать, тётенька? ~ Виктора Аркадьича. /

А в <доть я> Мак <с имовна>. Уж лучше бы он нынче не приезжал.

Ар <ина> Фед <отовна>. Полно ты пустяки-то говорить. Что ж, за Бородкина пойдешь. Фед <ор> Фед <орович> все-таки человек. А это? Мразь какая-то.

А в <доть я> Мак <с имовна>. Да я как-то все боюсь Фед <ора> Фед <оровича>

^{17—18} *Фразы:* Что я тогда с ним, с стариком, сделаю! — *нет*.

С. 262

^{3—4} *Фразы:* Решительно ~ кривая не вынесет. — *нет*.

¹⁰ Явление девятое / 8 явление¹

С. 263

^{1—2} *Слов:* больше образованности, больше развлечений — *нет*.

^{25—32} Нет, скажите ~ до сих пор. / Нет, все-таки, М <аксим> Фед <отыч>, приятно; как хотите, а во всяком человеке есть самолюбие, и оно весьма извинительно. Я слышал про вас много хорошего еще в Москве и, проезжая через [Малинов] Черемухин, не мог не заехать к вам. Я вам решительно [скажу] говорю: я совершенно обворожен вами. В Вас я вижу простого русского человека. Я вам говорю это без всякой лести; я такого семейства, как ваше, никак не ожидал встретить в этом [городишке] городе.

^{35—38} Знаете ли ~ не обидитесь? / А что, М <аксим> Фед <отыч>, если я с вами буду говорить откровенно, вы на меня не обидитесь? Мне Ваша Авд <отья> Мак <симовна> очень нравится.

С. 264

² *Фразы:* Ох, Максим Федотыч, страшно! — *нет*.

¹³ Полноте, Максим Федотыч! Что за идея! / Ах, нет. Я вас уверяю: вы так сами по себе достойны уважения.

¹⁹ *Фразы:* Не дело вы говорите. — *нет*.

С. 265

^{12—17} иначе я не могу предположить ~ дочери... / Я даже слышал, что к вашей дочери сватался какой-то Бородкин. Но я не думал, чтобы вы, любя свою дочь, решились ее отдать за него и потому явился к вам с предложением. И мне кажется, что если б вы меня покороче узнали... но таков уж видно русский человек, что он всегда хочет поставить на своем и из одного только упрямства он не подорожит счастьем дочери... ничьим.

¹ И далее номера явлений II действия увеличиваются на один.

^{24—25} Ломит своё ~ обидно! / Никакие резоны, ни убеждения на них не действуют, ломит свое. Да каким еще ругательным тоном разговаривает, того и гляди, что скажет тебе в глаза, что свистун дескать ты, аферист. Ни малейшей деликатности у скотов. Ну теперь, кажется, все пропало! Надобно попробовать последнее средство!

C. 266

⁵ *Слов:* Только каково мне просить его об этом, кабы вы знали! (*Садится и плачет.*) — *нет.*

¹⁷ *Фразы:* Вот уж правду-то ~ мука. — *нет.*

¹⁸ *После:* Что, уехал этот барин-то? — Расстроил он меня совсем.

²⁰ Ишь, его принесло, нужно очень. / Этаких [дураков] шелопаев я еще мало видывал.

C. 267

²² *После:* Ты, сестра, молчи — это не твоё дело. — Как хотите, братец, а мне жаль глядеть на нее на бедную.

C. 268

^{1—3} Молчи, пустоголовая ~ не хочу! / Молчи! Вот тебе, Авдотья, мое последнее слово: или ты поди за Бородкина или ступай вон из моего дому, ступай, куда хочешь, хоть к своему полюбовнику.

^{18—19} *Слов:* Воды подайте! Воды!.. — *нет.*

²⁹ *Ремарки:* Девка приносит воду и уходит. — *нет.*

C. 269

^{5—6} *Слов:* и разговаривать бы не стал — *нет.*

^{8—10} Ох, Дунюшка, не верится мне ~ возьмёт и так. / А вот мы это узнаем, Дунюшка; дело-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дам, коли любит, пусть так берет. Уж, конечно, я тебя, мое дитятко, после не забуду, да мы его-то попробуем.

^{19—22} *Текста:* Тятенька, да разве ~ да вот посмотрим. — *нет.*

^{23—24} Тятенька, голубчик ~ думала, что умираю / Тятенька, вы меня как воскресили точно, а то уж я, право, думала, что умру (*молч<ание>*).

^{33—35} На нашей улице ~ услышит. / Ну уж теперь не о чем тужить. Пойдем-ко скорее. То-то он бедный обрадуется.

C. 270

³ Небольшая комната на постоялом дворе. Темно. / В Ямской слободе, всего верста от городу.

^{18—20} *После:* Затем, что я люблю ~ в город. — Не так ли, а?

C. 271

¹ *После:* Нет, уж я так глуп не буду — чтобы выпустить [теперь] тебя из рук.

C. 272

⁸ я тебя и знать не хочу. / ступай вон из моего дому.

¹¹ Вот народ-то! / Скоты! Вот народ-то.

¹⁹ *Фразы:* Погоди, заживём мы с тобой. — *нет.*

^{31—35} Опять же он на меня теперь в сердцах ~ жить в бедности / Он одно толкует: ты еще придешь ко мне поклонишься, как нужду-то узнаешь. А я [одно] думаю себе: лучше жить...

С. 274

^{4—5} проклинаячи свою жизнь / не осушаячи глаз да проклинаячи свою жизнь

С. 279

^{14—15} Ты приехала с заразой-то своей ~ вздорные. / Ты приехала из Москвы-то с заразой своей. Только у тебя и разговору-то было, что мерзости, все речи твои были блудными.

С. 282

²⁶ *После:* Тятенька!.. — У меня нет любовника.

С. 283

¹¹ *После:* я тебя запру — в светелку, там и сиди.

²³ *После:* мы заставим. — На это закон.

С. 284

³ *После:* Что это значит худая слава! — равно как наплевать.

^{14—16} *Текста:* Да ты что шумишь-то? ~ и отдайте!.. — *нет.*

^{26—32} Иван Петрович! Я за вас ~ тятеньке. / Иван Петрович! Мне надо за вас вечно Богу молить: из какого позору, из какого сраму вы меня вывели. Всякий бы надо мной смеялся, всякий бы на меня пальцем показывал; а заступиться за меня некому. Тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то; при такой жизни я бы двух недель не прожила. Эти слова камнем лежат у меня на сердце, они до самой смерти останутся. Я виновата, я знаю, но за что же я буду терпеть напраслину. Уж вы за меня, Иван Петрович, заступитесь, скажите всем, что я честная девушка! А я за это за вас буду Бога молить. Все-таки у бедной девушки будет защита.

Варианты авторизованной писарской копии

С. 240

²³ Что ты, братец, смотришь? / Что ты, брат, смотришь?

^{23—24} Тонкое житьё! / Тонкое, [брат, наше] житьё!

²⁵ в животе бурчит / в животе пучит

³¹ *После:* да и машин на хаус. / —

[Половой. А за что же, позвольте спросить?

Степан. За что? За его нравство. Крут очень сердцем. Чин-то небольшой, а фардыбачить горазд.]

С. 241

¹ не глядели б глаза мои / не глядели б глаза

⁶ Зачем же ваш барин сюда приехал? / [Что же ваш барин хочет делать?]

¹⁸ (*Садится за стол.*) / (*Садятся за стол.*)

²² ставит на стол / становится на стол

²⁸ отпустил бутылку лисабону / отпустил бутылочку лисабону

С. 242

⁶ может быть, вдвое-с / может быть, вдвое-с противу этого

¹² Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает? / Опять [Иван Иванович], какое он может право иметь обижать меня?

¹⁸ одна зависть / одна только зависть

^{23—24} После: препятствовать никто. — [И с позволения сказать для тебя эти слова ровно как ничего.]

³¹ После: когда про человека такая слава идёт. — [Потому что как он есть пустой человек.]

С. 243

^{26—27} Есть на то моё желание / Есть мое на это желание

^{30—31} мне что приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно / Это, Боже меня сохрани, польститься на корысть

С. 244

³⁶ Половой уходит. / [Молчание. Половой приносит водку и закуску. Ру-
саков пьет]

С. 245

¹ Текста: Об чём вы тут, дружки, толкуете? ~ на стол. — нет.

^{14—15} показывает на Бородинку / показывая на Бородинку

^{27—28} этому всему делу / всему этому делу

С. 246

⁵ Это навек. / [Ведь] это навек. [Ты зайди, Иванушка, ко мне, мы с тобой и потолкуем.]

⁹ После: Одно утешение только и есть. — [Так стало быть у меня теперь одно на уме, как хорошего человека найти.]

С. 247

³ лучше тебя у нас в городе нет / лучше тебя у нас в городе парня нет

¹⁸ Я вот сбегая в лавку / Я вот сбегая в лавочку

²⁶ Фразы: теперь гуляй!.. — нет.

С. 248

¹ Явление пятое / 5 и 6 явления¹

¹ После: явление пятое —

Половой и Баранчевский (входит).

Баранчевский. Скажи, любезный, кто у вас остановился,
красивый молодой человек?

¹ 5 и 6 явл. переработаны и объединены в 5-е явл. 1 д. основного текста.

Половой. Виктор Аркадьевич, господин Вихорев.

Баранчевский. Неужели?

Половой. Так точно-с. Вот они сами идут-с.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Вихорев (входит)

Бар<анчевский>. Виктор! Друг! Какими судьбами! Вообрази, душа моя, приезжаю я нынче из деревни, говорят, что к нам в Черемухин приехал молодой человек, красавец собой; дай, думаю, пойду, не Вихорев ли [я прямо на тебя и подумал]. И что же! Да ты понимаешь ли, как я рад! Душа моя, Витя! *(Обнимает его.)*

Вихорев. Я, брат, сам рад, что тебя встретил.

Бар<анчевский>. Ну, рассказывай скорей, зачем ты здесь, давно ли, какими судьбами?

Вихорев. Ну об этом после. Присядем *(садятся)*. Человек, трубок *(половой уходит)*.

Бар<анчевский>. [Выпьем, душа моя, на радости. Человек, бутылку шампанского *(Половой уходит.)*]

Вихорев. Пожалуй. Каково ты здесь поживаешь?

Бар<анчевский>. И не говори. Тоска такая, что ужас, ни общества, ни развлечений. Дома сидишь скучно, а выехать некуда. Ты погостишь у нас?

Вихорев. Да надобно будет пробыть несколько времени.

Бар<анчевский>. Вот и прекрасно. Мы покутим с тобой.

Вихорев. Ты не женат еще?

Бар<анчевский>. Вот хватился! Уже третий год.

Вихорев. На ком?

Бар<анчевский>. На купчихе, на вдове.

Вихорев. И выгодно?

Бар<анчевский>. Да, довольно выгодно. Дом взял, на деньги имение купил, премиленькое именьеце душ 200, и недалеко, всего 7 верст.

Вихорев. Это удивительно хорошо. Ну, брат, поздравляю.

Половой приносит трубки.

Бар<анчевский>. [Одно, душа моя, мне неприятно, провинциалка ужаснейшая, ну и толстеет так что страх; вот что ты хочешь.

Вихорев. Что за важность, стоит об этом разговаривать!

Бар<анчевский>. Ну а ты как?

Вихорев. Я, брат, плохо: во-первых, я в отставке, а во-вторых, без всяких средств; имение разорено и никакого дохода не приносит.

Бар <анчевский>. Что ты думаешь? Коли хочешь служить, мы тебе местечко найдем.

Вихорев. Что служить? Надобно прежде устроиться. Жениться нужно, мой друг, вот что!

Бар <анчевский>. Дело, Виктор, дело! Что ж, можно и так, мы похлопочем.

Вихорев. Ты выслушай сначала мои планы и убеждения, я с тобой буду говорить откровенно, а потом потолкуем и об самом деле.

Бар <анчевский>. Хорошо, душа моя, я слушаю.]

Вихорев. Что такое деньги? Ни больше, ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие, что называется.

Бар <анчевский>. [(покачиваясь на стуле)] Разумеется.

Вихорев. Ну и все у нас понимают это. Есть целые сословия, которые все <нрзб.> стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать, а уже доказано всеми науками, что это трудно для торговли и для целого <нрзб.> общества.

Бар <анчевский>. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. [Ведь это называется, мой друг, мертвый капитал!] Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Бар <анчевский>. Никоим образом.

Вихорев. Теперь [я буду говорить о себе. Ты знаешь, мой друг] мой меланхолический характер, мне и так все кажется в черном цвете, а во время безденежья и вообразить не можешь. При деньгах я совсем другой человек, я делаюсь весел, развязан, могу заняться делом <нрзб.> Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, брат, тоска нашла, хандрить начал, серьезно я говорю. Помоги, Баранчевский.

Бар <анчевский>. [Ну, известно <1 нрзб.> ты и женись на Ав<дотье> Мак<симовне> и заживешь здесь, прогонишь тоску-то]

Вихорев. Дело теперь в том, чтобы найти невесту <1 нрзб.>, а потом уже и действовать по <1 нрзб.>.

Баранчевский. Все это можно.

Вихорев. Можно, да только осторожно и с умением. Легко сказать, женись! <нрзб.> Я было в Москве тоже присватался за одну — куш порядочный, влюбилась сдуру ужас как, просто средств нет никаких <нрзб.>. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкуешь, дура ужаснейшая. Дура á la lettre, mon cher, такое несчастье! [<нрзб.>]

Бар <анчевский>. Мы здесь найдем.

В и х о р е в. [Я уже нашел, вот видишь, мой друг, я не зеваю. У вас тут есть значительное лицо Максим Федотыч Русаков, я, мой друг, с ним познакомился да и с дочкой.

Б а р < а н ч е в с к и й >. Как же ты с дочкой познакомился?

В и х о р е в. Через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну.

Б а р < а н ч е в с к и й >. Ну что же?

В и х о р е в. Разумеется, влюблена.

Б а р < а н ч е в с к и й >. Этого упускать не надо. Вот тебе моя правая рука, распоряжай мною, как хочешь, я готов тебе помогать во всем.

В и х о р е в. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший.

Б а р < а н ч е в с к и й >. Лучший в городе.

В и х о р е в. Ты мне его одолжи к ним съездить]

С. 251

^{23—27} Если этот ~ не хочу. / 1) [Если мне это не удастся, я решительно сяду, как рак на мели. Жить порядочно хоть в губернском городе, хоть в уезде, все надобно иметь что-нибудь, да я без состояния решительно и жить не могу. Что ж делать? Другие могут, живут решительно без всякого состояния, а я не могу, не моя вина, такой у меня характер; я при деньгах совсем другой человек. По мне умный человек непременно должен все средства должен употреблять, чтоб иметь такое состояние. Там говори себе кто хочешь, что надобно работать, трудиться. Все это вздор, одни рассказы.] Что ж мне в ремесленники что ли итти! Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого слушать не хочу; 2) ◇

С. 253

²¹ После: Прощайте, мне пора. — [В и х о р е в (*отводит ее в сторону*). Я вас поцелую на прощание, вы мне это позвольте] (*берет ее за руку и хочет обнять*).

С. 254

^{8—10} Небольшая комната ~ гитара. / [Небольшая комната ~ гитара.]¹

С. 254—255

^{16—4} Научить ли те, Ванюша ~ Веселёшенька. / [Научить ли те, Ванюша ~ Веселёшенька.]

С. 260

^{28—32} Одна у меня теперь забота ~ вспомнить. / 1) Одна у меня теперь забота, как бы мне Дуняшку устроить; полюбовался б на тебя, мое дитячко, внучат бы понянчил, коли Бог приведет; 2) ◇

С. 262

^{2—8} Ну, борода, поговорим ~ брата!.. / 1) Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Мудрен ведь этот

¹ Слева от вычеркнутого текста поставлен знак вопроса.

народ! Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!... 2) ◇

С. 263

^{6—10} Я с вами согласен ~ одним из первых. / 1) Я с вами согласен, но, впрочем, Максим Федотыч; 2) ◇

^{16—18} Вы, вероятно, захотите ~ найдёте? / 1) [Надобно] ей дать некоторое [воспитание] образование, нужно, [чтобы она видела] показывать людей — наконец [нужно же ей] найти хорошую партию. А где же вы [здесь] это здесь найдете? 2) Вы, вероятно, как чадолюбивый отец захотите ей дать некоторое [воспитание] образование, нужно, [чтобы она видела] показывать людей — наконец [нужно же ей] найти хорошую партию. А где же вы [здесь] это здесь найдете?

^{25—29} разве есть ~ извинительно / 1) [Но... все-таки, Максим Федотыч, приятно; как хотите, а во всяком человеке есть самолюбие, и это весьма извинительно. Я слышал про вас много хорошего еще в Москве и проезжая через Черемухин, не мог не заехать к вам. Я вам решительно говорю: я совершенно обворожен вами. В вас я вижу просто русского человека]; 2) ◇

^{34—37} Нет, в самом деле ~ смелость / 1) Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас — этой патриархальности; 2) ◇

С. 264

^{2—9} Ох, Максим Федотыч, страшно ~ у меня... / 1) Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она несколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, а чин у меня, [Максим Федотыч, порядочный]; 2) ◇

^{14—19} Право, так ~ говорите. / 1) Право, так. А то за что нас любить-то; 2) ◇

С. 270

¹⁶ Мы теперь в Ямской слободе. / Мы теперь в Ямской слободе. [Всего верста от городу]

³² Виктор Аркадьич! / [Федор Федорыч!]¹

С. 271

¹ я так глуп не буду / я так глуп не буду [чтобы выпустить тебя из рук]

С. 272

¹¹ Перед: Вот народ-то! — Скоты!

^{34—35} Перед: Я, Виктор Аркадьич, так рассудила — [Он одно толкует: ты еще придешь ко мне поклониться, как нужду-то узнаешь.]

¹ Далее Федор Федорыч везде исправлено на Виктор Аркадьич.

С. 274

⁴ в четырёх стенах сидя / в четырех стенах сидя [не осушаючи глаза да проклинаячи]

С. 278

¹⁶ Дочь мою, голубушку / Дочь мою, голубку

С. 279

¹⁴ Ты приехала с заразой-то своей. / Ты приехала из Москвы-то с заразой-то своей.

¹⁵ такие вздорные / такие блудные

С. 280

³⁴ После: тебя не нужно — [ни любви твоей]

Варианты авторизованной театральной копии

С. 240

³¹ машир / [мастер]

С. 241

²⁸ бутылку лисабону / бутылку лиссабончику

С. 243

⁴ Откупори да бокальчиков дай. / 1) Откупори да [бокальчик] дай; 2) ◇

С. 246

⁹ не надо ни знатного / не надо ни [знатности]

¹⁴ как им человек / 1) как [ей] человек; 2) ◇

С. 248

²³ давай выпьем маленькую / 1) давай выпьем [бутылочку]; 2) ◇

С. 249

²³ Никоим образом! / [Никаким] образом! 2) ◇

³² Серьёзно я говорю / 1) Серьёзно говорю; 2) ◇

С. 251

²⁴ Будет, помаялся / Будет, уже помаялся

²⁶ что хочешь пой, я / что хочешь пой

С. 257

²¹ на трефового короля / на [бубнового] трефового короля

²² трефовый / [бубновый] трефовый

С. 266

^{27—28} он человек столичный / он человек [отличный] столичный

С. 274

²⁰ Фразы: Да это легче в Сибирь Тобольской идти. — *нет*.

С. 280

²¹ Тятенька, голубчик! Скоро ли он / Тятенька, голубчик! [Простишь ли ты меня?] Скоро ли он

Варианты отдельного издания
(*Не в свои сани не садись. М.: Тип. В. Готье, 1853*)¹

- С. 240
¹¹ *отставной кавалерист / проезжий*
- С. 242
¹³ *должён этого... / не должен².*
²⁸ *Это ты правильно говоришь. / Это правильно говоришь.*
- С. 243
²⁹ *Вы не подумайте / Вы не думайте*
- С. 244
²⁷ *Ты, Иванушка / Ты, Иванушко³*
- С. 245
^{24—25} *примерно сказать тебе / примерно сказать*
^{35—36} *Ремарки: Подпирает руки в бока и сидит с важной физиономией — нет.*
- С. 247
³ *лучше тебя у нас в городе нет / лучше тебя у нас в городе парня нет*
- С. 248
⁷ *заходит иногда / ходит иногда*
- С. 250
⁷ *откупоривает бутылку / откупоривает*
- С. 251
¹⁸ *Амур! (Уходит.) / Амур!*
²⁷ *я никого и слушать не хочу / никого слушать не хочу*
- С. 255
³⁰ *Ремарки: Бородин входит. — нет.*
- С. 257
⁶ *Ремарки: Входит Авдотья Максимовна. — нет.*
- С. 258
³ *прикидываться / притворяться*
^{10—11} *шутки разные подводит / шутки разные подводит*
- С. 259
²¹ *Бог даст. / Бог велит.*
²⁵ *Не захотела я тебя обманывать. / Не захотела обмануть.*
- С. 261
^{7—8} *как-то всё боюсь / как-то боюсь*
¹⁵ *как это интересно / как это интересно*

¹ При выборе вариантов учитывались отмеченные издателями опечатки.

² Далее во всех случаях эта форма сохраняется.

³ Далее во всех случаях сохраняется эта форма обращения.

²¹ право, совсем деревенская / совсем деревенская

С. 262

² Решительно не знаю ~ народ! / Мудрен ведь этот народ! Решительно не знаю... ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет.

С. 263

² больше развлечений / больше развлечения

¹⁶ После: Вы, вероятно, — как чадолюбивый отец

²³ Был бы я сам / Был бы сам

²⁵ Фразы: Нет, скажите: — *нет*.

С. 265

^{16—17} После: счастьем дочери... — и не чьим.

^{23—24} какая-нибудь возможность / какая возможность

С. 266

⁵ кабы вы знали / как бы вы знали

¹⁷ правду-то / правду

С. 267

⁸ горе такое / горе там

С. 268

³⁰ (*брызгает водою на Дуню*) / (*с водою. Брызгает на Дуню.*)

С. 270

²⁴ С какими глазами я / С какими глазами

С. 272

⁷ а об том / а об этом

¹⁶ подле меня, плачет / подле меня, в слезах

С. 274

^{19—21} Текста: Всякую беду ~ убёгом уйду. — *нет*.

С. 276

²⁵ на погибель / на гибель

С. 278

³¹ Поживёшь в чужих людях / Поживши в чужих людях

С. 279—280

^{36—1} А ты посмотри-ка / А посмотри-ка

С. 280

²¹ После: Тятенька, голубчик! — простишь ли ты меня?

С. 282

¹⁴ как хочет / как хочешь

^{30—31} Где мой враг-то / Где враг-то мой

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Первоначальное название и список действующих лиц

Гордым Бог противится. Комедия в [2-х] 3-х действиях

Лица:

Гордей Карпыч [Торцовой] Торцов, *богатый купец*.

Пелагея [Ивановна] Егоровна, *его жена*.

Любовь Гордеевна, *их дочь*.

[Аким] Любим Карпыч, *его брат, промотавшийся и шляющийся по городу*.

Африкан Савич

Устинья Петровна, *бедная вдова*.

Митя, *сын ее*.

Богатый купец. Старик.

Яша
Гриша } *молодые парни*.

Анна Ивановна, *молодая вдова*.

Маша
Саша } *подруги Любви Гордеевны*.

<План I действия>

Митя и Пелагея Егоровна. — Митя, Яша и Гриша — Те же и Торцов. — Гордей Карпыч; упрекает Митю бедностью (уход.) — Те же без Горд<ея> Карп<ыча> — Те же, Любовь Горд<еевна> и девушки — Митя и Любовь Горд<еевна>. — Чтение стихов. — Те же и Любим Карп<ыч> Торц<ов>. — Торц<ов> и Митя. — Торцов засыпает, Митя уходит.

Варианты чернового автографа

С. 289

^{3—4} *Текста:* да смешно таково ~ подвернётся. — *нет*.

^{12—13} Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними. / 1) Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними: [Анна Ивановна, девушки. Должно быть вечером поиграть хотят]; 2) ∅

^{27—28} *Текста:* Как же, пойдёт тут работа на ум! Всё бы я думал об ней!.. ~ Ах ты, горе-гореваньице!.. (Закрывает лицо руками и сидит молча.) — *нет*.

С. 295

^{28—29} Слов: Как гусара ~ не годится! — нет.

С. 298

^{4—5} Надоело молча-то сидеть, орехи щёлкать; пойдёмте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо ~ Известное дело / Надоело молча-то сидеть, орехи щёлкать; пойдёмте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо. Известное дело; 2) ◇

^{8—13} Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях ~ никогда! /

1) Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Л ю б о в ь   Г о р д е е в н а. Вот уж никогда!

2) ◇

^{16—24} Ах вы, скромность! ~ присмирели! / Ах вы, скромность! А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели! 2) ◇

^{31—36} А н н а   И в а н о в н а (*подходит к Гуслину*). Что ж ты, бандурист, когда на мне женишься? ~ дело /

А н н а   И в а н о в н а (*садится подле Гуслина*). Ты что, мил сердечный друг, приуныл?

Г у с л и н. Что мне унывать-то? Так сижу себе, да и все тут (*Кивает ей головой, она подходит к нему и садится подле него, она шепчет на ухо*).

С. 299

¹⁵ Ремарки: (*Пляшет.*) — нет.

С. 301

^{10—12} Да как же-с!.. Мне очень приятно-с ~ имею счастье-с... / Да как же-с! Мне очень приятно-с. Вот уже другой раз вы ко мне заходите! Ономясь зашли, посидите-с.

^{15—17} Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с! (*Вынимает из кармана бумагу*). Позвольте мне презентовать вам мой труд... как умею, от души. / Ах, нет, не уходите-с! Я вам хотел почитать. Не дай Бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков, ни сверху нет ничего. Людей стыдно / 1) Не дай Бог лихому татарину. Людей стыдно; 2) ◇

С. 302

^{13—18} Пожалуйте-с ~ наверх? / После отдам. Придешь к нам на вечер?

С. 305—306

^{34—2} Текста: Дуракам богатство ~ ночевать к тебе приду. — нет.

С. 306

⁸ Слов: Любовь Торцова. — нет.

¹⁸ *После:* Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. — [Яша-то домой хотел сходить, а Митя-то не знаю, что засиделся]

^{25—27} *Текста:* А ты, девка, люби ~ каков парень-то. — *нет.*

^{30—32} *Реплики:* А н н а И в а н о в н а. Ну, а коли хорош ~ ума-разума. — *нет.*

С. 307

^{27—28} я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с. / 1) я имею у себя сердце, а не камень. [Смею ли я любить вас или нет, это другого рода дела; а люблю ли я вас <нрзб.> знавши меня столько времени, вы сами могли это видеть]; 2) <нрзб.>; 3) ◇

С. 307—308

^{33—2} Если б это была правда, значит, что же я за человек после этого! ~ а не то что вас обмануть. / 1) Если б это была правда, значит, [я вас обманываю; говорю одно, а делаю совсем напротив. А я считаю, так, что это бесчестно. Смею ли я вас обмануть, когда мне целый век, может быть, не заслужить того, что] вы ко мне внимание имеете; 2) ◇

С. 308

^{3—21} *Текста:* Вам нельзя верить ~ душу положу! — *нет.*

С. 311

^{16—17} *Фразы:* Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую. — *нет.*

^{23—24} *Реплики:* Р а з л ю л я е в. Да, вам смешно ~ не любите? — *нет.*

С. 311—312

^{28—11} *Текста:* За реченькой, за быстрою ~ а мой не пришёл. — *нет.*

С. 313

^{30—31} *Разлюляев засучивает рукава ~ пора. /*

[Р а з л ю л я е в. Ну-ка к кому это будут в сапогах?

Несколько голосов. Любви Гордеевне, Люб<ови>

Горд<еевне>

Пелагея Егоровна. Дай-то Бог! Пора уж, пора!]

Разлюляев (*засучивает рукава и вынимает кольцо*) Чье кольцо?

Люб<овь> Горд<еевна>. Мое.

Разлюляев. Извольте получить.

Пел<агея> Егор<овна>. Дай-то Бог! Пора уж, пора!

С. 324

^{17—22} Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку ~ Митя? /

М и т я (*не замечая П<елагеи> Е<горовны>*). Пропавшая ты моя головушка! Как еще ты на плечах держишься! [Загубили меня злые люди, разлучники!

Пел<агея> Егор<овна>. Что ты, Митя?

М и т я]

С. 328

⁶ Не хочу я супротив отца идти / Не хочу я супротив отца да супротив старого закону идти.

С. 332

²¹ Действие третье. Явление десятое / Действие III Явление 9

^{26—28} Гур, гур, гур... буль, буль буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! (*Протягивает руку Коршунову.*) / [Насилу я его нашел!] Приятелю!

^{31—32} Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик. / Да я.

С. 333

^{13—15} Тсс... Тут не целковым пахнет! ~ Дешевле не отдам. / 1) [Что ты хочешь у меня племянницу за деньги купить? Хватит ли твоего капитала-то?]; 2) [Что ты хочешь долг отдать, что зажил, так отдай]; 3) ◇

¹⁸ Реплики: Р а з л ю л я е в. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери. — *нет.*

³³ Слов: Вот так задача! — *нет.*

С. 334

^{27—29} Текста: Л ю б и м К а р п ы ч. Что за злоба! ~ делай! — *нет.*

Варианты авторизованной писарской копии

С. 289

^{3—6} начал разные колена выкидывать ~ осерчал на него / 1) начал разные колена выкидывать. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него; 2) ◇

¹⁴ Е г о р у ш к а (*прячет сказку в карман*). Побежать наверх. (*Уходит.*) / Е г о р у ш к а. Побежать наверх (*прячет сказку в карман. Уходит.*)

³² М и т я и П е л а г е я Е г о р о в н а. / Митя и Пелагея Егоровна (*входит одетая по-зимнему, останавливается в дверях*).

С. 290

²⁵ После: больше всё в Москве — живет.

^{26—30} То, всё-таки, рассудок имел ~ Теперь всё ему наше русское / 1) То, все-таки, рассудок имел. Теперь все ему наше русское; 2) ◇

³⁸ молоденькому это и нарядиться / молоденькому и нарядиться

С. 292

^{10—11} хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну / хотят в Москву ехать

С. 293

^{31—32} (*Говорит с сильными жестами.*) / [(*Встает и говорит с сильными жестами.*)]

С. 294

³⁴ (*ударяет Митю по плечу*) / (*ударяет его по плечу*)

С. 296

¹² Кольцова переписываю. / Кольцова [перечитываю] переписываю.

С. 297

⁵ не больно умён / не [очень] больно умен

С. 298

²⁻³ Садятся; Митя подвигает стул и садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит. / Садятся. Митя садится против Любви Гордеевны; Разлюляев ходит.

¹⁷ нехорошо при парнях-то... / нехорошо при мужчинах...

²⁸ (Приплясывает.) / (Прохаживается.)

³⁷⁻³⁸ Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю. / Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо.

С. 300

¹⁹ Фразы: Да ты что пристал! — нет.

С. 301

⁴ За дверью девичий смех. / 1) За дверью смех; 2) ◇

С. 302

¹⁸ (встаёт). Придёшь к нам наверх? / 1) [После отдам] (встает); 2) ◇

С. 304

²¹⁻²⁶ не гоюсь я на это дело ~ пора... / 1) не гоюсь я на это дело; 2) ◇

²⁶⁻²⁷ Да ведь голод-то не тётка, что-нибудь надобно делать! / Да ведь голод-то не тетка, [Бог ему судья] что-нибудь надобно делать!

³² После: кто гривну — [Сейчас же молнией через улицу в кабак или полпивную погреться сверкаешь взад и вперед. Хватил, затянулся трубочкой да и опять угол дожидаться, сверкаешь взад и вперед. Что наберешь, тем и дышишь день-то]

С. 305

²⁰⁻²² Ему, дураку, наука нужна. ~ обращаться умеючи... (Дремлет.) / 1) [Вот он за то же и тебя обижает. А будь ты богат да ходи в каком-нибудь дурацком платье, так он за тебя, пожалуй, и дочь отдаст]; 2) ◇

С. 308

²⁻¹⁰ вас обмануть ~ Нет, Митя /

1) М и т я. Если б это была правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

2) ◇

^{16—17} Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.
/ 1) Эх, Любовь Гордеевна, [не шутите мной!] Не такой я человек
[со мной грех шутить]; 2) ◇

С. 311

^{22—25} М а ш а. Даже смешно слышать. ~ Сядемте. /

М а ш а. Даже смешно слышать.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Сядемте.

С. 311—312

^{26—13} Садятся ~ А р и н а (*входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками*). /

1) *Текста*: Г у с л и н (*поёт*). ~ А мой не пришёл. — *нет*.

2) *Садятся*.

Г у с л и н (*поет*).

Меня миленький он
Журил, бранил,
Он журил, бранил,
Добром говаривал:
Не ходи, девка, молода замуж,
Наберись, девка, ума-разума,
Ума-разума да сундук добра.
Да сундук добра, коробьев холста.
Во чужих людях жить умеючи,
Жить умеючи, разумеючи:
Не тебя кликнут, ты откликнешься,
Не тебя пошлют — ты
Устань — поди.

А р и н а (*входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками*).

С. 323

^{23—24} Да самовар-то чтоб туда подали в девичью / Да самовар-то чтоб пода-
ли [большой туда] в девичью

С. 324

¹⁶ *Перед*: Что тебе, Митенька, надобно? — [М и т я. Пропавшая ты моя
головушка! Как ты еще на плечах-то держишься]

С. 331

³³ Да дяденька Любим Карпыч вошли. / 1) Да [ваш братец] вошли; 2) ◇

С. 332

^{15—20} Пелагея Егоровна уходит ~ Входит Любим Карпыч. / 1) Пелагея Его-
ровна уходит. Входит Любим Карпыч; 2) ◇

С. 334

^{20—21} Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены рев-
ностью не замучил... / [Я не Коршунов, людей в разврат не затягивал,
с кругу не сбивал]

- 22—23 в передний угол сажают ~ дочь отдаёт! / 1) в передний угол сажают, брат за него дочь отдает! 2) ◇
- 25—26 Не верьте ему, он врёт: он это по злобе на меня говорит, спьяну. / 1) [Это мне на смех сделано! После этого я тебя знать не хочу]; 2) ◇
- 26—30 спьяну ~ Уведите его! /
 1) К о р ш у н о в (*вскакивает*). Не верьте ему, он врёт: он это по злобе на меня говорит, спьяну.
 Г о р д е й К а р п ы ч (*прислуге*). Уведите его!
 2) ◇
- 35 Изверг естества! (*Уходит.*) / [Брат, получи с него две тысячи, я тебе верю]
- С. 336
- 14 *Входит Любим Карпыч и становится в толпе. / [Любим Карпыч входит и становится в толпе]*
- С. 337
- 9—10 Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут. / 1) [Не Африкану Савичу чета и за них отдают <нрзб.>людей отдают]; 2) ◇
- 11—14 Пустите меня! (*Поёт.*) Трум-ту-тум, трум-ту-тум! (*Пляшет.*) ~ какова она! / 1) [Брат, ведь ты сам не видишь, что ты делаешь. Скинь маску-то, здесь не маскарад! Что народ-то смешить]; 2) ◇

Варианты цензурной писарской копии

- С. 289
- ⁸ стал у собора / стал у [собора]¹ забора
- С. 306
- ¹ да как я, скотина... / да как я [скотина]²

Варианты отдельного первопечатного издания (Бедность не порок: комедия в трёх действиях: сочинение А. Н. Островского. М.: Тип. В. Готье, 1854)

- С. 290
- ²⁰ агличином / агличаном
- С. 292
- ¹⁰ хотят в Москве выдать / хотят в Москву ехать
- С. 296
- ¹⁷ сертучишко-то / сертучишко

¹ *Вычеркнуто цензором.*

² *Вычеркнуто цензором.*

С. 297

^{4—5} и взыскать-то / взыскать-то

^{31—32} Какими это судьбами?... / Какими судьбами?..

С. 298

^{2—3} Митя подвигает стул и садится против Любви Гордеевны; Раз-
люляев ходит. / Митя садится.

^{6—7} Мы и не воображали / Мы не воображали

С. 299

²⁰ Фразы: Какая же девушка в мире может сказать это! — нет.

²¹ М а ш а. Конечно. / М а ш а. Конечно, Лиза.

С. 301

^{8—9} Чему ж тут радоваться, я не понимаю. / Чему тут радоваться, я не
понимаю.

С. 303

^{12—13} Деревню не купишь!.. / Деревни не купишь!

С. 304

²³ Последнее дело! / Последнее дело.

С. 305

³⁰ серебра больше не надо / серебра не надо

С. 306

⁸ (*Читает с расстановкой.*) / (*Читает.*)

²⁷ каков парень-то / каков паренек-то

С. 307

²⁶ хоша тем позвольте вас заверить / хоша позвольте тем заверить

³⁴ то, чего сердце / того, что сердце

С. 309

³⁰ беги поскорей за девками-то / беги скорей за девками

С. 310

⁸ всё взаперти да взаперти / взаперти и взаперти

¹² молодым-то пряничков / молодым пряничков

С. 312

¹⁶ (*Арине*) А вино-то / Арина, а вино-то

^{26—27} Можно! (*Подходит с Гуслиным и пьёт, потом, ухватив Арину.*) /
(*Подходит с Гуслиным и пьет, потом, ухватив Арину.*)

С. 316

²² попомни это / помни это

С. 318

⁸ Раскланиваются со всеми и уходят. / Раскланиваются и уходят.

^{28—29} Ремарки: (*Подходит к Анне Ивановне.*) — нет.

С. 324

¹⁷ сдерживая слёзы / удерживая слезы

С. 325

^{1—2} думаю, может, до ночи-то / думаю до ночи

С. 326

¹⁰ Утирает глаза платком / Утирает слезы платком

С. 327

²⁷ вы, Пелагея Егоровна, всё равно-с / вы, Пелагея Егоровна догадаться... Да что ж я? / догадаться... да. Что ж я?

С. 329

²⁹ сиди дома одна / сиди одна

С. 330

³ семейство её призрел / семейство призрел

С. 332

¹⁵ Ремарки: Пелагея Егоровна уходит. — нет.

С. 333

³⁰ шутить, паясничать, ты думаешь / шутить, ты думаешь

С. 337

^{26—27} я бы и человек / я бы человек

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Варианты названия и первой ремарки (РГБ)

[БОЖЬЕ КРЕПКО, А ВРАЖЬЕ ЛЕПКО: МАСЛЕНИЦА.

В 5 действиях

Действие происходит в 17 столетии. В одном из больших городов России, на Волге во время масленицы.]

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Драма в 3-х действиях и 4 картинах

Действие происходит в Москве в конце 16-го столетия.

Первоначальный список действующих лиц (РГБ)

Действующие лица:

Григорий Ив<аныч> купец. Аскет (сухость, догматизм)

Агаф<он> [Геннадий] Потап, мужик — [мирской] человек (любящий) } Хор

П<етр>

Д<аша>

Аф<имья>

Степ<анида>

Спир<идон>

Гр<уша>

Вася Свищов.

Еремка купец.¹

Первоначальный список действующих лиц 1—2 явлений и первая ремарка (РГБ)

Г<ригорий> И<ванович>

А<фимья> и Д<аша>.

Сцена представляет русскую комнату [вроде русской избы]; направо два окна; прямо дверь и направо дверь; по стенам лавки, на левой стороне деревянный стол и деревянная скамья.

Варианты чернового автографа (РГБ)

С. 340

²¹ *Перед: Афимья и Даша. — [Старуха Афимья (убирает со стола).]*

¹ *Список зачёркнут. Далее: Действие 1-е.*

²² *Перед*: Чует, чует моё сердце! — [Не даёт нам Господь миру, знать уж Он Батюшко Владыко милосердный.]

^{23—24} Знать, уж Бог вовсе отступился от нас / Знать, уж Бог вовсе отступился от нашей семьи

²⁵ наказание экое Петру Ильичу / наказание экое Григорью [Иванычу] Ильичу

²⁵ *После*: неумоление. — [Не даром говорят, что в детях Бог наказывает.] И на чужого-то смотреть на беспутного сердце мрет, а то, легко ли дело, своё детище!.. да ещё женатый... Хорошо, что мать-то Бог прибрал, а то каково бы ей это глядеть?.. В кого такой уродился?¹

²⁹ дни прощёные / дни прощенья

³⁵ *После*: Не говори — [бабушка]

С. 341

² *Перед*: что же мне делать-то? — [бабушка]

С. 341

¹ *Реплики*: Да что ~ не правда?; Плоха ~ гуляет; А ты жена, не чужая — первоначально принадлежали не Афимье, а Г<ригорию> И<ванычу>.

⁵ *После*: Всё сердце он из меня вынул! — [(Г<ригорию> И<ванычу>) Ты ему и отец, да много ли он тебя слушает. А я что?]

⁸ *После*: Хуже чужой я ему теперь. — [Не мила ему стала, хуже горькой полыни]

Г <р и г о р и й> И <в а н ы ч>. Да что ж это с вами сделалось? Год тому я вас оставил в мире, любовался глаз².

Д<а ш а>. И не знаю, батюшка... как любил он меня, мой касатик.

А ф <и м ь я>. Не так ты живёшь с мужем, на шею виснешь, как любовница.

Г <р и г о р и й> И <в а н ы ч>. Чудное дело.

⁹ Ты, видно, Даша / Ты [должно быть] видно³

^{11—12} Пока любил меня Пётр Ильич, так и жил хорошо / 1) Покуда он любил меня, так и жил хорошо; 2) Пока П<етр> И<льич> любил меня, так жил хорошо, а разлюбил... надоела я ему... и стал гулять (плачет).

А ф <и м ь я>. Кабы ты жила с ним, как жене следует жить, другое бы дело; а то ты, как любовница, виснешь ему на шею. Что хорошего!

Д а ш а. Чудное это дело! (Илья Ив<аныч> входит)⁴.

^{12—20} *Текста*: а разлюбил — Бог его знает ~ Илья Иванович входит. — нет.

¹ Далее: следуют три зачёркнутые пометы, которые Н.П. Кашин прочёл следующим образом: «5 авг. 12½»; «7-е августа 9 часов»; «8-е августа 6 час. веч.» (Кашин. Т. 2. С. 194). На полях л. 2 помета автора: [Развить отношение стар<ика> к жене]

² Ср.: любоваться надо (Кашин. Т. 2. С. 197).

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Вариант вписан на л. 27 об.

²³ *После: не гневи Бога! — / 1) [Все мы виноваты в этой беде.] Афим<ья> перестань. Что ты ее обижаешь? Все мы виноваты, не она одна.*

Д <а ш а>.

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. Молчи Аф<имья>! Не обидь человека! Скажи ему слово правды, а не одной лжи. [Наставь, научи, он тебя сочтет учителем — а не то он сочтет врагом] А ты, Аф<имья>, не брани ее, не одна она виновата. Что это за житье, Господи! Вы не люди какие-то. Придешь к вам на недельку-то, ровно в омут.

Д <а ш а>. Батюшко, поговори ему, может он тебя и послушает. Неужто ж он меня вовсе разлюбил.

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. И то поговорю, крепко поговорю. Ты думаешь мне легко? Сын ведь мой, — ведь гибнет. С экой-то жизнью добра нечего ждать! Такие-то люди близко беды ходят. Его только и дожидаю, а то мне и итти пора.

Д <а ш а>. Батюшко¹, да ты бы пожил с нами, может он и лучше.

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. Что мне жить-то с вами!² Радость что ли? Я старый человек, мне надо покой, надо³ Богу молиться: а вы разве дадите. Будет, пожил в миру, всего насмотрелся, только дурного-то больше видел, чем хорошаго, — пора о душе вспомнить. Не на праздник же мы в эту жизнь-то посланы, не на гулянку. Я б, Даша, и не пошел, правду тебе сказать, мне там у братца хорошо, да услышал, что живете-то неладно, ну и пришел. Смотрел, смотрел и сам вижу, что нехорошо живете. Поучу Петра как умею. — Есть страх Б<ожий> так послушает, а нет так самому ж хуже.

2) ⁴

С. 342

⁹⁻²⁵ И л ь я. Где погулял ~ не по-людски! /

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. Где ты, Петр, был? Мы тебя уж не чаяли дожидаться.

П <е т р>. (садясь к столу). По делу ходил, дела задержали.

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. А я вот тебя поджидал. Мне и итти пора.

П <е т р>. Куда же, батюшко?

Г <ригорий> И <в а н ы ч>. Опять к братцу Антонию, в его келleyку.

П <е т р>. Что ж, батюшко, не погостишь с нами?

¹ Далее слово батюшка по всему тексту пишется в форме батюшко.

² На полях л. 3: Торж<ественная> речь при прощании. (Притчи и премудрость) Даниила Заточника.

³ Слова: покой, надо — вписаны сверху строки.

⁴ Вариант текста 2 явления I действия (до слов: свет увидал) вписан на отдельном листе 27—27 об.

Г <р и г о р и й> И <в а н ы ч>. Будет, погостил. Не стойте вы того. И смотреть-то на вас я не могу.

П <е т р>. Да что, бат<юшко>, гневаешься-то.¹ [Да чем ж] мы, [бат<юшко>], так провинились пред тобой?

А ф <и м ь я>. Чем? Не ты бы говорил, не мы бы слушали. Безпутные твои глаза.

П <е т р>. За что, [баб]тетушка, бранишься?

Д <а ш а>. Батюшко за то сердает, что ты загуливать стал, да² меня не любишь.

П <е т р>. А ты нажаловалась что ль?

Г <р и г о р и й> И <в а н ы ч>. Не одно то, что не любишь, а живешь не по людски.

^{26—27} Слов: на меня, должно быть, напущено — *нет*.

³¹ ты кровопивец! / тиран.

³² Слов: (Грозно.) Молчать! — *нет*.

³⁴ ни у кого ~ Вот пословица-то / ни у [меня, ни у ее отца с матерью] кого³, укравши взял. А теперь она ж виновата [Я тебя просил, да и ее отец с матерью тоже, думали, что, коли по любви сошлись, так будете жить хорошо. А] вот [видно] пословица-то сбывается

С. 343

¹ Она меня приворожила / Ты меня приворожила

^{1—2} Слов: зельем каким ни на есть — *нет*.

⁴ После: ровно чумовой. — [я тебя с мала] Своевольщина-то и все так живет. Наделают дела, не спросясь у добрых людей [ни по закону, ни по обычаю], а спросясь только у воли своей дурацкой, да потом и плачутся [на судьбу], ропшут на судьбу⁴, грех за грехом прибавляют, так и путаются в грехах-то, как в [омуте] лесу⁵.

⁸ Слов: Как ещё жить-то? — *нет*.

^{10—12} Ну, а я вот загулял ~ как люди живут, я живу, как мне хочется. / [Жил бы и я, да тяжело, душа моя не переносит, не совладаю я с собой] Жил бы и я и других бы учил. Легко [сказать] говорить, да не легко с собой совладать⁶.

^{14—15} После: развращённому десять. — дорог. Честные люди узкой дорожкой идут [Праведные узкими вратами входят], а вам широка дорога.

^{15—16} Фразы: Узкий и прискорбный ~ вводит пагубу. — *нет*.

^{17—19} Текста: Не всё гулять ~ когда гуляется. — *нет*.

¹ Фраза вписана над строкой.

² Слова: загуливать ~ да — вписаны над строкой.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Вариант вписан на полях л. 4.

¹⁹ Ты, батюшка, сам был молод. / [Что ты, бат<юшко>, так уж прогневался на меня?] Батюшко, кровь кипит. Погоди, остынет, будем смирно жить. Ты сам был молод¹.

²² *После*: делами запасаются. — Да ты оглянись на себя [Должно быть хорошо, коли уж отцу тошно смотреть]

^{25—26} А что будет ~ не чужим. / Проживем как-нибудь.

³⁰ А нет, так и негде взять. На нет и суда нет. / Правда твоя нет теперь у меня разума, потерял я его.

С. 343—344

^{34—1} Помни, Пётр! ~ со врагом. / Ты уж в летах, Петр, не мальчик, ты знай, что коли теперь ты не спохватишься, не опомнишься, так уж после некогда. Помни и то, что мне безпутного сына не надо.

С. 344

⁷ *Фразы*: Прощайте. — *нет*.

¹⁰ *После*: Батюшка, прости нас. — [нынче дни прощенные]

^{14—17} И л ь я. Вас благословить? ~ как пёс. / 1) Г < р и г о р и й > И < в а н ы ч >. [Коли ты Петр бросишь свое прежнее житье, с нынешнего дня, и примешься за новое, так будет мое благословение над вами и над всем домом. Только непременно с нынешнего. Лучше вовсе не жить, чем жить так, как ты живешь. Помни благословенье отца нужно, без благословенья пропадешь, как пес (*идет к двери*) (*Уходит*²); 2) И < л ь я > И < в а н ы ч > Вас благословить? [Нет вы подождите] Стоите ли вы? Нет, вы подождите моего благословения пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петр! брось с нынешнего же дня [свои] все свои чудачества. Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живешь. Вот тогда будет мое благословение над тобою и над всем домом. Благословенье отца нужно: без благословенья пропадешь, как пес³.

^{23—24} *Перед*: Послушаешь батюшку, будешь любить меня по-прежнему? — [Чем я тебе, П<етя>, ополстылела, скажи ты, не мучь меня⁴, я ль тебя не любила?]

^{26—27} *Перед*: Да скажи мне, желанный мой ~ надоела? — [Убей ты меня лучше, не могу я так жить]

С. 345

¹ *После*: я бы уж не привыкала. — [Конечно, я из бедности взята.] в праздник на улицу — и сидим целый день / в праздник за ворота, и сидим целый вечер

¹ Вариант вписан над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Вариант написан на оборотной стороне л. 1, на лицевой стороне которого были указаны новое название пьесы («Не так живи, как хочется») и ремарка.

⁴ Слова: скажи ~ меня — вписаны над строкой.

⁹ *После:* певал холостой? —

Молч<ание>. Запевает:

Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя победнинькая.

П <е т р> (*встает*). Перестань!

Д <а ш а>. [Скоро-то, скоро все это миновалось!] (*Плачет.*)

¹² Да скажи, что тошно-то? / Да что тошно-то.

^{15—17} *Текста:* да ещё батюшке нажаловалась ~ Как же, дожидайся. — *нет.*

¹⁸ *После:* Уж коли так, отпусти меня — лучше

¹⁹ *Слов:* хоть на все четыре стороны — *нет.*

²¹ Прощай, не поминай лихом, добром нечем. / Прощай.

²³ *После:* Не зальёшь его, не затушишь!.. — [Что миновалось, того не воротись.] Дайте мне вина.

²⁴ *Слов:* Скорей вина! Шевелитесь!.. — *нет.*

^{32—33} *Фразы:* Да ты подай хорошенького, нынче Масляница. — *нет.*

С. 346

³ *После:* Запречь мне в сани жеребца вороного, дугу писаную... Проворней! — [*Иван уходит.*]

⁵ *Слов:* здесь угарно — *нет.*

⁶ *Текста:* А ф и м ь я. Какой угар? ~ так и будь по-моему! — *нет.*

¹⁰ Тётушка, замолчи. / Бабушка замолчи.

¹⁸ *Слов:* смотри, как бы хуже не было — *нет.*

С. 346—347

^{27—4} Эх, шибко голова болит! ~ размычу тоску-горе. / [Все я виноват, я разбойник, я безпутный! А не знают они того, что я сам своей жизни не рад¹. Опутал я себя по рукам и по ногам². Моей ли буйной голове жениться?³ Эх кабы не баба эта у меня, плакса. О пропадай они пропадом. Не связать у сокола крыльев, не отнять у молодца волюшки! (*Поет*). (*Д<аша> приносит вина*) Эх, не поется что-то, ровно камень лежит на сердце. Поеду я к своей кралечке, размычу тоску-горе⁴]

С. 347

⁹ *Фразы:* Ишь ты ~ скосила!.. — *нет.*

^{11—12} *Ремарки:* (*Ставит вино на стол.*) — *нет.*

¹⁵ *Ремарки:* (*наливает стакан и пьёт*) — *нет.*

^{18—26} Что же это ~ надо мною. / [Не стал пить, уехал, не простился, да] что ж это за каторга! [Уехала бы к своим, кабы не жаль его. Вот потерплю, да и уеду. Что-то они там делают.] Чай батюшко

¹ *Далее:* [Вы меня]

² *Далее:* [опутал]

³ *Фраза вписана над строкой.*

⁴ *Слова:* Эх, не поется ~ тоску-горе — вписаны на полях л. 6.

с матушкой¹ думают, дочка-то живет в богатстве да в радости; а не знают того, что я с утра до ночи слезами обливаюся... Что ж делать-то? Наша доля терпеть — потерплю; может, он погуляет, погуляет, да за ум возьмется, опять ко мне придет. [А ведь может я и хуже, что все плачу да пристаю к нему. Потерпеть бы мне, а он тем временем может и опомнится. Погуляет, погуляет, за ум возьмется, опять ко мне ласков будет... да с сердцем-то мудрено совладать] [Я все от него перенесу, все, только люби он меня]² [Одного только кажется³ душа моя [кажется] не перенесет никогда. Лучше возьми он сердце, да разорви его на части [чем этакая напасть]. Размечи по чисту полю⁴, чем такое злодейство сделать надо мной.⁵

С. 350

³⁻⁴ Грушенькой зовут. / [Аннушкой] Грушей⁶ зовут.

¹³⁻¹⁴ После: Отольются тебе мои слёзы. — Я ведь не каменный. У него жена есть, а я сирота, у меня нет никого.⁷

¹⁷⁻¹⁹ Я человек, у меня сердце ~ у меня нет никого... / Я человек, у меня сердце, душа есть... чай, она чувствует...

²⁷⁻³⁶ Злодей-то мой, тетушка, совсем меня бросил!.. ~ Прощай, Пётр Ильич! / [Велите лошадей закладывать. Я сейчас уйду. Найму в Рогожской лошадей да и поеду к своим.] Минуты не хочу здесь быть. Тетушка он нашел себе.

А <ф и м ь я>. Ой! Что ты? Ах родная!

Д <а ш а>(подходит к В<асе> и толкает его в шею). Кто она такая? (В<ася> молчит.) Спит. Только этого еще горя недостовало, чтоб променял он меня на... Поскорей, тетушка. Поеду в Рогожскую, найму лошадей. (Уходит.)

С. 351

² После: Изба на постоялом дворе — /1) на задней стене дверь и русская печь, на левой — окно, подле печи скамья, на левой стороне на авансцене русский стол и скамья, направо шкаф⁸; 2) [Хозяйская изба на постоялом дворе. — Посреди сцены от печки малая перегородка.]⁹

⁴ Спиридоновна и Яков. / [Даша одна] [Груша] Спирид<оновна>¹⁰ (одна шьет и поет). Мать с ямщиком. (Груша входит.)

¹ Слова: батюшко с матушкой — вписаны над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

³ Слова: только кажется — вписаны над строкой.

⁴ Слова вписаны над строкой.

⁵ Текст: Одного только ~ надо мной. — вписан на полях л. 6 об.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Вариант вписан на полях л. 10.

⁸ Вариант вписан на л. 18 об.

⁹ Вариант вписан на л. 10.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

^{11—12} (*Подносит водку.*) / (*Достает из шкафа водку, наливает стакан и подносит ему.*)¹

¹³ *После:* Покорнейше благодарим. —

С п <и р и д о н о в н а >. Только ты смотри, вези хорошенько.

Я к <о в >. Уж будем стараться.²

¹⁶ *Перед:* ловчей будет. — [всех]³

²² *Ремарки* (д. II, явл. 2): *Т е ж е и Г р у ш а — нет.*

^{23—24} *После:* Груша (*подпрыгивая и похлопывая руками*). Ух, как переязбла вся, беда! — Ух, как переязбла вся, с морозу.⁴

^{27—29} *Текста:* Да уж больно ~ опять пойду. — *нет.*

²⁹ Что-то мне сегодня уж больно весело, девке. / [Что-то мне сегодня уж очень очень весело девке, должно быть не перед добром.]

^{31—32} *Текста:* (*Ямицику.*) ~ Ступай! (*Толкает его, ямищик уходит.*) — *нет.*

^{30—31} *После:* Живём хорошо, ожидаем лучше. — Погодико девка, какого [я тебе] мы⁵ жениха найду подцепим только <нрзб.>

С. 352

³ сидят там / [там] сидят

⁴ *Перед:* они ведь охотники — Это им любо будет.

⁵ *Перед:* Да, как же, нужно мне — [Ах, мать, надоели они мне]

^{5—6} *Перед:* Пристают да целоваться лезут — [все]

⁶ от своих парней / свои парни надоели

¹³ языком, мол, что хошь болтай / языком мели что хочешь

¹⁴ вот мой обычай! / вот мой [характер] обычай

¹⁴ *После:* Пётр Ильич, что ли? — [что часто похаживает да⁶ к тебе больно⁷ льнет. Что у него семейство есть что ли? Чем торгует-то?]

^{14—15} *Слов:* Что он больно часто повадился? — *нет.*

¹⁶ *Перед:* Ничего, ходит так себе — [Я не знаю Вася Свищев⁸ его привел, говорит товарищ, сам хозяин] Нет так

¹⁸ *Перед:* Зачем гонять, может, и пригодится. — [Ну это ничего. Хорошо. Вася-то еще молод, да и под началом у отца; а этот годится.]

^{20—21} а на бобах-то, мол, нас / а на бобах нас

²¹ *После:* нас не проведёшь. — [Пойтить. Уходит.]

^{21—22} *Текста:* А до той поры пушай ходит ~ в зубы-то смотреть! — *нет.*

^{23—24} *Текста:* мне замуж! ~ Ещё за мужем-то наживуся! — *нет.*

¹ Вариант вписан на л. 19.

² Вариант вписан на л. 19.

³ Вариант вписан на л. 19.

⁴ Фраза вписана на полях л. 10.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Далее: [что-то]

⁷ Далее: [пристает]

⁸ Слово вписано над строкой.

³¹ *Перед:* За мужем-то жить трудно! — [Вот еще.] Охота мне замуж! По тех пор и погулять, пока в девках. Еще за мужем-то наживуся!

^{35—36} *После:* Хитрей девок народу нет. (*Поёт песню.*) — *помета автора:* Место оставить.

С. 353

⁵ Я на минуту к вам, проездом заехал. / Я на минуту к вам заехал, что-то дома соскучился.

¹² На меня, что ль, сердит? / На меня что ли?

²² Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть. / Что мне на тебя сердиться, с какой стати? Я на тебя радоваться прихожу. А так скучно, может и оттого, что погулял эти дни-то больно много. [Скучно мне, Груша, обуяла тоска смертная.]

²⁸ *После:* Печаль-тоска обуяла. — (*Гладит его по голове.*)

^{29—31} Уж очень я тебя люблю! ~ Господь с тобой! / Жизнь ты моя, лебедь белая, прилука молодецкая. [Ах, лучше бы не видал я тебя.]

С. 353—354

^{34—3} Несчастный я человек! ~ любишь ли ты меня? / Груша, а Груша, ты очень меня любишь?

С. 354

⁵ Ой ли? Верно твоё слово? / [Больно ты меня любишь?] Ой ли? Не обманешь ты меня?

^{8—9} Скажи ты мне теперь ~ не сморгну. / [А коли так, так пропадай все на свете! Я за тебя душу свою загубить рад.]

¹¹ *После:* Вот у нас кузнец Ерёмка — и какой же, парень, пьяница¹

^{17—19} Что мне себя жалеть-то? ~ себя заложу, а тебе подарю. / [Эх прочь тоску, страхну² с плеч долой, размычу ее тоску-злодейку³ с приятелями по Москве матушке, утоплю в вине⁴. Нет уж видно такое сокровище дешево не купишь. Ну да ведь уж я ж за то ничего не пожалею.] Говори мое солнушко чего тебе нужно.

^{20—22} Ничего мне, голубчик ~ как я тебя люблю. / Ничего мне, голубчик не надо, всего у меня довольно, [только] люби ты меня, как я тебя люблю.

^{23—24} Эх, девка! Что балясы-то точишь! ~ Дорогого проси! / [Научи, как тебя любить.]

^{25—28} Чего у тебя просить-то! ~ купи ты мне перстенёчек. / А ты вот как люби: носи пряников послаще, [гляди] да еще ленту, да гляди на меня

¹ Вписано на полях л. 15.

² Далее: [ее]

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Далее:

[Гр<уша>.]

[П<стр>.]

помилее поалее, да целуй покрепче. Ха-ха-ха. Да вот еще [в песне поется: кумачу я не хочу, да китайки не надо, коли любишь, друг мой купишь золотое колечко]. Я у тебя давно хотела попросить, купи мне перстенечик [будешь миленький дружочек].

²⁹ Ужо два привезу. / [Подарю, подарю.] Хоть десяток принесу.

С. 354—355

^{35—3} У нас, у всех девушек есть... ~ насажаем девок, поедем кататься с песнями. / [Я этот перстенечик подружкам показать, похвалиться перед ними] У нас у всех у девушек есть, ну понимаешь, приятели [дружки]. Посмотри-ко в праздник на улице сидят все вместе, гуляют вместе [ну и дарят перстеньки, ленты. Я перед ними и похваюсь] что есть у меня такой парень, который меня¹ верно [меня] любит [и перстенец мне подарил. Подаришь?]

^{4—6} Давай руку ~ Мы двое поедем. / [Подарю хоть десяток! Прощай! Мне некогда. Ужо приеду.

Г р <у ш а>. Приезжай пораньше, заложим тройку, насажаем девок, поедем кататься с песнями.]²

<П е т р>. Нет, ты потешь мою душу в первый и последний, поедем со мной одним, как есть.

¹⁰ (*целует Грушу*). Вот это люблю! ~ Это по-нашему. / (*ударяет ее по руке*.) Значит по рукам. Уж ничем ты меня так утешить не могла, как этим словом, ровно бархатом по сердцу повела. Загуляем мы с тобой.³

¹³ Теперь некогда. Ещё вечер-то наш. / Некогда, надоть по делу сходить.

¹⁴ Ну, нельзя, так не надо. / Сейчас (*уходит*).⁴

^{16—17} Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят? / *один (встает с лавки.)* [Уж видно я теперь домой не поеду.] Загулял теперь добрый молодец П<етр> И<льич> [У нас-то приятелей нет?] Нас ли девушки не любят? [Поживем, ну а там что Бог даст.] По крайности поживу, как душе хочется.⁵ Хоть день да наш. Раз да го-разд. [Ну, а как нагуляемся, так и будет, сами не захотим.] Уж семь бед — один ответ.⁶

¹⁸ *После: Груша входит.* — [С п и р <и д о н о в н а>. Что это ты распе-лась.]

²³ *После:* Ну, прощай! — Лебедушка моя.

²⁴ *После:* Прощай, соколик. —

П е т р уходит, она стоит у двери, провожает его глазами.

¹ Слово вписано над строкой.

² Вариант вписан на л. 7.

³ Вариант вписан на л. 7.

⁴ Заметка на полях л. 12 об.: Всю эту сцену как можно распространить.

⁵ Фраза вписана на полях л. 13.

⁶ Фраза вписана над строкой.

- ^{26—27} *После*: Вот приласкай парня, он и не отстанет. — [Куда бы хорошо, кабы он на мне женился. Больно он мне по сердцу. Вот бы зажила-то]
- ^{28—29} *После*: Что-нибудь у него на душе есть. — [Говорят, когда у человека на душе что-нибудь есть, так он такой задумчивый и сам с собой говорит. А это нехорошо. Коли]
- ²⁹ *После*: Может, он что недоброе — задумывает [так Бог с ним. За женихами дело не станет]
- ^{30—32} Вот шуткой, шуткой ~ бьётся, ровно голубь. / [Ведь] вот шуткой-шуткой, [а там и не увидишь, как привяжешься, да] а ведь как [полюбишь] полюбила, ажно сердце ноет. Так вот и [стучит] бьется, ровно голубь.
- С. 356
- ⁹ В Москву со стариком / [Вот] в Москву [с мужем] со стариком
- ¹⁶ *После*: (*усаживается у печки*). А вот, девонька, — [какой грех-то у нас случился]
- ¹⁸ *После*: а домишко-то у нас — [порядочный]
- С. 357
- ^{13—14} *После*: бывает, мать-то и выгонют. — ну да нам хоть бы посмотреть на нее.
- ²² Агафон (*распоясываясь*). / Агафон (*распоясываясь и снимая одежду*).
- ²³ *После*: ведь она не скажет. — [(*садится у печки*)]
- ^{31—32} *Перед*: Баба дура, зачем? — [Всему есть свой предел.]
- С. 358
- ⁵ А ведь как, чай / А ведь куда чай
- ⁸ Да говорят, что муж-то / Да говорят, муж-то
- ²⁰ кого любишь, того и простишь. Я и врагу прощу / кого любишь и простишь. [Ты знаешь мой нрав, я всякому прощу.]
- ³⁰ *После*: Хорошо, я подожду. — (*плачет*).
- ³¹ *После*: Что ты, никак плачешь? — *начато*: [скучная такая]
- С. 359
- ⁴ Вестимо, что так. (*К Груше.*) / Вестимо, что так. (*Подходит к Груше.*)
- ⁶ *После*: Берёт ухват — [и подвигает блин в печь]
- ¹⁰ говорит нараспев, сквозь слёзы / *приговаривает* про себя
- ¹¹ *После*: Полечу я пташечкой кукушечкою — [Сяду у матушки в зеленом саду]
- ¹⁷ *После*: Запою, младёшенька — [на яблоньке]
- ²⁰ Сем-ка я погляжу пойду. (*Подходит к Даше.*) / Сем-ка я погляжу пойду. (*Подходит к ней.*)
- ²⁷ Агафон (*подходит*). / Агафон. (*Встает и подходит.*)
- ³³ Ах, тятенька, в глаза-то / [Я и сама не думала, да уж видно] Ах, тятенька, в глаза-то [вам]

С. 360

²⁵ *После:* Да ведь это я разлучница-то! — (плачет).

³⁴ *Поедемте.* / Вставайте, вставайте, поедemте.

³⁵ *Перед:* Собирай, старуха, одежонку — (Встают.)

С. 361

¹⁶ *Комната второго действия.* / [Светелка: с левой стороны окно, прямо дверь в сени, налево дверь в комнату и израсчатая печь. В углу кровать с ситцевыми занавесками.]

¹⁸ *Груша (сидит у стола), Спиридоновна (входит).* / *Гр<уша> сидит у стола, плачет, входит Сп<иридоновна>.*

С. 362

¹² *После:* Золото, а не девка! — Вот поглядится [немного] маленько, свету навидится, замуж ее выдать, такая-то хозяйка будет, огонь; меня за пояс заткнет.

²⁷ *Достает из поставца вино.* / *Достает из шкафа полуштоф <?>.*

С. 362—363

^{29—26} *Текста:* Я вперёд дорогу покажу. ~ Что его слушать-то, девушки, запевайте песню. — *нет.*

С. 363

²³ *После:* Я топор в руках держу —

Да все полешки тещу.

Ай люли, ай люли.

Да все полешки тещу.¹

^{35—36} *Текста:* Ты укрой меня, братец ~ да от лютого зверя. — *нет.*

³⁷ *После:* *Входит Пётр.* / *Девушки перестают петь.*

С. 364

³ *Текста:* Пётр (у двери). Вот я к веселью-то как раз. Мир вам, и я к вам. — *нет.*

^{10—11} *После:* нам чужого не надобно. —

[П<е т р>. Что ты, Груша?

Гр<у ш а>. Я ничего. Ты что? (Смеется.)

П<е т р>. Чему ты смеешься?]

¹⁴ Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что? / На тебя, Грушенька, знать нашло что-нибудь.

¹⁶ Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся. / [Полно болтать пустяки-то.] Что ты, что ты, голубка моя. Подойди ко мне!

²² разные речи говорил / разны[ми]е [улещал] реч[ами]и

²⁵ (строго). Что ты, шутишь или смеёшься? / Что, Что?

²⁷ Аль наскказал тебе кто? Говори прямо. / [Кто это тебе наврал?] Скажи мне, Груша, кто тебе это сказал.

¹ Вариант вписан на л. 16.

²⁸ *Перед*: Кто бы ни сказал, да сказал. — [Так наврал, так наврал по-твоему?]

^{29—30} Это тебя смущают ~ верить всякому. / Обманули тебя, Грушенька, не верь никому.

С. 365

^{11—12} *После*: Нету хлебушка, соли, нету кислых щей. — (*Перестает петь*.)

¹⁶ Васька, что ли? Убью я его!.. / Васька, что ли?

¹⁹ (*встаёт*). Нет, это, Груша, не то. / Да в чем виноват-то, красавица моя?

²⁰ *После*: погубить меня хотят! — Коли ты меня, Груша, покидаешь, мне лучше на свете не жить.

²³ *После*: Только нашу беседу расстроил! — [Тоску нагнал.]

³³ не спросясь хозяина / прежде спроси хозяина

С. 366

^{5—6} Что ж вы со мной делаете ~ хочется? / Будет тебе тятенька, погоди.

⁷ *Перед*: Ведь ты холостой? — Чего тебе, Вася, бояться!

¹⁵ *После*: В ногах кланяться. — [Известно, попрошу.

Г р <у ш а>. Ну так значит гуляем.

В <а с я>. Ой ли? Уж и гуляем.

Г р <у ш а>. Право слово гуляем. То<чно> не было ничего.

В <а с я>. Я тебя, Г<руша>, люблю, мне лучше тебя не надо. Вот только тятенька]

²⁶ *Перед*: Как не ехать! — [Чего ты вздумал?]

^{34—35} *Перед*: Ходите почаще — Прощайте.

^{35—36} *После*: (*Обнимая Васю*.) Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой. —

[Как у нас было в воскресный день,
Как свекровь пошла да в торг торговать
А сноху послала во чисто поле]
Не разливайся мой тихой Дунай
Не пускай ручьи в зеленые луга.

³⁸ Пожалуй, и не надо / [С чего это ты выдумал]

С. 367

^{4—5} *После*: За сценой слышится продолжение песни — «В зеленом ли поле все ковыль трава».

⁹ *Перед*: Жена была здесь? — [Разве пойти куда-нибудь.]

²⁹ *После*: Пошёл прочь, пока жив!.. — [Уж и ты вздумал смеяться надо мной.] Что ты смеяться что ли вздумал.

^{14—16} Искать меня! Следить! ~ наделаю дел!.. / (*Про себя*.) Кто же это ее привел? Васька? Нет, не он. Он! Не он, не он. Кто же это?

³⁰ *После:* Я здешний — [Я пойду, да ведь]

³¹ *После:* Было дело, да собака съела. — [Мало ль что было? Было два била, да третье колотило, а теперь сняли да колокол повесили.]

С. 367—368

^{33—9} Убьёшь, так ответишь... ~ Если ты меня не обманываешь / [Тебе не на ком сердце сорвать.] А ты, купец, не плюй в колодец, годится воды напиться. [Ты еще видно меня не знаешь? Хочешь я твоему делу помогу. Все будет в наших руках, уж я такое слово знаю.] Ты лучше попроси меня да поклоняйся. Что ты за человек? Из старых нищих молодой обморок, а для тебя нужный человек. Я слово знаю.

П е т р >. Какое слово?

Е р е м к а. А такое слово, что все будет в наших руках, как нам хочется.

П е т р >. Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу, слышишь ты!

Е р е м к а. Как не слышать! Слышу.

С. 367

^{35—36} Что ты за человек? /

Е р е м к а. Есть у меня такой человек, из простых, да ловкий, половчей меня будет.

П е т р. Да ты сам-то кто такой?

Е р е м к а. Я из старых нищих молодой обморок, а тот еще половчей меня.

С. 368

¹³ *Текста:* Вот мне до которых пор приходит. Видишь? (*Показывает на шею.*) — нет.

²⁰ *После:* На, выпей поди. — [Только мне помоги.]

²² *После:* Вот спасибо! — [За твое здоровье выпью.]

²⁸ *После:* тут без ворожбы дело не обойдётся. — Тоску эту надо снять. А на красну девицу мы приворот найдем.

^{30—33} П ё т р. Страшно! ~ как душе угодно? / И сможет он приворожить?

³⁶ *После:* штоф вина да денег рубль. — А искать его завсегда можно подле заставы.

С. 369

² Ты не больно торопись / Пойдем. Только

³ *После:* Теперь ещё не тот час — [рано, уж я вижу, что рано]

^{5—13} Эх, голова, ты в жизнь ~ Уходят. /

Е р е м к а. У тебя есть деньги?

П е т р. Есть.

³¹ *Перед:* Известно, гульба до добра не доведёт... — [Чему случиться-то? Не первый ему по ночам-то пропадать]

С. 370

²⁶ *После:* Весь дом на ноги подниму! — (*ст<учит> по столу*). Ух, <нрзб.>

С. 371

⁵⁻⁶ Что с тобой? / Что делаешь?

¹¹ *Слов:* Страшно мне! Страшно!.. — *нет*.

С. 372

³⁻²² Я её по следу найду!.. ~ Вот он ножик-то! (*Уходит.*) / [Явление 3]

Петр. Вон завыли... вон... вон... вон собаки завыли. Это они моей погибели ждут! Что ж! я проклятый человек, я окаанный! Ешьте меня. А я по следу найду, я ее по следу найду. Теперь зима, снег, по следу видно. Месяц светит — все равно, что днем. Только страшно. Пойдем, [добрый человек] [Еремка] пойдем вместе. Только страшно.

С. 373

³⁻¹⁶ Всё это не дело, всё это не дело! ~ (*Плача.*) / А ты сама хорошо сделала, что нас со старухой бросила. Говори, дело сделала? Так это и надо? Так это по закону и следует? Враг вас обуял! Вы точно как не люди! Вот ты и терпи, да наказание-то принимай с кротостью, да с благодарностью. А то что это? что это? Бежать хочет! Какой это порядок? Где это ты видала, чтоб мужья с женами порознь жили? [Я его не хвалю, да дело-то ваше такое, что не нам его поправлять, сами виноваты.] Ну а как ты его оставишь[—то, уж он и вовсе тогда] бросишь его, а он в отчаяние придет [дескать жена меня оставила]. Кто тогда виноват будет, кто? Ну [а как он болен делается] захворает он, кто за ним уходит, это ведь первый твой долг. А застигнет его смертный час, захочет он с тобой проститься, а ты по гордости ушла от него.

Д <а ш а> (*бросаясь на шею*). Тятенька!

А г <а ф о н>. Ты подумай [об этом] дочка милая, да помекай хорошенько [так тебе глупости-то на ум не пойдут].

²⁰ *Слов:* Боже мой! Что это такое? — *нет*.

С. 373—374

³³⁻²² Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. ~ сам-то я не смею идти. / [Добрые люди не вините] меня, я [сам] с повинной головой пришел (*становится на колени*). Не стою я, окаанный, того, чтобы глядеть-то на вас, да и не глядел бы, кабы не чужие молитвы. [Сам-то я недостоин, чтоб и на свете-то жить.]

А г <а ф о н> (*поднимая его*). Что ты, что ты, Петр Ильич. Вставай, вставай, Петр.

<Петр> [Знаете ли, добрые люди, что я нынче сделал.] Уж покаюсь я перед вами [вам во всем], легче будет на [совести] моей душе.

Я хотел жену убить... безвинно, безвинно убить хотел. Взял я ножик, пошел за ней. [Да видно, как только я задумал это дело, так у меня Бог рассудок и отнял. Стали мне] мерещиться разные люди; идут они куда то и я за ними, спрашиваю, где жена, они смеются да куда-то показывают, я все шел, шел... Вдруг где-то в колокол, я только что поднял руку, гляжу я на самой быстрине М<осквы> <реки> стою над прорубем. И теперь мороз по коже подирает. [Страх меня обуял, вся жизнь моя прошлая, распутная вся [мне], как на ладонке, передо мной [представилась], — вспомнил я тут и батюшкины слова, что [я] хожу я над пропастью. Вот правдивые-то слова. Так то и вышло. [Сам-то я не утонул, за то уж жизнь свою распутную утопил тут и проклинал ее.] Не выдет у меня эта ночь из головы до самого гроба. Помогите мне добрые люди замолить этот грех, да честной жизнью за[гладить его] служить прощенье. Да скажите и батюшке, сам-то я не смею к нему идти.

С. 374

^{24—25} *Текста:* А г а ф о н. Что, дочка ~ Голубчик, Пётр Ильич! — *нет*.

*Варианты авторизованной театральной копии (АТК₂)
и театральных писарских копий (ТПК₁, ТПК₂)*

С. 340

¹⁹ *деревянный стол и скамья / деревянный стол и деревянная скамья (АТК₂; ТПК₁₋₂¹)*

^{26—27} *лёгкое ли дело / легко ли (АТК₂; ТПК₁₋₂)*

³² *Всю Масленицу гуляет / Всю масляницу прогулял²(ТПК₂)*

С. 341

^{2—3} *на чужую сторону украдучи / на чужую сторону и крадучи (АТК₂; ТПК₁₋₂)*

¹⁰ *как по то стало / как-то стало (ТПК₂)*

^{11—13} *Пока любил меня Пётр Ильич ~ и стал гулять. / Пока Петр Ильич любил меня, так и жил хорошо, а разлюбил... надоела я ему... и стал гулять (плачет). (АТК₂); Пока Петр Ильич любил меня, так и жил хорошо, а разлюбил... надоела я ему... и стал жить (плачет). (ТПК₁₋₂)*

^{15—19} *дело; а то где же это видано ~ не придумаю. (Плачет.) / дело было, а то ты, как любовница, виснешь ему на шею... Что хорошего!*

Д а ш а. Чудное это дело! (Илья Иванович входит.) (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁸ *хоть сына-то подожди, да поговори ему. / Ты хоть сына-то подожди (АТК₂; ТПК₁₋₂)*

¹ ТПК₁₋₂ означает совпадении вариантов ТПК₁ и ТПК₂

² Слово вписано карандашом. (ТПК₂. Л. 2)

³² пора и свою душу вспомнить / пора о душе вспомнить (АТК₂; ТПК₁₋₂)
С. 341—342

³⁵⁻⁵ *Текста:* Вот немножко прошёл по Москве ~ Нешто я его так воспитывал-то? — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 342

¹⁰ В Москве места много, есть где погулять, была б охота. / [По делу ходил.] В Москве места много, есть где погулять¹. (ТПК₁)

¹⁵ глядеть-то на тебя, живёшь больно нехорошо / глядеть на тебя, живёшь больно хорошо (ТПК₁₋₂)

²⁰ Не твоего разуму это дело. / [За что, тетушка, бранишься?]² Не твоего разуму это дело.³ (АТК₂; [За что, тетушка, бранишься?]; ◇ (ТПК₁))

²¹⁻²² со мной дурно живёшь / со мной [дурно] не в ладу живёшь (ТПК₁₋₂)

²⁶⁻²⁷ на меня, должно быть, напущено / видно на меня напущено что-то (ТПК₁)

²⁶⁻²⁷ Пётр. Эх, уж, видно, мне и не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено. / Петр. Эх, уж, видно, мне и не жить по-людски. (АТК₂; ТПК₁⁴)

²⁶⁻²⁷ *Слов:* на меня, должно быть, напущено — *нет.* (АТК₂)

³¹ Ты мучитель, ты кровопивец! / Мучитель ты, тиран! (АТК₂; ТПК₁)

³² *Слов:* (Грозно.) Молчать! — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 343

¹⁻² *Слов:* зельем каким ни на есть — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

⁶⁻⁷ грех к греху прибавляют / грех за грехом прибавляют (АТК₂; ТПК₁₋₂)

⁸ *Фразы:* Как ещё жить-то? — *нет.* (ТПК₁₋₂)

⁸ Да что ж, батюшка, делать-то? Как ещё жить-то? / [Да что ж, батюшка, делать-то?]⁵ Как еще жить-то?⁶ (АТК₂)

¹⁰⁻¹² Ну, а я вот загулял ~ хочется. / Жил бы и я и других бы учил. Легко говорить, да не легко с собой совладать. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹³ жить, ничем по закону / жить, [ни]чем по закону (ТПК₁)

¹⁴⁻¹⁵ *После:* развращённому десять — дорог. (ТПК₁₋₂)

¹⁵⁻¹⁶ Узкий и прискорбный ~ вводит пагубу. / Честные люди узкой дорожкой идут, а вам широка дорога. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁷⁻¹⁹ Не всё гулять ~ Ты, батюшка, сам / Батюшко, [кровь кипит. Погоди, остынет, будем смирно жить.] Ты сам был молод. (АТК₂; Батюшко, кровь кипит. Погоди, остынет, будем смирно жить. Ты сам был молод. (ТПК₁₋₂))

¹ Фраза вписана чернилами. (ТПК₁, Л. 3 об.)

² Вариант вычеркнут А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 6)

³ Фраза вписана автором. (АТК₂, Л. 6)

⁴ Реплики нет. (ТПК₁)

⁵ Вариант вычеркнут А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 7)

⁶ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 7)

²⁰ Молод, так и распутничать! / Молод, так распутничать! (ТПК₁₋₂)

²² добрыми-то делами запасаются / добрыми-то делами [занимаются]¹ запасаются² (АТК₂)

²⁵ Фразы: А что будет, то будет. — нет. (ТПК₁₋₂)

²⁵⁻²⁶ После: Проживём как-нибудь — своим умом, не чужим³. (АТК₂; ТПК₁)

³⁰ А нет, так и негде взять. На нет и суда нет. / [Правда твоя, нет теперь у меня разума, потерял я его.]⁴ А нет, так и негде взять. На нет и суда нет⁵. (АТК₂); [Правда твоя, нет теперь у меня разума, потерял я его.] Нет, так и негде взять. На нет и суда нет⁶; Правда твоя, нет теперь у меня разума, потерял я его. (ТПК₁)

С. 343—344

³⁴⁻¹ Помни, Пётр! ~ со врагом. / Ты уж в летах, Петр, не мальчик... Ты знай, что коли теперь ты не спохватишься, не опомнишься, так уж после некогда. Помни и то, что мне беспутного сына не надо. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 344

⁴ покор людям / покор людям (ТПК₁)

⁸ Нонче дни прощёные / Нынче дни прощенные (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁵ до той поры, пока будете жить хорошо / пока будете жить хорошо (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁶ Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живёшь. / брось с нынешнего же дня все свои дурачества. Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живешь. Вот тогда будет мое благословение над тобою и над всем домом. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 345

²⁻³ в праздник на улицу / в праздник [за ворота]⁷ на улицу⁸ (АТК₂); в праздник за ворота (ТПК₁₋₂)

⁹ После: певал холостой? —

[Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя победненькая.]

П е т р / (встает). Отстань! (АТК₂); (Молчание. Запевает:)

Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя победненькая.

¹¹ Отстань! / (встает). Перестань! (ТПК₁₋₂).

¹ Слово зачёркнуто А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 7 об.)

² Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 7 об.)

³ Вариант вписан А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 8)

Этот же вариант вписан чернилами. (ТПК₁, Л. 5)

⁴ Вариант вычеркнут А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 8)

⁵ Вариант вписан А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 8)

⁶ Предложения вписаны чернилами. (ТПК₁, Л. 5)

⁷ Слово зачёркнуто А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 10 об.)

⁸ Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 10 об.)

- ^{15—17} *Текста:* да ещё батюшке нажаловалась ~ Как же, дожидайся — *нет.* (АТК₂; ТПК₂)
- ¹⁹ Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны. / Ступай, пожалуй. (АТК₂)
- ²¹ не поминай лихом, добром нечем / не поминай лихом, добромне за что¹ (ТПК₂); ♦ (АТК₂; ТПК₂)²
- ²⁴ Скорей вина! Шевелитесь!.. / Шевелись³. (ТПК₂); Скорей вина!⁴ (ТПК₂)
- ²⁴ *Слов:* Скорей вина! Шевелитесь!.. — *нет.* (АТК₂)
- ^{32—33} *Фразы:* Да ты подай хорошенького, нынче Масленица. — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- С. 346
- ⁵ *Слов:* здесь угарно — *нет.* (ТПК₂)⁵
- ^{6—7} *Текста:* А ф и м ь я. Какой угар? ~ так и будь по-моему! — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁸ *Слов:* смотри, как бы хуже не было — *нет.* (ТПК₁₋₂)⁶
- С. 346—347
- ^{28—5} Дома-то тоска. ~ Даша входит. / За что я загубил свою молодость? Спутал я себя по рукам и по ногам! [Вот и близко локоть, да не укусишь. Моей ли буйной голове на привязи жить!] Эх, кабы не баба эта у меня плакса, погулял бы я, показал бы себя. [Вся Москва бы, глядя на меня потешалась.] Что во мне удали, так на всю Москву хватит!⁷ Велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Нет, уж видно не бывать этому, пропадай они пропадом. Не связать у сокола крыльев, не отнять у молодца волюшки! (*Поет.*) [И песня-то не поется, ровно камень на сердце лежит.] Эх как голова болит. [Пойду] Поеду. (АТК₂); За что я загубил свою молодость? Спутал я себя по рукам и по ногам! Вот и близко локоть, да не укусишь. Моей ли буйной голове на привязи жить! Эх, кабы не баба эта у меня плакса, погулял бы я, показал бы себя. Вся Москва бы, глядя на меня потешалась. Велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Нет, уж видно не бывать этому, пропадай они пропадом. Не связать у сокола крыльев, не отнять у молодца волюшки! (*Поет.*)

¹ Текст вписан чернилами. (ТПК₁, Л. 6 об.)

² Слова вписаны А. Н. Островским чернилами. (АТК₂, Л. 11 об.)
Эти же слова вписаны карандашом. (ТПК₂, Л. 7)

³ Текст вписан чернилами. (ТПК₁, Л. 7)

⁴ Текст вписан карандашом. (ТПК₂, Л. 7)

⁵ Слова вписаны А. Н. Островским карандашом. (АТК₂, Л. 12)

Эти же слова вписаны чернилами. (ТПК₁, Л. 7 об.)

⁶ Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 12)

⁷ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 13 об.)

Что болит, то болит у мужа головка.
 Занывает то его сердце ретивое.
 На чужих-то глядя на жен на хороших,
 Что на девок-то глядя, на девок красных,
 Что моя-то жена она не корыстна,
 Не корыстна она да мне не по мысли.
 Куда пошлешь жену ее не дожدهшься
 Хоть дошлешься ее, ее не дожدهшься.

И песня-то не поется, ровно камень на сердце лежит. Поеду-ка
 я к своей кралечке, размычу тоску-горе.

Д а ш а входит с вином. (ТПК₁₋₂)'

С. 347

- ⁹ *Фразы:* Ишь ты ~ скосила!.. — *нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)*
^{11—12} *Ремарки:* (Ставит вино на стол.) — *нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)*
¹⁵ *Ремарки:* (наливает стакан и пьёт) — *нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)*
¹⁸ Что же это за мука-мученская! / Что же это за пытка, за мука² (АТК₂);
 Что же это за [каторга] пытка! (ТПК₂); Что же это за пытка! (ТПК₂)
^{22—23} *Ремарки:* (Молчит несколько времени.) — *нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)*
^{24—25} *Фразы:* А ведь от него, пожалуй, станется. — *нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)*
^{25—26} *Слова:* размечи по чисту полю — *вычеркнуты. (АТК₂)*

С. 348

- ² Полно, что у тебя за горе? / Полно ты, что у тебя за горе? (АТК₂; ТПК₁₋₂)
^{4—8} Погоди, стой, я с горя песенку запою. ~ По мне возгорюйся. / [По-
 годи, стой, я с горя песенку запою. Можно?

Д а ш а. Пой.

В а с я (поет).

Востоксуйся ты моя, ты моя сударушка,
 По мне возгорюйся.] Поет³.
 [...По мне возгорюйся,
 Уж и сам то ли, я сам
 По тебе, сударушка...] (АТК₂)

²⁴ В а с я. Спрашивай. / В а с я. Все скажу (АТК₂; ТПК₁₋₂)

³² хмельнёнек немножко... / хмельненек маленько... (ТПК₁₋₂)

С. 349

- ⁴ Никак невозможно этого сделать: не велел. / Никак этого нельзя сде-
 лать: не велел. (АТК₂); Никак этого нельзя сделать: не велит. (ТПК₁₋₂)
⁵ Как не велел? / Как не велел, Вася? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹ В ТПК, этот текст зачёркнут, а вместо него вписан текст (без текста песни), совпада-
 ющий с первопечатным. (ТПК₁, Л. 7 об. — 8)

² Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 14 об.)

³ Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 15 об.)

17—18 оченно любят. Да только вот одна ~ надсмехалась... / очень любят. Да только вот одна, вот что самая которая раскрасавица, надо мной надсмехается... (АТК₂; ТПК₁₋₂)

21 шутку шутил... Да ещё какую шутку! / мину подвел... (ТПК₁₋₂); [шутку подвел]¹ шутку шутил² (АТК₂)

26—27 Слов: А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то — нет. (ТПК₁₋₂)

26—27 А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то, жене... / А то ты пожалуй сдуру-то жене³. (АТК₂)

С. 350

3—4 Грушенькой зовут / Груней зовут (ТПК₁₋₂)

4—5 ходим к ней много раз... ~ Вот я вижу, начинает он к ней / ходили к ней много раз... и много раз... сидит это, растобарывает, пряничков носит... все как следует. Вот я вижу, начинает к ней (ТПК₁₋₂)

13—14 Фразы: Отольются тебе мои слёзы... — нет. (ТПК₁₋₂)

16 Ох, горюшко! / Ох горько! (АТК₂); Ох, горе! (ТПК₁₋₂)

17 у меня сердце, душа есть... / у меня сердце, душа... (АТК₂; ТПК₁₋₂)

27—28 Злодей-то мой, тётушка ~ он дома-то не живёт. / Тетушка [он нашел себе.] у него есть полюбовница...⁴ (АТК₂); Минуты не хочу здесь быть. Тетушка он нашел себе. (ТПК₁₋₂)

30—31 Текста: Не он ли мне клялся ~ теперь нашёл себе здесь какую-то... — нет. (ТПК₁₋₂)

30—31 Не он ли мне клялся ~ нашёл себе здесь какую-то... / Не он ли мне клялся всю душу-то проклял, божившись, что любит меня одну⁵ (АТК₂)

32 Подходит к Васе и толкает его. / Подходит к Васе и толкает его в шею. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

34—36 Поскорей, тётушка, поскорей... ~ Прощай, Пётр Ильич! / Только этого еще горя недоставало, чтоб променял он меня на... Поскорей, тетушка. Поеду в Рогожскую, найму лошадей. Будет, пожили. Прощай, Петр Ильич!⁶ (АТК₂); Только этого еще горя недоставало, чтоб променял он меня на... Поскорей, тетушка. Поеду в Рогожскую, найму лошадей. Прощай, Петр Ильич, прощай⁷. (Уходит.) (ТПК₁₋₂)

С. 351

² После: Изба на постоялом дворе — на задней стене дверь и русская печь, на левой — окно, подле печки скамья, на левой стороне на авансцене русский стол и скамья, направо шкаф. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹ Слова вычеркнуты А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 18)

² Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 18)

³ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 18 об.)

⁴ Слова: у него есть полюбовница — вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 20 об.)

⁵ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 21)

⁶ Текст: Будет, пожили. Прощай, Пётр Ильич! — вписан А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 21)

⁷ Фраза вписана карандашом. (ТПК₁, Л. 12)

^{11—12} (*Подносит водку.*) / (*Достает из шкафа водку, наливает стакан и подносит ему.*) (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹³ Покорнейше благодарим. / Покорнейше благодарю. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹³ После: Покорнейше благодарим. —

С п и р и д о н о в н а. Только ты смотри, вези хорошенько.

Я к о в. Уж будем стараться (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{18—19} а им чтобы не галдить / чтобы не кричать (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁰ Ремарки в I явлении II действия: Входит Груша. — нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁸ не ушёл бы от них / не ушла бы от них (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 352

⁴ После: наври им коробка с три — это им любо будет (ТПК₁₋₂)

⁶ от своих парней / свои парни надоели (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹¹ в Бунькове / в Гунькове (ТПК₁₋₂)

¹³ мол, что хошь болтай / мол, что хочешь говори (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{14—15} Что он больно часто повадился? / Что часто похаживает да к тебе больно льнет? (АТК₂; ТПК₁)

¹⁶ Перед: Ничего, ходит так себе — Нет так (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁹ не больно поваживай / не очень поваживай (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{21—22} Текста: А до той поры пушай ходит ~ в зубы-то смотреть! — нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁴ Ещё за мужем-то наживуся! / Замужем-то [насижуся]¹ наживуся². (АТК₂)

^{35—36} После: Хитрей девок народу нет. (Поёт песню.) —

Колечко.

Я вечером в саду младенька гуляла

И я белую капусту [собирала] поливала,

Со правой руки колечко потеряла,

Залилася я горючими слезами.

И за это меня матушка бранила:

«Стыдно плакать о колечке...»

[Песня «Скучно пташечке»] Скучно пташке.³ (ТПК₁); Чем ей в клетке золотой⁴ (ТПК₂)

С. 353

⁵ Я на минуту к вам, проездом заехал. / Я на минуту к вам, проездом⁵ заехал [что-то дома соскучился]. (АТК₂); Я на минуту к вам заехал, что-то дома соскучился. (ТПК₁₋₂)

¹ Слово вычеркнуто А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 25)

² Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 25)

³ Текст вписан карандашом. (ТПК₁, Л. 14 об.)

⁴ Слова вписаны карандашом. (ТПК₂, Л. 15)

⁵ Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 26)

⁹ *Текста:* Груша. А тебе кого бояться-то?

Петр. Нет — нет. (ТПК₁₋₂)

¹⁰ я уже приеду вечером / А я уже вечером¹ приеду [вечером] (АТК₂);
А я уже приеду вечером (ТПК₁₋₂)

¹¹ Сиди, сиди, небось / Сиди, небось (ТПК₁₋₂)

¹⁷ такая уж эта неделя, право / такая уж неделя (ТПК₁₋₂)

^{16—18} *Фраза:* Смоталась совсем ~ такая уж эта неделя, право. — *вычеркнута.* (АТК₂)

что ль, сердит? / На кого сердиться, скажи? На меня что ли? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²² Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть. / Что мне на тебя сердиться, [с какой стати], я на тебя радоваться прихожу. А так скучно, [может и оттого, что погулял эти дни-то больно много] дела такие есть². (АТК₂); Что мне на тебя сердиться, с какой стати, я на тебя радоваться прихожу. А так скучно, может и оттого, что погулял эти дни-то больно много³. (ТПК₁₋₂)

^{25—28} *Текст:* Как у молодца, у удалого ~ Печаль-тоска обуяла. — *вычеркнут.* (АТК₂)

²⁸ *После:* Печаль-тоска обуяла. — (Гладит его по голове.) (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{29—31} Уж очень я тебя люблю! ~ Господь с тобой! / Жизнь ты моя, лебедь белая, прилука молодецкая. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 353—354

^{34—3} Несчастный я человек! ~ любишь ли ты меня? / Груша, а Груша! Ты очень меня любишь? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 354

⁵ Верно твоё слово? / [Не обманываешь ли ты меня?] Верно твое слово?⁴ (АТК₂; ТПК₂); Не обманываешь ли ты меня? (ТПК₂)

⁷ *Фраза:* Груша, так ты меня так любишь? — *вычеркнута.* (АТК₂)

¹¹ *После:* Вот у нас кузнец Ерёмка — и какой же, парень, пьяница (ТПК₁₋₂)⁵

^{17—18} *Фраза:* Уж и так пропащая моя голова, заодно пропадать-то! — *вычеркнута.* (АТК₂)

^{23—24} Эх, девка! Что балясы-то точишь! ~ Дорогого проси! / Эх Груша, что твоя любовь — потеха. Тебе весело, а у меня глядя на тебя, каждый час сердце кровью обливается, [изныло все, да может почернело как

¹ Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 26)

² Слова: дела такие есть — вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 26 об.)

³ Текст зачёркнут, затем вписан чернилами текст, соответствующий первопечатному. (ТПК₂, Л. 15 об.)

⁴ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 27)

⁵ Вариант вычеркнут. (АТК₂)

уголь] (АТК₂); Эх Груша, что твоя любовь — потеха. Тебе весело, а у меня глядя на тебя, каждый час сердце кровью обливается, изныло все, да может почернело как уголь¹. (ТПК₂)

²⁵ Чего у тебя просить-то! А вот что / А ты вот как люби (АТК₂); Да чего просить-то у тебя?² А ты вот [как люби] что парень (ТПК₂); [А ты вот как люби] Чего у тебя просить (ТПК₂)

²⁸ ты мне перстенёчек / мне перстенок (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁹ Ужо два привезу / Хоть десяток принесу. (АТК₂; ТПК₂); [Хоть десяток принесу.] Ужо принесу³ (ТПК₂)

³⁶ После: сидят все вместе — гуляют вместе⁴ (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 355

⁴⁻⁶ Давай руку ~ Мы двое поедem. / Нет, ты потешь мою душу в первый и последний — поедem со мной одним, как есть. На кой нам шут девок⁵. (АТК₂); [Нет, ты потешь мою душу в первый и последний — поедem со мной одним, как есть.] На кой ляд нам девок, мы вдвоем поедem⁶. (ТПК₂); Нет, ты потешь мою душу в первый и последний — поедem со мной одним, как есть. (ТПК₂)

⁷ Перед: Что ж не поехать! — Вот (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁰ (целует Грушу). Вот это люблю! Это по-нашему. / (ударяет ее по руке.) Значит по рукам? [Уж ничем ты меня утешить так не могла, как этим словом!] (АТК₂); (ударяет ее по руке.) [Значит по рукам? Уж ничем ты меня утешить так не могла, как этим словом!] Вот это я люблю, это по-моему⁷. Загуляем мы с тобой (встает). (ТПК₂); (ударяет ее по руке.) Значит по рукам? Уж ничем ты меня утешить так не могла, как этим словом! (ТПК₂)

¹³ Теперь некогда. Ещё вечер-то наш. / Некогда, надоть по делу сходить. (АТК₂; ТПК₂); Некогда, [надоть по делу сходить] вечером погуляем⁸. (ТПК₂)

¹⁴ Ну, нельзя, так не надо. / Ну, а нельзя, так не надоть. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁵⁻¹⁷ (один). Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят? / Эку паву поддел!⁹ [Загулял теперь добрый молодец Петр Ильич! Нас ли девушки не любят? По крайности поживу, как душе хочется.] Хоть день да наш. [Уж] Эх семь бед — один ответ. (АТК₂); один (встает

¹ Текст зачёркнут, затем вписан чернилами текст, соответствующий первопечатному. (ТПК₂, Л. 16)

² Фраза вписана карандашом. (ТПК₂, Л. 16)

³ Фраза вписана карандашом. (ТПК₂, Л. 16 об.)

⁴ Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 29)

⁵ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 29)

⁶ Фраза вписана карандашом. (ТПК₂, Л. 16 об.)

⁷ Фраза вписана чернилами. (ТПК₂, Л. 16 об.)

⁸ Слова: вечером погуляем — вписаны чернилами. (ТПК₂, Л. 17)

⁹ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 30)

с лавки.) Эку паву поддел!¹ [Загулял теперь добрый молодец Петр Ильич! Нас ли девушки не любят? По крайности поживу, как душе хочется. Раз да горазд. Хоть день да наш. Уж семь бед — один ответ.] (ТПК₂); Эку паву поддел! Загулял теперь добрый молодец Петр Ильич! Нас ли девушки не любят? По крайности поживу, как душе хочется. Раз да горазд. Хоть день да наш. Уж семь бед — один ответ. (ТПК₂)

15—20 *После: Явление шестое. Пётр и Груша. — Потом Груша одна.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

23 *После: Ну, прощай! — моя лебедушка.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

24 *После: Прощай, соколик. — Петр уходит, она стоит у двери, провожает его глазами.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

27 *будет подле тебя убиваться / будет подле тебя увиваться* (ТПК₁₋₂)

27—28 *такой хороший, весёлый, а иной раз / такой хороший, веселый, а иной раз*² (АТК₂); *веселый*³ (ТПК₁₋₂)

29 *Может, он что недоброе затевает... / Может, он что недоброе задумывает* (ТПК₁₋₂)

30—31 *Вот шуткой, шуткой, а ведь как полюбила / А вот шуткой, шуткой⁴, как полюбила* (ТПК₁₋₂)

С. 356

³ *А что, девонька, погреться бы / А что, [девка] девонька⁵, погреться бы* (АТК₂); *А что, девка, погреться бы* (ТПК₁₋₂)

22 *Нам и невдомёк такое дело. / Нам и невдомек.* (АТК₂)

35 *допреж-то / допредь то* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

35—36 *красавица, полная да белая... / красавица была* (ТПК₁₋₂)

С. 357

6—7 *Должно быть, честный человек / Должно быть дескать честный человек* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

8—9 *она нам ничего и не писала / она нам и не писала* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

13 *ещё как примут: бывает, мать-то и выгонют / еще как примут* (ТПК₁₋₂)

22 *распоясываясь / распоясываясь и снимая одежду* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

29 *Ноги-то старые / [Ноги-то старые] Если ноги-то старые⁶* (ТПК₁)

34 *После: а то не угрызёшь. — (дает).* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 358

20—21 *я никого не сужу / Я никак не сужу* (АТК₂)

30 *После: Хорошо, я подожду. — (плачет).* (ТПК₁₋₂)

¹ Фраза вписана на полях позднее. (ТПК₁, Л. 17)

² Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 30)

³ Слово вписано карандашом. (ТПК₁, Л. 17)

⁴ Слова: шутка, шуткой — вписаны карандашом. (ТПК₁, Л. 17)

⁵ Исправлено А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 30 об.)

⁶ Слово вписано карандашом. (ТПК₁, Л. 19)

С. 359

- ⁴ Вестимо, что так. (К Груше.) / Вестимо, что так. (Подходит к Груше.) (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁰ говорит нараспев, сквозь слёзы / пригорюнившись в сторону. (АТК₂); пригорюнившись про себя (ТПК₁₋₂)
- ¹⁵⁻¹⁶ Да ша а (продолжает). Сяду я во садике / Да ша а. Сяду я во садике (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁵ Ремарки: (продолжает) — нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁰ Сем-ка я погляжу пойду. (Подходит к Даше.) / Сем-ко я погляжу пойду. (Подходит к ней.) (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁷ А га ф о н (подходит). / А га ф о н. (Встает и подходит). (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 360

- ²⁵ После: Да ведь это я разлучница-то! — (плачет). (ТПК₁₋₂)
- ³⁴ Поедемте. / [Вставайте, вставайте] поедемте. (АТК₂; ТПК₂); Вставайте, вставайте, поедемте. (ТПК₂)
- ³⁴⁻³⁵ После: Что болтать-то пустяки, чего быть не может!.. — (встает). (АТК₂; ТПК₂)

С. 361

- ¹⁸ Груша (сидит у стола), Спиридоновна (входит). / Груша сидит у стола, плачет, входит Спиридоновна. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 362

- ³ встаёт и ставит на стол закуски / встает, накрывает стол и ставит на стол закуски (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ⁶ Уходит, слышится заунывная песня. / Уходит, слышится громкая заунывная песня. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁰⁻²¹ Вот весело! Спиридоновна уходит. / Вот весело! (ТПК₁₋₂)
- ¹⁴ Текста: Ну, загуляли мои девушки!.. ~ Попойте — нет. (АТК₂)
- ¹⁷ Перед: повеселитесь — Ну девушки! (АТК₂)
- ²⁰ Фраза: Вот весело! — вычеркнута. (АТК₂)
- ²⁷ Достает из поставца вино. / Достает из шкафа полуштоф. (АТК₂); Достает из шкафа полштофа. (ТПК₁₋₂)
- ³²⁻³³ После: Подносит вино; некоторые пьют; все хохочут. — Груша идет с вином к шкафу. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 363

- ⁴ Текста: Д е в у ш к и. Ах, ах! Ерёмка пришёл! Ерёмка пришёл! — нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ⁶⁻⁸ Какие нынче дни-то! ~ прощаться стану. (Утирает губы.) / Ты винцом попотчуй, а потом я вас всех целовать стану. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁰⁻¹¹ Слова: откуда пришёл — вычеркнуты. (АТК₂)

¹ Слова вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 43)

²³ *После:* Я топор в руках держу... —

Да все полешки тешу.

Ай люли, ай люли

Да все полешки тешу. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁶ *Текст:* Груша. Что его слушать-то, девушки, запевайте песню. ~ (перестают петь.) — *вычеркнуто.* (АТК₂)

³⁶ *После:* Что от тёмных ночи, да от лютого зверя. — (перестают петь.) (ТПК₁₋₂)

С. 364

³ Пётр (у двери). Вот я / Петр (входя). Вот я (ТПК₁)

¹²⁻¹³ коли им не надобно. Девушки смеются. / коли им не надобно. Груша и девушки смеются. (ТПК₁₋₂)

¹⁴ Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что? / [На тебя] Что ты Грушенька, на тебя¹ нашло что-нибудь. (АТК₂); На тебя, Грушенька, нашло что-нибудь. (ТПК₁₋₂)

¹⁶ Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся. / Что ты, что ты, голубка моя. Поцелуемся. (АТК₂); Что ты, что ты, голубка моя. Подойди ко мне! (ТПК₁₋₂)

²⁵ (строго). Что ты, шутишь или смеёшься? / Что ты? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁷ Аль наскзал тебе кто? Говори прямо. / Скажи мне, Груша, кто тебе это сказал. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁹⁻³⁰ Это тебя смущают ~ верить всякому. / Обманули тебя, Грушенька², не верь никому. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 365

¹² *После:* Нету хлебушка, соли, нету кислых щей. — (Перестает петь.) (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁵⁻¹⁶ Слова: задал бы я ему память — *вычеркнуты.* (АТК₂)

¹⁶ Васька, что ли? Убью я тебя!.. / Васька, что ли? (АТК₂); Вася что ли? (ТПК₁₋₂)

¹⁹ (встаёт). Нет, это, Груша, не то. / Да в чем виноват-то, красавица моя? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁰ *После:* погубить меня хотят! — Коли ты меня, Груша, покидаешь, мне лучше на свете не жить. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

³¹ Пётр. Ты зачем? / Петр (встает). Ты зачем? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

³³ не спросясь хозяина / прежде самого хозяина (АТК₂); прежде спроси хозяина (ТПК₁₋₂)

С. 366

⁵⁻⁶ Что ж вы со мной делаете ~ хочется? / Будет тебе тятенька, погоди. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹ Слова: Что ты; на тебя — вписаны А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 46)

² Имя вычеркнуто. (АТК₂)

⁷ *Перед:* Ведь ты холостой? — Чего тебе бояться! (АТК₂; ТПК₁₋₂)

¹⁷ *Слов:* Я тебе наперёд говорю. Я теперь в себе не властен. — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{35—36} Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой. / величайте нас, будто жениха с невестой. (ТПК₁₋₂)

^{36—37} *Текст:* величайте нас ~ Возьмите меня с собой. — *вычеркнут.* (АТК₂)

С. 367

¹ *Слов:* Е р ё м к а. Ну, я не заплачу. — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)

² *Девушки запевают песню и уходят.* / [*Девушки запевают.*

Не разливайся мой тихий Дунай

Не пускай ручьи в зеленые луга (*уходят*).] (АТК₂; ТПК₁₋₂)

^{4—5} *После:* За сценой слышится продолжение песни — «В зеленых лугах все ковыль трава» и смех и звон бубенчиков. (АТК₂); «В зеленых лугах все ковыль трава». (ТПК₁₋₂)

^{9—10} *Слова:* Зачем же она была? Её привёл кто-нибудь... — *вычеркнуты.* (АТК₂)

^{14—16} Искать меня! Следить! ~ наделаю дел!.. / (*про себя*) Кто же это ее привел? Васька? Нет, не смеет. Не он, не он!. Кто же это? (АТК₂; ТПК₁₋₂)

²⁹ *После:* Пошёл прочь, пока жив!.. — Что ты смеяться что ли вздумал. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 367—368

^{33—9} Купец, не плюй в колодец ~ я тебя озолочу. / А ты, купец, не плюй в колодец, годится воды напиться. Ты лучше попроси меня да поклоняйся.

П е т р. Тебе кланяться? Что ты за человек?

Е р е м к а. Из старых нищих молодой обморок, а для тебя нужный человек. Я слово знаю.

П е т р. Какое слово?

Е р е м к а. А такое слово, что все будет в наших руках, как нам хочется.

П е т р. Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу, слышишь ты!

Е р е м к а. Как не слышать! Слышу. (АТК₂; ТПК₁₋₂)

С. 368

¹⁰ люди вежливые / люди [все живые]² вежливые³ (АТК₂); люди все живые (ТПК₁₋₂)

¹ Фраза вычеркнута. (АТК₂)

² Слова вычеркнуты А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 53)

³ Слово вписано А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 53)

- ¹³ *Текста:* Вот мне до которых пор ~ (*Показывает на шею.*) — *нет.* (ТПК₁₋₂)
- ¹⁴ Зачем рубашку! Сделаем дело — деньги возьмём / На что рубашку, сделаем дело, так деньги возьмем (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁰ Пётр (*даёт деньги*). / Пётр (*даёт деньги из кармана*). (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁵ Ну, говори, не томи. / Ну, говори. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁸ *После:* тут без ворожбы дело не обойдётся. — Тоску эту надо снять. А на красну девицу мы приворот найдем. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ^{30—33} Страшно! ~ как душе угодно? / И сможет он приворожить? (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ^{35—36} *После:* Только к нему с пустыми руками не ходи, а надо — штоф¹ вина да денег рубль, а сыскать его можно всегда подле заставы, в крайнем кабаке (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- С. 369
- ² Ты не больно торопись / Пойдем. Только (ТПК₁₋₂)
- ^{5—10} Эх, голова, ты в жизнь ~ Вот и я с праздником. (*Поёт.*) / [Есть.] Эх, голова, ты в жизнь такой гульбы не видал.
[Е р е м к а. С деньгами, купец, все можно найти.] (АТК₂); Есть.
Е р е м к а. Ну и ладно, с деньгами купец все можно найти. Пойдем. (*Запевает.*) (ТПК₁₋₂)
- ²⁴ *Фраза:* Пьёт он мою кровь! — *вычеркнута.* (АТК₂)
- С. 370
- ¹⁹ Зажигай огня! / Зажигай больше огня! (АТК₂)
- ²³ Ну уж, не сердись, погоди, принесу. / Ну уж, не сердись, принесу. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁸ Ты мне тётка, а ты меня не трожь, а то... ух!.. / Ты мне тетка, а ты меня не трожь, [а то... ух!..] (АТК₂)
- ^{34—35} Ну, и пропадай она пропадом! ~ И на дух мне её не нужно... / Ну, и [прощай]. Пропадай [она] пропадом. Провались совсем... на дух мне ее не надо! (АТК₂); Ну, и пропадай, провались она! На дух мне ее не надо. (ТПК₁₋₂)
- С. 371
- ¹¹ *Слов:* Страшно мне! Страшно!.. — *нет.* (ТПК₁₋₂)
- ^{15—17} ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мне легче будет. Кто меня пожалеет (*Плачет.*) / [ну, убейте меня!..] Ну, убейте, мне легче будет. [Кто меня пожалеет] Никто меня не пожалеет (АТК₂)
- ¹⁹ мне обидно — не доставайся она никому! / мне обидно что не доставайся она никому! (АТК₂)
- ²¹ Про какую там Грушу ты говоришь / Про какую ты Грушу говоришь (АТК₂)

¹ Было: готовить (ТПК₁₋₂)

- ^{29—30} Где жена? Поддай сюда жену! Она моя жена, она моя раба! / [Где жена? Поддай сюда жену!] она моя жена, она моя раба! Где она?¹ (АТК₂)
- ^{37—38} Текст: А ф и м ь я. Ну, да нет её ~ найду. — *вычеркнут.* (АТК₂)

С. 372

- ^{1—2} После: С тобой страсть одна, да и только. (В сторону.) Пойтить разбудить всех. (Уходит.)

Явление 3.

- ^{9—22} Текста: Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ах, батюшки, как страшно! ~ Вот он ножик-то! (Уходит.) — нет. (ТПК₁₋₂)
- ^{7—22} Я проклятый человек!.. Я окаянный человек. ~ Вот он ножик-то! (Уходит.) / Я проклятый [человек]!.. Я окаянный человек. А ты благоприятель Что ж ты смотришь-то на меня? Сам научил жену извести! Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю. Вот он ножик-то?² (Встает.) [Пойдем, пойдем! Веди ты меня!... (уходят)] (АТК₂)

С. 373

- ¹⁴ Даша (бросаясь на шею). Батюшка! / Даша (бросаясь на шею). Тянька! (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁶ Глупы ведь мы, люди, ох, как глупы!.. / Глупая³ ведь мы, люди, ох, как глупы (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ²⁰ Слов: Боже мой! Что это такое? — нет. (ТПК₁₋₂)
- ²⁰ Боже мой! Что это такое? Что у вас случилось? / Что это у вас такое случилось? (АТК₂)
- ^{23—24} без шапки, бегаёт с ножом; ведь, того и гляди, в прорубь попадёт / без шапки, ведь, того и гляди, в прорубь попадет (ТПК₁₋₂)

С. 373—374

- ^{33—1} Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. ~ Что с тобой? / [Дома теперь я, дома. Вот жена, вот она,] добрые люди! Простите меня, я с повинной головой пришел] (становится на колени). (АТК₂); Дома теперь я, дома. Вот жена, вот она, добрые люди! Простите меня, я с повинной головой пришел (становится на колени). (ТПК₁₋₂)

С. 374

- ³ После: кабы не чужие молитвы. — [А г а ф ь я.] А ф и м ь я (поднимая его.) Что ты, что ты, Петр Ильич, Встань! встань! (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ^{3—4} Текста: Простите меня, добрые люди, ради Господа! (Становится на колена.) — нет. (АТК₂)
- ⁷ Фразы: Я ведь грешник, злой грешник!... — нет. (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ^{7—9} Уж я покаюсь перед вами ~ хотел жену убить... / Я уж покаюсь перед вами [легче мне будет на душе моей]. Я хотел жену убить... (АТК₂)
- ^{8—9} Слов: Вот до чего гульба-то доводит — нет. (ТПК₁₋₂)

¹ Фраза вписана А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 60)

² Текст: А ты благоприятель ~ Вот он ножик-то. — вписан А. Н. Островским. (АТК₂, Л. 61)

³ Глупые (АТК₂)

- ^{9—11} Взял я тут, пьяный-то, ножик ~ люди какие-то незнакомые / Взял я ножик, пошел за нею, мерещатся мне разные люди, идут они куда-то и (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁴ на самом-то юру / на самой быстрине (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ¹⁵ Фраза: И теперь мороз по коже подирает! — *вычеркнута.* (АТК₂)
- ^{16—17} Фразы: Натерпелся я страху, да и поделом! — *нет.* (АТК₂; ТПК₁₋₂)
- ^{17—20} Текст: Вспомнил я тут и батюшкины слова ~ до самого гроба! — *вычеркнут.* (АТК₂)
- ^{19—20} Уж не забыть мне этой ночи ~ поживите у нас!.. / Не выйдет эта ночь у меня из головы до самого гроба. (ТПК₁₋₂)
- ^{21—22} Да и к батюшке-то сходите ~ не смею идти. / да честной жизнью заслужить прощение... да скажите и батюшке: сам-то я не смею к нему идти. (ТПК₁₋₂)
- ²² Фраза: скажите ему... сам-то я не смею идти. — *вычеркнута.* (АТК₂)

Варианты первопечатной редакции (Москв.)

С. 340

- ¹⁶ Ремарки: Содержание взято из народных рассказов. — *нет.*

С. 341

- ²⁰ Ремарки: Илья Иванович входит. — *нет.*
- ²⁸ Слов: да поговори ему. — *нет.*
- ³² пора и свою душу вспомнить / пора о душе вспомнить
- ^{34—35} в его келье / в его келейке

С. 341—342

- ^{35—3} Слов: Вот немножко прошёл по Москве ~ Куда они угодили? — *нет.*

С. 343

- ¹¹ Фразы: Масляная-то один раз в году бывает. — *нет.*

С. 345

- ⁹ Перед: певал холостой? — бывало
- ²⁴ Слов: Скорей вина! Шевелитесь! — *нет.*

С. 346

- ^{27—29} Эх, шибко голова болит ~ по рукам и по ногам! / И за что только я загубил свою молодость? Спутал себя по рукам и по ногам? Вот и близко локоть-то, да не укусишь. Моей ли буйной голове на привязи жить? эх.
- ^{29—30} После: погулял бы я, показал бы себя. — Вся Москва бы, глядя на меня, натешилась!
- ³² Уж догуляю Масляную, была не была! / Нет, уж видно не бывать этому, пропадай они пропадом. Не связать у сокола крыльев, не отнять у молодца волюшки! (*поет*)

С. 347

³ А как голова-то болит; ровно треснуть хочет. / И песня-то не поется, ровно камень на сердце лежит.

⁹ Не кажись ты мне! / Не кажись ты мне на глаза!

¹⁵ *Ремарки:* (наливает стакан и пьёт) — нет.

²⁴ *Фразы:* А ведь от него, пожалуй, станется. — нет.

²⁷ *Ремарки:* Вася входит — нет.

С. 348

²⁴ В а с я. Спрашивай. / В а с я. Все скажу.

С. 349

^{26—27} *Слов:* А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то — нет.

С. 350

²⁸ у него есть полюбовница!.. Вот отчего он дома-то не живёт. / он себе нашел.

³⁴ *После:* Спит! — Только этого еще горя не доставало.

С. 351

²⁰ *Ремарки:* Входит Груша — нет.

С. 353

¹⁰ *Перед:* уж приеду вечером — лучше.

²² Я нынче не в себе / Что мне на тебя сердиться, с какой стати? Я на тебя радоваться прихожу. А так

^{29—31} *Текста:* П е т р. Уж очень я тебя люблю ~ Господь с тобой! — нет.

³² *Перед:* Возьми ты острый нож — Жизнь ты моя, лебедь белая, прилука молодецкая!

^{34—35} Ничего я не пойму, ничего не соображу. / Уж не знаю, как мне и на свете-то жить?

^{36—37} *Фразы:* Ровно туману кто напустил на меня. — нет.

С. 354

^{2—3} Говори ты мне прямо, так, чтоб уж я знал: любишь ли ты меня? / Нет, ты вот что, Груша: скажи ты мне по душе, так, чтоб уж я знал: ты очень меня любишь?

⁵ Верно твоё слово? / Не обманываешь ли ты меня?

^{23—24} Эх, девка ~ дорого проси! / Эх, Груша! Что́ твоя любовь? — потеха! Тебе весело, а у меня, глядя на тебя, сердце кровью обливается.

²⁵ Чего у тебя просить-то! А вот что / А ты вот как люби

²⁹ Ужо два привезу. / Хоть десяток принесу.

С. 355

^{4—6} Давай руку ~ Мы двое поедem. / Нет, ты потешь мою душу в первой и в последний, поедem со мной с одним, как есть.

⁷ Что ж не поехать! / Вот, что ж не поехать.

⁸ *Перед:* Поедешь? — (берет ее за руку).

¹⁰ (*целует Грушу*) Вот это я люблю! Это по-нашему. / (*ударяет ее по руке*). Ну уж там что ни будь над моей головой, а уж мы с тобой погуляем.

¹³ Теперь некогда. Ещё вечер-то наш. / Некогда, надоть по делу съездить.

^{16—17} Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят? / Загулял теперь добрый молодец, Петр Ильич! Нас ли девушки не любят? По крайности поживу как душе хочется! Уж семь бед — один ответ.

²³ После: Ну, прощай. — моя лебедушка.

³³ Ремарки: *Входит Степанида — нет.*

С. 356

⁶ да мешочки-то / да мешечки-то.

^{32—33} Поди-тка ты! / подит-ко ты.

С. 357

¹⁸ Ремарки: *Агафон входит — нет.*

³³ Достань-ка / Достань-ко.

С. 358

²⁴ Ремарки: *Спиридоновна и Даша входят — нет.*

^{34—35} Гляди-ка, народ-то скружился / Гляди-ко, народ-то скружился.

С. 359

³ кому и великий пост / а кому великий пост

С. 361

²² На что это похоже? / На что ж это похоже?

³¹ постылый ты человек! / постылый человек.

С. 362

²⁷ Достает из поставца / Достает из шкафа.

^{32—33} В ремарке После: *некоторые пьют; все хохочут.* — Груша идет с вином к шкафу.

С. 363

⁴ Текста: Девушки. Ах, ах! Ерёмка ~ пришёл! — *нет.*

^{6—7} Слов: Какие нынче дни-то ~ Ты меня сперва-наперво — *нет.*

^{7—8} с вами прощаться стану (*Утирает губы.*) / вас всех целовать стану

¹⁴ Перед: шутку сшучу — такую.

²³ После: в руках держу —

Я топор в руках держу,
Да все колышки тешу,
Ай люли, ай люли!
Да все колышки тешу.

³⁷ Ремарки: *Входит Пётр — нет.*

С. 364

³ (*у двери*) Вот я к веселью-то как раз. / (*входя*). Вот я к веселью-то как раз.

³ *Фразы:* Мир вам, и я к вам. — *нет*.

¹⁶ подойди-ка ко мне, поцелуемся. / Голубка моя! Подойди-ко мне, я тебя поцелую.

²⁵ *Ремарки:* (строго) — *нет*.

^{29—30} Это тебя смущают только, обманывают, а ты и рада верить всякому. / Все тебя, Грушенька, обманывают; не верь ты никому.

С. 365

¹³ давай денег / дай денег.

¹⁶ *Фразы:* Убью я его. — *нет*.

¹⁹ (встаёт). Нет, это, Груша, не то. / Да в чем виноват-то? красавица ты моя!

²⁰ *После:* погубить меня хотят! — Коли ты меня, Груша, покидаешь, мне лучше на свете не жить!

³¹ *Перед:* Ты зачем? — (встает).

С. 366

^{5—6} Что ж вы со мной делаете, окаянные! Али вам погибели моей хочется? / Будет тебе тятенька, погоди.

⁷ *Перед:* Ведь ты холостой? — Чего тебе бояться?

¹⁶ (у двери) Ну, Васька, помни ты это! / Ну, Васька, помни ты это!

¹⁷ *Слов:* Я тебе наперёд говорю. Я теперь в себе не властен. — *нет*.

С. 367

¹ *После:* Ну, я не заплачу — мне и здесь пожива есть.

¹⁴ *Слов:* Искать меня! Следить! Погоди ж ты теперь. — *нет*.

²⁹ *После:* Пошёл прочь, пока жив! — Что ты, смеяться что ли надо мной вздумал?

³⁴ *После:* годится водицы напиться. — Ты лучше попроси, да поклоняйся мне.

^{35—36} Да отвяжись ~ нужно, а? Что ты за человек? / Тебе кланяться? А что ты за человек?

С. 368

¹ *После:* молодой обморók. — а для тебя нужный человек.

² *Ремарки:* Пётр смотрит на него. — *нет*.

³ Купец, я слово знаю. / Я слово знаю.

⁷ *Текста:* Пётр. Да ты вправду аль шутишь? ~ берусь. — *нет*.

⁹ Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу. / Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу, слышишь ты!

¹⁰ *Перед:* Зачем обманывать! — Как не слышать — слышу.

¹³ *Текста:* Вот мне до которых пор приходит. Видишь? (Показывает на шею.) — *нет*.

²⁸ *После:* дело не обойдётся. — Тоску эту надо снять, а на красную девицу мы приворот найдем.

^{30—31} *Текста:* П ё т р. Страшно! ~ так не ходи. — *нет.*

^{32—33} *Слов:* девку, чтоб любила ~ как душе угодно? — *нет.*

С. 369

¹ *После:* Ну, так поедem. — нечего тут разговаривать-то.

^{7—9} *Текста:* Е р ё м к а. А я тебе такие места покажу ~ Деньги с нами. — *нет.*

¹⁰ *Фразы:* Вот и я с праздником. — *нет.*

¹⁰ *Вместо:* (Поёт.) — (Запевает.)

¹⁹ Посмотри-ка / Посмотри-ко

С. 370

²³ погоди, принесу / принесу

С. 371

^{8—9} знает и пускает / знает, пускает

³³ Из земли выкопаю. / Из земли вытащу.

С. 372

^{1—2} *После:* страсть одна да и только. — (В сторону.) Пойти разбудить всех! (Уходит).

⁸ *После:* Я окаанный человек. (Встаёт.) — Пойдем, пойдем. Веди ты меня! (Уходит).

^{9—22} *Текста:* А ф и м ь я. Ишь ты, ишь ты ~ Вот он ножик-то! — *нет.*

С. 373

²⁰ Боже мой! Что это такое? Что у вас / Что это у вас такое

²³ *Слов:* бегаеt с ножом — *нет.*

С. 374

²¹ *После:* замолить этот грех... — да честной жизнью заслужить себе прощение...

КОММЕНТАРИИ

В состав первого тома вошли сочинения А. Н. Островского 1843—1854 гг. Это очерки «Записки замоскворецкого жителя», пьесы «Семейная картина», «Утро молодого человека», «Неожиданный случай», «Свои люди — сочтёмся!», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочешь», а также произведения, не публиковавшиеся при жизни драматурга: «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»; <Очерки Замоскворечья>, в которые входят «Две биографии», «Замоскворечье в праздник», «Кузьма Самсоныч», стихотворения <З. Ф. К-ъ> («Снилась мне большая зала...») и <Акrostих> («Зачем мне не дан дар поэта...»).

Все поправки и уточнения, которые в процессе подготовки внесены в текст, оговариваются в примечаниях. Правка, сделанная Островским, впервые полно отражена в разделе «Приложения. Другие редакции. Варианты».

1

Генетически ранняя драматургия А. Н. Островского связана с физиологическим очерком в пору его расцвета. В этот период рассказчик в очерках решительно изменяется. Он не спешит высказать свою точку зрения на происходящие события, не вмешивается в естественный поток жизни, предпочитая «стушеваться», превратиться в хроникёра, объективно и беспристрастно воссоздающего факты. Художественный мир реалистической прозы становится всё более и более драматизированным. В очерковой книге М. Н. Загоскина «Москва и москвичи», например, вводится большое количество драматических сцен и картин. Повторяющийся в книге раздел «Сцены из домашней и общественной московской жизни» включает в свой состав «Сцену 1-ю. Выбор жениха», «Сцену 2-ю. Живописец», «Сцену 3-ю. Новорождённый». Наряду с этими сценами появляются в книге драматизированные очерки: «Купеческая свадьба», «Городские слухи», «Литературный вечер», «Карты», «Поездка за границу». В сборник «Физиология Петербурга» включается драматизированный очерк А. Я. Кульичко «Омнибус. Сцены из петербургской дачной жизни». В повествовательных жанрах сокращается удельный вес эпизодов «от автора» и нарастает собственно художественный, изобразительный, сценический элемент. Например, в цикле Н. Полякова «Москвичи дома, в гостях и на улице. Рассказы из народного быта» очерк «Сваха» открывается авторскими рассуждениями о назначении свахи на Руси, о её хитростях и повадках. Затем идут живые сценки, которые разрастаются, превращаясь в самостоятельную драматическую миниатюру. Сценический диалог в этой миниатюре теряет обобщённо-иллюстративную установку. Драматизация очеркового жанра распространяется так далеко, что захватывает даже авторский комментарий: «Занавес опускается; подождём, пока время переменит декорации; антракт будет непродолжительный». И сразу же за этой авторской ремаркой начинается следующая глава, причём, что особенно замечательно, начинается она с ответной реплики персонажа, столь типичной в поэтике драм Островского: «Ну что, Марья Васильевна, что-с, каково сходствие-то-с? Я живой, да и полно...» (см об этом: *Лебедев Ю. В.* Об одной из «ветвей» некрасовской традиции. Процессы циклизации в русской прозе и поэзии 1840—1860-х годов // Н. А. Некрасов и современность: сб. ст. и материалов. Ярославль, 1984. С. 53—67). В. В. Виноградов замечал, что «вся новелла в 40-е годы начинается, если

можно так выразиться, драматизироваться. Она строилась как ряд драматических эпизодов, пёстрых диалогов между действующими лицами, с детальным воспроизведением (в форме ремарок) обстановки, поз, движений и портрета героев» (*Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 316*).

Нет ничего удивительного в том, что Островский начинает свой писательский путь с очерков «Записки замоскворецкого жителя» и что первые его пьесы тяготеют и к циклам бытовых сцен, обладающих множеством ещё не развёрнутых, но уже созревающих конфликтов, и к эпосу. При этом внутри очерков диалог возникает между автором найденной рукописи и издателем её. «В общем ходе рассуждений анонимного автора издатель активно использует многочисленные слухи, сплетни, домыслы в виде отфольклорных образований, а также разные формы передачи чужой речи. В жанровом отношении многоголосие временами создаёт эффект сценичности, который особым образом организует текст, придаёт событиям динамику драматического действия» (*Павлов А. В. О жанровых особенностях «Записок замоскворецкого жителя А. Н. Островского // А. Н. Островский в новом тысячелетии. Кострома, 2003. С. 47*).

Уже в ранней прозе Островского определяется характерная особенность его драматического таланта, которая дала впоследствии Н. А. Добролюбову повод назвать сцены, комедии и драмы писателя «пьесами жизни». «Это неторопливое развёртывание событий, — замечает А. И. Журавлёва, — объясняется в первую очередь тем, что драматическое действие у Островского не исчерпывается интригой. В него втянуты и нравоописательные эпизоды, обладающие потенциальной конфликтностью... Своеобразно динамичны и разговоры, беседы, не приводящие ни к какому физическому действию. Это микродействие можно было бы назвать речевым движением. Язык, речь, способ думать, который в этих речах выражается, так важен и интересен, что зритель с напряжением следит за всеми поворотами и неожиданными ходами, казалось бы, пустой болтовни» (*Журавлёва А. И. А. Н. Островский-комедиограф. М., 1981. С. 111*).

Из этого интереса к потенциальному драматизму жизни вытекает пристрастие Островского к «сценам» и «картинам». Его привлекает в драме не столько итог, сколько сам процесс рождения драматического в повседневном потоке жизни, его вдохновляет многообразие конфликтных ситуаций, в этом движении открывающихся. Поэтому нецелесообразно выделять раннюю прозу Островского в отдельный раздел. Это особая проза, органически перерастающая в драматургию. Уже в этих первых очерках видна природа дарования Островского: в самой действительности он видит элементы зрелищности, в людях — лицедеев, воспринимая жизнь театрально.

Есть все основания полагать, что драматические сцены «Несостоятельный должник», «Картины семейного счастья» и черновой вариант комедии «Исковое прошение» по первоначальному намерению Островского входили в замысел книги «Записки замоскворецкого жителя». Н. Н. Скатов обратил внимание на то, что в «Семейной картине», например, тоже к этому циклу примыкающей, «от плутней Пузатова или Ширялова уже недалеко до затеи хоть бы и с ложным банкротством, о котором “Свои люди — сочтёмся”». Коллизия с “благородными” искателями богатых купеческих дочек составит основу пьесы “Не в свои сани не садись” (кстати, сама поговорка и по тому же поводу упоминается уже здесь), а история сватовства

богатого старика к молодой девушке перейдёт в пьесу “Бедность не порок”. Но драматург как будто нарочно стремится к тому, чтобы вывести все возможные драматические положения за пределы своей драмы. Они возникали *до* или совершались *после, но не сейчас*» (Скатов Н. Н. Далёкое и близкое. Литературно-критические очерки. М., 1981. С. 151). По наблюдению А. И. Журавлёвой, «Картина семейного счастья» — «это, в сущности, тот же физиологический очерк, но такой, из которого изъяты описания, а быт и купеческие типы обрисованы исключительно с помощью диалогов» (Журавлёва А. И. Натуральная школа // ЭО. С. 274—275).

Включая в очерковые сценки не только центральный, состоявшийся, но и сопровождающие его, побочные, потенциальные, ещё созревающие, ещё не разрешившиеся конфликты, Островский добивается изображения всей полноты драматических возможностей жизни, поток которой в любой момент может развернуться в сторону от основного конфликта. Писатель стремится показать, что драматические ресурсы жизни неисчерпаемы, что итоги, к которым привело разрешение центрального конфликта, относительны, что жизнь способна поворачиваться самым неожиданным и непредсказуемым образом — так она богата и многообразна. Наряду с традиционными в драме действующими лицами появляется ещё один, неперсонифицированный, невидимый персонаж — живая жизнь, обладающая своим ходом и своей мудростью, превосходящей возможности частного человека.

Поскольку «Записки замоскворецкого жителя» органически включаются в раннюю драматургию Островского и являются частью замысла большого произведения, в котором проза переходит в драму или включает в себя ряд драматических сцен, в данном томе нет раздела «Художественная проза», принятого в ПСС-12, и в ПСС-16, и «Записки...» публикуются в едином контексте с драматическими сценами. Недоработанные автором и не опубликованные при его жизни произведения: «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг», «Очерки Замоскворечья» («Замоскворечье в праздник», «Две биографии», «Кузьма Самсоныч (из найденной рукописи)») — представлены в разделе «Приложения».

Ещё А. И. Ревякин заметил, что Островский не только не завершил работу над этими очерками, но и «широко использовал их сюжетный материал, художественные образы в своих драматических произведениях, например, в пьесах: “Свои люди — сочтёмся!” (образы Самсона Саввича, Акулины Климовны и Максимки), “Бедность не порок” (образ Максимки), “Утро молодого человека” (образ Агурешникова), в трилогии о Балзыминове (временное прохождение купца Неуеденова)» (ПСС-16. С. 367). Эти произведения не воспринимались автором как завершённые и достойные публикации. Скорее Островский видел в них материал, которым можно воспользоваться в последующих драматических произведениях.

Комедию «Свои люди — сочтёмся!», принёсшую её автору славу и заслуженный литературный успех, современники нередко ставили в ряд произведений Н. В. Гоголя и называли купеческими «Мёртвыми душами». Влияние гоголевской традиции в «Своих людях...» действительно велико. На первых порах ни один из героев комедии не вызывает никакого сочувствия. Кажется, что, как в «Ревизоре» Гоголя, единственным «положительным героем» в пьесе Островского является смех. Однако по мере движения сюжета к развязке появляются новые, не свойственные Гоголю мотивы. В пьесе сталкиваются два купеческих поколения: «отцы» и «дети».

Различие между ними сказывается даже в «говорящих» именах и фамилиях. Большов (от крестьянского «большой» — глава семьи, хозяин в доме) — купец первого поколения, мужик в недалёком прошлом. Разбогатец, Большов растратил народный нравственный «капитал». Но смешной и пошлый в начале комедии, Большов вырастает к её финалу. Когда осквернены детьми родственные чувства, когда единственная дочь жалеет десяти копеек кредиторам и с лёгкой совестью спроваживает отца в тюрьму, — в Большове просыпается страдающий человек. Сквозь пошлый быт пробиваются в финале комедии трагические мотивы. Поруганный детьми, обманутый и изгнанный, купец Большов напоминает короля Лира из одноимённой шекспировской трагедии. Наследуя гоголевские традиции, Островский шёл вперёд. Если у Гоголя все персонажи «Ревизора» одинаково бездушны, а их бездушные взрываются изнутри лишь гоголевским смехом, то у Островского в бездушном мире открываются источники живых человеческих чувств. Островский возвращает на сцену сложные человеческие характеры, страдающие души, «горячие сердца». Конфликт «самодура и жертвы» даёт возможность Островскому психологически обогатить характеры персонажей.

Сам процесс работы над комедией «Свои люди — сочтёмся!» отражён в хранящихся в архивах Российской государственной библиотеки и Института русской литературы (Пушкинский Дом) автографах, варианты которых в составе Полного собрания сочинений публикуются впервые. Текст пьесы, неоднократно дорабатываемый Островским, тщательно выверен и подготовлен с учётом авторской правки, сделанной для журнала «Москвитянин», для двухтомного собрания сочинений А. Н. Островского, изданного Г. А. Кушелёвым-Безбородко в 1859 г., а также для последующих переизданий.

После этой комедии Островскому необходимо было закрепить успех, найти новый материал для будущих произведений, избежать повторений и доказать себе и читателю, что первая многоактная комедия — это, как писал В. Ф. Одоевский, «не минутная вспышка, не гриб, выдавившийся сам собою из земли» (*Одоевский В. Ф. Письмо к приятелю-помещику. 20 августа 1850 г. // Русский архив. 1879. Т. 1, вып. 4. С. 525—526*), и сам он в литературе человек неслучайный. Естественно, начинается поиск новых тем и характеров. Написанные в 1850 г. близкие по вниманию к социальным аспектам быта и нравов, по ослабленности внешнего действия, по близости к поэтике физиологического очерка сцены «Утро молодого человека» и драматический этюд «Неожиданный случай», вызвавший острую дискуссию в критике, предшествуют созданию более масштабных и глубоких пьес со сложной и общественно значимой проблематикой.

Поскольку автограф «Утра молодого человека» неизвестен, а «Неожиданный случай» Островский не включил ни в одно прижизненное собрание сочинений, пьесы печатаются соответственно по тексту 8-томного собрания сочинений (СПб., 1874) и альманаха «Комета» (М., 1851) с исправлениями по авторизованной писарской копии.

В начале творческого пути Островский столкнулся с подлинно серьёзным конкурентом — И. С. Тургеневым, не без оснований претендовавшим на создание русского театрального репертуара. Именно Тургенев стимулировал развитие жанров пьесы-сцены, пьесы-пословицы, психологической драмы, укоренившихся в творчестве Островского. Однако в 1850-е гг. Тургенев-драматург не выдержал

конкуренции с Островским, оставил работу над пьесами и замолчал. Дело в том, что театральное искусство в высшей степени демократично. У его истоков лежит народный мир.

Утончённая драматургия Тургенева испытала в середине XIX в. правоту половицы, положенной в основу его комедии «Где тонко, там и рвётся». Она вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии Островского. Запрос на тургеневскую утончённость появился лишь в конце XIX в., в преддверии русского декаданса. Именно тогда полузабытые тургеневские пьесы стремительно вошли в репертуар многих театров как в России, так и за рубежом.

А в эпоху создания русского национального репертуара Островский призван был вступить с Тургеневым в творческий диалог. Этот диалог не мог не почувствовать Тургенев. В мартовском номере журнала «Современник» за 1852 г. он опубликовал рецензию «Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”». Рецензия эта была дипломатично доброжелательной. Тургенев признавал в ней талант Островского, но лишь как автора комедии «Свои люди — сочтёмся!». Именно в ней Тургенев находил надежды, которые «Бедная невеста» не оправдала. Дело в том, что фабула и герои «Бедной невесты» полемически перекликаются с повестью Тургенева «Дневник лишнего человека», опубликованной в апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1850 г. Мерич у Островского предлагает Анне Андреевне свой дневник: «В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его почитаем вместе...» А потом Хорьков говорит Милашину: «Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его дневника...» В отношениях Мерича с Марьей Андреевной Островский пародирует тургеневскую философию любви. Герои Тургенева вместе с их автором считают, что проза семейных отношений враждебна любви. У Островского такие взгляды на любовь и семью проповедует эгоист Мерич. Узнав о готовности Марьи Андреевны выйти замуж, он говорит: «Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, чтобы быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдать одному человеку». В отличие от Тургенева, Островский, верный национальной традиции, видит призвание женщины не в чувственных томлениях, а в семейной жизни и воспитании детей. Марья Андреевна в его пьесе заявляет: «Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец — дети, я буду жить для детей».

Составители 12-томного Полного собрания сочинений А. Н. Островского при подготовке текста комедии «Бедная невеста» и драмы «Не так живи, как хочешь» ограничились публикацией вариантов первопечатного издания. В своё время рукописи большинства пьес, содержащиеся в архивохранилище Российской государственной библиотеки, изучил Н. П. Кашин и составил подробное их описание (Кашин. С. 48—135). Однако тщательный анализ автографов выявил погрешности в некоторых выводах уважаемого учёного, не исследовавшего материалы, которые находятся в Рукописном отделе Института русской литературы.

Ю. В. Лебедев

Для Островского 1840-е — начало 1850-х гг. были временем поисков своего стиля, персонажей, своей темы. С самых первых литературных шагов на него оказывали влияние непосредственные жизненные впечатления и произведения выдающихся предшественников, которые являлись образцами для начинающего автора. Общая атмосфера Москвы, где он родился и вырос, её архитектура, обычаи, культурная среда — всё это не просто впитывалось драматургом, а творчески осмысливалось и затем переносилось на страницы его художественных творений.

Важнейшим фактором, воздействовавшим на начинающего писателя, стала литература, которая в 1840-е гг. развивалась под знаком более глубокого интереса к повседневной жизни. Мимо внимания Островского не проходили и споры между славянофилами и западниками, жаркие дискуссии о путях развития русской культуры. Одним из ключевых в этих спорах был вопрос о ценности петровских преобразований, о коренных свойствах народа, в том числе и о патриархальности. И понятен интерес к народному быту, к национальному сознанию, проявленный Островским в самом начале его писательской деятельности.

Комедия «Бедная невеста», а затем и пьесы москвитянинского периода самым органичным образом вписываются в общую картину народной жизни и народного характера. Для литературного процесса этого периода было характерно жанровое «многоголосие», когда на пространстве одного жанра вступают в своего рода диалог иные жанровые образования, что давало возможность наделить произведение особой энергией художественных обобщений. Лирика и проза оказывали несомненное влияние на драматургию, придавая ей своеобразное звучание. В свою очередь, драма и лирика существенно обогатили поэтику повести и романа, а в лирику могли входить в растворённом виде повествовательное и драматическое начала.

После шумного успеха комедии «Свои люди — сочтёмся!» М. П. Погодин предложил молодому талантливому автору стать сотрудником своего журнала. Вместе с Островским в «Москвитянин» пришли поэт и драматург Л. А. Мей, собиратель и исполнитель народных песен Т. И. Филиппов, широко образованный критик, талантливый поэт, страстный и неутомимый А. А. Григорьев, критики Е. Н. Эдельсон и Б. Н. Алмазов, писатель А. Ф. Писемский, образовавшие в 1851 г. «молодую редакцию» журнала.

Поэтизируя купечество как народный общественный слой, Островский, разделявший взгляды москвитянинцев, здоровые и светлые начала связывает с прочным и упорядоченным семейно-бытовым укладом, ориентированным на христианскую мораль, на уважение вековых традиций. Журнал «Москвитянин» становится не просто литературным прибежищем драматурга — здесь создаётся творческая аура, способствующая развитию молодых дарований, здесь создатель комедии «Свои люди — сочтёмся!» находит настоящее понимание и действенную поддержку. Едва ли не в каждом номере литературные критики отстаивают Островского, мгновенно откликаются на всякое слово, сказанное о нём в других изданиях. Подчас оценки им кажутся несправедливыми, вызванными не только несходством взглядов, но и скрытым в словах желанием «задеть» драматурга (*Москв.* 1852. Т. 3, кн. 1. Отд. V. Критика и библиография. Журналистика. С. 33). И это была не простая дань дружбе, а действительное признание ценности произведений Островского,

обретшего среди москвитянинов единомышленников и подлинных почитателей своего дарования.

«Русское направление», свойственное окружению молодого драматурга, выражалось в желании как можно глубже изучить и понять национальную культуру, быт и мировидение народа. Фольклор воспринимается молодыми людьми в качестве бесценного источника познания народной жизни и национального характера. В нём они находили среду, питающую своими соками всю современную литературу и культуру в целом. Общностью восприятия фольклора и несомненным талантом можно объяснить впечатление, неизменно производившее на слушателей пение москвитянина Т. Филиппова, которое, по определению Н. П. Барсукова, «представлялось явлением необычайным». «И хозяева, и гости всякий раз восхищались и словами песни, и напевом; на всех производили они сильно-потрясающее впечатление», нередко вызывая у многих слёзы (*Барсуков*. Т. 11. С. 71). Всё это очень импонировало Погодину, возлагавшему надежды на талантливую молодёжь, и соответствовало общему направлению журнала.

Необоснованным представляется мнение Е. Г. Холодова, назвавшего этот союз «противоестественным альянсом», возможным лишь в условиях «небывалого цензурного террора», ведущего к неразборчивости писателей, «готовых публиковаться в самых различных журналах» (*Холодов Е. Г.* Из истории идейной борьбы вокруг первых пьес Островского // *А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков*. Л., 1974. С. 66). Журнал сыграл в судьбе Островского колоссальную роль, именно москвитянинские публикации принесли драматургу известность, а москвитянинское окружение способствовало формированию у него собственных убеждений и гибкости в оценках многих спорных литературных и эстетических явлений.

Позиция «молодой редакции» журнала сближалась с мнениями многих идеологов славянофильства, призывающих активно собирать и изучать памятники старины и немало потрудившихся на этом поприще. В работе «Обозрение современного состояния литературы» И. В. Киреевский подчёркивал: «Направление к народности истинно у нас как высшая ступень образованности, а не как душный провинциализм» (*Москва*. 1845. № 2. Критика. С. 70). Одной из основных у Киреевского была мысль о том, что жизнь русского народа проходит неотрывно от общеевропейской жизни, равно как и литература России развивается в общем литературном потоке, где «все словесности сочувствуют друг другу, сливаются, так сказать, в одну общеевропейскую литературу...» (Там же. С. 57).

Определение поэзии как «отвлечённой силы», которая реализуется в конкретных художественных произведениях, содержится в диссертации К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846). Исходя из своей эстетической концепции, Аксаков в первую очередь с поэзией связывает понятие художественности. Особое значение Аксаков придавал народной песне, отмечая в ней «великое содержание» и «великую сущность народа». По его глубокому убеждению, «изучение национальных песен, с которых должна начинаться история литературы народа, очень важно; дух народный решительно открывается в них; это полный мир, где всё связано между собой, где все существует под одним общим определением нации» (*Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 48).

Свои усилия славянофилы направляли на сближение литературы с жизнью трудового народа, с крестьянством, где и сохранились национальные черты быта, семейного уклада, традиций и нравственности. А. С. Хомяков в статье «О возможности русской художественной школы» пишет о необходимости выражать в литературе основные взгляды народа, передавать особенности его жизни: «Художник не творит собственное своею силою, — духовная сила народа творит в художнике» (Московский литературный и учёный сборник на 1847 год. М., 1847. С. 323). Общее состояние в литературе и в науке приводит Хомякова к печальному выводу: «Ни искусство слова, ни искусство звука, ни пластика в России не выражают ещё нисколько внутреннего содержания русской жизни, не знают ещё ничего про русские идеалы» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1861. С. 161). Но, как отмечает А. С. Курилов, славянофилы «хотели, чтобы искусство изображало не действительную жизнь народа, считая ее неправдой, искажением подлинно русской жизни, а такую, которая отвечала бы их идеалу» (Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830—1850 годы. М., 1978. С. 226—227).

Новая среда, серьёзное изучение отечественной истории и народного быта повлияли на характер и общую направленность пьес Островского этого периода. Изменяются и его эстетические воззрения, представления о целях и задачах искусства. Свою художническую миссию драматург чётко определил в известном письме к М. П. Погодину от 30 сентября 1853 г.: «...взгляд на жизнь в первой моей комедии кажется мне молодым и слишком жёстким... пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим». Этим, по сути, программным письмом драматург подчеркнул, что целью его искусства является не обличение общественных пороков, а поиск положительных начал русского народного быта и характера.

Произведения, созданные в москвитянинский период, являются этапными и занимают особое место в его творчестве. Именно с них началась эпоха Островского в театре, именно они явились началом создания национального репертуара и обозначили новый поворот в театральной эстетике.

Национальным колоритом и изображением важнейших качеств традиционного семейно-бытового уклада, имеющих особое значение для нравственности и жизнестойкости народа, выделяются в особую группу написанные одна за другой в 1853—1855 гг. пьесы «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», ориентированные на демократического зрителя, на эстетику народного зрелищного представления. Писатель убеждён в том, что театр — самый понятный даже неискушённому человеку вид искусства. «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа», — отмечает Островский в «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время». Поэтому драматург постоянно искал новые формы, такие средства, которые бы привлекали к его творениям демократическую часть публики. Он строит свои произведения преимущественно на бытовом материале; быт у драматурга является одновременно и источником конфликтов, и сферой отражения национального жизненного уклада и мироощущения. В соответствии

с традициями народного театра действие пьес москвитянского периода основано на чётком конфликте, в них ясно выражена мораль, сформулированная в названиях, достаточно проста психология персонажей.

Воспевание патриархальности, русской старины, эпических характеров в соединении притчи и достоверности придало пьесе «Не в свои сани не садись» характер народного действа. Разорившийся барин отставной кавалерист Вихорев, аморальный и циничный, противопоставлен купцам Русакову и Бородину как характерам идеальным. Так, Русаков — добропорядочный семьянин, любящий отец, для которого честное имя и репутация семьи являются едва ли не главным в жизни. Ваня Бородин «честно и благородно» живёт «при матушке», много трудится, чтобы умножить капитал, доставшийся от отца, и стремится к созданию счастливой семьи, основанной на взаимной любви. Действие комедии развивается стремительно, сцены плотно подогнаны одна к другой, события строго мотивированы. Предельно сжатая экспозиция сменяется сценой, в которой завязывается конфликт, энергичное развитие событий завершается скорой и неожиданной развязкой — таков принцип построения комедии. Лирической основой для пьесы стали песни и романсы, которые на время замедляют быстрый темп действия, создают эмоциональную атмосферу, говорят об эстетических пристрастиях героев.

Островский в москвитянинских пьесах взглянул на изображаемый мир изнутри, из глубины народной жизни. Всё, что разрушает его традиции, вызывает у драматурга отрицательную оценку. Он понял и принял народные эстетические и этические представления, потому столь органично в этих комедиях современные бытовые коллизии соединились с народно-поэтической стихией. В структуру комедии «Бедность не порок» автор ввёл сцены святочного веселья, показав сохранившиеся в народе формы скоморошества, фольклорной культуры, что и отразилось на драматургической стилистике пьесы, где скоморошеско-балаганное начало не противоречит песенно-лирическому.

Семья Гордея Карпыча Торцова испытала на себе воздействие чужеродной и эгоистически жестокой силы в лице Коршунова — разрушителя и разлучника. Позиция драматурга отразилась в образе героя-резонёра Любима Торцова, который прошёл путь от разрыва с семьёй, поддавшись влиянию циничных цивилизаторов, к пониманию ценности семейных устоев и домашнего очага. Неслучайно с Любимом связана мысль о том, что «бедность не порок», и идея о человеческом достоинстве и ценности личности. В тексте пьесы отразились и представления об «опрокинутом» мире авторов сатирических произведений древнерусской литературы. Любим Торцов в некотором смысле напоминает героя «Азбуки о голом и небогатом человеке», который когда-то был богат, благополучен, а затем, всего лишившись и вдоволь наскитавшись, стал понимать, сколь велика разница между двумя мирами: миром сытых, одетых, богатых и — миром голодных, раздетых, разутых, нищих. Только пережив унижения и испытав тяготы неустроенной жизни, Любим понял, что сытые и благополучные заслуживают насмешки, острой критики, резкого отпора. Такие, как Коршунов, разрушают главные нравственные ценности и поэтому относятся к миру антикультуры. В этом существенное отличие пьесы Островского от произведения древнерусской литературы, для которого характерна определённая система соотношения мира реального и мира ненастоящего, шутовского. Шутовское в комедии «Бедность не порок» — это часть общей культуры

вполне реального и вполне «упорядоченного» мира, строящегося на иных основах и на иной системе соотношений: добро — зло, семья — одиночество, богатство — бедность, любовь — отсутствие любви, счастье — несчастье. Драматург полностью выдержал общую линию пьесы, воссоздав жизнь купечества в праздничном колорите. Драматические моменты (появление в доме Торцовых Коршунова, его сватовство, страдания Любы и Мити, Пелагеи Егоровны и няни) вполне сочетаются с ярко-комедийными и не взрывают, не разрушают весёлое и поэтическое основание пьесы.

Жанр последней москвитянинской пьесы «Не так живи, как хочется» Островский определил как народную драму. Примечательно, что действие здесь отодвинуто в прошлое, к концу XVIII столетия, к периоду, «когда культура предшествовавшего XVII века была ещё живым явлением, когда совершался переход от древней Руси к новой России» (*Лотман Л. М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX века // Русская литература. 1996. № 1. С. 29*). События происходят в последнюю неделю Масленицы, языческого праздника, когда люди освобождаются от регламентирующих их частную жизнь правил, когда на смену жестким домостроевским нормам приходят (пусть на время) непосредственные чувства, страсти, находящие выход в атмосфере всеобщего языческого веселья, отражённой в различных ракурсах. Пётр во время масленичного веселья увлекается Грушей, охладев к жене своей Даше, которую совсем недавно увёз, «не спросясь ни у кого», от родителей. Пётр снял с себя всякие нравственные обязательства: «Нынче дело масленичное. Уж и не погулять? <...> Мне что за дело, как люди живут, а я живу, как мне хочется». Его страсть к Груше трактуется как дьявольское наваждение, как торжество кузнеца Ерёмки. И лишь благовест разрушает колдовские чары и восстанавливает гармонию в душе и в семье Петра. Финал пьесы приводит к выводу о том, что лишь на пути покаяния возможно подлинное преображение и очищение человека.

Раскаяние как необходимый акт в жизни людей обретает в москвитянинских пьесах особый смысл и особую форму. Эти произведения построены на соединении, сплаве различных библейских мотивов. И одним из основных стала библейская притча о блудном сыне. В комедии «Не в свои сани не садись» она трансформируется в ситуацию возвращения дочери в отчий дом. Дуня возвращается со словами: «Тянька! Простите меня!» Любим Торцов в комедии «Бедность не порок», как и герой евангельской притчи, вёл распутную жизнь, промотал всё своё наследство, был чем-то вроде шута у Коршунова и других богатых людей, а оставшись без гроша в кармане, явился к брату с просьбой пригреть его, дать ему кров и пищу. В Библии обобщён колоссальный человеческий опыт, в наиболее характерных ситуациях представлены различные поведенческие типы. Поэтому в разные времена писатели обращаются к таким моментам в жизни людей, которые в той или иной степени соотносятся с библейскими мотивами.

Сюжеты москвитянинских пьес строятся на опорах народной эстетики и на устойчивых формулах, которые черпаются из первоисточников жизни: уход — возвращение, разрыв — соединение, обида — примирение, грех — покаяние. Островский, как отметила А.И. Журавлёва, принадлежал к таким художникам, «для которых религиозность и система христианских ценностей была естественна, как нормальное дыхание» (*Журавлёва А. И. Церковь и христианские ценности*

в художественном мире А.Н. Островского // *Русская словесность*. 1995. № 3. С. 13). Религиозные установки в пьесах Островского выявляются в бытовой сфере, наполненной нравственными коллизиями. В оппозициях, которыми пронизаны произведения драматурга, заключено реальное бытие народа и основные черты национального характера. Народный мир, каким его изобразил Островский, обладает своей философией, явленной в языке, образе мыслей и в житейских поступках, своей культурой, достойной пристального внимания и серьёзного изучения. К таким итогам пришёл драматург в середине 1850-х гг., в период своей работы в журнале «Москвитянин».

И. А. Овчинина

В настоящее собрание сочинений вошли все сохранившиеся и найденные тексты, принадлежащие перу Островского. Составители внимательно изучили рукописные источники, авторизованные писарские копии, цензурованные писарские копии, театральные писарские копии, сопоставили публикации, выявили особенности исправлений, различных дополнений, которые вносил в тексты драматург при подготовке их изданий и переизданий.

Впервые полно представлены другие редакции и черновые варианты произведений Островского. Изучение рукописных материалов показало, что драматург нередко сочинял тот или иной фрагмент, используя свою систему вставок, то кратко, то более развёрнуто записывая свою мысль, а по прошествии более или менее продолжительного времени возвращался к тексту, существенно перерабатывая отдельные его части. Сохранившиеся автографы подчас скомпонованы хаотично, их нумерация не отражает последовательность работы над произведением, что существенно осложнило работу составителей тома.

В издании учтена эдиционная практика последних десятилетий. Система пунктуации унифицирована в соответствии с современными нам нормами. Вместе с тем текстологи посчитали необходимым сохранить в публиковавшихся ранее произведениях те неупотребительные в настоящее время способы обозначения, которые в текстах А.Н. Островского имеют смысловое значение. Это тире между репликами, по своей функции близкое к абзацу, и кавычки, выделяющие прямую речь, в середине которой имеется слово «говорит», играющее роль вводного слова, указывающего на источник сообщения. Например: «Раз приходит ко мне Пётр Иванович, сосед. — Слышал, говорит, как Иван-то Ерофеич гулять начал? — А что? — я говорю. — Вот недавно, говорит, у цыганок в один вечер рублей триста оставили».

Читатели смогут наглядно познакомиться с различными редакциями и с вариантами автографов, хранящихся в фондах Российской государственной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки, Спецбиблиотеки Государственного академического Малого театра, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива литературы и искусства.

В комментариях использован обширный корпус материалов, отражающих творческую историю произведений драматурга, полемику, развернувшуюся как вокруг самих пьес, так и их постановок на сцене. Составители ввели в научный оборот многочисленные театральные рецензии, опубликованные в журнальной и газетной периодике.

Тексты и варианты подготовили: Е. Н. Белякова («Неожиданный случай», «Бедная невеста»), А. А. Виноградов («Записки замоскворецкого жителя», «Свои люди — сочтёмся!», «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг», «Очерки Замоскворечья»), К. Ю. Зубков («Семейная картина», «Утро молодого человека»), Н. В. Капустин («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок»), Н. Г. Михновец («Не так живи, как хочется»), И. А. Овчинина («Бедная невеста»). В подготовке и написании комментариев принимали участие Е. Н. Белякова, А. А. Виноградов, Н. Л. Ермолаева, К. Ю. Зубков, Н. В. Капустин, Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, И. А. Овчинина, В. В. Тихомиров, Л. В. Чернец. Вступительную статью к комментариям написали Ю. В. Лебедев (1) и И. А. Овчинина (2). Помощь в редактировании тома оказала Г. Д. Неганова.

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

Впервые опубликовано: *Московский городской листок*. 1847. 14 марта; 15 марта (подпись — А. О. и Д. Г.; в публикации имеет иное название: «Картины московской жизни. Картина семейного счастья»). Переизд.: *Совр.* 1856. № 4. С. 217—234 (цензурное разрешение — 14 марта), указана дата — 1846; Для лёгкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Т. 8. СПб., 1858. С. 200—228 (корректурa издания с авторскими пометами: *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. № 4); *Островский А.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1859. С. 3—26; *Островский А. Н.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1868. С. 3—30; *Островский А. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1874. С. 7—29.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): *РГБ*. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 7 (см. «Приложения. Редакции и варианты»);

— писарские копии (ПК): *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. № 3 (содержит авторские пометы, со значительными сокращениями);

— авторизованная писарская копия (АПК), представлявшаяся в драматическую цензуру (*ГТБ*. I.11.3.6);

— театральная писарская копия (ТПК): *ГТБ*. 2466 (содержит сокращения);

— авторизованная театральная копия «Картина семейного счастья. Сцена в 1-м действии, соч. А. Н. Островского»; дата: 10 августа 1857; содержит сокращения (*МТ*. № 2258).

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Изд. А. А. Краевского, 1874.

Пьеса представляет собою переработку I акта незавершённой комедии «Исковое прошение», работа над которой велась, по всей видимости, в 1846 г. Вероятно, именно об «Исковом прошении» идёт речь в письме Островского к Д. А. Гореву-Тарасенкову от 16 октября 1853 г., где драматург сообщает, что читал ему «Картину семейного счастья» осенью. Черновой автограф этой комедии, хранящийся в РГБ, — крайне сложная для чтения рукопись, написанная карандашом и чернилами. Наиболее точная публикация этой рукописи осуществлена Н. П. Кашиным (*Кашин*. С. 371—398; см. также: *ПСС-12*. Т. 1. С. 422—439). Переработка «Искового прошения» в новую пьесу начата 26 января 1847 г. (*ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. № 3. Л. 2). В качестве даты завершения пьесы драматург упоминает 14 февраля 1847 г. (Там же. Л. 26 об.), однако это, судя по всему, не вполне точно: в этот день Островский читал «Семейную картину» у С. П. Шевырёва в присутствии Ап. Григорьева, А. С. Хомякова и др. В автобиографии он писал: «С этого дня я стал считать себя русским писателем и уж без сомнений и колебаний поверил в своё призвание». В альбоме М. И. Семевского он оставил запись, в которой имеется его высказывание о пьесе: «...моё первое цельное и законченное произведение» (*ПСС-12*. Т. 10. С. 462).

Впервые пьеса была опубликована в газете «Московский городской листок», где регулярно появлялись произведения молодых московских литераторов, в том числе ранние очерки Островского, под заглавием «Картины московской жизни. Картина семейного счастья». Первая половина этого заглавия, очевидно, являет-

ся редакционной (в газете регулярно печатались материалы с названиями, так или иначе указывающими на Москву). По воспоминаниям Ф. А. Бурдина, «о ней говорили тогда много в литературных кружках, и её перечитала вся Москва» (*Восп.* С. 328); по словам Т. И. Филиппова, сочинение «произвело большое впечатление на Гоголя», а также на самого Филиппова (*Барсуков.* Т. 11. С. 65). Однако в печати «Картина семейного счастья» почти не вызвала обсуждения.

В 1856 г. пьеса была перепечатана в журнале «Современник» (сохранились гранки этого издания: *ИРЛИ.* Ф. 218. Оп. 1. № 4). Для этой публикации она была подвергнута авторской правке: название было изменено на «Семейную картину», в тексте сняты придававшие ему очерковый характер многочисленные курсивы, которыми выделялись экзотические слова и выражения. Публикация в «Современнике» имела целью, с одной стороны, напомнить читателям о почти забытой пьесе популярного драматурга, а с другой — продемонстрировать эффективность «обязательного соглашения», заключённого Некрасовым со многими видными русскими писателями, которые были теперь обязаны регулярно печатать свои сочинения в его журнале. Островский не мог строго выполнить условия соглашения, поскольку уже обещал отдать свою комедию «Доходное место» в журнал «Русская беседа», однако позволил Некрасову перепечатать раннюю сцену. 26 сентября 1857 г. Некрасов обратился к Островскому с просьбой дать разрешение на перепечатку пьесы в «Лёгком чтении» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.; СПб., 1981—2000. Т. 14, кн. 2. С. 93). Ответное письмо с согласием Островского датируется 2 октября; публикация состоялась уже в начале 1858 г. Из письма Островского к Некрасову от 3 апреля 1858 г. следует, что драматург хотел ещё раз опубликовать свою пьесу в составе небольшого издания. Такое издание было выпущено, однако не Некрасовым, а Г. А. Кушелёвым-Безбородко в 1859 г. В него и вошла «Семейная картина». Как и остальные пьесы, вошедшие в двухтомное издание «Сочинений» Островского под редакцией Кушелёва-Безбородко, «Семейная картина» при жизни печаталась в собраниях сочинений драматурга, вышедших в 1860-х и 1870-х гг. Между тремя изданиями в составе сочинений Островского существует множество малозначительных разночтений, касающихся отдельных просторечных слов и выражений. В силу крайнего, даже по меркам Островского, своеобразия языка пьесы большая часть из них, судя по всему, объясняется описками и опечатками. Единственное место, где очевидно именно авторское вмешательство, — снятие ремарки «С отчаянием», сопровождавшей реплику Ширялова, говорящего об увлечениях своего сына. Она, вероятно, должна была подчеркнуть, что купец говорит далеко не вполне искренне, и помешать актёрам трактовать его отчаяние как подлинное.

«Семейная картина» — первое известное произведение Островского в драматическом роде, тесно связанное с его сочинениями 1850-х гг. Уже Ап. Григорьев, первый критик, писавший о пьесе, утверждал, что она носит «яркую печать самобытности таланта». В своих более поздних пьесах драматург полностью развернул возможности, заложенные в раннем произведении. Это и изображение невежественной, но очень цельной и своеобразной среды традиционного купечества, вообще характерное для сочинений Островского 1850-х гг., и намёк на конфликт поколений в этой среде (старая Степанида Трофимовна недовольна стремлением молодых купчих к европейской жизни), и своеобразная манера выражаться, приносящая всем без исключения героям. Персонажи пьесы предвосхищают будущих

героев произведений Островского: невежественные купчихи, мечтающие походить на европейски образованных дворян, напоминают Липочку из комедии «Свои люди — сочтёмся!»; простодушный купец Пузатов, радостно рассказывающий о своих ловких обманах, — гордящегося собою принципиального взяточника Юсова из «Доходного места»; убеждённо защищающая традиционный общественный строй Степанида Трофимовна — Кабаниху из «Грозы». Даже отдельные детали, значимые для ранних сцен, позже были использованы в других пьесах Островского. Так, постоянно подчёркивается важность для купца традиционных составляющих его облика, легко поддающихся сценическому воплощению, — бороды, усов и толстого живота. «Говорящая» фамилия Пузатова указывает на одну из этих черт. Те же самые особенности купеческой внешности выделяются и у героев комедии «Свои люди — сочтёмся!», а фамилия Бородин, принадлежащая одному из героев ранней комедии «Не в свои сани не садись», точно так же подчёркивает важную особенность внешнего облика купца. Речевая характеристика героев тоже своеобразна. Вызвавшая раздражение некоторых критиков манера Пузатова повторять слова «Ничего! Можно!» (Петербургская летопись. (Бенефис Бурдина) // *СПбВед.* 1855. № 220. 9 окт. С. 1156) также напоминает постоянные речевые повторы в «Бедной невесте», в свою очередь подвергшиеся суровой критике. Скорее всего, в ещё большей степени Островский использовал в своих более поздних произведениях сюжет и образы оставшегося неизвестным публике «Искового прошения». В этой пьесе, по всей видимости, важная роль отводилась сыну Ширялова — молодому купцу, увлечённому театром и ведущему беспорядочный образ жизни. Вероятно, этот образ находится в прямой связи с Любимом Торцовым — одним из главных героев комедии «Бедность не порок». Отказавшись от разработки этого замысла, Островский не стал развёртывать сложное драматическое построение, ограничившись несколькими сценами, и строить драматический конфликт, который несомненно должен был присутствовать в многоактной пьесе. Поэтому «Семейная картина» по некоторым признакам может быть сближена с произведениями натуральной школы. Особенно показательны авторские примечания, содержащие объяснения отдельных слов и выражений героев и придающие сценкам скорее этнографический характер.

Важность небольшой пьесы для творчества Островского в целом была быстро замечена критикой. Первая её публикация почти не привлекла к себе внимания (единственное упоминание — в рецензии Ап. Григорьева на «Руководство для молодых людей, назначающих себя к торговым делам» в «Московском городском листке» от 8 мая 1847 г.), однако популярность более поздних сочинений Островского сделала пьесу широко известной. Как первое драматическое произведение писателя, «Семейная картина» обычно была поводом для высказывания критиками своих концептуальных положений о сочинениях Островского в целом. Григорьев обратился к ней в статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (*Москв.* 1855. № 3. С. 97—118) и на материале пьесы сформулировал свою знаменитую, часто цитируемую и самим Григорьевым, и его оппонентами характеристику Островского: «Самое первое из этих исчисленных... произведений — носило уже на себе яркую печать самобытности таланта, — выражавшейся и 1) в новости быта, выводимого автором и до него ещё не початого... и 2) в новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка, — в его цветистости, особенно

сти. Изю всего этого нового, что с первой минуты своего появления в литературу приносил с собою молодой поэт, — критика в состоянии была, да и теперь ещё находится, — понять только новость изображаемого им быта. “Сцены...” — которые, относительно оконченности отделки, представляют едва ли не совершеннейшее произведение их автора — прошли почти что незамеченные: и немудрено! они едва ли составят печатный лист» (*Григорьев А. А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. Пг., 1918. С. 210). Подчёркивая новаторство Островского и его непонятность для современной критики, Григорьев имел в виду последователей Белинского и натуральной школы, чуждых, по его мнению, подлинному искусству.

Перепечатка пьесы в «Современнике» вызвала несколько отзывов в критике. Н. А. Некрасов сопроводил её переиздание примечанием: «В нынешнем номере “Современника” напечатали мы “Семейную картину” г. Островского, которого сотрудничество приобретено редакциею. Спешим сказать, что эта пьеса была напечатана в 1846 году в “Московском листке”. Мы её перепечатываем потому, что она заслуживает внимания публики и как прекрасная пьеса, и как первое произведение автора комедии “Свои люди — сочтёмся!”, — произведение, в котором находятся уже данные таланта, подарившего впоследствии русской литературе одну из её немногих образцовых комедий. А между тем “Семейная картина”, по малочисленности читателей “Городского листка”, прекратившегося за неимением подписчиков, была донныне очень мало известна. Всё это мы спешим сказать, а то, чего доброго, опять явится обвинение в перепечатке с присоединением советов “быть впредь осмотнительнее” и проч. Будьте же спокойны, г. издатель “С<анкт>-Петербургских ведомостей”. Здесь никто никого “не поддел”. Мы знаем, что делаем, и даже убеждены, что наши читатели будут нам благодарны за доставление им возможности познакомиться с первым произведением г. Островского» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 2. С. 253). В своём комментарии к пьесе Некрасов задел А. А. Краевского, что привело к ожесточённой полемике. Лишь один критик поддержал Некрасова — «Музыкальный и театральный вестник» полностью перепечатал его отзыв о пьесе Островского и добавил: «Благодарим за это редакцию “Современника”. Такая перепечатка действительно нелишняя. Хотя в “Семейной картине” мы ещё не встречаем той резкой типичности, которая отличает комедии г-на Островского, но она составлена умно, обдуманно и ярко рисует нам тот быт, который выбрал комик для своего поля» (*В. С.* Критические заметки // *Музык. и театр. вестн.* 1856. № 17. 29 апр. С. 331). Напротив, другой рецензент (вероятно, А. В. Старчевский) утверждал, что пьеса Островского слаба и лишена художественности, целясь при этом скорее не в драматурга, а в Некрасова: «...“Семейная картина” есть только рабская копия внешней стороны быта московского купеческого семейства, где подмечено, как они говорят, пьют чай, обманывают покупателя, мужа, друзей. Это не больше как дагерротипный снимок...» («Современник» // *Сын Отечества.* 1856. № 2. С. 32). Ещё более резким был комментарий В. Р. Зотова, отвечавшего от имени «Санкт-Петербургских ведомостей». Зотов не только осудил редакционную политику «Современника» и резко отрицательно отозвался о художественных достоинствах пьесы Островского, — он ещё и потребовал от драматурга ответа на обвинения Д. А. Горева в плагиате, вероятно, пытаясь этим ударить по репутации Некрасова: «...не следовало... перепечатывать слабую пьесу из журнала, выходившего только

десять лет тому назад. <...> И что особенно хорошего нашёл “Современник” в “Семейной картине” г. Островского? Конечно, в пьесе этой необразованность не поставляется идеалом русского человека, просвещению не приписываются дурные поступки действующих лиц... Всё это верно и хорошо подмечено, но из-за этого не стоило перепечатывать пьесу, в которой нет ровно никакого содержания, которая может составлять, пожалуй, первый акт комедии, но не больше. <...> ...Во всём этом нет ни интереса, ни настоящей комедии. Даже настоящих характеров нет в “Семейной картине”, главное достоинство которой — дагерротипически верный язык. <...> Напрасно также журнал этот, перепечатывая пьесу из “Московского городского листка”, не разъяснил до сих пор не разрешённого вопроса в нашей литературе: почему под этой пьесой в 1846 году было выставлено не одно имя г. Островского и в какой мере справедливы слухи об участии г. Горева в некоторых последующих произведениях московского драматурга? Почему об этом умалчивает до сих пор и сам г. Островский?» (*Зотов В. Русская литература // СПбВед. 1856. № 96. 2 мая. С. 552*). Стоит отметить проницательность недоброжелательного критика, справедливо заметившего, что пьеса Островского представляет собою скорее отрывок из незавершённого большого произведения. Почти дословно совпадает с этим и анонимный отзыв «Пантеона», возможно, также написанный Зотовым: «Напрасно также “Современник” перепечатал из “Московского городского листка” quasi-комедию г. Островского “Семейная картина”» (*Петербургский вестник // Пантеон. 1856. Кн. 3. С. 19*).

Большая группа концептуальных разборов пьесы появилась в 1859 г. в составе рецензий на двухтомное издание «Сочинений» Островского. С совершенно иных позиций, по сравнению с Ап. Григорьевым, подошёл к ней Н. П. Некрасов, рассматривавший творчество Островского не с точки зрения идеала подлинного искусства, а с точки зрения актуальных общественных потребностей. Критик усмотрел в «Семейной картине» обличительный элемент: «...автор довольно верно отметил некоторые черты купеческого быта в семейной жизни. Муж — полный хозяин в доме и господин над своею женой. Жена покоряется во всём мужу и за это имеет полное право ничего не делать в доме, рядиться и гулять потихоньку от мужа» (*Некрасов Н. П. Сочинения А. Островского, 2 тома. СПб., 1859 // Атеней. 1859. № 2, № 8. С. 466—467*). Драматург, по мнению Некрасова, «верно представил патриархальность быта в семейной жизни и обман в делах коммерческих» (Там же. С. 468). Для русского купца, как полагал критик, «обман не считается... делом постыдным, а напротив, таким важным, что становится лучшим критерием для его коммерческих способностей» (Там же. С. 469). Оценивая героев исключительно с точки зрения их общественной значимости, Некрасов проигнорировал психологическую составляющую образов, а потому не увидел и не мог увидеть у Островского характеров: «Мы видим наблюдательность автора над комическою стороною купеческого быта, но не чувствуем истинного комизма в самом произведении. В нём нет ни одного художественного очерка характера. Чем отличается Пузатов от Ширялова? одними летами. Чем отличается Матрёна Савишина от Марьи Антиповны? ничем. <...> Правда, картина верна с действительностью, но что же из этого? В ней нет той художественности, которая бы возвышала её над действительностью; не заметно того взгляда художника, который бы ярко освещал её пошлую сторону» (Там же).

Со схожих позиций оценивал пьесу и критик «Отечественных записок» Н. С. Назаров, сохранивший, впрочем, большую объективность. С его точки зрения, пьеса — «интересный, как нельзя более забавный и очень замечательный даже драматический отрывок, почти безукоризненный в художественном отношении. Сам автор не придавал этому произведению никакой важности, назвал его просто картинкою, не делил его ни на действия, ни на сцены, ни на явления» (*Н. Н. Сочинения А. Островского. Два тома. Издание графа Г. А. Кушелёва-Безбородко. СПб., 1859 // ОЗ. 1859. Т. 125, № 7. Русская литература. С. 14*). Высоко ставя художественное достоинство ранней пьесы, критик, впрочем, скептически отзывался о большинстве более поздних его произведений. Как и рецензент «Атеней», Назаров на основании пьесы обличал русское купечество: «Что обман, наглый, бесстыдный обман, не есть общее достояние всего торгующего мира, а составляет отличительное свойство необразованной части собственно русского купечества, это сознаёт и сам г. Островский, сознают и его действующие лица» (Там же. С. 20). Впрочем, критик обратил внимание на тонкие психологические различия между героями: «Пузатов... торгует, как и все торгуют, то есть плутует и надувает, потому что и нельзя, при современном положении нашей промышленности и торговли и при общем невежестве русского купечества (за весьма немногими и редкими исключениями), нельзя и не плутовать, нельзя не обманывать. Но, покоряясь этому роковому, неизбежному течению дел, Пузатов оглядывается, остерегается, знает ещё совесть и плутней своих слишком далеко не заводит, тогда как для Ширялова ничего уж нет святого — сердце его закаменело и он даже не видит тёмной стороны своих поступков» (Там же. С. 14). Аналогичным образом рассматривал Назаров и женские образы: «...Марья Антиповна ещё не сделалась Матрёной Савишной; она, правда, на дороге к тому, но превращение ещё не совершилось; в сестре Пузатова есть ещё и женственность, и девическая стыдливость, которых нет и следа в Матрёне Савишне, жене Пузатова» (Там же. С. 15).

В сущности, к этому подходу близок и Н. А. Добролюбов, подробно анализирувавший «Семейную картину» в своей знаменитой статье «Тёмное царство» (*Совр. 1859. № 7. Современное обозрение. С. 17—78*). Как и критики «Атеней» и «Отечественных записок», Добролюбов признал типичность образов пьесы: «...Марья Антиповна составляет не исключительное, а самое обыкновенное, почти всегдашнее явление в этом роде» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1961—1964. Т. 5. С. 35*). Добролюбов также заметил, что «самодуры» в пьесе далеко не одинаковы: «Но Антип Антипыч — ещё прогрессивный и гуманный человек в сравнении с своей матушкой» (Там же. С. 36). Все эти неоригинальные рассуждения, однако, подкреплялись в его статье публицистическим пафосом, который позволил критику сделать на основании пьесы Островского далеко идущие выводы относительно общественной жизни современной ему России: «Обман тут — явление нормальное, необходимое, как убийство на войне. Быт этого тёмного царства так уж сложился, что вечная вражда господствует между его обитателями. Тут все в войне... И все эти люди воюют общими силами против людей честных, которые могут открыть глаза угнетённым труженикам и научить их громко и самостоятельно предьявить свои права. <...> Известно, что логика войны совершенно отлична от здравого смысла» (Там же. С. 38).

Самое первое своё драматическое произведение Островский пытался поставить на сцене императорских театров и отдал в театральную цензуру. 18 августа 1847 г. цензор М. А. Гедеонов дал отрицательное заключение об этом произведении: «Судя по этим сценам, московские купцы обманывают и пьют, а купчихи тайком гуляют от мужей. Впрочем, эти сцены не заключают в себе ни личностей, ни злости» (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 24. Л. 37; см. также сохранившуюся рукопись, рассмотренную Гедеоновым: ГТБ. 24662). На основании этого заключения пьеса была запрещена, причём сначала руководство Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии её разрешило, однако позже снова запретило. Через несколько лет, когда Островский был уже известным писателем, с просьбой о разрешении «Семейной картины» к постановке выступил артист Санкт-Петербургского театра Ф. А. Бурдин. А. К. Гедерштерн вынес такое заключение: «Пьеса нравоисправительная; но прилично ли выводить на сцену, с таким цинизмом, плутовство русского купечества, которое передается, как правило, от отца к сыну и для которого нет ничего святого?» (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 32. Л. 24). 23 февраля 1855 г. «Картина семейного счастья» была вновь запрещена, видимо, на основании сомнительной репутации Островского в цензурском сообществе: «Сочинитель этой пьесы (Островский) состоит на замечании со времени написания им комедии под заглавием “Свои люди — сочтёмся!”» (Там же). В письме от 12 февраля 1855 г. Островский советовал Бурдину прекратить хлопоты о пьесе: «Насчёт “Сцен” я Вам скажу, что мне не хотелось бы их ставить на сцену, чтобы не повредить себе в цензуре, у которой я теперь на хорошем счету. Впрочем, если мои “Сцены” Вам необходимы, то хлопочите». Однако актёр продолжил свои действия, обратившись к М. А. Гедеонову, который, в свою очередь, написал записку к руководителю Третьего отделения Л. В. Дубельту. Свой диалог с Дубельтом Бурдин воспроизвёл в воспоминаниях:

«— Какую же пьесу вы желаете, чтобы я вам дозволил?

— “Семейную картину” Островского.

— В ней нет ничего политического?

— Решительно ничего; это небольшая сцена из купеческого быта.

— А против религии?

— Как это можно, ваше превосходительство!..

— А против общества?

— Помилуйте — это просто характерная бытовая картинка.

Дубельт позвонил. “Позвать ко мне Гедерштерна, и чтобы он принёс с собою пьесу “Картина семейного счастья” Островского.

<...>

Гедерштерн подал пьесу, на которой он сверху написал: “Дозволяется. Генерал-лейтенант Дубельт” — и не зачеркнул даже написанного прежде: “Запрещается. Генерал-лейтенант Дубельт”. В этом виде и теперь хранится эта пьеса в театральной библиотеке» (Восп. С. 331—332).

Рассказ Бурдина представляется достоверным, поскольку описанная им копия пьесы с противоречащими друг другу резолюциями Дубельта действительно хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке (ГТБ. I.11.3.6). Поскольку рукопись рассматривалась в необычном порядке, остаётся под вопросом, учитывались ли при её постановке сохранившиеся в экземпляре ГТБ цен-

зорские исправления, сделанные красным карандашом. Можно предположить, что вычеркнутые Гедерштерном фрагменты всё же не ставились на сцене, — по крайней мере, в хранящемся в Спецбиблиотеке Малого театра режиссёрском экземпляре вызвавшие недовольство цензора места по большей части выпущены. Однако встречаются в автографе и необычные случаи, когда красным карандашом цензора те или иные реплики вычёркиваются, а серым режиссёрским — вставляются замены. Цензор исключил слова Пузатова («А она-то у меня таки тово... То есть я... насчёт телесного сложения. Ну, и всё такое»), слова Степаниды Трофимовны («...ан дыра в горсти»), «грешное дело — по постам скромное лопает»). Вычеркнул цензор и весь рассказ Ширялова об армянине: снят весь текст от фразы «Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?» до слов «внимания не стоющими». Слова Ширялова: «Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается» — также вычеркнуты цензором. Наконец, сняты цензором слова Пузатова: «Меня в Преображенском фабричные за девку было до смерти убили». Серым карандашом слово «ахтриса» в рассказе Ширялова заменено на слово «азноба»; серым же вычеркнута сцена, следующая за последней репликой Пузатова (ГТБ. I.11.3.6).

Таким образом, пьеса была разрешена к постановке 26 сентября 1855 г. 3 октября того же года она была поставлена на сцене Александринского театра в бенефис Бурдина; роли исполняли: Пузатов — Ф. А. Бурдин, Матрёна Савишна — А. И. Михайлова, Марья Антиповна — А. П. Натарова, Степанида Трофимовна — Ю. Н. Линская, Ширялов — П. И. Зубров, Дарья — А. Волкова. Обозреватель «Библиотеки для чтения», укрывшийся за псевдонимом «Петербургский житель» (возможно, А. В. Дружинин), писал: «Сцены г. Островского “Картина семейного счастья” принадлежат к первым и, следовательно, лучшим произведениям даровитого автора, почерпнутым из жизни купеческого сословия. В сценах этих почти нет того, что называется обыкновенно сюжетом, но лица и язык взяты из жизни и переданы мастерски. Г. Бурдин и Зубров и г-жи Линская и Михайлова разыграли эту небольшую пьесу прекрасно. Особенно хорош был г. Зубров» (Заметки петербургского жителя // *БдЧ*. 1855. № 11. Отд. VII. С. 65). Высоко отзывались о спектакле и «Санкт-Петербургские ведомости»: «“Сцены” были напечатаны в “Московском городском листке” ещё до появления комедии “Свои люди — сочтёмся!” и обратили уже тогда внимание публики на молодого их автора. В них тот же типический и бойкий язык, то же верное и меткое воспроизведение купеческого быта, какими отличаются все сочинения г. Островского. <...> Г-жа Линская чрезвычайно хороша в роли старухи, а г. Бурдин превосходно играл роль одного из купцов... Но особенно удивил нас г. Зубров мастерским исполнением роли старого купца Парамона Ферапонтовича: вот натура без прикрас и преувеличений!» (Петербургская летопись // *СПбВед*. 1855. № 220. 9 окт. С. 1156).

В Малом театре премьера пьесы состоялась позже, 2 декабря 1857 г. (см. недатированное письмо А. Ф. Писемского А. В. Дружинину с просьбой узнать о возможности поставить «Семейные сцены» в Москве: *Писемский А. Ф.* Письма. М., 1936. С. 111), в бенефис П. М. Садовского. Роли исполняли: Пузатов — П. М. Садовский, Матрёна Савишна — Е. Д. Немчинова, Марья Антиповна — Н. М. Медведева, Степанида Трофимовна — С. П. Акимова, Ширялов — С. В. Васильев, Дарья — А. Д. Степанова. В режиссёрском экземпляре (МТ. № 2258) указаны следующие коррективы: реплика Матрёны Савишны («Да что

говорили-то?») приписана Марье Антиповне; реплика Дарьи, начинающаяся словами «Да ещё, Матрёна Савишна, Василий-то Гаврилыч...», и ответная реплика Матрёны Савишны вычеркнуты; слова Степаниды Трофимовны («фу ты, прочь поди... так и шумит!») вычеркнуты, как и её же реплика «А ты, сударыня, своим званием не гнушайся». В монологе Степаниды Трофимовны вычеркнуты слова от «Только что чванится» до «а вы мужики», от «А я ещё тогда самой-то говорила» до ремарки «Вздыхает» включительно, от «Да нечего и говорить» до «дело неподходящее». Сокращён и монолог Шириялова, из которого вычеркнуты слова от «в Марьину рошу и закатятся» до «маюсь с Сенькой-то». Как и в цензурном экземпляре, полностью устранён рассказ Шириялова о разорившемся армянине. Из реплики Шириялова также вычеркнуты слова «да по ахтрисам. Сам посуди». Роль Пузатова относилась к лучшему в репертуаре Садовского. Во время гастролей артиста в Петербурге в 1857 и 1858 гг. пресса единодушно обратила внимание на блестящее искусство Садовского: «Роль Пузатова, купца смышлёного, даже хитрого, но в то же время добродушного даже в обмане, исполняется г. Садовским так живо и с такой натурой, что вы перестаёте видеть перед собою актёра: дальше этого искусство уже не может идти» (Петербургская летопись. (Бенефис Бурдина) // *СПбВед.* 1857. 12 мая); «...роль Пузатова есть венец искусства г. Садовского. Ничего лучше вообразить нельзя. Перед вами живой тип бессовестного торгаша, богатого и потому больше нежели смелого — дерзкого во всех своих поступках и непринуждённо высказывающего свои разбойные подвиги... Эта роль всего лучше доказывает, что может сделать отличный актёр, когда представляет лицо, изображённое верно» (К. П. <Полевой К. А.> Г. Садовский на сцене петербургского театра // *Северная пчела.* 1858. № 128. 13 июня. С. 565). На сценах столичных театров «Семейная картина» также шла: в Петербурге — 5, 14 и 27 октября 1855 г., 4 января, 9, 13, 16 и 25 февраля, 4 и 18 декабря 1856 г., 6 февраля, 5 мая, 19 августа и 17 декабря 1857 г., 26 мая, 2 июня и 2 октября 1858 г., 6 сентября и 29 октября 1859 г., 15 апреля и 12 октября 1862 г., 10 января и 24 октября 1863 г., 13 и 30 октября 1864 г., 20 января и 21 сентября 1865 г., 5 апреля и 21 декабря 1866 г., 29 сентября и 12 октября 1867 г., 3 января, 11 апреля и 31 октября 1868 г., 21 января 1869 г., 12 июня 1870 г.; в Москве — 4 декабря 1857 г., 17 и 27 октября 1858 г., 23 апреля 1859 г., 2 сентября и 7 декабря 1860 г., 18 мая, 1 июня и 18 июля 1862 г., 18 сентября и 3 ноября 1863 г., 15 октября 1865 г., 18, 22 и 29 ноября 1879 г. (см.: *ИРДТ.* Т. 3. С. 336; Т. 4. С. 460).

Пьесу часто играли и на других сценах. В начале 1870 г. «Семейная картина» ставилась любительским кружком в зале Дворянского собрания в Петербурге (Развлечение. 1870. № 7. С. 111). 10 ноября 1870 г. её играли на сцене артистического клуба в Петербурге (иронический отзыв об актёрах см.: *Новое время.* 1870. № 315. 16 нояб.). 18 декабря 1879 г. петербургский кружок любителей драматического искусства поставил «Семейную картину» в зале собрания художников (см. резко отрицательный отзыв: *Театральный курьер* // *Пб. листок.* 1879. № 249. 20 дек.). Драматическая цензура также разрешала представления этой пьесы в Харькове (11 июля 1856 г.), Одессе (26 июня 1859 г.), Кронштадте (28 июля 1861 г.), Казани (7 сентября 1863 г.), Пензе (15 октября 1863 г.), Новгороде (28 сентября 1864 г.), Вильно (11 декабря 1864 г.)¹.

¹ См.: *Зубков К. Ю.* А. Н. Островский в репертуаре провинциальных театров // *Учён. зап.*

Островский также неоднократно читал своё произведение вслух. Осенью 1846 г. он выступал перед Д. А. Горевым-Тарасенковым. 20 февраля 1856 г. он читал его у И. С. Тургенева в присутствии И. А. Гончарова и А. В. Никитенко, высоко оценившего его чтение (см.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева* (1818—1858) / сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 324; *Никитенко А. В. Дневник*. Т. 1. М., 1955. С. 431 (запись от 29 февраля 1856 г.); *Письма к А. В. Дружинину*. М., 1948. С. 72). Наконец, 16 марта 1860 г. Островский читал «Семейную картину» и сцены из комедии «Свои люди — сочтёмся!» на литературном вечере в пользу нуждающихся студентов в зале Санкт-Петербургского университета (*РСЛ*. 1860. № 4. Смесь. С. 149; *Обёрточный листок*. 1860. № 13. 30 марта).

С. 12. *Чёрный цвет, мрачный цвет, / Ты мне мил навсегда!* — Цитируются первые две строки популярного низового романса на стихи А. Н. Гвоздева, неоднократно включавшегося в песенники и часто упоминавшегося в различных произведениях литературы сер. XIX в. (см.: *Вацуро В. Э.* Александр Чавчавадзе и русская романсная лирика // *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. 16/17. СПб., 2004. С. 304—314).

...отпросимся ко всенощной в монастырь... — Всенощное бдение чаще всего служится в церквях накануне двенадесятых и великих праздников и воскресного дня. Обычно оно продолжалось довольно долго и могло быть удобным предлогом, чтобы провести вечер вне дома.

...в Парк отличимся либо в Сокольники. — Имеются в виду Петровский парк и парк Сокольники, которые были одними из основных мест загородных гуляний, где царили очень вольные нравы. Ср., напр., в «Княгине Лиговской» (1837) М. Ю. Лермонтова: «...все его путешествия ограничивались поездками с толпою таких же негодяев, как он, в Петровский, в Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали с собою тетрадей и книг, чтоб не казаться педантами. Приятели Печорина, которых число было, впрочем, не очень велико, были всё молодые люди, которые встречались с ним в обществе, ибо и в то время студенты были почти единственными кавалерами московских красавиц, вздыхавших невольно по эполетам и аксельбантам, не догадываясь, что в наш век эти блестящие вывески утратили своё прежнее значение» (*Лермонтов М. Ю.* Соч.: в 6 т. М.; Л., 1954—1957. Т. 6. С. 154). См. подробные описания гуляний в Петровском парке и в Сокольниках в сборнике рассказов М. Н. Загоскина «Москва и москвичи» (1842—1850). Одним из мест этих гуляний был знаменитый ресторан «Яр», находившийся в Петровском парке.

...с белым пером! — Белые перья встречались на головных уборах офицеров самых разных родов войск. Например, султан из белых перьев полагался армейским уланам, а белый плюмаж — типичное украшение генеральской шляпы в различных родах войск. Очевидно, героиня не имеет даже приблизительного представления о различиях в военной униформе, ориентируясь исключительно на внешнюю эффективность. См. также комментарий на с. 824.

С. 13. *Табакom накурили...* — Заимствованный с Запада, табак долгое время воспринимался как новшество, не соответствующее традиционному укладу русской жизни. Наиболее консервативные группы населения, к которым относились

Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 2. С. 83.

и купцы, полностью отказывались от его употребления (подробнее о распространении в России курения см.: *Богданов И. А. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007*).

...нынче в Останкино приезжали... — В Останкине находилось одно из мест загородных гуляний, любимых москвичами. В этом качестве Останкино упоминается и в «Москве и москвичах» М. Н. Загоскина (см.: *Загоскин М. Н. Соч.: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 388*).

...скажи, говорит, чтобы мадеры привезли... — Под мадерой имеется в виду, разумеется, не дорогое заграничное вино, популярное среди аристократии, а дешёвые российские подделки под него. Ср. попытки гоголевского Ноздрёва угостить Чичикова и своего зятя мадерой, «лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Мадера, точно, даже горела во рту, ибо купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру, заправляли её беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки» (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. Т. 7, кн. 1. М., 2012. С. 72*).

С. 14. ...за бородача за какого-нибудь выдадут. — В произведениях Островского борода часто упоминается как знак сословной идентичности купечества (см., напр., многочисленные упоминания в комедии «Свои люди — сочтёмся!»). Среди дворян бороду носили почти исключительно старики, поскольку офицерам и чиновникам отпускать её запрещалось.

...не с нашим рылом да в калачный ряд. — Отсылка к фразеологизму, известному во множестве вариантов. Из записанных в XIX в. вариантов ср.: «С мякинным рылом да в калачный ряд!» (*Даль. Т. 4. С. 119*).

...шуба енотовая. — Енотовая шуба неоднократно упоминается в произведениях русской литературы сер. XIX в. как одежда, обычная для представителей низших сословий; ср., напр., повесть И. И. Панаева «Прекрасный человек» (1840): «...папенька её в енотовой шубе приподнял сзади свою шляпу, потёр рукой свой подбородок, впрочем, без бороды, и сказал: “моё почтение-с”» (*Панаев И. И. Избранная проза. М., 1988. С. 160*).

...купчиха первой гильдии... — Статус купеческих гильдий во времена Островского определялся гильдейской реформой Е. Ф. Канкрин 1824 г. Капитал купца первой гильдии должен был составлять не менее 50000 рублей. Такой купец не относился к податным сословиям, не мог быть подвергнут телесному наказанию и обладал рядом других преимуществ перед обычными купцами. Однако купцам первой гильдии требовалось платить значительные гильдейские взносы. Банкротство лишало купца права на все положенные по статусу преимущества (см.: Полное собрание законов Российской империи¹. Собр. 1. Т. 39. СПб., 1830. С. 589—612). Изображённое Островским семейство, очевидно, владеет капиталом совместно и ведёт деятельность по одному свидетельству, поскольку состоит «из вдовы с сыновьями и незамужними дочерьми и внуками... когда все они живут в одном доме нераздельно» (Там же. С. 594). Однако правами купца первой гильдии может владеть лишь один из его членов. Героиня, очевидно, имеет в виду не свои торговые права, а именно принадлежность к семейству, один из членов которого записан в первую гильдию.

¹ Далее — ПСЗРИ.

С. 16. *...встаёшь ты ~ в одиннадцатом часу...* — Позднее пробуждение — характерный знак поведения светского человека благородного происхождения (см. описание дня Евгения Онегина в первой главе пушкинского романа в стихах, 1823).

...мантилии да билиндрысы разные... — Мантилья была модным предметом одежды у столичных дам высшего света. В этом качестве она часто упоминается в русской литературе. Ср., напр., роман В.А. Вонлярлярского «Большая барыня» (1852), где «широкая, чёрная, бархатная мантилья, опущенная сереньким мехом», — одежда аристократки (*Вонлярлярский В.А. Все сочинения. Ч. 4. СПб., 1853. С. 117*). Впрочем, героиня Островского едва ли точно знала значение этого слова. Слово «белендрысы» с вариантами «белентрясы» и «балянтрасы» определяется В.И. Далем как «вздорное, пустое, ничтожное дело, слова или вещи; шутки, пустословие» (*Даль. Т. 1. С. 82*).

...как ни крахмалься... — Вероятно, имеется в виду, что героиня носила белую накрахмаленную одежду, которую в купеческой среде надевали редко.

С. 17. *...при генерале...* — Под генералом могла иметься в виду любая особа II—V классов по «Табели о рангах», даже состоящая в статской службе (см. комментарий на с. 711).

Разглаживает усы. — Этим жестом герой противопоставляет себя чиновникам, которым в 1840-е гг. носить усы было официально запрещено.

С. 18. *Я по четырнадцатому году замуж шла...* — В 1830 г. было запрещено выдавать замуж девушек младше 16 лет (см.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 5, отд. 1. СПб., 1834. С. 740). Это противоречило нормам патриархальной семьи, в которой более ранние браки были широко распространены. До появления соответствующего указа Николая I выходить замуж можно было уже в 13 лет. Очевидно, Степанида Трофимовна вышла замуж, чуть только достигла положенного законом возраста. В дворянской среде были распространены значительно более поздние браки.

...от него и в мясоед всегда луком пахнет... — Возможно, имеется в виду не только то обстоятельство, что в мясоед (т. е. между постами) купец мог есть не только лук и другие овощи, но и мясо.

...ты у нас ведь не голь саратовская... — Видимо, широко распространённое во времена Островского выражение; употреблено также в пьесе Н.А. Некрасова «Актёр»: «Что? Двадцать пять душ! Только! Ах ты, голь саратовская...» (*Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 124*).

С. 19. *...не садись, мол, не в свои сани...* — Известная пословица, позже использованная в названии одной из пьес Островского.

...благородный, а не купец; может и дослужиться, и в чины произойти. — Купец не имел права поступать на службу, сохранив свою сословную принадлежность. Дворянин, напротив, несмотря на дарованное ещё Екатериной II право не состоять на службе, в реальности «не мог не служить» (*Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 28*).

...фрачишко-то на нём этот натянут короткохвостый... — Возможно, имеется в виду полуфрак, который героиней воспринимается не как особый предмет одежды, а как плохо сшитый фрак.

...не то что стракулист чахлый. — Слово «стракулист» указывает и на словенную принадлежность, и на негативную оценку человека: «мелкий чиновник, приказная строка»; «пронырливый человек, ловкач» (Словарь рус. яз.: в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. М., 1957—1961. Т. 4. С. 390).

С. 20. ...*Великим постом и чаю не пьёт с сахаром — всё с мёдом либо с изюмом.* — Употребление сахара в пост запрещалось в старообрядческой традиции XIX в. Ср. в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» (1871—1874): «Пили чай с изюмом, потому что сочельник, а сахар скоромен: в него-де кровь бычачью кладут» (Мельников-Печерский П. И. Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 21). Герои пьесы едва ли относятся к староверам (ср. посещение православной церкви как способ «отпроситься» из дома), однако эта традиция им, видимо, знакома.

...не хуже его мину-то подведу. — Слово «мина» употреблено в переносном смысле, связанном со значением «подкоп» (см.: Даль. Т. 2. С. 333).

Остальные, говорю, мусье, после. — Очевидно, герой не понимает, что слово, заимствованное из французского обращения, вряд ли можно применять к немцу.

С. 22. ...*это, говорит, фальшь...* — Вероятно, слово «фальшь» является цитатой из речи немца (нем. falsch — ложно, неточно).

...я, говорит, в суд пойду. — Дела подобного рода находились в ведении коммерческого суда. Выиграть дело немецкий торговец не мог, поскольку, согласно закону, «счёты, записки и всякие другие домашние долговые бумаги сами по себе не составляют доказательства в пользу того, кем они были ведены или составлены, если не будут должником подписаны» (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. СПб., 1833. С. 289). Во время работы над пьесой Островский служил именно в Московском коммерческом суде.

Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем! — Фразеологизм «Толкуй больной с подлекарем!» фиксируется уже в словаре Даля (Даль. Т. 3. С. 182).

Наши-то рядские... — Рядский торговец — купец (Даль. Т. 4. С. 125), обладатель лавки в торговых рядах.

...коли вексель не возьмёт. — В отличие от «домашних долговых бумаг», вексель за подписью давшего его лица был обязателен ко взысканию. Официальные правила на этот счёт отличались крайней жёсткостью (см. Устав о векселях: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. С. 405—420).

С. 23. *А зарок не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.* — Строго говоря, в Библии это выражение не встречается, хотя присутствуют очень близкие и лексически, и содержательно высказывания. Ср., напр., слова Самсона: «...если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду, как прочие люди» (Книга Судей 16, 17). Многочисленные рассуждения о слабости человека, понимаемой как физически, так и духовно, встречаются на страницах Псалтыри, Книги Иова и мн. др.

Плошечку пропустить можно-с. — Очевидно, герой пьёт чай из блюдца — это характерный признак его традиционных привычек.

...винца послал купить полишофчика... — Герой использует в качестве лекарства около 0,6 литра «вина». Стоит учитывать, что словом «вино» могли обозначать практически любые спиртные напитки.

...пунштуку выпил. — Пунштик — ром с чаем, «любимый напиток беглых преступников» (Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвотрибл. словарь:

Около 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 501). Слово «пунш» могло относиться ко многим крепким спиртным напиткам, подававшимся сильно разогретыми. Ср.: «кипяток с водкой или ромом, сахаром, иногда также с лимоном и пр.» (Даль. Т. 3. С. 559). См. также комментарий на с. 685.

С. 24. *Пусть бы с молодцами в город бегал...* — Под «молодцами» имеются в виду приказчики.

...играешь до осьмнадцати лет в бабки... — Старинная игра в бабки в литературе сер. XIX в. часто упоминалась для характеристики бессмысленных детских забав, противоположных учёбе. Ср., напр., в повести И. Т. Кокорева «Саввушка» (1847): «Вообще таланты Саввушки были чрезвычайно разнообразны: в чехарду ли прыгать, в бабки ли играть, орла с решёткой кинуть, в три листика сразиться, задиралой стоять в “стене на стену”, песню разухабистую спеть...» (Кокорев И. Т. Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века. М., 1959. С. 169).

...тот сына в пансион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую академию. — Речь идёт об одном из наиболее известных московских училищ для купечества — Московской Практической академии коммерческих наук (основана в 1810 г.). Какой именно пансион подразумевается, установить сложно: подобных заведений, где могли учиться представители купеческого сословия, в Москве сер. XIX в. имелось немало.

Учитель какой-то оглашенный попался... — Оглашенный — «беспутный, ведущий себя бестолково, шумно (первонач. — тот, которого огласили, объявили готовящимся принять христианство и который обязан был, в древности, по возгласу во время церковной службы “оглашенные изыдите” выйти из церкви)» (Словарь к пьесам. С. 137).

...к цыганкам в Марьину рошу и закатятся... — См. комментарий ниже.

С. 25. *Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продав шёлк...* — Торговлей шёлком в Российской империи активно занимались астраханские армяне (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 3. / под ред. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890. С. 354).

...векселей его тысяч на пятнадцать. ~ Да двадцать пять копеек. — Имеется в виду, что «фабрикант» купил у Ширялова векселя армянского купца, но смог получить лишь четверть долга (25 копеек с рубля), очевидно, в силу несостоятельности последнего. Ширялову удалось избежать потери более чем 10 тысяч рублей.

С. 26. *...цена-то ей была два рубля сорок за аршин. ~ восемь гривен.* — Аршин (70 см) ткани стоил 80 копеек, то есть за 2 года цена её снизилась втрое, очевидно, поскольку ткань пришла в негодность.

С. 27. *Извольте всю штуку брать...* — «Штука» — это целый кусок материи. Длина одной «штуки» могла составлять приблизительно 10 метров, однако определённого размера у неё было.

С. 28. *...у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины...* — Речь идёт о гуляньях в Марьиной роше. В середине XIX в. в этой деревне под Москвой устраивались шумные празднества, были открыты балаганы и рестораны. Гулянья в Марьиной роше были популярны среди простолюдинов (см. описание этих гуляний в очерке М. Н. Загоскина «Марьиная роша», вошедшем в его кн. «Москва и москвичи», 1842—1850). В населённом по преимуществу купцами районе Грузины в северо-западной части Москвы обитала цыганская колония (Елистратов В. С. Язык

старой Москвы. С. 151). Кутежи у грузинских цыган упоминаются, напр., в романе Н. С. Лескова «На ножах» (1871).

...в Преображенском... — Село Преображенское было промышленной окраиной, где находилась крупная ткацкая фабрика Е. и И. Ф. Гучковых (см. упоминание о роде занятий «фабричных» в черновой редакции). См. также комментарий на с. 833.

...такой кранболь сделает... — Выражение, обычно встречающееся в форме «карамболь», словарями трактуется как «скандал, инцидент, потасовка, драка, а также след от драки» (Елистратов В. С. Язык старой Москвы. С. 241). Здесь: намёк на карамболь (от фр. Caramble) в бильярдной игре — «удар игрового шара по двум другим отскоком» (Даль. Т. 2. С. 223).

...мануфактур-советник и временно московский 1-й гильдии купец... — Звание мануфактур-советника, присваивавшееся владельцам крупных предприятий и соответствовавшее 8-му классу по «Табели о рангах», свидетельствует о высоком положении и огромном состоянии героя. Купец должен был быть приписан к тому или иному городу, однако мог вести дела и в другом городе, взяв «особое свидетельство по окладу того города купца 3-й гильдии» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 39. С. 589). Очевидно, этим правом и воспользовался Ширялов, обитающий в Москве лишь «временно». См. также комментарий на с. 674.

С. 30. *Ведь каким Лазарем прикинется!* — Отсылка к духовному стиху о Лазаре, который, в свою очередь, восходит к евангельской притче (Лк. 16, 19—25). Ср. объяснение фразеологизма «лазарем петь»: «жалобно говорить — лстыиво выпрашивать» (Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 499; см. также: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 373).

В Симонов к вечерни! — Имеется в виду Симонов Успенский монастырь (основан в 1370 г.), один из самых знаменитых русских монастырей, неоднократно упоминающийся в русской литературе (см., напр., повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», очерк «Прогулка в Симонов монастырь» в книге М. Н. Загоскина «Москва и москвичи»).

Редакции

С. 423. ...за лавочкой у будки и остановились. — Имеется в виду караульная будка, где нёс службу полицейский.

...на Зябликове чёрный альмавив... — Альмавива, широкий плащ без рукавов, стала популярной благодаря опере Дж. Россини «Альмавива, или Тщетная предосторожность» («Севильский цирюльник», 1816). В книге М. Н. Загоскина «Москва и москвичи» описывается некий «франт», носивший этот предмет одежды (Загоскин М. Н. Соч. Т. 2. С. 392). Примечательно, что рассказчик книги встретил его в Марьиной роще, упомянутой и в сцене Островского.

С. 424. *«Невинный ангел Марья Антиповна. Как часто ночью, когда луна, царица ночи, плавает по горизонту, я мечтаю об вас, обожаемое существо. Когда сердце тоскует и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и как бы в тумане вижу ваш образ».* ~ *«Ваш образ как лучезарное светило в эфирном пространстве».* — Автор письма, очевидно, неумело пользуется клише сентиментальной

и романтической литературы. Сравнение невинной девушки с ангелом встречается, например, в стихотворении Н. М. Карамзина «Выбор жениха» (1795), «царица ночи» — устойчивое обозначение луны в русской поэзии, в том числе во «Фракийских элегиях» В. Г. Теплякова (1829), мотив мечтаний при луне типичен для элегий В. А. Жуковского. К типичной элегической лексике относятся и такие выражения, как «тосковать», «печаль», «туман» (ср. перечень элегических штампов в статье В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», 1824). Космические образы светил и эфира встречаются, например, в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Страшное гадание» (1831): «Тихая сторона мечтаний! <...> Не родное ли ты светило земле? Не подруга ли ты судьбы её обитателей, как её спутница в странничестве эфирном? Прелестна ты, звезды покоя, но земля наша, обиталище бурь, ещё прелестнее...» (*Бестужев-Марлинский* А. А. Соч.: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 326).

Стонет сизый голубочек... — Романс на стихи И. И. Дмитриева (1792), включался в песенники (см.: Новейший и отборнейший российской песенник. С картинками. М., 1834. С. 8—10; Всеобщий песенник, или Полное собрание лучших всякого рода песен... Ч. 1. М., 1843. С. 4—5).

С. 425. *Что это Атилла — нет Ателла...* — Герой не может различить полупо- легендарного вождя гуннов V в. Атиллу и главного героя трагедии У. Шекспира «Отелло» (1604).

К. Ю. Зубков

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

Впервые опубликовано в газете «Московский городской листок» 3, 4, 5 июня 1847 г. без подписи.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—14 об. (1—2 об., 17—28);

— беловой автограф (БА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1—15 об.

Печатается по тексту МГЛ.

В Отделе рукописей ИРЛИ замоскворецкие очерки разведены по трём единицам хранения: № 1 («К читателям» — ЧА; набросок <Замоскворечье в праздник>; набросок <Введение>; «Две биографии» — вторая часть очерка); № 2 («К читателям» — БА; «Иван Ерофеич» — БА; набросок «Тетрадь 1-ая»; набросок <Предисловие>; «Замоскворечье в праздник»; «Кузьма Самсоныч»); № 5 («Две биографии» — первая часть очерка). Листы нередко скомпонованы в случайном порядке, иногда пронумерованы дважды: серым и красным карандашом. Первая и пятая рукописи были опубликованы М. Д. Беляевым в 1924 г. (см.: Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л., 1924. С. 1—42); вторая — Л. М. Лотман в 1948 г. (см.: Труды отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. С. 99—142).

В конце 1843 г. Островский возвращается к теме Замоскворечья, затронутой им в «Сказании...». Теперь писатель ставит перед собой задачу рассмотреть процесс

формирования и развития порабощённой замоскворецким бытом личности. Так появляется очерк «Две биографии», который начинается с рассказа о детстве Яши Зверобоева. Вскоре Островский прерывает повествование. По всей видимости, писатель увлекается новой демократической идеей, основанной на том, что характер человека имеет социальную природу, то есть напрямую зависит от той социальной среды, в которой он существует.

Островский предполагает создать несколько очерков, призванных показать читателю общую картину Замоскворечья, раскрыть его «патриархальную» философию. Первый вариант имеет заголовок: «1. Замоскворечье в праздник». Затем он зачёркнут, и написан новый: «1. Праздничное утро». Этот вариант также зачёркнут, и дан третий заголовок: «Воскресенье», за которым имеется всего одна фраза: «У нас за Москвой-рекой воскресный день резко отличается от прочих дней недели». На этом попытки рассказать о празднике заканчиваются, возникает новый заголовок: «Введение». Заголовок зачёркнут, но за ним следует полилог, написанный в стилистической манере диалогов «Сказания...». Рассказ о чудесах Замоскворечья ведётся от лица простых обывателей, лишь в конце под заголовком «Очерки Замоскворечья» следует небольшое лирическое отступление автора, посвящённое красоте «мирного» края.

Вероятно, в дальнейшем Островский решает систематизировать разрозненные мотивы. Этот этап работы отражает сохранившийся план «Тетради 1-ой», состоящий из двух заголовков: «1-е. Прелюдия. 2-е. Праздник» (ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16, 17). Далее следует зачёркнутый текст: «Наконец я переехал из-за М<осквы>-р<еки> — как я рад, весел, — дышу свободнее. Как я рад, что переехал из-за Мос<квы>-реки»; затем зачёркнут заголовок «Предисловие» и написан новый: «Из записок молодого человека, переехавшего из Замоскворечья». Это название не зачёркнуто, но текст, который к нему относится, написан на полях. Повествование ведётся от первого лица в стилистической манере <Введения>, впервые появившийся мотив найденной рукописи здесь только обозначен, личности автора очерков почти не уделяется внимания. Вероятно, сначала текст был написан для <Предисловия>, потом автор решил сделать дополнение, заменил заголовок, но так и не осуществил задуманное.

Подзаголовок «Праздник» в «Тетради» был заменён на один из первых вариантов: «Замоскворечье в праздник». Рукопись начинается с обещания читателю описать праздничный день с документальной точностью, «с начала до конца по порядку». Рассказ представляет собой завершённое событие, но Островский, по справедливому наблюдению исследователей, «предполагал развить его; в частности, более подробно рассказать о гуляниях, так как в конце очерка на полях им сделаны заметки: “фабричные”, “тут русский дух, тут Русью пахнет...”, “кучер с балалайкой”, “звук бала<ла>ек...”» (ИСС-12. Т. 1. С. 495).

Очередная попытка привести рассказы к единому тематическому знаменателю получает название, которое уже встречалось в тексте <Введения>: «Очерки Замоскворечья». Это название, по мнению Л. М. Лотман, свидетельствует о том, что Островский «ставил перед собой задачу в описательной, очерковой манере, типичной для ранних произведений натуральной школы, изобразить “физиологию” Замоскворечья, основные, характерные стороны замоскворецкого быта» (Лотман Л. М. «Записки Замоскворецкого жителя» А. Н. Островского: (История

и эволюция замысла) // Труды отдела новой русской литературы. С. 102). Далее в рукописи следует подзаголовок «К читателям» (ЧА), где использованы отдельные фрагменты ранее написанных <Введения> и <Предисловия>. Теперь рассказчик находит «тетрадь», где «между записками, касающимися собственно до личности этого человека, несколько статей о самом Замоскворечье, под названием “Очерки Замоскворечья”». Таким образом, автор объединяет художественный материал, данный в <Замоскворечье в праздник> и в «Тетради 1-ой».

По всей видимости, в это же время Островский возвращается к тексту очерка «Две биографии» и продолжает повествование о жизни Яши Зверобоева. Однако в самый сложный период в жизни героя, когда он мечется между стремлением к свободе от властной супруги и желанием ей подчиниться, автор опять прерывает рассказ. Вероятно, Островский почувствовал, что поведение Якова Семёновича не соответствует характеру Яши, обозначенному на первых страницах очерка. Писатель решает переделать центральный образ, совершенно отказавшись от детских впечатлений. Теперь перед читателем появляются два персонажа: Иван Ерофеич и его сослуживец, Иван Яковлевич. Схожесть героев была отмечена Л. М. Лотман при первой печатной публикации: «По своему образу жизни, по своей психологии Иван Яковлевич очень близок к Ивану Ерофеичу, поэтому он и сочувствует ему полностью. В его рассказе нет и тени насмешки или иронии по отношению к герою. Все юмористические и сатирические элементы первоначальных набросков были сохранены, но значение их изменилось. Вместо насмешки над бытом, они приобрели смысл насмешки над писателем-очеркистом, от имени которого публикуется рукопись» (Там же. С. 118).

По мере воплощения новой идеи Островский вносит соответствующие поправки в начальный текст: 1) переписывает начало очерка и даёт ему название: «Иван Ерофеич»; 2) по всему тексту второй части «Двух биографий» меняет имя Яша (Яков Семёнович) на имя Иван Ерофеич; имя Антон Савич — имя Иван Яковлевич; делает несколько вставок на полях; 3) добавляет эпизод ухаживания героя за цыганкой Надей, а также видоизмённую сцену из «Сказания...» (см.: «Иван Ерофеич» <черновой автограф>).

Вероятно, после того, как очерк «Иван Ерофеич» был завершён, Островский начинает работу над очерком «Кузьма Самсоныч (из найденной рукописи)», куда переносит отдельные мотивы рассказов «Замоскворечье в праздник» и «Две биографии». На этот раз писатель больше внимания уделяет сюжетным линиям, формирующим психологический портрет главного героя. Кузьма Самсоныч обладает деловой хваткой и твёрдым характером, недостаток образования не мешает ему занимать весомое положение в обществе. Особая роль отводится Максимке, который, имея те же качества, что и Кузьма Самсоныч, самостоятельно добивается коммерческого успеха в жизни. Очерк не был окончен. Внизу последнего листа рукописи Островский пишет примечание о Максимке; конец примечания, не поместившийся на странице, он перенёс на оборотную сторону листа, оставив почти всю страницу для окончания рассказа.

Таким образом, в период с 1843 по 1846 г. Островский создаёт несколько рассказов, которые можно объединить в один цикл под условным названием <Очерки Замоскворечья>: «Замоскворечье в праздник», «Две биографии», «Кузьма Самсоныч (из найденной рукописи)». Каждый рассказ написан в жанре художественного

очерка; обладает спокойной, неторопливой манерой изложения. Центральная тема рассказов связана с изображением внутренней жизни Замоскворечья, его нравов, обычаев, традиций; все персонажи являются обычными жителями «мирного» края. Очерки являются незавершёнными, но от них тянется сюжетная нить к другим произведениям писателя.

В середине 1846 г. у Островского возникает идея создать драматический цикл под названием «Картины московской жизни». По воспоминаниям Т. И. Филиппова, писатель обдумывал сюжет первой пьесы цикла («Несостоятельный должник») более четырёх лет (*Барсуков*. Т. 11. С. 67—68). Поскольку пьеса была опубликована в 1847 г., её замысел начал формироваться ещё со времён «Сказания...», то есть с 1843 г. В рамках нового цикла оказываются и прежние рассказы, которые писатель перерабатывает в очерк «Записки замоскворецкого жителя». На первой странице этой рукописи, состоящей из вступления «К читателям» (*БА*) и очерка «Иван Ерофеич» (*БА*), есть помета, сделанная автором: «Кончена в апреле (1847), напечатана в № Гор<одского> л<истка>».

В отличие от *ЧА*, в беловом тексте «К читателям» изменены начало и концовка, добавлена сцена из «Введения», где обыватели рассказывают друг другу о чудесах Замоскворечья. Очерк «Иван Ерофеич» (*БА*) написан Островским фактически без помарок, однако в стилистическом отношении он несколько отличается от чернового варианта. По наблюдению А. М. Линаина, «тон рассказа стал спокойнее, увереннее, он освобождён от сюжетных скачков, подчёркнутых каламбурно-речевых эффектов, стилевых крайностей» (*Линин А. М.* К вопросу о влиянии Гоголя на Островского. О поэтике «Записок замоскворецкого жителя». Ростов н/Д, 1935. С. 33). Частные изменения коснулись некоторых слов и выражений (страшное преступление — душегубство; совершенно один — круглым сиротой), а также эпизодов (появляется «Примечание нашедшего рукопись», основу которого составляет зачёркнутый в *ЧА* текст). В *БА* нет размышления рассказчика о Геродоте, при этом сохраняется часть авторского отступления о «порядочной женщине».

Вероятно, в таком виде рукопись «Записок замоскворецкого жителя» была передана в «Московский городской листок». При публикации в газете под названием очерка появился новый подзаголовок в скобках: «автора картин московской жизни, помещённых в 60—61 №№ МГЛ», а сам очерк был разделён на три условные части: 1) «К читателям» до слов «моё дело сторона» (3 июня); 2) «Рассказ Ивана Яковлевича» до слов «за младшего помощника столоначальника» (4 июня); 3) от слов «Так вот-с...» до слов «третья шинель у баса» (5 июня).

Несмотря на то, что современная Островскому критика обошла стороной сюжет о «порабощённом» чиновнике, избранный писателем материал лёг в основу ряда лучших повестей нового направления, созданных одновременно с рассказом Островского, но опубликованных после «Записок замоскворецкого жителя» (см.: «Петушков» и «Уездный лекарь» И. С. Тургенева).

Первый отзыв об «Очерках Замоскворечья» принадлежит М. Д. Беляеву, который рассматривает «Сказание...», «Две биографии» и «Иван Ерофеич» в составе одного цикла (*Беляев М. Д.* Неизданные страницы Островского (К истории текста «Записок Замоскворецкого жителя») // Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л., 1924. С. 2—3). В своём исследовании по поводу «Записок замоскворецкого жителя» А. М. Линин утверждал, что «поэтика окончательной

редакции “Записок” определена поэтикой “Шинели”. Уже зачин “Ивана Ерофеича” снова возвращает нас к гоголевской манере авторского посредничества меж героем и читателем, манере отступлений и интонационных обрывов...» (Линин А. М. К вопросу о влиянии Гоголя на Островского. С. 33). А. И. Ревякин в статье «Художественная проза раннего Островского» (Учёные записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потёмкина. М., 1946. Т. 7. Каф. рус. лит. Вып. 1. С. 75—98) трактует «Очерки Замоскворечья» как переход творческой манеры автора от сатирического изображения действительности к философскому её осмыслению. По мнению И. А. Овчининой, «оригинальность Островского как автора “Записок...” видна в том, что он в уголке Москвы находит особый мир, наделённый характерной физиономией; к тому же он отличается своеобразным бытом и имеет свой психологический склад. Периферийная часть столицы изображается в качестве совершенно уникального организма, обособленного от всего мира и наделённого огромными пространствами» (ЭО. С. 170).

С. 31. ...апреля 1 дня... — Вероятно, дата была наваяна писателю «Вступлением» Д. В. Григоровича к альманаху «Первое апреля» (1846), где имеется лирическое отступление о значении этой даты.

...на высоте кремлёвской... — «Горы и холмы Москвы суть высокие берега её рек; долины и болота — низменные, луговые их берега; таким образом, эти горы будут горами только в относительном смысле. Кремль — гора в отношении к Замоскворечью, так как местность Ильинки или Варварки — гора в отношении к низменному Зарядью; Маросейка в отношении к Солянке (Кулижкам); но и Кремль, и Ильинка, и Маросейка суть ровные места в отношении к Сретенке, Мясницкой и т. д.» (Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. С. 53).

С. 32. ...один почтенный и во всех отношениях заслуживающий уважения человек рассказывал... — Вероятно, имеется в виду В. Г. Белинский, который в статье «Петербург и Москва», включённой в состав некрасовской «Физиологии Петербурга» (1845), писал: «Везде разъединённость, особенность; каждый живёт у себя дома и крепко отгораживается от соседа. Это ещё заметнее в Замоскворечье, этой чисто купеческой и мещанской части Москвы: там окна завешены занавесками, ворота на запор; при ударе в них раздаётся сердитый лай цепной собаки, всё мёртво, или лучше сказать, сонно; дом или домишко похож на крепостцу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду». (Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1976—1982. Т. 7. С. 143.)

Болвановка — улица в Замоскворечье. Название связано с обрядом поклонения ханскому изображению (басме), происходившим на этом месте и называвшимся в народе «болвановье», отчего и храм, построенный здесь в 1465 г., носит название «Спаса на Болвановке» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 3. С. 148; Т. 4. С. 254).

Царицыно — дворцово-парковый комплекс в Подмоскowie. В 1774 г. Екатерина II выкупила эти земли под строительство императорской резиденции. В 1776 г. архитектор В. И. Баженов приступил к работам по возведению архитектурного ансамбля. После смерти Екатерины II (1796) строительство дворца было остановлено, а парк стал доступен для гуляний. Современник с восторгом описывает красоту императорского парка: «Сады в Царицыне расположены в английском вкусе, в них

находятся большие пруды с чистою, прозрачною водою; их шесть, на некоторых находятся мельницы; место там низменно и довольно влажно, и потому зелень на царыцынских лугах свежа и прекрасна для зрения; густые аллеи, беседки, мостики, острова, парк, разнообразные дорожки, ведущие к разнообразным видам, делают это место привлекательным для прогулки» (*Захаров М. П.* Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей. М., 1867. С. 164—165).

...на серой бумаге... — Серая бумага, грязного цвета, самая простая, низкого качества.

...в четвёртку... — в четвёртую часть бумажного листа.

...как Геродот о Египте или Вавилоне. — Видимо, речь идёт о единственном сохранившемся труде Геродота «История», посвящённом событиям Греко-персидских войн.

С. 34. ...на Зацепе... — Зацепа, улица в бывшей Коломенской ямской слободе Москвы, названа так потому, что была перегорожена таможенной цепью, за которой осматривались возы, въезжавшие в Москву с различными товарами. См. также комментарий на с. 826.

...mauvais genre — дурного тона (фр.).

С. 36. А ещё как увидит тебя какой-нибудь юмористический писатель ~ засмеют тебя совсем. — Отголосок знакомства А. Н. Островского с романом Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846). Ср.: «И они ходят, пасквилянты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь али носочком одним; что-де вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат, что вот у него локти продраны — и потом там себе это всё и описывают и дрянь такую печатают» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 69).

...обер-прокурором. — Обер-прокурор — должностное лицо, возглавлявшее департамент в Сенате.

...на медные деньги... — Здесь: получить недостаточное образование по бедности.

С. 37. ...выше лба глаза не бывают. — Так говорится о чём-либо неосуществимом, невозможном или о ком-либо, чьи способности, возможности ограничены.

...ломбардных билетов... — Ломбардный билет — билет, выданный ломбардом на заложенные вещи.

С. 38. ...столоначальником... — Столоначальник — в России с 1811 г. должностное лицо (обычно чиновник VII класса), возглавлявшее так называемый стол, низшую структурную часть государственных центральных и местных учреждений.

...русака... — Русак — человек с чертами русского народного характера, русский человек.

...ел деревянной ложкой из деревянной чашки... — В России XIX в. деревянная посуда широко использовалась в крестьянской среде и считалась атрибутом архаического уклада.

...носил ключи на поясе. — Связку ключей на пояс носила, как правило, хозяйка. Она получала их от матери жениха, когда въезжала в новый дом. Ключи давали ей одной доступ ко всем сундукам и шкафам.

Опекунский совет — государственное учреждение для управления воспитательными домами. В XVIII в. было два опекунских совета — в Москве и Петербур-

ге; в 1873 г. они были объединены в один совет под названием «Опекунский совет учреждений Импер<атрицы> Марии» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 30. С. 688).

...в синем казакине... — В русской и украинской моде XIX в. казакин (от фр. *casquin*) — верхняя распашная одежда, вид короткого кафтана с широкой баской, невысоким стоячим прямым воротником и мелкими сборками у талии (сзади), застёгиваемый на крючки.

...плисовых шароварах... — Плис — хлопчатобумажный бархат (вероятно, слово заимствовано из шведского языка, где *plus* через посредство фр. *peluche* — ворсистая ткань — восходит к лат. *pilus* — волос); шаровары — широкие штаны, заправляемые обычно в сапоги (от перс. *salvar*).

...подавала карету. — В значении: выпроводить (распорядиться, чтобы подали карету приехавшему гостю, не дожидаясь его собственного желания уехать).

С. 39. ...обирала часто... — Обирать — что, у кого, отымать, отбирать (Даль. Т. 2. С. 584).

...сыграл венгерку... — Венгерка — народный и балльный быстрый танец венгерского происхождения, а также музыка к нему.

...на торбане... — Торбан — струнный щипковый музыкальный инструмент, вышедший из употребления во второй половине XIX в. (Словарь рус. яз. Т. 4. С. 526).

...на толкучий... — Толкучий (рынок) — место, где торгуют подержанными вещами, старьем.

Интересан — здесь: корыстолюбивый (от фр. *interessant*).

С. 40. ...потягиваешь... — Потягивать — употреблять время от времени спиртные напитки).

...манишку всегда носил белую... — Манишка — нагрудник, преимущественно из белой ткани, пришитый или пристёгиваемый к мужской сорочке.

С. 41. ...к Троице... — Имеется в виду Троице-Сергиева лавра под Москвой. См. комментарий на с. 704.

Башмак — здесь: муж, подчиняющийся во всём своей жене.

...у Харитонья в Огородниках. — «Между нынешними Мясницкой и Покровской располагалась дворцовая Огородная слобода, обитатели которой поставляли различные овощи. Из них наибольший спрос имели капуста и огурцы. <...> Главной здесь являлась церковь Святого Харитона Исповедника, по которой получили названия Большой и Малый Харитоньевские переулки» (Аверьянов К. А. История московских районов: энцикл. М., 2005. С. 82).

С. 42. ...пуншем... — Пунш (англ. *punch* от перс. *pensch* — пять, так как в состав входят пять холодных пряностей) — ром с сахаром и лимоном, разведённый горячей водой (Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с обозначением их корней. М., 1865. С. 412). См. также комментарий на с. 676.

Круговая — хоровая, хороводная, игровая песня (Даль. Т. 2. С. 201).

При долинушке стояла... — Песня Н. Г. Цыганова «При долинушке стояла, калину ломала» (Смирдин М. Песни для русского народа. Ч. 1. СПб., 1859. С. 352—353).

С. 43. ...у Иверских ворот... — Воскресенские (Иверские) ворота — двойные проездные ворота между зданием Московской городской думы и Историческим

музеем, недалеко от часовни Иверской Божьей Матери. Сооружены в 1535—1538 гг., но в 1737 г. полностью сгорели и были восстановлены архитектором И. Ф. Мичуриным. В 1931 г. Воскресенские (Иверские) ворота были снесены, а в 1994—1995 гг. восстановлены по проекту О. И. Журина.

Будочник — низшее должностное лицо городской полиции в Российской империи, полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки и наблюдающий за благочинием и чистотой на улицах.

Мундир на нём такой зелёный с светлыми пуговицами. — «С воцарением Павла I вводилось новое разделение государства на губернии и изменялись штаты местных учреждений. В связи с этим проводится ещё одна реформа губернских “статских” мундиров (указ от 15 февраля 1797). Отныне они получали один общий цвет — тёмно-зелёный и единый фасон — без лацканов. В качестве признаков губерний сохранялись лишь цветные отложной воротник и обшлага, которые, как это снова специально разъяснялось, получили те цвета, “какие заключаются в губернских гербах” (имелся в виду цвет гербового щита). Таких цветов устанавливалось пять: красный, белый, голубой, палевый и светло-зелёный. <...> В начале николаевского царствования вид губернских мундиров существенно изменился. 1 января 1831 г. устраняется различие между мундирами разных губерний по цвету воротников и обшлагов: отныне на всех губернских мундирах они полагались из красного сукна. Одного цвета — золотыми (то есть желтого металла) — стали и пуговицы. Отличие мундиров разных губерний теперь заключалось лишь в чеканке на пуговицах, изображавшей герб и наименование губернии. <...> Дворянскую парадную форменную одежду дополнила повседневная: тёмно-зелёный мундирный фрак (двубортный на шесть форменных пуговиц) и однобортный сюртук (на восемь пуговиц) с тёмно-зелёными суконными воротниками и обшлагами. Сюртук имел полную юбку и первоначально отложной воротник. Он предназначался для надевания как на мундир (в качестве наружного платья), так и вместо него. Но вскоре воротник заменили на стоячий. Образец мундирного фрака для использования вместо мундира в менее торжественных случаях Николай I утвердил 2 апреля 1831 г.» (Шепелёв Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., СПб., 2005. С. 93—100)

...развяжи ты меня... — Развязывать — кончить с кем-либо дело, освободить, дать волю, простор, свободу.

С. 44. ...стала ходить в чепчиках... — До конца XIX в. в России чепец — женский головной убор в виде капора, обычно с завязками под подбородком. В 1-й половине и в середине XIX в. чепец «показывает не только семейное положение женщины, но и время дня, в которое она позировала. Обычно молодые женщины (или считающие себя таковыми) носили чепец с утра до вечернего выезда в театр, на бал или приём... Для простолюдинок чепец, как и шляпа, означал более высокое социальное положение, свидетельствовал о материальном достатке» (Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — 1 пол. XX вв.: Опыт энциклопедии. М., 1995. С. 316; Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2007. С. 185).

Салон — (от фр. *salon*) — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с пелериной и прорезями для рук или небольшими рукавичками. «Тяжёлые, монументальные формы салопы, диктующие степенную походку, подчёр-

кивающие дородность и состоятельность, соответствовали давно сложившемуся эстетическому идеалу, представлению о красивой женщине, сохранявшемуся во всех тех слоях русского общества, которые не утратили связи с традиционной культурой» (*Кирсанова Р. М.* Костюм ... С. 241).

...придерживаться к пенничку. — Пенник — крепкое хлебное вино (Словарь рус. яз. Т. 3. С. 52).

А. А. Виноградов

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЁМСЯ!

Впервые опубликовано: *Москвитянин*. 1850. Т. 2, № 6. С. 33—136.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА₁): *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 3. Ед. хр. 3;

— черновой набросок монолога Похалюзина (3 явл. II д.): *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1;

— черновой набросок 2-го и 3-го явлений IV действия: *ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 31—32;

— черновой автограф (ЧА₂): *РГБ*. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 1;

— цензурная писарская копия (ЦПК): *ГТБ*. 24958.

Печатные источники, имеющие правку:

— цензурная театральная копия (Ценз.): *ГТБ*. I.9.3.84.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 8 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 23—107 — с исправлениями по рукописным источникам.

С. 52

¹⁹ *Вместо:* подманивает — подмывает (по ЦПК)

С. 58

³³ *Вместо:* Сысой Псоич — Сысой Псоич, чай, ты (по ЦПК)

С. 61

³⁻⁴ *После:* я дела делал... — да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял (по ЦПК)

С. 70

³⁵ *Вместо:* по мелочам — больше по мелочам (по ЦПК)

С. 73

²⁷ *Вместо:* что борзых — что кобелей борзых (по ЧА, ЦПК)

С. 75

²⁵⁻²⁶ *Вместо:* копоти — после копоти (по ЧА, ЦПК)

С. 79

¹¹ *Вместо:* делся-то!» — делся-то, господи!» (по ЦПК)

¹⁵ *После:* Фоминишна сходит с лестницы. — Да что там у вас (по ЦПК)

²⁰ *После:* беги скорей! — Тишка бежит. (по ЦПК)

С. 95

⁸⁻¹⁸ *После:* Теперь нам пора! —

Л и п о ч к а. Да вы такие ~ наговорили бы.

П о д х а л ю з и н. Оттого и робкий-с ~ удовольствие доставить (по ЧА, ЦПК)

С. 100

^{25—26} *Вместо:* нельзя ж — нельзя ж комиссару без штанов (по ЦПК)

С. 102

^{35—36} *После:* Да вы, тётя, легонько — а то мы и за кварталным пошлём (по ЦПК)

С. 108

⁶ *Вместо:* что хотят — что хотят со мной (по ЧА, ЦПК)

В статье «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России» (1863) Островский писал: «Автор, в особенности начинающий, у которого запрещены одна или две пьесы без объяснения ему причин, поневоле должен всего бояться, чтобы не потерять и вперёд своего труда. Пришла ему широкая мысль — он её укорачивает; удался сильный характер — он его ослабляет; пришли в голову бойкие и веские фразы — он их сглаживает, потому что во всём этом он видит причины к запрещению, по незнанию действительной причины. Такое постоянное укорачивание, урезывание себя вредно действует на производительные способности, долго потом отзывается во всей деятельности: я говорю это по собственному опыту». В полной мере эти слова драматурга относятся к творческой истории пьесы «Свои люди — сочтёмся!». По утверждению Островского, комедия под названием «Несостоятельный должник» (позже — «Банкрут») «в общих чертах была уже задумана и некоторые сцены набросаны» до того момента, как Д. А. Горев-Тарасенков предложил свои услуги по «обделке сюжета» (*Островский А. Н. Литературное объяснение // М. вед. 1856. 5 июля*)¹. Осенью 1846 г. совместно было написано «четыре небольших явления первого действия (около шести писанных листов)», после чего Горев покинул Москву. В первой дошедшей до нас рукописи пьесы, названной «Банкрут» (позже — «Свои люди — сочтёмся!»), нет заметных признаков участия бывшего соавтора в работе над текстом. ЧА, включает в себя список действующих лиц, текст первого действия, ставшего в окончательной редакции вторым, текст третьего и четвёртого действий². Островский предполагал написать комедию в пяти действиях, но затем, как отмечал сам автор, «вследствие замечаний некоторых слушателей» комедии, «сократил её в четыре акта, но как содержание, так и число явлений осталось то же: таким образом, комедия получила только более длинные действия» (*Семевский М. И. Александр Николаевич Островский // Русская старина. 1891. № 4. С. 220*). На пятом листе рукописи имеется запись, указывающая на недочёты раннего замысла: «Остаётся дописать во 2-м акте 3-ю сцену: С<амсон> С<илич>, Л<азарь> и Р<исположенский>; в 3-м акте 1-ую: Л<азарь> и Р<исположенский>; 3-ю: Л<азарь>, С<амсон> С<илич> и прочие>; в 4-м кончить 2-ую и 3-ю: Л<азарь> и Лип<очка> и проч<ие>;

¹ См. об этом: *Правдов. <Назаров Н. С.> Литературная заметка // Ведомости московской городской полиции. 1856. № 97. 1 мая. С. 578—579; Писарев М. И. К материалам для биографии А. Н. Островского // Просв. Т. 10. С. 39—44; Кашин. Т. 1. С. 265—274; Беллев М. Д. Газетная травля // Памяти А. Н. Островского. Пг., 1923. С. 70—88.*

² В 1855 г. Островский подарил рукопись историку М. И. Семевскому, который использовал её в статье «Александр Николаевич Островский» (*Русская старина. 1891. № 4. С. 219—248; № 6. С. 695—718; № 7. С. 149—169*). См. об этом: *Кашин. Т. 2. С. 13—48.*

в 5-м 4-ю: Л<азарь> и Р<исположенский>. Итого: 5 сцен». I действие состоит из шести явлений и двух сцен, впоследствии подвергшихся переработке.

Комедия начиналась с монолога Тишки (1 явл.) и его диалога с Подхалюзиным (2 явл.). Следующий затем монолог Подхалюзина (3 явл.) и повторный разговор с Тишкой (4 явл.) в *ЧА*, отсутствуют. Текст 6-го явления в рукописи разделён на две части: диалог Подхалюзина и Рисположенского вошёл в 5-е рукописное явление, а сцена между Устиньей Наумовной и Фоминишной оказалась содержанием «Сцены 2-ой», написанной несколько позже. После разговора Подхалюзина и Рисположенского (*ЧА*; 5 явл., I д.) автор планировал вывести на сцену Устинью Наумовну и Аграфену Кондратьевну (их присутствие в рукописи только обозначено), затем появляется Большов: он приказывает Тишке найти Лазаря, а в ожидании вспоминает о кошмарных снах, в которых кредиторы требуют с него долги (7—9 явл.). Сразу после этой сцены написан заголовок («Сцена 2»), под которым представлен текст второй части шестого явления окончательной редакции. Таким образом, в *ЧА*, договор между Подхалюзиним и Рисположенским плавно перетекал в объяснение Рисположенского с Большовым. Впоследствии автор снизил роль «стракулиста», исключил переживания Большова, чем обеспечил сценическому действию динамику. Текст, который впоследствии был распределён между 7-м и 10-м явлениями I действия, в *ЧА*, написан под общим заголовком: «Сцена II».

Среди многочисленных поправок и дополнений интерес вызывает зачёркнутый автором набросок начала 10-го явления, где Большов выдаёт Подхалюзину расписку в получении с него денег за проданный товар и векселя, хотя денег он не получал. Некоторые детали этой сцены схожи с началом рукописного III акта, в котором Подхалюзин указывает Большову на «какого-то менялу», покупающего векселя. Судя по содержанию этого текста, написанного на отдельном полулисте и также зачёркнутого автором, перед нами ранний вариант сцены с распиской. I-е явление III действия было написано на основе «Сцен из комедии “Несостоятельный должник” (Ожидание жениха)» (см.: «Приложения. Другие редакции и варианты»). В процессе стилистической обработки текста Островский отказался от мотива ожидания образованного жениха. В речи Большова появились язвительные высказывания: «не великого полёта помещица», «гусь свинье не товарищ». Речь Аграфены Кондратьевны была дополнена фразами: «херуимчик ты мой», «стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку».

Текст 2-го явления III действия, близкий к опубликованной в *МГЛ* редакции, в *ЧА*, отсутствует. 3-е явление III действия в рукописи заканчивается заголовком «Сцена III», под которым приводится текст 4—8-го явлений окончательной редакции. В конце рукописного III акта есть запись, указывающая на пятиактную структуру комедии: «Конец 4-го действия». В дальнейшем рукописный III и обозначенный записью на полях IV акты были объединены в одно (III) действие. 28 февраля 1848 г. Островский сообщает своему другу Е. Н. Эдельсону о том, что «занимается» последним актом «Банкрута». IV действие написано в отдельной тетради, состоящей из листов малого формата. «Это самые первые, черновые наброски 4-го действия моей комедии, — передаёт Семевский слова Островского. — Вся она написана моей рукой, за исключением нескольких страниц (со слов Лаз<аря> Елиз<арыча>: “Э, тятинька, Бог милостив”, до слов его же, Лаз<аря> Елиз<арыча>: “Домишко отделал-с! Да выкушайте...”), которые

я диктовал, будучи больным, одному заштатному и плохо грамотному землемеру» (*Русская старина*. 1891. № 7. С. 149). На первых страницах тетради встречается набросок одного из ранних вариантов текста комедии, где Липочка названа Марьей, Аграфена Кондратьевна — Матрёной Кондратьевной, а Тишка — Митькой (ЧА₁, 1 явл., IV д.). В таком виде IV акт начинался с реплики Марьи: «Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского». Затем Островский окончательно определился с именами персонажей и переписал начало 1-го явления. Сцены с участием Устины Наумовны (2 и 3 явл., IV д.) написаны на отдельных полулистах, которые хранятся в личном альбоме М. И. Семевского¹; в тексте отсутствует несколько фрагментов, но все они вписаны под знаками вставки в ЧА₁. Особенности затруднения у Островского вызвало 4-е явление, о чём свидетельствуют многочисленные исправления в автографе. Например, рассуждение Большова о лесных разбойниках и кредиторах было вычеркнуто, а весь разговор между Подхалюзиным, Липочкой и Большовым о «несообразной» откупной цене появился позже на отдельном листе под знаком вставки. Окончание комедии, напротив, почти не имеет помарок и мало отличается от текста окончательной редакции.

Впоследствии Островский продолжил работу над пьесой. Он неоднократно переписывал весь текст, каждый раз внося в него многочисленные поправки и дополнения. Часть материалов, свидетельствующих об этом этапе творчества, была утеряна. Так, в ЧА₁ имеются записи, указывающие на существование не дошедшей до нас «Тетради № 2»: 1) «Явл<ения> 1 и 2 из тетр<ади> № 2, стр. 72 до 78 до...»; 2) «см. № 2, стр. 17 до 18»; 3) «Т<етрадь> № 2, стр. 40». Листы ЧА₁ были утеряны частично, а оставшиеся, на которых были написаны пять первых явлений I действия, а также значительная часть II действия, оказались сшиты неправильно: например, текст листа 2 продолжается на листе 8; начало текста листа 3 находится на обороте этого же листа; текст листа 4 составляет продолжение листа 7. В результате на первой странице рукописи был представлен один из набросков монолога Подхалюзина (3 явл., I д.), затем приводятся первые три явления I действия, далее следует всё II действие, за которым продолжается первый акт. Во II действии ЧА₁, ставшем в окончательной редакции первым, отсутствуют те два явления, которые, как отмечал автор, были написаны в «Тетради № 2». Текст 3-го и 4-го явлений сложился не сразу — позднее Островский внёс несколько незначительных поправок. 5-е явление по содержанию соответствует 5-му и 6-му явлениям I действия текста окончательной редакции, а также включает в себя несколько сцен, которые впоследствии перешли в 3-е явление III действия. Первоначально после обращения Аграфены Кондратьевны к свахе с вопросом о женихе следовали её оправдания. Вероятно, идея с подкупом Устины Наумовны со стороны Подхалюзина возникла у автора несколько позже, и сцена получила совсем другое освещение. Из 6-го явления ЧА₁ сохранились только замечание Аграфены Кондратьевны о том, что ей будет трудно с благородным зятем, и уверение свахи, что всё обойдётся. Содержание 7—9 явлений II действия ЧА₁ в основном соответствует тексту 8—11 явлений I действия окончательной редакции. Лишь несколько эпизодов были добавлены впоследствии: рассуждения об имени Сыся Псоича, жалобы Большова на стряпчих, замечания о банкротстве других. II действие автор планировал завершить сце-

¹ См. об этом также: *Переселенков С. А.* Два отрывка из рукописей А. Н. Островского // *Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи*. Л., 1924. С. 43—49.

нами с участием Большова (10 явл.) и Устины Наумовны (11 явл.). В рукописи эти явления только обозначены, а в дальнейшем вместо них было написано 12-е явление, где Подхалюзин клялся Большову в своей верности.

I действие в *ЧА*, ставшее в окончательной редакции вторым, осталось незавершённым. По сравнению с фрагментами I действия *ЧА*, автор незначительно продвинулся в разработке характеров. Наибольшую сложность вызывает образ Подхалюзина. Так, во 2-м явлении Лазарь заискивает перед Тишкой, что нехарактерно для зажиточного приказчика; а в 3 явлении, представляющем размышление героя о своей жизни, он долго не может определиться с выбором цели и способом её достижения. Этот монолог, столь важный для развития центральной интриги пьесы, был переписан автором пять раз.

Первый набросок является самым ранним, в нём сделан только намёк на тот план, который создаётся в голове Подхалюзина: «Да от этакого удовольствия с Ивана Великого прыгнуть можно». Обдумывая новый вариант, автор написал ещё один на отдельном листе, который хранится в *ОР ИРЛИ*. Здесь герой размышляет о жизни «по-приказчиьи», но способ достижения богатства пока откровенно сказочный: «по щучьему веленью». В следующем наброске этого монолога (*ЧА*) фольклорный мотив исчезает, но появляется много лишних бытовых деталей: например, рассуждения о Тишке, о жизни приказчика, о том, как богатеют купцы. Половина наброска зачёркнута автором, но часть этого зачёркнутого текста (например, жизненное правило: «он свою политику ведёт, а ты свою статью гони») впоследствии была восстановлена. Третий и четвёртый наброски в последнем слое *ЧА*, близки тексту окончательной редакции, причём один из них представляет начало монолога, а в другом приводится его окончание. Текст: «А понабравши деньжонок...» — имеет варианты в обоих случаях; их сравнение позволяет утверждать, что окончание монолога было написано автором раньше, чем его начало.

В *ЧА*, представлено два варианта 4-го явления I действия. Во втором, близком тексту окончательной редакции, отсутствовала последняя реплика, которая затем была добавлена, очевидно, с учётом текста первого варианта явления. Набросок 5-го явления II действия, написанный под зачёркнутым заголовком «Действие III», отражает идею пятиактной структуры комедии. В дальнейшем автор отказался от этого наброска, за исключением одной подробности о закладной и жалобы Рисположенского на своё тяжёлое положение. После его реплики: «Ну, уж коли милость будет, дайте десять» — рукопись обрывается. По мнению Н. П. Кашина, «все эти наброски несомненно, по крайней мере ещё раз, подверглись переработке. Во всяком случае можно установить поразительную медленность и постепенность в создании этого монолога Подхалюзина» (Кашин. Т. 2. С. 24).

Текст *ЧА*, значительно отличается от *ЦПК* и первопечатного текста, поэтому нельзя исключить существование ещё как минимум одного не дошедшего до нас автографа комедии. Допуская эту возможность, В. Я. Лакшин пишет: «Островский как бы придерживал комедию и до лета 1849 года нигде не читал её. Был ли автор занят какой-то дополнительной шлифовкой пьесы? Возможно. Хотя вернее предположить, что его смутили и напугали события весны 1849 года»¹ (Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. М., 2004. С. 137—138).

¹ Речь идёт об аресте Ю. Ф. Самарина, задержании И. С. Аксакова, разгроме кружка М. В. Пегашевского.

По окончании работы над пьесой были сделаны копии для журнала «Москвитин» и для Театрально-литературного комитета. На страницах ЦПК имеется цензорская правка красным карандашом, а на титульном листе дана резолюция: «Запрещается. СПб. 23 ноября 1849 г. Д^{ействительный} ст^{атский} сов^{етник} Нордстрем». Любопытно, что напротив реплики Рисположенского: «Ты думаешь, мне никто не поверит?» — красным карандашом надписано: «Окончание изменено». Утверждать, что цензор знал о существовании нового финала комедии до 23 ноября 1849 г. нет оснований.

В марте 1850 г. комедия была напечатана в журнале «Москвитин» и в том же году вышла отдельным изданием. Текст ЦПК свидетельствует о том, что Островский, просматривая корректуру журнала, внёс необходимую правку, не изменяя при этом финальную сцену. Запрет на театральные постановки обусловил появление новой редакции, где учитывались почти все поправки, сделанные цензором в ЦПК, а сама пьеса заканчивалась торжеством справедливости. Впервые вторая редакция комедии была опубликована в собрании сочинений, изданном Г. А. Кушелевым-Безбородко в 1859 г., и в таком виде печаталась в последующих изданиях.

В ГТБ сохранился цензурный экземпляр комедии, представляющий вырезку из собрания сочинений драматурга под редакцией Г. А. Кушелева-Безбородко. На титульном листе имеется надпись: «Одобрется к представлению. С. Петербург. 9 декабря 1860 г. Цензор, д^{ействительный} стат^{ский} советник Нордстрем». На страницах этого экземпляра есть правка серым и красным карандашом, причём вся правка, сделанная серым карандашом, восстанавливает текст в его первопечатном виде. Например, на пустых страницах оттиска (С. 121—123) серым карандашом написан оригинальный финал комедии. Вычерки красным карандашом не совпадают с аналогичной правкой в ЦПК, но дополняют её, так как направлены на грубые, по мнению цензора, места пьесы: «хоть роди, да подай», «с каким я рылом» и др. Характер правки позволяет предположить, что в одних случаях пьесу ставили по одобренному цензурой сценарию, а в других — по первопечатному тексту. На форзаце *Ценз.* имеется запись о количестве представлений: «С 16 января 1861 г. по 25 января 1880 г. представлена была 43 раза». Оригинальный текст комедии (с незначительными изменениями) был опубликован лишь в собрании сочинений Островского под редакцией Н. Г. Мартынова (1885).

А. А. Виноградов

«Свои люди — сочтёмся!» — первая большая, в четырёх действиях, комедия А. Н. Островского. Путь пьесы к широкому читателю и зрителю оказался на редкость трудным. Заглавие пьесы менялось в процессе работы над ней: «Несостоятельный должник», «Банкрот» (в орфографии того времени — «Банкрут»), «Банкрот, или Свои люди — сочтёмся!», «Свои люди — сочтёмся!». Своё окончательное название пьеса получила лишь при сдаче рукописи в печать. Материалом для сюжета, по-видимому, стали истории банкротств богатых купцов, в том числе «злумышленного» Карла Крока, известные Островскому из судебной практики его отца, Н. Ф. Островского (см.: *Ревякин А. И.* Искусство драматургии А. Н. Островского. М., 1974. С. 145), а также аналогичные случаи, разбираемые в Коммерческом суде, где с декабря 1845 г. внештатно служил драматург.

Островский начал работать над комедией в 1846 г. Два из написанных осенью 1846 г. совместно с Д. А. Горевым-Тарасенковым¹ четырёх явлений Островский опубликовал в газете «Московский городской листок» (1847. № 7. 9 янв. С. 26—27) под названием: «Сцены из комедии “Несостоятельный должник” (Ожидание жениха)», за двумя подписями: А. О. и Д. Г. (Александр Островский и Дмитрий Горев). Краткое сотрудничество с Горевым обернулось впоследствии для Островского длительными неприятностями, обвинениями, в том числе печатными, в плагиате. Тщетно напоминал Островский в письме к Гореву (от 16 октября 1853 г.), претендовавшему на соавторство, что совместно они работали над комедией «два вечера» и написанное было опубликовано «под общим именем»². Скандал раздували некоторые журналисты, в частности А. А. Краевский, и Островский был вынужден защищаться от клеветы в печати (*М. вед.* 1856. № 80. 5 июля; *Совр.* 1856. № 8. С. 221). Но главным аргументом в пользу его авторства стали новые пьесы («Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и др.) на фоне творческого бессилия Горева.

К середине 1849 г. Островский закончил комедию и направил её (под заглавием «Банкрот») в Петербург, в театральную (драматическую) цензуру, дающую разрешения на постановки. 23 ноября 1849 г. по докладу цензора М. А. Гедеонова последовало запрещение (см.: *Коган.* С. 31; здесь и далее даты цензурных разрешений и запрещений указываются по этому изданию). Гедеонов писал: «Все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик и сваха, отъявленные мерзавцы. Разговоры грязны, вся пьеса обидна для русского купечества» (*Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Пб., 1917. С. 94, 316).

Всё же пьеса, получившая окончательное заглавие «Свои люди — сочтёмся! Оригинальная комедия в четырёх действиях», была напечатана в журнале «Москвитянин» (1850. Кн. 2, № 6. Март) благодаря связям и энергии его редактора и издателя М. П. Погодина; с того же набора в типографии Московского университета вышло и отдельное издание (1200 экз.). Разрешение на театральную постановку и на печатание пьес давали разные ведомства: «драматические сочинения для представления подлежали цензуре III Отделения, а их публикация в печати — общей цензуре» (см.: *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Раскин Д. И.* Цензура в России XIX — начала XX вв. // *Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь.* Т. 5. М., 2007. С. 780). Общая цензура была либеральнее театральной, и печатание комедии было дозволено 14 марта 1850 г. (цензор В. Н. Лешков).

Однако вскоре после публикации пьеса подверглась критике со стороны «Комитета 2 апреля 1848 г.» — секретного органа, учреждённого для высшего надзора за цензурой. Поражает стремительность и многочисленность принятых по инициативе Комитета в мае — июне 1850 г. репрессивных мер: 30 марта Комитет запрещает постановку пьесы; 31 марта Николай I пишет на этом запрещении резолюцию (знаки препинания проставили за него чиновники): «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить, во всяком случае, уведомля об этом

¹ Д. А. Горев-Тарасенков (Горев — актёрский псевдоним) — провинциальный актёр, поэт и драматург. См.: *ЭО.* С. 113—114.

² Впервые опубликовано: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский и Д. А. Горев. К творческой истории комедии «Свои люди — сочтёмся!» // *Русская литература.* 1963. № 4. С. 182. Датировано Л. Н. Смирновой (см.: *ПСС-12.* Т. 11. С. 60).

князя Волконского» (*Просв.* Т. 10. С. XXIX). 1 апреля эту резолюцию получают министр двора П. М. Волконский и министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов, а также начальник Третьего отделения генерал А. Ф. Орлов; 2 или 3 апреля Ширинский-Шихматов предлагает попечителю Московского учебного округа генерал-адъютанту В. И. Назимову ознакомить автора с его (министра) мнением о комедии (на самом деле — с мнением Комитета). 10 или 11 апреля Островский посещает Назимова, а 26 апреля представляет ему письмо, с объяснением замысла и целей произведения, для передачи Ширинскому-Шихматову. 30 мая последний секретно предупреждает Назимова о запрещении повторного издания комедии без предварительного представления текста в Главное управление цензуры. Параллельно предпринимаются и чисто административные меры: несмотря на положительное заключение Орлова (на основании собранных им сведений) о благонадёжности Островского, по повелению Николая I за ним устанавливают двойной негласный надзор — полиции и корпуса жандармов (см.: *Сухонин С. Материалы для биографии Островского (По неизданным источникам)* // *Всемирный вестник*. 1908. № 5. С. 33—38; *Коган. С.* 37—40).

Сохранился развёрнутый отзыв, мотивирующий запрещение «Комитетом 2 апреля 1848 г.» постановки и переиздания комедии, составленный его председателем генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым и членом бароном М. А. Корфом (секретарь — камер-юнкер Ростовский). Не найдя в пьесе «ничего против цензурных правил» и даже отметив «примечательный талант» автора, арбитры вменяли ему в вину отсутствие в сочинении добродетельных персонажей: «Изображая нам среднее купечество и клеймя заслуженным образом его странности и пороки, неужели автор не мог найти в среде его и вставить в свою раму, для противоположности, ни одного из тех почтенных наших купцов, в которых богобоязненность, праводушие и прямота ума составляют типическую и неотъемлемую принадлежность? <...> Наконец, заключение комедии — торжество чёрной неблагодарности в двух лицах, дочери и приказчика — оставляют самое печальное впечатление...» (*Просв.* Т. 10. С. XXVI—XXVII). Было предложено «вразумить» Островского, внушить ему, что «благородная и полезная цель таланта должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании; не только в карикатуре, но и в распространении высшего нравственного чувства; следственно в противопоставлении пороку добродетели, а картинам смешного и преступного — таких помыслов и деяний, которые возвышают душу; наконец в утверждении того, столь важного для жизни общественной и частной верования, что злодеяние находит достойную кару ещё и на земле» (Там же. С. XXVII).

Миссию «вразумления» молодого автора и выполнил Назимов, ранее содействовавший публикации нравившейся ему комедии как глава Московского цензурного комитета (по своей должности попечителя учебного округа он исполнял и эту функцию). По-видимому, был разыгран «спектакль», но формально поручение министра народного просвещения было выполнено: в письме к Назимову (от 26 апреля 1850 г.) Островский учтиво благодарил за советы и обещал «принять их в соображение», если продолжится его «литературное поприще». В то же время он доказывал, что в комедии «порок наказывается и на земле»: купец Самсон Силыч Большов, совершивший «преступление, наказывается страшною неблаго-

дарностью детей и предчувствием и страхом неизбежного наказания законного»; Подхалюзину же, юридически невиновному, «не уйти...от суда публики», к которой обращается стряпчий в финале.

Но Островский понимал, что для цензоров одного «суда публики» над Подхалюзинным недостаточно. Заключение Комитета было миной замедленного действия: при подготовке первого (двухтомного) собрания сочинений (вышло в 1859 г.) драматург обязан был снова представить пьесу в Цензуру. Так возникает вторая редакция пьесы. Отправляя её в Санкт-Петербургский цензурный комитет (27 июля 1858 г.), Островский в сопроводительном письме к начальнику репертуара петербургских императорских театров П. С. Фёдорову признавался: «Посылаю Вам изуродованное, но всё-таки дорогое сердцу, детище». Помимо правки текста, с учётом цензурных придинок, и перемены заглавия на «За чем пойдёшь, то и найдёшь», в пьесе появилась новая развязка, данная в дополнительном, 6 явлении IV действия: к Подхалюзину приходит квартальный, чтобы препроводить его к следственному приставу «по делу о скрытии имущества несостоятельного купца Большова». По воспоминаниям М. И. Писарева, Островский был сильно удручён необходимостью переделки комедии: «Чувство, которое я испытывал, перекраивая “Своих людей” по указанной мерке, говорил он, можно сравнить разве только с тем, если бы мне велели самому себе отрубить руку или ногу» (*Просв.* Т. 10. С. XXXIV).

Вторая редакция пьесы благополучно прошла через общую цензуру (разрешение от 14 октября 1958 г.). Цензором был И. А. Гончаров, тщетно пытавшийся отстоять текст в первой редакции (*Коган.* С. 90—91). Член Главного управления цензуры А. Г. Тройницкий не усомнился в том, «что ни один из читателей или зрителей пьесы не будет возбуждён ею к подражанию гнусным поступкам Большова, дочери его и Подхалюзина». Он только предложил автору изменить «несколько выражений и мест, которые, если позволено так сказать, слишком грязны», но намерение автора дать пьесе новое заглавие лукаво отклонил, поскольку «перемена могла бы вызвать какие-нибудь превратные толки о стеснениях цензурных там, где их нет» (*Просв.* Т. 10. С. XXXVI). Но театральной цензурой 20 января 1859 г. комедия была запрещена. Цензор И. А. Нордстрем отмечает, что, несмотря на все изменения, «пьеса сохранила свой мрачный характер» (*РГИА.* Ф. 780. Д. 36. 1859. Л. 12). Лишь 9 декабря 1860 г. комедия во второй редакции была одобрена театральной цензурой (цензор И. А. Нордстрем): «Ныне Дирекция Императорских театров, имея в виду крайнюю бедность русской литературы, препроводила в Цензуру 3 отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии на рассмотрение означенную комедию, напечатанную новым изданием.

При рассмотрении и сличении Ценсурой обоих изданий оказалось, что комедия эта в новом издании значительно сокращена, грубые выражения отчасти или смягчены, или вовсе уничтожены и что, наконец, одно из главных лиц, зять злостного банкрота, остававшийся в первоначальном издании вне всякой ответственности, подвергается заслуженному им наказанию и этим самым автор устранил тот недостаток, который был ему указан Комитетом» (*РГИА.* Ф. 780. Оп. 1. Д. 37. 1860. Л. 169—170).

Состоялись долгожданные премьеры спектаклей в Александринском и Малом театрах (соответственно 16 и 31 января 1861 г.). Раньше, до цензурного разрешения, пьесу играли лишь любители, иногда с участием Островского. Правда, в ноябре

1957 г. в Иркутске, в отсутствие генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва, пьеса была поставлена профессиональной труппой, но по его возвращении снята со сцены (см.: *Стеркин Т.* Забытая страница. Первая постановка комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся» // *Театр*. 1956. № 11; *Фаркова Е. Ю.* А. Н. Островский в оценке провинциальной критики // А. Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. тр. Вып. 4. Иваново, 2013. С. 106—108).

Комедия в её первой редакции увидела свет рампы лишь 30 апреля 1881 г. в первом московском частном театре А. А. Бренко (известном также как «Пушкинский театр», или театр «Вблизи памятника Пушкину»); официально же он назывался «Драматический театр А. А. Бренко в доме Малкиеля» (см.: *ТЭ*. Т. 1. Стб. 693—694). «Квартального на этот раз уже на афише не значилось. Ему не пришлось изображать добродетель, карающую порок», — отметил М. И. Писарев, один из руководителей этого театра (*Провс*. Т. 1. С. 499). Разрешение на постановку пьесы в первой редакции — правда, только в частных театрах — на этот раз было получено раньше (в середине 1881 г.), чем на её публикацию, которая появилась лишь в 1885 г., в первом томе 4-го издания полного собрания сочинений писателя (цензурное разрешение от 19 января 1885 г.). С тех пор во всех изданиях пьеса воспроизводится в первой её редакции.

Работая над текстом комедии (ещё в первой её редакции), в особенности над её языком, Островский, как показывают черновики, последовательно устранял избыток просторечий, длинноты, некоторые грубые выражения, а также места, которые мог не пропустить цензор (см.: *Ревякина И. А.* О первом издании комедии «Свои люди — сочтёмся!»: Завершающая правка или автоцензура? // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX — XX вв. М., 2003. С. 56—68). Всё же «автоцензура» оказалась недостаточно строгой. Хотя вмешательство общей цензуры в текст при публикации комедии в «Москвитянине» было минимальным (вследствие покровительства В. И. Назимова), некоторых фраз в журнале не оказалось, и не только потому, что набор был небрежным (см. в настоящем издании: «Другие редакции. Варианты»).

Но таких купюр было немного. После же гонений на пьесу, вызванных заключением «Комитета 2 апреля 1848 г.», при подготовке Островским второй редакции текста цензура, можно сказать, стала его «соавтором». В двухтомнике 1859 г. в пьесе появилась не только новая, назидательная развязка. В значительной степени выхолощенными оказались многие реплики персонажей. Слова и фразы, не пропущенные в печать, отмеченные красными чернилами (предлагать свои варианты цензоры не имели права), Островский обычно просто изымал из текста, сокращая реплики. Например, из диалога Устины Наумовны и Липочки о женихе (6 явл., I д.) исключены во второй редакции наиболее сочные, колоритные выражения: «Какого тебе: посolidней али поподжаристой?»; «Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика»; «Ах, господи! А сама-то я нынче вся, как веник, растрёпана». Союз «чтоб» («чтоб не курносого», «чтоб был бы брюнет»; «чтоб и одет был по-журнальному») был заменён полной формой «чтобы».

Не менее последовательно отмечались цензорами и, соответственно, исключались или приглушались автором мотивы правонарушений, часто возникающие в разговорах мужских персонажей: рассказ Рисположенского о том, как он оставил

дело из суда «в погребке»; оценки, которые дают Большой и Подхалюзин знакомым купцам-банкротам при чтении газеты; подробности аферы, составляющей основной сюжет¹. Но даже и в «изуродованном» виде пьеса вызвала восторг у читателей.

Ещё до публикации в «Москвитянине» комедия обрела многочисленных поклонников нового таланта, слушавших текст в исполнении автора, часто в дуэте с актёром П. М. Садовским (Островский читал реплики женских персонажей, Садовский — мужских); нередко Садовский выступал один, были и другие чтецы-энтузиасты. Об успехе чтений «Банкрота» свидетельствуют В. З. Головина (Воронина), слушавшая Островского в Самаре в январе или феврале 1849 г. (*Восп.* С. 32); актёр и писатель И. Ф. Горбунов, отметивший «изумительную передачу в чтении характера действующих лиц» (Там же. С. 48; см. также: *ЭО.* С. 383—384); поэт и переводчик Н. В. Берг, рассказавший о вечере 3 декабря 1849 г. в доме М. П. Погодина, где «среди чтения» появился Н. В. Гоголь (уже слышавший комедию в исполнении Садовского). Берг передаёт ответ Гоголя на его вопрос о пьесе: «При несомненном и большом таланте автора проглядывает неопытность, юность в технике дела. <...> Но талант, решительный талант!» (Там же. С. 40). Сохранился также отзыв Гоголя о комедии в записи Д. К. Малиновского, в котором было такое замечание: «По моему мнению, автор сделал в своей пьесе то упущение, что старик отец в последнем акте вдруг, без всякого ведома и ожидания читателя и зрителя, является узником. Я на месте автора предпоследнее действие непременно окончил бы тем, что приходят и берут старика в тюрьму. Тогда и зритель и читатель были бы ошутительно приготовлены к силе последнего акта» (*Малиновский И.* Знакомство Гоголя с моим отцом // *Записки общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском университете.* Варшава, 1902. Вып. 1. С. 90—91)².

Чтения «Банкрота» устраивались в самых разных московских домах: у С. П. Шеврёва (24 февраля 1850 г.), где собрались С. М. Соловьёв, Т. Н. Грановский, А. С. Хомяков и другие интеллектуалы, — и у генерал-губернатора А. А. Закревского; в аристократическом салоне графини Е. П. Ростопчиной, у Новосильцевых, Шереметьевых, Мещерских — и в купеческих семьях Карзинкиных, Носкова, Хлудова, что подчёркивал Островский в письме к В. И. Назимову от 26 апреля 1850 г.: «Я сам несколько раз читал эту комедию перед многочисленным обществом, состоящим исключительно из московских купцов». В списках комедия стала известна и в Петербурге; в частности, там её мастерски читал писатель В. А. Соллогуб (см.: *Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. М., 1982. С. 111—112). В хоре похвал комедии — меткие слова опального генерала А. П. Ермолова: «Она не написана, она сама родилась!» (*Бурдин Ф. А.* Из воспоминаний об А. Н. Островском // *Восп.* С. 329), а также сравнение «Банкрота» с комедией Мольера, принадлежащее Е. П. Ростопчиной: «Это наш русский “Тартюф”! И он не уступит своему старшему брату в достоинстве правды, силы и энергии. Ура! у нас рождается своя театральная Литература...» (*Барсуков.* Т. 11. С. 69).

С выходом в свет в марте 1850 г. шестого номера «Москвитянина» с текстом «Своих людей...» число ценителей Островского сильно возросло. Изменился

¹ Перечень изменений, внесённых в текст во второй редакции комедии, по сравнению с первой, см. в разделе «Другие редакции. Варианты».

² Об отношении Гоголя и Островского см. также: *Кривонос В. Ш.* Гоголь Николай Васильевич // *ЭО.* С. 108—109.

и их состав. С. В. Максимов вспоминал: «Не только в городских трактирах нельзя было дожидаться очереди, чтобы получить книжку “Москвитянина” рано утром и поздно вечером, но и в отдалённом трактире... мы получили книжку довольно измызанною. Ежедневно являлся какой-то досужий доброволец и вслух всем, дычковским способом, прочитывал её по нескольку раз в день за приличное угощение» (Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 171). В то же время в купеческой среде появились и хулители пьесы: «Молва о том, что некоторый человек “пустил мараль” на всё торгующее купечество, побрела по Москве, заглядывая в те торговые дома, где готовились совершить или успели уже проделать на практике “ловкое коленце” банкротства» (Там же). К Закревскому поступили от купцов жалобы на Островского. По-видимому, стремясь нейтрализовать подобные обвинения, совпавшие с мнением цензора М. А. Геденова («...вся пьеса обидна для русского купечества»), автор «Своих людей...» ссылаясь в вышеупомянутом письме к Назимову на «русскую правдолюбивую натуру» московских купцов, которые благодарили автора «за верное воспроизведение современных недостатков и пороков их сословия и горячо высказывали необходимость дельного и правдивого обличения этих пороков (в особенности превратного воспитания) на пользу их круга».

Цензурное запрещение ставить и переиздавать пьесу не помешало росту её популярности. Как яркую литературную новость пьесу обсуждали в частной переписке. А. Ф. Писемский, которого Островский знакомил ещё с черновиками пьесы, сообщал автору 7 апреля 1850 г. из Костромы: «...можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное». Посетовав, что «в печати» нет бывшего в рукописи «монолога Большова, в котором высказывал он свой план», Писемский заключал: «Но как бы то ни было, — кладя на сердце руку, говорю я: Ваш Банкрот — купеческое Горе от ума, или точнее сказать: купеческие Мертвые души» (Неизд. письма. С. 334, 336). В. Ф. Одоевский писал своему знакомому 20 июля 1850 г.: «Я считаю на Руси три трагедии: “Недоросль”, “Горе от ума”, “Ревизор”. На “Банкроте” я поставил номер четвёртый» (Русский архив. 1879. № 4. С. 525). В дневнике Л. Н. Толстого, служившего в Дунайской армии (запись от 13 августа 1854 г.), отмечено чтение «прекрасной комедии “Свои люди сочтёмся”» (Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978—1985. Т. 21. С. 130).

Однако в критике, вплоть до новой публикации «Своих людей...» (1859), о преследуемой цензурой пьесе упоминали, как правило, лаконично и спорадически, в связи с последующими произведениями драматурга. По-видимому, только этим можно объяснить краткость замечаний о «Своих людях...» ведущего критика «Москвитянина» А. А. Григорьева — «горячего поклонника Островского с самого появления его первой комедии, отыскивавшего в ней и в последующих то классическое “новое слово”, с которым, как с литературным термином, неразрывно связано и само имя этого знаменитого критика...» (Максимов С. В. Литературные путешествия. С. 159). В программной статье «Критический взгляд на основы, значение и приёмы современной критики искусства» (БдЧ. 1858. Т. 147, № 1. Отд. V. Взгляд на современную критику искусства. С. 1—42) Григорьев отмечает прочность и цельность «миросозерцания» писателя, понимание им (как и предшествующими гениями — Пушкиным, Гоголем) связи настоящего с прошедшим: «Так в наше

время Островский начинает с “Свои люди сочтёмся”, где гоголевский приём приложен в последний раз к действительности, и переходит в мягкое, свободное и вполне разумное, истинно поэтическое отношение к великорусской жизни» (*Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 57*).

Но среди бывших сотрудников «молодой редакции» «Москвитянина» были и другие мнения. Особенно резко противопоставлял «Своих людей...» последующим пьесам драматурга Т. И. Филиппов в рецензии на драму «Не так живи, как хочется» (*Рус. беседа. 1856. № 1. С. 70—100*). Он утверждал, что «Свои люди...» задуманы «под сильным влиянием отрицательного воззрения на русскую жизнь», однако потом «усмотрения г. Островского сделались глубже и полнее: русская жизнь стала понемногу открывать ему свои заветные стороны, которые недоступны предрассудённому отрицанию...» (*Филиппов Т. И. Русское воспитание. М., 2008. С. 83*).

По-другому оценивали эволюцию Островского критики «Современника», для которых первая большая комедия оставалась (вплоть до появления «Грозы») высшим достижением драматурга. И. С. Тургенев в рецензии «Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”» (*Совр. 1852. № 3. Критика. С. 1—9*), предостерегающей автора от «излишнего раздробления характеров», вспоминает его раннюю «замечательную драму, замечательную особенно по ширине и свободе манеры». «Ни одна сцена нового произведения г-на Островского не может сравниться с известной окончательной сценой “Своих людей”» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1980. Соч. Т. 4. С. 495, 499*). Н. Г. Чернышевский в рецензии на «Бедность не порок» (*Совр. 1854. № 5. Библиография. С. 14—24*) противопоставляет «ложной идеализации устарелых форм» в новой комедии правду «Своих людей...»: «В правде сила таланта; ошибочное направление губит самый сильный талант» (*Чернышевский Н. Г. Литературная критика: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 62*). А в «Заметках о журналах. Март 1857» (*Совр. 1857. № 4*) он приветствует пьесу «Доходное место», так как «сильным и благородным направлением она напоминает ту пьесу, которой он обязан большей части своей известности, — комедию “Свои люди — сочтёмся!”» (Там же. С. 63).

Конкретный разбор комедии (первой её публикации) всё же был предложен — в остроумной статье Б. Н. Алмазова «Сон по случаю одной комедии (Драматическая фантазия с хорами, танцами, отвлечёнными рассуждениями, патетическими местами, торжеством добродетели, наказанием порока, бенгальским огнём и великолепным спектаклем)» (*Москва. 1851. Т. 3, № 9/10. С. 97—122*). Следуя давней традиции жанра литературного диспута и в особенности «Театральному разъезду после представления новой комедии» Гоголя, Алмазов на фоне пародийно изображённых крайних мнений западников и славянофилов, учёных людей и светских весельчаков устами своего резонёра, «бледного и очень молодого человека», определяет оригинальность «новой комедии» (как и у Гоголя, обсуждаемое произведение не названо, хотя обильно цитируется). Если Гоголь — субъективный художник, передающий своё отношение к окружающей действительности «посредством своих лирических мест и гипербол», то автор новой комедии «математически верен действительности», это «поэт объективный», причём в языке его героев «выражаются особенности сословий» (*Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. М., 1982. С. 224, 240, 243, 249*). Данное сопоставление авторских стилей закрепилось

в литературоведении; Григорьев в 1860 г. отметил, что в «шутке» Эраста Благодного «высказан был впервые... глубоко верный взгляд на различие нового таланта, появившегося в нашей литературе, от таланта Гоголя» (*Григорьев А. А. Искусство и нравственность*. С. 249).

Выход в свет «Сочинений А. Н. Островского» (1859), куда вошли 11 пьес, включая комедию «Свои люди — сочтёмся!» во второй редакции, стимулировал появление в ведущих журналах обзоров творчества писателя: «Тёмное царство» Н. А. Добролюбова (*Совр.* 1859. № 7. Современное обозрение. С. 17—78; № 9. С. 53—128); «Сочинения А. Островского» А. В. Дружинина (*БдЧ.* 1859. № 8. Критика. С. 1—42); «Сочинения А. Островского» Н. С. Назарова (*ОЗ.* 1859. № 7. Русская литература. С. 1—27; № 8. С. 86—113); «Сочинения А. Островского» Н. П. Некрасова (*Атеней.* 1859. № 8. С. 458—459) и др. Не только литературным, но и общественным событием стала статья Добролюбова. Она понравилась Островскому, судя по началу черновика его письма Добролюбову, где он назвал статью «дельной» (см.: *Лакшин В. Я. Об отношении Островского к Добролюбову (По новым материалам) // Вопросы литературы.* 1959. № 2. С. 193), а также по воспоминаниям Н. Д. Новицкого о визите писателя к критику, которому он выражал «горячую, неподдельную благодарность» (*Восп.* С. 177).

В названных обзорных статьях «Свои люди...» рассматривались в контексте последующих пьес Островского, по-разному оцениваемых сторонниками западнической и славянофильской «партий». И те, и другие часто напрямую связывали художественную убедительность пьес с их основной «мыслью». Показательна концовка статьи Н. С. Назарова, где он бесцеремонно упрекает драматурга в «дремоте мысли» и троекратно повторяет: «...надо мыслить, мыслить, мыслить...» (*ОЗ.* 1859. № 8. Русская литература. С. 113).

На этом фоне выделяется «Тёмное царство» Добролюбова, где он применяет «критику реальную, состоящую в обозрении того, что... дают... произведения» и не допускающую «навязыванья автору чужих мыслей» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч.* Т. 5. С. 19—20). Очевидно, из тактических соображений критик умалчивает о том, что и в «Современнике» общая «идея» произведения составляла важнейший критерий его оценки: ведь, как в 1854 г. утверждал Чернышевский в своей рецензии на «Бедность не порок», «ошибочное направление губит самый сильный талант» (*Чернышевский Н. Г. Литературная критика.* Т. 1. С. 62). Для Добролюбова же основной источник творчества — не теоретические взгляды писателя, но его «миросозерцание», «чувство человеческой правды» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч.* Т. 5. С. 22, 25) в духе антропологической философии Л. Фейербаха. В творчестве писателей-реалистов, далёких от радикальных социально-политических идей «Современника», он ценил объективно-познавательную ценность, обретая, таким образом, в лице Островского (как и Тургенева, Гончарова) могущественных союзников. Предельно сближая действительность и «живые образы» (Там же. С. 22), критик при этом отвлекался от замысла автора в целом и подробно анализировал прежде всего те сюжетные конфликты и стороны характеров, которые подтверждали его взгляды. Публицистический контекст, сами заглавия статей обнажали цель критика — способствовать «составлению и распространению между людьми правильных понятий о вещах» (Там же. С. 23). И эта цель, по мнению многих читате-

лей, успешно достигалась¹. Разбор «Своих людей...» занимает почти треть общего объёма статьи. Добролюбов явно исходит из первой редакции пьесы: «прибавку» с квартальным считает «совершенно лишней», поскольку «при существующих общественных отношениях той среды, в которой действует Подхалюзин, он непременно найдёт лёгкое средство вывернуться и оправдаться» (Там же. С. 64). Сюжет комедии (как и предшествующей ей «Семейной картины»), её образы-персонажи были благодарнейшим материалом для доказательства Добролюбовым «нестественного порядка вещей — всеобщего обмана и мошенничества, и в семейных, и в общественных делах» (Там же. С. 40). Эпизоды, выделенные критиком, приведённые цитаты подтверждали его тезис о «религии самодурства и мошенничества» (Там же). В «Своих людях...» нет слова «самодур», оно появится у Островского в 1856 г. («В чужом пиру похмелье»), но Добролюбов применяет его ко всем пьесам драматурга, понимая его широко: это любой «старший» и «богатый» человек, угнетающий «младших» и «бедных», независимо от того, есть в нём «дурь» или «нет» (см.: *Тотубалин Н. И.* К истории слов «самодур» и «самодурство» // Учёные записки Ленинградского университета. Сер. филол. наук. 1955. Вып. 25, № 200. С. 234—237). Жизнь в «тёмном царстве», где представлена «целая иерархия самодурства», сравнивается Добролюбовым с «ожесточённой войною» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч. Т. 5. С. 58, 46). Критик видит несомненное достоинство пьесы: «... автор комедии вводит нас в самый домашний быт этих людей, раскрывает перед нами их душу, передаёт их логику, их взгляд на вещи, и мы невольно убеждаемся, что тут нет ни злодеев, ни извергов, а всё люди очень обыкновенные, как все люди, и что преступления, поразившие нас, суть вовсе не следствия исключительных натур, по своей сущности наклонных к злодейству, а просто неизбежные результаты тех обстоятельств, посреди которых начинается и проходит жизнь людей, обвиняемых нами. Следствием такого убеждения является в нас уважение к человеческой натуре и личности вообще... и, наконец, глубокая, непримиримая ненависть к тем влияниям, которые так задерживают и искажают нормальное развитие личности» (Там же. С. 63). Такое прочтение комедии, объясняющее «обстоятельствами» (о которых критик не мог говорить сколько-нибудь конкретно) искажение человеческой «натуры» в персонажах, расходилось в некоторых принципиальных моментах с суждениями других ценителей шедевра Островского. Для Добролюбова Подхалюзин был «мелким плутом, порождённым и возвращённым бессмысленным гнетом самодурства» (Там же. С. 61), не лишённым «даже чувства сострадания и некоторой совестливости» (Там же. С. 60). Однако многие читатели видели в нём, напротив, искусного и циничного интригана, «нашего русского Тартюфа» (по словам Е. П. Ростопчиной). По-разному воспринималось и последнее действие пьесы. Так, Н. П. Некрасов в статье «Сочинения А. Островского, 2 тома. Издание графа Кушелева-Безбородко. СПб., 1859» считал это действие лишним, в отличие от финала «Короля Лира» Шекспира, при сюжетном сходстве между пьесами: ведь Большов отдаёт «своё имение Подхалюзину» — подобно Лиру, отказывающемуся от власти в пользу дочерей (*Атены*. 1859. № 8. С. 472).

¹ Как считал Н. В. Шелгунов, «Тёмное царство» Н. А. Добролюбова «было целым поворотом общественного сознания на новый путь понятий» (*Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: в 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 199).

Считая надуманной саму эту аналогию, Добролюбов подчёркивает, что «и в последнем акте Большов не перестаёт быть комичен: ни одного светлого луча не проникло в эту тёмную душу после переворота, навлечённого им самим на себя. Он нисколько не сознаёт гадости своего поступка, он не мучится внутренним стыдом; его терзает только стыд внешний...» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. С. 53*).

С такой трактовкой финала решительно не соглашался А. А. Григорьев. В статье «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (*Русский мир. 1860. 20 янв. С. 24*) он писал: «Остроумный автор статей “Тёмное царство” положительно, например, отказывает в своём сочувствии Большову даже и в трагическую минуту жизни этого последнего. Откажет ли ему в сожалении и, стало быть, известном сочувствии масса?...» (*Григорьев А. А. Театральная критика. М., 1985. С. 176*).

О поэтике пьесы наиболее обстоятельно писал А. В. Дружинин. «Своих людей...» лидер «артистической» критики считал «капитальным, образцовым произведением» (*Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 406*), не уступающим комедиям «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизор» Гоголя. Рассматривая по порядку «постройку, лица и язык пьесы», критик находит её удовлетворяющей «самым строжайшим требованиям во всех трёх отношениях». Очень высоко он ценит «постройку» пьесы: с этой точки зрения «ей уступают и “Ревизор”, которого интрига не нова и отчасти грешит противу правдоподобия, и “Горе от ума”, где она раздроблена и не довольно энергична». В «Своих людях...» интрига «истинна, проста, всеми сторонами соприкасается действительной жизни... ни на один миг не замедляется в своём течении, вполне захватывает собой внимание читателя и, наконец, на последних страницах произведения, как громовым ударом, разражается катастрофой, в которой не знаешь, чему более удивляться — потрясающему ли драматизму положений, или простоте средств, которыми этот драматизм достигнут» (Там же. С. 407). На фоне частых упреков Островскому в медленности развития действия и внезапности развязки (Гоголь счёл это признаком «юности» таланта) мнение Дружинина примечательно. Столь же восторженна оценка критиком «языка» пьесы: его «магия» побуждает бессчётно перечитывать текст. Более строг он к «лицам»: «в отношении типическом... они стоят ниже лиц грибоедовских и гоголевских», в которых любой человек «увидит воплощение той или другой частицы своего собственного я» (Там же. С. 407—408). Сближая типическое с наиболее распространённым, в частности свойственным людям разных сословий, Дружинин отдавал предпочтение в этом плане «Бедной невесте»: её «содержание ближе к общей жизни, её лица типичнее» (Там же. С. 413). Рассматривая последующее творчество Островского, критик, будучи неизменным противником «дидактики» в искусстве (Там же. С. 424), приветствует изображение «положительной и светлой стороны простой русской жизни» (Там же. С. 418), особенно ценит он небольшие драматические сцены («Не сошлись характерами» и др.) за «весёлый, беззаботный смех на театре» (Там же. С. 438). Сожалея о том, что «Свои люди...» ещё не представлены на сцене, Дружинин предсказывал: «Огромный сценический успех выпадет на долю комедии, и она останется на театре до той поры, пока русский язык будет существовать на свете» (Там же. С. 405).

Премьера комедии в Александринском театре состоялась, в присутствии автора, 16 января 1861 г. в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли: Большов — Ф. А. Бурдин, Аграфена Кондратьевна — Н. П. Воронова, Липочка — Е. М. Левке-

ева, Подхалюзин — П. В. Васильев, Устинья Наумовна — Ю. Н. Линская, Рисположенский — П. И. Зубров, Фоминишна — П. К. Громова, Тишка — И. Ф. Горбунов, квартальный — А. А. Волков. Первые спектакли прошли успешно, но «истинного сценического торжества её ждали только в Москве. Причин тому много. Прежде всего, сама пьеса родилась здесь, есть произведение по преимуществу московской почвы...» (*Эдельсон Е. Н.* Первое представление комедии «Свои люди» на московской сцене // *БдЧ*. 1861. № 2. Фельетон. С. 7).

Эти ожидания не были напрасными. На сцене Малого театра пьеса была впервые сыграна 31 января 1861 г. в бенефис П. М. Садовского; на ней также был Островский. Роли исполняли: Большов — М. С. Щепкин, Аграфена Кондратьевна — С. П. Акимова (после третьего спектакля — Н. В. Рыкалова), Липочка — В. В. Бороздина, Подхалюзин — П. М. Садовский, Устинья Наумовна — Е. В. Бороздина, после третьего спектакля — С. П. Акимова, Рисположенский — В. И. Живокини, Фоминишна — Е. М. Кавалерова, Тишка — М. П. Садовский, квартальный — Н. П. Витнебен. Актёры составляли единый ансамбль (хотя исполнение Щепкиным роли Большова показалось многим спорным). Спектакль, по свидетельству Е. Н. Эдельсона, покорял зрителей своим реализмом: «...как будто по волшебству какому отнялась только стена в обыкновенном купеческом доме, и мы заглянули во внутреннюю жизнь этого дома, не смутив нисколько его обывателей» (*БдЧ*. 1861. № 2. Фельетон. С. 8). Особый восторг вызывала игра П. М. Садовского. По поводу же явления квартального в финале спектакля критик заметил: «Лазарь, не наказанный, успевший укрыться от закона земного, по мнению моему, едва ли не больше бы внушил отвращения к злу, нежели теперь, когда правосудие превратило его в одного из тех несчастных, каким народ считает у нас вообще преступников» (Там же. С. 15). По рассказам профессора Б. В. Варнеке, запомнившимся его слушателям, актёры Малого театра, игравшие «Своих людей...» «в нелепой переделке начальства, завершали пьесу по написанному тексту, но с добавлением мимической сцены собственного сочинения. Подхалюзин совал в руку квартального взятку и тот уходил, оставляя его на свободе» (*Де-Рибас А.* Первенец Островского «Свои люди — сочтёмся» // А. Н. Островский. 1823—1923: сб. ст. / под ред. Б. В. Варнеке. Одесса, 1923. С. 122).

В первой редакции (завершающейся обращением Подхалюзина к публике, которую он приглашал посетить открывающийся «магазинчик») пьеса была поставлена 30 апреля 1881 г. в московском частном театре А. А. Бренко. Островский активно участвовал в репетициях и присутствовал на премьере. В роли Большова выступил М. И. Писарев, Подхалюзина играл В. Н. Андреев-Бурлак. По воспоминаниям М. И. Писарева, по окончании спектакля, шедшего в переполненном зале, «вызовам и овациям, думалось, не будет конца. Публика ликовала. Она справляла поистине большой и знаменательный литературный праздник» (*Провс.* Т. 10. С. XXXIX).

Как сообщает Е. И. Прохоров, «при жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 52 раза, в Петербурге, в Александринском театре, — 40 раз (последний спектакль в Москве состоялся 24 апреля 1883 г., в Петербурге — 25 января 1880 г.)» (*ПСС-12*. Т. 1. С. 517). См. также «Свод сведений о постановках пьес Островского...»: *Андрейчикова О. И., Гуляева Н. М., Михновец Н. Г., Семёнова В. В., Фоменко Д. О.* Театр и Островский // *ЭО*. С. 435—440).

С. 46. ...с приказными. — Приказными называли мелких чиновников, канцеляристов, ходатаев по делам (с XVI в. вплоть до начала XVIII в. приказ — центральное государственное учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления или областью государства; при Петре I приказы были заменены коллегиями).

...шпоры с колокольчиками. — В отличие от обычных шпор, в которых на конце стальных стержней были зубчатые или гладкие колёсики, в шпорах с колокольчиками перед колёсиками вставлялись два серебряных кружочка; при ходьбе такие шпоры издавали мелодичный звон.

С. 47. *Сговор* — помолвка, торжественное объявление родителями жениха и невесты о предстоящей свадьбе их детей; на сговор приглашались родные и знакомые, обычно устраивались бал и ужин.

С. 48. *Упачотиться* — умяться, устать.

Чем не капидон? — Капидон — простореч. от «купидон» (нариц.). Купидон (лат.: вождление) — бог любви у римлян; вместе с Амуром соответствовал греческому богу любви Эроту.

...благородный человек... — Здесь: дворянин.

С. 49. ...хохришься... — Хохриться — держать себя вызывающе, горячиться.

Посконный сарафан — сарафан, сшитый из посконины, домотканого полотна из поскони (конопли).

С. 50. *Девчонка хабальная!* — Хабальная — наглая, непристойная, бесстыдная.

С. 52. *Балясничать* — «забавно беседовать» (*Даль*. Т. 1. С. 44).

С. 52—53. *Бальсан, бальсанец* — простореч. от «бальзам»; так назывались алкогольные напитки, настоянные на лекарственных травах.

С. 53. ...лоб-то крестил бы по-старинному. — Креститься по-старинному — двумя перстами, как это делают старообрядцы.

С. 54. *Мухортик* — маленький, малорослый человек.

С. 57. ...не мздоимец я, не лихоимец я... — Мздоимец — взяточник; лихоимец — ростовщик, взяточник; тот, кто берёт большие поборы или проценты.

...с экзекутором... — Экзекутор — чиновник казённого учреждения, который заведует хозяйством.

С. 58. ...к Троице ходил недавно... — Троица — Троице-Сергиев монастырь вблизи Москвы (основан Сергием Радонежским в 1335 г.). Сходить пешком на богомолье к Троице-Сергиеву монастырю считалось богоугодным делом.

С. 60. *Бельведер* — вышка, башенка на здании (от ит. belvedere — прекрасный вид).

С. 61. ...механику подсмолить? — Под «механикой» имеется в виду мудрёное, хитроумное дело, преимущественно неблагоприятное, предосудительное.

...чтоб крючков после не вышло. — В значении: чтобы не было придинок, поводов для обжалования.

...закладную или купчую? — Закладная — официальный письменный акт о заложенном имуществе, преимущественно недвижимом, обеспечивающий права кредитора; купчая — написанный по установленной форме на гербовой бумаге акт о приобретении недвижимого имущества, который до 1866 г. заверялся в «крепостном» отделении палаты гражданского суда.

...варгань. — Варганить — делать, устраивать.

Магарыч — угощение (обычно с выпивкой) по случаю совершения выгодной сделки.

С. 62. ...*из городу*... — Здесь имеется в виду район Гостиного двора и торговых улиц центра Москвы.

Баланц — Простореч. от «баланс». Термин бухгалтерии, подведение итогов по доходам и расходам, отражающее наличие капитала или другого имущества (актив) и долгов, обязательств (пассив); разница между активом и пассивом указывает на прибыль или убыток.

...*учёл бы розничную по панской-то части*... — Розничная по панской части — прибыль от торговли в розницу тканей фабричного, не кустарного производства.

Сидельцы — здесь: торгующие в лавке вместо хозяина.

С. 63. *Тумак* — глуповатый человек, рохля.

«Ведомости» — газета «Московские ведомости», где печатались, в частности, внутренняя хроника, объявления.

От Московской городской шестигласной думы... — Городская дума — орган городского самоуправления, в ведении которого находилось городское хозяйство, её члены назывались гласными. До 1846 г. исполнительным органом была Шестигласная дума, в неё входили шесть человек — представителей домовладельцев, купцов, ремесленных цехов, иногородних и иностранных «гостей», именитых граждан, посадских.

С. 64....*Коммерческого суда*... — В ведении Коммерческого суда находились дела по торговым сделкам.

...*первой гильдии купец*... — В зависимости от капитала и рода торговли купечество делилось на три гильдии. Наибольший размер капитала (не менее 10 тысяч руб.) имели купцы первой гильдии. Купцы первой и второй гильдий освобождались от телесных наказаний, могли получать чины и ордена, звания коммерции и мануфактур-советников. За право состоять в гильдии взимался сбор. См. также комментарий на с. 674.

Вексель — письменное обязательство уплатить ту или иную сумму денег в определённый срок, написанное на гербовой (вексельной) бумаге по установленной форме.

Протестован? — В случае неуплаты по векселю лицо, выдавшее его (векселедержатель), могло предъявить его в суд ко взысканию, т. е. опротестовать вексель.

На всё купечество мораль эдакая. — Существительное «мораль» в купеческой среде часто сближалось по смыслу с глаголом «марать» и означало предосудительное, позорное поведение.

С. 65. ...*в яму посадить*. — Ямой называлось в Москве долговое отделение тюрьмы для несостоятельных должников (находилось во дворе губернского правления у Воскресенских ворот). Должника заключали в яму по предъявлении кредитором в суд опротестованного векселя; на содержание должника кредитор вносил кормовые деньги. В случае уплаты по векселю или невнесения кредитором кормовых денег должник выпускался из ямы. В 1879 г. такой способ взыскания долгов был отменён.

И на дисконту отдашь, так проценты слупят... — Векселедержатель мог получить деньги по векселю досрочно или дисконтировать, представив его в банк или

частному лицу и уплатив за эту услугу определённый процент. В дисконт векселя принимались, как правило, при уверенности в состоятельности векселедержателя.

С городовыми лучше не связывайся... — Здесь: с иногородними купцами, приезжающими за товаром (*Словарь к пьесам*. С. 44).

Одна лавка москательная, другая красная... — В москательной лавке торговали москотью — красками, клеем, лаками и пр., в красной — тканями.

...вязку подай... — Подать вязку — заплатить отступное другим торговцам, чтобы они не увеличивали цены.

С. 67. *...живёт в мальчишках...* — В значении: находится в учениках у купца. Условия жизни «мальчишек» были тяжёлыми, приходилось работать не только в лавке, но и в доме купца.

...в три листика али в пристенок сразиться... — Три листика — игра в карты. Игра в пристенок заключалась в том, что игроки бросали медные монеты в стенку, выигрыш (проигрыш) зависел от места падения монеты.

С. 68. *Поштофа* — половина штофа (штоф — старинная русская мера жидкостей, равная 1/10 ведра).

С. 70. *...с Ивана Великого прыгнуть...* — Речь идёт о колокольне Ивана Великого в Московском кремле, названной так по имени находящейся в ней церкви Иоанна Лествичника. Колокольня построена в 1505—1600 гг., высота её 100 метров.

Стракулист — простореч. от «стрекулист», т. е. мелкий чиновник, крючкотвор, приказная строка.

С. 73. *Отымалка* — тряпка, с помощью которой «берут горшок из горячей печи» (*Словарь к пьесам*. С. 143).

С. 77. *...голицами торговал на Балчуге...* — Голицы — кожаные рукавицы без подкладки. Балчуг — небольшая улица в районе Замоскворечья, между Москвой-рекой и Водоотводным каналом (см.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958. С. 353, 354).

...чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. — Панёвница — презрительное название крестьянок горожанами (панёва — деревенская домотканая клетчатая материя). Преображенское — село близ Москвы на берегу Яузы, в первой половине XIX в. стало крайним рабочим кварталом.

С. 79. *...в орлянку выиграл...* — Орлянка — игра, в которой выигрывает тот, кто правильно предсказал, как ляжет подброшенная монета (орлом или решкой).

Мымра — угрюмый человек.

С. 80. *Стряпчий* — юридическая должность (устранена в 1863 г.), ходатай по делам.

Драчёна — кушанье из запечённых яиц с молоком и мукой или тёртым картофелем.

С. 81. *...имение-то всё отнимут...* — Здесь под именем понимается имущество: купцы не владели поместьями, передаваемыми по наследству.

С. 83. *...масло пахтаю.* — Пахтать — сбивать из сметаны или сливок (масло).

С. 84. *...в карете ездить шестернёй.* — В каретах, запряжённых шестью лошадьми цугом (попарно), могли ездить только дворяне. Купцы не имели права иметь в упряжке больше одной пары лошадей.

С. 87. *...в одном шлафровке...* — Шлафрок (нем. Schlafrock) — халат.

С. 88. *Авантажное* — здесь: прекрасное, замечательное (фр. *avantage* — выгода, польза).

Адмиральский час. — Это выражение, возникшее при Петре I, когда заседания Адмиралтейств-коллегии заканчивались в 11 часов, означает время выпить и закупить.

С. 90. ...*другой Бонапарт родился*... — Имеется в виду племянник Наполеона I, избранный в 1848 г. президентом Французской республики.

С. 93. *В Каретном Ряду*... — Каретный Ряд — улица в Москве, на которой с XVIII в. находились экипажные мастерские.

С. 94. ...*на Кузнецком Мосту*... — Кузнецкий Мост — одна из центральных улиц Москвы, где было много магазинов иностранных торговцев, большей частью французских, в которых продавались самые модные товары.

С. 96. ...*бутылочку шипучки.* — Шипучка — шампанское, газированное вино.

С. 97. *Уж и где же это видано*... — Начало народной песни, известной в двух вариантах. (Соболевский А. И. Великорусские народные песни: в 7 т. СПб., 1895—1902. Т. 7. № 326—327).

С. 99. *Собрание* — Купеческий клуб, или Купеческое собрание в Москве, возникшее в конце XVIII в., было до 1879 г. учреждением узкосословным; в действительные члены собрания принимались только купцы и потомственные почётные граждане, лица других сословий могли быть только членами-посетителями. Здесь часто устраивались балы, маскарады, концерты и пр., женихи высматривали невест среди купеческих дочек.

...у *Арбатского.* — Арбатский — владелец экипажной мастерской в Москве, на Покровке (Словарь к пьесам. С. 7).

С. 100. ...*подвенечное блондовое ~ буфмуслиновых*... — Перечислены платья из модных тканей: плотного шёлка (грозгон, гродафрик, гроденап), лёгкой шёлковой ткани (марселин, креп-рашель, шинерояль), шерсти (муслинделен). Блонды — род шёлковых кружев желтоватого цвета; буфы — пышные складки на рукавах и юбках. См. подробнее: Кирсанова Р. М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. Калининград; М., 1997. С. 51—98.

С. 102. ...*сама на четырнадцатом классе сижу*... — Устинья Наумовна — вдова коллежского регистратора, чиновника XIV, самого низкого класса по «Табели о рангах».

С. 103. ...*его в конкурс выписывали*... — Конкурс — собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельного должника, которого вызывали по этому случаю из долговой тюрьмы (ямы).

С. 106. *Каменный мост* — Большой Каменный мост через Москву-реку вблизи Кремля.

Ильинка — одна из главных улиц торгового «города» в Москве.

С. 107. ... *мимо Иверской*... — Иверская — часовня с иконой Иверской Божьей Матери у Воскресенских ворот в Москве.

...*понедельничают*... — Понедельничать — соблюдать пост, помимо среды и пятницы (дней, установленных для этого православной церковью), также в понедельник.

Л. В. Чернец

УТРО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Впервые опубликовано: *Москвитянин*. 1850. № 22. Отд. I. С. 149—168 (цензурное разрешение — 14 ноября).

Переизд.: *Островский А. Н. Сочинения*. Т. 1. СПб., 1859. С. 121—141; *Островский А. Н. Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 1. СПб., 1868. С. 149—161; *Островский А. Н. Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 1. СПб., 1874. С. 121—140. Разночтений в изданиях нет.

Автограф неизвестен. Известны рукописные режиссёрские копии с первой публ.: ГТБ. I.7.4.75 (экземпляр содержит пометы цензора; см. ниже); I.4.2.14 (в обеих копиях сохранились рабочие пометы режиссёра); МТ. № 5361 (дата — 9 апреля 1853 г.).

Печатается по изданию 1874 г. с исправлением опечатки.

С. 114

¹⁷ *Вместо: куды — куда (по Москв.)*

Сведений о творческой истории сцен почти не сохранилось. Вероятно, датируется началом 1850 г. (см. запись в дневнике М. П. Погодина от 15 марта 1850 г.: «Остров<ский> читал сцены — хохотали» (*РГБ*. Ф. 231/1. Карт. 39. Ед. хр. 5. Л. 59 об.). Впоследствии Островский вспоминал, что отдал сцены редактору «Москвитянина» «совершенно даром» (см.: «Докладная записка об авторских правах драматических писателей»).

В «сценах» получают развитие черты, характерные для более ранних пьес Островского «Семейная картина» и «Свои люди — сочтёмся!». Это и тема «полубразованного» купечества, нарушающего традиции патриархального общества, и намеченный в финале мотив банкротства, а также конфликт поколений в купеческой среде. По сравнению с предшествующими пьесами, в «Утре молодого человека» особенно очевидна ориентация на гоголевскую традицию: само название отсылает к сцене Гоголя «Утро делового человека» (1836; впервые параллель отмечена рецензентом Сочинений А. Н. Островского: *ОЗ*. 1859. № 7. Русская литература. С. 19), в которой так же, как и у Островского, происходит разоблачение героя, поглощённого пустой деятельностью и желающего только произвести впечатление на окружающих.

Очерковое начало, ослабленная интрига и стремление изобразить быт и нравы представителей определённого сословия позволяют сблизить «Утро молодого человека» с физиологическим очерком натуральной школы. Вместе с тем, образы героев сцен Островского ориентированы на классическую европейскую литературную традицию: претендующий на аристократизм купец Недопекин может быть сближен с главным героем мольеровского «Мещанина во дворянстве» (1670), а Лисавского уже А. В. Дружинин называл представителем типа паразита, восходящего к комедиям римского драматурга Публия Теренция Плавта (195/185—159 гг. до н. э.; имеются в виду его комедии «Евнух» и «Формион», см.: *Дружинин А. В. Собр. соч.*: в 8 т. СПб., 1865—1867. Т. 6. С. 451). Изображение в сценах нравов и быта малообразованных и претендующих на владение высокой культурой городских обитателей (особенно значим в этой связи образ Лисавского) предвосхищает «Бедную невесту» и напоминает литературные опыты А. Ф. Писемского начала

1850-х гг. (ср., например, его повесть «Степан Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти», 1851).

Сцены не привлекли пристального внимания критики, воспринимавшей новое произведение Островского на фоне блистательного успеха его первой большой комедии «Свои люди — сочтёмся!». Анонимный обозреватель «Современника» отзывался об «Утре молодого человека» неодобрительно: «...если смотреть на эти сцены сравнительно с упомянутым первым произведением, то покажутся они чем-то очень плохим и бедным. Но сами по себе они недурны» (Разные известия // *Совр.* 1850. № 12. Отд. VI. С. 256—257). Уже в следующем номере журнала появился развернутый отзыв Дружинина (Письма Иногородного подписчика в редакцию «Современника» о русской литературе. XXII. Декабрь 1850 // *Совр.* 1851. № 1. Отд. VI. С. 95—99). Критик признал справедливость упреков в адрес Островского, высказанных ранее, однако заметил, что высказавшие их «беспристрастные ценители» чрезмерно требовательны к молодому драматургу, тогда как внимания заслуживает каждое, даже незначительное, произведение подлинно талантливого писателя: «...г. Островский представил три-четыре сценки из быта купца Недопекина, и сценки эти читаются так быстро и легко, что рука невольно тянется к прочитанным уже страницам и хочет перелистывать их сызнова» (*Дружинин А. В.* Собр. соч. Т. 6. С. 450). Островскому он противопоставил Л. А. Мея и Н. В. Берга, создателей не имеющих интереса очерков и жанровых сценок, печатавшихся в «Москвитянине». Наиболее удачной сценой Дружинин признал финал пьесы. Чтобы подтвердить свою оценку, критик целиком выписал диалог с участием Смурова. Осуждение вызвал образ Лисавского и вложенное в его уста ненатуральное, по мнению Дружинина, сравнение Недопекина с Аполлоном. В ходе разгоревшейся вскоре полемики «Современника» с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин» сцены Островского резко осуждались автором анонимной рецензии на сборник «Комета» (*Совр.* 1851. № 5. Отд. III. С. 1—32). Возможно, автором рецензии был Н. А. Некрасов (см.: *Алдонина Н. Б.* «Современник» в борьбе за передовую литературу (Об анонимной рецензии на альманах «Комета») // *Жанровое своеобразие русской поэзии и драматургии: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1981. С. 90—111; Мельгунов Б. В.* Некрасов — журналист: (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 141; *Он же.* «Современник» и молодой Островский // *А. Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. Шуя, 2006. С. 35—36*). Рецензент писал об этюде «Неожиданный случай»: «Если бы г. Островский не напечатал в 22 номере “Москвитянина” “Утро молодого человека”, мы приступила бы к “Неожиданному случаю” с простосердечною доверенностию увеселяться на целых сорока страницах. Теперь же, по прочтении “Утра молодого человека”, мы уже не так доверчивы, и доказательством тому служит медленность, с которою мы начали чтение этого этюда» («Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х гг. СПб., 2015. С. 113). Через несколько лет высказался об «Утре молодого человека» Ап. Григорьев, трактовавший эту пьесу в русле собственных идей о роли в русской литературе оторвавшейся от традиционного общественного порядка человеческой личности, которую, с точки зрения критика, Островский осуждает: «Что в “Утре молодого человека” — дело говорит самодур дядя, а не протестант-племянник, тоже едва ли подлежит сомнению» (*Григорьев А. А.*

Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены // *Время*. 1863. № 2. Домашнее обозрение. С. 166).

11 ноября 1852 г. постановка «Утра молодого человека» была разрешена цензором А.К. Гедерштерном, полагавшим, что пьеса «имеет нравственную цель» (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 29. Л. 160), и исключившим из сцен несколько грубых выражений: «Ах он мерзавец!»; «...по глазам видно, что мерзавец!»; «...вдруг тебя ругают... <...> Это я помню!»; «какая-то скотина» (далее слово «ругается» исправлено на «ругаются»); «Хоть бы когда в глаза плюнули» (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 47. Л. 77; ГТБ. I.7.4.75. Л. 4—5).

Сцены впервые сыграны в Петербургском театре-цирке в бенефис Ф.А. Бурдина 12 февраля 1853 г. (это была первая постановка Островского на петербургской сцене). Роль Недопекина исполнил В.В. Прусаков, Лисавского — П.И. Зубров, Смурова — П.Г. Григорьев, Васи — С.Я. Бойков, 1-го молодого человека — М.Т. Соколов, 2-го молодого человека — С.И. Горшенков, Сидорыча — А.Е. Мартынов, Ивана — Л.П. Фалеев, Гришки — В. Фёдоров. (Ср. распределение ролей: Там же. Л. 1 об.).

В Москве пьеса впервые поставлена в Малом театре в бенефис Г.С. Ольгина 11 мая 1853 г. Режиссёр вычеркнул из текста слова «отопри пошёл» (МТ. № 5361. Л. 4). Роль Недопекина исполнил К.П. Колосов, Лисавского — С.В. Васильев, Смурова — П.М. Садовский, Васи — Ермолов 1-й, 1-го молодого человека — П.Я. Рябов, 2-го молодого человека — И.Е. Турчанинов, Сидорыча — В. Соколов, Ивана — В.А. Дмитриевский, Гришки — М.П. Садовский. Анонимный обозреватель, писавший об этой постановке, оценивал её не слишком высоко, вероятно, сравнивая с недавно имевшей огромный успех комедией Островского «Не в свои сани не садись»: «Сцены эти не лучшее произведение А. Н. Островского, но “Утро молодого человека” автором никогда не назначалось для сцены, хотя, попавши на московскую сцену, очень хорошо было разыграно» (Московский театр // *Пантеон*. 1853. № 8. С. 14).

Впоследствии «Утро молодого человека» ставилось в Петербурге 22 февраля и 26 июня 1853, 6, 8 и 9 февраля 1874. В Москве «Утро молодого человека» ставилось 14 мая, 22 июня, 19 августа и 24 ноября 1853, 16 августа 1854, 19 января 1856, 15 апреля, 22 августа, 11 октября и 26 ноября 1857, 21 ноября 1858, 28 апреля и 11 декабря 1859, 11 января, 8 февраля и 22 апреля 1860, 21 февраля и 22 мая 1861, 17 июня и 20 декабря 1862, 25 июля 1863, 5 мая и 17 декабря 186, 28 апреля 1865, 26 августа, 5, 9 и 19 сентября 1875 (ИРДТ. Т. 4. С. 407; Т. 5. С. 527).

Возобновление пьесы в Петербурге в 1874 г. в бенефис Е.Н. Жулевой (также игрались пьесы А.Ф. Писемского «Раздел» и комическая опера Ж. Оффенбаха «Птички певчие») вызвало отрицательные отзывы в прессе. Критик, подписавший свою заметку «В. Александров» (возможно, В.А. Крылов), утверждал: «Эта пьеса, несмотря на свою эпизодичность, стоит внимания и сценической разработки. Но не это было целью её возобновления, а исключительно то, чтоб выставить на бенефисной афише имя Островского; оттого и вышло, что имя было помянуто всуе» (Театр и музыка. Бенефис Жулевой // *СПбВед.* 1874. № 40. 9 февр.). По мнению рецензента, артисты, за исключением И.Ф. Горбунова и Н.В. Самойлова, исполняли свои роли рутинно, а публика была невнимательна. Отрицательную оценку игры артистов разделял обозреватель «Петербургского листка». Впрочем, он счи-

тал залогом неудачи сам выбор произведений для постановки: «...сцены г. Островского “Утро молодого человека” и комедия г. Писемского “Раздел” и по завязке, и по развязке, и по ходу действия, и, наконец, по характерам действующих лиц, едва намеченных, — просто ребяческие произведения, и никак не следовало бы первые возобновлять, а вторую ставить только потому, что под ними стоят имена гг. Островского и Писемского» (*К—икъ. Театральный курьер. Бенефис Жулевой // Пб. листок. 1874. № 28. 9 февр.*). Сцены ставились любителями на провинциальном театре (см. упоминание об исполнении «Утра молодого человека» в Тобольске: *РСл. 1863. № 10. Отд. III. С. 64*).

Драматическая цензура также разрешала представление этой пьесы Одесскому (26 июня 1859), Саратовскому (12 октября 1859), Кронштадтскому (28 июля 1861 и 11 декабря 1864), Казанскому (7 сентября 1863), Пензенскому (15 октября 1863), Новгородскому (28 сентября 1864) театрам (см.: *Зубков К. Ю. А. Н. Островский в репертуаре провинциальных театров // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 2. С. 83*).

С. 114. *...турецкий диван... ближе к зрителям трюмо; окна роскошно драпированы; на стенах эстампы.* — Перечисленные предметы обстановки типичны для комфортного убранства комнаты в западном духе. Ср., напр., повесть А. И. Герцена «Записки одного молодого человека» (1840): «...мы сделались добрее и сели на турецкий диван... На стене висело несколько эстампов...» (*Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954—1966. Т. 1. С. 307*).

...из одной чашки едите, в восьмом часу спать ложитесь. — «Из одной чашки» обычно ели представители простонародья. Представление о том, что «порядочный» человек должен ложиться спать поздно, опирается на клише, распространенные в русской литературе. Ср., напр., описание дня светского человека в первой главе романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823).

...у генерала Симеича два года служил, у советника служил. — Генерал — обладатель одного из высших военных чинов (от II до IV класса) по «Табели о рангах». Под советником, судя по всему, имеется в виду человек, обладающий одним из высших чинов по статской службе, соответствующих генеральскому (от статского до действительного тайного советника, от II до V класса).

С. 115. *...всякие книги, журналы, ноты всякие...* — Книги и ноты — характерные принадлежности кабинета образованного человека. Ср. в повести А. Ф. Писемского «Виновата ли она?» (1855): «Мы вошли в довольно большую комнату, которая, видно, действительно была некогда богатым кабинетом... На огромном красного дерева столе лежали кипами бумаги, книги и ноты» (*Писемский А. Ф. Собр. соч. В 9 т. Т. 1. М., 1959. С. 215—216*).

...хорошие цыгары: пятьдесят рублей сотня. — Курить сигары — типичная деталь в бытовом поведении человека хорошего тона. Герой «Опыта о хлыщах» (1857) И. И. Панаева говорит: «...с хорошей сигарой ничто в свете не сравнится, я вам дам отличнейшую. Они, правда, дороги, мне обошлись рублей по двадцати за сотню; но ведь всё хорошее, к сожалению, дорого!» (*Панаев И. И. Избранная проза. М., 1988. С. 271*). Сигары были дорогим удовольствием, однако цена в пьесе Островского просто огромна. Хорошие сигары в сер. XIX в. могли обойтись примерно в 7 рублей за сотню (*Богданов И. Дым отечества, или Краткая история*

табакокурения. М., 2007. С. 65). У пытающегося произвести сильное впечатление роскошью героя Панаева сигары также стоят в несколько раз дешевле, чем у Недопекина. Возможно, Иван преувеличивает их стоимость.

С. 116. *Всё утро «Пчелу» читал!* — Имеется в виду газета «Северная пчела» (ред. Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч). Во время создания пьесы газета привлекала по преимуществу массового читателя невысокого культурного уровня и уступала в популярности, напр., «Московским ведомостям». Учитывая небольшой объём номера ежедневной газеты, читать её «всё утро» мог только малограмотный человек.

А где «Библиотека для чтения»? — Журнал «Библиотека для чтения» (ред. О.И. Сенковский), как и упомянутая выше «Северная пчела», к концу 1840-х гг. перестал привлекать внимание образованной читающей публики и практически не печатал значительных произведений в области художественной литературы и литературной критики. В качестве чтения малообразованных горожан «Библиотека для чтения» упоминается, напр., в повести А.Ф. Писемского «Степан Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» (1851; см.: *Писемский А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 135). Об интересующей Лисавского критике «Библиотеки для чтения», по значимому для Островского мнению Ап. Григорьева, было «нельзя говорить серьёзно» (Г. «Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». 1850 год. — № — XII // *Москв.* 1851. № 6. С. 270). Большая часть критических статей в журнале печаталась без подписи (ср. дальнейшие попытки Лисавского угадать автора).

«Где найдёшь не знаешь, потеряешь ~ водевиль Лисавского». — Название водевиля Лисавского намекает на любовь русских водевилистов к пословичным заглавиям, восходящим к жанру драматической поговорки¹. Возможно, первая половина названия восходит к повести П.М. Жукова «Быль молодцу не укора, или Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь» (М., 1849). «Шутка-водевиль» — устойчивое жанровое обозначение, употреблявшееся такими авторами, как Н.А. Некрасов («Актёр», 1841), Ф.А. Кони («Иван Савельич», 1835), П.Г. Григорьев («Сват в новом роде, или Поездка в Парголово», 1839). Жанровое обозначение водевиля обыгрывалось в «переделке с французского» Д.Т. Ленского «Маскарад в летнем клубе, или Ни то, ни сё для разъезда карет, не водевиль и не балет с куплетами и танцами» (1838). Вторая часть названия этого водевиля также близка к одному из компонентов названия второго водевиля Лисавского — «То же, да не то».

С. 118. *...отправляйся к Шевалье...* — Ресторан и гостиница Шевалье, находившиеся в Камергерском переулке, были популярны у столичных литераторов и образованной публики. У Шевалье останавливались, приезжая в Москву, Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович и А.В. Дружинин (*Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 340). Как место встреч аристократической молодёжи ресторан упомянут в 1-й главе повести Л.Н. Толстого «Казачья» (1863).

С. 122. *Атанде-с!* — От франц. attendez (подождите) — широко распространенное в России выражение, которое герой Островского употребляет неверно, выражая отказ.

С. 119. *«Один жених за троих, или То же, да не то».* — Название второго произведения Лисавского напоминает многочисленные названия пьес, распростра-

¹ См. подробнее: *Купцова О.Н.* Жанр драматических пословиц и творчество Островского // Щельковские чтения 2005: сб. ст. Кострома, 2006. С. 7—31.

нённые у русских драматургов, такие как «Жених в отставке, или Любовь всему научит» (1846) и «Жених чужой невесты, или Спасибо дядюшке, что умер!» (1847) П. П. Татаринова. Возможно, Островский помнил пьесу А. Я. Княжнина «Жених трёх невест» (1807).

Хоть он в рядах торгует плохо, / А лезет в кресла в первый ряд. — Каламбурные куплеты широко распространены в русском водевиле. Здесь обыгрывается многозначность слова «ряд», которое может обозначать и торговые ряды, где должен торговать Недопекин, и первый ряд кресел — одно из наиболее престижных мест в театре, где обычно располагалась аристократическая публика и редко бывали купцы.

Я все почти журналы выписываю. — Недопекин мог выписывать следующие крупные журналы: «Современник», «Отечественные записки», «Пантеон», «Библиотека для чтения» и «Москвитянин». Учítывая, что последний выходил 24 раза в год, за месяц герою пришлось бы прочитатъ 6 толстых книжек. Для малограмотного Недопекина это совершенно невозможно.

Да что там читать-то? Переводные французские романы? — Пытающиеся казаться светскими господами молодые люди выражают пренебрежение к русской литературе, действительно характерное для многих представителей высшего света (см., напр., повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи», опубл. 1837). Осуждение «светского» начала в русской литературе свойственно «молодой редакции» журнала «Москвитянин» (Зубков К. Ю. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М., 2012. С. 29—37). В журналах 1840—1850-х гг. часто печатались беллетристические сочинения таких авторов, как А. Дюма (отец), Э. Сю, Поль де Кок и др. Все они воспринимались как светские писатели, причём наравне с ними упоминался О. Бальзак¹. Упомянутая «Библиотека для чтения» известна неточными переводами.

С. 121. *Зелёные фракы носишь, просто гадость.* — Зелёный фрак мог быть форменным мундиром в государственном учреждении или учебном заведении (Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX вв. СПб., 2001. С. 191—326), но в качестве партикулярного платья воспринимался как одежда безвкусная. Его носит, напр., провинциальный помещик Флегонт Александрыч Тропачёв, персонаж комедии И. С. Тургенева «Нахлебник» (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 2. С. 114).

С. 122. *...завтракать в час, обедать в четыре. Все порядочные люди так делают.* — Поздний завтрак и обед согласуются с аристократическим распорядком дня, которому стремятся подражать герои пьесы: в столичном обществе было принято обедать в 4—5 часов (Лотман Ю. М., Погосян Е. А. От кухни до гостиной // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 306). Под завтраком, вероятно, имеется в виду второй завтрак, который обычно устраивался в полдень.

¹ См., например, о восприятии этих авторов В. Г. Белинским: Резник А. М. Белинский о Бальзаке // Учёные записки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. 33. Вып. филологический. 1953. С. 78—108; Кафанова О. Б. Бальзак и Жорж Санд в критической концепции Белинского // Текст и контекст: Русско-зарубежные литературные связи XIX—XX вв.: сб. науч. тр. Тверь, 1992. С. 13—24.

...спаржу, из дичи что-нибудь, лафиту хорошего. — Описываемое Лисавским меню соответствует второму завтраку, который обычно устраивался около часа дня. В XIX в. спаржа считалась блюдом недешёвым. Ср. в романе И. А. Гончарова «Обломов»: «Как вдруг этот барин... станет кушать вместо спаржи репу с маслом...» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб., 1997—2000 Т. 4. С. 427). Дорогой лафит входит в состав изысканного аристократического второго завтрака, описанного в «Очерке о хлыщах» И. И. Панаева (Панаев И. И. Избранная проза. С. 274).

С. 123. ...оттедова, откуличи... — Слова «оттеда» и «откулича» зафиксированы в словаре Даля (Даль. Т. 2. С. 738, 757). Первое из них бытует в различных диалектах современного русского языка и распространено в различных местностях (Словарь рус. нар. говоров. Вып. 24. Л.; СПб., 1989. С. 334). Вероятно, во времена Островского все перечисленные формы были распространены в московском просторечии.

Я видел вас, как вы сидели в ложе ~ К себе сердца и взоры привлекают. — Стихотворение Лисавского состоит из клише романтической поэзии. Образы фантастических существ, таких как феи и пери, встречаются в огромном количестве поэтических произведений (см., напр.: стихотворение В. А. Жуковского «Пери», 1831; поэму А. И. Подолинского «Див и Пери», 1827; стихотворение Е. А. Баратынского «Фея», 1829). В этом ряду сравнение дамы с Жизелью, главной героиней знаменитого балета «Жизель, или Вилисы» (1841; композитор А. Адан), вероятно, указывает на финал балета, где участвует тень героини. Выражение «сердца и взоры привлекают» почти совпадает с фрагментом из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817—1820): «...судьба послала дар / Обворожать сердца и взоры». Ситуация наблюдения за дамой, сидящей в театральной ложе, сама по себе является общим местом светской литературы и восходит, в частности, к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

С. 124. ...я, говорит, протестую. — Имеется в виду протест по векселю — требование вернуть долг.

...по доверенности матери. — Очевидно, Недопекин, являясь старшим мужчиной в семье, действовал по доверенности матери на управление принадлежащим ей имуществом.

С. 125. ...я старуху-то и в яму потяну. — Речь идёт о долговой тюрьме. Подробнее см. комментарий на с. 705.

Точно он физик какой галанский. — Выражение, вероятно, встречается только у Островского. Согласно словарю языка писателя, употребляется при разговоре «о чудном и жуликоватом человеке» (Словарь к пьесам. С. 223).

...этакий кортекол наденут. — КORTEKOL — слово, вероятно, встречающееся только у Островского. Согласно словарю языка писателя, употребляется при разговоре «о короткой, кургузой одежде» (Там же. С. 92).

С. 126. ...по роцам шампанское пьёт. — Речь идёт о гуляньях в Марьиной роще.

К. Ю. Зубков

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Впервые опубликовано в альманахе «Комета» (изд. Н.М. Щепкин. М., 1851. С. 427—468). Цензурное разрешение — 11 ноября 1850 г.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 7;

— авторизованная писарская копия (АПК) с существенной и обширной авторской правкой: ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 8. Текст рукописи близок к окончательному.

В прижизненные собрания сочинений не включался.

Печатается по тексту «Кометы» с исправлениями по АПК.

С. 129

^{13—14} *Вместо:* откроешься в любви... — откроешься ей в любви...

С. 130

³¹ *Вместо:* уж это рожа — уж это значит, что рожа

С. 135

²⁴ *Вместо:* пока ещё — пока ты ещё

С. 136

⁵ *Вместо:* размечтаешься — размечтаешься-то

С. 139

¹¹ *Ремарка:* (показывает на часы) — восстановлена.

С. 146

³³ *Вместо:* (показывает на Дружнина) — (Показывает глазами на Дружнина.)

С. 151

³³ *Вместо:* а должен быть — а должно быть

Судя по характеру рукописей, Островский написал пьесу довольно быстро, поскольку текст ЧА не претерпел существенной переработки и мало отличается от окончательного варианта. Главное изменение связано с именем одного из героев: первоначально фамилия Дружнин была записана как Дружинин.

Драматический этюд «Неожиданный случай» был закончен Островским в сентябре — октябре 1850 г. и вышел в свет вскоре после вызвавшей фурор комедии «Свои люди — сочёмся!». Естественно, что ожидания читающей публики в отношении молодого драматурга были завышены. Чувствуя это, Островский не без оснований опасался, что его новое, в некотором смысле экспериментальное произведение в непривычном для русского читателя жанре (драматический этюд) будет не понято и не одобрено критикой. «О своей пьеске я Вам вот что скажу, — писал он М.П. Погодину (конец апреля 1851 г.), разъясняя творческую задачу, — я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображённых мною; а так как в моём намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки (отчего и назвал этюдом). Если принять в соображение существующую критику, то я поступил неосторожно: как вещь очень тонкую, им не понять её, и они возьмут её со стороны формы, принимая в основание те шаткие и условные положения, которые выработались при нынешнем литературном разврате во французской и петербургской литературе. Не говорю уже о литературных жуликах» (ПСС-12. Т. 11. С. 33).

Опасения драматурга оправдались. Петербургские критики выразили не только недовольство опубликованной миниатюрой, по их оценке, безыдейной и художественно незрелой, но и разочарование в драматическом таланте Островского.

Наиболее полный разбор «Неожиданного случая» представил анонимный рецензент журнала «Современник». Категоричность его суждений в какой-то мере была обусловлена полемичными отношениями «Современника» и «Москвитянина» (в котором сотрудничал Островский) и, в частности, разногласиями критиков этих изданий в определении целей и значения художественного творчества. Сотрудники «Современника», восторженно принявшие комедию «Свои люди — сочтёмся!», считали недопустимым положительно оценивать художественное произведение, исходя лишь из способности его автора, стремившегося быть искренним в своих намерениях, верно копировать действительность. В контексте этой полемики была дана оценка последующим произведениям Островского, которые рецензент «Современника» заведомо воспринимал как пример чуждой и ложной художественной системы: «Что же значит эта теория искренности талантов? Не то ли, чтобы мы писали с натуры всё, что попадает под руку, не разбирая, есть ли в нём какое-нибудь значение или нет? <...> Островский может быть убеждён в искренности теории “Москвитянина” и в художественном значении своих этюдов; может находить в этих этюдах чистоту, и простоту, и художественную способность, не избалованную рассуждениями и сомнениями. Но что найдёт в этом вкус читателя образованного, вкус, не испорченный теориею, но утончённый чтением действительно художественных творений?» (Комета. Учёно-литературный альманах, изданный Н. Щепкиным. М., 1851 // *Совр.* 1851. № 5. Критика. С. 21). Начиная разбор произведения, критик заявил о желании найти в нём «хоть что-нибудь хорошее». Но в итоге пришёл к выводу о том, что в «Неожиданном случае» «всё составляет один большой недостаток». Главные претензии сводились к тому, что в пьесе не проявлены характеры, поступки героев слабо мотивированы, отчего создаются искусственные ситуации, действие замедлено, речь героев избилует художественно неоправданными повторами. Заметив у молодого драматурга «желание подделаться под манеру Гоголя», критик находит в грамотном подражании мастеру спасение «от той бесцветности», которую усмотрел в «Неожиданном случае». Говоря о ранее опубликованных сценах «Утро молодого человека», рецензент заметил, что, «копируя сцены Гоголя», Островский «не мог упустить одного чрезвычайно важного в художественном отношении обстоятельства: *места действия*, — и оно-то спасло эти сцены». И далее уточняет: «Совсем не то в “Неожиданном случае”. Здесь автор как будто отрешился от места действия: три действующих лица ведут между собой разговор, не обставленный никакими аксессуарами, которые хотя несколько пояснили бы нам, что это за лица. Читателю остаётся разуместь эти лица из их разговора. Что же можем мы уразуметь? Можем уразуметь, что “Неожиданный случай” есть, кажется, нечто вроде “Женитьбы” Гоголя, только наизнанку. Там Подколёсин, лёжа на диване, рассуждает, что надобно жениться — и в конце комедии не женится, напротив, убегает тайком, *через окно*; здесь Розовый, лёжа на диване, рассуждает, что ему нет никакой надобности жениться на Софье Антоновне — и в конце второй сцены предлагает Софье Антоновне свою руку, тайком, *за дверью!*» (Там же. С. 16). Невольно возникающая аналогия с гоголевской пьесой только подчёркивает, как считает рецензент, недостатки этюда Островского, плохо владеющего данной художе-

ственной формой: «Отвергнув картинность в своём этюде, он должен был сосредоточить все свои силы на разработке характеров, которые бы бросались в глаза своею отчётливою отделкою. Лица, выведенные им, должны были говорить сами за себя так же живо, как они могли бы говорить при обстановке. Их физиологические очерки должны были бы броситься в глаза, как картины, потому что отдельные сцены — не комедии, не драмы, где читатель заинтересовывается развитием характеров, действием их. Но лица, выведенные г. Островским в “Неожиданном случае”, не бросаются, да и не могут броситься в глаза, потому что эти лица ничтожны, характеры эти избиты. <...> Чтобы охарактеризовать ничтожное лицо, не нужно копаться в его ничтожной умственной и нравственной деятельности, а должно рисовать его теми штрихами, которыми прикасается он к миру действительному. У г. Островского лица эти, ничтожные по своей натуре, говорят ничтожности друг другу и в первой, и в последней сцене, потому что автор бесполезно трудится над самонадеянным их психологическим миром; начинают они вздорным разговором и кончают вздором. Какую же занимательность может найти в этом читатель? — спрашивает рецензент и приходит к заключению: — Он будет в этом видеть одну пародию на искусство Гоголя, который так мастерски рисовал лица, всегда нам встречающиеся... <...> Характеры эти не интересны, не новы: как же г. Островский, если он понимает художественность, задумал сделать их интересными без помощи *внешней жизни*?» (Там же. С. 17—18). В результате талант Островского был объявлен талантом «второстепенным», который, израсходовав на пьесе «Свои люди — сочтёмся!» все «внешние впечатления», в дальнейшем оказался неспособным к творческому отбору, обработке и обобщению «жизненного материала». По мнению критика, Островский «изучил жизнь одного сословия, изобразил её очень ясно; но как только он перешёл в другой кружок общества, у него не стало «ни наблюдательности, ни характеров, ни разговора». Если драматург «будет продолжать свои наблюдения только над психологическим состоянием лиц подобных Розовому и Дружнину, а не над *обществом*... его сцены будут одинаково бесцветны, потому что сам материал его наблюдений бесцветен» (Там же. С. 20). Таким образом, драматический этюд спровоцировал появление тех упреков, которые в более развёрнутой форме будут сопровождать всё дальнейшее творчество Островского: в неумении выстраивать драматический сюжет, в безыдейности творчества, в узости писательского кругозора.

Подобные замечания высказали критики журналов «Отечественные записки» (1851. № 5) и «Библиотека для чтения» (1851. № 6), выразившие негативное отношение к произведению, упрекая Островского в том, что изображённые им характеры представляют собой «предел пошлости, геркулесовы столпы её». «Когда бы дело касалось *только выбора пошлости*, как сюжета комедии, — развивает мысль рецензент, — тогда, пожалуй, можно было бы оградиться примером Гоголя, художественно изображающего пошлую жизнь; но дело касается не одного выбора: нужно, по словам “Москвитянина”, содержание, нужно, чтоб пошлость выражала идею. Где же она?» (Комета. Учёно-литературный альманах, изданный Н. Щепкиным. М., 1851 // ОЗ. 1851. № 5. Май. Критика. С. 7). Критик намеренно ссылается на сформулированные ранее в «Москвитянине» требования к комедии, проигнорировав при этом специфику этюдного жанра. Не обнаружив в представленной пьесе ни характеров, ни действия, ни серьёзного содержания, ни глубины мысли, ни

идеи, рецензент выносит ей суровый приговор: «Мы не видим идеала... Мы видим мелочь и мелочь, больше мелочи ничего здесь не видно» (Там же. С. 8).

И. И. Панаев на «Неожиданный случай» пишет пародию «Расстегаи. Драматический и психологический этюд» (*Совр.* 1851. № 6. Смесь. Современные заметки. С. 142—151), которая была выстроена по тому же принципу, что и пьеса Островского. Двое друзей, слабохарактерный чревоугодник с «редким сердцем» Лиловый и преданный ему «здравомыслящий» наставник Пюсовый, сначала долго обсуждают состояние здоровья обвешенного накануне Лилового и возможность позавтракать расстегаями, затем приходят к компромиссному решению съесть по одному расстегаю и, наконец, обедают, рассуждая о предназначении человека, «существа разумного», который «должен управлять своими страстями» и «гордиться тем, что он человек». Постепенно уступая слабости друга, Пюсовый лукаво признаётся ему: «О, я тоже слаб, слаб только в отношении тебя... Я не могу тебе ни в чём отказать» — и, доев расстегаи, уходит, позволив Лиловому оплатить счёт. «Не правда ли, сколько художественности в моих “Расстегаях”, сколько в них искренности и натуры? Боже мой, сколько искренности! Что перед этим драматическим и психологическим этюдом драматические сцены господина Гоголя?» — иронизирует Панаев в конце пьесы, продолжая скрытую полемику с «Москвитянином» (Там же. С. 151).

Непрекращавшиеся нападки на этюд Островского заставили его сторонников выступить в защиту драматурга. С ответом выступил в печати Ап. Григорьев, отметивший, что пародия Панаева «выставила» «собственные достоинства» пьесы, «ибо всё забавное в ней принадлежит г. Островскому» (*Г. Современник* (№№ 6 и 7) // *Москв.* 1851. Т. 4, № 15. Критика и библиография. С. 340).

Признавая своим долгом «устранить по крайней мере те несправедливые нарекания, которым подверглась эта пьеса», Е. Н. Эдельсон даёт свой ответ рецензентам, «с таким ожесточением» нападшим на новое произведение даровитого автора (Неожиданный случай. (Драматический этюд А. Н. Островского) // *Москв.* 1851. Т. III. Июнь. № 11. Критика и библиография. С. 333). Эдельсон акцентирует внимание на жанровой природе опальной миниатюры, изначально не предполагающей «чего-нибудь цельного, вполне замкнутого и старательно отделанного». В отличие от Панаева, Эдельсон признаёт за драматургом право брать для этюдных набросков различные по значимости явления жизни. При этом, как и в очерке, от художника «не требуется... ничего такого, что называется окончательной отделкой» (Там же). И, как бы полемизируя с Панаевым, призывающим писателя в процессе работы над произведением сделать точный отбор жизненного материала, игнорируя всё случайное и легковесное, Эдельсон утверждает: «Наконец нельзя же требовать, чтобы художник давал своё внимание только такому, что способно сильно и страстно увлечь его, не виноват же он, что получил от природы силу, которая не допускает его упустить из виду и такого смешного, на которое можно смотреть только с улыбкой, а такого много в жизни» (Там же. С. 334). Нарекания недоброжелателей Островского, как считает Эдельсон, продиктованы нежеланием принять и понять предлагаемую автором ситуацию, которая диктует свои законы драматического действия, допуская и медлительность в развитии сюжета, и раздражающие критиков повторы: «Нельзя, конечно, требовать, чтобы художник при виде безвредного смешного чувствовал то же

энергетическое чувство, какое проглядывает во всём его создании в изображении отвратительного, безнравственного и вредного. Нельзя также требовать, чтоб и в изображении, им сделанном, была та же беспощадная последовательность... то стремление, наконец, придать своему произведению сильное драматическое движение, какие являются у него в других случаях и суть ничто иное, как скрытое негодование» (Там же). «Никто, конечно, не станет утверждать, чтобы два главных лица в *этой* г. Островского были задуманы полно и цельно... никто не станет утверждать также, чтобы в пьесе было сильное драматическое движение, но зато *Розовый* и *Дружнин*, и то, что между ними происходит, дали возможность автору выставить в них много черт и движений, часто встречающихся в жизни, и выставить, надобно сказать, верно. Разумеется, надобно много присматриваться к людям, много жить *жизнью*, чтобы оценить психологическую ценность этих черт и движений». Признавая то обстоятельство, что «“драматический этюд” может быть вполне понятен только для немногих», Эдельсон горестно замечает: «Нам остаётся жалеть только, что эти немногие нашлись не между нашими критиками» (Там же. С. 336). Однако в целом справившись с «благородной» задачей «отыскать достоинства и там, где они не мечутся всем в глаза, хотя и открываются тому, кто даст себе труд внимательно взглянуть в произведение», критик признаёт, что «в сказанном значении *для немногих* заключается один из главных недостатков “Неожиданного случая”». Не говоря уже о том, что не всякий обязан вдумываться в предлагаемое ему произведение, отыскивать в нём достоинства» (Там же). Не соглашаясь с рецензентами, которые упрекали драматурга в том, что изображённые им характеры главных героев представляют собой «предел пошлости» при отсутствии идеи, Эдельсон находит «другой недостаток драматического этюда», заключающийся «не в том, что характеры Розового и Дружнина пошлы, какими они и быть должны, но в том, что они не вполне живые и конкретные лица, но представляют довольно бледные сочетания хотя и верных психологических замечок автора» (Там же). Защитное слово Эдельсона завершается доброжелательным высказыванием в адрес драматурга, который «выиграл бы в общественном мнении, если бы напечатал не *этюд*, но целое драматическое произведение»: «...но всё-таки и в настоящем случае мы получили несколько хорошего» (Там же).

«Характерами без лиц» назвал главных героев пьесы и анонимный критик «Современника» в рецензии на альманах «Комета»: «Что ж сделалось с талантом, который, выйдя из своей колеи, представляет характеры: Лисавского, Недопекина, Розового, Дружнина, Марьи Андревны и Анны Петровны, которые, вместе взятые, образуют какое-то тусклое пятно, бледное и бесхарактерное, закрывающее цветущие здоровьем лица Большова, Подхалюзина, Тишки?» (1851. № 5. Отд. III. С. 19). В этом единственном суждении, касающемся оценки «Неожиданного случая», представители двух противоборствующих изданий оказались солидарны.

Спустя ещё три года, в 1855 г., в статье «О комедиях Островского и их значение в литературе и на сцене» (*Москва*. 1855. Т. 1, № 3. С. 97—118) Ап. Григорьев дал более взвешенную оценку «Неожиданному случаю», откровенно иронизируя над «болезненным состоянием» русской критики, оскорблённой и раздражённой литературными опытами самобытного писателя: «“Неожиданный случай” встретила она насмешками и пародиями за бесцветность, по её мнению, выведенных характеров, за слабость пружин,двигающих их отношения между собою, за

ничтожность самого узла, завязавшего эти отношения, т. е., — в переводе на прямой язык, — осердилась на то, что отношения, сами по себе лёгкие, поэт очеркнул легко, характеры безосновные изобразил в их безосновности... Пародия, явившаяся на этот лёгкий и грациозный очерк, которому, впрочем, ни автор, ни мы не придаём особого значения, выставила ясно, какой грубости и резкости представления требует критика...» (*Григорьев А. А. Собр. соч.: в 14 т. / под ред. В. Саводника. М., 1915—1916. Т. 11. С. 10*).

При жизни драматурга пьеса не игралась на сцене и впервые была поставлена в Александринском театре 1 мая 1902 г. в бенефис суфлёров и вторых режиссёров. Роли исполняли: Розовый — Р. В. Аполлонский, Дружнин — А. А. Кидаль, Софья Антоновна — В. А. Мичурина-Самойлова, Маша — А. П. Селезнёва.

С. 131. ...встретил её на Кузнецком Мосту... — См. комментарий на с. 707.

С. 133. *Да ты вот что попробуй: ты прикинься разочарованным.* — Дружнин предлагает своему другу принять роль в духе модного тогда печоринства (см. роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»).

С. 150. *Нет ли у вас аршинчика?* — Аршин (уменьш. аршинчик) — устаревший инструмент для измерения длины, представлявший собой линейку длиной в аршин (71,12 см) с нанесёнными на неё делениями (вершками). В России входит в обиход со второй половины XVI в., когда аршин становится основной мерой длины в торговле и промышленности, вытеснив ранее популярную меру длины — локоть. Однако вплоть до конца XIX в. длина аршина не была зафиксирована законодательно, измерение производилось приблизительно (отсюда: «мерить своим аршином»). Только 4 июня 1899 г. «Положением о мерах и весах» аршин был узаконен в России в качестве основной меры длины.

С. 151.....*меряет шнурком.* — Шнурок — шнурок.

Е. Н. Белякова

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

Впервые опубликовано отдельным изданием (Бедная невеста. Комедия в пяти действиях А. Островского. М., 1852), цензурное разрешение — 1 января 1852 г., и почти одновременно — в журнале «Москвитянин» (1852. № 4. С. 259—384), цензурное разрешение — 19 февраля 1852 г.

Первоначально пьеса имела подзаголовок «Суженого конём не объедешь», который Островский снял при подготовке текста комедии, значительно его переработав, для первого собрания сочинений в 2-х томах, вышедшего в 1859 г. в издании Г. А. Кушелёва-Безбородко.

Рукописные источники:

— черновой автограф первоначального текста (ЧА₁): РГБ. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 3;

— черновой автограф (ЧА₂): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 13—86;

— авторизованная писарская копия (АПК): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1—12 об.

Печатается по тексту издания: *А. Н. Островский. Сочинения. Т. 1—2. СПб.: Изд. гр. Г. А. Кушелёва-Безбородко, 1859. Т. 1. С. 147—274 — с исправлениями по журналу «Москвитянин».*

С. 167

⁸ *Вместо:* у вас лучше — у вас есть лучше

С. 181

²¹ *Вместо:* так хлопочет — там хлопочет

²² *Вместо:* одеться — одеваться

С. 208

²⁴ *Вместо:* Разговаривают с Платоном Маркычем. — Разговаривает с Платоном Маркычем.

С. 226

^{23—24} *Вместо:* Барышни прислали — Барышня прислала

С. 227

¹ *Вместо:* Говорит, пошел вон! — Говорят, пошёл вон!

³⁰ *Вместо:* не жаль? — и не жаль?

«Бедная невеста» была начата драматургом летом 1850 г. и уже 31 октября прочитана М. П. Погодину. Первые отклики на фрагмент из ещё не завершённой комедии (д. I, явл. 1—3 в первой редакции), напечатанный в феврале 1851 г. в сборнике «Раут» (Раут. Литературный сборник в пользу Александрийского детского приюта. М., 1851. С. 206—211), прозвучали в полемично настроенных по отношению друг к другу журналах «Москвитянин» (1851. № 9/10) и «Современник» (1851. № 5).

Критик «старой редакции» «Москвитянина» М. А. Дмитриев сдержанно заметил, что «по одному отрывку, и притом столь небольшому... довольно трудно сделать заключение о достоинствах комедии», подчеркнув при этом живость и комизм её языка — «качества, и всегда придающие большое достоинство всякой комедии, но которые как-то особенно заметны в таком альманахе, где язык некоторых драматических произведений не блещит живостью, и где некоторые комедии отличаются комизмом немножко во вред автору» (*Л. Л. Рецензия: Раут. Литературный сборник. М., 1851 // Москв. 1851. Т. 3, № 9/10. Критика и библиография. С. 154—155*).

Рецензент «Современника» был настроен более критично. Негативно оценив «Утро молодого человека» и «Неожиданный случай» как слабые в идейном и художественном смысле пьесы, он произносит приговор и «Бедной невесте»: «Всё то, что составляет недостаток “Неожиданного случая”... всё здесь является в размерах громаднейших. Ничтожность лиц Марьи Андреевны и Анны Петровны так же велика, как Розового и Дружнина; но ничтожность разговора доведена до того, что вся беседа между этими лицами ограничивается одним восклицанием Анны Петровны: “нейдёт Иван Дмитрич, — да и только”, и беспрестанными спросами: “где мой чулок, где мои очки?”. Выразив сомнение в творческом таланте драматурга, критик характеризует представленный на суд публики отрывок из комедии как «такую вещь, которую нельзя иначе назвать, как слабою попыткою написать сцену в том роде, как пишет Гоголь». (Комета. Учёно-литературный альманах, изданный Н. Щепкиным. М., 1851 // *Совр. 1851. № 5. Отд. III. С. 18*).

К моменту появления этих откликов Островским были закончены два первых действия, о чём он сообщает в письме к Погодину от 7—10 мая 1851 г. Летом этого же года завершена работа над первой редакцией комедии (письмо к М. П. Погодину от начала сентября того же года). Но после негативных отзывов критиков на сцены «Утро молодого человека», этюд «Неожиданный случай» и опубликованный отрывок из «Бедной невесты» Островский стремится взять реванш и «выступить с чем-нибудь важным, совершенно доделанным» (*ЛСС-12*. Т. 11. С. 38), в связи с чем возобновляет работу, казалось бы, над уже законченной пьесой.

Первые варианты пьесы, из которых до нас дошли два плана и неполная черновая рукопись (*РГБ*), заметно отличаются от окончательной редакции. Из сохранившихся рукописных материалов видно, что Островский писал сцены «в разбивку, а не по порядку» (*Кашин*. С. 50).

Более поздние рукописные варианты пьесы (*ИРЛИ*) близки к первопечатному тексту (*Москв.* 1852. № 4). Этот автограф значится как беловой, тогда как на самом деле он включает в себя авторизованную писарскую копию 1—10 явлений I действия (Л. 1—12 об.) и черновой автограф, отражающий различные стадии работы Островского над пьесой (Л. 13—86). На л. 13—24 об. содержатся фрагменты V действия (Л. 13—16); несколько вариантов I и II действий (Л. 17—24 об.). Л. 25—86 представляют собой полный текст комедии с обширной авторской правкой, исключая, по-видимому, утерянные, некоторые сцены III и IV действий (Л. 25—86).

Изначально конфликт комедии и характер Марьи Андреевны Незабудкиной чем-то напоминали первое действие комедии «Свои люди — сочтёмся!» Как «Свои люди...» открывались монологом Липочки, так, по одной из авторских версий, и «Бедная невеста» должна была открываться монологом Машеньки, тоскующей о лучшей жизни. Образ главной героини, которая именуется у Островского то Машенька, то Маша, то Марья Андреевна, заметно эволюционировал. В более ранних вариантах текста пьесы ей присущи резкие, несколько легковесные или слишком вольные высказывания, особенно напоминающие незатейливую Липочку. Основная проблема произведения заключалась в разногласии двух поколений, матери и дочери, в решении значимой семейной ситуации. С присущими ей «современными» взглядами на жизнь и, в частности, на брак, но будучи бесприданницей, главная героиня отстаивала своё право на счастье, понимаемое прежде всего как право на свободный выбор будущего мужа, соответствующего её личным достоинствам и требованиям. В ранних вариантах пьесы количество предлагаемых Марье Андреевне женихов больше, чем в окончательной редакции (их, по крайней мере, двое: один рекомендован Добротворским¹, другой — купец Белугин Пуд Савич — найден самой Анной Петровной), хотя образы свах отсутствуют². Очевидно, что

¹ В первоначальных вариантах рукописи: *Добротворовым*.

² Н. П. Кашин, изучив черновые наброски пьесы, так описал историю её создания: «Задумав комедию “Бедная невеста”, Островский пишет план её, согласно которому среди действующих лиц не было Хорьковых, не появлялись на сцене свахи, вместо одного жениха — два: один, рекомендованный Добротворским (в плане Добротворовым) и не имевший ещё никакой фамилии, другой — купец, найденный самой матерью невесты. Предмет увлечения бедной невесты носит фамилию Зорич. <...> Быть может, когда автор приступал к работе над первым явлением II-го действия, ему пришла в голову мысль ввести в комедию новые лица, Хорьковых, и тогда был составлен новый, второй план комедии. Согласно этому плану в комедию, как только что было упомянуто, введены Хорьковы, оставлена мысль о двух женихах, при-

тема сватовства (и связанных с ним метаний главной героини) предполагалась в качестве ведущей. Н. П. Кашин справедливо отмечает, что в первых вариантах пьесы о какой-либо тяжбе ещё «не было и речи, Добротворский являлся неожиданно для Анны Петровны в качестве свата» (Кашин. С. 87).

Приступив к написанию II действия пьесы, Островский составляет новый план и перерабатывает написанное ранее. Именно на этом этапе среди действующих лиц появляются мать и сын Хорьковы (Хорькова в черновиках почти везде именуется Ариной Егоровной) и остаётся один жених Беневоленский, представленный с большой долей авторской иронии. П. Безобразов, один из первых исследователей творчества драматурга, писал: «Между первоначальным планом и комедией, как мы её читаем в собрании сочинений Островского, разница довольно значительная. Хорьковы совсем не упоминаются и должно быть не предполагались объяснения в любви Хорькова с Марьей Андреевной. Свахи не появлялись на сцене, но вместо одного жениха (Беневоленского) во втором действии должны были фигурировать целых два — Беневоленский, рекомендованный Добротворским, и ещё какой-то купец, отысканный матерью героини. По окончательной редакции, в первой же сцене между Марьей Андреевной и Меричем происходит объяснение в любви (явл. 7-е, действ. 2-е); по первоначальному плану, этому предшествовало полупризнание молодых людей, сцена, названная Островским лёгкою... Опушено в напечатанном тексте кокетничанье Марьи Андреевны с Милашиным, и вообще героиня должна быть представлена более легкомысленной и ветреной. По крайней мере пометки Островского на первом месте рукописи “повесть — любовь порочной женщины”¹ не совсем идёт к тому типу, который он представил нам в “Бедной Невесте”» (Безобразов П. Рукописи Островского // ИВ. 1890. № 2. С. 351—352).

В характере бедной невесты во всех ранних вариантах текста неизменными остаются мечта героини о любви и несогласие с её настоящим положением. Марья Андреевна видится автору героиней более бунтующей, чем смиренной, проявляющей жёсткость не только в высказываниях, но и в поступках. Так, Анне Петровне, уговаривающей дочь присмотреться к Хорькову, она ставит условие: «Маменька, я ведь вам сказала, что через год пойду замуж, и вы мне обещали и не напоминайте мне об этом. Через год мне будет ровно 20 лет, тогда и будем говорить о женихах» (ЧА. Л. 31).

Однако развитие характера главной героини предполагало углубление её рефлексии. Марья Андреевна должна была не только осознать своё положение, но и трезво оценить характер собственных действий и намерений. Подробно изучив

чём рекомендованный Добротворским жених везде носит фамилию Беневоленский» (Кашин. С. 115).

¹ Согласно замечанию Н. П. Кашина, «эта заметка не только “не совсем идёт, по словам г. Безобразова, к тому типу, который он (Островский) представил... в “Бедной Невесте”, но даже не подходит и к тому, как обрисовывался этот тип в первоначальных набросках: и там в личности Марьи Андреевны нет ничего порочного, если не понимать слово “порочный” в смысле “легкомысленный”. Таким образом, если только эта пометка имеет какое-нибудь отношение к комедии в смысле указания на сюжет её и характер героини, приходится допустить, что у... драматурга было первоначально в плане придать героине совершенно иной характер, характер “порочной” женщины, но этот план или был сознательно очень скоро оставлен автором или же не удался, так как в характере Марьи Андреевны нет ничего подобного» (Кашин. С. 78).

черновой автограф пьесы, Н. П. Кашин утвердился в мысли, что подобная эволюция образа полностью определялась изначальным авторским замыслом, но не сразу нашла соответствующее ей художественное решение (см.: *Кашин*. С. 107—109).

Продолжая работу над «Бедной невестой», Островский пишет третий план — «Расположение комедии», предполагающий новые изменения в предыдущем варианте текста. Именно в этой редакции появляются сцены со сватами, в V действие включается монолог Марьи Андреевны, несколько изменяется образ Беневоленского, приобретающего черты «делового» человека.

Постепенное изменение авторского замысла в процессе написания пьесы особенно отразилось на трансформации характеров главных героев. Помимо образа главной героини, существенные корректировки были сделаны в портретах Мерича, Хорькова, Милашина.

Очевидно, что образу Мерича, именуемого в рукописях также Зоричем и Моричем¹, отводилась в пьесе особая роль. Он должен был оказаться единственным воплощением девичьей мечты о любви. Во всех рукописных вариантах только с ним связаны все переживания Марьи Андреевны. Образ разочарованного героя, подобного лермонтовскому Печорину, действительно культивируется в рукописных вариантах. Некоторые диалоги влюблённых героев имеют философский характер, что отсутствует в окончательной редакции пьесы. Марья Андреевна из несколько легкомысленной девушки (ранние варианты текста) превращается в весьма развитую натуру, способную поставить на место развязного Беневоленского или парировать высокопарные реплики Мерича.

Особенно отчётливо в черновиках звучит тема гордости — качества, присущего не только гордо одинокому, отринутому обществом Меричу, но и другим представителям молодого поколения. Так, Милашин, зная о чувствах Марьи Андреевны к Меричу, торжественно заявляет: «Во мне довольно твёрдости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь» (*Ча*, Л. 5). Сама Марья Андреевна в последнем разговоре с Меричем также признаётся: «Я горда, Владимир Васильевич, и не покажу вам своих страданий...» (Там же. Л. 13).

Заметно изменяется в рукописях образ Хорькова. Изначально он предстаёт героем, наиболее понимающим ситуацию. В мечтах своих он готов не только дать счастье Марье Андреевне, но и развить её ещё «ребяческую душу». Именно ему в пьесе была отдана роль предостерегающего наставника, словам которого Марья Андреевна сначала сопротивлялась, но, разуверившись в Мериче, с сочувствием прислушивалась.

По замечаниям современников, многие лица пьесы имели вполне определённых прототипов. Называлась, в частности, семья Коршей, в которую одно время были вхожи Ап. Григорьев и молодой Островский. В неопубликованных воспоминаниях В. А. Григорьева (внука Ап. Григорьева и Л. Н. Корш) выражена именно эта точка зрения: «...З. Ф. Корш, между прочим, обрисована А. Н. Островским в драме “Бедная невеста” в лице главной героини, Марьи Андреевны. По-видимому, автор хотел показать отчасти предмету своего увлечения предстоящую судьбу, обрисовав яркими чертами безвыходное положение бедной девушки в условиях тогдашней русской жизни. Действующие лица драмы в значительной степени списаны с нату-

¹ Н. П. Кашин фиксирует только два варианта имени героя: Зорич и Мерич.

ры. ...В Хорькове изображён сам автор, в Милашине — Т. И. Филиппов. Беневоленский, Добротворский, Мерич — всё это живые люди из числа тех, кого Островский встречал в семье Корш, частью в других местах» (*Лакшин В. Я. А. Н. Островский. М., 2004. С. 274; В. А. Григорьев. Тени минувшего. Рукопись // РГАЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 357*).

Того же мнения придерживался и современник А. Н. Островского — писатель С. В. Максимов, комментируя воспоминания которого, А. И. Ревякин замечал: «Вполне возможно, что З. Ф. Корш послужила прототипом для образа Марьи Андреевны в “Бедной невесте”: семья Корш, как и Незабудкины, жила на пенсию отца, вдова проф. Корша искала для своих детей состоятельных женихов» (*Восп. С. 531*). Как считает Максимов, стихотворение «К ней», написанное драматургом для одного из поэтических вечеров, обращено к Зинаиде Корш, представленной также в образе главной героини комедии «Бедная невеста»: «Она» стихотворения Островского и его увлékшегося сердца принадлежала к интеллигентной семье, и в комедии, по толкованию её же комментаторов, оказалась в семье небогатого чиновника под именем Марьи Андреевны. Находилась “она” в очень сложных условиях жизни, как и дочь вдовы Незабудкиной. Вообще на “Бедную невесту” будущим комментаторам придётся обратить особое внимание, тем более что это одна из ранних пьес писалась под впечатлением ближайшей среды, когда горизонт мировоззрения автора ещё не развернулся в полную мощь и сумма наблюдений не была ещё настолько богата, как впоследствии. При обобщении характерных черт действующих лиц комедии свободно и естественно могли подвернуться те, которые присущи некоторым друзьям автора, может быть, из его же кружка, как, например, Милашин, и, кроме того, конечно, случайные знакомцы, хотя бы по кратковременной службе автора в одном из московских присутственных мест (каковы старый стряпчий Добротворский и служащий чиновник Максимка Беневоленский). В Хорькова вложены те общие субъективные черты, которые присущи робким и бесхарактерным людям коренного русского склада, ударяющимся при роковых неудачах в загул, но вовсе нет надобности искать здесь какого-то ответа коварной изменнице от страстно влюблённого и отвергнутого поклонника» (*Восп. С. 107*). Максимов находил черты Беневоленского в профессоре Н. И. Крылове, муже одной из сестёр семейства Коршей (Там же). Эта точка зрения признана вполне вероятной В. Я. Лакшиным (см.: *Лакшин В. Я. А. Н. Островский. С. 268*). А вот образ Хорькова, по мнению исследователя, сочетает в себе черты самого автора и Ап. Григорьева, поскольку «история несчастной, неразделённой любви, намеченная в “Бедной невесте” в отношениях Хорькова и Марьи Андреевны, напоминает молодой роман Ап. Григорьева». «Образ Хорькова, по-видимому, получил какую-то закуску от Ап. Григорьева, — резюмирует В. Я. Лакшин, — но не исключено, что в нём отразились и автобиографические черты» (Там же. С. 272, 273).

Е. Н. Белякова, И. А. Овчинина

Островский обещает М. П. Погодину отдать пьесу в журнал «Москвитянин», где уже сентябрьском номере она была анонсирована (*Москв. 1851. Т. 5, № 17. Смесь. С. 299*). Однако 2 ноября 1851 г. драматург пишет Погодину: «Комедия моя позамешкалась несколькими днями, потому что я слышал комедию Писемского <“Ипохондрик”> и нашёл нужным свою подкрасить несколько, чтобы после

не краснеть за неё. Меня мучает ужасно переписка её...» Ознакомившись с новым вариантом текста, издатель «Москвитянина» делает несколько существенных замечаний, высказанных в письме к Островскому, предлагая автору «Хорькова сделать лучше кандидатом из семинарии, а не универ<ситета>»; «мотивировать, хоть одним словом, пояснее, почему Мар<ья> Андр<еевна> приняла Мерича в день свадьбы», а также «почему тот пришёл к ней»; «разговор свах... отделать получше в конце»: «он должен изобразить всю трудность положения по идее их». В качестве недостатков пьесы Погодин называет медлительность действия в диалоге Марьи Андреевны и Мерича в день свадьбы («слишком длинен разговор и останавливает действие»), недостаточную мотивацию поведения невесты («странно или непонятно ей хотеть расстаться с друзьями»), непродуманность расположения некоторых частей и отсутствие финала (*Неизд. письма*. С. 422).

Сделав в очередной раз некоторые добавления и сокращения, Островский передал комедию Погодину 31 января 1852 г. с намерением «получить калым» за неё, о чём он сообщил в письме от 30 января. Но ещё в декабре 1851 г. драматург прочёл пьесу у себя дома для друзей, а через несколько дней — в кружке гр. Е. П. Ростопчиной, которая писала Погодину: «“Бедная невеста” — картинка и этюд самого нежно-отчуждённого фламандского рода... Характеры просты, обыкновенны даже, но представлены и выдержаны мастерски; девушка мила и трогательна до крайности, но, может быть, не вдруг и не все поймут это произведение, которое, впрочем, займёт своё место. — У Островского комизм граничит всегда с драматическим элементом, а смех переходит в слёзы: хоть тяжело — но не оставляет озлобления» (*Барсуков*. Т. 11. С. 392—393). «Приятное впечатление» произвела комедия и на присутствовавшего на чтении С. П. Шевырёва, который в письме к М. Погодину высоко оценил дарование Островского и выразил надежду, что «это произведение рассеет все нелепые слухи, которые были на его счёт»¹. «Мне кажется, — продолжает автор письма, — многие характеры здесь схвачены глубже из жизни — и приятно видеть то, что автор идёт вперёд в понимании жизни и искусства...» (Там же. С. 392). «Когда слух об успехе Островского достиг Костромы, то Писемский, в самый день Рождества 1851 года, писал Погодину: “Сейчас получил письмо от Островского... Радуюсь его успеху и заочно восклицаю: Ура!!!”» (Там же. С. 393). Собственное суждение о пьесе Писемский изложил в личном письме драматургу от 21 декабря 1851 г.: «Комедию вашу я прочитал с неистовым удовольствием и нахожу, что она не только не уступает “Свои люди — сочтёмся!”, но даже выше, потому что комизм её тоньше, задушевнее — выведенные лица до того живы, что мне снятся во сне. <...> Последнее действие написано шекспировской кистью» (*Неизд. письма*. С. 346).

Подобные отклики сформировали настроение читающей публики не только в Москве, но и в Петербурге, где, по свидетельству Г. П. Данилевского, «с нетерпением», «в тревожном ожидании» готовились к знакомству с новой комедией (*Барсуков*. Т. 12. С. 210).

В том же номере «Москвитянина», где была представлена «Бедная невеста», печаталась последняя часть статьи Ап. Григорьева «Русская литература в 1851 году»,

¹ Речь идёт о публичном обвинении А. Н. Островского актёром Д. А. Горевым-Тарасенковым в присвоении драматургом авторских прав на пьесу «Свои люди — сочтёмся!», которая якобы написана в соавторстве с ним.

в заключение которой критик сообщал читающей аудитории о публикации комедии и прогнозировал неременный успех новому произведению талантливого автора: «От кого именно ждём мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: “Бедная невеста” предстоит суду публики, и смешно было бы нам, из какого-то особенного рода журнального рыцарства, отрицаться от того, что в этом новом произведении автора комедии “Свои люди — сочтёмся” мы видим новые надежды для искусства» (*Москв.* 1852. Т. 1, № 4. Критика и библиография. С. 108). Отдавая статью в «Москвитянин», Ап. Григорьев обращается к М. Погодину с просьбой, «чтобы окончательный её вывод сохранился в целости», и добавляет: «Знаю, что скромность Александра Николаевича будет против этого вывода, но ведь всякий из нас в нашем же журнале скажет своё слово о “Бедной Невесте”, то есть каждый с своей точки зрения поклонится ей, как гениальному созданию мастера» (*Барсуков.* Т. 12. С. 210). Эти слова, звучащие как заклинание единомышленников поддержать новое явление в литературе, оказались как нельзя кстати, поскольку надежды на безусловный успех пьесы не вполне оправдались.

После публикации комедия на долгое время стала предметом критических откликов и разборов. Резко отрицательно отозвался о ней актёр и драматург Д. Т. Ленский в письме к Ф. А. Кони: «Что за люди! что за язык!.. Разве только в кабаках, да неблагопристойных домах, так говорят и действуют!.. <...> Сцена ведь не площадной рынок или не задний двор, где навоз валят и помои выливают... Ох уж эти юные гении, карикатурные подражатели великого мастера Гоголя!» (*Русский архив.* 1911. № 11. С. 371).

Сдержанно к пьесе отнёсся и В. П. Боткин, заметивший, что хотя «комедия Островского... есть самое замечательное литературное произведение», но в целом на ней «лежит какой-то холодный и сухой колорит и, несмотря на дагерротипную меткость и верность языка, постоянно чувствуется бедность фантазии». Критик оценивает пьесу лишь как «произведение большого, почтенного труда, а не творчества»: «Если во всём этом иметь в виду только намерение автора, то надобно сказать, что пьеса очень умно задумана и могла бы быть *трогательна*» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1861—1869. М.; Л., 1930. С. 22—25).

Первые газетные публикации также характеризовали комедию в негативном ключе. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» иронизируют над надеждой Ап. Григорьева услышать новое слово от Островского: «При только что понесённой невозвратимой утрате в современной литературе, — замечает рецензент, имея в виду недавнюю смерть Н. В. Гоголя, — нельзя не пожелать искренне, чтобы новое сильное слово сказалось скорее... но “Бедная невеста” не может служить в этом ручательством» (*Московская летопись // СПбВед.* 1852. № 52. 4 марта. С. 211).

Отрицательную оценку комедии даёт Н. Матвеевский: «Что за удовольствие видеть проблески таланта, тогда как мы видали прежде талант в полном его блеске?» По мнению критика, «стремление автора произвести впечатление никак не достигает своей цели», а «немногие красоты так заморожены множеством скучного, лишнего, бесцветного, обличающего незрелость таланта, что эффект хорошего почти пропадает» (*Н. М. Фельетон. Заметки // СПбВед.* 1852. № 63. 16 марта. С. 253). Рецензент сравнивает «Бедную невесту», содержание которой «небогато вымыслом», с гоголевским «Ревизором», где вымысла не больше, но есть отсутствующая у Островского связующая мысль, составляющая «жизненный элемент

драматического произведения» (Там же. С. 254). Слабыми местами пьесы критик считает общую растянутость действия и недостаточную разработанность характеров героев, в которых видны «не идеалы, а копии с натуры, по временам даже безжизненные» (Там же. С. 255).

Корреспондент «Пантеона» откликнулся на новую комедию короткой заметкой, направленной, скорее, не против Островского и его последнего произведения, а против литературной политики «Москвитянина» в целом: «Звездой первой величины не только над литературными статьями “Москвитянина” с сентября 1851 года, но и над всеми статьями того же отдела когда-либо в “Москвитянин” помещёнными, по его же собственному мнению, сияет комедия г. Островского “Бедная невеста”» (Беглый взгляд на главные события московской жизни с сентября 1851 г. // *Пантеон*. 1852. Т. 2. № 3. Отд. IV. С. 3). В следующем номере журнала рецензент пишет: «Тут драма каждого дня, — слёзы, которых родник не иссякает. Сознывая это, автор не пошёл искать ни хитрой обстановки своему сюжету, ни так называемых замечательных подробностей; ни в наших искусственных ухищрениях не имел он надобности; об эффектах, натяжках и тому подобных и не мыслил: всё просто и истинно. <...> Как художник совестливый, г. Островский имеет дело только с жизнью: фантомы, фантазмагии, вывесочные чувства, сухие отвлечения, хотя бы с нравственною целью — все эти изобретения поставщиков ощущений, непонятных нормальному человеку, может быть и производящих какие-нибудь ощущения в тех несчастных субъектах, для которых предназначаются, и относящиеся к искусству, как относятся косметические составы к медицине или каллиграфические прописи к нравственности — все эти риторические фигуры пренебрегаются им. ...Зная жизнь и глядя на неё трезво, он потрясает все здоровые струны человеческой природы» (Московский вестник. Письмо к редактору // *Пантеон*. 1852. Т. 2, № 4. Отд. IV. С. 3—4). Отметив, что лица Беневоленского, Хорьковой, Добротворского, Незабудкиной-матери выведены прекрасно, лица же Хорькова, Милашина и Мерица «бледнеют поневоле перед большею оконченностью первых», а две савхи и служанка «схвачены верно, но местами чересчур лагерротипно», рецензент основное внимание сосредотачивает на образе Марьи Андреевны Незабудкиной. По его мнению, характер главной героини страдает неопределённостью: «Сама же героиня, бедная невеста — вся как будто в тумане. Автору непременно нужно было вознести её над старухой Незабудкиной, показать, что она сознаёт всё ничтожество Милашина, и всю безнравственную пустоту Мерица, и грязную натуру Беневоленского: это было необходимо, потому что без того не было бы процесса её борьбы, — без этого процесса не было бы и всей драмы!.. А на деле выходит не так: отношения бедной невесты к кругу, в котором она вращается, определены весьма неясно, — читатель не видит ни начала её сознания, ни достаточной её причины. <...> Самый патетический момент драмы — минута решимости девушки пожертвовать собою — создан очень удачно; чрезвычайно хорошо также явление Хорькова, убитого, пьяного, растерянного — и его обращение к приговорённой жертве; но нельзя сказать того же обо всём патетическом элементе целой драмы: слабость этой стороны произведения г. Островского опять тоже натуральное следствие неопределённости главного лица — бедной невесты» (Там же. С. 4—5). Рецензент отмечает новаторство Островского, проявившееся в V акте, который «представляет что-то вроде древних хоров — впечатление... новое» (Там же. С. 5). Главными недостат-

ками комедии названы общая растянутость действия, микроскопическая (нехудожественная) наблюдательность автора, натурально-эпический фон. Достоинствами произведения автор статьи считает жизненность идеи и живость представленных лиц, с той оговоркой, что «не всегда жизнь развита одинаково», поскольку пьеса написана неровно и не соблюдены пропорции в её построении.

С большой долей сочувствия отозвался о пьесе в «Письме иногороднего подписчика о русской литературе» А.В. Дружинин (*БдЧ*. 1852. Т. 112, № 4. Смесь. С. 203—212). Однако в своей публикации критик не столько рецензирует новое произведение Островского, сколько осмысливает место и роль молодого драматурга в современной литературе. Предваряя разбор комедии, Дружинин заявляет, что смотрит «на это произведение не теми глазами, которыми привык смотреть на все драматические и беллетристические произведения, являвшиеся в... журналах» (*Дружинин А.В. Собр. соч. Т. 6. С. 636*). Признавая «Бедную невесту» замечательным явлением современной драматургии, критик подчёркивает, что вовсе не содержание является главным достоинством пьесы: «...здесь главное дело не в замысле, а в подробностях. Верность большей части характеров изумительна, сцены придуманы ловко, каждое лицо говорит своим языком, языком живым, истинным и увлекательным. <...> Но чтобы вполне познакомить читателя с достоинствами г. Островского, пришлось бы выписать половину всей комедии. Объяснение Марьи Андреевны с Хорьковым, её прощание с Меричем, представление Беневоленского, все речи Милашина, разговоры свах и старухи Хорьковой с Анной Петровной, наконец свидание Дуни с Беневоленским, — все эти прекрасные места верны как нельзя более и поминутно переносят нас в мир, избранный автором “Бедной Невесты”» (Там же. С. 638). Содержание же пьесы, по мнению Дружинина, «чрезвычайно просто», что является скорее недостатком, нежели достоинством комедии, поскольку, «лишая своё творение драматического разнообразия и интереса, автор сделал его почти неудобным для представления» (Там же. С. 637). Дружинин предсказывает: «Комедия “останется”. Эти два слова можно повторять с полной уверенностью, она останется и всегда будет читаться, хотя во многих отношениях уступает драматическим трудам Гоголя» (Там же. С. 638). В целом положительно оценив творческую деятельность Островского, Дружинин, однако, не готов разделить излишнюю, как он считает, восторженность Ап. Григорьева, увидевшего в драматурге новое явление русской литературы: «...отдавая всю справедливость достоинствам “Бедной Невесты”, я решительно не вижу в ней никакого *нового слова*, ничего подобного тем новым словам, которые вносили в нашу словесность Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и Гоголь. Если г. Островскому и суждено сделать что-нибудь важное для всего хода русской литературы, то это будет сделано, может быть, по прошествии нескольких лет и не с помощью “Бедной Невесты”. В настоящее время Островский ещё подражает Гоголю, подражает ревностно и даже раболепно, подражает очень удачно, но не более! Нового направления он ещё не сыскал, нового слова им ещё не сказано» (Там же. С. 638—639). В ориентации на гоголевскую манеру творчества Дружинин видит опасность для молодого драматурга: «Все эти бранчливые и плаксивые старухи, юноши из породы Хлестакова, глупая и рассуждающая прислуга, свахи и сплетницы, крепкоголовые приобретатели, весь этот “океан житейской пошлости”... способен точно так же надоесть читателю, как надоели ему когда-то

скромные Эрасты и прекрасные Софии, погубить силу писателя, как прежде погубили её Честоны и Правдолюбцы» (Там же. С. 639).

Первый подробный анализ пьесы был предпринят И. С. Тургеневым в статье «Несколько слов о новой комедии А. Н. Островского “Бедная невеста”» (*Совр.* 1852. Т. 32, № 3. Отд. III. Критика. С. 1—9). Начав с утверждения о том, что «талант у г. Островского есть, и замечательный», а также выразив надежду «на будущее его значение» (Там же. С. 1), Тургенев считает, что все лица, за исключением главной героини, «живы и истинны, хотя ни одно из них не доведено до того торжества поэтической правды, когда образ, взятый художником из недр действительности, выходит из рук его типом, и самое название, как, например, название Хлестакова, теряет свою случайность и становится нарицательным именем». Писатель увидел в пьесе сильную сторону таланта Островского: «А между тем, им затронута одна струна, которая до сих пор в области искусства издавала только слабые звуки, — а именно: струна наивности, нецеремонности, какой-то детской откровенности в эгоизме» (Там же. С. 2). По мысли Тургенева, «особенно отлично выразился этот эгоизм в лицах молодых людей Милашина и Мерича и в лице грубо-положительного г. Беневоленского» (Там же. С. 2—3), причём в образе Мерича «пошлость и эгоизм в сопряжении с молодостью необыкновенно резко и верно схвачены г. Островским» (Там же. С. 3). Однако в обрисовке характера Мерича рецензент замечает недоработку, свидетельствующую о незрелой авторской манере, исходя из чего резюмирует: «Видно, тайна “возводить в перл создания” даже самую пошлость не каждому даётся» (Там же). Тургенев основной недостаток драматургии Островского видит в «подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частных и мелочей каждого отдельного характера, в каком-то ложно-тонком психологическом анализе, который обыкновенно разрешается тем, что каждое лицо беспрерывно повторяет одни и те же слова, в которых, по мнению автора, и выражается их особенность... и во всех этих бесконечно малых чертах теряется та определённая строгость рисунка, которых требует внутреннее чувство читателя даже от самой разыгравшейся и смелой фантазии» (Там же). Говоря об особенностях построения пьесы, Тургенев положительно оценивает II акт, который, «прекрасен с начала до конца, исполнен юмора и меньше всех других отзывается трудом»: «Во втором акте все сцены хороши: разговор Марьи Андреевны с Хорьковым, в котором она, не подозревая, что Хорьков в неё влюблён, раздирает его сердце полупризнанием своей любви к Меричу; следующий за тем разговор между Хорьковым и Милашиным, где этот молодой человек является в полном блеске, наконец появление г. Беневоленского, его объяснение с Анною Петровной, его внезапный вопрос Марье Андреевне, в которую он уже успел влюбиться: какие она конфеты любит? — всё это отлично». III акт, напротив, «весьма слаб, и трудно читать его без какого-то нетерпения скуки; в нём как будто соединились все недостатки г. Островского» (Там же. С. 5). Из всех действующих лиц наиболее удавшимся автору Тургенев называет Хорькова. Образ главной героини рецензент признал неудачным, хотя и заметил, что при создании характера «этой молодой девочки» драматург «менее предавался своей обычной склонности к мелочному анализу, он явно искал больших линий, простора» (Там же. С. 6). Основная претензия Тургенева заключалась в том, что Марья Андреевна — «лицо решительно не живое: она вся сочинена; впечатление, оставляемое ею, неясно, и... сам автор это

чувствует». По мнению писателя, не удалась Островскому любовная линия: «Эта неясность, это колыхание сопровождают Марью Андреевну в продолжение всей комедии. <...> Особенно неудачны, между прочим, небольшие, тоже объяснительные монологи, которыми заключается почти каждая сцена Марьи Андреевны. <...> Нас не удивляет, что Марья Андреевна влюбилась в Мерица, этого совершенно недостойного её молодого человека: мы знаем, что в известные лета девушки любят не в силу каких-нибудь особенных заслуг в избранном предмете, но просто потому, что им пришла пора любить; но вся любовь её завязывается и разыгрывается как-то натянуто-литературно» (Там же. С. 6—7). В заключительной части статьи Тургенев отметил, что «общий колорит» пьесы «верен, хотя сух», а её недостатки «происходят частью от бессилия, частью от ложного направления, данного силе» (Там же. С. 8)¹. Спустя годы оценка Тургеневым этой пьесы претерпела изменения, и в 1879 г. при подготовке издания своих сочинений он делает примечание: «Моя оценка “Бедной невесты”, одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 4. С. 491). Сам Островский, по воспоминаниям М. И. Семевского, неоднозначно оценивал критику Тургенева. В 1855 г. в частной беседе драматург так отзывался о его рецензии на «Бедную невесту»: «Да, талант у него большой, но он не может вырваться из-под той коры, которая охватила его голову, набитую наиглупейшим светским воспитанием» (Восп. С. 129).

И. И. Панаев воспринял «Бедную невесту» как «произведение, обнаруживающее только проблески замечательного таланта» (Панаев И. И. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики // *Совр.* 1852. Т. 32, № 4. С. 282).

Редакция журнала «Москвитянин» откликнулась на статью И. С. Тургенева, поместив в апрельском номере ответ на замечания, высказанные признанным писателем². Отмечено, что в тургеневской рецензии «прежде всего бросается в глаза желание сказать правду... некоторые из его замечаний вполне справедливы... хотя они не совсем лестны для “Бедной невесты”» («Современник», март // *Москв.* 1852. Т. 2, № 8. Журналистика. С. 141). Рецензент согласился с претензиями Тургенева к построению диалогов в комедии, где герои повторяют одни и те же слова, а также с общей негативной оценкой образа бедной невесты, высказав, однако, неприятие оскорбительного, по его мнению, тона тургеневской статьи, усмотрев в ней высокомерное признание «маститым» писателем уже достаточно проявившегося таланта начинающего драматурга. Считая, что не стоит требовать от драматурга ухода от излишнего психологизма и при этом ожидать полного раскрытия характеров героев, автор рецензии отводит от Островского упрёки в подражании Гоголю, поскольку его характеры (в данном случае — характеры двух свах) продиктованы самой обстановкой и ходом представленных событий. Высказан и упрёк Тургеневу в том,

¹ Возможно, что прохладная оценка «Бедной невесты» связана у Тургенева с ощущением полемической направленности её против тургеневских взглядов на любовь и семейные отношения (См.: Лебедев Ю. В. Тургенев // *ЭО.* С. 447—451).

² Автор публикации — Т. И. Филиппов (см. об этом подробнее: Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века // *Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века.* М., 2009. С. 35—36).

что он не отметил образ Дуни: «...неужели он не даёт цены этому лицу?» (Там же. С. 144). В том же номере «Москвитянина» в отделе «Критика и библиография» новая комедия характеризуется как бесспорное «приобретение литературы» (Там же. Критика и библиография. С. 120).

Более резко и категорично, нежели Тургенев, отзывался о пьесе С.С. Дудышкин¹, вызывший сомнение в творческой состоятельности начинающего драматурга, известного читателю по его первой комедии, о которой критика к тому времени ещё не составила «отчётливого мнения, да по двум драматическим этюдам», о которых «критика имела право отзываться невыгодно» (*Дудышкин С.С. Журналистика («Бедная невеста») // ОЗ. 1852. Т. 81, № 4. Отд. VI. С. 119*). Рецензент отмечает, что I акт «идёт вяло и холодно» и более напоминает «экспозицию старинных пьес... собственно ряд сцен, лишённых внутренней связи, с одним и тем же содержанием — сватовством» (Там же. С. 120). Сравнивая Островского с Гоголем, Дудышкин пишет о том, что у автора «Бедной невесты» нет способности «творчески воспроизводить индивидуальность самых мелких, самых ничтожных характеров» (Там же). В пьесе, как утверждает рецензент, «каждое лицо тут же входит в свою роль и не в силах объявить о своей личности при первых словах, при первом появлении на сцену» (Там же. С. 121). Этот упрёк прежде всего обращён к образу главной героини, которая в первом акте «обнаруживает свой характер настолько, насколько можно обнаружить его во время трактации о ней и при ней». По мысли критика, Островский, излишне затянув действие первого акта, неоправданно быстро позволил развиваться событиям в акте втором, в котором начинается «не только движение, но и самая завязка». Слишком быстро открывшись в любви к Мерицу и перейдя с ним на «ты», Марья Андреевна нарушает негласный этикет девичьего поведения, предполагающий «деликатность» и «известную стыдливость», запрещающую «коротко сближаться с первого раза». Нарекание критика вызывает и внезапное превращение бедной невесты из страдающей жертвы, принуждённой «связать судьбу свою с судьбою такого человека, которого не любит», в цельную действующую натуру, которая «бодро выходит из несчастья»: «Задача искусства — представить читателю в ярком свете как существо слабое, так и существо героическое. Но если одно и то же лицо представляется ему то обыкновенной девушкой, то героиней, тогда образ двоится, становится смутным» (Там же. С. 122). Объяснение парадоксальной двойственности образа главной героини Дудышкин видит в «присутствии теоретического начала в комедии». Авторская задача, нарушившая художественную ткань произведения, заключалась, как считает Дудышкин, в идее «вывести на сцену *непосредственную* деву», которая «одною силою глубокой натуры достигает того, что остаётся недостижимым для человека образованного» (Там же. С. 126). В претензии драматурга выразить нечто героическое усматривается причина неудачи неплохо задуманной пьесы: «Гораздо бы лучше было, если б

¹ К. Д. Муратова автором статьи называет А.Д. Галахова (Библиография литературы об А.Н. Островском. 1847—1917 / сост. *Муратова К.Д.* Л., 1974. С. 7); Е.И. Прохоров — С.С. Дудышкина (*ПСС-12. Т. I. С. 529*). В 1850—60-х гг. именно Дудышкин возглавлял критико-библиографический отдел *ОЗ*, был автором большинства статей литературного обозрения и почти всех статей о творчестве Островского (см. также: *Войналович Е.В., Кармазинская М.А.* Дудышкин С.С. // *Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. Т. 2. М.: Большая Рос. энцикл., 1992. С. 193*).

автор, не увлѣвшись мыслью о героизме, вывел просто девушку, которая своим безвыходным положением возбуждает искреннее сочувствие... В "Бедной невесте" нет патетизма, следовательно, нет и сострадания в сердце читателя..." (Там же). Размытым и неопределѣнным критик считает и образ Мерича, который стал заложником авторской «идеи»: «Кто он такой в последнем отношении? Человек, не окончивший курса? Слушатель лекций, вечно собирающийся держать экзамен? Чиновничек низших инстанций или купеческий сынок? — Бог его ведаёт» (Там же. С. 127). «Скрытую мысль» Островского рецензент усматривает в преднамеренном развенчании героя печоринского типа, особенно претившего критикам «Москвитянина»: «Том-Пусы¹ критики, у которых прежде сама собою слезала с головы шапка при встрече с Печориным, вздумали (позднее раскаяние) отмстить себе за своё тогдашнее неразумие неразумием новым — намеренным нападением на Печорина. <...> Надобно было присоединиться к ним и искусству — создать лицо, щеголяющее фразами, которые лежали подле печоринских, и отражающее в себе печоринский элемент. И вот из-под мантии великана вылезла букашка Мерич..." (Там же. С. 127—128). Критик упрекает Островского в «неопределѣнности» характеров других персонажей. Особой неудачей драматурга Дудышкин считает образ Милашина: «Право, нам кажется, что оба они, Милашин и Мерич, ушли в "Бедную невесту" из "Неожиданного случая". Другой важный недостаток Милашина — бесполезность его для действия пьесы, которая без него вышла бы менее растянутою..." (Там же. С. 128). Сочувствие рецензента вызвал лишь образ Дуни, которая есть «лучшее лицо комедии, верно схваченное и трогательно представленное». Основная же претензия Дудышкина заключалась в том, что Островский не учитывает особенности драматического действия — «...отсюда непропорциональность внешней величины с величиною содержания; отсюда же медленность движения, какая-то холодность развития» (Там же. С. 129). Замечания критика объясняются традиционными представлениями о поэтике драмы: «Характеры должны окончательно ознакомить с собою читателя в объѣме выбранного действия. <...> Этот приставной акт... состоит из отдельных сцен, напоминающих по форме "Театральный разъѣзд" Гоголя или последний акт "Горя от ума". <...> Это — смотр невест Беневоленского, точно так же, как первый акт был выставкой женихов. Как там не было завязки, так здесь нет развязки. Первый акт следовало бы назвать прологом, последний — эпилогом» (Там же. С. 123). Дагерротипным, нетворческим называет рецензент сам талант Островского и язык его — «...плод прилежной наблюдательности и кропотливого записывания: выражения верны, но не многозначительны» (Там же. С. 129). Дудышкин наиболее последовательно сформулировал в своей рецензии существо тех упреков, которые сторонники гоголевского направления предъявляли к новой комедии Островского².

¹ Том-роусе — коротышка, карлик (фр.).

² «Можно сказать, — пишет А. И. Журавлёва, — что литераторы, сложившиеся в кругу Белинского как теоретика натуральной школы, не приняли в пьесах Островского 1850-х гг. попыток углубления индивидуализации, которые, как казалось им, шли в ущерб созданию социальных типов (а именно социальная типизация — принципиальная черта поэтики натуральной школы). Одним из следствий этой направленности поисков Островского в начале 1850-х гг. стал "мелочный" психологизм, некоторая "вязкость" диалогов, переполненных повторами» (Журавлёва А. И. Натуральная школа // ЭО. С. 275).

Ап. Григорьев ответил на этот выпад в обзоре журнальных публикаций (*Москва*. 1852. Т. 3, № 9. Журналистика. С. 40—45) и в статье «Русская изящная литература в 1852 г.» (см.: *Москва*. 1853. № 1. Отд. V. Критика и библиография. Журналистика. С. 15—27). Критик обвиняет рецензента «Отечественных записок» в «грубом непонимании» комедии «Бедная невеста», поскольку тот находится в плену у современных литературных стереотипов. А поэтому, считает Григорьев, ему, Дудышкину, «хотелось, чтобы Марья Андреевна погибла в грустной и грязной действительности», чтобы «Марья Андреевна полюбила хорошего человека» (*Москва*. 1852. Т. 3, № 9. Журналистика. С. 41), тогда как главная героиня — это «лицо совершенно новое» (Там же. С. 40). Обобщая всё сказанное о новой комедии в современной периодике, Григорьев приходит к следующему выводу: «В настоящую минуту, впрочем, нельзя и ожидать серьезной критической статьи о “Бедной невесте”»: серьезная критическая статья требует совершенно свободного отношения критика к предмету, а покамест мы все, без исключения, положительно или отрицательно, находимся под влиянием нового произведения... Даже критики, поставившие себя во враждебное отношение к новой комедии, не могут не сознаться, что от появления “Своих людей” до появления “Бедной невесты” литература наша не представила ничего, что стояло бы в уровень — и с первой, всеми признанной — и со второй, некоторыми ещё не понятой комедией г. Островского» (Там же. С. 42). На эти суждения пишет ответ анонимный рецензент «Отечественных записок», который вновь иронизирует над «вещными словами» Ап. Григорьева, напрасно ожидавшего «нового слова» от комедии Островского: «Между тем “Бедную невесту” прочли, достоинства и недостатки её были оценены критиками двух журналов; потом “Бедную невесту” забыли, как забывается многое и поважнее её — а нового слова нет как нет! <...> Подождём: может быть, лет через десять найдётся новое слово — не в “Москвитянине”, так на дне какого-нибудь другого литературного колодезя» (*Журналистика // ОЗ*. 1852. Т. 84, № 10. Отд. VI. С. 92).

Ирония по поводу «нового слова», которое Григорьев «отыскивал в “Бедной невесте” г. Островского и которого не оказалось», звучит и в беглом замечании рецензента «Пантеона» (*Корреспондент «Пантеона»*. Московский вестник // *Пантеон*. 1852. Т. 6, № 11. Отд. IV. С. 17). В свою очередь Ап. Григорьев в статье «Русская литература в 1852 г.» высказывается в адрес критики, «которая тоном покровительства объявляла за новост, что у Островского есть талант, которая спрашивала, кто такой Мерич... которая находила пятый акт “Бедной невесты” совершенно излишним, намеренно ли не понимая всей его необходимости в концепции автора или возвращая на сцену давно забытые правила трёх единств, которая наконец в этом самом акте не заметила... Дуни, которая кроме самостоятельного значения необходима и для понимания личности Беневоленского!». «Что скажут о критике, которая с какою-то злобою приняла явление, во всяком случае наиболее замечательное в её время, — продолжает критик, — которой сама искренность стоила больших усилий... которая... с высоты своего не признаваемого никем величия отыскивала дагерротипную живопись там, где всё почти сражает излишеством жизни, неумеренностью свободы художника?» (*Москва*. 1853. № 1. Отд. V. С. 17). Григорьев настойчиво повторяет, что «отсутствие экономии в плане» комедии есть главный недостаток, «которого все другие являются уже неизбежными последствиями». Но отсутствие стройности и цельности восполняется той энергией, «которая всегда

проглядывает в произведениях субъективных, составляет и порок их и высокое достоинство... В такой энергии есть почти всегда нечто недосказанное...» (Там же. С. 17—18). Возражая Дудышкину, считающему, что верность жизни ещё не является признаком настоящего искусства, автор статьи парирует: «...талант находится в прямом отношении с жизнью» (Там же. С. 18); «...у Островского, одного в настоящую эпоху литературную, есть своё прочное, новое и вместе идеальное миросозерцание», с оттенком «коренного русского миросозерцания» (Там же. С. 19). Именно это свойство заставило его пожертвовать технической стороной пьесы, «чтобы почти эпически спокойными и как будто вяло тянувшимися подробностями» ввести читателя «в быт и отношения изображаемого им мира... без малейшей злобы и задней мысли» (Там же. С. 22—23). Особое внимание Ап. Григорьев уделил характеру Марьи Андреевны, заметив, что «при такой молодости лет, ей ещё нельзя выработать определённой личности», но героиня эта «представляет собою общий процесс женского сердца, в ту эпоху, когда женщина вся состоит только из побуждений и неопределённых стремлений», «у ней есть натура, из которой... выработается настоящая, славная женская личность» (Там же. С. 22).

Споры о пьесе не затихали долгое время. Общий фон восприятия комедии Островского и комментариев к ней Ап. Григорьева в литературных кругах Петербурга оставался или сдержанно-холодным, или ироническим, как, например, в фельетоне И. И. Панаева «Канун нового, 1853 г. Кошмар, в стихах и прозе, Нового поэта»:

«— *Бедная Невеста!* — сказал мой спутник не без уважения к этому имени...

— Аа! — возразил Serg: — жаль, что она окружена такими бесцветными и бесхарактерными господами...

— Как! — раздался нестройный и сердитый говор из второй группы теней. — Как! *Милашин* и *Мерич* бесцветны и бесхарактерны! Да это высокохудожественные типы... И какое право имеете вы изрекать суд свой над этими чудными созданиями творческой фантазии? Нет! не можете вы быть судьями и критиками, ибо не способны вы сознать исторической необходимости, иной литературной задачи, кроме вашей собственной. Нет! Не в силах вы стать выше преходящих явлений, ибо мешают вам болезненные наросты и заложения...

Хор этот выступил вперёд, отделился от своей группы и, обращаясь к Сержу, горячился, размахивал руками и делал угрожающие жесты» (*Совр.* 1853. Т. 37, № 1. Смесь. С. 119).

На этот фельетон отреагировал Б. Н. Алмазов в форме ироничных советов «Новому поэту», последнее творение которого «превосходит всё прежде им написанное». Алмазов замечает, что ему «очень неприятно писать об этом создании», но оставить без внимания несуразности, допущенные фельетонистом, он не может (Б. А. «Современник», 1852, № 12 и 1853, № 1 // *Москва.* 1853. Т. 2, № 4. Журналистика. С. 229).

И. И. Панаев ясно даёт понять, что «Бедная невеста» явилась тем творением всё ещё подающего надежды автора, которое не заслуживает ни преувеличенного внимания Тургенева, усиливающегося «придать произведению г. Островского большее достоинство, чем оно имеет», ни излишне неблагоприятного и строгого отзыва «Отечественных записок». Согласившись с тем, что в пьесе много лишних и ненужных эпизодов и подробностей, Панаев признаёт, что «Бедная невеста» —

«произведение таланта замечательного, но произведение неудавшееся, прекрасное в частностях, но невыдержанное художественно в целом» (*Панаев И. И. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики // Совр. 1853. Т. 38, № 4. С. 263*).

По оценке Н. Г. Чернышевского, Островский «написал прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполнению произведение. Мало того, идея не имела достоинства новизны: она принадлежала слишком тесному кругу частной жизни» (*Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1939—1953. Т. 2. С. 234*).

С новой силой обрушивается на создателя «Бедной невесты» К. А. Полевой, не находя в произведении ничего достойного внимания современного читателя: «Основанием “Бедной Невесты” служит мысль, избитая во множестве повестей и драматических сочинений — мысль, как трудно выйти замуж бедной девице. <...> Но это уже перестало быть предметом поэтического негодования... Надобно открывать в этом общественном недостатке новые стороны, глубокие причины его, показывать странные его следствия: тогда справедливое негодование может возвыситься до поэзии... Таким ли негодованием был одушевлён автор “Бедной Невесты”, и что нового представил он в этом избитом предмете? Он представил девушку... не лишённую поэтического взгляда на мир, благородную по природе, хотя плохо воспитанную, пылкую, иногда детски увлекающуюся порывами своих чувств, и всё это кончил обыкновенною развязкой, что самая поэтическая девушка так же, как самая обыкновенная, выходит замуж по советам окружающих её. Для разнообразия этой обыкновенной сцены выставлены мать, слабоумная и слабодушная женщина... молодые знакомые этой г-жи Незабудкиной, карикатуры молодых людей нашего времени, один что-то вроде уездного льва, другой пошляк-идеалист, нелепые и прескучные создания. Даже трудно понять, что хотел выразить ими автор, так они неопределённо пошлы. Старый стряпчий и жених чиновник несколько не развиты. Лучше всего представлены сплетни и разговоры кумушек и разных баб. Но какая бесцветная канва, и какие бледные фигуры вышиты по ней! <...> Не такими пёсами можно показать истинные идеалы современной драмы. Успех на сцене ничего не значит» (*К. П. Русская литература // Северная пчела. 1853. № 128. 11 июня. С. 509*).

С течением времени пьеса оставалась в поле зрения публицистов разных толков и направлений. В обзорной статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (*Москва. 1855. № 3*) Ап. Григорьев, подчёркивая несостоятельность современной журнальной критики, вновь упрекает её в зашоренности взгляда, помешавшей разглядеть «Бедную невесту»: «И критика встала в очевидно комическое положение к новому явлению. Явилась “Бедная невеста” — а она ждала совсем не того после комедии “Свои люди — сочтёмся”. Ещё прежде Островский рассердил критику отсутствием желчи, резкости в определениях линий... но с появлением “Бедной невесты” критика положительно начинает сердиться на лица, выводимые поэтом» (*Григорьев А. А. Собр. соч. Т. 11. С. 9*).

В 1857 г. К. С. Аксаков даёт высокую оценку комедии Островского, побуждая читателей переосмыслить всё сказанное о пьесе ранее. «...Мы укажем на нравственный смысл комедии», — пишет критик, отвечая на множество обвинений в пошлости предмета изображения и в отсутствии связующей идеи произведения. «Нравственный смысл», согласно его суждению, выражается в лице бедной не-

сты, «в которой слышится достоинство женщины», «поставленной среди грубого общества, среди тупой и пошлой жизни; но девушка не выставлена лицом идеальным, она изображена без всякого излишества, с чрезвычайно тонким чувством меры, с полною истиною. Эта пьеса... далеко не оценена по достоинству» (Аксаков К. С. Обзорение современной литературы // *Рус. беседа*. 1857. Т. 1, кн. 5. Обзорения. С. 33).

Н. А. Добролюбов в статье «Тёмное царство» (*Совр.* 1859. Т. 176, № 7. Современное обозрение. С. 17—78; Т. 177, № 9. Современное обозрение. С. 53—128) интерпретирует образы главных героев комедии в контексте проблемы русского самодурства. Типичным представителем «тёмного царства», как считает критик, является Анна Петровна, «женщина слабая, сырая, позабывчивая», которая «выросла и прожила большую часть жизни тоже под каким-то гнётом, отнявшим у неё всякую способность и вкус к самостоятельной деятельности». Разрушающее, по убеждению Добролюбова, влияние тёмного мира на личность сказалось на характере Анны Петровны Незабудкиной: «Это уж такое ничтожество, что перед мужем или кем бы то ни было посильнее она, вероятно, и пикнуть не смела. Но воздух самодурства и на неё повеял, и она без пути, без разума распоряжается судьбою дочери... и не выказывает никаких признаков того, что она понимает, что такое человеческое чувство и живая личность человека. Всё это прямые и несомненные признаки самодурной закалки» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч.* Т. 5. С. 127). Вопреки мнению большинства критиков, творческой удачей драматурга Добролюбов считает характер Мерича, утверждая, что «это лицо изумительно по мастерству, с каким Островский умел в нём очертить приличного, не злого, не отвратительного, но с ног до головы пошлого человека» (Там же. С. 131). Лицом, противоположным рутинному миру самодурства и пошлости, Добролюбов называет Дуню, признав, что в произведении лишь она «одна девушка до такой степени симпатичная и высоко нравственная»: «Здесь сила сознательной решимости проглядывает в каждом слове; всё существо этой девушки не придавлено и не убито; напротив, оно возвышено, просветлено сознанием того добра, которое оно приносит, отказываясь от прав своих на Беневоленского. <...> Да, эта девушка сохранила в себе чистоту сердца и всё благородство, доступное человеку» (Там же. С. 135—136).

Пьеса вызывает резкое неприятие у Н. П. Некрасова: «А что за комедия “Бедная невеста”? О, какая она длинная!» Критик соглашается с тем, что пьеса «представляет весьма верную копию с действительности», и на этом основании отказывает ей в художественности: «Но вот это-то именно и дурно. “Бедная невеста” может служить самым поучительным примером в том отношении, что произведение никогда не будет иметь поэтического достоинства, если оно подчинено действительности». К существенным недостаткам комедии Некрасов относит как отсутствие ярких красок («... всё носит какой-то будничныи оттенок: мысль, действие, характеры действующих лиц»), так и идеи. (*Сочинения А. Островского. Два тома. СПб. 1859 // Атеней.* 1859. Ч. 2, № 8. С. 479—480). Он солидарен с теми, кто писал о затянутости действия, наличии лишних сцен и образов: «А характеры действующих лиц! — О, Боже мой, какая претензия! Это сбор таких лиц, каких можно встретить в изобилии на каждом перекрёстке. <...> Ни один из них не стоит выше уровня вседневной жизни... В ней столько сцен лишниих, что и... доказывать нечего. Поэтическую идею нельзя растянуть по произволу. Она даёт жизнь лишь такому

количеству образов, какое необходимо для её выражения. <...> В комедии “Бедная невеста” нет... ничего такого, на чём бы читатель мог бы остановиться с эстетическим наслаждением. Нет даже ни одного лица комического, ни одного комического положения. Много действительно пошлого, но не комически пошлого. Это не комедия, а скорее повесть, или картина из действительной жизни... Дидактизм, без которого не обходится ни одна комедия г. Островского, доходит до приторности в этом произведении» (Там же. С. 481—482).

С развёрнутой оценкой творчества драматурга выступил в редакционной статье «Сочинения Островского и проч.» А.В. Дружинин (*БдЧ*. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 1—42). Признав деятельность Островского «самою блистательною, самою завидною деятельностью в современной нам русской литературе» (*Дружинин А.В.* Собр. соч. Т. 7. С. 528) и поставив пьесы драматурга в один ряд с произведениями Грибоедова и Гоголя, критик отдельное внимание уделил непростым отношениям, которые сложились у Островского с литературно-журнальным сообществом, напрямую связав их восприятием журнальной критикой того времени комедии «Бедная невеста»: «Наша журналистика имела своих директоров, которым казалась странна независимость нового человека, своих мелких секретарей, готовых назвать выскочкою человека, не благоговевшего перед их начальством. Все эти скрытые и почти неуловимые антипатии таились и ждали своего времени, но существование их стало и заметно, и неоспоримо с появлением второй комедии г. Островского... Лица, горячо восхищавшиеся комедией “Свои люди — сочтёмся”, признавали “Бедную Невесту” шагом назад... Большое количество людей, довольных новой пьесой и расположенных к автору, своим молчанием как бы поддерживали сказанное мнение» (Там же. С. 536). По убеждению критика, мнение это было ложным, поскольку нельзя не признать, что новая пьеса «приходилась родною сестрою» комедии «Свои люди — сочтёмся!» и, хотя была менее сценична, принадлежала «к числу первоклассных и образцовых явлений в русской словесности», должна была «навсегда сделаться любимой пьесой для людей с развитым вкусом», а «её содержание ближе к общей жизни, её лица типичнее». Вспоминая главные претензии, предъявляемые рецензентами к автору пьесы, Дружинин почитал нужным ответить на некоторые из них. Прежде всего, он говорит о необходимости V акта в структуре произведения: «...человек, который, после серьёзного чтения этого пятого акта, не увидит в нём истинно вдохновенной гармонии творчества, лучшее сделает, если обратится к изучению современной политики или наук точных: с поэзией ему делать нечего». Недооценённый критиками образ Марьи Андреевны, утверждает Дружинин, «есть истинно поэтическое создание», которое «только тогда будет понято вполне, когда на русской сцене явится гениальная артистка» для исполнения этой роли (Там же. С. 538). Сознывая, что личность её вполне обыкновенна, а положение, в которое она поставлена, «до чрезвычайности просто», и «во всём этом немного нового», которое он видит прежде всего в глубине и правде, Дружинин пишет о несправедливом отношении к пьесе и её автору: «“Бедная Невеста” могла не понравиться, могла просто не быть понята с первого раза, но, по несомненному дарованию своего автора, она стояла отзывов почтительных, серьёзных и никак не могла затеряться в ряду беллетристических повестей 50 и 51 года, годов, как всякий знает, крайне неурожайных в нашей литературе. <...> Что же увидели мы все, давнишние друзья и поклонники нашего автора?

Его строгое произведение ставилось на одну доску с дамскими повестями, незаконченными эскизами, лёгкими повествованиями... О “Бедной Невесте” вскользь упоминалось в литературных фельетонах...» (Там же. С. 540).

Спустя годы Островский вспоминал работу над пьесой: «У меня была железная энергия, когда я учился писать, — признавался он в письме к молодому соавтору Н. Я. Соловьёву от 26 октября 1878 г., — и то, проработав полгода над “Бедной невестой” (2-я пьеса), я получил такое отвращение, что не хотел видеть её на сцене... После “Бедной невесты” я надолго отказался от больших пьес и писал 3-х и 2-х актные...»

15 сентября 1852 г. театральной цензурой пьеса разрешена к постановке при условии, что из неё полностью будут исключены роли Дуни и Паши как «шокирующие нравственное чувство» (*Просв.* Т. 1. С. 500). Н. П. Барсуков отмечает, что когда «Бедная Невеста» готовилась к постановке на сцену, то Писемский писал Погодину: “Не могу выразить, как я рад успеху в постановке пьесы Островского. Писатель без сцены не может сделаться популярен, а Островскому предпочтительно грешно быть непопулярным: он имеет на это все права”. И в то же время Писемский сокрушается по поводу цензурных вмешательств: “Пятый акт, как говорят... весь перемаран, а он лучший в пьесе; чем более вглядываешься в нашу Литературу и читающую и смотрящую публику, тем более становишься в тупик» (*Барсуков.* Т. 12. С. 211—212).

20 августа 1853 г. в московском Малом театре состоялась премьера «Бедной невесты». Роли исполняли: Анна Петровна Незабудкина — А. Т. Сабурова, Марья Андреевна — Е. Н. Васильева, Мерич — Н. И. Черкасов, Милашин — С. В. Васильев, Добротворский — С. В. Шумский, Беневоленский — П. М. Садовский, Хорькова — С. П. Акимова, Хорьков — К. Н. Полтавцев, Карповна — Е. М. Кавалерова, Панкратьевна — Е. Д. Немчинова, Дарья — Т. П. Кашина, мальчик — М. П. Садовский, официант — П. А. Ермолов (см.: *ПСС-12.* Т. 1. С. 530).

Сам Островский не присутствовал на представлении по болезни, но в письме к драматургу от 21 августа Н. В. Берг сообщает об успехе комедии, подробно описывает всё происходящее на сцене и особенно отмечает игру П. Садовского в роли Беневоленского и Е. Васильевой в роли Марьи Андреевны: «... всё прошло как нельзя лучше. Играли все или почти все превосходно. У Е. Н. Васильевой расцелуйте ручки — прелесть, прелесть и прелесть! Ни жеста, ни слова рутинёрского от начала до конца. <...> У Васильева проглядывают комические ухватки, видимо, Бордкина¹. Нисколько любви, из-за которой всё и дело, — и обидчивость, и упрямство, от чего он не так скоро уходит. Монолог Садовского — “значит уж... ах ты, Максим Беневоленец... вот чем пробьём дорогу...” — верх совершенства» (*Неизд. письма.* С. 29).

Островский в письме к Погодину от 25 сентября 1853 г. высказывает своё отношение к постановке: «“Бедная невеста” прошла хорошо, исполнением я почти доволен, публика совершенно довольна; успех первого представления был едва ли не больше, чем “Саней”, актёров вызывали не только после действий, но и в продолжение действий по несколько раз».

¹ Имеемся в виду постановка пьесы «Не в свои сани не садись», премьера которой состоялась 14 января 1853 г. в бенефис Л. П. Косицкой-Никулиной в московском Малом театре и прошла с огромным успехом.

Зрители особенно отмечали игру П. М. Садовского. В заметке из цикла «Московские театральные письма» А. Н. Баженов так характеризовал актёра в роли Беневоленского: «Уже одна грандиозная поступь, при первом появлении его на сцену, вызвала громкие рукоплескания. Какую необыкновенную, чисто департаментскую важность сумел он придать себе с головы до ног! Как ловко фигурировал он перед Марьей Андреевной! С каким лукавством, слушая игру её и кивая в такт головой, в то же время украдкой поглядывал он на принесённую закуску, пил и *повторял!* Как шло Беневоленскому, желающему казаться ловким, это поджиманье колени и пристукиванье ногей! Да невозможно и перечислить всех тонкостей исполнения г. Садовского. Вот комизм самой чистой, самой дорогой пробы!» (*Искусства*. 1860. № 2. С. 46—47; см. также: *Баженов А. Н.* Соч. и переводы. Т. 1. М., 1869. С. 58). Не менее восторженные эмоции вызвала у Баженова и игра Е. Васильевой: «Её умным исполнением трудное для воспроизведения лицо бедной невесты было до такой степени оживлено и истолковано, что дальше и идти, казалось, было некуда в этом отношении... больше г-жи Васильевой никто ничего не даст в этой роли» (Бенефис г-жи Савиной // *Театральные афиши и антракт*. 1864. 24 сент. С. 3; см. также *Баженов А. Н.* Соч. и переводы. Т. 1. С. 341). Сам Островский отмечал: «Талант Васильевой велик, она сделала из моей Марьи Андреевны то, о чём я сам никогда не мечтал» (*Танеев П. И.* Екатерина Николаевна Васильева и Московский театр конца 60-х годов. СПб., 1905. С. 19).

Одобрительный отклик на постановку опубликован в газете «Московские ведомости»: «Эта комедия, при всех сценических недостатках своих и растянутости, нравится партеру и долго удержится в репертуаре. Многие сцены комедии ведены прекрасно, многие положения хорошо очерчены и отличаются задушевностью, которой нельзя не сочувствовать». Отмечено, что игра К. Н. Полтавцева «в роли студента трогает зрителей до слёз», П. М. Садовский (Беневоленский) и С. В. Шумский (Добротворский) — «само совершенство», а Е. Н. Васильева (Марья Андреевна) «исполняет безукоризненно трудную роль бедной невесты». Хотя «Бедная невеста», по мнению рецензента, «не имела такого блестящего успеха, как “Не в свои сани не садись”», но всё же много оживила... сцену» (*Т. Московская городская хроника* // *М. вед.* 1853. № 113. 19 сентября. С. 1161).

Положительно оценил новую постановку и журнал «Пантеон» (*Новый корреспондент*. Московский вестник // *Пантеон*. 1853. Т. 11, № 10. Отд. IV. С. 2—4), где отмечено, что пьеса Островского, в которой «много интересных подробностей, много прекрасных сцен», представляет собой «очень любопытное явление» на фоне безликого современного драматического репертуара, а заслуга её автора состоит прежде всего в том, что он «помог расшевелить зрителя, дав русскую комедию». Рецензент делится с читателями собственными впечатлениями от посещения спектакля московского Малого театра: «Я с напряжённым вниманием просмотрел пьесу, и... она произвела на меня довольно сильное впечатление. Сюжет прекрасный, канва богатая; но всем им не вполне воспользовался г. Островский» (Там же. С. 3). Высокая оценка дана игре П. М. Садовского («понял и исполнил роль, как нельзя лучше»), К. Н. Полтавцева («в роли студента был прост и благороден»), Е. Н. Васильевой («видно, что она много работала над ролью»). Однако игра А. Т. Сабуровой рецензента впечатлила меньше: «...из старухи хлопотливой, привязчивой, бранчивой и плаксивой она сделала слишком уж добрую мать. А ха-

ракетер матери... определяет частью решимость девушки выйти замуж за человека, которого она не любит». Критик солидарен с Ап. Григорьевым, отмечая несомненные достоинства пьесы: «Здесь нет резких характеров, ни быстрого движения, комический элемент тоже не преобладает; но много тонкой наблюдательности, видно, что автору знакомы повседневные драмы, которые проходят незаметно для многих и которые трогают, волнуют и поднимают желчь в душах восприимчивых» (Там же. С. 4).

12 октября 1853 г. пьеса была поставлена в Петербурге на сцене Александринского театра в бенефис А. М. Читау. Роли исполняли: Анна Петровна — П. К. Громова, Марья Андреевна — А. М. Читау, Мерич — А. Е. Смирнов, Милашин — Ф. А. Бурдин, Добротворский — В. В. Прусаков, Беневоленский — А. Е. Мартынов, Хорькова — Ю. Н. Линская, Хорьков — П. С. Степанов, Карповна — О. А. Рамазанова, Панкратьевна — Е. Я. Сосницкая, Дарья — А. С. Шелихова. В письме к Островскому М. П. Погодин сообщает об успехе петербургской постановки: «Бедная невеста» шла превосходно» (*Неизд. письма*. С. 424).

Критические отзывы на спектакль были противоречивы. Так, негативная оценка содержится в отзыве Р. М. Зотова: «Все характеры верно схвачены, и могут назваться типами. Девушка, увлекаемая неопытностью своею и лестью негодяя, которому доброе имя девушки ничего не значит; её невинные ласки к обольстителю, её невинная любовь, признание, мечты, надежды — всё это естественно и верно. Мать, которая на старости лет желает только, чтоб дочь её вышла поскорее замуж за человека с достатком и убеждающая дочь к противному ей браку то упреками, то слезами; жених: мечтатель, сделавшийся с отчаяния пьяницей, и безотвязный, но всё ещё надеющийся на взаимность даже в день брака с другим; наконец секретарь, необразованный, ничтожный человек... все эти лица золото. <...> Из всего этого можно было бы написать роман в пяти томах, но на сцене не вышло ничего» (Александринский театр. Бенефис г-жи Читау // *Северная пчела*. 1853. № 241. 30 окт. С. 960). Причину неудачи Зотов видит в замедленном развитии действия и в неубедительности характеров: «Шесть длинных актов (не верьте скромности афиш, в которых сказано *пять*; их собственно *шесть*) тянется эта история без движения, без действия, без жизни. Поминутно чувствуешь, что много тут верного, хорошего, трогательного, но всё это не обделано, не ограничено, не отшлифовано. Много дорогой, прекрасной природы: нет искусства в отделке. <...> Что может быть ужаснее положения девушки в пятом акте, после свидания и объяснения с Меричем. Этот судорожный, истерический смех приводит в содрогание. <...> Но эта истерика продолжается полчаса. В натуре это может быть; но на сцене невозможно, тяжело, неприятно. Последнее свидание Мерича, в шестом акте, с девушкою — психологический трактат, — а на сцене оно почти неприлично» (Там же. С. 961). Практически все претензии Зотова обращены именно к Островскому. Игру актёров, сделавших всё возможное для успеха спектакля, рецензент характеризует положительно: «Комедия была обставлена превосходно. Г-жа Читау художнически обдумала и обставила свою роль. <...> Все прочие лица вполне содействовали хорошему ходу пьесы. Мартынов, Степанов, Бурдин, Смирнов 2-й очень хорошо выполнили свои роли. Г-жа Линская, потерю которой оплакивали на сцене, вновь явилась в «Бедной невесте», и благодарная публика... встретила её единодушными рукоплесканиями» (Там же).

В отзыве «Санкт-Петербургских ведомостей» о спектакле Александринского театра вся вина за неудачу также возлагалась на Островского. Назвав «Бедную невесту» «важнейшим сценическим явлением последнего времени», рецензент при этом отметил, что в Петербурге «успех её был весьма умеренным», а постановка пьесы в Малом театре «возбудила в Москве особенное сочувствие, хотя, как говорят, не имела на тамошней сцене большого успеха» (*И. Театральная хроника. (Бенефис Читау. «Бедная невеста»)* // *СПбВед.* 1853. № 243. 3 нояб. С. 889). Театральный обозреватель посчитал необходимым подробно рассказать о событии культурной жизни Петербурга, поскольку комедия Островского, по его словам, «оригинальная, пятиактная комедия, а... оригинальных пьес очень немного» (Там же). Перечисляя недостатки «Бедной невесты», он в основном повторяет сказанное ранее другими критиками: «Действие её вяло, пьеса довольно растянута, потому что для пяти действий содержание её слишком бедно, нити пьесы... разбегаются, вся комедия имеет какой-то неопределённый колорит» (Там же). Лишним для действия назван пятый акт, который в структуре произведения представляет собой «нечто вроде эпилога, выходит на сцене очень бледным и только охлаждает зрителей к пьесе» (Там же. С. 990). В рецензии отмечается, что при всех сценических недостатках комедии характеры персонажей «никак нельзя назвать бесцветными: действующие лица... не образы без лиц, а живые люди... разговор их также верен» (Там же. С. 889). Положительно отозвался автор статьи об игре Мартынова в роли Беневоленского, Линской в образе Хорьковой, восторженную оценку получила А. М. Читау в роли Марьи Андреевны: «...это исполнение до такой степени исключительно, что не подлежит критике, которая должна поневоле положить оружие перед г-жою Читау» (Там же. С. 889). Тем не менее рецензент не избежал колкости в адрес московской критики, и прежде всего Ап. Григорьева: «Мы должны сказать, что публика прослушала комедию с вниманием и с тем уважением, которого заслуживает пьеса, написанная талантливым человеком... хотя вряд ли мы дождёмся от него *нового слова*, родившегося в воображении у какого-то московского *критика*» (Там же. С. 990).

Откликнулся на постановку развёрнутой рецензией¹ журнал «Современник»: «Это представление не было в Петербурге событием, каким оно было в Москве, если верить местному журналу, но всё-таки доставило любителям русской сцены некоторое удовольствие» (Александринский театр. «Бедная невеста», комедия г. Островского // *Совр.* 1853. Т. 42, № 11. Отд. VI. Смесь. С. 102). Подчеркнув, что в комедии характеры верны действительности и «нет ни одного слова ненужного», рецензент иронизирует: «Как в ней всё верно, изумительно верно (в смысле действительности)! А между тем комедия длинна... в чтении скучна, на сцене просто утомительна, несмотря на то, что подвергнулась значительным сокращениям» (Там же. С. 103). По его оценке, Мартынов «сделал из роли Беневоленского всё, чего можно было ожидать от даровитого и достойного актёра, когда ему выпадет на долю не частое удовольствие играть умную и оригинальную роль». Положительно охарактеризована игра и других актёров: «Превосходно выполнила свою роль Хорьковой г-жа Линская, актриса с дарованием первоклассным»; Милашина «недурно играл Бурдин» (Там же). «Что касается до

¹ По мнению В. Э. Богграда, её автором является М. Н. Лонгинов. См.: *Богград В. Э. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания.* М.; Л., 1959.

самой Бедной Невесты, — продолжает рецензент, — то автор комедии очевидно желал соединить в этом характере простоту и достоинство правдивой и прекрасной женской натуры, посреди обстоятельств самых неблагоприятных, но тем рельефнее выказывающих эти редкие качества. <...> В подобных характерах равно неуместны ни водеvilльная живость... ни драматическая плаксивость» (Там же. С. 103—104). Заслуга А. М. Читау, по мнению критика, заключалась в старании быть естественной, уйти от ненужных стереотипов и шаблонов в своей игре. Общий вывод рецензента остаётся негативным: «...независимо от исполнения, пьеса сама в себе носит причину своего неуспеха на сцене... это вещь вовсе не сценическая» (Там же. С. 104).

Рецензент «Московских ведомостей» назвал «самым замечательным приобретением» для сцены Александринского театра «Бедную невесту», которая «нашла здесь превосходных исполнителей» (Б., В. Петербургские заметки // М. вед. 1853. № 146. 5 дек. С. 1506). Обосновывая свою оценку, он пишет о значении творчества Островского для русского театра: «Комедии г. Островского вызвали на нашей сцене талант, который без них не имел бы, может быть, никакого случая высказаться в таком прекрасном свете. Мы говорим о г-же Читау, которая создала роль Дуни в “Не свои сани не садись” и Марьи Андреевны в “Бедной невесте”. Как бы ни была бесцветна роль, г-жа Читау изучает её до малейших мелочей, проникается ею совершенно и придаёт ей чрез это столько естественности и знания, что возбуждает в зрителе невольную симпатию. Но если где искусство г-жи Читау является в полной силе, так это в местах патетических: тут уже видно не искусство, а сама натура. Когда Марья Андреевна, играя в карты с Милашиным, начинает хохотать этим неестественным смехом и потом впадает в истерический плач, то вся кровь прихлынет к вашему сердцу и тяжёлое чувство невольно выжимает слёзы из глаз. Роль Беневоленского исполняется Мартыновым; в ней он неподражаем» (Там же).

На особенности московской и петербургской школ игры обращает внимание анонимный автор заметки в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Говоря о выступлении П. М. Садовского перед петербургской публикой в 1857 г., он отмечает: «Ряд представлений г. Садовского кончился комедией “Бедная невеста”; он исполнял в ней роль Беневоленского, в которой мы видели до сих пор г. Мартынова. Оба комика превосходны каждый в своём роде: г. Садовский воспроизводит московского, а г. Мартынов петербургского чиновника. <...> К сожалению, роль Беневоленского очень невелика... и потому г. Садовский не мог скрасить слабых сторон пьесы “Бедная невеста”» (Петербургская летопись // СПбВед. 1858. № 123. 8 июня. С. 776).

При возобновлении постановки в Александринском театре в 1857 г. рецензенты особенно отмечали актёрскую работу Линской: «...она великолепно исполнила роль вдовы-мещанки... то и дело толкующей об образованности своего сына; особенно мастерски она *отпечатала* (слово в пьесе) Незабудкину, мать Марьи Андреевны, за что артистку и встретили громом рукоплесканий» (Шпилевский П. Александринский театр («Бедная невеста») // Музык. и театр. вестн. 1857. Ч. II, № 35. С. 463—465).

После того, как в первом собрании сочинений А. Н. Островского был опубликован переработанный автором текст комедии, актриса московского Малого театра А. И. Шуберт в 1860 г. для бенефисной постановки сумела получить у шефа

жандармов А. Е. Тимашева разрешение на восстановление ролей Дуни и Паши (см.: *Шуберт А. И. Моя жизнь*. Л., 1929. С. 215—217). Первой исполнительницей роли Дуни стала В. В. Бороздина, чья работа удостоилась положительной оценки и была названа многими критиками творческой удачей. В бенефисном спектакле 3 сентября 1860 г. сама А. И. Шуберт исполняла роль Марьи Андреевны. Отзывы о спектакле в целом и об актёрской работе ведущей актрисы оказались крайне противоречивы. «Игра г-жи Шуберт, правда, умна и обдуманна, — писал в статье А. Н. Баженов, — но зато в значительной степени лишена простоты, непринуждённости, живости и душевной теплоты» (*Баженов А. Н. Московские театральные письма // Искусства*. 1860. № 2. С. 46—47). Однако позже в обзорной статье «Заметки о московском театре» (*М. вед.* 1861. № 23. 28 янв.) Баженов дал более критичную оценку игре актрисы: «Из простой, бедной, любящей девушки у г-жи Шуберт вышло какое-то странное, бездушное, кокетливое, прикидывающееся чувствительным, созданием; что-то сильно неестественное, что-то не от мира сего. Тут слишком явственно обнаружилась вся громадность разницы между искусством и искусственностью, между наивностью и наивничаньем, словом, между *быть* и *казаться*. <...> По крайней мере, роль *бедной невесты* тяжёлым грехом лежит на душе её» (*Баженов А. Н. Соч. и переводы*. Т. 1. М., 1869. С. 65—66).

С большой долей сочувствия, несмотря на критичные замечания в адрес некоторых исполнителей, отзывался рецензент «Северной пчелы»: «“Бедная невеста” — пьеса известная. Если она не есть счастливейшая из произведений г. Островского, то нельзя не сказать о ней, что она одна из лучших пьес нашего театрального репертуара. При всех недостатках целого, некоторой растянутости и излишней сложности обстановки главного сюжета драмы, важно то уже, что перед вами живые лица, которые, вдобавок, с одной стороны, не герои и не изверги, давно опошлившиеся, с другой — не переведённые на русский язык иноземные банкиры, буржуа и гризетки, которые таким образом не затрагивают сердечных струн русского зрителя. <...> Г-жа Шуберт... захотела непременно дать в свой бенефис русскую пьесу, и хлопотала только о том, чтобы дать “Бедную невесту” целиком, то есть с пятым действием, которое до сих пор на театре опускалось». Признавая, что роль Марьи Андреевны актрисе не вполне удалась, рецензент отмечает сильные стороны актрисы: «...ни на миг не прибегла она к рутине, ни разу не призвала она на помощь аффектацию и те условные сценические уловки, в которые, за недостатком настоящего дарования, всегда бросается актёр, лишённый чувства изящного и артистического такта. Работа грудью, работа глазами, прерывистый шаг, — ничего этого и по сию минуту нет на совести у г-жи Шуберт» (*—цкий. Из Москвы // Северная пчела*. 1860. № 236. 24 сент. С. 975). Главный недостаток постановки критик видит в отсутствии ансамбля. «Недурна была г-жа Кавалерова в роли Анны Петровны»; Садовский «играл как-то неровно, по временам позволяя себе шаржу»; но «г-жа Акимова в роли Хорьковой была сама шаржа»; «Рассказов не сумел оттенить роль Милашина»; просто непонятен был Самарин в роли Мерича: «казалось, он не решается играть Мерича как следует, как он мог бы его сыграть». Очевидно, «под влиянием той же мысли... находилась и г-жа Бороздина первая в роли Дуни». Полтавцев, сыгравший Хорькова, «просто невозможность... лицо морщится, голова свисает, как цветок на полуподрезанном стебле, и кулак не щадит груди». Отмечена игра Шумского в роли Доброворского, которого в Петербурге играл Мартынов:

«Так гримироваться и до такой степени представить старика, не позволив себе ни одного лишнего жеста, ни одного волоска для эффекта, ничего для райка, это верх искусства!» (Там же).

Положительную оценку постановке дал и автор «Заметки кое о чём». Сама же пьеса ему кажется не столь удачной, особенные нарекания вызывает образ главной героини: «В ней много рутинного, книжного... есть у ней душевные движения, подмеченные чрезвычайно верно, но есть и много таких фраз, таких монологов, которые, нисколько не рисуя характера, делают это лицо похожим на дюженных героинь разных водевилей... Как-то не полно, не типично, не живо создание Марьи Андревны. И вот почему ни одна артистка не выполняла ещё этой роли вполне удовлетворительно... Другие лица комедии несравненно лучше. Что стоят эти два типа: Мерич и Милашин. Наша действительность кишит ими. И автор умел заглянуть в самую глубь их гаденкой, эгоистической натурки... Он показал нам всё, что таилось на дне её» (*Московский вестник*. 1860. № 42. 14 окт. С. 672). Другой недостаток комедии, по мнению критика, состоит в том, «что она страшно длинна»: «Эта растянутость только в чтении выкупается удивительно тонкими психологическими чертами, разбросанными там и сям, из которых иные пропадают на сцене» (Там же. С. 673). Говоря о постановке, рецензент подробно пишет об игре А. И. Шуберт, отмечая естественность, отсутствие «рутинных выходов»: «Когда Мерич объявляет ей, что он её любит... в интонации г-жи Шуберт была такая глубокая правда, какой мы, увы! не привыкли встречать на нашей сцене. И радость, и желание верить, и боязнь — всё слышалось в этом голосе, мягком, симпатическом, в котором звучала какая-то детская нота!.. Но едва ли ещё не лучше вышла сцена, где Мерич спрашивает её, чего же она от него хочет... Тут из кроткого и нежного ребёнка вырастает перед вами женщина, оскорблённая в том, что было для неё всего дороже... в самых святых своих чувствах... Г-жа Шуберт показала, что не нужно слишком сильной груди, не нужно тяжёлых вздохов, которые на нашей сцене считаются первым признаком душевной тревоги, что не нужно никаких рутинных выходов для того, чтобы сделать на зрителя глубокое впечатление... И как хороши были у ней эти жесты отчаяния в сцене с Милашиным... хороши тем, что естественны, что артистка в эту минуту не рисовалась, не заботилась о пластике...» Автор заметки говорит об исполнительском мастерстве П. М. Садовского («это сама натура»), Шумского, у которого, однако, «тип старика везде один и тот же», Самарина, который «хорошо обдумал свою роль», а также Бороздиной и Полтавцева. К менее удачной рецензент относит игру Акимовой, «для которой комизм заключается в карикатуре, в выкидывании коленца почудней», и Рассказова в роли Милашина: «...это лицо вышло у него как-то сухо» (Там же).

Несмотря на противоречивость оценок и нелестные отзывы на постановки, пьеса надолго задержалась в репертуаре и московского, и петербургского театров, вызывая новые суждения о художественных достоинствах произведения.

В 1864 г. в обзоре репертуара Малого театра сообщается о «Бедной невесте», игровой «в первый раз по возобновлении» (Вседневная жизнь // *Голос*. 1864. № 232. 23 авг. С. 2). Вопреки негативно настроенным критикам 1850-х гг., рецензент видит в пьесе «интерес, которому сочувствуешь, который понимаешь»: «Всё дело в сочетании, в соотношении лиц и действий их, в естественности отношений между ними, в простоте истины!» (Там же). Лежащий в основе произведения

жизненный материал и представленные характеры сами по себе не способствуют появлению читательского или зрительского сочувствия: «Помилуйте, где же драма?» Однако талантливое построение пьесы и блестящая игра актёров, из которых критик выделяет г-жу Брошель в роли Марьи Андреевны и г. Васильева-младшего в роли Милашина, сотворили чудо: «Ведь тут всё от начала до конца способно возбудить смех, с этим глупым Милашиным, а вот нет! Смеха нет, а напротив, вся эта сцена производит самое потрясающее впечатление! <...> Надо и то сказать, впрочем, что вся эта сцена четвёртого акта была ведена г-жою Брошель и г. Васильевым 2-м с завидным искусством» (Там же).

Восторженное слово в адрес драматурга и его «Бедной невесты» прозвучало и в публикации А. С. Суворина, сообщившего об очередной постановке пьесы в Александринском театре: «Это едва ли не лучшая комедия г. Островского, как по живучести основной мысли, так и по развитию характеров и драматическому движению» (*Незнакомец*. Недельные очерки и картинки // *СПбВед.* 1868. № 238. 1 сент. С. 2). Но, подчёркивая современность звучания пьесы, Суворин неудовлетворён самой постановкой и игрой актёров: «Об исполнении “Бедной невесты” говорить прискорбно. Главную роль, Марьи Андреевны, играла г-жа Струйская и играла её с всегдашним своим однообразием и необдуманностью»¹; «Роль старика Добротворского играл г. Соколов весьма плохо. <...> Зубров был плох в Беневоленском, совсем не поняв этого характера и без нужды состарив его на десять лет своею гримировкою. Незначительная роль Милашина зато выдвинулась на первый план, благодаря игре г. Васильева-2»; «Журин дебютировал второй раз в роли Хорькова. Заслуга этого юноши заключается в том, что в патетические минуты он не вызывал своей игрой смеха» (Там же).

К числу особенно удачных возобновлённых постановок «Бедной невесты» сам Островский причислял спектакль московского Малого театра (12 апреля 1868 г.)². «Вот Вам примеры возобнов<ления>. “Бед<ная> невеста” шла с большим успехом, — но её нельзя повторить, захв<орал> Александров, и его заменить некем», — сообщал драматург в письме к Н. С. Назарову 15—16 апреля 1868 г.

В числе исполнителей основных ролей при последующих возобновлениях комедии были Г. Н. Федотова, П. А. Стрепетова (Марья Андреевна), О. О. Садовская (Анна Петровна), В. В. Стрельская (Хорькова), В. В. Самойлов (Беневоленский), К. А. Варламов (Добротворский), В. П. Далматов (Мерич).

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 33 раза, в Петербурге, в Александринском театре, — 47 раз. Последний спектакль в Москве состоялся 30 октября 1877 г., в Петербурге — 19 апреля 1885 г. Всего за 1853—1885 гг. на казённой сцене комедия выдержала 80 представлений (см.: *ЭО*. С. 435—440).

Для представления на народных театрах «Бедная невеста» была разрешена только 3 мая 1893 г., но с изъятием ролей Дуни и Паши.

С. 154. *Стряпчий* — См. комментарий на с. 706.

С. 155. *Буточник* — городской страж, полицейский нижний чин, выполняющий караульную службу в городской полицейской будке.

¹ Сам Островский в письме к М. В. Васильевой от 1—2 января 1968 г. признаётся: «Струйская меня немножко смущает, в ней мало нежности и нет... симпатичности...»

² Спектакль был дан в бенефис А. Ф. Федотова.

С. 156. *«Ведомости»* — газета «Московские полицейские ведомости», где печатались казённые объявления.

С. 162. *Напялила чепчик-то...* — В данном случае чепчик на свахе воспринимается как знак её отделения от купеческого сословия, признак высокомерия (*Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков ... С. 185). См. также комментарий на с. 686.

С. 163. *Да лишнее брёвнышко у нас в горнице.* — Здесь: лишние свидетели при разговоре.

Кранболь у них там всякий идёт. — Здесь: шум, необычное оживление (кранболь — термин в бильярдной игре, когда шары ударяются рикошетом). См. комментарий на с. 678.

Прокуратят — проказят, озорничают.

С. 164. *...они хоть и спесивы...* — Спесивый — чванный, гордый, высокомерный.

...он у меня теперь на линии дворянина. — Лица, окончившие университет и поступившие на гражданскую службу, по достижении IX чина в «Табели о рангах» (титулярного советника) могли получить личное дворянство, не передаваемое по наследству.

Старости́ха — жена старосты. Староста — выборное должностное лицо для руководства небольшими территориальными единицами и общественными коллективами (сельский староста, церковный староста). В данном случае, видимо, речь идёт о церковном старосте.

С. 166. *Вы мне одолжите выкроечку вашей визитки...* — Визитка — разновидность мужского костюма, предназначавшегося для визитов, а также женский жакет (короткое женское пальто, узкое в талии).

...хочется чёрный муаре сделать. — Муар (фр. *moiré*) — плотная шёлковая или полущёлковая ткань с волнообразным отливом или разводами, переливающимися на свету разными оттенками. Использовался для изготовления платья или отделки.

С. 168. *...выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я по крайней мере в гимназии курс кончил.* — Пансион — закрытое учебное заведение в дореволюционной России. В отличие от гимназии, в пансионе могли не изучать древние языки, т. е. обучение носило более поверхностный характер.

С. 182. *Засоваться* — захлопотаться, «начать или стать соваться, метаться, суетиться» (*Даль. Т. 1. С. 637*).

С. 183. *Манишка* — вид мужской одежды. См. комментарий на с. 685.

Дрожки — вид экипажа, получил своё название от дрог — длинных продольных брусьев, соединяющих обе оси, которые заменяли рессоры, амортизируя толчки и смягчая тряску. Не использовались для езды на длинные расстояния. Преимущественно городской экипаж.

...на пристяжке ходит. — Пристяжными назывались боковые лошади в тройке. Коренник (средняя лошадь), как правило, бежал рысью, пристяжные — галопом.

...органчик ~ канареек учить... — Органчиком назывались небольшие заводные музыкальные инструменты. Видимо, использовались для обучения пению домашних канареек — модного новшества в мещанской среде того времени.

С. 184. *Правительствующий сенат* — высшее государственное учреждение, ведавшее надзором за соблюдением законности и рассмотрением судебных апелляций. В Москве располагались некоторые департаменты Сената.

Коллежский секретарь — чин X класса в «Табели о рангах». В армии ему соответствовал штабс-капитан. Чин давался по окончании университета. Закончить службу в этом чине означало прервать служебную карьеру на полдороге.

С. 187. Из «Роберта-Дьявола» — *Grâce*. — Речь идёт о каватине Изабеллы (фр. *grâce* — пощады) из оперы Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» (первая постановка в Париже состоялась в 1831 г.), имевшей сенсационный успех и бывшей в большой моде до появления произведений Вагнера. Опера имела успех у русских романтиков. Особенно восхищался ею Ап. Григорьев, написавший восторженный отзыв в очерке «Роберт-дьявол» за подписью «А. Трисмегистов» (*Репертуар и пантеон*. 1846. № 2. С. 244—256). Позднее Ап. Григорьев перевёл либретто оперы на русский язык (СПб., 1863). Подробнее см. об этом: *Ап. Григорьев*. Воспоминания. М., 1988. С. 177—188; 406.

С. 191. *Салон* — верхняя женская одежда, представлявшая собой широкую длинную накидку с прорезями для рук или небольшими рукавами. Особенно ценился соборный салон.

С. 210. ...бубновый король марьяжный... — В гадании на картах — предвещающий свадьбу: от *марьяж* — брак, свадьба (*Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С. 272).

С. 222. *Гулимоны* — забавы, развлечения (Там же. С. 110).

С. 226. ...со светлыми пуговицами сидят. — Светлые пуговицы — блестящие металлические пуговицы на форменной одежде чиновников (Там же. С. 474).

...пуншику попою. — Пуншем назывался спиртной напиток из рома, вскипячённого с сахаром, водой и фруктовыми приправами. См. комментариев на с. 676.

Капот — широкая распашная одежда с рукавами, без перехвата в талии. Были домашние и уличные, тёплые капоты.

Да ты не хайли. — Хайлить — кричать, орать.

Что горло-то распустил? — Распустить горло — раскричаться, разорваться.

С. 227. *Чуйка* — длинный суконный кафтан халатного покроя. Чаще всего чуйку можно было видеть на купцах и мещанах — трактирщиках, мастеровых, торговцах.

...в Рогожскую провожал... — Речь идёт о Рогожской ямской слободе на окраине Москвы, где размещались постоянные дворы.

Олаберный. — Словарь В. Даля фиксирует лексему «алабор» как костромское бранное слово, означающее «бестолковый», «косноязычный» (*Даль*. Т. 1. С. 9).

С. 234. *Это ещё до француза было...* — До француза — до нашествия Наполеона в 1812 г.

Е. Н. Белякова

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

Впервые опубликовано: *Москвитянин*. 1853. № 5. С. 3—74 (цензурное разрешение — 1 марта 1853 г.). В этом же году вышла отдельным изданием: *Островский А. Н.* Не в свои сани не садись. М.: Тип. В. Готьё, 1853.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3098. Ед. хр. 1;

— авторизованная писарская копия (АПК): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 10;

— авторизованная театральная копия (АТК) — режиссёрский экземпляр Малого театра: МТ. Н. 58. Инв. 2916.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Сочинения*. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд. Г. А. Кушелёва-Безбородко, 1859 — с учётом исправлений, сделанных Э. Л. Ефременко (ЛСС-12. Т. 1. С. 533—534).

С. 243

¹² *Вместо: Пьёт. — Пьют.* (по ЧА, АПК)

²⁹ *Вместо: не думайте — не подумайте* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 244

⁸ *Вместо* сделай то — сделай то-то (по ЧА, АПК, АТК)

С. 245

^{24—25} *Вместо: примерно сказать — примерно сказать тебе* (по ЧА, АПК, АТК)

^{35—36} *Восстановлена ремарка: (подпирает руки в боки и сидит с важной физиономией)* (по ЧА)

С. 248

⁷ *Вместо: ходит иногда — заходит иногда* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 250

⁰⁰ *Вместо: половой откупоривает — Половой ~ и откупоривает бутылку.* (по ЧА)

С. 251

³¹ *Вместо: Раскланиваются — Раскланивается* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 253

¹⁵ *Вместо: сейчас уеду — сейчас же уеду* (по ЧА, АПК)

С. 258

³ *Вместо: притворяться — прикидываться* (по ЧА)

С. 259

⁶ *Вместо: Бог велит — Бог даст* (по ЧА)

С. 261

^{7—8} *Вместо: боюсь — всё боюсь* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 262

^{3—5} *Вместо: Мудрён ведь этот народ! Решительно не знаю ~ куда кривая не вынесет. — Решительно не знаю... ну, да уж пушусь на счастье, куда кривая не вынесет.. Мудрён ведь этот народ!* (по ЧА)

²⁴ *Вместо: такой — таков* (по ЧА)

С. 263

²³ *Вместо: Был бы сам — Был бы я сам* (по ЧА)

²⁶ *Вместо: Где это? — Где они?* (по АПК, АТК)

С. 265

^{23—24} *Вместо: какая возможность — какая-нибудь возможность* (по ЧА, АПК)

С. 266

⁵ *Вместо: как бы — кабы* (по АПК, АТК)

С. 267

⁷ *Вместо: горе там — горе такое* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 269

³¹ *Вместо: Ах, тятенька — Ах, тётенька* (по ЧА, АПК, АТК)

С. 272

⁷ *Вместо:* об этом — об том (по *ЧА, АПК, АТК*)

С. 273

⁶ *Восстановлена ремарка, пропущенная в первой публикации: (нетвёрдым голосом)* (по *ЧА, АПК, АТК*)

С. 276

²⁵ *Вместо:* на гибель — на погибель (по *ЧА, АПК, АТК*)

С. 278

³¹ *Вместо:* Поживи — Поживёшь (по *ЧА, АПК, АТК*)

С. 279—280

³⁶⁻¹ *Вместо:* А посмотри-ка, как он завтра — А ты посмотри-ка, как он завтра (по *ЧА*)

С. 281

¹⁴ *Вместо:* идите себе — идите к себе (по *ЧА, АПК, АТК*)

¹⁸ *Вместо:* Будьте спокойны — Будьте покойны (по *ЧА, АПК, АТК. Москв.*)

С. 282

¹⁴ *Вместо:* как хочешь — как хочет (по *АПК, АТК*)

15 мая 1852 г. Островский впервые сообщает М. П. Погодину о новой комедии и о том, что «доставит» её, вероятно, ранее сентября. В начале августа пьеса была в основном завершена, но тут вступают в силу особенности творческого процесса Островского, о которых он в письме к Погодину от 9—10 августа 1852 г. пишет: «Пришлите мне какого-нибудь переписчика. Если я сам стану переписывать, то кончу не ближе будущего нового года: во 1-х, потому что 50 листов, а во 2-х, потому что я буду по часу думать над каждой строкой, нельзя ли её как поправить. Это уж моя страсть». Окончательная точка к сентябрю поставлена не была. В письме от 28—29 августа 1852 г. Островский вновь сообщает Погодину: «Бог мне помог написать хорошую комедию; но Вам я её прочту только тогда, когда совершенно отделаю. Я дней 5 посижу дома и займусь ей...» И чуть позже, 30—31 августа 1852 г.: «Я должен ещё дня три заняться своей комедией и прежде совершенной отделки её не хочу к Вам являться, да и не могу, потому что болен». 6 октября состоялось чтение комедии автором. И только в письме от 15—16 ноября 1852 г. он сообщал Ф. А. Бурдину: «Новую комедию я кончил и на днях отправляю в Петербург».

Э. Л. Ефременко выделяет две редакции пьесы, учитывая цвет чернил, а также то, что некоторые фрагменты *ЧА* написаны карандашом. Первая «содержится в нижнем слое этого автографа (написанном карандашом и более светлыми чернилами). В результате поправок, существенно изменивших первоначальный текст комедии, появилась вторая её редакция (верхний слой автографа)...» (*ПСС-12*. Т. 1. С. 535). Однако в данном случае предпочтительнее говорить о естественно возникающих в процессе работы видоизменениях текста, в концептуально-художественном отношении не столь значительных, чтобы называть их отдельной редакцией. По этой же причине нет оснований выделять и третью редакцию, которой, по мнению Э. Л. Ефременко, является *АПК*.

Как свидетельствует *ЧА*, комедия имела ещё одно название: «От добра добра не ищут». По мнению Э. Л. Ефременко, оно возникло на раннем этапе работы

(Там же). К этой точке зрения склонялся и Н. П. Кашин (*Кашин*. С. 135). Но нельзя исключить, что название «От добра добра не ищут» появилось уже вслед за имеющимся и потом было зачёркнуто.

Круг действующих лиц комедии сложился не сразу. Не сразу были найдены имена героев, уточнялись характеристики. Существующие разночтения афиши *ЧА* с обозначенными действующими лицами основного текста могут быть сведены к шести группам.

1. В афише *ЧА* не названы Андрей Андреич Баранчевский и Степан, слуга Вихорева. Хотя Баранчевский в перечне «Лица» не значится, далее в действии он участвует, но только под другими именами: сначала — Алексей, затем «его имя было обозначено буквой П. (в III действии, явл. 7-м его фамилия — Петренков), а во 2-м действии — буквами М. Ф.» (*Кашин*. С. 135). Персонаж по имени Степан на страницах *ЧА* так и не появится.

2. В *ЧА* обозначены персонажи, которые из окончательного текста комедии исчезнут. Такова Антоновна, ключница Русакова.

3. Изменились имена многих героев пьесы. Селиверст Потапыч Маломальский первоначально имел отчество — Иванович. Иван Петрович Бородин сначала был Петром Ивановичем Бородиным. Имя Анны Антоновны внесено впоследствии, сначала она названа просто «жена» (4 и 6 явл., I д.). Виктор Аркадьич Вихорев обозначен как Фёдор Фёдорович Ганц. С этим именем он и действует в *ЧА*, хотя на отдельных листах, относящихся к I действию, этот персонаж выведен под фамилией Вольфов.

4. Иным был порядок размещения действующих лиц. На первое и второе место изначально вынесены имена Максима Федотыча Русакова и Авдотьи Максимовны, его дочери. Но далее, в отличие от основного текста, шли Маломальский, его жена Анна Антоновна и Бородин. Имя сестры Русакова, Арины Федотовны, названо после имени Бородина.

5. В окончательном тексте в афишу внесены уточнения, касающиеся социального статуса персонажей и некоторых иных характеристик. Селиверст Потапыч (в *ЧА* — Иванович) Маломальский сначала значился просто «содержателем гостиницы» (*ЧА*. Л. 1), впоследствии он — «содержатель трактира и гостиницы». Иван Петрович Бородин сначала предстаёт как «молодой купец», в окончательном варианте характеристика конкретизирована: «молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок». Фёдор Фёдорович Ганц (будущий Вихорев), первоначально «проезжий офицер», впоследствии превращён в «отставного кавалериста». Арина Федотовна, сестра Русакова, сначала названа «пожилой девицей», в окончательном варианте она — «пожилая девушка». Наконец, половой (и это вновь свидетельствует о тенденции к конкретизации) впоследствии фигурирует как «половой в гостинице».

6. Уже в *ЧА* Островским будет изменено название уездного города, где происходит действие: в афише это Малинов, а несколько дальше в тексте — Черёмухин.

I действие начиналось с явления, которое в основном тексте стало 2-м. То же самое было и во II действии. Во 2-й сцене III акта отсутствовало 4-е явление, а рукописное 4-е явление соответствует 5-му явлению окончательного текста. Наблюдаются и другие композиционные изменения. Так, после диалога Маломальского с женой (4 явл. окончательного текста) следовал набросок явления, содержащий

разговор Ганца с половым, частично сохранённый (хотя значительно переработанный) для 5-го явления. 7-е явление I действия было слито с 6-м, 9-е — с 8-м.

Рукопись изобилует и другого рода изменениями, особенно в речи героев, в меньшей степени — в ремарках, большинство из которых вошло в основной текст. В процессе написания пьесы Островский как расширял высказывания персонажей, так и сокращал их. Подавляющее большинство исправлений определялось сценической природой текста, стремлением к углублению характеристики персонажей (нередко за счёт психологических речевых деталей), к созданию необходимого лексического и интонационного строя реплики.

Другая заметная тенденция — замена Островским нейтральной лексики словами с просторечной окраской: не то — не токма; сначала — сперва-наперва. В 14-м явлении II действия в речи Максима Федотыча не сразу было найдено слово «степенный» («Ах, Дуняшка, кабы я знал, что он степенный человек...»). В ряде случаев найдены слова, воссоздающие особый, свойственный героям Островского колорит речи. Так, первоначально было: «Ко мне зашла Авдотья Максимовна» (ЧА. Л. 11; слова Анны Антоновны, обращённые к Ганцу). Впоследствии более яркими чернилами вставлена фраза «Ваш предмет у меня теперь сидит», сохранённая в основном тексте.

Встречаются и случаи, связанные с интонационной правкой, внешне, кажется, незначительной, но для «слушавика» Островского имеющей принципиальное значение. В речи Бородинки первоначально было: «Так это он врёт: а кто меня видел пьяным» (ЧА. Л. 2 об.). Затем драматург зачёркивает частицу «а», отчего интонация фразы заметно меняется.

Снимает Островский и не вполне вяжущиеся с отношениями героев характеристики. Так, поначалу Анна Антоновна с панибратской фамильярностью, как «своего», ударяла Ганца рукой по плечу (ЧА. Л. 11 об.). Слова Вихорева о желании жениться на дочери богатого купца: «Понимаешь ли ты, что я за этим ехал сюда!...» — в ЧА обращены сначала к половому, в итоге адресованы Баранчевскому, в результате чего неестественная открытость Ганца (Вихорева) с половым снимается. Обращённые к Маломальскому слова Русакова «Я, сват, я выпью» (ЧА. Л. 6) были зачёркнуты и переданы Маломальскому как характерные именно для этого персонажа.

Отдельные реплики, поначалу отсутствовавшие, но появившиеся ещё в ЧА, усиливают звучание намеченных в пьесе мотивов. Так, в монолог Ганца (8 явл., II д.), помимо прочих изменений первоначально написанного текста, на каком-то этапе включена фраза «Ну, борода, поговорим теперь с тобой» (ЧА. Л. 20 об.). Мотив бороды, заданный ещё в афише фамилией Бородинки и олицетворяющий принадлежность к русской традиции, совести и порядочности, а в глазах Ганца (Вихорева) невежество и темноту, оказался не только акцентирован, но и расширен. При этом в развёртывании сквозных мотивов Островским соблюдена мера. В окончательном тексте, например, снята обращённая к сестре реплика Русакова «Ты приехала из Москвы-то с заразой своей...» (ЧА. Л. 37 об.). Оставлено более нейтральное, хотя в авторской аксиологии, безусловно, негативное, развёртывание темы Москвы.

Авторизованная писарская копия отражает следующий этап работы над пьесой. Большинство содержащихся в ней изменений (в сравнении с ЧА) войдут в текст, опубликованный в «Москвитянине», который, однако, в ряде случаев существенно

отличается от текста *АПК*. В ряду известных на сегодняшний день первоисточников она занимает промежуточное положение между *ЧА* и публикацией «Москвитянина». Доказательством служит то, что текстовые фрагменты, отсутствующие в *ЧА*, но появляющиеся в журнальной публикации (а затем и в основном тексте), были уже в *АПК*. В то же время текст *АПК* не тождествен опубликованному в «Москвитянине», он ещё несёт на себе следы напряжённой работы и большую связь с черновым автографом. В третьем действии *АПК* наблюдается неожиданное возвращение к первоначальному варианту имени Вихорева (Фёдор Фёдорыч), которое, хотя и было исправлено во всех случаях, тем не менее, несёт печать *ЧА*. Это тем более неожиданно потому, что в *АПК* (правда, в перечёркнутом фрагменте — 5 явл., I д.) встречается ещё один вариант его имени: прежний Фёдор Фёдорович Ганц и Вольфов назван Лихаревым¹.

В сравнении с рукописями текст, опубликованный в «Москвитянине», более приближен к завершённому. Но он изобилует многочисленными опечатками и в ещё большей степени — пунктуационными ошибками. Неслучайно качество публикации не удовлетворило Островского, о чём он 28 марта 1853 г. писал Погодину: «При отдельном издании надобно будет приложить листок опечаток, которых много. Вы распорядитесь, а я займусь этим». Однако и в отдельном издании, в основе которого лежал текст из «Москвитянина», число ошибок (особенно пунктуационных) велико. Гораздо тщательнее подготовлен текст в собрании сочинений 1859 г., изданном Г. А. Кушелёвым-Безбородко (хотя и здесь встречаются вызванные недосмотром издателей неточности).

В режиссёрской копии Малого театра Островским было восстановлено несколько пропущенных слов и устранено несколько искажений.

Публикация в «Москвитянине» должна была открываться посвящением Е. П. Ростопчиной, однако Погодин отсоветовал это делать. Известно также, что письмо Островского, адресованное К. А. Зедегольму (конец мая 1853 г.), московскому лютеранскому пастору, переводчику пьесы на немецкий язык для постановки в Берлинском театре, содержит «режиссёрский» комментарий автора к характеристикам действующих лиц, описанию места действия и др.

За несколько месяцев до публикации в «Москвитянине» пьеса была послана в театральную цензуру, в связи с чем Островский в письме от 19 ноября 1852 г. просил Погодина: «Если можно, то замолвите о ней словечко кому следует. Против неё, как мне известно, уже начинаются интриги». Узнав, что пьеса была затребована в Петербург к директору императорских театров А. М. Геденову, Островский в конце декабря 1852 г. вновь обратился к Погодину: «Михайло Петрович, похлопочите ещё раз за меня, напишите к Геденову сыну² чтобы он походайствовал у отца, чем Вы меня обяжете очень много». Э. Л. Ефременко установлено, что на письмо Погодина С. А. Геденов 5 января 1853 г. ответил: «О пьесе “Не в свои сани не садись” я узнал, что запрещена не будет» (*ПСС-12*. Т. 1. С. 536).

Н. В. Капустин

¹ Подробнее см.: *Капустин Н. В.* Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись»: поиски имени // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки»*. Филология. История. Философия. 2014. № 3. С. 3—8.

² Речь идёт о С. А. Геденове, который был студентом М. П. Погодина в Московском университете.

Отзывы о пьесе литераторов, современников драматурга, появились сразу после публикации и премьерных спектаклей. О несомненном успехе «замечательной» драмы сообщает 4 (16) марта 1853 г. А. С. Хомяков в письме к графине А. Д. Блудовой: «Успех огромный и вполне заслуженный. Жаль только, что в сцене на постоялом дворе нет того развития и той постепенности, которые должны были дать полноту художественному творению. Автор забыл, что купеческая дочь представляет благородному жениху капитал во сто тысяч и что он не может и не должен вдруг терять надежду на аферу. Как бы то ни было, драма всё-таки очень хороша, и Островский оправдывает надежды, которые подал первыми своими произведениями» (*Русский архив*. 1884. № 3. С. 214—215).

Своими впечатлениями И. С. Аксаков 11 (23) марта 1853 г. делится в письме к И. С. Тургеневу: «Впечатление, производимое этою пьесой на сцене, не только силою своею побеждает все предубеждения, но едва ли с каким-либо прежде испытанным впечатлением сравниться может. Вполне понятна эта пьеса только в театре. Но пьеса — чисто временщица, то есть вполне принадлежит времени и глубже не зачерпывает. Бородин — главное лицо — не характер, а представитель известного сословия и положения. Нравственное достоинство человека, заслонённое до сих пор смешною внешностью и купеческою ложною образованностью, здесь ярко выступает на сцену в состязание с представителем другого сословия, в котором нет ничего смешного, все *comme il faut*¹ и уместно, но в котором зато не оказывается никакого нравственного достоинства. Впрочем, едва начнёт стираться эта смешная купеческая внешняя физиономия, тогда побледнеет контраст между внутренним достоинством и внешним его выражением, и пьеса утратит своё теперешнее огромное общественное значение» (*Русское обозрение*. 1894. Сентябрь. С. 28).

Высокую оценку пьесе дал Тургенев. 14 (26) марта 1853 г. он писал П. В. Анненкову из Спасского: «Комедию Островского прочёл нам на днях М. С. Щепкин... Прочёл её он отлично, и впечатление она произвела большое — но у меня всё из головы не выходит "Père de famille"² и другие драмы Дидеро... У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро, — но сентиментальность, слава Богу, кажется, навсегда умерла. Словом, пьеса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант, — но ведь и здесь отразилось то "направление", против которого Вы так справедливо возражаете, или, говоря точнее — то стремление к *направлению*» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем*. Письма. Т. 2. С. 215). Под «направлением» Тургенев подразумевает славянофильскую ориентацию комедии, проявившуюся в идеализации патриархальности. Интересно, что в романе «Новь» действие одного из эпизодов (знакомство Нежданова и Сипягина) происходит в Александринском театре на спектакле «Не в свои сани не садись» с участием П. М. Садовского.

В январе 1854 г. литератор М. П. Бибииков делится своими впечатлениями от комедии Островского с Н. А. Рамазановым: «...а Островский твой — молодец: "Не в свои сани не садись!" — замечательная вещь. Одно только скажу тебе — это скорее драма, нежели комедия, и скорее просто сцена из купеческого быта, нежели драма. По-моему, канва не довольно серьёзно выткана, зато разговор — верх

¹ Прилично, как подобает (фр.).

² «Отец семейства».

правды, и характеры выдержаны на славу. С первых слов Вихорева видно, что он мошенник. Так и предчувствуешь беду для бедной девушки. А характер Русакова — характер доблестного боярина (каких уж теперь нет). Эта пьеса, кажется, — особенно с её обстановкой, — должна быть прелесть...» (ЛН. Кн. 1. С. 597).

Доброжелательный отзыв о комедии оставил Д. В. Аверкиев: «Это прелестнейшая бытовая картинка, какую только можно вообразить. Степень драматизма вполне согласуется со всей обстановкой; Дуня любит и горюет, Русаков любит дочь и гневается на неё, Бородин любит и защищает обиженную отцом дочь — именно с той степенью чувства и страсти, какая приличествует мирному и патриархальному их быту. <...> В этой мерности чувств и страстей одна из привлекательностей комедии; благодаря именно ей вся пьеса производит необыкновенно целостное впечатление — мило трогательное впечатление улыбки сквозь слёзы» (Аверкиев Д. В. Дневник писателя. СПб., 1886. С. 314—315).

Ещё до публикации в журнале «Москвитянин» оценки пьесы появились в отзывах на спектакль в Москве и Петербурге. Высоко оценил комедию, назвав её отрадным явлением, рецензент журнала «Пантеон»: «Верность и выдержанность характеров, мастерское изложение, ни на минуту не ослабевающий интерес действия ставят эту комедию наряду с лучшими произведениями нашей литературы». С особой похвалой автор отзываётся об А. М. Читау в роли Дуни и Ф. А. Бурдине в роли Бородина (Русский театр в Петербурге («Не в свои сани не садись»)) // *Пантеон*. 1853. Т. 8, № 3. Театральная летопись. С. 43—44).

Положительную характеристику пьесе дал близкий славянофилам критик Т. И. Филиппов: «Островский занимает в кругу наших современных писателей совершенно особое место; он один имеет право на звание писателя самостоятельного». Сравнивая «Не в свои сани не садись» с комедией «Свои люди — сочтёмся!», Филиппов отмечает: «...некоторые погрешности в частностях, некоторая бедность (разумеется, сравнительная) языка, всё это вознаграждается с избытком раскрытием драгоценных сторон нашего купеческого быта, правильной и с любовью совершенной их рисовкой, богатством и разнообразием ощущений, которые испытывает читатель, а ещё более зритель» (Филиппов Т. И. Летопись Московского театра («Не в свои сани не садись»)) // *Москв.* 1853. Т. 2, № 7. Московские известия. С. 130—136).

Позднее в статье о пьесе «Не так живи, как хочется» Т. И. Филиппов называл «Не в свои сани не садись» лучшим после комедии «Свои люди — сочтёмся!» произведением Островского. Критик считает, что «Свои люди...» написаны «по натуральной мерке», произведение было «задумано под сильным влиянием отрицательного воззрения на русскую жизнь». В пьесе же «Не в свои сани не садись» Островский «глубже и полнее» смотрит на русскую жизнь, и она «стала понемногу открывать ему свои заветные стороны, которые недоступны предубеждённому отрицанию, в которых рисуются существенные свойства нашего народного духа и в которых между прочим скрыт ответ на многие важнейшие вопросы, предстоящие мышлению современного человека». Филиппов видит в пьесах Островского выражение народных нравственных представлений, национальной философии жизни (Филиппов Т. И. Не так живи, как хочется (Народная драма в трёх действиях. Сочинение А. Н. Островского. М., 1855) // *Рус. беседа*. 1956. Т. 1. Критика. С. 70—100).

Благоприятно отзывался о пьесе и её постановке в Петербурге, увенчавшейся «блистательным и вполне заслуженным успехом», Н. В. Сушков, который увидел

комическое начало в намерении Островского «подтрунить над бедными искателями богатых невест». Бородин видится рецензенту как человек очень хороший, «но с ног до головы и с головы до ног» смешной: «Это не портрет, а карикатура честного, разумного и великодушного лица. <...> Действительно, кроме старика купца, отца невесты, все прочие лица, по обрисовке своей, обязаны только смешить, даже в сценах и положениях вовсе не комических, а между тем именно некомический-то характер и выдержан лучше всех». Сушков упрекает автора за неестественный для купеческой дочери обморок Дуни во II акте и замедленное развитие действия, но предполагает, что пьеса ещё долго будет украшать русскую сцену: «Новая пьеса даровитого и наблюдательного Островского прекрасна, увлекательна, и, пророчу, будет долговечна. Кто видел её однажды, конечно, увидит и ещё несколько раз, потому как смотрят “Женитьбу”, “Ревизора”» (Сушков Н. В. О пьесах Островского и Сухонина // *Северная пчела*. 1853. № 80. 10 апр. С. 318).

О постановках пьесы и самом произведении появились одобрительные отзывы в «Современнике». Автором одного из них был М. В. Авдеев: «Островский, один из талантливейших молодых авторов, недавно выступивших на литературное поле, явился в первый раз с таким замечательным произведением, что оно сразу поставило его высоко во мнении истинных ценителей искусства». По мнению критика, комедия «Не в свои сани не садись» «ниже, чем “Свои люди — сочтёмся”, но выше “Бедной невесты”, и в ней талант г. Островского высказался весьма счастливо». Авдеев обращает внимание на художественные достоинства произведения: «Общий состав и план комедии счастливо задуман, прост, верен и хорошо выполнен; в нём автор остаётся в исключительно избранной им среде купеческого быта, ему отлично знакомого. Столкновение этого быта с другими кругами представляет много в высшей степени интересных эпизодов, и одним из них автор прекрасно воспользовался». Высоко оценивая игру актёров Александринского театра («пьеса была разыграна очень хорошо»), рецензент отмечает, что Дуня в исполнении А. М. Читау — «существо простое, но доброе и хорошее», хотя характер Бородинки в пьесе «менее выдержан и последователен», однако «сцена заступничества» в финале в исполнении Ф. А. Бурдина «сама по себе прекрасна» (Письма «Пустого человека» в провинцию о петербургской жизни. (Письмо четвёртое) // *Совр.* 1853. Т. 38, № 3. Отд. VI. Современные заметки. С. 199—203).

В том же журнале в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» с большой похвалой отзывался о пьесе И. И. Панаев. В героях Островского он увидел уже знакомые типы: «Вихорев... лицо, верное действительности и чрезвычайно удачно поставленное. Это Снобс¹ по происхождению и добрый малый... взятый в трагическую, роковую для него минуту. <...> Как прекрасны эти мужики в своей простоте и как жалок этот Снобс, этот промотавшийся добрый малый, в своей наглости и в своих претензиях!» Панаев одним из первых обращает внимание на противопоставление в комедии героев, принадлежащих дворянской и народной культуре: «Мысль новой комедии выступает ярко и рельефно. В ней люди грубые, простые, необразованные, но с душой и прямым здравым смыслом поставлены рядом с людьми полуобразованными. <...> Автор

¹ Снобс, сноб (англ. snob) — человек, претендующий на особый вкус, манеры; хлыщ, разыгрывающий роль большого барина. В 1852 г. были опубликованы «Очерки английских нравов. Английские Снобсы» У. Теккерея (*Совр.* 1852. № 11, 12).

очень ловко воспользовался этим контрастом. Простые и грубые люди — этот Русаков и Бородин — являются у него чуть не гомерическими героями в сравнении с образованным Вихоревым. <...> Русаков и Бородин вовсе не подняты на ходули, вовсе не преувеличены, как думают некоторые. Это живые лица, взятые из жизни, без всяких прикрас, — в особенности Бородин». Положительно оценивает критик и образ Дуни («отлично выдержана автором»), подчёркивая, что лица второстепенные «очерчены мастерски»: «Такие Арины Федотовны и Анны Антоновны встречаются у нас на каждом шагу». В то же время Панаев высказывает несогласие с содержащимися в статье «Русская изящная литература в 1852 году» суждениями Ап. Григорьева, о том, что творчество Островского — это «новое слово» в нашей литературе: «Вообще “Не в свои сани не садись” — произведение замечательное, умно задуманное и выполненное, но не выходящее из ряда обыкновенных талантливых произведений. В нём мы не находим ещё обещанного *нового слова*...» (*Совр.* 1853. Т. 38, № 4. Современные заметки. С. 261—267).

После появления комедии в печати при общей положительной её оценке отклики о ней становятся ещё более разноречивыми. Рецензент «Русского инвалида» сравнивает спектакль и пьесу и говорит о том, что спектакль произвёл прекрасное впечатление, но сама комедия — иное: «Бесспорно, она имеет большие достоинства; автор выставил в ней купеческое сословие с самой благородной стороны; но от этого же произошли и недостатки: все эти лица несколько однообразны и похожи друг на друга, притом автор не совсем ясно выразил нам свою мысль. Что он хотел сказать — то ли, что каждое сословие должно быть верно самому себе, оставаясь в своих пределах и не переходить в другие сословия, или что истинная любовь не знает интереса? Публика, вероятно, подумала то и другое — вот чему автор обязан своим успехом». Автор рецензии сомневается в способности Вихорева влюбить в себя Дуню: «...самое похищение со стороны героини невозможно. <...> Автор держится старого правила соединять характеры положительные с отрицательными: так он ставит бесчестного Вихорева в параллель с добродетельным купеческим семейством — но от этого в комедии страдает искусство». Критик не принял жанрового обозначения пьесы, утверждая, что это «скорее драма, нежели комедия» (Фельетон (...Новая комедия Островского) // *Русский инвалид*. 1853. № 70. 29 марта. С. 1—2).

Корреспондент журнала «Пантеон» также считает, что литературное произведение слабее его сценического воплощения. Он возражает А. А. Григорьеву, назвавшему Островского первооткрывателем типов Русакова и Бородина, и говорит, что «нового слова» не случилось. С точки зрения рецензента, новее других лицо Бородина, но и на его характер есть намёки у Нарежного (Московский вестник. (Две книжки «Москвитянина») // *Пантеон*. 1853. Т. 9, № 5. Отд. 4. С. 11—12).

Разного рода упреки драматургу по поводу пьесы появились и в других изданиях. В «Северной пчеле» К. А. Полевой говорил об отсутствии новизны в образах персонажей Островского. Сравнивая Вихорева с героями Гоголя и Писемского, он приходит к выводу: «Вихорев противен тем, что в нём соединена с преступным развратом ветреность и глупость невозможные». При этом, с точки зрения рецензента, Вихорев ведёт себя непоследовательно, так скоро отказавшись от своего предприятия и так грубо обращаясь с Дуней на постоялом дворе. Кроме того, Полевой считает, что Островскому не даётся типизация: «... исключая Бородина, все

остальные, с некоторыми оттенками, одинаково изображаются во всех современных комедиях. Бородин выразил бы превосходный, истинный характер Русского человека, с врождёнными ему силами души, если бы автор потрудился поболее развить его» (*К. П. Русская литература («Бедная невеста». — «Не в свои сани не садись»)* // *Северная пчела*. 1953. № 128. 11 июля. С. 509—510).

С похвалой о пьесе отзывается Р. М. Зотов. Сравнивая «Бедную невесту» и «Не в свои сани не садись», он отдаёт предпочтение последней и на этом основании делает вывод о том, что талант Островского будет развиваться «crescendo» (Театральная хроника (*Р. З. Александринский театр. Бенефис Читау. «Бедная невеста»*) // *Северная пчела*. 1953. № 241. 30 окт. С. 961—962).

Сравнение пьесы «Не в свои сани не садись» с «Бедной невестой» появилось и в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Рецензент обращает внимание на сходство персонажей этих двух пьес: «...Вихорев напоминает Мерича, Бородин Милашина, а Дуня Марью Андреевну» — и делает вывод: «В «Санях», как называют эту пьесу москвичи, много сжатости и сосредоточенности действия, чего нет в «Бедной невесте»... недостаток действия зависит, как нам кажется, от недостатка в авторе сценической опытности...» (*И. Театральная хроника. (Бенефис Читау. «Бедная невеста»)* // *СПбВед.* 1853. № 243. 3 нояб. С. 993—994).

В журнале «Москвитянин» А. А. Григорьев в статье «Русские народные песни» пишет о народности творчества Островского. На примере песни Вани Бородинки «Вспомни, вспомни, моя любезная...» он показывает своеобразие народного отношения к поэтическому песенному слову, художественные достоинства народной песни, глубоко понимаемые Островским: «Законченное и цельнее этой песни трудно что-нибудь себе представить... Нечего говорить о её внутреннем, душевном значении: оно ярко, наглядно для всех выступило в известной высокой сцене между Бородинным и Дуней и в типическом же, как сама песня, порыве: «Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородин!»» (*Москва*. 1854. Т. 4, № 15. Критика и библиография. С. 115).

Полемику вокруг пьесы спровоцировал противоречивый отклик П. Н. Кудрявцева, который говорит о её сценичности и отводит ей первое место в репертуаре оригинальных русских пьес, но упрекает Островского в том, что он назвал её комедией, а не драмой. Пьеса понравилась рецензенту «простотой поэтической основы», способностью автора обставить материал «живыми лицами, мотивировать действие самую природою созданных характеров». Кудрявцев даёт оригинальные трактовки характеров героев: «...откуда ни подойди к Русакову, отовсюду виден «человек». В упрек ему как характеру можно сказать разве одно, что он слишком идеален». Бородинку же рецензент сближает с Подхалюзинным: «Это, что называется, малый не промах... человек он, как кажется, довольно ловкий в своих делах и практический...» Сватовство Бородинки к Дуне Кудрявцев объясняет тем, что Дуня — «невеста выгодная». Главным упреком, обращённым к драматургу, является то, что его «поэтическим созданиям... недостаёт этой удивительной прозрачности в характерах, к которой приучены... Гоголем». Дуня, по мнению Кудрявцева, — «дитя природы», так как она «легко отдаётся своему чувству», а «воли у неё нет никакой», и «к глубокой страсти» она «тоже не способна». Вихорев, в представлении Кудрявцева, — это особый тип: «проезжий», «человек без всяких правил», изображением которого Островский ничего нового в литературу не внёс. Русаковы

и Бородкины «кажутся истинными великанами перед этим пигмеем нравственного чувства». Авторская тенденция, по мысли критика, выражается в противопоставлении людей необразованных образованным в пользу первых. Оценивая построение пьесы, критик замечает, что оно осуществлено «большею частью очень искусно», особенно в сравнении с «Бедной невестой», в которой много лишних сцен и персонажей, в новой же пьесе почти лишними считает Баранчевского и Анну Антоновну (Журналистика // ОЗ. 1853. № 87. Отд. № 5. С. 100—120).

Одним из первых на статью Кудрявцева откликнулся рецензент журнала «Пантеон» (предположительно, Ф. А. Кони). Как и Кудрявцев, он увидел недостаток драмы в том, что в ней необразованные лица противостоят лицам образованным. Однако рецензия в основном носит характер положительный. Её автор возражает Кудрявцеву, обвинявшему Островского в идеализации и непоследовательности характера Бородкина. Главным достоинством пьесы критик считает её простоту, отмечая при этом, что Островский «умел возвести эту простоту до художественности, умел придать интерес самым обыкновенным положениям, заставить полюбить созданных им лиц, и Русакова, и Бородкина, и Дуню, несмотря на свойственную им внешнюю неуклюжесть, потому что умел выставить из-под этой неуклюжести их внутреннюю человеческую сторону, которая не могла не затронуть человечности зрителей». Рецензент считает, что «характер Бородкина логически и психически верен, точно так же, как и прочие характеры пьесы», хотя в художественном отношении эти лица и уступают Гоголю. По мнению Кудрявцева, у Островского «нет ещё мастерства в высокой степени, но его лица написаны живо». Высоко оценил критик образ Дуни («существо простое, нравственно слабое, нравственно неразвитое»), в котором Островский нашёл типические, «характеристические черты». Говоря о сценичности пьесы, появление которой он назвал «истинным праздником», рецензент отмечает, что в этом отношении драматург сделал огромный шаг вперёд со времени написания комедии «Бедная невеста»: «...сколько там длинных и бесполезных сцен, настолько здесь сжатости». Лишними в пьесе рецензент считает только лицо Баранчевского, песни Дуни и Вани (Русский театр в Петербурге («Не в свои сани...»)) // *Пантеон*. 1953. Т. 8, № 4. Театральная летопись. С. 25—38).

Более резкую отповедь Кудрявцеву дал близкий в те годы Островскому Е. Н. Эдельсон. Ему «не понравился общий тон статьи», где о пьесе сказано «с какой-то сухой и уклончивой похвалой потому только, что в ней выразилось направление, не разделяемое журналом, где помещена рецензия». Эдельсон возражает критикам, высказавшим драматургу упрёки в том, что «героизм Бородкина не довольно мотивирован», что «собственное идеальное настроение автора облагородило всё нравственное существо» его героев. Решительно не принял критик и негативную характеристику Дуни, а также разделение героев на образованных и необразованных. Эдельсон считает, что Островский не стремился показать торжество образованности над необразованностью (Э. Отечественные записки. 1853. № 4, апрель // *Москв.* 1853. Т. 3, № 9. Журналистика. С. 43—48).

Не принял позиции Кудрявцева и А. В. Дружинин, в «Письме Иногороднего подписчика о русской литературе» назвавший комедию «прекрасным произведением» и отметивший, что она отличается «простотой и артистической воздержностью, как в целом, так и в частностях». С точки зрения критика, главным недостатком пьесы является то, что в языке персонажей Островский смешал вечное

и временное: «Язык, которым говорит большая часть его действующих лиц, через пятьдесят лет будет забыт в тех самых классах, которые на нём говорят ныне; и чтобы уразуметь в нём самое смешное и меткое, понадобится комментарий, скучный, сухой комментарий!» При этом Дружинин заключает: «...в целом же пьеса “Не в свои сани не садись” отличается и вкусом, и воздержностью в употреблении красноречия, и сжатостью речей, и мастерским ходом действия, сделавшим сценический успех комедии до такой степени блистательным» (*БдЧ*. 1853. Т. 119. Смесь. С. 71, 72, 75, 79).

Борьба за Островского объясняет особую позицию в отношении к драматургу и его пьесе со стороны журнала «Современник», находившегося в конфронтации с «Москвитянином». После положительных отзывов на комедию М. В. Авдеева и И. И. Панаева в рецензии на «Бедность не порок» Н. Г. Чернышевский поддержал Кудрявцева, одновременно выступив против критиков «Москвитянина». Он упрекает Островского в идеализации патриархальных устоев, в том, что в его комедии «ясно и резко было сказано: полуобразованность хуже невежества, но не прибавлено, что лучше и той и другого: истинная образованность». Критик иронизирует над тем, что драматург следует традиции «комедий старого времени», называя своих героев говорящими именами: «...представитель (мнимо) русских по преимуществу понятий назывался... Русаковым, представитель верности старинным обычаям — Бородкиным, представитель модной пустоты и ветрогонства — Вихоревым». Чернышевский считает, что в пьесах «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок» Островский «впал в приторное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо», а поэтому «произведения вышли слабые и фальшивые» (*Бедность не порок, комедия. А. Островского // Совр.* 1854. Т. 45, № 5. Библиография. С. 14—24).

Отвечая Чернышевскому, Б. Н. Алмазов справедливо замечает, что статья «неприятно поразила неприличием тона, поверхностью взгляда, неловкостью изложения, какою-то злостью и придиричивостью» (*Б. А. Современник. №№ 4—5 // Москв.* 1854. Т. 4, № 13. Журналистика. С. 36—38).

Упрёк «Современнику» в изменчивости суждений по поводу произведений Островского появляется в журнале «Пантеон» (Петербургский вестник. Литература. Журналистика. (...Критика «Современника») // *Пантеон*. 1854. Т. 15, № 6. Июнь. Отд. 4. С. 12).

В «Отечественных записках» С. С. Дудышкин обращает к журналу «Современник» те же упрёки в непоследовательности его позиции, основываясь прежде всего на статье Чернышевского. Автор говорит о несправедливости отзыва о произведениях Островского и о том, что его крайне удивила статья «своей опрометчивостью суждений, ничем не доказанною» (*Журналистика. (...Критические отзывы «Современника» о произведениях Островского, Евгении Тур и Авдеева) // ОЗ*. 1854. Т. 94. Отд. 4. С. 157—162).

В ответе Дудышкину Чернышевский в статье «Об искренности в критике» многословно и малоубедительно оправдывает позицию журнала, заявляя своё право на искренность в критике, о которой писал ещё В. Г. Белинский (*Совр.* 1854. Т. 46, № 7. Критика. С. 6—12).

Однако позиция «Отечественных записок» в отношении к Островскому и его пьесе также не была последовательной. В том же номере журнала за 1854 г., где

был помещён положительный отзыв Дудышкина, П. Н. Кудрявцев в рецензии на «Бедность не порок» вновь допускает иронические суждения в адрес драматурга, талант которого называет талантом «периодического творчества», поскольку его пьесы появляются каждый год. Кроме того, рецензент искажает содержание пьесы «Не в свои сани не садись», предупреждая читателя о том, что Митю можно смешать с Бородинским; обоих героев критик подозревает в корыстолюбии: «У них не только одно положение, но, можно сказать, одна и та же страсть: оба они бедны — небогаты, по крайней мере, и любят каждый дочь своего богатого хозяина, разумеется, любовью безнадежною, хотя им и отвечают некоторою взаимностью». Кудрявцев иронизирует и по поводу «нового слова», сказанного Островским, говоря о том, что «новое слово» русской литературы, по мнению Ап. Григорьева, это пьяница Любим Торцов (Новые книги (Бедность не порок. Комедия в 3-х действиях, соч. А. Н. Островского. М., 1854) // *ОЗ*. 1854. Т. 94. Отд. IV. С. 79—101).

Е. Н. Эдельсон, глубоко возмущённый рецензией Кудрявцева, упрекает его в недобросовестности и придирчивости, объясняемых лишь духом партии, то есть западнической позицией журнала (*Е. Э.—н. Отечественные записки*. 1854. № 6 // *Москв.* 1854. Т. 4, № 14. Журналистика. С. 88—90).

Статьёй «О комедиях Островского и их значение в литературе и на сцене» в 1855 г. включается в полемику А. А. Григорьев, отмечая непоследовательность позиции «Современника»: «Комедия “Не в свои сани не садись” своим огромным сценическим успехом опять ошеломила критику. Долго не решалась она высказать своего негодования на существование Русакова и Бородинки и только в недавнее время объявила комедию слабою, лица Бородинки и Русакова невозможными» (*Москв.* 1855. Т. 1, № 3. С. 97—118).

В 1856 г. по поводу противопоставления образованных и необразованных героев в пьесах драматурга высказался В. Я. Стоюнин: «Здесь автор как будто хочет показать, что в каждом сословии есть лица прекрасные, благородные, умевшие сохранить нравственное чувство, хотя они и не могут называться образованными, да и не думают так называть себя». Стоюнин говорит о ложной образованности Вихорева, Липочки, Арины Федотовны, Торцова, Коршунова и др., но в заслугу драматургу ставит то обстоятельство, что в его пьесах есть герои, стремящиеся к истинной образованности, как, например, Андрей Брусков (*Стоюнин В. Некоторые вопросы по поводу комедии Островского «В чужом пиру похмелье»* // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 5. 29 янв. С. 88—92. Поправки. Ч. 1, № 6. 5 февр. С. 109—110).

После появления пьес «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» критики всё чаще начинают упрекать драматурга за ложную идею, имея в виду его симпатии к славянофилам. Особую неприязнь у ряда рецензентов вызывают слова Григорьева о «новом слове», сказанном Островским, и тот факт, что журнал «Москвитянин» активно защищает своего автора. В 1856 г. в «Библиотеке для чтения» комедия «Не в свои сани не садись» была названа лучшей пьесой после «Своих людей...», но при этом рецензент журнала высказал убеждение в том, что произведения Островского «вредит... нарочито предпосылаемая идея, которая часто звучит очень резко и в ущерб действующим лицам» (Для лёгкого чтения. Повести, рассказы, путешествия и стихотворения современных русских писателей. Т. II. СПб., 1856 // *БдЧ*. 1856. Т. 139, № 9. Литературная летопись. С. 24).

Особую остроту полемика вокруг пьесы приобретает после рецензии Н. П. Некрасова на «Сочинения А. Островского в двух томах (СПб., 1859)». Критик упрекает современных драматургов в том, что их произведения создаются «под влиянием чистой действительности», а Островского он называет виновником «чисто реального направления комедии». Некрасов высмеивает сюжеты пьес «Свои люди — сочтёмся!» и «Не в свои сани не садись» как поверхностные и нравоучительные, говорит о пошлости нравоучения в самой поговорке «Не в свои сани не садись». Верность Островского действительности, с точки зрения Некрасова, означает отсутствие в произведении «поэтического достоинства». Некрасов не находит в комедии комических персонажей: «Маломальский один лицо комическое и довольно оригинальное. <...> Но зачем Русаков попал в комедию? Ведь он человек умный, дельный и опытный?» «Поучительный» образ Бородинки у Некрасова вызывает иронические замечания: «Бородин — это чудный герой в поддѣвке для нашей православной драмы. Какая покорность, какая добрая душа у него! Одно слово — голубь!» Общий вывод Некрасова о пьесе звучит так: «Произведения г. Островского, выражая жизнь действительную, сами по себе не имеют никакой жизни; в них нет ни идеи, ни действия, ни характеров истинно поэтических...» (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 458—499).

С решительным приговором таланту Островского выступил в «Отечественных записках» Н. С. Назаров, упрекая Н. П. Некрасова за то, что тот не увидел постепенного падения дарования Островского. Проследившая развитие творчества драматурга от «Семейной картины» до «Воспитанницы», Назаров утверждает, что каждая следующая пьеса слабее предыдущей, и причина тут в том, что творческие силы драматурга «попали под роковое влияние ложных идей», идей славянофилов, которые погубили и Гоголя. По мнению Назарова, Островский убил свой талант тем, что, «рождённый для комедии, он взялся за драму, и тем ещё, что писал на заданную тему». Поэтому «рукоплескали не идеям его, а частным красотам его произведений, поразительным и ярким». По словам критика, в «комедии-драме» «Не в свои сани не садись», с её «ложной» идеей, «старому приносилось в жертву новое, патриархальности — цивилизация»: «Идея эта ужасна: идея каст, идея разделения сословий. Автор полагает, что Дуня непременно несчастлива была бы, если б вышла за Вихорева. <...> Почему же образованному развитому дворянину не жениться на купчихе, мещанке, крестьянке, если только она тоже девушка образованная и развитая... Ведь следуя логике г. Островского, и мещанке не следует выходить за купца, а крестьянке за мещанина и наоборот». Критик пишет об отсутствии у драматурга мастерства, произвольно истолковывая характеры и ситуации в пьесе: «Только отдельные сцены тут прекрасны, в общем же нет цельности и строя в ходе действия, нет естественности, натяжки на каждом шагу; характеры исполнены несообразностей. Идеальные личности Русакова, Дуни, Бородинки были бы хороши, если б только уничтожить их идеальность; Баранчевский совершенно лишний в пьесе; Вихорев искусствен и бесцветен; личности: Маломальского, его жены Анны Антоновны и Дуниной тётки, Арины Федотовны, превосходны». Назаров усмотрел внутреннее противоречие в личности Русакова, у которого слова расходятся с делом, и происходит это оттого, что драматург «одному из идеальных лиц своих приписывает чувства, которые ему не принадлежат, а принадлежат тому направлению, которому автор подчинил в начале свою драматическую

деятельность». Как утверждает критик, Островский «выбрал из всего русского купечества отдельные черты и чёрточки, чтоб составила из них светлая, но зато абстрактная личность Русакова, которую и ставит он в противоположность с пошлою личностью Вихорева» (Н. Н. Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // ОЗ. 1859. Т. 125, № 7. Русская литература. С. 1—27; № 8. С. 86—113).

В защиту Островского высказался А. В. Дружинин: «Первое серьёзно-враждебное отношение русских ценителей к лучшему из современных нам драматических писателей наконец проявилось в приговорах и толках по поводу третьей комедии Островского, помещённой в “Москвитяине” и игранной с огромным успехом на столичных театрах. <...> Написанная прежним превосходным языком, простая и замысловатая по интриге, исполненная жизни и драматических положений новая комедия была прежде всего писана для сцены и до сих пор остаётся одной из любимейших пьес в русском репертуаре. Из персонажей её, не отличающихся особой новизною или типичностью, художественно выдавалось прелестное лицо героини, любящей девушки с чисто русской доверчивостью, чисто русской кротостью в характере...» Дружинин пишет о несправедливом отношении к Островскому критики, обвиняющей автора в том, что он предпочитает непросвещённого, грубого Русакова образованному Вихореву, удивляется тому, что в произведениях Тургенева и Григоровича то же самое не подвергалось критике: «Неужели честность, простота и кротость, общие хорошему русскому простолюдину, имеют свою цену лишь в соединении с крепостным состоянием, в зажиточном же купце нелепы и невозможны? И потом, почему именно Вихорев признан был представителем унижаемого европеизма? <...> Посреди азартных обвинений и потока едких филиппик г. Островский вёл себя как нельзя проще и разумнее. Он продолжал трудиться для той сцены, где тысячи посетителей награждали его полным сочувствием, и для того журнала, где по достоинству ценилось его литературное дарование» (Сочинения А. Островского и проч. // БдЧ. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 1—42).

Доброжелательное мнение о комедии Островского высказывает и Н. А. Добролюбов в статье «Тёмное царство». Критик обращает внимание на то, что «Не в свои сани не садись» стала первой пьесой, вызвавшей «самые разнообразные суждения об убеждениях Островского»: «Одни превознесли его за то, что он усвоил себе прекрасные воззрения славянофилов на прелести русской старины; другие возмутились тем, что Островский явился противником современной образованности». При этом критики «совершенно забывали о его таланте и о лицах и явлениях, выведенных им». Добролюбов ценит Островского за внимание к социальным проблемам. По Добролюбову, «основной мотив пьес» драматурга — «неестественность общественных отношений, происходящая вследствие самодурства одних и бесправности других», а «чувство художника» возмущено «таким порядком вещей». На фоне самодуров Большова («Свою люди — сочтёмся!»), Гордея Торцова («Бедность не порок»), Брускова («В чужом пиру похмелье») и им подобных, с точки зрения Добролюбова, Русаков — «добрый, честный и даже, по-своему, умный», на первый взгляд, выглядит исключением. Однако и Русакова критик называет самодуром. Как сторонник народного образования и идеи женской эмансипации, критик формулирует главную претензию герою: «У него есть дочь, которая перед ним безгласна и бесправна, как всякая дочь перед всяким самодуром. Не признавая её прав как самостоятельной личности, ей и не дают ничего, что в жизни может ограждать

личность: она необразованна, у ней нет голоса даже в домашних делах, нет привычки смотреть на людей своими глазами, нет даже и мысли о праве свободного выбора в деле сердца. <...> Самая любовь её к отцу, парализуемая страхом, неполна, неразумна и неоткровенна...» Всё, что случается с Дуней в пьесе, — по Добролюбову, следствие воспитания её в условиях «тёмного царства»: «...самодурство, в каких бы умеренных формах ни выражалось, в какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведёт, по малой мере, — к обезличению людей, подвергшихся его влиянию; а обезличение совершенно противоположно всякой свободной и разумной деятельности...» В комедии «на первый план выступает контраст умного, солидного Русакова и доброго, честного Бородинки — с жалким вертопрахом Вихоревым»: «Максим Федотыч Русаков — этот лучший представитель всех прелестей старого быта, умнейший старик, *русская душа*... Русаков, на наш взгляд, служит живым протестом против этого тёмного быта, ничем не осмысленного и безнравственного в самом корне своём... <...> И действительно, природная доброта и даже деликатность пробивается в Русакове сквозь грубые формы. <...> Мало этого: у него голова сложена довольно хорошо, и из неё не выбить здравый смысл». Но «Русаков впадает в ту же бессмысленность, в тот же мрак, в каком блуждают и другие собратья его, хуже одарённые природою». Главной заслугой драматурга Добролюбов считает верное воспроизведение действительности и при этом указывает на то, что «редко-редко увлечение идеей доводило Островского до натяжки в представлении характеров или отдельных драматических положений, как, например, в той сцене в “Не в свои сани не садись”, где Бородинка объявляет желание взять за себя опозоренную дочь Русакова. <...> Но таких натяжек чрезвычайно мало у Островского: чувство художественной правды постоянно спасало его». О Вихореве Добролюбов говорит, что он «ничего не имеет, кроме наглости и вывесочной физиономии». В итоге критик делает общий вывод, свидетельствующий не о стремлении понять позицию драматурга, оценить его мастерство, а вынести приговор самой жизни: «...комедиею “Не в свои сани не садись” Островский намеренно, или ненамеренно, или даже против воли показал нам, что пока существуют самодурные условия в самой основе жизни, до тех пор самые добрые и благородные личности ничего хорошего не в состоянии сделать, до тех пор благосостояние семейства и даже целого общества непрочны и ничем не обеспечено даже от самых пустых случайностей» (*Совр.* 1859. Т. 76, № 7. Современное обозрение. С. 17—78; Т. 77, № 9. Современное обозрение. С. 53—128).

От нападок Н. П. Некрасова и Н. С. Назарова стремится защитить Островского и А. С. Гиероглифов, во многом повторивший суждения Добролюбова, говоря о социальной значимости произведений драматурга, о самодурах и их жертвах: «О пьесах Островского вообще можно сказать, что, кроме социального их значения, они отличаются необыкновенной правдой и силой художественной изобразительности. <...> Островский может считаться единственным и талантливейшим представителем народной драмы в нашей современной литературе. В пьесах Островского живёт целый класс из нашего общества со своими цельными нетронутыми убеждениями; в жизни этой всё ярко, типично. Добродетели и пороки этой части общества можно подвести под две категории: *самодурство*, которое тяготеет над всем, что стоит ниже, и *самоуничтожение*, которое доводит это последнее стоящее ниже, до бессмыслия, бесправия, безответности». Критик обращает внимание на значение

творчества драматурга для театра: «...в пьесах Островского открывается обширное поле для талантливого актёра... В этом случае автор и актёр идут об руку между собою, возвышая один другого». Среди исполнителей ролей в спектакле по пьесе «Не в свои сани не садись» Гиероглифов выделяет Ф. А. Бурдина в роли Бородин (Г—ов, А. По поводу письма М. Фёдорову // *Театральный и музыкальный вестник*. 1859. Ч. 4, № 36. С. 337—338).

Возражает Добролюбову, который «чисто художественный» талант Островского рассматривает «с точки зрения обличителя русских самодуров», М. М. Достоевский, упрекая критика в односторонности понимания творчества драматурга. Достоевский считает московитянинские пьесы «более высокими по искусству произведениями», чем «Свои люди — сочтёмся!». Критик убеждён в том, что Островский «в своих сочинениях не славянофил и не западник, а просто художник, глубокий знаток русской жизни и русского сердца», что «по таланту своему он адепт чистого искусства» и «прежде всего поэт в своих созданиях». Особое внимание Достоевский обращает на женские образы в пьесах драматурга, первым открывшего «красоту в русской женщине, которая после Татьяны оставалась без выражения». Главная заслуга драматурга, с точки зрения критика, состоит в том, что он сумел в своих героях запечатлеть черты национального характера. Его Русаков, «несмотря на свою темноту... выражает собой всю широкость, всё всепрощение русской натуры». «В русском человеке есть способность прямо подходить к истине и понять её со всех сторон. Вместе с этой способностью он соединяет и всепримиримость, то есть способность простить даже злую, враждебную обстановку, если только в ней заключается истина, — отмечает Достоевский. — Это свойство русского человека, главного представителя славянского племени, впервые выражено у нас в искусстве г. Островским, в этом и состоит вся сила его таланта, вся заслуга его перед русской литературой. Это-то и есть новое слово, сказанное г. Островским» («Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // *Светоч*. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 1—36).

В понимании творчества Островского и его пьесы «Не в свои сани не садись» с Н. А. Добролюбовым, а также с Н. П. Некрасовым и Н. С. Назаровым явно расходится Ап. Григорьев. По его мнению, критики несправедливо отказывали драматургу в истинном таланте и образованности, представляли его сатириком, последователем Гоголя, навешивали ярлыки на его героев: «самодурство», «забитая личность» и т. д. Григорьев считает, что Островский — не теоретик, а драматург, изображающий своих героев «с наивною правдою народного поэта». Драматург выражает точку зрения массы на своих героев, именно поэтому в пьесе «Не в свои сани не садись» «никакими рассуждениями» невозможно добиться «от массы ни понимания вреда от самодурства почтенного Максима Федотыча Русакова, ни сочувствия к чему-либо иному, кроме как к положению того же Русакова, к простой и глубокой любви Бородинки и к нежестокости положению бедной девушки, увлечённой простотой своей любящей души да советами протестантки тётушки». Кроме того, критик замечает: «Комедия “Не в свои сани не садись” даже явно страдает в художественном отношении резкостью нелюбимого сочувствия к земскому быту, и никакие теоретические натяжки этого не прикроют». Григорьев называет Островского народным поэтом и учителем массы и обвиняет критику в том, что в отношении к Островскому она стоит на точке зрения то Мерича, то Милашина,

«то в положении Виктора Аркадьевича Вихорева и жены Маломальского, или даже тётушки, набравшейся в Таганке образования». По мнению критика, пьесы «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется» — «создали народный театр» (После «Грозы» Островского // *Русский мир*. 1860. № 5. С. 20; № 6. С. 24; № 9. С. 35—36; № 11. С. 44).

Н. А. Добролюбову (уже после его смерти), возражает и Н. И. Соловьёв, который признаёт талант критика, но удивлён его пренебрежением к эстетической стороне произведений и предпочтением ей стороны нравственной. Называет «литературным наездничеством» истолкование произведений независимо от позиции автора. Односторонне оценивая комедию «Не в свои сани не садись», Добролюбов, как пишет Соловьёв, видит только тёмную сторону жизни, отчего драматург и является только «каким-то обличителем и уличителем купцов», называет Русакова самодуром, тогда как славянофилы считали его представителем лучших людей допетровской эпохи. Соловьёв замечает: «Русаков вовсе не историческая личность, а самая обыкновенная купеческая, которая впрочем так хороша, что образование только немного может её улучшить. <...> Вообще в отношении этого старика-вдовца к дочери есть что-то материнское». О Дуне критик пишет: «Это была одна из тех грациозно-женственных и сильных самою своею уступчивостью натур, обрисовка которых так удалась г. Островскому». Добролюбову, упрекавшему её в слабости, возражает: «...женственность, хотя бы доведённую до крайности, нельзя ставить в упрёк женщине... Сила женщины иногда в самой её слабости». По мысли Соловьёва, Дуню нельзя порицать за готовность любить всякого мужа: «В этой неразборчивости есть как бы инстинкт матери... над этими качествами нельзя смеяться как над фальшивыми». Решительность и силу характера Дуни Соловьёв видит в момент её отказа Вихореву просить у отца денег (Вопрос об искусстве. Сочинения Н. А. Добролюбова (...Отношение Добролюбова к таланту Островского и наше мнение по этому предмету) // *ОЗ*. 1865. Т. 161, № 7. С. 67—81).

Несогласие с Добролюбовым высказал также Е. В. Судовщиков: «Островский — поэт самый национальный из предшественников и современников своих; в его произведениях, как в безыскусственной народной поэзии, народ как бы говорит сам за себя. <...> Он первый из образованных писателей наших обратил внимание на положительные, идеальные стороны в русском человеке, и притом стороны собственно русские, не общечеловеческие». Суждения Добролюбова о комедии «Не в свои сани не садись» (в частности, неуважительный взгляд на Авдотью Максимовну) Судовщиков объясняет «космополитизмом критика», который безосновательно счёл Островского «обличителем народной жизни». По мнению Судовщикова, «...лучшее у Островского — великорусские идеальные женщины (Авдотья Максимовна, Катерина). Они очень поэтичны и симпатичны... но им недостаёт индивидуальности... они нарисованы больше типическими чертами и потому не запечатлеваются в памяти как живые, вполне художественные образы» (*Судовщиков Евг. Пособие для преподавания истории русской словесности*. Киев, 1863. С. 95—99).

В 1860 г. Н. Ф. Павлов с иронией писал о комедии: «...для чего же г. Островский так назвал свою драму и к какому явлению применил пословицу? Она имеет два смысла. Один прекрасен и годится для всех эпох. Другой отвратителен и характеризует времена рабства, каст, ложного смирения и ложной гордости». В пье-

се «событие незамысловато, не сложно, образы грубы, а между тем в них таится оправдание великой истины: “не в свои сани не садись”». Как недостаток критик отмечает морализаторство, заметное в произведении: «Нас поучает сам автор от своего собственного имени, он указывает пальцем на основную идею своего произведения, на высоконравственный дух, вложенный в него, на тот путеводный луч, который должен руководить нас по обманчивым и завлекающим дорогам жизни». По воле автора Дуня должна не мечтать ни о ком, кроме «ненаглядного сокровища Бородинина». «Всё это прекрасно, но куда же ей девать те человеческие свойства, которые она, вопреки желанию автора, получила от природы? Что же делать ей с воображением, если оно не помещается в рамки, устроенные руками китайцев? <...> Дуня виновата в том, что выбрала мерзавца и совершенно права, что хотела сесть не в свои сани. <...> Тятенька не сходит у неё с языка. От её тятеньки просто житья нет. Поговорив с ним немного, она без малейшего возражения идёт за Бородинина» (*Редактор. «Гроза» (Драма в 5-ти действиях А. Н. Островского) // Наше время. 1860, № 4. С. 62—64.*)

Одним из первых развёрнутый и объективный ответ на очевидно вульгарные заявления Павлова дал П. В. Анненков, ещё в феврале 1853 г. очень сдержанно высказавшийся об Островском и его пьесе в письме к И. С. Тургеневу, которому 6 (18) марта писал: «Комедия его имела огромный успех в обеих столицах — и совершенно заслуженный. В ней нет почти ничего. Не широка она и не глубока она, а только умна. От Островского можно всего ожидать: и характеров и таланту, но ума — менее всего. А между тем он им и взял — удивил меня и других, сказать по правде. Но может быть, это и невзначай, потому что пьеса с умом есть для него падение (*Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1. 1852—1874. СПб., 2005. С. 16, 18.*) Под «умом» в пьесе Анненков подразумевает её славянофильскую тенденцию, которая, видимо, его раздражала. В письме к Т. Н. Грановскому от конца февраля 1853 г. он писал: «Кажется, дело простое — у купца и мелочного торговца нашлось человеческое чувство. <...> Это очень умненько со стороны Островского, но так как он всегда восстанавливает равновесие собственной глупостию, то, вероятно, теперь считает, что купцы есть его идеалы, к которым должны стремиться все народы мира сего» (*ЛН. Кн. 1. С. 596.*)

Однако в 1860 г., отвечая Павлову в статье «О бурной рецензии на “Грозу” Островского, о народности, образованности и прочем», Анненков высказывает совершенно иное представление о комедии и позиции её автора. Критик считает, что «бурная рецензия» Павлова показала «удивительный пример крайнего непонимания нравственных стихий, заключённых в русской народности, своим разбором пьесы г. Островского “Не в свои сани не садись” и главных действующих лиц её». Полемизируя с Павловым, Анненков обращает внимание на давшую название пьесе народную пословицу, в которой заключён общечеловеческий смысл: «Гордись сословием, к которому принадлежишь и не меняй своих саней, потому что они стоят всяких других». Критик специально останавливается на характере Дуни: «Никогда ещё не видали мы такого озлобления при оценке выдуманного и воображаемого лица, а между тем лицо это есть наивный образ (наивность составляет редкость в нашей литературе) простой, ограниченной, влюблённой и потерявшей девушки. На чём основано право подвергать её страшной казни за один девичий проступок и право не щадить для неё позорных слов и эпитетов? Право это усвоено

рецензией, как нам кажется, только на одном основании: “Дуня ограничена и притом она купеческая дочка”. <...> На основании мысли, что Дуня слишком скоро забыла Бородинку и потом слишком скоро вспомнила о нём, рецензия прямо называет её распутной, нисколько не заботясь о том, что в пьесе г. Островского настоящее основание есть именно любовь Бородинки и возникающая привязанность Дуни, прерванная эпизодом с кавалеристом, как внезапным ураганом страсти и увлечения». В оценке характера Бородинки у ряда критиков проявилось, как пишет Анненков, «непонимание обеих сфер, художественной и народной». В личности Бородинки выразилась не безнравственность, а, напротив, особенность национального миропонимания: «человек русский скор на прощение». Островский, по мысли Анненкова, не ставит в противоположность друг другу народность и образование: «Напротив, мы убеждены, что родство и одновременное развитие их составляет единственный признак действительного существования общества. Везде, где встречается чистая народность без примеси возвышающих и облагораживающих общечеловеческих идей, и везде, где повстречается образованность, довольствующаяся сама собой, без содействия и влияния народных элементов, — там нет будущности для общества, и в строгом смысле слова можно сказать, что там ещё не началось историческое существование его». Критик считает, что Павлов не усвоил этого понятия и судит героев пьесы с точки зрения мнимой образованности, которая «страшнее, невыносимее любого проявления дикой натуры». Пьесу Островского Анненков называет «превосходной», обращая внимание на неожиданный финал, в котором содержится «намёк на какую-то таинственную силу, не объяснённую предварительно и требовавшую от зрителей и читателей веры на слово, как в таинственные, неведомые и только подозреваемые силы». Возражая Павлову, Анненков называет язык Островского «живописным и многообразным» (*БдЧ*. 1860. Т. 158, № 3. Современная летопись. С. 1—25).

Несогласие с Павловым высказывает и автор статьи в «Драматическом сборнике»: «“Наше время” не может поверить, чтобы у Дуни и вообще у людей её сорта душа страдала от горя, от обманутых надежд, от оскорблённого чувства». Рецензент видит в Ване Бородине истинно любящего человека, который не ломается над Дуней, а прощает ей её ошибку: «Бородин готов вступить в спор и ссору с её отцом, с человеком, которого уважал и которому не смел прежде прекословить». Считая, что весь драматизм пьесы «сосредоточен на обманутой Дуне», критик решительно отвергает мысль Павлова о том, что героиня — это «дрянное существо», и понимает, что в глазах девушки Вихорев, так глубоко её разочаровавший, явно уступает Бородину, к которому никогда не пропадало чувство искренней привязанности и симпатии (*М., А. Грустная мысль среди бури, поднятой «Нашим временем» по поводу «Грозы» // Драматический сборник*. 1860. № 3. С. 1—16).

Пьеса не была забыта и в критике в 1860—80-е гг. Так, рецензент «Библиотеки для чтения» в статье о драме «Грех да беда на кого не живёт», называя Льва Краснова положительным лицом, сопоставляет его с персонажами комедии «Не в свои сани не садись»: «...автор отнёсся к личности Краснова правдивее и проще. Русаков, Бородин, Митя, даже сам Любим Торцов, все эти лица, на которых покоится симпатия автора, были более или менее идеализированы... к жизненным и вполне правдивым чертам этих характеров примешивалась какая-то сладость, желание облить каким-то особым колоритом благодушия и душевной чистоты самые простые

побуждения» (Русская литература. «Грех да беда на кого не живёт» // БдЧ. 1863. Т. 175, № 2. Современная летопись. С. 20).

Ап. Григорьев в статье «Искусство и нравственность» ставит Русакова в ряд идеальных героев (Светоч. 1861. № 1. Критическое обозрение. С. 1—22).

В 1862 г. И. Д. Гарусов анализ комедии «Не в свои сани не садись» сводит в основном к упрекам в адрес драматурга и ироническим замечаниям по поводу его героев. Недостаток пьесы критик усматривает в отсутствии психологического анализа: «Островский... не заглянул в глубину женской души. Над Дуней разразилась такая гроза, которая должна бы была изменить всю её природу; но никакой нравственной переработки мы не видим не только в этой комедии, но и во всех остальных. Можно безошибочно заключить, что Островскому женские характеры не удались: его девицы или ивы плакучие, или безжизненные, бледные скелеты, которые на мгновение как будто бы и оживают от какой-либо неожиданной случайности или толчка, а потом опять остаются безжизненными теньями». Нарекания критика вызывает и образ Русакова: «Такие крепыши, как Русаков, после справедливого гнева и негодования не скоро примиряются с положением, которое scandalизирует их в глазах своей торговой среды; между тем старый купчина очень скоро и совершенно неожиданно от нескрываемого озлобления переходит к ужину и поздравлению, т. е. по-русски — к закуске и выпивке. Такой резкий переход трудно даже и объяснить. Самолюбие, честь дома, купецкое имя — всё в нём было оскорблено побегом дочери с промотавшимся шалопаем; но он, вопреки исконному свойству этой среды, очень легко забывает своё душевное потрясение». Гарусов упрекает драматурга в том, что он «очень легко отнёсся к нравственной природе, увлекаясь лишь внешней стороною избранного им сословия, холодно заглянул во внутреннюю, душевную его жизнь, и вместо живых, полных кипучих страстей лиц вывел искусственно оживлённые манекены» (Очерки литературы древних и новых народов. Поэзия драматическая. Пособие при изучении словесности в среднеучебных заведениях / сост. И. Гарусов. Изд. 2-е, испр. и знач. доп.: в 2 кн. СПб., 1890. Кн. 2. С. 455—456).

Образы Арины Федотовны, Вихорева, Русакова, Бородкина для построения своей концепции творчества Островского использовал А. М. Скабичевский в развёрнутом отзыве на собрание сочинений драматурга 1874 г. В отличие от «публицистической критики» Добролюбова, Скабичевский целью своей статьи считает «попытку разъяснить значение комедий г. Островского, с одной стороны, в связи с его предшественниками, с другой — в связи с условиями жизни и требованиями века». Скабичевский говорит о том, что «модницы и петиметры» в России подражают не парижской моде, а русским дворянам, у них развивается презрение к своей среде как «грубой, необразованной, мужичьей»: «Естественно после этого, что когда грубая и необразованная среда начинает протестовать посвоему против обидного высокомерия выходцев из её круга... вы видите и весьма симпатичные стороны чисто демократического характера, и вы невольно сами становитесь на сторону этого протеста... Так, например, в комедии “Не в свои сани не садись”, наиболее всех других навлекшей на г. Островского подозрение во славянофильстве, автор невольно становится на сторону Русакова и Бородкина...» Островский, по мнению Скабичевского, «берёт под свою защиту Русакова и Бородкина совершенно точно так же, как встали бы вы на сторону дикаря, видя,

как мнимо образованный европеец ломался бы и издевался над его невежеством и в то же время эксплуатировал несчастного...» (*Скабичевский А. Особенности русской комедии*. («Сочинения Островского». Тт. 1, 2, 3, 4, 7 и 8. СПб., 1874) // *ОЗ*. 1875. Т. 218, № 2. Современное обозрение. С. 217).

Пьеса впервые поставлена 14 января 1853 г. в бенефис Л. П. Никулиной-Косицкой на сцене московского Большого театра. Это было первое произведение Островского, сыгранное в театре. Впоследствии в альбом М. И. Семевского Островский писал: «В бенефис Л. П. Косицкой, 14 января 1853 года, я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия “Не в свои сани не садись”; она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки» (*Семевский М. И. Знакомые*. Альбом. 1867—1888. СПб., 1888. С. 165).

Роли исполняли актёры Малого театра: Русакова — П. М. Садовский, Авдотья Максимовны — Л. П. Никулина-Косицкая, Арины Федотовны — С. П. Акимова, Маломальского — П. Г. Степанов, Анны Антоновны — А. Т. Сабурова, Бородкина — С. В. Васильев, Вихорева — С. В. Шумский, Баранчевского — К. П. Колосов, Степана — А. А. Кремнёв, полового — Е. А. Матвеев.

Успех в Москве побудил театральное начальство выпустить пьесу на сцену и в Петербурге. Первое представление состоялось 19 февраля 1853 г. при следующем составе исполнителей: Русаков — П. Г. Григорьев, Авдотья Максимовна — А. М. Читау, Арина Федотовна — П. И. Орлова, Маломальский — А. Е. Мартынов, Анна Антоновна — П. К. Громова, Бородкин — Ф. А. Бурдин, Вихорев — С. Я. Марковецкий, Баранчевский — П. А. Каратыгин, Степан — Л. П. Фалеев, половой — А. А. Рассказов.

Первые постановки комедии на сценах обеих столиц прошли триумфально. После столичных премьер восторженная молва о комедии пошла по всей России. Комедия оказалась востребована провинциальными театрами, была не раз поставлена и на любительской сцене. Однако в Москве, как признавался Островский, дирекция пьесу «не брала, а пришлось отдать в бенефис, за бенефисные же постановки не платилось». Не лучше обстояло дело и в Петербурге: «Петербург решительно не хотел признать театра из народного быта. Купцы с их простонародным жаргоном резали уши петербургскому обществу, и пьесу... не хотели ставить. Помогли мне только энергия и знакомство Фёдора Алексеевича <Бурдина>». Бурдин же, игравший Бородкина, «превзошёл себя, и пьеса понравилась...» (*Восп.* С. 249, 266).

Впечатления от премьерных спектаклей живо переданы разными людьми по прошествии многих лет.

О значении пьесы для русского театра пишет А. А. Григорьев: «Русский Шекспир мог и должен был явиться в сердце Великороссии. Первое представление первой национальной драмы “Не в свои сани не садись” торжественно совершилось в Москве. Оно сделало несколько чудес: 1) разом поставило на пьедестал великого актёра Садовского; 2) разом создало гениальный талант С. Васильева; 3) разом же оторвало национальную русскую артистку Л. П. Косицкую хоть на время от гнусно-сентиментальных драм и от всхлипываний щепкинской школы, и главное — 4) заставило петербургскую сцену учиться (хоть и плохо) народному тону у московской...» (*Григорьев А. Две сцены // Якорь*. 1863. № 41. С. 790).

Один из близких друзей Островского, писатель и актёр И. Ф. Горбунов, живо передаёт свои яркие впечатления: «С появлением на сцене комедии Островского

“Не в свои сани не садись” на московской сцене начинается новая эра. Я был на первом представлении этой комедии. Она была дана в бенефис Косицкой. Взялся занавес, и со сцены послышались новые слова, новый язык, до того неслыханный со сцены; появились живые люди из замкнутого купеческого мира... <...> Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по несколько раз, вызывала исполнителей. В коридорах, в фойе, в буфете пошли толки о пьесе. Восторгу не было конца! Во втором акте, когда Бородин поёт песню, а Дуношка останавливает его: “Не пой ты, не терзай мою душу”, а тот отвечает ей: “Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородин”. Театр зашумел, раздались аплодисменты, в ложах и креслах замелькали белые платки.

Восторженный ментор наш Андрей Андреевич обтёр выступившие на глазах его слёзы и произнес: “Это — не игра. Это — священнодействие! Поздравляю вас, молодые люди, вам много предстоит в жизни художественных наслаждений. Талант у автора изумительный. Он сразу встал плечо о плечо с Гоголем.

Под бурю аплодисментов, без апломба, застенчивый, как девушка, в директорской ложе показался автор и низко поклонился приветствовавшей его публике.

Таланты Васильева (Бородин) и Косицкой (Дуняша) проявились в этих ролях во всю меру. Совершеннее сыграть было невозможно. Это была сама жизнь» (*Горбунов И. Ф.* Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 377).

Автор «Театральных размышлений и парадоксов» вспоминает, как он наслаждался Ф.А. Бурдиным, П.Г. Григорьевым, А.Е. Мартыновым, А.М. Читау и Островским, когда «давали чуть ли не в первый раз комедию “Не в свои сани не садись”»: «Даже многие из старых актёров тогда восторженно встрепенулись. <...> Свет заговорил о русском театре» (*Искра*. 1870. № 51. 20 дек. С. 1606—1614).

Высоко оценил первую постановку комедии в Петербурге историк театра А.И. Вольф: «В истории русского театра 19 февраля 1853 г. составляет новую эру, так же как 19 февраля 1861 г. в истории русского народа. В этот памятный день давали в первый раз “Не в свои сани не садись” Островского, и с этого дня риторика, фальшь, галломания начали понемногу исчезать из русской драмы. Действующие лица заговорили на сцене тем самым языком, каким они действительно говорят в жизни. Целый новый мир начал открываться для зрителей, мир с особыми понятиями, с особыми ветхозаветными обычаями. Явились вдруг и артисты, способные изображать просто и естественно простого русского человека. Оказалось, что можно проявить истинное чувство и тронуть массу, не становясь на ходули и оставаясь верными простонародному типу». По мнению Вольфа, «Не в свои сани не садись» «была встречена восторженно публикою и весьма сочувственно во всех литературных лагерях». Среди актёров Вольф выделяет А.М. Читау (Дуня), П.Г. Григорьева (Русаков), Ф.А. Бурдина (Бородин): «Лучшие артисты труппы взялись за второстепенные роли драмы, как бы предчувствуя колоссальность её успеха. Мартынов взял роль Маломальского, Марковецкий — Вихорева, Каратыгин — Баранчевского, Орлова — Арину Федотовну, Громова — Маломальскую. После Орловой никто не исполнял роли старой купеческой девы с такою натурою и тонким комизмом. У Линской роль эта выходила рельефнее, но зато было много и пересолу»; Бурдин «после исполнения роли Бородкина... попал в настоящую свою колею» (*Вольф А.И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1—11. СПб., 1877. С. 156, 157, 159, 161).

Сильное впечатление комедия произвела и на П. Д. Боборыкина. Игру актеров он рассматривает сквозь призму пьесы: «И до того времени, то есть до 1853 г., давались пьесы из купеческого быта; но только с постановкой “Не в свои сани не садись” началась настоящая эра для этого репертуара. Васильев сразу показал, какой запас наблюдательности, внутреннего чувства, народного юмора, поэтического колорита заключала его натура. <...> Вряд ли с тех пор кто-нибудь играл Бородинка с такой художественной сдержанностью, простотой и вместе с такой значительностью, как Васильев. <...> Садовский ещё более Васильева должен был жаждать бытовой игры. Его особенный комизм требовал чисто русских рамок. <...> В первой большой пьесе из купеческого быта “Не в свои сани не садись” Садовский рядом с Васильевым создал лицо Русакова, отрешившись совершенно от своей специальности чистого комика. <...> У Садовского... Русаков вышел крупной фигурой в очень строгом стиле, с задумчивым и сольным тоном... Садовский так проникся всем складом этого лица, так отрешил себя от всякой сатирической примеси, что Русаков в его исполнении давал ещё больше повода тогдашним *западникам* доказывать, что автор комедии выступает с защитой правил Домостроя, что он желает идеализировать самодурство, произвол и грубый отцовский деспотизм». Боборыкин с похвалой отзывался и о М. И. Писареве в роли Русакова: «Мы давно не видели такого умения разнообразить оттенки разговора. В трактире с Маломальским, и с Вихоревым, и в двух сценах с дочерью мы любовались этими оттенками...» (П. Б. Московские театры. (Театр Солодовникова. Новая драматическая сцена. Несколько воспоминаний по поводу гастролей Писарева...) // *Рус. вед.* 1880. № 26. 26 янв. С. 4—5).

Позднее Боборыкин вспоминал первую постановку пьесы в Москве: «...Никогда ещё перед тем я не испытывал того особенного восхищения, какое даёт общий лад игры, где перед вами сама жизнь. И это было в “Не в свои сани не садись” больше, чем в “Ревизоре” и в “Горе от ума”. <...> Такого трио, как три купца в первом акте комедии Островского (первой по счёту, попавшей на сцену), как Садовский (Большов)¹, С. Васильев (Бородин), Степанов (Маломальский), больше уже не бывало. По крайней мере, мне за все сорок с лишком лет не приходилось видеть. Старуха Сабурова (жена трактирщика) и Косицкая (Авдотья Максимовна) дышали бытовой правдой: первая с прибавкой тонкого комизма, вторая — с чисто народным лиризмом» (Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 71).

Своими воспоминаниями о спектакле в Москве делится рецензент «Театрального мирка»: «Трудно забыть это первое торжественное представление комедии нашего маститого драматурга. Всё способствовало этому торжеству: радостное настроение публики, новизна среды, выведенной на сцену, блестящее исполнение всех ролей, известность, которую уже себе приобрёл Александр Николаевич комедией “Банкрот”, и наконец, в этой пьесе публика почти впервые увидела своих любимцев: Садовского, Шумского и Васильева в серьёзных ролях. <...> К удивлению публики совершенно неожиданно пальму первенства в этот вечер пришлось отдать Васильеву, затмившему всех своим исполнением роли Бородинка» (*Очевидец. Из моих воспоминаний* (Первое представление первой пьесы А. Н. Островского) // *Театральный мирок.* 1884. № 13. 24 марта. С. 5).

¹ Здесь ошибка автора: имеется в виду Русаков.

На одном из первых представлений комедии в Александринском театре присутствовал император Николай I. Его отзыв о пьесе приводит в своих воспоминаниях Ф. А. Бурдин: «“Очень мало пьес, которые бы мне доставляли такое удовольствие, как эта. *Se n'est pas une pièce, c'est une leçon!*”». В следующее же представление опять приехал смотреть пьесу и привёз с собой всю августейшую семью... и потом приезжал ещё раз смотреть её весной после Святой недели...» (*Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // ИВ. 1886. № 1. С. 146*).

Критика восторженно откликнулась на московский и петербургский спектакли.

В. П. Боткин писал И. С. Тургеневу 17 февраля (1 марта) 1853 г. из Москвы: «“Не в свои сани не садись” действительно превосходная комедия. Я видел её три раза — каждый раз не выходил из театра без слезы на глазах». Художественную силу произведения он видит в единении комического начала и высокого содержания: «В пьесе необыкновенно много глубокомыслия и благодушия; растроганность, которую она производит, имеет самый высокий человеческий смысл: она облагораживает сердце. Комическая сторона так удачно соединена с великодушною сущностью и это великодушное и благородное является в такой натуральности и простоте, с таким трогательным бессознанием, что при окончании пьесы, — хотя комическая внешность ни на минуту не нарушается, — зритель уже вовсе не видит её, потому что благородная сущность натуры совершенно заслонила её собою. Всё это без малейшей натяжки». Успех представления у публики Боткин объясняет талантливой игрой актёров, понимающих замысел драматурга: «...лицо старика-отца... состоит из одних только прекрасных качеств, без всяких страстей и даже мгновенных увлечений характера. Правда, что превосходная игра Садовского заставляет верить и в это лицо...» «Актёры стоят вполне вровень с автором; более артистической игры я не видел нигде; правда, натура, жизнь — так и охватывают, — делится впечатлениями автор письма. — Театр — вот уже 9-е представление — каждый раз полон, шумит, смеётся, плачет, хлопает» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 34—36).

О «блистательном» успехе пьесы на сцене писал И. Крылов: «После бенефиса г-жи Никулиной-Косицкой было уже четыре представления, и каждый раз театр наполнялся сверху донизу, и каждый раз публика вызывала автора. Всё соединилось в успехе этой комедии, её собственные прекрасные достоинства, и её постановка на сцене. <...> Островский совершенно овладел купеческим бытом и в своей новой пьесе успел проникнуть в самое сердце своих героев, соблюдая всю истину действительности, он успел найти в ней самой то, что может её облагородить и привлечь к ней живое сочувствие. Здесь вы видите в поразительной верности весь комизм внешности, и в этих формах грубых и смешных, в их неизящной простоте и неловкости открываются перед вами живые, прекрасные, чистые чувствования <...> От начала до конца пьеса исполнена драматического движения, действие стремится быстро, обставленное всеми характеристическими особенностями быта. На сцене пьеса идёт превосходно. Каждый актёр на своём месте и играет прекрасно». Первое место Крылов отводит С. В. Васильеву: роль Бородинки ему «удалась как нельзя лучше». П. М. Садовский, сыгравший роли Русакова, «также превосходен». Рецензент пророчит пьесе прекрасное будущее на сцене: «Эта

¹ Это не пьеса, это урок (фр.).

новая комедия г. Островского останется навсегда одним из лучших украшений нашего репертуара» (*И. К. Бенефис М. С. Щепкина и новая пьеса Островского // М. вед.* 1853. № 12. 27 янв. С. 121—122).

Корреспондент журнала «Пантеон» сообщает о том, что пьеса дана в продолжение шести недель 18 раз, из них более десяти — в Большом театре, который всегда был полон, и делает вывод: «Комедия “Не в свои сани не садись” поставлена здесь безукоризненно. <...> Пьеса Островского — чрезвычайно важное приобретение для нашего репертуара» (*Московский вестник // Пантеон.* 1853. Т. 8, № 3. Отд. IV. С. 9—11).

В рецензии на спектакль 19 февраля в Александринском театре Р. М. Зотов с воодушевлением писал: «Третий акт тронул нас до слёз. <...> Душевно благодарим автора за эту отрадную минуту слёз; все пьесы на ходулях не производили их никогда. Весь театр плакал, и лучшей рецензии мы не знаем» (*Р. З. Театральная хроника (... «Не в свои сани не садись» // Северная пчела.* 1853. № 53. 9 марта. С. 209—210). О петербургском спектакле уважительно пишет Н. Дмитриев: «Мы видели полное торжество этой драмы, исполненной далеко не первыми здешними артистами». Рецензент положительно характеризует Бурдина, сыгравшего Бородину и Читау в роли Дуни (*Д. Петербургские новости и слухи // М. вед.* 1853. № 26. 28 февр. С. 271).

С Р. М. Зотовым солидарен рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей», в отзыве о петербургском спектакле заметивший, что «русская сцена приобрела писателя с самостоятельным, прекрасно направленным дарованием», которое выразилось в пьесе, «трепещущей жизнью и современностью, затрагивающей одну из нетронутых театром сторон нашей жизни, живо, верно и ярко выставляющей целое сословие людей, которых показывали... на сцене какими-то мелкими и карикатурно смешными». Островский, «выбрав для своей комедии сферу действительной жизни, явления возможные, показал тем, во-первых, верный взгляд на искусство, а во-вторых, что он человек талантливый». Как художественную особенность пьесы рецензент отмечает «контраст внешней обстановки с внутренним содержанием: обстановка смешит, содержание трогает», а также «контраст в языке комедии: он смешон и в то же время увлекателен... литературен». Отметив, что пьесу «дали семь раз в две недели и всякий раз театр бывал полон», автор отзыва отмечает удачную игру А. М. Читау, в роли Дуни обнаружившую «большое дарование», исполнителя роли Бородину — Ф. А. Бурдина, который «никогда ещё не играл так хорошо», А. Е. Мартынова (Маломальский), П. И. Орлову в образе Арины Федотовны (*В. П. Театральная хроника (... «Не в свои сани не садись» // СПбВед.* 1853. № 54. 10 марта. С. 215—216).

В «Общем обзоре действий московских театров за 1852—1853 гг.» анонимный корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» подчёркивает, что комедия пользуется неизменным успехом у публики и имеет большое значение для развития театра: «Комедии и драмы г. Островского “Свои люди — сочтёмся” и “Не в свои сани не садись” заняли почётное место в ряду современных литературных произведений, а последняя пьеса — такое же место и в репертуаре русской сцены. <...> В минувшем году пьеса в течение нескольких недель выдержала 18 представлений. <...> Сами артисты имели случай выказать в этой пьесе свои таланты в полном развитии» (*СПбВед.* 1853. № 149. 10 июля. С. 609).

В последующие годы при жизни драматурга постановки пьесы в столичных театрах были в разной степени удачными.

В 1866 г. рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» отмечает, что в пьесе Островского «зрители могли видеть на сцене действительных людей с действительными страстями», и с похвалой отзываясь об игре Н. Н. Зубова, П. В. Васильева, Ю. Н. Линской и Е. П. Струйской, но при этом упрекает Зубова в излишне мягком исполнении роли Русакова: «Русаков не самодур, не король Лир, какимставлял его покойный Аполлон Григорьев, но это один из тех характеров, которые очень хорошо определяются словом — кремь-человек. Жизненный опыт, ум, постоянные удачи, счастье дают таким характерам самоуверенность и твёрдый закал, сохраняя при этом непосредственное чувство справедливости и честности, такие характеры, может быть, вполне симпатичны, если б просветлены были тою смягчающею силой, которая называется образованием» (N. Бенефис Леонидова. «Не в свои сани не садись» // *СПбВед.* 1866. № 309. 20 нояб. С. 3).

В 1868 г. на спектакль в Александринском театре откликается А. С. Суворин. Он сравнивает пьесу «Не в свои сани не садись» с комедией Ж.-Б. Мольера «L'amour-médecin»¹, в которой барышня и горничная, благодаря плутням, устраивают брак с неудобным отцу женихом. О пьесе Островского Суворин пишет: «Известно, что мораль этой пьесы столь же жиденькая, как и предыдущей: не выходи замуж за красивых светских, если они имеют поползновение на твоё приданое, а не на твои качества. Смесь идилии и некоторого самодурства, увенчанная благополучным исходом, — такова сущность пьесы». Суворин остался недоволен игрой актёров П. И. Григорьева (Русаков), Е. П. Струйской (Авдотья Максимовна), Ю. Н. Линской (Арина Федотовна) и особенно дебютанта Журина в роли Бородинки (*Незнакомец*. Недельные очерки и картинки // *СПбВед.* 1868. № 224. 18 авг. С. 1—2).

Роль Дуни после Читау в Александринском театре исполнялась, как правило, неудачно. П. М. Шпилевский пишет о двух неудачных дебютах в роли Дуни. 6 ноября 1856 г. состоялся дебют актрисы Зориной. Рецензент отмечает излишнюю уверенность актрисы, происходящую не от таланта, а от зрелости лет: «...эта смелость в некоторых сценах доходила до слишком размашистых и до неприятно угловатых движений, так что при виде такой зрелой хватски-храброй Авдотьи Максимовны, вы не узнаете скромной, застенчивой, а главное, нежной, стыдливой и небойкой молоденькой дочери Русакова, какую мы привыкли уже видеть в игре г-жи Читау и даже г-жи Натаровой и какую олицетворил в своей пьесе сам автор». Неудачной Шпилевский считает и игру С. Я. Марковецкого в роли Бородинки, замечая, что «и трусливые движения, и жиденькая натура его не идут к разбитному, молодцеватому купчику Бородину» (Русские спектакли. Александринский театр (Дебют Зориной в комедии Островского «Не в свои сани не садись») // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 45. С. 817—818).

Шпилевский писал и о слабой игре Щелковой, дебютировавшей «в той же пьесе, в которой недавно так неудачно пробоvala свои сценические силы г-жа Зорина», — и делал горький вывод: «Эта умная пьеса совсем осиротела после г-жи Читау» (Русские спектакли. Александринский театр (...Дебют Щелковой) // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 49. С. 893).

¹ «Любовь-целительница» (фр.).

Об игре Васильевой 2-й в роли Дуни отзывался Н.С. Курочкин: «Госпожа Васильева пока ещё дебютантка, в ней есть некоторые задатки драматизма... Мы заметим ей впрочем, что она держала себя несколько манерно и напоминала скорее провинциальную барышню, чем купеческую дочку». Роль Дуни, с точки зрения Курочкина, «требует как можно более добродушной и покорливой, совершенно поэтической простоты» (*Новоспаский. Петербургская летопись // Русский мир. 1861. № 8. 28 янв. С. 160—164*).

В сентябре 1861 г. Д.Д. Минаев отмечает игру Е.П. Струйской, дебютировавшей в роли Дуни и показавшей «так много самобытного таланта и неподдельного, глубокого чувства, что можно предположить, что из неё со временем выработается настоящая русская актриса» (*Дневник тёмного человека. (...Первый дебют г-жи Струйской в двух комедиях г. Островского) // РСл. 1861. № 9. Отд. III. С. 21—22*).

О дебюте в том же Александринском театре 10 января 1864 г. актрисы Крестовской писал В.А. Крылов: «Играет дебютантка вяло и однообразно...» (*Александров В. Театральная хроника. (...Александринский театр: дебют Крестовской) // СПбВед. 1864. № 13. 17 янв. С. 2*).

И петербургская, и московская пресса отрицательно отзывалась о Е.Д. Линовской, которой «роль Дуни совсем не удалась» и которая сделала из своей героини «совершенную дурочку, почти идиотку» (*Голос. 1866. № 186. 8 июля. С. 2*). В журнале «Развлечение» о «заезжей актрисе г-же Линовской», чей талант назван «мнимым», сообщается о том, что она сыграла в спектакле «неудовлетворительно» (*Б., А. Театральные курьёзы и заметки // Развлечение. 1866. № 38. 1 окт. С. 205—206*). По мнению А.Н. Баженова, Линовская, не имея «способности плакать на сцене настоящими слезами», прибегает «к слишком искусственному и вовсе не искусному приёму закрывать всё лицо платком и хныкать». Критик отмечает в игре актрисы жеманство, вычурность, рутинные приёмы: «...вскидывала и ломала руки, отчаянно качала головой, бросалась то на грудь, то к ногам г. Садовского...» (*Московский театр. (Третья роль Линовской) // Антракт. 1866. № 25. 3 июля. С. 1—2*). Как неудачный охарактеризован состоявшийся на сцене Александринского театра 16 августа 1879 г. дебют актрисы В. Стрекаловой в роли Дуни (*Театральные новости // СПбВед. 1879. № 231. 23 авг. С. 2*).

Исполнение П.М. Садовским роли Русакова вызывало у критиков положительные отзывы. Во время гастролей артиста в столице весной 1857 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что актёр придаёт роли Русакова «характер патриархальный»: «...перед нами настоящий глава русского семейства, сановитый, богобоязненный, привыкший господствовать в своём кругу, даже в гневе и горести не забывает он достоинства, которым проникнута вся его личность» (*Петербургская летопись // СПбВед. 1857. № 102. 12 мая. С. 527*). О том, что участие П.М. Садовского придало пьесе «Не в свои сани не садись» особый интерес, сообщает М. Раппопорт: «Отличный этот артист в роли купца Русакова типически передал личность старого благочестивого русского купца, патриарха в своей семье... в игре отражалось в одно время много задушевной теплоты и спокойствия» (*Петербургский вестник // Музык. и театр. вестн. 1857. Ч. 2, № 18. 12 мая. С. 291—293*).

Дважды откликнулась на гастроли артиста «Северная пчела». О дебюте Садовского, состоявшемся 3 мая, Р.М. Зотов писал: «Московский гость исполнил роль Русакова так просто, натурально, с таким глубоким чувством, что заставил просле-

зиться даже мужчин, о женщинах нечего и говорить» (*Северная пчела*. 1857. № 113. 25 мая. С. 529). По мнению П. Н. Арапова, Садовский «был весьма замечателен»: «Здесь нет драматизма: это самый простой, самый обыкновенный разговор. Отец простолудин, но человек умный, старается в доводах основательных доказать дочери всю пагубу, всё бедствие неравного брака» (Там же. 1857. № 124. 8 июня. С. 583).

Своё слово о творчестве Островского и о гастролях Садовского в Петербурге сказал И. И. Панаев: «Правда, что кроме г. Островского в настоящую минуту у нас нет ни одного серьёзного драматического писателя; правда, что только одни его произведения поддерживают нашу сценическую жизнь и оживляют наши театры». Критику импонирует исполнительская манера актёра: «...роли Русакова Садовский придаёт тон спокойный, мягкий, он возводит эту роль до патриархальной простоты и величавости; в каждом слове Русакова, в каждом жесте, в каждом взгляде просвечивает его кроткая любящая душа, простой здравый смысл русского человека и инстинкт прямой и честной натуры, сейчас чующей зло и ложь». На сцене Садовский был очень убедителен, он «не позволил себе ни малейшего уклонения от своей роли для эффекта» и вёл её «с величайшим умом и тактом» (Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта. (Садовский в Петербурге) // *Совр.* 1957. Т. 63, № 6. С. 282—292).

По мнению Ап. Григорьева, высоко оценивающего игру актёров Оренбургского театра, Александринский театр не выдерживает критики в сравнении с театром провинциальным: «...драмы Островского в степном захолустье выполнялись честнее и в целом несравненно удовлетворительнее, чем на петербургской сцене. В столичном театре “Сани” опошлены г. Григорьевым — Русаковым и такими Авдотьями Максимовнами, каких не дай Бог и во сне видеть» (Наша драматическая труппа // *Якорь*. 1863. № 30. С. 600—601). Григорьев считал, что только несколько лучших актёров и театров способны поставить и сыграть Островского. Как следствие этого положения «заиграны в самой пошлой обстановке “Сани”» (Русский театр в Петербурге // *Эпоха*. 1864. № 3. С. 222—240).

В начале 1870 г. событием в театральной жизни Москвы стал бенефис П. М. Садовского в роли Русакова в Малом театре. Он назван одним из «почтенных ветеранов... драматической сцены» (*З. К. Малый театр // Современная летопись*. 1870. № 3. С. 12). С большой похвалой отзывается об игре П. М. Садовского и П. Г. Акилов, отметивший, что молодой М. П. Садовский в роли Бородинки «довольно удачно передаёт манеры, приёмы и речь молодых купчиков, но игра его заставляет ещё много желать!» (*А. В. Театральные заметки («Не в свои сани не садись» в Малом театре) // Развлечение*. 1870. № 5. С. 73—80).

После смерти П. М. Садовского об огромном успехе первого представления пьесы с его участием в роли Русакова писал Е. Федин (Народный драматический писатель и народный актёр. А. Н. Островский и П. М. Садовский // *Грамотей*. 1875. № 4. С. 29—52; № 5. С. 18—44).

Режиссёр Малого театра С. П. Соловьёв вспоминал о театральной судьбе С. В. Васильева, для которого с пьесы «Не в свои сани не садись» «начался переход к драме и высокой комедии». Это произошло в роли Бородинки, которую он исполнил с «поразительной правдой» и «тёплым чувством» (Из воспоминаний старого режиссёра Московского театра // *Русский архив*. 1873. Т. 2, № 10. С. 2049—2050).

Интерес к постановкам пьесы в Александринском театре пресса проявила в октябре 1874 г. в связи с бенефисом актёра Н. Ф. Сазонова. Как сообщается в газете «Биржевые ведомости», все драматические места роли Бородинки «прошли холодно, бесцветно», а на сцене особенно выделялась игра М. Г. Савиной, которая сумела увлечь публику «простотой и искренностью своей игры» (Э. Театр и музыка // *Биржевые ведомости*. 1874. № 295. 29 окт. С. 2). Критически отзывается об игре Сазонова, который «не удержался на бытовой почве», и газета «Новости»: «В нём не было ничего купеческого, ничего типического. Актёр не усвоил внутреннего смысла роли». Безукоризненно была названа игра Виноградова в роли Русакова, тогда как «остальные артисты, не исключая и Савиной в роли Авдотьи Максимовны, были далеко не теми типами, которые так мастерски обрисовал драматург» (Театр. Бенефис Сазонова: «Не в свои сани не садись» // *Новости*. 1874. № 239. 29 окт. С. 2). Но, по мнению анонимного рецензента «Петербургской газеты», Сазонов роль Бородинки «вёл вполне обдуманно и толково», выказав «в полном блеске свой талант», а «вся пьеса прошла с большим ансамблем». Похвалу заслужил В. И. Виноградов, в исполнении которого Русаков, «эта тёплая добродушная личность русского купца», является «вполне законченным типом», тогда как М. Г. Савина, исполнительница роли Дуни, «скорее походила на барышню, чем на купеческую дочь» (Театральное эхо // *Пб. газета*. 1874. № 169. 29 окт. С. 2). Об огромном удовольствии, доставленном публике игрой Сазонова, пишет А. А. Соколов, особо выделив и В. И. Виноградова, исполнителя роли Русакова: «Лицо его вышло у артиста чрезвычайно типично. Оно явилось в его изображении патриархальным и симпатичным. Максим Федотыч не разнуданный самодур, хотя всё-таки самодур. Его самодурство патриархально, даже симпатично. На его самодурстве лежит печать глубокой любви к дочери, единственно которой и посвящены все остатки его жизни. Таким цельным типом и представляет его Виноградов» (*Театральный нигишилист*. Театральный курьер. Бенефис Сазонова. («Не в свои сани не садись») // *Пб. листок*. 1874. № 211. 29 окт. С. 3).

Об открытии 16 августа 1879 г. театрального сезона пьесой «Не в свои сани не садись» с актрисой Стрекаловой в главной роли сообщает «Петербургская газета»: Сазонов играет «совсем вяло», в игре Стрекаловой «сквозь дурную школу кривлянья и ломанья, вскрикиваний и подчёркиваний... сквозит дарование», Нильский «в роли Вихорева очень хорош», но «пальма первенства в исполнении комедии выпала на долю г. Новикова, создавшего тип Русакова» (*Посторонний*. Театральное эхо // *Пб. газета*. 1879. № 161. 19 авг. С. 3).

Пьеса ставилась не только в столичных, но и в провинциальных театрах. С большим успехом прошёл в Одессе 28 июля 1853 г. бенефис Л. П. Никулиной-Косицкой, о чём сообщает К. В. Картамышев: «...после всего нерусского, что русскому зрителю приходится преимущественно видеть на своей русской сцене, нам было чрезвычайно отрадno встретить это самобытное произведение. На нас повеяло чем-то освежающим, чем-то новым, и в то же время так близким для нас, чем-то суровым, и в то же время столь привлекательным, чем-то смешным и вместе трогательным. Какая гомерическая фигура — этот Русаков, этот драгоценный камень в грубой коре. Послушайте его: у него нет ни одного праздного слова; всё — дело, всё — убеждение, — его не пошатнёт в его убеждениях и хитрейший из диалектиков. Это здравый смысл басен Крылова, олицетворённый в поступках» (К. К. Из Одессы).

(...Бенефис Никулиной-Косицкой. «Не в свои сани не садись») // *Москв.* 1953. Т. 4, № 16. Внутренние известия. С. 203—206).

В 1857 г. постановка пьесы в Одессе была осуществлена силами местного театра: «роль Авдотьи Максимовны сыграла любимица публики и лучшая актриса труппы г-жа Протасова»; г-н П. Г. Протасов в роли Бородин был «особенно хорош» (Театральные и музыкальные вести из разных городов России // *Музык. и театр. вестн.* 1857. Ч. 2, № 7. 17 февр. С. 107—109). О столь же удачной игре тех же актёров сообщается и 1858 г. (см.: *Театральный и музыкальный вестник.* 1858. Ч. 3, № 27. С. 334).

Летом 1856 г. комедия была поставлена в Киеве. Причину не вполне удачного воплощения актрисой Ю. Н. характера Дуни на сцене А. Фон-Юнк усматривает в том, что Островского эта роль получилась «чересчур слёзной» (Корреспонденция. Из Киева // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 28. С. 506—508).

Судя по отзыву Л. Пересопницкого, более удачной оказалась постановка пьесы в Киеве 22 мая 1868 г., в которой дебютировала в роли Дуни актриса Вознесенская: «Публика осталась очень довольна дебютанткой. <...> Авдотья Максимовна далеко не энергическая натура. Это простая добрая девушка, воспитанная, как говорит сам Русаков, “в страхе Божьем”, то есть с детства привыкшая безропотно покоряться обстоятельствам и воле старших. <...> Г-н Рыбаков в роли Русакова был очень хорош» (Киевский театр // *Киевлянин.* 1868. № 63. 28 мая. С. 245—246).

О спектакле в Черниговском театре сообщает Н. Алкадов, отмечая успех актрисы Барановой в роли Авдотьи Максимовны (в её игре «от начала до конца не видно было ничего принуждённого») и Волгина, который «в роли Бородин был так хорош, что лучшего выполнения и желать нельзя» (Черниговский театр // *Русская сцена.* 1864. Т. 2, № 3. С. 63).

В Воронеже в театральный сезон 1857 г. в ролях Русакова и Маломальского особенно хороши были А. А. Ленский и П. В. Васильев, Дуню «с увлечением и чувством» играла М. Г. Ленская (Музыкальные и театральные вести из разных городов России // *Музык. и театр. вестн.* 1857. Ч. 2, № 41. С. 558).

Менее удачными оказались постановки пьесы в Казани. 16 августа 1853 г., как не без иронии пишет рецензент, «труппа села действительно не в свои сани; всё было так пересолено... что дошло до искажения, и прекрасная, полная чувства комедия А. Н. Островского вышла... какой-то пародией... даже карикатурой» (Внутренняя корреспонденция // *СПбВед.* 1853. № 203. 16 сент. С. 2—3).

В отзыве о постановке пьесы в Казани в 1858 г. положительно характеризует лишь игра московского актёра К. Н. Полтавцева, который в роли Русакова был «прост и естествен», тогда как исполнительница роли Дуни актриса А. И. Стрелкова «очень слаба». Но особенно разочаровал публику Дудкин, сыгравший Бородин. В итоге автор заключает: «Вообще пьесы русские подобные “Не в свои сани не садись”... не по средствам и не по силам казанской труппе, потому что для хорошего исполнения их нужны очень и очень хорошие актёры, а таковых в Казани не имеется». (Н. Казанский театр. (Московские гости — Живокини и Полтавцев) // *Театральный и музыкальный вестник.* 1858. Ч. 3, № 22. 8 июня. С. 268).

Пьеса ставилась и любителями. Эти постановки были разного качества. В 1868 г. П. Г. Акилов в доброжелательном тоне анализирует постановку пьесы в Артистическом кружке на последнем «Семейном драматическом

вечере»: «Особенное внимание обратила на себя г-жа Лазарева, исполнявшая роль Авдотьи Максимовны. Эта молодая любительница с самым искренним, неподдельным чувством сумела передать все исключительные черты довольно трудной роли. Каждый монолог, каждая её фраза отличались простотою, правдою и естественностью... <...> Роль Русакова местами довольно удачно была передана г-ном Сусаровым. В лице его вполне проглядывал купец самодур». Однако артисту, в игре которого проявлялся излишний мелодраматизм, по замечанию Акилова, недоставало выражения отцовских чувств. О других актёрах рецензент замечает: «Г-н Садовский весьма правдиво выполнил роль Бородин. Впрочем небольшая доза комического таланта была бы не лишнею для оживления характерной личности Бородин. Князю Энгальчеву отчасти удалась роль Вихорева», актёр Н. А. Дубровский неудачно исполнил роль Маломальского, актриса Дюбюк в роли Арины Федотовны слишком «старалась смешить публику» (А. В. Театральные курьёзы и заметки // *Развлечение*. 1868. № 7. 17 февр. С. 109—110).

В начале января 1878 г. появляются рецензии на любительский спектакль в Клубе художников с участием П. А. Стрепетовой. По мнению анонимного рецензента, «г-жа Стрепетова так психически тонко и умно проанализировала добрую русскую девушку, жертву собственных сердечных склонностей и доверья и любви к родителям, что вызвала единодушный и самый горячий восторг» (Театральное эхо // *Пб. газета*. 1878. № 1. 1 янв. С. 3).

Игра Стрепетовой «своею искренностью, задушевностью и правдивостью» произвела сильное впечатление на К. М. Станюковича: «Передо мной была кроткая, добрая, честная, несколько придурковатая Дуня, увлекавшаяся приезжим искателем богатой невесты со всей силой своего доброго сердца и несообразности. <...> Реальность игры доходит до полной иллюзии. <...> ...Артистка поражает зрителя своей задушевной, захватывающей, правдивой игрой» (Лимен. Воскресные очерки // *Новости*. 1878. № 6. 8 янв. С. 1).

Рецензент газеты «Телеграф» называет Стрепетову лучшей исполнительницей роли Дуни (Псевдоним. Обо всём (Письма в глушь) // *Телеграф*. 1878. № 6. 8 янв. С. 1—2).

Менее удачными были постановки пьесы в 1880-х гг. Так, не вызвал интереса у публики показ «одной из самых симпатичных и талантливых пьес Островского» на сцене школы Общества любителей сценического искусства (3-й дебютный спектакль школы Общества любителей сценического искусства // *Театральный мирок*. 1884. № 8. 18 февр. С. 4—5).

О спектакле в театре Секретарёва 6 января 1885 г. в газете «Театр и жизнь» сказано, что он «ничем не выделялся из ряда обычных дюжинных любительских спектаклей» (Хроника // *Театр и жизнь*. 1885. № 23. 9 янв. С. 2).

Осенью 1853 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», по закрытии в Москве французского театра, сообщалось: «...отправился в Париж бывший артист здешней труппы г. Моро, исключительно посвятивший своё время и знание на перевод лучших сценических произведений. Он повёз с собою во французском переводе... “Не в свои сани не садись” и многое другое. <...> Другой здешний литератор г. Зедергольм перевёл комедию г. Островского “Не в свои сани не садись” на немецкий язык и отправил её также с рисунками декораций и костюмов в Берлин для та-

мошних театров» (*Корреспондент. Московская летопись // СПбВед.* 1853. № 247. 7 ноября. С. 1015)¹.

23 мая 1853 г. К. К. Зедергольм обратился к Островскому с просьбой помочь его отцу, К. А. Зедергольму, московскому лютеранскому пастору, переводчику, автору учебников латинского и немецкого языков, в переводе пьесы на немецкий язык для постановки в Берлинском театре. В ответ на просьбу Островский написал подробный комментарий к комедии с характеристиками действующих лиц, с описанием обстановки действия, декорации и реквизита.

По сведениям, собранным Е. Г. Холодовым, комедия «Не в свои сани не садись» с 1853 по 1885 г. на казённой сцене выдержала 170 представлений, уступив только пьесам «Бедность не порок» и «Гроза» (*Холодов Е. Г. Островский на театральной афише его времени // ЛН. Кн. 2. С. 13*).

С. 240. *Пожилая девушка*. — Здесь: девушка в возрасте от 20 до 30 лет. То же, что старая дева. В XIX в. в народе незамужняя девушка старше 20 лет уже считалась «пожилой».

...имеющий мелочную лавочку и погребок. — Мелочная лавочка — небольшой магазин; погребок — небольшое заведение, лавка, обычно располагающаяся в полуподвальном помещении, где торгуют вином и распивают его на месте.

Отставной кавалерист. — Получить отставку офицеру-дворянину можно было по собственному желанию или по болезни. Вихорев изгнан из полка, о чём говорит его слуга Степан. В контексте творчества Островского понятие «отставной кавалерист» близко также понятию «лихой малый».

Половой — слуга в трактире, на постоялом дворе или в маленькой гостинице.

Мальчик — малолетний слуга в господском доме или работник в торговом, ремесленном заведении. Прислуживать мальчиком в трактире. Мальчик на побегушках занимался всякой чёрной неблагодарной работой. Бородин обращается к мальчине: «Паренёк!», что свидетельствует о простоте и доброжелательности героя.

Девушка — молодая служанка, горничная; в обиходе их называли «девками».

Уездный город. — В данном случае употребляется не просто как обозначение административной единицы, но в переносном смысле: захолустный, провинциальный, не столичный; в отличие от губернского, небольшой город, в котором все друг друга знают.

...на синей сахарной бумаге. — Плотная, обычно синяя бумага для упаковки сахара.

Тонкое житьё! — В этом выражении содержится ироническая характеристика слугой образа жизни своего промотавшегося, но амбициозного пустышки-барина.

...пробавляюсь... — Здесь: питаюсь, перебиваюсь, перемагаюсь (по причине бедности).

Что ваш барин-то, служащий? — В XIX в. большая часть молодых представителей дворянства состояла на военной или гражданской службе.

¹ Исследователи творчества Островского не обнаружили относящихся к этому времени переводов комедии ни на французский, ни на немецкий язык (см.: Зуев А. Н. Островский в Германии // *ЛН. Кн. 2. М., 1973. С. 248; Зингер Г. Р., Филонова К. Г. Островский во Франции // Там же. С. 277*).

...да шалушки водились... — Шалушки — шалости, баловство, проказы, повесничество.

...машир на Хаус. — Искаж.: от нем. marschieren nach Hause, т. е. отправляться домой.

...от жару в кучу свело. — Здесь: всё исчезло, закончилось, как будто сгорело в огне.

С. 241. ...колос от колоса — не слышать девичьего голоса. — Так говорят о неурожае, недостатках (намёк на редкий, плохой всход хлеба).

У тятеньки-то было полтора ста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый. — Дворянин, владевший количеством крепостных душ от ста и выше, назывался среднепоместным. Двенадцать душ крепостных не могли обеспечить барину достойную жизнь (Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков ... С. 148).

Дворовый — крепостной крестьянин из дворни, т. е. живущий при барском дворе и служащий господам, а не работающий на земле.

Молодцы! — Принятое обращение к прислуге в трактире.

...начинает мыть чашки и разливать. — В захолустных трактирах и гостиницах подавали чашки не всегда чисто вымытыми, и уважающая себя публика предпочитала перед употреблением их ополоснуть. К тому же при ополаскивании кипятком чашки прогревались, поэтому чай в них дольше не остывал, сохраняя свой аромат.

...бутылочку лисабончику ~ лисабону лучшего. — «Лиссабон» — португальский портвейн. В трактирах часто подавался «лисабон» плохого качества.

С. 241—242. ...ведёшь свои дела правильно ~ в правиле... действуешь. — Имеется в виду честная торговля, без обмана, твёрдая нравственная жизненная позиция, соответствующая старинному русскому своду житейских правил, источником которого был «Домострой». В «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Костромская губерния» (сост. Я. Кржижовлоцкий. СПб., 1861) ведущее «правильную торговлю уже несколько поколений, как например, купечество костромское и галичское», противопоставляется купечеству, вышедшему «в продолжение последних 25 лет из крестьян прямо в миллионеры, как например, вичугские купцы, живущие в сёлах и деревнях при своих фабриках, но записавшиеся в гильдию по разным уездным и заштатным городам Костромской губернии» (Верба И. П. Лексика «Материалов для словаря русского народного языка» в пространстве пьес А. Н. Островского // Щелыковские чтения 2008: А. Н. Островский и драматургия его времени (1840-е — 1880-е годы). Кострома, 2009. С. 176).

С. 242. ...решишься всего капиталу... — Потерять все деньги.

...когда я пришёл в возраст... — Имеется в виду полный возраст человека, совершеннолетие, которое в XIX в. начиналось с 21 года.

...никому уважать не намерен. — Здесь: о нежелании жить чужим умом.

...занимаюсь этим малодушеством... — Заниматься малодушеством — не иметь своей жизненной позиции, вести безнравственный образ жизни, пьянствовать, распутничать.

...свой круг имеешь дела... — Замкнутая какими-либо границами область, сфера какой-либо деятельности, чьих-либо занятий, интересов.

...когда про человека такая слава идёт. — В небольших городах, как и в деревнях, каждый человек был на виду, о нём судили по его поведению и ни молодого человека, ни девушку с дурной славой не принимали в качестве жениха или невесты в порядочную семью.

...всё это наносные слова... — Слова, содержащие в себе клевету, ложь, т. е. несправедливые.

С. 243. ...перед истинным... — перед Богом.

С. 244. *Китайских трав... первых сортов...* — Лучших сортов китайского чая.

...рюмочку ерофеичу. — Ерофеич — русское традиционное название спиртовых настоек на травах и пряностях (без добавления сахара). Произошло от имени цирюльника Ерофеича, вылечившего в 1767—1768 гг. графа Алексея Орлова от тяжёлого желудочного заболевания подобными настойками и получившего право производить их на продажу. В «Материалах для словаря русского народного языка» Островский так толкует это слово: «Ерофеич, м. Водка, настоящая разными травами. Лет 50 тому назад в Москве, в москательном ряду, продавалась в фунтовых картузах смесь разных пахучих трав с прибавлением мелких сушёных померанцев под названием набор. Водка, настоящая набором, называлась Ерофеич» (ПСС-12. Т. 10. С. 473).

...сват, мол, пришёл. — «Кто идёт сватать невесту по поручению жениха или родителей его»; «родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут сватами» (Даль. Т. 4. С. 145). Можно предположить, что Русаков принимал участие в сватовстве кого-то из детей Маломальского.

С. 246. ...что-нибудь, примерно, хоть обняком... — Обняком — используя намёки, недомолвки, иносказания.

...мне придётся за неё Богу отвечать. — «Домострой» предписывал родителям «любить и беречь и страхом спасати» детей, «хранити и блюсти о чистоте телесной, и от всякого греха, яко ж зеницу ока, яко ж своя душа». Если же дети согрешат «отцовым и матерним небрежением, и о тех гресех ответ дати самем в день страшного суда» (Домострой. М., 1990. С. 49).

Ветрогон какой-нибудь... — Ветрогон — ветреник, вертопрах — легкомысленный, неосновательный человек.

...на кривой-то не объедешь. — Не обманешь.

С. 247. *Мужик, мужик!..* — Здесь: грубый, невоспитанный человек (Словарь к пьесам. С. 120).

Пойдём, пойдём, беспутный. — Беспутный — легкомысленный и разгульный, ведущий беспорядочный, предосудительный образ жизни человек.

С. 248. ...либо пан, либо пропал... — Всё или ничего. Говорится в решимости (или о решимости) сделать, предпринять что-либо.

...имение расстроено. — В значении: разорено.

Полмиллиона, наверно. — В XIX в. существовало два курса валюты: ассигнациями и серебром. В 1839 г. был установлен твёрдый курс серебряного рубля по отношению к бумажному: 1 к 3,5. В пьесе не уточняется, по какому курсу считает капитал Русакова Баранчевский, однако в любом случае для купца из провинции полмиллиона — сумма, которая во много раз превышает тот необходимый минимум, который позволяет купцу принадлежать к первой гильдии (Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков ... С. 57).

С. 249. ...уж сейчас заметно, что из купчих. — Духовная и бытовая культура девушек из дворянского и купеческого сословий значительно различались, по этой причине считалось неприличным вступать в брак с той, кто ниже на социальной лестнице.

Меланхолический характер — характер человека, легко ранимого, чересчур впечатлительного, склонного к постоянному переживанию различных событий, мало реагирующего на внешние факторы.

С. 250. *Без грома, братец, без грома...* — Очевидно, Вихорев просит слугу открывать шампанское бесшумно, поскольку ему, как изгнанному из кавалерии, неприятны воспоминания о прежних шумных пирушках.

Нашему слесарю двоюродный кузнец! — Так говорится о дальнем родстве.

С. 251. *Ваш предмет у меня теперь сидит...* — «Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется предметом» (*Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода* // ПСС-12. Т. 10. С. 344).

...в ремесленники, что ли, идти?.. — Пойти в ремесленники — заняться не соответствующим социальному положению дворянина, постыдным для него делом.

С. 252. *Уведем потихоньку да и обвенчаемся ~ по русскому обыкновению, ему в ноги...* — Такого рода поступок назывался «женитьба увозом», т. е. брак без согласия родителей в результате похищения невесты. Вихорев надеется после венчания вытребовать у Русакова за дочь большую приданое.

С. 253. ...еду на Кавказ... — Намёк на войну с горцами.

Амур! — Амур (фр. amour от лат. amor — «любовь») в древнеримской мифологии — бог любви, отождествлялся с греческим Эротом.

С. 254. *Научить ли те, Ванюша...* — Русская народная песня (*Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 4. № 408. С. 313—314; вариант этой песни см.: Там же. С. 314—315*).

С. 255. *Оказия.* — Редкий, необычайный случай, неожиданность.

...рядские-то учтивости разводить... — Здесь: вести себя так, как принято у продавцов в торговых рядах, — почтительно, вежливо и обходительно с целью обмануть покупателя.

С. 256. *И с бородой, и необразованный?* — «Борода в древней Руси считалась неотъемлемым признаком всякого православного, отделявшего его от “латинства”. <...> ...В продолжение нескольких веков в сознание русских людей прочно вошло представление о своеобразной святости бороды... которая служила символом русской народности, русской старины и предания. <...> Борода, как и русское платье, в старинном купечестве была признаком человека старого пошиба... деловитого, почтенного. Однако купеческая молодёжь, усвоившая себе внешнюю культурность, брить бороду грехом не считала. Купеческие же дочери, получившие образование в пансионах, бородатыми женихами гнушались. <...> Слово “борода” в устах чиновника, дворянина, презиравших купечество, стало синонимом купца и приобрело пренебрежительный оттенок» (*Словарь к пьесам. С. 20—21*).

...люди с понятием. — В значении: образованные, стремящиеся жить в соответствии с нормами, принятыми в благородном (дворянском) кругу.

Поёт с чувством романс. — Романс — небольшое произведение для голоса с сопровождением фортепиано или каких-либо других инструментов (гитары,

арфы и т. п.). В отличие от фольклорной песни, романс имеет авторов слов и музыки, распространён в городской, преимущественно мещанской среде.

С. 257. *Загадайте мне на тrefового короля.* — Основное значение тrefового короля в гадании на картах — темноволосый или кареглазый мужчина. С таким королём связывалось представление о личности справедливой, которая окажет вам покровительство. Верный друг.

С. 258. *...Лазаря поёт...* — Лазаря петь — плакаться, жаловаться, стараясь разжалобить кого-нибудь.

С. 259. *...душа изомрёт...* — В значении: измучается, страдает.

Чужой век заедать? — Не давать жить, мучить.

Вспомни, вспомни, моя любезная... — Русская народная песня (см.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 5. № 669. С. 520; варианты этой песни: Там же. С. 518—523).

С. 260. *Не пой ты, не терзай мою душу!* — Дуня и Ваня Бородин живут в кругу народных представлений о песне как средстве общения людей.

...в мире да в благочестии... — В значении: живя в любви и уважении друг к другу, почитая Бога.

...врагу рода человеческого... — Здесь: о дьяволе, духе тьмы, сатане, цель которого — склонить человека ко греху, завлечь его обаянием, прельщением.

...дело вражье. — Вражье — дьявольское, совершаемое при участии потусторонней злой силы.

...не бойся смерти, а бойся греха. — В представлении верующих людей физическая смерть человека не означает смерти духовной, грехи же ведут к тому, что после смерти душа человека окажется обречённой на адские муки.

С. 262. *...амбицию-то пока в сторону отложим.* — Амбиция: 1) обострённое самолюбие, чрезмерное самомнение; чванство, спесь; 2) гордость, чувство собственного достоинства.

...пока Бог грехам терпит. — Пока Бог не наказывает за грехи.

С. 263. *...этой патриархальности.* — Здесь: пережитков старины, патриархальных отношений.

С. 264. *Ну, и чин у меня...* — Чин: должностное звание, указывающее на степень служебного положения государственных служащих, гражданских и военных (*Словарь к пьесам.* С. 232). Дворяне, как правило, при вступлении в военную службу получали офицерский чин, что уже отличало их от купцов.

С. 265. *Она девушка простая, невоспитанная...* — Воспитание в дворянской и купеческой среде значительно различалось. Дуня — «девушка простая», т. е. необразованная, воспитанная в народных традициях, приученная к хозяйству, в отличие от дворянок, приобщённых к письменной европейской культуре, знающих языки, ведущих светский образ жизни.

С. 266. *...такой политичный кавалер...* — Политичный — тактичный и ловкий мужчина, умелый в обращении, дипломатичный.

Прожила пять лет в Таганке... — Таганка — местность в юго-восточной части Москвы, между р. Яузой и р. Москвой, заселённая ремесленниками, изготовлявшими таганы — подставки для котлов (см.: Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 589).

Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала. — Сиделец — продавец в лавке; приказный — мелкий канцелярский служащий. Однако, скорее всего,

Русаков имеет в виду приказчиков в лавках, т. е. наёмных служащих у купца или в торговом заведении, выполнявших поручения торгового характера, занимавшихся по доверенности хозяина торговлей в магазине.

С. 271. *«Ах, об чём ты проливаешь...»* — Модный в XIX в. sentimentalный романс на слова Ф. М. Толстого «Кисейный рукав» (см.: Карманный песенник на 1860 год с новейшими русскими и цыганскими песнями, исполняемыми хорами песенников Ив. Молчанова, Гр. Соколова, М. Молодцова и др. СПб., 1860. С. 82—83).

С. 272. *...взвэзжэживают.* — Взвэжживать, взвозжать лошадь — завэзживать, пристёгивать вожжи к удилам запряжённой и занузданной лошади (*Даль*. Т. 1. С. 192).

С. 274. *...скоротаю свой век в четырёх стенах сидя, проклиная свою жизнь.* — Для опозоренной, с худой славой девушки оказывался возможен только такой образ жизни.

Хоть в маркёры ступай! — Маркёр — человек, обязанностью которого является прислуживание во время игры на бильярде и ведение счёта очков. Пойти в маркёры для дворянина означает крайнюю стадию обнищания, падения.

Вели этих лошадей откладывать... — Откладывать лошадей — распрягать.

...в Сибирь Тобольской ийти. — Речь идёт о Тобольском тракте — этапной дороге, по которой осуждённых на каторгу отправляли в Сибирь.

...я от него убёгом уйду. — Имеется в виду: уйти без барского разрешения, без «вольной» грамоты (документа об освобождении от крепостной зависимости) от барина. По сути, это означало стать беглым, беспаспортным человеком.

С. 276. *...как турман, ровно как угорелый...* — Турман — голубь особой породы, способный кувыркаться при полёте.

...какое бы колено сделать почудней... — Выкидывать колена, откалывать колена (коленца) — совершать неожиданные, необычные, несуразные поступки.

С. 278. *Диви бы я с ней строг был...* — Диви бы — пусть бы, если бы ещё.

С. 281. *...феферу задал...* — Феферу (нем. *Pfeffer* — перец) задать — задать перцу, задать взбучку, досадить, наказать (*Словарь к пьесам*. С. 222).

С. 284. *...со всяким грех бывает. Не нам судить!* — В соответствии с православною верой: «Не осуждай никого ни в чём — и не будешь осуждён. Осуждающий других уподобляется антихристу, ибо дерзает кого-то судить прежде Господа» (*Схиизумен Иоанн Валаамский*); «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18, 14); «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14—15).

С. 285. *Бог тебя простит, ты меня-то прости!* — Когда просят прощения, у православных принято отвечать: «Бог простит», что не означает отказа ближнему, отстранения его от себя. Выражение «Бог простит» — это отрицание гордыни, её противоположность.

Теперь, на радости, не ссорятся. — По патриархальным представлениям, во время праздника, «на радости», ссоры и обиды недопустимы.

Н. Л. Ермолаева

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Впервые опубликовано отдельным изданием: «Бедность не порок. Комедия в трёх действиях. Сочинение А. Н. Островского». М.: Тип. В. Готье, 1854 (цензурное разрешение — 23 декабря 1853 г.).

Рукописные источники:

- черновые наброски (ЧН): РГБ. Ф. 216. М. 3098. Ед. хр. 3;
- черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3238. Листы разделены пополам, на одной половине написан текст, на другой изменения и поправки;
- авторизованная писарская копия (АПК): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 10 (содержит исправления отдельных слов, фраз, вставки, сделанные рукою А. Н. Островского);
- цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. I.XIX.374 (использовалась режиссёром; два изменения текста принадлежат цензору, остальные сделаны режиссёром);
- театральная писарская копия (ТПК₁): ГТБ. I.IX.5.54 (с цензурским разрешением, без цензурного вмешательства); содержит сделанные режиссёром изменения);
- театральная писарская копия (ТПК₂): МТ. № 698/2 (с режиссёрскими пометами: распределение ролей, устройство сцены, бутафория).

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Сочинения*. В 2 т. Т. 2. СПб., Изд. Г. А. Кушелёва-Безбородко, 1859 — с учётом исправлений, сделанных Э. Л. Ефременко (ЛСС-12. С. 546—547).

С. 297

³ *Вместо:* людей — людей-то (по ЧА)

С. 298

² *Вместо:* Митя садится — Митя подвигает стул и садится (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 299

¹³ *Вместо:* А должны были сами — А вы должны сами (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 300

³⁶ *Вместо:* затворяет и не пускает — затворяет дверь и не пускает (по всем рукописным источникам)

С. 303

¹⁸ *Вместо:* от своей — от своей от (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 305

³⁰ *Вместо:* серебра не надо — серебра больше не надо (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 306

⁸ *Вместо:* (Читает.) — (Читает с расстановкой.) (по ЧА)

С. 308

¹ *Вместо:* что это вы — что вы (по всем рукописным источникам)

С. 310

¹⁹ *Вместо:* с удовольствием сделаю — в удовольствие сделаю (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 312

¹⁶ *Вместо:* Арина, а вино-то — (Арине.) А вино-то (по ЧА, АПК, ТПК₁)

¹⁷ *Вместо:* мадеры-то, мадеры-то... — мадерки-то, мадерки-то... (по ЧА, АПК, ТПК₁)

С. 316

²² *Вместо:* помни это! — попомни это! (по ЧА, АПК, ТПК)

С. 318

⁸ *Вместо:* Раскланиваются и уходят. — Раскланиваются со всеми и уходят. (по ЧА)

^{28—29} *Восстановлена ремарка:* (Подходит к Анне Ивановне.) (по ЧА)

С. 319

²³ *Вместо:* денег-то нет — деньжонок-то нет (по всем рукописным источникам)

С. 320

^{24—25} *Восстановлены две строки:* Ах, люленьки, люли, / Да кто неженатый? (по ЧА)

С. 325

^{1—2} *Вместо:* думаю до ночи — думаю, может, до ночи-то (по ЧА)

С. 327

^{26—27} *Вместо:* благословите вы, Пелагея Егоровна — благословите вы, Пелагея Егоровна, всё равно-с (по ЧА)

С. 329

²⁹ *Вместо:* сиди одна — сиди дома одна, жди (по ЧА, АПК, ТПК)

³⁴ *Вместо:* вас-то жена — вас та жена (по ЧА, АПК, ТПК)

С. 330

³ *Вместо:* семейство призрел — семейство её призрел (по ЧА)

С. 331

² *Вместо:* скажи, что — скажи откровенно, что (по ЧА)

С. 333

³⁰ *Вместо:* шутить, ты думаешь — шутить, паясничать, ты думаешь (по ЧА)

С. 337

⁸ *Вместо:* погубил бы — погубил было (по ЧА, АПК, ТПК)

В черновом автографе отмечено: «Задумана 10 июля 1853 г. Начата 22 августа 1853 г.». Уже 30 сентября того же года Островский писал М.П. Погодину: «...совершенно занят окончанием моего последнего труда», — а 24 октября сообщал: «...комедия кончена, дело теперь только за перепиской, её нужно будет поскорее печатать». Некоторые подробности создания пьесы раскрывает письмо к Ф.А. Бурдину от 2 ноября 1853 г.: «Болезнь помешала мне окончить комедию, как я обещал, т. е. к октябрю, но теперь я её кончил, и она переписывается. Я пошлю её к Вам, а Вы похлопочите, чтоб цензура поскорее пропустила. Ставить я приеду сам, я уже решился». Однако, несмотря на быстрое завершение, работа шла достаточно сложно: первоначальный замысел, характеры действующих лиц, многие сценические решения претерпевали существенные изменения.

Первоначальное название пьесы — «Гордым Бог противится». Судя по черновым наброскам, она должна была состоять из двух действий, в конце II действия (явл. 4) написано слово «финал». Но за ним сразу же следует практически нечитаемый план III действия. Всё I действие этого сценария перечёркнуто карандашом, слева сделана надпись: «Не годится» (ЧН). Последующие страницы содержат ещё один план I действия, близкий окончательному.

Начиная работу, драматург ещё не определился с кругом действующих лиц и с именами персонажей. Так, Гордей Карпыч поначалу носил фамилию Торцово-вой, которая остаётся и в I действии *ЧА* (во II действии он уже назван Торцовым). Будущий Любим Торцов поначалу Аким; Африкан Савич в списке действующих лиц *ЧН* не носит ещё никакой фамилии, хотя далее, здесь же, он действует под фамилией Коршунов. У Островского были колебания в выборе фамилии. В *ЧА* этот персонаж предстаёт как Сычѳв и лишь потом (в той же рукописи) — Коршунов. Лиза (одна из подруг Любви Гордеевны) была Сашей. На первом этапе в списке действующих лиц была мать Мити — Устинья Петровна, «бедная вдова», в доме которой, согласно раннему плану, должно было происходить I действие. В *ЧН* упомянуты «Яша и Гриша — молодые парни». В *ЧА* они названы «молодые купчики», о Грише было добавлено «по прозванью милый», хотя эти слова зачѳркнуты.

О том, что Яша приходится Торцову племянником, в списке действующих лиц пока не говорится, но в уже в 5-м явлении I действия он называет Торцова дяденькой. Арины в списке лиц *ЧН* нет, а в *ЧА* она поначалу именовалась «ключница старая нянька Люб<ови> Гор<деевны> старуха». Имя Егорушки в *ЧН* также отсутствует, но в афише *ЧА* он назван Егором. На первом этапе работы появлялся персонаж, обозначенный как «Богатый купец. Старик» (*ЧН*), которого, как свидетельствует помета Островского, должен был играть М. С. Щепкин (впоследствии за ним будет закреплена роль Коршунова): автор изначально хотел видеть свою будущую пьесу на сцене Малого театра, о чём свидетельствует и помещѳнное в *ЧН* распределение других ролей¹: Гордей Карпыч — Леонидов; Пелагея Егоровна — Сабурова; Любовь Гордеевна — Медведева; Любим Карпыч — Садовский; Устинья Петровна — Акимова²; Митя — Васильев; Анна Ивановна — Бороздина; Яша — Климовский; Гриша — Турчанинов (см.: *Каушин*. С 166).

В самом конце начальной рукописи у Островского появляется замечание о пьесе под названием «Ревность», действующими лицами которой должны были стать «старый муж и молодая жена, взятая из бедности» (*ЧН*). Произведения с таким названием среди пьес драматурга нет, но обозначенная коллизия будет использована в «Бедности не порок» при разговоре Коршунова с Любовью Гордеевной (III д., 7 явл.). С этой коллизией связаны и слова Любима Торцова о Коршунове, загубившем ревностью свою молодую жену (III д., 12 явл.).

В *ЧА* поначалу было точно обозначено место действия — город Караваев (именование, которое впоследствии будет снято). Доминанта характера Гордея Карпыча определилась сразу и выражена в имени, явно соотнесѳнном с первым названием комедии «Гордым Бог противится». Однако некоторые проявления его характера претерпели изменения. Ещё на самом раннем этапе работы у Островского появились наброски, которые впоследствии войдут в 7-е явление I действия: Гордей Карпыч приходит к Мите и застаѳт его с Гуслиным и Разколяевым за песнями. Среди этих набросков встречается адресованное Мите замечание Торцова: «а мать-то старуха чай бедствует» (*ЧН*). Оно войдѳт и в текст *ЧА*, хотя уже в нём зачѳркнуто, поскольку вступает в противоречие с характером Торцова. Эта реплика невольно

¹ Роли Маши и Саши (впоследствии Лизы) распределены не были.

² Сначала эта роль предназначалась А. Т. Сабуровой.

бросала и ненужный Островскому негативный свет на Митю, уводящий несколько в сторону основное действие комедии.

Изменения, связанные с характеристикой Мити, ещё более существенны.

Н. П. Кашин предполагал, что Островский сначала не думал делать Митю приказчиком Торцова. Изначальные акценты, по-видимому, действительно были другими. Как небезосновательно считает исследователь, «очевидно, при создании этого лица у Островского мелькал сначала образ народного поэта, подобного Кольцову...» (Кашин. С. 171—172). Хотя склонность Мити к поэзии, как и увлечённость стихами Кольцова, сохраняются и в основном тексте, в *ЧА* они даются отчётливее. По мере работы Островского над текстом речь Мити становится более сентиментальной и витиеватой. В *ЧА* лексика Мити гораздо проще.

Отчётливы изменения, касающиеся характеристики Любима Торцова. В первом действии *ЧА* в его монолог (разговор с Митей) включена реплика о том, что свои последние деньги он отдал Африкану Савичу, — слова, которые одновременно характеризуют Коршунова и будут мотивировать их отношения в III действии, приближая развязку комедии. Другие вставки в речь Любима Карпыча свидетельствуют о том, что Островский всё более приближал его речь к народной, придавал ей иносказательный и балагурно-шутливый характер.

В комедию вносилось множество изменений, касающихся формы произведения, его объёма, причём Островский не только сокращал текст, но в необходимых случаях его дополнял.

Первоначально было написано пять явлений I действия. Затем 1-е и 2-е явления подверглись переработке, что обусловило и композиционные изменения. Так, длинный монолог Пелагеи Егоровны во 2-м явлении («Какие дела! Никаких делов нет...») поначалу включал рассказ о Гордее Карпыче, рассердившемся оттого, что Любим Карпыч встал с нищими у собора. Поскольку рассказ об этом оказался во вновь написанном 1-м явлении, где он принадлежит Егорушке, предшествующий текст был зачёркнут. В 6-м явлении I действия были сняты излишние подробности, касающиеся Разгуляева, но 9-е явление, наоборот, дополнено отдельными вставками, сообщающими живость диалогу. Это характерно и для 12-го явления, куда также внесено достаточно много изменений.

Во II действии первоначально были написаны впоследствии зачёркнутые три явления, первое из которых — диалог Егорки и Арины — в переработанном виде вошёл в 3-е явление окончательной редакции текста.

Отдельного внимания заслуживает решение Островского, касающееся сюжетного движения пьесы. Первоначально была мысль включить в 1-е явление объяснение Мити и Любви Гордеевны, но затем он отказывается от этого, включив диалог Любви Гордеевны и Анны Ивановны, сообщающий событиям более естественный ход. Желание автора избежать длинны приводит к тому, что многие реплики (Анны Ивановны, Любви Гордеевны) оказались зачёркнуты, а реплика Мити во 2-м явлении «Что загадывать вперёд, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь», которую Островский собирался «развить» (замечание, сделанное на чистой стороне листа), осталась в прежнем виде. В процессе художественной отделки произведения и другие изменения: 5-е явление первоначально распадалось на два, которые в конечном счёте были объединены в одно. Из этого же явления впоследствии (уже

на другом этапе работы) будет изъят полилог с участием Разлюляева, Пелагеи Егоровны и Любви Гордеевны.

Те же установки характеризуют работу Островского над III действием. Слова Пелагеи Егоровны и Любви Гордеевны, которыми в основном тексте открывается 9-е явление, заканчивали 8-е явление, изменения наблюдаются и в 10-м явлении. Если в *ЧА* III акта 12 явлений, то в основном тексте их 15.

Другие разночтения между *ЧА* и завершённым текстом касаются главным образом отдельных реплик персонажей, причём изменения сделаны не в тексте *ЧА*, а в другом источнике. На каком этапе это произошло, с определённой степенью сказать невозможно, однако большинство отличий, какими отмечен основной текст комедии в сравнении с *ЧА*, есть в *АПК*.

При всей приближённости *АПК* к завершённому тексту тождества между ними нет. Это видно, например, из того, что в 9-м явлении I действия в основном тексте вместо слов Анны Ивановны «нехорошо при парнях-то» было «нехорошо при мужчинах», а вместо ремарки «приплясывает», относящейся к Разлюляеву, стояло «прохаживается». Не было здесь и завершения ремарки, характеризующей поведение Анны Ивановны (...показывая на Любовь Гордеевну и Митю), имеются и другие (хотя не очень значительные) разночтения. Таким образом, протографом первопубликации была не *АПК*, а другой, остающийся неизвестным текст, в пользу чего говорит и то, что содержащаяся в писарской копии авторская правка (вставки, зачёркивания и др.) делают её трудночитаемой для наборщика. Тем не менее *АПК* гораздо больше приближена к тексту первой публикации, чем *ЧА*.

23 ноября 1853 г. Островский читал пьесу у себя дома в кругу друзей, среди которых были Ап. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, скульптор Н. А. Рамазанов, художник П. М. Боклевский, музыкант А. И. Дюбюк, поэт Б. Н. Алмазов и другие. 23 ноября комедия была прочитана у Ап. Григорьева, а вскоре у Н. А. Рамазанова. По свидетельству И. Ф. Горбунова, «чуть не каждый день Александр Николаевич уезжал куда-нибудь читать свою новую пьесу. Толков и разговоров об ней по Москве было много» (*Горбунов И. Ф. Соч.: в 3 т. СПб., 1907. Т. 3. С. 13*).

1 декабря 1853 г. Островский сообщал Ф. А. Бурдину: «Уже в чтении эта пьеса имела в Москве такой успех, какого не имела до сих пор ни одна моя комедия. Похлопочите, чтобы мне из цензуры получить ответ поскорее. Если она пройдёт, то я тотчас же приеду в Петербург сам ставить. Надобно будет списать другой экземпляр, чтобы один оставить у вас, а другой послать поскорее в Москву. Если бы это можно было сделать к Святкам, то пьеса имела бы особенный эффект, потому что действие в ней во время Святков. Там есть прекрасная для Вас роль — Мити». 2 декабря 1853 г., довольный пьесой и реакцией первых её слушателей, Островский писал М. П. Погодину: «Вот и опять торжество, и торжество небывалое. Успех последней моей комедии превзошёл не только ожидания, но даже мечты мои».

17 декабря 1853 г. действительным статским советником А. К. Федерштерном комедия была дозволена к представлению: «Предосудительного нет ничего» (*РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 30. Л. 216*). Вероятно, в Петербург Островский приехал в конце декабря, 2 января 1854 г. он читал пьесу актёрам и распределял роли. То, какими он видел своих персонажей на сцене, отчасти раскрывается в письме к Ф. А. Бурдину от 22 декабря 1853 г.: «Маша и Лиза в пьесе — купеческие девушки, одетые очень хорошо. Анна Ивановна в тёмном шёлковом платье с открытым

воротом, на голове повязан цветной шёлковый платочек. Гордей Карпыч с бородой, но в коротком сертуке. Любим Карп<ыч> в летнем триковом пальто. Коршунов без бороды, одет, как купцы из немцев; Митя в длинном сертуке, белый коленкоровый платок на шее, Гуслин так же, Разлюляев в кафтане, сапоги высокие, с кисточками. Девушки, поющие песни, — из купеческих горничных».

В подготовке премьеры спектакля, состоявшейся 25 января 1854 г. в Малом театре, принимал участие сам Островский. Воспоминания И. Ф. Горбунова содержат интересные сведения о восприятии пьесы актёрами и первыми зрителями: «Мнения в труппе относительно новой пьесы разделились. Хитроумный Щепкин, которому была назначена роль Коршунова, резко порицал пьесу. Он говорил: “Бедность не порок, да и пьянство — не добродетель”. Шумский следовал за ним. Он говорил: “Вывести на сцену актёра в поддёвке да в смазных сапогах — не значит сказать новое слово”. Самарин, принадлежавший к партии Щепкина, хотя и чувствовал, что роль (Митя) в новой пьесе ему не по силам, — молчал. А Пётр Гаврилович Степанов говорил: “Михайлу Семёнычу с Шумским Островский поддёвки-то не по плечу шьёт, да и смазные сапоги узко делает — вот они и сердятся”. <...> Начались репетиции, и мы с Александром Николаевичем бывали на сцене каждый день. Наконец пьеса 25 января 1854 года была сыграна и имела громадный успех. Садовский в роли Любима Торцова превзошёл самого себя. <...> Вплоть до масленицы пьеса не сходила с репертуара, несмотря на то, что её загораживала гостившая в то время в Москве знаменитая Рашель¹» (*Горбунов И. Ф. Соч. Т. 3. С. 13, 14, 17*). Об успехе комедии в письме, датируемом концом января — началом февраля 1854 г., писал Ф. А. Бурдину и Островский: «Комедию мою давали в первый раз 25 числа; успех небывалый! Напишите мне о судьбе моей комедии у вас».

Что касается публикации, Островский хотел видеть её в «Москвитянине», однако из-за обострившихся отношений с Погодиным это намерение не осуществилось, и в 1854 г. комедия вышла отдельным изданием в типографии В. Готье. Текст комедии, появившийся позднее во втором томе собрания сочинений, изданного Г. А. Кушелёвым-Безбородко (цензурное разрешение было дано 17 октября 1858 г. И. А. Гончаровым), отличается от первой публикации прежде всего гораздо более упорядоченной пунктуацией.

Н. В. Капустин

Ф. А. Бурдин отметил, что «комедия “Бедность не порок” окончательно утвердила» за Островским «громкое имя» (*Восп. С. 320*). Она стала одной из самых репертуарных пьес драматурга на столичных и провинциальных сценах, в любительских спектаклях. В то же время появление этой комедии привело к разногласиям в театральной среде. Сторонники «высокой комедии» (например, А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя) во главе с авторитетным М. С. Щепкиным не приняли простонародный, подчёркнуто бытовой характер содержания комедии, то «новое слово» в русской драматургии, которое сказал Островский в пьесах 1850-х гг. За спектакли по пьесе «Бедность не порок» Островский впервые стал получать гонорар, правда, незначительный: двадцатую часть от двух третей выручки за спектакль. Таковы были порядки в императорских театрах.

¹ Речь идёт о гастролировавшей в России французской актрисе Элизе Рашель.

Свою задачу Островский видел в том, чтобы соединить «высокое с комическим» (Письмо к М.П. Погодину от 30 сентября 1953 г.). В качестве примера Островский упоминает именно «Бедность не порок». Этой мысли соответствует более позднее высказывание драматурга в «Дополнениях <к запискам о театре>»: «Реальное получило преобладание, но оно не исключило и возвышенного лиризма. <...> Реальное не значит низменное, реальное значит правдивое, верное, но ведь и лиризм, и возвышенные чувства существуют в человеке, значит, и они реальные». Жанр «Бедности не порок» традиционно определяется как «народная комедия» (А.И. Журавлёва) на основании того, что вся образная структура этой пьесы подчинена стремлению художественно осмыслить сущность народной культуры и народных характеров: «Старинная русская бытовая культура здесь выступает как общенародная. Она — вчерашний день современных Островскому купцов, бывших крестьянами. Быт этот ярок, живописен и в высшей степени поэтичен, и Островский стремится художественно доказать это» (Журавлёва А.И. «Бедность не порок» // ЭО. С. 48). У комедии имеется ещё одно неповторимое качество, определяющее её жанровую специфику: её можно назвать «святочной комедией» в традиции рождественских (святочных) рассказов Ч. Диккенса, известных в России с 1840-х гг. В «Бедности не порок» не только сюжет связан со Святками, но и благополучный, традиционный для рождественских сюжетов финал (см.: Шанина Д.С. Комедия А.Н. Островского «Бедность не порок» в свете традиций святочного рассказа // Драма и театр: сб. науч. тр. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 121—127).

Комедия «Бедность не порок» вызвала оживлённую дискуссию в литературной и театральной критике, которая продолжалась в течение нескольких лет. Почти всеобщее одобрение театральной публикой изображённых в комедии народных характеров, русского быта, народного творчества подогревалось состоянием патриотического подъёма, связанного с Крымской войной, во время которой пьеса была написана и ставилась в театрах. В дискуссии достаточно чётко определились альтернативные суждения «за» и «против» новой комедии Островского.

Участники «молодой редакции» журнала «Москвитянин» высоко оценили комедию. Самым восторженным сторонником «нового слова» Островского (он же был и автором этой формулы) стал А.А. Григорьев, выразивший свой энтузиазм, особенно по отношению к характеру Любима Торцова в исполнении П.М. Садовского, в оде «Искусство и правда» (Москва. 1854. Т. 1, № 3/4. Смесь. С. 79—80). Григорьев горячо одобрил созданные Островским художественные образы, потому что в них — русская правда, православные традиции, широта характеров, нравственная глубина: «Но эта правда не похожа / На правду прежнюю ничуть; / Она простее, но дороже, / Здоровей действует на грудь. / <...> / Великорусская на сцене жизнь пирует, / Великорусское начало торжествует, / Великорусской речи склад / И в присказке лихой и в песне игреливой, / Великорусский ум, великорусский взгляд — / Как Волга-матушка, широкий и гульливый». Критик и в дальнейшем неоднократно вспоминал Любима Торцова как своего любимого героя, видя в нём трагикомический тип русского человека. В поэме «Venezia la bella»¹ Григорьев сопоставил себя с этим персонажем. В рассказе «Великий трагик» он снова вспомнил Любима Торцова, констатируя его раздвоенность. Восторженное отношение

¹ «Венеция прекрасная» (итал.).

Григорьева к комедии «Бедность не порок» и особенно к личности Любима Торцова вызвало немало возражений и даже насмешек со стороны литераторов «западнического» лагеря. Известный своей язвительностью Н. Ф. Щербина сочинил эпиграммы на Григорьева и Островского, широко распространившиеся в обществе: «После чтения одной “Элегии-оды-сатиры”» и «Четверостишие, сказанное Близорукой Завистью» (Щербина Н. Ф. Избранные произведения. Л., 1970. С. 263—264, 265). Григорьев же и в дальнейшем продолжал отстаивать своё мнение о комедии «Бедность не порок». В статье «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (1860) критик утверждает, что эта пьеса — «не сатира на самодурство Гордея Карпыча, а опять-таки, как “Свои люди — сочтёмся” и “Бедная невеста”, поэтическое изображение целого мира с весьма разнообразными началами и пружинами»: «Любим Торцов возбуждает глубокое сочувствие не протестом своим, а могучестью натуры, соединённой с высоким сознанием долга, с чувством человеческого достоинства, уцелевшими и в грязи, глубиной своего раскаяния, искреннею жаждою жить честно, по-божески, по-земски. Любовь Гордеевна, — один из прелестнейших, хоть и слегка очерченных женских образов Островского, — не забытая личность, возбуждающая только сожаление, а высокая личность, привлекающая... сочувствие» (Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 382).

Более подробный анализ новой комедии Островского от имени близких драматургу литераторов дал Е. Н. Эдельсон в статье «“Бедность не порок”, комедия А. Н. Островского» (Москва. 1854. Т. 2, № 5. Отд. V. Критика. С. 1—18). Рецензент объясняет причины обращения автора комедии к изображению купечества: в этом сословии «встречаются все формы жизни и обычаев, выработавшихся в нашем отечестве» (Там же. С. 2). Примером неоднозначного русского характера, по мнению Эдельсона, явился в комедии Любим Торцов, в котором «сохранилось ещё много дорогих человеческих свойств, которые не допустили его до преступлений и по временам, в торжественных случаях, вспыхивают с такою свежестью и яркостью, что способны дать урок иному, весь век безукоризненному человеку» (Там же. С. 8—9). «Светлая сторона комедии» — в обилии найденных в купеческом быту характеров, однако Островский нашёл в нём «другое зло»: «Это фальшивая цивилизация, подражание внешним формам и привычкам образованного класса, в свою очередь заимствованным» (Там же. С. 15). Эдельсон одним из первых обратил внимание на новую, необычную особенность авторской позиции Островского — противостояние двух культур, русской патриархальной («земской», по определению Ап. Григорьева), и внешне соблазнительной, но несущей разрушительные для человека последствия европейской, воспринятой поверхностно и поэтому бесплодной.

В противовес положительной оценке комедии «Бедность не порок» «москвитянинами», обнаружившими в пьесе изображение дорогих для них народных, православных традиций и нравственных основ, западники оценили новое произведение Островского негативно, прежде всего, очевидно, по причине утверждавшейся драматургом патриархальной тенденции. Это проявилось как со стороны радикальной партии «Современника», так и в более умеренных по своей общественной позиции «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Пантеоне» и других изданиях. «Современник» сразу после публикации пьесы откликнулся на неё двумя полемическими упоминаниями: в № 3 за 1854 г. в отделе «Смесь» напечатано

стихотворение Козьмы Пруткова (Вл. Жемчужникова) «Безвыходное положение», адресованное непосредственно Ап. Григорьеву и иронически оценивающее его литературную позицию, в частности, по отношению к «новому слову» А. Н. Островского (Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1974. С. 52—53). В следующем номере опубликована пародия на «Элегию-оду-сатиру» Ап. Григорьева неизвестного автора (*Совр.* 1854, № 4. Смесь. С. 52—54).

Наконец, в журнале «Современник» появилась по-настоящему разгромная статья Н. Г. Чернышевского — рецензия на отдельное издание комедии (Бедность не порок, комедия А. Островского // *Совр.* 1854. № 5. Библиография. С. 14—24). Автор статьи как будто оценивает пьесу с точки зрения художественного мастерства, в традициях популярной в России в 1850-е гг. эстетической критики, но в сущности вскрывает несостоятельную, по его мнению, авторскую мысль, опирающуюся на ложное содержание — изображение патриархальной жизни купечества. Чернышевский утверждает, что «автора “Бедность не порок”, не будь выставлено его имени на этой комедии, невозможно было бы признать автором “Своих людей”: он кажется только его подражателем, усвоившим до некоторой степени его манеру» (*Чернышевский Н. Г. Литературная критика.* Т. 1. С. 5). Чернышевский порицает драматурга за «неумеренную», «неудачную идеализацию» «устарелых форм» жизни, «апотеозу старинного быта». Иронически пересказывая содержание комедии, критик утверждает, что «почти вся пьеса состоит из ряда несвязных и ненужных эпизодов, монологов и повествований» (Там же. С. 55, 60). Критерием художественности объявлена прогрессивная авторская идея, которая должна чётко проявляться в литературном тексте. По мнению Чернышевского, «ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении» (Там же. С. 62). Критик совершенно не учитывает сценические условности пьесы и подходит к ней с требованиями позитивистски понимаемого правдоподобия. Высокую оценку комедии сотрудниками «Москвитянина» Чернышевский называет «смешной смелостью», подчёркивает схематичность характеров персонажей и неуместность многочисленных фольклорных вкраплений, которые, по мнению критика, лишь мешают целостности драматического действия. Особое раздражение рецензента вызывает образ Любима Торцова, воплощающего совершенно неприемлемую для Чернышевского будто бы положительную идею. В то же время критик выражает надежду, что Островский «не погубил ещё своего прекрасного дарования» (Там же), которое проявилось в его первой пьесе «Свои люди — сочтёмся!».

В своих претензиях к пьесам Островского москвитянинского периода Чернышевский по-своему прав и последователен, поскольку драматург — явно не его единомышленник, даже идейный противник, к которому и относиться нужно соответствующим образом. Ещё раз критик упомянул комедию «Бедность не порок» в статье «Об искренности в критике» — в ответ на обвинения сотрудника «Отечественных записок» С. С. Дудышкина в непоследовательности критической позиции (*Совр.* 1854. № 7. Отд. III. Критика. С. 1—24). Чернышевский в целом повторяет свою прежнюю оценку комедии, оговорившись при этом, что лицо Любима Торцова, «отдельно взятое, верно действительности», но в пьесе оно вносит «фальшивость и прикрашенность» (Там же. С. 12).

Не менее строго, но более доказательно охарактеризовал комедию «Бедность не порок» П. Н. Кудрявцев (*Кудрявцев П. Н. Бедность не порок, А. Н. Островского*

// ОЗ. 1854. Т. 94, № 6. Отд. IV. С. 79—101), который сосредоточился преимущественно на художественной стороне новой комедии Островского и, иронично пересказав её содержание, сделал неутешительные выводы относительно её достоинств. В пьесе критик находит уступку низким народным вкусам, персонажи, по его мнению, в основном сочинённые лица, отсутствует настоящий драматический конфликт, потому что страдающие герои (Митя и Люба) не борются, остаются покорными. «Что за драматическая пьеса, в которой нет действия, или где выдают за действие то святочные и маскарадные потехи, то идиллические картины, то глупые причуды бесхарактерных людей, которые сами не знают, чего хотят, то, наконец, выходки пьяных нахалов», — подчёркивает Кудрявцев. Действующие лица — «говорящие куклы», особенно слабы, по мнению рецензента, женские характеры, представляющие идеал женщины без личности (Пелагея Егоровна и Люба). Да и Митя — «женоподобие в мужском образе». Гордей Торцов непредсказуем в своём поведении, Любим слишком откровенно выражает авторскую идею. Критик не принимает широкое использование Островским фольклорного материала, связанного с празднованием Святков. Он видит в этом лишь «балаган», «ярмарочное увеселение» в «утоду райку». Обыгрывая ставшую широко известной мысль Григорьева о «новом слове» драматурга, Кудрявцев иронически констатирует, что «новое слово» — бедность не порок, а пьянство — добродетель. Он считает, что друзья драматурга, не в меру расхвалив пьесу и особенно тип Любима Торцова, лишь навредили репутации автора и настроили против него многих читателей и зрителей. Из всех персонажей комедии Кудрявцеву более убедительным показался Африкан Коршунов, внешне вполне приличный человек, натура цельная, соответствующая среде. Принадлежа грубой действительности, Коршунов вполне логично хочет купить любовь. Критик находит в комедии «Бедность не порок» не новое, а «последнее слово» старого направления в русской литературе, когда «грязные стороны действительности» «возведены в достоинство идеалов». Очевидно, здесь намёк на традиции натуральной школы, впрочем, несправедливый. Кудрявцев констатирует у автора комедии упадок художественного вкуса и советует ему выйти из того тесного круга, в который он заключил своё творчество (Там же. С. 99).

Сторонники Островского, москвитянинцы, не оставили без ответа критические суждения «западнических» петербургских журналов, сотрудники которых не поняли и принципиально не приняли стремление Островского поэтизировать народный быт и культуру. Б. Н. Алмазов (*Б. А. Современник*, №№ IV — V // *Москв.* 1854. Т. 4, № 13. Журналистика. С. 36—38) и Е. Н. Эдельсон (*Е. Э.—н. Отечественные записки*, 1854, № VI // *Москв.* 1854. Т. 4, № 14. Журналистика. С. 88—90) выступили в защиту новаторства Островского — автора комедии «Бедность не порок» и против мнений Н. Г. Чернышевского и П. Н. Кудрявцева. Алмазов в целом справедливо упрекает Чернышевского в «неприличии тона» и «поверхностном взгляде» при оценке пьесы, говорит об отсутствии у рецензента «эстетического чувства», защищает использование в ней фольклорных элементов. В свою очередь Эдельсон polemизует с Кудрявцевым, укоряя его в пренебрежительном отношении к народным мотивам в творчестве Островского, в нетерпимости к писателю «иных убеждений» (см.: *Ерофеева О. А.* «Бедность не порок» в журнальной критике 1854 года // *А. Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. тр. Вып. 3.* Шуя, 2010. С. 107—114).

Ещё один петербургский журнал западнического направления, «Пантеон», в лице его редактора Ф. А. Кони тоже высказался критически по отношению к комедии «Бедность не порок». Руководствуясь традиционными представлениями о поэтике драматического произведения, рецензент порицает фольклорный колорит пьесы, замедляющий развитие действия и нарушающий «правду жизни». «Не принял “Пантеон” такого Островского, каким он явился в комедии “Бедность не порок”, где народные формы жизни представлены выпукло, объёмно, зримо, ярко. Похвалы “Москвитянина”, к которому “Пантеон” относится с явной долей иронии, отказываясь видеть в нём полноценный журнал, “Пантеон” воспринимает резко негативно, называя друзей драматурга в данном случае врагами его таланта» (*Овчинина И. А. Журнал «Пантеон» об А. Н. Островском // Номо scribens: Литературная критика в России: поэтика и политика. Казань. 2009. С. 74*).

Позиции сотрудников «Москвитянина» по отношению к комедии «Бедность не порок» оказалась близка её оценка Р. М. Зотовым, который на следующий день после премьерного спектакля по этой пьесе одобрительно высказался о типах характеров, особенно Любима Торцова («лучшее создание в пьесе»), и дал общую высокую оценку спектакля: «Пьеса имела блистательный и заслуженный успех. <...> Мы давно не видели такого единодушного приёма» (*Р. З. Театральная хроника (...Бенефис Яблочкина. «Бедность не порок» // Северная пчела. 1854. № 207. 16 сент. С. 983*). Пальму первенства среди исполнителей критик отдаёт Самойлову, игравшему роль Любима Торцова, хвалит также Бурдина (Митя) и Читау (Любовь Гордеевна).

В периодической печати высказывались мысли о том, что новая комедия Островского производит различное впечатление как литературное произведение и как сценический спектакль. Театральные обозреватели нередко, отмечая «несостоятельность» комедии с литературной точки зрения, подчёркивали её достоинства на сцене (см., например, рецензию о премьерном спектакле в Александринском театре: *Театральная хроника // СПбВед. 1854. № 210. 22 сент. С. 1025—1026*), упрекая драматурга в недостаточности активного действия в пьесе, признали в то же время, что всё выкупается жизненностью персонажей. В «Заметках Петербургского жителя» подчёркивается, что, вопреки мнению друзей Островского, «Бедность не порок» — «далеко не гениальное произведение», но пьеса «хороша на сцене», она поражает «верным и живым языком» (*БдЧ. 1854. Т. 127, № 10. Смесь. С. 144, 145*).

Восприятие пьесы во многом зависело от актёров, и неслучайно драматург такое большое внимание уделял собственной работе с артистами. Особая ответственность падала на исполнителя роли Любима Торцова, который в значительной степени определял смысл всего спектакля. Сам Островский, многие зрители, театральные рецензенты высоко ценили в этой роли П. М. Садовского. И. И. Панаев отметил: «Роль Любима Торцова есть торжество Садовского, вся сила, глубина и широта его таланта являются здесь во всём величии» (Садовский в Петербурге // *Совр. 1857. № 6. Смесь. С. 288*). Критик пишет об очень удачном творческом союзе: «Счастлив писатель, нашедший такого истолкователя и исполнителя своих произведений, такое счастье не всем выпадает на долю; счастлив в свою очередь и актёр, нашедший писателя, доставившего ему возможность обнаружить перед публикою всю силу, великость и разнообразие своего таланта!» (Там же. С. 291).

По своему смыслу это высказывание одного из редакторов «Современника» явно шло вразрез с оценкой комедии, данной прежде Н. Г. Чернышевским.

Новый всплеск интереса к комедии «Бедность не порок» возник в 1859 г. в связи с выходом двухтомного собрания сочинений А. Н. Островского, изданного Г. А. Кушелёвым-Безбородко. Снова критики принципиально разошлись в отношении к пьесе. Н. П. Некрасов, подобно П. Н. Кудрявцеву, осудил творчество Островского с эстетической точки зрения (*Некрасов Н. П. Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // Атеней. 1859. Ч. 2, № 8. С. 458—499*). О комедии «Бедность не порок» рецензент пишет: это «...лжедрама между четырьмя лицами... Где же комедия? Неужели в одной пошлой обстановке, а не в лицах, не в действии и не в идее произведения? Неужели весь комизм его заключается в глупых фразах и песнях Разлюляева, в разудалых манерах Анны Ивановны, в безобразнейшем маскараде медведя с козую? Всё это гадко, отвратительно, но отнюдь не смешно» (Там же. С. 485). Успех комедии в публике Некрасов объясняет исключительно мастерским исполнением актёров, особенно П. М. Садовского: «...Садовский сделал то, что все едут в театр смотреть не комедию г. Островского, а г. Садовского в роли Любима Торцова. Но следует ли отсюда заключать, что Любим Торцов — лицо истинно художественное? Нисколько — Любим Торцов, отделённый от игры г. Садовского, не имеет никакого драматизма, ничего комического в самом произведении» (Там же. С. 485).

Н. С. Назаров упрекает драматурга в идеализации патриархальной старины и отсутствии устойчивого мировоззрения (см.: *Назаров Н. С. Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // ОЗ. 1859. Т. 125, № 7. Русская литература. С. 1—27; № 8. Русская литература. С. 86—113*). Он, как и Н. П. Некрасов, утверждает, что «вся пьеса держится одною ролью Любима Торцова, и то... благодаря удивительной игре г. Садовского». Рецензент одобрительно оценил язык всех персонажей комедии, «созданием которого автор может по справедливости гордиться и который он выработал до поразительного совершенства и естественности» (Там же. С. 91).

Более объективной по сравнению с другими рецензентами оказалась оценка комедии «Бедность не порок» А. В. Дружининым в статье «Сочинения Островского и проч.» (*БдЧ. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 1—42*). Критик не стремится извлечь какую-либо авторскую тенденцию из пьесы, а подчёркивает её эстетические достоинства, в то же время не закрывая глаза и на просчёты драматурга. Он констатирует не только «новый сценический триумф», но и неоспоримые «недостатки постройки», к которым он относит «слишком крутую и прихотливую развязку». Обращая внимание преимущественно на художественную сторону комедии, Дружинин пишет: «Во множестве сцен и подробностей разлита поэзия... здоровая и сильная, от которой Русью пахнет, в самом лучшем смысле этого выражения» (*Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. С. 419, 420*). Особенно выделяется «святочный вечер в доме Торцова» — «простая и близкая... поэзия». В целом отношение сторонника артистической критики к творчеству Островского было наиболее верным и адекватным. Дружинин согласен с мнением о «новом слове» Островского-драматурга, подчёркивая, что он нашёл «положительную и светлую сторону простой русской жизни», «русского купеческого быта». Художественно не вполне убедительное обращение Гордея Торцова без предварительной сложной подготовки Дружинин объясняет поспешностью автора. Он считает, что Островский по-

добной сценической небрежностью повредил себе в глазах читателей и зрителей. В этом критическом суждении можно заметить и несколько смягчённый упрёк в некоторой категоричности авторской позиции в пьесе: прямолинейность идеи равносильна художественному просчёту писателя. Верный своему принципу защиты свободного творчества, Дружнин упрекает современное российское общество и литераторов в постоянных требованиях от деятелей искусства проявления политической ангажированности: «Русское искусство, увлекаемое к публицистике, социальной дидактике и постоянному глухому протесту, через это самое становилось в положение мизерное, оскорбительное, ребяческое. Оно лишалось лучшей своей силы — независимости от временных целей, не выигрывая взамен того ни влияния, ни политического значения» (Там же. С. 426). Критик подчёркивает независимость и самостоятельность драматурга, который уклоняется от прямого протеста и тем самым вызывает гнев прогрессистов (явный намёк на рецензию Чернышевского 1854 г. на комедию «Бедность не порок»). И даёт своё объяснение, почему Островский, почувствовав поэзию «в известном ряде светлых явлений русской жизни», «не отступил от её воплощения»: «Уступка времени, необходимая и полезная в публицистике, — верная погибель для художника» (Там же. С. 427).

Подобное понимание смысла комедии «Бедность не порок» и в целом новаторства Островского не могло удовлетворить радикальную критику, стремившуюся использовать его творчество в социальных обличительных целях. Это относится прежде всего к статье Н. А. Добролюбова «Тёмное царство» (см.: Н.—ов. Тёмное царство (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // *Совр.* 1859. Т. 76, № 7. Современное обозрение. С. 17—78; Т. 77, № 9. Современное обозрение. С. 53—128). В отличие от более ранних прямолинейных и категоричных суждений Чернышевского, Добролюбов использовал тонкий стратегический приём при характеристике этой комедии, как и остальных «славянофильских» пьес: он воспользовался их содержанием, чтобы сделать необходимые для себя выводы. Критик констатировал в творчестве Островского противоречия между стремлением к изображению истины и «отвлечёнными» (т. е. патриархальными) взглядами автора, назвав их «временными воззрениями», причём, по его мнению, «чувство художественной правды постоянно спасало» драматурга. У Добролюбова происходит явная подмена понятий о верности действительности по отношению к позиции Островского. Представление критика по этому поводу, очевидно, не предполагает примирения с какими-либо сторонами «старинного быта», которые он считает «существенно дурными»: неполное их отрицание обличает «неверность взгляда» драматурга, преодолеваемую «художественной правдой» (*Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. С. 25*). В идеале автор должен (в соответствии с эстетикой Чернышевского) осознанно оценивать жизнь и выносить ей приговор. Подобную авторскую позицию, явно её преувеличивая, находит Добролюбов в комедии «Бедность не порок»: «преследование самодурства во всех его видах, осмеивание его в последних его убежищах... независимо от его временных воззрений и теоретических убеждений» (Там же. С. 93). Если же идеи автора не устраивают критика, их можно по существу игнорировать, сосредоточиться на фактах действительной жизни, что и делает автор статьи «Тёмное царство». Действительность и художественный вымысел понимаются в реальной критике как равнозначные в процессе познания самой жизни.

Мысль о противоречии объективного смысла произведения и авторской позиции в нём, о преимущественном обличении Островским «тёмного царства» и самодурства явно шла вразрез с преобладающим пониманием комедии «Бедность не порок» зрителями и более объективными критиками. И неслучайно А. А. Григорьев заметил: «...для того, чтобы совместить предметы несовместимые, т. е. чтобы ради пользы „Современника“ возвести Островского в гении, а вместе с тем сохранить и целостность отрицательного взгляда — всё в Островском начали мерять знаменитым масштабом „Тёмного царства“, как будто условившись забыть о воплях на него за идеализацию семейных начал и народного быта... <...> Попробуйте без теории в голове и сердце, а руководствуясь простым здравым смыслом и простым же здравым чувством, приложить добролюбовский масштаб к „Бедность не порок“ — ахинея выйдет ужаснейшая! Тёмное царство выйдет весь этот старый, весёлый, добрый быт, который царствует в драме, которого так жаль доброй старухе-матери, которого извечным и святым понятиям долга подчиняется светлая личность Любви Гордеевны и даровито-страстная личность Мити, — к миру с которым, а потом и к восстановлению мира и лада в котором стремится великая душа Любима Торцова...» (Григорьев А. А. Театральная критика. С. 262—263). Григорьев обратил внимание на возможность разного сценического прочтения роли столь любимого им персонажа. В то время все зрители, в том числе и Григорьев, вначале были покорены мастерским исполнением роли Любима Торцова П. М. Садовским, у которого критик находил «серьёзно комический талант, вполне сочувствующий жизни, чрезвычайно простой в своём творчестве, обладающий своеобразным, русским юмором»: «...не простая копия с действительности лица, изображаемые Садовским: они вполне созданы, вполне живут, потому что артист-психолог прежде всего имеет в виду моральные пружины, управляющие жизнью известного существа, ищет повсюду правды... Садовский удивительно создал одну сторону характера Любима, благодушную его сторону, и оттого-то никто не может быть выше его в конце драмы. Он как-то изумительно просветляется в эту торжественную минуту...» (Там же. С. 253—254). Когда Григорьев увидел исполнение роли Любима Торцова П. Васильевым, он понял, что у Садовского этот характер выглядит несколько односторонним, выражает преимущественно бытовую его природу. Васильев же передал и «нервное, болезненное состояние человека», «страстность натуры», «нервность и метеорство». Его Любим Торцов — «верх художественной истины», и, по мнению критика, П. Васильев в этой роли «похоронил множество являвшихся в ней артистов» (Там же. С. 255, 259).

Позднее театральный чиновник и второстепенный драматург В. И. Родиславский, вспоминая об исполнении П. М. Садовским роли Любима Торцова в «Материалах для биографии» артиста (РВ. 1872. Т. 100, № 7. С. 447—462), писал: «При удивительной гримировке в нём виден был пьяница, паясничеством выманивающий копейку, чтобы выпить косушку, и вместе с тем виден человек, когда-то живший хорошо и сохранивший в себе ещё много человеческого, хотя ухватки его и речь отзываются тем паясничаньем, к которому он привык на морозе» (ИРДТ. Т. 4. С. 175).

В последние десятилетия XIX в. оценки раннего творчества А. Н. Островского во многом продолжали сказанное ранее критиками разных направлений. А. И. Незелёнов в 1888 г. издал книгу «Островский в его произведениях», методологически

близкую популярному тогда психологическому направлению в литературоведении. В славянофильских пьесах драматурга он нашёл проявление «светлого отражения» жизни в соответствии с позицией автора пьесы. Исследователь уверен, что Любовь Гордеевна и Митя — не «обезличенные люди», а напротив, «внутренняя жизнь, душевный мир этих людей — полны, и разносторонни, и глубоки» (Незелёнов А. И. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. СПб., 1903. С. 78). Мнение Незелёнова явно сближается с высказанными ранее суждениями органической критики А. А. Григорьева (см.: *Виноградов А. А.* А. И. Незелёнов: царство идеалов народного поэта // *Щелыковские чтения* 2006. В мире А. Н. Островского: сб. ст. Кострома, 2007. С. 254—264).

Традиции другого направления в русской критике, оценивавшей творчество Островского при его жизни, — критики реальной — в известной мере продолжал критик-народник А. М. Скабичевский. В отношении к произведениям Островского 1850-х гг. он в целом близок к суждениям Н. А. Добролюбова, однако в некоторых случаях полемизирует с ним. В обширной статье «Женщины в пьесах Островского» (*Северный вестник*. 1887. № 8) Скабичевский предложил свою типологию женских характеров, встречающихся в творчестве драматурга, и среди них выделил тип так называемых «незабудочек»: это «простенькие, бесхитростные, кроткие русские девушки, с честной, прямой натурой и нежным, привязчивым сердцем... Они созданы для того, чтобы беззаветно подчиняться, видя в этом не только свой удел, но и священный долг» (*Скабичевский А. М.* Соч.: в 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 703—704). К этому женскому типу критик отнёс прежде всего героиню комедии «Бедность не порок» Любовь Гордеевну. Несколько позже, в «Истории новейшей русской литературы» (1891) Скабичевский оспорил мнение Добролюбова о славянофильских пьесах Островского, в которых увидел «решительный и смелый выход» драматурга «на путь народных, демократических идеалов». Это проявилось и в нравственном смысле пьес, и в народных истоках сюжетных ситуаций. Так, комедия «Бедность не порок», по мнению Скабичевского, основана на народной легенде о двух братьях — «богатом и бедном», причём бедный и беспутный обязательно оказывается более честным и человечным. Философия этой комедии видится Скабичевскому в «противопоставлении честной, трудовой бедности против суетного и высокомерного тщеславия мишурным богатством» (*Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы (1848—1890). СПб., 1891. С. 436, 437). Критик-народник находит в славянофильских пьесах Островского социальное начало.

О популярности комедии «Бедность не порок» в разных кругах русских читателей может свидетельствовать тот факт, что в дореволюционных гимназиях России эта пьеса изучалась как образцовая по своим художественным достоинствам, удачно совмещающая особенности драмы и комедии. Об этом свидетельствуют методические рекомендации для учителей гимназии, где утверждается, что на примере этой пьесы удобно изучать композицию драматического произведения (см.: *Белорусов И.* Учебник теории словесности. М., 1907. С. 107).

Премьера комедии состоялась 25 января 1854 г. в московском Малом театре. Роли исполняли: Гордея Карпыча Торцова — П. Г. Степанов, Пелагея Егоровны — М. Д. Львова-Синецкая, Любви Гордеевны — А. В. Воронова, Любима Карпыча Торцова — П. М. Садовский, Африкана Савича Коршунова — М. С. Щелпкин, Мити — И. В. Самарин, Гуслина — Е. И. Климовский, Разлюляева — С. В. Васильев,

Анны Ивановны — Л. П. Никулина-Косицкая, Маши — Н. Н. Никифорова, Лизы — А. И. Колосова, Егорушки — М. П. Садовский, Арины — С. П. Акимова, 1-й гости — Т. И. Кашина, 2-й гости — А. И. Лилеева, Старика — О. О. Лазарев, Вожака — Бобовский.

Только 9 сентября 1854 г., в отсутствие автора, в бенефис режиссёра А. А. Яблочкина, комедия впервые была поставлена на сцене петербургского Александринского театра. Роли исполняли: Гордей Карпыч Торцов — П. Г. Григорьев, Пелагея Егоровна — Ю. Н. Линская, Любовь Гордеевна — А. М. Читау, Любим Карпыч Торцов — В. В. Самойлов, Африкан Савич Коршунов — А. Е. Мартынов, Митя — Ф. А. Бурдин, Гуслин — Е. И. Климовский, Разлюляев — С. Я. Марковецкий, Анна Ивановна — П. И. Орлова, Маша — А. П. Натарова, Лиза — А. А. Каратыгина, Егорушка — воспитанник Зимин, Арина — П. К. Громова, 1-я гостя — Смирнова, 2-я гостя — Волкова, Старик — И. К. Смирнов, Вожак — А. А. Рассказов.

При жизни А. Н. Островского в московском Малом театре пьеса ставилась 140 раз, в петербургском Александринском театре — 109 раз. Последний спектакль в Москве состоялся 5 сентября 1883 г., в Петербурге — 15 мая 1886 г.

С. 288. *Конторка* — высокий письменный стол с наклонной доской, за которым работают стоя.

«*Бова Королевич*» — русская богатырская повесть, издавалась часто в виде лубочной сказки.

С. 289. *Красоты её не можно описать!*.. — Слова из народной песни «Как за реченькой слободушка стоит...» (см.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 2. № 440. С. 370).

С. 290. *...разные прелести делать.* — Прельщать чем-нибудь соблазнительным.

...враг его смущает. — Соблазняет нечистая сила, чёрт.

С. 293. *Планида* — судьба, предначертание свыше.

Любить друга можно, нельзя позабыть... — Слова из народной песни «Никак невозможно без печали жить» (см.: *Якушкин П. И.* Соч. СПб., 1884. С. 604).

С. 294. *Что на свете прележестоко?* — Вариант народной песни (см.: *Соболевский А. И.* Т. 3. № 386. С. 320).

Одна гора высока... — Народная плясовая песня (см.: *Соболевский А. И.* Т. 4. № 30. С. 25).

С. 295. *Нет-то злей, постылее...* — Слова песни сочинил А. Н. Островский, музыку написал композитор В. М. Кажинский (см.: *Синюхаев Г. Т.* Островский и народная песня // *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.* 1924. Т. 28. С. 23).

Ух! Как гусара не любить! — Плясовая припевка (см.: *Полный песенник. Сборник новейших 1000 песен.* М., 1880. Ч. 2. С. 105).

Размолочки вы молоденькие... — Несколько вариантов этой песни опубликованы в сборнике А. И. Соболевского (Т. 2. С. 59—64). Вариант, буквально совпадающий с текстом А. Н. Островского, сохранился в записи Г. И. Успенского (*Минувшие годы.* 1915. № 5. С. 217).

С. 297. *...кургузую...* — Кургузый — куций, короткий, тесный.

С. 299. *Уж и как это видно...* — Неполный вариант народной песни, которую Островский мог слышать в исполнении Л. П. Никулиной-Косицкой или Т. И. Фи-

липпова (см.: Синюхаев Г. Т. Островский и народная песня. С. 16; полный текст песни см.: Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. Т. 1, ч. 3. Изд. 3-е. СПб., 1841. С. 210—211).

Летал медведь по поднебесью... — Эту шуточную песню Островский, по-видимому, знал сам (см. комментарий Э. Л. Ефременко: ПСС-16. Т. 14. С. 64). Публикации этого варианта в сборниках не указаны.

С. 300. *Ах, бей в доску...* — Первая часть — плясовая свадебная песня (см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. С. 290); вторая часть — шуточная припевка (см.: Смоленский этнографический сборник. Т. 4. СПб., 1898. С. 497).

...кругла — да не девка, с хвостом — да не мышь. — Загадка. Ответ: репа (вариант — редька).

Вечор девки... — Народная песня (варианты см.: Соболевский А. И. Т. 7. С. 43—46).

С. 301. *Не цветочек в поле вянет...* — По мнению Г. Синюхаева, песня сочинена самим Островским под влиянием песен А. В. Кольцова (см.: Синюхаев Г. Т. Островский и народная песня. С. 24).

С. 303. *Бурнус* — пальто-накидка.

Ломбард — кредитное учреждение, в котором деньги выдают под залог вещей.

...в частном доме не ночевал... — В значении: не подвергался аресту или заключению.

Штилен зи полька... — Играйте польку (танец).

С. 304. *Пей под ножом Прокопа Ляпунова!* — Цитата из пьесы Н. В. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Шуйский», акт V.

...на лихачах с градом закатывал... — В значении: ездил с громким стуком колёс по мостовой.

Талер — денежная единица в средневековой Германии.

Скоморох — уличный музыкант, потешник.

Артикулы — здесь: шутливые приёмы, фокусы.

С. 311. *За реченькой, за быстрою...* — Слова из народной песни «Калинушка с малинушкой лазоревый цвет» (см.: Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 2. С. 216).

С. 312. *Эх, тряхону ль я старину...* — Стих о Фоме и Ярёме, переделанный из «Повести о двух братьях Ерёме и Фоме» (см.: Русская песня. Ч. 1. Лубок. М., 1939. С. 54).

Ах, возжжи во Калуге... — Плясовая припевка. Настоящий вариант в сборниках не зафиксирован. Очевидно, была записана Островским по чьему-то исполнению (см.: Синюхаев Г. Т. Островский и народная песня. С. 18).

С. 313. *Сей, мати, мучицу...* — Обрядовая народная песня (см.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 13).

Сидит воробей... — Святочная песня (см.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 15).

С. 314. *Как уж наши молодцы...* — Вариант скоморошьей песни (см.: Орлов А. И. А. Н. Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948. С. 26—28).

С. 315. *Ах, патока, патка...* — Вариант обрядовой (вероятно, святочной) песни, исполняемой от лица торговца патокой. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской

старине» описывает такого торговца: «Вот лоточник с варёной патокой; идёт и припевает: “Патока и с имбирём / Варил дядя Семион...”» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1965—1977. Т. 17. С. 176*). Песня, приведённая Салтыковым-Щедриным, опубликована в сборнике В. И. Маклакова «Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин, или Собрание лучших песен, с объяснением содержания и голосов оных, и с присовокуплением приличных каждой песни девизов, в стихах» (Ч. 3. Орёл, 1820. № 103. С. 132—133) и в сборнике Е. А. Черкасской и В. С. Плессен «Детские колыбельные песни и прибаутки, с литографиями и нотами; посвящено русским детям» (Изд. 2-е. Страсбург. 1870. С. 10). В сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» имеются тексты, совпадающие со строфой «Зима, зимушка зима!» (см.: *Соболевский А. И. Великорусские народные песни. Т. 1. № 51—53. С. 87—90; Т. 4. № 667—674. С. 526—531*). Происхождение остальных строф, как и рефрена, в настоящий момент достоверно не установлено. «Думается, — отмечает Г. Т. Синюхаев, — что перед нами одна из тех записей, которые усердно делал наш драматург, жадный до народной песни» (*Синюхаев Г. Т. Островский и народная песня // Известия Отделения русского языка и словесности. Л., 1923. Т. 28. С. 19—20*).

Как у нас-то козёл... — Песня записана А. Н. Островским (см.: *Шейн П. В. Народная песня и Пушкин // Ежемесячные сочинения. 1900. № 5/6. С. 93*).

С. 320. *А кто у нас холост...* — Полный вариант песни известен в записи С. В. Максимова (Ласточка. 1884. № 4. С. 34).

С. 321. *Поблѣкнут все цветики во саду...* — Свадебная песня записана Островским и помещена им в сб.: *Вильбоа К. П. Русские народные песни. СПб., 1860. № 1. С. 1*.

С. 322. *Ты родимая моя матушка...* — Слова из песни «Ты река ли моя, реченька...», записанной Островским и опубликованной в сборнике К. П. Вильбоа (№ 2. С. 2).

С. 323. *...в хлопочках берегла!* — В значении: холила, лелеяла (хлопочки — мягкая пакля, вата).

С. 325. «Один ведёт за рученьку, другой за другу, третий стоит, слёзы ронит, любил, да не взял». — Строки из песни «Ломал мальчик черёмушку», известной в Костромской губернии (см.: *Русский филологический вестник. 1887. № 4. С. 265; Русская лирическая песня / сост. В. Бахтин. СПб., 2004. С. 515*).

С. 332. *...такие пули отливает...* — Пули отливать — говорить небылицы, обманывать.

С пальцем девять, с огурцом пятнадцать! — Выражение, вышедшее из московских цирюлен: у клиента спрашивали, как он желает бриться — с огурцом за щекой для удобства бритья, или с пальцем цирюльника (см.: *Иванов Е. П. Меткое московское слово. М., 1982. С. 189*).

С. 338. *У нас дело-то сделано...* — Конец свадебной песни «Кони вы мои кони, кони вороные» (см.: *Новейший российский избранный песенник. Ч. 1. СПб., 1819. С. 20*).

В. В. Тихомиров

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Впервые опубликовано: *Москвитянин*. 1855. № 17/18. С. 18—70.

Рукописные источники:

- черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 4;
- авторизованная театральная писарская копия (АТК₁): МТ. № 2929;
- авторизованная театральная писарская копия (АТК₂): МТ. № 2930;
- театральная копия (ТПК₁): ГТБ. I.VIII.4.93;
- театральная писарская копия (ТПК₂): ГТБ. I.VIII.4.94.

Печатается по тексту издания: Островский А. Н. Полное собрания сочинений: в 8 томах. Т. 2. СПб.: Изд. Н. Г. Мартынова, 1885 — с устранением опечаток и искажений.

С. 340

²² *Вместо:* Чует моё сердце — Чует, чует моё сердце (по ЧА, Москв.)

^{22—23} *Вместо:* чему и быть — чему и быть-то (по ЧА)

С. 342

²⁶ *Вместо:* мне не жить — мне и не жить (по ЧА, Москв.)

С. 344

²³ *Перед:* Послушаешь батюшку — (подсаживается). (по Москв.)

С. 346

³ *Вместо:* запречь мне жеребца — запречь мне в сани жеребца (по ЧА)

³⁴ *После:* Удалая голова — Не ходи мимо сада (по Москв.)

С. 351

¹⁰ *Вместо:* винцом похолить. / водочкой похолить. (по ЧА)

С. 356

⁶ *Вместо:* Я вот одежонку-то — А вот одежонку-то (по Москв.)

⁷ *Вместо:* да прозябла — да и прозябла (по ЧА)

С. 357

¹⁰ *Вместо:* не на кого дома оставить / не на кого дом оставить (по ЧА)

²⁶ *Вместо:* Да мне больно доченьку-то — Да уж мне больно доченьку-то (по ЧА)

С. 359

⁹ *Вместо:* Груша сажает и опирается на ухват. — Груша сажает в печь блины, закрывает печь, потом стоит, опершись на ухват. (по ЧА, АТК, ТПК₁₋₂)

²² *Вместо:* Дочушка! Доченька! — Дочушка!.. Дашенька! (по Москв.)

С. 361

⁴ *Вместо:* человек не разлучает. — человек не разлучит. (по ЧА)

С. 363

^{31—36} *После:* Пристигала младеньку, меня, тёмная ночь. —

Мне на ум-то припало про родимого братца.

Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко.

— Дома ль, дома ли братец? Дома ль белой голубчик?

— Дома, дома, сестрица! Дома, бела голубка!

— Ты укрой меня, братец, да от тёмных ночи,

Что от тёмных ночи, да от лютого зверя. (по Москв.)

С. 367

²⁸ *Вместо:* Ха, ха, ха, ха, ха, ха! — Ха-ха-ха да ха-ха... (по Москв.)

С. 371

²⁴ *Вместо:* на белом свете! — на белом на свете! (по ЧА)

³³ *Вместо:* вытащу — выкопаю (по ЧА)

Островский работал над пьесой с августа по ноябрь 1854 г. 22 ноября он читал её в салоне графини Е. П. Ростопчиной (см.: Письма к А. В. Дружинину (1850—1863): Летописи. Кн. 9 / ред. и коммент. П. С. Попов. М., 1948. С. 279).

Вначале драма имела название «Божье крепко, а вражье лепко: Масленица», в ней предполагалось пять действий. В ремарке чернового автографа, представляющего собой рукопись карандашом и чернилами на листах разного формата с большим количеством дополнений и поправок, отмечено, что события разворачивались «в одном из больших городов России, на Волге во время Масленицы». Действие происходило в XVII столетии. В перечне персонажей пьесы были выделены два героя: «Григорий Ив., купец» (ниже, в тексте 1-го явления, отчество исправлено карандашом на «Ильич») и «Геннадий Потап. мужик» (затем карандашом исправлено на «Агафон»). Их имена, фамилии и указания на социальный статус были объединены словом «хор». В дальнейшем был уточнён характер их соотношения: купец был определён как «аскет», ему приписывались «сухость и догматизм», а мужик получил характеристику — человек «мирской» (затем зачёркнуто), «любящий». Была указана и фамилия Васи — Свицов. На этом этапе работы над пьесой было написано 1-е явление I действия и начальная реплика 2-го явления.

Однако затем драматург пересмотрел план пьесы и запланировал три акта вместо пяти, а действие перенёс в Москву XVIII в. Впоследствии в I действии было переработано 1-е явление, вместо которого в окончательной редакции стало два явления — первое и второе. В рукописи 2-го явления I действия напротив заключительной речи Г<ригория> И<льича> Островский пометил на полях: «Торж. речь при прощании (Притчи и Премудрость) Даниила Заточника». Эта помета свидетельствует о стремлении автора придать наставлениям персонажа высокий, «учительный» характер. Закономерно, что имя этого персонажа драматург заменил на другое: И<лья> — в 3-м явлении того же действия (перед монологом этого героя, начинающегося со слов «Что вы?»)¹. Затем этот персонаж был исключён из действующих лиц I явления, а его реплики были переданы Акимье.

Позднее на отдельном меньшего по формату листочке было дано другое название пьесы: «Не так живи, как хочется». Действие происходит в Москве в конце XVI в. Список же персонажей с этого момента стал окончательным. На обратной стороне листка был записан монолог И<льи> И<ваныча> «Вас благословить? ~ без благословения пропадешь, как пес» (I д.), который позднее для первопечатного текста автор вновь отредактировал.

Текст I действия дорабатывался многочисленными исправлениями и добавлениями над строками, на полях и на отдельных листочках, в 6-м и в 8-м явлениях был изменён состав действующих лиц. В 4-м явлении I действия был дан текст рус-

¹ О традициях древнерусской литературы в драме «Не так живи, как хочется» см.: ЭО. С. 357—358.

ской народной песни, которую исполняет Даша: «Молодка, молодка, молоденькая / Головка твоя победненькая».

В процессе работы над пьесой Островским тщательно продумывал композицию, которая претерпела изменения (см. также: *Кашин*. С. 193—235). Так, 1-е явление II действия *ЧА* соответствует 2-му явлению в окончательной редакции текста, а 2-е явление — третьему. Первоначально разговора Спиридоновны с ямщиком не было: новое 1-е явление с этим разговором было написано позже. В 5-м явлении тщательной переработке подвергался текст диалога Груши с Петром, драматург стремился сделать его обширнее; монологи Петра в 6-м явлении и Груши в 7-м явлении, напротив, сократил. 3-е явление 1-й сцены III действия в окончательной редакции станет 4-м явлением. Затем на отдельном листе была написана сцена Ерёмки с девушками, которая в окончательной редакции составила новое 3-е явление. Первоначально Ерёмка не входил и в состав действующих лиц 3-го и 4-го явлений 1-й сцены этого же действия (в первоначальном тексте они соответствуют 4-му и 5-му явлениям). Однако потом на полях текста этих явлений были вписаны все реплики Ерёмки и ответные реплики, обращённые к нему. Песня сироты записана на отдельном листочке и вставлена позднее. На ранней стадии монолог Петра, начинающийся со слов «Вон завыли... вон... вон... вон собаки завыли» (см.: «Приложения. Другие редакции и варианты»), составлял отдельное явление (3 явл., 2 сц., III д.), затем он, открываясь словами «Я её по следу найду!..», был существенно переработан и включён в финал 2-го явления этой же сцены III действия. Это объясняет разницу в нумерации явлений в рукописи и в окончательной редакции текста. Во 2-м явлении рукописи не было сцены галлюцинации Петра. Последнее, 6-е явление, в рукописи представляло собой монолог Петра и одной общей реплики присутствующих: «Помоги тебе Бог».

В *АТК*, статским советником цензором И. А. Нордстремом помечено: «Одобрается к представлению. С. Петербург. 18 ноября 1854 года». Эта рукопись была режиссёрской, в ней сделано много служебных записей, а на её последнем листе рукой Островского написано: «1854 год. Октября 31 дня». Кроме того, автор исправил несколько описок переписчика и устранил допущенные им пропуски слов. В *АТК*, предназначенной для суфлёра, драматург внёс многочисленные уточнения, исправления и новые реплики. Как справедливо замечает Е. И. Прохоров, в этой копии правка продолжалась и после публикации в «Москвитянине»: «...многие реплики отменяют журнальный текст и совпадают с текстом изд. Г. А. Кушелёва-Безбородко». По предположению текстолога, исправления переносились самим Островским в разное время с неизвестного экземпляра, который он готовил к печати» (*ПСС-12*. Т. 1. С. 562). В *ТПК*, Нордстремом сделана такая же, как и в *АТК*, помета, а под нею следует запись (подпись неразборчивая): «С цензурованным верно. Ноября 25 1854 года» (*ГТБ*). Эта цензурованная рукопись затем была в распоряжении суфлёра Александринского театра. Театральная писарская копия (*ТПК*) — рукопись, которой во время спектакля пользовались за кулисами. На первом листе *ТПК*, дано два заглавия: «Не так живи, как хочется» и ниже «Божье крепко, а вражье лепко». Отмечены жанр и композиция: «Драма в 3-х действиях и 4-х картинах». И в *ТПК*, и в *ТПК*, дан полный текст драмы. В той и в другой копиях есть различные технические записи: два чертежа, в которых определялось расположение мебели и печки (*ТПК*), фамилии актёров, продолжительность представления (1 час 25 минут. —

ТПК₂) и др. Между двумя копиями есть незначительные расхождения: в ТПК₁ текст позднее исправлен чернилами в соответствии с текстом, изданным Г. А. Кушелёвым-Безбородко; в тексте 6-го явления I действия зачёркнут текст песни, которую исполняет Пётр: «Что болит, то болит у мужа головка. <...> Хоть дошёлешься её, её не дождёшься»; в тексте 3-го явления II действия карандашом вписан текст песни «Я вечером в саду младенька гуляла / <...> / “Стыдно плакать о колечке...”» (см.: «Приложения. Другие редакции и варианты»). Тексты ТПК₁ и ТПК₂ несколько отличны от текста ЧА: тот и другой предваряют собою первопечатный текст. От основного текста и от текстов ТПК₁ и ТПК₂ отличаются тексты АТК₁ и АТК₂, впоследствии Островский внёс в них дополнительную правку. Сложившийся уже после авторской правки текст АТК₂ (в сравнении с ТПК₁ и ТПК₂) наиболее близок как к первопечатному, так и к основному текстам.

Для публикации в собрании сочинений, изданном Г. А. Кушелёвым-Безбородко (*Островский А. Н. Соч. В 2 т. Т. 2. СПб., 1859*), автор отредактировал текст драмы и внёс в него многочисленные исправления. Драматург расширил монолог Ильи во 2-м явлении I действия, подверг небольшим сокращениям текст монолога Петра (6 явл., I д.), переделал начало 3-го явления III действия, внёс изменения в реплики персонажей в каждом действии. В драму впервые была введена сцена галлюцинации (2 явл., 2 сц., III д.). Н. П. Кашин справедливо полагал, что предпринятая Островским переработка первопечатного текста для издания Г. А. Кушелёва-Безбородко представляет собою новый этап работы драматурга над произведением (*Кашин. С. 221*).

Текст по изданию Г. А. Кушелёва-Безбородко воспроизводился во всех последующих прижизненных изданиях без изменений. В тексте драмы, в 1885 г. опубликованном Н. Г. Мартыновым в Полном собрании сочинений А. Н. Островского, есть несколько расхождений с текстом, изданным Г. А. Кушелёвым-Безбородко. Самой заметной разницей между текстами является сокращение в мартыновском издании шести последних стихотворных строк в тексте песни «Исходила младенька все луга и болота...» (3 явл., 1 сц., III д.): со слов «Мне на ум-то припало» до «...да от лютого зверя».

По жанру «Не так живи, как хочется», в определении самого драматурга, — «народная драма». В 1859 г. в издании Г. А. Кушелёва-Безбородко Островский добавил в текст афиши: «Содержание взято из народных рассказов». В записной тетради 1854 г. во время работы над драмой автор отметил: «Идея пьесы “Божье крепко, а вражье лепко” — брак дело божье. Любовь и сожитие только крепки в браке, только под браком благословение, в браке мир и тишина, несчастье легче переносится, счастье усторяется. Нелюбовь между супругами — всегда приводит к дурному и показывает на отсутствие нравственных начал по крайней мере в одном из супругов».

Такое понимание семьи было созвучно представлениям славянофилов. К. С. Аксаков писал в статье «Богатыри времён великого князя Владимира по русским песням»: «Вместе и согласно с началом христианской веры выдаётся начало семейное, основа всего доброго на земле. <...> Итак, сила богатырская является у нас осенённая чувством православия и чувством семьи: без чего не может быть истинной семьи» (*Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 96*). И. В. Киреевский и А. С. Хомяков говорили об ослаблении семейных свя-

зей на Западе (*Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 285; *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988. С. 194). Крепость же семьи на Руси испокон веков определялась тем, что «...общинный быт... основан не на личности и не может быть на ней основан, но он предполагает высший акт личной свободы и сознания — самоотречение» (*Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1877. Т. 1. С. 52).

Основным в дискуссии 1855—1864 гг., развернувшейся вокруг драмы, стал вопрос о глубине познания русской народности, поставленный А. А. Григорьевым (см. об этом комментарий к комедии «Бедная невеста»). Авторы статьи в газете «Санкт-Петербургские ведомости»¹ оценили определение пьесы народной драмой как слишком смелую претензию. «Как можно позволить себе черты одного какого-нибудь сословия считать чертами целого народа?» — вопрошали они (*З. В., Н. И.* Русская литература. Журналистика // *СПбВед.* 1855. № 281. 22 дек. С. 1518). Критики не без иронии писали, что автор пьесы «твёрдо держится придуманного им самим разделения русского народа на *русских* и *нерусских*» (т. е. на необразованных и образованных). Пишущим было чуждо подобное противопоставление: «Прошло то время, когда на всякого образованного человека, не без некоторого основания, смотрели как на человека, добровольно прервавшего связь между собою и своим народом. Прошла пора славянофильства: она стала теперь анахронизмом» (Там же).

Противоположную позицию занял критик молодой редакции журнала «Москвитянин» Т. И. Филиппов. Он был уверен, что среди современных художников только от Островского можно ожидать «глубокого и истинного изображения... народной жизни» (Не так живи, как хочется. (Народная драма в трёх действиях. Сочинение А. Н. Островского. М., 1855) // *Рус. беседа.* 1856. № 1. С. 75). Критик заявил: в драме «Не так живи, как хочется» вопрос «о правах личного чувства и границах сих прав» автор решает «с русской точки зрения» (Там же. С. 76). Филиппов отметил: «Страстность понимается у нас в народе как одностороннее развитие души, как нарушение цельности внутреннего бытия; закон, напротив того, как бесстрастный, почитается началом, уравнивающим нашу внутреннюю жизнь через ограничение всякого крайнего развития одной какой-либо душевной силы» (Там же. С. 93). По его мнению, «народный быт устроен совершенно на основании Православных мнений... все жизненные отношения, в том числе и семейные, обсуждаются... в народе совершенно сообразно с учением Церковным» (Там же. С. 87). С точки зрения критика, противопоставившего в своей статье Запад и Россию, в западной жизни узаконивается «произвол... желаний и действий» и «упраздняется самое понятие о законности», ограничивающей этот произвол (Там же. С. 79). Центральным объектом для критики Филиппов выбрал французскую писательницу Ж. Санд, являющуюся, с его точки зрения, выразительницей общего настроения западного общества. Её произведения, писал он, способствуют разрушению христианского понимания брака, они ставят под сомнение семейный союз, любовь же провозглашают не поводом, а целью брака.

В ответной статье драма, напротив, была названа «псевдо-народной». Рецензент с иронией указал на тождество между нею и «французской ложно-классической трагедией»: «...и там и здесь одно и то же насильствие природы и естественных

¹ Одним из авторов был Н. Назаров, впоследствии он вновь обратится к пьесе «Не так живи, как хочется».

движений сердца, насиливание, столь чуждое и духу русского народа, и даже, не в обиду будет сказано г. Филиппову, духу самого христианства» (*Н. Н.—в. Русская литература* (Статья Филиппова о комедии Островского «Не так живи, как хочется») // *СПбВед.* 1856. № 130. 13 июня. С. 737).

Против резких антизападных нападок со стороны Филиппова возразил и критик «Русских ведомостей». По его мнению, невозможно согласиться с филипповскими представлениями о началах русской семейной жизни. Филиппов, отмечает автор статьи, акцентирует внимание на «крепости» русского семейного быта и настаивает на его неизменности (*Ф. Д.* Несколько слов по поводу статьи Филиппова в «Русской беседе» // *РВ.* 1856. Т. 3, № 5/6. Современная летопись. С. 149—154). Однако, с его точки зрения, «крепость» — «далеко не единственное в христианском семействе» качество. «Мы убеждены, — писал он, — что на этом начале русская жизнь не остановилась и продолжает, в духовном общении с остальными народами, вырабатывать в себе и другие хорошие стороны» (Там же. С. 153). Рецензент поставил под сомнение определение драмы «Не так живи, как хочется» как народной. С его точки зрения, оно возможно только в случае «странного» смешения понятий «народное» и «простонародное» (Там же. С. 149).

Критически восприняли идеи филипповской статьи Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен. Сдержанной была позиция Н. А. Некрасова, который ограничился рассмотрением самой пьесы «Не так живи, как хочется». Доброжелательно оценив её, он писал: «...русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц, действительно, веет русским духом» (*Некрасов Н. А.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // *Совр.* 1856. Т. 55, № 2. С. 211).

Одновременно перед современниками встал вопрос об общественной позиции Островского. А. И. Рязнов полагал, что в произведении «необходимо присутствие строго проведённой общественной мысли», в противном случае оно несостоятельно. Островский, считал он, создав «Не так живи, как хочется», закономерно перешёл от жанра комедии к жанру драмы: «Автор старался вывести на сцену народный быт, в его положительной, общепозитической безразличности, и проследил за психологическим процессом одной из чисто народных натур», но при этом у него, в отличие от Гоголя, нет «энергически гражданской личности», в его драме «описательный элемент преобладает над лирическим». Рецензент, указавший на отсутствие в пьесе идеи, «гоголевского смеха из-за слёз», определил её как «водевильную драму в трёх действиях» и «неоконченный этюд» (*Колядин О.* Журналистика // *БдЧ.* 1856. Т. 136. Литературная летопись. Журналистика. С. 55—70).

В 1859 г. в связи с выходом в свет двухтомника сочинений Островского дискуссия возобновилась. Тот же Н. Назаров писал, что автор пьесы идеализировал патриархальность и создал, стремясь выразить это, не народную драму, а «неудачную пародию на драму, диссертацию в диалогической форме» (*Н. Н.* Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // *ОЗ.* 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 92). Иначе воспринял и оценил пьесу «Не так живи, как хочется» и её финал А. В. Дружинин. Он обратил внимание на связь пьесы с самыми известными и «популярными по своей поэзии» народными рассказами. Драматург, как полагал критик, выполнил весьма сложную задачу, дав их литературную обработку, в которой оживил «всю поэзию предания, в его самобытности, с его народными осо-

бенностями» (Сочинения Островского и проч. // *БдЧ*. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 31).

А. А. Григорьев по значимости поставил рядом «Семейную хронику» С. Т. Аксакова, книгу о странствиях инока Парфения¹ и пьесы Островского. Для него эти произведения есть «свидетельства об органичности... народной жизни, о её глубоко коренящихся связях с прошедшим, о бытии элементов прошедшего в видоизменённых формах настоящего» (Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны (По поводу собрания П. И. Якушкина, напечатанного в 4-м номере «Отечественных записок») // *ОЗ*. 1860. Т. 129, № 4. С. 446).

Иной была позиция Н. А. Добролюбова. В статье «Тёмное царство» он представил быт, к которому принадлежат герои пьесы «Не так живи, как хочется», как «самодурный» и критически его оценил. Старик Агафон, уговаривающий свою дочь Дашу и дальше терпеть семейные неурядицы, с точки зрения автора статьи, «не имеет никакого сознания о нравственном значении личности» и руководствуется «чисто внешней моралью» (*Совр.* 1859. Т. 77. Современное обозрение. С. 98).

Подобный подход был неприемлем для М. М. Достоевского, автора статьи «Гроза» Драма в пяти действиях А. Н. Островского». Материал, к которому обращается в своих пьесах Островский, писал он, «есть весь наш народ, а народ, взятый во всей его полноте, во всей всеобъемлемости, есть всё. В нём, не вне его все силы, все пружины его будущего развития. В нём вся будущая заслуга его перед человечеством...» (*Светоч*. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 14—15).

Через несколько лет, в 1864 г., Е. Н. Эдельсон, в прошлом критик из кружка «молодой редакции» журнала «Москвитянин», нашёл необходимым ещё раз подчеркнуть: в драме «Не так живи, как хочется» «отовсюду веет широко схваченною русскою жизнью, русским духом», «всё, решительно всё в этой драме лёт яркий свет на характер... народа, его религиозные, бытовые и т. п. воззрения» (Русская литература. «Тяжёлые дни». Сцены из московской жизни // *БдЧ*. 1864. № 1. С. 12, 13).

Проблема личной свободы и вопрос об убедительности финального раскаяния героя в драме «Не так живи, как хочется» на протяжении нескольких десятилетий неизменно оставались предметом внимания критиков. Нарушение заветов отцов Петром и Дашей, вступивших в брак без родительского благословения, заложило конфликтную основу пьесы. Своеволие этих героев, определившее развитие действия в пьесе, свидетельствовало об историческом процессе развития народной среды. Предельным выражением своеволия стал масленичный «загул» Петра, заключавший в себе для героя некую роковую предопределённость. Впервые на особое значение времени действия в драме обратил А. А. Григорьев. Заметив, что Масленица должна «господствовать» на театральной сцене, он пишет: «Эта “Масляница” один из многих, и притом наиболее уцелевший остаток нашего старого и доселе ещё присущего нам язычества, пора полной плетской разнузданности... <...> С ударом нашего постного колокола к заутрене нечистые силы исчезают. Но до этой минуты тёмное божество с его тёмным весёлым и диким загулом — всевластно» (Русский театр в Петербурге (Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам) // *Эпоха*. 1864. № 3. С. 230—231).

¹ Имеется в виду книга «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженика Святые Горы Афонские Инока Парфения»: в 4 ч. М., 1855.

Неслучайно драматург отказался от первоначального замысла погрузить персонажей в XVII в., а в следующем черновом варианте события должны были разворачиваться в конце XVI в., когда жизнь человека и семьи регламентировалась устоями «Домостроя». Именно в этом варианте первое название «Божье крепко, а вражье лепко: Масленица» было изменено на «Не так живи, как хочется». Стремление заострить морально-этическую коллизию обусловило дальнейший поиск Островским более точного определения исторической эпохи, в итоге он остановился на конце XVIII в., поддержавшем самостоятельного и энергичного человека новой эпохи. Выбранное драматургом переходное время позволяло показать, что патриархальный допетровский уклад жизни, домостроевские правила и установления, в духе которых был воспитан Пётр, уже не отвечали устремлениям его личности.

Вместе с тем своеволие Петра имеет временный характер: загул героя обусловлен широкой Масленицей. Конфликт между личностью, в какой-то момент стремящейся к неограниченному своеволию, и патриархальным обществом, осложнённый внутренним конфликтом в самом герое между любовной страстью и семейным долгом, разрешается утверждением правоты старшего поколения и осознанием Петром своей греховности и его раскаянием. Возможность резкого изменения поведения героя в финальной сцене была мотивирована особенностью русской национальной культуры и русского характера: действие драмы проходило в Прощёный день, в который, как писал С. В. Максимов, «широкая, пьяная Масленица круто останавливается, и на смену ей приходит Великий пост» (Максимов С. В. Литературные путешествия. С. 289).

У самого Островского, по-видимому, изначально не было уверенности в подобной развязке. По свидетельству профессора И. А. Шляпкина, окончание в пьесе «Не так живи, как хочется» — «первоначально, как и во «Вражьей силе», убийство, но К. Аксаков и Хомяков убедили переменить» (*Русская литература*. 1960. № 1. С. 155; публ. В. Я. Лакшина). Раздумья над особенностями натуры русского человека привели Островского к убеждению, которое он высказал в беседе о либретто «Вражьей силы»: «Русский загул трагедией не кончается!» (см.: *Кругликов С. «Вражья сила» Серова // Аргумент*. 1893. № 31. С. 55).

Критики, размышляя о самой возможности резкой перемены нравственного состояния героя, чаще всего видели в Петре своего современника. Н. П. Некрасов полагал, что читатель пьесы не встречает «ни одной черты в действии, которая бы относилась его непременно к концу XVIII столетия, а не к половине XIX» (Сочинения А. Островского, 2 тома // *Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 488; см. также: *СПбВед.* 1855. № 281. 22 дек. С. 1518). Душевное преображение главного героя чаще всего воспринималось иронически (см.: *БдЧ*. 1855. Т. 129, № 2. Смесь. С. 162; *СПбВед.* 1855. № 281. 22 дек. С. 1518). Для Т. И. Филиппова неожиданная для читателя развязка есть «обычная слабость» в пьесах Островского. При этом критик сделал важное добавление: «Такие быстрые и неожиданные переломы встречаются в наших народных сказаниях...» (*Рус. беседа*. 1856. Кн. 1. Критика. С. 95). Н. Назаров писал: «Таких внезапных переворотов почти не бывает в действительности» (*ОЗ*. 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 92). Н. П. Некрасов в связи с пьесой «Не так живи, как хочется» подчеркнул:

«...превращение негодяя в православно-добродетельного человека всё-таки остаётся чудом» (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 491)¹.

Вместе с тем реакция современников не была однозначно скептической. А. В. Дружинин полагал, что главный герой драмы Пётр «есть истинно русский, сильный человек, равно способный на подвиги добра и на отчаянные преступления, не знающий границ в разгуле и заблуждениях, но точно так же не знающий границ в проявлениях огненного раскаяния». При этом Пётр, «несмотря на свои грехи и козни злого духа, существо родственное тем сподвижникам порывистого благочестия, раскаяния и христианского милосердия, которые изображены вдохновенным пером инок Парфения» (Сочинения Островского и проч. // *БдЧ*. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 31). По мнению М. М. Достоевского, в финале у Петра «оставалось только два выхода из положения: утопиться или зажечь новой жизнью» («Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // *Светоч*. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 12).

Иначе воспринимал героя Н. А. Добролюбов, который в статье «Тёмное царство» писал о Петре: «Никаких живых начал нравственности нет в нём, сердце его грубо и темно совершенно». Критик сомневался, что раскаяние Петра «прочно»: «...в нём вовсе не развито внутреннее сознание о необходимости честной и полезной жизни» (*Совр.* 1859. Т. 77. С. 99, 100). По мнению Добролюбова, «художническое чутьё автора дало ему понять, что его Пётр, приходящий в себя от колокольного звона, не есть представитель широкой русской натуры, забубённой головы, а довольно мелкий трактирный гуляка» (*Совр.* 1859. Т. 76, № 7. Современное обозрение. С. 36).

В газетных и журнальных статьях 1864 г. вопрос о нравственном преображении героя в финале пьесы всё ещё оставался в поле внимания. Е. Н. Эдельсон писал, что автор, будучи «как бы безучастным к подвигам своего героя», «предоставляет двум противоположным силам борьбу за его душу и остаётся сторонним зрителем, твёрдо веруя вместе с народом в благодатную, примиряющую силу начал добра и порядка» (Русская литература // *БдЧ*. 1864. № 1. С. 13). Корреспондент В. А. Крылов, ставший впоследствии известным драматургом, заявил: «...гораздо последовательнее было бы, если б Пётр действительно убил Дашу». Последняя сцена, с его точки зрения, была «так некстати прилеплена к концу драмы» (Театральная хроника // *СПбВед.* 1864. № 246. 29 окт. С. 976).

Во второй половине 1860-х гг. наиболее интересную интерпретацию пьесы предложил критик А. М. Скабичевский. По его мнению, главный герой драмы не вмещается в рамки семейного круга: в нём «кипят богатые силы». Пётр захвачен «рядом неудовлетворённых страстей», требующих выхода, его тянет «на какой-то широкий простор, на что-то праздничное, шумное, полное жизни и движений» (Живая струя (Вопрос о народности в литературе) // *ОЗ*. 1868. Т. 177, № 4. Критика.

¹ Сохранилось свидетельство С. А. Юрьева о восприятии финала драмы в 1862 г. одним из мужиков, увидевшем деревенский спектакль: «...экой пёс, Пётр-то, жизнь-то свою всю пропил, душу чёрту продал... а как в колокол позвонили, он, экая мамона, и юнии распустил. Этого дьявола звоном не прошибёшь, колоколом не обрезонишь. Это несуразно. Нет, брат, — не то!». Как заметил С. А. Юрьев, «некоторые из окружающих» мужиков согласились с ним: «Это дело» (Деревенский театр // *Артмст.* 1889. № 3. С. 49).

С. 174), и он впадает в «дикий» разгул «вырвавшихся на волю страстей». По Скабичевскому, это «прекрасный сюжет для трагедии» шекспировского размаха.

В качестве претекстов произведения критик назвал «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе-Злочасти». Народ, как пишет Скабичевский, приводит своих героев через разгул к раскаянию, при этом герой не возвращается в семью, он находит приют в монастыре. Критик указывает на философский смысл такого исхода: монастырь является местом «общественного служения, выше, идеальнее которого народ не может себе представить» (Там же). Есть, отмечает он, и другие возможности: это раскольничий скит, пустынь, странническая жизнь по святым местам. Однако, с сожалением замечает критик, Островский решает финал пьесы в пределах мещанской морали. В результате глубокий смысл народной легенды в драме «Не так живи, как хочется» был утрачен и подменён «ходячей моралью». Скабичевский упрекает Островского в том, что тот не взял народную легенду «в её чистом и глубоко философском виде» (Там же. С. 177).

Для критиков 1870—80-х гг. тема раскаяния героя в финале пьесы «Не так живи, как хочется» уже утратила свою актуальность. Определённую роль в этом сыграло появление на театральной сцене написанной А. Н. Серовым на основе драмы «Не так живи, как хочется» оперы «Вражья сила», в которой, в отличие от драмы, был кровавый исход: Пётр убивал свою жену. Однако и такой финал вызвал у критиков сомнение: «Серов впал в ошибку, отступив в развязке от идеи Островского» (*М. Р. <Раннопорт М. Я.> Театр и музыка (Еженедельное обозрение) // Русский мир. 1873. № 336. 19 дек. С. 1*). В эти десятилетия тема душевного преобразования — с учётом истории героя Островского — нашла отклик в художественной литературе: в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (образ Дмитрия Карамазова) и в драме «Власть тьмы» Л. Н. Толстого (образ Никиты).

Художественные особенности пьесы «Не так живи, как хочется» с самого начала привлекали внимание критиков. Конфликтное столкновение добра и зла определяло в пьесе, опирающейся на широко известный сюжет о продаже души и ориентирующейся на традиции народного театра (этом см.: *Иванова И. В. «Народная поэтика» пьес А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», «Не в свои сани не садись», «Грех да беда на кого не живёт»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2003*), диалогическую ситуацию и не предполагало интенсивного развития событий, герои пьесы больше рассуждали, чем действовали. На все эти особенности драмы так или иначе реагировали критики. По мнению Н. Назарова, автора первой театральной рецензии, пьеса характеризовалась неестественным развитием событий, наличием лишних сцен и лиц, обилием рассказов («Не так живи, как хочется», комедия сочин. г. Островского. (Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // *СПбВед.* 1854. № 282. 18 дек. С. 1366—1367). Критик Н. П. Некрасов писал о том, что у Островского герои больше говорят, чем действуют (Сочинения А. Островского, 2 тома. СПб., 1859 // *Атеней.* 1859. Ч. 2, № 8. С. 498). Н. А. Некрасов предложил разглядеть в образе Ерёмки «начатки какого-то мещанского Мефистофиля» (Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года // *Совр.* 1856. Т. 55, № 2. С. 212).

С ориентацией автора на нравоучительные произведения древнерусской словесности связано притчевое начало в пьесе¹, а с богатым включением фольклорных

¹ В современном островсковедении «Не так живи, как хочется» определена «первой исто-

мотивов (сказочных, балладных, песенных) — эпическое. Сложность жанровой и родовой природы произведения стала предметом внимания М. М. Достоевского, увидевшего в нём «легенду, поэтически рассказанную в форме драмы» («Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // *Светоч*. 1860. Кн. 3. Критическое обозрение. С. 12).

Н. А. Некрасов в «Заметках о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года» критически отнёсся к авторской тенденции преднамеренно сужать себя современными театральными требованиями в духе популярного французского драматурга, творца «хорошо скроенной пьесы» Э. Скриба. Такое стремление приводит, как полагал критик, к тому, что Островский «жертвует для них полнотой и шириной своих лиц». Некрасов призвал драматурга, ценя его дарование, дать своим силам «полный простор и свободу» (*Совр.* 1856. Т. 55, № 2. С. 212).

Критики «Санкт-Петербургских ведомостей» писали: «Построение драмы совершенно французское: она начинается рассказом (экспозицией) и кончается рассказом (катастрофою)». Те же авторы писали о специфике выражения авторской позиции в пьесе: «В драме “Не так живи, как хочется” идея высказана во всей своей наготе, и не ходом действия, не содержанием, а прямо, словами, вложенными по произволу в речь того или иного действующего лица. Автор решительно требует, чтобы никто не отходил от принятого людьми прежнего века образа жизни, чтоб собственная человеческая воля безмолвствовала, потому что она всегда ведёт человека на пагубу...» (З. В., Н. И. Русская литература. Журналистика // *СПбВед.* 1855. № 281. 22 дек. С. 1518)¹.

Автор драмы, как предостерегал Н. А. Некрасов, не может выступать в качестве судьи: «Это дело самой жизни, самих лиц. Смотрите на них прямо и открыто, и они, как в чистом зеркале, отразятся в вашем произведении. И нравственный урок скажется сам собою». Некрасов пожелал драматургу развить в себе «дух истинной художнической свободы и справедливости» (*Совр.* 1856. Т. 55, № 2. С. 212).

По мнению А. Григорьева, «Не так живи, как хочется», в сравнении с предшествующими произведениями Островского, — пьеса «ещё более смелая по мысли, широкая по содержанию, новая по характерам, и ещё более небрежная по формам, или, лучше сказать, пренебрегающая формами» (Обозрение деятельности Островского и отношений к ней критики // *Москв.* 1855. Кн. 1, № 3. С. 107). Критик определил её как одну из «высших по замыслу и недоделаннейших по выполнению драм Островского»: в ней проявился «недостаток смелости» драматурга в изображении народного быта. Излишняя осторожность Островского «сузила размеры драмы и лишила ее густых красок». Однако, как считает Григорьев, задачу восполнить этот недостаток должен и может современный театр: драма «Не так живи,

---

рической пьесой писателя», в которой «сделана попытка воссоздать драматизм исторических сдвигов в психологии и этике народа» (Лотман Л. М. Драматургия А. Н. Островского // История русской драматургии: вторая половина XIX — начало XX века до 1917 г. Л., 1987. С. 76, 82); «пьесой-притчей, близкой и по идее, и по принципам построения старинной нравоучительной повести» (Журавлёва А. И. «Не так живи, как хочется» // *ЭО*. С. 289). Это произведение, как и предшествующие пьесы москвитянского периода, оставалось любовно-бытовым, однако, в отличие от них, оно в большей степени отдалялось от социальной конкретности (Там же).

¹ Та же мысль будет повторена Н. Назаровым в его следующей статье (см.: Н. Н. Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859. // *ОЗ*. 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 91).

как хочется» «может быть воссоздана сценически во всей яркости при пособии музыки и блестящей обстановки» (Русский театр в Петербурге // *Эпоха*. 1864. № 3. С. 230, 231).

Анализируя созданные драматургом образы, критики, как правило, обращались к образам Петра, Груши и Ерёмки. Н. Назаров считал, что характеры в пьесе «очерчены весьма слабо» («Не так живи, как хочется»... // *СПбВед*. 1854. № 282. 18 дек. С. 1366). Через год этот же критик вместе с соавтором выразились жёстче: «Характеров в драме его совсем нет: с героями совершаются такие нравственные превращения, что сам Дюма им позавидовал бы... если б они не были чересчур уж неправдоподобны» (З. В., Н. И. Русская литература. Журналистика // *СПбВед*. 1855. № 281. 22 дек. С. 1518). Т. И. Филиппов писал про Петра: «...следовало бы этот характер взять гораздо пошире, дать ему размах, свойственный русскому разгулу, который стремится уйти в какую-то бесконечность» («Не так живи, как хочется. (Народная драма в трёх действиях. Сочинение А. Н. Островского. М., 1855) // *Рус. беседа*. 1856. № 1. С. 96). Ерёмка, с его точки зрения, «похож более на шута, чем на колдуна...» (Там же. С. 98). Восхищение пишущих неизменно вызывал образ Груши. Из всех лиц драмы её особо выделил Н. А. Некрасов (Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года. С. 211—213). По мнению А. В. Дружинина, Груша — «верх художественного совершенства и пленительнейшее женское создание из всех женщин» драматурга (Сочинения Островского и проч. // *БдЧ*. 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 32).

В современной Островскому драматургии народная драма «Не так живи, как хочется», предшествовавшая «народной трагедии» «Гроза»¹, отозвалась в пьесе А. Потехина «Чужое добро в прок не идёт». Это потехинское произведение А. А. Григорьев назвал «пошлейшей пародией» на народную драму Островского, не увидя в нём ни «её широкого размаха», ни «её поэзии типов и поэзии бытовых подробностей» (Русский театр в Петербурге // *Эпоха*. 1864. № 3. С. 230).

Очень высоко оценивали пьесу «Не так живи, как хочется» Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. В главе «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский отозвался о ней как о «прекрасной» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.* Т. 21. С. 41). Он учитывал историю Петра, размышляя в этой главе над особенностями русского характера. Прочтение А. А. Стаховичем в октябре 1886 г. драматических отрывков из этой пьесы побудило Толстого к продолжению работы над драмой «Власть тьмы» (*Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого: в 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 71*). В соответствии с желанием Толстого драма «Не так живи, как хочется» была напечатана в издании для народа «Посредник».

Премьера драмы состоялась в Малом театре 3 декабря 1854 г. в бенефис актёра К. Н. Полтавцева. В роли Петра выступил бенефициант, другие роли исполняли: Илья — В. А. Дмитриевский, Даша — Н. М. Медведева, Афимья — С. П. Акимова, Агафон — П. М. Садовский, Степанида — М. Д. Львова-Синецкая, Вася — С. В. Васильев, Спиридоновна — Е. М. Кавалерова, Груша — Л. П. Никулина-Косицкая, Ерёмка — П. Г. Степанов и др.

Н. Назаров в своём письме из Москвы в газету «Санкт-Петербургские ведомости» выделил из всех актёрских работ в премьерном спектакле исполнение

¹ См. об этом: *Лотман Л. М. Драматургия А. Н. Островского. С. 103—104.*

П. М. Садовского: «Из второстепенной роли Агафона он сделал резкий тип живого человека, ярко выдающийся из массы прочих, так неопределённо очерченных характеров» (*СПбВед.* 1854. № 282. 18 дек. С. 1366). Игру Дмитревского, Никулиной-Косицкой, Степанова он охарактеризовал как «превосходную». Однако Медведовой, с его точки зрения, не следует играть купеческих дочек, это не отвечает роду её таланта. Критик остался не вполне доволен и игрой бенефицианта, которому сделал несколько замечаний: «...зачем он, например, так всё следует трагической рутине, встряхивает поминутно головою, таращит глаза, особенным образом вскрикивает и т. п.?» Н. Назарову спектакль не понравился, и он отметил не без иронии: «Автора пьесы вызвали по окончании спектакля три раза... но (увы!) не единодушно...» (Там же. С. 1367).

В середине февраля 1855 г. в связи с кончиной императора Николая I театры были закрыты на полгода. По окончании траура пьеса «Не так живи, как хочется» уже не была включена в репертуар.

В 1860 г. драма была возобновлена в бенефис П. Г. Степанова. Театральный рецензент «Московских ведомостей» А. Н. Баженов выразил удивление по поводу неудачно сложившейся театральной истории драмы: «Положим, она, со стороны исполнения, не совсем удалась автору, не имела большого успеха при первых представлениях; но всё же кажется, она имеет право на довольно видное место в небогатом репертуаре кровно-русских пьес и ни в каком случае не может уступать место парижским нищим, испанским дворянам и иным многим исчадиям современной западноевропейской драматургии» (*Баженов А. Н.* Соч. и переводы: в 2 т. М., 1869. Т. 1. С. 55). Критик даёт оценку игре актёров: «Полтавцев довольно полно и живо передал роль Ильи; он показал его нам со всех сторон, во всех главнейших психических фазах: перед нами был то тиран-муж, то нежный, то отчаянный, то одумавшийся любовник, но всегда прямой и добрый человек» (Там же). Особенно понравилась Баженову работа Никулиной-Косицкой: она «сделала всё, что могла из роли Груши, любящей, увлекающейся, но легкомысленной и ветреной» (Там же. С. 56). Даша в исполнении Медведовой вышла «слишком бесцветною» (Там же). Баженов высказал критическое замечание в связи с музыкальным решением: «Кстати о песнях: странно было в пьесе из русского народного быта слышать русскую же народную, безыскусственную песню, положенную на эффектную музыку г-на Дюбука» (Там же. С. 57). В последующие пять лет драма прошла в московском Малом театре ещё 10 раз, и в том же составе исполнителей.

В Петербурге пьеса «Не так живи, как хочется» впервые была представлена в Александринском театре 12 января 1855 г. в бенефис А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Илья — М. И. Григорьев, Пётр — П. С. Степанов, Даша — А. М. Читау, Афимья — Ю. Н. Линская, Агафон — В. В. Самойлов, Степанида — П. К. Громова, Вася — П. И. Zubров, Спиридоновна — О. А. Рамазанова, Груша — Е. М. Левкеева, Ерёмка — А. Е. Мартынов.

А. И. Вольф в обзоре театрального сезона 1854/55 отметил, что драма «Не так живи, как хочется», «несмотря на многие патетические сцены, поразила... публику своим реализмом. Драма в кабаке и пьяная героиня показалась многим профанацией искусства» (*Хроника петербургских театров. С конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1. СПб., 1877. С. 175*).

Петербургские критики оценили сюжет пьесы Островского как неудовлетворительный, тем не менее, по заключению Р. М. Зотова, от «совершенного падения» её спасла «отличная» актёрская игра (Р. З. Театральная хроника // *Северная пчела*. 1855. № 18. 24 янв. С. 85). Выигрышной получилась сцена между Дашей и Васей в первом акте (Ш. Театральная хроника // *СПбВед.* 1855. № 17. 22 янв. С. 2). Актёр П. И. Зубров «был замечательно хорош в роли Васи: в игре его нельзя было не заметить истины и жизни». А. М. Читау «вела всю эту сцену превосходно». Правда, критик не избежал замечания: «...напрасно только она так много размахивала руками, чтобы выразить отчаяние Дарьи». В. В. Самойлов был «очень хорош» в роли Агафона, П. С. Степанов «недурно» исполнил роль Петра. Вместе с тем петербургская сцена не увидела талантливого решения образа Груши. Однако критик «Санкт-Петербургских ведомостей» не винил актрису Е. М. Левкееву «за неудачное воспроизведение» образа Груши на сцене: в этой роли есть драматизм, но «у автора он постоянно отзывается фальшивой нотой» (Там же). А. И. Вольф менее критично отнёсся к работе Левкеевой, считая, что роль Груши — «первое серьёзное создание этой талантливой артистки» (*Вольф А. И.* Хроника петербургских театров... С. 175).

Зрители, как отмечает Р. М. Зотов, «вызывали Читау, Мартынова, но вызов автора не был поддержан» (Театральная хроника // *Северная пчела*. 1855. № 18. 24 янв. С. 85). По мнению другого критика, в душе образованного зрителя спектакль оставил «тягостное впечатление» (Ш. Театральная хроника // *СПбВед.* 1855. 22 янв. № 17. С. 2). Автор «Не так живи, как хочется», считает рецензент «Библиотеки для чтения», переходит «из ряда лучших драматических писателей в ряды... скромных неизвестностей», а сама пьеса «упала сначала на московской сцене и, конечно, не подымется и на петербургской» (*Петербургский житель*. Заметки петербургского жителя // *БдЧ*. 1855. Т. 129. Февраль. Смесь. С. 163).

А. А. Григорьев был уверен, что «Не так живи, как хочется» «положительно зарезали на сцене — не только на петербургской, но даже отчасти на московской, — потому что Петра Ильича и там играл “драматист” хоть и бесконечно даровитый из... “ржанцев”¹, но всё-таки драматист, стало быть герой в некотором роде — и драме не воскреснуть, пока трагик в роде П. Васильева не олицетворит со всей правдой и простотою широкого типа поэта. Драма при том создана слишком тонко вообще, в чём и сценическая ошибка Островского...» (*Русский театр в Петербурге // Эпоха*. 1864. № 3. С. 230).

До закрытия театров в 1855 г. на полгода пьеса была сыграна три раза.

В октябре 1864 г. в бенефис Е. М. Левкеевой драма «Не так живи, как хочется» была вновь представлена на сцене Александринского театра. В этой постановке Самойлов играл Петра, Зубров — Ерёмку, Александрова 2-я — Дашу. По мнению В. Александрова, пьеса, трудная для исполнения, не могла не пасть во второй раз: «Надо быть не только талантливым актёром, не только знатоком жизни, но и хорошо знакомым с бытом московского мещанства, чтобы попасть в тон ролей живо, но всё-таки слегка очерченных автором, чтобы игрой пополнить то, чего недостаёт в драме, и чтобы стали ясны причины совершающихся в ней фактов» (Театральная хроника // *СПбВед.* 1864. 29 окт. № 246. С. 975). Актриса Александрова 2-я не спра-

¹ «Ржанием» А. А. Григорьев называл форсирование интонации актёром-трагиком.

вилась с ролью из-за недостаточного знания жизни, выходящей за пределы известных ей «школы и гостиной» (Там же. С. 976). Основную причину провала спектакля пишущий увидел в исполнении роли Груши бенефицианткой: «...артистка уже по внешним данным вовсе не отвечает роли Груши; как ни старалась она, роль погибла совершенно» (Там же). А. И. Вольф и на этот раз иначе оценил игру Левкеевой, с его точки зрения, она «играла хорошо». Если в 1855 г., заметил он, критиков шокировало пьянство персонажей, представляемое на сцене, то спустя десять лет её вкусы «под влиянием новых идей, проникших в литературу и в общество», изменились: «драма с пьяною Грушею не показалась уже слишком реальной, и молодое поколение смотрело её с удовольствием» (*Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года.* С. 29).

Летом 1872 г. драма была поставлена в Народном театре при Всероссийской политехнической выставке в Москве. Главную роль в ней играли М. И. Писарев и В. И. Путята. В московской периодике 1872 г. были напечатаны две рецензии на эту постановку: в газете «Московские ведомости» — статья Д. В. Аверкиева «Народный театр в Москве. Репертуар с 9-го по 4-е июля», а в журнале «Развлечение» — обзор П. Акилова «Театральные заметки».

29 января 1878 г. в бенефис М. И. Писарева П. Стрепетова явилась перед публикой петербургского Художественного клуба в ролях Василисы Мелентьевой в одноимённой пьесе, а также Груши («Не так живи, как хочется»). Зал был переполнен, «...артистка сделала всё из этих ролей, что можно было сделать, и обе они явились освещёнными её большим и самостоятельным талантом», — пишет анонимный рецензент. По окончании спектакля «целый дождь букетов полетел на сцену и артистку решительно засыпали цветами» (Театр и музыка // *НВ.* 1878. № 696. 4 февр. С. 3). Другой обозреватель дал высокую оценку игре актёров в драме «Не так живи, как хочется». Стрепетова, писал он, «чрезвычайно художественно передала в этот вечер прекрасные сцены 2-го акта с Петром»; «не менее великолепно передал свою роль» Шкарин, сыгравший Ерёмку, и это была «чуть ли не одна из лучших ролей талантливого артиста». Писарев «в роли Петра был положительно хорош, но эта роль отнюдь не может служить мерилom таланта для играющего её артиста», ибо была выигрышной сама по себе (Театральное эхо // *Пб. газета.* 1878. 31 янв. № 22. С. 3).

10 января 1882 г. спектакль был вновь возобновлён. В Марининском театре состоялся утренний спектакль в пользу общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным. Театр был полон. Стрепетова исполняла роль Груши, однако её игра вызвала критику со стороны корреспондента газеты «Голос»: «...внешность г-жи Стрепетовой мало подходит к типу, выведенному в пьесе г. Островского, игра актрисы производила неполное впечатление ещё и по другой, более важной причине. Г-жа Стрепетова верно подметила тон, каким говорят крестьянские девушки, но ограничилась только внешней его передачей. Это придало, конечно, игре её достаточно тривиальности, но лишило эту игру художественной подкладки. Артистка изобразила девушку, которая любит “погулять” — и только». Игра Стрепетовой была охарактеризована как «бессодержательная». Другими актёрами (Хлебниковой-2, Левкеевой, Новиковым, Давыдовым) пьеса «весьма старательно была разыграна». Неудача спектакля, с точки зрения рецензента газеты «Голос», объясняется тем, что само произведение относится к «слабейшим пьесам

даровитого драматурга и никогда не пользовалась на сцене большим успехом» (Хроника // *Голос*. 1882. № 6. 11 янв. С. 3).

Для народного театра пьеса «Не так живи, как хочется» считалась одной из лучших. В 1862 г. она была поставлена в селе Воскресенском Калязинского уезда Тверской губернии. Исполнителями были С. А. Юрьев, его семья и любители-крестьяне. Спектакль, на который собралось около пятисот человек, как вспоминал С. А. Юрьев, прошёл удачно, однако финал не был убедителен для мужиков. По окончании спектакля один из мужиков предложил следующий вариант разворачивания событий: Пётр пырнул жену ножом, она «повалилась сердечная, кровь залилась; али сам от такого раза тут очуствовался, али люди набежали и в чувство привели. Тут и у зверя сердце перевернётся, что душу христианскую неповинную было загубил, голубку такую, жену верную зарезал было! Нутро-то у него всё перевернуло, и Бога узрел. И она-то опосля возвеселилась, что жена она верная, до самой смерти, кровью своею душу его из ада выкупила». Толпа, выслушав мужика, заговорила: «Вот это настоящее, как есть настоящее дело» (Деревенский театр // *Артист*. 1889. № 3. С. 49). При большом стечении народа спектакль сыграли ещё раз с изменённым концом. «Конец в новом своём виде, несмотря на неискусную обработку, выполненную неталантливую и неопытную рукой, произвёл сильное впечатление, вызвал непрерывные отрывочные одобрения во время представления, а после него нескончаемые выражения удовольствия и похвал. Аксюша¹ после представления, точно она сама совершила в самом деле какой-нибудь нравственный подвиг, стала предметом особого рода оваций. “Вот, говорили ей, ты это самое, как есть по душе сделала! Как есть во всех статьях настоящее дело, и Богу мило, и перед людьми красно. Умница девка! И как это чувствительно! Распрекрасно”. Забрало, что называется, за живое русского человека» (Там же. С. 50).

На Пасху 1896 г. В. С. Серова в селе Рождествено Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии поставила эту пьесу с музыкальными «вставками» из оперы «Вражья сила». Во втором спектакле финал был также изменён, на этот раз героя спасли слова отца (см.: Народные и деревенские театры // *Театрал*. 1896. № 65, кн. 15. С. 41—43).

3 и 24 января 1890 г. пьеса была поставлена в Москве, в Обществе искусства и литературы. К. С. Станиславский, сыгравший Петра, вспоминал: «В роли и пьесе большая широта, разгул, сильные страсти, психологическое нарастание и трагический подъём» (Станиславский К. С. *Моя жизнь в искусстве*. М., 1972. С. 155). Такая роль ещё не была под силу молодому актёру, и он пытался преодолеть сложность, напряжённо работая над ролью, пытаясь перейти от «механической внешней игры» к «внутреннему переживанию», к «духовному существу». Однако в конечном итоге, писал он, что ни драма, ни его роль «не имели успеха» (Там же. С. 158).

При жизни Островского пьеса прошла на сцене московского Малого театра, 18 раз, на сцене петербургского Александринского театра — 10 раз. Последний спектакль в Москве состоялся 30 апреля 1882 г., в Петербурге — 6 февраля 1883 г.²

¹ Речь идёт об исполнительнице роли Даши.

² См. также: ЭО. С. 435—440.

С. 340. *Дни прощёные...* — «Дни перед Великим постом, в которые в старину у православных существовал обычай просить друг у друга прощение в грехах и обидах». (Словарь к пьесам. С. 171.)

С. 343. *Узкий и прискорбный путь вводит в живот, а широкий и пространный вводит в пагубу.* — Парафраз фрагмента из Нагорной проповеди Христа на тему «Тесные врата к жизни»: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13—14).

С. 348. *Востоскуйся ты, моя сударушка...* — Песня записана А. Н. Островским. Её текст размещён в сборниках «Русские народные песни» (1860. № 16), «Сорок народных песен, собранных Тertiем Филипповым» (М., 1882. № 23); прокомментирован Л. Н. Смирновой (ПСС-12. Т. 1. С. 571).

С. 350. *Растобарываем.* — Растабаровать — шутить; хвастаться, пускать пыль в глаза (Словарь рус. нар. говоров. Вып. 34. СПб., 2000 С. 244).

Пиять — изводить, пилить кого-л.; злوبيться, злиться, язвить (Словарь рус. нар. говоров. Вып. 27. СПб., 1992. С. 63).

Поеду в Рогожскую... — См. комментарий на с. 748.

С. 351. *Метать промеж себя...* — Это выражение по просьбе Островского было списано с надписи на постоялом дворе Коровина на Тележной (Рогожской) улице Горбуновым (Русская литература. 1960. № 1. С. 155).

С. 353. *Как у молодца, у удалого...* — Два первых стиха из текста, размещённого в драме, соотносятся с началом лирической песни из собрания П. И. Якушкина (Якушкин П. Соч. СПб., 1881. № 71. С. 597). См. также: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 3. № 528. С. 426).

С. 354. *Мне не дорог твой подарок...* — Фрагмент из русской плясовой песни «По улице мостовой...» (Песни русского народа. Ч. 2. СПб., 1839. № 20. С. 399; см. также: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 4. № 740. С. 590; № 741. С. 592).

С. 356. *...около Святков...* — Святки «обнимают собой период времени от Николина дня (6 декабря) до Крещения (6 января)» (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 240).

С. 359. *...к ужоткаму...* — по-видимому, производное от диалектного слова «ужотко», «ужотка» (то же, что «ужо»).

Полечу я пташечкой кукушечкою... — Стихи, процитированные в драме, созвучны стихам из русской семейной песни «Калину с малиною вода поняла»: «На четвёртый к матушке пташкой полечу, / Горемычную пташечкою, кукушечкою» (Песни русского народа. Ч. 4. № 27. С. 44). А. А. Григорьев процитировал в своей статье «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны (По поводу собрания П. И. Якушкина)» стихи из этой песни, назвав её «превосходною» (ОЗ. 1860. Т. 129, № 4. С. 452).

Сем-ка — то же, что «а ну, ну-ка, давай, давай-ка» (Словарь рус. нар. говоров. Вып. 37. СПб., 2003. С. 143).

С. 362. *Поставец* — закрытый (иногда открытый) ящик, устанавливаемый перед печкой для кухонной посуды (Словарь рус. нар. говоров. Вып. 30. СПб., 1996. С. 207).

С. 363. *Я на камушке сижу...* — Фрагмент хороводной народной песни. В книге П. И. Якушкина первый стих припева звучит иначе: «Ой ли, ой люли» (*Якушкин П. И.* Соч. СПб., 1881. С. 704).

Исходила младенька все луга и болота... — Фрагмент лирической песни. В рукописном списке, хранящемся вместе с *ЧА* «Не так живи, как хочется», указано имя лица, у которого Островским была записана песня: «Записана у Антона Сергеева». Здесь же дан текст всей песни без сокращений, в том числе и 4-го стиха (*Кашин. С. 399*). Полный текст этой песни с пометой «Зап. А. Н. Островским» напечатан в книге П. И. Якушкина. В двух соотносящихся фрагментах совпадают 1—3, 6—10 стихи, а 4-й стих («Ах, ах-ти горевати, где мне ночь коротати?») в тексте, включённом в драму Островского, отсутствует. В 5-м стихе в книге П. И. Якушкина было «запало», а в тексте драмы — «припало» (см.: *Якушкин П.* Соч. С. 602; тот же текст см.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 3. № 223. С. 176; № 224. С. 177). А. А. Григорьев отметил: «...в якушинском собрании находится превосходный *тип* песни: “Исходила младенька все луга и болота”, записанный мною у цыган хора Ивана Васильевича». Затем привёл вариант этой песни из новиковского песенника (см.: *ОЗ. 1860. Т. 129, № 4. С. 466—467*).

С. 364. *Мир вам, и я к вам.* — Изначально высказывание «Мир вам» восходит к новозаветному тексту (Ин. 20, 19; Лк. 24, 36). Впоследствии стало формулой приветствия.

Сирота ль ты моя, сиротинушка... — Вариант этой песни есть в собрании В. Н. Добровольского (см.: *Смоленский этнографический сборник. Т. 4. С. 295*).

С. 367. *Куманёчек, побывай у меня...* — Текст песни приведён в статье А. А. Григорьева «Русские народные песни. Критический опыт (Посвящается А. Н. Островскому, П. М. Садовскому и Т. И. Филиппову). Статья 1» (*Москва. 1854. № 15; отд. изд.: М., 1854. С. 47*); в его же статье «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны (По поводу собрания П. И. Якушкина, напечатанного в 4-м номере «Отечественных записок»)). Она определена им как «плясовая, на мотив, известный под общим названием комаринского: из различных песен на этот мотив (с большим или меньшим изменением его, сообразно словам)» (*ОЗ. 1860. Т. 129, № 4. С. 477*). С текстом из драмы Островского совпадают три первых стиха и тринадцатый. См. также: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 4. № 346—348.

С. 368. *Обморók* — тот, кто околдовывает, зачаровывает; обманщик, лгун; насмешник, шут (*Словарь русских народных говоров. Вып. 28. Л., 1987. С. 134*).

Приворот — способ привлечения, внушения любви ворожкой, колдовством.

С. 371. *Горюч камень алатырь...* — В русских «средневековых легендах и фольклоре камень, “всем камням отец”, пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами» (*Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1991. С. 28*).

С. 373. *Помекать* — подумывать, думать; намереваться; знать, понимать, смеять; подозревать (*Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб., 1995. С. 202*).

Н. Г. Михновец

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС, ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

Впервые опубликовано: Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи / под ред. М. Д. Беляева. Л., 1924. С. 14—20.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7—12 (5—10).

Печатается по ЧА с учётом современной орфографии и пунктуации и небольшими исправлениями по смыслу.

Во время учёбы в университете Островский серьёзно увлекался театром и литературой, особенно творчеством Гоголя. По воспоминаниям М. И. Семевского, писатель даже причёску носил «а la Гоголь» (*Восп.* С. 128). Вероятно, именно этот интерес послужил поводом для создания собственного произведения.

По наблюдению А. И. Журавлёвой, «...“Сказание” построено на анекдотической фабуле, развёрнутой с помощью литературных реминисценций, пародийно переосмысленных» (*ЭО.* С. 404). Сложная структура рассказа отрицательно повлияла на его художественность: некоторые частные эпизоды (например, диалог будочников на украинском языке) оказались ярче основных сцен, многие сюжетные ходы были знакомы читателю по сочинениям Пушкина и Гоголя. Гораздо больше внимания Островский уделил формальной стороне «Сказания...». Автограф имеет многочисленные зачёркивания и поправки, одни из которых написаны чёрными чернилами, другие — серым карандашом (каждый случай отмечен в примечаниях к тексту). Большинство исправлений, сделанных карандашом, относится к портретным характеристикам героев, имеет уточняющее значение («подкрашивает», «немного рябоват», «с красными крапинками»), существенная часть второго вида поправок направлена на коррекцию стилистического рисунка. Рассказ обладает законченным сюжетом; на последней странице рукописи имеется дата: «1843. Декабря 15».

Несмотря на то, что «Сказание...» написано под очевидным влиянием прежней литературной традиции, здесь проявились особенности таланта Островского-писателя, его умение «для каждого из действующих лиц подыскать особые, ему только и свойственные выражения и словечки, подметить характерные для него движения и поступки» (*Беляев М. Д.* Незданные страницы Островского (К истории текста «Записок Замоскворецкого жителя») // Островский: Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Л., 1924. С. 6).

По всей видимости, Островский не собирался публиковать произведение. Имеющийся в «Сказании...» диалог купчихи с будочником, а также сцена её разговора с Иваном Ивановичем были позднее использованы писателем в очерке «Иван Ерофееч», отдельные мотивы проявились в черновом наброске <Введение>, имя и фамилию одного из персонажей очерка «Две биографии» — Ивана Ивановича Зверобоева — писатель также заимствовал из «Сказания...». В драматических произведениях Островский не раз обращался к образу «безутешной» разгневанной вдовы (например, Аграфена Платоновна в пьесе «В чужом пиру похмелье»), к образу малограмотного философа, чьи рассуждения сводится к принципу: «как его знать, чего не знаешь» (в частности, Потапыч в «Воспитаннице»).

С. 378. *Квартальный надзиратель* — должностное лицо в городской полиции, следившее за порядком в определённом квартале. Подчинялся частному приставу и Управе благочиния, имел в подчинении квартальных поручиков и ночных сторожей. Должность соответствовала X классному чину «Табели о рангах».

...*От великого до смешного только один шаг.* — *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.* Буквально: «От возвышенного до смешного только один шаг» (фр.). «Как сообщает в своей “Истории посольства в Великое герцогство Варшавское” (1816) де Прадт, французский посол в Варшаве, эту фразу часто ему повторял французский император Наполеон I (1769—1821) во время своего отступления из России (декабрь, 1812)» (Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005. С. 193).

...*между Мясницкой и Сретенкой*... — Мясницкая — улица зафиксировала название Мясницкой слободы Москвы, где жили царские мясники. В XIX в. Мясницкая была самой модной, шумной, буржуазной улицей города. Сретенка — улица в Панкратьевской слободе Москвы. Название происходит от церковнославянского слова «сретать», что означает встречать, повстречать, идти навстречу. На Сретенке никогда не было ни одной дворянской усадьбы, ни одного богатого магазина, зато было множество мелких магазинчиков и лавок (см.: Забелин И. Москва: История // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19. С. 934—936).

...*будка с белыми колоннами.* — Небольшое помещение, окрашенное в чёрно-белую полосу, обыкновенно строилось на перекрёстке двух улиц. В будке помещались два будочника, сменявшие друг друга. Будочник — низшее должностное лицо городской полиции в Российской империи, полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки и наблюдающий за благочинием и чистотой на улицах.

Магистрат — в России от Петра I до периода 1864—1885 гг. выборное городское управление, ведавшее судебными-административными и податными делами города.

...*не у крепостных дел где-то секретарём*... — Видимо, «персона» была губернским секретарём (XII классный чин «Табели о рангах») в палате гражданского суда, в отделе крепостных дел.

Форменный — здесь: соответствующий установленной форме, принятому порядку.

Околоток — район города, подведомственный околоточному надзирателю; часть квартала.

...*поёт «Безумную» и «Ты не поверишь» без нот и половину романа «Талисман» по нотам*... — «Безумная» — романс А. Е. Варламова на стихи В. П. Горчакова; «Ты не поверишь, как ты мила» — цыганская песня на стихи неизвестного автора. О каком конкретно популярном романсе «Талисман» идёт речь, сказать определённо нельзя: о романсе Н. А. Титова на стихи А. С. Пушкина или о романсе А. А. Алябьева на стихи Е. П. Ростопчиной.

С. 379. ...*офицер с чёрным или белым пером.* — В начале XIX в. в состав формы русских офицеров, кроме носивших полковую форму гвардейской кавалерии, входила шляпа. «Ниспадающий султан из петушиных перьев был чёрным у офицеров пешеходных войск и белым у кавалеристов» (Малов-Гра А. Г. Штабные офицеры Русской армии 1812 г. // *Рейтар*. 2011. № 54 (4). С. 161). См. также комментарий на с. 673.

...в белом пикетовом жилете... — Пике (от фр. *piqué*) — плотная хлопчатобумажная ткань с рельефным узором (обычно в виде узких рубчиков); жилет (от фр. *gilet*) — короткая мужская одежда без рукавов, поверх которой обычно надевается пиджак, сюртук, фрак, смокинг.

...во фраке с светлыми пуговицами. — Фрак (от фр. *frac*) — мужской парадный вечерний костюм особого покроя: пиджак короткий спереди с длинными узкими фалдами (полами) сзади, брюки с атласными лампасами. Описывая события 1822 г., мемуарист сообщает: «Но чёрных фраков и жилетов тогда ещё нигде не носили, кроме придворного и семейного траура. Чёрный цвет, как для мужчин, так и для дам, считался дурным предзнаменованием, фраки носили коричневые или зелёные и синие со светлыми пуговицами, — последние были в большом употреблении» (Свербеев Д. Н. Записки. Т. 1. М., 1899. С. 265).

Шляпа у него прежде была горохового цвету... — Вероятно, аллюзия Островского: в Средние века банкротов заставляли надевать зелёные и жёлтые шляпы, чтобы все знали об их финансовом кризисе.

Сиротский суд — учреждение для управления опекунскими и сиротскими делами купцов, мещан и цеховых, а также личных дворян и разночинцев (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 30. С. 81—82).

...имеет знак беспорочной службы... — «В августе 1827 г. был учреждён “Знак отличия беспорочной службы” за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах. Получение знака было условием награждения очередным орденом. Знак представлял собой позолоченную серебряную квадратную сквозную пряжку с изображением на ней дубового венка и числа лет службы (римской цифрой). Военные носили её в петлице на георгиевской ленте, а гражданские чиновники — на владимирской. С мая 1859 г., согласно новому статусу, “Знак отличия...” стал даваться за выслугу не менее 40 лет» (Шенелёв Л. Е. Титулы, мундиры и ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 199).

...и уж чуть-чуть не титулярный. — Титулярный советник — гражданский чин IX класса «Табели о рангах».

...купил у Сухаревой башни... — Сухарева башня была сооружена во времена Петра I. В XIX в. вокруг башни был рынок с книжным развалом. Разрушена в 1934 г.

А. П. Сл<авин> — псевдоним драматического актёра и писателя А. П. Протопопова (1814—1867), автора пьес «Два рода безумия» (1846), «Блокада крепости Костромы, или Русские в 1608 году» (1856) и др.

Лит<ературный> каб<инет> — название альманаха с подзаголовком: «Труды артистов императорских московских театров: П. С. Мочалова, Д. Т. Ленского, А. И. Славина, С. Н. Соловьёва и покойного Цыганова» (М., 1842). К сборнику был приложен список подписавшихся на книгу. Как отмечает Н. Д. Волков, «...одним из подписчиков значится Островский. Тогда это имя ничего не говорило. Будущему великому драматургу было всего лишь девятнадцать лет, и всё ещё было у него впереди. Нет сомнений, что юность Островского, как и многих его сверстников, была также опалена гением Мочалова» (Волков Н. Д. Театральные вечера. М., 1966. С. 195).

...жил на Зацепе... — Зацепы — улица в Замоскворечье. «Здесь был устроен вал, или цепь, за которую досматривались от Корчемной таможни въезжавшие

в город воза и свидетельствовались острым длинным железным прутом, или шупом — нет ли между сеном, соломой и другой поклажей, вина, то местность эта и названа Зацепою, то есть находящейся за названной нами цепью, а где была сторожка корчемного сторожа, стоявшего со шупом, то место это названо Шупком, переделанным в Щипок» (*Мартынов А. А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 2011. С. 66). См. также комментарий на с. 684.

...у одной купчихи третьей гильдии... — После проведения гильдейской реформы 1775 г. купечество было разделено на три гильдии сообразно размеру объявляемого капитала. В зависимости от гильдии купцы пользовались различными привилегиями и имели различные права на производство торговли и промыслов. Все купцы могли вместо рекрутского набора платить деньги. Купцы первых двух гильдий освобождались от телесного наказания. Купцы 1-й гильдии имели право на внешнюю и внутреннюю торговлю, 2-й — на внутреннюю, 3-й — на мелочную по городам и уездам. Купцы 1-й и 2-й гильдий имели право ездить по городу парой, а 3-й — только на одной лошади» (см. об этом: *Козлова Н. В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // *Торговля и предпринимательство в феодальной России.* М., 1994. С. 214—229). См. также комментарий на с. 674.

С. 380. *Бар Бар* — вероятно, описка; следовало: «бар<он> Бра<мбеус>». — Барон Брамбеус — псевдоним О.И. Сенковского (1800—1858), издателя журнала «Библиотека для чтения», автора сатирических произведений «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (1833; 1835), «Вся женская жизнь в нескольких часах» (1856).

С. 381. *Хожалый* — здесь: рассыльный, служитель при полиции для разных поручений, полицейский (Словарь рус. яз. Т. 4. С. 838).

Горилка — водка (от укр. горіти — гореть).

С. 382. ...в царстве Плутона... — Плутон — брат Зевса и Посейдона. Царство Плутона — царство мёртвых, царство теней, ад.

С. 384. ...в коричневом драдедамовом салопе... — Драдедам (от фр. drap de dames — драп для дам) — один из лёгких видов сукна, шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом. Салоп (от фр. salope) — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с пелериной и прорезями для рук или небольшими рукавчиками; был распространён в Европе в XIX в. среди горожанок.

...с Зацепы шла. — Расстояние от улицы Зацепа до пересечения Мясницкой и Сретенки составляло около шести километров.

...в белой пуховой шляпе. — Пуховая шляпа — шляпа, валянная из пуха. У нижних чинов пуховая шляпа обычно была обшита по краю белой или жёлтой (в зависимости от ранга) тесьмой (см. об этом: *Малышев В. Н.* Общие принципы построения военного костюма XVIII — XIX вв. // *Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.* Вып. 8. СПб., 2006. С. 232—256).

...развяжи меня... — Развязать — разъяснить, разрешить, привести в ясность что-нибудь сложное, запутанное (Словарь рус. яз. Т. 3. С. 799).

С. 386. ...крамболя наделаю. — См. комментарий на с. 678.

А. А. Виноградов

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В ПРАЗДНИК

Впервые опубликовано: Труды отдела новой русской литературы / под ред. Л. М. Лотман. М.; Л., 1948. С. 124—127.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 17—21 об.

Печатается по ЧА с учётом современной орфографии и пунктуации и незначительными исправлениями по смыслу.

Ещё в первой части очерка «Две биографии» Островский обращает внимание на особенность выходного дня для жителей Замоскворечья: «За обедом толковали о том, когда начать ученье, выбирали лёгкий день и положили отслужить в воскресенье молебен и начать азы». Однако попытка написать отдельный очерк, посвящённый описанию праздника, была предпринята Островским несколько позже, в самом начале работы над «Очерками Замоскворечья». Писатель колебался с выбором названия: «Замоскворечье в праздник», «Праздничное утро», «Воскресенье». В результате ни один вариант не получил продолжения, лишь во «Введении» под заголовком «Очерки Замоскворечья» автор предполагал рассказать читателю о том, как живёт здесь человек «в праздник и в будни, в горе и радости». В следующий раз название «Праздник» появляется в плане «Тетради 1-й». Подзаголовков не зачёркнут, но далее Островский приводит текст под другим названием: «Замоскворечье в праздник». Вероятно, ещё раз обдумав сюжет будущего очерка, писатель решил сделать уточнение и вернул первоначальный вариант названия.

Повествование в рассказе ведётся от первого лица. С самого начала автор предстаёт летописцем благодатного края, где в праздник слышится звон колоколов и «пахнет пирогами». Такой день разделяется на несколько временных периодов, каждый из которых связан с церковным богослужением и подчинён спокойному, неторопливому существованию. Неожиданно в середину рассказа включается обширное рассуждение о моде, что нарушает общее настроение умиротворения, на секунду превращая благодатное царство в «тёмное». Скоро покой восстанавливается, наступает вечер: «...по улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите».

В последующих рассказах о жизни Замоскворечья Островский не раз возвращался к теме праздничного, воскресного дня. Так, эффектное появление Мавры Агуревны на квартире Ивана Яковлевича происходит вечером в воскресенье («Иван Ерофейч»), в «Кузьме Самсоныче» даётся описание храмового праздника: «...где-нибудь случится за М<осквой>-р<екой> храмовый праздник, так ему <Максимке> нужно поспеть и ко всенощной, и к обеду». В драматических произведениях Островский также использовал художественный материал очерка «Замоскворечье в праздник». Например, описание замоскворецких праздников и изображение Святков в пьесе «Бедность не порок», сцена, когда Неуеденов разбивает орехи камнем, в комедии «Праздничный сон — до обеда».

С. 387. *Таганка* — См. комментарий на с. 785.

Цирюльня — парикмахерская (устар.).

С. 388. *Мод<а>* — *пост<оянный>*, *неистощимый предмет насмешек...* — «Возможно, что самый факт включения обширного рассуждения об одежде замоскворецких жителей в очерк связан с влиянием статьи Белинского “Петербург и Москва”, где, характеризуя Москву, Белинский подробно описывал манеру её обывателей одеваться» (Лотман Л. М. «Записки Замоскворецкого жителя» А. Н. Островского: (История и эволюция замысла) // Труды отдела новой русской литературы. С. 103).

Паяц — гаер, ломака, смешник, балаганный шут или клоун (см.: *Даль*. Т. 3. С. 64).

Мантилья — короткая женская накидка без рукавов (от исп. mantilla).

С. 389. *...купчиху mille colorum*. — Mille colorum — тысячи цветов (лат.).

Ерань — герань.

...Жукова табаку... — «Жуковским» табак назывался по имени владельца табачной фабрики в Петербурге В. Г. Жукова.

«Кто мог любить так страстно...» — Имеется в виду романс на стихотворение Н. М. Карамзина «Прости».

С. 390. *...в Парк или Сокольники...* — См. комментарий на с. 673.

Нескучное — парк на западной стороне Замоскворечья, одно из излюбленных мест народных гуляний.

Даниловское кладбище — одно из старейших московских кладбищ. Основано в 1771 г. во время эпидемии чумы по указу императрицы Екатерины II. Название своё получило от села Даниловского, более известного как Даниловская слобода.

...«Русалку», «Пилюли», «Аскольдову могилу»... — Перечислены названия популярных оперных постановок в Москве начала XIX в.: «Русалка» — волшебнo-комическая опера К. А. Кавоса и С. И. Давыдова (на основе оперы австрийского композитора Ф. А. Кауэра «Das Donauweibchen»); «Вот так пилюля! Что в рот, то спасибо» — волшебная опера-водевиль Д. Т. Ленского и С. И. Штуцмана (перевод французского водевиля Ф. Лалу, О. Анисе-Буржуа и Лорана «Les pilules du diable»); «Аскольдова могила» — романтическая историко-бытовая опера А. Н. Верстовского по одноимённому роману М. Н. Загоскина.

ДВЕ БИОГРАФИИ

Впервые опубликовано: Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи / под ред. М. Д. Беляева. Л., 1924. С. 21—27.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1—6 об. (11—16 об.); Ед. хр. 1. Л. 3—10 об. (19—26 об.).

Печатается по ЧА с учётом современной орфографии и пунктуации и незначительными исправлениями по смыслу.

Вероятно, замысел «Двух биографий» возник у автора в процессе работы над прежним произведением, имеющим сложное сюжетное заглавие: «Сказание о том, как кварталный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только

один шаг». Судя по названию задуманного очерка, писатель решает выйти за рамки бытового конфликта и через историю персонажей показать различные стороны общественной жизни Замоскворечья.

Одним из таких персонажей становится чиновник Яков Семёнович Зверобоев. Островский сохраняет лишь внешнюю связь с прежним произведением: заимствует место действия, фамилию главного героя, а также «драматизированные диалоги, передающие живую и колоритную речь» (ЭО. С. 404). В отличие от «Сказания...», в «Двух биографиях» автор совершенно отказывается от пародийных эпизодов, стилистических излишеств и едкой иронии. По мнению А. М. Линина, «“Падение” Якова Семёновича, которое в старой новеллистической композиции могло предстать забавной случайностью, теперь находит своё объяснение в мотиве неправильного воспитания и дурного общественного окружения» (Линин А. М. К вопросу о влиянии Гоголя на Островского. О поэтике «Записок замоскворецкого жителя». Ростов н/Д, 1935. С. 31).

Рассказ можно разделить на две условные части, первая из которых была написана в 1843—1844 гг. (рассказ о детстве Яши), а вторая значительно позже, в период 1845—1846 гг., когда Островский завершил работу над черновиками очерков «Замоскворечье в праздник» и «К читателям». Разделение отражено в ЧА: по нумерации, сделанной красным карандашом, повествование о детстве Яши Зверобоева заканчивается на середине обратной стороны 16 л. рукописи, затем следует несколько пустых строк, а далее начинается рассказ о его взрослой жизни; ни имя героя, ни логика повествования не меняются, хотя в стилистическом плане первая часть значительно уступает второй, более зрелой. Неслучайно основу композиции «Ивана Ерофеича» составляет материал именно второй части «Двух биографий», тогда как первую часть Островский использовал в качестве черновых заметок для «Кузьмы Самсоныча».

С. 390. ...по Москворецкому мосту... — Большой Москворецкий мост — один из мостов через Москву-реку, соединяет Красную площадь, Варварку и Васильевский спуск с Большой Ордынкой в Замоскворечье.

...в девятом часу утра... — По воспоминаниям Г. И. Мешкова, поступившего в 1825 г. копиистом в Пензенское губернское правление, «чиновники собирались к должности к 9 часам, а выходили в 6, иногда в 7 часов вечера. Режим работы министерских служащих был более свободным. В конце 1840-х годов чиновники департаментов приходили на службу в 11-м часу и занимались часов до 4, а в дни докладов (примерно раз в неделю) уходили позднее» (РНБ. Ф. Ф. IV. Д. 861. Л. 420).

Присутствие — государственное учреждение в Российской империи.

...от церкви Флора и Лавра... — Выбор святых Флора и Лавра для Коломенской ямской слободы неслучаен: именно они являются покровителями всех домашних животных, и в частности лошадей.

...наз<ывалась> Дворянской. — Большая и Малая Дворянские улицы в центре Москвы в районе Замоскворечья, между улицами Зацепа и Щипок, в 1924 г. переименованы в Большую и Малую Пионерские улицы.

Бабки — старинная народная игра. Игровой процесс заключается в ловкости бросания и щёлканья косточек — бабок, давших название игре.

С. 391. ...*баклуши-то бить*... — Бить баклуши — праздно проводить время, бездельничать (Фёдоров А. И. Фразеологический словарь рус. лит. яз. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 27).

...у *Ифимовского сада*. — Вероятно, речь идёт о местечке рядом с Преображенской церковью на Ордынке, где находилась икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Чудо, прославившее икону, заключалось в исцелении от смертельной болезни родной сестры Патриарха Московского Иоакима — Евфимии Петровой Папиной. В 1932 г. храм был закрыт, икона исчезла (см.: *Комашко Н. И.* «Всех скорбящих Радость», икона Божией Матери // Православная энцикл. Т. 9. М., 2005. С. 707—717).

Вот тебе, Яшка, азбука. — Имеется в виду так называемый учебный азбучник — русский анонимный рукописный сборник статей учебного, энциклопедического и нравоучительного характера. Он состоял обычно из азбуки (со слогами и прописями), кратких сведений по русской, а иногда и греческой грамматике, сведений по арифметике и религиозно-нравственных поучений. Сохранилось более 200 списков азбучников.

...в *приход<ском> училище*... — Приходское училище — начальная школа при церковном приходе.

С. 392. ...*хотя корни учения горьки, но плоды оного сладки*... — «Корень учения горек, а плоды его сладки» — эти слова, по сообщению античного писателя и историка Диогена Лаэртского, принадлежат великому философу Древней Греции Аристотелю. Иносказательно: поощрение человека, который усердно учится. (Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005. С. 365).

Коллежский ассессор — гражданский чин VIII класса «Табели о рангах».

С. 392—393. ...*начал приступить к своей речи*... — Здесь: приступить — вступление, введение, начало.

С. 393. ...*должность экзекутора*. — Экзекутор (от лат. *exsecutor* — исполнитель) — в Российской империи должностное лицо, осуществляющее принудительное исполнение решений судов по гражданским делам, мировых соглашений, приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам в части имущественных взысканий.

Хоть бы тебя за книгу пригодили хорошенько. — Пригодить — вероятно, производное от существительного «пригода»: «потреба, польза к чему» (Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806—1822. Ч. 4. С. 293).

...*сухая атмосфера капризной, бестолковой схоластики*... — Схоластика (от греч. *σхоλαστικός* — учёный, школьный; *Scholē* — школа) — метод познания, основанный на проверке истин веры логическим, рациональным путём. Здесь: «формальное знание, оторванное от жизни и практики, бесплодное умствование» (Словарь рус. яз.: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1981—1984. Т. 4. С. 318).

...*между листьями фолианта*. — Фолиант (заимствовано из нем. языка, где *Foliant* восходит к латинскому *folium* — лист) — толстая книга большого формата.

С. 394. *У одних девизом был Кошанский и риторика, а у других Франкёр и алгебра*. — Н. Ф. Кошанский (1781—1831), профессор Царскосельского лицея, автор

«Общей риторики» (СПб., 1829) и «Частной риторики» (СПб., 1832). П. А. Плетнёв в письме к Я. К. Гроту от 28 февраля 1848 г. так отзывался об этих учебниках: «Теперь по требованию министра пишу мнение о том, достойна ли Кошанского “Риторика” оставаться ещё учебною книгою в гимназиях. Улыбнись: я расхваливаю её, находя, что ежели уж нужно учиться риторике, то, конечно, лучше по дельной, умной, хотя и очень педантской книге Кошанского, нежели по глупой, бестолковой и обличающей прямое невежество, как у всех других» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетнёвым: в 3 т. СПб., 1896. Т. 3. С. 195). Л.-Б. Франкёр (1773—1849) — французский математик, член-корреспондент Петербургской академии наук, автор учебника «Cours complet de mathématiques pures», переведенного на русский язык (Полный курс чистой математики. СПб., 1827).

Схватил сын Феба за пучок... — «Кто знает, — пишет В. Я. Лакшин, — быть может, перед нами строки стихов самого Островского-гимназиста? Во всяком случае, и здесь, и когда автор очерка упоминает о споре между учителями древних и новых языков, и когда рассказывает о том, что начальник заведения был человек жестокий и подозрительный, в особенности в отношении тихих и робких учеников, — всё это передано с такой точностью подробностей и энергией личного чувства, что вряд ли могло быть написано лишь “по воображению”» (Лакшин В. Я. Александр Николаевич Островский. С. 26).

С. 395. *...в Косино, в Новый Ерусалим...* — Перечислены места русского паломничества. Косино — село под Москвой, где в Никольском храме находится икона Богородицы, которую в 1717 г. привёз граф Б. П. Шереметьев из Модены (Италия). Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (1656), по замыслу его основателя, патриарха Никона, должен являться копией храма Воскресения Христова в Иерусалиме.

С. 396. *...на Яким<анке>...* — Якиманка — район Москвы, в состав которого входит западная часть исторического Замоскворечья. Название происходит от одноимённой улицы, которая в свою очередь стала именоваться так от находившейся здесь церкви Иоакима и Анны (снесена в 1933 г.).

...экономка с богаделенкой... — Экономка — ключница, прислуга, домоправительница. Богаделенка — женщина, жившая в богадельне.

С. 397. *...по Пятницкой...* — Пятницкая улица зафиксировала название Пятницкой слободы Москвы, названной так по церкви Параскевы Пятницы (снесена в 1934 г.).

С. 399. *...сопьётся с кругу.* — С кругу спиться — пристраститься к пьянству. В очерке «Русская ресторация» Ф. Булгарин пишет: «Я не знаю в мире высшего несчастья, бедствия плачевнее, как спиться с кругу...» (Ф. В. Булгарин. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб., 1843. С. 45).

С. 401. *Тюфяк* — здесь: увалень и лентяй, тяжёлый и ленивый человек (Даль. Т. 4. С. 896).

Войлок — здесь: ленивый человек, лентяй, лентяйка (см.: Словарь рус. нар. говоров. Вып. 5. С. 33).

Башмак — см. комментарий на с. 685.

КУЗЬМА САМСОНЫЧ (ИЗ НАЙДЕННОЙ РУКОПИСИ)

Впервые опубликовано: Труды отдела новой русской литературы / под ред. Л. М. Лотман. М.; Л., 1948. С. 127—142.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22—39 об.

Печатается по ЧА с учётом современной орфографии и пунктуации и незначительными исправлениями по смыслу.

Вероятно, идея очерка связана с первоначальным замыслом «Двух биографий». После рассказа о жизни чиновника Зверобоева автор обращается к купеческой среде и предлагает читателю историю Кузьмы Самсоныча Тупорылова.

Работа над очерком началась после трансформации «Двух биографий» в очерк «Иван Ерофеич». В «Кузьме Самсоныче» активно используется прежний художественный материал: тема плохого воспитания, тема современной моды, образ Максимки, рассказ об азбуке, образ недоучившегося студента-репетитора. По замечанию Л. М. Лотман, в «Кузьме Самсоныче» Островский «отбросил мотив материальной заинтересованности и пародийный замысел, за счёт чего бытовой очерк приобрёл оттенки психологического» (Лотман Л. М. «Записки Замоскворецкого жителя» А. Н. Островского: (История и эволюция замысла) // Труды отдела новой русской литературы. С. 112). В конце рассказа главный герой знакомится с бедным учителем Х. Х., который открывает для него мир науки. Это обстоятельство предполагает благополучный финал, однако в «Примечании...» есть оговорка, что Кузьма Самсоныч и его верный друг Максимка (Максим Ферапонтыч) продолжают заниматься финансовыми аферами.

«Кузьма Самсоныч» имеет подзаголовок «Из найденной рукописи» и «Примечание нашедшего рукопись», что роднит его с «Иваном Ерофеичем». По всей вероятности, Островский намеревался доработать данный очерк и опубликовать его в составе «Записок замоскворецкого жителя». В то же время следует учесть, что очерк не был опубликован, а в дальнейшем превратился в черновой материал для драматических произведений. Например, положение Максимки в доме Тупорылова соответствует положению Тишки, Подхалюзина («Свои люди — сочтёмся!»), Глумова («На всякого мудреца довольно простоты»), Егорушки («Бедность не порок»); в образе Савы Титыча просматриваются черты Гордея Торцова («Бедность не порок»); ученье Максимки близко к истории Беневоленского («Бедная невеста»); «учёный» Пётр Иванович Смирнов предваряет характер Белогубова («Доходное место»).

С. 403. ...в среду на Масленице... — Масленица — народный праздничный цикл, сохранившийся у славян с языческих времён. Обряд связан с проводами зимы и встречей весны. В календаре Русской православной церкви этот период называется Сырной седмицей.

С. 404. Покровское — местность на западе Москвы, на правом берегу Москвы-реки. Известна как село с XVI в. После постройки в конце XVII в. церкви Покрова (сохранена по сей день) село стало официально называться Покровским.

...*Преображенского*... — Преображенское — местность на востоке Москвы, на левом берегу р. Яузы. Название происходит от бывшего села, известного с XVI в. как Собакина пустошь (владение Алексеевского монастыря, с середины XVII в. царская вотчина). После постройки церкви Преображения (XVII в.; не сохранилась) село стало называться Преображенским.

С. 405. *Конторщик* — младший служащий в конторе или другом учреждении по письменной части.

...*в приходское, а потом в уездное училище*... — Уездное училище — повышенная начальная школа, вторая (после приходского училища) ступень образования в России XIX в.

...*рацею сказывать*. — Рацея — длинное скучное наставление, рассуждение (Словарь рус. яз. Т. 3. С. 686).

С. 406. *Ах потока, потока! / Пареная потока!* — См. комментарий на с. 803.

С. 407. ...*потом прочёл часослов, а наконец псалтырь*... — Часослов — церковно-богослужбная книга, в которой излагается порядок общественного богослужения, а также содержатся тексты неизменяемых молитвословий суточного богослужбного круга (утрени, полунощницы, часов с междочасием, изобразительных, вечерни и повечерия), утренние чины и молитвы, последование возвышения панагии, благословение трапезы. Псалтырь, или Книга псалмов — одна из библейских книг Ветхого Завета (см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 38. С. 406; Т. 25. С. 659).

...*а на лбу делал хохол, или а ля кок*... — А ля кок (от фр. *à la coque*) — как петух, по-петушиному (Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов рус. яз. М., 2010. С. 258).

С. 408. ...*партикулярного платья*... — Партикулярный (от лат. *particulars* — частичный, частный) — невоенный, штатский, частный.

...*до пятого класса*... — «Согласно гимназического Устава от 8 декабря 1828 года гимназия состояла из семи классов; первые три имели во всех гимназиях одни и те же предметы и одинаковое распределение, а начиная с четвертого класса гимназии разделялись на классические (изучали один или несколько древних языков) и реальные (без изучения древних языков)» (Перцев В. В. Развитие гимназического образования в русской провинции второй пол. XIX — нач. XX века (на материалах Орловской губернии): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2006. С. 5).

С. 410. *Околоток* — см. комментарий на с. 824.

С. 411. ...*пару козырных*... — Козырные голуби — особая порода голубей, хохлатых и мохнатых. Упоминаются, например, в очерке И. Т. Кокорева «Сборное воскресенье» (1849): «Чистые, турманы красные и чёрные, козырные, двухохлые, махровые, тульские, гордые, трубастые, деликатные, огнистые, египетские дутыши, сизяки чинно посиживают в клетушках, ожидая покупателей» (Кокорев И. Т. Москва сороковых годов XIX века. М., 1959. С. 110).

Турманы одноплёкие. — Турман — см. комментарий на с. 786. Одноплёкий — голубь с чёрным пятном на одном боку (см. *Даль*. Т. 4. С. 607).

С. 412. «*За Уралом за рекой*» — народная песня уральских казаков (см.: *Смирдин М.* Песни для русского народа. СПб., 1859. Ч. 1. № 132. С. 159—160).

С. 413. ...*в Перово, на Конную, в Грузины*... — Перово — местность на востоке Москвы. Конная — вероятно, Конная площадь, на которой в XVIII—XIX вв.

располагался постоянно действующий конный рынок. Грузины — см. комментарий на с. 677.

И сделалась моя Матрёна / Ни Пава, ни Ворона... — Слова из басни И. А. Крылова «Ворона». Иносказательно: «о человеке, который отказался от привычного образа жизни, своего дела, от своих корней и не смог найти себя в новой жизни, новой сфере деятельности, в другом социальном окружении» (Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. С. 297).

С. 415. *«Bourgeois gentilhomme»* — «Мещанин во дворянстве», комедия в пяти актах Мольера и Ж. Люлли (1670). В России впервые поставлена в Санкт-Петербурге 25 января 1756 г.

...под ножницами Дени ~ Винтерфельд сшил... — Видимо, Островский перечисляет названия модных московских ателье. Как пишет В. А. Гиляровский, «половина лучших московских парикмахерских принадлежала французам, и эти парикмахерские были учебными заведениями для купеческих саврасов... Здесь они перенимали у мастеров манеры, причёски и учились хорошему тону, чтобы прельщать затем замоскворецких невест и щеголей перед яровскими певицами» (Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 2007. С. 210—211).

С. 417. *Жорж Санд* — Псевдоним Амандины Люси Авроры Дюпен, в замужестве Дюдеван (1804—1876), знаменитой французской писательницы. Идея о несправедливости социального неравенства была доминирующей в её романах.

Зам<оскворецкие> Лелии жалели его... — Лелия — героиня романа Жорж Санд «Лелия» (1833). Перед читателем представлен образ героической женщины, наделённой большой нравственной силой, ненарушимой чистотой, страстной готовностью к жертве, независимостью и бесстрашием.

А. А. Виноградов

<3. Ф. К-ъ>

(«Снилась мне большая зала...»)

Впервые опубликовано: Максимов С. В. Александр Николаевич Островский (из воспоминаний) // *Русская мысль*. 1898. Кн. 1. С. 17—19.

Автограф неизвестен.

Печатается по журнальному тексту.

Предположительно стихотворение было написано в начале второй половины 1840-х гг. По воспоминаниям С. В. Максимова, стихотворение было прочитано Островским на одном из «субботников» в квартире К. А. Булгакова, в альбом которого драматург записал текст. Чтение Островского, свидетелями чему были «Садовский, Мих. Ник. Лонгинов, скульптор Рамазанов, музыкант-композитор Дютш, остроумный Б. Н. Алмазов и отставной актёр Максин», как передаёт мемуарист, в нескольких местах прерывалось восторженными замечаниями Максина: «Прекрасно!»; «Живая картина!»; «Необыкновенная поэтическая картина»; «Превосходно!». Максимов приводит возможное название стихотворения, скрывавшего «истинное увлечение влюблённого» («“К ней” или “О ней”»), не называя при этом имени объекта влюблённости (Восп. С. 105, 106, 104). Как пишет Максимов в примечаниях к своим воспоминаниям, «во время молодости Ал. Ник. Островского»

«расцветала в девицах» «пятая» дочь Ф. А. Корша, которая могла быть героиней стихотворения и прототипом Марии Андреевны Незабудкиной в пьесе «Бедная невеста»: «Она» стихотворения Островского и его увлечшегося сердца принадлежала к интеллигентной семье, и в комедии, по толкованию его живых комментаторов, оказалась в семье небогатого чиновника, под именем Марьи Андреевны. Находилась «она» в очень схожих условиях жизни, как и дочь вдовы Незабудкиной» (Там же. С. 107). По мнению А. И. Ревякина, речь идёт о З. Ф. Корш, с братьями которой Островский был знаком «ещё по гимназии, а во второй половине сороковых годов посещал их дом» (Там же. С. 531).

П. И. Вейнберг сообщает, что это стихотворение было ему передано М. И. Писаревым и адресовано оно «некоей З. Ф. К-ъ» (*Вейнберг П. И. А. Н. Островский* (Биографический очерк) // *Просв.* Т. 10. С. XIII). Видимо, это утверждение Вейнберга стало причиной того, что издатели *ПСС-16* и *ПСС-12* сочли возможным назвать стихотворение данными инициалами.

В журнальной публикации текст поделён на пятистишия, соответствующие его строфике: автором рифмуются стихи 1, 2, 4 и 3, 5. Л. М. Лотман указывает на близость по стилю стихотворения Островского стихотворению В. Г. Бенедиктова «Вальс» (См.: *ПСС-12*. Т. 10. С. 606—607).

С. 421. *Кенкеты* — старинные лампы с горелкой ниже резервуара, наполненного маслом.

Визави — тот, кто находится напротив кого-л.

Неглижировать — пренебрегать, относиться к чему-нибудь без надлежащего усердия, внимания.

Ангажировать — приглашать даму на танец.

С. 422. *Гений дум* — властитель дум.

Н. Л. Ермолаева

<АКРОСТИХ> **(«Зачем мне не дан дар поэта...»)**

Впервые опубликовано: *Максимов С. В.* Александр Николаевич Островский (из воспоминаний) // *Русская мысль*. 1898. Кн. 1. С. 20—21.

Автограф неизвестен.

Печатается по журнальному тексту.

Стихотворение создано предположительно в начале второй половины 1840-х гг. Как вспоминает С. В. Максимов, этот акrostих был записан «в скромном и теперь уже потерянном альбоме» (*Восп.* С. 108).

По мнению А. И. Ревякина, стихотворение адресовано З. Ф. Корш (*Восп.* С. 531). Из первых букв каждого стиха складывается имя: Зенаида.

С. 422. *Акростих* — стихотворение, в котором начальные буквы строк составляют какое-нибудь слово.

Аврора — здесь: рассвет, заря, утренний свет.

Н. Л. Ермолаева

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ДАННОМ ТОМЕ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная писарская копия.
БА — беловой автограф.
ПК — писарская копия.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЧА — черновой автограф.
ЧН — черновые наброски.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГЛМ — Государственный литературный музей.
ГТБ — Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов.
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
МТ — Спецбиблиотека Государственного академического Малого театра.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (до 1992 — Центральный государственный...).
РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (до 1992 — ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина).
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская национальная библиотека.
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы (до 1993 — ЦГИАМ).

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
ИБ — журнал «Исторический вестник».
МГЛ — газета «Московский городской листок».
М. вед. — газета «Московские ведомости».
Москв. — журнал «Москвитянин».
Музык. и театр. вестн. — журнал «Музыкальный и театральный вестник».
НВ — газета «Новое время».
ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Пб. газета — газета «Петербургская газета».
Пб. листок — газета «Петербургский листок».
Петерб. вед. — газета «Петербургские ведомости».
РВ — журнал «Русский вестник».
Рус. беседа — журнал «Русская беседа».
Рус. вед. — газета «Русские ведомости».
Рус. газета — газета «Русская газета».
Рус. инвалид — газета «Русский инвалид».
РСл. — журнал «Русское слово».
Совр. — журнал «Современник».
СПбВед. — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Барсуков — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. 2-е изд. СПб.: А. Д. и П. Д. Погодины, 1888—1910.
БСЭ — Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова, Н. К. Байбакова и др. М.: Совет. энцикл., 1970—1978.
Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма: Из собр. Гос. театр. музея им. А. А. Бахрушина. М.; Пг., 1923.
Вольф — *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров. В 11 ч. Ч. 3. СПб.: Тип. Р. Голике, 1884.
Восп. — А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1966.
Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882.
ИРДТ — История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1976—1979.
Кашин — *Кашин Н. П.* Этюды об А. Н. Островском: в 2 т. М.: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912.
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / под ред. А. А. Суркова. М.: Совет. энцикл., 1962—1978.
ЛН — Литературное наследство. Т. 88: А. Н. Островский: в 2 кн.: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1974.
Коган — *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Гос. изд-во культур.-просвет. лит., 1953.
Неизд. письма — Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932.
ПСС-16 — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.
ПСС-12 — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973—1980.
Просв. — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1904—1909.
Словарь к пьесам — *Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993.
ТЭ — Театральная энциклопедия: в 6 т. / под. ред. П. А. Маркова и С. С. Мокульского. М.: Совет. энцикл., 1961—1967.
ЭО — А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Авдеев М. В. 756, 760
 Аверкиев Д. В. 755, 819
 Аверьянов К. А. 685
 Адан А. 714
 Акилов П. Г. 777, 779, 780, 819
 Акимова С. П. 671, 703, 739, 744, 745, 770, 789, 802, 816
 Аксаков И. С. 658, 691, 754, 808
 Аксаков К. С. 658, 736, 737, 808, 812
 Аксаков С. Т. 811
 Алдонова Н. Б. 709
 Алкадов Н. 779
 Алмазов Б. Н. 657, 699, 735, 760, 791, 796, 834
 Алябьев А. А. 824
 Андреев-Бурлак В. Н. 703
 Андрейчикова О. И. 703
 Анисе-Буржуа О. 828
 Анненков Н. Н. 694
 Анненков П. В. 754, 767, 768
 Аполлонский Р. В. 720
 Арапов П. Н. 777
 Аристотель 830
 Ашукин Н. С. 837
 Баженов А. Н. 740, 744, 776, 817
 Баженов В. И. 683
 Бальзак О. де 713
 Баратынский Е. А. 714
 Барсуков Н. П. 658, 665, 682, 697, 726, 727, 739, 837
 Бахтин В. 804
 Безобразов П. 723
 Белинский В. Г. 667, 683, 713, 733, 760, 828
 Белоруссов И. 801
 Беляев М. Д. 679, 682, 688, 823, 828
 Белякова Е. Н. 4, 663, 720, 725, 748
 Бенедиктов В. Г. 835
 Берг Н. В. 697, 709, 739
 Бестужев-Марлинский А. А. 679
 Бибииков М. П. 754
 Блудова А. Д. 754
 Бобовский 802
 Боборыкин П. Д. 772
 Богданов И. А. 674, 711
 Бойков С. Я. 710
 Боклевский П. М. 791
 Бороздина В. В. 703, 744, 745, 789
 Бороздина Е. В. 703
 Боткин В. П. 727, 773
 Бренко А. А. 696, 703
 Брокгауз Ф. А. 677, 683, 685, 824, 825, 833
 Булгаков К. А. 834
 Булгарин Ф. В. 712, 831
 Бурдин Ф. А. 665, 666, 670—672, 697, 702, 710, 741, 742, 750, 755, 756, 765, 770, 771, 773, 774, 788, 791, 792, 797, 802, 837
 Варламов А. Е. 824
 Варламов К. А. 746
 Варнеке Б. В. 703
 Васильев П. В. 703, 775, 779, 800, 818
 Васильев С. В. 671, 710, 739, 746, 770—773, 777, 789, 801, 816
 Васильева Е. Н. 739, 740
 Васильева М. В. 746, 776
 Вацууро В. Э. 673
 Вейнберг П. И. 835
 Верба И. П. 782
 Верстовский А. Н. 828
 Вильбоа К. П. 804
 Виноградов А. А. 4, 663, 687, 692, 801, 826, 834
 Виноградов В. В. 652, 653
 Виноградов В. И. 778
 Витнебен Н. П. 703
 Вознесенская 779
 Войналович Е. В. 732
 Волков А. А. 703
 Волков Н. Д. 825
 Волкова 802
 Волконский П. М. 694
 Вольф А. И. 771, 817—819, 837
 Вонлярлярский В. А. 675
 Воронова А. В. 801
 Воронова Н. П. 702
 Гарусов И. Д. 769

- Гвоздева А. Н. 673
 Гедеонов А. М. 753
 Гедеонов М. А. 670, 693, 698
 Гедеонов С. А. 753
 Федерштерн А. К. 670, 671, 710, 791
 Герцен А. И. 711, 810
 Гиероглифов А. С. 764, 765
 Гиляровский В. А. 834
 Гоголь Н. В. 674, 697, 699, 702, 721, 729
 Головина (Воронина) В. З. 697
 Гончаров И. А. 673, 695, 714, 792
 Горбунов И. Ф. 5, 6, 697, 703, 710, 770, 771, 791, 792,
 Горев-Тарасенков Д. А. 664, 673, 688, 693, 726
 Горчаков В. П. 824
 Горшенков С. И. 710
 Грановский Т. Н. 697, 767
 Греч Н. И. 712
 Григорович Д. В. 683, 712, 763
 Григорьев А. А. 657, 664—667, 698—700, 702, 709, 712, 718—720, 724—727, 729, 734—736, 741, 742, 748, 757, 758, 761, 765, 769, 770, 775, 777, 791, 793—796, 800, 801, 809, 811, 815, 816, 818, 821, 822,
 Григорьев П. Г. 710, 712, 770, 771, 802
 Григорьева В. А. 724, 725
 Гринченко Н. А. 693
 Громова П. К. 703, 741, 770, 771, 802, 817
 Грот Я. К. 831
 Гуляева Н. М. 703
 Давыдов С. И. 828
 Далматов В. П. 746
 Даль В. И. 674—678, 685, 704, 714, 747, 748, 783, 786, 828, 831, 833, 837
 Де-Рибас А. 703
 Дидро Д. 754
 Диоген Лаэртский 830
 Дмитриевский В. А. 816, 817
 Дмитриев М. А. 721
 Дмитриев Н. 774
 Дмитриева И. И. 679
 Дмитриевский В. А. 710
 Добровольский В. Н. 822
 Добролюбов Н. А. 653, 669, 700—702, 737, 763—766, 769, 799, 801, 811, 813
 Достоевский М. М. 765, 811, 813, 815
 Достоевский Ф. М. 684, 814, 816
 Дризен Н. В. 693
 Дружинин А. В. 671, 673, 700, 702, 708, 709, 712, 715, 729, 738, 759, 760, 763, 798, 799, 806, 810, 813, 816,
 Дубельт Л. В. 670
 Дубровский Н. А. 780
 Дудышкин С. С. 732—735, 760, 761, 795
 Дюбюк 780
 Дюбюк А. И. 791
 Дюма А. 713, 816
 Дютш О. И. 835
 Евгеньева А. П. 676, 830
 Екатерина II 683
 Елистратов В. С. 676—678
 Епишкин Н. И. 833
 Ермолаева Н. Л. 4, 663, 786, 835
 Ермолов 1-й 710
 Ермолов А. П. 697
 Ермолов П. А. 739
 Ерофеева О. А. 796
 Ефременко Э. Л. 749, 750, 753, 787, 803
 Ефрон И. А. 677, 683, 685, 824, 825, 833
 Жемчужников В. М. 795
 Живокини В. И. 703, 779
 Жорж Санд 417, 713, 834,
 Жуков В. Г. 828
 Жуков П. М. 712
 Жуковский В. А. 679, 714
 Жулева Е. Н. 710, 711
 Журавлёва А. И. 653, 654, 661, 733, 793, 815, 823
 Журин 746, 775
 Журин О. И. 686
 Забелин И. Е. 683, 824
 Загоскин М. Н. 652, 673, 674, 677, 678, 828
 Закревский А. А. 697, 698
 Захаров М. П. 684
 Зедергольм К. А. 753, 781
 Зедергольм К. К. 780, 781
 Зимин 802

- Зингер Г. Р. 781
 Зорина 775
 Зотов В. Р. 667, 668
 Зотов Р. М. 741, 758, 774, 776, 797, 818
 Зубков К. Ю. 4, 663, 672, 679, 711, 713, 714
 Зубов Н. Н. 775,
 Зубров П. И. 671, 703, 710, 746, 817, 818
 Зуев А. Н. 781
 Иванов Е. П. 804
 Иванова И. В. 814
 Кавалерова Е. М. 703, 739, 744, 816
 Кавос К. А. 828
 Канкрин Е. Ф. 674
 Капустин Н. В. 4, 663, 753, 792
 Карамзин Н. М. 678, 679, 828
 Каратыгин П. А. 770, 771
 Каратыгина А. А. 802
 Карзинкины 697
 Кармазинская М. А. 732
 Картамышев К. В. 778
 Кауэр Ф. А. 828
 Кафанова О. Б. 713
 Кашин Н. П. 6, 523, 540, 547, 617, 656, 664, 688, 691, 722—724, 751, 789, 790, 807, 808, 822, 837
 Кашина Т. И. 802
 Кашина Т. П. 739
 Кидаль А. А. 720
 Киреевский И. В. 658, 808, 809
 Кирсанова Р. М. 686, 687, 707
 Климовский 789
 Климовский Е. И. 801, 802
 Коган Л. 693, 694, 695, 839
 Козлова Н. В. 826
 Кок Поль де 713
 Кокорев И. Т. 677, 833,
 Колосов К. П. 710, 770
 Колосова А. И. 802
 Колядин О. — См. Рыжов А. И.
 Комашко Н. И. 830
 Кони Ф. А. 712, 727, 759, 797
 Корфом М. А. 694
 Корш З. Ф. 724, 725, 835
 Корш Л. Н. 724
 Корш Ф. А. 835
 Косицкая-Никулина Л. П. 739, 770—773, 778, 779, 802, 816, 817
 Кошанский Н. Ф. 393, 830, 831
 Краевский А. А. 5, 664, 667, 693
 Кремнёв А. А. 770
 Крживоблоцкий Я. 782
 Кривонос В. Ш. 697
 Кругликов С. 812
 Крылов В. А. 710, 776, 813
 Крылов И. 773
 Крылов И. А. 778, 834
 Кудрявцев П. Н. 758—761, 795, 796, 798
 Кукольник Н. В. 803
 Кульчицкий А. Я. 652
 Купцова О. Н. 712
 Курилов А. С. 659
 Курочкин Н. С. 776
 Кушелёв-Безбородко Г. А. 5, 655, 665, 669, 692, 701, 720, 721, 749, 753, 787, 792, 798, 807, 808
 Кюхельбекер В. К. 679
 Лазарев О. О. 802
 Лакшин В. Я. 7, 691, 697, 700, 725, 812, 831
 Лалу Ф. 829
 Лебедев Ю. В. 2, 4, 652, 656, 663, 731
 Левкеева Е. М. 702, 817—819
 Ленская М. Г. 779
 Ленский А. А. 779
 Ленский Д. Т. 712, 727, 825, 829
 Леонидов 775, 789
 Лермонтов М. Ю. 513, 528, 673, 720, 729
 Лешков В. Н. 693
 Лилеева А. И. 802
 Ленин А. М. 682, 683, 829
 Линовская Е. Д. 776
 Линская Ю. Н. 671, 701, 702, 741—743, 771, 775, 802, 817
 Лонгинов М. Н. 742, 834
 Лоран 828
 Лотман Л. М. 6, 417, 661, 679—681, 815, 816, 827, 828, 832, 835
 Лотман Ю. М. 675, 713
 Львова-Синецкая М. Д. 801, 816
 Люлли Ж. 834

- Максимов С. В. 6, 698, 725, 804, 812, 821, 834, 835
Максин 834
Малиновский Д. К. 697
Малиновский И. 697
Малов-Гра А. Г. 824
Малышев В. Н. 826
Марковецкий С. Я. 770, 771, 775, 802
Мартынов А. А. 826
Мартынов А. Е. 710, 741—744, 771, 774, 802, 817, 818
Мартынов Н. Г. 6, 692, 805, 808
Матвеев Е. А. 770
Матвеевский Н. 727
Медведева 789, 817
Медведева Н. М. 671, 816
Мей Л. А. 657
Мейербер Д. 748
Мелетинский Е. М. 822
Мельгунов Б. В. 709
Мельников-Печерский П. И. 676
Мешков Г. И. 829
Мещерские 697
Михайлов М. Л. 701
Михайлова А. И. 671
Михельсон А. Д. 685
Михельсон М. И. 678
Михновец Н. Г. 4, 663, 703, 822
Мичурин И. Ф. 686
Мичурина-Самойлова В. А. 720
Молодцов М. 786
Молчанов Ив. 786
Мольер Ж.-Б. 414, 697, 775, 834
Моро 780
Мочалов П. С. 825
Муравьев Н. Н. 696
Муратова К. Д. 6, 732
Назаров Н. С. 669, 688, 700, 745, 762, 764, 765, 798, 809, 810, 812, 814—817
Назимов В. И. 694, 696—698
Наполеон I 707, 748, 824
Натарова А. П. 671, 775, 802
Невежин П. М. 6, 7
Незелёнов А. И. 800, 801
Незнакомец — См.: Суворин А. С.
Некрасов Н. П. 668, 700, 701, 737, 762, 764, 765, 798, 812, 814
Некрасов Н. А. 5, 7, 652, 655, 667, 675, 709, 712, 810, 814—816
Немчинова Е. Д. 671, 739
Никитенко А. В. 673
Никифорова Н. Н. 802
Николай I 686, 693, 773
Никулина-Косицкая Л. П. 739, 770, 773, 778, 779, 802, 816, 817
Новосильцевы 697
Нордстрем И. А. 692, 695, 807
Носков 697
Овчинина И. А. 4, 7, 662, 663, 683, 725, 797, 837
Одоевский В. Ф. 655, 698
Ожегов С. И. 837
Ольгин Г. С. 710
Орлов А. И. 803
Орлов А. Ф. 694
Орлов А. (граф) 783
Орлова П. И. 770, 771, 774, 802
Оффенбах Ж. 710
Павел I 686
Павлов А. В. 653
Павлов Н. Ф. 766—768
Панаев И. И. 674, 711, 712, 714, 718, 731, 735, 736, 756, 757, 760, 777, 797
Парфений (инок) 811, 813
Патрушева Н. Г. 693
Пересопницкий Л. 779
Перцев В. В. 833
Пётр I 704, 707, 824, 825
Петрашевский М. В. 691
Писарев М. И. 6, 688, 695, 696, 703, 772, 819, 835
Писемский А. Ф. 657, 671, 698, 708, 710—712, 725, 726, 739, 757
Плавт Теренций 708
Плессен В. С. 804
Плетнёв П. А. 831
Погодин М. П. 657—659, 693, 697, 708, 715, 721, 722, 725—727, 739, 741, 750, 753, 788, 791—793, 837
Погосян Е. А. 413
Полевой К. А. 672, 736, 757

- Полтавцев К. Н. 739, 740, 744, 745, 779, 816, 817
- Поляков Н. 652
- Прадт де 824
- Протопопов А. П. 825
- Прохоров Е. И. 703, 732, 807
- Прохоров А. М. 837
- Прусаков В. В. 710, 741
- Пулята В. И. 819
- Пушкин А. С. 379, 380, 673, 696, 698, 711, 713, 714, 729, 804, 823, 824
- Рамазанов Н. А. 754, 791, 834
- Рамазанова О. А. 741, 817
- Раппопорт М. Я. 776, 814
- Раскин Д. И. 693
- Рассказов А. А. 744, 745, 770, 802
- Рашель Э. 792
- Ревякин А. И. 6, 654, 683, 692, 693, 696, 725, 835
- Резник А. М. 713
- Родиславский В. И. 800
- Россини Дж. 678
- Ростопчина Е. П. 697, 701, 726, 753, 806, 824
- Рыжов А. И. 810
- Рыкалова Н. В. 703
- Рябов П. Я. 710
- Сабурова А. Т. 739, 740, 770, 789
- Савина М. Г. 740, 778
- Саводник В. 720
- Садовская О. О. 746
- Садовский М. П. 802
- Садовский П. М. 287, 671, 672, 697, 703, 710, 739, 740, 743—745, 754, 770, 772, 773, 776, 777, 780, 789, 792, 793, 797, 798, 800, 801, 816, 817, 822, 834
- Сазонов Н. Ф. 778
- Салтыков-Щедрин М. Е. 803, 804
- Самарин И. В. 744, 745, 792, 801
- Самарин Ю. Ф. 691, 809
- Самойлов В. В. 746, 802, 817, 818
- Самойлов Н. В. 710, 797
- Сахаров И. П. 803
- Свербеев Д. Н. 825
- Селезнёва А. П. 720
- Семевский М. И. 664, 688—690, 731, 770, 823
- Семёнова В. В. 703
- Сенковский О. И. 712, 826
- Сергеев Антон 822
- Сергий Радонежский 704
- Серов А. Н. 7, 814
- Серов В. В. 812, 824, 830, 834
- Серова В. С. 820
- Синюхаев Г. Т. 802, 803, 804
- Скабичевский А. М. 769, 770, 801, 813, 814
- Скатов Н. Н. 653, 654
- Скриб Э. 815
- Славин А. И. 825
- Смирнов А. Е. 741,
- Смирнов И. К. 802
- Смирнова 802
- Смирнова Л. Н. 693, 821
- Соболевский А. И. 707, 784, 785, 802—804, 821, 822
- Соколов 746
- Соколов А. А. 778
- Соколов В. 710
- Соколов Г. 786
- Соколов М. Т. 710
- Соллогуб В. А. 697
- Соловьёв Н. И. 766
- Соловьёв Н. Я. 6, 7, 739
- Соловьёв С. П. 777
- Соловьёв С. М. 697
- Соловьёв С. Н. 825
- Сомов В. П. 748
- Сосницкая Е. Я. 741
- Станиславский К. С. 820
- Станюкович К. М. 780
- Стахович А. А. 816
- Степанов П. Г. 770, 772, 792, 801, 816, 817
- Степанов П. С. 741, 817, 818
- Степанова А. Д. 671
- Степанова Л. И. 678
- Стеркин Т. 696
- Стоюнин В. Я. 761
- Стрекалова В. 776, 778
- Стрелкова А. И. 779

- Стрельская В. В. 746
 Стрепетова П. А. 746, 780, 819
 Струйская Е. П. 746, 775, 776
 Суворин А. С. 746, 775
 Судовщиков Е. В. 766
 Сусаров 780
 Сухонин С. 694, 756
 Сушков Н. В. 755, 756
 Сытин П. В. 706
 Сю Э. 713
 Танеев П. И. 740
 Татаринов П. П. 713
 Теккерей У. 756
 Тимашев А. Е. 744
 Титов Н. А. 824
 Тихомиров В. В. 2, 4, 663, 804
 Толстой Л. Н. 698, 712, 814, 816
 Толстой Ф. М. 786,
 Тотубалин Н. И. 701
 Тройницкий А. Г. 695
 Тургенев И. С. 655, 656, 673, 682, 699,
 700, 702, 713, 727, 730—732, 735, 754,
 767, 773, 794,
 Турчанинов И. Е. 710, 789
 Успенский Г. И. 802
 Фалеев Л. П. 710, 770
 Фаркова Е. Ю. 696
 Федин Е. 777
 Фёдоров А. И. 830
 Фёдоров В. 710
 Фёдоров П. С. 695
 Федосюк Ю. А. 686, 782, 783
 Федотов А. Ф. 746
 Федотова Г. Н. 746
 Филиппов В. А. 6, 837
 Филиппов Т. И. 657, 658, 665, 699, 725,
 731, 755, 809, 810, 812, 816, 821, 822
 Филонова К. Г. 781
 Флёров С. В.
 Фоменко Д. О. 703
 Фон-Юнк А. 779
 Франкёр Л.-Б. 393, 830, 831
 Хлудова
 Холодов Е. Г. 7, 658, 781
 Хомяков А. С. 659, 664, 697, 754, 808,
 809, 812
 Цыганов Н. Г. 685,
 Черкасов Н. И. 739
 Черкасская Е. А. 804
 Чернец Л. В. 4, 663, 707
 Чернышевский Н. Г. 699, 700, 713, 736,
 760, 795, 796, 798, 799, 810
 Читау А. М. 741—743, 755, 756, 758,
 770, 771, 774, 775, 797, 802, 817, 818
 Шанина Д. С. 793
 Шевалье 712
 Шейн П. В. 804
 Шекспир У. 679, 701,
 Шелгунов Н. В. 701
 Шелгунова Л. П. 701
 Шелихова А. С. 741
 Шепелёв Л. Е. 686, 713, 825
 Шереметьевы 697
 Ширинский-Шихматов П. А. 694
 Шляпкин И. А. 812
 Шпилевский П. М. 743, 775
 Штуцман С. И. 828
 Шуберт А. И. 743—745
 Шумский С. В. 739, 744, 745, 770, 772,
 792
 Щелкова 775
 Щепкин М. С. 703, 754, 774, 789, 792,
 801
 Щепкин Н. 715, 716, 721,
 Щербина Н. Ф. 794
 Эдельсон Е. Н. 689, 703, 718, 719, 759,
 761, 791, 794, 796, 811, 813,
 Юрьев С. А. 813, 820
 Яблочкин А. А. 797, 802
 Якушкин П. И. 802, 811, 821, 822

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Семейная картина». Последняя страница писарской копии с автографом А. Н. Островского (ИРЛИ)	21
«Записки замоскворецкого жителя». Московский городской листок. 1847. 3 июня	33
«Записки замоскворецкого жителя». Страница авторской рукописи (ИРЛИ)	35
«Свои люди — сочтёмся» («Банкрот»). Первая страница авторской рукописи (ИРЛИ)	59
«Бедная невеста». Страница чернового автографа (ИРЛИ)	161
«Бедность не порок. Страница авторской рукописи (ИРЛИ)	291
«Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг». Первая страница авторской рукописи (ИРЛИ)	383

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
СОЧИНЕНИЯ	9
Семейная картина.....	11
Записки замоскворецкого жителя.....	31
Свои люди — сочтёмся!	45
Утро молодого человека	113
Неожиданный случай.....	127
Бедная невеста.....	153
Не в свои сани не садись	239
Бедность не порок	287
Не так живи, как хочется	339
ПРИЛОЖЕНИЯ. ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	375
Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг	378
<Очерки Замоскворечья>	387
<З. Ф. К-ъ> («Снилась мне большая зала...»)	421
<Акрости> («Зачем мне не дан дар поэта...»)	422
Семейная картина.....	423
Записки замоскворецкого жителя.....	440
Свои люди — сочтёмся!	450
Неожиданный случай.....	499
Бедная невеста.....	508
Не в свои сани не садись	592
Бедность не порок	607
Не так живи, как хочется	616
КОММЕНТАРИИ	651
<Вступительная статья к комментариям>	652
Семейная картина.....	664
Записки замоскворецкого жителя.....	679
Свои люди — сочтёмся!	687
Утро молодого человека	708
Неожиданный случай.....	715
Бедная невеста.....	720
Не в свои сани не садись	748
Бедность не порок	787
Не так живи, как хочется	805
Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг	823
<Очерки Замоскворечья>	827
<З. Ф. К-ъ> («Снилась мне большая зала...»)	834
<Акрости> («Зачем мне не дан дар поэта...»)	835
Условные сокращения, принятые в данном томе	836
Указатель имён	838
Список иллюстраций	844

Научное издание

Островский Александр Николаевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
Том 1

Редакторы тома:

Лебедев Юрий Владимирович, Овчинина Ирина Алексеевна,
Тихомиров Владимир Васильевич

Подписано в печать 25.10.2018. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 53. Тираж 300 экз.
Заказ 8863/18.

ООО «Костромаиздат». 156000, Кострома, ул. Горная, 20а.
ООО «ИПК Парето-Принт». 170540, Тверь, Боровлево 1.

